САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ
КАФЕДРА ИСТОРИИ СРЕДНИХ ВЕКОВ

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ СРЕДНЕВЕКОВОГО ОБЩЕСТВА

Материалы XLV всероссийской научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Курбатовские чтения» (5–7 ноября 2025 г.)

Издание осуществлено при поддержке
Проекта «Европейское наследие»

СКИФИЯ
принт

Санкт-Петербург
2026

УДК 94
ББК Т3(0)4я431(2Р)
П78

Редакционная коллегия:
д.и.н., проф. *А.Ю. Прокопьев* (отв. редактор),
к.и.н., доц. *М.И. Дмитриева*,
к.и.н., доц. *Е.В. Кулешова*
к.и.н., доц. *Д.Н. Старостин*
к.и.н., доц. *Терентьева Е.А.*
к.и.н., доц. *Н.А. Бережная*
д.и.н., доц. *Е.А. Мехамадиев* (отв. секретарь)

П78 **Проблемы истории и культуры средневекового общества**. Материалы XLV всероссийской научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Курбатовские чтения» (5–7 ноября 2025 г.). : Сборник / Под ред. А.Ю. Прокопьева. СПб.: Издательство Скифия-принт, 2026. — 774 с.

ISBN 978-5-00197-226-6

УДК 94
ББК Т3(0)4я431(2Р)
П85

ISBN 978-5-00197-226-6

© Авторы статей, 2026
© Скифия-принт (макет), 2026
© Проект «Европейское наследие», 2026

Оглавление

ВИЗАНТИЙСКИЙ МИР

Вахтина Е.А.
Византийские агиографические источники об Алипии Столпнике 10
Максимов В.Д.
К вопросу о значении термина архонт в «Чудесах св. Димитрия» в контексте славянской проблематики 20
Дробышев М.И.
Библейские герои в «Стратегиконе» Кекавмена и «Типике» Григория Пакуриана 31
Фролов Б.М.
Практика литературного патронажа в Византии: Иоанн Цец и семья Каматиров 43
Сустов Д.А.
От географии к политике: город и горожане в риторике Никиты Хониата 51
Галиев А.Р.
Роль сербов в гражданской войне 1341–1347 гг. в восприятии византийских писателей 60
Петрова П.В.
Византийский харистикариат: казус кельи Равдух XIV в. 70
Овчинников А.Ю.
Лука Нотара и его семья: трансфер знаний в византийском мореходстве XV в. 77

ОБРАЗ И ТЕКСТ

Горская А.Г.
Росомоны и анты в «Гетике» Иордана 86
Покрищук А.Ю.
Образ дарственного оружия в древнескандинавском обществе эпохи викингов по материалам древнеисландских саг 96
Садриев Т.И.
Образ Свейна Вилобородого в английском историописании конца XI — начала XII вв. 104
Блинова Ю.В.
Образ датского конунга Свена Вилобородого в “Gesta Danorum” Саксона Грамматика 116
Шкиль М.Д.
Как закалялся миф: «места памяти» и воображаемое пространство в строфической поэме «Смерть короля Артура» 125

Фирсова Д.И., Коко-Маринетти Л.
Особенности художественных заказов в завещаниях XIV в. в Италии на примере завещания Франческо ди Гино Аццони от 28.07.1374 из национального архива г. Сиены 136
Кадакин Б.И.
Ренессанс и память: образ сражения на реке Шайо в Венгерском королевстве XV в. 147
Борисова Е.С.
Образ святого Вацлава как чешского патриота в «Венце святому Вацлаву» Эгидия Химмельштейна 157
Салахова А.И.
Истоки формирования политической концепции кардинала Ришелье в общественно-политической мысли Позднего Средневековья и раннего Нового времени 164
Ершов А.Р.
Как парижане реагировали на осаду столицы в ходе Фронды: общественные настроения в Париже в январе — апреле 1649 г. по материалам нарративных источников и регистров Ратуши. 176

РОД, СЕМЬЯ И ДУХОВНЫЙ МИР

Майоров И.В.
Религиозная идентичность населения англосаксонских королевств в V–VII вв. на примере королевств Кента и Уэссекса. 186
Трефилов К.А.
Монашеское правило *Regula ad virgines* Цезария Арелатского: пространство монастырских ворот 193
Тимофеев А.О.
Образ «достойного сына» в *Vita Hludovici* Астронома 200
Косолапов Т.О.
«Кто обречён был смерти, тот смерти не избег»: реминисценция германо-скандинавской эсхатологии в «Песне о Нибелунгах». 210
Коваленко Г.С.
Эмоциональность и чувственность как часть куртуазного универсума в «Романе об Энее» 222
Капля К.А.
Бернар Клервоский в «Книге памяти» Эфраима бар Яакова из Бонна . 232
Филиппова А.И.
Родословные и пророчества как инструмент пропаганды Йорков в эпоху Войн Роз 239
Миняйло Т.Е.
«Мирская мудрость» и интеллектуальное «опрощение» на Западе и Востоке средневековой Европы (на примере текстов Франциска Ассизского и Иоанна Вишенского) 248

Тиханович Е.С.
Красота и здоровье византийской женщины: медицинские трактаты XI–XIV вв. 258
Ожирельев Н.В.
Историческая рецептурная модель в практиках врачевания: преемственность и изменения от Античности до Средневековья 264
Майданюк А.Р.
«Сборники греческой мудрости»: «новые» традиции в английском медицинском тексте XVI века 276

ИСТОРИК И ИСТОЧНИК

Богданова А.А.
«Больше исидорианец, чем сам Исидор»: труды Исидора Севильского в освещении Irish Studies 288
Колесник Н.В.
Король-полководец в германских хрониках X–XI веков: военное лидерство между риском и сакрализацией 295
Савельева А.Д.
Представления о пространстве Святой земли в итинерариях Антонио Ребольди из Кремоны и Франческо Пипино 302
Веретенникова А.Д.
«Книга о рыцаре Сифаре» как источник по идеологии и культуре рыцарства Кастилии и Леона конца XIII в. — начала XIV в. 309
Андропов Р.А.
Апология и легитимация власти Тевтонского ордена в «Хронике земли Прусской» Петра из Дусбурга в контексте немецкой колонизации Пруссии XIII в. — начала XIV в. 318
Арашкевичус Д.О.
Иоганн Фалькенберг. Противостояние Польши и Немецкого Ордена на Констанцском соборе 328
Захаров В.Е.
«Ex praeclarissimis rerum scriptoribus…» — попытка реконструкции воззрений одного гуманиста из Германии через анализ круга его чтения339
Антропов Д.С.
Бестиарные образы в католической и лютеранской визуальной полемике в начальный период немецкой Реформации 348
Рогов Р.К.
Competitorum regnum ab commoda и incommoda — источники о процессе выборов короля Речи Посполитой в бескоролевье 1573 г. . . 355
Панков А.П.
Разрушение репутации как средство информационной войны: образ Эрнста Петера Мансфельда в памфлете «Acta Mansfeldica» 369

Ерунов М.К.
Верность и вероломство: образы героя и антигероя в «Путевых записках» Томаса Карве 379
Гафуров С.О.
«Живым или мертвым»: место «Анналов» Кевенхюллера в дискуссии об убийстве Валленштейна в середине XIX в. 389

ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО. ПРАВИТЕЛИ И ИНСТИТУТЫ

Зотов В.Д.
Все дороги ведут в Иерусалим: сравнительный анализ паломнических маршрутов в ранневизантийский и средневизантийский периоды 402
Поляков С.К.
Участие норманнских прелатов в боевых действиях в Англии в эпоху Вильгельма Завоевателя (1066–1087) 410
Малетин А.В.
Историографический аспект проблемы титула Готфрида Бульонского как правителя Иерусалимского королевства 421
Зарюта Д.А.
“Burgenses” в коммунах Северной Франции эпохи премодерна 428
Воробьев А.В.
Органическая теория государства Иоанна Солсберийского в контексте событий «Английской анархии» XII в. 436
Киселёв Н.А.
Система наказаний в древнеисландском своде законов «Серый гусь»: правовые и социальные аспекты 446
Бутяев Н.Д.
Архитектурный и урбанистический примат, главенство Рима над Иерусалимом в скандинавских средневековых итинерариях XII–XIII вв.454
Зубов Д.Д.
Мир, согласие и единство: коммунальная риторика в «Истории Наваррской войны» Гильома Анелье. 462
Харлашкин М.И.
Каструччо Кастракани — синьор Лукки (по хронике Джованни Виллани) 469
Вялкова Ю.С.
Понятийный аппарат Флорентийской республики периода XV — первой трети XVI в. как маркер кризиса республиканизма 478
Павлов К.В.
Флорентийская дипломатия эпохи Итальянских войн перед неразрешимым кризисом: Франческо Гвиччардини и понтифики дома Медичи 487

Нечаев П.В.
Некоторые представления о «республике» в Испании конца XVI — начала XVII в. 500
Шумский М.Р.
Регионализм и этнополитические процессы Британиив трудах британских антикваріев XVI–XVII вв. 509
Потрашков Д.
К вопросу о французской политике территориальных «воссоединений» после Нимвегенского мира 1678 г. 520
Камнев С.А.
Понятие феодальной системы в исторических сочинениях Д. Юма и У. Робертсона 534

ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО. СОЦИАЛЬНЫЕ СТРУКТУРЫ

Старцев Н.И.
Клюни в системе сеньориальных отношений: начальный период истории бургундского аббатства по источникам первой половины X в. 544
Богомолов М.С.
Конфессиональные факторы в борьбе за власть в Чешских землях в X–XI вв. 550
Перепёлкин А.Ю.
Борода Балдуина де Бурка: латиноязычные и восточные авторы о порядках и нравах франков-крестоносцев на Святой земле 557
Масленников С.В.
«Крестоносный дух» и «разум пуленов». Особенности восприятия мусульман среди франков в Леванте 567
Меньшиков Ю.Д.
Reges paganorum: последние Арпады и половцы в имперской хроникальной традиции второй половины XIII в.. 577
«Книга о рыцаре Сифаре» как источник по социальной истории 589
Куркович М.Д.
Взгляд флорентийского хрониста на истоки англо-французского конфликта: предыстория Столетней войны в хронике Джованни Виллани 599
Чернявская В.В.
Гунны, венгры и австрийцы: создание нарратива об образовании государств в Центральной Европе эпохи раннего Средневековья в сочинении «Австрия» Иоганна Куспиниана 609
Кравченко К.И.
Бременская делегация на синоде реформатских церквей в Дордрехте (1618–1619): проблема двойного предопределения 617

Папагригориу А.Г.
Профессия палача в Германии раннего нового времени: дневник майстера Франца из Нюрнберга 629
Козлова Д.И.
Реформа образования в Ангальт-Кётене: влияние культурной пропаганды на становление княжеского абсолютизма в начале XVII в. 638

СИМВОЛЫ, РИТУАЛЫ, ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ

Князева А.Д.
К вопросу присутствия Иакова Старшего, покровителя паломников, на Деисусе тимпана XIII века гробницы Доминго Йаньеса в кафедральном соборе Леона 650
Нордман П.С.
От Сито к Самбии: роль Цистерцианского ордена в генезисе готической архитектуры Пруссии в XIII–XIV вв. 656
Бакуменко В.В.
«Визуальная интертекстуальность»: басни Эзопа как часть иллюстративной программы композитных французских манускриптов XIV–XV вв. 666
Григорьев М.А.
Рукописное книжное ремесло как локус взаимодействия в интеллектуальной среде Флоренции первой половины XV в. 677
Кузьмина В.А.
Эней Сильвий Пикколомини и его сочинения в культуре Кватроченто . 683
Коровенкова Е.В.
Федерико да Монтефельтро и его двор как центр ренессансной культуры Италии. 693
Легостаева Д.А.
Анджело Полициано и его “Miscellanea” в придворной культуре Флоренции конца XV в. 701
Якина Е.Р.
Визуальный тип «Мадонна лунного серпа» в искусстве гравюры Германии накануне Реформации: специфика, значение и функции . . . 713
Кузнецова К.А.
«Христос Евхаристии»: становление и развитие иконографии в XVI в. 729
Кузнецова К.А.
Трансформация валенсийского ретабло в контексте Контрреформации и проблемы морисков 744
Благинина А.М.
Образ Другого: крестьяне в живописи Питера Брейгеля Старшего . . . 759
Врионакис Е.Х.
Створки с жертвователями из собрания Государственного музея истории религии в Санкт-Петербурге: особенности атрибуции 767

Византийский мир

УДК 94

Вахтина Е.А.
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», факультет гуманитарных наук,
Институт классического Востока и античности,
студент магистратуры.
E-mail: eavakhtina@edu.hse.ru

Византийские агиографические источники об Алипии Столпнике

Аннотация. Статья посвящена сравнительному анализу четырех византийских житий Алипия Столпника и выявлению их взаимосвязей. Особое внимание уделяется методам работы трех поздних авторов (Антоний, Симеон Метафраст, Неофит Затворник) с источником и их повествовательным техникам.

Ключевые слова: византийская агиография, метафразирование, Алипий Столпник.

Vakhtina E.A.
National Research University “Higher School of Economics”,
Faculty of Humanities, Institute for Oriental and Classical Studies,
Master’s program, Student.
E-mail: eavakhtina@edu.hse.ru

Byzantine Hagiographical Sources on Alypios the Stylite

Abstract. The article is devoted to a comparative analysis of four Byzantine Lives of Alypius the Stylite with an attempt to identify their interrelations. Particular attention is paid to the methods of three later authors (Antonios, Symeon Metaphrastes, and Neophytos the Recluse) in working with the source material and their narrative techniques.

Keywords: Byzantine hagiography, metaphrasis, Alypios the Stylite.

Алипий Столпник — византийский святой VI–VII в., живший в городе Адрианополь (провинция Пафлагония). Как рассказывает его житие[1],

[1] Синопсис приводится по тексту древнейшего жития Алипия BHG 65 [1]. Здесь и далее приводятся номера текстов по инвентарю BHG (Bibliotheca Hagiographica Graeca).

еще до рождения святого матери Алипия приснился сон, предсказывающий его дальнейшую праведную жизнь. С детства Алипий был отдан на воспитание епископу Феодору, который позже рукоположил его в диаконы и назначил экономом. Позднее, оставив все свое имущество, святой отправился в паломничество на восток, сообщив о своем решении только матери, но в дороге его догнал адрианопольский епископ и убедил вернуться. Однажды, когда Алипий сопровождал епископа в Константинополь, ему явилась святая Евфимия и призвала вернуться домой; по возвращении на родину Алипий построил в ее честь храм. В возрасте 30 лет Алипий поселился в уединении недалеко от города; сначала он 2 года жил в небольшой келье на кладбище, но после, докучаемый постоянными посетителями, взобрался на колонну, где простоял 53 года. И в келье, и на колонне, на святого нападали демоны, кидавшие в него камни, но в итоге они были вынуждены бежать, сокрушенные стойкостью и молитвами святого. Около колонны святого возникли 2 монастыря (мужской и женский), а также община затворников. В 85 лет у святого отказали ноги, и последние 14 лет жизни он пролежал на боку. Впоследствии многие вылечивались у мощей святого.

Всего известно 4 пространных византийских текста об Алипии Столпнике. Самый ранний текст — житие BHG 65, вероятно, составленное как надгробная речь[2]: автор утверждает, что был поздним учеником Алипия и сам видел большинство чудес, описываемых им в конце текста[3]. Текст жития сохранился в шести рукописях, датируемых X–XIII вв[4]. и содержится в издании H. Delehaye, *Les saints stylites*, Subsidia hagiographica 14 (Bruxelles, 1923), 148–169 [5].

Еще одно житие — BHG 64, входящее в состав Минология Симеона Метафраста[5], создававшегося в середине X в. Композиционно и содержательно метафрастовское житие практически полностью повторяет древ-

---

[2] Возможно, текст изначально представлял собой надгробную речь (произнесенную один раз по случаю погребения), а позже был переработан в житие, вероятно, для ежегодного использования в день памяти святого [2, s. 380].

[3] Было выдвинуто предположение, что автор даже фигурирует в самом тексте как второстепенный персонаж [3].

[4] Сведения о количестве рукописей, их датировках и пр. приводятся на основе базы данных Pinakes: Textes et manuscrits grecs (Institut de recherche et d'histoire des textes, Paris) [4].

[5] Подробнее о Минологии см. [6].

нее житие. Текст содержится в издании H. Delehaye, *Les saints stylites*, Subsidia hagiographica 14 (Bruxelles, 1923), 170–187 [5].

Самый объемный текст — BHG 66d, составленный, судя по заголовку, неким представителем столичного духовенства по имени Антоний. Антоний не известен нам по другим источникам, мы не знаем, написал ли он еще какие-либо тексты [7, p. 168]. Сохранилось 2 неполных рукописи этого произведения[6], датируемые XI–XII вв. Текст был найден и опубликован позже остальных трех и содержится в издании F. Halkin, *Inédits byzantins d'Ochrida, Candie et Moscou*, Subsidia hagiographica 38 (Bruxelles, 1963), 170–208 [7].

Наконец, самый поздний текст — BHG 66, озаглавленный как энкомий, написанный Неофитом Затворником, автором XIII в. Текст сохранился в единственной рукописи (возможно, являющейся автографом [5, p. lxxxi]) и содержится в издании H. Delehaye, *Les saints stylites*, Subsidia hagiographica 14 (Bruxelles, 1923), 188–194 [5].

Во всех четырех пространных текстах об Алипии дается примерно один и тот же набор эпизодов из жизни святого. Различия между текстами во многом могут быть объяснены жанровыми особенностями текстов. Так, в древнем житии последовательно приводятся факты биографии святого с небольшими отклонениями от хронологии. Риторических элементов в тексте практически нет. Композиция и содержание метафрастовского текста практически полностью совпадают с древним житием, более поздний текст отличается лишь небольшой стилистической обработкой и актуализацией. Про текст Антония можно сказать, что он написан в смешанном жанре и сочетает в себе черты как жития, так и энкомия: в нем содержится некоторое количество повествовательных эпизодов, но намного большую часть текста занимают риторические элементы (риторические восклицания, вопросы, длинные цепочки однородных предложений и т.д.) и отвлеченные рассуждения автора. Текст Неофита представляет собой эпитому (сокращение) древнего жития и практически не содержит риторической обработки, что противоречит заявленному в заголовке жанру (энкомий)[7]. В конце эпитомы Неофит упоминает свою мать, скончавшуюся в тот же день, что и Али-

---

[6] Утрачено небольшое количество текста в конце [8, p. 52].

[7] Название текста является важным показателем жанра, поскольку с его помощью автор или, позже, переписчик «обобщенно» идентифицирует текст с самого начала [9, p. 25–26].

пий — вероятно, это совпадение и было поводом написания текста. Еще одна причина, по которой Неофит мог написать текст об Алипии, — восхищение биографией святого (которая во многом напоминает жизнь самого автора) [10, p. 102–105].

Теперь обратимся к фактологическому сравнению текстов для выявления их взаимосвязи[8]. Сначала стоит обратить внимание на несколько существенных расхождений между древним и метафрастовским житием. Во-первых, возраст святого в BHG 65 (древнее житие) и в BHG 64 (метафрастовское житие) сильно расходится: согласно древнему житию, святой простоял на колонне до 85 лет, затем у него отказали ноги, и последние 14 лет жизни он лежал на боку, то есть всего он прожил 99 лет [5, p. 167]; в тексте Метафраста говорится, что святой скончался в возрасте 85 лет, причем последние 14 он лежал на боку [5, p. 186]. Такая разница могла возникнуть либо из-за того, что Метафраст опирался на другой текст (или другую рукопись BHG 65, в которой могла содержаться ошибка), либо из-за неправильного понимания Метафрастом исходного текста. Во-вторых, в 10-й главе BHG 65 есть небольшая неточность в том, какая святая является Алипию во сне[9], так как при первом ее упоминании имя не указывается [5, p. 155]. В метафрастовском житии на этом месте указано имя [5, p. 177], что может быть обусловлено либо тем, что у Метафраста была более корректная в этом месте рукопись BHG 65, либо поправкой, внесенной непосредственно Метафрастом [5, p. lxxvii].

Автор BHG 66d опирается на BHG 65, дословно копируя оттуда некоторые выражения [7, p. 176, 37; 5, p. 149, 3–4 и т.д.], но чаще его текст ближе к тексту Метафраста [7, p. 174, 6; 5, p. 170, 18 и т.д.], что может говорить о взаимосвязи этих текстов. Характер этой взаимосвязи может быть разным, в зависимости от времени создания BHG 66d: с од-

---

[8] Помимо пространных текстов, также есть 2 краткие заметки, входящие в состав Константинопольского Синаксаря и Императорского Минология, и датируемые X и XII вв. соответственно. В силу своей краткости заметки не помогают в установлении взаимосвязи текстов агиографического досье Алипия: факты биографии, приводимые в них, совпадают со всеми житиями, а указания на точный возраст святого на разных этапах его биографии только больше запутывают, поскольку не совпадают ни с одним из четырех пространных текстов.

[9] Сомнения возникают в связи с тем, что Алипий в тот момент находился в мартирии святой Вассы, а явилась ему святая Евфимия.

ной стороны, поскольку текст Антония входит в состав рукописи дометафрастовского минология[10], можно предположить, что текст был написан раньше метафрастовского. В таком случае сходство между текстами объясняется тем, что Метафраст ориентировался на текст Антония при написании своего текста (но также в каком-то виде использовал древнее житие, поскольку состав эпизодов в житиях одинаков, а в энкомии сокращен). С другой стороны, поскольку самая ранняя сохранившаяся рукопись BHG 66d датируется XI в., мы не можем исключать вероятность, что тексты Метафраста и Антония были созданы независимо друг от друга примерно в одно время. В таком случае следует предполагать, что у Метафраста и Антония был какой-то общий источник (скорее всего, восходящий к древнему житию), из которого они и взяли повторяющиеся выражения [7, p. 169], что, впрочем, представляется маловероятным [11, p. 28].

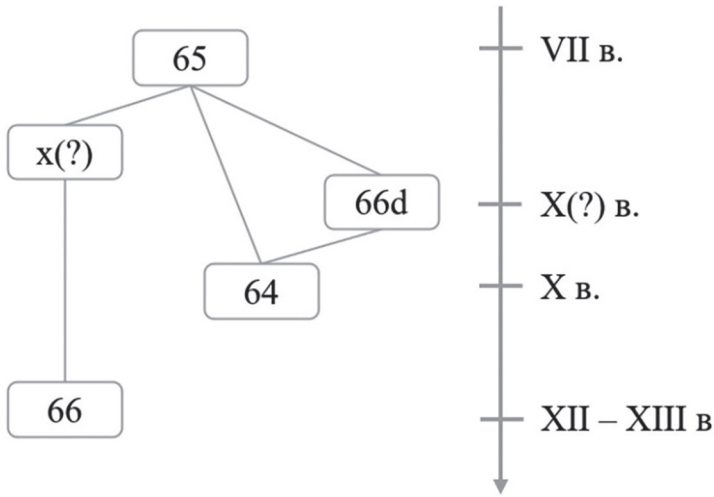
Текст BHG 66 представляет собой краткий пересказ жития святого. Поскольку эпизодов много, мы приходим к выводу, что автор мог опираться на одно из житий: либо на BHG 65, либо на BHG 64. По фактологическим деталям можно определить, что Неофит использует как источник BHG 65 (или его производную [5, p. lxxxi])[11]: возраст святого в BHG 66 (100 лет [5, p. 193, 10–12]) практически такой же, как в BHG 65 (в BHG 64 другой, см. выше); ни в BHG 65, ни в BHG 66 не упоминается перестройка храма св. Евфимии, которая упоминается в тексте Метафраста [5, p. 177, 17–20]; в обоих текстах (65 и 66) упоминается, что Алипию было 3 года, когда умер его отец [5, p. 149, 5–6; 5, p. 189, 3–4] (у Метафраста точного указания на возраст нет). Однако в BHG 66 не упоминается община затворников, о которой говорится в BHG 65 [5, p. 161, 10–15; 5, p. 163, 30–31], что странно, поскольку Неофит сам был затворником [10, p. 28]. Возможно, у Неофита перед глазами был переработанный вариант BHG 65 или испорченная рукопись, в которой отсутствовали упоминания о затворниках (если только мы не допускаем, что он мог осознанно опустить эту деталь).

---

[10] Примечательно, что других известных дометафрастовских минологиях за ноябрь Алипий упоминается, но в них не содержится этот текст [8, p. 58].

[11] По мнению Галатариоту, источником Неофита скорее был метафрастовский текст (BHG 64), однако часть ее аргументов ошибочна: она пишет, что в обоих житиях BHG 65 и BHG 64 святой умер в возрасте 85 лет [10, p. 28]. Но это не так, в тексте Метафраста и в древнем житии указания на возраст Алипия на момент смерти различается (см. выше).

Таким образом, наиболее вероятная схема взаимосвязи текстов следующая:

X — предполагаемый промежуточный текст между древним житием и текстом Неофита, который может быть причиной мелких расхождений в деталях между этими текстами при общей схожести (например, в первом тексте упоминается сестра святого Мария, в то время как в аналогичном моменте текста Неофита одноименная героиня названа сестрой его матери [5, p. 161, 25–26; 5, p. 192, 3–4]).

Итак, все 3 поздних автора в той или иной мере использовали древнее житие в качестве источника, но делали они это по-разному. Метафраст сохраняет практически все эпизоды из древнего жития, но немного сокращает их: например, обращение святого к колонне, встречающееся в обоих текстах, в BHG 64 вдвое короче, чем в BHG 65 [5, p. 154, 9–16; 5, p. 176, 26–29]. Часто сокращение объема достигается перефразированием с уменьшением количества слов (например, фраза «τῆς ἐλπισθείσης ὁδοῦ» («чаемого пути») [5, p. 152, 17] заменяется на фразу «τοῦ σκοπoῦ» («цели») [5, p. 174, 8]). Что-то Метафраст наоборот добавляет: например, он упоминает, что храм св. Евфимии, построенный Алипием, позднее был перестроен [5, p. 177, 17–20]. Вероятно, текст Метафраста рассчитывался на более просвещенного читателя: автор использует сравнения,

отсылающие не только к Библии, но и к античному наследию (в 20-й главе о тех, кто слышал пение затворников, говорится, что они «в реальной жизни подвергались воздействию, подобное которому описывалось в мифах о сиренах» [5, p. 184, 7–13]), и иногда опускает имена святых, с которыми сравнивается Алипий: так, в BHG 65 Стефан первомученик назван по имени [5, p. 159, 12], а в BHG 64 он упоминается, но не по имени [5, p. 180, 30], видимо, предполагается, что читатель и так поймет, о ком идет речь.

Повествовательно содержание текста Неофита тоже в основном повторяет BHG 65, но в сокращении: отсутствуют эпизоды, связанные со св. Евфимией, занимающие важную часть древнего жития: согласно тексту BHG 65, именно св. Евфимия первая «помазала святого на испытания добродетели» [5, p. 157, 24–29][12]. Можно говорить о стилистическом упрощении: в тексте используются повторяющиеся конструкции: «οὐ μὴν δὲ ἀλλὰ καὶ» [5, p. 189, 8; 5, p. 191, 2; 5, p. 192, 5], «οὗ γενομένου» [5, p. 192, 15–16; 28]. Также Неофит опускает длинные сравнения и монологи: например, в BHG 66 отсутствует «восхваление» колонны святого, которое встречается в BHG 65 и BHG 64 в виде обращения Алипия к колонне и даже в BHG 66d в виде размышлений от автора [5, p. 190, 35–60]. Так, все житие сводится к серии «противостояний» святого [10, p. 92]. Текст Неофита отличается от остальных психологизацией: например, в эпизоде с неудавшимся паломничеством Алипия в Иерусалим[13], в BHG 66 напрямую говорится об огорчении святого в связи с провалом его плана, в то время как в древнем житии не раскрывается, почему святой пренебрегает увещеваниями епископа[14].

Больше всего от остальной традиции отличается текст Антония (BHG 66d): как уже упоминалось, это единственный текст, имеющий черты не только жития, но и энкомия. Так, начало текста следует тематической последовательности (родина святого, семья, детство и т. д.), характерной для жанра жития, но также являющейся требованием теории рито-

---

[12] Остается только упоминание о постройке святым храма св. Евфимии [5, p. 191–192, 38–3], но при этом совершенно не поясняется, почему храм был посвящен именно ей.

[13] Здесь мы наблюдаем еще одно интересное фактологическое расхождение в традиции, о котором будет подробнее сказано ниже.

[14] Психологизация в этом эпизоде может быть объяснена тем, что Неофит, вероятно, проводит параллель между биографией святого и собственной жизнью [10, p. 103].

рики. Характерной чертой энкомия здесь является использование этих элементов в качестве повода для восхваления города, предков и т.д. [7, p. 174–175 (глава 4)], тогда как в житиях о них, как правило, сообщается без дальнейшего усиления [9, p. 47]. Далее в тексте приводится описание жизни Алипия, но повествовательные элементы занимают заметно меньший объем произведения, чем различные риторические приемы (отступления относительно добродетелей святого, сравнение с персонажами из Священного Писания [7, p. 188, 33–50], риторические вопросы [7, p. 201, 10–13; 7, p. 204, 1–30]). За счет риторических элементов, скорее дополняющих, чем расширяющих повествование, текст при меньшей информативности получается объемнее своего источника (примерно 67,3 тыс. знаков в сравнении с 46,3 тыс. знаков в древнем житии). Вместо изложения биографии святого текст Антония изобилует многостраничными риторическими фигурами и сравнениями Алипия с героями Священного Писания (этому целиком посвящена 23 глава BHG 66d, в которой святой сравнивается с Иовом, Вавилонскими отроками, пророком Даниилом, апостолом Павлом и первомучеником Стефаном [7, p. 205–208]) и историческими личностями (с Диогеном [7, p. 192, 17–35]).

Хорошо методы переработки источника Антонием видны в уже упоминавшемся эпизоде с неудавшимся паломничеством Алипия на восток, в котором адрианопольский епископ уговаривает Алипия вернуться на родину: сначала святой этого делать не хочет, но в итоге соглашается благодаря божественному знамению [5, p. 151–152; 7, p. 184].

В первую очередь бросается в глаза отсутствие повествовательных подробностей в тексте Антония (в древнем житии сообщается о беспокойстве адрианопольцев из-за ухода Алипия и о том, как и где его нашли — в BHG 66d все это опущено). Затем проявляются разные аспекты риторической обработки: с одной стороны, мы видим отвлеченное дополнение от Антония в BHG 66d: рассуждения о святых местах занимают большую часть текста, чем в источнике. С другой стороны, увеличение объема достигается риторизацией: там, где в BHG 65 используется всего одно слово «ἀμέλει» («пренебрегает»), в BHG 66d написано целое предложение со сравнением: «…ὁ δὲ δίκαιος τούτοις μὲν πλέον ἄκαμπτος ἦν ἅπαξ στερροποιήσας τοὺς ἑαυτοῦ λογισμοὺς ἢ σίδηρος ἐωθιναῖς αὔραις βαλλόμενος» («а праведник оставался непреклонен к этим [увещеваниям], однажды утвердив собственный разум как железо, закаляемое утренними ветрами»).

Если говорить о тексте в целом, Антоний опускает практически все подробности биографии Алипия, чем заметно упрощает систему пер-

сонажей: в тексте отсутствуют эпизоды, связанные с матерью святого[15] и общинами монахов, образовавшимися у его колонны, а также эпизоды с участием св. Евфимии (занимающие примерно треть всего объема текста-источника (BHG 65)). Едва ли можно объяснить выбор сокращенных (или же наоборот, оставленных в тексте) эпизодов желанием Антония проявить свои познания в богословии и риторике или его неспособностью сделать это в тех местах повествования, которые не вошли в энкомий [13, p. 8]. Скорее эти сокращения приводят к преобразованию психологического портрета героя. Так, например, в текстах BHG 65 и BHG 64 описывается большое количество эпизодов, в которых Алипий получает знамения о том, что ему следует делать, но эти эпизоды практически полностью отсутствуют в текстах Неофита и Антония: если в одном случае святой принимает решения при помощи внешних ориентиров, то в другом случае он это делает самостоятельно. Еще одно важное различие между агиографическими источниками об Алипии — в житиях говорится, что святой собрался уйти на восток (без указания конкретного места), в то время как Антоний и Неофит уточняют, что Алипий отправляется именно в Иерусалим. Более того, исследователи древнего жития считают, что целью паломничества Алипия была Сирия [14, s. 340–341]. Такое предположение основывается на параллелях, усматриваемых между житием Алипия и житием его предшественника, Симеона Столпника[16] [14, s. 345]. Возможно, более поздние авторы уже не видели необходимости в выстраивании преемственности между Алипием и другими столпниками, поэтому для них более вероятным местом паломничества героя казался Иерусалим.

По результатам фактологического сравнения текстов можно сделать следующие выводы: BHG 65 — самый ранний текст, написанный предположительно одним из поздних учеников святого, вероятно, на основе монастырского предания. Остальные 3 текста используют как основу BHG 65 или его несохранившиеся производные. Неофит, с одной стороны, со-

---

[15] В статье Питера Хэтли сравнивается образ матери святого в BHG 66d и BHG 65 с ожидаемым выводом, что в древнем житии этот образ играет более важную роль. Однако Хэтли, перепутав жития, ошибочно заключает, что Метафраст развивает образ матери по сравнению с дометафрастовской версией (на самом деле Метафраст копирует его из BHG 65, а Антоний, опираясь на тот же источник, упрощает этот образ) [12, p. 50].

[16] Парадоксально, что ни Симеон, ни другие столпники не упоминаются в агиографических источниках об Алипии [14, s. 341].

кращает и упрощает источник, сохраняя только самые важные события из жизни святого без отступлений, а с другой стороны, добавляет психологизацию. Основной принцип работы Метафраста в случае с BHG 64 — переписывание текста-источника с небольшими сокращениями и повышением стилистического регистра. Антоний, в отличие от остальных текстов, оставляет лишь небольшую часть биографической информации об Алипии, при этом упрощая систему персонажей, тем самым преобразуя психологический портрет героя (он становится более независимой фигурой). Другая особенность текста Антония — большое количество не повествовательных, а риторических элементов.

Список источников и литературы

1. *Halkin F.* Bibliotheca hagiographica graeca. Bruxelles, 1957.
2. *Pratsch T.* Der Hagiographische Topos. Berlin, 2005.
3. The Greek *Life of Alypios the Stylite* (stylite and monastic founder of Hadrianopolis, ob. early 7th c., S02437). With full first English translation. URL: http://csla.history.ox.ac.uk/record.php?recid=E07158
4. URL: https://pinakes.irht.cnrs.fr/
5. *Delehaye H.* Les saints stylites. Bruxelles, 1923.
6. *Høge C.* Symeon Metaphrastes: Rewriting and Canonization. Copenhagen, 2002.
7. *Halkin F.* Inédits byzantins d'Ochrida, Candie et Moscou. Bruxelles, 1963.
8. *Halkin F.* Un manuscrit grec inconnu: le ménologe de Douai Abbey, près de Reading // Scriptorium. T. 7. No. 1. 1953. P. 51–58.
9. *Hinterberger M.* Byzantine Hagiography and its Literary Genres. Some Critical Observations // The Ashgate Research Companion to Byzantine Hagiography. Vol. 2 / Ed. S. Efthymiadis. London: Routledge, 2014. P. 25–60.
10. *Galatariotou C.* The Making of a Saint: The Life, Times and Sanctification of Neophytos the Recluse. Cambridge, 2004.
11. *Schiffer E.* Metaphrastic Lives and Earlier *metaphráseis* of Saint's Lives // Metaphrasis: Redaction and Audiences in Middle Byzantine Hagiography / Ed. Christian Høgel. Oslo, 1996. P. 22–41.
12. *Hatlie P.* Images of Motherhood and Self in Byzantine Literature // Dumbarton Oaks Papers. Vol. 63. Washington, 2009. P. 41–57.
13. *Florin F.* Pillar of the Communities: The Lives of Alypius the Stylite (MA Thesis in Medieval Studies). Budapest, 2015.
14. *Klingenberg A.* Die Vita des Alypios Stylites (*BHG* 65) und das Christentum im paphlagonischen Hadrianoupolis // Analecta Bollandiana. Vol. 141. Bruxelles, 2023. P. 334–358.

УДК 94(367)

Максимов В.Д.
СПб ГБПОУ «Петровский колледж», преподаватель.
E-mail: dovlsove@yandex.com

К вопросу о значении термина архонт в «Чудесах св. Димитрия» в контексте славянской проблематики

Аннотация. В статье анализируется содержание понятия «архонт» в «Чудесах св. Димитрия» в контексте славянской проблематики. Упоминания славянских архонтов весьма обрывочны и редки, когда как глава, посвященная протоболгарам Куверу и Мавру, содержит более показательные известия. Материалы византийских печатей позволяют справедливо экстраполировать содержание булгарских архонтов на славянских.

Ключевые слова: Чудеса св. Димитрия Солунского, политогенез, архонт, византийские печати архонтов, Мавр, Кувер.

Maksimov V.D.
Saint Petersburg Petrovsky College, Lecturer.
E-mail: dovlsove@yandex.com

To the Issue of the Term Archon in the Miracles of St. Demetrius in the Context of Slavic Studies

Abstract. The article analyzes the meaning of the term “archon” in the Miracles of St. Demetrius in the context of Slavic issues. References to Slavic archons are very fragmentary and rare, while the chapter dedicated to the Proto-Bulgarians Kuber and Mauros contains more revealing information. The materials of Byzantine seals allow us to extrapolate the meaning of Bulgar archons to the Slavic.

Keywords: The miracles of St. Demetrius of Thessalonica, politogenesis, archon, Byzantine seals of the archons, Mauros, Kuber.

В контексте истории раннего славянства проблема политогенеза является особенно дискуссионной и содержит в себе целый ряд спорных вопросов. Проблемы организации власти: путь вождества или приоритет народовластия; колонизации славянами Севера Балканского полуострова и взаимоотношений с империей; фактическая и формальная независимость от Византии или постепенное включение славянских политий

в состав имперской административной системы во многом решаются на материалах письменных источников. Наиболее информативными в данной проблематике оказываются сюжеты, упоминающие конкретную терминологию, в частности, названия и сущность славянских политий, имена и титулы вождей, наименования политических институтов.

Если в случае ранних славян VI в. на материалах современных источников единообразной картины не складывается, то начиная с VII в. в поле исследования попадает такое понятие как склавиния.

Традиционным примером склавинии считаются упоминания оных у Феофана Исповедника (начало IX в.) в его «Хронографии». На основании материалов «Хронографии» можно судить о данном понятии как о чем-то большем, чем просто о территории. Именно у Феофана термин «склавинии» впервые четко употребляется как наименование социально-политических образований славян, обладающих своей особой административной структурой. Однако важно отметить, что это справедливо в первую очередь для хронологически отдаленных от самого Феофана сюжетов. Хронологически наиболее ранним отрезком времени, в контексте которого он употребляет термин «склавинии», оказывается 658 г. [1, p. 420]. Можно отметить и интересное упоминание склавиний в сюжете о походе, организованном императором Византии Юстинианом II в 688/689 г. как против болгар, так и против склавиний [1, p. 421]. Здесь мы видим территориальное значение, которое, однако, содержит в себе отголоски более позднего — социально-политического — понимания термина самим автором.

Более ранним упоминанием склавинии являются известия из «Истории» Феофилакта Симокатты, где термин предстает в более оформленном виде, однако ведутся споры о том, вкладывал ли Феофилакт какой-либо административно-правовой смысл в этот термин. Спор основывается на особенностях языка автора и вряд ли может быть назван решенным. Само понятие встречается у автора всего лишь один раз, но контекст его упоминания скорее позволяет говорить о территориальном значении «склавиний» («Петр… снялся с лагеря и, сменив четыре стоянки, прибыл в места нахождения славян» [2, с. 31].

Впервые же такая административно-территориальная структура косвенно упоминается в первом собрании «Чудес св. Димитрия», в сюжете чуда 13 во фразе «καλεῖ πρὸς ἑαυτὸν τὴν ἅπασαν τῶν Σκλαβηνῶν θηριώδη φυλήν» «[вождь аваров] призывает к себе все звериное племя славян»» [2, с. 102]. Однако следует отметить, что именно это, не столь явное, упоминание склавиний (при этом единственное для источника) считается не

вполне убедительным и означает скорее контекстуальное «от славян», нежели «из склавиний» [3, p. 88].

Таким образом, на раннем материале, исключительно терминологии упоминаний политий и ее наполнения оказывается недостаточно для разъяснения сущности данных территориально-политических образований. В таком случае в числе главных вопросов оказывается не содержание самого термина, а контекст его употребления и дополнительные свидетельства, описывающие славянское общество, наименования политических институтов, в частности вождей, а также место этих институтов в византийском мире, степень вовлеченности славян в устройство Византии.

В контексте последнего вопроса можно говорить о другом понятии — «склавоархонтия». Его можно понимать, как зависимое или находящееся в сфере византийского влияния территориально-политическое образование, во главе которого стоит архонт. Однако в письменных источниках термин «архонт» нередко используется и в отношении независимых от империи территорий и народов.

Уже на ранних материалах, а именно «Чудес…», становится возможным описать общий вокабулярий автора, применяемый относительно славян. В целом именно данный источник является наиболее информативным в контексте славянской проблематики для VII в. в истории славян.

Чудеса св. Димитрия Солунского (лат. Miracula Sancti Demetrii) — это византийская агиографическая хроника, составленная в Фессалонике и датируемая VII в. Дошла она до исследователей в многочисленных рукописях различной полноты. В контексте славянской проблематики привлекаются два собрания «Чудес…»: первое, составленное архиепископом Иоанном в первой половине VII века и второе, составленное неизвестным автором спустя 70 лет после составления первого.

Второе собрание содержит в себе более конкретные сообщения о славянах, чем первое собрание. Среди них выделяются: нападение племен дрогувитов, сагудатов, велегезитов, ваюнитов, верзитов и других народов на город в чуде 1; так называемая «война хагана» (то есть правителя аваров) «вместе со всеми славянами, булгарами и многочисленными народами» в чудесах 2–3, «непрерывная осада из-за Первуда» (одного из наиболее заметных славянских вождей, упоминаемых в тексте) в чуде 4 и опосредованно связанный со славянами сюжет «междоусобной войны, задуманной тайно против города булгарскими архонтами Мавром и Кувером» в чуде 5 [4, с. 28–30].

Титулатура, употребляемая авторами «Чудес…» в связи со славянами, весьма разнообразна. Среди тех титулов или должностей, что приписываются славянским «вождям», можно выделить термины «экзарх» (ἔξαρχος), «рикс» (ῥῆξ), «племенные вожди» (οἱ τῶν ἐθνῶν ἡγούμενοι) и «архонты» (ἀρχόντων Σκλαβίνων) [4, с. 32].

Наиболее подробные сведения о полномочиях и месте славянского «вождя» мы имеем из чуда 4 в контексте Первуда [см. Главы в Своде]. Текст называет его «риксом». «Рикс» (ῥῆξ) — термин, не уникальный для «Чудес…». Он употребляется целым рядом авторов: псевдо-Маврикием, Феофилактом Симокаттой, Феофаном Исповедником.

Другим «князем»/«вождем», упоминаемым в «Чудесах…», является Хацон (Χάτζων) [2, с. 133, 169, 135]. К Хацону анонимный автор второго собрания применяет термин «экзарх». В византийских источниках данный термин понимается как командующий войском. Источник, используя данный термин, не выходит за рамки этой семантической традиции, указывая на круг полномочий Хацона.

Термин «племенные вожди», упомянутый источником лишь один раз, оказывается не очень понятным по своему значению. Из сюжета, где они упоминаются, становится ясным лишь факт существования у некоего славянина, создателя «странного сооружения», нужного для продолжения осады, желания услужить этим вождям [2, с. 163], что говорит о существовании определенного авторитета у лиц этой «должности».

Если все вышеуказанные термины со временем все реже употребляются в терминологии греческих авторов и не находят соответствия в документальных или материальных источниках, то понятие «архонт» для периода VII–X вв. становится одним из наиболее распространенных и более того, широко используется в византийских печатях.

Архонты упоминаются непосредственно в связи со славянским обществом только дважды [2, с. 161, 163]. Из приведенных сообщений мы можем заключить только то, что архонты обладали определенной властью, могли повелеть множеству соплеменников начать строить новое осадное оружие, однако конкретный спектр полномочий источник нам не приводит. Здесь архонты контекстуально отождествляются с племенными вождями. Отдельно отметим и факт упоминания славянских архонтов исключительно во множественном числе. Однако термин использовался и в сюжете чуда 5 в отношении протоболгарских предводителей Кувера и Мавра, что позволяет расширить его содержание.

Проблемой для экстраполяции понимания термина «архонт» в контексте Кувера и Мавра на славянскую действительность является, пре-

жде всего, специфика языка автора, который употребляет терминологию без дополнительных пояснений.

«Чудеса…» являются во многом уникальным источником, и многие их свидетельства требуют дополнительной верификации. В частности, и сообщения о славянских и протоболгарских архонтах.

Согласно устоявшейся традиции, термин «архонт» обозначал «любых должностных лиц, обладавших властью. По словам Симеона Богослова, архонты — это те, кто обладает почетом (временем) и властью (ἡ ἀρχή); далее он определил стратегов и архонтов как слуг и друзей императора, которые, в отличие от простых людей, имели личный контакт с монархом. Некоторые подчиненные высокопоставленных чиновников (например, стратеги) также назывались архонтами. В техническом смысле архонт обозначал прежде всего губернатора» [5, p. 160].

В целом, несмотря на относительно системное понимание термина, вопрос содержания (и происхождения, в частности) института провинциальных архонтов остается дискуссионным по сей день. Достаточно полный обзор библиографии вопроса привел В.Е. Науменко [6, с. 179–180].

В контексте же истории славян, в связи с термином «архонт» основным дискуссионным вопросом является вовлеченность архонтов в жизни империи и их статус относительно нее. В источниках не приводится единого ответа на поставленный вопрос. Однако интенсификация упоминаний архонтов в связи со славянами в византийских источниках, начиная с VIII в., повышает перспективность анализа проблемы с тем, чтобы в дальнейшем прояснить содержание термина «архонт» в контексте уже «Чудес…».

Так, Феофан Исповедник приводит известия о конкретных архонтах славян: например, Славуне и Акамире. Известия эти приводятся вскользь, без дополнительных пояснений, что означает, что термин «архонт» в целом должен быть понятен читателю: «…схватил архонта северов Славуна…» [2, с. 285], «Акамир, архонт славян Велзитии» [2, с. 289]. Важно отметить, что архонты у Феофана упоминаются непосредственно в связи с конкретными склавиниями.

Константин Багрянородный в своем сочинении «Об управлении империей» также упоминает архонтов, при этом значительно чаще, чем Феофан. По-видимому, автор употребляет терминологию, соответствующую его собственному времени (середине X в.), то есть без учета историзма при рассмотрении более ранних сюжетов. Более того, автор воспринимает такую терминологию как традиционную для описываемых обществ. При этом язык автора не отличается особой системностью,

термин «архонт» используется в разных значениях, более того, допускается контекстуальное отождествление архонтов со старцами-жупанами [7, с. 113].

Терминология Константина в связи с ее бессистемностью породила многие споры, в частности, и в контексте содержания понятия «архонт». Например, Й. Кодер указывал на то, что архонт — глава геополитического образования славян, назначаемый исключительно империей. Г.Г. Литаврин приводит аргументы против данного заявления [7, с. 364]. Согласимся с Г.Г. Литавриным.

Понятие «архонт» используется автором как в смысле внешнего наместника, византийского или франкского, так и в смысле самовластного правителя подчиненных ему земель. Более того, в случае использования конструкций, описывающих принадлежность и соподчиненность одного геополитического образования другому, используется именно понятие архонта — например, согласно Константину, архонт Хорватии был подчинен императору Византии [7, с. 113, 117, 131, 137, 141].

В более поздних (хронологически) сюжетах, касающихся франко-хорватских связей, приводится указание на наличие франкского архонта, обладающего властью над хорватами. При описании восстания хорватов против франков свергается именно архонт — ставленник франков.

В случае с сербами приводятся указания на наследственный характер передачи власти. От отца к сыну передается титул архонта. При этом подобная формула используется, начиная с сюжета о Белой Сербии и разделении ее пополам между сыновьями умершего отца — архонта белых сербов по имени Серб, обратившегося к императору Ираклию с просьбой о расселении их в пределах империи. Константин пишет, что после смерти этого архонта, переселившегося в империю, власть над сербами перешла к его сыновьям, они тем самым унаследовали владения своего отца [7, с. 141, 143].

Также при определении содержания понятия «архонт» полезными могут быть и византийские печати, упоминающие славян. Их ценность особенно повышается, если учитывать необходимость сопоставления практического использования титулатуры с интерпретацией письменных источников. В целом материалы сфрагистики являются крайне важным источником в вопросе славяно-византийских отношений [8, p. 11]. В печатях термин «архонт» упоминается чаще всех прочих и является обязательной составляющей общего титула, закрепляемого за владельцем печати. Понятие используется как самостоятельно, так и в связи с другими чинами византийской административной системы.

Неоднократно можно встретить термин «архонт Эллады» или «архонт» конкретного племени в Элладе (например «Вихитов»); «Даргаскава, архонта Эллады»17 [9, p. 461] (VIII в.); «Льву, архонту Вихитов Эллады» [10, с. 70–71] (начало IX в.). Принадлежность к феме (военная административно-территориальная единица управления в Византии, возникшая в Малой Азии в начале IX в., а на Балканах — даже раньше, уже в конце VIII в.) Эллада позволяет говорить о статусе владельца печати как подчиненного империи чиновника.

По мнению С. Стойкова, архонтов, упоминающихся в печатях, можно понимать как лидеров «склавоархонтий». Таким образом, если архонт упоминается вместе с названием фемы, то можно говорить о склавоархонтии [11, p. 11].

Среди терминов встречается и императорский/царский спафарокандидат: «Эсагию, императорскому спафарокандидату и архонту Вихитов» (IX в.) [6, с. 185]; «Никите, царскому спафарокандидату и архонту Вихитов» (IX в.) [9, p. 53]; «Богородица, помоги своему рабу Эсагу, царскому спафарокандидату и архонту Вихитов» [12, p. 1063]. Отметим и термин царский спафарий: «Петру, царскому спафарию и архонту Другувитов» [14, s. 249]; «Тихомиру, царскому спафарию, архонту Велегезитов» [14, s. 28] (VIII в.); «Войидаргу, царскому спафарию и архонту Эвидитов» [9, p. 463]; «Богородица, помоги своему рабу… царскому спафарию и архонту Эвидитов» [12, p. 1424]. Используемая титулатура указывает на высокое положение владельцев печатей [11, p. 12].

Также используется термин «ипат»: «Петру, ипату и архонту Эллады» (конец VII в. — начало VIII в.) [6, с. 185]. Печати упоминают и другие чины: остиарий — «Господи, помоги рабу, императорскому остиарию, эпи тон ойкеакон и архонту вихитов Эллады» (IX–X в.) [15, с. 137]; кувикулярий — «Иоанну, царскому кувикулярию и архонту Вихитов Эллады» [14, s. 34]. Можно встретить и печать, не называющую никаких чинов, кроме архонта — «Константину, архонту Вихитов» (начало IX в.) [6, с. 185].

Таким образом, терминология, встречающаяся в печатях, является крайне разнообразной. При этом термин «архонт» является ядром формулы титулов, применяемой в печатях. Отметим, что этот термин может упоминаться либо вместе с названием целой фемы, либо вместе с наиме-

---

17 Здесь и далее, в случае отсутствия иных русских переводов печатей мы будем ссылаться на переводы, сделанные и любезно предоставленные Е.А. Мехамадиевым.

нованием конкретного племени и фемы, в которой проживало это племя, либо просто в сочетании с названием одного лишь племени.

Наиболее же важным вопросом, в контексте статуса славянских архонтов в «Чудесах…» является вопрос точности употребления термина авторами источника в сравнении с данными сфрагистики.

С одной стороны, контекст употребления термина «архонты» в тексте «Чудес…» не позволяет точно ответить на вопрос, как архонты из «Чудес…» соотносятся с должностной иерархией Византии, представленной в печатях. Очевидно, что архонты первой половины VII в. из «Чудес…» и архонты, упоминаемые в печатях более позднего времени, могли не совпадать по полномочиям.

С другой же стороны, отметим, что некоторые племена славян, упоминающиеся в печатях (дрогувиты и велегезиты), встречаются и в «Чудесах…». Факт совпадения этнонимов позволяет судить об историчности упоминаемых во втором собрании наименований племен.

Существует и другая печать, не относящаяся к славянам напрямую, однако крайне полезная в контексте рассматриваемого вопроса — «Мавру, патрикию и архонту Сермисианов и Вулгар» [12, p. 635–636], упоминающая Мавра, персонажа из 5-го чуда второго собрания. Данная печать датируется рубежом VII–VIII вв.

Вместе с тем стоит еще раз обратить внимание и на печать, упоминающую «Петра — ипата и архонта Эллады», датирующуюся второй половиной VII в. — началом VIII в. Это вкупе с вышеприведенными фактами может указывать на историчность персонажей и племен, упоминаемых «Чудесами…» (в случае с Мавром, велегезитами и другувитами).

Аналогично можно сделать вывод и о том, что неизвестный автор второго собрания «Чудес…» вполне системно использовал терминологию, и как минимум административное значение термина архонт употребляется автором оправданно. Отдельно стоит отметить, что Мавр, называемый в печатях архонтом, является ровно таким же варваром для византийского человека, как и славянские архонты, разницей же является лишь то, что в случае с Мавром существует прямое упоминание наделения его официальным статусом архонта со стороны администрации империи. Таким образом, мы можем предположить, что терминология автора, применяемая к Мавру и, следовательно, употребляемая в чуде 5, может быть экстраполирована и на славянских архонтов.

Мавра «Чудеса…» называют архонтом лишь дважды, притом в двух отличающихся ситуациях. В первом случае Мавр косвенно предстает как один из «архонтов» Кувера: «…Кувер <…> посовещался со своими

советниками и принял на собственную погибель и по своей воле такое тайное решение, что один из его архонтов <…> восстанет притворно и перейдет, как другие, в наш богоспасаемый город» [2, с. 173]. Отдельно отметим неуникальность Мавра как архонта в «административной» системе управления «владениями» Кувера.

Во втором случае Мавр уже напрямую называется архонтом и указывается теперь, как подчиненный императора: «Мавр с бежавшими с ним явился к боговенчанному василевсу, был там принят и стал архонтом» [2, с. 177]. Здесь мы видим традиционное понимание термина — наместник от Византии над определенной территорией, народом. Таким образом, в языке автора термин архонт не является обязательно привязанным к византийскому миру.

Отметим, что и сам Кувер называется источником архонтом аварского хагана: «И хаган аваров, причисляя их уже к собственному народу, по существовавшему обычаю рода поставил над ними архонта по имени Кувер» [2, с. 171]. Таким образом, Кувер — архонт булгар, являясь представителем аварского кагана, был поставлен хаганом архонтом над своим народом. Кувер руководил независимым от Византии, но находящимся в зависимости от аваров территориально-политическим образованием. При этом отмечается стремление Кувера «стать <…> архонтом и хаганом» [2, с. 171], это указывает на то, что понятие хагана явно находится выше в иерархии политических терминов автора «Чудес…», нежели архонт.

Таким образом, если выделять единый принцип употребления термина, выходит, что в контексте булгар автор использует формулу: архонт — предводитель какой-либо территории, находящийся в подчинении кого-либо. При этом для автора неважно, является ли этот архонт подчиненным именно Империи или нет. Кроме того, особого смысла в том, чтобы разграничивать булгарских архонтов и славянских, для автора не наблюдается.

Версию же с бессистемным употреблением терминов ради привнесения лексического разнообразия исключать всецело нельзя, однако, автор «Чудес…» в целом систематично употребляет один и тот же термин по отношению к одному и тому же герою событий, что скорее опровергает данное объяснение.

Таким образом, не вполне ясное положение славянских архонтов в иерархии титулов, известных автору «Чудес…» может быть решено, привлекая сообщения, известные нам из 5-го чуда второго собрания — сообщений о протоболгарских архонтах Мавре и Кувере. Так как термин

«архонт» употребляется в печатях относительно славян в VIII–IX вв., существуют сообщения об архонтах и в более ранний период; печати упоминают племена и персонажей известных автору «Чудес…». Следовательно, можно сделать вывод о справедливости экстраполяции содержания термина «архонт» с Мавра (и Кувера, соответственно) на славянскую действительность. Получается, что славянские архонты — чьи-то ставленники, обладавшие определенной властью, некоторой автономией.

Таким образом, для «Чудес св. Димитрия» понятие «архонт» обладает следующими признаками: зависимость от более высокого титула (хагана, предположительно рикса…), назначаемость сверху, привязка к определенному народу/племени/территории, достаточно широкие полномочия и автономия (так как, что Кувер, что Мавр имели возможность готовить акции против высшей власти; у Кувера были свои советники и архонты).

Некоторая же двойственность понимания термина (имперский чиновник / независимый управитель территорией / племенем), присущая многим византийским источникам (Феофану, Константину), в «Чудесах…» объясняется вполне конкретным образом. Наполнение термина не меняется в зависимости от принадлежности архонта к византийской административной системе, что, правда, оставляет открытым вопрос о статусе славянских архонтов, но расширяет понимание их властной организации.

Список источников и литературы

1. *Stojkov S.* The term sclavinia in byzantine sources: Re-examination of the chronological framework // MONUMENTA. 2019. Vol. 4.
2. Чудеса св. Димитрия Солунского / пер. и коммент. О.В. Ивановой // Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. II (VII–IX вв.) / сост. С.А. Иванов, Г.Г. Литаврин; отв. ред. Г.Г. Литаврин. М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1995. С. 91–211.
3. *Curta F.* Sklaviniai and Ethnic Adjectives: A Clarification // Byzantion Nea Hellás. 2011. Vol. 30.
4. *Максимов В.Д.* Славянские племена и вожди в VII веке по материалам «Чудес св. Димитрия Солунского» и «Стратегикона» псевдо-Маврикия // Проблемы истории и культуры средневекового общества: матер. XLIV Всерос. научн. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых, Санкт-Петербург, 5–7 ноября 2024 года. 2025. С. 27–37.
5. The Oxford Dictionary of Byzantium / Ed. A. Kazdan. Oxford and New York: Oxford University Press, 1991.

6. *Науменко В.Е.* К вопросу о статусе славянских «архонтий» Македонии и Греции в «темные века» // Россия и мир: панорама исторического развития: сб. научн. ст., посвященный 70-летию исторического факультета Уральского государственного университета им. А.М. Горького. 2008.
7. Константин Багрянородный. Об управлении империей / пер. с греч.; вступ. ст. и коммент. Г.Г. Литаврина. М., 1991. 493 с.
8. *Gkoutziokostas A.* The term «Σκλαυηνία» and the Use of Adjectives which Derive from Ethnic Names in the History of Theophylact Simocatta // Cyril and Methodius, Byzantium and the World of the Slavs, International Scientific Conference. 2015. Thessaloniki, 2015. P. 638–646.
9. *Seibt W.* Weitere Beobachtungen zu Siegeln Früner Slawenarchonten in Griechenland // Byzantium State and Society. In Memory of Nicos Oikonomides. Ahtens, 2003. P. 461.
10. *Лихачёв Н.П.* Моливдовулы греческого Востока / пер. Н.П. Лихачёва. М., 1991. С. 70–71, таблица LX, печать № 3. М-7958.
11. *Stoykov S.* From “Nations” to “Archontias” (II). Terms “Sclavinia” and “Sclavoarchontia” and Incorporation of Balkan Slavs in Byzantium // Slověne. 2020. Vol. 9. No. 2. P. 7–38.
12. *Zacos G., Veglery A.* Byzantine Lead Seals. Vol. 1.2. Basel, 1972. No. 1877. P. 1063.
13. *Wassiliou Alexandra-Kyriaki.* Neue Siegel der 1. Hälfte des 9. Jh. aus Südostbulgarien. Mit einem appendix zu den Drugubiten // Acta Musei Varnaensis. 2004. Vol. 2. S. 249.
14. *Seibt W.* Siegel als Quelle für Slawenarchonten in Griechenland // Studies in Byzantine Sigillography. 1999. Vol. 6. S. 27–36.
15. *Степанова Е.В.* Эрмитажная печать архонта вихитов Эллады // Проблемы социальной истории и культуры средних веков и раннего нового времени. 2010. № 8. С. 137.

УДК 94

Дробышев М.И.

Государственный академический университет гуманитарных наук, кандидат исторических наук, исторический факультет, доцент;
Институт всеобщей истории РАН, научный сотрудник.
E-mail: mdrobyshev@gaugn.ru;
maksimus1008@mail.ru

Библейские герои в «Стратегиконе» Кекавмена и «Типике» Григория Пакуриана

Аннотация. Статья посвящена анализу упоминаний ветхозаветных и новозаветных героев в «Стратегиконе» Кекавмена и «Типике» Григория Пакуриана. Кекавмен и Григорий Пакуриан — представители провинциальной аристократии Ромейской империи XI в. Их сочинения сопоставлялись в историографии на предмет некоторых мировоззренческих и бытовых ориентиров. «Стратегикон» Кекавмена — это сочинение 70-х гг. XI в., жанровой особенностью которого является то, что оно выходит за рамки только военного трактата. Оно является назидательным сочинением, домостроем и частной историей. Григорий Пакуриан являлся ктитором Петрицонского монастыря (основан в 1083 г.), нормы устава которого регламентируются в «Типике».

Согласно византийской традиции, в трактате больше всего встречается ветхозаветных героев, поскольку Ветхий Завет богат на события военной и политической истории. Тем не менее, анализ упоминаний библейских персонажей в тексте выявил некоторые противоречия в сочинении и продемонстрировал особенности сочинения Кекавмена. В «Стратегиконе» не представлено примеров военной истории и опыта. Большинство упоминаний библейских персонажей связаны с примерами нравственного поведения и опыта гражданской (в частности, судебной) службы. Упоминания же библейских героев в «Типике» преимущественно связаны со сведениями о религиозных праздниках, проводимых в связи с практикой богослужения.

Ключевые слова: Кекавмен, Стратегикон, Ветхий Завет, Новый Завет, провинциальная аристократия, XI век, Византийская империя.

Drobyshev M.I.

State Academic University for Humanities,
Faculty of History, Associate Professor,
Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Researcher.
E-mail: mdrobyshev@gaugn.ru;
maksimus1008@mail.ru

The Biblical Heroes in "The Strategikon" of Kekaumenos and in "The Typikon" of Gregory Pakurian

Abstract. The article focuses on the references to Old Testament and New Testament heroes in the Strategikon of Kekaumenos and the Typikon of Grigory Pakurian. Kekaumenos and Gregory Pakurian were representatives of the provincial aristocracy of the 11th century Roman Empire. Their sources (writings) were compared in historiography for some ideological and everyday reference points. Kekaumenos's Strategikon is a work written in the 1070s of the 11th century, which is characterized by its genre features that go beyond a military treatise. It is a didactic work, domostroy, and a private history. Gregory Pakurian was the ktitor of the Petritsion Monastery (founded in 1083), to which the Typikon is dedicated.

According to the Byzantine tradition, the Old Testament heroes are the most common in the treatise, as the Old Testament is rich in military and political history. Nevertheless, an analysis of the references to biblical characters in the text revealed some contradictions in the work and demonstrated the peculiarities of Kekaumen's composition. The "Strategikon" does not provide examples of military history and experience from the Old Testament. Most references to biblical characters are related to examples of moral behavior and experience in civil (particularly judicial) service. References to biblical characters in the Typikon are mostly associated with references to religious holidays related to the practice of worship service.

Keywords: Kekaumenos, Strategikon, Old Testament, New Testament, provincial aristocracy, 11th century, Byzantine Empire.

Библейские цитаты и тексты были достаточно популярными в византийских нарративных текстах [1, 2]. Функционал употребления этих сюжетов и отсылок являлся различным. Например, отсылки к Ветхому Завету в византийских хрониках демонстрировали богоизбранность ромеев, их исключительность, а само государство, Ромейская империя, воспринималась как Новый Израиль, избранное царство. В исследованиях, посвященных изучению Библии и её восприятия в Византии, затрагивались вопросы переводов Библии, адаптации ветхозаветных и новозаветных мотивов в имперской идеологии и образе византийских императоров [3], толкований разных библейских текстов в трудах византийских богословов и пр. В историографии существуют работы, посвящённые изучению библеизмов в византийских хрониках представителей аристократии [4]. Например, в текстах некоторых представителей столичной аристократии применяются такие библейские мотивы, как уподобление императоров

библейским царям, судиям и пророкам, наделение их качествами последних, восприятие ромеев, как избранного народа, а непосредственно указания на беды и несчастья, как проявление Божьего гнева за непослушание и ошибки. В этом ракурсе видна некоторая рецепция и осмысление, например ряда книг Ветхого Завета, в текстах византийских хроник. Исследователь Элизабет Джефрейс разбирает такие аспекты на материале «Хроники» Иоанна Малалы [4].

Интерес представляет рассмотрение упоминаний ветхозаветных и новозаветных героев в некоторых сочинениях византийской провинциальной аристократии XI в. В данной статье пойдёт речь о разборе и контексте упоминаний библейских героев в «Стратегиконе» провинциального аристократа и магната XI в. Кекавмена. Этот стратег, имевший некоторый боевой опыт военных действий на Балканском фронтире Ромейской империи во второй половине XI в., являлся представителем «новой» военной знати, сложившейся вследствие распада фемной системы, изменения социального строя византийских провинций и некоторых других процессов, происходящих в государстве на рубеже X–XI вв. [5, с. 36–40]. Это сочинение, известное с XIX в., изучалось в разных направлениях (см. ниже). Отдельно важно обозначить, что в историографии поднималась проблема использования религиозных текстов и цитат в «Стратегиконе», но не вопрос контекста упоминаний библейских героев в тексте. Как представляется, рассмотрение этого аспекта трактата позволит немного расширить знания о социокультурных представлениях и уровне образовании семьи Кекавменов, которые, безусловно, коррелируют с представителями византийской историографии более высокого ранга. Также изучение упоминаний библейских героев в трактате может дополнить наши представления об истории создания сочинения.

«Стратегикон» Кекавмена сохранился в единственной рукописи XIV в. [6, с. 265–284, основная часть текста была написана в 70-е гг. XI в., скорее всего, между 2 августа 1075 г. и 31 марта 1078 г. [7, p. 8]. Текст сохранившегося списка *ГИМ Греч. 436* сделан с оригинала и вполне точно передаёт текст Кекавмена XI в. Возможно, финальная часть текста «Стратегикона», т.н. «Советы василевсу», была написана не самим Кекавменом, а его свойственником — стратегом Никулицей Дельфином [8, с. 284–296]. Однако тематически, идеологически и стилистически «Советы василевсу» вполне созвучны основному тексту «Стратегикона» и, несомненно, являются частью архива семьи Кекавменов [9, с. 13–29].

Текст трактата написан на основе личного опыта автора: «Ведь я изложил тебе то, чего нет в другом “стратегиконе” («εἰς ἄλλο στρατηγικὸν…»)

или в другой книге («εἰς ἄλλο βιβλίον»), так как я сочинил это на основе собственных размышлений и личного опыта» [10, с. 172]. При этом по тексту сочинения можно проследить некоторые источники, которыми пользовался автор: священные тексты, военные тактики и, видимо, малые византийские хроники [11, p. 133–143; 12, p. 111–138; 13, с. 73–75].

Важно сказать, что в историографии изучения этого памятника прежде всего акцентировалось внимание на вопросы датировки сочинения, происхождения и рода Кекавмена, его социального положения и взглядов. Со второй половины XX в. интерес изучения этого сочинения смещается на некоторые текстологические и источниковедческие аспекты, например, какими источниками пользовался автор при создании «Стратегикона». Безусловно, Кекавмен, Никулица и аноним-топарх достаточно хорошо ориентируются в Библии. Ведь Кекавмен пишет: «Ведь почти весь Ветхий Завет имеет отношение к стратегии, а также к мудрости» [10, с. 170–171]. Джеорджина Баклер, рассматривая христианские тексты — источники Кекавмена, обращает внимание на то, что он особенно ценит библейскую Книгу Экклезиаста [11, p. 134–137]. Шарлотта Руже обозначила этот вопрос более детально, перечислив все религиозные книги и жития святых, которые мог использовать и цитировать Кекавмен [12, p. 123–124.]. В статье выражается точка зрения, что Кекавмен привлекал многие (в том числе библейские) сюжеты из сборников премудростно-назидательной и поучительной литературы (Γνωμικά или Μέλισσαι), при этом в тексте также приведены цитаты разных книг Ветхого Завета [12, p. 114–115]. Подобной позиции придерживался и Г.Г. Литаврин [9, с. 44–46]. С.А. Иванов обратил внимание на то, что Кекавмен чаще всего цитирует книги Ветхого Завета и иллюстрирует ветхозаветные сюжеты для объяснения некоторых норм и правил тактики и стратегии [14, с. 12].

Скорее всего, большинство библейских аллегорий в «Стратегиконе» взято из текстов назидательно-поучительного жанра и многие аспекты христианской морали и назиданий пронизывают текст сочинения.

Текст трактата изобилует советами, нравоучениями и разного рода рекомендациями. В тексте транслируется идея проводить свободное время в чтении (τό ἀνάγνωσμα) и молитве (ἡ προσευχή). Также присутствует призыв к самообразованию человека («Читай много — и узнаешь много». / «Ἀναγίνωσκε πολλὰ καὶ μαθήσῃ πολλά») [10, с. 228]. Очевидно, что Священное Писание — это некоторая книга-ориентир средневекового интеллектуала для повседневного, нравоучительного и познавательного чтения. В сочинении фигурирует мысль о его обязательном чтении («Исследуй Священное Писание, как Господь велел…» / «Ἔρεύνα τάς γραφάς,

καθὼς ὁ Κύριος προσέταξεν…») [10, с. 228]. Текст трактата преисполнен христианской благодетельностью и моралью, в трактате выражается мысль, что любая практика продвижения по службе, а также повышения в должности — это проявление Божиего расположения и благодати («γὰρ γινώσκων, ὅτι εὐλογία Θεοῦ ἐστὶ τὸ ἀξίωμα» / «…ведь знай, что чин — это благословение Божие…») [10, с. 226]. По подсчётам исследователя и переводчика «Стратегикона» академика РАН Г.Г. Литаврина, Кекавмен более ста раз ссылается на тексты Ветхого и Нового Заветов [9, с. 44].

В тексте «Стратегикона» упоминаются 13 героев Ветхого Завета: Аарон (Ἀαρών) [10, с. 238], Адам (Ἀδάμ) [10, с. 302], Аввакум (Ἀμβακούμ) [10, с. 144], Давид (Δαβίδ) [10, с. 162, 222, 250], Илия (Ἠλίας) [10, с. 250], Иеремия (Ἱερεμίας) [10, с. 238], Исайа (Ἡσαΐας) [10, с. 239], Моисей (Μωϋσῆς) [10, с. 238], Ной (Νῶε) [10, с. 143, 343], Сим (Σήμ) [10, с. 142], Соломон (Σολομών) [10, с. 208], Хам (Χάμ) [10, с. 142], Яфет (Ἰάφεθ) [10, с. 142]. Среди них — три пророка, два судии и два царя [15, с. 88–90].

Так, сопоставление с Моисеем, Иеремией, Аароном и Исайей в сочинении приводится в качестве совета человеку, желающему принять духовный сан [10, с. 238]. Пророк Илия фигурирует в сочинении, как пример идеального судьи: Ὁ γὰρ προφήτης Ἠλίας δίκαιος ὢν καὶ ζηλωτὴς τοῦ νὸμου ἐξ ἄκρας δικαιοσὺνης… / «…ведь пророк Илья, будучи судьёй и ревнителем закона…» [10, с. 250–251]. В похожем ракурсе приводится и цитата из 129-го псалма царя Давида: «Λέγει γὰρ ὁ Δαβίδ·Ἐὰν ἀνομίας παρατηρήσῃς Κύριε, τίς ὑποστήσεται, ὅτι παρὰ σοὶ ὁ ἱλασμός ἐστι» / «Ведь Давид говорит: “Если ты, Господи, будешь замечать беззакония, Господи!” И еще: “Кто устоит? Но у тебя прощение. Не по беззакониям нашим сотворил нам”» [10, с. 250].

В подобном контексте в сочинении представлен пророк Аввакум. Кекавмен ссылается на него при описании случаев беззаконий и мздоимства в суде. Во фрагменте сочинения, посвящённом исполнению обязанностей судьи провинции, приведена цитата первой главы книги пророка Аввакума со своей интерпретацией: «Ἐξεναντίας μου, φησίν, γέγονε κρίσις καὶ ὁ κριτὴς ἔλαβε δῶρα, καὶ διὰ τοῦτο διεσκέδασται νόμος καί οὐ διεξάγεται εἰς τέλος κρίμα, ὅτι ὁ ἀσεβὴς καταδυναστεύει τὸν δίκαιον… / Предо мною, — говорит он, — случился суд, и судья получил дары. От этого закон потерял силу, и суда праведного нет: так как нечестивый одолевает праведного, то и суд происходит превратный» [10, с. 144]. При этом автор апеллирует к своему личному опыту, указывая: «Многих ведь я видел невинно понесших наказание, а виновных — оправданными благодаря денежной взятке» [10, с. 144, 146]. Затрагивая тему суда над солдатами

и отношения полководца со своими воинами, автор заостряет внимание на существующей практике подкупов и подарков для принятия незаконного решения. Само понятие τό δῶρον («дар, подарок») носит в трактате скорее негативную коннотацию. В большинстве примеров дары отождествляются с практикой незаконного получения средств в суде, а также на гражданской или военной службе.

В разделе о службе архонта Кекавмен представляет свой вольный перифраз и некое своё осмысление хрестоматийного сюжета с Ноем, Симом, Хамом и Иафетом. Для него важна мораль этой истории, которая заключается в уважении и почитании людей старших по возрасту, а также тех, кто выше по рангу. Автор резюмирует: «Ной каждому воздал по заслугам (καὶ ἀμφοτέροις κατὰ ἀξίαν ἀπένειμεν)» [10, с. 142]. Очевидно, что отсылка в сочинении к Ною также маркирует практические советы автора, возможно, адресованные его потомкам по вопросу прохождения гражданской или военной службы.

Упоминание Соломона в сочинении маркирует важность честного труда, сведения нём содержатся в разделе сочинения, посвящённого ведению хозяйства. В начале этого фрагмента Кекавмен цитирует библейское изречение из книги Бытия: «В поте лица своего будешь есть хлеб / Ἐν ἱδρῶτι τοῦ προσώπου σου φαγῇ τὸν ἄρτον σου (Быт. 3.19) [10, с. 208]. Мысль автора заключается в том, что важная забота землевладельца — это процветание его поместий, с которых он может получать доход. По разным примерам из «Стратегикона» видно, что в конце XI в. стратиги и топархи во многом жили и кормились за счёт доходов со своих земельных активов. В тексте рекомендуется контролировать и грамотно руководить своими прислужниками (οἱ ὑπηρετοῦντές) [10, с. 206], чтобы они не обогатились и разными действиями не разорили поместье. Вместо того чтобы говорить о самоличном возделывании земли, представлены житейские советы по правильному управлению поместьем [16, с. 222–227]. Это также трудоёмкое и сложное занятие, которое требует времени и усидчивости. Завершает раздел о ведении хозяйства автор изречением царя Соломона: «Πονηρόν, φησί, περισπασμὸν ἔδωκεν ὁ Θεὸς τοῖς υἱοῖς τῶν ἀνθρώπων» / «Тяжёлое занятие дал Бог сынам человеческим» [10, с. 208].

В «Стратегиконе» почему-то не упомянут ни один судия-военачальник, например, Иисус Навин, Гедеон и пр. Практически все упоминания ветхозаветных героев не связаны с военной службой и относятся к советам по гражданским, бытовым и судебным вопросам. Важно отметить также некоторое внутреннее противоречие в тексте памятника, в нём не представлен ни один судия-стратиг. И практически все сюжеты

с ветхозаветными героями не относятся к советам по военной службе. Таким образом, в одном фрагменте сочинения Кекавмен прямо указывает, что Ветхий Завет богат на примеры военной тактики и стратегии, и поэтому он может быть полезен для военного ремесла, но при этом он не приводит ни одного примера из Ветхого Завета с военной тематикой. Причины этого дискуссионны. Нельзя исключать, что это может косвенно свидетельствовать о том, что сочинение не было закончено.

В «Стратегиконе» также подчёркивается, что «И из Нового Завета немало пользы извлечёт прилежный» (Καί ἐν τῇ Καινῇ οὐκ ὀλίγα καρπώσεται ὁ σπουδαῖνος) [10, с. 170]. Из новозаветных персонажей у Кекавмена представлены: Иисус Христос (Ἰησοῦς Χριστός) [10, с. 136, 142, 210, 228, 278], Иуда (Ἰούδας) [10, с. 137], Корнелий (Κορνήλιος Ἕλλην) [10, с. 210], Лазарь (Λάζαρος) [10, с. 136], Понтий Пилат (Πιλάτος) [10, с. 136], Богоматерь (Θεοτόκος) [10, с. 280][1]. Всего представлено шесть евангельских персонажей.

Обратимся к употреблению Кекавменом новозаветных героев в тексте. Стоит отметить, что в тексте разных частей трактата упомянуты всего 6 в чём-то хрестоматийных персонажей, в отличие от более обширного перечня героев Ветхого Завета.

Большинство из встречающихся в «Стратегиконе» новозаветных героев (Иуда, Понтий Пилат и Лазарь) фигурируют в прологе сочинения, который не озаглавлен в рукописи. Здесь транслируется евангельская мысль о помощи богатых бедным и обиженным людям. Осуждение Понтия Пилата связано с тем, что имея возможность оправдать и отпустить Иисуса Христа, он этого не совершил. По причине такого поступка прокуратора Иудеи он сопоставляется с Иудой из Иудеи [10, с. 136–137].

Также приводится краткий перифраз притчи из Евангелия от Иоанна о Лазаре и фарисее, мораль которой заключается также в бессердечии и равнодушии богатого фарисея. Во фрагменте автор демонстрирует мысль, что долг богатых и благородных людей — это бескорыстная помощь бедным, а также вопрос честного и справедливого суда. Чуть ниже по тексту автор, демонстрируя своё беглое владение болгарским языком, показывает, что языковые, славянские лексемы подтверждают этот благой посыл: «καὶ οἱ Βούλγαροι τὸν πλούσιον βογάτον, ὅπερ δηλοῖ θεοειδῆ»

[1] В трактате упоминается не Богоматерь как персонаж, а есть указание на икону Богородицы.

/ «…и болгары называют богатого ‘βογάτον’, что означает “богоподобный”» [10, с. 136–137].

Корнелий (Κορνήλιος Ἕλλην) фигурирует в разделе «Стратегикона», посвящённого каждодневной молитве. Выше по тексту было оговорено, что в трактате транслируется мысль проведения свободного времени в молитве или в чтении. Суть пассажа заключается в том, что путь к Богу и нравственной жизни можно обрести посредством молитвы (ἡ προσευχή) и милостыни (ἡ ἐλεημοσύνη). Приводится дословный перифраз Деяний апостолов (Деян. 10.1) о том, как язычник Корнелий пришёл к Господу, совершая милостыню и другие благие дела.

Образ Иисуса Христоса часто употребляется в форме восхваления и некоторого образца для благочестивых и благородных поступков: «А если это незнакомец, считай, что это был Христос» (Εἰ δέ ἀγνώριστος, νόμισον τὸν Χριστὸν εἶναι καὶ εὐχαρίστησον αὐτῷ) [10, с. 228]; «Если он поступит с тобой несправедливо, не вини его, но прости, и Христос вознаградит тебя» (Καὶ εἰ ἠδίκησέ σε, μὴ ἐγκαλῇ αὐτῷ, ἀλλὰ ἄφες καὶ ὁ Χριστὸς ἀντιλάβοιτό σου.) [10, с. 142]. Такая форма восхваления Иисуса Христа и обращения к нему характерна для византийских сочинений.

Также в одном пассаже фигурирует икона Христа и Богородицы (… καὶ τὴν ἁγίαν εἰκόνα τοῦ Χριστοῦ καὶ Θεοῦ ἡμῶν καὶ Θεοτόκου… / и святую икону Христа — Господа нашего, а также Богоматери…) [10, с. 278].

Таким образом, можно отметить, что обращение автора «Стратегикона» к героям Нового Завета демонстрирует более широкий диапазон ситуаций: безусловно, присутствуют примеры суда и гражданской службы. Однако есть примеры других, можно сказать, бытовых и нравственных паттернов поведения.

Следующий источник, который достаточно кратко будет рассмотрен в настоящей статье — это «Типикон» Петрицонского монастыря. Этот монастырь был основан великим доместиком схол Запада, соратником Алексея I Комнина Григорием Пакурианом в 1083 г. Известны две версии текста «Типика» — среднегреческая и древнегрузинская. Текст греческой версии сохранился в рукописи, датируемой XIII в., и хранится в библиотеке Кораиса на о. Хиос (Chios Coraï 1598). «Типикон» состоит из 36 глав, каждая из которых посвящена отдельному аспекту функционирования монастыря. В настоящей статье греческий текст этого документа приводится по изданию П. Готье [17], а его русский перевод и комментарий — по блестящему изданию В.А. Арутюновой-Фиданян [18]. Григорий Пакуриан происходил из знатного ивирского рода Пакурианов, который в середине XI в. оказался на византийской службе [Подробнее

об этом см.: 18, с. 34–58]. Несмотря на то, что после прихода к власти Алексея I Комнина (1081–1118) он взошёл вверх по карьерной лестнице. По-видимому, по своему мировоззрению он оставался провинциальным аристократом пограничья.

В научной литературе существует традиция сопоставления поведенческих практик и некоторых аспектов мировоззрения провинциальных аристократов XI в. В этом ракурсе можно выделить статью М.А. Морозова, в которой на материале «Стратегикона» Кекавмена и «Типикона» Григория Пакуриана автор воссоздаёт основные черты и свойства мировоззрения византийской служилой знати «среднего» слоя [19]. В статье разбирается понимание авторами понятий «дом» (ὁ οἶκος), «семья», представлений об императоре и императорской власти, а также некоторых других бытовых аспектов и тем, упомянутых в этих текстах [19, с. 388–397]. Автор обращает внимание, что вышеперечисленные представления у провинциальных аристократов несколько отличаются от сочинений представителей другой, более высокой, социальной среды. Например, хотя Кекавмен декларирует восприятие правителя как образа Божия, реальные примеры показывают другую, более низменную, картину. Григорий Пакуриан демонстрирует пиетет перед императором и свою верность по отношению к Ромейскому государству. Во второй главе «Типикона» прописано: «ἅπαντες γὰρ διὰ ξίφους καὶ χειρὸς τῶν τοῦ θείου σταυροῦ ἐχθρῶν καὶ τῆς Ῥωμανίας τὰ ἑαυτῶν ἐκένωσαν αἵματα / ибо они все (мои родственники и люди) пролили кровь от меча и руки врагов святого креста и Романии», но при этом в «Типике» присутствует запрет на нахождение в монастыре «ромейских» (или «греческих») монахов [19, с. 394–395].

Обращаясь к упоминанию библейских персонажей в «Типике», можно отметить, что в документе из Ветхого Завета упомянуты только пророк Илия (Ἠλίας) [17, p. 37; 18, с. 76] и Иов (Ἰώβ) [17, p. 55; 18, с. 85]. Зато персонажи Нового Завета представлены более обстоятельно: названы Иисус Христос (Ἰησοῦς) [17, p. 56, 61, 65, 69, 85, 103, 109; 18, с. 84, 88, 90, 92, 99, 107, 116], Пресвятая Дева Мария (ἡ ἀειπαρθένος Μαρία) [17, p. 33; 18, с. 75], Иоанн Предтеча (Ἰωάννης ὁ Πρόδρομος) [17, p. 33; 18, с. 75], апостол Павел (Παῦλος ὁ ἀπόστολος) [17, p. 53; 18, с. 84] и Иуда Искариот (Ἰούδας) [17, p. 91; 18, с. 102].

Упоминание св. Илии связано с указанием храма (или скита), посвящённого этому пророку в окрестностях монастыря, а также в пятой главе «Типика» приводится изречение из книги пророка Иова (XXXIX, 7) [18, с. 171], суть которого сводится в превосходстве жизни в уединении или

скиту, нежели в бурной городской жизни. (В соответствии со словами созерцателей божьего престола, пророков божьих или речами апостолов вы будете жить насмехаясь, как говорит Иов, над многолюдными городами (…γέλοτα ποιοῦντες, ὥς Ἰώβ, τὰς πολυόχλους πόλεις …) [17, p. 55; 18, с. 85].

Относительно новозаветных героев, упоминаемых в «Типике», мы получаем следующие сведения. Григорий Пакуриан в первой главе документа нарекает Иоанна Предтечу (Ἰωάννης ὁ Πρόδρομος) вместе со св. Георгием Победоносцем (ὁ ἅγιος Γεώργιος) своими духовными патронами. Иуда ожидаемо фигурирует в форме проклятия для тех членов монастырской братии, которые по какой-то причине предадут монастырскую братию или покинут монастырь («καὶ ἡ μερὶς αὐτοῦ μετὰ τοῦ Ἰούδα τοῦ Ἰσκαριώτου…» / «И пусть удел его будет [уделом] Иуды…») [17, p. 91; 18, с. 102]. Также в документе представлено хрестоматийное изречение апостола Павла («праздный, да не ест») в пятой главе «Типика», которая посвящена избранию игумена монастыря. Суть данного пассажа заключается в том, чтобы все члены братии (включая игумена) трепетно следовали нормам устава, прописанным в «Типике».

Поскольку Петрицонский монастырь посвящён празднику Успения Пресвятой Богородицы, естественно, что чаще всего (15 раз) упоминается Дева Мария (Богоматерь), и достаточно подробно прописаны каноны, регулирующие проведение праздников Пресвятой Богородицы.

Таким образом, можно отметить, что упоминания ветхозаветных и новозаветных героев в «Типике» Петрицонского монастыря достаточно тривиально. За небольшим исключением упоминания библейских патронимов связано или с описанием храмов и других религиозных объектов окрестностей монастыря, или с упоминанием духовного патрона — основателя монастыря — Григория Пакуриана. Один пример декларирует своеобразную формулу проклятья при оставлении монастыря представителями братии. И большинство примеров (Богородица) посвящены праздникам и памятным дням святой, в честь которой монастырь был построен.

Текст «Стратегикона» пронизан более сложными примерами и отсылками к истории разных героев Нового и Ветхого Заветов. Как правило, большинство представленных примеров маркируют некоторые советы и рекомендации по гражданской (преимущественно) и военной службе, а также посыл к праведному поведению в обществе и семье. При этом в тексте наблюдается некоторое противоречие. В одном разделе трактата Кекавмен указывает, что Ветхий Завет богат на примеры военной тактики и стратегии и потому может быть полезен для военных. При этом

в «Стратегиконе» не упомянут ни один военачальник из Ветхого Завета, что лишний раз подтверждает компилятивный характер текста. Причины этого явления до конца не ясны: возможно, это говорит о том, что текст не был закончен, или что данные примеры остались в той лакуне, текст которой до нас не дошёл.

Список источников и литературы

1. The Old Testament in Byzantium / Eds. P. Magdalino & R. Nelson. Washington: Dumbarton Oaks, 2010. 337 p.
2. The New Testament in Byzantium / Eds. D. Krueger & R. Nelson Washington, 2016. 334 p.
3. *Rapp Cl.* Old Testament Models for Emperors in Early Byzantium // The Old Testament in Byzantium / Eds. P. Magdalino & R. Nelson. Washington, 2010. P. 175–198.
4. *Jeffreys E.* Old Testament “History” and the Byzantine Chronicle // The Old Testament in Byzantium / Eds. P. Magdalino & R. Nelson. Washington, 2010. P. 153–174.
5. *Морозов М.А.* К вопросу о складывании «новой» военной знати в Византии в конце X–XI вв. // Византийское государство в IV–XV вв. Центр и периферия. Барнаул: Изд-во АГУ, 1998. С. 36–40.
6. *Фонкич Б.Л.* О рукописи «Стратегикона» Кекавмена // Исследования по греческой палеографии и кодикологии IV–XIX вв. М.: ЯСК, 2014. С. 265–284.
7. *Kekaumenos.* Raccomandazioni e consigli di un galantuomo: Stratágikon / Ed. M.D. Spadaro. Alessandria. 1998. 255 p.
8. *Вальденберг В.Е.* История византийской политической литературы в связи с историей философских течений и законодательств. СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2015. 537 с.
9. *Литаврин Г.Г.* Кекавмен и его поучение // Кекавмен. Советы и рассказы. Поучение византийского полководца XI в. / подгот. текста, введ., пер. с греч., коммент. Г.Г. Литаврина. СПб.: Алетейя, 2003. С. 13–131.
10. *Кекавмен.* Советы и рассказы. Поучение византийского полководца XI в. / подгот. текста, введ., пер. с греч., коммент. Г.Г. Литаврина. СПб.: Алетейя, 2003. 714 с.
11. *Buckler G.* Writing Familiar to Cecaumenos // Byzantion. 1940–1941. Vol. 15. P. 133–143.
12. *Rourché C.* The Literary Background of Kekaumenos // Literacy, Education and Manuscript Transmission in Byzantium and Beoynd. Vol. 42. Leiden: Brill, 2002. P. 111–138.

13. *Дробышев М.И.* Хронологические указания в «Алексиаде» Анны Комнины и «Стратегиконе» Катакалона Кекавмена // Восточная Европа в античном и средневековом мире: XXXII Чтения памяти члена-корреспондента АН В.Т. Пашуто. М.: ИВИ РАН, 2020. С. 73–75.
14. *Иванов С.А.* // Одиссей. Человек в истории. Язык Библии в нарративе. М.: Наука, 2003. С. 9–12.
15. *Дробышев М.И.* Ветхозаветные персонажи в «Стратегиконе» Кекавмена // Восточная Европа в Древности и Средневековье: XXXIII Чтения памяти члена-корреспондента В.Т. Пашуто. М.: ИВИ РАН, 2021. С. 88–90.
16. *Литаврин Г.Г.* Был ли Кекавмен, автор «Стратегикона», феодалом? // Византийские очерки. М.: АН СССР, 1961. С. 217–240.
17. Le Typikon du sebaste Gregoire Pakourianos / Ed. par G.E. Gautier // Revue des Etudes Byzantines. 1984. T. 42. P. 5–142.
18. *Арутюнова-Фиданян В.А.* Типик Григория Пакуриана. Ереван: АН Армянской ССР, 1978. 249 с.
19. *Морозов М.А.* Мировоззрение пограничной знати Византийской империи в XI в. на примере Катакалона Кекавмена и Григория Пакуриана // История. Мир прошлого в современном освещении: сб. науч. ст. к 75-летию проф. Э.Д. Фролова. СПб.: Изд-во Санкт-Петерб. ун-та, 2008. С. 385–397.

УДК 94(495.02)"11"

Фролов Б.М.

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина,
Департамент «Исторический факультет», ассистент.
E-mail: frolov_boris@myrambler.ru

Практика литературного патронажа в Византии: Иоанн Цец и семья Каматиров

Аннотация. Статья посвящена анализу переписки византийского писателя Иоанна Цеца с представителями аристократической семьи Каматиров, ему покровительствовавших. Автор приходит к выводу, что для сохранения материальной поддержки со стороны Каматиров Иоанн Цец был вынужден смягчать критику и оказывать услуги, не связанные с написанием произведений на заказ, в частности, заниматься толкованием снов.

Ключевые слова: Иоанн Цец, византийская культура, меценатство, Комниновское Возрождение.

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках научного проекта № 25–78–10205 «Социум городских центров северо-восточного Средиземноморья XIV–XV вв. в условиях внешней угрозы».

Frolov B.M.

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin,
Ural Institute for Humanities, History Department, assistant.
E-mail: frolov_boris@myrambler.ru

Literary Patronage in the 12th-century Byzantium: The Case of John Tzetzes and the Kamateros Family

Abstract. The article devoted to an analysis of the correspondence of Ioannes Tzetzes with members of the aristocratic Kamateros family. The author concludes that in order to maintain the material support of the Kamateroi, Tzetzes was forced to tone down his criticism of rivals and provide services unrelated to writing commissioned works, in particular, by interpreting dreams.

Keywords: John Tzetzes, byzantine literature, literary patronage, Comnenian Renaissance.

Acknowledgements. The research is supported by the Russian Science Foundation, project no. 25–78–10205 *Society of Urban Centers of the North-Eastern Mediterranean in the 14–15th centuries in Conditions of external threat*.

К новым явлениям в византийской интеллектуальной жизни Комниновской эпохи относится покровительство знатных и состоятельных особ литераторам [1, p. 182]. Практически перед каждым писателем той поры стояла задача найти щедрого мецената [2, p. 59]. Интеллектуалы и их патроны формировали достаточно замкнутую среду, контакты внутри которой были очень тесными. Эта среда также была весьма конкурентной, так как количество потенциальных меценатов было невелико, и, как правило, они были членами большого «клана Комнинов» и родственных им аристократических семей. При дворе и в домах аристократов грамматики, риторы и философы боролись за внимание и материальную поддержку одних и тех же покровителей [3, с. 311]. Чтобы продемонстрировать свое превосходство над конкурентами, интеллектуалам нужно было создавать утонченные произведения, наполненные аллегориями, отсылками к античной классике и сложными риторическими оборотами.

Имена многих аристократов-покровителей и их протеже того времени хорошо известны, однако сам феномен меценатства эпохи Комнинов изучен слабо. Первые исследования, посвященные этой теме, появились недавно [2, 4, 5, 6].

В данной статье мы рассмотрим отношения Иоанна Цеца, одного из наиболее известных византийских интеллектуалов XII в., с представителями влиятельной семьи Каматиров [4, p. 306], опираясь на сведения, содержащиеся в его письмах[1] [7] к Андронику Каматиру, сыну великого логофета Григория Каматира и Ирины Дукены [8, s. 217], его брату Феодору, а также Димитрию, подчиненному Андронику чиновнику, который имел должность ἐκ προσώπου.

Два послания Иоанна Цеца Феодору Каматиру отличаются краткостью, часто состоят всего из нескольких фраз. В качестве примера приведем одно из них: «Благоразумный, ты ведешь государственные дела и по природе подобен Ферамену: свое сам получаешь обратно, а чужого не отдаешь. Будь здоров» (Ep. 86. P. 127, 12–14). По мнению М. Грюнбарта, в данном письме речь идет о невозвращенной влиятельным покровителем книге, которую тот получил от своего протеже [8, s. 216]. Обмен книгами — распространенная практика среди византийских интеллектуалов, один из признаков «ученой дружбы» [9, p. 31]. По такому краткому письму сложно судить о дружбе корреспондентов, но, по крайней мере, ясно,

[1] Далее ссылки даются по изданию: Ioannis Tzetzae epistulae / Ed. P.L.M. Leone. Leipzig: Teubner, 1972 с указанием номера письма, страницы и строки.

что патроны не были чужды образованности и разделяли литературные вкусы опекаемых ими интеллектуалов.

Оба послания Феодору заканчиваются простым пожеланием здоровья — ἔρρωσο (Ep. 86. P. 127, 14; Ep. 87. P. 127, 20). Такая форма прощания впервые появляется в эпистолярном общении в XII в. Подобное завершение послания можно встретить у Феодора Продрома и других современников Иоанна Цеца [10, с. 214]. В XIII в. и позднее это пожелание становится общеупотребительным.

Однако, несмотря на наличие общих литературных интересов, в Византии XII в. писатель, не имевший иного источника доходов, кроме творчества, полностью зависел от покровителя и был вынужден регулярно напоминать о себе и своих трудностях. Так, упоминавшемуся выше Феодору Иоанн Цец сообщает, что слаб и болен и, не имея покровителя (δαιμόνιον), не может позволить себе приобрести и поросенка (Ep. 87. P. 127, 20). Но в византийской эпистолярной практике рассматриваемого периода было не принято жаловаться на стесненное материальное положение напрямую. Поэтому Иоанн Цец, обращаясь к патрону за поддержкой, ссылается на болезнь и говорит иносказательно, поскольку пассаж о поросенке в данном случае является устойчивым выражением, а не буквальной просьбой.

Но не только отсутствие заказов могло пошатнуть материальное благополучие писателя. Разногласия в литературных вкусах с образованным патроном могли сыграть с интеллектуалом злую шутку. Из послания Феодору известно, что однажды Иоанн Цец написал ямбы, в которых высмеял молодого поэта по имени Григорий, которого не знал лично (Ep. 89. P. 129, 1–9). Вскоре объект насмешек узнал о содержании стихов. Поскольку Григорий также пользовался покровительством Каматиров, Цецу пришлось оправдываться за свою язвительность и просить вслух прочесть его стихи «в общем собрании» (ἐν κοινῷ συλλόγῳ), чтобы аудитория могла оценить их содержание (Ep. 89. P. 129, 17–21). В качестве третейского судьи писатель просил братьев Феодора и Андроника пригласить их «племянника философа Михаила» (Ep. 89. P. 129, 19–20) и не названного по имени референдария — чиновника патриарха, который, судя по словам Цеца, был тем, кто, исказив смысл, сообщил Григорию содержание высмеивающих его стихов (Ep. 89. P. 129, 10–18). По мнению М. Грюнбарта, поэтом Григорием был не кто иной, как Григорий Антиох, который позднее посвятил несколько произведений Андронику Каматиру [4, p. 310].

Эта история демонстрирует, что в Византии XII в. интеллектуалу, даже тому своенравному, как Иоанн Цец, чей тяжелый характер отмеча-

ли исследователи [11, p. 190], иногда приходилось поступаться своими взглядами, чтобы иметь возможность зарабатывать на жизнь интеллектуальной деятельностью [2, p. 80].

Благополучию интеллектуала угрожали не только конфликты, вызванные несдержанностью характера, но и интриги конкурентов, о чем свидетельствует письмо Цеца к Андронику, в котором описывается подобная ситуация: «Пансеваст, севаст и мой владыка, вчера с наступлением ночи мне сообщили о содержании написанного обо мне; поэтому с твоей помощью пусть будет отправлено письмо моему владыке, твоему же брату, и мои самые краткие стихи, которые я наскоро составил, в которых содержится побуждение экзарху и похвала за то, что он сочиняет стихи для компании тех, кому очевидно написанное» (Ep. 90. P. 130, 14–20). В конце этого письма Цец в свойственной ему манере угрожает недоброжелателям, используя для этого цитату из Гомера: «Теперь пусть это [письмо] будет отправлено, “чтобы Гектор узнал, хорошо ли владеют копьем эти руки”» (Ep. 90. P. 131, 1–2). Это послание свидетельствует, что в упомянутом выше литературном кружке, который устраивали братья Каматиры [4, p. 306], отношения между приглашенными интеллектуалами были напряженными, в кружке царил дух соперничества и зависти к чужим успехам. Тем не менее, перед патроном Иоанн Цец не мог открыто возмущаться интригами конкурентов, поэтому он описал ситуацию, не называя имен, а критику смягчил похвалой и скрыл за цитатой из классического произведения.

В условиях конкуренции с коллегами по ремеслу и постоянного поиска средств к существованию интеллектуал пытался быть полезным своему покровителю не только литературными талантами. Примером тому служит послание, адресованное Димитрию, подчиненному Андроника Каматира. Как считают исследователи, оно содержит жалобу на некоего сапожника, который содержит насильно обращенных в рабство людей [8, s. 220]. Чтобы обратить внимание адресата на свою просьбу, Иоанн Цец буквально «оживляет» законы: «Господин мой представитель, вообрази, что сегодня сами Законы, плачущие, смотрят на тебя с надеждой и горюют о своем крайнем бесчестии и, хватаясь за твои колени, страстно упрашивают тебя помочь» (Ep. 101. P. 147, 12–16). Обращаясь к Димитрию фактически с доносом на сапожника, Цец, тем не менее, не упустил случая продемонстрировать свою эрудицию: он сравнивает нарушителя с Фаларисом и Дионисием, древним тираном Сиракуз (Ep. 101. P. 148, 3). Преступления такого рода, действительно, относились к компетенции Андроника Каматира, который после 1155 г. занимал пост эпарха Кон-

стантинополя [8, s. 217]. Обращение к Димитрию, таким образом, должно было напомнить его господину, Андронику, о существовании полезного эрудита Иоанна Цеца.

Помимо исполнения обязанностей эпарха, Андроник Каматир был доверенным лицом императора Мануила I (1143–1180), принимал участие в церковных соборах и также был известен как меценат и покровитель образованных людей [12, p. 89, 344, 504]. Как и многие представители аристократии эпохи Комнинов, он разделял интерес императора к вещам, неоднозначным с точки зрения Церкви: астрологии, толкованию снов и другим оккультным наукам [13, с. 188]. В пользу этого свидетельствует и тот факт, что византийские астрологические тексты XII в. содержат только одно имя — некоего Иоанна Каматира [13, с. 186]. Таким образом, в семье Каматиров было распространено увлечение астрологией.

Одно из посланий подтверждает, что Иоанн Цец предоставлял своему патрону услуги по толкованию снов: «Пансеваст, севаст и святой мой владыка, твой сон указывает на речи врага, готовящегося отсечь тебя от любви императора. Но крепкий и полный сил разум самодержца, тот царственный и прекрасный юноша, не позволит палачу совершить то, что он хочет» (Ep. 103. P. 149, 13–18).

Толкование снов было одним из средств, с помощью которых аристократы, опасавшиеся потерять свой привилегированный статус, пытались предугадать интриги политических противников. Представители элиты прибегали к подобным практикам, поскольку не чувствовали себя в полной безопасности: если внешнеполитическое положение империи, отразившей усилиями Алексея I (1081–1118) и Иоанна II (1118–1143) большинство нападений соседей, было достаточно стабильно, то во внутриполитической жизни постоянно шла борьба за власть, в которую была вовлечена аристократия. Известны несколько серьезных заговоров, организованных членами клана Комнинов, с целью свержения Иоанна II и Мануила I [12, p. 193]. Другие аристократические семьи также принимали участие в этих интригах. К этому стоит добавить борьбу внутри элиты за титулы и влияние на императора.

Таким образом, Андроник Каматир, получив дурные предзнаменования во сне, беспокоился о своем положении при дворе. Задача интеллектуала состояла в том, чтобы правильно истолковать сновидение — так, чтобы, с одной стороны, не рассердить заказчика и, с другой, не дать такой совет, который бы мог навредить карьере патрона.

Однако, несмотря на оказанное доверие, выраженное в просьбе истолковать сон, вряд ли можно говорить о дружбе между корреспон-

дентами. В переписке с Каматирами совсем нет упоминаний об обмене подарками, который был важной частью общения образованных людей в Византии [9, p. 31]. Известно лишь одно упоминание о передаче Цецем севасту Каматиру, вероятно, Андронику, чужого дара — кинжалов (Ep. 69. P. 98, 14–15), но, во-первых, это был не подарок от Андроника и, во-вторых, этот случай упоминается в письме третьему лицу и не может рассматриваться как дружеский жест. Содержание посланий к Феодору и Андронику включает эпистолярные формулы восхваления адресата и надежды на его заступничество, что позволяет отнести эти письма к типу просительных, направляемых к высокопоставленному адресату [14, с. 1336–1337].

Таким образом, представители семьи Каматиров были способны оценить способности Иоанна Цеца. Выполняя заказы других патронов, например, императрицы Ирины, первой жены императора Мануила I, и севастократисы Ирины, супруги Андроника Комнина, сына императора Иоанна II, Цец жаловался на расплывчатость инструкций, полученных от заказчиков. Это обстоятельство, по мнению писателя, мешало ему продемонстрировать свой талант должным образом [2, p. 89]. Для упомянутых выше царственных покровительниц Цец писал работы, целью которых было объяснить смысл важнейших произведений древнегреческой литературы — «Илиады» и «Одиссеи» Гомера и «Теогонии» Гесиода. В собраниях литературного кружка, которые проводились в доме Каматиров, по-видимому, обсуждались более утонченные тексты, а требования к произведениям, создававшимся на заказ, были четко определены.

Андроник, Феодор и Михаил Каматиры были способны расшифровать многочисленные отсылки к мифологии и древней истории, которыми Иоанн Цец украшал свои произведения, что подтверждает эпитафия, составленная Иоанном Цецем по случаю смерти Феодора Каматира. Эпитафия составлена с соблюдением жанровых канонов и содержит рассуждения автора о неизбежности смерти [15, s. 7]. Приводя же примеры тех, кого ни сила, ни власть, ни красота не смогли уберечь от смерти, Цец называет имена героев древней истории, известных только ученым-филологам: бегунов Ификла и Фаилла, атлетов Мирона и Полидамаса, механиков Архимеда и Артемона и других [16, s. 11]. Используя эти малоизвестные широкому кругу читателей имена, Цец был уверен, что его работа будет высоко оценена представителями семьи Каматиров, известных ценителей образования и утонченной литературы.

Итак, пример переписки Иоанна Цеца и Каматирами показывает, что представители этой аристократической семьи обладали высоким уров-

нем образованности — они не только заказывали опекаемым ими интеллектуалам утонченные произведения, но и разделяли их литературные вкусы. Но если вкусы мецената и литератора расходились, то даже Иоанн Цец, известный своим независимым характером, был вынужден поступаться своим мнением, боясь опалы в условиях высокой конкуренции с коллегами по перу. По этой же причине Цец, всегда острый на язык в отношении конкурентов, в переписке с Каматирами смягчал критику в их адрес, выражая свои обвинения и критику иносказательно. Чтобы получать средства к существованию, от интеллектуала требовалось не только следить за настроением и вкусами патрона, но и регулярно напоминать о себе и своих нуждах, а также оказывать услуги, не связанные с написанием произведений на заказ.

Список источников и литературы

1. *Mullet M.* Aristocracy and Patronage in the Literary Circles of Comnenian Constantinople // The Byzantine Aristocracy IX to XIII Centuries / Ed. M. Angold. Oxford: B.A.R., 1984. P. 173–201.
2. *Lovato V.F.* From Cato to Plato and Back Again: Friendship and Patronage in John Tzetzes' Letters and Chiliades // Classica et Mediaevalia. 2022. Vol. 70. P. 59–98.
3. *Диль Ш.* Византийские портреты / пер. М. Безобразовой. М.: Искусство, 1994. 448 с.
4. *Grünbart M.* 'Tis love that has warm'd us. Reconstructing Networks in 12th Century Byzantium // Revue belge de philologie et d'histoire. 2005. No. 83 (2). P. 301–313.
5. *Rhoby A.* Ioannes Tzetzes als Auftragsdichter // Graeco-Latina Brunensia. 2010. Vol. 15. Iss. 2. S. 150–177.
6. *Jeffreys E.* The Sebastokratorissa Irene as Patron // Female Founders in Byzantium and Beyond / Ed. L. Theis, M. Mullett, M. Grünbart, G. Fingarova, M. Savage. Wien: Böhlau, 2014. P. 177–195.
7. Ioannis Tzetzae epistulae / Ed. P.L.M. Leone. Leipzig: Teubner, 1972. 218 p.
8. *Grünbart M.* Prosopographische Beiträge zum Briefcorpus des Ioannes Tzetzes // Jahrbuch der österreichischen Byzantinistik. 1996. Bd. 46. S. 175–226.
9. *Karpozilos A.* Realia in Byzantine Epistolography X–XII c. // Byzantinische Zeitschrift. 1984. Bd. 77. P. 20–37.
10. *Попова Т.В.* Византийская эпистолография // Византийская литература / под ред. С.С. Аверинцева. М.: Наука, 1974. С. 181–231.
11. *Wilson N.G.* Scholars of Byzantium. London: Gerald Duckworth & Co Ltd., 1996. 286 p.

12. *Magdalino P.* The Empire of Manuel I Comnenos, 1143–1180. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. 558 p.
13. *Магдалино П.* Византийская астрология: наука между православием и магией / пер. А. Виноградова. М.: АСТ, 2024. 320 с.
14. *Черноглазов Д.А.* Как написать прошение к вельможе? Византийский учебник по ars epistolandi и его практическая значимость // Индоевропейское языкознание и классическая филология. 2018. № 2. С. 1329–1342.
15. *Petrides S.* Epitaphe de Theodore Kamateros // Byzantinische Zeitschrift. 1910. Bd. 19. S. 7–10.
16. *Maas P.* Zwei Noten zu dem Epitaph des Tzetzes auf Theodoros Kamateros // Byzantinische Zeitschrift. 1910. Bd. 19. S. 11.

УДК 94 (495)

Сустов Д.А.
Санкт-Петербургский государственный университет,
Институт истории, студент магистратуры.
E-mail: Oginski311@gmail.com; st090816@student.spbu.ru

От географии к политике: город и горожане в риторике Никиты Хониата

Аннотация. Византия XII — начала XIII в. переживала рост урбанизации и значения городов, что ярко выражалось в сфере политического самосознания правящей и интеллектуальной элиты империи. В статье рассматривается, какая роль отведена городу и горожанам в «Истории» Никиты Хониата, одного из наиболее заметных историографов империи ромеев.

Ключевые слова: Византия, Никита Хониат, политическая география, риторика, город, горожане.

Sustov D.A.
Saint Petersburg University, Institute of History,
Master's Program, Student.
E-mail: Oginski311@gmail.com; st090816@student.spbu.ru

From Geography to Politics: The City and Its Inhabitants in the Rhetoric of Niketas Choniates

Abstract. Byzantium in the 12th — early 13th centuries experienced growth in urbanization and an increased importance of cities, a development particularly evident in the political self-consciousness of the empire's ruling and intellectual elite. This article examines the role assigned to the city and its inhabitants in the *History* of Niketas Choniates, a leading Byzantine historiographer.

Keywords: Byzantium, Niketas Choniates, political geography, rhetoric, the city, urban inhabitants.

Никита Хониат, писавший свою *Историю* как хронологическое продолжение «Алексиады» Анны Комнины, ведет летопись политической жизни Византийской империи с 1118 г. до событий Четвертого крестового похода, освещая как внешнеполитические события, так и законодательную жизнь, интриги и процессы в самой державе ромеев. При этом на протяжении всего труда историк уделяет значительное внимание городу и горожанам, рассматривая их и как важный элемент повествования,

и как риторический инструмент аргументации, что явилось предметом настоящей статьи.

Посвящая весомую часть объема своего труда хронике военных походов императоров и отражения внешних угроз (турецкой, норманнской, половецкой и т. д.), Хониат упоминает те или иные города в каждой своей книге, причем некоторые из них он удостаивает особыми эпитетами, подчеркивающими их значение: «славный», «царственный», «знаменитый». Практически во всех случаях выделенные таким образом города принадлежат или оспариваются Византией и лишь для Рима Хониат делает исключение, называя его «древним городом Римом» [1, с. 123], причем и в данном случае авторский троп служит скорее ромейской риторике автора: упоминая топоним «Рим» в связке с эпитетом «древний», Хониат подразумевает наличие нового, «современного» Рима — Константинополя. Закономерность в применении автором «хвалебных» тропов свидетельствует о том, что это — сознательный жест, как выражающий его собственные патриотические настроения, так и призванный передать их адресату его труда.

Подтверждение тому, что эти своеобразные энкомии городам являются плодом авторского замысла, а не следствием сложившейся в Византии нарративной традиции, мы обнаружим, обратившись к другому знаменитому памятнику византийского историописания — Хронографии Михаила Пселла. Пселл в целом реже, чем Хониат, упоминает провинциальные ромейские города, но и упоминая их, не употребляет к ним никаких тропов: даже в случае с Антиохией он ограничивается лишь названием города [2, с. 24, 25, 138]; Афины же Пселл и вовсе называет в контексте размышлений об античном культурном наследии и политических практиках [2, с. 82, 109] — для него это город прошлого, но не настоящего. Для Пселла актуальнее подчеркивать историческое наследие и значение городов, чем обращаться к их современному положению и использовать как аргумент в рамках имперского нарратива, что характеризует его как эстета, черпавшего вдохновение в античной культуре, на что Стратис Папаиоанну обращает внимание в монографии “Michael Psellos. Rhetoric and Authorship in Byzantium” [3, p. 166–168]. Таким образом, в случае эпитетов Хониата, посвященных городам, мы имеем дело с когнитивным нарративом, служившим автору для выражения его политической программы.

Чаще всего упомянутый прием закономерно применяется к столице империи, Константинополю, тем самым подчеркивая его социально-политический статус, которому Хониат уделяет особое внимание [4,

p. 185]. Следует отметить светский характер авторского восприятия и презентации города: в фокус внимания писателя, стремящегося подчеркнуть особый, уникальный статус столицы не только империи, но мира, попадают не столько монастыри и монументальные храмы, сколько общественные строения: ипподром, дворцы, форумы, в то время как строительство религиозных сооружений писатель даже склонен критиковать [4, p. 186]. Явный дисбаланс в пользу столицы, в полной мере выражающийся статистически, в своем труде «Никита Хониат и его время» отмечал классик советской византинистики Александр Каждан [5, с. 50–51]. Тем не менее, американо-греческий историк Э. Калделлис в монографии «Византийская республика» доказывает, что политическая жизнь государства не сводится лишь к столице: жители других городов также занимают ту или иную сторону в гражданских войнах, провозглашают своих лидеров [6, с. 231–243]. В связи с этим представляет интерес, какое место занимают в *Истории* провинциальные города. Так, помимо Константинополя, автор выделяет и другие города империи: Никею (как «главный город вифинский») [1, с. 12]; «прекрасный город Антиохию» [1, с. 34]; «славный город Фессалоника» [1, с. 378] — крупнейшие города Византии XI–XII вв. Хотя эти упоминания сделаны в контексте военных событий, они свидетельствуют о том, что мировосприятие образованного, приближенного к императору подданного империи, не сводится исключительно к столице: Византия не только империя Константинополя, но и империя городов, синтезировавших античную и христианскую идентичность. Таким образом, утверждение Э. Калделлиса находит и риторическое подтверждение в труде византийского летописца.

Хониат также применяет эпитеты в отношении Коринфа, Атталии и Гангры, называя последнюю «одним из знаменитых и величайших городов понтийских, который не так давно подпал под власть персов» [1, с. 26], что, с одной стороны, демонстрирует осознание современных автору политических реалий, а с другой — историческую память о греческом прошлом региона. Такая историческая память и связь с античной Грецией, подразумевающая эллинскую идентичность Хониата и ромейского общества, проявляется разнообразно: в упоминании богов и их статуй [7, p. 63–66], в многочисленных цитированиях Гомера [7, p. 66–67]. Таким образом, анахроничные топонимы и этнонимы выполняют кроме литературной еще и политико-прагматическую функцию, консервируя в умах византийцев ту реальность, где вся Анатолия являлась неоспоримой частью античной (греко-латинской) цивилизации. Отметим также: у всех выделенных византийским историком имперских городов древняя

история, уходящая корнями в эпоху эллинизма (в некоторых случаях — еще раньше); эти города относятся к греческой, а не славянской половине империи.

Никита Хониат — не сухой обезличенный повествователь, он не только манифестирует свою точку зрения на те или иные события, но и дает эмоциональные оценки, выражает авторскую субъектность, что ставит его в один ряд с такими византийскими авторами как Михаил Пселл и Прокопий Кесарийский. В связи с этим представляет интерес, как этот историк воспринимает и трактует ключевые события в жизни горожан — взятие и разграбление городов армиями противника.

Прежде всего, «римлянин» для Хониата — свободный человек, и мирная жизнь в римском городе, невзирая на высокие налоги или деспотичного императора — жизнь свободного человека, в противоположность тем лишениям и тому рабству, с которыми сталкиваются византийцы, попадая в оккупацию или плен. Эта дихотомия обозначена Хониатом неоднократно, но особенно явно и прямо она выражена при описании ограбления Керкиры, жители которой «спасаясь от дыма уплаты податей, по своей глупости, попали в пламя рабства», а также на примере судеб фивян и коринфян, угнанных в плен королем Рожером II. Так, если бóльшая их часть получила *свободу* после заключения мира между Византией и Сицилией, ткачей и их жен, удержанных в королевстве, греческий историк сравнивает с эретрийцами, обращенными в *рабство*, персидским царем Дарием I [1, с. 125]. Такая архаизация, исполненная пафоса, передает сочувствие и солидарность, питаемые столичным интеллектуалом в отношении своих сограждан, а также служит еще одним примером того, как византийцы второй половины XII в. (когда был написан 1-й том *Истории*) отождествляли себя с античными эллинами. Более того, это один из немногих случаев, когда Хониат, с предубеждением относящийся к торгово-ремесленной прослойке византийских горожан [5, с. 56–57], выражает им явное сочувствие.

Не менее показательно и то, насколько по-разному сообщается о взятии и утрате византийцами тех или иных городов. О возвращении Мануилом Комниным суверенитета над городами Киликийской Армении в ходе похода 1158–1159 гг. Хониат пишет: «он доходит до Аданы и до других городов, сопредельных с нижней Арменией, избавляет их от страданий, которые они терпели от Торуса, и ограждает надлежащей безопасностью» [1, с. 129]. В рамках византийского нарратива историограф подчеркивает, что император и его войско приносят мир и порядок, *освобождая* горожан от произвола армянского деспота. Когда же Хониат

доходит до событий, изобличающих и компрометирующих действия ромейских солдат, он не игнорирует и не отрицает их, но действует намного тоньше: он отвлекает читателя, смещая акценты. В рассказе о штурме и взятии Зевгмина упомянуты сопутствующие этому убийства жителей, но автор сразу же передает «занимательный случай», захватывающий внимание читателя — убийство знатным жителем города собственной супруги перед лицом изнасилования «римским» солдатом. По дальнейшим рассуждениям видно, что это частное происшествие действительно занимает Хониата больше общей картины разорения города, захваченного не без помощи местных жителей, о чем историк также не преминул упомянуть [1, с. 171–172]. Таким образом, Хониат либо подчеркивает, что Византия приносит порядок и избавление в захваченные и возвращенные города, либо прибегает к нарочитому сгущению красок на второстепенных деталях, чтобы оттенить главное.

Совсем иной случай — захват городов Византии ее многочисленными соседями. Описывая разграбление ромейских городов, Хониат исполнен драматического негодования, выражающегося как в осуждении действий захватчиков, сожалении и рефлексии о судьбах империи, так и в молитвах и обращениях к Богу — стиль становится возвышенным, проникновенным, писатель активно цитирует Писание, его язык обогащается метафорами и архаизированными сравнениями. Рассказывая о захвате Калояном Варны, Хониат отмечает жестокость болгарского царя, заживо похоронившего пленников, вместе с тем отмечая «дьявольскую» природу этого поступка — «как бы подстрекаемый демонами», он совершает массовое убийство в субботу [8, с. 263]. Таким образом, инвективная риторика Хониата базируется как на скрупулезном, но эмоциональном описании событий, так и на апелляциях к христианским религиозным нормам и практикам. Кульминация *Истории* — описание разграбления Константинополя латинянами, плач по городу и молитва о милости к ромеям [8, с. 322–333], где авторская риторика достигает патетического пика, в полной мере демонстрируя, насколько этот интеллектуал сознает себя «римлянином».

Однако при всем патриотизме и сочувствии соотечественникам, Хониат не умалчивает о том вкладе, который византийская «городская толпа» внесла в развитие и углубление конфликта греков и латинян. Естественно, что автор подробно и с применением оценочных суждений описывает, как эскалировали отношения в 1118–1204 гг. последние: военные действия, грабежи и провокации — ничто не осталось без внимания, став объектом не только нравственной, политической, но и цивили-

зационной критики. Куда занятнее, что вместе с этим в *Истории* красной нитью проходит противоположный сюжет: влияние византийских горожан на внешнюю политику Восточного Рима.

Городские выступления — общий сюжет для Хониата и Пселла, описавшего восстание в столице против Михаила V [2, с. 60–65], однако в образе горожан и их действий у двух хронистов есть существенные различия. Хроники константинопольских восстаний у Пселла — активного участника византийской политики, не только историографа, но и практика, — намного более детализированы, в то время как Хониат изображает ход событий широкими мазками. Милена Репажич в статье "The Political Thought of Psellos in the *Chronographia*: the Wise Advisor, the Clever General and the City" обнаруживает связь между политической нестабильностью XI в. и усилением влияния константинопольцев на политическую жизнь империи [9, p. 69]. В свою очередь, это изменение в конфигурации сил стало основанием для большего внимания Пселла к психологии, структуре и образу жизни горожан.

Пселл в восставших народных массах выделяет ремесленников, «рыночный люд» и женщин, повествует о каждом этапе городского возмущения: выступление, погромы домов родственников Михаила V, провозглашение Феодоры императрицей и последующие гуляния. Не менее значима и категоризация восставших по уровню их умеренности: Пселл отделяет буйствующий охлос от более сознательной умеренной части восставших, явно симпатизируя вторым [10, p. 68]. Если для Хониата народ представляет собой хаотичную стихию, свирепую и алчную до чужой собственности [1, с. 8–10, 322], Пселл подмечает у жителей столицы наличие тактики и командования [2, с. 64] и прямо называет их войском [2, с. 61].

Городское население у Пселла являет собой значимый силовой фактор не только в эпизодах противостояния с фактической властью, но и, напротив, когда встает на сторону законного правителя. Пусть жителям Константинополя не достало дисциплины, чтоб выдержать натиск мятежного аристократа Льва Торника во время одного из его штурмов столицы [2, с. 103] в 1047 г., Пселл признает за ними страсть к военному делу. Он отмечает вклад горожан в строительство оборонительных сооружений, добровольное участие в боях и последовательность в поддержке слабеющего Константина IX [2, с. 102–104]. Таким образом, хотя оба летописца принадлежали к интеллектуально-бюрократическому [10, p. 13] слою византийского общества, народный фактор не всегда трактуется ими как строго негативное явление — в этом ключе народ, под-

держивающий Феодору или Константина IX и способствовавший приходу к власти Иоанна Комнина, не встречает осуждения летописцев, хотя и остается чужеродным элементом, как для Пселла, так и для Хониата. Однако противостояние жителей Константинополя и латинян является особенным фактором, проявившимся во всей полноте лишь в эпоху, описанную Хониатом.

Особенно яркие вспышки насилия по отношению к иноземцам произошли в правление императоров Мануила (1147) [1, с. 80–81; 84–85], Алексея II (1182) [1, с. 322–323] и Исаака Ангела (1187) [8, с. 47–51]. В первом случае все началось с убийства и ограбления неназванного заболевшего родственника короля Германии Конрада III, что едва не спровоцировало войну греческой и германской империй, но конфликт усилиями византийской знати был вовремя погашен. Однако после этого эпизода сам византийский император стремился нанести всяческий ущерб проходившему по его владениям войску крестоносцев, организовывая засады на их отряды и потворствуя недоброжелательным действиям горожан. Летописец прямо пишет о безучастии, многочисленных случаях мошенничества (когда жители, получая от рыцарей золото, продавали неравноценно меньше припасов или не продавали вовсе ничего) и отравления византийцами латинян.

Обстоятельства резни латинян 1182 г. также описаны Хониатом во всех подробностях: возмущение столичной толпы против жителей богатых итальянских кварталов, масштабные ограбления и убийства. Историк не оставляет без внимания и реакцию иноплеменников: панику, попытки укрыться от расправы, бегство и посильное мщение «римлянам». Что касается событий 1187 г., они примечательны тем, что вначале одна часть жителей Константинополя (преимущественно, маргинализированная) вместе с латинским отрядом Конрада Монферратского сжигает и грабит города и селения жителей Пропонтиды, затем другая (по Хониату, ремесленники) стихийно поднимается уже против иностранцев, впрочем, из-за военного преимущества последних и усилий византийского императора, безуспешно и со значительными потерями для себя.

Хаотичный ход данных событий иллюстрирует, насколько велика была степень дестабилизации политической жизни в Византийской империи и насколько всеобъемлющей стала вражда православных греков и латинян к концу XII в. Начавшись в VIII–IX вв. с конфликта церквей и периодически обостряемая правителями обеих сторон, она в XII в. проникает в городские массы так, что, будучи изначально одним из внутриполитических акторов, влияющим на решения и балансы в государстве

[6, с. 189–215], они начинают влиять и на внешнюю политику, все более изолируя слабеющую империю от остальной Европы. Так, со стороны участников Третьего крестового похода это выражалось как в недоверии к грекам, доходившем до того, что им приписывали злоупотребления соседних болгарских властей [11, с. 256–257], так и в реальных действиях — разорении фракийских городов [11, с. 261].

Описывая данные вспышки насилия подробно и досконально, Хониат воздерживается от критики властей, но и не дегуманизирует пострадавших латинян, прямо осуждая византийских горожан: случаи обмана голодных участников Второго крестового похода он называет несправедливостью, а тех соотечественников, кто, забрав деньги, вовсе не оставлял ничего взамен — «негоднейшими из городских жителей» и «особенно бесчеловечными» [1, с. 84]. Хотя для событий времен правления Мануила историк находит оправдание в том, что такая политика предупреждает от дальнейших вторжений с запада, в дальнейшем Хониат меняет свое мнение. Об инициаторах столичных столкновений 1187 г. он пишет как об аспидах, пренебрегающих *умными* речами о *мире* [8, с. 49]. Так как второй том *Истории* написан после захвата Константинополя крестоносцами, можно утверждать, что имевшее место переосмысление писателем конфронтации с католиками явилось и следствием рецепции политических событий начала XIII в., а не только различными обстоятельствами рассмотренных эпизодов.

Таким образом, Никита Хониат являет нам пример византийского интеллектуала, который, оставаясь патриотом империи и транслируя в *Истории* свою римскую идентичность, критически осмысливает действия своих сограждан, активно им сопереживая. Города у Хониата выражают богатство и величие империи, в то время как люди подвержены страстям и совершают ошибки. Описывая преступления крестоносцев в Константинополе и видя в гибели империи божественную кару, историк не снимает ответственность и с византийцев, что в конечном итоге свидетельствует о высоком уровне объективности и политической культуры византийской историографии.

Список источников и литературы

1. Никита Хониат. История со времени царствования Иоанна Комнина: в 2 т. Т. 1. СПб., 1860.
2. Михаил Пселл. Хронография / пер., ст. и примеч. Я.Н. Любарского. М.: Наука, 1978. 320 с.

3. *Papaioannou S.* Michael Psellos. Rhetoric and Authorship in Byzantium. Cambridge University Press, 2013.
4. *Simpson A.* Narrative Images of Medieval Constantinople // Simpson A. Efthym iadis S. Nicetas Choniates. A Historian and a Writer. Geneva: La Pomme d'Or, 2009. 279 p.
5. *Каждан А.П.* Никита Хониат и его время / подгот. изд. Я.Н. Любарского, Н.А. Белозеровой, Е.Н. Гордеевой; предисл. Я.Н. Любарского. СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2005. 544 с.
6. *Калделлис Э.* Византийская республика: народ и власть в Новом Риме / Энтони Калделлис; пер. и отв. ред. В.И. Земскова. СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2016. 448 с.
7. *Urbainczyk T.* Writing about Byzantium: The History of Niketas Choniates. Birmingham: University of Birmingham, 2018. 147 p.
8. Никита Хониат. История со времени царствования Иоанна Комнина: в 2 т. Т. 2. СПб., 1862.
9. *Repajic M.* The Political Thought of Psellos in the *Chronographia*: the Wise Advisor, the Clever General and the City // Making and remarking of Byzantium. Belgrad, 2016.
10. *Simpson A.* Niketas Choniates. Oxford: Oxford University Press, 2013. 372 p.
11. *Лучицкая С.И.* Рыцари, крестоносцы и сарацины. Запад и Восток в эпоху крестовых походов. СПб.: Евразия, 2021. 480 с.

УДК 94(4 95).04

Галиев А.Р.

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Уральский гуманитарный институт, Департамент «Исторический факультет», студент магистратуры.
E-mail: galiew.alex@yandex.ru

Роль сербов в гражданской войне 1341–1347 гг. в восприятии византийских писателей[1]

Аннотация. В данном исследовании предпринимается попытка охарактеризовать роль сербов в гражданской войне 1341–1347 гг. в восприятии византийских писателей. Автор приходит к выводу, что сербы сыграли двойственную роль, так как они являлись и временными союзниками, и внешними врагами, вмешательство которых усугубило негативные последствия гражданской войны.

Ключевые слова: Стефан Душан, сербы, Македония, Гражданская война 1341–1347 гг.

Galiev A.R.

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Ural Institute for Humanities, History Department, Master's program, Student

The Role of the Serbs in the Civil War of 1341–1347 in the Perception of Byzanine Writers

Abstract. This study attempts to characterize the role of the Serbs in the Civil War of 1341–1347 in the perception of Byzantine writers. The author concludes that the Serbs played a dual role, as they were both temporary allies and external enemies, whose intervention aggravated the negative consequences of the civil war.

Keywords: Stefan Dušan, Serbs, Macedonia, Civil War of 1341–1347.

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках научного проекта № 25–78–10205 «Социум городских центров северо-восточного Средиземноморья XIV–XV вв. в условиях внешней угрозы».

В период с 1341 по 1347 г. Византийская империя переживала гражданскую войну, развернувшуюся между сторонниками Иоанна VI Кантакузина, претендовавшего на императорский престол, и константинопольским правительством, в состав которого входили императрица Анна Савойская, патриарх Иоанн Калека и великий дука Алексей Апокавк. В 1342 г. Кантакузин заключил военный союз с сербским королем Стефаном Душаном, который, однако, распался уже в 1343 г., и сербы перешли к завоеванию византийских территорий. В данной работе предпринимается попытка охарактеризовать роль сербов в гражданской войне 1341–1347 гг. в восприятии византийских писателей.

Отношение византийцев к другим народам часто становилось темой исследования. Э. Калделлис заключал, что авторы византийских источников имели тенденцию принижать иностранные народы, а двор был заинтересовал в проецировании образа «скифов» как антитезы ромейского мира, чтобы представить императора в роли защитника цивилизации [1, p. 184]. Г. Диттен выделял три критерия, которые позволяли отнести иностранный народ к «варварскому»: 1) язычество или ересь; 2) непризнания власти ромеев; 3) непричастность к эллинскому языку и образованию [2, s. 282–283]. Византийское восприятие других народов строилось на четком противопоставлении ромеев и варварского окружения, что было вызвано необходимостью утвердить превосходство империи и легитимность императора.

В исторической литературе существуют разные позиции в отношении восприятия сербами византийской культуры. Д. Никол, характеризуя восприятие византийской культуры сербами, писал, что к середине XIV в. этот народ, с точки зрения ромеев, «всего лишь на одно поколение оторван от варварства» [3, p. 255]. Король Стефан Душан, согласно мнению Г.А. Острогорского, был носителем византийских идей, и его политические взгляды были также основаны на теории единой мировой империи [4, с. 21]. Однако историк Б. Пантелич считал, что восприятие средневековыми сербами византийской культуры не было однозначным [5, p. 451]. По утверждению С. Габелич, сербская знать далеко не всегда ориентировалась на византийские образцы, к примеру, сербские придворные одежды часто не соответствовали ромейским [6, p. 354, 355]. Сербское право и политическая система с течением веков все более соответствовали византийским. Так, С. Шаркич утверждал, что с XIII в. сербские юристы адаптировали византийское право посредством переводов и компиляций, а сербский «Трехчастный свод» 1349–1354 гг. узаконил как сербское, так и византийское право [7, с. 48].

К XIV в. сербы в целом уже аккумулировали византийские политико-правовые идеи и находились под влиянием византийской культуры. Однако в сочинениях византийских писателей этот народ продолжал ассоциироваться с варварами. В византийских источниках сербы не упоминаются под собственным наименованием, вместо этого используется архаизированный термин «трибаллы» — название народа, ранее проживавшего на сербских территориях. Кроме того, сербы в источниках постоянно именовались «варварами», что подчеркивает идеологизированный взгляд византийцев по отношению к другим народам и стремление показать свое превосходство.

Весной 1342 г. Кантакузин потерпел поражение от войск Алексея Апокавка и отступил в Сербию, чтобы заключить союз с королем Стефаном Душаном, поскольку к этому моменту у императора осталось около 500 воинов [3, p. 196]. Отношения византийцев и сербов были нестабильными, и еще до начала гражданской войны сербы угрожали империи. Кантакузин сообщал: «Король Стефан [Душан], узнавший о смерти императора [Андроника III], больше не чувствовал себя связанным мирным договором и грабил всю Македонию» [8, s. 44]. Император прямо называл сербов «высокомерными» и писал о том, что они «на протяжении длительного времени совершали нападения» на Византию [8, s. 44]. Однако Никифор Григора упоминал, что после смерти императора Андроника III, когда Иоанн Кантакузин фактически был правителем империи, к нему пришло «много тайных писем из разных мест — от акарнанян и трибаллов, от фессалийцев и пелопонесских латинян, — в которых все они обещали ему свою покорность» [9, с. 23]. Под акарнанянами здесь подразумеваются жители области Акарнания, которая в дальнейшем была временно присоединена к Византии сподвижником Кантакузина Иоанном Ангелом [9, с. 71]. Повиновение от трибаллов, то есть сербов, с которым Византия часто находилась в состоянии войны, кажется сомнительным. Скорее всего, сербы действительно отправили в Константинополь послание, связанное со смертью Андроника II, однако вряд ли заявляли в нем о покорности Кантакузину. Подобное заявление следует считать риторическим оборотом в рамках официальной византийской идеологии, согласно которой василевсы были единственными законными правителями вселенского государства [10, с. 165].

Отношение сербских правителей к византийскому императору в течение веков испытало значительную эволюцию. По мнению историка С. Пириватрича, сербы были вассалами императоров в XII в., однако в XIII в. стали серьезными противниками византийцев на Балканах [11,

p. 22]. Сербо-византийские конфликты XIII в. были прекращены благодаря династическому браку между константинопольской принцессой Симонидой и сербским королем Стефаном Урошем II Милутином, в результате чего король стал «любимым сыном» императора, который теперь именовался «родителем» Милутина [11, p. 22]. Сербскому правящему дому и сербской аристократии также присуждались титулы кесарей [12, с. 154], что удерживало их в системе византийской власти. Однако принадлежность к византийской правовой культуре и родственные связи с правящим домом Палеологов не делали сербов XIV в. ни вассалами императоров, ни тем более союзниками. Григора прямо указывал, что Кантакузин планировал «поход против фессалийцев и трибаллов» [9, с. 23], что говорит о восприятии сербов как противников.

Таким образом, приходим к выводу, что Кантакузин на фоне военных неудач был вынужден искать помощи и союза у вчерашнего врага. В анонимном византийском хронографе XIV в. отступление императора прямо называлось «бегством» [13, с. 291]. Если учитывать, что Кантакузина часто в источниках характеризовали как талантливого военного деятеля [14, с. 372; 15, s. 132, 16, p. 45], можно прийти к выводу, что император видел в помощи сербов единственный выход из катастрофической ситуации.

Когда Иоанн Кантакузин с остатками войск двигался по сербским землям на переговоры со Стефаном Душаном, императору угрожали со всех сторон «толпы сброда и крестьян», которые пытались «отсечь обоз и угнать часть вьючных животных» [17, s. 77], то есть еще до встречи со Стефаном Душаном сербы представляли для Кантакузина угрозу, что еще раз доказывает, что император фактически двигался по вражеской территории. Перед встречей с сербским королем Кантакузин провел переговоры с «могущественным трибаллом», сербским военачальником по имени Ливерий [8, s. 165]. Ливерий «относился к императору как к своему господину и оказывал ему почести», затем пригласил императора «в свой дом, щедро угощал его и все его войско в течение трех дней» [8, s. 165]. Следует также упомянуть сербского военачальника Хрелью, который признал власть Кантакузина и предоставил ему войско [8, s. 121] еще до поражения императора под Фессалоникой весной 1342 г. от войск Алексея Апокавка. Сербская элита в этой ситуации видела выгоду в сотрудничестве с Кантакузином и не стремилась, как некоторые сербские отряды, противостоять византийскому императору. По мнению Г.Г. Литаврина, Стефан Душан поддержал Кантакузина, поскольку этот союз давал королю право вмешиваться в византийские дела и расширять собственную территорию [18, с. 282–283].

Стефан Душан во время встречи с Иоанном Кантакузином признал его императором и демонстрировал внешнюю покорность: «Приняли императора с большим расположением и рвением, радовались его приезду, гордились им и осыпали его всякими почестями. Во всех вопросах король отдавал предпочтение императору и признавал его вышестоящим» [8, s. 166]. Однако в тексте Григоры подобной демонстрации подданничества сербского короля нет, и складывается впечатление, что два монарха встретились как равные: «Император направился вглубь земли трибаллов, где ему случилось встретиться с королем и обменяться с ним, как царь с царем, приличествующими приветствиями, любезностями и прочими знаками дружбы и уважения» [9, с. 58]. Можно судить, что Кантакузин намеренно акцентировал внимание на подчинении сербского короля, поскольку в рамках византийского политического мировоззрения император на земле был один, и его статус ни с кем не мог сравниться [10, с. 17].

Григора также подчеркивал варварский быт сербов: «Скотский и дикий нрав, невежественный и варварский язык и умонастроение [этих людей] перекрывались их миролюбием и союзнической доброжелательностью» [9, с. 58]. С другой стороны, Кантакузин не описывал сербов столь негативно, напротив, упоминал, что они придерживаются византийских обычаев. В частности, Стефан Душан по византийскому церемониалу приветствовал императора пешим, пока тот оставался в седле [8, s. 167], что снова говорит о стремлении Кантакузина подчеркнуть превосходство власти византийского императора. Отсутствие у василевса описаний «варварских» нравов сербов может свидетельствовать о его нежелании негативно отзываться о своих временных союзниках.

В обмен на военный союз король потребовал у императора «все ромейские города к западу от Христополя или, если это было неприемлемо, по крайней мере, города к западу от Фессалоники» [8, s. 168], так как военный поход против врагов Кантакузина потребовал бы от Стефана Душана траты значительных ресурсов. Император писал, что взамен он предложил королю пойти в военный поход не ради награды, «как самые низкие люди», но «бескорыстно, исключительно из дружбы и честолюбия, полагающегося правителю», королю следовало поступить «достойно» [8, s. 169]. Кантакузин намеренно не заострял внимания на том, что фактически должен получить король в обмен на военную помощь. Император старался хотя бы временно сохранить Македонию в составе Византийского государства, поскольку именно на этих территориях он стремился укрепиться в 1342–1344 гг.

Политические противники Кантакузина требовали от короля не заключать союз с императором и предлагали «возможность династического брака» [9, с. 59]. В дальнейшем, как пишет Д. Никол, византийцы с ужасом отнеслись к браку дочери Кантакузина Феодоры с эмиром османского бейлика Орханом [3, p. 204], однако прецеденты династического брака с сербами уже существовали, и брак с сербами мог считаться более приемлемым.

Как Кантакузин, так и константинопольское правительство на фоне политической необходимости старались использовать военно-политическую помощь сербов, причем Кантакузин наверняка понимал, что это может обернуться потерей византийских территорий. Император осознавал военную силу сербского союзника, так как именно к нему обратился за помощью, однако это потенциально обращалось для Кантакузина в войну «на два фронта»: против политических противников в гражданской войне и против сербов. Кантакузин писал о своем желании отречься от императорского титула и отправиться в изгнание на Афон, однако поддержка Фессалии и Эпира заставила его отказаться от этого желания [9, s. 190]. Несомненно, что император желал вести войну до собственной победы, и его слова об уходе в монастырь следует рассматривать или как временное отчаяние, или как сокрытие настоящих мотивов и самооправдание. Кантакузин осознавал угрозу захвата сербами македонский территорий, но потенциально соглашался на это, что согласуется со словами Ш. Диля о том, что честолюбивый император был неразборчивым в средствах достижения своих целей [19, с. 169].

В повествовании Кантакузина сербский король рассуждал, какую сторону гражданской войны было бы выгоднее поддержать. Король рассматривал даже вариант убийства императора, однако счел, что подобное будет «крайней степенью бесчеловечности и жестокости», что «такой дерзкий поступок не только более всего противен Богу, но также представляет собой доказательство чрезмерной злобы и разврата для всех людей» [8, s. 170]. Стефан Душан решил избежать осуждения в «предательстве», согласиться на дружбу Кантакузина и заключить с ним военный союз. Очевидно, что для короля это был самый простой способ вмешаться в гражданскую войну и добиться территориального приращения за счет Византии.

Вскоре последовало обсуждение династического союза, в результате которого Кантакузин согласился на брак между своей дочерью и сербским военачальником Ливерием [8, s. 186], однако брак, в силу дальнейших обстоятельств, не состоялся. Так, представители обеих сторон

гражданской войны были согласны на династический брак с представителями сербской аристократии, причем в случае с Кантакузином это не был представитель правящей сербской династии Неманичей. Однако брак Палеологов с Неманичами и брак дочери Кантакузина с Ливерием так и не состоялись.

После этого император «с большими силами сербов устремился к Серрам» [9, с. 63], однако поход оказался неудачным. От «неумеренного поедания винограда» [9, с. 64] и «злоупотребления медом и мясом» [8, s. 64] начались болезни, в результате чего погибло от тысячи [9, с. 64] до полутора тысяч [8, s. 188] сербских воинов. Та же ситуация произошла в 1343 г., когда Кантакузин с сербским войском подошел к македонскому городу Феры: «Когда он [император] прибыл в Феры, солдаты и вожди армии были поражены жестокой болезнью, и многие умерли от нее; из-за эпидемии он был вынужден вернуться в землю трибаллов» [9, s. 200]. Причем анонимный хронист XIV в. вновь писал, что Кантакузин не «вернулся», а «бежал к королю» [13, с. 292], что свидетельствует о низкой боеспособности предоставленных императору сербских войск. В данном случае можно видеть обвинение сербов в несдержанности и даже недисциплинированности как со стороны Иоанна Кантакузина, так и со стороны Никифора Григоры. К тому же вполне возможно, что сербские войска грабили византийские территории, благодаря чему и злоупотребляли мясом, виноградом и медом. Здесь образ сербов вновь приближен к «варварскому».

В дальнейшем Стефан Душан также не предоставлял Кантакузину надежные войска, которые позволили бы императору вести активные военные действия. Сербский король «предварительно выбирал лучших из них [солдат] в качестве гарнизонов для городов <…>, а остальные уже устали от длительного похода» [8, s. 214]. Стефан Душан поддерживал видимость союза с императором и стремился найти повод к более активной военной политике на византийских территориях.

В 1343 г. македонский город Верия добровольно перешел под контроль императора, поскольку жители были недовольны требованием короля разместить в «акрополе города гарнизон трибаллов» [9, с. 69]. Никифор Григора вновь характеризовал сербов как «варваров» и одобрял позицию жителей Верии: «Только безумец и душевнобольной может предпочесть цивилизованному [правлению] варварское, а единоплеменной власти — власть иноплеменников и чужеземцев» [9, с. 69]. В 1343 г. Кантакузину удалось набрать в Македонии «довольно большое войско», так как не только Верия, но и «Сервия, прибрежный город Платамон

и несколько крепостей, таких как Петра, Соскос и Старидола» перешли на его сторону [8, s. 231].

Предоставленные королем войска оказались мало подготовленными к сражениям и не выполнили тех задач, которые на них возлагал император. Вскоре заключенный с сербским королем союз распался, в результате чего сербы вновь стали противниками. В 1345 г. македонские города Феры, Верия и Серры после ожесточенного сопротивления были взяты сербскими войсками [8, s. 336–337; 9, с. 188]. Македония в начале гражданской войны не подчинилась власти Кантакузина, эти территории находились под управлением военачальника Гия Армянского, сторонника константинопольского правительства [9, с. 45, 53]. Учитывая этот факт, можно судить, что македонские города перешли на сторону Кантакузина, так как считали, что он способен предотвратить захват Македонии сербами.

Когда Стефан Душан в 1345 г. провозгласил себя «василевсом сербов и ромеев», Кантакузин лишь упомянул этот факт в своей «Истории», однако не добавил никаких обвинений в сторону короля [8, s. 367]. Григора указывал, что Стефан Душан «переменил варварский образ жизни на ромейские обычаи, стал носить калиптры и все парадные одежды, приличествующие этой великой власти» [9, с. 146]. Стоит отметить, что с точки зрения Георгия Акрополита, варвары не понимали значения властной иерархии, методов ведения документации и множества древних придворных обычаев [20, p. 162], то есть не были приспособлены к ромейской политико-правовой системе. В обоих случаях образ сербов как «варваров» отчасти трансформировался на фоне политических событий в Византии. Ни Кантакузин, ни Григора не могли признать власть Стефана Душана равной власти византийского императора, однако в обоих «Историях» постепенно исчезает однозначная трактовка короля как «варварского» правителя.

Тем не менее, в работах других авторов образ сербского «варварства» сохранялся. На фоне сербской угрозы Македонии ученый и государственный деятель Димитрий Кидонис в письме октября/ноября 1345 г. писал: «Города здесь [в Македонии] находятся в руках варваров», однако «само слово “Македония” вселяет ужас в варваров, поскольку они помнят об Александре» [15, s. 132]. Историк XV в. Дука писал: «Несчастья ромеев, постоянные смуты и гражданские войны привели к тому, что варвары и сброд одержали верх над ромеями. Так, правитель сербов осмелился присвоить себе власть и назвать себя кралем. Это варварское имя, в переводе с греческого, означает “император”» [16, p. 67–68]. Дука явно не знал, что Стефан Душан носил титул краля задолго до 1345 г. Однако из сообщения Кидониса и Дуки ясно, что они игнорировали при-

тязания сербского короля на власть, равную византийскому василевсу, и продолжали считать его «варварским» правителем.

Кроме того, Дука указывал, что армия Кантакузина и в конце гражданской войны отчасти состояла из сербов [16, p. 71]. Историк был уверен в том, что войска императора, которые готовилась к походу на Константинополь в феврале 1347 г., состояли из пяти тысяч турецких войск, «такого же или даже большего числа сербов и стольких ромеев, сколько могла тогда выставить Фракия» [16, p. 73]. Кантакузин вошел в Константинополь, не имея при себе турецких войск [3, p. 206–207] и, что кажется наиболее вероятным, не имел при себе сербских воинов, поскольку в других источниках об этом не упоминается.

Византийские источники отражают двойственную роль сербов в Гражданской войне 1341–1347 гг. С одной стороны, сербы выступили в качестве временных союзников императора Иоанна VI Кантакузина, предоставив ему военную поддержку в критический момент борьбы за власть. Также можно судить, что сербы косвенно повлияли на появление у императора нового войска, так как сербская угроза городам Македонии заставила их жителей перейти на сторону Кантакузина. С другой стороны, вмешательство сербов привело к потере византийских территорий на западе империи — Македонии, Фессалии и Эпира. Для византийских писателей сербы олицетворяли внешнюю силу, чье участие в междоусобице усилило внутренний кризис империи. В восприятии писателей сербы одновременно изображались как «варвары» и как политические деятели, способные влиять на исход войны. Союз Кантакузина со Стефаном Душаном рассматривался не как равноправное партнерство, а как вынужденный шаг императора, демонстрирующий ослабление Византии и втягивание внешнего врага во внутриполитический конфликт. В представлениях византийских авторов сербы сыграли роль не временного союзника, а внешнего катализатора конфликта, вмешательство которого усилило негативные последствия гражданской войны.

Список источников и литературы

1. *Kaldellis A.* Ethnography after Antiquity: Foreign Lands and Peoples in Byzantine Literature. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2013. 278 p.
2. *Ditten H.* Βαρβαροι, ελληνεσ und ρωμαιοι bei den letzten byzantinischen Geschichtsschreibern // Actes du XII Congres International D'utedes Byzantines. 1961. T. II. S. 273–299.
3. *Nicol D.M.* The Last Centuries of Byzantium, 1261–1453. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. 463 p.

4. *Острогорский Г.А.* Византийский император и иерархическое мироустройство // Русско-византийский вестник. 2018. № 1. С. 16–25.
5. *Pantelić B.* The Last Byzantines: Perceptions of Identity, Culture, and Heritage in Serbia // Nationalities Papers. 2016. No. 3 (44). P. 430–455.
6. *Gabelić S.* Rise of Late Feudalism — the Endowments of the Serbian Nobility // Byzantine Heritage and Serbian Art II. Sacral Art of the Serbian Lands in the Middle Ages / Ed. D. Vojvodić, D. Popović. Belgrade: The Serbian National Committee of Byzantine Studies. 2016. P. 341–355.
7. *Шаркич С.* Влияние византийского права на средневековое сербское право // Вестн. Волгоград. гос. ун-та. 2015. № 3 (33). С. 48–57.
8. Johannes Kantakuzenos. Geschichte / Übers. u. erl. von G. Fatouros und T. Krischer. Stuttgart: Anton Hiersemann, 2011. T. 3. 485 s.
9. Никифор Григора. История ромеев / пер. с греч. Р.В. Яшунского. СПб.: Издат. проект «Квадривиум», 2014. Т. II. 496 с.
10. *Макаров Д.А.* Правовые и идеологические основы византийской государственности // Ленинград. юрид. журн. 2011. № 3. С. 163–175.
11. *Pirivatrić S.* The Dynamics of Byzantine-Serbian Political Relations // Byzantine Heritage and Serbian Art I. Processes of Byzantinisation and Serbian Archaeology / Ed. V. Bikič. Belgrade: The Serbian National Committee of Byzantine Studies. 2016. P. 7–36.
12. *Поляковская М.А.* Византийский дворцовый церемониал XIV в.: «театр власти» / науч. ред. Т.В. Кущ. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2011. 334 с.
13. Χρονικον νεον συντομω / пер. с греч. Б.Т. Горянова // Горянов Б.Т. Неизданный анонимный византийский хронограф XIV в. // Византийский Временник. 1949. Т. 2 (27). С. 276–293.
14. Никифор Григора. История ромеев / пер. с греч. Р.В. Яшунского, вступ. ст. Л. Герд. СПб.: Свое издательство, 2013. Т. I. 496 с.
15. Demetrios Kydones. Briefe / Übers, u. erl. von F. Tinnefeld. Stuttgart: Anton Hiersemann, 1981. T. 1. HBd. 1. 299 s.
16. Doukas. The Decline and Fall of Byzantium to the Ottoman Turks / transl. G.J. Magoulias. Detroit: State University Press, 1975. 347 p.
17. Nikephoros Gregoras. Rhomäische Geschichte / Übers, u. erl. von J.L.V. Ditten. Stuttgart: Anton Hiersemann, 1988. T. 3, Kap. XII–XVII. 438 s.
18. *Каждан А.П., Литаврин Г.Г.* Очерки по истории Византии и южных славян. СПб.: Изд-во «Алетейя», 1998. 336 с.
19. Диль Ш. Основные проблемы византийской цивилизации // пер. с фр. Б.Т. Горянова. М.: Гос. изд-во иностр. лит-ры, 1947. 184 с.
20. George Akropolites. The History / transl. R. Macrides. Oxford: Oxford University Press, 2007. 440 p.

УДК 94(3)+28

Петрова П.В.
Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова,
исторический факультет, аспирант.
E-mail: poterpolina@yandex.ru

Византийский харистикариат: казус кельи Равдух XIV в.

Аннотация. В данной статье анализируется конкретный случай передачи церковного имущества мирянам (харистикариат). Хрисовул Иоанна V Палеолога подтверждает, что братья Алексей и Иоанн являются ктиторами кельи Равдух и могут передавать ее по наследству. Автор утверждает, что эта практика была не произволом, а легальной сделкой, одобренной властями.

Ключевые слова: Византия, харистикариат, церковное имущество, ктитор.

Petrova P.V.
Yaroslavl State University named after P.G. Demidov,
Faculty of History, Postgraduate student.
E-mail: poterpolina@yandex.ru

Byzantine Charistike: The Case of the Rauduch Cell, the 14th Century

Abstract. This article examines a particular instance of charistike — the transfer of ecclesiastical property to laypersons. As evidenced by the chrysobull of John V Palaiologos, the brothers Alexios and Ioannes were granted the status of ktetors of the Rauduch cell, including the right of hereditary succession. The author's conclusion is that this was a legally sanctioned transaction, not an arbitrary practice.

Keywords: Byzantium, charistike, religious foundations, ktetor.

Разорение церковных учреждений — обычная ситуация в Византийской империи. Это случалось в силу разных причин: у ктитора заканчивались средства на строительство, игумен и эпитроп неправильно вели хозяйство, войны и набеги разрушали привычный уклад жизни. Такие проблемы преследовали Византию на протяжении всего ее существования, поэтому были выработаны механизмы их решения.

В историографии процедура передачи разоренного церковного учреждения получила название «харистикариат». Одним из первых к этой

проблеме обратился Ф.И. Успенский. В 1900 г. он издал небольшую статью «Мнения и постановления константинопольских поместных соборов XI и XII вв. о раздаче церковных имуществ (харистикарии)», сопровождающуюся публикацией и переводом этих постановлений [1, с. 5]. Успенский писал, что «харистикариат, как обычай раздавать монастыри и церковные земли, есть учреждение, развившееся в недрах самой церкви и стоявшее в полном соответствии с существовавшими в гражданском обществе обычаями и взглядами на право распоряжения земельной собственностью» [1, с. 5]. Его точка зрения впоследствии вызвала немало споров.

Французский византинист Раймон Жанен в статье «Византийское монашество в Средние века. Порядок и типикон (X–XIV вв.)» (1964) также обращается к проблеме харистикариата [2, с. 5–44]. Он глубоко анализирует «Слово об исправлении монастырской жизни» Евстафия Солунского и «Слово о монашеской жизни» Иоанна Антиохийского, которые посвящены этой проблеме. Р. Жанен приходит к выводам, схожим с Ф.И. Успенским. Он констатирует, что это «злоупотребление» появилось в иконоборческую эпоху, и видит ее причины в том, что постановления Вселенских соборов грубо нарушались [2, с. 11].

Значительный вклад в изучение института харистикариата внес Поль Лемерль. В 1967 г. он издал статью «Точка зрения на роль монастырей в Византии: монастыри, передаваемые мирянам, харистикариям» [3, с. 9–28]. В начале исследования он повторяет мысль о том, что «монастыри в Византии всегда были частной собственностью, родовой, которую их владелец мог передавать, завещать, отдавать, иногда продавать» [3, с. 11].

П. Лемерль также исследовал «Слово о монашеской жизни» Иоанна Антиохийского. Французский историк, проанализировав этот источник, доказал, что «хотя он (Иоанн Антиохийский — *П.П.*) порицает насильственные действия, обнаруженные им в свое время, но формально он нигде не осуждает векового обычая поручать мирянам временное управление общинами. Он осуждает личную выгоду, которую — в ущерб монастырям, по его словам, извлекли эти миряне» [3, с. 18].

В отличие от многих предшественников, видевших в харистикариате исключительно злоупотребление, Лемерль находит и положительные примеры передачи церковных учреждений мирянам. В частности, таким успешным харистикарием был Михаил Пселл [3, с. 22]. П. Лемерль делает вывод о том, что харистикариат представляет собой делегирование полномочий управления лицу, которое может получать прибыль от своей должности [3, с. 24]. Такое управление церковным учреждением может даже считаться желанным, так как освобождает монахов от светских дел.

Более того, по его мнению, харистикариат поддерживал баланс между церковным и светским землевладением.

Дж.Ф. Томас посвятил три главы в своей монографии «Частные церковные учреждения в Византийской империи» истории развития харистикариата. Согласно его теории, раздача церковных имуществ — «это государственная программа, поддерживаемая императором и церковной иерархией, направленная на частное управление церковными учреждениями» [4, p. 157]. Томас считает, что в XI–XII вв. после того, как были выявлены многочисленные нарушения церковного законодательства, развернулось целое движение против института раздачи монастырей. Главными участниками этого движения были Лев Халкидонский, патриарх Николай Грамматик, и уже упоминаемый Иоанн Антиохийский. Они полностью изменили отношение правительства и церковной иерархии к эксплуатации церковной собственности мирянами [4, p. 213].

Важным этапом в изучении темы стала статья Л.А. Герд «“Тактикон” Никона Черногорца как источник по истории харистикариата в Византии», опубликованная в «Византийском временнике» в 1994 г. [5, с. 112–121]. Это исследование ввело в научный обиход новый важный источник — «Тактикон» Никона Черногорца, до того остававшийся практически неизученным и неопубликованным полностью. На основе писем Никона Л.А. Герд показывает, что он был последовательным и твердым противником харистикариата, осуждая передачу монастырей мирянам, нарушение монастырского устава и самовольные назначения. Ключевым выводом работы является тезис о том, что именно позиция Никона Черногорца, а не кого-либо другого, оказала решающее влияние на формирование резко отрицательной позиции по отношению к харистикариату у антиохийского патриарха Иоанна, автора известного трактата «De monasteriis laicis non tradendis». Таким образом, работа Л.А. Герд не только выделила нового важного критика харистикариата, но и пересмотрела интеллектуальные истоки позиции Иоанна Оксита, которая ранее считалась уникальной.

Р.Е. Соаре в статье «Византийские государственные программы: харистикариат» [6, p. 75–96.] утверждает, что харистикариат изначально предполагал передачу монастыря светскому лицу (харистикарию) для восстановления и управления в обмен на право пользоваться доходами. Однако на практике эта система привела к массовым злоупотреблениям. Новые владельцы разоряли вверенные им обители. Исследовательница доказывает, что именно угроза передачи монастыря в частные руки стала причиной появления и стандартизации многих монастырских типиконов.

Эти уставы юридически закрепляли автономию монастырей от внешнего вмешательства. В данной статье харистикариат предстает сложным явлением, которое, с одной стороны, подорвало экономику и духовный авторитет монашества, а с другой — стимулировало развитие типиконов.

Итак, проанализировав основные работы о практике раздачи церковных учреждений, мы пришли к выводу, что нет единого мнения о роли харистикариата в жизни византийского общества. Одни ученые трактуют передачу церковного имущества как «злоупотребление», другие видят в этом явлении как положительные, так и отрицательные стороны.

Цель данной работы — исследовать на примере одного казуса XIV в. механизм передачи церковного учреждения под власть частных лиц. Отдельное внимание будет уделено роли институтов власти в этом процессе. Также проследим, были ли нарушены какие-либо законодательные нормы Византийского права.

В хрисовуле Иоанна V Палеолога 1357 г. [7, с. 78] описан довольно распространенный случай разорения церковного учреждения. Келья Равдух, расположенная на горе Афон недалеко от территории лавры Карье [7, с. 4], была полностью разрушена в результате набега турок. Прот. Афона Дорофей и Совет передали эту келью Алексею и его брату Иоанну, чтобы они восстановили ее на собственные средства [7, с. 78].

Исследуемый документ — средневековая копия, которая в целом достоверно воспроизводит оригинал. Хрисовул написан на бумаге размером 345×310 мм, хорошо сохранился, подпись императора упомянута. Мы используем публикацию в добротном издании французской исследовательницы В. Кравари [7, с. 78].

Алексей и Иоанн появляются в источниках с 1357 г., но к этому времени у них уже была блестящая военная карьера и высокие должности при императорском дворе. Они сражались против сербов и турок. В 1357 г. Алексей [8, № 91128] — ὁ μέγας πριμμικήριος, великий примикирий, συμπένθερος τῆς βασιλείας, отец зятя императора или его невестки. Иоанн [8, № 92154] — πρωτοσεβαστός протосеваст, γαμβρὸς τῆς βασιλείας, зять императора. Впоследствии братья стали известны, как создатели монастыря Пантократор.

Иоанн V Палеолог отдал братьям очищенную ими от завоевателей территорию недалеко от Афонского полуострова [7, с. 7–8]. В этот же год власти Афона передали им для восстановления Равдух. Оба брата были военными, но обладали полученной кельей как ктиторы в полном владычестве и собственности (κτήτορες κατὰ τελείαν δεσποτείαν καὶ κυριότητα). Император подтвердил этот статус и наделил братьев правом

передавать келью своим детям и наследникам, которые будут владеть ей таким же образом [7, с. 78]. Патриарх Каллист I своей грамотой 1357 г. подтверждает то же право передачи кельи по наследству [7, с. 78].

Легитимность данного казуса, как мы предполагаем, основана на церковном законодательстве Юстиниана. Новелла 67, глава 2, предписывает следующее: если у человека нет достаточных средств, для того чтобы построить церковь, но он хочет это сделать, поскольку у него будет имя создателя (κτίστης) церкви, то имеется много разоренных и недостроенных церквей. Он может помочь им, делая это с согласия епископа, и получит имя основателя святого дома (ἱεροῦ οἴκου κτίστην).

На протяжении многих веков эта новелла Юстиниана не утратила своей силы. Никифор Фока (963–969) видел, что византийцы строят новые монастыри только для того, чтобы они «сами могли услаждать себя суетным титулом [основателей]». Император новеллой 964 г. потребовал, чтобы желающие в первую очередь восстанавливали монастыри, пришедшие в упадок, а не строили новых [9, с. 182]. Никифор, весьма вероятно, опирался на новеллу Юстиниана. Благотворителю было необходимо получить разрешение у епископов на восстановление церковных учреждений. Следовательно, полный переход церковных учреждений в частные руки формально был под запретом.

Василий Болгаробойца отменил постановление Никифора Фоки в 988 г. [9, с. 183], а сам издал новеллу 996 г., которая тоже регулирует порядок восстановления монастырей, хотя и не говорит об этом прямо. Мы цитируем по переводу В.Г. Василевского.

Император выделяет четыре типа монастырей:

1. «Сельские монастыри», в которых число монахов не превышает 8–10 человек. Если в таких общинах не оставалось монахов, то церковные власти присваивали их себе. Василий запретил епископам и митрополитам удерживать за собой эти монастыри или передавать их в виде дара динатам, потому что это наносит большой ущерб селам. Сельские монастыри должны были оставаться под властью селян [9, с. 184].
2. Монастыри, в которых число монахов превышает 8 и 10 человек. Про них сказано следующее: «хотя это, может быть, и не согласно со строгим правом, мы все-таки благословляем на то, чтобы они были под властью митрополитов и епископов и могли быть **беспрепятственно даримы или передаваемы** кому угодно» [9, с. 184].
3. Самостоятельные и большие монастыри, которые, если там **не осталось ни одного монаха**, «должны быть под властью митро-

полий и епископии и могут быть **даримы и передаваемы** митрополитами и епископами кому им будет угодно» [9, с. 184].

4. Молельни и кельи, в которых были сделаны пожертвования и вклады императоров. «Они остаются и впредь под властью своих митрополитов или епископов, но с тем, чтобы они **не могли** быть передаваемы другим лицам» [9, с. 184].

Итак, митрополиты и епископы не могли передавать для восстановления третьим лицам маленькие сельские монастыри, а также молельни и кельи, построенные на средства императоров. Однако в случае разорения средних и крупных монастырей частные лица могли принимать участие в их восстановлении.

В 1027 г. Константинопольский поместный собор во главе с патриархом Алексеем Студитом решал проблемы, вызванные практикой раздачи церковных учреждений. На соборе было сформулировано несколько важных правил, регулирующих отношения харистикариев и митрополитов [1, с. 18]:

1. Епископы обязаны возвращать метрополиям **полученные от них монастыри**, если митрополия обнищала, а епархия разбогатела. То же правило касается и пожертвований от частных лиц.
2. Полученный в дар монастырь **нельзя разорять и превращать в мирскую усадьбу**.
3. Нельзя передавать в дар те церковные владения, за счет которых **живут епископы и поддерживается святая церковь**.
4. Митрополит и епископ **не может выгонять харистикария** из обители без причины.
5. **Харистикарий может обратиться в синод**, если хочет обжаловать решение митрополита и епископа.

Из анализа этих постановлений можно сделать вывод, что патриарх и синод не выступали против практики раздач церковных учреждений. Запрещено было омирщение монастырей. Также Константинопольский собор подтверждает права харистикария. Церковные иерархи предпринимали попытки только отрегулировать этот процесс и исправить недочеты, но не запретить его полностью.

На примере передачи кельи Равдух мы видим правовое применение новеллы Василия Болгаробойцы. Прот. Афона Дорофей при поддержке совета передал ее двум братьям Алексею и Иоанну, двум служащим при дворе и близким к императору людям. Братья восстановили ее на свои средства и получили от Дорофея статус ктиторов и владельцев этой кельи. Император подтвердил и передачу, и новый статус двух братьев. Та-

ким образом, келья Равдух ушла из-под владения монастыря Афон и стала частью владений монастыря Пантократор, основателями и ктиторами которого были вышеупомянутые братья Алексей и Иоанн. При этом никакие постановления Константинопольского поместного собора не были нарушены.

Казус кельи Равдух иллюстрирует сложный юридический механизм, основанный на многовековой законодательной традиции. Передача кельи мирянам в этом случае не была самоуправством или простым злоупотреблением. Это была полностью законная сделка: ее одобрили и церковные, и светские власти. Они опирались на законы Василия II о восстановлении храмов, а также на законодательство Юстиниана. В XIV в. харистикариат был механизмом привлечения ресурсов светской элиты для спасения церковных учреждений. В этом случае статус ктитора был не только наградой, но и регулировал права и обязанности благотворителя. Несмотря на критику со стороны видных церковных иерархов, институт харистикариата продолжал существовать вплоть до XIV в.

Список источников и литературы

1. *Успенский Ф.И.* Мнения и постановления константинопольских поместных соборов XI и XII вв. о раздаче церковных имуществ (харистикарии) // ИРАИК. 1900. Т. 5. С. 1–48.
2. *Janin R.* Le monachisme byzantin au moyen âge. Commande et typica (X–IV siècle) // Revue des études byzantines. 1964. Vol. 22. P. 5–44.
3. *Lemerle P.* Un aspect du rôle des monastères à Byzance: les monastères donnés à des laïcs, les Charisticaires // Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres, 111e année. 1967. Vol. 1. P. 9–28.
4. *Thomas J.P.* Private Religious Foundations in the Byzantine Empire. Washington, DC: Dumbarton Oaks, 1987.
5. *Герд Л.А.* «Тактикон» Никона Черногорца как источник по истории харистикариата в Византии // Византийский временник. 1994. Т. 55. С. 112–121.
6. *Soare R.E.* Byzantine Public Policies: Charistike // International Journal of Orthodox Theology. 2021. Vol. 12. No. 4. P. 75–96.
7. Actes du Pantocrator / éd. par V. Kravari. Paris: P. Lethielleux, 1991. 187 p. (Archives de l'Athos; 17).
8. *Trapp E., Beyer H.-V., et al.* Prosopographisches Lexikon der Palaiologenzeit [Elektronische Ressource]. CD-ROM–Version. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2001.
9. Сборник документов по социально-экономической истории Византии / отв. ред. Е.А. Косминский. М.: Изд-во АН СССР, 1953. 331 с.

УДК 94(495)

Овчинников А.Ю.
Тюменский государственный университет,
Институт социально-гуманитарных наук, студент бакалавриата.
E-mail: alexey.y.ovchinnikov@yandex.ru;
stud0000273250@study.utmn.ru

Лука Нотара и его семья: трансфер знаний в византийском мореходстве XV в.

Аннотация. Статья посвящена исследованию трансфера знаний в поздневизантийском мореходстве на примере Луки Нотара и его семьи. На основе материалов Дуки и Лаоника Халкокондила, а также трактата Льва VI и греческих портуланов рассматриваются две модели передачи знаний: теоретическая модель «учитель — ученик» и практическая модель «межпоколенная связь».

Ключевые слова: трансфер знаний, Лука Нотара, мореходство, талассоистория, Византия.

Ovchinnikov A.Y.
Tyumen State University,
Institute of Social Sciences and Humanities,
Bachelor's program, Student.
E-mail: alexey.y.ovchinnikov@yandex.ru;
stud0000273250@study.utmn.ru

Loukas Notaras and His Family: Knowledge Transfer in 15th-century Byzantine Navigation

Abstract. The article is devoted to the study of knowledge transfer in Late Byzantine navigation using the example of Loukas Notaras and his family. Based on the materials of Doucas and Laonikos Chalkokondyles, as well as the treatise of Leo VI and the Greek portolans, two models of knowledge transfer are considered: the theoretical "teacher—student" model and the practical "intergenerational communication" model.

Keywords: knowledge transfer, Loukas Notaras, navigation, thalasso-history, Byzantium.

Мореходство в поздней Византии оставалось одним из главных звеньев экономики, культурного взаимодействия Запада и Востока. Именно

через сообщество моряков поддерживалась коммуникация, обмен технологиями, знаниями и навыками. Несмотря на это, в историографии данная тема освящена достаточно слабо, лишь в последние годы исследователи обратились к данной проблеме [1, с. 100]. По этой причине для данного исследования будут важны работы, затрагивающие смежные темы: А.Г. Еманов [1, 2] исследовал корабельные сообщества и аспекты талассоистории, С.Н. Гукова [3] — образование в поздневизантийский период, Курышева М.А. [4] — книжность эпохи македонского ренессанса, Т.В. Кущ [5, 6], М.А. Поляковская [7, 8] и Т.А. Шамгунова [9, 10] посвятили работы интеллектуальной среде, а K.-P. Matsche [11] анализировал контакты Нотара с итальянскими государствами. В этой статье будет рассмотрен один из важных этапов в формировании корабельных сообществ — трансфер знаний. Моряки оказались в достаточной мере «молчаливым» сообществом, которое практически не оставило после себя эго-документов. В связи с этим перед исследователями возникают трудности в реконструкции процесса передачи знаний.

В рамках данного исследования автор ставит перед собой цель реконструировать процесс трансфера знаний на материалах биографии Луки Нотара. Нотара — последний мегадука и месазон Византийской империи, человек, отвечающий за командование флотом и управление государством. Сочетание этих факторов делает биографию Нотара очень важным источником по прохождению как военной, так и административной службы. Проанализировав биографию Нотара, можно выделить механизмы передачи знаний как в рамках институциональных организаций, например школ, так и в рамках семейных межпоколенных взаимоотношений.

Для анализа биографии Луки Нотара используем два ключевых источника: «История Византийской империи» Дуки [12] и «История» Лаоника Халкокондила [13], а также источники по мореходству «Тактики» Льва VI [14] и греческие портуланы XV–XVI вв. [15]. В качестве методологической основы был выбран case study. Метод используется для рассмотрения биографии Нотара и истории его семьи как репрезентативный пример передачи знаний в Византии эпохи Палеологов.

Кейс «Трансфер знаний: учитель — ученик». Занятие морским делом требовало от моряков достаточно серьезных компетенций. Период с XIII по XV вв. ознаменовался крупными изменениями в мореходстве, начинается активное применение компасов, астролябий, а также механических часов [2, с. 5–6]. В свою очередь, данные факторы способствовали активному росту мореходства в Средиземном море и соседних

с ним морях. Исходя из этого, мы можем говорить о том, что моряки не ограничивались лишь практическими навыками, полученными на корабле, были необходимы и теоретические знания. Источником таковых являлась специализированная литература, например, периплы и портуланы, а также дом и школа. Один из портуланов начинается следующими словами: «…эта книга — свет для тех, кто никогда не видел этих мест, а кто видел, тот получит лучшее наставление и учение» *(Перевод автора. — А.О.)* [15, p. XIV]. Данный отрывок подчеркивает важность теоретических знаний в мореходстве. Процесс трансфера знаний в рамках дома и школы имел свои особенности, которые были характерны для поздней Византии. Первым этапом, еще до школьного периода, служило домашнее образование. В рамках данного процесса роль учителя мог занимать один из домочадцев, например, отец или дядя [8, с. 111]. Далее шел уже более формальный школьный этап. Передача знаний в рамках школы также имела свои особенности, которые очень важны для понимания данного процесса. Образование еще со времен Античности воспринималось как диалог, процесс активного взаимодействия между учителем и учеником, поэтому все обучение строилось на взаимоотношениях учитель — ученик [5, с. 353–355]. По мнению античных авторов, только через доброжелательные отношения со своим учеником можно добиться его успехов в постижении науки. На начальном уровне можно было получить наиболее общие знания, такие как грамота, письмо и счет. Следующим этапом становилось более серьезное погружение в науку. География не входила в число обязательных наук, поэтому преподавалась не во всех школах [3, с. 395–398]. Будущие моряки могли обойтись лишь домашним и базовым школьным образованием и не погружаться в более серьезную науку.

Биография Луки Нотара в этом плане выходит за рамки образования, направленного лишь на морскую карьеру. Византийская интеллектуальная среда имела достаточно серьезный образовательный ценз, поэтому для продвижения по карьерной лестнице недостаточно быть выходцем из знатного рода [5, с. 352–354; 6, с. 242–246]. Для лучшего понимания того, какими знаниями обладал Нотара, необходимо проанализировать его биографию. Известно, что он в 1441 году сопровождал в качестве капитана корабля будущего императора Константин XI на его свадьбу. Основываясь на этих фактах, можно сделать выводы о том, что Лука имел практические навыки в управлении кораблем, которые мог получить, только окончив первый этап домашнего и школьного образования. В этот период карьера Нотара только начинает активно развиваться. После со-

провождения будущего императора Лука Нотара получает новое назначение в качестве магадуки [7, с. 198; 12, p. 129]. Это назначение отражает не только административный и военный опыт, который имелся у Луки, но и принадлежность к интеллектуальному кругу поздней Византии. В данном контексте достаточно вспомнить одного из предшественников Нотара Василия Нофа, который занимал эту должность в X в. и оставил военный трактат «Ad Basilium patricium Naumachica» [4, с. 124]. Далее следует его назначение на должность месазона, таким образом Нотара становится одним из наиболее значимых людей в окружении императора, а его влияние распространяется на всю страну. Лаоник Халкокондил в последних сценах, описывая падение Константинополя, называет его «ἁρμοστήν» [13, p. 162]: данный термин можно перевести как «наместник» или «управляющий». В это время все управление городом, который находится в осаде ложится, на Нотара. Несомненно, человек, не обладающий впечатляющими знаниями, подобных высот, даже учитывая его знатное происхождение, достичь не мог. Нотара не только обладал базовым уровнем образования, а также узкоспециализированными навыками мореходства, но и был обладателем достаточно широких компетенций, которые позволяли ему заниматься административной службой.

Кейс «Трансфер знаний: межпоколенная связь». Практическая подготовка играла ключевую роль в формировании будущего моряка: именно на этом этапе человек получал все основные знания, которые могли пригодиться ему в морском деле. Обращаясь к трактату Льва VI «Тактики» в Установлениях XIX «О войне на море», Лев дает следующий совет для будущий стратигов: «…располагать знаниями о движении воздушных масс и ветров, о свете планет и знаках звезд, о явлениях, вызываемых солнцем и луной, знать точные признаки смены времен года, чтобы, обладая *опытом* в этом, ты в зимнее время чувствовал себя в море надежно и безопасно» [14, с. 293]. Стоит обратить внимание, что Лев подчеркивает именно важность опыта, который моряк мог получить только на самом корабле. Похожий по смыслу совет дается в греческом портулане XV в. в качестве преамбулы: «Хороший моряк должен знать, как плыть под парусом, сколько мачт и антенн, толщину канатов и особенности якорей, а также глубину и ширину корабля» *(Перевод автора. — А.О.)* [15, p. XIV]. На примере этого источника мы видим, что автор портулана делает акцент на знаниях, полученных во время практической подготовки. При этом основное внимание уделяется именно техническим особенностям корабля, а не природным явлениям, как у Льва VI. Такое изменение объясняется революцией в навигации в период XIII–XV вв.

Говоря о передаче знаний в рамках практической подготовки, всегда есть соблазн обратиться к опыту других групп населения, например, купцов. Для купеческого населения главный способ передачи знаний — межпоколенная семейная связь. Однако мы не можем транслировать опыт других сообществ на сообщество моряков в связи с тем, что корабельные сообщества всегда были открыты к приему новых членов и представляли собой весьма разнородное по своему составу население. Классический путь моряка состоял из получения в школе азов грамоты, письма и счета, далее человек переходил на корабельную службу и на протяжении нескольких лет служил в качестве «подмастерья» навклиру. Уже по прошествии нескольких лет после получения практического опыта в управлении кораблем моряк мог претендовать на должность навклира, то есть капитана корабля [2, с. 6–7]. В биографии Нотара не сохранилось упоминаний о том, что бы он проходил таковую службу. Подобное, может быть, лишь в нескольких случаях. Во-первых, до наших дней просто не дошли или не были обнаружены источники, которые содержали бы подобную информацию. Во-вторых, путь Луки Нотара в морском деле отличался от общепринятых стандартов. Анализируя биографию Луки и историю его семьи, наиболее вероятным кажется именно второй вариант.

Для понимания того, какие события влияли на жизненный путь Луки Нотара, нам необходимо обратиться к истории его семьи. Первые упоминания о представителях рода Нотара датируются концом XIII в., условно первым представителем данного рода мы можем считать архонта Павла Нотара [10, с. 257–258]. Однако наибольшее влияние они приобретают позже, в XIV в. Такой быстрый взлет семьи объясняется местом их проживания. Семья Нотара вплоть до середины XIV в. проживала в городе Монемвасия, который исторически был центром византийского мореходства в Эгейском море. Мы можем характеризовать данный город как классический талассополис, так как вся жизнь города была неразрывно связана с морем. На это в своих трудах обращает внимание патриарх Филофей Коккин, который отмечает, что монемвасиоты ранее были морскими солдатами и капитанами, а в XIV в. становятся торговцами и коммерческими грузоотправителями [11, p. 61–62]. Данная тенденция связана с активными действиями Венеции и Генуи в Эгейиде, именно поэтому монемвасиоты перешли от военной службы к морской торговле. Наиболее известный представитель рода Нотара этого периода — Константин Нотара. В источниках он упоминается как судовладелец и человек, активно ведущий дела со знатными семьями Монемвасии, а также занима-

ющийся торговлей с Венецией [11, p. 62]. Далее семья Нотара мигрирует в Константинополь, где начинается их новый этап жизни. Морское дело они не оставляют, мы видим упоминания о некоем Георгии Нотара, который занимается рыболовством и торговлей рыбой. Следующий представитель семьи — Николай, известный переводчик того времени и отец Луки Нотара [12, p. 129]. Несмотря на, казалось бы, смену деятельности семьи от морского дела к переводческой деятельности, Николай активно использует опыт своих предков для выстраивания контактов с Венецией и Генуей.

Исходя из анализа истории семьи Нотара и их генеалогии, мы можем говорить о межпоколенной модели трансляции знаний. Подобный вид передачи знаний не был широко распространен в морской среде, а был скорее характерен для аристократических семей, таких как семья Нотара [2, с. 7]. Несмотря на изменения, произошедшие с родом по прошествии нескольких столетий, они активно накапливали и использовали свой опыт. Знания, полученные Константином Нотара, способствовали дальнейшему подъему его рода не только на региональном уровне, но и во всей Византии. Род Нотара активно продолжает контакты с морем, начиная с торговли и заканчивая рыболовством [9, с. 360–362]. Именно поэтому у нас есть все основания полагать, что Лука Нотара получил должность мегадуки не только по причине своего знатного происхождения, но и благодаря тем знаниям и навыкам, которые получил от своего отца.

Подводя итоги исследованию биографии Луки Нотара и истории его семьи через призму трансфера знаний в поздневизантийский период, можно выделить два канала передачи знаний, которые дополняют друг друга. Во-первых, первая модель трансляции «учитель — ученик» демонстрирует нам, что знание формировалось не хаотично, а через школьное институализированное образование. Основной смысл такого обучения заключался в получении теоретических навыков, которые способствовали бы дальнейшему развитию уже практических знаний моряков. Во-вторых, модель трансфера знаний «межпоколенная связь» демонстрирует нам, что значительная часть опыта могла быть получена от членов семьи. Передача навыков от старшего поколения к младшему являлась механизмом воспроизводства и сохранения морских традиций. Таким образом, история семьи Нотара демонстрирует нам, что передача знаний в Византии XV в. являлась сложным многослойным процессом, который сочетает как школьное теоретическое знание, так и узкоспециализированное знание, полученное во время практики на корабле.

Список источников и литературы

1. *Еманов А.Г.* Корабельные сообщества Кафы в ситуации кризиса XIV века // Вестн. Волгоград. гос. ун-та. 2024. Т. 29. № 6. С. 99–118.
2. *Еманов А.Г.* Ars navigandi: формы продуцирования и трансляции знания в среде моряков (на материалах Латинской Романии XIV–XV вв.) // История: электрон. научно-образоват. журн. 2024. Т. 15. Вып. 7 (141).
3. *Гукова С.Н.* Образование в палеологовский период // Культура Византии: в 3 т. / отв. ред. З.В. Удальцова. М.: Наука, 1991. Т. 3 С. 361–374.
4. *Курышева М.А.* Китонит Никита — заказчик «Библии Никиты» X века // Вестн. Волгоград. гос. ун-та. 2019. Т. 24. № 6. С. 121–128.
5. *Кущ Т.В.* Наставничество как форма интеллектуального общения // Античная древность и Средние века. 2011. Вып. 11. С. 352–362.
6. *Кущ Т.В.* К социальной характеристике византийской интеллектуальной среды конца XIV–XV вв. // Античная древность и Средние века. 2002. Вып. 33. С. 242–252.
7. *Поляковская М.А.* Византийская чиновная лестница в эпоху Палеологов // Античная древность и Средние века. 2001. Вып. 32. С. 193–212.
8. *Поляковская М.А.* К характеристике византийской образованности: учителя и ученики // Античная древность и Средние века. 1987. Вып. 23. С. 111–120.
9. *Шамгунова Т.А.* Родственные и межклановые связи поздневизантийской аристократии // Античная древность и Средние века. 2003. Вып. 34. С. 355–379.
10. *Шамгунова Т.А.* Византийские фамильные кланы в системе управления и армии палеологовского периода // Античная древность и Средние века. 2002. Вып. 33. С. 253–263.
11. *Matsche K.-P.* The Notaras family and Its Italian connections // Dumbarton Oaks Papers. 1995. Vol. 49. P. 59–72.
12. Doukas. Istoria Turco-Bizantina. Bukarest: Editio academiae respublicae popularis romanicae, 1958. 520 p.
13. *Chalcocandylae L.* Historiarum Demonstrations. Budapestini: Sumptibus acadeniae litterarum Hungaricae, 1922–1927. 622 p.
14. Лев VI Мудрый. Тактики. СПб.: Алетейя, 2012. 368 с.
15. *Delatte A.* Les portulans grecs. Paris: Liege, 1947. 400 p.

Образ и текст

УДК 94 (36)

Горская А.Г.
Институт российской истории
Российской академии наук,
аспирант.
E-mail: gorskaia.alisa@mail.ru

Росомоны и анты в «Гетике» Иордана

Аннотация. В статье рассматриваются фрагменты «Гетики» Иордана, посвященные конфликтам готов с росомонами и антами. Автор приходит к выводу, что под росомонами имеется в виду этническая группа германского происхождения, а уникальное для IV в. упоминание антов относится к части населения киевской археологической культуры.

Ключевые слова: Иордан, «Гетика», росомоны, анты.

Gorskaia A G.
Institute of Russian History
of the Russian Academy of Sciences,
Postgraduate Student.
E-mail: gorskaia.alisa@mail.ru

The Rosomons and the Antes in Jordanes' «Getica»

Abstract. The article examines fragments of Jordanes's Getica devoted to conflicts of the Goths against the Rosomones and the Antes. The author concludes that the Rosomones refer to an ethnic group of Germanic origin, and the unique reference of the Antes in the 4th century refers to a segment of the population of the Kyivan archaeological culture.

Keywords: Jordanes, «Getica», the Rosomones, the Antes.

В сочинении готского историка VI в. Иордана «De origine actibusque Getarum» (далее — «Гетика») при изложении двух сюжетов, связанных с нашествием гуннов в Северное Причерноморье во второй половине IV столетия, упоминаются два этнонима. Один из них — «росомоны» (Rosomoni) — не известен по другим источникам, другой — анты (Anti) — встречается только в связи с событиями VI в. — начала VII в., то есть имевшими место более чем на столетие позже. Оба сюжета вызвали дискуссии в историографии.

Росомоны фигурируют в рассказе о гибели прославленного правителя готов Германариха.

«Германарих, король готов, хотя, как мы сообщили выше, и был победителем многих племен, призадумался, однако, с приходом гуннов. Вероломному же племени росомонов, которое в те времена служило ему в числе других племен, подвернулся тут случай повредить ему. Одну женщину из вышеназванного племени, по имени *Сунихильда*[1]*, за изменнический уход [от короля], ее мужа, король [Германарих], движимый гневом, приказал разорвать на части, привязав ее к диким коням и пустив их вскачь. Братья же ее, Сар и Аммий, мстя за смерть сестры, поразили его в бок мечом. Мучимый этой раной, король влачил жизнь больного» [2, с. 86]*[2].

В отношении идентификации росомонов высказывались различные точки зрения: 1) ираноязычное племя (часто проводится параллель с названием сарматского племени роксоланов) [3, с. 170–175; 4, с. 251–254]; 2) анты [5, с. 13; 6, с. 145–147, 208, 214]; 3) русь [7, с. 38–39]; 3) германское племя: герулы [8, s. 164–176; 9, с. 20, 59, 133], бургунды [10] или иные [см. обзор: 11, с. 345–353]; 4) готский знатный род, клан, подобный Амалам [1, с. 155–156, примеч. 216]; 5) придворные Германариха (от готск. rōhsns — «царский дворец») [11, с. 353–356]. Последнее предположение кажется маловероятным, поскольку росомоны определяются как *gens*, что для должностных лиц двора правителя представляется вряд ли возможным. Сомнительной кажется и версия, согласно которой речь идет о знатном роде. В тексте «Гетики» термин *gens* лишь однажды применен в отношении рода, семейства (в § 252 так определены Амалы, правящий род остроготов), во всех остальных многочисленных случаях он прилагается к племенам, народам.

Таким образом, этническая идентификация росомонов представляется наиболее вероятной. Но для более точного определения имеющихся данных недостаточно. Правда, в начале V в. известен Сар — готский (ве-

---

[1] Аргументы в пользу первоначальности такой формы имени см. [1, с. 157, примеч. 223].

[2] nam Hermanaricus, rex Gothorum, licet, ut superius retulimus, multarum gentium extiterat triumphator, de Hinnorum tamen adventu dum cogitat, Rosomonorum gens infida, quae tune inter alias illi famulatum exhibebat, tali eum naneiseitur occasione decipere. dum enim quandam mulierem Sunilda nomine ex gente memorata pro mariti fraudulento discessu rex furore commotus equis ferocibus inligatam incitatisque cursibus per diversa divelli praecipisset, fratres eius Sarus et Ammius, germanae obitum vindicantes, Hermanarici latus ferro petierunt; quo vulnere saucius egram vitam corporis inbecillitate contraxit [2, с. 143–144].

зеготский) полководец в Италии [11, с. 351][3]. Но делать из этого вывод о росомонах, как части готов, все же рискованно, так как в эпоху Великого переселения народов обычным было заимствование иноязычных имен, о чем, в частности пишет и Иордан в § 58–59 [2, с. 72, 132]. Можно лишь полагать, что, скорее всего, это была германоязычная общность.

Сюжет о ранении Германариха (без упоминания названия «росомоны») нашел отражение в ряде позднейших (записанных в XII–XIII вв.) памятников, сохранивших фрагменты древнегерманского эпоса: «Старшей Эдде», «Младшей Эдде», «Саге о Вёльсунгах», «Деяниях данов» Саксона Грамматика [см. обзор: 11, с. 51–53, 63–65, 70–75]. Ниже приводится сопоставительная таблица эпизодов данного сюжета в их изображении.

№ эпизода	Старшая Эдда [12, с. 327–323]	Младшая Эдда [13, с. 139–141]	Сага о Вёльсунгах [14, гл. 32, 42–44]	«Деяния данов» [15, с. 302–304]
1	Гудрун после убийства ею своего мужа Атли пытается утопиться. Но море отнесло ее во владения конунга Йонакра, который на ней женился. Сыновьями их стали Сёрли, Эрп и Хамдир. Дочь Гудрун от первого мужа — Зигфрида — Сванхидьд воспитывалась вместе с ними	Гудрун после убийства ею своего мужа Атли пытается утопиться. Но море отнесло ее во владения конунга Йонакра, который на ней женился. Сыновьями их стали Сёрли, Хамдир и Эрп. Дочь Гудрун от первого мужа — Зигфрида — Сванхидьд воспитывалась вместе с ними	Гудрун пытается утопиться. Но волны моря отнесли ее во владения конунга Йонакра, который на ней женился. Сыновьями их стали Хамдир, Сёрли и Эрп. Дочь Гудрун от первого мужа — Зигфрида — Сванхидьд воспитывалась вместе с ними	_

[3] Тождество этого Сара с Саром-росомоном, конечно, маловероятно, но не исключено: Иордан ведь не упоминает, что братья, покушавшиеся на Германариха, были убиты, а временной промежуток между нашествием гуннов и смертью Германариха (эти события датируются между 370–376 гг., см.: Иордан. О происхождении и деяниях гетов. С. 324, примеч. 607; Зиньковская И.В. Готланд Эрманариха. С. 365) и гибелью везеготского Сара (412) не превышает четырех десятилетий.

2	Сванхильд выдана замуж за конунга готов Ёрмунрекка Могучего. Советник Ёрмунрекка Бикки советует его сыну Рандверу овладеть Сванхильд и затем рассказывает об этом конунгу. Ёрмунрекк приказывает Рандвера повесить, а Сванхильд растоптать конями	Конунг готов Ёрмунрекк Могучий посылает своего сына Рандвера сосватать за него Сванхильд. Поехавший с ним ярл Бикки говорит, что было бы лучше, если бы Сванхильд досталась молодому Рандверу, а не старику Ёрмунрекку. Рандверу и Сванхильд этот совет понравился, а Бикки по приезде все сообщает Ёрмунрекку. Конунг приказывает повесить Рандвера. Затем, когда Ёрмунрекк со своими людьми возвращается с охоты, он видит Сванхильд, сидящую и убирающую волосы. Люди Ёрмунрекка пускают на нее коней и те затаптывают Сванхильд насмерть	Конунг готов Ёрмунрекк посылает своего сына Рандвера вместе с советником Бикки сосватать за него Сванхильд. Рандвер по приезде предлагает Йонакру отдать Сванхильд за Ёрмунрекка. Йонакр соглашается, хотя Гудрун выражает по этому поводу беспокойство. На обратном пути Бикки говорит, что было бы лучше, если бы Сванхильд стала женой молодого Рандвера, чем старика Ёрмунрекка. Рандверу нравится этот совет, он и Сванхильд ласково разговаривают друг с другом. По прибытии к Ёрмунрекку Бикки (который и ранее давал конунгу много дурных советов) обвиняет Рандвера в измене, в том, что он и Сванхильд совершили прелюбодеяние. Ёрмунрекк приказывает схватить Рандвера и повесить. Потом он приказывает снять сына с виселицы, но Рандвер уже мертв. Затем Бикки советует казнить позорной смертью Сванхильд, как главную виновницу. Конунг принимает этот совет. Сванхильд положили под городские ворота и погнали на нее коней. Но когда она открыла глаза, кони не посмели ее тронуть. Тогда Бикки посоветовал надеть ей на голову мешок. После этого Сванхильд была растоптана	Братья из Геллеспонта предложили конунгу данов Ярмерику взять в жены их сестру Свавильду, как ранее и было обговорено. После свадьбы Ёрмунрекк поручил своему сыну Бродеру заботиться о мачехе, что тот и исполнял. Советник Бикко обвинил Рандвера в кровосмешении, подкупив свидетелей. Бродер не сумел ничего сказать в свою защиту. Советники конунга советовали объявить Бродера вне закона, но Бикко предложил приговорить его к повешению. Свавильду же Бикко предложил казнить позорным способом: растоптать копытами домашнего скота. Но из-за ее красоты кони не решались ее тронуть. Конуг посчитал было это доказательством невиновности Свавильды и хотел ее освободить, но Бикко сказал, что нужно перевернуть ее лицом вниз, так как иначе она отпугивает коней заклинаниями. После того, как это было сделано, Свавильда была растоптана

3	Гудрун требует у своих сыновей отомстить за сестру, растоптанную «готскими конями». Они отправляются в путь на «гуннских конях». По дороге между братьями происходит ссора, в результате которой Хамдир и Сёрли убивают Эрпа	Гудрун требует у своих сыновей отомстить за сестру, и дает им доспехи, которые не способно взять никакое железо. Братья отправляются в путь. По дороге между ними происходит ссора, и Хамдир и Сёрли убивают Эрпа.	Гудрун требует у своих сыновей отомстить за сестру. Она дает им доспехи, которые не может взять никакое железо, и запрещает метать камни или иные тяжелые предметы. Братья отправляются в путь. По дороге происходит ссора, и Хамдир и Сёрли убивают Эрпа	Бродера Ёрмунрекк приказал вынуть из петли, и тот остался жив. Тогда Бикко, боясь кары, бежал к геллеспонтским братьям и рассказал им о происшедшем со Свавильдой. Братья выступили на кораблях в поход, чтобы отомстить за сестру. Бикко же вернулся и рассказал об этом Ярмерику
4	Хамдир и Сёрли подъезжают к дому Ёрмунрекка, пирующего со своими людьми. Они избивают множество готов, врываются в палаты Ёрмунрекка, отрубают ему руки и ноги и бросают их в огонь. Но отрубить конунгу голову оказывается некому, так как Эрп погиб. Ёрмунрекк велит бросать в братьев камни, поскольку оружие не может их сразить. Сёрли и Хамдир погибают	Хамдир и Сёрли врываются в покои Ёрмунрекка, отрубают ему руки и ноги, но отрубить голову оказывается некому, так как Эрп погиб. Ёрмунрекк зовет на помощь своих людей, те нападают на братьев, но одолеть их не могут. Тогда конунг велит бросать в братьев камни. Сёрли и Хамдир погибают	Хамдир и Сёрли нападают на Ёрмунрекка; Хамдир отрубает ему обе руки, а Сёрли — обе ноги. Отрубить голову оказывается некому, так как Эрп погиб. Люди Ёрмунрекка нападают на братьев, те избивают множество воинов, а их самих железо взять не может. Тогда «некий муж» дает совет побить братьев камнями. Это было исполнено, люди Ёрмунрекка стали бросать в них камни, и Хамдир и Сёрли были убиты	Войско геллеспонтских братьев осаждает крепость, где укрылся Ярмерик. Между геллеспонтцами возникает усобица из-за дележа добычи, и многие воины в ней оказываются перебиты. Осаждавших остается слишком мало для успешного штурма, и тогда колдунья по имени Гудрун делает так, что защитники крепости слепнут и начинают убивать друг друга. После этого геллеспонтцы идут на приступ и врываются в замок. Но Один, вмешавшись в битву, возвращает данам зрение и советует чаще метать во врагов камни, так как их тела благодаря заклинаниям стали неуязвимы для копий.

4				В конце концов погибли оба войска, а Ярмерик потерял в бою обе руки и обе ноги, и его туловище оказалось среди мертвых тел

В эпосе Германариху соответствует конунг Ёрмунрекк или (у Саксона Грамматика) Ярмерик, Сунихильде — Сванхильд или (у Саксона) Свавильда, Аммию — Хамдир, Сару — Сёрли. В обеих «Эддах» и «Саге о Вёльсунгах» данный сюжет являет собой заключительную часть повествования о судьбе Гудрун, главного женского персонажа германского эпоса, и ее рода. У Саксона Гудрун упоминается, но вскользь и не в качестве матери «геллеспонтских братьев» Свавильды (другое отличие «Деяний данов» состоит в том, что Ярмерик превратился там в правителя данов, а не готов). Совпадение основной линии сюжета с «Гетикой» во всех указанных произведениях практически полное: там присутствует измена (в эпосе она супружеская — Сванхильд/Свавильда является женой Ёрмунррека/Ярмерика), казнь с использованием коней, последующая месть братьев за сестру, нанесение правителю не приведших к быстрой смерти ранений. В отношении последних рассказ «Гетики» выглядит явно более реалистичным: рана в бок может быть не смертельной, с отрубленными же обеими руками и ногами (как изображается дело в памятниках эпоса) остаться в живых невозможно. У Иордана видим, таким образом, наиболее раннюю запись данного сюжета, еще не обросшую сказочными подробностями.

Статус Сунихильды комментаторы «Гетики», в зависимости от перевода, определяют как жены некоего лица, изменившего Германариху («за изменнический уход [от короля] ее мужа») [2, с. 86] или как жены, изменившей (неназванному) мужу («за коварный уход от мужа») [1, с. 113, 157, примеч. 223]. Между тем в эпосе Сванхильд выступает как жена самого Германариха, изменившая ему (с его же сыном). При таком понимании текста ясен мотив столь жестокой расправы (полагавшейся именно за супружескую неверность). В качестве аргумента против первоначальности данной версии приводится присутствующий у Иордана оборот «некую женщину» (quandam mulierem), неуместный в случае, если речь идет о супруге главного героя повествования [1, с. 157, примеч. 223]. Но вполне вероятно, что эти слова вставлены в качестве пояснения самим Иорданом (или его предшественником Кассиодором [о нем см.: 16]) в силу того, что ему осталось непонятным, чьей женой является

Сунихильда: либо из-за неясности текста протографа, либо по причине изъянов в устной передаче легенды. Таким образом, фактическая сторона событий у Иордана передана в целом точнее, но статус Сунихильды оказался упущен: его правильное определение сохранилось в эпосе.

После рассказа о ранении Германариха говорится о нападении гуннов во главе с Баламбером на остроготов, от которых в связи с этими событиями отделились везеготы. Германарих, «не перенеся гуннских набегов», умер в 110-летнем, по утверждению Иордана, возрасте, и остроготы подчинились власти гуннов [2, с. 86, 144].

Следующий «восточноевропейский» сюжет, изложенный в «Гетике» — о войне правителя остроготов Винитария, ставшего преемником Германариха, с антами.

«Про них (остроготов — *А.Г.*) известно, что по смерти короля их, Германариха, они, отделенные от везеготов и подчиненные власти гуннов, остались в той же стране, причем Амал Винитарий удержал все знаки своего господствования. Подражая доблести деда своего Вультульфа, он, хотя и был менее удачен, чем Германарих, с горечью переносил подчинение гуннам. Понемногу освобождаясь из-под их власти и пробуя проявить свою силу, он двинул войска в пределы антов и, когда вступил туда, в первом сражении был побежден, но в дальнейшем стал действовать решительнее и распял короля их Божа с сыновьями его и с семьюдесятью старейшинами для устрашения, чтобы трупы распятых удвоили страх покоренных» [2, с. 107–108][4].

Встречающиеся в литературе сомнения в славянстве упоминаемых в «Гетике» антов [1, с. 159, примеч. 254] вряд ли основательны [2, с. 326–327, примеч. 610; 17, с. 43–44]. В VI в. анты, по свидетельству Иордана, жили на территории от Днестра до Днепра [2, с. 67, 128]. Им соответствует пеньковская археологическая культура, распространившаяся и на Левобережье Среднего Днепра [18, с. 36–46]. Ее начало археологи ныне относят к более древнему времени — второй четверти V в. [18, с. 46]. Кажется вероятным, что объединение антов сложилось на основе подчи-

[4] quos constat morte Hermanarici regis sui, decessione a Vesegothis divisos, Hunnorum subditos dicioni, in eadem patria remorasse, Vinithario tamen Amalo principatus sui insignia retinente. qui avi Vultulfi virtute imitatus, quamvis Hermanarici felicitate inferior, tamen aegre ferens Hunnorum imperio subiacere, paululum se subtrahens ab illis suaque dum nititur ostendere virtute, in Antorum fines movit procinctum, eosque dum adgreditur prima congressione superatus, deinde fortiter egit regemque eorum Boz nomine cum filiis suis et LXX primatibus in exemplum terroris adfixit, ut dediticiis metum cadavera penden tium geminarent [2, с. 162].

ненной ранее готами части «венетов» Среднего Поднепровья, о покорении которых Германарихом ранее говорится в Гетике [2, с. 84, 142]. Представляется наиболее обоснованной точка зрения, (сформулированная И.В. Зиньковской), согласно которой под венетами подразумевается здесь население Среднего Поднепровья и Днепровского Левобережья, относящееся к киевской археологической культуре [11, с. 319–321]. После вторжения гуннов они вышли из-под готской власти. Кем были primates Божа/Боза — неясно. Перевод Е.Ч. Скржинской primates как «старейшины» [2, с. 108] является чересчур вольным — primates значит просто «первые»[5]. Нельзя исключить, что это могла быть и дружина антского предводителя.

Имя Boz породило разные интерпретации. В историографии получила популярность параллель с упоминаемым в «Слове о полку Игореве» «временем бусовым»: «се бо готьскыя красныя дѣвы въспѣша на брезѣ синему морю, звоня рускымъ златомъ; поють время бусово, лелѣють месть Шароканю» [19, с. 88]. Предположение о тождестве предполагаемого Буса и Боза позволяет объяснить, почему «время бусово» воспевают именно готские девы, и провести линию от пленения Боза готами через пленение половецкого князя Шарукана русскими в 1068 г. к пленению Игоря половцами в 1185 г. [20, с. 417–421]. Однако есть сомнение в том, что легенда о Бозе могла быть хорошо известна на Руси XII в. В то же время эпитет «бусово» сходен с определением «босуви» по отношению к воронам из сна Святослава в «Слове». Поэтому вероятнее, что речь идет о цветовом эпитете *бусовый/босувый*, обозначавшем разные оттенки серого цвета, под «временем бусовым» имеется в виду «темное время», наступившее после поражения Игоря [19, с. 141–143].

Для имени Boz предлагались иранские, тюркские и германские параллели, но признания в науке не получили [1, с. 159–160, примеч. 255]. Славянские варианты, приводимые в историографии (параллели с упоминаемым Баварским Географом IX в. и Повестью временны́х лет племенем «бужан», с называемым арабским автором X в. ал-Масуди предводителем племени Valinana Маджаком) также очень сомнительны [2, с. 327–328, примеч. 611]. Е.Ч. Скржинская сопоставила Boz со славянским словом «вождь», полагая, что в данном месте мог быть передан титул, соответствующий латинскому dux, или некое производное от титула личное имя [2, с. 328, примеч. 611]. Однако предполагать упоминание такого титула невозможно в силу его отсутствия у славян той эпохи: слово *вождь*

[5] Ср.: Более нейтральный перевод А.Н. Анфертьева – «знатные люди» [1, с. 115].

в Раннем Средневековье употреблялось крайне редко, было книжным, и главное — имело значение не «правитель», а «проводник» [21, с. 120; 22, с. 459–460]. Неизвестно и употребление его славянами в качестве антропонима. Имя «рекса» антов остается, таким образом, загадочным.

Тем не менее, известие Иордана является весьма ценным, так как позволяет говорить о достаточно высокой степени политической организации антов: ведь далеко не каждый правитель того или иного народа обозначен в тексте «Гетики» как *rex*. Так, предводитель везеготов и победитель римлян при Адрианополе в 378 г. Фритигерн определен всего лишь как regulus (уменьшительное от rex) [2, с. 87, 144–145]. Так же именуются вождь свевов Римизгунд, и правители остроготов под властью гуннов [2, с. 105, 108, 160, 163]. Объединение антов, скорее всего, представляло собой в терминах, принятых современной наукой, «вождество», стадию политического развития, при которой существует наследственная власть правителя и слой знати [об этом понятии см.: 23, с. 149–192]. В пользу первого признака говорит упоминание сыновей Боза, в пользу второго — применение термина primates к людям из его окружения. В других местах «Гетики» как primates определены представители знати везеготов времени их переселения на территорию Империи, правители скиров, а также участники совета при короле остроготов Теодорихе [2, с. 87, 114, 119, 144, 168, 172]; в первом и втором случаях речь идет, несомненно, о вождествах, а в третьем и вовсе о раннем государстве.

Таким образом, в «Гетике» содержится уникальная информация о событиях второй половины IV в. на юге Восточной Европы. Иордан излагает впоследствии расцвеченный в германском эпосе сюжет о казни жены Германариха Сунихильды и мести королю готов со стороны ее братьев. Росомоны, к которым принадлежали Сунихильда, Сар и Аммий представляли собой, вероятно, этническую группу германского происхождения. Анты, с которыми воевал преемник Германариха Винитарий, были, скорее всего, населением киевской археологической культуры, предшествовавшей, бесспорно, славянской (антской) пеньковской культуре V–VII вв. Упоминание о правителе антов Бозе с использованием титула *rex*, его сыновьях и окружавших его *primates* говорит о достаточно высокой степени политической организации антского общества конца IV в.

Список источников и литературы

1. Свод древнейших письменных известий о славянах: в 2 т. Т. 1. М.: Наука, 1991. 472 с.

2. Иордан. О происхождении и деяниях гетов / вступ. ст., пер. и коммент. Е.Ч. Скржинской. СПб.: Алетейя, 1997. 507 с.
3. *Вернадский Г.В.* Древняя Русь. Тверь: ЛЕАН; М.: АГРАФ, 2000. 445 с.
4. *Павленко Ю.В.* Передісторія давніх русів у світовому контексті. Київ: Фенікс, 1994. 580 с.
5. *Удальцов А.Д.* Основные вопросы этногенеза славян // Сов. этнография. Вып. 6–7. 1947. С. 3–13.
6. *Третьяков П.Н.* Восточнославянские племена. М.: Изд-во АН СССР, 1953. 312 с.
7. *Рыбаков Б.А.* Язычество Древней Руси. М.: Наука, 1987. 467 с.
8. Gschwantler O. Zum Namen der Rosomonen und an Jonakr // Die Sprache. Bd. 17. H. 2. Wiesbaden; Wien, 1971. S. 164–176.
9. *Вольфрам Х.* Готы. От истоков до середины VI века (опыт исторической этнографии). СПб.: Ювента, 2003. 656 с.
10. *Шаров О.В.* Гибель Германариха: история и эпос // Стратум: структуры и катастрофы. Кишинев, 1997. С. 95–106.
11. *Зиньковская И.В.* Готланд Эрманариха: остроготы в Восточной Европе на рубеже Древности и Средневековья. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2018. 464 с.
12. Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. М.: Худ. лит-ра, 1975. 770 с.
13. Младшая Эдда. Л.: Наука, 1970. 258 с.
14. Сага о Вёльсунгах // Корни Иггдрасиля. М.: Терра-Книжный клуб, 1997. С. 177–257.
15. Саксон Грамматик. Деяния данов: в 2 т. Т. 1. М.: Рус. панорама, 2017. 604 с.
16. *Шкаренков П.П.* Римская традиция в варварском мире: Флавий Кассиодор и его эпоха. М.: РГГУ, 2004. 270 с.
17. *Зиньковская И.В., Крайнев В.В.* Война готов с антами: сведения Иордана и данные археологии // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Серия: История. Политология. Социология. 2024. № 2. С. 40–46.
18. История России. Т. 2: Государства и народы на территории России в VI — середине XIII века. Становление и развитие Руси. М.: Наука, 2024. 1055 с.
19. Слово о полку Игоревѣ, Игоря, сына Святъславля, внука Ольгова. М.: РОССПЭН, 2002. 192 с.
20. *Рыбаков Б.А.* Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М.: Наука, 1972. 520 с.
21. Старославянский словарь (по рукописям X–XI вв.). М.: Рус. язык, 1994. 842 с.
22. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.): в 10 т. Т. 1. М.: Рус. язык, 1988. 526 с.
23. *Крадин Н.Н.* Политическая антропология. М.: Логос, 2004. 272 с.

УДК 94

Покрищук А.Ю.
Филиал Московского
государственного университета
имени М.В. Ломоносова
в г. Севастополе,
историко-филологический факультет,
студент бакалавриата.
E-mail: pokrischuk_al@mail.ru

Образ дарственного оружия в древнескандинавском обществе эпохи викингов по материалам древнеисландских саг

Аннотация. В статье рассматривается важный для скандинавского общества эпохи викингов образ — образ дарственного оружия, который обнаруживается в текстах древнеисландских саг. Выступающее в качестве дара, оно играет в данном обществе роль средства установления и укрепления межличностных отношений. Предпринимается попытка формализации самого образа дарственного оружия в древнескандинавском обществе.

Ключевые слова: древнескандинавское общество, дарственное оружие, дар, сага.

Pokrishchuk A. Yu.
Branch of Lomonosov
Moscow State University in Sevastopol,
Faculty of History and Philology,
Bachelor's Program Student.
E-mail: pokrischuk_al@mail.ru

The Image of Gifted Weapons in Old Scandinavian Society of the Viking Age Based on the Old Icelandic Sagas

Abstract. This article examines the image of gifted weapons, significant for Viking Age Scandinavian society, as found in Old Icelandic sagas. Functioning as a gift, weapons served as a means for establishing and strengthening interpersonal bonds. An attempt is made to systematize this imagery within Old Norse society.

Keywords: Old Norse society, gifted weapons, gift, saga.

Дар, как социокультурное явление, исторически играл достаточно важную роль в культурах самых разных народов. Хороший, нередко красивый и богатый подарок мог кардинально изменить отношения, как между отдельными индивидами, так и между целыми народами, продолжительное время враждующими, а представить себе удачный процесс сватовства без эффектных и впечатляющих даров и вовсе невозможно. Не являются, пожалуй, исключением и германцы, в среде которых издавна явление дара играло одну из ключевых ролей в установлении, поддержании и укреплении социальных связей, будь то связь между вождём и его дружинниками, двумя воинами и даже между мужчиной и женщиной. Достаточно вспомнить хотя бы известный эпизод из сочинения Публия Корнелия Тацита, в котором римский историк описывает те дары, которые мужчина должен предоставить невесте в качестве своего приданого, чтобы понять важность этого явления в культуре и быте германских народов: *«Приданое предлагает не жена мужу, а муж жене. При этом присутствуют её родственники и близкие и осматривают его подарки; и недопустимо, чтобы эти подарки состояли из женских украшений и уборов для новобрачной, но то должны быть быки, взнузданный конь и щит с фрамеей и мечом. За эти подарки он получает жену, да и она взамен одаривает мужа каким-либо оружием; в их глазах это наиболее прочные узы, это — священные таинства, это — боги супружества»* [1, с. 361]. И, как можно заметить из приведённого фрагмента, именно оружие почиталось германцами как один из наиболее ценных даров.

Образ дарственного оружия, существовавший в культуре древних германцев, как представляется автору, получил наиболее полное развитие в скандинавской культуре эпохи викингов, в которой само оружие, как неотъемлемый элемент жизни человека, занимало крайне важное и почётное место. Особенно ценились в обозначенную эпоху предметы вооружения, что были подарены человеку, преимущественно воину, ибо нередко они либо представляли собой настоящие произведения искусства и, выражаясь метафорически, имели за собой «богатую историю» — практически собственную жизнь. Этот образ дарственного оружия в древнескандинавском обществе нашёл своё отражение в одном из крайне самобытных типов источников, а именно древнеисландских сагах. Предметы вооружения, преподнесённые в качестве дара, изображены в текстах саг как искусные творения и в то же время крайне верные и надёжные инструменты в руках их владельцев.

По мнению автора, в образе дарственного оружия, обнаруживаемом в текстах древнеисландских саг, можно выделить некоторые, наиболее

важные его свойства, которые, впрочем, не всегда встречаются одновременно: богатое убранство оружия; особые свойства, выделяющие его среди других предметов вооружения; долгая история владения им, которая может восходить к легендарным личностям или даже богам. Нередко оружие, подаренное воину, имеет своё имя, что дополнительно подчёркивает его славную историю и особенности.

В современной отечественной историографии существует несколько работ, посвящённых в целом символическому значению акта дарения и дарению оружия в частности [2], а также образу оружия у германцев как такового [3]. Особо в этом контексте уместно отметить работы В.Е. Сеничева [4]. Однако, насколько известно автору данной работы, сам образ дарственного оружия в древнескандинавском обществе рассмотрен ещё не был. В то же время его идентификация и описание является достаточно важным для лучшего понимания роли оружия в рассматриваемом обществе и его культуре, значимости оружия как подарка и, вследствие этого, лучшего понимания самого явления дара в древнескандинавской культуре. Именно этим аспектам будет посвящена настоящая работа.

Образ дарственного оружия, исходя из текстов древнеисландских саг, выступает в трёх контекстах, в которых совершается дарение. Условно обозначим их следующим образом:

1. Дарение **«от старшего к младшему»**, когда подарок оружия исходит от конунга к воину, или от отца к сыну.
2. Дарение **«от равного к равному»**, когда один воин дарит оружие другому такому же воину.
3. Дарение **«от младшего к старшему»**. В данном случае обозначение принято не совсем удачно, поскольку в рамках третьего контекста нами будут рассматриваться акты дарения оружия от женщины к мужчине, от не воина к воину, от сына к отцу. Осознавая условность как этого, так и остальных предложенных наименований контекстов, мы всё же предлагаем использовать в дальнейшем данные формулировки в надежде, что их смысл будет понятен в ходе рассуждений.

Образ дарственного оружия, исходящего от конунга и предназначенного воину, представляет интерес в рамках нашей темы в силу трёх свойств даров от правителя. Во-первых, дары, идущие от него к его сподвижникам, к его дружинникам, характеризуют самого вождя как щедрого человека, который беспокоится о состоянии своих воинов. Неслучайно одним из кеннингов правителя в скандинавской поэзии является «разда-

ватель золота», «щедрый на сокровища» [5]. Во-вторых, уже более частно, дарственное оружие, которое конунг преподносит воину, становится своего рода маркером их хороших, дружеских отношений. Это демонстрирует и сам внешний вид предмета вооружения, и то описание, которым оно сопровождается из уст конунга: *«Вот тебе меч, Кьяртан! Ты должен взять его от меня на прощанье. Пусть этот меч служит тебе, и я думаю, что никто никаким оружием не победит тебя, пока ты держишь в руках этот меч. Это была великолепная драгоценность, богато украшенная»* [6, XLIII], — говорится в Саге о людях из Лососьей Долины, в эпизоде прощания одного из героев саги, Кьяртана, с норвежским конунгом Олавом Трюггвассоном. С другой стороны, такой дар конунга обычному человеку может играть роль средства примирения, чему является ярким примером известный эпизод Саги об Эгиле Скаллагримссоне, когда конунг Эйрик Кровавая Секира послал богато украшенное оружие Скаллагриму — человеку, с которым он находился в ссоре: *«При расставании конунг дал Торольву секиру и сказал, что хочет послать её в подарок Скаллагриму. У неё были загнутые углы, и она была большая и украшенная золотом, а её рукоятка была выложена серебром. Это была очень ценная вещь»* [7, XXXVIII]. И чем более могущественным был даритель оружия, тем более ценным считался сам дар: так, например, в одной из т.н. саг о древних временах — Саге о Вёльсунгах — известен эпизод, во время которого Сигмунд, сын Вёльсунга-конунга, достаёт из ствола дерева меч, воткнутый в него загадочным старцем, который был *«очень высок и стар и крив на один глаз»: «Он взмахнул мечом и так вонзил его в ствол, что меч тот вошёл в дерево по рукоять… — Тот, кто этот меч вытащит из ствола, получит его от меня в дар, и сам он в том убедится, что никогда не держал в руках лучшего меча»* [8, III], — описывает сага меч, который стал даром для Сигмунда от личности, в которой достаточно ясно угадывается Один. О качествах оружия, которое досталось сыну Вёльсунга-конунга, говорит цена, за которую его были готовы выкупить: *«Это оружие так всем было по душе, что никто, думалось им, не видал ему равного, а Сиггейр предложил в обмен тройной вес меча в золоте»* [8, III] — а также его будущая история, ведь именно из обломков этого меча в дальнейшем будет выкован Грам — клинок Сигурда, которым он сразит дракона Фафнира [8, XV, XVII]. Оружие может быть подарено конунгом даже, на первый взгляд, не воину, однако с теми же целями поощрения и награждения, да и сам дар может быть разделён на несколько частей, как это описывается в Саге об Олаве сыне Трюггви — одной из королевских саг, входящих в Круг Земной: *«— Ты трудный скальд! Но отныне ты — мой человек.*

Халльфред отвечает:

— Что ты дашь мне, конунг, в подарок, раз ты нарёк меня Трудным Скальдом?

Конунг дал ему меч, но без ножен, и сказал:

— Сочини вису об этом мече, и пусть в каждой строке будет меч.

Халльфред сказал:

Я за меч отличный / Мечу мечи Ньёрдам / Мечей. Значит, будет / Наш союз отмечен. / Дай к мечу впридачу / Ножны, меченосец. / Три меча я к чести / Вашей оправдаю.

Тогда конунг дал ему ножны» [9, LXXXIII].

Третье свойство, характерное для оружия, подаренного правителем, вновь заставляет нас говорить о даре от конунга в общем, а именно в его взаимосвязи с понятием «удача». По замечанию советского историка А.Я. Гуревича, *«счастье, благополучие, везение — принадлежность вождя, тем не менее, по убеждению скандинавов, к ним можно приобщиться, если вступить в контакт с конунгом: служить ему, получать от него подарки, ибо и в вещах удачливого вождя воплощается его везение. Поэтому дружинниками, домогавшимися у конунгов даров, владели более сложные чувства, нежели простая жадность: они стремились при посредстве его подарков разделить с ним его удачу»* [10, с. 56], и дарственное оружие, которое воин получает от конунга, является в некотором роде одним из хранителей этих качеств, свойственных конунгу. Получая от него в дар оружие или любой другой дар, воин как бы получает их часть, а оружие выступает в роли их проводника [3, с. 23]. В этом контексте резонно вернуться к примеру с подарком от конунга Олава Трюггвассона Кьяртану из Саги о людях из Лососьей Долины, но уже к более позднему эпизоду, когда вследствие инцидента последний утратил ножны от подаренного меча. Кьяртан, вступив в бой с Болли, не имел при себе этих ножен и, как отмечает сага, *«…Кьяртан выхватил свой меч, но подарка короля при нём не было… Кьяртан наносил страшные удары, однако меч никуда не годился. Ему приходилось всё время расправлять клинок ногой»* [6, XLIX]. Помимо того, что с Кьяртаном в этот момент не было подарка от конунга, на утрату его мечом хороших качеств оказал влияние фактор отношения к дару, ведь если с подаренным предметом обращаться неподобающе, он лишится своих свойств хорошего дара. К аналогичным выводам можно прийти также из анализа истории подарка конунга Эйрика Скаллагриму [7, XXXVIII], и Саги о Кормаке-скальде, однако к её рассмотрению мы вернёмся далее.

В том случае, если дарение оружия происходит, как мы отмечали ранее, от равного к равному, как нам кажется, имеет место укрепление дружеских отношений между воинами. Это свойство, как представляется, исходя из информации источников, является общим для дара как такового, и непринятие подарка может быть принято за оскорбление, которое влечёт за собой испорченные отношения, о чём недвусмысленно намекает следующий эпизод из Саги о людях из Лососьей Долины: *«У Болли были племенные кони, которые считались превосходными. Один жеребец был большой и красивый, и ни разу не был побеждён в конском бою. Он был белого цвета, а уши и холка у него были рыжеватые. Затем у него были три кобылы той же масти, что и жеребец. Этих лошадей Болли хотел подарить Кьяртану, но Кьяртан сказал, что не любит лошадей и что он их не возьмёт. Олав просил его принять коней.*

— Ведь это очень богатый подарок, — говорил он.

Кьяртан решительно отказался. После этого они расстались недружелюбно…» [6, XLV]. В то же время принятый дар обладал обратным эффектом в виде налаживания и укрепления добрых отношений, как это явствует из эпизода с обменом дарами между Эгилем и Аринбьёрном в Саге об Эгиле: *«При расставании Эгиль дал Аринбьёрну оба золотых запястья, которые ему подарил конунг Адальстейн. Каждое весило марку. Аринбьёрн подарил Эгилю меч, который назывался Драгвандиль. Торольв, сын Скаллагрима, дал его Аринбьёрну, а раньше его получил Скаллагрим от своего брата Торольва, а Торольву этот меч дал Грим Бородач, сын Кетиля Лосося. Кетиль Лосось владел этим мечом и обнажал его на поединках. Это был острейший из мечей.*

Аринбьёрн и Эгиль расстались добрыми друзьями…» [7, LXI]. Из приведённых фрагментов видно, что образ дарственного оружия в древнескандинавском обществе эпохи викингов в общем и целом коррелирует с образом дара как такового и во многом служит поддержанию и укреплению добрых отношений между равными друг другу воинами.

Любопытнее выглядит результат анализа образа оружия, которое передаётся в дар в третьем из обозначенных нами ранее контекстов, то есть от младшего к старшему, поскольку, как было отмечено ранее, в его рамках рассматривается оружие, которое даруется воину от женщины или которое достаётся от человека, стоящего ниже в социальной иерархии. В качестве примера к первому случаю можно вспомнить эпизод дарования меча в Саге о Греттире: *«Мать вышла проводить его и, прежде чем им расстаться, сказала:*

— Не так снарядили тебя из дому, родич, как мне хотелось и как подобает тебе по рождению. Больше всего, по-моему, недостаёт тебе оружия, которым ты мог бы воспользоваться. А чует моё сердце, что оно тебе понадобится. — Тут она достала из-под плаща меч, который для него припасла. Это было доброе оружие. Она сказала: — Этим мечом владел ещё Ёкуль, мой дед, и первые жители Озёрной Долины, и он приносил им победу. Хочу я теперь отдать меч тебе. Пусть он тебе послужит!

Греттир поблагодарил её за подарок и сказал, что для него это лучше любого сокровища, пусть самого дорогого» [11, XVII]. Данный отрывок наиболее примечателен своим контекстом, поскольку до этого его отец Асмунд отказал ему в даровании оружия, вследствие чего *«отец с сыном расстались друг с другом не очень ласково»* [11, XVII]. И вновь дар или же его отсутствие несут с собой определённые следствия, а именно — качество и прочность отношений, которые можно определить, исходя из описания прощания. Но даже сам акт дарения оружия, в данном контексте, воспринимается принимающим дар, как показатель доброго отношения, вследствие чего мы вновь можем говорить об образе дарственного оружия в смысле средства укрепления отношений между людьми: между родственниками, между воинами, между воином и правителем.

В заключение необходимо сделать обобщение рассмотренных нами фрагментов древнеисландских саг и постараться дать характеристику образу дарственного оружия, который проступает из проанализированных текстов. Дарственное оружие предстаёт перед нами как один из возможных даров, который может быть преподнесён человеку, в первую очередь воину, при этом дара крайне ценного и выражающего определённое отношение того, кто дарит, к тому, кто дар принимает. Кроме того, как было неоднократно отмечено выше, подарок в виде оружия выступает в качестве средства установления, восстановления и укрепления отношений между людьми в древнескандинавском обществе. В этом смысле важен не только внешний вид и качество преподносимого предмета вооружения, но и его предложение и принятие, поскольку они позволяют целям установления и укрепления отношений состояться. Сам же образ дарственного оружия, исходя из проведённого анализа, проступает как образ оружия, достойного славного воина: качественное, красивое и элегантное, нередко с богатой собственной историей — которое было преподнесено человеку с целью укрепления добрых отношений между людьми и выражения им должного почтения. Оно содержит в себе «удачу» воина и будет хорошо служить ему в том случае, если владелец сам будет должным образом с ним обращаться. В этом смысле образ дар-

ственного оружия совпадает с образом оружия в культуре германцев как такового: образа продолжения воина, обладающего своей собственной судьбой и, в некотором роде, своей собственной жизнью [3, с. 22]. Данная проблематика, безусловно, требует дальнейшей разработки, уточнения терминов, которые обозначают контекст дарения оружия. Надеемся, что настоящая работа послужит хорошим началом для последующих исследований в этой области.

Список источников и литературы

1. *Корнелий Тацит.* Сочинения: в двух томах. Т. 1. Анналы. Малые произведения. Л.: Наука, 1969. 445 с.
2. *Сеничев В.Е.* Символическое значение дарения оружия в исландских королевских сагах // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. Серия: История и политические науки. 2018. № 4. С. 102–111.
3. *Покрищук А.Ю.* Оружие в культуре и мифологии германцев // МИФОЛОГОС. Серия: «Миф в культуре: литература, язык, поэтика, искусство, фольклор». 2024. № 3 (11). С. 15–33.
4. *Сеничев В.Е.* Наследование и дарение оружия как символ родства и дружбы в средневековой исландских родовых сагах [Электронный ресурс] // История: электрон. научно-образоват. журн. 2017. Т. 8. Вып. 1 (55). URL: http://history.jes.su/s207987840001683–0–1 (дата обращения: 20.02.2017). DOI: 10.18254/S0001683-0- (дата обращения: 13.10.2025).
5. Язык поэзии [Электронный ресурс] // Младшая Эдда. Л.: Наука, 1970. URL: https://norroen.info/src/snorra/3ru.html#66 (дата обращения: 13.10.2025).
6. Сага о людях с Лососьей Долины [Электронный ресурс] // Северная Слава. URL: https://norroen.info/src/isl/laxdaela/ru.html (дата обращения: 13.10.2025).
7. Сага об Эгиле Скаллагримссоне [Электронный ресурс] // Северная Слава. URL: https://norroen.info/src/isl/egil/ru.html (дата обращения: 13.10.2025).
8. Сага о Вёльсунгах [Электронный ресурс] // Северная Слава. URL: https://norroen.info/src/forn/volsunga/ru_mod.html (дата обращения: 13.10.2025).
9. Сага об Олаве сыне Трюггви [Электронный ресурс] // Северная Слава. URL: https://norroen.info/src/konung/heimskringla/olaf-tr/ru.html (дата обращения: 13.10.2025).
10. *Гуревич А.Я.* История и сага. М., 1972. 200 с.
11. Сага о Греттире [Электронный ресурс] // Северная Слава. URL: https://norroen.info/src/isl/grettir/ru.html (дата обращения: 13.10.2025).

УДК 94.410

Садриев Т.И.
Российский государственный
гуманитарный университет,
исторический факультет, аспирант.
E-mail: tisadriev@gmail.com

Образ Свейна Вилобородого в английском историописании конца XI — начала XII вв.

Аннотация. В статье рассматривается эволюция образа короля Свейна Вилобородого в англосаксонских и англо-нормандских хрониках до 1154 г. Прослеживается его трансформация от нейтрального описания к резко негативному в англо-нормандской традиции, где он предстаёт жестоким завоевателем, в отличие от более сдержанных оценок в других источниках, представляющих его суровым, но адекватным лидером.

Ключевые слова: Англия, историописание, хроника, Свейн Вилобородый.

Sadriev T.I.
Russian State University for the Humanities,
Faculty of History, Postgraduate Student.
E-mail: tisadriev@gmail.com

The Image of Sweyn Forkbeard in English Historiography of the Late 11th — early 12th centuries

Abstract. This article examines the evolution of the image of King Sweyn Forkbeard in Anglo-Saxon and Anglo-Norman chronicles up to 1154. It traces ithis transformation from a neutral depiction to a sharply negative one in the Anglo-Norman tradition, where he is portrayed as a cruel conqueror, in contrast to more restrained assessments in other sources, which present him as a stern but adequate leader.

Keywords: England, historiography, chronicle, Sweyn Forkbeard.

14 октября 1066 г. стало знаковой, поворотной датой в истории Англии — в будущем оно никогда не подвергнется завоеваниям. До Вильгельма I её территорию захватывали два раза, и второе покорение осуществил Кнут Великий, благодаря чему Англия стала частью обширной, хотя и непрочной империи [1, с. 55–64, 97–106]. Однако, к сожалению, мало говорится о том, что и до Кнута Англия была завоевана иноземцем.

И совершил такое покорение отец Кнута — король Дании Свейн Вилобородый [1, с. 58–60]. Все эти завоевания пытались осмыслить хронисты как англосаксонской эпохи, так и периода правления нормандской династии, начало которой также положило завоевание страны. Более того, хронисты времён нормандской династии не осознавали, что живут в другой эпохе, невольно продолжая в своих трудах англосаксонский период. Тем не менее, они осознавали важность событий 1066 г. и поэтому пытались осмыслить как само завоевание, так и его предпосылки. В процессе осмысления событий предшествующих эпох хронисты сформировали определённые образы завоевателей, как Вильгельма, так и Кнута. Эти образы достаточно подробно исследованы в английской историографии [2, с. 220–221, 319–320]. Но образ первого покорителя Англии — Свейна Вилобородого — незаслуженно был оставлен без внимания. До него Англия долгое время подвергалась набегам и завоеваниям скандинавов, однако первое полномасштабное порабощение совершил именно Свейн, и именно он стал первым королём-чужестранцем. Этот факт объясняет актуальность данного исследования.

Для полного понимания образа Свейна Вилобородого прежде всего стоит рассмотреть его биографию. Свейн родился в 986 г. в семье короля Дании Харальда Синезубого. Харальд известен, прежде всего, тем, что именно при нём Дания в 965 г. приняла христианство, которое король начал активно насаждать датчанам. Насильственное внедрение новой религии вызвало в среде аристократов оппозицию. Свейн, как считалось в английской историографии начала XX в., был ставленником языческой оппозиции [3, p. 559], хотя, согласно «Саге об Олафе, сыне Трюггви», Свейн сам был крещёным [4, с. 114]. В наше время историками принята версия, что Свейн, будучи язычником, лояльно относился к христианству, хотя и не содействовал его распространению и развитию в Дании [5, p. 129]. Тем не менее, он был враждебно настроен к отцу. Свейн потребовал от Харальда разделить с ним власть, но получил отказ. В 986 г. он собрал своих сторонников и пошёл войной на отца. Харальд дал отпор, однако сам скончался от ран в этом же году, в результате чего Свейн всё же стал королём. Согласно саге, во время пира в честь получения власти новый король дал клятву завоевать Англию, хотя причину, по которой он дал такое обещание, сага не уточняет [4, с. 115, 119–120, 133].

Во время правления Данией Свейн активно участвовал в войнах за пределами страны. В 994 г. он присоединится к королю Норвегии Олафу Трюггвасону в грабительском походе на Англию. Эта страна переживала не лучшие времена. Король Этельред II Неразумный не мог, в отли-

чие от своих предшественников, организовать оборону территории, и во избежание кровопролития откупался от викингов. Викинги же активно пользовались слабостью короля и совершали всё новые набеги. Более того, им оказывали поддержку жители Дэнло (Дэнло, англ. Danelaw,) — исторической области на северо-востоке Англии в IX–XI вв. Область была названа в честь территории с особыми законами и социальной системой, преобладающим населением датского происхождения (потомки датчан, завоевавших эту землю).

13 ноября 1002 года, в День святого Бриса, Этельред приказал «убить всех живущих в Англии данов» (ориг. др.-англ.: «Slean ealle tha Deniscan men the on Angel cynne waeron») [6, p. 135]. На произошедшее 13 ноября событие есть разные точки зрения. Одна из них гласит, что в тот день были убиты только предавший Этельреда наёмник Паллиг и его жена Гуннхильда (данная точка зрения основана на том, что в источниках сохранились имена только этих жертв). Возможно, это и не так, но Этельреду в любом случае не повезло, ведь Гуннхильда была сестрой Свейна [7, p. 49–55].

Резня в День святого Бриса стала поводом для опустошительного похода на Англию в 1002–1005 гг. В этом походе Свейн ограбил и сжёг многие города. Но голод 1005 г. заставил его вернуться в Данию. В 1009 г. набег на Англию совершил его соратник — Торкель Высокий. До 1012 г. он опустошал юг страны, но убийство его дружинниками заложника — архиепископа Эльфвирда, побудило Торкеля пойти на службу к Этельреду. Возможно, Свейн увидел в этом предательство, что побудило его организовать новое нашествие в 1013 г. Этот поход отличался от предыдущих тем, что по характеру он был уже завоевательным. Англичане, которые помнили жестокости, творимые Свейном в 1002–1005 гг., не оказали ему никакого сопротивления. Этим воспользовался завоеватель, активно собирая дань и заложников. Этельред, видя своё положение, вместе с Торкелем покинул Англию, получив убежище в Нормандии. Так датский король в 1013 г. стал королём Англии, однако правил недолго — 3 февраля 1014 г. он умер. Согласно легенде, Свейн был убит святым Эдмундом за богохульство. Его преемником в будущем станет сын Кнут [8, p. 171].

Теперь стоит уточнить несколько моментов. Во-первых, в данном исследовании использовались лишь англо-нормандские источники, так как после восшествия на престол Генриха II в 1154 г. «центр внимания» хронистов переместился, в связи с формированием Анжуйской империи, на континент [9, p. 15]. Англосаксонские источники использовались, чтобы проследить истоки формирования образа Свейна. Во-вторых,

хронисты осознавали, что норманны являются всё же завоевателями, чужестранцами. Такими они видели и данов, и вели свои суждения о них, в том числе и о Свейне, исходя из этой точки зрения [9, p. 15]. В-третьих, хроника, как жанр историописания, предполагает чёткое изложение фактов при минимальном отступлении хрониста от материалов, содержащихся в трудах своих предшественников [9, p. 459–464]. При этом хроники нельзя считать лишь сухим изложением фактов, поскольку каждый хронист создавал свой труд с определённой целью, что можно увидеть и в характере изложения материала [10, с. 9–18]. Уточнив данные моменты, можно приступить к самому исследованию образа, начав с информации, которую нам даёт «Англосаксонская хроника» [6].

«Англосаксонская хроника» представляет собой сборник анналов на древнеанглийском языке, статьи которых в совокупности охватывают период английской истории с 60 г. до н. э. до 1154 г. н. э.

Самая ранняя рукопись хроники («А») начала составляться с конца IX в. Над различными рукописями работали разные авторы. Более того, даже у одного списка автор мог быть не один. Так, в тексте рукописи «А» выявлено 14 различных почерков. Из этого вытекает очевидный вопрос: различается ли текст одной погодной статьи в зависимости от рукописи? Сопоставление погодных статей различных рукописей, проведённое Т.В. Гимоном, показало, что все погодные статьи с 983 до 1022 г. (этельредовских фрагментов хроники) во всех рукописях практически идентичны, поэтому нет смысла разбираться, из какой рукописи взяты статьи про Свейна: информация во всех списках будет единой. Основная информация о его походах взята из следующих погодных статей — № 994, 1003, 1004, 1013, 1014. Стоит отметить, что эти статьи — основной источник информации о Свейне для будущих составителей хроник в Англии, так как основным источником об истории Англии до 1066 г., помимо сочинений Беды и Гильдаса, будет именно «Англосаксонская хроника» [11, с. 121–122, 415–417, 433; 4, с. 56–60].

Авторы этой хроники не питают ни симпатий, ни сочувствия к данам и их лидерам, в том числе к Свейну, что для них вполне допустимо, ведь в походе 1013 г., как и до него, он массово грабил и убивал местное население. Более того, Свейн для них был не завоевателем, но типичным предводителем викингов — злых язычников, которые приносили родине хронистов огромные беды на протяжении многих лет. Ко всему прочему можно добавить некий фатализм авторов хроники. В окончательном завоевании Англии герцогом Нормандии Вильгельмом авторы хроники видели кару с Небес для английского народа за все совершённые им гре-

хи [6, p. 199–201]. Возможно, это применимо и к походам Свейна, тем более что он, в отличие от Вильгельма, как король, ничего, кроме разбоя и насилия, совершить не успел, поэтому в памяти хронистов он и остался лишь как разбойник [5, p. 102–114]. В 994 г. датский конунг вместе с другими вожаками данов штурмовал Лондон. В статье этого года все даны представлены типичными разбойниками: «…оттуда они двинулись вперёд и причинили величайшее зло, какое никогда не причиняло ни одно разбойничье войско, сжигая, грабя и убивая людей не только на морском побережье в Эссексе, но и в Кенте, и в Сассексе, и в Хэмпшире» (ориг. др.-англ.: «…hi thanos ferdon, wrohton thaet maestre ylef the aefre aenig here don mihte on baernette hergunge on manslihtum aegder be dam sae riman on EastSeaxum, On Cent lande, on SudSeaxum, on Hamtun scire») [6, p. 127].

Если они не вели войны, то занимались грабежом и разбоем. Лишь откупом их удалось остановить. Про резню в День святого Бриса хроника говорит в нейтральных тонах. Более того, там не говорится ни слова о смерти во время резни Гуннхильды — сестры Свейна. Вообще в хронике не названо никакой причины начала похода на Англию 1003 г., поэтому Свейн в этом походе предстаёт перед нами обыкновенным грабителем, который грабил и сжигал города (Уилтон и Норвич), и лишь голод в 1005 г. заставил его повернуть войска. В статьях 1013 и 1014 гг. конунг-завоеватель показан ещё более грозным. Свейну из-за страха перед ним без боя покорялись целые области — Нортумбрия (англ. Northumbria) — историческая область севера Англии (X–XI вв.), названная в честь существовавшего на его месте с VII по X вв. одноимённого королевства. Возможно, нортумбрийцы подчинились ему из-за того, что в этом регионе с X в. было сильно влияние местных данов), Пять Боро (англ. The Five Boroughs) — историческая область северо-восточной Англии X–XI вв., включавшая в себя пять городов: Дерби, Лестер, Линкольн, Ноттингем и Стамфорд, Оксфорд и даже столичный регион — Винчестер.

Свейн воспользовался слабостью англичан и без стеснения брал у них припасы и заложников. Интересно то обстоятельство, что в статье за 1014 г., где говорится о его смерти, не упоминается легенда об убийстве Свейна св. Эдмундом. В последующем с помощью этой легенды хронисты будут приписывать Свейну образ языческого богохульника, которого справедливо покарал святой-мученик. В итоге в «Англосаксонской хронике» Свейн предстаёт перед нами типичным грозным язычником-завоевателем, у которого есть одна цель — добыча: золота, припасов и, в итоге, целого королевства [6, p. 127–128, с. 135–136; 12, с. 143–145].

Наиболее реалистично Свейн показан в «Деяниях нормандских герцогов», написанных в 70-х гг. XI в. нормандским хронистом Вильгельмом из Жумьежа. «Деяния» представляют собой переработку написанного в конце X в. — начале XI в. труда «О нравах и деяниях первых герцогов Нормандии» Дудона. Для оправдания завоевательного похода Вильгельма I, Вильгельм из Жумьежа дополнил текст Дудона некоторыми сюжетами из истории Англии, в число которых входят и походы Свейна [13, p. 127–168]. Возможно, именно этим фактом и объясняется наиболее нейтральный из всех образов конунга, которые будут рассмотрены далее: Вильгельм из Жумьежа, будучи свидетелем завоевания Англии герцогом Вильгельмом, не воспринимал эту страну как свою родную, и в то же время не был никак связан с датскими правителями Англии. Подобное обстоятельство позволило ему не испытывать привязанности к этой стране, а также всем персонажам её истории, кроме заказчика рассматриваемого нами исторического труда — Вильгельма Завоевателя. В «Деяниях» биография Свейна раскрыта не так подробно, как в исландских сагах, о нём впервые говорится после резни в День святого Бриса. Стоит отметить, что Свейн на фоне Этельреда выглядит вполне адекватным правителем, поскольку к Этельреду Вильгельм Жумьежский относится крайне отрицательно. Именно из-за действий Этельреда, а точнее, ради мести за резню в День святого Бриса, Свейн совершил поход на Англию. Интересно, что среди всех хронистов, работы которых рассматриваются в данном исследовании, только Вильгельм Жумьежский рассказывает нам о договоре Свейна и герцога Нормандии Ричарда I, по которому даны получали, при надобности, от нормандцев помощь, а сами поставляли им награбленное в Англии для продажи. В рассказе об этом договоре конунг предстаёт равным нормандскому герцогу и готовым держать своё слово. В Англии же Свейн обращался с местными жителями сурово, из мести сжигая их города и угнетая их жителей. В итоге перед нами предстаёт образ мстительного и жестокого, но расчётливого правителя, который, если понадобится, может получить своё, как с помощью войны, так и с помощью дипломатии [13, p. 826–828].

В дальнейшем хронисты стали воспринимать Англию как свою родную страну. При этом, как было сказано выше, они не разделяли историю Англии на периоды до завоевания 1066 г, и после него, поэтому они принимали англосаксонскую эпоху как «своё» прошлое. И все переживания, связанные со страданиями англосаксонского народа, которые особенно отчётливо зафиксированы в «Англосаксонской хронике», хронисты разделяли с ним. В связи с этим уже с начала XII в. образ Свейна стано-

вится крайне негативным. Уже в сочинении «Хроника хроник» Флоренса Вустерского, которое хронист писал с 1115 по 1140 г. [14, p. 61], и во многом основанного на данных «Англосаксонской хроники», что повлияло на образ конунга у хрониста, Свейн предстаёт перед нами как тиран, умеющий творить лишь зло. Так, во время завоевания Англии 1013 г. он приказал своим солдатам «опустошать поля, сжигать деревни, грабить церкви, использовать всех женщин, которые попадутся им в руки, для удовлетворения своей похоти, и, не заботясь о милосердии, задушить их, и сделать всё зло, что они могут сделать» (ориг. лат.: «…suis edictum posuit, videlicet, ut agros devastarent, villas cremarent, acclesias spoliarent, quicquid masculine sexus in manus venirent, sine respectu misericordae, jugularent, feminas ad suam libidinem explendam reservarent, et omnia quae possent mala peragerent») [14, p. 166]).

Как короля, Флоренс Свейна не признаёт, называя его «тираном», который во время своего правления также совершал зло: «Помимо всего, они совершали набеги так часто, как им хотелось, и совершали великие злодеяния» («Et super haec omnia, uterque illorum quotiescunque eis libuerat, praedas egerunt, et multa mala fecerunt») [14, p. 168]).

Самым большим злодеянием Свейна стало богохульство — он осмелился отрицать святость св. Эдмунда. Более того, он угрожал снести церковь, где похоронен святой лишь за то, что жители города, где находилась церковь, вовремя не уплатили дань королю-иноземцу. Этот поступок, благодаря которому образ Свейна полностью оформился как крайне негативный и послужил причиной смерти конунга, ведь святотатства, по мнению хрониста, не смог стерпеть уже сам святой Эдмунд, который вернулся в мир живых и лично убил грешника [14, p. 168–169]. Таким образом, Свейнпоказан как чужеземец, не имеющий никаких положительных качеств, жестоко относящийся к народу Англии, будучи их королём, и, следовательно, становящийся тираном, не имеющий никакого уважения к христианским святыням [14, p. 155–159, 166–170].

Уничижительный образ Свейна распространялся не только на него самого и его солдат, но и на обычных данов, так как хронист воспринимал их как чужеземцев, хотя они уже долгое время жили на территории Дэнло. Так, Флоренс считает, что все даны, населявшие Денло, состояли в сговоре с целью свержения Этельреда и верных ему людей, чтобы захватить власть, а потому Этельред дал справедливый приказ об уничтожении всех данов, независимо от пола и возраста, в День святого Бриса [14, p. 156].

В то же время Флоренс во всём поддерживает Этельреда, оправдывая все его действия, в том числе и приказ о массовом убийстве данов.

Хронист видит в нём короля, который не смог противостоять более сильному, но и жестокому Свейну. Тем не менее, именно Этельреда Флоренс признаёт как истинного короля Англии. Более критично относится к королю Вильям Малмсберийский в «Деяниях английских королей», написанных им в 1126 г. [15, p. 66].

Сам Вильям известен тем, что ко многим событиям и персонажам он относился критично. Так, Свейна хронист видит тем же тираном, что и Флоренс Вустерский, который также во время своего правления лишь грабил и угнетал жителей Англии. При этом многие действия Свейна были, хоть и жестокими, но обоснованными. Так, Свейн начал свой поход из-за сестры, которая была несправедливо убита. К самой сестре Вильям относится с уважением: «И действительно, она стойко перенесла свою смерть, не побледнев и не утратив своей красоты…» (ориг. лат.: «Et illa quidem mortem praesenti tutil animo, quia nec morituta expalluit, nec mortua, consumpto etiam sanguine, vultum amisit…») [15, p. 289]. Впрочем, не только местью руководствовался Свейн, но и жаждой наживы, ведь его подданный Торркель сообщил о слабой обороне страны. От страха перед свирепым конунгом многие подданные Этельреда поддерживали чужеземца. И всему виной король, забывший о своей стране, о чём и говорил Торкелль Свейну: «Болван: предаваясь вину и женщинам, думал лишь о войне» (ориг. лат.: «sed regem stertere: illum, Veneri vinoque studentem, nihil minus quam bellum cogitare.») [15, p. 289]. У Вильяма Малмсберийского король данов предстаёт перед нами тем же тираном, что «жесток по своей природе». И за свои злодеяния он, как и Флоренс Вустерский, был наказан высшими силами. Однако эти злодеяния были вызваны не только злой натурой конунга, но прежде всего объективными причинами, приведшими страну к слабости перед иноземной армией, главной из которых был король, который был невежественным и не интересовался проблемами своего народа [15, p. 288–290, 295, 296].

Некоторые хронисты винили в злодеяниях, совершённых данами и их королём, не только Этельреда или самого Свейна. Они скорее считали, что Свейну сама судьба предназначала английский трон. Одним из самых известных английских хронистов, разделявших подобную точку зрения, был Генрих Хандингтонский, изложивший свою точку зрения в «Истории англов», созданной им в 1130 г. [2, с. 70]. Он, как Флоренс Вустерский, видел в датском конунге жестокого язычника, склонного по своей натуре к злодеяниям: «В VI году Свейн, смелейший муж, с огромным флотом прибыл в Сандвич вместе со своими постоянными помощниками: огнём, резнёй и грабежом…» (ориг. лат.: «Anno VI, cum

Suain vir audacissimus cum magna classe redisset ad Sandwic, quem semper comitabantur tres socise, prsedatio, combustio, occisio, frenduit omnis Anglia, et commota est velut aruudinetum») [16, p. 175]. В то же время хронист не отрицает и вины короля в сложившейся ситуации. В отличие от Флоренса, он порицает Этельреда за то, что тот, «одержимый гордыней и предательством, приказал тайно убить всех данов, мирно живущих в Англии, в праздник св. Бриса» (ориг. лат.: «Quo proventu rex Adelred in superbiam elatus et perfidiam prolatus, omnes Dacos qui cum pace erant in Anglia clandestina proditione feci mactari una eademque die, scilicet in festivitate S. Bricii» [16, p. 174]. Именно из-за своей слабости, благодаря которой он сделал слабой и свою страну, король вынужден был платить дань чужеземцам [16, p. 173–176, 180–181].

В то же время король пытался оказывать сопротивление данам, но им суждено было побеждать. Интересно то, что Генрих концентрировался на событиях похода, оставив практически без внимания получение Свейном власти и его быструю смерть. Легенду об убийстве Свейна св. Эдмундом хронист вообще не упоминает, что удивительно для его фатализма. Это объясняется тем, что Генрих пытался показать возмездие судьбы за совершённые Этельредом злодеяния, противоречащие христианской морали, а также за его слабость, которая сказалась на состоянии страны, вынужденной склониться перед жестокими датскими захватчиками [16, p. 173–176, 180–181].

Но не у всех хронистов образ Свейна отрицательный, нежели положительный. Крайне благоприятное впечатление производит образ Свейна в «Похвале королеве Эмме» [17, p. 12] — панегирике, созданном по повелению королевы Эммы Нормандской, супруги двух королей Англии — Этельреда Неразумного и (затем) Кнута Великого. Причём сама «Похвала» явно симпатизирует последнему. Этот панегирик был создан в 1041 г., в условиях династического кризиса. После смерти Кнута в 1035 г. на трон претендовали два его сына: Хардакнут от Эммы и Харальд от его сожительницы Эльфгифу [17, p. 413–415]. Закономерно, что Эмма хотела видеть на троне своего сына Хардакнута (хотя в то время в Нормандии находились два её сына от Этельреда — Альфред и Эдуард) [17, p. 413–415], а потому в панегирике ставилась задача оправдать притязания на трон представителя датской династии, значит, сделать максимально привлекательным образ представителей этой династии как английских правителей, в том числе и её основателя — Свейна Вилобородого [18, с. 151–165].

Интересным является то, что автор «Похвалы» уделяет большее внимание различным риторическим приёмам (например, излишне востор-

женному описанию величия кораблей), чем фактическому материалу, например, правлению Свейна в Дании. Тем не менее, в этом источнике, по сравнению с другими рассматриваемыми в данной статье, Свейну уделено куда больше внимания. Заметим, что только в этом источнике (из ранее описываемых) представлена его биография во временно́м периоде до его связей с Англией. С самого рождения Свейна все в народе его любили, и лишь отец (Харальд Синезубый) ненавидел его из-за зависти. После борьбы с отцом (в которой все без исключения поддерживали сына) за трон, Свейн начал править королевством мудро и справедливо, постоянно заботясь о безопасности страны, и народ за это был ему бесконечно верен. Далее автор опускает его участие в набегах 990-х гг., и его поход 1003–1005 гг. Резня в День святого Бриса также не упомянута. Хронист переходит сразу к изложению событий похода 1013 г., причиной которого становится желание подданных расширить империю Свейна и наказать подданного-предателя, в качестве которого представлен Торкель. Именно он должен был для короля завоевать Юг Англии, но примкнул к англичанам, решив собрать армию, к которой примкнуло множество добровольцев. Автор дополнительно подчёркивает величие Свейна с помощью подробного описания пышного убранства датских кораблей, на которые, например, помещены золотые львы, птицы и драконы.

Свейн, как и следует славному воителю, достаточно легко завоевал королевство (автор не рассматривает этот поход подробно). Смерть Свейна показана весьма не типично — на смертном одре он вручил Кнуту власть над королевством, дал ему множество советов по управлению страной, наказал исповедовать христианство — всё это характерно для христианского короля, каким Свейн в реальности не был. Тем не менее, автор видел в Свейне чужестранца.

Свейн в «Похвале», как здравомыслящий политик, тоже это осознавал, как и то, что англичане за вторжение его ненавидят (даже в идеальном для образа Свейна мире «Похвалы»), поэтому попросил похоронить его на родине.

В «Encomium Emmae Reginae» Свейн предстаёт перед нами как идеальный король, который заботится о своих датских подданных и получает в ответ безмерную их верность, и при этом желающий расширить границы своей империи, вызывая ненависть завоёванного населения [18, с. 12]. Но этот альтернативный образ, в отличие от негативного образа из «Англосаксонской хроники», не оказал никакого влияния на формирование образа Свейна Вилобородого в англо-нормандской историографии.

В качестве вывода можно сказать, что к концу XI — началу XII в. в английском историописании сложился крайне негативный образ короля Свейна Вилобородого. Однако его формирование было неоднородным. Ранний нормандский хронист Вильгельм Жюмьежский, дистанцированный от англосаксонского прошлого, изображал Свейна нейтрально — жестоким военачальником, но прагматичным политиком, равным другим монархам. Последующие авторы, опиравшиеся на «Англосаксонскую хронику», создали образ свирепого язычника-разрушителя. Некоторые, как Флоренс Вустерский, приписывали негативные черты всем датчанам, чтобы оправдать ошибки короля Этельреда II.

В то же время многие хронисты избегали тотальной демонизации. Генрих Хантингтонский представлял Свейна орудием божественной кары за грехи англичан, а Вильям Малмсберийский видел в его приходе закономерный итог неудачной политики Этельреда. Оба этих подхода фокусировались на конкретных поступках Свейна, а не на очернении всего датского народа.

Ярким исключением является «Похвала королеве Эмме», где Свейн предстаёт мудрым и любимым правителем. Этот контраст наглядно демонстрирует, что образ короля целенаправленно формировался в зависимости от задач автора: легитимировать притязания потомков Эммы, показать упадок народа или объяснить причины датского завоевания. Таким образом, оценка Свейна в хрониках служила не объективному описанию, а решению конкретных идеологических задач.

Список источников и литературы

1. *Горелов М.М.* Датское и нормандское завоевания Англии в XI в. СПб.: Алетейя, 2007. 176 с.
2. *Мереминский С.Г.* Формирование традиции. Английское историописание второй половины XI — первой половины XII веков. М.: Ун-т Дмитрия Пожарского, 2016. 496 с.
3. *Oman Ch.* England before the Norman Conquest. London: G.P. Putnam's sons, 1938. 679 p.
4. Сага об Олафе сыне Трюггви: пер. с др.-исланд. А.Я. Гуревича, Ю.К. Кузьменко, И.М. Стеблин-Каменского, О.М. Смирницкой // Снорри Стурлусон. Круг земной. М.: Наука, 1995. 682 с.
5. *Lawson M.K.* Cnut: the Danes in England in the early 11th century. London: Longman, 1993. 290 p.
6. Two of the Saxon Chronicles Parallel: A Revised Text / Ed., with intr., notes, appendices and glossary by Ch. Plummer; on the basis of an edition by J. Earle. 2 vols. Oxford: Clarendon Press, 1892. Vol. 1. 482 p.

7. *Finberg H.P.R.* The Formation of England. 550–1042. London, 1974. 238 p.
8. *Stenton F.M.* Anglo-Saxon England. Oxford: University Press, 1943. 816 p.
9. *McGuire V.R.P.* Annals and Chronicles // New Catholic Encyclopedia. 2nd ed. Vol. 1. New York: Catholic University of America, 2003. P. 459–464.
10. *Репина Л.П.* Образы прошлого в памяти и истории // Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала Нового времени. М.: Кругъ, 2003. С. 9–18.
11. *Гимон Т.В.* Историописание раннесредневековой Англии и Древней Руси: сравнительное исследование. М.: Ун-т Дмитрия Пожарского, 2012. 696 с.
12. *Метлицкая З.Ю.* Харольд — последний король англосаксов // Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала Нового времени. М.: Кругъ, 2003. С. 102–114.
13. Willelmus Calculus Historia Northmannorum // Patrologia latina. Paris; 1853. Vol. 149. P. 826–828.
14. Florentii Wigorniensis Chronicon ex Chronicis / Ed. B. Thorpe. 2 vols. Vol. 2. London, 1848. 328 p.
15. Willelmi Malmesbiriensis Gesta regum Anglorum [Электронный ресурс] / Ed. Th. D. Hardy. London: Sumptibus Societatis., 1840. URL: https://books.google.ru/books?id=z1YJAAAAQAAJ&hl=ru&source=gbs_navlinks_s (дата обращения: 20.06.2024).
16. Henrici archidiaconi Huntendunensis Historia Anglorum / Ed. Th. Arnolds. London: Longman & Company, 1879. 358 p.
17. Encominium Emmae Reginae / Ed. A. Campbell. Cambrige: Offices of the Royal Historical Society, 1949. 108 p.
18. *Горелов М.М.* Панегирик королеве Эмме: свидетельство исторической памяти или политическая пропаганда? // Диалог со временем. 2010. Вып. 33. С. 151–165.

УДК 94 (368)

Блинова Ю.В.
Казанский (Приволжский)
федеральный университет,
Институт международных отношений,
истории и востоковедения,
студент бакалавриата.
E-mail: blinova22052003@yandex.ru

Образ датского конунга Свена Вилобородого в “Gesta Danorum” Саксона Грамматика

Аннотация. В статье выявляются особенности конструирования образа Свена Вилобородого в сочинении Саксона Грамматика “Gesta Danorum”. Отмечается, что в ходе выстраивания собственного образа хронист заимствовал сведения из работы Адама Бременского. Вместе с тем Саксон представлял Свена иначе, чем Адам. Делается вывод о причинах трансформации образа Свена из мятежного язычника в благочестивого конунга.

Ключевые слова: Саксон Грамматик, «Деяния данов», эпоха викингов, Свен Вилобородый.

Blinova Yu.V.
Kazan (Volga Region)
Federal University,
Institute of International Relations,
History and Oriental Studies,
Bachelor’s Program Student.
E-mail: blinova22052003@yandex.ru

The Image of the Danish King Swein Forkbeard in Saxo Grammaticus’s “Gesta Danorum”

Abstract. This article analyzes the features of the construction of the image of Swein Forkbeard based on Saxo Grammaticus’s “Gesta Danorum”. It is noted that in constructing his own image, the chronicler adopted information from Adam of Bremen’s work. However, Saxo portrayed Swein in a different way than Adam. The conclusion explains the reason for the transformation of Swein’s image from a rebellious pagan into a godly king.

Keywords: Saxo Grammaticus, “Gesta Danorum”, Viking age, Swein Forkbeard.

Свен Вилобородый (986–1014) является значимой фигурой в датской истории эпохи викингов. Гегемония Дании на территории Скандинавии продержалась примерно с 800 по 1050 г. С именем Свена связаны такие процессы, как установление контроля над Норвегией, дальнейшая христианизация Дании и полномасштабное вторжение в Англию. Последнее завершилось поражением короля Этельреда II Нерешительного [1, p. 76].

Тем не менее, о Свене Вилобородом у хронистов, повествующих об истории Скандинавии, сложилось не самое лучшее мнение. Его достижения либо игнорировались, либо терялись на фоне событий, которые он претерпел в начале своего правления. Такому восприятию Свена поспособствовал Адам Бременский — хронист Гамбург-Бременской епархии, осветивший эпоху Свена в труде "Gesta Hammaburgensis ecclesiae pontificum" [2, p. 27]. Его трактовка событий повторялась и дополнялась датским историописанием, что особенно заметно при рассмотрении труда Саксона Грамматика — «Деяния данов».

По мнению современных историков, сочинение "Gesta Danorum" состоит из трех частей. Так, книги с I по IX основаны на устных рассказах (посвящены языческой истории), запутанных сведениях о 60 легендарных королях и героях. Книги с X по XIII освещают период от конунга Харальда Синезубого до середины XII века; XIV–XVI книги описывают времена гражданских войн и завершаются правлением Кнута VI, ознаменовавшимся подавлением военной мощи вендов в конце XII в. [3, с. 48].

Информацию о датском конунге Саксон поместил в X книгу. Как и у Адама Бременского, Свен восстает против собственного отца, Харальда Синезубого (958–987). Отдельно нужно отметить, что Харальд описывается Адамом и Саксоном сходным образом, как конунг-преобразователь. Однако уже здесь присутствуют заметные отличия. В "Gesta" Адама Харальд принял христианство при содействии архиепископа Гамбург-Бремена и Оттона I. Свен тоже был крещен и получил имя «Свен-Отто» [4, с. 43]. Следовательно, обращение Харальда происходит в результате совместных усилий Гамбургского архиепископства и императорской власти. В работе Саксона Грамматика данный эпизод не упоминается. Хронист кратко сообщает о том, что «Харальд, устроив свои дела с императором [Оттоном I], приобщился к католической вере и добыл тем самым для своего королевства мир как с Богом, так и с людьми» [5, с. 352]. Таким образом, участие архиепископства Адама в крещении конунга исключается.

Почему Свен возглавляет восстание против отца? Адам Бременский умолчал о причинах мятежа. Возможно, он намеренно опустил подроб-

ности, чтобы выставить Харальда Синезубого в исключительно положительном ключе — благочестивым и храбрым (“religione ac fortitudine”) королем, пострадавшим от интриг Свена [6, s. 59]. Саксон, в свою очередь, подробно описал причины восстания. Сами даны были недовольны ростом податей и тем, что их заставляют отказаться от веры в языческих богов. Харальд, в понимании хрониста, не был столь добродетелен, как раньше. Показателен момент с перевозкой камня — рунического камня в Йеллинге [7, p. 120]. Саксон заостряет внимание не на камне и его содержании, а на разговоре с одним из воинов флота. Когда Харальд спросил, есть ли человек, способный своими силами перенести глыбу, воин завуалированно ответил, «что недавно своими глазами видел, как люди несли еще более тяжелый груз», тем самым намекая на усиление гнета данов [5, с. 353]. Воины тоже были недовольны возросшей властью правителя, так как хотели сохранить традиционные черты власти скандинавского региона — равновесие сил конунга и хирдов [7, p. 121]. Это все побудило их обратиться за помощью к Свену, согласившемуся противостоять отцу. Таким образом, Саксон, в отличие от Адама, подробно раскрывает причины восстания, из-за чего образ Харальда Синезубого тоже не выглядит положительным. Он, скорее всего, выходит противоречивым. С одной стороны, конунг благочестив, так как не придерживается языческой веры, с другой — он тиран, не учитывающий интересы своего народа. То есть, Саксон не стремился создать синкретический образ Харальда, сделать его страдальцем за веру, несмотря на то, что тот поддерживал церковь и стремился христианизировать не только Данию, но и Норвегию.

Противостояние Харальда и Свена завершается победой последнего. Харальд был вынужден бежать в город Юлин с верными ему данами (“Danicis armis refertum, utpote fidissimum militae suae gremium”) [8, s. 332]. Но Саксон, в отличие от Адама, показывает, что Харальд умер не как мученик, павший от руки собственного сына. Напротив, у него позорная смерть, не считающаяся благородной в представлении традиционного скандинавского общества [9, с. 312]. Пока он справлял нужду, прилетела стрела от Пальнатоки — человека, желавшего отомстить бывшему конунгу за прошлые унижения. Так Харальд завершает свою жизнь.

При отрицательном отношении Саксона к Харальду касательно второй половины его правления, отметим, что хронист в ситуации противостояния отца и сына отдает предпочтение первому. Харальд обладает гораздо большей властью, чем Свен, хоть и в начале своего правления. В отличие от последнего, Синезубый — благочестивый, и, несмотря

на злоупотребления властью, он смог «избавиться от заблуждений». Это видно, когда Саксон описывает похороны Харальда в церкви.

Почему Саксон отдал предпочтение Харальду? Если сравнивать конунга-язычника, а именно таким и был Свен, и конунга-христианина — Харальда, последний как раз выигрывает в оценке. Если Харальда, несмотря на его противоречивые действия, Саксон называет «самым благочестивым / добродетельным государем» (“pissimi ducis”), то Свена хронист представляет носителем сугубо негативных качеств, характерных для вероотступника и варвара [8, s. 332].

Дальнейшее описание событий почти схоже с повествованием Адама Бременского. Саксон сообщает, что Свен решил искоренить христианство из Дании: «обрадовавшись появлению удобной возможности свирепо обрушиться на церковь, [захотел] с корнем вырвать ростки [новой] веры» [5, с. 355]. Хронист недоволен действиями конунга. Он считает, что Свен и даны заблуждаются, отказавшись от веры в истинного Бога. Но уже здесь прослеживается отличие в повествовании — Саксон не говорит о том, что новый конунг начал гонения на Гамбург-Бременскую епархию. Свен, в понимании Саксона, на первом этапе своего правления хотел реставрировать скандинавский пантеон богов, поэтому выступал против новой веры, а не конкретной епархии. Однако хронист не считает Свена положительным персонажем, так как он, как было отмечено ранее — язычник и грешный король.

В “Gesta Danorum” Свена за вероотступничество тоже настигает божья кара. Но, что важно — она не наступает за восстание против собственного отца, как у Адама Бременского. В нарративе умалчивается участие Свена в убийстве Харальда, что позволило новому конунгу избежать наказания за отцеубийство [10, p. 176]. Более того — Саксон намеренно не стал заимствовать данный момент у Адама Бременского, чтобы не очернить образ Свена, учитывая его заслуги во второй период правления.

Саксон Грамматик также подробно описал божью кару. Так, Свен был «взят в плен жителями города Юлин» во время их набега на Данию [5, с. 355]. На протяжении всех выпавших на конунга неудач, хронист описывает его как человека, чьи «очи по-прежнему окутывал мрак невежества» [5, с. 355]. Свен, со слов хрониста, похож на чудовище (“portentum”), которое не осознает последствий своих действий [8, s. 333]. Однако даны, так сильно любя Свена, выкупили его из плена. И во время второго похищения, за то, что конунг борется с христианством, знатные люди отдали своих детей в залог за него.

Третье похищение описано подробнее всех. Свен хотел отомстить за свои поражения, поэтому прибыл в Юлин — тот самый город, в который бежал Харальд Синезубый. Жители города воспользовались системой защиты данов, благодаря чему им удалось похитить конунга. Саксон подчеркивает неудачливость Свена: «тот, кто незадолго до этого блистал на вершине величия, теперь игрой насмешливой удачи оказался жалким рабом варваров» [5, с. 356]. Дания была разорена, денег не хватало, поэтому даны не сразу смогли прийти на помощь к конунгу. Помогли ему женщины, которые за счет своих драгоценностей собрали нужную сумму для выкупа. Здесь Саксон вновь отмечает, насколько даны были едины в желании освободить правителя.

Подобный парадокс не раз заставлял Саксона размышлять о непостоянстве данов, которые с презрением относились к Харальду — проповеднику новой веры, зато были благосклонны к Свену, хоть тот и не был удачлив в первый период правления. У народа привязанность к своим правителям была превыше всего, но, в то же время, в понимании хрониста, даны нуждались в постоянном воспитании со стороны конунга [10, p. 172]. Конунг и народ были гарантией стабильности политической обстановки в Дании.

Христианство противостояло этим традиционным устоям как новая и пришедшая в страну извне религия. Даны не желали следовать за новообращенным королем Харальдом — он был слишком высокомерен, из-за чего гнет народа лишь усилился. Поэтому восстание против Харальда выглядит законным. Саксон демонстрирует сочувствие данам, даже если они не выражали благодарность за то, что им преподнес конунг — христианство [10, p. 173]. Чтобы жители Дании действительно обратились в истинную веру, требовалось сочетание образов короля-христианина и защитника собственного народа. Это проявилось в воплощении Свена Вилобородого, но уже позднее.

На данном этапе божья кара продолжает преследовать конунга. По условиям мира с городом Юлин, Свен поклялся, что более не будет мстить за свое похищение. Этим обстоятельством недоволен Саксон — в его понимании, отказ от мести — постыдное дело, тем более что оно не принесет никакой пользы Дании, пострадавшей от города Юлин. Конунг должен уделять огромное внимание защите своих территорий, чего не делает Свен. Он лишь демонстрирует «рабскую покорность», когда соглашается с условиями победителей [5, с. 358].

Дальнейшее повествование повторяет канву событий Адама Бременского. Свен в представлении Саксона все еще неудачлив — на его королев-

ство нападает шведский конунг Эрик Победоносный (970–995), который, напротив, «неизменно пребывал на вершине счастья и благополучия» [5, с. 359]. Если ранее шведы не вызывали у данов серьезного беспокойства из-за их внутренних разногласий, то с приходом к власти Эрика ситуация изменилась. Шведский конунг был заинтересован в расширении своего влияния в Скандинавском регионе, что и привело к вероятному нападению [11, p. 9]. Вынужденный бежать, Свен отправляется в Норвегию, к Олафу Трюггвасону, но тот отказался помогать поверженному конунгу. В Англии ситуация не лучше — Этельред II опасался того, что Свен изображает изгнанника, чтобы хитростью захватить страну. Единственным местом, в котором бывшему конунгу были рады, стала Шотландия.

Последствием божественного наказания стало то, что Свен наконец раскаивается в своих действиях и обращается в христианство. С этого момента образ конунга меняется. До этого Свен был представлен вероотступником, неудачливым правителем и чудовищем. Теперь же, с верой в истинного бога, ему возвратились слава и удача (“fortunae splendorem”) [8, s. 337]. Свен становится благочестивым королем — таким, каким и хотел его видеть Саксон Грамматик.

Однако на пути Свена возникает новая проблема — отношения с данами, которые предпочитали придерживаться старой веры. Перед конунгом стояла дилемма — с одной стороны, он боялся восстания, если начнет открыто исповедовать христианство, с другой — боялся нового гнева от Бога. Последнего варианта он опасался сильнее, чем первого. Набожный конунг предпринял попытку обратить в христианство хотя бы аристократию, но безуспешно. Несмотря на это, Саксон Грамматик хвалит Свена за то, что тот ставит божественный гнев выше мнения дановязычников, и пытается утвердить христианство во всей Дании.

Как было отмечено ранее, для того чтобы жители Дании обратились в истинную веру, требовалось сочетание образов короля-христианина и защитника своего народа. Чтобы изменить отношение к Свену на положительное, хронист вводит в повествование епископа Поппо — человека, известного «своими дарованиями и святостью» [5, с. 360]. Поппо прибыл на тинг для проповеди, но неудачно. Тогда епископ решил доказать истинность своих слов на деле. Саксон описывает чудо, произошедшее с Поппо: раскаленное железо в руке не причинило ему вреда. Этого было достаточно, чтобы даны убедились в силе христианской веры и стали обращаться в нее добровольно.

При своем отрицательном отношении к Свену в первый период его правления, Саксон меняет свой взгляд на него, когда тот стал конунгом.

Теперь Свен — богобоязненный и благочестивый государь, трудящийся во благо новой веры. Он стал строить церкви и назначать епископов по всей Дании. Так, Поппо стал епископом Орхуса, Харик — в Шлезвиге, Лефдаг — в Рибе, а Гербранд направился в Роскилле. Кроме того, раз к Свену вернулась удача, теперь он мог дать отпор другим территориям. Так, когда Олаф Трюггвасон (995–1000) хотел захватить Данию и пытался подговорить шведов, Свен прибегнул к хитрости, за что Саксон прозвал монарха «хитрым королем» [5, с. 362]. Но такую характеристику нужно рассматривать в положительном ключе. Учитывая плохое отношение Саксона к норвежцам, что обусловлено его временем — второй половиной XII в. – началом XIII в., когда датская монархия была втянута в борьбу за норвежский престол, хронист пытался выставить Свена «мудрым» (“prudens”) конунгом, в сравнении с Олафом, конунгом Норвегии [8, s. 340]. И ему это удалось — в сочетании с удачей и хитростью Свен выходит из столкновения победителем, а Олаф погибает.

Саксон завершает повествование о Свене следующим образом. Конунг «остаток своих дней провел в неустанном служении Богу» [5, с. 364]. Под конец правления Свена, в отличие от его отца — Харальда, восстание данов уже не могло случиться. Он соблюдал традиционную для норманнского общества черту — равновесие сил конунга и хирдов, не был тираном, как Синезубый. Сочетание короля-христианина и любви к народу, понятая Свеном, позволила Саксону называть конунга «добродетельнейшим из людей». Как итог — Свен из вероотступника-варвара превратился в благочестивого короля.

Как отмечено нами ранее, для создания своего образа Свена Вилобородого Саксон использовал труд Адама Бременского в качестве основного источника, но с изменениями, почерпнутыми из Роскилльской хроники (середина XII в.) и «Краткой истории королей Дании» Свена Аггесена (конец XII в.). В результате у хрониста получился иной образ датского конунга, не такой, как у Адама. Если в «Деяниях архиепископов Гамбургской церкви» Свен представлен отрицательно, преимущественно как вероотступник, отцеубийца и узурпатор, в «Деяниях данов» этот же персонаж претерпевает изменения и превращается из язычника в достойнейшего христианского монарха.

Можно сказать, что образ Свена, представленный Саксоном Грамматиком — результат собственного творчества хрониста. Он часто приукрашивал свое повествование сравнениями, подчеркивая парадокс, присущий правлениям Харальда Синезубого и Свена Вилобородого [10, p. 176]. Так, конунг Харальд умер позорной смертью и был забыт своим

же народом. Свен, наоборот, множество раз терпел поражения, но был любим данами, несмотря на то, что он — язычник. Кроме того, сравнивая Харальда и Свена, Саксон отдавал предпочтение первому лишь в период, когда Вилобородый был вероотступником. Как только Свен обращается в христианство и раскаивается в грехах, хронист начинает отдавать предпочтение ему, а не высокомерному отцу-христианину.

Почему Саксон видоизменяет сюжет Адама? Дело в том, что большая часть повествования «Деяний архиепископов Гамбургской церкви» не соответствовала интересам датского хрониста. Адам восхищался теми конунгами, которые выступали сторонниками его архиепископства, в то время как других он очернял. В датском историописании происходил обратный процесс. Саксон Грамматик писал “Gesta Danorum” в то время, когда претензии Гамбург-Бремена представляли серьезную угрозу суверенитету Дании. Хронист, писавший труд для своего архиепископства, намеревался изобразить архиепископство Лунда и саму Данию как независимые образования. Поэтому Саксону нужно было показать, что не Гамбургская миссия, а усилия Свена Вилобородого сыграли главную роль в христианизации Дании. Следовательно, конунг, ставший главным действующим лицом в деле преобразования страны, должен быть изображен соответствующим образом.

Список источников и литературы

1. The Oxford illustrated History of the Vikings / Ed. P. Sawyer. Oxford; New York: Oxford University Press, 1997. 344 p.
2. *Sawyer P.* Swein Forkbeard and the Historians // Church and Chronicle in the Middle Ages / Eds. I.N. Wood, G.A. Loud. London: The Hambledon Press, 1991. P. 27–40.
3. *Возгрин В.Е.* Летописцы и историки Дании: Эволюция национальной историографии от Средневековья до современности. СПб.: Крига, 2019. 816 с.
4. Адам Бременский, Гельмольд из Босау, Арнольд Любекский. Славянские хроники / пер. с лат. И.В. Дьяконова, Л.В. Разумовской; под ред. И.А. Настенко. М.: СПСЛ «Русская панорама», 2011. 584 с.
5. Саксон Грамматик. Деяния данов: в 2 т. (16 кн.). Т. 1: Книги I–X / пер. с лат. яз. и коммент. А.С. Досаева; под ред. И.А. Настенко. М.: СПСЛ «Русская панорама», 2017. 608 с.
6. Adam von Bremen. Hamburgische kirchengeschichte // Monumentis Germaniae Historicis. Scriptores rerum germanicarum in usum scholarum. / Hrsg. von B. Schmeidler. Hannover und Leipzig: Hahnsche Buchhandlung, 1917. 353 s.
7. *Malbo L.* Harald à la Dent bleue: Viking, roi, chrétien. Passés composés, 2022. 288 p.

8. Saxonis Grammatici Gesta Danorum / Hrsg. von A. Holder. Strassburg: Verlag vox Karl J. Trübner, 1886. 827 s.
9. *Сванидзе А.* Викинги — люди саги: жизнь и нравы. М.: Нов. лит. обозр., 2014. 800 с.
10. *Nielsen T.* Christianity and Ecclesiastical Authority in the Gesta Danorum // A companion to Saxo Grammaticus / Eds. T.K. Heebøll-Holm, L.B. Mortensen. Leiden; Boston: Brill, 2024. P. 135–202.
11. *Howard I.* Swein Forkbeard's invasions and the Danish conquest of England 991–1017. Woodbridge: The Boydell Press, 2003. 204 p.

УДК 94

Шкиль М.Д.
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
факультет гуманитарных наук,
Школа исторических наук, аспирант.
E-mail: m.shkil1334@gmail.com;
mdshkil@hse.ru

Как закалялся миф: «места памяти» и воображаемое пространство в строфической поэме «Смерть короля Артура»

Аннотация. В настоящей статье мы изучим строфическую поэму «Смерть короля Артура», отличающуюся среди других памятников самобытностью в построении воображаемого прошлого и пространства. Поэт выделяет три промежутка времени и ссылается на хроникальную традицию, ведущуюся с Гальфрида Монмутского. Также поэма первая из артуровских романов упоминает миф о захоронении короля Артура в аббатстве Гластонбери.

Ключевые слова: История Англии, король Артур, рыцарский роман, места памяти, воображаемое пространство, строфическая поэма «Смерть короля Артура», аббатство Гластонбери.

Shkil M.D.
National Research University Higher School of Economics,
Faculty of Humanities, School of History,
Postgraduate Student.
E-mail: m.shkil1334@gmail.com;
mdshkil@hse.ru

How the Myth was Forged: «Places of Memory» and Imaginary Space in Stanzaic Morte Arthur

Abstract. In this article, we will consider Stanzaic poem Morte Arthur, which is distinguished among other romances by its originality in constructing both an imaginary past and space. The poet identifies three periods and refers to the chronicle tradition that dates from Galfrid of Monmouth. Also, poem is the first of he Arthurian romances to mention the myth of King Arthur''s burial at Glastonbury Abbey.

Keywords: History of England, King Arthur, romance of chivalry, places of memory, imaginary space, Stanzaic poem Morte Arthur, Glastonbury Abbey.

Легенды о короле Артуре оказали значительное влияние на западноевропейскую словесность [1, с. 72]. Прежде всего распространявшиеся через хроники, рыцарские романы, песни при королевских дворах и других общественных местах, легенды «говорили» не только со знатью, но и с людьми низших сословий, объединяя их и закладывая основы английского самосознания.

Повсеместная вера в историчность короля Артура крепла именно среди англичан и нашла дополнительное выражение в романах артуровского цикла, первоначально составленных на старофранцузском языке, но на протяжении XIII–XV вв. появлявшихся на среднеанглийском языке.

Как мы постараемся доказать далее, англичане понимали чтение (про себя и вслух) и переработку романа как форму культурного и политического действия [2, p. 174], и перевод-адаптация романов со старофранцузского и перенесение культурных представлений в текст для них — рефлексия о прошлом Англии.

Авторы среднеанглийских романов о короле Артуре работали с воображаемым прошлым, адаптировали текст старофранцузского оригинала в соответствии со взглядами английской аудитории. Особую роль во всем среднеанглийском артуровском цикле играла так называемая строфическая поэма о смерти короля Артура, для которой, как мы попытались показать, было характерно более выраженное, чем в других романах, стремление к темпоральной адаптации французского первоисточника для английской аудитории [3].

Так, автор строфической поэмы выделяет три промежутка времени: прибытие Брута Троянского и основание Британии, «Артуровы времена» (Arthur dayes) и современное поэту время через постоянное обращение к аудитории. Второй промежуток переплетен со «старыми временами» (olde dayes) и «нашими предками» (our eldres). Поэт отвечает на запрос аудитории на адаптацию среднеанглийского романа о короле Артуре через включение артуровского мира в воображаемое прошлое англичан [3, с. 127].

Автор вписывает мир Артура в историю Англии, с одной стороны, с точки зрения хроникальной традиции, ведущейся от Historia Regum Britanniae Гальфрида Монмутского, и с другой — со стороны популярной версии захоронения короля Артура в аббатстве Гластонбери, которая была выгодна как правящей династии, так и самим монахам [3, с. 110].

В сущности, строфическая Morte Arthure показала себя как самобытная в плане построения воображаемого прошлого, но уместно предположить, что в ней имеется и свое специфическое отношение к пространству, выделяющее ее среди других среднеанглийских романов этого цикла.

Поэтому в рамках настоящей статьи важно рассмотреть те топонимы, которые выходят за рамки артуровской хроникальной традиции и разобраться, насколько новые топонимы важны для картины воображаемого прошлого англичан.

При этом проблема самосознания напрямую связана с пространственной адаптацией. Постоянные династические войны Плантагенетов с Капетингами, а затем с Валуа, повлияли на становление английских и французских идентичностей, формированию патриотических дискурсов, созданию образа «Другого» [4, с. 341]. Со становлением и развитием «национального» самосознания прежде всего связывают события Столетней войны (1337–1453) [5].

В связи с войнами менялось и восприятие собственного языка. Англичане не хотели больше говорить на языке врага. Среднеанглийские романы одни из первых уловили изменения в вопросе самосознания островных жителей. По мнению некоторых исследователей, почти все среднеанглийские романы — сознательная адаптация для местной аудитории, а не дословный перевод [6].

Однако всего одно поколение назад в историографии господствовало обратное мнение [6, p. 5]. Вплоть до 70–80-х гг. XX в. исследователи полагали, что среднеанглийские романы не более чем дословный перевод так называемой «Вульгаты» (ок. 1215–1230 гг.), то есть корпуса романов, написанных на старофранцузском языке, и по праву считаемых самым популярным артуровским циклом романов [6, p. 5]. Написан он анонимными авторами и предназначен для знати, владеющей французским языком [7, p. 175].

В этом отношении строфическая поэма «Смерть короля Артура» занимает особое место — она сохранилась в единственном манускрипте (BL. Harley 2252). В настоящей статье поэма цитируется по изданию Эдварда Фостера и Ларри Бенсона [8].

Исследователи отдельно датируют вариант поэмы из рукописи концом XIV — началом XV в., основываясь на языковых особенностях, филигранях и почерке писцов, обычно около 1400 г., однако выдвигаются и более ранние даты [6, p. 4]. Манускрипт состоит из двух тетрадей и относится к типу «miscellanea», то есть представляет собой сборник разнообразных поэтических текстов вперемешку с официальными документами и строительными рецептами.

Долгое время «Смерть короля Артура» оставалась практически неизученной. Первые работы о ней датируются периодом 70-х гг. XX в., в них ее сравнивали с романом Томаса Мэлори [6, p. 4], и лишь недавно,

в 2018 г., в журнале «Arthuriana» состоялся пересмотр влияния поэмы на последующую среднеанглийскую традицию [9].

***

Хроника Historia Regum Britannie (между 1123 и 1136 гг.) Гальфрида Монмутского оказала основополагающее влияние на весь корпус текстов о короле Артуре. Из этого труда авторы заимствовали и сюжет, и образы некоторых персонажей (Артур, Мерлин, Мордред, Утер Пендрагон, Вортигерн и др.), и основные топонимы, которые составляли мир Артура.

Вальтер Поль, представитель австрийской школы медиевистики, задается вопросом о роли нарративов в формировании этнических идентичностей, он же рассматривал схожую нашей проблему историографии и идентичности [10]. Его наблюдения вполне приложимы к некоторым английским хроникам, текст которых был буквально Библией, которую они стремились одновременно и пересказать, и адаптировать, чтобы актуализировать свою идентичность на момент написания.

Если представлять хронику как начальную точку, то из нее возникло множество топонимов, которые затем просочились без изменений и в цикл «Вульгаты», и в среднеанглийские романы.

С одной стороны, эти топонимы были настолько глубоко включены в артуровскую традицию, что использовались зачастую как маркеры для ее соблюдения. С другой — в среднеанглийскую традицию проникали и топонимы, которых не было ни в старофранцузской, ни в хроникальной.

Самый известный из таких — появление аббатства Гластонбери в сюжете строфической поэмы Morte Arthure. Гиральд Камбрийский в 1191 г. своих трудах (Liber de Principis Instructione и Speculum Ecclesiae) рассказал о том, как насельники точечно провели раскопки и нашли захоронение короля Артура в стенах аббатства [11].

И все же, почему монахов аббатства Гластонбери так интересовал король Артур? На протяжении всей первой половины XII в. они пытались утвердиться среди других аббатств, заявляя права на мощи некоторых святых (в частности, св. Дунстана, Патрика, Индракта, Бенигна, Гильды и др.) [1, с. 121].

Тем не менее, большинство из огромного списка святых, чьи мощи находились в аббатстве, были кельтскими и нортумбрийскими подвижниками. Они не пользовались популярностью в Англии [1, с. 222]. Монахам нужна была значимая реликвия, слава которой могла бы обеспечить процветание аббатства и стать центром для паломников и благотворителей.

Мы уже знаем версию событий, по крайней мере, с точки зрения Гиральда Камбрийского и Вильгельма Мальмсберийского, однако важно подчеркнуть, что аудитория этих трудов была ограничена учеными клириками тогда, как в период Позднего Средневековья почитание короля Артура уже давно ассоциировалось не столько с хрониками, сколько с рыцарскими романами.

Строфическую поэму Morte Arthure можно назвать первым текстом, который преподносит миф о захоронении короля Артура широкой аудитории. Интересно, что на протяжении всего сюжета автор поэмы подготавливает почву, чтобы презентовать новый миф. В частности, поэма представляет нам безымянного архиепископа Кентерберийского, который воспротивился венчать в Лондоне Мордреда с Гвиневрой: «На жене твоего отца, даже если ты безумен, / Не можешь ты никак жениться» [8, VV. 3008–3009].

Сын Артура приказывает казнить архиепископа, поэтому тот бежит из Лондона в Кентербери. Там он отлучает Мордеда от церкви, о чем тот быстро прознает и приказывает найти архиепископа. Священник берет золото и серебро и уходит жить в глушь: «Оставит он мирские радости; / О веселье он больше не печется, / Но часовню он поручил соорудить / Между двух высоких серых рощ; / Там оделся он в одежды черные / В лесу, как если бы отшельником он был; / Часто он плакал и бдел / За Англию, в которой было столько печалей» [8, VV. 3028–3034].

Впоследствии оказывается, что часовня между двух высоких серых рощ — это одновременно и «долина Авалон» (vale of Aveloun), и аббатство Гластонбери, куда удалился архиепископ кентерберийский и стал праведным отшельником: «Теперь их часовня называется Гластонбери, / Богатое аббатство самых строгих правил» [8, VV. 3971–3972]. Что интересно, ни у Гальфрида, ни в старофранцузском первоисточнике сцены с основанием аббатства нет, не говоря уже об упоминании Гластонбери.

Тем не менее, сам архиепископ кентерберийский в артуриане уже появлялся. Логично было бы предположить, что он должен быть у Гальфрида Монмутского в сцене с коронацией Артура, но в хронике упомянуты только три архиепископа по городам — Лондона, Карлеона и Йорка [12].

Однако впервые появился архиепископ только в последней главе «Вульгаты», где выражал волю Папы Римского и желал примирить короля Артура с Гвиневрой [13, p. 170]. Кроме того, Ланселот нашел его скрывающимся в старой маленькой церквушке без упоминания о ее основании, местонахождении и названии [13, p. 170]. В среднеанглийских романах до строфической Morte Arthure кентерберийский архиепископ не упоминался.

Сам сюжет с основанием аббатства кентерберийским архиепископом очень показателен, поскольку именно он большую часть времени обладал полномочиями короновать английских правителей [14, p. 124]. Исключение составляет коронация Генриха Молодого в июне 1170 г. архиепископом Йоркским, после которого Томас Бекет потребовал от Генриха II отлучить причастных епископов, аннулировать церемонию, чтобы он мог провести ее заново. Коронация архиепископом Йоркским не должна была создавать прецедента [14, p. 124].

К слову, возможно, именно поэтому Historia Regum Britannie и корпус Вульгаты, собиравшийся в XII–XIII вв., не связывают кентерберийское архиепископство с коронацией и не упоминают его, поскольку и после смерти Генриха II и коронации Ричарда Львиное Сердце между королевской властью и кентерберийскими архиепископами были напряженные отношения, хоть это и не выражалось в прямой конфронтации [14, p. 125].

Почему же автор строфической Morte Arthure делает кентерберийского архиепископа основателем аббатства Гластонбери? С одной стороны, несмотря на скандальное противостояние Генриха II с Томасом Бекетом и Церковью, у кентерберийских архиепископов не отбирали привилегию короновать представителей анжуйской династии. К тому же, первые свидетельства о захоронении короля Артура, как уже упоминалось, приходятся на 1191 г. К тому времени Генрих II Плантагенет в 1180 г. успел посадить на архиепископскую кафедру Балдуина Фордского, тот был ключевой фигурой во время коронации Ричарда I в Вестминстерском аббатстве [14, p. 124].

Несмотря на противоречия и напряженные, и примирительные отношения, нельзя забывать про культ Томаса Бекета. После смерти последнего паломнический путь до Кентерберийского собора стал одним из самых популярных в Англии [15, p. 602]. В сущности, для англичан Кентерберийская кафедра так и осталась самой близкой королю, а значит, и главной кафедрой в Англии, обладающей полномочиями короновать справедливого и верного Англии правителя.

Несогласие архиепископа с Мордредом, попытка его отлучить и основание аббатства Гластонбери — это противодействие несправедливому королю. Неспроста автор романа делает акцент на тревогу архиепископа по поводу горя в Англии. В тексте строфической поэмы он берет на себя ответственность за судьбу страны, тем самым выражает настроение английского народа. Для него был и будет королем только тот, кого короновал он, как представитель воли Церкви.

Снова вернемся к ошеломительной популярности культа Томаса Бекета в контексте паломничества. Кентерберийской собор был первым международным центром: к нему тянулись паломники не только со всех регионов Англии, но и со всей Европы [15, p. 602]. Вкупе с привилегией архиепископа короновать правящую династию можно говорить о том, что для английского народа Кентерберийская кафедра была второй по значимости после короля в стране.

Автор строфической Morte Arthure использует этот статус, чтобы одновременно отвести фокус от конфликта Генриха II и Томаса Бекета и через сюжет об основании Гластонбери архиепископом Кентерберийским примирить законную власть с влиятельной кафедрой. Заодно внимание аудитории переключается на новое аббатство, как место, одобренное одновременно и правящей династией, и Кентерберийской кафедрой.

Кроме того, королевской власти важно было взять под контроль «культ Артура» и его образ, как легендарного правителя, родственного правящей династии. Идентичность англичан буквально строилась на образе короля, как народного героя, судьба которого до конца неизвестна. Вера в возвращение Артура — краеугольный миф, значимый для их самосознания. Находка «захоронения короля Артура» и создание мифа о его смерти в стенах Гластонбери являлись попыткой власти «изобрести» новую традицию, следуя терминологии Эрика Хобсбаума и Теренса Рейнджера [16].

Монахам и правящей династии важно было создать миф, рассчитанный на более широкую аудиторию, чем труды Гиральда Камбрийского и Уильяма Мальмсберийского. Нужен был такой итинерарий по новым местам, который оказался бы вплетен в сюжет артуровского мира. Поскольку артуровская традиция была представлена прежде всего рыцарскими романами, то разумным шагом было включение в этот список еще одного произведения, содержащего версии, угодные монахам и королевской власти.

Строфический роман раскрывается теперь с новой стороны. Можно сделать два осторожных предположения: во-первых, миф с основанием аббатства долгое время с открытия захоронения короля Артура в Гластонбери бытовал в устном виде, но был записан и дополнен лишь в конце XIII в. Во-вторых, либо он был написан после торжественного открытия захоронения короля Артура и Гвеневры Эдуардом I в 1278 г. Король был ярым популяризатором почитания Артура в конце XIII в. [17, p. 66].

К такой общей для предположений дате нас приводит упоминание еще одного, нигде не представленного в других источниках топонима —

Эймсбери (Amesbury), который связан в первую очередь с уходом в монастырь королевы Гвеневры, после того, как она узнала о смерти короля Артура от руки Мордреда.

Сам мотив взят из хроники Гальфрида Монмутского, в котором говорится, что она ушла в Карлеонский монастырь [18, p. 415]. В старофранцузском романе мотив присутствует, но не указано, куда она удалилась. Томас Мэлори в своем романе отправляет королеву в Эймсбери, следуя за строфической поэмой Morte Arthure, поскольку к концу XV в. он уже стал частью среднеанглийской артуровской традиции, как это произошло и с хроникой Гальфрида.

Поэт помещает королеву именно в этот приорат, исходя из событий конца XIII в., связанных с монастырем. Прежде всего, важно отметить, что Генрих II Плантагенет еще в 1177 г. распустил старое аббатство и заменил его на приоратство Эймсбери с насельниками ордена Фонтевро [19].

Орден известен тем, что во главе ордена и аббатства были только женщины, и подавляющее большинство из них — королевской крови. В самом аббатстве захоронен Генрих II Плантагенет, его жена, Элеонора Аквитанская, еще вдовой удалившаяся в аббатство, а также их сын, Ричард I.

Спустя более ста лет, в 1286 г., после смерти Генриха III, его супруга, Элеонора Прованская, удалилась именно в Эймсбери. Королеву навещал ее сын, Эдуард I. К тому же, его дочь Мария Вудстокская и племянница Элеонора Бретонская также отправились в этот монастырь еще в юности. Так, указание на уход Гвиневры в Эймсбери (что примечательно, поэт в тексте называет Эймсбери аббатством, а не приоратом) — логичная отсылка прежде всего на орден Фонтевро.

Притом отсылка на приорат была сделана автором романа, чтобы впоследствии связать Эймсбери с Гластонбери. После смерти Гвиневры ее в сопровождении великой процессии перенесли и захоронили со своим мужем: «О Ланселоте Озерном я более не поведаю, / Но верю этим семи отшельникам. / И все еще Артур похоронен там [в Гластонбери], / И королева Гвиневра, как я вам описал. / Монахи, что сведущи в знаниях, / Читали [молитвы], и пели они нежным голосом…» [8, VV. 3962–3969].

«Изобрести традицию», выведя ее из уже прижившихся мотивов и сюжетов об отправлении Артура на Авалон, а Гвиневры — в приорат Эймсбери, оказалось довольно просто. Уже аллитерационная Morte Arthure принимает миф и о захоронении, и о приорате [20]. Правда, делает она это без упоминания в сюжете архиепископа Кентерберийского, поскольку автор поэмы следует в первую очередь за хроникой, где, как уже упоминалось, кафедра присутствует только в Карлеоне, Йорке и Лондо-

не. Тем не менее, в аллитерационной поэме сам Гластонбери отходит на второй план. Он уже не так важен для сюжета, поскольку в поэме не говорится о его основании.

Однако примечательно, что в романе Томаса Мэлори архиепископ Кентерберийский снова играет значимую роль в развитии Гластонбери: «И тогда сэр Мордред стал искать архиепископа Кентерберийского, чтобы убить его. После архиепископ бежал и, взяв с собой часть своего имущества, отправился в Гластонбери; там он стал священником-отшельником в часовне и жил в бедности и святых молитвах, ибо хорошо понимал, что приближается зловещая война» [21, p. 556]. При этом Мэлори не стал делать архиепископа основателем аббатства, но сохранил миф о захоронении короля в аббатстве, как и шествие из Эймсбери в Гластонбери после смерти Гвиневры.

Казалось бы, Томас Мэлори в первую очередь воспроизводил хронику Гальфрида Монмутского, однако, как уже упоминалось, в ней не было упоминаний о Кентерберийской кафедре. Этот сюжет, хоть и в немного измененном виде, мог быть позаимствован только у строфической поэмы. Вместе с этим писатель добавил образ архиепископа и в другие части романа, которые выходили за рамки сюжета строфической поэмы. Так, он и короновал Артура, и прошел с ним через поиск Святого Грааля, и пытался примирить его с Ланселотом.

Таким образом, именно со строфической поэмы Кентерберийская кафедра вновь стала значимой не только в рамках истории Англии, но и в артуровском мире, отступив от хроникальной традиции Гальфрида Монмутского. Кроме того, в роман Томаса Мэлори, который можно назвать по праву самым известным и популярным текстом об Артуре, перекочевал и миф о захоронении короля с Гвиневрой в Гластонбери.

В сущности, строфической Morte Arthure удается бесшовно встроиться в артуровскую традицию, которая, как казалось, не терпит изменений. Автор романа понимал, что в мире появилась новая важная для английской аудитории версия о смерти короля Артура, которую нужно пересказать, опираясь на хроникальную традицию и старофранцузский первоисточник в виде Вульгаты.

Поэт мог встретиться первоначально с устной версией расхожего сюжета во время своего паломничества в аббатство Гластонбери. Сам результат того, что эта версия была зафиксирована, говорит о ее популярности. Конец романа представляет собой своеобразный итинерарий от Эймсбери к Гластонбери.

В рамках проблемы английского самосознания строфическая поэма затронула все три столпа артуровского мира: во-первых, она укрепила

представление о короле, как о потомке Брута Троянского, во-вторых, представила новую версию о захоронении Артура, противоречащую вере в его возвращение, и, наконец, она изменила традицию и оказала основополагающее влияние на последующие тексты о легендарном правителе бриттов.

Список источников и литературы

1. Мереминский С.Г. Формирование традиции. Английское историописание второй половины XI — первой половины XII веков. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2016.
2. Lexton R. Contested Language in Malory's Morte Darthur. The Politics of Romance in Fifteenth-century England. New York: Palgrave Macmillan, 2014.
3. Шкиль М.Д. Строфическая поэма «Смерть короля Артура»: адаптация старофранцузского романа или развитие английской идентичности? // Средние века. 2024. № 85 (4). С. 110–130.
4. Калмыкова Е.В. Образы войны в исторических представлениях англичан позднего Средневековья. М.: Квадрига, 2010.
5. Калмыкова Е.В. Столетняя война и формирование английского национального самосознания // Средние века. 2001. № 63. С. 103–119.
6. Tolhurst F., Whette K.S. Re-evaluating the Stanzaic Morte Arthur: Content and Contexts // Arthuriana. 2018. Vol. 3 (28). P. 3–14.
7. Korrel P. An Arthurian Triangle: A Study of the Origin, Development, and Characterization of Arthur, Guinevere, and Modred. Rotterdam: E.J. Brill, 1984.
8. Stanzaic Morte Arthur [Электронный ресурс]. URL: https://metseditions.org/read/P24rzkbipPbmFLKqtY2vkHk5q3X4QNL (дата обращения: 20.05.2025).
9. Special Issue: The Stanzaic «Morte Arthur» and the Middle English Tradition [Электронный ресурс]. URL: https://www.arthuriana.com/283 (дата обращения: 01.05.2023).
10. Poh W. Historiography and Identity: Methodological Perspectives // Historiography and Identity I: Ancient and Early Christian Narratives of Community / Eds. W. Pohl, V. Wieser. Turnhout, 2019. P. 7–50.
11. The Tomb of King Arthur [Электронный ресурс]. URL: https://d.lib.rochester.edu/camelot/text/gerald-of-wales-arthurs-tomb (дата обращения: 20.04.2023).
12. Historia Regum Britanniae/Liber IX [Электронный ресурс]. URL: https://la.wikisource.org/wiki/Historia_Regum_Britanniae/Liber_IX (дата обращения: 20.05.2025).
13. From Camelot to Joyous Guard. The Old French La Mort le Roi Artu / transl. J. Neale Carman. Lawrence: The University Press of Kansas, 1974.

14. Barnaby J. Religious Conflict at Canterbury Cathedral in the Late Twelfth Century. The Dispute Between the Monks and the Archbishops, 1184–1200. Woodbridge: The Boydell Press, 2024.
15. Bell A.R., Dale R.S. The Medieval Pilgrimage Business // Enterprise & Society. 2011. Vol. 3 (12). P. 601–627.
16. Хобсбаум Э. Изобретение традиций // Вестн. Евразии. 2000. № 1. С. 47–62.
17. Bateman M. Local Place and the Arthurian Tradition in England and Wales, 1400–1700. Cambridge: D.S. Brewer, 2023.
18. Bateman M. A Grave Discovery? Guinevere's Death and Burial at Amesbury in Medieval and Early Modern Tradition // The Arthurian World / Eds. Coldham-Fussell V., Edlich-Muth M., WardR. London: Routledge, 2022, P. 413–428.
19. Houses of Benedictine Nuns: Abbey, Later Priory, of Amesbury [Электронный ресурс]. URL: https://www.british-history.ac.uk/vch/wilts/vol3/pp242–259 (дата обращения: 23.04.2023).
20. Alliterative Morte Arthure [Электронный ресурс]. URL: https://metseditions.org/read/KWj7bbRIl0RBUmG9uG60zTv8Wak97Zl (дата обращения: 20.04.2023).
21. Le Morte Darthur: The Winchester Manuscript / Ed. H. Cooper. Oxford, 2008.

УДК 94

Фирсова Д.И.
Сиенский университет,
факультет истории и культурного наследия,
Образовательная программа «История искусства»,
студент магистратуры.
E-mail: d.firsova@student.unisi.it

Коко-Маринетти Л.
Сиенский университет,
факультет истории и культурного наследия,
Образовательная программа «История искусства»,
студент магистратуры.
E-mail: l.coco1@student.unisi.it

Особенности художественных заказов в завещаниях XIV в. в Италии на примере завещания Франческо ди Гино Аццони от 28.07.1374 из национального архива г. Сиены

Аннотация. В статье анализируются художественные заказы pro remedio animae, в расшифрованном авторами завещании Ф. Аццони (1374). Документ рассматривается в контексте особенностей тестаментарного «меценатства» XIV в.: по типам lasciti pii, причинам и целям их учреждения, роли *fideicommissarius*. Особое значение имеет факт обнаружения церкви, идентифицированной как один из легатов Ф. Аццони.

Ключевые слова: завещания, художественный заказ, XIV век, Тоскана.

Firsova D.
University of Siena,
Department of History and Cultural Heritage
Master's Program Student.
E-mail: d.firsova@student.unisi.it

Coco-Marinetti L.
University of Siena,
Department of History and Cultural Heritage
Master's Program Student.
E-mail: l.coco1@student.unisi.it

Features of Artistic Commissions in 14thcentury Wills in Italy: The Case of the Will of Francesco di Gino Azzoni dated 28 July 1374 from the National Archive of Siena

Abstract. The article analyses the artistic commissions *pro remedio animae* found in the deciphered by authors testament of F. Azzoni (1374). The document is studied in the context of 14th-century testamentary patronage, focusing on the types of *lasciti pii*, the reasons and purposes of establishment, the role of the *fide-icommissarius*. Special attention is paid to a church identified as one of Azzoni's orders.

Keywords: wills, artistic commission, 14th century, Tuscany.

До «чёрной смерти» художественные заказы в завещаниях были редки, но во второй половине XIV в. их число постоянно росло. Новыми «меценатами» стали представители ранее не участвовавших в практике социальных слоёв. Наряду с заказами на фресковые циклы, капеллы и даже церкви на рынке появились ремесленники и крестьяне из Тосканы и Умбрии, формируя спрос на дорогие изображения святых [1, p. 989].

Одним из последствий чумы стало стремление людей сохранить свою память, а также позаботиться о спасении своих душ, заранее всё предусмотрев, так как во время эпидемий умирающие часто не получали ни похорон, ни молитв, ни индивидуального внимания, что вызывало тревогу: «О мёртвых людях заботились не больше, чем о мёртвых козах», — Боккаччо [2, p. 329].

Таким образом, художественные заказы помогали «меценатам» сохранить своё имя и напоминать о себе прихожанам. Не только крупные проекты — церкви и алтари, но и небольшие подношения с личными вещами и гербами выполняли задачу увековечивания памяти, поддерживая связь донатора с религиозной общиной и литургией. Об их значимости говорит хотя бы тот факт, что во многих случаях пожертвования на священные изображения вставляются в числе первых пунктов, на самом видном месте — сразу после распоряжений о погребении.

Как следствие, массовое производство изображений, в том числе фресок, а также строительство капелл и церквей в XIII–XIV вв. во многом обязано христианской морали, вопросу этического перераспределения и заботы о спасении души, следы чего мы находим практически в каждом завещании этого времени. Более того, изображение определённых святых было для завещателя выражением доверия к их возможному заступничеству за его душу.

Всплеск почитания святых изображений произошёл в XII–XIV вв. Он совпал с изменением социальной структуры общества, реакцией на иконоборчество еретических движений (вальденсы, катары), провозглашением догмата о транссубстанциации на Латеранском соборе в 1215 г. (утверждение связи между образными объектами и культом евхаристии). Настоятель одаряемого прихода считал культ изображений положительным явлением, поскольку это способствовало религиозному воспитанию общин.

Кроме того, в 1256 г. Александром IV была узаконена практика захоронения мирян в монастырях нищенствующих орденов, что позволяло им стать частью общины бедных и святых. Тем, кто имел неправомерно нажитые деньги (male ablata), это давало возможность не возвращать обманом полученные средства, составляя поимённый список, а построить на них часовню для своего последующего захоронения либо оплатить устройство алтаря и служб за спасение своей души.

Вкупе с переживаниями, вызванными чумой середины XIV в., перечисленные выше причины способствовали усилению практики художественных заказов в завещаниях.

Завещание Франческо Аццони, найденное в национальном архиве города Сиены [3], идеально вписывается в стратегию для подготовки к загробной жизни, характерную для периода после чумы. Франческо заранее определяет место своего захоронения (церковь Сант-Агостино в Сиене), выделяет значительные суммы на строительство и украшение церквей, алтарей и их благоустройства, учреждает часовню и регулярные мессы pro anima sua.

Это полностью соответствует тенденции второй половины XIV в., когда резко возросли завещательные вложения в сакральное искусство, в том числе со стороны неаристократов.

Орден нищенствующих и развитие распоряжений pro anima

Особый правовой статус нищенствующих орденов, не владевших имуществом, способствовал тому, что они всё чаще становились получателями благочестивых легатов в завещаниях. Так появились особые фигуры, назначенные для управления этими пожертвованиями — *fideicommissarius*. В связи с тем, что со временем их вмешательство стало чрезмерным, и они начали убеждать умирающих завещать наследство именно им, а не приходским церквям, был введён налог — canonica portio, взимавшийся в пользу светского клира, хотя нищенствующие ор-

дены продолжали отстаивать принцип, согласно которому нельзя облагать налогом пожертвования, направленные на увеличение культа: Pro fabrica, Pro reparatione, Pro ornamentis [2, p. 333].

Вот почему Франческо Аццони оставляет 20 сольдо епископу в качестве первого легата — возможно, чтобы не обидеть его, а также потому, что именно курия должна была проконтролировать выполнение его завещательной воли.

Заметим также, что, оставляя 150 золотых флоринов монастырю отшельников святого Августина в Монтичано, чтобы оплатить рабочих, которые будут трудиться над хором церкви, он отдельно отмечает, что сам монастырь должен будет оплатить покупку древесины и строительных материалов. Это условие, поставленное de cuius, которое обязывает монахов действительно реализовать проект, исключая риск того, что они просто присвоят 150 флоринов — как если бы он им не полностью доверял. Это делает орден не только участником его стратегии памяти, но и гарантом её исполнения, в то же время здесь проявляется возможное выражение недоверия к институционализированной иерархии.

Возвращаясь к ранее упомянутым категориям Pro fabrica, Pro reparatione, Pro ornamentis, подведём итог, упомянув, какие виды художественных заказов мы можем встретить в завещаниях этого периода:

1. Предметы культа (оборудование алтаря).

Одним из наиболее желанных «средств» получения более тесного и немедленного участия в божественной литургии и в то же время одним из способов установления связи между живыми и умершими, была, безусловно, забота об алтаре, включая его полное обеспечение всем необходимым для проведения месс.

Предметы культа: чаши, подсвечники, священнические облачения, часто стоили меньше, чем фрески или надгробные алтари, заказанные для деревенских приходов, и потому распространились в среде крестьян и ремесленников.

Помимо них, мы встречаем заказы на использование мраморных плит, использующихся при захоронении, иногда с уточнением, что на них должны быть выгравированы имя, дата смерти, герб или даже портрет покойного.

Кроме того, встречаются заказы на распятия, алтарные изображения и фрески.

Финансировавшие создание изображений часто указывали, что ими движет желание сохранить благолепие священного здания.

Было два способа оформить художественный заказ, не создавая и не оплачивая полностью новые предметы:

1) не заказывать новую живопись, а финансировать реставрацию или очистку уже существующих объектов;
2) оформить частичные взносы, так как не все могли полностью оплатить работу.

В завещании Франческо представлены различные пожертвования, связанные со строительством или украшением религиозных зданий. Художественные заказы занимают видное и структурно значимое место в тексте завещания, а также по своему весовому количеству среди других легатов: они идут после распоряжений о погребении, но до раздела о наследниках; кроме того, среди множества распоряжений (о строительстве, благотворительности) художественные заказы повторяются, касаются разных мест и аспектов.

Мы встречаем следующие легаты:

- Оставляет 150 золотых флоринов монастырю братьев-отшельников святого Августина в Монтичиано, чтобы оплатить рабочих, которые будут трудиться над хором церкви.
- Желает также, чтобы была завершена фасадная часть той же церкви в Монтичиано за счёт его имущества, используя столько флоринов, сколько потребуется.
- Оставляет 10 золотых флоринов на часовню святого Антония в той же августинской церкви в Монтичиано. Эти средства предназначены на облачения для часовни и алтарь при условии, что монахи будут ежедневно служить мессу в течение трёх лет подряд, начиная со следующего дня после смерти завещателя.
- Оставляет 100 сиенских лир на облачения для алтаря церкви Сан-Гальгано в архиепархии Вольтерры.
- Оставляет 1000 золотых флоринов на покупку недвижимости, которая должна находиться под опекой двух субъектов: ордена августинцев и братства Девы Марии (конфратернитета). Завещатель строго запрещает отчуждать или передавать имущество третьим лицам. Эта недвижимость должна служить для поддержки бедных.
- Оставляет 50 флоринов братству Девы Марии для росписи часовни, посвящённой святому Михаилу; алтарь должен иметь мраморную плиту с надписью о том, что все облачения предоставлены завещателем Аццони.

- Оставляет 300 флоринов на покупку недвижимости, которая станет постоянным приданным для часовни; это непередаваемое имущество должно финансировать ежедневные мессы за душу завещателя, его родителей и брата Джованни, оплачивая отдельного священника.
- Оставляет 235 флоринов августинцам на покупку pronale с гербом своей семьи.

Тот факт, что его художественные заказы в завещании столь щедры, и среди них отсутствует лишь заказ скульптуры, показывает, что он считал их центральной частью своей стратегии спасения души и сохранения памяти.

Иконография и заказ. Важность fidecommissari и границы описания завещателя. Исполнение

Если не присутствовали особые причины, связанные с религиозной личностью de cuius, то в завещании не обязательно имелись точные указания относительно внешнего вида заказанных произведений. Очень часто всё оставлялось на усмотрение федекоммиссаров, от которых требовалось лишь действовать добросовестно и найти решение, которое, по их мнению, лучше всего послужит душе покойного. Поэтому вопросы иконографии и композиции часто передавались напрямую в руки федекоммиссаров, которые с особым вниманием следили за тем, чтобы подчеркнуть связь объектов, полученных по завещанию, с душой покойного.

Тем не менее, завещатели полностью оставляли решение иконографического содержания на усмотрение исполнителей, а иногда давали чёткие указания о том, каких святых и где именно они хотят видеть.

Также и в архитектуре завещатели могли указывать конкретные материалы и формы, в которых должен был быть построен будущий объект (например, Ванни Салимбени [4, p. 3]).

В случае завещаний, связанных со значительными проектами, например, строительством новых алтарей или капелл, федекоммиссары не всегда были способны точно соблюдать все детали (или заинтересованы в точном соблюдении всех деталей), как показал случай Ванни Салимбени.

Франческо Аццони назначил несколько исполнителей завещания, в том числе своих братьев Габриэло и Антонио, членов семьи и одного августинского монаха. Такая разделённая структура, типичная для второй половины XIV в., особенно в завещаниях, касающихся художественных проектов, позволяет избежать конфликта интересов между частной выгодой и общественной памятью и спасением души.

Федекоммиссары получили полномочия на правовые действия (продажа, взыскание, распределение средств) для выполнения всех пожеланий, изложенных в завещании, например:

- распоряжения средствами: они могли продавать всё необходимое для исполнения завещания, а также распределять его и управлять всем необходимым для исполнения завещания;
- контроль за художественными проектами: федекоммиссары были ответственны за реализацию:
  - капеллы Святого Михаила;
  - приобретения литургических тканей с гербом;
  - архитектурных работ (фасад, хор);
  - обрядов (ежедневные мессы, благотворительность).

Франческо был уверен, что его федекоммиссары будут действовать с честью, как он прямо указал в своём завещании.

Воля Франческо была, судя по всему, выполнена: он выбрал исполнителей, лично заинтересованных в исполнении его последней воли. Известно, что он установил срок исполнения — пять лет, кроме пожертвования бедным на одежду, которое должно было быть распределено в течение четырёх лет.

Так, в ходе исследования удалось установить, что фасад церкви, заказанный Франческо в память о его отце Гино, был завершён в 1380 г. его сыновьями (Франческо, Габриэле и Антонио), которые внесли и свои имена в памятную надпись на фасаде. Поскольку фасад был завершён уже в 1380 г., можно уверенно утверждать, что назначенные Франческо федекоммиссары добросовестно выполнили свои обязательства.

Аццони не уточняет изображения, персонажей или святых, которых следует изобразить (кроме Святого Михаила как титулярного покровителя капеллы), не требует конкретного стилистического решения, а оставляет исполнение в руках исполнителей, как это делалось в большинстве подобных случаев. Он использует типичную формулу «come parrà ai miei fideicommissari <…> con decoro e onore», что подчёркивает роль федекоммиссаров как посредников между земным и сакральным.

Следы семей — гордость за род и личное спасение в искусстве

До чумы завещания были безличными и содержали раздачу средств на абстрактные цели. В XIV в. появляются как местные святые, которые вытесняют изображения Христа и Девы Марии, а с 60-х гг., после чумы, появляется также активная демонстрация гербов и портретов de cuius.

Через использование персональных знаков — портретов, надписей, гербов — на объектах, созданных по завещанию, частные лица посылали сообщения в двух направлениях: с одной стороны — потомкам, а конкретно — совершающему мессы духовенству, приглашая к поминовению их душ, а с другой — небесным силам, к которым они обращались, опираясь на те заслуги, которые они сумели приобрести in extremis.

Желание направить символический потенциал обряда в пользу частного интереса проявлялось:

- в демонстрации гербов, знаков, надписей;
- в щедрости мирян, проявлявших таким образом ревность по спасению и старание сделать место благочестия максимально «достойным и почтенным», как предписано в завещании Франческо.

Где размещались персональные знаки (инсигнии)?

Во-первых, на предметах культа: свечах, чашах и т.д. Завещатели просили, чтобы их гербы были вышиты или выгравированы на этих дарах — даже если они были недорогими, вроде подсвечников. Стремление подчинить литургический антураж интересам души отдельного человека привела к оформлению так называемой “cappellania” — поминальной институции, символически и материально связанной с вечным спасением.

Во-вторых, завещатели часто указывали, что на мраморных надгробных плитах должны присутствовать надпись с именем и датой смерти, а также герб семьи или даже портрет самого покойного. Интересно, что такие распоряжения зачастую были исключительно подробными.

Кроме надписей и гербов, завещатели или федекоммиссары часто предусматривали наличие портрета покойного. В документах, в которых упоминались такие изображения, почти всегда речь шла об иконографической схеме фигуры в молитвенном преклонении — на коленях, в жесте мольбы и подчинения сакральным персонажам. Такой образ выражал стремление к спасению души.

Ещё один способ выразить личную гордость и одновременно заботу о спасении — это посвящение капеллы святому, носящему то же имя, что и покойный. Также важно отметить, что чтобы получить привилегию погребения “ad sanctos” (рядом со святыми), построить собственную капеллу или создать цикл фресок, завещатели были готовы жертвовать значительные суммы.

Как и другие, Франческо заботился не только о спасении своей души, но и опасался анонимной смерти. Его завещание демонстрирует переход

от абстрактной благотворительности к персонализированной памяти. Он создаёт особую форму милосердия, в которой благотворительность становится не только добродетелью, но и способом остаться в памяти — человеческой и божественной.

1. Надпись с именем

Он завещает установить мраморную плиту с надписью в капелле Святого Михаила, прямо заявляя, что является её донатором.

Это прямая мемориальная инскрипция, как и то, что на фасаде церкви святого Августина в Монтичано, находится надпись, которая сообщает нам, что тот красивый каменный декор был выполнен детьми и наследниками Гино ди Аццоне:

Hoc opus fecerunt fieri filii et haeredes Ghini Azzonis pro animabus suis et mortuorum suorum. Anno Domini MCCCLXXX

Это соответствует желанию заявить о своей личности и социальном статусе и в то же время противоречит духовному и благотворительному смыслу перераспределения male ablata, особенно когда они используются на opera pro fabrica и ornamentis.

2. Герб семьи

Франческо прямо указывает, что герб его рода должен быть изображён на **тканях** (ризах, процессуальных покрывалах), используемых во время мессы (он оставляет 235 флоринов августинцам на покупку pronale, украшенного гербом его семьи)

3. Капелла с постоянной литургией pro anima

Обратимся вновь к двум легатам, свидетельствующим о том, что Франческо оставляет 10 золотых флоринов на убранство капеллы и алтаря святого Антония в августинской церкви в Монтичиано при условии, что монахи будут ежедневно служить мессу в течение трёх лет подряд, начиная со дня, следующего за смертью de cuius, а также 300 флоринов, на которые должно быть приобретено имущество, доход с которого должен стать источников финансирования ежедневных месс в память о завещателе, его родителях и брате Джованни, включая содержание отдельного священника. Эти два пожертвования напрямую связаны с тревогой за спасение души и соответствующими инвестициями в капеллании: в первом случае — найм служителя, который ежедневно будет служить мессу за душу de cuius в течение трёх лет; во втором — вечно, поскольку предусмотрен источник дохода (рента).

Хотя он не требует портрета, само наличие имени, герба, физической капеллы создаёт постоянный «узел памяти» в священном пространстве.

Он не заказывает своё изображение, не уточняет тематику, но просит лишь «декорум», достойное исполнение, и полностью доверяет всё федекоммиссарам. Возможно, он надеялся, что те сами закажут его портрет, как это происходило традиционно.

Таким образом, Франческо демонстрирует юридически грамотный и продуманный подход к вопросам памяти и спасения:

- учреждает фонды с условием неотчуждаемости;
- связывает объекты культа с конкретными литургическими действиями (ежедневные мессы);
- использует гербы, надписи, фрески и капеллы как визуальные якоря памяти.

Его завещание — это не просто распределение имущества, а институционализированный механизм памяти, направленный на вечное представление его имени, щедрости и благочестия. Это редкий пример осознанной стратегии памяти, сочетающей духовную заботу о спасении, юридическую точность, использование художественного оформления в сакральной среде как инструмента вечного поминовения. Он не просто благотворитель, но автор собственного поминального «проекта», который соединяет личную, семейную и общинную память.

Завещание Франческо Аццони отражает ключевые тенденции культуры памяти позднего Средневековья: переход от абстрактной благотворительности к персонализированным стратегиям спасения души. Через архитектурные и художественные проекты, литургические распоряжения и использование герба и имени, Франческо создаёт устойчивый механизм мемориализации, направленный как на небесные силы, так и на земное сообщество.

Доверие, оказанное федекоммиссарам, отсутствие конкретных указаний по иконографии и акцент на «чести и благопристойности» исполнения показывают зрелый, юридически выверенный подход к спасению и вечной памяти. Таким образом, его завещание становится не просто актом распределения имущества, а тщательно продуманным инструментом духовного самовыражения и посмертного присутствия.

Список источников и литературы

1. *Cohn S.* Renaissance to things: material culture in last wills and testaments // The Economic History Review, 65. New Jersey: Wiley-Blackwell, 2011. P. 984–1004.
2. *Bacci M.* «Pro remedio animae». Immagini sacre e pratiche devozionali in Italia centrale (secoli XIII e XIV). Pisa: GISEM-edizione ETS, 2000. 506 p.

3. Testamento di Francesco del fu Pietro di Ghino Azzoni 28 luglio 1374. Archivio di Stato di Siena. ASS, Diplomatico Biblioteca pubblica, 1374, luglio 28.
4. *Bartalini R.* Amrogio Lorenzetti a Montesiepi. Sulla committenza e la cronologia degli affreschi della cappella di San Galgano. Prospettiva. Rivista di storia dell'arte antica e moderna, 157–158, Firenze: Apri Lito, 2016. P. 2–18.

УДК 94

Кадакин Б.И.
Санкт-Петербургский государственный университет,
Институт истории, студент бакалавриата.
E-mail: st120955@student.spbu.ru;
mojkad36@gmail.com

Ренессанс и память: образ сражения на реке Шайо в Венгерском королевстве XV в.

Аннотация. Статья рассматривает память о битве на реке Шайо в конце XV в. в контексте венгерского Возрождения при дворе короля Матьяша Хуньяди. Предлагается концепция введения Антонио Бонфини событий 1241 г. в венгерскую историческую память. Анализируется связь османской угрозы и идей «бастионной идентичности» с обращением к истории монгольского вторжения в Венгрию.

Ключевые слова: битва на реке Шайо, венгерское Возрождение, Антонио Бонфини, историческая память, образ «другого».

Kadakin B.I.
Saint Petersburg State University,
Institute of History, Bachelor's program, Student.
E-mail: st120955@student.spbu.ru;
mojkad36@gmail.com

The Renaissance of the Memory: Image of the Battle of Muhi in the 15th century Hungarian Kingdom

Abstract. The article examines the memory of the Battle of Muhi in the late 15th century in the context of the Hungarian Renaissance at the court of King Matthias Hunyadi. Concept for introducing the events of 1241 into Hungarian historical memory by Antonio Bonfini is proposed. The connection between Ottomanian threat and «Antemurale Indentity» ideas and turning to the history if the Mongol invasion of Hungary is analyzed.

Keywords: Battle of Muhi, Hungarian Renaissance, Antonio Bonfini, historical memory, the image of the other.

XV век — это время грандиозных перемен в европейском самосознании. Его вторая половина была обозначена расцветом Ренессанса и гуманистического движения, начавших своё распространение за Аль-

пы. Помимо Германии, крупным центром новых идей стала Венгрия. Локомотивом этого движения был король *Матьяш I Корвин (1458–1590)*, приглашавший иностранных гуманистов к своему двору. Одной из целей, которые были поставлены перед этими мастерами, было создание обобщённой венгерской истории [1, о. 37] в гуманистическом, протонациональном стиле, в том числе для этого по всей Венгрии собирались древние рукописи, составившие библиотеку Корвина [2, о. 2]. В этих условиях на авансцену начали выходить до сих пор не значимые для исторической памяти события, как, например, битва на реке Шайо, являющаяся объектом нашего рассмотрения.

В предшествовавшей хроникальной традиции сражению на реке Шайо (в иностранной историографии также битва при Мухи) были посвящены лишь единичные упоминания, не содержавшие полноценного описания битвы. Это можно связать с тем, что в ранний период бытования памяти всё правление Белы IV было вытеснено хронистами из повествования об истории Венгрии [3, p. 1362]. В целом можно сказать, что авторов средневековых хроник события вторжения монголов практически не волновали: текст, практически неизменный кочевал из хроники в хронику, менялись лишь ошибки. Венгерская историческая память была занята апелляциями к более древнему прошлому: это была или антикизация венгров через ассоциирование их с гуннами и самим Атиллой, либо же апелляции к первым правителям Венгрии в лице святого Стефана и Имре.

Память о битве на реке Шайо в изобразительном искусстве до XV в. была представлена одним памятником: изображением в «Венгерской иллюстрированной хронике» *(Chronicon Pictum),* составленной при дворе Людовика I Великого около 1358 г. (ил. 1). В ней татары гонят Белу IV по каменистому пейзажу. Христиане изображены в страхе, бородатыми, с искажёнными лицами, а татары — бритыми и спокойными. Образ последних, скорее всего, в первую очередь отражает этнографию: на тот момент в Венгрии всё ещё существовали не до конца ассимилировавшиеся половецкие этнические группы, сохранявшие свои обычаи, одежды, вооружение; их автор хроники мог видеть при дворе, и потому не использовал расхожие стереотипы изображения кочевников, как это делал, например, автор миниатюр Шлакенвертерского кодекса [4, с. 223–230].

Источником новой памяти об истории войны с монголами стала публикация «Горестной песни» магистра Рогерия, в первую очередь повествовавшая о его собственном опыте, пережитом во время монгольского вторжения. Этот текст был изначально опубликован в составе хроники Яноша Туроци как приложение, а потому его события ещё не были пол-

ноценно включены в единую историю Венгерского королевства. Появление интереса к эпохе Белы IV можно связать с развитием «бастионной идентичности» (antemurale-based identity) в Венгрии, приведшим к включению Венгрии в единое христианское политико-культурное пространство со смещением ориентального дискурса дальше на восток: поскольку ранее сформированный мир был чётко разделён на покорённые монголами и независимые регионы, это вызвало осмысление произошедшего, восприятие себя «щитом Европы» [5, p. 117].

Хроника Яноша Туроци впервые была издана в 1488 г., причём сразу в двух городах: параллельно появились издания в городах Аугсбург и Брно. В них присутствуют изображения монгольского нашествия, и в зависимости от издания они различаются. В аугсбургской миниатюре на заднем фоне расположен замок (ил. 2). Она открывает «Горестную песнь» магистра Рогерия, — это изображение в целом богаче деталями, чем брненская миниатюра, которая находится в начале книги (ил. 3). Изображения показывают татарское войско, гонящее мирных жителей Венгрии, по всей видимости, в плен. В XV в. изображение татар уже в полной мере выражает «образ другого», стремление показать различия «нас» и захватчиков — внешний вид татар ориентализируется на турецкий манер [6, p. 475]. Монголы на иллюстрациях диспропорциональны: их головы и руки заметно больше, чем у христиан (что совпадает с вышеописанным представлением о монголах в глазах Фомы Сплитского и Антонио Бонфини), в обоих изданиях все монголы изображены с бородой — это символ язычества и дикости [7, с. 96], тогда как поголовно все гонимые венгры бриты — это, в свою очередь, признак цивилизованности и принадлежности к христианскому миру. Обращение к символам в образе монголов прослеживается и в головных уборах: это тюрбаны — признак уже упомянутого «отуречивания» образа монголов, фригийские колпаки, бывшие древним символом восточного происхождения народа, а также шапки *judenhut* — остроконечный головной убор, в первую очередь, показывавший принадлежность к евреям, но в данном случае играющий роль универсального маркера инаковости с негативной коннотацией [7, с. 97], однако, вероятно, изначально это могло отражать связь татар с десятью потерянными коленами Израилевыми [8, с. 64–66].

Вызывает интерес и «воображаемая геральдика» монголов: они не несут щиты, но на их штандартах изображены разнообразные символы, традиционно связываемые со злом: так, это, например, скорпион на синем фоне (аугсбургское издание), олицетворявший дьявола и зло в целом (часто он изображался в сцене распятия), а также обман и лицемерие [8,

с. 120–122, 129–130], бывшие неотъемлемым атрибутом татар, собака — символ кочевников, которые, по мнению средневековых авторов [9], ели собак; кроме того, это и символ гонителей Христа [8, с. 196–197]. Ещё одна фигура на флаге — змея, единственная встречающаяся в том числе и в издании города Брно, ассоциировавшаяся с ползучими гадами, живущими в земле, где разлагается плоть и душа [8, с. 92] и в целом обладавшая негативными коннотациями. Иные же флаги монголов либо не имеют цвета, либо изображают геометрические фигуры вроде горизонтальных полос, ромбов и «ёлочек» (см. ил. 3).

В отличие от весьма консервативных письменных источников, визуальное отражение нашествия монголов и битвы на реке Шайо активизировалось при наличии внешней угрозы, так или иначе ассоциируемой с монголами. Изображения конца XV в. несут в себе большой набор штампов и сближений с современным автору противником (Турцией), символически показывающих демонические силы, которые гонят беззащитных христиан в рабство, что можно связать с актуальной на тот момент политической повесткой — это будет ждать Европу, если она не будет бороться с турками.

Антонио Бонфини — один из наиболее значимых авторов венгерского историописания, историк-гуманист при дворе Матьяша Хуньяди. Он прибыл в Венгрию по просьбе короля и должен был дополнить и исправить хронику Яноша Туроци, переписать её в гуманистическом стиле [1, о. 37]. Его работа намеренно подражает труду Тита Ливия, что особенно проявляется в структуре (книга поделена на декады, за что и именуется *«Rerum Hungaricum Decades»*) и наполнена многими отступлениями и деталями, которые делают текст менее похожим на хронику и больше — на художественное произведение, поскольку перед Бонфини стояла задача сделать объём описания разных частей венгерской истории более равномерным, обогатить повествование вставками разного рода [10, о. 119]. Работа над книгой была завершена в 1496 г., уже после смерти Матьяша, и была посвящена Владиславу II Ягеллону [10, о. 120].

Книга Бонфини, по-видимому, имела большой успех: при жизни Владислава с неё было сделано 20 списков, в 1543 г. в Базеле были опубликованы первые 3 декады (в работе использовалось это издание), полностью «Декады» были изданы в 1568 г. Иоганном Самбуком, после венгерская история Бонфини разошлась по библиотекам всей Европы [1, о. 37]. Так книга обрела весьма весомое влияние на восприятие венгерской истории: сам Бонфини получил титул «Венгерского Ливия» [10, о. 119], а работа стала основным источником по истории Венгрии раннего Нового Вре-

мени: не считая многочисленных публикаций, на её основе составляли новые труды, такие, как хроника Гашпара Хельтаи. Дьюла Кришто считает, что следующим историческим произведением, составившим Бонфини конкуренцию в его полноте и описательности, стала «История венгров» («A *Magyarok története*») Михая Хорвата, увидевшая свет в XIX в. [10, o. 123–124]. Можно сказать, что нарратив, предложенный Антонио Бонфини, стал ключевой формой представления о венгерской истории как в самой Венгрии, так и за её пределами, и потому то, как Бонфини изобразил монгольское нашествие и битву на реке Шайо, представляет большой интерес для изучения.

Повествование о монгольском нашествии в Венгрию помещено в VIII книге II декады труда Бонфини. Книга начинается с описания коронации Белы, после чего автор рассказывает о самих татарах: по выражению Бонфини, они *«gens Scythica»*, то есть скифского происхождения. Во многих деталях этого описания Антонио Бонфини использует материал Плано Карпини, что заметно как по именованию татар монгалами, так и по целым текстовым вставкам (например, о поклонении солнцу и луне), впрочем, взятый не напрямую: Петер Кульчар, сравнивая тексты Карпини и Бонфини, приходит к выводу, что существовал некий источник, из которого гуманист почерпнул информацию уже в готовом виде [2, o. 81]. При этом все оценки, которые Бонфини даёт татарам, куда более негативны, чем те, которые можно встретить у Карпини или Рогерия: он не скупится на негативные эпитеты, осуждая все описываемые им обычаи. Если Плано Карпини лишь упоминает, что татары употребляют в пищу вшей [11], то Бонфини называет их лакомством для татар (*«ut pediculos ingenuae gulae reputent»*) [12, p. 316]. Некоторые связующие текст вставки также отражают классический взгляд на татар как на коварный народ: говоря о постановке Белой охраны на мост, Бонфини пишет, что тот не знал, «с каким наиковарнейшим врагом имел дело» (*haud inscius; sibi cum insidiosissimo hoste rem esse*) [12, p. 323]. В целом татары изображаются не как реальный народ с хорошими и плохими (с точки зрения европейца) обычаями, а как чистые варвары, ужасные как своими деяниями, так и нравами, в ориенталистском стиле характеризуя фактически не монголов, а европейцев, вынося всё негативное на внешнюю культуру, которой в произведении представлены монголы.

Также Бонфини помещает в венгерскую историю более ранние татарские завоевания: он описывает взятие Хорезма и разорение Грузии и Персии [12, p. 314] — так татары оказываются помещены для читателя в контекст всеобщего зла, которое надвигалось с востока. Это подкрепля-

ется и использованием в отношении татар расхожей легенды о том, что они — это народы, заточённые Александром Македонским в Каспийских горах, происходящей из Откровения псевдо-Мефодия Патарского, крайне популярного в средневековой Европе. Бонфини пишет, что с такой трактовкой, возможно, нельзя было не согласиться (*«quibus adstipulari fortasse non erit absurdum»* [12, p. 214]). Таким образом, Бонфини подвергает лёгкому сомнению эсхатологическое трактование монголов, но не отрицает его полностью, что может говорить о том, что мистический образ татар к XV в. продолжал существовать в литературе (это предположение верно даже в случае, если этот пассаж был позаимствован Бонфини из другого труда, и тот его не смутил).

Описание подготовления к битве, а также самого сражения на реке Шайо полностью заимствованы из текста магистра Рогерия [2, о. 78–79]. Бонфини перефразировал уже существующий текст, сохраняя все основные элементы повествования: местом битвы также называется река Шайо, пантеон героев полностью повторяет оригинал. Следует заметить, что Бонфини всё же опускает некоторые акценты: о Коломане упоминается лишь его побег в Пешт и оттуда в Шомодь [12, p. 323], когда Рогерий пишет о том, что герцог призвал заботиться только о себе и бежал в одиночку. Это можно связать с тем, что Бонфини пытался по королевскому заказу выстроить непротиворечивую историю Венгрии, где венгерские правители выступали бы исключительно положительной стороной, а татары — отрицательной.

Антонио Бонфини, пусть и не бывший «среди выдающихся деятелей итальянского гуманизма» [13], смог создать труд, ставший основным нарративом истории Венгрии. Бонфини смог включить в венгерскую историческую традицию, основанную на Ургесте, сюжет магистра Рогерия, по сути превратив его собственные переживания, выраженные в «Горестной песни», в исторический канон — после «Декад» эти события уже были неотделимы и стали полноценно представлять собой историческую память о битве: Бонфини, пытавшийся выразить взлёты и падения народов [10, о. 122], создал в историческом нарративе пример катастрофического падения Венгрии. Благодаря огромному влиянию труда Бонфини его можно по праву назвать главным источником представлений о монгольском нашествии и поражении на реке Шайо вплоть до публикации труда Фомы Сплитского в 1666 г. Представление о битве в «Декадах» Бонфини несколько отличается от понимания Рогерия: это уже дела далёкого прошлого, а взгляд на них менее реалистичный: в отношении татар Бонфини ударяется в крайне критичное отношение к ним, пытается изобразить их полными варварами, которые разрушили Венгрию. Его изложение

венгерской истории заложило основу будущего национального взгляда на историю Венгрии, и эпизод с полным разорением Венгрии стал в нём довольно важным элементом исторической памяти.

Обобщая приведённый материал, можно сказать, что память о сражении приобретает новый расцвет в конце XV в. На фоне крайне нестабильной политической обстановки и сильного продвижения Османской империи на христианских землях идея об ориентальной угрозе вновь оживает. Дискурс «восточного врага» смещается от ослабевших татарских ханств к активным туркам, и вслед за этим изменяется и образ врага в прошлом. В 1488 г. публикуется «Горестная песнь магистра Рогерия», вошедшая в приложение хроники Яноша Туроци, и прилагаемая к ней миниатюра татарского вторжения уже изображает врага в максимально стереотипном, близком к турецкому и общеориентальном стиле: на головах монголов — тюрбаны, юденхуты и фригийские колпаки, а знамёна содержат воображаемую геральдику с ярко выраженными негативными коннотациями. Однако на тот момент «Горестная песнь магистра Рогерия» ещё представляла собой отдельное произведение, существовавшее отдельно от традиционного взгляда на битву и историю в целом.

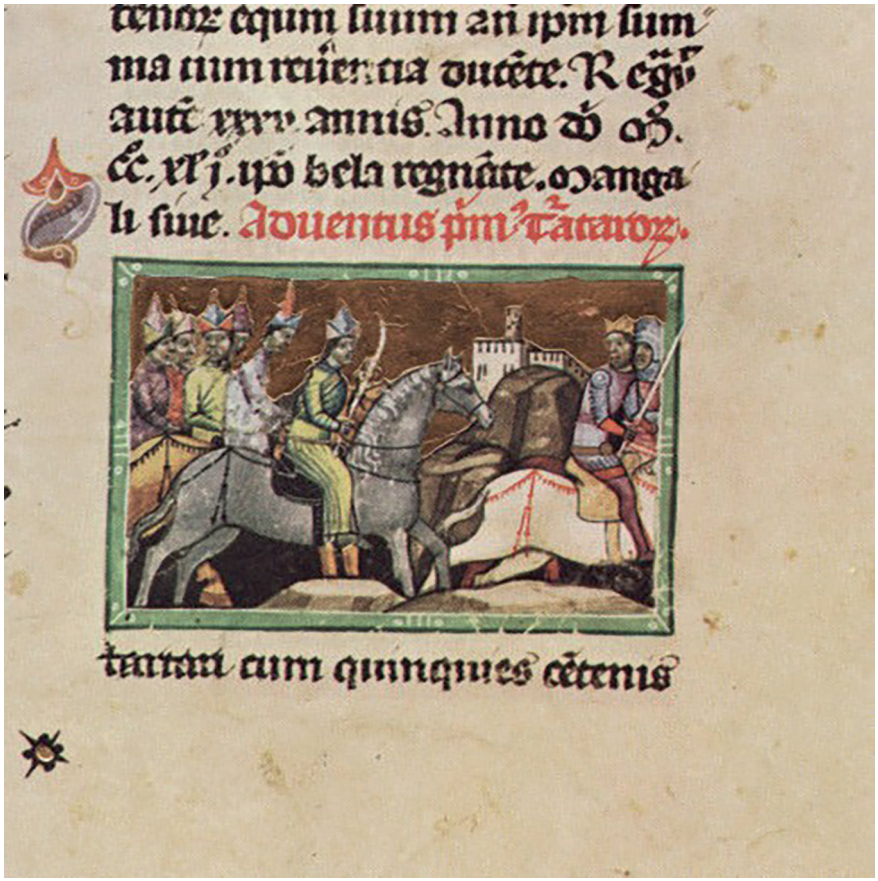
Кроме того, пришедшие в Венгрию гуманистские и ренессансные культурные тенденции, воплощённые во дворе короля Матьяша Хуньяди разрушают застой в историописании. Антонио Бонфини, итальянский гуманист, приглашённый в Венгрию самим королём, стал автором собственных «Декад венгерских деяний», в которых он составил общий взгляд на всю венгерскую историю: она была объединена в единое произведение, обновлённое в духе Ренессанса. Использовав известный ему материал, в основном, опираясь на текст Рогерия, он включил события битвы на реке Шайо в общий историографический канон, создал стандартную форму описания битвы, основанную на тексте магистра Рогерия (во многом оно имплицитно, даже часто отрицаясь, сохраняется и по сей день). Образ врага у Бонфини также наполнен культурными стереотипами и штампами, отражающими варварский образ жизни и происхождение, не присущие цивилизованным европейцам. При условии усиления «бастионной идентичности» в этот период, можно сказать, что именно труд Бонфини по-настоящему ввёл битву на реке Шайо в венгерскую историческую память.

Список источников и литературы

1. *Veszprémy L.* Az Ősgesztától Bonfiniig: a Magyarok Krónikájának évszázadai megtekintése // Iskolakultúra. 1997. Sz. 11. O. 29–38.

2. *Kulcsár P.* Bonfini Magyar történetének forrásai és keletkezése. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1973. 252 o.
3. Simon of Keza // The Encyclopedia of the Medieval Chronicle: in 2 Vols. / Gen. Ed. Graeme Dunphy. Leiden; Boston: Brill, 2010. P. 1362–1363.
4. *Шишка Е.А.* Визуальный образ монголов в битве при Легнице в изобразительных памятниках XIV–XV вв. // Вопросы музеологии. 2021. Т. 12 (2). С. 222–237.
5. *Srodecki P.* Antemurale-based Frontier Identities in East Central Europe and Their Ideological Roots in Medieval / early Modern Alterity and Alienity Discourses // Collective Identity in the Context of Medieval Studies / Eds. Michaela A Antonín Malaníková and Robert Antonín. Ostrava, 2016. P. 97–120.
6. *Veselov F.N.* From Monstrous Creatures to Neighbouring Humans. Image of the Mongols in the European Book Miniatures of the Thirteenth–Sixteenth Centuries // The Routledge Handbook of The Mongols and Central-Eastern Europe: Political, Economic and Cultural Relations / Ed. A.V. Maiorov and Roman Hautala. London; New York: Routledge, 2021. P. 465–486.
7. *Шишка Е.А.* Отражение монгольских вторжений в Центральную Европу в венгерских изобразительных памятниках XIV–XV вв. // Filo Ariadne. 2021. № 4. С. 86–106.
8. *Майзульс М.* Воображаемый враг. Иноверцы в средневековой иконографии [Электронный ресурс]. М.: Альпина нон-фикшн, 2022. 473 с. URL: https://disk.yandex.ru/i/K0DbGeVuZQhXOg (дата обращения: 15.05.2025).
9. Матфей Парижский. Великая хроника [Электронный ресурс] // Английские средневековые источники IX–XIII вв. М.: Наука, 1979. URL: https://www.vostlit.info/Texts/rus/Matthew_Par/frametext1.htm (дата обращения: 11.05.2025).
10. *Kristó G.* Magyar Historiografia. Vol. 1: Történetírás a középkori Magyarországon. Budapest: Osiris, 2002. 146 o.: 15 ill.
11. Джиованни дель Плано Карпини. История монгалов [Электронный ресурс]. URL: https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/carpini.htm (дата обращения: 09.05.2025).
12. *Bonfini A.* Rerum Hungaricum Decades [Электронный ресурс]. Basileae: Roberti Winter officina, 1543. 536 p. URL: https://books.google.ru/books?id=_gRPAAAAcAAJ&hl=ru&authuser=0&pg=PP5#v=onepage&q&f=false (дата обращения: 10.04.2025).
13. Antonio Bonfini // Klaniczay T. A magyar irodalom története 1600-ig [Электронный ресурс]. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1964. URL: https://mek.oszk.hu/02200/02228/html/01/159.html (дата обращения: 09.05.2025).

Иллюстрации

Ил. 1. Миниатюра «Первый приход татар». Венгерская иллюстрированная хроника. Ок. 1358 г. Национальная библиотека имени Сеченьи. URL: https://web.archive.org/web/20120304111134/http://konyv-e.hu/pdf/Chronica_Picta.pdf (дата обращения: 15.05.2025)

Ил. 2. *Миниатюра «Вступление татар в Венгрию во времена правления короля Белы IV». Johannes Thuróczy: Chronica Hungarorum. Augusburg, 1488 Inc. 1143. x01v. URL: http://thuroczykronika.atw.hu/pdf/Thuroczy.pdf (дата обращения: 15.05.2025)*

Ил. 3. *Миниатюра «Вступление татар в Венгрию во времена правления короля Белы IV». Johannes de Thurocz: Chronica Hungarorum. Brno, 1488. Fol. 8. URL: https://library.hungaricana.hu/en/view/EvangelikusOsnyomtatvanyok_EOK_R_1453/?pg=7&layout=s (дата обращения: 13.05.2025).*

УДК 94

Борисова Е.С.
Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова,
исторический факультет, студент магистратуры.
E-mail: katerina_borisova03@mail.ru

Образ святого Вацлава как чешского патриота в «Венце святому Вацлаву» Эгидия Химмельштейна

Аннотация. В работе рассмотрено понимание «патриота» через образ святого Вацлава в произведении «Венец святому Вацлаву» 1643 г. авторства босоногого августинца Эгидия Химмельштейна. Так, патриотизм святого Вацлава, с точки зрения Эгидия Химмельштейна, неразрывен с образом Иисуса Христа и с национальной принадлежностью чешского князя.

Ключевые слова: патриотизм, св. Вацлав, Чешское королевство, Иисус Христос, чехи.

Borisova E.C.
Lomonosov Moscow State University,
Faculty of History, Master's Program Student.
E-mail: katerina_borisova03@mail.ru

The Image of Saint Wenceslaus as a Czech Patriot in «The Crown to saint Wenceslaus» by Aegidius Himmelstein

Abstract. The article examines the term «patriot» on the basis of the image of Saint Wenceslaus in the Czech version «The Crown to Saint Wenceslaus» (1643) by Aegidius Himmelstein. This author connected Saint Wenceslaus as a patriot with the image of Jesus Christ

Keywords: patriotism, St. Wenceslaus, The Kingdom of Bohemia, Jesus Christ, The Czech.

Проблема «патриотизма» и его связи с национальным чувством и мученичеством является одной из актуальных на сегодняшний день. Под патриотизмом мы привыкли понимать «преданность и любовь к своему отечеству, к своему народу и готовность к любым жертвам и подвигам во имя интересов своей Родины» [1, с. 749]. Человек, обладающий этими чувствами, готов на всё. Очевидно, готов и пожертвовать жизнь. Однако патрио-

тизм в XVII в. следует понимать не так буквально. Отпечаток религиозных смыслов в разгар Контрреформации связал понятие «патриотизма» не только с любовью к Родине, народу, но и с верностью вере. В данной статье мы рассмотрим патриотизм через историю Чешского королевства XVII в. и через призму образа святого Вацлава, основываясь на «Венце святому Вацлаву». Автор «Венца» — Эгидий Химмельштейн, босоногий августинец.

Для этого заранее оговорим вводные данные, а также поднимаемые вопросы:

1. Что следует называть «Родиной» с территориальной точки зрения? «Родиной» в рамках данного исследования являются земли Чешской короны (Короны св. Вацлава).
2. Вопрос о национальной идентичности. Уже в XII–XIII вв. Вацлава рассматривали в качестве патрона как династии Пршемысловцев, так и «челяди св. Вацлава» [2, с. 287] — политического народа Чешского королевства (в первую очередь — знати). Сохраняется ли такое же понимание «народа» и Вацлава как его предводителя в «Венце блаженному и вечно славимому князю Богемии, мученику Божию, второму Авелю, святому Вацлаву из тридцати двух роз рождения, жизни и смерти» (далее — «Венец») [3]?
3. Вопрос о религиозной идентичности. Здесь мы обратимся к двум частным вопросам. Во-первых, кому было выгодно написание этого источника, чьи интересы он защищал. Во-вторых, какую «религиозную» роль в этом играл сам Вацлав.

«Венец», созданный в 1643 г., написан в контексте побелогорского периода и в условиях Тридцатилетней войны. В 1627–1629 гг. в чешских землях начинается рекатолизация [4, с. 4], а в 1639 г. они подвергаются варварскому разграблению и унижению со стороны протестантов, шведов. Наступление протестантов в ответ требовало защиты католической веры согласно планам Габсбургов.

По сообщению Н.Р. Беловой, в ходе рекатолизации было важно добиться «укоренения католицизма в сознании людей» [4, с. 6]. Соответственно, факт развития католической литературы, как средства пропаганды, закономерен. Подобному виду литературы побелогорского периода дано название «католического барокко» [5, s. 127], к которой относятся «domácí», то есть «местные произведения», католические — на латинском, немецком и чешском языках.

«Венец» не имеет пагинации, но делится на несколько частей: вступление, 32 главы, в конце — заключение к «милым верным святовацлав-

ским чехам», антифон, песни и молитвы. В основу «Венца» по содержанию, но не форме заложена «Хроника» Гаека. В XVII в. эта хроника являлась центральным произведением по истории Чехии. В монографии «Чешская общественно-историческая мысль» Г.П. Мельников изучает «Хронику» подробнее и делает вывод: «“Хроника” Гаека находится в русле чешской патриотической традиции, включающей в себя элементы религиозного характера…» [6, с. 429]. Отдельно автором комментируется влияние «Хроники» на последующие произведения искусства, связанные с образом св. Вацлава. Именно в эпоху Ренессанса культ Вацлава объединял «категории патриотизма и сакральности в единый комплекс исторического сознания нации» [6, с. 435].

Выдвинем гипотезу: Эгидий в «Венце» сочетает в культе Вацлава «патриотизм и сакральность», причём сакральность католическую. Как говорилось выше, в ходе Тридцатилетней войны столкновения проходили с протестантами, а это можно расценивать как посягательство на католическую веру. Для борьбы с внешним врагом мало принуждать население к защите веры. Эффективные инструменты мягкого воздействия на сознание народа через литературу в дальнейшем должны привести к самостоятельному желанию защищать католическую веру. Публикация «Венца святому Вацлаву» католическим аббатом на среднечешском языке, понятном именно для чехов, позволила связать католическую пропаганду с образом Вацлава — князя, который защищал от напастей врагов.

Эгидий называет Вацлава «патриотом» [3, Přistup k žiwotu S. Waclawa] единожды во вступлении. Он не говорит конкретно: в чём же проявилась патриотическая натура Вацлава?

Отчасти ответ заложен в предыдущих исторических и агиографических традициях, но он неоднозначен. Образ Вацлава претерпевает изменения: из праведного христианина, князя, умершего за веру, он становится патроном — защитником чешских земель с военизированным оттенком. К примеру, до написания легенд Кристиана и Oriente iam sole эпизод с Коуржимским князем, которого Вацлав победил без оружия, отсутствовал. Отсутствовали и эпизоды защиты чешского народа Вацлавом после его смерти. Только в «Хронике» Гаека образ Вацлава военизируется и переходит в сюжеты, когда святой после своей физической смерти в роли святого бросается на немцев в бою по зову чехов.

Теперь снова обратимся к «Венцу». Во вступлении Эгидий Химмельштейн просит чехов увидеть своего «благословенного» земляка, и его образ должен стать живым примером, которому нужно следовать. Вацлав должен существовать не на одних «вещественных иллюстра-

циях», иконах. Как и в привычном житии в «Венце», безусловно, образ святого Вацлава прославляется, и автор наставляет читателя сотворить из него «пример для подражания» [3; Swatého WACLAWA Wůdce / a Mučedlnika Cžeskeho powěst]. Поступки Вацлава должны побудить читателя-чеха, причём неважно, насколько хорошо он знает чешский, умеет ли читать. «Венец» содержит не только текст, но и гравюры К. Шкреты [7, s. 17], которые сопровождаются цитатами из Библии. Источник может восприниматься и усвоиться, в том числе и визуально. Читатель-чех должен проникнуться судьбой святого и вдохновиться на ведение праведного, с точки зрения Эгидия, образа жизни согласно католическим канонам. Его дела необходимо хранить внутри души. Вацлав должен пробуждать в читателе чувство гордости. С этим же Эгидий рассматривает следование за Вацлавом как духовный дар, но дополнительно добавляет: «твоего следования он [Вацлав — прим. автора] ищет» [3, Předmluwa k Wěrnému Swato WACLAWO-milému-Cžechu], что стоит трактовать так: лично Вацлав желает, чтобы за ним, идеалом, коим он себя признает, шли читатели-чехи.

Отметим, что через Вацлава чехи обращаются к Господу, чтобы именно он, чешский патрон, попросил у Него спасение от грехов. Дополнительная роль Вацлава — это звено между Богом и чехами. Вацлав сам исполняет чудеса, как говорится, собственными руками и имеет личное желание помогать нуждающимся, которое остаётся у него ещё с момента земной жизни. Однако какое это будет чудо, когда и для чего — решение Бога, ведь чехи просят именно Его.

У Вацлава и чешского народа есть общие интересы: сохранение чешской земли, приверженность к христианской вере и её защите от врагов. В связи с этим для Эгидия важно подчеркнуть национальную принадлежность Вацлава: он чех [3, Přistup k žiwotu S. WACLAWA], который смог стать справедливым правителем и пролить Божий свет на целый народ**.**

Между святым и тогдашним чехом возникает связь: чех следует за Вацлавом, а Вацлав это ожидает и поощряет. Вацлав творит чудеса, невольно убеждая чехов в своей святости и своём идеальном образе. Эгидий пишет вступление к «верному милому святовацлавскому чеху». Следует подробнее трактовать эту формулировку. «Святовацлавский-чех» — это категория религиозно-национальная, которая заменяет прежнюю сословную («челядь»). Немаловажен эпитет «милый», который в данном случае интерпретирует отношение Вацлава к чехам, иначе говоря, это те чехи, которые для святого хорошие, приятные.

Для Эгидия, с его точки зрения, существует два вида чехов: первый — это чехи, которые уже «милы», следуют по правильному религиозному (католическому) пути, беря пример с Вацлава; второй — это чехи, которые сошли с верного следования за Господом, но у них есть возможность исправиться. Для этого нужно начать следовать за Вацлавом и подражать ему. Именно заблудших чехов ищет Вацлав. Чехи, которые следуют за ним, получают покровительство и помощь.

Разобравшись со связью Вацлава и чехов, обратимся к немаловажной части образа святого — его христоподобию.

Во главе «Святой Вацлав молол пшеницу» [3, Cap. IX] Эгидий в первую очередь раскрывает образ пшеницы. В начале Евангелия от Матфея есть упоминание пшеницы: «лопата Его в руке Его, и Он очистит гумно Своё и соберёт пшеницу Свою в житницу, а солому сожжёт огнём неугасимым» (Мф. 3:12); под пшеницей здесь понимаются праведные люди, следующие за словом Иисуса, а под соломой — безбожники, им уготована геенна огненная. Однако основной образ пшеницы раскрывается в притче о добром сеятеле и плевелах (Мф. 13). Притча не была понята учениками Иисуса, поэтому Он трактовал её сам. «Он же сказал им в ответ: сеющий доброе семя есть Сын Человеческий; / поле есть мир; доброе семя — это сыны Царствия, а плевелы — сыны лукавого» (Мф. 13:37–38).

Что же делает с пшеницей Вацлав? Он её сеял, жал, рубил, убирал до изнеможения [3, Cap. IX]. Изучим эти действия: Вацлав сеял, то есть «множил» христиан в своей земле путём поддержки и защиты католической веры. Он рубил и убирал пшеницу в хлев, освобождая посевную площадь, что можно понимать как жизненный цикл: на новом поле вырастет пшеница, как на свет появятся новые христиане. Умершие же католики, согласно учению, найдут спасение после смерти.

Вацлав, несмотря то, что он пахарь, тоже является колоском пшеницы: «В то время как он является избранным плодом Божественного хлева» [3, Cap. IX]. Так, Вацлав — избранный колосок хлева, то есть избранный Богом праведный христианин из Божьей житницы (хлева).

Таким образом, Вацлав, как пахарь, соотносим с «Сыном Человеческим», но в то же время он и колосок пшеницы, что характеризует его как человека, следующего за учением Иисуса Христа.

В этих же условиях Вацлав проповедовал веру, но, кроме этого, он был избран Богом для мученичества. В Библии Своей кровью через мученическую смерть Иисус Христос искупил грехи человечества. А чьи грехи должен был искупить Вацлав? Вацлав должен был своей кровью

искупить грехи *чешского народа*, некогда язычников, потом — «еретиков». Почему чешского народа?

На это указывает выбор Эгидием латинской цитаты, которой сопровождается эта глава: «он тогда молол пшеницу на гумне» (1 Пар. 21:20). Здесь речь идёт об Орне Иевусянине, который молотил пшеницу на том месте, которое затем у него выкупил царь Давид и на котором впоследствии был возведён Иерусалимский храм. Каким образом Вацлав-пахарь подобен пахарю Орне? Как Орна владел особой, священной землёй, Богом избранной для создания храма, так и Вацлав владел Чешским княжеством. В нём он сажал и «взращивал» свой урожай — чешских христиан, «очищенных» от язычества.

Поговорим о Вацлаве, как спасителе душ (часть Христоподобия). Эгидий в главе «Девочка, по имени Венцеслава, до крещения умерла, но была воскресена по просьбе одной монашенки перед алтарём святого Вацлава, но после того, как осуществлено таинство святого крещения, она более счастлива почила в Господе» [3, Cap. XXXI] добавил эпизод из латинской легенды «Ut annuncietur», связанный с воскрешением маленькой девочки Венцеславы. Она, умерев, возрождается, чтобы «принять крест», после чего умирает снова. Воскрешение девочки — это чудо Вацлава, однако, кто воскрешал людей в Библии? Иисус Христос и его ученики. По мнению Эгидия, только в вере люди найдут вечную жизнь, какую нашёл Езекия в цитате перед главой («Он просил у Тебя жизни, и Ты дал ему её» (Пс. 20:5). Образа «спасителя душ» нет ни у Гаека, ни у Далимила, но встречается в Oriente iam sole, где Вацлав охотился «на души, а не на зверей» [8, s. 413]. Таким образом, Эгидий, выбирая эпизод с Венцеславой из латинской легенды, отдаёт предпочтение агиографической традиции, а не исторической. Это свидетельствует о том, что Эгидий со своей стороны добавляет в образ Вацлава большей сакральности и религиозности, обращаясь к духовному, а не светскому.

Другой момент: «чешские души» должны соответствовать святому и в верности католической вере, и в самоотверженности ради своего народа. Вацлав, как утверждает Эгидий, единственный из чехов, кто мил Христу, то есть тот, кто в полной мере доказал свою нерушимую искреннюю верность.

Таким образом, в «Венце» Вацлав — «чешский Христос», личный спаситель чехов. Он — открытие праведного мира для чехов, возможность спастись как на земле, так и в Царстве Небесном. Как Иисус Христос любит всех людей, так и в «Венце» Вацлав любит всех чехов, но для Эгидия истинный чех неотрывен от католической веры.

Чешский народ не должен вести тот образ жизни, который будет умалять заслуги святого. Эгидий поясняет чехам, что им нужно делать. Вацлав, как чех, пожертвовал собой не на поле боя, не в борьбе с немцами, а в муках умер от рук слуг брата и его самого — за веру и за *спасение* чешского народа. Эгидий закрепляет в умах чехов мысль, что в этом и проявляется его патриотизм. О такой жертве Вацлава следует помнить, ведь христиане помнят о жертве Иисуса Христа.

Эгидий обращается к патриотическому чувству чехов в попытке создать положительный образ католичества через одного Вацлава, как самого важного чешского патрона. Дополним, что для Эгидия именно Вацлав — это образ идеального чеха.

Так, к XVII в. с учётом политической и культурной обстановки в чешскоязычной литературе появляется образ Вацлава как чешского Иисуса Христа, святого мученика, патрона, некогда князя.

Список источников и литературы

1. *Ожегов С.И.* Толковый словарь русского языка: Ок. 100000 слов, терминов и фразеологических выражений / под ред. проф. Л.И. Скворцова. М.: Мир и Образование, 2019. 1376 с.
2. *Мельников Г.П.* Монарх и общество в Чешском государстве XII в. Глазами хронистов обращает внимание на специфику чешского «религиозно-исторического сознания // Власть и общество в литературных текстах Древней Руси и других славянских странах (XII–XIII вв.) / отв. ред. Б.Н. Флоря. М., 2012. С. 277–327.
3. Aegidius a Sancto Iohanne Baptista. Wienec Blahoslawenému a wěčně Oslawenému Knijžeti Cžeskému, Mučedlnijku Božijmu, druhému Abelowi, Swatému Wáclawowi Z Dwauch a Třidcýti Růžj geho Swatého Narozenj, Žiwota, Smrti vwijteg. Praha, 1643. 120 s.
4. *Белова Н.Р.* Побелогородская рекатолизация Чешских земель (по материалам реформационной комиссии 1627–1629) // Славянский мир: общность и многообразие, 2020. С. 4–8.
5. Česká literatura od počátků k dnešku / J. Lehár, A. Stich, J. Janačková. Praha, 2006. 1078 s.
6. *Мельников Г.П.* Чешская общественно-историческая мысль Средневековья и раннего Нового времени. М.: Индрик, 2022. 536 с.
7. *Neuwirthová K.* Textový vztah Hájkovy kroniky české a svatováclavské legendy Jijo od sv. Jana Křititele. Bakalářská práce. České Budějovice, 2016. 79 s.
8. Fontes rerum Bohemicarum. Prameny dějin českých / vyd. F. Palacký. Praha, 1873. D. 1. 571 s.

УДК 94(44).032

Салахова А.И.

Санкт-Петербургский государственный университет,
Институт истории, студент магистратуры.
E-mail: st094517@student.spbu.ru

Истоки формирования политической концепции кардинала Ришелье в общественно-политической мысли Позднего Средневековья и раннего Нового времени

Аннотация. Кардинал Ришелье был не только выдающимся политиком своего времени, но и теоретиком французского абсолютизма. Настоящая статья посвящена анализу предшествующей кардиналу политической традиции, проводятся параллели между теориями мыслителей Позднего Средневековья и раннего Нового времени и идеями Ришелье.

Ключевые слова: кардинал Ришелье, история французской общественно-политической мысли.

Salakhova A.I.

Saint Petersburg State University,
Institute of History, Master's Program Student.
E-mail: st094517@student.spbu.ru

The Origins of the Formation of Cardinal Richelieu's Political Concept in the Socio-politicalTthought of the Late Middle Ages and Early Modern Times

Abstract. Cardinal Richelieu was not only an outstanding politician of his time, but also a theorist of French absolutism. This article analyzes the political tradition preceding the cardinal, drawing parallels between the theories of thinkers of the Late Middle Ages and early Modern times and Richelieu's ideas.

Keywords: Cardinal Richelieu, the history of French socio-political thought.

Кардинал Ришелье — первый министр французского королевства был не только политиком-практиком, но и теоретиком абсолютизма. О его политических концепциях мы можем судить по двум его произведениям: «Мемуары» и «Политическое завещание».

«Политическое завещание» было написано лично Ришелье. Окончание работы над основными частями датируется примерно 1638 г., но отдельные фрагменты были написаны в 1639–1642 гг. [1, с. 40] Первое издание «Политического завещания» вышло в Амстердаме в 1688 г. [2]. Научно-исследовательское издание «Политического завещания» было подготовлено французским ученым Луи Андре в 1947 г. [3]. Данное произведение представляет собой собрание мыслей Ришелье по различным политическим и экономическим вопросам, на основании которых можно реконструировать его идеал государственного устройства.

В написании «Мемуаров», которые так и не были завершены до смерти кардинала, активную роль играли служащие Ришелье. Тем не менее, кардинал контролировал процесс, и в случае необходимости выступал как редактор и корректор. Подлинное заглавие «Мемуаров» — «История короля Людовика XIII» [4, с. 148]. Они увидели свет между 1630 и 1631 гг. [4, с. 149]. На страницах этого произведения кардинал описывает современные ему политические события, высказывает свои мысли и суждения, что позволяет нам узнать его позицию по ряду политических вопросов.

Обращаясь к политической мысли Ришелье, важно понимать интеллектуальный контекст эпохи, предшествующую политическую традицию, что позволяет найти истоки идей кардинала, оценить степень его новаторства.

Средневековая политическая мысль во Франции была традиционно монархической. Король персонифицировал собой государство, и государственная власть была почти исключительно властью королевской [5, с. 188]. В функции короля входило прежде всего сохранение и поддержание мира, порядка и справедливости. Главными средствами выступали добродетели, внутреннее духовное совершенство, без чего не мыслилась возможность прочного порядка и справедливости [5, с. 190].

Этический идеал государя — это «справедливый король», наделенный всеми добродетелями и справедливо управляющий государством. К средствам справедливого управления прежде всего относился совет, как дар Святого Духа, без которого ни один человек не может мудро распоряжаться своими делами. Государь должен во всем поступать соответственно благим советам, и остерегаться советов злых [5, с. 192]. При подборе советников особое внимание следовало обращать на их нравственный облик, поскольку только добродетельные люди способны давать благие советы. Дурные советники — это порочные люди, стремя-

щиеся из всего извлечь личную выгоду и ради этого сбивающие государя с пути истинного [5, с. 193].

Король в этико-политической концепции выступает как охранитель закона, но не его источник [5, с. 196]. Охранять справедливость значило не только предупреждать и восстанавливать ее нарушение, но и осуществлять функции распределения и вознаграждения, они не были чисто королевскими, однако на короля они возлагались в первую очередь [5, с. 197].

Если обратиться к основным трудам кардинала Ришелье, то мы заметим практически полное соответствие этих идей его политической концепции. В «Политическом завещании», говоря о способе управления государством, Ришелье пишет о необходимости королю прислушиваться к советникам: «самое дурное правление есть то, что приводится в движение одним лишь разумом государя <…> наилучшее — такое, где главная движущая сила — ум властителя, который вполне способен править самостоятельно, но настолько скромен и мудр, что ничего не делает без доброго совета» [1, с. 177]. Ришелье подробно разбирает, какими качествами должны обладать советники, в общих чертах его мысль выражает следующая цитата: «лицо, посвятившее себя государственной службе, отдавало ей приоритет и было привязано к ней духом, мыслями и чувствами» [1, с. 187]. Однако насчет добродетельности советников у кардинала более практичный взгляд: «Порядочность государственного чиновника не предполагает наличия у него боязливой щепетильности и совести, подверженной колебаниям» [1, с. 181]. То есть если само по себе какое-либо качество у частного лица показывает его с выгодной стороны, но вредит государству, то советник не должен им обладать.

Для Ришелье абсолютный монарх, хоть и не связан законами (только от него зависит, соблюдать их или нет), все же своим самоконтролем должен им следовать, и тем самым подавать пример подданным. Это необходимо для установления в стране «Царства Божьего» [1, с. 205].

В XV в. распространилась точка зрения, что государь — помазанник божий, следовательно, ему нельзя оказывать неповиновение и сопротивляться его власти [5, с. 205]. Именно в этой парадигме и мыслит Ришелье. В своих «Мемуарах» он пишет: «единственный выход из суверенной власти — бездна, что власть слагают только с жизнью, что безумие — дать убедить себя, что можно переложить власть на другого» [6, с. 177].

Во Франции политическая мысль пошла преимущественно по пути отождествления короля и закона на том основании, что «королевская справедливость суть закон и справедливость божественные» [5, с. 210].

Отсюда характерное представление, «что король — это закон одушевленный и живой, тогда как закон — это король, не имеющий души и жизни», из чего делается вывод, что «поскольку всякая одушевленная вещь превосходней неодушевленной, то и король превосходит закон; и подобно тому, как закон, по общему мнению, является правилом добродетели, то и король является таким же правилом, но более совершенным» [5, с. 210]. В этом представлении о короле как одушевленном, живом законе хотя и утверждается приоритет короля, но он остается все же исполнителем закона. За королем еще не признается право творить закон [5, с. 211].

Для кардинала Ришелье вопрос о том, кто творит закон, не является центральным, он не пишет о нем отдельно, но исходя из логики его текста и ряда пассажей [1, с. 206] становится понятно: именно король творит закон. Кроме него эту функцию выполнять некому: Папа, по мнению Ришелье, не должен вмешиваться в дела королевства [1, с. 123], а значит духовенству доверить составление законов нельзя; дворянство — это в первую очередь военное сословие, которое должно сражаться за государство [1, с. 134], что касается парламента, то Ришелье не доверяет ему никаких дел кроме судебных [1, с. 149].

Период XIV–XV вв. становится решающим в формировании новой политической мысли, а точнее говоря — политической мысли в собственном смысле слова. В эти столетия благодаря переводам сочинений Аристотеля во французском языке утверждается понятие политики. В то же время в обиход входит и понятие государства, как «дела общественного», заимствованное из римской политической культуры. Наряду с этико-правовой мыслью нарождалась мысль политико-правовая, ориентировавшаяся на нормы римского публичного права и черпавшая силы не столько в божественном законе, сколько в законе природы [5, с. 221].

Логика нового политического мышления с XIII в. постепенно отдельными положениями вживалась в традиционное сознание [5, с. 223]. Наиболее прочно укоренившимся было понятие суверенитета короля, а также понятие королевской власти как суверенной [5, с. 224].

Идея суверенитета позволяла обосновать независимость короны от империи и отвергнуть притязания папства на верховную власть во всех мирских делах [5, с. 226]. Суверенитет представлялся в форме высшей власти по аналогии с властью римского императора. В отличие от сюзеренитета как совокупности феодальных прав, он не предполагал какого-либо четкого ограничения власти короля [5, с. 228]. Наиболее распространенной формой выражения королевского суверенитета была максима «король является императором в своем королевстве», которая

с XIV в. все более употреблялась для определения и обоснования именно внутренних суверенных прав в отношении подданных. Из этих прав наиболее важными и чаще всего упоминаемыми в литературе были: право издавать общеобязательные законы и право апелляционного суда в последней инстанции. Король как суверенный государь — это не просто охранитель и защитник права и закона, но законодатель, могущий отменить старые и вводить новые законы [5, с. 229]. Непременным спутником королевского суверенитета, представлявшегося на манер императорского, было понятие королевского величества, или величия, и соответственно понятие оскорбления величества [5, с. 232]. Под «оскорблением величества» понимали прежде всего посягательство на суверенные права короля, непризнание и нарушение их [5, с. 233]. Постепенно формулируется принцип неотчуждаемости этих прав.

В первой половине XIV в. легист Пьер де Кюиньер утверждал, что король не может отчуждать свои судебные полномочия [5, с. 234]. Принцип неотчуждаемости утвердился в качестве фундаментального закона королевства, начиная с Карла VIII [5, с. 235]. Идея королевского суверенитета тяготела к римскому представлению о подданстве государю, взамен феодального понятия вассалитета. В литературе XV в. «вассалы» уже почти не фигурируют, из актового материала они исчезли при Людовике XI, который окончательно упразднил это понятие, как бы уравняв всех перед лицом суверенного государя [5, с. 236].

Новая доктрина королевской власти имела явную тенденцию к абсолютизации полномочий короля. Он обладает исключительным правом законотворчества, и сама его воля является законом, которому все подданные обязаны подчиняться. Он выразитель общественной необходимости и пользы, ради чего может потребовать от подданных принесения в жертву их прав. По существу, эта концепция тяготела к отрицанию каких-либо прав подданных перед лицом монарха и сохранению за ними одних лишь обязательств [5, с. 240].

Политико-правовая теория, не предусматривавшая реального механизма ограничения власти короля над подданными и передававшая ему полный суверенитет, замыкалась на личности монарха. Она также была персоналистской, но представляла персону короля прежде всего как носительницу суверенных прав, а затем — личных достоинств. Обобщая последние, можно сказать, что главные из них — разум и вера. Для французской политической мысли это был естественный финал ее развития. Персона короля, который, будучи суверенным, сам должен определять пределы своей власти, руководствуясь разумом и христианской верой,

приобретала чрезвычайное значение. Если вера в нравственные способности людей оскудевала, то вера в короля, напротив, укреплялась благодаря тому, что король был «человеком божественным», и ореол божественности сиял все сильнее на протяжении XIV–XV вв. [5, с. 243].

Этой же теории следует кардинал Ришелье в своих политических воззрениях. В «Политическом завещании» он пишет, что король помимо издания указов, должен сам соблюдать их и вести благочестивый образ жизни [1, с. 206]. Это показывает, что для Ришелье абсолютный монарх, хоть и не связан законами (только от него зависит, соблюдать их или нет), но все же своим самоконтролем должен им следовать, и тем самым подавать пример подданным, то есть отсутствие ограничивающих законов компенсируется ответственностью правителя. Рассуждая о сословиях, кардинал делает акцент на их функциях, только соблюдение своих обязанностей позволяет им пользоваться определенными правами. Например, говоря о дворянстве, Ришелье предлагает «лишить его преимущества происхождения и принудить разделить ношу простого народа», если оно не выполняет своих обязательств [1, с. 134].

Во второй половине XV в. Франция вступила в решающую стадию политического объединения. В это время и закладывались основы абсолютной монархии [7, с. 60]. Одним из источников, рассказывающим о формировании абсолютной монархии, являются «Мемуары» Филиппа де Коммина. Он писал, что для успешного управления сообществом людей, раздираемых постоянными распрями, нужен сильный и мудрый монарх, чья деятельность не ограничивается какими-либо нравственными узами. За свои деяния король в ответе перед одним лишь Богом. Залогом успешной политической деятельности для Коммина является мудрость, под которой он понимает искусность в управлении делами, приобретаемую благодаря большому практическому опыту и здравому природному рассудку. Понятие феодальной верности Коммин меняет на повиновение государю, подданничество. Он не придает ценности христианскому этико-политическому идеалу, согласно которому человек не может хорошо управлять людьми, если он не добродетелен [7, с. 63]. Коммин не предусматривает никаких реальных ограничений власти короля, полагая, что все подданные обязаны ему повиноваться. В его представлении единственной силой, способной и могущей умерять всевластие короля и карать его за тиранические действия, является Бог. Поэтому, чтобы сознавать пределы данной ему от Бога власти, король должен обладать истинной верой, не впадать в тиранию и не навлекать на себя и свой народ кары Господни. Но вера — это дело личной совести короля, его мудрости

[5, с. 215]. Идеалом для Коммина является сильное и стабильное государство, где интересы короля подчинены нуждам страны, но эти нужды не приравнены к интересам подданных [8, с. 21].

Подобные же идеи развивает кардинал Ришелье. Коммин говорит о мудрости монарха, а кардинал — о разуме, всячески подчеркивая его необходимость, потому что именно разум позволят подчинять людей своей воле [1, с. 207]. А «повиновение есть наиболее крепкое основание совершенного подчинения, столь необходимого для существования государств, что, ежели оно недостаточно, то они не могут процветать» [1, с. 208]. Таким образом, для Ришелье основой государства является подчинение, что напрямую вытекает из понятия «подданства».

Филипп де Коммин говорил о нуждах страны, Ришелье дал этим нуждам имя — «государственный интерес». Отдельную главу Ришелье посвящает идеи преобладания государственных интересов над личными. Ришелье пишет, что «большая часть бед, случившихся с Францией, была вызвана слишком тесной приверженностью многих занятых управлением собственным интересам в ущерб интересам государственным» [1, с. 211]. Это же правило распространяется и на короля: «те, кому Господь предначертал беречь других, должны обращать внимание только на то, что служит как обществу, так и спасению их самих» [1, с. 214]. Таким образом, для Ришелье интересы государства не равны интересам монарха, во всяком случае, они не всегда могут совпадать: «интересы то того, то другого, жалость, сострадание, расположенность к кому-либо или настоятельные просьбы одолевают их (правителей) и препятствуют благим намерениям, а нередко у них не хватает сил побороть самих себя и отбросить приватные соображения, которые не должны иметь никакого веса по сравнению с государственными» [1, с. 214]. В понимании Ришелье все люди в стране должны служить интересам своего государства, что приведет к общему процветанию. Стоит уточнить, что интересы государства Ришелье не уравнивает с интересами сословий в данный конкретный момент, государственные интересы, рассчитаны на будущее, а не на сиюминутные выгоды для отдельных лиц или сословий [1, с. 293].

В начале XVI в. во Франции создавались труды так называемых конституционалистов (Б. де Шассено, К. де Сейсселя, Ш. деГрассайя и Ш. Дюмулена), которые подчеркивали величие короля Франции, так как он назначен самим Богом, а следовательно, обладает абсолютными полномочиями [9, с. 17]. Концепция конституционализма была системно изложена в сочинении Клода де Сейсселя «Великая Французская монархия» (1516). Сейссель, как и многие его современники, превозносил

французскую монархию [10, с. 22]. Данный трактат отразил уровень политического сознания общества и характер политической идеологии в ту эпоху. В нем выдвинут идеал государства — наследственная монархия, в которой действуют сословно-представительные учреждения. Согласно Сейсселю, власть королей во Франции исторически была ограничена тремя институтами — законом, религией, государственными учреждениями. Идеи Сейсселя стали отправными в развитии политических доктрин во Франции периода Гражданских войн XVI в.: апология монархии была взята на вооружение идеологами абсолютизма, требование ограничения центральной власти интерпретировано и развито тираноборцами [11, с. 517].

В трудах Дюмулена король выступает как обладатель абсолютной власти и единственный источник правосудия [9, с. 18]. Этьен Пакье попытался создать определенный теоретический компромисс. Он полагал, что центральная власть должна быть ограничена (иначе создастся возможность для установления тирании), но проводил тезис о неограниченности власти государя, предоставленной ему Богом. Это противоречие Пакье разрешил, выдвинув идею о добровольном самоограничении власти монархов. Это было следствием инициативы самих королей Франции, а не появлением каких-то учреждений, поскольку истинный государь не станет использовать подобный дар Бога, ведь «мудрый государь передает абсолютное могущество под власть законов» [11, с. 518]. Ограничивать монархов могут только законы. Однако законы могут признаваться таковыми только в случае издания их монархами, попытки народа присвоить это право верховной власти, утверждает Пакье, достойны осуждения [11, с. 519]. Элементы идей конституционалистов есть и в теории Ж. Бодена [9, с. 18].

Жан Боден в своем труде «Шесть книг о Республике» сравнивает власть государя с властью отца в семье, а государственное устройство — с семейными порядками. В таком ключе абсолютная власть выступает не как власть деспотическая, а как власть отца, заботящегося о своих детях, подданных. Монархия — это высшее развитие государственного строя, и король в этой теории выступает центральной фигурой. Боден предпочитает использовать термин «государь», когда говорит об идеальном правителе, для него государь — это воплощение власти [9, с. 15]. Его концепция предполагает четкую иерархию власти, от суверенного государя к высшим магистратам, и от высших магистратов к низшим. Сама власть для Бодена заключается в суверенитете, в обладании суверенитетом [9, с. 16]. Власть суверенного государя постоянна и абсолютна, она

находится над законами и опирается на божественную природу [9, с. 17]. Единственными ограничениями власти государя выступают: закон Бога и природы, право частной собственности, законы королевства (неотчуждаемость домена, Салический закон). При этом государь не зависит ни от общества, ни от гражданских законов, ни от Папы [9, с. 18].

В этом же духе рассуждает и кардинал Ришелье. Как говорилось выше, он не предполагает ограничение королевской власти, а лишь подчиняет ее разуму и государственному интересу. Папа тоже не является высшей инстанцией. Рим Ришелье рассматривает скорее как еще одно государство, и Папа как его светский глава равен королю Франции, а значит, слишком сильная забота о реакции Рима вредит королевству: «когда речь заходит о государях, уважение одного из них по отношению к другому часто расценивается как слабость, из чего следует, что великодушные решения не всегда оправдывают себя» [6, с. 741], — то есть Ришелье признает первенство Папы только в вопросах религии, но не политики. И он говорит это прямым текстом: «Его Святейшество волен распоряжаться тем, что касается религии» [6, с. 802].

В 70-е гг. XVI в. было разработано учение о тиране, когда после Варфоломеевской ночи особенно остро был поставлен вопрос о границах государственной власти и ее прерогативах [12, с. 585]. Так появилось течение монархомахов или тираноборцев. Они пришли к идее изначальной верховной власти народа, нашедшей выражение в деятельности народного представительства и выборности королей, а затем к апологетике народного суверенитета и обоснованию законности выступления против монарха, его свержения и даже убийства [11, с. 519]. К этому движению относится и оппонент Бодена — Франсуа Отман (1524–1590), который в своем труде «Франко-Галлия» доказывал существование народного суверенитета [9, с. 18]. Для Отмана идеальная форма государства — монархия, но электоральная, которая, как он утверждает, издревле существовала во Франции. Наследственную передачу власти он видит, как способ ограничить права народа, изобретенный династией Капетингов. Законным государем является только тот, кто гарантирует права и свободы и защищает их. Абсолютизация власти создает предпосылки для ее превращения в тираническую [13, с. 32].

Концепция монархии, предложенная Отманом, получила завершение в наиболее позднем из сочинений тираноборцев «Иске к тиранам». В нем были развиты до предела идеи, связанные с правом народа на сопротивление и свержение неправедной власти. Анонимный памфлет, принадлежащий скорее всего, перу Ф. Дюплесси-Морнэ, еще более радикализовал идеи

Отмана. Претензии монарха на неограниченную власть — это нарушение воли Бога. В силу этого, учит Морнэ, в борьбе с таким государем народ не просто защищает свои права, на его стороне оказывается сам Бог [11, с. 521].

В своих трудах Ришелье не полемизирует с тираноборцами, хотя в «Мемуарах» он и критикует Морнэ, но как еретика, а не политика [6, с. 715]. При этом стоит отметить, что ряд идей кардинала, по сути, противоречат тираноборцам. Не говоря о Генеральных штатах, он много внимания уделяет парламенту и суть его высказываний сводится к следующему — парламент не должен вмешиваться в управление страной [6, с. 59]. В «Политическом завещании» к минусам парламента Ришелье относит «несовершенства такого организма, который, имея множество голов, не может обладать единым умом и, подвергаясь различным влиянием — поскольку состоит из разных людей, — часто не в состоянии прийти ни к познанию, ни к одобрению собственной пользы» [1, с. 149]. Парламенты, в особенности Парижский, претендовали на определенный контроль над королевской властью. Фактически в начале XVII в. король не мог без одобрения парламента ни создать новый налог, ни увеличить старый [14, с. 71]. Кардинал Ришелье добился того, что в 1641 г. королевская декларация официально запретила парламентам всякое вмешательство в дела государственной администрации [15].

С воцарением Генриха IV официальные идеологи активно развивали доктрину божественного права, идею королевского священства и христианской природы французской монархии [16]. Кардинала Ришелье сложно назвать апологетом этой идеи, в своих политических концепциях он больше концентрируется на светской стороне вопроса, но священство власти короля для него не подлежит сомнению. Ф. Блюш отмечал, что и при Людовике XIII особенно подчеркивался религиозной характер королевской власти, это было реальностью эпохи [4, с. 58].

Таким образом, магистральная линия развития французской политической мысли шла по пути к абсолютизму. Король все больше воспринимался как помазанник Бога, отождествлялся с законом и возносился над всеми своими подданными, которые все были равны перед ним. Проявившееся в XVI в. движение тираноборчества предлагало альтернативу абсолютизму в лице сословно-представительной монархии. Несмотря на то что королевская власть не поддерживала это течение, его необходимо учитывать, поскольку оно так или иначе оказывало влияние на мировосприятие людей того времени. Кардинал Ришелье, избрав для себя путь служения французской монархии, безусловно, осознавал, что укреплявшийся абсолютизм нуждался не только в политических мерах

по его защите, но и в идеологической поддержке. Оставаясь, прежде всего, политиком-практиком, Ришелье понимал важность идеологического обоснования абсолютной власти. Возможно, именно по этой причине он и принял решение о создании «Политического завещания», в котором отразил свои взгляды на общественно-политическое устройство, которое, по его мнению, более всего соответствовало дальнейшему возвеличиванию и процветанию Франции.

Список источников и литературы

1. Ришелье Арман-Жан дю Плесси, кардинал-герцог де Политическое завещание, или Принципы управления государством / пер. с фр. Л.А. Сифуровой; предисл., общ. ред. Л.Л. Головина. М.: Ладомир, 2008. 496 с., ил.
2. Testament politique d'Armand du Plessis, cardinal duc de Richelieu, pair et grand amiral de France, premier ministre du Conseil d'Etat sous le règne de Louis XIII, roi de France et de Navarre, commandeur des ordres de Sa Majesté, évêque de Luçon, confondateur et bienfacteur de la maison de Sorbonne. Dernière édition. Amsterdam: chez Henry Desbordes, MDCLXXXVIII.
3. Cardinal de Richelieu. Testament politique. Edition critique publiee avec une introduction et des notes par Louis Andre et une preface de Leon Noel. Paris, 1947.
4. *Блюш Ф.* Ришелье. М.: Мол. гвардия, 2006.
5. *Малинин Ю.П.* Франция в эпоху позднего средневековья: Материалы научного наследия. СПб.: Санкт-Петерб. гос. ун-т, 2008. 452 с.
6. *Ришелье дю Плесси, Арман Жан.* Мемуары / Арман Жан дю Плесси кардинал герцог де Ришелье; пер. с фр. Т.В. Чугуновой, предисл. и коммент. Е.А. Городилиной. М.: АСТ, 2014. 926, [2] с.: 48 л. ил.
7. *Малинин Ю.П.* Мораль и политика во Франции во второй половине XV века (Филипп де Коммин) // Политические деятели античности, средневековья и нового времени. Л., 1983. С. 59–66.
8. *Мироненко А.А.* Идея королевской власти в общественно-политической мысли Франции XV–XVII веков: автореф. … канд. ист. наук: специальность 07.00.03 «Всеобщая история» / Мироненко Анастасия Анатольевна; [Российский гос. гум. ун-т]. Москва, 2000. 28 с.
9. *Баязитова Г.И.* Политико-правовые воззрения Жана Бодена: автореф. дис. … канд. ист. наук: специальность 07.00.03 «Всеобщая история» / Баязитова Гульнара Ильгизовна; [Тюмен. гос. ун-т]. Тюмень, 2006. 23 с.
10. *Кулешова Е.В., Старостин Д.Н.* Клод де Сейссель (1450–1520) о формировании образа идеальной французской монархии в контексте Итальянских войн и соперничества с итальянскими городами-государствами // История: электрон. научн. образоват. журн. 2020. Т. 11. № 10 (96). С. 22.

11. *Эльфонд И.Я.* Споры о монархии в политической мысли Франции XVI века // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2020. Т. 20, вып. 4. С. 517–527.
12. *Эльфонд И.Я.* Проблема тирании в трактате И. Жантийе «Анти-Макьявелли» // Никколо Макиавелли: pro et contra: Личность и творчество Никколо Макиавелли в оценке русских мыслителей и исследователей: Антология / сост. В.В. Сапов. СПб.: Изд-во Рус. Христиан. гуманитар. ин-та, 2002. С. 583–595.
13. *Эльфонд И.Я.* Тираноборцы. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1991. 143 с.
14. *Люблинская А.Д.* Франция в начале XVII века (1610–1620). Л.: Изд-во Ленигр. ун-та, 1959. 293 с.
15. *Черкасов П.П.* Кардинал Ришелье. М., 1990 // URL: https://royallib.com/book/bellok_hiler/rishele.html/ (дата обращения: 22.09.2025).
16. *Шишкин В.В.* Королевский двор и политическая борьба во Франции в XVI–XVII веках СПб.: Евразия, 2004. // URL: https://www.litmir.me/br/?b=314819&p=18#section_15 (дата обращения: 22.09.2025).

УДК 94

Ершов А.Р.
Санкт-Петербургский государственный университет,
Институт истории, студент магистратуры.
E-mail: st096591@student.spbu.ru

Как парижане реагировали на осаду столицы в ходе Фронды: общественные настроения в Париже в январе — апреле 1649 г. по материалам нарративных источников и регистров Ратуши

Аннотация. В статье рассматривается парижская война (январь — апрель 1649 г.) и проблема отражения динамики общественных настроений в нарративных источниках и регистрах Ратуши в ситуации блокады города королевскими войсками.

Ключевые слова: Франция в середине XVII века, Фронда, парижская война, мазаринады.

Ershov A.R.
Saint Petersburg State University,
Institute of History, Master's program, Student.
E-mail: st096591@student.spbu.ru

How Parisians Reacted to the Siege of the Capital during the Fronde: Public Sentiment (January—April 1649) based on Narrative Sources and Registers of the City Hall

Abstract. The article examines the Paris War (January — April 1649) and the problem of reflecting the dynamics of public sentiment in narrative sources and registers of the City Hall in the situation of the blockade of the city by royal troops.

Keywords: the Fronde, the siege of Paris, France in the middle of XVII century, mazarinades.

Парижская война (6 января — 1 апреля 1649 г.) стала кульминацией парламентского этапа Фронды. Правительство, не сумевшее добиться от Парламента необходимых финансовых уступок, было вынуждено попытаться привести его к повиновению силой: к столице были стянуты войска [1, с. 78]. В канун праздника Богоявления, с 5 на 6 января, двор бе-

жал в Сен-Жермен — жребий был брошен. Парижанам предстояло почти 3 месяца жить в осажденном городе.

В 7 часов утра город, еще не знающий о произошедшем ночью, начинает просыпаться, и в Ратушу прибывает прево купцов и эшевенов Ле Ферон. Он посылает за эшевенами и прокурором — те прибудут в 8 утра и передадут первую официальную информацию об отъезде короля. Им сообщит об этом один из помощников госсекретаря де Генаго, передавший три письма: от имени короля, от герцога Орлеанского и от принца Конде.

«Мы обязаны выехать из нашего доброго города Парижа в настоящее время, чтобы не подвергаться пагубным намерениям каких-либо должностных лиц Парламента… они напали на нашу власть…» Так характеризуется вина Парламента в королевском письме, Ратуше же приказывается «сделать все возможное для поддержания порядка» [2, p. 62].

Письма от герцога и принца в целом схожи. Если письмо короля в большей степени является приказом, то эти два письма скорее ноты с рекомендациями: «В прошлом вы демонстрировали свою верность в служении королю, чем он очень доволен, и что, я не сомневаюсь, вы продолжите…» [2, p. 63].

Таким образом, правительство явно рассчитывало на лояльность муниципалитета города. В письмах не говорится о том, чтобы Ратуша как-то взаимодействовала с верховными судебными палатами. Согласно обычаю, при отсутствии короля административные распоряжения муниципалитету должен был отдавать именно Парламент. Повода нарушить этот обычай не было, поскольку выдвинутые обвинения касались не Парламента в целом, а отдельных советников. Итак, Ратуша отправила делегацию во Дворец Правосудия и по требованию парламентариев представила им оригиналы полученных писем.

Начальный этап Парламентской Фронды в январе 1649 г. характеризовался попытками оппозиции консолидировать общество. Мазаринады зачастую «обгоняли» реальную ситуацию [3, p. 237]. Ярким примером служит памфлет от 8 января «Союз Парламента и Парижа», где провозглашалось нерушимое единство Ратуши и Парламента, сравниваемое с браком, хотя на деле этот союз оформился лишь на следующий день. В тексте содержались в основном политические требования (ликвидация интендантов, сокращение связей с финансистами), а положение «бедных парижан» обещалось «наладить», но без конкретных механизмов [4, p. 39–50].

Параллельно формировался образ главного врага. В мазаринаде «Прощание с Мазарини» первого министра сравнивали с уличным жу-

ликом Табарином, чье удаление от двора представлялось необходимым условием для возвращения короля [4, p. 51–54]. Восприятие войны горожанами в январе было неоднозначным. Поль де Гонди в мемуарах с иронией пишет, как женщины во время осады приходили в сад Арсенала «со стульями, словно явились слушать проповедь», что говорит скорее о любопытстве, чем о страхе [5, с. 124].

Париж кормился за счет своих пригородов, что не могло не вызывать недовольства жителей предместий, наблюдавших увозимое в неизвестном направлении продовольствие. Тебеф, посетивший предместье Сен-Дени 22 января, настаивал на том, чтобы часть хлеба, производимого в предместье, выдавалась жителям прямо там [2, p. 165].

Армейские разбои и изъятия хлеба вызывали недовольство в той или иной степени, что еще раз показывает необъективность де Реца, писавшего, что «за все время осады в Париже не было замечено и тени недовольства, хотя все речные переправы заняты были врагами и разъезды их то и дело совершали набеги на берега» [5, с. 126].

В начале двадцатых чисел января ситуация с хлебом обострилась настолько, что городской муниципалитет был вынужден выпустить специальный регламент по этому поводу. Всю ввозимую в Париж муку следовало отправлять в галереи Лувра, откуда и продавать жителям города и предместий. Там же должны были делать свои закупки все булочники. Запрещалось «под страхом смерти» перепродавать зерно и муку частным лицам. С лошадьми предписывалось поступать схожим образом [6, с. 340–343].

По мере развития конфликта антимазаринистская риторика усиливалась и усложнялась. В памфлете «Анафема государственному министру чужеземцу», не называя имени кардинала, проводились исторические параллели, говорилось о вреде чужеземцев для великих монархий, что явно было рассчитано на интеллектуальную аудиторию [4, p. 78–82]. Однако к концу первой недели войны в памфлете «диалог двух кузенов о делах нашего времени» появились тревожные ноты, звучало сожаление о погибших, критика двора (пусть и косвенная, с оговоркой, что король — заложник ситуации) и надежда на завершение конфликта [4, p. 88–92]. Регистры Ратуши этого периода фиксируют практику конфискаций лошадей и принудительного привлечения строителей для возведения укреплений [2, p. 83–85], что контрастирует с идиллической картиной всеобщего единства, которую рисует де Рец [5, с. 106].

Одной из ключевых проблем стала продовольственная ситуация. Париж зависел от поставок из пригородов, и изъятие хлеба вызывало недо-

вольство их жителей, как в случае с предместьем Сен-Дени 22 января. В этом контексте успешное прибытие продовольственного конвоя, воспетое в памфлете «Месье Скаррону…», воспринималось как большая радость и приписывалось заслугам «великого герцога Бофора» [4, p. 110].

Власти Парижа искали средства на оборону. «Каталог сторонников [правительства], их имущество, жизнь и нравы», содержащий 105 фамилий самых состоятельных горожан (включая Пьера Сегье и Д'мери), был не просто списком, а потенциальным планом для конфискаций [4, p. 113–139]. Эта практика стала применяться с конца января, когда в городе начались обыски по доносам, в ходе которых, по записи д'Ормессона, было найдено 270 тыс. ливров [6, с. 355].

Помимо конфискации имущества Мазарини, произошедшей ранее, подобное же могло грозить и прочим состоятельным горожанам, покинувшим столицу. Так была произведена инвентаризация в доме Сьера Деспеля, расположенном на улице Вье-Огюстен. Эти активы должны были быть переданы в руки Сьера Герена, советника-секретаря короля и его финансов до получения дальнейших указаний [2, p. 173–174], что еще раз показывает размывание понятия собственности в условиях войны.

Переломным моментом стало сражение за Шарантон 8 февраля, завершившееся поражением фрондеров. Поражение стало шоком для парижан и спровоцировало кризис доверия Парламенту. Ратуша была вынуждена издать предписания о поддержании порядка, а Парламент начал расследование причин поражения [2, p. 212–213]. Опасения властей были не напрасны: 11 февраля на городском собрании отмечалось, что некоторые вооруженные буржуа «позволяют себе дерзости, не признавая власти командующих» [2, p. 222]. В ответ были расширены дисциплинарные права полковников и создан специальный трибунал при Ратуше [2, p. 224]. Город с его узкими улицами мог вновь покрыться баррикадами, но на этот раз угроза была бы для самих фрондеров.

По данным де Реца, у Фрондеров в Шарантоне было 3 тысячи солдат, против 7 тысяч пехотинцев, 4 тысяч конников и артиллерии у принца Конде [5, с. 128]. Тем не менее, атака на Шарантон при грамотной организации обороны могла бы быть очень кровопролитной для правительственных войск. Однако Конде действовал решительно, в противовес медлящим фрондерам, чего те не ожидали. Горожане же погрузились в уныние — ответной реакцией на известие о поражении был очередной виток роста цен [7, с. 45].

Напуганные известием о казни короля Карла в Англии, парламентарии все больше склоняются к миру с правительством (появился страх,

что текущие события могут привести к непредсказуемым последствиям). Конфликт теперь начнет постепенно угасать [8, с. 49].

После Шарантона тон мазаринад начинает меняться, отражая растущее разочарование в оппозиции. В памфлете «Читай и делай» фрондеры называются самозванцами, ввергнувшими Париж в две войны одновременно (в гражданскую и продолжающуюся с Испанией), а их действия трактуются как «восстание против дарованного Богом монарха» [4, p. 179–184]. В мазаринаде «Тем, кто любит правду» ставится логичный вопрос: почему парижане должны платить за эту войну, "рискуя жизнью и истощая кошельки"» [4, p. 185]? «Решение текущего вопроса» повествует о страдании жителей пригородов от рук королевских солдат, что, с одной стороны, говорит об отсутствии единства среди противников Мазарини, а с другой — о восприятии Парижа как враждебной территории некоторыми солдатами королевской армии [4, p. 256–257].

Однако было бы ошибкой считать, что общественное мнение единодушно переметнулось на сторону правительства. В памфлете «Карнавальные жалобы в Сен-Жермен» от 19 февраля Париж сравнивается с карнавалом, а Мазарини обвиняется в том, что он «принес в город лишь пороки», оправдывая тем самым продолжение борьбы [4, p. 274–277]. Критика могла быть и более общей, как в «Катехизисе сторонников, или резолюции, касающейся налогообложения, труда и использования финансов», где в духе времени излагались идеи о том, что монарх должен заботиться о подданных, не облагать их чрезмерными налогами и не распоряжаться произвольно их имуществом [4, p. 282–284]. Хотя авторы прямо ни к чему не призывали, издание такого текста в разгар противостояния было призывом к правительству отступить.

Перелом в настроениях заставил фрондеров опасаться внутреннего взрыва больше, чем угрозы правительства. Плоды переговоров стали ощутимы лишь после 27 февраля, когда был открыт коридор для ввоза продовольствия [2, p. 272–273]. Серьезные подвижки начались с Рюэльской конференцией в марте, когда в город снова стало возможно свободно въезжать и выезжать. Хотя «оттепель» быстро закончилась из-за срыва мирного договора, возврата к пику конфликта уже не произошло [6, с. 375].

К марту риторика памфлетов становится заметно сдержаннее. В «Письме кардиналу Мазарини» от 4 марта кардинала уже не требуют изгнать из Франции, а просят «одуматься» [4, p. 313], что может свидетельствовать о росте лояльности. При этом критика не прекращалась, принимая порой изощренные формы, как в фальшивых «письмах Мазарини», где тот выставлялся непримиримым [4, p. 347–348].

Нарастало и разочарование в Парламенте. В «Письме с советами господам парламентариям» его называют продажным, обагрившим руки кровью и пораженным «болезнью», губящей Францию [4, p. 362–364]. Критика обеих сторон конфликта красноречиво говорит об усталости от войны.

Примечателен гендерный аспект протеста. В памфлете от 7 марта «Запрос всех дворянок и горожанок…» парижанки, сохраняя абсолютно монархические настроения и не критикуя двор, умоляют королеву вернуться в Париж с сыном, чтобы остановить кровопролитие и не допустить анархии [9]. Это свидетельствует о вовлеченности в события людей разного пола и сословий.

Накануне заключения мира тон памфлетов смягчается еще больше. «Франция говорит с герцогом Орлеанским» — это скорее приглашение к диалогу, чем обличение: «Не хочется ли остановить это все? Тогда наши интересы совпадают» [4, p. 470]. Авторы и распространители памфлетов даже похвалили сами себя в тексте «Благодарность печатникам…», провозглашая, что их труды «спасали нас всех» [4, p. 470].

Тем не менее, антимазаринистские настроения никуда не исчезли. В памфлете «Путь монет в Италию…» кардинала обвиняли в разорении Франции [4, p. 478]. Эти настроения позже проявятся с новой силой в период «Фронды принцев».

Правительство пошло на уступки, и 30 марта был подписан мир, который еще предстояло зарегистрировать в Парламенте 1 апреля. Парламентский период Фронды на этом закончится (во всяком случае, ее столичный этап, поскольку в провинции волнения еще продолжались) [6, с. 384].

В последний день марта все так же действовало перемирие. До четырех часов дня Париж еще не знал о мире. Затем же приняли посланцев из Сен-Жермена, и Ратуша стала готовиться к грядущей регистрации мира в Парламенте: предписывалось выставить ночные караулы, а в 6 утра следующего дня всем ротам быть в состоянии полной готовности на случай общественных беспорядков — город не мог позволить, чтобы какая-нибудь провокация обесценила результаты переговоров [2, p. 422–424].

Отсутствие приказа о поддержании порядка в регистрах заставляет усомниться в показаниях Поля де Гонди о том, что якобы «кое-где собралась толпа в намерении помешать этому утверждению, и народ грозится даже опрокинуть стражу у Дворца Правосудия» [5, с. 213]. Вероятнее всего, автор описал ситуацию так, чтобы превознести свои заслуги в помощи сохранения мира путем недопущения организованного восстания. Однако то, что где-то могли слышаться стихийные крики «Долой Мазарини и мир», могло и иметь место. Тем не менее, де Рец все равно, веро-

ятно, преувеличивает масштаб недовольной толпы, которую успокоило лишь одно его заверение.

По своим условиям Сен-Жерменский мир являлся отступлением правительства. Подтверждалось отсутствие «престижного» заседания в присутствии короля, не было сказано о запрете общих собраний Парламента (он стал негласным), правительство не настаивало на возвращении ему Бастилии и Арсенала, не было требования о разоружении парижан (ворота все так же охранялись, а парламентская армия была распущена только 3 апреля). Имелось ограничение насчет займов под повышенный процент (сумма таких займов была ограничена 12 млн. ливров в год), однако был снят запрет со сдачи тальи на откуп. Всем участникам волнений даровалась амнистия (но это не касалось уголовных и гражданских дел), однако вопросы личных выгод аристократов Анна Австрийская предпочла обсуждать «с глазу на глаз». Также правительство кассировало все свои акты с 6 января (поскольку Парламент, согласно им, был формально распущен) [2, p. 433–441].

Заключение Рюэльского мира 1 апреля 1649 г. прошло относительно спокойно. Ратуша получила от короля предписание не допустить провокаций, но вместо приказов о подавлении беспорядков, главы административных округов получили приятное распоряжение — организовать праздничный салют [2, p. 430–431].

В заключение можно констатировать, что нарративные источники (мазаринады, мемуары) и официальные документы (Регистры Ратуши) по-разному отражают динамику настроений в парижском обществе. Если первые в начале конфликта пытаются создать образ сплоченного города, то вторые с их постоянными приказами «не допустить волнений» свидетельствуют о значительной общественной напряженности. После поражения при Шарантоне это недовольство ситуацией выплеснулось в памфлеты, которые зафиксировали углубляющийся раскол в обществе, усталость от войны и растущее разочарование в оппозиции, что в конечном итоге и предопределило жажду мира любой ценой. Мемуары де Реца все равно пытаются до последнего представить Париж единой силой, что явно не соответствовало действительности. Однако после заключения мира народ не стал сразу любить правительство — до конца Фронды как таковой оставалось еще почти 4 года.

Список источников и литературы

1. *Малов В.Н.* Фронда // Вопросы истории. 1986. № 7. С. 76–87.
2. Registres de l'hôtel de ville de Paris pendant la Fronde; suivis d'une Relation de ce qui s'est passé dans la ville et l'abbaye de Saint-Denis à la même époque. Tome

1 / publ. pour la Société de l'histoire de France, par MM. Le Roux de Lincy et Douet-d'Arcq. Paris. J. Renouard. 1846. 524 p. [Электронный ресурс]. URL: https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bd6t5406781r (дата обращения: 21.09.2025).

3. *Jouhaud C.* Mazarinades: la Fronde des mots. Paris. Editions Aubier Montaigne, 1985. 237 p.
4. Choix de mazarinades. Tome 1 / publié pour la Société de l'Histoire de France par C. Moreau. Paris. J. Renouard. 1853. 568 p. https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k6560555r (дата обращения: 11.10.2025).
5. *Кардинал де Рец.* Мемуары / под ред. Д.С. Лихачева. М.: Наука, 1997. 827 с.
6. *Малов В.Н.* Парламентская Фронда: Франция, 1643–1653. М.: Наука, 2009. 497 с.
7. *Ларошфуко Ф. де.* Мемуары Максимы / под ред. Б.Г. Реизов. Л.: Наука, 1971. 281 с.
8. *Блюш Ф.* Людовик XIV. М.: Ладомир, 1998. 815 с.
9. Requête de toutes les dames et bourgeoises de la ville de Paris, présentée à la reine, le dimanche 7e jour de mars 1649. https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k8570697.r=Requ%C3%AAte%20de%20toutes%20les%20dames%20et%20bourgeoises%20de%20la%20ville%20de%20Paris%2C%20%20pr%C3%A9sent%C3%A9e%20%C3%A0%20la%20reine%2C%20le%20dimanche%207e%20jour%20de%20mars%201649.%201649?rk=21459;2 (дата обращения: 12.09.2025).

Род, семья и духовный мир

УДК 94 (394)

Майоров И.В.
Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева, исторический факультет,
студент магистратуры.
E-mail: maiorov.ilyuha@gmail.com

Религиозная идентичность населения англосаксонских королевств в V–VII вв. на примере королевств Кента и Уэссекса

Аннотация. В статье рассматривается эволюция религиозного мировоззрения бриттского коренного и англосаксонского пришлого населения англосаксонских королевств Кента и Уэссекса в период с V по VII в.

Ключевые слова: Кент, Уэссекс, Этельберт, Бирин, христианизация.

Mayorov I.V.
Samara National Research University,
Faculty of History, Master's Program Student.
E-mail: maiorov.ilyuha@gmail.com

Religious Identity of the Population of the Anglo-Saxon Kingdoms in the 5th-7th Centuries: The Case of the Kingdoms of Kent and Wessex

Abstract. The article examines the evolution of the religious worldview of the indigenous Britons and the Anglo-Saxon immigrants of the Anglo-Saxon Kingdoms of Kent and Wessex from the 5th to the 7th centuries.

Keywords: Kent, Wessex, Ethelbert, Birin, Christianization.

Религиозная идентичность является важным аспектом в контексте изучения истории различных народов мира. Благодаря религии выстраиваются социальные связи, методы взаимодействия, нормы поведения внутри социума. Кроме того, религиозная идентичность не является статичной и под влиянием ряда факторов может претерпевать изменения, как незначительные, так и существенные. Если же говорить о народах, прошлое которых частично утрачено в силу не зависящих от этих народов факторов, определение их мировоззрения позволяет убрать «белые пятна» и составить более полную картину об их прошлом.

Мировоззрение англосаксонских обществ Британии в целом формировалось и изменялось на протяжении нескольких столетий, и религия играла в этом процессе серьезную роль. В силу того, что само общество королевств Кента и Уэссекса было неоднородным, приверженность одной религии наблюдалась далеко не всегда. Речь идет о коренном христианском населении и пришлом языческом. В силу того, что юг Британии был долгое время под контролем Рима, распространение христианства в данной области было весьма широким, но оно точно не являлось единственной верой на острове [1, с. 50–51].

О распространенности христианской веры в Британии есть много свидетельств в источниках: произведение Тертуллиана «Против иудеев», в котором автор перечисляет народы, принявшие христианство, среди которых есть Британия [2, с. 187]; письмо Гильды «О падении Британии», где автор указывает на разорение христианских храмов англосаксами [3, с. 267]; работа Ненния «История бриттов», в которой указывается на принятие бриттскими королями христианства [4, с. 177]; записи церковного собора в Арле в 314 г., где отмечается присутствие трех британских епископов: Эборий, Реституция и Адельфия [5, p. 15].

О широком распространении христианства в Британии до эпохи англосаксонских королей говорят и данные археологии, согласно которым, христианские церкви и захоронения Британии имели широкую географию. Так, известными на данный момент позднеримскими церквями на территории Уэссекса и Кента являются: церковь Святого Мартина в Кентербери, церковь Святого Панкратия в Лондоне, руины в крепости Ричборо, где, как считается, могла быть купель. Кроме того, на территории Британии известны римские виллы, которые также могли быть переоборудованы в часовни. Среди таких можно отметить две: вилла в Лаллингстоуне в Кенте и вилла Хинтон–Сент-Мэри в Дорсете. В первой мы видим редкий пример домовой церкви. Во второй сохранилась напольная мозаика, которую принято определять скорее как христианскую; впрочем, настоящий смысл ее не до конца ясен, так как изображение инициалов «хи–ро» в центральной части, за портретом, могут быть отсылкой как к Христу, так и к Константину I. Сама мозаика не являлась частью непосредственно виллы и находилась обособленно, что может указывать на то, что на этом месте было иное сооружение, вероятно, носящее религиозную ценность [6].

Помимо христианства в Британии довольно крепко удерживались позиции кельтского и римского политеизма, как отдельно, так и в формате синкретических святилищ [1, с. 120]. Однако к V в. они постепенно или забрасывались, или перестраивались уже под христианские нужды.

Когда же к власти на большей части острова пришли англосаксы, ситуация стала меняться. Обусловленный характером переселения и общей немногочисленностью пришлых племен процесс формирования религиозного мировоззрения в королевствах протекал следующим образом. Англосаксы на раннем этапе были приверженцами германского политеизма. Это подтверждается как археологией, так и письменными источниками. Так, у Ненния и Беды упоминается, что первые англосаксонские вожди возводили свои роды к богам германского пантеона, например, Водену или Одину [4, с. 187]. К нему же восходили и династия Эскингов, и Уэссекская династия. Помимо этого, и Беда, и Гильда упоминают, что с закреплением новых правителей в восточной и центральной части острова произошло угасание христианства, и люди забыли свою веру уже через поколение [7, с. 49].

Большое значение для понимания мировоззрения населения ранних Кента и Уэссекса имеют погребальные ритуалы, сведения о которых дает археология. Для англосаксов были характерны два погребальных ритуала: кремация либо погребение с инвентарем, причем второй был более распространенным. Это было, как правило, неглубокое захоронение, отражающее социальное положение, пол и родовую принадлежность умершего. Также для этих погребений характерна разнородность погребений. Принято считать, что это связано с разницей в погребальных традициях отдельно взятых племен и семей [8, с. 50]. Незадолго до отправки первых папских миссий на остров представителей элиты начали хоронить в курганах [8, с. 51]. Для христианской же традиции Раннего Средневековья было характерно погребение, при котором тело умершего располагалось в классической позе «лежа», с головой, направленной на запад, и ногами на восток. Тело помещалось в гроб, вокруг которого устраивалась каменная облицовка, которая призвана выполнять функцию защиты тела умершего и гроба от воздействия внешних факторов [1, с. 106]. Следует отметить также теорию о «гибридных захоронениях», согласно которой могла применяться практика вторичного захоронения, когда тело эксгумировалось и перезахоронялось, а на его место клали новое. Данная теория была выдвинута Роллстоном в 1867 г., однако в наше время данная теория не представляется актуальной[1]. Если говорить

[1] Согласно теории Роллстона, феномен «гибридных захоронений», сочетающих в себе элементы бриттской и англосаксонской культур, является примером того, что старые, романо-бриттские захоронения, были подвержены эксгумации, а на место старого тела клалось новое, англосаксонского происхождения, что выражалось в элементах одежды [9, p. 3–4].

об актуальной точке зрения, касающейся тех самых «гибридных захоронений», наиболее вероятным является фактор ассимиляции культур, согласно которому коренное население Британии было постепенно ассимилировано англосаксами, что на определенном этапе привело к появлению захоронений, совмещающих элементы разных культур. Тем не менее, даже в таком случае нельзя исключать и того, что подобные захоронения могли быть элементом моды либо были связаны с торговлей, то есть следует с осторожностью говорить об отражении в них переходного этапа в воздействии одной культуры на другую [10, с. 376–377].

Также нельзя не упомянуть о судьбе церквей. Опираясь на письменные источники, можно сказать, что к рубежу VI–VII вв. церкви пришли в полный упадок. Так, о разрушении церквей в Кенте говорит эпизод из «Церковной истории», в котором Этельберт реставрирует церковь Святого Мартина в Кентербери, чтобы его жена Берта могла использовать ее как частную капеллу [7, с. 52]. Также там говорится о том, что эта церковь была построена еще в римский период, но заброшена, причем современные исследования подтверждают подлинность данного утверждения, так как конструкция церкви неоднородна [11, p. 70–71].

В связи с этим можно сделать вывод, что на раннем этапе формирования англосаксонских королевств коренное население все еще придерживалось христианских практик, однако под влиянием новой власти постепенно отходило от классических традиций и перенимало новые, языческие, вероятно, для приближения к новой элите, а ближе к концу второй половины VI в. и вовсе практически полностью отошло от старых практик.

На рубеже VI–VII вв. и в первой половине седьмого столетия мы можем наблюдать обратный процесс. В связи с расширением торговых и дипломатических связей, а также началом активной деятельности папских религиозных миссий, юг Англии начинает постепенно христианизироваться. Примечательно, что, скорее всего, основным поводом к смене мировоззрения послужила дипломатия.

Кентский король Этельберт состоял в браке с принцессой из династии Меровингов, которая была христианкой, и ради которой Этельберт и восстановил церковь Святого Мартина. Кроме того, есть вероятность, что в Кенте в целом существовало достаточно мощное франкское влияние. Об этом свидетельствует погребальный инвентарь, часть которого имеет континентальное происхождение [8, с. 60]. Имя отца Этельберта

Эрменрика[2], также может указывать на сильное континентальное влияние на Кент. Данная версия связана с первой частью его имени, Eormen, которая была широко распространена именно на территории Франкского государства [12, p. 28]. Все это в совокупности могло привести к тому, что описывает в своей книге Беда, когда король всесторонне поддерживал миссию святого Августина, а затем и сам принял крещение, став первым англосаксонским правителем-христианином.

В Уэссексе христианизация началась позже и была связана с именем не короля, но священника, Святого Бирина. В данном случае дипломатический сценарий был несколько другим. Правивший в то время уэссекский король Кинегильс не запрещал проповедовать христианство среди своих людей, но сам приверженцем христианской веры не был. Поводом к принятию христианства, вероятно, послужило то, что Уэссекс до этого момента находился под влиянием Нортумбрии, в которой правил Эдвин Святой, а уже после его смерти претензии на статус правителя всей Британии выдвинула Мерсия, что угрожало союзу Уэссекса и Нортумбрии, в результате чего Кинегильс и был крещен, а его крестным отцом стал нортумбрийский король, Освальд [13, с. 53]. Иными словами, утверждение христианства в Уэссексе может быть обозначено как одно из условий дипломатического союза между правителями.

Примечательно, что в обоих случаях мы наблюдаем некоторый скептицизм со стороны правителей, который затем сменяется принятием новой веры. Также мы наблюдаем картину дальнейшего развития христианской веры в королевствах. После смерти правителей оба наследника не испытывают теплых чувств к новой вере, но и не мешают ей, что приводит к некоторому замедлению ее распространения, но в будущем ситуация стабилизируется и проблем с распространением христианской веры уже не наблюдается, что видно на примере сына Этельберта, Эдбальда [7, с. 78]. Более того, в это время христианство обретает в Британии «второе дыхание»; активно строятся соборы и аббатства; появляются законы, регулирующие отношения церкви и народа, а епископы принимают участие в заседаниях королевских советов. Также об активной поддержке христианства со стороны королевской власти говорит и большое количество дарственных грамот, согласно которым в безвозмездное пользование церкви передаются земельные наделы с тем лишь условием, что на этих землях должен соблюдаться порядок, что видно на примере грамоты Этельберта епископу Меллитию [14].

---

[2] В оригинале Eormenric.

В области погребальных обрядов короткая эпоха курганных погребений быстро сменилась новой традицией. Теперь знатных людей хоронят на территориях церквей. Например, Этельберт похоронен вместе с женой на территории собора Святых Петра и Павла [7, с. 77], а правители Уэссекской династии были погребены либо на территории Уинчестерского собора, либо отправлялись в паломничество в Рим, где мирно умирали, как это случилось с королем Уэссекса, Кэдвалла [13, с. 56].

Таким образом, к концу VII в. сложилась ситуация, при которой христианская вера вновь стремительно набирала популярность на острове и, в частности, территории Кента и Уэссекса за счет папских миссий, а также благодаря всесторонней поддержке со стороны правителей. Однако новая вера не вытесняет старые обычаи окончательно, а вступает с ними в синтез, отбрасывая только совсем противоречащие ей обряды, что позволяет заключить, что на территории Кента и Уэссекса в то время большая часть населения придерживалась христианской веры.

Тем не менее, старые традиции не были окончательно уничтожены. Например, с одной стороны, власть короля идет от Бога, а с другой — элдормены вправе утверждать короля, а также обладают весьма серьезным влиянием на итоговое решение вопроса наследования власти: если претендент их чем-то не устраивал, они были вправе отказать ему в пользу более подходящего, что прослеживается в «Англосаксонской хронике» (в разделах о дохристианском периоде [13, с. 51], а также уже в христианский период, на примере Кенвала и его преемника Кенфуса, который хоть и был королем из той же династии, не приходился Кенвалу прямым потомком [13, с. 55]). Помимо этого, сами короли, как было указано выше, не всегда стремились принимать христианство, предпочитая придерживаться языческой веры, но в конце жизни могли принять новую веру, как это сделал уэссекский Кэдвалла [13, с. 56].

Подводя итог, можно сказать, что религиозная идентичность населения юга Британии в V–VII вв. не была однородной и под воздействием целого ряда ключевых событий интенсивно менялась. Первоначальное, в значительной степени христианское общество под влиянием новой англосаксонской власти стало отказываться от своей веры в пользу новой, перенимая обычаи и нормы, свойственные германской языческой вере. В свою очередь, представители германского язычества в дальнейшем стали перенимать христианскую веру под воздействием целого ряда факторов: дипломатических союзов, внешнего и внутреннего влияния, а также личных убеждений. Подобная перемена в мировоззрении ярко демонстрирует то, насколько сильно религиозная идентичность народа

связана внутренними и внешними государственными процессами, а также то, какое взаимное влияние они друг на друга оказывают.

Список источников и литературы

1. *Адамс М.* Первое королевство: Британия во времена короля Артура / пер. с англ. Т.Л. Черезовой; под ред. З.Ю. Метлицкой. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2023. 608 с.
2. *Тертуллиан.* Против иудеев // Творения Тертуллиана, христианского писателя в конце второго и в начале третьего века: в 4 ч. Ч. 3 / пер. Е. Корнеева. СПб., 1850. С. 171–224.
3. *Гильда Премудрый.* О погибели Британии // О погибели Британии. Фрагменты посланий. Жития Гильды / пер., вступ. ст. и примеч. Н.Ю. Чехонадской; отв. ред. И.С. Филиппов, С.Е. Федоров. СПб.: Алетейя, 2014. С. 231–346.
4. *Ненний.* История бриттов // Гальфрид Монмутский. История бриттов. Жизнь Мерлина / отв. ред. А.Д. Михайлов. М.: Наука, 1984. С. 171–193.
5. Conciliun Arelatense A. 314 // Corpus Christianorum. Series Latina. Concilia Galliae. A. 314–A. 315 / Ed. C. Munier. Turnholti, 1963. P. 1–25.
6. Second Mosaic at Hinton St. Mary Leads to a History Re-write / The Blackmore Vale magazine [Электронный ресурс]. URL: https://www.theblackmorevale.co.uk/2022/07/02/re–writing–hintons–history/ (дата обращения: 29.09.2025).
7. *Беда Достопочтенный.* Церковная история народа англов // Исторические сочинения / пер. с лат. и коммент. В.В. Эрлихмана. М.: СПСЛ «Русская панорама», 2022. С. 27–220.
8. *Моррис М.* Англосаксы. Так начиналась Англия. 400–1066 / пер. с англ. И. Ющенко. М.: Карьера-Пресс, 2023. 496 с.
9. *Rolleston G.* Researches and Excavations Carried on in an Ancient Cemetery at Frilford, Near Abingdon, in the years 1867 and 1868. London, 1870. 72 p.
10. *Хизер П.* Великие завоевания варваров. Падение Рима и рождение Европы / пер. с англ. С.В. Чепелевского, Г.Ю. Чепелевской. М.: Центрполиграф, 2016. 830 с.
11. *Blair J.* The Church in Anglo-Saxon Society. Oxford: Oxford University Press, 2005. 604 p.
12. *Yorke B.* Kings and Kingdoms of early Anglo-Saxon England. London: Taylor and Francis e-Library, 2003. 218 p.
13. Англосаксонская хроника / пер. с др.-англ. З.Ю. Метлицкой. СПб.: Евразия, 2010. 288 с.
14. Æthelberht, King, to Mellitus, Bishop, and St. Paul's minster; Grant of Land at Tillingham, Essex // Electronic Sawyer [Электронный ресурс]. URL: https://esawyer.lib.cam.ac.uk/charter/5.html (дата обращения: 29.09.2025).

УДК 94

Трефилов К.А.
Российский Национальный исследовательский медицинский университет им. Н.И. Пирогова,
кафедра латинского языка и основ терминологии,
преподаватель.
E-mail: trefolov-1999@unbox.ru

Монашеское правило *Regula ad virgines* Цезария Арелатского: пространство монастырских ворот

Аннотация. В данной работе на примере одного из первых монашеских Уставов — *Regula ad virgines* Цезария Арелатского рассматривается наименование дверей/ворот в контексте монастырского пространства. Несмотря на отсутствие археологических данных, опираясь на текстовые источники, предпринимается попытка идентифицировать терминологию с конкретной разновидностью дверей/ворот, существовавших в монастыре. Также анализируется символика дверей в духовном пространстве обители с учетом экзегетической традиции отцов Церкви, где монастырь часто являлся прообразом Небесного града.

Ключевые слова: Цезарий Арелатский, женское монашество, Небесный град, двери, врата.

Trefilov K.A.
Pirogov Russian National Research Medical University,
Department of Latin Language and Basics of terminology,
Lecturer.
E-mail: trefolov-1999@unbox.ru

Monastic Rule Regula ad Virgines by Caesarius of Arelate: the Space of the Monastery Gates

Abstract. In this paper, using one of the first monastic Rules — *Regula ad virgines* by Caesarius of Arelate — as an example, the terminology of doors is examined in the context of the monastic space. Despite the lack of archaeological data, an attempt is made to identify the terminology with a specific type of gate/door that existed in the monastery based on the text; the symbolism of doors in the spiritual space of the monastery is also analyzed, taking into account the exegetical tradition of the Church Fathers, where the monastery was often a prototype of the Heavenly City.

Keywords: Caesarius of Arles, female monasticism, Heavenly City, doors, gate.

Формирование монашества в Западной Европе представляло собой сложный процесс, занявший несколько столетий (IV–VI вв.) [1, с. 61–64]. При этом о формировании единой монашеской традиции в этот период говорить не приходится. Вернее будет утверждать о существовании локальных практик, которые в результате каролингских реформ (VIII–IX вв.) были вытеснены под влиянием Устава[1] Бенедикта Нурсийского, постепенно ставшего главной формой монашеского общежития на континенте [2].

До «развенчания» Бенедикта, начавшегося в первой половине XX в., роль написанного им устава была значительно преувеличена или, по замечанию одного из отечественных исследователей, «гипертрофирована» [1, с. 25]. Не следует забывать, что формирование западного монашества происходило не в эпоху Бенедикта и было представлено разными аскетическими практиками, наличие которых и позволило в дальнейшем монаху из Нурсии «составить его монашеский Устав <…>, представляющий собой итог аскетического синтеза целого ряда источников, которые несли в себе то многообразие идей, в последующем объединенных и адаптированных им, для широкого применения в монашеских кругах: от южного побережья Средиземного моря до северных границ Франкского государства» [3, с. 8].

Исследование опирается на один из первых западных монашеских уставов — *Regula ad virgines* [4, 5], составленный епископом Арелатским Цезарием [6] в начале VI в. Его отличительной чертой является конкретизация адресата, которой не имели ранние монашеские уставы.

«Правило для дев» — первый монашеский устав, созданный для женской монашеской общины [7, p. 27]. В тексте устава затрагиваются всевозможные аспекты монашеской жизни. Для исследователя монашества текст устава представляет огромный интерес в качестве яркого примера местной монашеской традиции.

Наполнение ранних западных монашеских правил напрямую зависело от вызовов действительности. Исследователь Альбрехт Дием заметил, что монашеские уставы не описывают повседневную реальность во всей ее полноте, а фокусируются именно на тех аспектах, которые требовали регламентации, были либо проблемными, либо предметом разногласий [8, p. 33]. Таким образом, если какая-то тема (например,

[1] Слово “regula” на русский язык можно перевести двумя способами: как Устав и как Правило. В тексте работы используются оба термина.

молчание, послушание, собственность, потребление вина) попадает в текст правила, это свидетельствует о ее важности для аскетической практики и монашеской дисциплины в конкретный исторический период. Так, пространство монастырских ворот — элемент, на первый взгляд представляющийся незначительным, не был упущен епископом Цезарием.

В работе будут рассмотрены как наименования дверей/ворот, так и их значение как элемента богословия монастырского пространства.

В *Regula ad virgines* Цезарий использует три наименования для обозначения дверей/ворот: *ostium*, *posticium* и *ianua*.

Первое наименование, которое встречается в Уставе — *ostium* — используется два раза. Впервые он упоминается в связи с запретом покидать монастырь до самой смерти: «…пусть вплоть до кончины своей не выходит ни из монастыря, ни из базилики, где, как известно, находится дверь» [4, II, пер. наш; 5, с. 136][2]. Второй раз *ostium* встречается уже в кратком повторении Правила (Recapitulatio): «…и поскольку ради сохранения монастыря я закрыл или счел негодными какие-то двери либо в старой крещальне, либо в школе, либо в ткацкой мастерской, либо в башне напротив житницы» [5, с. 153, пер. М.Р. Ненароковой].

Второе наименование — *posticium* — также встречается в Уставе два раза и обозначает заднюю монастырскую дверь. Впервые оно употребляется при описании послушаний: «…на послушания в кладовую, и задним воротам или на обработку шерсти» [5, с. 141, пер. М.Р. Ненароковой], второй раз — при запрете на вывоз чего-либо из монастыря: «…

---

[2] В основном тексте статьи цитаты преимущественно в переводе М.Р. Ненароковой (см.: Ненарокова М.Р. Правило святого Цезария (Арльского) // Одиссей. Человек в истории: Женщина в религиозной общине: Запад/Восток. М., 2013. С. 133–156). Данный отрывок на русский язык перевести можно двояко, тем более что нет археологических подтверждений. Возможно, в данном месте термин *ostium* использован не в значении «ворота», а в значении «завеса, погребальное покрывало» (словарь Ш. Дюканжа). Если переводить именно в этом значении, то получается: «пусть не выходит из монастыря и даже в базилику не входит, пока не увидят, что у нее есть погребальное покрывало». Любопытно, что данный вариант перевода вполне допустим, так как в базилике был некрополь, в котором покоились почившие сестры. То есть только после смерти сестра имела право выйти из монастыря в базилику и оказаться за его пределами.

Выражаю благодарность К.А. Александровой, старшему преподавателю кафедры романо-германской филологии историко-филологического факультета ПСТГУ, за ценные замечания и плодотворную дискуссию.

чтобы все, кто охраняет задние ворота, не разрешали что-либо отдавать из монастыря» [5, с. 146, пер. М.Р. Ненароковой].

Третье понятие — *ianua* — епископ использует четыре раза: два раза в основной части Правила и два раза в кратком его повторении (Recapitulatio). В основной части данный термин связан с воротами монастыря, о которых епископ пишет: «…должно внимательно следить также, чтобы двери монастыря в пригодные часы были открыты для посетителей» [5, с. 144, пер. М.Р. Ненароковой] и «у двери монастыря не совершались ежедневные или постоянные милостыни» [5, с. 145–146, пер. М.Р. Ненароковой]. Получается, что монастырь имел основной вход, через который могли входить гости. В кратком повторении термин *ianua* встречается два раза в контексте запрета на выход из монастыря: «…чтобы ни одна из вас до своей смерти не получила разрешения покинуть монастырь или саму базилику, в которой у вас имеется дверь, и не дерзала бы выйти сама по себе» [5, с. 148, пер. М.Р. Ненароковой] и запрета на смену местоположения монастырской двери (ворот монастыря): «…дверь монастыря никогда не делаете вне базилики по вашей воле или с вашего разрешения» [5, с. 149, пер. М.Р. Ненароковой].

В *Recapitulatio* содержатся расхождения с основным текстом устава. Цезарий объясняет это следующим: «…мы написали вам правило, однако позже по причине многих перемен прибавили в него нечто или убавили. <…> ныне мы определили то, что будет прилично и разуму, и возможности, и благочестию» [5, с. 147–148, пер. М.Р. Ненароковой]. Если на протяжении первой части сочинения используется три термина — *ostium*, *ianua* и *posticium*, то в Recapitulatio *posticium* мы уже не обнаруживаем. Можно предположить, что задняя дверь обители в конце концов прекращает функционировать как вход/выход в связи с ужесточением условий, когда запрещается коммуникация монастыря с внешним миром. Данное предположение будет подтверждено или опровергнуто, когда археологи локализуют местонахождение обители.

Если в первой части «Правила» термином *ostium* именуется дверь в базилику, *ianua* — монастырские ворота, а *posticium* — задние ворота, то в Recapitulatio происходит изменение. Дверь крещальни (может являться частью базилики, где был баптистерий) [4, p. 146], которая определяется термином *ostium*, запирается, а *ianua* используется для обозначения выхода через базилику (ранее этот выход назывался *ostium*). Вероятно, такое смещение понятий указывает на изменение монастырского про-

странства: в монастыре остался всего один выход[3] — через базилику[4]. Расположение базилики по отношению к обители на данный момент определить невозможно. В критическом издании французский исследователь А. де Вогюэ предпринимает попытку разобраться в данном вопросе, но в ходе его рассуждений возникает больше вопросов, чем ответов [4, p. 109–111].

Значимым представляется внимание епископа к совершенно незначительной на первый взгляд теме. Для Цезария дверь — важный элемент монашеской обители, у которого есть не только практичное архитектурное значение, но и духовное измерение, которое можно понять в контексте богословия [9, с. 49–50]. Идея монастыря как Небесного града (*Civitas Dei*) и святой овчарни (*sanctum ovile*) проникли в самые, на первый взгляд, незначительные детали сочинения. Последнее отсылает к образу «стада» из Священного Писания, находящегося в непосредственном ведении Бога: «Не бойся, малое стадо! ибо Отец ваш благоволил дать вам Царство»[5]. Вне овчарни сестер ждут «пасти духовных волков» (*fauces spiritualium luporum)* [5, с. 136, пер. М.Р. Ненароковой].

Во всех монашеских, аскетических сочинениях монастырская жизнь противопоставляется жизни в миру. Епископ Цезарий отделяет пространство монастыря от основного мира разными способами, но во всех присутствует разделение на «внешнее» и «внутреннее». Например, когда епископ просит о заступничестве сестер, он пишет: «…испрашивать в святых молитвах, чтобы я сделался общником вашего пути» [5, с. 133] и приводит аллюзию на «Притчу о десяти девах»[6], сравнивая себя с неразумной девой: «…да поможете вашими молитвами, чтобы я не остался снаружи с неразумными [девами], когда вы блаженно войдете в Царствие со святыми и мудрыми девами» [5, с. 133], тем самым сравнивая насельниц с девами мудрыми, благоразумными. Или пишет о единственной причине, которая позволяет сестре покинуть монастырь: «…если не отпустишь грехи, не отпустятся ей»; «…монахиня, которая никогда не хочет просить прощения, или просит не от всей души, если не оставит

---

[3] Кодекс Юстиниана запрещает монастырям иметь более одного или двух выходов.

[4] Была ли базилика соединена с монастырем, сказать сложно: археологические данные отсутствуют. Можно только предположить: раз епископ пишет, что дверь/ворота не могут располагаться вне базилики, то, скорее, базилика точно была, но сопоставить ее с ныне известными позднеантичными базиликами затруднительно.

[5] Лк 12:32.

[6] Лк. 13:25; Мф. 25:1–13.

этого, кажется, без основания находится в монастыре» [5, с. 143]. Понимая девство как целомудрие не только телесное, но и духовное, епископ уподобляет нежелающую примириться монахиню «неразумной деве», которая не только ослушалась предписания, но и не следует принципу общности: «Да будет у вас душа едина и сердце едино в Господе, да будет у вас все общее»[7] (5, с. 139), являя своими поступками противоположное общим идеалам, общему началу. Аллюзии, приведенные епископом, являются ничем иным, как доказательством важности монастырского пространства, его «инакобытийности», которая имеет глубокое осмысление и богословие в творчестве арлезианца.

***

Такой незначительный, на первый взгляд, элемент монашеской жизни, как пространство ворот, удостаивается пристального внимания со стороны епископа Цезария. Для обозначения этого пространства епископ использует несколько терминов: *ostium*, *ianua* и *posticium*. Некоторые из дверей в итоговой редакции правила — *Recapitulatio*, например, *posticium,* перестают упоминаться. А *ostium* изменяет значение и превращается в *ianua.*

Пространство монастыря: его двери, стены дают надежную защиту, и «необходимость борьбы отпадает» [10, с. 108]. Монастырь становится подобен «святой овчарне», ковчегу Ноя, безопасному месту, где внешних факторов соблазна становится меньше (но внутренние остаются), и создаются благоприятные условия, в которых «мудрые», «посвященные девы и Богу отданные души», «драгоценные самоцветы», «зажегши светильники» могут ожидать «прихода Господа» [5, с. 133, пер. М.Р. Ненароковой]. Подробное описание такого элемента, как монастырские двери, позволяет судить о том, что епископ намеренно расставляет акценты, так как именно дверь связывает монастырь с внешним миром, где сестрам грозит опасность от «пасти духовных волков» (*spiritalium luporum fauces*) [5, с. 136, пер. М.Р. Ненароковой], и, во избежание ситуаций, способных привести к погибели (как духовной [11, p. 150–158], так и физической), епископ акцентирует внимание на сакральном пространстве дверей, которые одновременно могут стать как входом в Град Божий, Ноев ковчег:

---

[7] Епископ Цезарий приводит аллюзию на слова из Священного Писания (Деян. 4:32).

«кто претерпел до конца, спасется» [5, с. 148, пер. М.Р. Ненароковой], — так и одновременно привести к погибели, если дева решит его покинуть.

Список источников и литературы

1. *Усков Н.Ф.* Христианство и монашество в Западной Европе Раннего Средневековья. СПб.: Алетейя, 2001. 506 с.
2. *Зайцев Д.В.* Венедикт Нурсийский // Православная энциклопедия. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2009. Т. VII. С. 585–592.
3. *Трефилов К.А.* Письмо епископа Цезария Арелатского к Цезарии Старшей: к вопросу о понятии familiaritas // Актуальные вопросы церковной науки. СПб.: Санкт-Петербургская духовная академия Русской православной церкви, 2023. № 1. С. 8–11.
4. *De Vogué A., Courreau J.* (intro. text). Césaire d'Arles. Oeuvres monastiques. I. Oeuvres pour les moniales // SC. Vol. 345. Paris, 1988. P. 169–273.
5. *Ненарокова М.Р.* Правило святого Цезария (Арльского) // Одиссей. Человек в истории: Женщина в религиозной общине: Запад/Восток. М., 2013. С. 133–156.
6. *Омельченко Д.М.* Цезарий Арелатский — епископ и пастырь. СПб.: Центр гуманитарных наук, 2021. 472 с.
7. *Nolte C.* Klosterleben von Frauen in der frühen Merowingerzeit. Überlegungen zur Regula ad virgines des Caesarius von Arles. [Электронный ресурс]. URL: https://arsfemina.de/frauen-der-geschichte-vii/klosterleben-von-frauen-der-fr%C3%BChen-merowingerzeit (дата обращения: 10.10.2024).
8. *Diem A.* The Pursuit of Salvation. Community, Space, and Discipline in Early Medieval Monasticism: with a Critical Edition and Translation of the Regula cuiusdam ad uirgines. Turnhout, Belgium: Brepols Publishers, 2021. 688 p.
9. *Трефилов К.А.* Монастырская община Южной Галлии по сочинению Regula ad virgines Цезария Арелатского: условия вступления в монастырь // Сборник студенческих научных работ. М.: Издательство Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, 2021. С. 42–51.
10. *Арнаутова Ю.Е.* От regula ad virgines до institution sanctimonialium: влияние св. Цезария Арльского на нормативную традицию женских каноникатов // Одиссей. Человек в истории. Святой и общество: конструирование святости в агиографии и культурной памяти. М., 2021. № 29. С. 88–162.
11. *Rudge L.* Texts and Contexts: Women's Dedicated Life from Caesarius to Benedict / PhD Thesis at the University of St. Andrews, 2006. 281 p.

УДК 94

Тимофеев А.О.
Санкт-Петербургский государственный университет,
Институт истории, студент бакалавриата.
E-mail: alexey.t2006@gmail.com;
st131243@student.spbu.ru

Образ «достойного сына» в *Vita Hludovici* Астронома

Аннотация. Статья посвящена образу Людовика Благочестивого в *Vita Hludovici* авторства Астронома в главах 1–21. В исследовании раскрываются особенности облика «достойного сына Карла Великого» и его отличие от образа Людовика не только во всём произведении Астронома, но и в остальной каролингской исторической литературе, посвящённой второму императору франков. В результате проведённого исследования выявлено, что в первой части *Vita Hludovici* наблюдается уникальная для каролингской исторической литературы эволюция образа монарха, которая сопровождается показательной сменой положения Людовика в иерархии каролингского общества, выстроенной в произведении Астронома.

Ключевые слова: Людовик Благочестивый, Астроном, образ власти.

Timofeev A.O.
Saint Petersburg State University,
Institute of History, Bachelor's Program Student.
E-mail: alexey.t2006@gmail.com;
st131243@student.spbu.ru

The Image of the "Worthy Son" in Astronomus' Vita Hludovici

Abstract. The article focuses on the portrayal of Louis the Pious in chapters 1–21 of the *Vita Hludovici* by Astronomer. The study examines the characteristics of the image of the "worthy son of Charlemagne" and how it differs from the portrayal of Louis not only in the rest of Astronomer's work but also in other Carolingian historical literature dedicated to the second emperor of the Franks. As a result of the conducted research, it has been revealed that the first part of the *Vita Hludovici* features a unique evolution of the monarch's image, unparalleled in Carolingian historical literature. This evolution is accompanied by a significant shift in Louis's position within the hierarchy of Carolingian society as constructed in Astronomer's work.

Keywords: Louis the Pious, Astronomus, Representation of Authority.

Образ сына Карла Великого, Людовика Благочестивого, удивительно однороден в каролингской исторической литературе и различается лишь в деталях от произведения к произведению. Однако в *Vita Hludovici*, написанной Астрономом, биографом императора, в главах с 1-й по 21-ю (основанных на материалах некоего благородного Адемара [1, s. 284]), мы наблюдаем образ, который стоит особняком не только от описания второго императора франков в остальной части произведения, но и от остальной каролингской исторической литературы.

Чтобы понять уникальность данного образа, рассмотрим, как представлен Людовик Благочестивый в других источниках. Наш выбор падёт на последующие главы *Vita Hludovici* (22–64, охватывающие период 814–840 гг.), *Gesta Hludovici* Тегана, хорепископа Трирского, *Annales Regni Francorum* за 821–829 гг., а также в *Historiarum libri quattuor* Нитхарда.

В *Vita Hludovici* и *Gesta Hludovici* портрет императора во многом схож. В обоих произведениях он наделён одинаковыми чертами: умеренностью, благочестием, мудростью и щедростью [1, s. 201, 279–284]. И у Тегана, и у Астронома Людовик не виноват в раздоре внутри королевства. Повествуя о событиях 830 г., оба автора находят виновных в смуте: Теган перечисляет конкретные имена [1, s. 222–224], а Астроном упрекает целую группу аристократов, недовольных влиянием королевы Юдифи и её фаворита Бернара Септиманского, называя их «хищными псами и птицами, ищущими в чужом ущербе собственную выгоду» (*more canum aviumque rapacium, alienum detrimentum suum quaerunt fieri suppletionis augmentum*) [1, s. 454–456]. В рассказах о событиях на «поле лжи» 833 г. хорепископ Трира подчёркивает милосердие императора, а Астроном вводит в повествование дьявола как главного врага Людовика [1, s. 229, 472]. *Vita* и *Gesta* не противоречат друг другу при создании образа императора, а напротив, взаимодополняют.

В *Gesta* Теган рисует точный портрет Людовика, описывая его внешность, характер, привычки и эрудицию [1, s. 201–208]. В этом отношении *Gesta* явно ориентируется на *Vita Karoli Magni* Эйнхарда, где также дано подробное описание Карла Великого (хотя и более обширное) [2, s. 21–31]. Астроном же акцентирует больше внимание на милосердии и благочестии Людовика. Как отметил И.Д. Гайворонский, называя императора «величайшим из величайших» (*permaximus erat*), Астроном подчёркивает, что величие Людовика зиждется именно на его благочестии и христианских добродетелях [3, с. 297].

Главное в обоих произведениях — Людовик изображён как эталонный правитель, достойно управляющий государством, унаследованным от отца и поддерживаемым народом и знатью *Regnum Francorum*.

Различий в деталях, конечно, немало. Например, Теган и Астроном сохраняют недостатки Людовика, но важно, как каждый автор их объясняет. Астроном отмечает, что соперники приписывали императору «чрезмерную милосердность» (*nimis clemens*), однако автор Vita, цитируя Второе послание к коринфянам, просит читателя простить Людовика [1, s. 284]. В дальнейшем он лишь восхищается милосердием императора, сетуя, что дурные люди злоупотребляли этим качеством. Теган же видит единственный недостаток Людовика в том, что он слушал плохих советников — архиепископа реймсского Эбо [1, s. 232], а также Лотаря с его «нечестивыми советниками» (*impiorum consiliariorum*) [1, s. 244]. Этот мотив проходит через всё сочинение *Gesta* [3, с. 292–293]. При этом Теган не обвиняет императора в самих злодеяниях, а лишь в том, что он не предостерёг себя от дурных советов [1, s. 242]. Так, описывая смерть Бернарда Итальянского от пыток, Теган снимает ответственность с Людовика, перекладывая её на советников [1, s. 211–213].

Существенным различием является и мотив написания произведений. Астроном ставил прежде всего дидактические цели, о чём сообщает в предисловии к *Vita* [1, s. 280–284]. Как справедливо отметил А.С. Сидоров, предполагаемая аудитория произведения казалась Астроному значительно шире: «“Жизнеописание Людовика” должно было служить примером всякому доброму христианину (умеющему читать, что само по себе указывало на социальный статус), наставлять его в вере и добродетелях, ориентируя на подражание» [4, с. 107].

Своей мотивации написать *Gesta* Теган прямо не формулирует, но её можно проследить в сюжете. Во-первых, это рефлексия на события 833 г. и поиск их причин (вина возлагается на Лотаря и его окружение). Во-вторых, осуждение Эбо (вероятно, из-за его программы на Парижском синоде 829 г., где он предложил ограничить полномочия хорепископов, чему, в частности, и противился Теган [3, с. 144]). Осуждение Эбо занимает крупнейшую главу и стилистически выделяется из анналистического повествования, превращаясь в личное послание к епископу — приём, который, как справедливо отметил А.С. Сидоров, восходит к проповеднической традиции [3, с. 145].

В целом, несмотря на жанровые и стилистические различия, оба автора создают взаимодополняющий образ монарха.

Похожую картину мы наблюдаем в *Annales Regni Francorum* (далее — ARF), в части, повествующей о событиях 820–829 гг. Вероятным автором этих записей был аббат Хильдуин, который, по сообщению Астронома, был отослан от двора в 830 г., тогда как ARF прерываются

на 829 г. [1, s. 460–462]. Эта часть отличается особым стилем: анналист уделяет внимание погодным (часто аномальным) явлениям [6, s. 157; 6, s. 166–167], а также историям о святых и чудесах [5, с. 88–89].

Главное же в том, что автор восхищается милосердием и благочестием Людовика. Так, в записи за 821 г. он говорит об «исключительном милосердии благочестивейшего императора» (*piissimi imperatoris misericordia singularis*) [6, s. 156]. В записи за 822 г. характеризует знаменитое публичное покаяние Людовика в Аттиньи: «он провёл его в присутствии всего народа, и в нём постарался с величайшим благочестием исправить всё подобное, что могло быть совершено им самим или его отцом», подчёркивая «величайшее благочестие» (*summa devotione*) императора [6, s. 158]. В записи за 825 г. рассказывается, как Людовик простил бретонского правителя Виомарка, который, однако, «с языческим вероломством» (*gentilicia perfidia*) нарушил клятву. Хотя анналист прямо не восхищается поступком Людовика, предательство вызывает его явное негодование [6, s. 167].

Таким образом, ARF 820–829 гг. развивают тот же нарратив, что и Астроном, представляя Людовика прежде всего благочестивым и милосердным.

Далее мы обратимся к Сен-Бертинским анналам, которые создавались как продолжение *ARF* [7, с. 24], и охватывают историю правления Людовика периода 830–840-е гг. В этом источнике мы также наблюдаем образ милосердного и благочестивого императора Людовика. В записи за 831 г. Людовик проявляет «свойственное ему милосердие» (*solita pietate*), а мятеж сыновей «потревожил благочестивое сердце (душу) родителя» (*genitoris pium commovit animum*) [8, s. 3]. Пассаж о «привычном милосердии» (*solita pietate*) повторяется в записи за 832 г. [8, s. 5].

Во второй части Бертинских анналов, написанных другим автором, сохраняется последовательность в описании образа императора. Так, в записи за 837 г. описывается послание к Пипину (сыну Людовика), в котором просят его вернуть украденное имущество церквей в Аквитании, подражая в этом поступке «благочестию своего отца» (*piissimi genitoris sui*) [8, s. 13]. В записи за 839 г. проводится сравнение «нечестивого сына» (Людовик Немецкий) и «благочестивого отца» (*hac pio patre, illac impio filio*) [8, s. 17]. В той же записи Людовик прощает Лотаря с «отцовской благожелательностью» (*paterno suscipere affectu*) [8, s. 21].

Образ благочестивого и милосердного Людовика мы видим и в *Historiarum libri quattuor* Нитхарда. Хотя это произведение в основном сосредоточено на событиях 840-х гг., уже в первой книге можно выделить

характерные черты портрета Людовика. В предисловии Нитхард, обращаясь к Карлу Лысому, называет его отца «благочестивым» (*pii patris vestri*) [9, s. 1]. В VI главе Людовик передаёт сыну Карлу земли «с божественной и отцовской властью» (*cum auctoritate divina atque paterna*) [9, s. 9]. А в XI главе император, как «благочестивый и милосердный отец» (*Idem autem ut pius ac clemens pater*), прощает своего сына Лотаря [9, s. 11].

Итак, подводя итог анализа вышеуказанных произведений, можно сказать, что в каждом из источников портрет императора представлен практически одинаково. Незначительные различия в образе встречаются лишь у Тегана и Астронома. Во всех случаях Людовик наделён одной главной чертой — благочестием; кроме того, он предстаёт неповинным в восстаниях сыновей и показан как достойный правитель, управлявший империей на протяжении всей своей жизни. Можно сказать, что образ Людовика в исторической литературе был создан определённой группой образованных людей, которые в основном одинаково интерпретировали исторические события времени правления императора Людовика (хотя, конечно, с большим количеством уникальных для каждого разобранного выше текста деталей) и строили похожие образы императора.

Комментируя вышеописанный образ Людовика, необходимо вспомнить известную монографию “The Penitential State: Authority and Atonement in the Age of Louis the Pious” (814–840) Майка де Йонге. В ней доказывается, что милосердие Людовика Благочестивого связано с концепцией божественной власти. Склонность императора прощать врагов, которую некоторые считали слабостью, трактуется как сознательная христианская добродетель. Императорское прощение выступает «претензией на трансцендентную власть», то есть подражанием милости Бога. Таким образом, царское милосердие понималось как отражение Божьей милости и служило источником легитимности в политической теологии каролингов. [10, p. 260–261]. Исходя из этого, однородность образа Людовика начинает вызывать меньше вопросов, ведь авторы разбираемых выше источников либо хотели через описание благочестия Людовика показать его высокий уровень легитимности, либо уже следовали заранее заложенным тенденциям.

Рутгер Крамер в своей монографии “Rethinking Authority in the Carolingian Empire. Ideals and Expectations during the Reign of Louis the Pious” (813–828) обнаруживает то, что образ милосердного короля как идеального правителя формируется уже в первое десятилетие правления Людовика, в результате активной работы императора и интеллектуальной элиты государства над церковными реформами [11, p. 72–74]. Такой об-

раз, например, проявляется в тексте *Institutio canonicorum. Via Regia* аббата Смарагда, адресованная лично Людовику, также представляет милосердие как одну из главных добродетелей идеального монарха [11, p. 136–137].

Перейдём к той части *Vita Hludowici* Астронома, где описана юность Людовика Благочестивого. Как мы писали выше, это часть занимает главы 1–21. Главы 1–2 написаны, очень вероятно, по материалам *Vita Karoli Magni* Эйнхарда [1, s. 75], в то время как главы 3–21 написаны по материалам монаха Адемара, которого сам Астроном называет "*nobilisimi*" (благородный). Нас интересует то, что Астроном не чуждается текстуальных ставок и стилистических переработок своих письменных источников, это хорошо заметно в части *Vita*, которая опирается на *Annales Regni Francorum.* Астроном весьма творчески перефразировал текст, добавляя и убирая моменты, которые не соотносились с его видением текста и образа Людовика Благочестивого [4, с. 109–113]. Значит, такой же метод должен был быть использован при пересказе текста Адемара. Однако мы не можем сказать, насколько точно в *Vita* воспроизведен текст, который не сохранился в рукописной традиции. Нам остаётся лишь находить фразы и отрывки, которые стилистически схожи с остальным текстом Астронома.

Какой же образ Людовика Благочестивого мы встречаем в главах 1–21? Ну, во-первых, это всё тот же образ праведного и милосердного государя. Так, Астроном пишет, что милосердие было свойственно Людовику с малых лет (*et misericordiae, quae sibi genuina probatur*) [1, s. 304], при административной реформе он рассуждает как «муж милосердный» (*vir misericordiae*) [1, s. 304]. Думая, как отблагодарить Бога, который помог франкам взять Барселону, Людовик решает устроить религиозную процессию [1, s. 324]. Людовик настолько праведный, что даже думает оставить мирскую жизнь и уйти в монастырь, подобно своему дяде Карломану [1, s. 334]; даже женится он для того, чтоб не погрузиться в похоть [1, s. 306].

Но самое главное, что в этой части *Vita* мы находим такой образ Людовика, который впоследствии не повторяется в каролингской литературе. Это образ «достойного сына». Как же он проявляется? Людовик беспрекословно следует воле отца. Это отмечается обычно, как небольшой комментарий, после описания приказов Карла. Так, в главе 4 Людовик «беспрекословно» (*oboedienter*) прибывает к отцу из Аквитании [1, s. 294]. Подобная модель поведения Людовика наблюдается и в главах 9, 10, 12, 14, 15, однако там отношения между сыном и отцом не являются центральным сюжетообразующим элементом, в отличие от других

разделов *Vita*, где автор уделяет им пристальное внимание. Так, в главе 6 Астроном описывает то, как Карл давал своему сыну нравоучения, суть которых была в том, что нельзя уделять внимание личным вещам во вред вещам общего характера [1, s. 303]. В главе 7 Карл поздравляет Людовика с успехом проведения налоговой реформы в Аквитании и, подражая сыну, повторяет некоторые положения его преобразований [1, s. 306]. В главе 11 Карл, проявляя отцовскую любовь, горячо обнимает и целует сына, говоря, что его радует послушание Людовика [1, s. 310–312].

Пик отношений отца и сына показан в главах 19 и 20. Так, Астроном вставляет прямые слова Карла Великого, который восхищается своим сыном, превознося его мудрость. «О, — сказал он [Карл. — *А.Т.*], —друзья, порадуемся, что мы побеждены старческой мудростью этого юноши!» («*О», inquit, «sotii, victos nos gratulemur iuvenis huius senili sagacitate»).* В главе 20 описано то, как Людовик прибывает к отцу, который в это время уже находится при смерти, получает от него все наставления и затем коронует его императором-соправителем. Карл отправляет сына в Аквитанию и затем умирает. Астроном добавляет такую характеристику отношениям Карла и Людовика: «Умер праведник, и как будто не умер, ибо оставил после себя подобного себе сына-наследника». («Mortuus est vir iustus, et quasi non est mortuus, similem enim sibi reliquit filium heredem.»)

Представленные выше примеры являют нам уникального Людовика Благочестивого, он показан не как благочестивый монарх, а как праведный сын, покорно исполняющий отцовскую волю. Конечно, образ хорошего сына встречается и у Тегана. Таким в *Gesta Hludovici* показан Людовик Немецкий в противовес своему брату Лотарю. Младший сын императора показан как оплот стабильности в государстве, несмотря на участие того в событиях 833 г. [1, s. 220, 222–224, 238, 241] (как справедливо отметил А.О. Волынец, противопоставление Людовика Немецкого и Лотаря хорошо укладывается в библейскую парадигму о более высокой праведности младших сыновей по сравнению со старшими [12, с. 3–6]).

Однако портрет Людовика Немецкого в *Gesta Hludovici* и образ молодого Людовика Благочестивого в *Vita Hludovici Imperatoris* Астронома существенно различаются. Это различие заключается как минимум в следующем: в *Gesta* хвалебные эпитеты распространяются не только на самого короля, но и на его советников. Образ младшего сына императора выстроен как прямой противовес коварному Лотарю и его окружению. В то же время Астроном, создавая образ «достойного сына», преследует иную цель — повышение легитимности Людовика Благочестивого в глазах читателя. Он подчёркивает, что последний неукоснительно следовал

воле своего отца, Карла Великого, достойно унаследовав империю. Также образ, построенный Астрономом куда более проработан, его описания содержат цитаты, которые автор *Vita* приписывает Карлу Великому, и вообще Астроном весьма подробно описывает отношения отца и сына, и, можно даже сказать, некую их «эволюцию», от нравоучений отца к сыну (глава 6), до достойного преемника престола (главы 19, 20).

Данная эволюция характера позволяет отделить главы 1–21 в *Vita* от других франкских биографических произведений первой половины IX в. И у Эйнхарда, и у Тегана образ главного героя статичен и не меняется по ходу произведения. В этом плане можно говорить об уникальности *Vita Hludovici* в построении образа монарха.

Ханс-Вернер Гёц, разбирая представления Астронома о власти, вывел целый ряд интересных положений. Во-первых, у Астронома государство — это *res publica,* что в свою очередь подразумевает *cura regni* — обязанность о попечении в порядке государства. Такой обязанностью обладал Карл Великий, который оставил «королевство в смятении» (*confusum relinqueret regnum*) [1, s. 342], то есть подразумевается, что государство может быть в порядке, а это, в свою очередь, показывает, что автор *Vita* имел представление об идеальном порядке в государстве [13, p. 25–26]. Соответственно, главная задача короля — сохранять порядок в государстве

Во-вторых, Вернер Гёц также отмечает, что в *Vita* есть три вида понятия власти. *Regnum Francorum* — королевство франков, этническая коннотация понятия власти. *Proprium regnum* — личная власть короля над государством. И последнее — публичная власть, которую Вернер Гёц называет немецким термином *Herrschaft,* подразумевая лично-правовую форму власти сеньора над зависимыми людьми и землями, основанную на феодальных и патримониальных связях (к *Herrschaft* можно отнести, например, также и участие в королевском дворе). И у каждого вида власти была своя *cura regni* [13, s. 26–27].

Из приведённых Вернером Гёцем положений и на основе выше сделанного анализа *Vita* напрашивается вывод, что Астроном, изменив по ходу произведения образ Людовика с хорошего сына на милосердного государя, также меняет своё отношение и в системе власти франкского королевства, выстроенного в *Vita,* то есть с *Herrschaft* на *Proprium Regnum,* изменив также и свой *cura regni* — на поддержание порядка в государстве.

Интересно то, что Теган описывает эти события примерно похожим образом: подробно показан ритуал коронации, а после церемонии они об-

нялись «и поцеловались и, радуясь любви, начали плакать» (*amplexantes enim se et osculantes, propter gaudium amoris flere coeperunt)* [1, s. 184], и Людовик отправился в Аквитанию. Однако в данном случае будущий император своего положения в общественной иерархии не меняет, так как из-за отсутствия описания ранней жизни Людовика мы не можем зафиксировать уникальную для *Vita Hludovici* смену образа, за которой следует смена с *Herrschaft* на *Proprium Regnum.* По сути, Людовик у Тегана отправляется обратно в Аквитанию сразу после своей коронации соправителем, тем самым политическая ситуация никак не поменялась [14, p. 56].

Через образ Людовика, как хорошего сына, перед нами предстаёт эталонный пример исполнения своего *cura regni* для того, кто состоит в *Herrschaft.* Людовик всегда покорен отцу-сюзерену, достойно исполняет свои как административные, так и военные обязательства, благодаря чему получает похвалу от сюзерена. Получается, что в каком-то смысле Астроном нам также даёт и образ идеального вассала в королевстве франков XIX в.

Подводя итог, можно сказать, что образ Людовика в первой части *Vita Hludovici* действительно уникален. Во-первых, в ней представлена эволюция образа по ходу произведения, что несвойственно исторической каролингской литературе. Во-вторых, в образе молодого Людовика можно в целом проследить идеальные отношения отца и сына, вассала и короля, для человека рассматриваемого периода.

Список источников и литературы

1. *Astronomus.* Vita Hludowici imperatoris // *Theganus*, Gesta Hludowici imperatoris — Astronomus, Vita Hludowici imperatoris / hrsg. von E. Tremp. Hannover: Hahn, 1995. (MGH Scriptores rerum germanicarum; 64).
2. *Einhard.* Vita Karoli Magni / hrsg. von G.H. Pertz, G. Waitz, O. Holder-Egger. Hannoverae: Impensis Bibliopolii Hahniani, 1911. (MGH Scriptores rerum Germanicarum; 25).
3. *Гайворонский И.Д.* Образ власти в каролингской литературе VIII–IX веков: дис. … канд. ист. наук. СПб., 2016.
4. *Сидоров А.И.* Отзвук настоящего: историческая мысль в эпоху каролингского возрождения. СПб.: ИЦ «Гуманитарный центр», 2006.
5. *Сидоров А.И.* Анналы королевства франков: прошлое на службе настоящего // Проблемы истории, филологии, культуры. 2010. № 4. С. 75–93.
6. Annales regni francorum qui dicuntur annales laurissenses maiores et Einhardi / hrsg. von F. Kurze. Hannover, 1895. 204 s. (MGH Scriptores rerum germanicarum; 6).

7. *Сидоров А.И.* В поисках исчезающего времени (к вопросу о феномене средневековой анналистики) // Средние века. 2018. Т. 79. № 3. С. 14–43.
8. Annales Bertiniani / hrsg. von G. Waitz. Hannoverae: Impensis bibliopolii Hahniani, 1883. 173 s. (MGH Scriptores rerum Germanicarum; 5).
9. *Nithard*. Historiarum libri / hrsg. von E. Müller. Hannover: Hahn, 1907. 61 s. (MGH Scriptores rerum germanicarum; 44).
10. *Mayke de Jong*. The Penitential State: Authority and Atonement in the Age of Louis the Pious, 814–840. Cambridge, 2009.
11. *Rutger Krammer.* Rethinking Authority in the Carolingian Empire. Ideals and Expectations during the Reign of Louis the Pious (813–828). Amsterdam, 2019.
12. *Волынец А.О.* Политико-идеологическая концепция Тегана трирского «нравственного превосходства» младших сыновей в контексте политической истории державы франков IX в. // Веснік Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя І.П. Шамякіна, 2009.
13. *Goetz H.-W.* The Perception of “Power” and “State” in the Early Middle Ages: The Case of the Astronomer’s “Life of Louis the Pious” // Representations of Power in Medieval Germany: 800–1500 / Eds. B. Weiler, S. MacLean. Turnhout, 2006. P. 15–36.
14. *Starostin D.N.* Carolingian History and the Historians’ Metanarrative // *História da Historiografia*. No. 26. 2018. P. 40–68.

УДК 94(363)+94(368)+82–131

Косолапов Т.О.
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
факультет гуманитарных наук,
студент бакалавриата.
E-mail: timkosolap@yandex.ru,
tokosolapov@edu.hse.ru

«Кто обречён был смерти, тот смерти не избег»: реминисценция германо-скандинавской эсхатологии в «Песне о Нибелунгах»

Аннотация. В статье ставится вопрос о том, насколько сюжет немецкой «Песни о Нибелунгах» можно трактовать как реминисценцию древнескандинавского мифа о Рагнарёке. Работая в компаративистском ключе, автор стремится выявить общие закономерности развития двух историй: падения Нибелунгов и гибели асов, в рамках проверки гипотезы о возможном единстве эсхатологического сценария для богов и героев.

Ключевые слова: Песнь о Нибелунгах, Рагнарёк, Старшая Эдда, Младшая Эдда.

Kosolapov T.O.
National Research University
Higher School of Economics,
Faculty of Humanities,
Bachelor's Programm Student.
E-mail: timkosolap@yandex.ru,
tokosolapov@edu.hse.ru

«So All Those Warriors Fated by Hand of Death Lay Strewn»: Reminiscence of the Norse Eschatology in the Nibelungenlied

Abstract. The article raises the question of whether the plot of the Nibelungenlied can be interpreted as a reminiscence of the Norse myth of Ragnarök. Working in a comparative manner, the author tries to discover common patterns in the two stories, the fall of the Nibelungs and the demise of the Æsir, as a part of testing the hypothesis of a unity in the eschatological scenario for gods and heroes.

Keywords: Nibelungenlied, Ragnarök, Elder Edda, Younger Edda.

Немецкая «Песнь о Нибелунгах» и исландские «Эдды» («Старшая Эдда» и «Младшая Эдда») традиционно представляются нам главными произведениями германского героического эпоса, несущими в себе, как кажется на первый взгляд, две различные традиции: с одной стороны, куртуазно-рыцарскую, свойственную аристократической культуре христианской Европы Высокого Средневековья, а с другой — куда более архаичную, языческую. Представляется очевидным, что подобное разделение следует считать весьма условным, ибо, как это хорошо известно, «Песнь о Нибелунгах» во многом является пусть и «осовремененной» её автором — человеком XIII в., но тем не менее, формой изначальной германской легенды (или множества легенд) о Зигфриде, его убийстве и последующем падении бургундского королевского дома, нашедшей отражение в том числе в песнях о героях уже упомянутой «Старшей Эдды», «Языке поэзии» «Младшей Эдды», а также «Саге о Вёльсунгах» и «Саге о Тидреке».

Элементы архаичного германского мировоззрения в этой легенде неизменно фигурируют, и число их колеблется в зависимости от конкретной вариации. Применимо же к «Песни о Нибелунгах», как это в своё время было отмечено А.Я. Гуревичем, особенно важна «старинная германская вера в Судьбу, которую надлежит активно принять» [1, с. 25]. Условно обозначив эту веру понятием «мифологический фатализм», мы, учитывая её прямое отношение к древнегерманской культуре, также должны обратить внимание не только на неё, как на элемент сюжета или характеров персонажей «Песни», но и на то, во что эта вера трансформировалась в культуре миннезанга Высокого Средневековья, и как это повлияло на «Песнь». В этом отношении наше внимание привлекает автор поэмы, а точнее, его манера изложения событий: начиная с метафорического сна Кримхильды и необъяснимой печали нидерландского двора во время отбытия Зигфрида в Вормс и вплоть до самого финала он держит читателя в напряжении, регулярно омрачая повествование не только образными намёками, но и прямыми «напоминаниями» о трагическом конце истории, тем самым по сути превращая «Песнь» в одно большое пророчество, неизменно обречённое сбыться. Показательно, что даже на самую первую авентюру приходится сразу несколько авторских «предвестий»:

«Всем взяли — и отвагой, и щедростью они,
И род их достославный был знатен искони.
Владели эти братья Бургундией втроём,
И многих гуннов Этцеля сразил их меч потом».

«На Рейне в Вормсе жили с дружиной короли,
И верность нерушимо вассалы их блюли:
Не изменили долгу герои даже там,
Где смерть им уготовила вражда двух знатных дам»[1] [1, с. 359].

«То был тот самый сокол, что снился ей во сне.
И страшно отомстила она потом родне,
Кем у неё был отнят супруг и господин,
Погибли многие за то, что принял смерть один»[2] [1, с. 361].

Очевидно, что столь частое обращение автора к теме Злого Рока не может не сказываться на общем восприятии «Песни»: ощущение надвигающейся катастрофы, и притом катастрофы глобальной, сопутствует практически всем событиям поэмы. Максимально расплывчатая формулировка «Погибли многие за то, что принял смерть один» («durch sîn eines sterben starp vil maneger muoter kint») заведомо указывает на связь между гибелью абстрактного множества людей и гибелью конкретного человека. Разумеется, возникает вопрос о масштабе грядущей трагедии, но отвечать на него напрямую автор не торопится; он говорит намёками, вкладывая в уста Кримхильды одну из главных своих идей: «…платит страданием за счастье человек» [1, с. 361] («… liebe mit leide ze jungest lônen kan» [2, s. 3]). Эта строка в некотором роде легитимирует все дальнейшие события «Песни», входящие таким образом в некий цикл общемирового порядка, завершающийся неотвратимой массовой гибелью. Вновь принимая во внимание родство «Песни о Нибелунгах» как со своими «двойниками» в лице песен из

---

[1] «Die herren wâren milte, von arde hôhe erborn,
mit kraft unmâzen küene, die recken ûz erkorn.
dâ zen Burgonden sô was ir lant genant.
si frumten starkiu wunder sît in Etzelen lant.
Ze Wormze bî dem Rîne si wonden mit ir kraft,
in diende von ir landen vil stolziu ritterscaft
mit lobelîchen êren unz an ir endes zît.
si sturben jæmerlîche sint von zweier edelen frouwen nît» [2, s. 1].

[2] «Der was der selbe valke, den si in ir troume sach,
den ir besciet ir muoter. wie sêre si daz rach
an ir næhsten mâgen, die in sluogen sint!
durch sîn eines sterben starp vil maneger muoter kint» [2, s. 3].

«Эдды» и нескольких саг, так и в целом с остальным германским эпосом, трудно избежать предположения о некоторой связи между предвестиями всеобщего конца в этих произведениях. Поставив вопрос, пусть и достаточно острый и радикальный, мы сформулируем его так: может ли трагический сюжет «Песни о Нибелунгах» быть своего рода воспоминанием об ином, куда более масштабном сюжете германо-скандинавской мифологии, имеющем подлинное эсхатологическое происхождение — Рагнарёке? Быть может, авторский фатализм, идущий из глубин архаичного мировоззрения, на самом деле описывает нечто куда большее; не просто гибель королевского дома, но гибель богов? Этому вопросу и посвящено исследование. Задача же его, соответственно, заключается в сравнительном анализе легенды о Нибелунгах (то есть «Песни» и прочих вариаций её сюжета в иных произведениях) и изложенной в обеих «Эддах» легенды. И в первую очередь нам следует обратиться к тем героям, с которых и началась история. К тем, чья смерть погубила всех в обоих мирах.

I. Зигфрид и Бальдр: начало конца

С самого начала «Песни о Нибелунгах» автор намеренно идеализирует её главного героя, Зигфрида, придавая ему красоту, славу и непревзойдённое благородство, традиционные для эпического героя. Он делает его всеобщим любимцем, и в этом отношении весьма показательно то, что Зигфрид является единственным персонажем, фигурирующим в истории с самого её начала, которого можно, пусть и достаточно условно, назвать абсолютно положительным. Хотя автор в целом воздерживается от моральной оценки своих героев и даже когда к этому прибегает, старается особо не акцентировать внимание на чьих-либо поступках, отделавшись как минимум лишь парой осуждающих или восхваляющих эпитетов, а как максимум строкой, в этом же случае он не просто подаёт Зигфрида как идеального героя, но и регулярно делает на этом акцент, во многом, вполне вероятно, для создания большего эффекта от его последующего убийства Хагеном и Гунтером:

> «Ещё юнцом безусым был королевич смелый,
> А уж везде и всюду хвала ему гремела.
> Был так высок он духом и так пригож лицом,
> Что не одной красавице пришлось вздыхать о нём.

Отменно воспитали родители его,
Хоть был природой щедро он взыскан без того.
Поэтому по праву воитель молодой
Считался украшением страны своей родной»[3] [1, с. 361].

Наивность Зигфрида, его неспособность увидеть обман и почувствовать растущую угрозу в равной мере или, возможно, даже больше, украшают его в глазах автора и предполагаемого читателя, создают из него героя-жертву, чьё сознание настолько благородно, что не способно ни воспринять, ни даже заподозрить клятвопреступление и предательство. В эддической традиции аналогичным героем выступает второй сын Одина, Бальдр. Очень схожее с Зигфридом описание ему даёт «Младшая Эдда»: «О нём [Бальдре] можно сказать только доброе. Он лучше всех, и его все прославляют. Так он прекрасен лицом и так светел, что исходит от него сияние. <…> Он самый мудрый из асов, самый сладкоречивый и благостный»[4] [3, с. 42]. Иными словами, Бальдр «светлейший и благороднейший» из всех богов, как и Зигфрид из всех героев.

Этот аспект крайне значим, ибо здесь мы подходим к одной из самых важных параллелей между сюжетами сказаний о богах и легенды о Нибелунгах, а именно к убийству; в первом случае — Бальдра, а во втором — Зигфрида/Сигурда. Как известно, узнав о мрачных вещих снах своего сына, богиня Фригг «взяла клятву с огня и воды, железа и разных металлов, камней, земли, деревьев, болезней, зверей, птиц, яда и змей, что они не тронут Бальдра»[5] [3, с. 81]. Это, конечно же, не понравилось Локи, который, обманув Фригг, выведал, что та не взяла клятву лишь

---

[3] «In sînen besten zîten, bî sînen jungen tagen,
man möhte michel wunder von Sîvride sagen,
waz êren an im wüehse und wie scœne was sîn lîp.
sît heten in ze minne diu vil wætlîchen wîp.

Man zôch in mit dem vlîze als im daz wol gezam.
von sîn selbes muote waz tugende er an sich nam!
des wurden sît gezieret sînes vater lant,
daz man in zallen dingen sô rehte hêrlîchen vant» [2, s. 4].

[4] «Annarr sonr Óðins er Baldr, ok er frá honum gott at segja. Hann er beztr, ok hann lofa allir. Hann er svá fagr álitum ok bjartr, svá at lýsir af honum <…> Hann er vitrastr ásanna ok fegrst talaðr ok líknsamastr…» [4, s. 42].

[5] «Frigg tók svardaga til þess, at eira skyldu Baldri eldr ok vatn, járn ok alls konar málmr, steinar, jörðin, viðirnir, sóttirnar, dýrin, fuglarnir, eitrit, ormarnir» [4, s. 88].

с молодого и, казалось бы, безобидного побега омелы. Воспользовавшись слепотой брата Бальдра, Хёда, Локи обманом побудил[6] его убить того, бросив[7] в него острый побег. На первый взгляд может показаться, что никаких параллелей с убийством Зигфрида здесь нет, однако в данном контексте нам следует обратиться к той версии легенды, что изложена в «Саге о Вёльсунгах» и «Языке поэзии», где Гуннар, связанный с Сигурдом узами клятвы побратимства и оттого неспособный убить его лично, послал на это дело слабоумного и предварительно напоённого пивом и зельями Готторма. Так, в обоих случаях убийство было совершено не напрямую, но с помощью определённого исполнителя, введённого в заблуждение тем или иным способом. Если же отбросить расхождения, вызванные попросту разным сюжетом (например, моментальную гибель Готторма от меча Сигурда, когда тот же Хёд выживет и даже переживёт Рагнарёк), то сами по себе сценарии убийства героя выглядят крайне схожими. Абстрагируясь же от «Саги о Вёльсунгах», нельзя не обратить внимание также на «ахиллесову пяту» обоих героев. В случае с Бальдром таковой, соответственным образом, является побег омелы, а в случае с Зигфридом из «Песни о Нибелунгах» — это уязвимое место на его спине, куда в своё время не попала волшебная кровь Фафнира. В этом отношении диалог Хагена с Кримхильдой, в котором она, не ожидая беды, выдаёт слабое место своего мужа, неизменно вызывает ассоциацию с беседой Локи и Фригг, из которой он, приняв другой облик, и узнаёт об уязвимости Бальдра. Стоит отметить, что схожести этих двух микросюжетов уже уделялось внимание. Так, А. Хойслер в своей работе «Германский героический эпос и сказание о Нибелунгах» пишет: «Эпизод этот [разговор Локи и Фригг] очень созвучен по настроению

---

[6] «Локи вырвал с корнем тот побег омелы и пошёл на поле тинга. Хёд стоял в стороне от мужей, обступивших Бальдра, ибо он был слеп. Тогда Локи заговорил с ним: “Отчего не метнёшь ты чем-нибудь в Бальдра?” Тот отвечает: “Оттого, что я не вижу, где стоит Бальдр, да и нет у меня оружия”. Тогда сказал Локи. “Всё ж поступи по примеру других и уважь Бальдра, как и все остальные. Я укажу тебе, где он стоит; метни в него этот прут”» [3, с. 82].
Оригинал: «Loki tók Mistiltein ok sleit upp ok gekk til þings. En Höðr stóð útarliga í mannhringnum, því at hann var blindr. Þá mælti Loki við hann: “Hví skýtr þú ekki at Baldri?” Hann svarar: “Því, at ek sé eigi, hvar Baldr er, ok þat annat, at ek em vápnlauss”. Þá mælti Loki: “Gerðu þó í líking annarra manna ok veit Baldri sæmð sem aðrir menn. Ek mun vísa þér til, hvar hann stendr. Skjót at honum vendi þessum”» [4, s. 89–90].

[7] Важен контекст: боги бросали в Бальдра камнями, дабы удостовериться, что те не причиняют ему вреда.

аналогичному эпизоду в немецкой книге [то есть в “Песни”], но всё это внесено было в историю Зигфрида лишь около 1200 года; нечего и думать, чтобы Зигфрид, Кримхильда и Хаген происходили от богов Бальдра, Фригг и Локи!» [5, с. 160–161]. В позиции Хойслера трудно усомниться, ибо каким бы ни был соблазн представить Зигфрида, Кримхильду и Хагена как воплощения асов (особенно учитывая, что Сигурд в «Старшей Эдде» единожды упоминается через кеннинг «Бальдр войска» («herbaldr») [1, с. 295; 6, s. 224.]), это в некоторой степени идёт вразрез с легендарной первоосновой, где Сигурд, Гудрун и Хёгни существуют с богами в одном мире, и те даже периодически фигурируют в повествовании, да и сама «ахиллесова пята» является блуждающим сюжетом. Однако в то же время ничто не мешает представить героев как своего рода реминисценцию образов богов, как и ничто не мешает позднему сюжету быть проявлением сюжета архаичного, восходящего в том числе к изначальной германской традиции.

Так или иначе, в обеих легендах мы наблюдаем фактически синонимичную картину: убийство честнейшего и благороднейшего; нарушение баланса, конец символического «золотого века» и начало конца. Вслед за гибелью Бальдра последует Фимбульвинтер, а затем и Рагнарёк. Вслед за смертью Зигфрида придёт час злополучного пира у Этцеля, где в знак мести за убитого все Нибелунги падут от рук Кримхильды и гуннской армии. «Сага о Вёльсунгах» даёт расплывчатый, но примечательный комментарий похоронам Сигурда, будто бы намекая на истинный смысл всего произошедшего: «И тут умерла Брюнхильд и сгорела вместе с Сигурдом, *и так завершился их век*»[8] [7, с. 209]. Учитывая также и то, что незадолго до этого Гудрун, порицая Гуннара и Хёгни, сказала, что «выступите вы теперь в поход, и когда дойдёт до первой битвы, тогда увидите вы, что нету Сигурда у вас под рукой, и поймёте вы, что в Сигурде была ваша удача и сила»[9] [7, с. 205], можно, пусть и с некоторой осторожностью, утверждать, что его смерть стала своего рода границей между относительно благополучной жизнью дома Гьюкунгов и грядущей чередой несчастий. Иными словами, выражаясь метафорически, со смертью

---

[8] «Ok eftir þetta deyr Brynhildr ok brann þar með Sigurði, ok lauk svá þeira ævi» [8, s. 212].

[9] «Nú munu þér ríða í her fyrst, ok er þér komið til bardaga, þá munu þér finna, at Sigurðr er eigi á aðra hǫnd yðr, ok munu þér þá sjá, at Sigurðr var yður gæfa ok styrkr» [8, s. 210].

Сигурда завершился век Бальдра, или же, цитируя «Младшую Эдду», «*так свершилось величайшее несчастье для богов и людей*»[10] [3, с. 82].

Наконец, даже если рассматривать грядущую месть Кримхильды за Зигфрида как отражение лишь уже более поздней, феодальной морали, где муж становится много ближе и важнее братьев, на что указывает М.И. Стеблин-Каменский в примечаниях к «Гренландской песни об Атли» [1, с. 695], и что, как может показаться, препятствует трактовке эпизода с убийством Зигфрида как фаталистической реминисценции архаичного мифа, её, однако, всё же подтверждает скандинавский «Отрывок песни о Сигурде», где убийство героя абсолютно аналогичным образом представляется предвестием великой трагедии, и сообщает об этом ворон — посланник Одина в мире людей:

«Убит был Сигурд,
к югу от Рейна, —
с дерева ворон
каркнул громко:
“*Атли о вас*
клинки окровавит!
Злобных убийц
Клятвы погубят!”»[11] [1, с. 289]

II. Хаген, Локи и Один: истинный главный герой

Хаген фон Тронье, как известно, убийца Зигфрида в «Песне о Нибелунгах» и в то же время противник этого преступления в эддической традиции. Этим фактором во многом подтверждается несостоятельность его сравнения с Локи, убийцей Бальдра, и хотя некоторая схожесть в роли этих героев в двух легендах всё же будет наблюдаться нами в дальнейшем, обратить внимание в первую очередь следует на другое: Хаген — наибо-

---

[10] «hefir þat mest óhapp verit unnit með goðum ok mönnum» [4, s. 90].

[11] «Soltinn varð Sigurðr
sunnan Rinar,
hrafn at meiði
hátt kallaði:
“ykkr mun Atli
eggjar rióða,
munu vígská
of viða eiðar”» [6, s. 212].

лее независимый и «архаичный» герой «Песни». Отсутствие всяческих куртуазных черт [1, с. 25] неизменно сочетается в нём со способностью действовать вне существующих феодальных традиций, то пользуясь ими, то пренебрегая. Так, Хаген ради безопасности бургундского двора и репутации Гунтера убивает Зигфрида, используя в качестве формального повода для кровной мести нанесённое Брюнхильде оскорбление, но в то же время в ходе боя с гуннами отказывается сражаться с Рюдегером, чем по сути нарушает клятву защищать своего короля [9, p. 10]. Индивидуализм Хагена возвышает его надо всеми героями, особенно учитывая его изначально сильное влияние на Гунтера, чей героизм проявляется лишь в самом конце поэмы. Хаген стоит выше чьей-либо воли, выше правил и выше иерархии. Во многом это делает его истинным главным героем «Песни», являющимся не функцией, как Зигфрид, но тем, кто противостоит вызванным этой функцией обстоятельствам. «Архаичность» Хагена заключается в том, что он подчиняется только Судьбе, и в этом отношении ведёт себя подобно богу. Хаген — единственный, кто понимает, зачем Этцель позвал к себе бургундов, как и единственный, кому вещие девы рассказывают об их, Нибелунгов, горькой участи. Показательно, что он не стремится противодействовать Злому Року ибо знает, что бессилен перед ним. Абсолютно аналогичным образом, как Хаген выслушивает вещих дев, так и Один выслушивает пророчество вёльвы, узнавая, где и как погибнут все боги, и всецело принимая это. Схожесть Хагена с Одином помимо знания о будущем и некоего «лидерства» над остальными героями подкрепляется также и схожестью внешней, пусть и незначительной: согласно «Саге о Тидреке» «весь вид его [Хёгни] был мрачен и суров. У него было свирепое лицо, *единственный глаз*, что был пронизывающ и отважен, *огромный рост, всё сложение высокое и плотное*, а когда он надевал свои доспехи, то выглядел достойно, хоть и устрашающе, и *он был сильнейшим из людей*…»[12] [10]. И хотя свой глаз Хёгни потерял в битве с Вальтари, а Один обменял на мудрость, схожесть в их облике всё же следует отметить. Разумеется, мы не можем с точностью утверждать, что Хаген тождественен Одину. Отнюдь, «владетель Тронье» является отдельным и независимым героем «Песни», более того,

[12] «…allr er hann dökklitaðr, harðligr. Andlit hefir hann grimmligt, eitt auga, ok er þat heldr snarpt ok frænknligt, mikill vexti, hár ok digr á allan vöxt, ok þá er hann kemr í sín herklæði, er hann hvárttveggja sæmiligr ok þó ógurligr, ok hann er allra manna sterkastr…» [11].

совершенно отличным от своей скандинавской версии. Сходство с Всеотцом могло быть придано ему ради подсознательного отождествления в сознании читателя, знакомого с иными легендами. Таким образом, гипотетически мы имеем дело с проекцией образа бога на образ человека, в полной мере раскрывающийся именно во второй, кульминационной части «Песни о Нибелунгах».

III. Пир у Этцеля: гибель богов

Значимость параллели между Хагеном и Одином объясняется эсхатологической ролью, которую они играют в последней битве. В некотором роде мы имеем относительно единый сценарий: Хаген/Один во главе бургундов/асов противостоит натиску армии гуннов/ётунов, ведомых Кримхильдой/Хель. Сопоставление бургундской принцессы с богиней смерти в данном контексте не случайно, ибо Кримхильда, как и Хаген, сильно меняется во второй части «Песни»; её безумие и жажда крови совершенно необъяснимы, и даже её вассал Дитрих называет королеву «злобной ведьмой» («vâlandinne», буквально «дьяволица») [1, с. 556; 2, s. 290], а Этцель даже не предпринимает ничего после того, как Хильдебранд убивает Кримхильду в отместку за казнь Хагена, поражённый её жестокостью. Если в первой части «Песни» Кримхильда была наивной жертвой коварного Хагена, то теперь роли поменялись местами: Кримхильда стала главным антагонистом поэмы, а Нибелунги попали в её ловушку. Показательно и то, что даже в скандинавской традиции, где Гудрун мстит не Хёгни и Гуннару за убийство мужа, а Атли за убийство её братьев, её поступки столь же контрастируют с изначальным образом. Примечательно также и то, что Хаген из всех героев единственный с самого начала отказывался как-либо оплакивать Зигфрида, а по приезде к Этцелю вёл себя максимально вызывающе по отношению к Кримхильде. Пожалуй, лишь в этом моменте проявляется его схожесть с Локи, единственный отказавшийся оплакать Бальдра из всех живых существ — именно эту цену назначила Хель за возвращение последнего из мира мёртвых.

Интерпретация всей последующей битвы представляется уже сугубо делом ассоциаций, найти точного подтверждения которым мы попросту не можем. Поджог дворца Кримхильдой гипотетически можно расценить как явление Сурта и сынов Муспельхейма, а армия гуннов, не имеющая персонажей (германские вассалы Этцеля не в счёт) и представляющая собой скорее лишь воинственную массу, схожа с безликой армией ёту-

нов. Эсхатологический финал «Песни о Нибелунгах» есть триумф мифологического фатализма в рамках последней битвы — закономерного итога всех распрей, гибели богов. Герои (Зигфрид/Сигурд, Хаген/Хёгни, Кримхильда/Гудрун, Готторм) в данном контексте, бесспорно, остались сами собой, но так или иначе переняли атрибуты и черты богов, а легенда выстроилась в соответствии с самой страшной трагедией, которую было способно передать германское языческое сознание, ибо было знакомо с ней по мифам. Легенда о Нибелунгах не являлась «земной» вариацией «сумерек богов», но была ими вдохновлена, стала их реминисценцией в мире людей. Убийство Зигфрида/Бальдра обрекло на смерть Бургундию/Асгард, начав отсчёт до Рагнарёка, и лишь со смертью последнего героя/бога — Кримхильды/Хель — битва наконец-то завершилась, не оставив после себя ничего кроме руин. Символично, что в завершение поэмы, сразу после убийства королевы Хильдебрандом, автор, будто бы окидывая взглядом горы мёртвых тел посреди пиршественного зала, выносит окончательный приговор Нибелунгам, объясняя их гибель столь естественной для германо-скандинавского мировоззрения фразой: «Кто обречён был смерти, тот смерти не избег»[13] [1, с. 628].

Список источников и литературы

1. Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах / пер. В. Тихомирова, А. Корсуна, Ю. Корнеева; ред. М. Стеблин-Каменского; вступ. ст. А. Гуревича. М.: Художественная литература, 1975. 751 с.
2. Der Nibelunge Nôt: mit den Abweichungen von der Nibelunge Liet, den lesarten sämmtlicher Handschriften und einem Wörterbuche / herausgegeben von Karl Bartsch. Leipzig: F.A. Brockhaus, 1870. 394 s.
3. Младшая Эдда / пер. О.А. Смирницкой; ред. М.И. Стеблин-Каменского. Л.: Наука, 1970. 254 с.
4. Edda Snorra Sturlusonar / Snorri Sturluson; Finnur Jónsson bjó till prentunar. Reykjavík: Sigurður Kristjánsson, 1907. 429 s.
5. *Хойслер А.* Германский героический эпос и сказание о Нибелунгах / Андреас Хойслер; пер. с нем. Д.Е. Бертельса; под ред. В.М. Жирмунского и Н.А. Сигал; вступ. ст. и примеч. В.М. Жирмунского. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1960. 447 с.
6. Die Lieder der Älteren Edda (Sæmundar Edda) / herausgegeben von Karl Hildebrand. Paderborn: Ferdinand Schöningh, 1876. 54 S.

[13] «Dô was gelegen aller dâ der veigen lîp» [2, s. 394].

7. Сага о Волсунгах / пер., предисл. и примеч. Б.И. Ярхо. М.; Л.: Academia, 1934. 288 с.
8. Die prosaische Edda im Auszuge nebst Vǫlsunga-saga und Nornagests-tháttr: Mit ausführlichem Glossar / herausgegeben von Ernst Wilken. Paderborn: Ferdinand Schöningh, 1912. S. 147–234.
9. *Gentry F.G.* Hagen and the Problem of Individuality in the Nibelungenlied // Monatshefte. 1976. Vol. 68. No. 1. P. 5–12.
10. Сага о Тидреке из Берна // Norrœn Dýrð (Северная Слава) [Электронный ресурс]. URL: https://norroen.info/src/forn/thidrek/veizla.html (дата обращения: 25.08.2025).
11. Þiðreks saga af Bern // Norrœn Dýrð (Северная Слава) [Электронный ресурс]. URL: https://norroen.info/src/forn/thidrek/on.html#vei (дата обращения: 17.08.2025).

УДК 82.131 + 94

Коваленко Г.С.
Российский государственный гуманитарный университет
Институт филологии и истории,
историко-филологический факультет, студент бакалавриата.
E-mail: george05kovalenko@yandex.ru

Эмоциональность и чувственность как часть куртуазного универсума в «Романе об Энее»

Аннотация. В данной статье рассматриваются эмоциональный и чувственный аспекты главный героев средневекового французского куртуазного романа XII в. «Роман об Энее». Также в статье проводится компаративный анализ между «Романом» и некоторыми произведениями преподаваемого автора. В заключении автором статьи выдвигается предположение, что данные аспекты являются неотъемлемой частью куртуазного универсума.

Ключевые слова: куртуазный роман, эмоциональность, чувственность, Эней, Дидона.

Kovalenko G.S.
Russian State University for the Humanities,
Institute of Philology and History,
Bachelor's Program Student.
E-mail: george05kovalenko@yandex.ru

Emotionality and Sensuality as a Part of the Courtly Universe in «Le Roman d'Eneas»

Abstract. This article gives the emotional and sensual aspects of the main characters in the 12th century medieval French courtly novel «Le Roman d'Eneas» as an integral part of the courtly universe. Besides, the article provides a comparative analysis between «Le Roman» and the one of the works of the taught author. In conclusion, the author of the article suggests that these aspects are an essential part of the courtly universe.

Keywords: a courtly novel, emotionality, sensuality, Aeneas, Dido.

Средневековые романы античного цикла — особая категория произведений средневековой куртуазной литературы. Являясь переработкой античных мифов, легенд и произведений поэтами, труверами

и писателями-клириками, они вобрали в себя персонажей, их характеристики, содержание и повествовательную канву текста.

Исследователями-филологами и историками принято выделять три цикла средневековых романов, главными героями которых являются рыцари:

1) античный — цикл романов, который основан на сюжетах, связанных с античностью. Например, «Роман о Трое» Бенуа де Сент-Мора[1] является средневековым переосмыслением автора древнегреческого сюжета о падении Трои;
2) византийский, в истоках которого лежат византийские романные традиции — похищения, пираты, темницы, любовные перипетии. Примером византийского романа выступает произведение «Аристандр и Каллифея» Константина Манассии[2], в котором наблюдаются вышеупомянутые романные традиции;
3) бретонского цикла — романы, основанные на мифах и легендах кельтов, в которых присутствуют куртуазные мотивы. В частности, в произведении англо-нормандского писателя Васа «Роман о Бруте», где автор рассказывает о легендарном предке Энея, Бруте, который основывает Лондон, и о королях Британии, потомках Брута [1, с. 97].

Прежде чем приступить к анализу эмоционального аспекта в романе, необходимо изложить историю создания романа.

«Роман об Энее» является анонимным рыцарским романом XII в. (1155–1165). Однозначно можно сказать, что автором был некий нормандский клирик[3], скорее всего, связанный с окружением короля Англии Генриха II Плантагенета и Алиеноры Аквитанской. Возможно, автор «Энея» был придворным клириком [2, с. 52].

Произведение написано типичным для того времени пятистопным восьмисложником, рифмующимся по классическому парному типу «aabb».

Сам по себе «Роман» является переложением «Энеиды» древнеримского поэта Публия Вергилия Марона, написанной в 29–19 гг. до н.э.

---

[1] Бенуа де Сент-Мор (ум. между 1173–1780 гг.) — хронист и поэт-трувер, придворный историограф короля Генриха II Плантагенета.

[2] Константин Манассия (ок. 1130–1187 гг.) — византийский хронист, поэт и романист XII в.

[3] Некоторые исследователи-филологи считают, что автором «Романа об Энее» мог быть Бенуа де Сент-Мор.

Французский автор в своем тексте передает основные моменты из произведения Вергилия, но добавляет собственный элемент повествования. Так, например, анонимный автор вводит пролог, описывающий события Троянской войны (в частности, осады и разрушения города) царем Менелаем, хотя тот в произведении Вергилия не упоминается совсем. Также он опускает из повествования содержание книги III «Энеиды», где описываются скитания Энея по Средиземноморью в поиске новой родины, и вводит в повествование древнегреческий мифологический сюжет о яблоке раздора, который отсутствует в произведении римского автора.

Как отмечает А.Д. Михайлов в своей работе о французском рыцарском романе [2, с. 53], «Эней» — это не исторический роман, поскольку автор французского текста не ставит перед собой задачи связать прошлое с современностью, хотя, как и следует, преемственность Рима от Трои в «Романе» отображается, поскольку этот сюжет был основополагающим при написании «Энеиды» у Вергилия, и он в полной мере отображается в латинском тексте. Как пишет об этом Гастон Парис, французский исследователь средневековой литературы, в книге «Французская литература средневековья»[3, p. 135], автор «Романа об Энее» подразумевал в своей модели, скорее всего, только приключение без элементов и предпосылок к развитию авантюры в произведении. По мнению французского медиевиста, автор старофранцузского текста добавил в текст «Энея» описания, характерные для XII в., а также рассказы о поединках по своему усмотрению.

Необходимо также учесть мнение ученых-исследователей о том, что степень отображения автором средневекового представления об античности в тексте произведения несущественна, хотя, безусловно, присутствует. Например, Турн[4] во французском произведении носит титул маркиза, который имеет типичный средневековый замок XII в. В описании падения Трои и ее разрушения войсками под руководством Менелая главная башня в средневековых феодальных замках — донжон[5] — которая есть в Трое, разрушается. Приведенные примеры явно свидетельствуют об исторической удаленности описываемых событий, тем самым доказывая неисторичность «Энея».

Переходя к описанию чувственного и эмоционального в «Романе об Энее», мы должны упомянуть работу французского историка, медиевиста и лингвиста Эдмона Фараля, который в своей книге «Исследова-

[4] Согласно римской мифологии, Турн — царь рутулов, народа древней Италии.

[5] Главная башня средневекового европейского феодального замка.

ния латинских источников сказок и куртуазных романов средневековья» [4, p. 87] приходит к выводу, что концепция благостной любви fin' amors у писателей севера средневековой Франции XII в. основывалась и строилась на произведениях Публия Овидия Назона — «Метаморфозы», «Искусство любви» и «Любовные элегии». По утверждению Эдмона Фараля, ученые-клирики, которые составляли большинство писателей того времени, «восхищались Овидием, прославляли его и подражали ему»[6] [2, с. 53]. Парадоксально, что произведения древнеримского поэта на творчество трубадуров на Юге Франции никак не влияли.

Приступая к анализу любовных чувств между героями произведения, нужно обозначить так называемый «любовный треугольник» между главными героями произведения «Дидона – Эней – Лавиния». Необходимо сравнить данный любовный треугольник с другим, «Гвийадон – Элидюк – Гильделюэк», который наблюдается в произведении Марии Французской «Элидюк», написанным примерно в то же время, что и «Роман об Энее».

Следует обозначить, что сравнение с произведением Марии Французской было выбрано не случайно, поскольку на это имеются две причины. Во-первых, в лэ Марии Французской «Элидюк» четко выражена вышеупомянутая любовная схема. Во-вторых, данному сравнению служит вопрос авторства «Энея», который рассматривался медиевистами в конце XIX в. Так, например, в своей вводной статье к изданию «Романа об Энее» 1891 г. Жан-Жак Сальверда де Граве [5, p. XV] рассматривает точку зрения своего коллеги, немецкого медиевиста Карла Варнке, который утверждал, что Мария Французская является автором «Энея», аргументируя свою точку зрения по этому вопросу тем, что в лэ поэтессы и в тексте анонимного французского автора XII в. есть орфографические сходства в пассажах произведений. Де Граве упоминает в примере отрывки, приведенные немецким ученым-медиевистом Карлом Варнке [5, p. XXIII] из «Романа об Энее» и лэ Марией Французской «Гижмар» и «Ланваль»:

…furent de l'oevre Salemon a or taillié de blanc ivoir
…furent a l'uevre Salemun taillié a or, tut a triffoire
Une aigle d'or ot en som mis
Un aigle d'or ot desus mis.
le jor ai mal et la nuit pis
Le jur a mal e la nuit pis

[6] Пер. А.Д. Михайлова.

Действительно, несмотря на значительное сходство между двумя произведениями, дальнейшие исследования вопроса авторства Марии Французской «Романа об Энее» были опровергнуты не только де Граве, но и другими медиевистами конца XIX в. — начала XX в. Главной причиной, по которой мы не может считать «Сафо Средневековья» автором этого романа, является то, что поэтесса проводит аллюзии к «Роману» в прологе к сборнику лэ и к одному из лэ — «Ланваль»:

Pur ceo començai a penser
d'alkune bone estoire faire
e de Latin en Romanz traire;
mais ne me fust guaires de pris:
itant s'en sunt altre entremis.
(Eneas v. 28–33)

Поэтому я начал думать
о том, чтобы создать какую-нибудь хорошую историю
и с латыни на народный язык;
но это ничего бы не дало:
другие начали это уже делать[7].
Tant granz bealtez ne fu veiie
en Venus, qui esteit reïne,
ne en Dido ne en Lavine.
(Lanval v. 584–586)

Такой великой красоты не было
ни у Венеры, которая была королевой,
ни у Дидоны и ни у Лавинии.

Тем не менее, если в «Элидюке» вышеупомянутый треугольник и ситуация «любви-адюльтера» были проанализированы, то в «Энее» в полной мере отношения главных героев нельзя назвать таковыми, поскольку главные героини — Лавиния и Дидона — не были знакомы между собой, а значит, они и не могут находиться в нем. Соответственно, ситуация

[7] Этот и следующие переводы строф со старофранцузского языка на русский автором статьи.

«любви-адюльтера» также не может быть отображена в данном романе античного цикла [7, с. 206].

Описывая эмоциональные отношения между тремя главными героями, мы начнем анализ с пары Энея и Дидоны. При сравнении «Энея» с произведением-оригиналом, сразу выделяется образ Венеры во французском тексте: если в «Энеиде» Вергилия Венера является равноправным персонажем, который влияет на судьбы героев, что является характерной чертой для античной традиции, то в «Романе об Энее» Венера — олицетворение любви; в средневековом произведении богиня не является действующим лицом произведения, поскольку «мифологический элемент» в средневековом произведении мог быть ниже, чем религиозные каноны и традиции[8].

Как следует из французского текста, Дидона влюбилась в Энея, услышав его рассказ о падении, гибели страны главного героя, о его скитаниях в поисках «новой Трои», о потере первой супруги Креусы. Царица Карфагена полюбила главного героя за его чувства, которые он испытывал к ней — страдания, за муки и его мучения. Пример из текста отчетливо отображает чувства, которые испытала Дидона в тот момент, когда она осознала, что влюбилась в Энея:

Quant Eneas li recontoit,
la raine se merveilloit
des mals, des dolores et des pertes
et des poines qu'il a sofertes.
Et lo regardoit par dolcor
si com la destreingnot Amor.

Когда Эней все рассказал,
Царица была огорчена,
Что ему пришлось перенести:
И горести, и страдания, и потери, и муки.
И вот на него взглянула с нежностью такой
Так, как если бы Любовь ее поразила.

[8] Поскольку на средневековую куртуазную литературу, несомненно, влияло христианство, то языческая богиня не могла быть полноправным действующим персонажем в любовных событиях между Энеем и Дидоной в «Романе об Энее».

Вспомним также первый эпизод встречи Энея и Дидоны:
Venus i ot sa flame mise.
Dido restraint, qui est resprise;
mortal poison la dame boit,
de son grant duel ne s'aperçoit

Венера свой огонь [пыл/страсть] туда вложила.
Дидона сдерживается, она вновь
охвачена огнем [пылом/страстью];
смертельный яд эта дама выпивает,
свою огромную скорбь она не понимает.

Автор дает понять этим примером, что ее любовь к Энею не будет счастливой, она обречена на трагический финал — в дальнейшем повествовании главная героиня целует сына Энея, Аскания. Считается, что этот момент является отправной точкой для начала конца Дидоны: поцелуй символизирует принятие «смертельного яда», который приведет ее позднее к смерти; стоит отметить, что в старофранцузском тексте, так же, как и в латинском, Дидона не переживет того, что Эней уплыл из Карфагена далее в поисках новой земли для своего народа, и совершит суицид [4, p. LXII].

Несмотря на то, что эпизод самоубийства Дидоны есть в античном и средневековом тексте, «Роман об Энее» претерпел некоторые изменения автором: например, в латинском тексте Дидона, не пережив горя, в отчаянии бросается на меч и умирает, перед этим предрекая Рим на вражду с Карфагеном. В старофранцузском же тексте автор описывает смерть царицы так:

Dido s'esteit a mort férue,
et la morz la presse et argue,
et la flame de l'altre part,
ki ses membres esprent et art;
ne puet parler ne hait ne bas,
fors tant qu'ele nome Eneas.

Дидона ранила смертельно себя,
и смерть мучает ее,
и пламя с другой стороны
охватывает и сжигает ее тело;
ни тихо, ни громко ничего сказать не может,
кроме имени Энея [1, p. 93].

Охваченная муками и страданиями Дидона, как можно понять по тексту, бросается в погребальный костер — данным нововведением в средневековый текст анонимный автор отходит от античного текста, не повторяя сюжет Вергилия в «Энеиде». Интересно, что несмотря на влияние творчества Овидия на формирование описания любовных сюжетов у поэтов средневековой северной Франции, анонимный автор «Романа об Энее» изобразил смерть Дидоны именно в погребальном костре, а не от того, что главная героиня пронзила себя мечом Энея, по сути, отходя от подражания Вергилию, где последний использовал «Метаморфозы» своего современника при описании царицы Карфагена.

Стоит отметить, что данный любовный эпизод был полностью позаимствован у Вергилия — в «Энее» царица Карфагена также не смогла пережить разлуку с прародителем основателей Рима и покончила с собой.

Теперь необходимо проанализировать чувственный и эмоциональный аспект в произведении между Энеем и Лавинией, дочери царя Латина, где Эней находит для народа Трои новый дом. Анонимный автор средневекового текста описывает Лавинию и ее поведение по отношению к главному герою характерными клише куртуазной дамы того времени:

Ele comence a tressuer,
a refreidir et a trenbler,
sovent se pasme et tressalt,
senglot, fremist, li cuers li fait
degete sei, sofle, baaille:
bien l'a Amors mise an sa taille!
Crie et plore et gient et brait.
Ne sait encor ki ce li fait,
ki son corage li remuet.

Она начинает дрожать,
холодеть и трястись,
бледнеет часто и вздрагивает,
рыдает, дрожит, и сердце ее
дрожит и болит:
сильно любовь овладела ей.
Кричит и плачет, стонет и вопит.
Она еще не знает, что тот, кто с ней это делает,
тревожит ее дух.

Лавинию пробивает дрожь, холод: она потеет, затем теряет сознание — типичные литературные клише, которые характеризуют Прекрасную Даму XII в., присутствуют в описании влюбленности героини к Энею, насколько сильно она прониклась чувствами к нему.

Стоит также отметить и нововведения автора романа об эмоциональной рефлексии между главными героями: в «Энее» эмоциональные и чувственные переживания передаются через диалогическую форму речи — данный тип изложения речи является неординарным, поскольку в произведениях до «Романа об Энее» имеющаяся эмоциональная часть текста выражалась исключительно монологической речью.

Anna, ge muir, ne vivrai, suer.
— Que avez done? — Fait me li cuer.
— Avez vos mal? — Tote sui saine.
— Que avez done? — D'amor sui vaine; nel puis celer, ge aim.
— Et qui?
— Gel te dirai; par foi, celui…

(Eneas. v. 1273–1278)

Анна, сестра, я умираю, мне не жить.
— Что случилось? — С моим сердцем что-то.
— Вам плохо? — Нет, я здорова.
— Так что с вами? — Любовь сразила;
люблю я, не могу скрывать.
— Кого же? — Назову тебе, поверь, того…

Так, например, Дидона рассказывает своей сестре о любви к Энею, описывая свои чувства к Энею, используя именно диалогическую форму речи, подтверждая отличие «Романа об Энее» от ранних средневековых романов античного цикла. Этот отрывок текста произведения также полностью соответствует куртуазным литературным нормам, описывая страдания главной героини.

Подводя итог, можно предполагать, что в средневековом французском куртуазном романе XII в. эмоциональный и чувственный аспекты являются основополагающими и играют важную роль в формировании сюжета произведения. Так, «Роман об Энее» изобилует данными аспектами — анализ текста произведения подтверждает и закрепляет выдвинутые предположения. Можно сказать, что в «Энее» максимально возможно развиваются эмоциональный и чувственный аспект и вводятся новые литературные приемы для них в произведении, при этом соблюдая вышеупомянутые правила, типичные для французской куртуазной литературы XII в. Благодаря вышеизложенному, можно утверждать, что данные кри-

терии гармоничны в произведении и полностью соответствуют критериям куртуазного универсума и являются его неотъемлемой частью.

Список источников и литературы

1. *Гене Б.* История и историческая культура средневекового Запада / пер. с фр. Е.В. Баевской, Э.М. Береговской. М.: Язык славянской культуры, 2002. 496 с.
2. Le roman d'Énéas. Édition bilingue. Édition et traduction du manuscrit A, présentation et notes par Wilfrid Besnardeau et Francine Mora-Lebrun, Paris, Champion (Champion Classiques. Moyen Âge, 47), 2018. 880 p.
3. *Михайлов А.Д.* Французский рыцарский роман и вопросы типологии жанра в средневековой литературе. М.: Наука, 1976. 351 с.; с ил.
4. Вергилий. Энеида / Вергилий; пер. с лат. С. Ошерова. М.: Изд-во АСТ, 2020. 352 с. (Эксклюзивная классика).
5. La littérature française au moyen âge (XIe–XIVe siècle) (5e éd., notes bibliogr. rev., corr. et augm.) / Gaston Paris; [préf. de la 5e éd. par Paul Meyer]. Paris: Hachette, 1914. 371 p.
6. *Salverda de Grave, J.-J. Eneas.* Texte critique / J.- J. Salverda de Grave. . S. l.: Max Niemeyer, 1891. LXXIV, 465 p.
7. Edmond Faral. Recherches sur les sources latines des contes et romans courtois du moyen âge; Paris, Champion, 1913. IX, 431 p.
8. *Коваленко Г.С.* Эмоциональность в средневековой литературе Франции: лэ Марии Французской «Элидюк» как наглядный пример выражения и изображения чувств (в переводе В.А. Долиной) // Проблемы истории и культуры средневекового общества: сб. матер. LIV Всерос. научн. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых «Курбатовские чтения» (5–7 ноября 2024 г. / под ред. А.Ю. Прокопьева. СПб.: Изд-во «Скифия-принт», 2025. С. 199–206.

УДК 94

Капля К.А.
Филиал Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова в г. Севастополе,
историко-филологический факультет,
студент бакалавриата.
E-mail: lanselot.in.love@mail.ru

Бернар Клервоский в «Книге памяти» Эфраима бар Яакова из Бонна

Аннотация. Статья посвящена анализу образа Бернара Клервоского в «Книге памяти» Эфраима бар Яакова из Бонна. Рассмотрены особенности нарратива, вопросы датировки и значение фигуры аббата для еврейской коллективной памяти. В статье приводятся авторские переводы с латыни и средневекового иврита, отсутствующие в отечественном научном сообществе.

Ключевые слова: Бернар Клервосский, Эфраим из Бонна, Книга памяти, Второй крестовый поход.

Kaplya K.A.
Lomonosov Moscow State University Branch in Sebastopol,
Faculty of History and Philology,
Bachelor's Program Student.
E-mail: lanselot.in.love@mail.ru

Bernard of Clairvaux in the "Book of Rememberance" by Ephraim bar Yaqob of Bonn

Abstract. The article gives an analysis of the image of Bernard of Clairvaux in the "Book of Remembrance" by Ephraim bar Yaqob of Bonn. The features of narrative, issues of dating and significance of the abbot's figure for Jewish collective memory are considered. The article provides authorial translations from Latin and medieval Hebrew, which are absent in Russian scientific community.

Keywords: Bernard of Clairvaux, Ephraim of Bonn, Book of Remembrance, The Second Crusade.

В 1146 г., перед началом Второго крестового похода, атакам крестоносцев подверглись еврейские общины Франции и Германии[1] [1, с. 115–116]. «Книга памяти» Эфраима бар Яакова из Бонна является единственной еврейской хроникой, посвящённой обозначенным событиям. Датировка хроники является спорным вопросом в научном сообществе. Исследователи полагают, что хроника была создана в течение 70-х гг. XII в., предположительно, после 1177 г. [2, p. 123]. Сам хронист, будучи очевидцем описываемых им событий, отмечает: «Мне, юному автору этого повествования, было тринадцать лет, когда я жил со своими родственниками в крепости Волкенбург[2]» (יתייה מינש ג״י וב ,בתוכה ריעצה ינאו יבורק לצא קרובנקלוו רצבמב זא) [3, p. 117]. В связи с этим в хронике делается акцент на событиях, связанных с обозначенной крепостью.

В некотором смысле хроника раби Эфраима продолжает тенденцию еврейского историописания, зарождённую хронистом раби Шломо бар Шимшоном[3] после Первого крестового похода. Сочинение Эфраима из Бонна так же, как и работы его предшественников является продуктом реакции на еврейские погромы крестоносцев, способом увековечить мучеников из числа единоверцев. Как и в еврейских хрониках Первого крестового похода, в хронике Эфраима повествуется о совершении евреями религиозного мученичества «Киддуш ха-Шем»[4]. Помимо этого, в сочинении Эфраима упоминаются такие знаковые для европейской истории XII в. личности, как цистерианский монах Бернар Клервоский, король Германии Кондрад III, король Франции Людовик VII и король Англии Стефан.

Хроника состоит из введения, описывающего причины постигших евреев несчастий; основной части, посвящённой еврейским погромам

---

[1] В «Книге памяти» Эфраима из Бонна говорится, что нападению подверглись евреи из общин Кёльна, Шпайера, Майнца, Вормса, Бахараха, Ашаффенбурга, Вюрцбурга, Карентана. Помимо этого, хронист говорит о нападении на неидентифицированные города — Хам (предположительно в Сомме, северная Франция), Салли (предположительно на юге от Орлеана).

[2] Расположена к югу от Кёльна, в провинции Рейн-Зиг.

[3] Еврейский хронист, в 40-х гг. XII в. написавший хронику, посвящённую еврейским погромам Первого крестового похода.

[4] קדוש השם (kiddush hašem, «освящение Божьего Имени») — заповедь иудаизма, заключающаяся в исполнении богоугодных дел. В ходе еврейских погромов Первого крестового похода была интерпретирована как требование умереть во избежание насильственного крещения от рук крестоносцев.

1146 г., и заключения, повествующего о возвращении в иудаизм насильственно обращённых в христианство, неудачах крестоносцев в земле Израиля и толкованию произошедших событий в духе раввинистической экзегетики. Особенностью хроники Эфраима из Бонна является наличие восьми пиютов[5]. Исследователи отмечают, что хроника Эфраима — это необычайно хорошо структурированное произведение для средневековой еврейской истории [Chazan 120].

До наших дней дошло четыре рукописи хроники. Текст «Книги памяти» был переведён на немецкий [4], английский [5] и португальский [6] языки. Полного русскоязычного перевода хроники Эфраима из Бонна не существует. Переводы фрагментов хроники в данной работе будут приводиться по изданию А. Хабермана [3] (с использованием словарей [7, 8, 9]).

***

Бернар Клервоский в хронике Эфраима из Бонна появляется в следующем отрывке:

«Это [случилось] в 4906 [1146] году, [когда] пришли угнетатели и притеснители Израиля. Ибо негодяй Рудольф[6] напрасно преследовал Израиль. Священник идолопоклонства восстал против народа Божьего, чтобы истреблять, убивать, погубить подобно злому Аману. И он покинул землю Франции и пошёл по всей земле Ашкеназ[7] — пусть Бог сохранит [еврейские общины там], Аминь — чтобы найти и загрязнять христиан горизонтально-вертикальным знаком. И он ходил взад и вперёд, лая. И прозвали его “Лающим”. [И призывал он] во имя Христа отправиться в Иерусалим и сражаться с Ишмаэлем. И во всех местах, куда он ходил, он злословил на всех иудеев, которые [жили] в [этих] землях и натравлял змея и псов против нас, говоря: “Прошу, отомстите за распятого его врагам, которые стоят перед вами, а затем идите сражаться с измаильтянами”. И мы услышали и растаяли сердца наши, и не осталось в нас более сил от ярости угнетателя, который решил истребить [нас]. И мы воззвали

---

[5] פיוט (piyyuṭ) — иудейская литургическая поэзия на иврите.

[6] В тексте источника он именуется как Рудольф (רודולף). Историк Ш. Эйдельберг отмечает, что возможно прочитать это имя как Радульф, либо Рауль. Варианты Рудольф или Радульф могли быть использованы хронистом из-за их сходства с еврейским глаголом רדף (преследовать) [5, p. 172].

[7] אשכנז (aškenāz) — средневековое название территорий Германии.

к Богу нашему и сказали: “Господь Бог наш! Вот, не прошло [и] 50 лет, как год юбилея[8], когда была пролита кровь наша во славу Имени твоего в день великой гибели[9]. Ты навсегда оставишь [нас] Господи? Ты распространишь свой гнев на все поколения? Беда повторится дважды?” И услышал Господь наш вопль, и обратился к нам и помиловал нас по своей великой милости и милосердию. И послал он вслед за этим негодным [человеком] другого честного священника — величайшего среди всех священников. Он знает и понимает свою религию. И имя его Бернард Аббат, из города Клирфилд[10], что во Франции. И призывает он также согласно их закону. И сказал он им: “Хорошо, что вы идёте против измаильтян. Но кто прикоснётся к иудею, тот лишает его жизни, как если бы он прикоснулся к самому Иисусу. И Радульф, ученик мой, говоривший об истреблении их — говорил неправду. Ибо написано в Псалтыре: ‘Не умерщвляй их, чтобы не забыл народ Мой’[11]. И весь народ почитает этого священника как своего святого, и не спрашивали мы, возьмёт ли он взятку за доброе слово об Израиле. И когда услышали они это, [то] многие перестали замышлять, чтобы убить нас. Мы также отдали наше богатство как выкуп за души наши. Милостивый Господь, позволь остатку спастись на земле и выжить нам. Всё, что они просили у нас — серебро или золото — не скрывали от них. И если бы не милость Создателя нашего, который послал вышеупомянутого аббата и его последние послания, не осталось бы и остатка от Израиля, ни следа. Благословен избавляющий и спасающий, благословенно имя Его!» (תנש איה הרז הדובעל רמוכ .לעמב לארשיל דחדרו ,לעילב חלודור יכ .וקיצה לארשיל ואב מירצ,ו״קתת א״ד משה ,זנכשא קרא לכב דליו תפרצ קראמ אציו .עשרה ומהכ דבאלו גורהל דימשהל יי סע לע סק .מירצונה תא ברעו יתשב בעתלו וייצלו רותל ,ומא הרמשי משב חבונ ול ארקיו ,חבונו דולה דליו .לאעמשי לע סחלהל מילשורי תכלל ,ירצונה מידהיה לכ לע ער רביד ,המש אב רשא סוקמה לכ לאו .מיבלכה תאו שחנה תא ונב הסישו ,קראב רשא מידמועה ויאנושמ בולצה תמקנ תא אנ ומקנ :רמאל ,ינפמ ונב חור דזע המק אלו ונבבל סמיו עמשנו מילאעמשיה לע סחלהל וכלת דכ רחאו סכינפל הנש מישמח ורבע אל התע וה ,מיהלא יי רמאנו וניהלא לא קעצנו .תיחשהל ונוכ רשא קיצמה תמח ,דפא דושמת ,יי חנזת מימלועלה .בר גרה סויב דבכנה דמש דוחי לע ונימר דפשנ רשא ,לבויה תנשכ

---

[8] Имеются в виду еврейские погромы 1096 г., с момента которых в 1146 г. прошло 50 лет.

[9] Во время еврейских погромов 1096 года евреи Рейнской области подвергали себя религиозному мученичеству «Киддуш ха-Шем», выражавшемуся в самоубийстве/убийстве единоверцев с целью недопущения их насильственного крещения руками крестоносцев.

[10] Имеется в виду г. Клерво.

[11] Цитата из Пс. 58:12/ Теилим 59:12.

וידסחו וימחר בורכ ונמחריו ונילא זפיו ,ונתקאנ תא יי עמשיו .הרצ סוקת אל סיימעפ .רודו רודל טנריב ומשו ,ויבמו סתד עדוי ,סירמוכה לכל ברו לודג ,זוגה רחא רמוכ ,לעילבה הז ירחא חלשיו וכלתש סכל בוט :סהל רמא הכו .סטפשמכ אוה סג חבניו ,תפרצב רשא ריעה שלבריל קמ ,רבאה רביד רשא ידימלת חלודורו .ומצע ושיב עגונכ ,ושפנ תחקל ידוהיב עגונה לכ דא ,סילאעמשיה לע לכו .׳ימע וחכשו זפ סגרהת לא׳ סילהת רפסב סהילע בותכ יכ ,הנוכנ רביד אל סדימשהל סהילע לע בוט ורבד לע דחוש חקול היהיש ונרקח אל סג ,סהלש סישודקכ הזה רמוכה תא סיקיזחמ סעה יי תלמחב ,וניתושפנל רפוכ ונתנ ונינוה סג .ונתימהל לכנתהלמ הברה ולדח ,זכ סעמשבו .לארשי ילולו .סהמ ונלצא אל ,בהזו חסכ ,ונממ ולאש רשא לכ ,ונתויחהלו ץראב תיראש ונל תתל ונילע .טילפו דירש לארשימ רייתשנ אל ,תונורחאה ויתורגאו ל״נה רבאה הז חלש רשא ונרצוי ימחר (ומש דורב ליצמו הדופ דורב) [C. 115–116].

В хронике Эфраима из Бонна Бернар Клервоский представляется как фигура, противопоставленная насильственным и фанатичным проповедям монаха Рудольфа. Бернар показан как «честный священник» и «величайший среди всех священников». Факт подобного описания деятеля христианской церкви в еврейской хронике говорит о его колоссальном влиянии на рассматриваемый процесс и почитании в обществе современных ему иудеев.

В представленном фрагменте говорится, что Бернар Клервоский, вступаясь за иудеев, прочитал отрывок из 58-го Псалма: «Не умерщвляй их, чтобы не забыл народ Мой». В Послании № 363 св. Бернар излагает более развёрнутый вариант своей речи. В частности, он говорит: «Однако, согласно смыслу апостольского повеления, от них [от евреев] следует требовать, чтобы все, принявшие знамение креста, были полностью свободны от взимания ростовщичества» (Attemen exigendum ab eis iuxta tenorem apostolici mandate, ut omnes qui crucis signum susceperint, ab usurarum exactione liberos omnino dimittant) [10]. Позже в хронике передаются слова короля Франции Людовика VII: «Всякий, кто добровольно отправится в Иерусалим, получит прощение любого долга, который он должен евреям» (סידוהיל בייח סא ובוח ול לחמוי המילשורי תכלל בדנתה רשא לכ) [3, p. 121]. Затем Эфраим добавляет: «И большинство евреев во Франции заняли деньги по договору и тоже потеряли свои деньги» (סידוהי תואוולה בורו הנמאב תפרצבש ,סנוממ ודיספה וכו) [3, p. 121]. В Англии же «Всевышний Король спас их через короля Англии, который хотел защитить их и спасти их тела и имущество» (סננוגל ובלב ותנ רשא אריטלגנא דלמ ידי לע ווילע דלמ סליצה סנוממו ספוג ליצהלו) [3, p. 121]. Таким образом, частичная ответственность аббата за последующую неуплату процентов еврейским ростовщикам не отражена в тексте хроники Эфраима.

Помимо этого, в тексте хроники говорится, что народ почитает Бернара Клервоского как своего святого. Если учесть факт того, что Бернар

Клервоский был канонизирован Римским папой Александром III только 18 января 1174 г., то обозначение датировки хроники Эфраима из Бонна в рамках 70-х гг. XII в. не представляется допустимым. Несостоятельности датирования хроники началом 70-х гг. XII в. также вторит то, что в тексте упоминается раввин Яаков Там из Рамеру с формулой «да жив он» (היחיש) [3, p. 121]. Поскольку он умер только в 1171 г., более ранняя датировка хроники невозможна [4, p. 173].

***

Из анализа фрагмента «Книги памяти» Эфраима из Бонна можно сделать ряд выводов относительно образа Бернара Клервоского. Во-первых, аббат представляется как абсолютно положительная фигура. Посредством построения контрастного нарратива хронист противопоставляет Бернара Клервоского фигуре монаха Радульфа, проповедовавшего антииудейские настроения среди крестоносцев. Во-вторых, в хронике Эфраима не упоминаются части аргументации Бернара Клервоского в защиту иудеев, посвящённые возможности неуплаты долгов еврейским ростовщикам со стороны крестоносцев. В-третьих, фигура Бернара Клервоского выступает не только как яркий сюжетный элемент в нарративе хроники Эфраима, но также как аргумент более поздней датировки текста — после 1174 г.

Образ Бернара Клервоского как честного и почитаемого священника в нарративе хроники Эфраима из Бонна свидетельствует о его исключительном авторитете в еврейской среде. Фигура аббата является редким примером почитания деятеля католической церкви в еврейской средневековой хронистике и феноменом христианского святого в иудейской коллективной памяти.

Список источников и литературы

1. *Барон С.У.* Социальная и религиозная история евреев: в 18 т. М: Книжники, 2015. Т. 4: Раннее Средневековье (500–1200). Встреча Востока и Запада. 384 с.
2. *Chazan R.R.* Efraim of Bonn's Sefer Zeckirah // Revue des études juives. Année 1973. P. 119–126.
3. Sefer gzerot Ashkenaz ve-Tzarfat / Ed. A. Habermann [Электронный ресурс]. URL: https://hebrewbooks.org/pdfpager.aspx?req=36648&st=&pgnum=33&hilite= (дата обращения: 20.07.2025).
4. *Neubauer A.* Hebräische Berichte über die Judenverfolgungen während der Kreuzzüge. Berlin: L. Simion, 1892. 224 p.

5. *Eidelberg S.* The Jews and Crusaders: The Hebrew Chronicles of the First and Second Crusades. New Jersey: KTAV Publishing House, 1977. 208 p.
6. *Falbel N.* Crônicas Hebraicas sobre as Cruzadas [португальский]. São Paulo: Imprensa Oficial, 2001. 384 p.
7. *Jastrow M.* Dictionary of the Targumim, the Talmud Babli and Yerushalmi, and the Midrashic literature [Электронный ресурс]. URL: https://www.sefaria.org/Jastrow?tab=contents (дата обращения: 20.07.2025).
8. *Графов А.Э.* Словарь библейского иврита. М.: Текст, 2019. 693 с.
9. A Dictionary of the Targumim, the Talmud Babli and Yerushalmi, and the Midrashic literature. London: Luzac, 1903. 683 p.
10. St. Bernard of Clairvaux [Электронный ресурс]. URL: https://ru.scribd.com/document/763600211/St-Bernard-of-Clairvaux-Ep-363 (дата обращения: 20.07.2025).

УДК 94(410).04

Филиппова А.И.
Ивановский государственный университет,
Институт гуманитарных наук, аспирант.
E-mail: filippovaist@yandex.ru

Родословные и пророчества как инструмент пропаганды Йорков в эпоху Войн Роз

Аннотация. Родословные и пророчества использовались Эдуардом IV как средство пропаганды в ходе борьбы за корону Англии. С помощью определённого языка пропаганды при их помощи создавался убедительный образ Эдуарда IV как истинного короля. Его происхождение доказывало его британскую идентичность и законность претензий, а пророчества оправдывали его монархию, придавая ей божественное одобрение.

Ключевые слова: Войны Роз, пропаганда, родословные, пророчества, династия Йорков.

Filippova A.I.
Ivanovo State University,
Institute of Humanities, Postgraduate Student.
E-mail: filippovaist@yandex.ru

Pedigrees and Prophecies as a Tool of Yorkist Propaganda during the Wars of the Roses

Abstract. Edward IV used genealogies and prophecies as propaganda tools during his struggle for the English crown. Using a specific propaganda language, they created a convincing image of Edward IV as the true king. His lineage proved his British identity and the legitimacy of his claims, while the prophecies justified his monarchy, lending it divine sanction.

Keywords: Wars of the Roses, propaganda, genealogies, prophecies, York dynasty.

Войны Роз — это одно из самых значимых событий, сформировавших облик позднесредневековой Англии. Этот период ознаменовался ожесточённым династическим противостоянием между различными группировками английской знати, которое имело далеко идущие последствия для политической и социальной структуры страны. Это был сложный и многогранный конфликт, в котором, помимо армий и политиче-

ских интриг, огромное значение имела пропаганда. Именно она помогала каждой из сторон заручиться поддержкой, дискредитировать противника и оправдать свои претензии на власть в глазах народа.

Низложение короля Ланкастеров, Генриха VI, Эдуардом, графом Марчем, в 1461 г. было вызвано перипетиями борьбы за английский за престол двух основных группировок правящей элиты. После победы в битве при Таутоне 29 марта 1461 г. Эдуард, граф Марч вошёл в Лондон, где 28 июня 1461 г. в Вестминстерском аббатстве был торжественно коронован под именем Эдуарда IV [1, p. 30–33].

Однако отстранение правящего монарха требовало более веских оснований, чем просто политическая необходимость и личная безопасность нового претендента на трон. Смена династии Ланкастеров на Йорков произошла на фоне неадекватности и коррупции правительства Генриха VI: король был нерешителен в государственных вопросах, не способен принять решения самостоятельно, были потеряны Нормандия и Гасконь. Принятие Эдуарда народом в значительной степени зависело от его постоянных обещаний восстановить порядок в королевстве [1, p. 28]. Однако требовались неоспоримые претензии на наследственное право нового короля из династии Йорков. Родословная Йорка, которая привела к замешательству осенью 1460 г., к весне 1461 г. стала краеугольным камнем йоркистской пропаганды и оставалась таковым на протяжении всего правления Эдуарда IV.

Герцог Ричард Йорк претендовал на корону в силу своего происхождения от Лайонела, герцога Кларенса, второго сына Эдуарда III. Генрих VI был потомком Джона Гонта, герцога Ланкастера, третьего сына Эдуарда. Генеалогия Ричарда Йорка должна была составить ядро значительного корпуса пропагандистских материалов после смены династии в 1461 г.

Дочь Лайонела, Филиппа, вышла замуж за Эдмунда Мортимера, третьего графа Марча; их внучка, Энн Мортимер, стала женой Ричарда, графа Кембриджа, сына Эдмунда Лэнгли, герцога Йоркского и четвёртого сына Эдуарда III. Ричард Йоркский был отпрыском Анны и Ричарда [2, p. 172]. Для непосредственного подтверждения династических притязаний Эдуарда IV имели значение только поколения четырнадцатого и пятнадцатого веков; но к ним были добавлены истории о более ранних королях, чтобы обеспечить короля из йоркской династии впечатляющей родословной, подчёркивающей древность линии, которую он представлял, для укрепления его позиций на троне.

Генеалогические документы, прослеживающие происхождение королевской семьи на протяжении многих поколений, вплоть до самого на-

чала времен, не были новшеством, появившимся во времена правления Йорков. Существует множество подобных записей, относящихся к более ранним периодам, в том числе и к временам правления бывшего сюзерена Эдуарда, «того, кто называет себя королём Генрихом». Эти «библейские» родословные, хотя и имеют некоторые отличия в деталях, в целом следуют схожей структуре и содержанию. Как правило, они начинаются с Адама и прослеживают род до Иафета, одного из сыновей Ноя. Постепенно, по мере продвижения по генеалогическому древу, фокус сужается: от изображения различных библейских и древних царств — к представлению исключительно британской, саксонской и английской королевской власти [2, p. 172].

Некоторые ранние рукописи Ланкастеров были обновлены или переписаны после 1461 г. Появляются несколько генеалогий, которые становятся популярными во времена Эдуарда IV. Первая — латинская родословная, начинающаяся с Адама, текст которой довольно подробен, и её значительная часть на ранних этапах заимствована из текста «Compendium Historiae in Genealogia Christi» XII в. Петра из Пуатье. Вторая — тот же текст в английском переводе (далее эти две родословные будут называться «длинной латинской» и «длинной английской» соответственно) [3, p. 83–84].

Эти генеалогии, равно как источники, на которых они основывались, вполне могли быть первоначально составлены клириками. Например, одна генеалогия Генриха VI приписывается Роджеру Сент-Олбанскому, монаху-кармелиту в Лондоне 50-х гг. XV в. [3, p. 114].

Однако йоркистские тексты не обязательно были созданы представителями духовенства, так как к началу правления Эдуарда существовало достаточно прецедентов, демонстрирующих, что их мог легко составить образованный мирянин.

Независимо от происхождения этих генеалогических хроник, как следует из предисловий, они предназначались для светской аудитории. Составители, несомненно, знали, как их рукописи льстят королю. Нет чётких доказательств того, что первоначальное появление библейских родословных было инициировано самой монархией, но вполне вероятно, что их воспроизведение поощрялось королём [4, p. 116]. Уже в силу линии наследования, которую они отражали, подобные документы были по своей сути легитимизацией престолонаследия, то есть пропагандистскими. Вполне вероятно, что Эдуард IV или его сподвижники, помня о примере более ранних текстов, заказали создание аналогичных рукописей, чтобы подтвердить безусловное право короля на трон [2,

p. 174]. Конечно, в некоторых произведениях, посвящённых его правлению, повествование на поздних этапах было написано с предвзятостью, которая, даже если и не была вдохновлена королевской властью, то имела отчётливо йоркистский тон.

Самый ранний пример «длинных» йоркистских генеалогий относится к первым годам правления Эдуарда IV, и даты оставшихся рукописей предполагают, что новая генеалогия была составлена, вероятно, по распоряжению самого короля, после рождения каждого из его детей [4, p. 17, 37]. Было высказано предположение, что все библейские родословные второй половины XV в., написанные сходным шрифтом, были созданы в одной мастерской. Если предположение верно, это могло бы указывать на то, что издатель считал обязательным специализироваться на таких рукописях, а также стремился приобрести достаточную репутацию для того, чтобы в будущем получить новые заказы [4, p. 37].

Методы распространения такого рода пропаганды явно отличались от методов распространения коротких текстов, таких как поэмы и манифесты, которые часто распространялись без разбора на улицах. Библейские генеалогии были выполнены в изысканной манере, для того чтобы радовать глаз. Они издавались как в виде свитков, так и в виде книг, а также предназначались для ознакомления с ними в свободное время, а не для того, чтобы навязывать их вниманию публики. Большинство рукописей в тот период изготавливалось на заказ, и, следовательно, не могли существовать в большом количестве [6, p. 170].

Эти генеалогии включают в себя эпизоды истории досаксонской эпохи. Отсюда их пропагандистский потенциал. Предания и мифы, окружавшие это ранее время английской истории, обязаны Гальфриду Монмутскому и его «Historia Regum Britanniae» [7, p. 31–37]. Его повествование, мало основанное на проверяемых фактах, было завершено около 1136 г. и быстро завоевало популярность и утвердилось как истина в публичном пространстве.

Хроники, увековечившие изложение ранней британской истории в стиле Гальфрида Монмутского, появились и в последующие столетия. Они начинались с повторения общепринятых мифов о прошлом Британии, постепенно переходя к более точному изложению событий по мере приближения автора к своему времени [2, p. 176].

Эта любовь к «британской истории» дала Эдуарду IV ценное преимущество перед Ланкастерами благодаря его связям с Мортимерами (в 1230 г. Ральф Мортимер, чья семья должна была получить титул графа Марча столетием позже, женился на Гвладис, дочери Лливелина Велико-

го, принца Гвинеда. С концом политического могущества дома Гвинедов к концу XIII в. и окончательным угасанием его мужской линии в 1378 г., его королевский валлийский титул перешёл к Мортимерам и, таким образом, к Эдуарду IV. Соответственно, Эдуард смог претендовать на британскую родословную, которая простиралась к Кадваладру и даже к Бруту, предполагаемому основателю британской расы. Ланкастерские короли гордились своим происхождением от Водена, предполагаемого отца саксонских племен [8, p. 48–49].

Происхождение Эдуарда стало центральным моментом литературы, стремившейся убедить своих читателей в праве Йорков на трон и в том, что Эдуард был «истинным и несомненным наследником Брута» [7, p. 533–534]. Но этот аспект наследственности Эдуарда не был просто приятной причудой судьбы, посредством которой его восшествие на престол, а также восстановление правильного порядка престолонаследия от Эдуарда III, дало стране короля британского происхождения. Принятие короны Эдуардом означало исполнение различных пророчеств, которые предсказывали окончательное восстановление британской монархии и конец многих лет чужеземного господства. Ибо, хотя история Гальфрида завершилась победой саксов над бриттами, она представляет собой нарратив с обещанием божественно предопределённого восстановления власти бриттов. Эту миссию и должен был выполнить Эдуард IV. Однако играло ли обращение к валлийским истокам роль в пропаганде йоркистов?

Валлийские принцы имели значение лишь в передаче происхождения Эдуарда IV от Кадваладра и Брута. Именно традиции «британской истории» были важны для йоркистов из-за их популярности среди средневековой публики и потому, что они придавали престиж монархии [9, p. 105].

В пророчествах толкование затруднялось использованием символов для представления действующих лиц, а также созданием зачастую намеренно расплывчатого или двусмысленного повествования. В этих особенностях кроется причина популярности этих сочинений в Средние века [4, p. 123]. Они были написаны в соответствии с желаемым направлением, при использовании языка, достаточно искажённого, чтобы передать таинственность и достоверность, но, тем не менее, достаточно ясного, чтобы позволить оценить заложенный смысл.

К XV в. существовало множество пророческой литературы, к которой могли обратиться грамотные люди [2, p. 178]. Целый ряд пророчеств, обещавших славные военные успехи, появился в ответ на континентальные амбиции Эдуарда III. Свержение Ричарда II в 1399 г. и шаткое поло-

жение Генриха IV в первые годы его правления вызвали всплеск пророческой литературы.

Использование традиционных пророчеств в правление Эдуарда IV иллюстрируется тремя конкретными рукописями, двумя книгами и длинным пергаментным свитком; все работы одного и того же автора. В них, наряду с некоторыми другими пропагандистскими текстами, многочисленные пророчества были собраны вместе и представлены таким образом, чтобы указать на их актуальность для судеб дома Йорков. Сравнения можно провести между двумя книгами, Vespasian E. VII и Bodley 623. Vespasian E. II — более объемная работа, но большинство её текстов также находятся в Bodley 623. Ashmolean Roll 26 включает несколько пророчеств, также содержит две родословные йоркистов и имеет многочисленные длинные отрывки, которые подробно описывают наследственные права Эдуарда IV [10, p. 57].

В каждом манускрипте приводится список признаков, по которым можно было опознать законного и незаконного короля. Эти символы взяты из самих пророчеств и представляют собой образы исторических и легендарных личностей. Имена Эдуард и Генрих включены в соответствующий список, чтобы сделать их применение ясным [10, p. 57, 58]. Используя эти списки, читатель мог бы объяснить каждое из пророчеств, независимо от их первоначального предназначения, в пользу йоркистов и для принижения ланкастерцев. В отрывке об Эдуарде IV говорится, что эти имена принадлежат монархам, которые, согласно различным, но достоверным пророчествам, одержат победу над своими врагами и получат три короны перед своей смертью. Далее утверждается, что все эти обещания были даны Всевышним Богом [10, p. 58]. Пророческие символы, относящиеся к династии Ланкастеров, описываются как имена королей, которые несправедливо заняли трон и будут наказаны Богом, и чьё правление закончится печалью из-за их узурпации и обмана.

Обе книги включают в себя несколько пояснительных параграфов об эффективности пророчеств и прогностицизма, и комментарий к недавней истории Ланкастеров и Йорков. Этот акт создания впечатления, что произошедшее было давно обещано, был главной целью большинства пророчеств, используемых йоркистами. Также в источниках подробно описываются бедствия, которые постигнут королевство из-за плохого правления. Вина за эти катастрофы возлагается на «проклятого Генриха» [10, p. 124, 126].

Отрывок из сочинения Гальфрида повествует об обещании, данном небесным ангелом Кадваладру о том, что благодаря своей верности его

народ в конечном итоге вернёт себе господство в Британии [7, p. 533–534]. Версия Йорков добавляет дополнительные условия возрождения британского суверенитета: бритты были изгнаны из-за своих грехов и смогут вернуться только тогда, когда грехи саксов станут столь же велики: нерадивость и порочная жизнь духовенства, грабительство магнатов, алчность судей. По мнению йоркистов, эти условия были выполнены с восшествием на престол Эдуарда IV и свержением Генриха VI. Иначе говоря, саксы (ныне Ланкастеры) стали такими же порочными. С помощью данного приёма выносится обвинительный акт правлению Генриха VI и легитимизируется передача власти Йоркам [7, p. 56].

Обратим внимание ещё на одно пророчество, названное «Шесть королей, которые последуют за Иоанном»: в нём подробно повествуется о правлении преемников короля Иоанна, от Генриха III до Генриха IV. Оуэн Глиндур и Перси использовали это пророчество в своём восстании против Генриха IV, который был осужден, как проклятый король; было предсказано, что он потеряет трон. Автор йоркистских антологий времён Эдуарда IV использовал данное историческое повествование, написанное пророческим языком, чтобы продемонстрировать злой характер первого монарха Ланкастеров и доказать, что монархия должна остаться в руках истинных наследников Ричарда II, а именно, дома Йорков.

В отдельную группу стоит выделить пророчества, относящиеся к периоду завоеваний Эдуарда III во Франции, которые возродились в правление Эдуарда IV. Эти пророчества ярко демонстрируют ещё одну грань амбиций династии Йорков, стремящейся не только укрепить свою власть в Англии, но и возродить былые территориальные претензии на континенте [7, p. 61]. Эти пророчества, по сути, служили своего рода напоминанием о славном прошлом и подпитывали идею о том, что Йорки являются законными наследниками английского престола и имеют право на французские земли, завоёванные их предками. В период правления Эдуарда IV, когда династия ещё боролась за полное признание и стабильность, подобные пророчества могли служить мощным инструментом пропаганды, оправдывая военные кампании и укрепляя моральный дух сторонников.

Данные пророчества не останавливаются только на личных успехах монарха, а говорят и о мире и процветании, которые король принесёт своим верным подданным. Для того чтобы показать партию Йорков с положительной стороны, подчёркивается благочестивый характер короля, символизируемый драконом, и обещается подавление беззакония и коррупции (главная претензия к режиму Ланкастеров): «Гордыня будет рас-

топтана, и король уничтожит грабителей и угнетателей, а также своих врагов; и он проявит страсть к справедливости» [2, p. 188].

Генеалогии и пророчества можно рассматривать как две отдельные формы пропаганды: одна доказывала притязания Эдуарда IV на королевский титул посредством исторических фактов его происхождения, а другая изображала его как исполнителя различных древних пророчеств и внушала доверие к нему со стороны подданных. При этом в совокупности данные типы источников определяли Эдуарда IV как истинного короля, который был британцем по рождению, и чья монархия была оправдана пророчествами [11, p. 143].

По мнению Элисона Аллана, существовала генеалогия, которая включала в себя и пророчества. Её создатель выделил четыре линии происхождения: наследники Британии, завоеватели (то есть короли Англии, правившие после нормандского завоевания), наследники Франции и наследники Испании. Эти четыре линии в конечном итоге объединяются в Эдуарде IV. В разных местах генеалогии содержатся пророчества, относящиеся к дому Йорков. Например, послание ангела Кадваладру, включающее условия, на которых бритты могли бы вернуться к власти в своём королевстве [2, p. 188]. Значение этих пророчеств и родословной Эдуарда усиливается сочетанием имён соответствующих фигур в генеалогии с некоторыми именами законных и узурпаторских королей.

Пропаганда подобного рода: длинные и подробные генеалогии, сборники пророчеств — могла достичь лишь ограниченной аудитории, в отличие от королевских прокламаций, которые декламировались вслух и размещались повсеместно в людных местах. К тому же в прокламациях события освещались с помощью простого и непосредственного языка, понятного большинству населения, а генеалогии и пророчества зачастую восхваляли Йорков в замысловатых фразах и образах [12, p. 148]. Литература о родословных и пророчествах требовала изучения и размышления, а не мгновенного восприятия. Понимание латинских пророчеств, скорее всего, было уделом хорошо образованных людей. Однако ограниченность их аудитории не умаляет ценности подобных текстов как средства пропаганды, так как эти йоркистские документы были привлекательны для тех, чья поддержка имела наибольшее практическое значение для Эдуарда IV: знати и джентри.

Список источников и литературы

1. *Ross Ch.* Edward IV. Berkeley: University of California Press, 1974. 479 p.

2. *Alison A.* Yorkist Propaganda: Pedigree, Prophecy and the «British History» in the Reign of Edward IV // Ross Ch. Patronage, Pedigree and Power in Later Medieval England. Gloucester: Alan Sutton, 1979. P. 171–192.
3. Catalogue of the Collection of Medieval Manuscripts Bequeathed to the Bodleian Library, Oxford / Ed. J.P.R. Lyell. Oxford: Oxford University Press, 1971. 466 p.
4. *Kingsford M.A.* English Historical Literature in the Fifteenth Century. New York: B. Franklin, 1963. 429 p.
5. *Chaytor H.J.* From Script to Print: An Introduction to Medieval Vernacular Literature. London: October House, 1966. 158 p.
6. *Bennett H.S.* The Production and Dissemination of Vernacular Manuscripts in the Fifteenth Century // The Library: A Quarterly Journal. Fifth Series. Vol. 1. 1946. No. 7. P. 167–78.
7. The Historia Regum Britanniae of Geoffrey of Monmouth / Ed. A. Griscom. London — New York — Toronto: Longmans, Green And Co., 1929. 730 p.
8. Handbook of British Chronology / Eds. F.M. Powicke, E.B. Fryde. London: Royal Historical Society, 1961. 565 p.
9. *Williams G.* Prophecy, Poetry and Politics in Medieval and Tudor Wales // Williams G. Religion, Language and Nationality in Wales. Cardiff: University of Wales Press, 1974. P. 71–86.
10. *Taylor R.* The Political Prophecy in England. New York: Columbia University Press, 1913. 197 p.
11. *Broertjes A.* “Winning the People’s Voice”: Usurpation, Propaganda and State-influenced History in Fifteenth-century England. Thèse de doctorat en histoire, sous la direction de P. MADDERN, Perth, University of Western Australia, 2006. 328 p.
12. *Allan A.* Royal Propaganda and the Proclamations of Edward IV // Bulletin of the Institute of Historical Research. 1986. Vol. 59. P. 146–154.

УДК 94(4)

Миняйло Т.Е.

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», факультет гуманитарных наук,
Образовательная программа «История», студент бакалавриата.
E-mail: teminyaylo@edu.hse.ru

«Мирская мудрость» и интеллектуальное «опрощение» на Западе и Востоке средневековой Европы (на примере текстов Франциска Ассизского и Иоанна Вишенского)

Аннотация. Статья посвящена проблеме критики так называемой «мирской мудрости» мыслителями Запада и Востока средневековой Европы. На примере св. Франциска и Иоанна Вишенского сравнивается риторика католиков и православных по отношению к мирскому разуму. Делается вывод о разнообразии причин обращения авторов к этой тематике — о роли контекста, общехристианских культурных установок и влияния конкретных текстов.

Ключевые слова: христианство, аскетизм, интеллектуальная история.

Miniailo T.E.

National Research University
"Higher School of Economics", Faculty of Humanities,
Bachelor's Program Student.
E-mail: teminyaylo@edu.hse.ru

"Mundane Wisdom" and Intellectual "Simplification" in Medieval Europe's West and East (by example of Francis of Assisi and Ioann Vishensky)

Abstract. The article is dedicated to the problem of criticism of "mundane wisdom" in Medieval Europe's West and East. By example of St. Francis and Ioann Vishensky the catholic and orthodox rhetoric against the mundane mind is compared. The author makes a conclusion about the multiplicity of reasons of appeal to this subject—about the context's, common Christian attitudes' and particular texts' role.

Keywords: Christianity, ascetism, intellectual history.

Сравнение разного рода аспектов культуры католического и православного миров, выявление между этими двумя направлениями христи-

анства как сходств, так и различий, а также поиск истоков этих сходств и различий является перспективным исследовательским направлением. Долгое время оно было представлено немалым числом работ: так, например, историк Н.С. Арсеньев в своей книге «Единый поток жизни: К проблеме единства христиан» исследовал в сравнительной перспективе жития и сочинения подвижников католического (св. Франциск) и православного (Сергий Радонежский, Серафим Саровский и др.) монашества [1, с. 64–65]. Сравнительная перспектива может оказаться полезной для изучения истории аскетизма, существующего как в западном, так и в восточном христианстве. В этой небольшой работе нам бы хотелось обратить внимание на то, каким образом в католической и православной традициях аскезы их приверженцы формулировали отношение к познанию мира посредством разума.

Под постижением мирской мудрости автор данной статьи подразумевает стремление средневековых интеллектуалов познать природу творения и его создателя посредством дисциплин, осмыслявшихся в качестве научных (в противовес исключительно духовной, иррациональной сопричастности Господу). Кроме того, кажется важным принять во внимание непосредственно, на взгляд автора статьи, связанный с этой проблематикой вопрос об отношении мыслителей-аскетов к книжной культуре и письменному слову в целом.

Поскольку такая обширная тема едва ли может быть охвачена в пределах одной статьи, сосредоточим внимание на наследии лишь двух авторов. Нами были выбраны тексты, написанные представителями не только разных ветвей христианства и значительно удалённых друг от друга регионов Европы: помимо конфессиональной принадлежности и расстояния, создателей рассматриваемых источников разделяет без малого 400 лет разницы дат их жизни — возможно, тем большего внимания заслуживают сходства, которые эти источники обнаруживают между собой, поскольку присутствие сходных идей в текстах, созданных в весьма различных условиях, может свидетельствовать об универсальности этих идей для христианской философии.

Первый из авторов, к текстам которого хотелось бы обратиться, — Франциск Ассизский, известный как один из наиболее ярких представителей аскезы в истории западного христианства. Франциск, жизнь которого прошла в итальянских землях на рубеже XII–XIII вв., оказался современником бурных изменений в культурном ландшафте средневекового Запада: церковными мыслителями осваивалось оказавшееся в их распоряжении наследие античных авторов, небывалый подъём пережи-

вали университеты. Совершенно естественным в этих условиях кажется обращение Франциска к влиянию сферы «интеллектуального» на духовный мир человека. Наряду с необходимостью отказа от непосредственного потакания плоти в пище, досуге, и пр. — одной из центральных тем сочинений основателя ордена миноритов, — св. Франциск неоднократно обращается к тематике познания человеком окружающего его мира и природы божественного творения.

Так, например, этот мотив мы встречаем в первой из дошедших до нас редакций устава ордена миноритов; в нём Франциск предостерегает своих последователей:

«И будем беречься от премудрости этого мира и от помышлений плотских. Ибо дух плоти хочет и стремится много к речам, но мало к делам; и ищет не набожности и святости внутренней, но хочет и жаждет набожности и святости, выставляемых людям напоказ» [2, с. 103].

Понятие «премудрость этого мира» (лат. sapientia huius mundi [2, с. 102]) в приведённом отрывке, по-видимому, относится к изучению посюстороннего мира с помощью «земного», «человеческого» разума. В пользу этой точки зрения свидетельствует положение дел в среде учеников святого, а именно расслоение, начало которому было положено ещё при жизни Франциска: стремительно набирая популярность, новое религиозное движение неизбежно вбирало в себя людей с самыми разными культурными установками; наряду с миноритами, не взаимодействовавшими с университетской средой, для которых отказ от интеллектуальной культуры и книжности не представлял проблемы, ряды ордена пополнялись за счёт братьев, более искушённых в богословии и других науках; эти братья осознавали необходимость учёных занятий для более успешной проповеди [3, с. 127]. Такое положение дел в дальнейшем стало основой для противостояния внутри ордена: в оппозиции основной массе монахов оказались ближайшие последователи Франциска и их восприемники, бывшие ближе к идеалам, — в том числе интеллектуального опрощения, — которые изначально проповедовал основатель ордена миноритов [3, с. 129].

В другом месте «Устава» Франциск, обращаясь к своим последователям, предостерегает их от хранения книг[1] — за исключением Псал-

[1] Возможно, помимо ограничения круга чтения братьев, эта мера могла обеспечивать отказ каждого из них от материальных благ: книги на протяжении всех Средних веков стоили, как известно, чрезвычайно дорого.

тири для грамотных братьев и текстов, необходимых для богослужений, которые позволялось иметь клирикам, — а также вводит запрет на обучение неграмотных францисканцев чтению:

«И книги могут иметь только необходимые для исполнения своей службы. А братьям, которые не являются клириками, но умеют читать, дозволяется иметь Псалтирь. Другим же, неграмотным, не дозволяется иметь книг» [2, с. 83].

Скептическое отношение Франциска к «мудрости» и книжной культуре могло быть обусловлено проповедью смирения, к которой святой неоднократно обращался в своих текстах. Помимо смирения перед лицом жизненных тягот, которые в конце концов должны были привести человека к спасению, в текстах Франциска можно увидеть и призыв к смирению разума. Так, например, в «Увещеваниях» — сборнике наставлений, по форме и содержанию схожих с проповедями, — святой вспоминает историю грехопадения Адама и Евы, в основе которого, по его словам, лежало шедшее против божественной воли стремление к познанию природы мира:

«<…> От всякого дерева в раю он [Адам] мог есть, потому что не грешил, пока не вышел из повиновения. Тот же, кто вкушает от дерева познания добра, приобретает собственную волю и отпадает от благ, о которых Господь говорил и сотворил ему, и для него по наущению диавола и нарушению заповеди плод становится плодом познания добра и зла» [2, с. 57].

Изучая воззрения Франциска на «земной» разум и письменную культуру в целом, нельзя не обратить внимание на ещё одно его сочинение, а именно на послание, адресованное его последователю и глубокому знатоку священных текстов, будущему святому и «евангелическому доктору» Антонию Падуанскому. Франциск пишет брату Антонию:

«Хочу я, чтобы ты читал братьям святую теологию, лишь бы среди этих трудов ты не погасил дух молитвы и благочестия» [2, с. 201].

Может показаться, что оценка книжного знания о Боге и его творении, высказываемая здесь Франциском, кардинально противоположна содержанию других его текстов. Такая интерпретация содержания этого источника даже заставляла некоторых исследователей усомниться в его аутентичности — такова, к примеру, была оценка французского историка Поля Сабатье, опубликовавшего одну из первых «светских» биографий Франциска [4, с. 371]. Однако причина, по которой содержание этих текстов разнится так сильно, на мой взгляд, может состоять в том, что в действительности они посвящены различным подходам к познанию миро-

здания. Так, в остальных своих текстах Франциск, по всей видимости, имеет в виду «рациональное» изучение мира, не подходящее для постижения тайн божественного творения. В этом же тексте речь идёт о познании Бога при помощи основанной не только и не столько на логическом осмыслении мира «святой теологии», отношение Франциска к которой, по-видимому, было не столь однозначно отрицательным. Эта гипотеза не снимает всех вопросов относительно послания Франциска к Антонию[2]; тем не менее, такая интерпретация его отличий от других текстов святого может приблизить нас к пониманию природы этих отличий.

Другая фигура, на наследие которой обратим внимание, — автор полемических текстов, православный монах родом из Великого Княжества Литовского Иоанн Вишенский, живший во второй половине XVI в. — начале XVII в. Его интерес к влиянию книжности на способность человека спасти свою душу так же, как и в случае с Франциском, по-видимому, не был случайным: будучи ревностным противником перехода православного духовенства и мирян под начало Святого Престола после заключения в 1595 г. Брест-Литовской унии, Иоанн резко критиковал католиков, обвиняя их в самых разных прегрешениях, которые можно обобщённо обозначить используемым им самим — например, в сочинении под названием «Зачапка мудраго латынника з глупым русином» — выражением «латинская мудрость» (или «хитрость») [5, с. 172]. Именно с её помощью католики, по словам Иоанна, пытаются оправдать свои заблуждения, в том числе присущее им, с его точки зрения, стремление постичь Бога не при помощи простой, ничем не замутнённой веры, а через земной разум. Такого рода обличению «разумного» познания Бога целиком посвящено небольшое послание Иоанна, написанное им на Афоне и адресованное членам православного церковного Львовского братства:

«…Дайте место и фундамент в разуме вашем православной вере и никакоже ни единым кознем и хитростем словеснаго баснословия, от духопрелестнаго источника отригающим, самомнимаго разума [не] веруйте» [5, с. 207][3].

---

[2] В частности, остаётся не до конца понятным, почему в «Послании» Франциск вдруг оказывается лояльным к самому явлению постижения чего-либо при помощи разума и обращения к книгам, хотя в других текстах его отношение к такого рода практикам является куда более строгим.

[3] Здесь и далее транскрипция с западнорусского выполнена автором статьи.

К этой же теме Иоанн обращается в другом своём произведении — «Книжке Иоанна мниха Вишенского <…> в напоминание всех православных христиан, братствам и всем благочестивым, в Малой России в короне Полской жителствующим <…>» — трактате, посвящённом обличению пороков, которым, в глазах автора, оказались подвержены его единоверцы в Речи Посполитой. В этом сочинении католики и униаты сравниваются с православными, а латинский язык противопоставляется «словенскому» (то есть церковнославянскому); описывая преимущества последнего перед латынью, Иоанн указывает на роль, которую в западном христианстве играют различные научные дисциплины — в том числе диалектика, грамматика и риторика[4]: «…понеж без поганских хитростей и руководств, се ж ест кграматик, рыторык, диалектик и прочих коварств тщественных, диавола вместных, простым прилежным читанием, без всякого ухищрения, к богу приводит, простоту и смирение будует [то есть создаёт — *Т.М.*] и духа святого подъемлет» [5, с. 23].

Как и у Франциска в послании к Антонию, в сочинениях Иоанна прослеживается следующий мотив: всячески осуждая «земную» мудрость и стремление познать Бога с помощью разума, он вместе с тем противопоставляет такой учёности «правильный» путь приобщения к Господу; именно этот путь имеется в виду под «простым прилежным читанием» в отрывке, приведённом выше. Если Франциск для постижения божественной природы предлагает Антонию преподавать остальным меньшим братьям богословие, то Иоанн указывает на важность изучения текстов, признанных в православии боговдохновенными:

«Чи не лепше тобе изучити Часословец, Псалтыр, Охтаик, Апостол и Евангелие с иншими, церкви свойственными, и быти простым богоугодником и жизнь вечную получити, нежели постигнути Аристотеля и Платона и философом мудрым ся в жизни сей звати и в геенну отити? Разсуди!» [5, с. 28].

Примечательно, что в качестве объектов осуждения Иоанн упоминает Аристотеля и Платона — дохристианских философов, оказавшихся в круге чтения западных интеллектуалов в XII в. В «Зачапке…» Иоанн также рекомендует тем, кто желает приобщиться к мудрости, вместо почитаемых латинянами авторов изучать канонические христианские тексты:

---

[4] На средневековом Западе эти науки составляли т.н. «тривиум»; однако место диалектики в нём занимала логика.

«А если бы хотел, возлюбленный любомудрче, и надворной [то есть внешней — *Т.М.*] мудрости хитрость уведати, не возбраняется у наших, в церкви место имеющих, то есть в Соломоновых притчах, Премудрости, Еклесиасте, Сиррахху и прочих старозаконных, сеновно-образных и к истинне посылающих с пророческими предвозгласии, и там <…> поглумися и забавляй» [5, с. 176].

Вновь заметим, что речь здесь идёт не о противопоставлении учёности чистому чувству веры, а одной разновидности мудрости другой: если одна из них была сопряжена с обращением к языческим философам и наукам, изучавшимся на католическом Западе, то вторая имела в своей основе тексты, которые православная церковь признавала священными: за их счёт Иоанн и предлагает читателям утолять жажду знаний о мироустройстве.

Итак, нетрудно заметить тенденцию, объединяющую авторов, разделённых, казалось бы, временем, расстоянием, культурным и политическим контекстом, и прочими факторами: с одной стороны, каждый из них критически относится к книжной мудрости и интеллектуальному постижению мира в целом, характеризует эти явления как способные увести человека с пути духовного спасения; вместе с тем скепсис обоих авторов, по-видимому, имеет пределы: так, Франциск с некоторыми оговорками благосклонно отзывается о теологии, в то время как Иоанн Вишенский заявляет о важности изучения Евангелия и иных священных текстов, не говоря при этом об обращении к учёному богословию. В чём же причины схожести взглядов мыслителей на изучение мира и на попытки постичь Бога и его творение при помощи разума? Связаны ли они только с обстоятельствами, окружавшими каждого из них, или за этим совпадением кроется нечто, имманентно присущее христианской культуре, вне зависимости от конфессии?

На наш взгляд, происхождение этой схожести в риторике Франциска и Иоанна имеет сразу несколько истоков. С одной стороны, как уже было сказано выше, для обоих авторов проповедь против мудрости, бывшая неотъемлемой составляющей их мировоззрения, служила своеобразной реакцией на окружавшие их события и процессы. С другой стороны, поиск корней того направления в средневековом христианстве, которое отдавало предпочтение духовному постижению Бога исследованию мира при помощи разума, вероятно, не мог обойтись без обращения к текстам, ключевым для христианства в целом и для монашества — как западного, так и восточного в частности. То же касается присутствующего у обоих из рассматриваемых мною авторов мотива разделения между собой «правильного» и «неправильного» постижения Бога и сотворённого им мира.

Однако в том случае, если бы мы задались целью обнаружить в Библии или, например, в сочинениях отцов Церкви конкретные фрагменты, под тем или иным влиянием которых Франциск, Иоанн, и другие авторы осуждали «земную» мудрость, мы, вероятно, потерпели бы неудачу. Во-первых, в поздней Античности — в эпоху создания многих основополагающих для христианства текстов — проблема «земного» разума, как кажется, стояла не слишком остро: место книги и письменного слова в целом отличалось от того, которое они заняли в европейской культуре впоследствии; хотя уже тогда христианский мир сотрясали всевозможные конфликты и противоречия — к примеру, борьба с последователями Ария, — мы едва ли найдём в текстах этого времени запрет на чтение тех или иных сочинений. Во-вторых, даже если бы такой запрет обнаруживал себя в источниках, вряд ли было бы правильно видеть в нём предтечу всех последующих предостережений от «земной» мудрости.

Вместе с тем мы можем отметить влияние некоторых конкретных источников на рассматриваемые здесь тексты. Так, в своих рассуждениях о мирской мудрости Иоанн Вишенский неоднократно ссылается на сочинения Дионисия Ареопагита (или т.н. псевдо-Дионисия). Ссылки на его тексты — в частности, на послание Поликарпу-иерарху, — используются Иоанном для аргументации порицания католиков за обращение к античным авторам [6, с. 220][5].

В остальном же правильнее, на наш взгляд, искать истоки воззрений Иоанна и Франциска в более общих идеалах, оказавшихся неотъемлемой составляющей церковной доктрины, как на Западе, так и на Востоке христианского мира.

Так, следует обратить внимание на проповедь смирения, встречающуюся в самых разнообразных раннехристианских источниках. В частности, к ней повсеместно обращаются создатели первых монашеских уставов. Таков, например, устав Василия Великого [7, с. 368], ставший одним из ориентиров для создателей первых правил монашеской жизни, как на Западе, так и на Востоке. Пафос смирения и самоуничижения оказывается одной из центральных тем проповеди св. Франциска. Отказ

---

[5] Эксплицитные ссылки на этого автора у Франциска отсутствуют, хотя Дионисий был признан и в качестве католического святого — в частности, небесного покровителя Парижа — и почитался довольно широко; впрочем, отсутствие прямых упоминаний Дионисия не исключает влияние его текстов на мировоззрение Франциска в том или ином виде.

от стремления постичь тайны мироустройства мог таким образом являться производной от роли, которую в системе ценностей Франциска играло смирение.

Другой общехристианский мотив, важный для понимания общих истоков риторики Иоанна и Франциска — отказ от потакания желаниям тела и от разного рода излишеств вообще. В случае основателя ордена миноритов стоит обратить внимание на присущее ему общее стремление к опрощению, доведённое им до форм, резко отличавших его движение от других монашеских конгрегаций: отказ от «земной» «премудрости» органично сочетался с жёстким самоограничением в быту (одежде, еде, и пр.), которое исповедовал и проповедовал другим Франциск. Нечто подобное можно увидеть и в текстах Иоанна Вишенского: в «Книжке…» он, обращаясь к отпавшим от православия униатам, порицает их за якобы присущие им гордыню, чревоугодие, и прочие грехи: «еда Бог на твою пыху [то есть спесь — *Т.М.*] многослужную <…>, и на твоё чреево сластолюбивое <…> гледит» [5, с. 25].

Подводя итоги, следует подчеркнуть, что круг как католических, так и православных мыслителей, обращавшихся в своих текстах к мотивам «мудрости» и «простоты» в тех или иных обстоятельствах, намного шире рассмотренной здесь пары авторов. Так, например, интерес представляют сочинения протопопа Аввакума, порицавшего изучение философии вне чтения боговдохновенных текстов и ссылавшегося при этом, как и Иоанн Вишенский, на псевдо-Дионисия и на его послание Поликарпу-иерарху [8, с. 108]. Не исключительно уникальным был и опыт св. Франциска на Западе: так, один из членов его ордена — Ангел Кларенский, живший уже на рубеже XIII–XIV вв. — критиковал богословов за обращение к античным философам [9, с. 376], причудливым образом сближаясь в этом с Иоанном Вишенским и Аввакумом. Изучение наследия этих и других авторов необходимо для углубления нашего понимания истории интеллектуального опрощения католическими и православными мыслителями, истории интеллектуальной культуры христианства в целом.

Список источников и литературы

1. *Арсеньев Н.С.* Единый поток жизни (К проблеме единства христиан). Брюссель: Изд-во «Жизнь с Богом», 1993. 308 с.
2. *Франциск Ассизский.* Сочинения / Ред. перевода, вступ. ст., коммент. В.Л. Задворного. М.: Изд-во францисканцев — братьев меньших конвентуальных, 1995. 288 с.

3. *Карсавин Л.П.* Монашество в Средние века / Вступ. ст. М.А. Бойцова. М.: Высшая школа, 1992. 190 с.
4. *Сабатье П.* Жизнь Франциска Ассизского. М.: Посредник, 1895. 354 с.
5. *Вишенский И.* Сочинения / подгот. текста, ст. и коммент. И.П. Ерёмина. М. — Л.: Изд-во АН СССР, 1955. 373 с.
6. *Пуминова Н.В.* Corpus Areopagiticum и полемическая литература Западной Руси XVI–XVII вв. // Вестн. РГГУ. Сер. Философия. Социология. Искусствоведение. 2009. № 12. С. 216–223.
7. *Святитель Василий Великий, Архиепископ Кесарии Каппадокийской.* Творения: в 2 т. Т. 2: Аскетические творения. Письма. М.: Сибирская Благозвонница, 2009. 1232 с.
8. *Дмитриев М.В.* Протопоп Аввакум и Corpus Areopagiticum // Каптеревские чтения: сб. ст. Вып. 6. М.: ИВИ РАН, 2008. С. 104–108.
9. *Карсавин Л.П.* Очерки религиозной жизни в Италии XII–XIII вв. СПб.: Тип. М.А. Александрова, 1912. 843 с.

УДК 94(495)

Тиханович Е.С.
Тюменский государственный университет,
Институт социально-гуманитарных наук,
студент бакалавриата.
E-mail: tixanovich558@yandex.ru;
stud0000276203@study.utmn.ru

Красота и здоровье византийской женщины: медицинские трактаты XI–XIV вв.

Аннотация. Статья посвящена отражению взаимосвязи женской красоты и здоровья в византийских медицинских трактатах XI–XIV вв. В исследовании продемонстрировано, как византийская медицина, унаследовавшая античную традицию, рассматривала косметические средства как неотъемлемую часть заботы о здоровье и социальном облике женщины.

Ключевые слова: медицинские трактаты, красота, медицина, рецепты, Византия.

Tikhanovich E.S.
Tyumen State University,
Institute of Social and Humanitarian Sciences,
Bachelor's Program Student.
E-mail: tixanovich558@yandex.ru;
stud0000276203@study.utmn.ru

Beauty and Health of the Byzantine Woman: Medical Tracts of Eleventh — fourteenth Centurties

Abstract. The article focuses on the relationship between female beauty and health in Byzantine medical treatises from the 11th to the 14th centuries. The study demonstrates how Byzantine medicine, which inherited the ancient tradition, viewed cosmetics as an integral part of women health and social appearance.

Keywords: medical treatises, beauty, medicine, recipes, Byzantium.

Понятие женской красоты играет важную роль в изучении медицинской и социальной истории Византии. Оно демонстрирует не только медицинские знания и практики, которые применялись для изучения здоровья, но и взгляды на место женщины в обществе. Статья посвящена исследованию восприятия женской красоты в Византии XI–XIV вв., пред-

принятому с опорой на медицинские трактаты и их конкретные практики, которые применяли врачи в области лечения населения, а также рецептурные сборники и энциклопедические сочинения врачей, которые являются важнейшей частью изучения красоты и здоровья женщин. Хотя медицина и косметика — это две противоположные стороны, нередко в фармакологических трудах встречаются рецепты по приготовлению мазей и уходовых средств, что может сказать нам о тесной связи между физиологией и эстетикой, особенно в мире византийских женщин. Неровный, бледный тон лица, покраснения, высыпания и другие внешние изъяны явно нарушали привлекательность и являлись косметическими дефектами.

Особое внимание уделено рецепции античного наследия в византийской медицинской практике эпохи Палеологов. Медицина в Византии брала свои истоки от греческой традиции. Основой для медицинских знаний являлись труды Гиппократа [1], Галена [2] и Диоскорида [3], работы которых неоднократно переписывались византийскими учеными. Однако византийские медики не просто заимствовали знания у античных авторов, но и адаптировали их под свои культурные и духовные реалии. Использование косметики наряду с врачеванием продолжало традиции Гиппократа и позднеантичные традиции. Одним из первых, кто начал изучать вопрос интеграции античных источников, был немецкий историк-византинист К. Крумбахер [4], рассмотрев все наследие византийской литературы, в том числе и авторитетность медицинских трудов Галена, Гиппократа и др. [4, с. 67]. В контексте влияния античной традиции на фармакологические трактаты византийских врачей стоит упомянуть работы О. Темкина [5], который изучил вопрос трудов Гиппократа и его наследия в мире медицины.

Медицинская литература того времени является ценным источником не только в контексте врачевания, но и в контексте отражения средневековой картины мира. Эти труды включали в себя описание растений и рецепты лекарств, созданных из них, описание хирургических операций и инструментов, советы по диетам и уходу за ранеными. Особое место занимали трактаты с описанием лекарственных средств и способов их применения. Представления о женской эстетике и уходе за телом хорошо прослеживаются в конкретных медицинских трактатах, таких как Византийский медицинский трактат XI–XIV вв. (по рукописи Cod. Plut. VII, 19 Библиотеки Лоренцо Медичи во Флоренции) в переводе Г.Г. Литаврина [6], который занимался изучением и проблематикой упомянутого трактата. Такие тексты являются ценными источниками для изучения конкретных компонентов и рецептов, которые применялись в контексте ухода за

телом, устранения изъянов и укрепления здоровья женщины в византийском обществе.

Анализ данного трактата позволяет выявить, какие методы лечения были популярны и как медицинские практики вписывались в контекст изучаемой среды. При анализе рецепта «мази Зои» по составлению смесей с указаниями Галена, видна тесная связь между фармаконом и косметическим составом, а также прослеживается, как позднеантичные трактаты компилировали тексты античной медицинской традиции [6, с. 292].

Женская красота воспринималась обществом как слияние гармонии тела и души, что было абсолютным идеалом, проявляющимся в гладкости и упругости кожи, румянце на лице, и стройности тела, и считалось признаками привлекательности и здоровья. В древней медицинской традиции различие между внутренним и внешним состоянием организма не имеет большого значения, кожа — это своеобразный «спутник», через которую можно объяснить явления, происходящие внутри, куда врачу того времени было трудно взглянуть. Красота — это вторая по значимости и количеству упоминаний в трактате категория [6], после общего лечения, которая подчеркивала значимость ухода за кожей лица и тела во врачебных практиках. Многие ингредиенты, например роза и лилия (из которых делали мази и масла для увлажнения и устранения воспалений), свинцовые белила, драконтий и диасполит использовались для очищения, упругости, подтягивания кожи [6, с. 261]. Гиппократ в своих трудах часто упоминает масла из лилий для поддержания женского здоровья, облегчающие болезненные воспаления [2]. Компоненты, связанные с женским здоровьем, играют вспомогательную роль, указывая на многопрофильность применения лекарственных веществ, которые включали в себя очищение человеческого организма и показывали комплексный подход к здоровью, где физическое состояние напрямую связано с духовным. Таким образом, мази Зои представляют собой уникальный состав, включающий ингредиенты, которые отражают элементы символики, фармакопеи и косметологии в учении о здоровье той эпохи.

Изучение медицинских трактатов XI–XIV в. предоставляет богатый материал для осмысления того, как женская красота, в соотношении со здоровьем, воспринималась в византийском обществе. Для врачей того времени красота являлась не только эстетическим идеалом, а наоборот, медицинским аспектом. Таким образом, труды объединяли врачебные и эстетические явления в единую систему знаний.

Говоря о физиологии, византийские врачи унаследовали, в свою врачебную практику, античное учение о «соках»: кровь, черная и желтая

желчь, слизь, которые должны между собой гармонировать для благоприятного самочувствия человека [7, с. 16]. В этом случае упоминается красота, как результат правильного и органичного смешения между собой «соков». Например, избыточная краснота лица являлась признаком излишек крови в организме, а белизна кожи интерпретировалась как правильный баланс холодного и влажного начала, что свидетельствовало нам об умеренности в уходе и чистоте человека. Иоанн Актуарий [8] в своих трудах охарактеризовал кожу, склонную к сухости и морщинам, как ту, которая утратила свою естественную влагу, а значит, склонна к преждевременному старению.

Для внешнего ухода рекомендовались увлажняющие масла, особенно оливковое и розовое, упоминания которых встречаются во многих медицинских трактатах. Например, такой внешний уход хорошо прослеживается в рукописи «Мази госпожи Зои-царицы», в разделе «О благообразии тела» [6, с. 260–261]. В ней упоминаются разнообразные масла и отвары для увлажнения, против морщин и воспалений.

Внешность женщины выступала своеобразным «зеркалом здоровья». Эстетические признаки тела включались в систему диагностики всего организма — упругая, чистая кожа и длинные густые волосы говорили о здоровье, когда наоборот, их повреждение — о болезнях внутренних органов. Именно поэтому многие из рецептов медицинских трактатов были направлены не только на косметический эффект, но и на восстановление внутреннего баланса.

Обратимся к труду придворного врача Иоанна III Ватаца (1221–1254), Николая Мирепса [9], который написал обширный рецептурный сборник под названием «Dynameron» [9], в который он включил более 2 500 наименований, систематизируя знания античного наследия и арабо-латинскую традицию, — сборник, широко применяемый впоследствии во врачебных практиках. «Dynameron» включает сотни формул мазей, отваров, пластырей и пилюль, унифицируя наименования лекарственных ингредиентов, пропорций и способов их приготовления, благодаря чему сборник являлся основой фармакологических знаний и служил ориентиром для врачей в Византии, а позднее в Европе.

Помимо терапевтических разделов трактат содержит отдельные пункты по уходу за внешностью, телом и женским здоровьем. Важной особенностью источника являются обширные рецепты отбеливающих мазей для лица с эффектом подтяжки кожи [9, с. 585], средства для очищения и придания блеска коже лица [9, с. 586], а также рецепты, которые точно эффективны и проверены на практике. Как говорит сам автор:

«Мазь для лица, достойная похвалы и чудесная; она делает лицо сияющим и гладким, устраняет все шероховатости. Используй ее и для всего тела; она проверена и эффективна» [9, с. 586]. Важной частью в труде является тема женского здоровья: автор приводит средства для облегчения родов и восстановления после них женщины, или наоборот рецепты для зачатия, если она бесплодна [9, с. 311]. В подобных рецептурах прослеживается связь между медицинскими практиками византийских врачей и компиляторов с античными авторами, где большое внимание уделялось продолжению рода и сохранению здоровья матери [9, с. 645].

Византийская медицина прослеживается и в контексте христианской духовности, которая оказывала особое влияние на восприятие болезней, как на недуг, посланный Богом за греховность человека. В ходе анализа византийского общества проявляется связь внутренней и внешней красоты в динамике развития женской эстетики. Хороший пример: «…по божественной милости и великой щедрости, она сразу же забеременеет» [9, с. 922]. Это говорит нам о том, что в ходе развития медицины духовность и врачебная практика, несомненно, переплетаются в определенное мировоззрение, неразрывно связанное с обоими течениями. Соответственно, труд Николая Мирепса является не только фармакологическим сводом, но и универсальным справочником косметической практики.

Исследование медицинских трактатов XI–XIV вв. позволяет сделать ряд важных обобщений о восприятии женской красоты в византийской культуре. Категория красоты занимала важное место не только в эстетической, но и медицинской традиции эпохи, формируясь на пересечении античного наследия, отражая сложное взаимодействие между представлениями о физиологии, эстетике и социальной ролью женщины. Внешние признаки, такие как цвет лица, состояние и упругость кожи, рассматривались в призме с внутренней диагностикой организма, указывая врачам на неочевидные проблемы со здоровьем.

Византийские врачи интегрировали фармакологические и косметические методы лечения, считая уход за телом важным аспектом медицинской практики, которая способствовала гармонии между внешностью и внутренним состоянием организма. Они интерпретировали труды известных античных авторов: Галена, Гиппократа, Диоскорида и других, взяв их за основу для дальнейшего изучения и адаптации к своему культурному и духовному контексту, подчеркивая личный опыт применения описанных рецептов.

Многочисленные рецепты, связанные с уходом за внешностью, которые играли важную роль во всех медицинских трудах, говорят нам о по-

пулярности косметических средств в обществе и их систематическом использовании на практике.

Таким образом, женская красота в византийской медицине рассматривалась как сложная категория, которая объединяет в себе множество тесно связанных социальных аспектов. Изучение этой проблематики открывает широкие возможности для дальнейшего исследования в области истории медицины, помогая лучше понять особенности Византийской цивилизации.

Список источников и литературы

1. *Гален.* О назначении частей человеческого тела / под ред. В.Н. Терновского. М.: Медицина, 1971. 536 с.
2. *Гиппократ.* Сочинения. М.: Гос. изд-во биол. и мед. лит-ры, 1936. Т. I. 738 с.
3. Ioscorodis. Libri octo Graese et Latina. Parisiis: Arn. Birkmannus, 1549. 392 p.
4. *Krumbache K.* Geschichte der byzantinischen Literatur: Von Justinian bis zum Ende des Oströmischen Reiches (527–1453). München: C.H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung, 1891. 494 s.
5. *Temkin O.* Hippocrates in a World of Pagans and Christians. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1991. 336 p.
6. *Литаврин Г.Г.* Византийский медицинский трактат XI–XIV вв. (по рукописи Cod. Plut. VII, 19 Библиотеки Лоренцо Медичи во Флоренции) // Византийский временник. 1971. Т. 31. С. 249–301.
7. *Бачило Е.В.* История медицины: конспект лекций. М.: Эксмо, 2007. 158 с.
8. Actuarius. De actionibus et Affectibus Spiritus animalis ejusque Victu. Libri II. Ed. by J.F. Fischer. Leipzig: S.n., 1774. 115 p.
9. *Valiakos I.* Nikolaos Myrepsos' «Dynameron»: critical edition. Heidelberg: Propylaeum, 2020. 1486 p.
10. *Острогорский Г.А.* К истории иммунитета в Византии // Византийский временник. М., 1958. № 13. С. 55–106.
11. *Ковнер С.* История средневековой медицины. Киев: Типография Императорского Университетата св. Владимира В.И. Завадского, 1893. 628 с.
12. *Cilione M., Cavarra B., Gazzaniga V.* Once again on the Empress Zoe: Women, Dermatology, Cosmetics, and materia medica (Medical Matter) in the Ancient World // J Cosmet Dermatol. 2023 Feb. No. 22 (2). P. 555–560.
13. *Magner L.N.* A History of Medicine. Second edition. New York: Taylor & Francis, 2005. 632 p.
14. *Scarborough J.* Early Byzantine Pharmacology // Dumbarton Oaks Papers. 1984. No. 38. P. 213–232.

УДК 94

Ожирельев Н.В.
Тюменский государственный медицинский университет,
кафедра истории, ассистент;
Тюменский государственный университет,
аспирант.
E-mail: 754979@qmail.com

Историческая рецептурная модель в практиках врачевания: преемственность и изменения от Античности до Средневековья

Аннотация. В статье проведен сравнительно-исторический анализ рецептурных текстов античной и средневековой медицины, представленных в трактатах Диоскорида, Галена, Авиценны и Мхитара Гераци и Византийского медицинского трактата. Особое внимание уделено рецептурному жанру, структуре рецептов (компоненты, дозировка, формы применения), характеру используемых ингредиентов и их предназначению. Проанализирована преемственность в передаче рецептурных знаний и изменение рецептурных конструкций и состава во времени. Уделено внимание культурно-языковой и риторической трансформации рецептур при переходе от греческой традиции к арабо-персидской и армянской. Приведены примеры рецептов из первоисточников.

Ключевые слова: рецептурный язык, Диоскорид, Гален, Авиценна, Мхитар Гераци, история фармакографии, состав лекарств, рецепты, латынь, старовизантийский текст.

Ozhirelyev N.V.
Tyumen State Medical University,
Department of History, Assistant;
Tyumen State University, Postgraduate Student.
E-mail: 754979@qmail.com

The Historical Prescription Model in Medical Practices: Continuity and Change from Antiquity to the Middle Ages

Abstract. This article presents a comparative historical analysis of medical prescription texts from Antiquity to the Middle Ages, as found in the treatises of Dioscorides, Galen, Avicenna, Mkhitar Heratsi, and the Byzantine Medical Compendium. Special attention is given to the genre of the medical recipe, its structure (ingredients, dosage, methods of application), the nature and intended use of

substances. The study examines the continuity in the transmission of pharmaceutical knowledge and the transformation of prescription formulas and content over time. Particular focus is placed on the cultural, linguistic, and rhetorical shifts in medical prescriptions as they moved from the Greek tradition to the Arab-Persian and Armenian contexts. Selected examples from primary sources are provided to illustrate these developments.

Keywords: prescription language, Dioscorides, Galen, Avicenna, Mkhitar Heratsi, history of pharmacography, composition of medicines, prescriptions, Latin, Old Byzantine text.

Врачебная рецептура как текстовая форма выступает важнейшим свидетельством передачи и трансформации медицинского знания в античности и Средневековье. Именно через рецепты фиксировались практические навыки врачевания, закреплялись медицинские классификации, транслировались представления о природе, теле и болезни. Классическая традиция рецептурной письменности берет начало в трудах античных авторов, прежде всего Диоскорида (I в. н. э.) и Гиппократа, Галена (II в. н. э.), чьи сочинения легли в основу византийской фармакологической мысли. Сложившиеся рецептурные формы были восприняты и переосмыслены в арабо-персидской традиции, наиболее полно представленной в «Каноне врачебной науки» Авиценны (Ибн Сины, XI в.), и в армянской врачебной школе, ярким представителем которой стал Мхитар Гераци (XII–XIII вв.).

На сегодняшний день вопрос о формировании и трансформации рецептурных текстов в рамках византийской и связанной с ней медицинской традиции остается мало разработанным в межкультурном и историко-филологическом аспекте. В фокусе большинства современных исследований находится фармакологическое содержание рецептов, их клиническая направленность или натурфилософские основания [1, 2]. При этом значительно меньшее внимание уделяется языковой структуре рецептур, механизмам передачи и компиляции рецептурных знаний, а также риторике и терминологии рецептов как особого типа текста. Особенно мало изучена рецептурная традиция в контексте взаимовлияния греческой, арабской и армянской медицинских культур на протяжении первого тысячелетия и начала второго.

В данной статье предпринимается попытка восполнить этот пробел путем сравнительно-исторического анализа рецептурных текстов: Диоскорида, Галена, Авиценны и Мхитара Гераци и Византийского медицинского трактата. Сопоставление данных текстов позволяет выявить устойчивые и изменяющиеся элементы рецептурных формул, проследить

эволюцию рецептурного языка, выявить структуру рецептов, используемую терминологию и формы описания болезней.

Цель исследования — проследить, каким образом трансформировались рецептурные тексты от Античности до Средневековья, выявить принципы преемственности и адаптации рецептур в рамках византийской традиции и сопредельных ей культур.

Гипотеза исследования состоит в предположении, что рецептурные тексты, несмотря на различие языков, культурных контекстов и медицинских парадигм, сохраняют устойчивую структурную модель, восходящую к греческой (в особенности галеновской) норме, и подвергаются адаптации в рамках компилятивных практик поздней Античности и Средневековья.

Материалы и методы

В качестве источников исследования использованы ключевые тексты античной, арабской, армянской и византийской медицинских традиций: *De Materia Medica* Диоскорида (в англ. переводе Т. Осбальдестона) [3], *De compositione medicamentorum secundum locos* Галена (издание 1533 г.) [4], *Канон врачебной науки* Авиценны [5] (в сопоставлении с материалами из «Истории арабской медицины» С. Ковнера [6], а также средневековые рецептурные памятники: Византийский медицинский трактат [7] и трактат Мхитара Гераци «*Утешение при лихорадках»* [8].

Исследование основано на методах сравнительно-исторического анализа, текстологической интерпретации и межкультурной рецептивной критики.

Обзор литературы

Изучение рецептурных текстов в медицинской традиции от Античности до позднего Средневековья охватывает несколько исследовательских направлений: 1) историко-филологический анализ античных медицинских сочинений; 2) рецептурные формулы и практика в арабо-персидской медицине; 3) трансляция и трансформация рецептов в византийской и поствизантийской традиции, включая армянский врачебный корпус.

Наиболее основательно разработаны античные рецептурные тексты, прежде всего, в сочинениях Диоскорида и Галена. Работы, посвященные трактату *De materia medica* Диоскорида, сосредоточены на идентификации растений, лекарственных веществ и их применении [3, 9, 10]. Особое внимание уделяется попыткам реконструкции номенклатуры и ботани-

ческой классификации, но рецептурные конструкции как текстовые единицы остаются на периферии научного интереса.

Труды Галена, особенно *De compositione medicamentorum secundum locos*, анализировались с точки зрения фармацевтической практики и медицинской теории [11, 12, 13, 14]. Исследования подчеркивают синтез галеновской рецептурной мысли на основе клинического и философского наследия, однако языковой и структурный анализ самих рецептурных формул требует дальнейшей разработки.

Что касается арабо-персидской традиции, наибольшее внимание уделено *Канону врачебной науки* Авиценны, прежде всего в его латинской и арабской версии [15, 16, 17]. Исследования показывают высокий уровень систематизации и опоры на античные источники, особенно на Галена, но остаются вопросы относительно риторических стратегий и культурной адаптации рецептур.

Византийская традиция, воплощенная в анонимном *Византийском медицинском трактате* XI–XIV вв., представляет собой синтетическое и компилятивное произведение, в котором рецепты включают как эллинистические, так и средневековые элементы. Однако сам трактат не является авторским сочинением в античном понимании, а представляет собой сборник рецептур с частичной атрибуцией («мазь Зои», «врач Прокл» и др.). До сих пор *трактат* рассматривается преимущественно как культурно-исторический источник, а не как предмет рецептурного анализа.

Совершенно иное положение занимает армянский трактат *Утешение при лихорадках* Мхитара Гераци. В отличие от компилятивного византийского текста, труд Гераци демонстрирует авторскую систематизацию рецептур, четкую структуру, последовательное сочетание описания болезни и рецептурного ответа. Исследования армянской медицинской литературы [18, 19] признают значимость Гераци в контексте средневековой врачебной мысли, однако структурно-языковой анализ рецептур в его сочинении остается фрагментарным.

В русскоязычном научном поле рецептурные тексты до сих пор изучаются преимущественно в историко-медицинском контексте [6]. Внимание уделяется вопросам перевода, идентификации веществ, но не внутренней логике рецептурной конструкции. Современные междисциплинарные подходы, сочетающие филологию, рецептурный анализ и историческую семантику [20, 21, 22, 23], пока не получили системного продолжения в отечественной византологии.

Таким образом, современное состояние исследований позволяет выделить следующие пробелы: слабую сопоставимость рецептурных тек-

стов различных традиций (античной, арабской, византийской, армянской); отсутствие анализа языковой и риторической трансформации рецепта как текстовой единицы в контексте межкультурной передачи знаний.

Настоящее исследование призвано восполнить эти лакуны, предложив системное сравнение рецептурных текстов Диоскорида, Галена, Авиценны, а также византийского анонимного корпуса и авторского труда Мхитара Гераци. Такой подход позволяет не только проследить трансформацию рецептурных формул, но и реконструировать логики их адаптации к разным медицинским и культурным парадигмам.

Результаты исследования

Сравнительное изучение рецептурной традиции в трудах Диоскорида, Галена, Авиценны, Мхитара Гераци и в анонимном Византийском медицинском трактате позволяет выявить комплексную трансформацию не только в области фармакологических предписаний, но и в более широком культурно-семантическом и текстовом контексте.

I. Диоскорид и Гален: натурфилософская рациональность

Античная рецептура, представленная в трудах Диоскорида *(«De Materia Medica»)* и Галена, основывается на физиологической логике и гуморальной теории. Лекарственные средства подбираются с учетом их качеств (теплоты, холода, сухости, влажности) и воздействия на телесные соки. В рецептах Диоскорида преобладают точные указания на части растений, способы приготовления и дозировки. Например: «Для слабости желудка: пей отвар листьев мелиссы с вином» [3, p. 132].

У Галена рецептура тесно связана с диететикой и телесной анатомией. Он систематизирует способы приготовления сложных составов (thēriakai), настаивая на соблюдении пропорций. Его рецепты сопровождаются философским обоснованием причин болезни и принципов исцеления: «Состав с миррой, кизилом и вином укрепляет внутреннее тепло и разгоняет застойные соки» [4].

В данной фазе рецептурный текст сохраняет функцию медицинского инструмента, действующего в рамках эмпирико-рационального подхода.

II. Авиценна: рецептура как восстановление космического порядка

В «Каноне врачебной науки» Авиценны рецептура приобретает метафизическую глубину, адаптированную в рамках исламской онтологии.

Вся система *Канона* основана на универсальном философском порядке, в котором лечение — это восстановление нарушенного равновесия (humoral balance). Лекарства действуют в соответствии с естественной природой, которая, по неоплатоническим взглядам Авиценны, задана разумным устроением мира. Хотя он и не называет напрямую Творца в рецептурных разделах, вся структура знания у Авиценны укоренена в иерархической модели космоса, где болезнь — это отклонение от нормального (природного и гармоничного). Лекарство — средство возвращения к изначальной структуре, что в философском контексте исламской мысли действительно может трактоваться как восстановление божественного замысла: «Свойства телесных веществ не случайны: каждая природа дана определенной субстанции с ее силой и предназначением. Зная природу, мы можем предсказать воздействие ее на тело» [5, p. 8–10].

III. Мхитар Гераци: рецептурная трансляция в культурной оболочке

Армянская традиция в лице Мхитара Гераци наследует и перерабатывает арабо-греческое рецептурное толкование его предшественников. Его «Утешение при лихорадке» демонстрирует не только знание химизмов и эффектов лекарств, но и включение этического и поэтического нарратива. Рецепты часто сопровождаются морально-религиозными напутствиями, а лекарство преподносится как проявление заботы Творца. В конце каждого рецепта или назначения предписана фраза «полезно с божьей помощью», или «поможет, если бог пожелает». При лечении многих лихорадок этот принцип прослеживается в большинстве рецептов: «Налей на голову теплую воду, в которой сварены высушенные фиалки, роза и ромашка, умасти голову маслом фиалки… С божьей помощью (это) полезно» [8, с. 77]. Рецепт здесь уже не только техническое предписание, но и элемент риторического воспитания, переходный к литургической функции. Кроме этого, Мхитар, отдавая дань воззрениям своего времени не был лишен мистических предрассудков в лечении некоторых лихорадок, используя амулеты, вешая их на шее больного (свиная кость) [8, с. 62].

IV. Византийский медицинский трактат: рецептура как ритуальный акт

Особенно выразительно сакрализация рецептов проявляется в Византийском медицинском трактате (XI–XIV вв.), где текст рецепта все

чаще становится частью ритуального действия. Наряду с описанием лекарственных веществ появляются магические слова, формулы, инструкции к их написанию и обрядовому использованию: «Напиши на трех листьях лавра “Феокарис”, “Еокарис”, “Окарис” и положи под голову» [7, с. 109]. Подобные рецепты действуют уже не как фармакологическое средство, а как амулет, текст-оберег, способный вызвать изменение в реальности. Мы наблюдаем феномен литургизации рецепта: текст становится частью ритуала, имеющего сакральную структуру. Этот сдвиг очевиден также в рецептах для мигрени: «Напиши на бумаге: “От страха беги леке клудевасасар” — и повяжи на шею» [7, с. 112]. Такой текст не несет фармакологической нагрузки, но действует как символический акт изгнания болезни через магико-религиозный код.

В результате исследования можно выделить следующие трансформационные этапы рецептурного дискурса:

1. Античность (Диоскорид, Гален): рецептура — инструмент рациональной медицины.
2. Арабская традиция (Авиценна): рецептура — выражение космической гармонии, с теологическим подтекстом.
3. Армяно-византийская традиция (Гераци, Византийский трактат): рецептура — сакрализованный текст, включающий апотропейные формулы и ритуальные действия.

Таким образом, рецептурный текст от Античности до Средневековья проходит путь от прагматического медицинского документа к тексту, обладающему ритуальной и символической функцией, активно встроенному в религиозный и культурный контекст.

Обсуждение

Результаты исследования подтвердили выдвинутую гипотезу: рецептурные тексты в медицине от Диоскорида до Мхитара Гераци претерпели глубокую трансформацию — от эмпирико-рациональной модели, базирующейся на натурфилософии, к символико-ритуальной, включающей сакральную и апотропейную функцию. Эта трансформация охватывает не только фармакологическое содержание, но и текстовую структуру, риторическую функцию и культурную значимость рецепта.

1. Рациональность и натурфилософия как фундамент

В трудах Диоскорида и Галена рецептурный текст выступает как функционально-ориентированный инструмент, направленный на прямое

воздействие на тело. Он содержит указание на ингредиенты, их физические качества и способы приготовления. Это видно, например, у Диоскорида: «Плоды укропа, истолченные и принятые с медом, возбуждают мочеотделение и облегчают боли в животе» **[**3, p. 124**].**

У Галена рецептура приобретает философскую системность — он объясняет действие лекарств через учение о четырех началах и гармонии соков: «Смесь алоэ, мирры и шафрана согревает и увлажняет, возвращая утраченный баланс в теле» **[**4**]**.

Таким образом, в античности рецептурный текст основывался на эмпирическом наблюдении, но структурировался в рамках натурфилософской модели.

2. Теологизация и метафизический поворот у Авиценны

В исламской медицинской традиции Авиценны рецептура сохраняет связь с эмпирикой, но ее обоснование смещается в сторону теологической онтологии. Медицинский рецепт становится проявлением божественного порядка и средства восстановления космической гармонии. Авиценна в *Каноне* пишет: «Лекарство, если оно сотворено правильно, есть средство, вложенное Творцом в субстанцию для исцеления согласно природе болезни» **[**5, p. 113**]**.

Эта мысль отражает переосмысление рецепта, как не только технического, но и метафизического текста. Авиценна видит лекарство не просто как результат человеческого знания и наблюдения (эмпирики), но как проявление божественной мудрости и замысла. То есть природа и целебные свойства вещества уже были вложены в него Богом, а врач должен уметь это распознать и правильно применить. Дополнительно в других частях *Канона* Авиценна утверждает, что лечение восстанавливает «естественный баланс» — это часть космической гармонии. Болезнь трактуется как нарушение равновесия между качествами (тепло — холод, сухость — влажность), а лечение — как возвращение к «нормальному состоянию», предустановленному Творцом. Это особенно видно в его рассуждениях о темпераменте и лечении по аналогии или противоположности.

3. Армянская рецептура как синтез научного и духовного

У Мхитара Гераци наблюдается промежуточный этап между рациональностью и сакрализацией. С одной стороны, его рецепты построены по классическим античным канонам, с соблюдением пропорций и дозировок. С другой стороны, сам процесс врачевания осмысляется как фор-

ма милости и помощи, тесно связанная с духовными практиками. Например: «Тем, кто страдает лихорадкой, дается напиток из кизила и меда… И молись в сердце своём — ибо исцеляет не врач, но Господь» [8]. Функция рецепта здесь выходит за пределы фармакологии — он становится этико-религиозным актом.

4. Византийская рецептура: от рационального к литургическому

Анонимный *Византийский медицинский трактат* представляет следующий виток трансформации — рецептурный текст здесь все чаще теряет свою рациональность и приобретает апотропейное и литургическое значение. Примеры включают использование магических слов, письменных амулетов и ритуалов: «Напиши на трех листьях лавра: “Феокарис”, “Еокарис”, “Окарис” и положи под подушку больному, страдающему от бессонницы». Другой пример: «При боли в голове — напиши на бумаге: “клудевасасар” и повяжи на шею. И будет облегчение» [7, с. 12].

Здесь текст перестает быть частью инструкции к лекарству и сам становится вещью, медиумом сакрального действия. Мы имеем дело с литургизацией рецепта — включением его в ритуальную практику.

Полученные результаты подтверждают наличие динамики: от эмпирики к ритуалу, от фармакологии к сакрализации. Однако стоит учитывать несколько ограничений:

— часть рецептурных текстов, особенно в византийской и армянской традиции, дошла до нас в компилятивных сборниках, что затрудняет реконструкцию авторского замысла;
— сравнительный анализ затруднен разной степенью текстовой критики источников (некоторые переводы Галена и Авиценны не всегда единообразны);
— интерпретация сакрального измерения рецептов требует привлечения дополнительных дисциплин — богословия, антропологии, риторики.

Полученные результаты согласуются с выводами таких исследователей, как A. Touwaide и P. Pormann, которые подчеркивают постепенное включение медицинского текста в ритуально-религиозный контекст. В то же время они уточняют, что рецептура сохраняет прагматическую направленность вплоть до XIV в. — даже в рамках сакральной оболочки. Это согласуется и с нашими наблюдениями: рецептура может выполнять двойную функцию — как терапевтическую, так и символическую.

Таким образом, рецептурные тексты в истории медицины предстали как динамичные текстово-культурные образования, переходящие от технологического письма к форме сакрального дискурса. Это требует не только историко-филологического, но и междисциплинарного подхода, способного отразить сложность этого феномена.

Заключение

Целью настоящего исследования было проследить трансформацию рецептурных текстов как медицинских и культурных артефактов от Античности до Средневековья, сквозь призму их языковой, структурной, функциональной и символической эволюции. Анализ трактатов Диоскорида, Галена, Авиценны, Мхитара Гераци и Византийского медицинского сборника позволил выявить сложную динамику изменения рецептурной практики в зависимости от господствующих научных, философских и религиозных парадигм.

Показано, что античная рецептура функционировала преимущественно в пределах натурфилософской рациональности, а рецепты выступали как инструмент регуляции телесного баланса. В арабской традиции (на примере Авиценны) рецептурный текст оказался вписан в теологическую модель сотворенного мира, где каждое средство несет метафизическое назначение. В армянском и византийском корпусах рецептура все более приобретает функции текста апотропейного, ритуального, а порой и литургического характера — как свидетельство сакрализации медицинского знания.

Научный вклад исследования заключается в том, что рецептурный текст рассмотрен как междисциплинарный объект, находящийся на пересечении медицины, филологии, риторики, культурной и религиозной истории.

Полученные результаты открывают перспективы для дальнейших исследований в нескольких направлениях. Во-первых, может быть углублен анализ рецептур как жанра медицинской письменности, в том числе в сравнении с правовыми, магическими и литургическими текстами. Во-вторых, актуально привлечение материалов из еврейской, сирийской и латинской медицинской традиции, где также наблюдаются элементы сакрализации врачебной практики. В-третьих, интерес представляет изучение рецептур в контексте их бытования: в монастырской медицине, народной практике, письменной и устной передаче. Тем самым рецептура предстает не только как свидетельство медицинской мысли, но и как текстовая практика, воплощающая философские, этические и религиозные основания конкретной эпохи и культуры.

Список источников и литературы

1. *Wilson N.G.* Two Notes on Byzantine Scholarship: I. The Vienna *Dioscorides* and the History of Scholia // Greek, Roman, and Byzantine Studies. 1971. T. 12. C. 557–559.
2. *Pormann P.E., Savage-Smith E.* Medieval Islamic Medicine. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2007. 336 p.
3. *Osbaldeston T.A., Wood R.P.A.* Dioscorides: De materia medica. Johannesburg: IBIDIS Press, 2000. 820 p.
4. *Galenus Claudius.* Claudii Galeni Pergameni De compositione medicamentorum secundum locos, seu quae unicuique corporis parti conueniunt, libri decem: opus & eruditum, & omnibus medicis necessarium: nunc primum latinitate donatum, ac in lucem aeditum / per Ioannem Guinterium Andernacum, publicum scholae medicorum Parisiensis professorem. Basileae: And. Cratandrum, 1537. [14] Bl., 259 S.
5. *Avicenna (Ibn Sina).* The Canon of Medicine (al-Qānūn fī'l-ṭibb). Volume 5: Pharmacopoeia and Index / Translated and annotated by Laleh Bakhtiar. Chicago: Kazi Publications, 2015. 1016 p.
6. *Ковнер С.* История арабской медицины. Киев: Типография Императорского Университета св. Владимира, 1893. 188 с.
7. *Литаврин Г.Г.* Византийский медицинский трактат XI–XIV вв. СПб.: Алетейя, 1997. 271 с.
8. *Гераци Мхитар.* Утешение при лихорадках / пер. с арм. Л.А. Оганесян. Ереван: Изд-во АН Армянской ССР, 1955. 264 с.
9. *Scarborough J.* Roman Medicine. Ithaca: Cornell University Press, 1976. 288 p.
10. *Berendes J.* Die Pharmazie bei den alten Kulturvölkern: Historisch-kritische Studien. Hildesheim: Georg Olms Verlag, 1989 [репринт 1891]. 527 S.
11. *Temkin O.* Galenism: Rise and Decline of a Medical Philosophy. Ithaca: Cornell University Press, 1973. 248 p.
12. *Kudlien F.* Der Beginn des medizinischen Denkens bei den Griechen: von Homer bis Hippokrates. Zürich: Artemis, 1967. 174 S.
13. K*udlien F.* Der griechische Arzt im Zeitalter des Hellenismus: seine Stellung in Staat und Gesellschaft. Wiesbaden: Franz Steiner Verlag, 1979. 130 s.
14. *Walzer R.* Galen on Jews and Christians. Oxford: Oxford University Press, 1949. 101 p.
15. *Gutas D.* Avicenna and the Aristotelian Tradition: Introduction to Reading Avicenna's Philosophical Works. Leiden: Brill, 2001. 456 p.
16. *Pormann P.E., Savage-Smith E.* Medieval Islamic Medicine. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2007. 336 p.
17. *Ullmann M.* Islamic Medicine. Edinburgh: Edinburgh University Press, 1970. 256 p.

18. *Оганесян Л.А.* История медицины в Армении с древнейших времен до наших дней: врачи, мед. лит. и лечебные учреждения у армян в Армении и за ее пределами: в 5 ч. 2-е изд., доп. Ч. 3: Медицина в Армении от начала армянского Ренессанса до конца Средних веков (от начала XI до конца XIV вв.). Ереван: Тип. АН Армянской ССР, 1946. 310 с.
19. *Hacikyan A.J., Basmajian G., Franchuk E.S., Ouzounian N.* The Heritage of Armenian Literature. Vol. 2: From the Sixth to the Eighteenth Century. Detroit: Wayne State University Press, 2005. 1120 p.
20. *Touwaide A.* Dioscorides in the Renaissance: Medical Uses of Plants in the Sixteenth Century. Leiden: Brill, 2007. 292 p. (Studies in the History of Medicine).
21. *Touwaide A.* Herbs, Health, and Healthcare: Historical Perspectives. Springer, 2016. 310 p. (Foreword by Barbara Pickersgill).
22. *Green M.H.* Taking the Trade: Silk Production and Trade in Medieval Syria and the Byzantine Empire // Byzantine Silk. Ed. S. Cormack, London: Routledge, 2020. P. 45–64.
23. *Green M.H.* Making Women's Medicine Masculine: The Rise of Male Authority in Pre-Modern Gynaecology. Oxford University Press, 2008. 230 p.

УДК 94(410)"1485/1603"

Майданюк А.Р.
Российский государственный
гуманитарный университет,
исторический факультет, студент бакалавриата;
Институт славяноведения
Российской академии наук, лаборант.
E-mail: nastasia.maydanyuk@gmail.com

«Сборники греческой мудрости»: «новые» традиции в английском медицинском тексте XVI века

Аннотация. В статье на материале текстов XVI в., посвящённых теме сохранения и поддержания здоровья, рассматривается трансформация медицинского знания в Английском королевстве на стыке эпох. Сочинения энциклопедического характера, основанные на античных источниках, нарушали традицию, сформировавшуюся в XI–XV вв., но при этом не включали в само знание практически ничего нового. Этот феномен отразил социально-культурные изменения в науке раннего Нового времени.

Ключевые слова: «Замок здоровья», история медицины, история науки, английский медицинский текст.

Maydanyuk A.R.
Russian State University for the Humanities,
Faculty of History, Bachelor's Program Student;
Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences,
Research Assistant.
E-mail: nastasia.maydanyuk@gmail.com

«Collections of Greek Wisdom»: «New» Traditions in the Sixteenth-century English Medical Text

Abstract. Drawing on 16th-century compilations about health preservation, this article explores the transformation of medical knowledge in England at the junction of two historical periods. The encyclopedic works of this time, based on ancient sources, broke with the tradition established from the 11th to the 15th centuries, while contributing little that was substantively new. This phenomenon mirrored the socio-cultural shifts taking place in early modern science.

Keywords: history of medicine, history of science, English medical text, Galenism.

I. Медицинская энциклопедическая традиция в XI–XV вв.

Энциклопедическая традиция — попытки обобщения всех имеющихся знаний в рамках одного текста — на английской земле имеет длительную историю. «Медицинская энциклопедия»[1] была известна по античным образцам, преимущественно сочинениям римлян Плиния Старшего («Naturalis historia») и Катона Старшего («De agri cultura»). В них знание о сохранении здоровья облачено в форму простых советов, легко применимых к жизни. Римлянам были близки стремление к стоическому уединению, идеал общинной жизни, приверженность труду, и поэтому их сочинения особенно ценились христианской церковью. Конечно, античные тексты выходили за стены монастырей не в первозданном виде. Отцы церкви приводили постулаты античных учёных-философов в соответствие с религиозными догматами: решали, какие идеи оставить, а какие исключить [1, с. 262; 2, p. 39–41].

Иным было учение греков — галенизм. По его теории считалось, что существует три типа явлений, сочетание которых определяет индивидуальное здоровье: *naturall*, *not naturall* и *against nature*. Первая группа включала неизменные факторы, среди них — четыре телесных сока/гумора: кровь, флегма, жёлтая и чёрная желчи, впервые описанные Гиппократом. Гален связывал их с аристотелевскими элементами: землёй, воздухом, огнём и водой, — каждый из гуморов обладал двумя их качествами. В теле каждого человека происходило уникальное врождённое сочетание гуморов (темперамент), а когда оно нарушалось, наступала болезнь. Также к явлениям *naturall* относились части тела, функции (*operations,* физиологические процессы), способности (*faculties*, врождённые силы, управляющие функциями тела) и дух (*spirites*). Явления *not naturall* включали в себя то, что не было частью естественного организма, но также помогало сохранить или восстановить здоровье: воздух, пища и питьё, сон и бодрствование, активность и покой, наполнение и опорожнение (кровопускание, рвота, мочеиспускание), душевные переживания. Группа *against nature* включала болезни, их причины и симптомы. Галеновской

[1] Термины «медицинская энциклопедия» и «сборник (греческой) мудрости» здесь и далее выделены в кавычках, так как авторы/составители рассматриваемых сочинений далеко не всегда обозначали их таким образом. Однако мы справедливо можем провести аналогию с современными эквивалентами этих терминов за тем исключением, что под медицинским текстом в XI–XVI вв. в Английском королевстве понимались не только рекомендации по диагностике и лечению заболеваний, но и описание необходимого для сохранения здоровья души и тела образа жизни.

медициной предписывалась рутинная профилактика, поддерживающаая врождённый баланс в организме: соблюдение диет и формирование привычек, а также регулярное посещение дорогостоящим врачом, отслеживающим индивидуальное здоровье пациента и на его основе рассчитывающим необходимые ему процедуры [3, p. 162]. Таким образом, греческая теория имела в основе целостный и комплексный метод лечения.

Столь большое внимание телесному началу противоречило учению церкви, поэтому галенизм в чистом виде не получал распространения. Хотя гуморальная теория и учитывалась при лечении пациента, но использовалась наравне со множеством других методов — молитвами, теорией сигнатур о связи между живой и неживой природой и т. д. К тому же, как известно, труды Галена в Европе вплоть до начала раннего Нового времени были известны в основном в арабских переводах, что не позволяло выстроить полноценного представления о его учении. В университетах лекции по трудам античных медиков проводились, но читались в комментариях отцов церкви и современников. Например, в Оксфорде Галена читали в переложении Иоанна Богослова [2, p. 69; 4, p. 116].

Наиболее распространённой формой медицинского текста в Средневековье были трактаты, объединяющие элементы христианского учения, различных направлений античной философии и так называемой «народной» медицины. Это были непоследовательные компиляции, лишённые внутренней целостности. Составители выбирали наиболее важные, на их взгляд, отрывки из самых разных источников и частично интерпретировали их, добавляя собственные комментарии [5, с. 46; 6, с. 62]. Так, в известном трактате, составленном в XIII в., «Краткой книге о медицине» («*Compendium medicine*») Гилберта Английского наряду с описаниями частей тела, рецептами и заговорами содержатся советы по укладке и украшению женских волос и по уходу за мужской бородой [7, sig. AA1r–AA7v]. Большое внимание исследователей также привлекает текст конца XIV в. «Флорариум Бартоломея» («*Florarium Bartholomei*»), созданный клириком Джоном Мирфилдом. Он представляет собой лоскутное одеяло цитат из канонического права, Библии, трактата псевдо-Аристотеля «Secretum Secretorum» и аналогичных текстов современников [2, p. 49–50]. Любопытно, что отдельная глава в нём рассказывает о том, как важно не причинить пациенту вреда, вмешиваясь лечением в божественный замысел. При этом уже следующая работа Мирфилда — «Бревиарий Бартоломея» («*Breviarium Bartholomei*») отходит от принципа невмешательства и содержит рекомендации по кровопусканию, обработке ран, руководство по изготовлению лекарств, советы по женской

медицине и описание лечебных обрядов. Особенно показательно, что рядом с молитвами в текст включены анекдоты [2, p. 50–52].

II. «Сборники греческой мудрости» XVI в.

С конца XV в. итальянские гуманисты работали над переводом трудов Галена на латынь непосредственно с греческих рукописей, «чтобы освободить его наследие от средневековых недопонимания и предубеждений» [8]. В первой половине XVI в. на волне гуманистического подъёма уже в Английском королевстве учёный-медик Томас Линакр переводит с первоисточника на латынь «О сохранении здоровья» («De sanitate tuenda», Paris, 1517) и другие трактаты Галена [9, p. 702]. Благодаря этому чистое греческое знание становится доступным образованным англичанам. Параллельно с этим при Генрихе VIII происходит разрыв отношений с католическим миром, который мог пониматься современниками и как разрыв со средневековым наследием.

В английском медицинском тексте во второй трети XVI в. появляются «сборники греческой мудрости» — сочинения энциклопедического характера, которые основываются непосредственно на теории Галена и составляются на национальном языке — адресуются «широким массам» населения. В эту эпоху многочисленное новое дворянство, не владевшее древнегреческим и латынью на необходимом для осмысленного чтения уровне, занимает в социальной жизни Англии место ведущего сословия. Вслед за этим появляются новые формы знания — более простые, чем прежде. Уже в начале XVI в. Англия была одной из двух европейских стран, где книг на национальном языке выходило больше, чем на латыни [10, с. 133]. Немаловажный вклад в это также внесла всё возрастающая начальная грамотность населения [11, p. 107–123].

На популярность нового жанра также должна была повлиять материальная выгода от «греческого» образа жизни. Даже высший класс не всегда прибегал к помощи врачей, предпочитая справляться с болезнями собственными силами [2, p. 85]. «Сборники», в свою очередь, предлагали универсальные методы профилактики и лечения самых разных болезней. Это было особенно ценно, учитывая, как часто в раннее Новое время бушевали эпидемии. Достаточно упомянуть одну только потницу, не раз приходившую в Англию с 1485 по 1551 гг. [12].

Среди медицинских текстов XVI в. «сборники греческой мудрости» имели наибольший успех. Нам неизвестны точные размеры тиражей в первой половине — середине века, но мы можем предположить, что они были небольшими: книги печатались в независимых типографиях,

часто занимавших всего несколько комнат. Поэтому даже Библии могли отвести не больше 1 200 экземпляров за раз [10, с. 133–135]. Показателем «успешности» текста в таком случае будет количество переизданий. Так, один из первых и наиболее известных «сборников», во многом определивший дальнейшее развитие жанра, — «Замок здоровья», составленный дипломатом Томасом Элиотом в 1534 г. — за XVI в. издавался 14 раз. Такого же успеха добилось «Зеркало здоровья» (1539) Томаса Моултона. Другой небезызвестный текст, появившийся в 1584 г. — «Гавань здоровья» Томаса Когана — был издан восемь раз. Для сравнения, прямой и единственный перевод на английский язык «О методе лечения» («Methodus medendi») Галена, составленный только в 1586 г., издавался единожды [13, p. 937–938, 940, 946].

Рассмотрим подробнее образцовый пример — «Замок здоровья» [14]. Его автора, Томаса Элиота, в наши дни называют одним из главных новаторов шестнадцатого столетия, а сам трактат — первым значительным англоязычным текстом о медицине Нового времени [15, p. 120]. Но было ли в представленном на его страницах знании что-то действительно *новое*?

В заглавии Томас Элиот отмечает, что адресовал книгу простому англичанину, «чтобы любой человек мог узнать о состоянии своего тела, как сохранить здоровье, и как точно рассказать о своей болезни медику, не вводя его в заблуждение». Этому соответствует форма и подача: несложный для восприятия текст, разделённый на небольшие по размеру параграфы. Так, под заголовком «Пища и питьё, делающие жизнь лучше» перечисляются: «хлеб из чистой муки — слегка подслащённый, хорошо пропечённый, не старый и не чёрствый; яйца фазанов, кур или индеек — только что снесённые, всмятку, то есть между жидким и твёрдым состоянием» [14, fol. 12v (II)].

В первой части излагается теория о явлениях, составляющих человеческое тело — упомянутые выше *naturall, not naturall* и *against nature*. Теоретическая часть на этом заканчивается, она не занимает даже 1/10 от общего объёма текста [14, fol. 1r-9v (II)].

Вторая книга полностью посвящена практической стороне вопроса — свойствам продуктов и пищевым привычкам. Например, предупреждается об опасности употребления большого количества огурцов, так как это «холодный» овощ, вызывающий вялость в теле и импотенцию. При этом полезно есть горошек: он очищает почки и мочевой пузырь [14, fol. 19v-20r, 25v-26r (II)] — и т.д. Регламентируется порядок приёма пищи в зависимости от времени года и дня, возраста человека и его комплекции [14, fol. 38v-47r (II)].

С тридцатой главы начинается раздел о других предметах *not naturall*. Так, среди полезных упражнений описывается «встряхивание» («*geftacion*») — поездка в карете или иное укачивание, улучшающее сон и облегчающее боли в голове и желудке. Другое полезное упражнение — «кричание» («*vociferation*») — понижает жар и укрепляет тело [14, fol. 51v-53r (II)].

Третья и четвёртая книги рассказывают о предметах *not natural*. Описываются недуги, распространённые в определённое время года и их признаки [14, fol. 87r-89v (II)]. Важную часть составляют рекомендации по определению состояния человека по моче [14, fol. 89v-90v (II)] и многое другое.

В целом «Замок здоровья» является подробным и бережным переложением теории Галена. Однако список других авторов, с которыми был знаком Элиот, немалый. Он пишет, что также учитывал в работе труды собирателей медицинских знаний Иоаннитиуса, Гиппократа, Орибазия, Цельса, Диоскорида и некоторых других [14, fol. IIIv]. Однако их степень влияния на текст неравномерна: на Галена Элиот ссылается, прямо и косвенно, чаще, чем на остальных учёных-философов. Также любопытно, что, несмотря на осуждение Плинием Старшим повышенного внимания греков к телесности, Элиот не умаляет его значимости как учёного-медика, помещая в один ряд с другими достойными мужами прошлого. При этом Элиот признаёт, что «уклонился от чтения длинных канонов Авиценны и комментариев Аверроэса и большей части тех, кто были их компиляторами и последователями» [там же] — автор практически отказывается от арабского наследия. Вероятно, он считал, что перевод первоначального учения Галена на арабский язык исказил его, в отличие от переработки отдельных положений римскими энциклопедистами.

Новым в «Замке здоровья», помимо отказа от знаний, не относящихся к галенизму, можно обозначить светскую ориентированность текста. Конечно, к христианскому учению Томас Элиот также обращается, но исключительно редко. Во вступлении он ограничивается несколькими языковыми формулами: «Бог мне судья, я пишу ни ради славы, награды или повышения; я лишь желаю, чтобы люди хорошо судили о моих намерениях» [14, fol. IVr]. Важность религии в лечении болезней, безусловно, признаётся, но в общем ряду с другими, «земными» методами. Так, среди рекомендаций по лечению болезни разума («*dolour or heuineffe of minde*») — приём особых трав, чтение Священного Писания, благодарственная молитва, отказ от некоторых продуктов, избегание гнева и неприятных людей [14, fol. 66r-70r (II)]. Последняя рекомендация вовсе

идёт против известного: «любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас» [Мф. 5, 44].

Примечательно, что в «Замке здоровья» почти ничего не сказано об эпидемиях. Вероятно, как уже говорилось выше, поддержание естественного баланса в организме представлялось Элиоту и его современникам универсальным средством против любых недугов. Впрочем, вскоре Томас Моултон выпустил «Зеркало здоровья», отведя значительную часть текста рассуждениям о галеновских методах борьбы с эпидемиями [16]. Любопытно, что уже на первых страницах трактата автор призывает: «мы не должны легкомысленно относиться к Божьим наказаниям» [16, cap. B1v], вводя религиозное обоснование болезни в качестве основного, когда как Томас Элиот не делал на нём акцента. «Зеркало здоровья» привлекло не меньше читателей — очевидно, англичане были готовы принимать всё новые и более разнообразные «медицинские энциклопедии».

Вместе с тем подобные тексты, — претендующие на серьёзный пересмотр системы знаний прошлого путём исключения отдельных пластов информации, но написанные на национальном языке, — образованными современниками воспринимались с сомнением. Ещё в XIV–XV вв. разница между латинскими и английскими рукописями имела большое социальное значение. Языковая граница выделяла в особую касту небольшое количество университетски подготовленных врачей [17, p. 394]. В XVI в. эта традиция не исчезает, однако люди, имеющие университетскую степень, но пишущие на языке простого народа, встречаются всё чаще. Многие из них руководствовались гуманистическим интересом, и американская исследовательница Фэй Мари Гетц даже сравнила их труд с «charity» [18, p. 1] — «благотворительностью». Переводя античные тексты на родной язык, они передавали практически сакральное, прежде доступное лишь небольшому кругу, знание в руки любому, кто освоил основы грамоты. Однако со временем *charity* превратила медицинский текст в товар на продажу, порой осуществляемую мошенниками и шарлатанами. Они стремились заработать на стремительно расширяющемся рынке англоязычной литературы, не слишком заботясь о содержании текстов, которые отправляли в типографии [18, p. 16–17]. В том числе, поэтому уже вскоре после выхода «Замка Здоровья» «медицинские энциклопедии» вновь становятся похожи на лоскутные одеяла, скроенные из различных идей и концепций.

Спустя время галеновская медицина становится основой для литературных игр, политических высказываний и поучительных рассказов. В этом контексте любопытны труды практикующего врача Уильяма Бул-

лейна. В 1558 г. он составил трактат «Управление здоровьем» [19], заголовок которого, как считается, объединил названия трёх трудов Элиота — «Правитель» (1531), «Замок здоровья» (1534) и «Образ правления» (1541) [15, p. 120]. «Управление здоровьем», как и последующие работы, Буллейн наделил художественными элементами: стихами, песнями и заметками на полях, помогающими лучше понять материал и ориентироваться в нём [20, с. 286–288]. Научное знание передаётся в форме диалога между несколькими персонажами, среди которых наиболее часто встречающиеся типы — терпеливый и многословный «поучающий» и почтительный, но малообразованный «поучаемый». Вопросы второго сформулированы кратко, просто и даже наивно. «Почему медицина (*phisicke)* пользовалась таким большим авторитетом и так высоко ценилась античными мужами (*olde fathers)*?» [19, fol. iiii] — спрашивает Джон в «Управлении здоровьем». «Как устроен этот мир? <…> В чём причина эпидемии? В чём причина, добрый господин доктор?» [21, p. 31, 36] — восклицает Антоний в «Разговоре об эпидемии лихорадки» (1564). Дискуссия об устройстве мира в «Бастионе Буллейна» (1562) переходит с человеческой телесности на метафорическое тело государства. Буллейн рассказывает о болезни английской нации, в которой детей богачей, которые были «порочно, праздно, неучёно, скотски воспитаны», можно излечить лишь с помощью травы конопли («*herb hemp*»), также известной как «висельная трава (*gallowgrass)*» или «верёвочный сорняк (*neckweed*)» [22, fol. 28v].

Сегодня сочинения Буллейна чаще интересуют литературоведов, чем историков [15, p. 119–120; 23, p. 11–12]. В большей степени литературный характер они могли иметь и для современников, которых в них привлекала не только познавательность, но и «развлекательная» форма. Впрочем, сочинения Буллейна не имели такого же успеха, как «Замок здоровья»: «Управление здоровьем» получило в XVI в. четыре переиздания, «Бастион Буллейна» — только три, «Разговор об эпидемии лихорадки» — ни одного [13, p. 933–934; 21, p. V].

По иронии один из немногих авторов «сборника греческой мудрости», имевших и университетскую степень, и врачебную практику — Кристофер Лэнгтон — был недооценён. Его «Очень короткий трактат, в котором последовательно излагаются основные части медицины» действительно написан кратко, на простом и понятном языке и полностью основан на первоисточниках Галена [24]. За XVI–XVII вв. он, однако, не получил ни одного переиздания [13, p. 946]. Любопытно в этом контексте замечание Томаса Элиота, помещённое на первых страницах «Замка здоровья»: «не унизительно ли это, спросит кто-то, что сэр Томас Элиот стал

медиком (*Phisition*) и пишет о медицине (*in Phisicke*), что не подобает рыцарю, способному найти более достойное занятие» [25, с. 505] — быть медиком, пишущим на национальном языке, в XVI в. пока было также не в чести, как и благородным человеком, пишущим о медицине. Впрочем, это уже никак не могло остановить поток всё новых англоязычных сочинений о медицине [13].

Заключение

Галенизм был чёткой и благодаря этому легко понятной и усваиваемой системой. Человек нуждался в надёжной «гавани здоровья» [26, p. 308–309], поэтому «сборники греческой мудрости» определяли облик медицины несколько десятилетий — в 40–50-е гг. XVI в. Спустя время галенизм уступил передовые позиции новым идеям и концепциям, но не исчез окончательно. В XVII в. подобные «медицинские энциклопедии» продолжали выходить и успешно продаваться. Переиздавались старые тексты, появлялись новые. Так, в 70-х гг. XVII в. Джон Арчер составил сборник «Каждый человек сам себе врач» [27]. По форме и структуре он наследует традиции «Замка здоровья», однако методы греческой медицины в нём переносятся на новое видение человеческого тела, появившегося в этом столетии: кровеносная система, связки, нервы. Это всё больше рушит условные рамки галеновской теории.

Томас Элиот в «Замке здоровья» нарушил негласное правило средневековых медицинских текстов, практически исключив из картины мира всё, что выходило за рамки одной теории — учения греческих учёных-философов. Тем самым он показал, что границы возможного у знания шире, чем казалось его предшественникам. Содержание знания, представленного в медицинских трактатах XVI в., мало отличается от содержания знания в аналогичных сочинениях Средневековья. Однако сам научный текст вошёл в *новое* культурное пространство, в котором он обретает право быть различным: построенным на большом комплексе источников или всего на нескольких работах; стремящимся охватить всю систему знания или подробно раскрывающим одну конкретную тему; посвящённым принципам христианского исцеления или отдающим предпочтение «светским» методам лечения и т. д.

Список источников и литературы

1. *Шапошников Г.Н.* Медицинская революция Нового времени и модернизационные процессы в Европе // Годы поисков и свершений: кафедра Истории

науки и техники УГТУ-УПИ — УрФУ в 1999–2014 гг. Екатеринбург: УМЦ УПИ, 2015. С. 261–269.

2. *Getz F.* Medicine in the English Middle Ages. Princeton; New Jersey: Princeton University Press, 1998. 192 p.
3. *Gentilcore D.* Was There a «Popular Medicine» in Early Modern Europe? // Folklore. 2004. Vol. 115. No. 2. P. 151–166.
4. *Allen P.* Medical Education in 17th Century England // Journal of the History of Medicine and Allied Sciences. 1946. Vol. 1. No. 1. P. 115–143.
5. *Морозова П.В.* Язык и жанр немецких медицинских рукописей XIV–XV веков: дис. … канд. филол. наук. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2004. 209 с.
6. *Чупрына О.Г.* Дискурсивные особенности английского средневекового медицинского трактата // Вестн. МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2016. № 4 (24). С. 57–66.
7. *Anglici G.* Compendium medicine. Lugduni: Impressum per Jacobum Sacconum, expensis Vincentii de Portonariis, 1510. [6], 362 (i.e. 361) p.
8. *Nutton V.* Galen // Encyclopedia Britannica [Электронный ресурс]. URL: https://www.britannica.com/biography/Galen (дата обращения: 28.09.2025).
9. *Chisholm H.* Linacre, Thomas // Encyclopædia Britannica. Cambridge University Press. 1911. Vol. 16 (11th ed.). P. 701–702.
10. *Владимиров Л.И.* Всеобщая история книги: Древний мир. Средневековье. Возрождение. XVII в. М.: Книга, 1988. 310 с.
11. Alexandra M. de Pleijt. A Tale of Two “Educational Revolutions”. Human Capital Formation in England in the Long Run Par // Revue d’économie politique. 2020. No. 1. Vol. 130. P. 107–130.
12. *Калмыкова Е.В.* Английский пот // Большая российская энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: https://bigenc.ru/c/angliiskii-pot-2fe802/?v=6780718 (дата обращения: 28.09.2025).
13. *Russell K.F.* A Check List of Medical Books Published in English Before 1600 // Bulletin of the History of Medicine. 1947. Vol. 21. No. 6. P. 922–958.
14. *Elyot T.* The Castel of Helth / corrected and in some places augmented, by T. Elyot. London: Thomas Powell, 1560. 220 p.
15. *Maslen R.W.* The Healing Dialogues of Doctor Bullein // The Yearbook of English Studies. 2008. Vol. 38. No. 1/2. P. 119–135.
16. *Moulton T.* The Myrrour or Glasse of Helth. London: Rycharde Iugge, 1539. 82 p.
17. *Robbins R.H.* Medical Manuscripts in Middle English // Speculum. 1970. Vol. 45. No. 3. P. 393–415.
18. *Getz F.M.* Charity, Translation, and the Language of Medical Learning in Medieval England // Bulletin of the History of Medicine. 1990. Vol. 64. No. 1. P. 1–17.

19. *Bullein W.* Gouernement of Healthe. London: John Day, 1558. 290 p.
20. *Шпак Г.В.* Дорога к замку знаний: популяризация научной мысли в Англии середины XVI века // Преподаватель: XXI век. 2024. № 4. Ч. 2. С. 294–307.
21. *Bullein W.* A Dialogue against the feuer pestilence / From the ed. of 1578, collated with the earlier ed. of 1564 and 1573, ed. by M.W. Bullen a. A.H. Bullen. [Unaltered repr.]. London: N. Trübner & Co., 1888. 145 p.
22. *Bullein W.* Bulleins Bulwarke. 2nd ed. London: Thomas Marshe, 1579. 948 p.
23. *O'Malley C.D.* Tudor Medicine and Biology // Huntington Library Quarterly. 1968. Vol. 32. No. 1. P. 1–27.
24. *Langton C.* A very Brefe Treatise, Ordrely Declaring the Pri[n]cipal Partes of Phisick. London: Edward Whitchurche, 1547. 190 p.
25. *Шпак Г.В.* Кризис эпистемологических ценностей и поиск компромисса в научном дискурсе Британии XVIII века // Идея «общего блага» в интеллектуальном дискурсе Британии и России (1650–1750) / под общ. ред. Л.П. Репиной. М.: Аквилон, 2024. С. 502–522.
26. *Birken W.* Albion: A Quarterly Journal Concerned with British Studies. 2002. Vol. 34. No. 2. P. 308–309.
27. *Archer J.* Every Man his Own Doctor: in two parts. London: Peter Lillicrap, 1671. 150 p.

Историк и источник

УДК 94

Богданова А.А.
Балтийский федеральный университет
имени Иммануила Канта,
Высшая школа философии, истории и социальных наук;
Сыктывкарский государственный университет
имени Питирима Сорокина,
кандидат исторических наук, доцент.
E-mail: bognastia1996@gmail.com,
AnABogdanova@Kantiana.ru

«Больше исидорианец, чем сам Исидор»: труды Исидора Севильского в освещении Irish Studies[1]

Аннотация. Цель статьи — обозрение опыта изучения трудов Исидора Севильского в кельтологии, где доминирует теория о первостепенной роли ирландских интеллектуалов в распространении исидорианской этимологической структуры знания. Автор раскрывает две ключевые проблемы: 1) вопрос об адаптации «Этимологий» к псевдоисторической генеалогии ирландцев и предшествующих им народов в «Книге захватов Ирландии» и 2) вопрос о точных датах проникновения трудов Севильца в Ирландию.

Ключевые слова: Исидор Севильский, кельтология, «Этимологии», средневековая Ирландия, «Книга захватов Ирландии».

Bogdanova A.A.
Immanuel Kant Baltic Federal University,
The Higher School of Philosophy, History and Social Sciences;
Pitirim Sorokin Syktyvkar State University,
PhD, Assistant Professor.
E-mail: bognastia1996@gmail.com,
AnABogdanova@Kantiana.ru

«Become more Isidorian, than Isidor himself»: the Isidore of Seville's Oeuvre in the Irish Studies

[1] Исследование осуществлено при поддержке гранта РНФ № 25–28–00509 «Энциклопедический труд Исидора Севильского “Этимологии, или Начала”: научный комментированный перевод и исследование».

Abstract. The purpose of the article lays in our attempts to generalize all the contribution about Isidore of Seville offered in the Irish Studies so far. The predominate role of the Old Irish intellectual tradition in an elaborating of the Isidore's etymological structure of knowledge is well-known and highly distinguished, however we can notice two main points of a discussion. First, the presence of the «*Etymologiae»* in the *Lebar Gabála hĖrenn* and its influence on the pseudohistorical genealogy of the ancient tribes before the Irish. Second, a question of the precise dates the first versions of the Isidore's oeuvre had appeared in Ireland.

Keywords: Isidore of Seville, Irish Studies, «Etymologies», Medieval Ireland, Lebar Gabála hĖrenn.

За последние два десятилетия в англоязычном научном мире было представлено два монументальных издания [1, 2], посвященных Исидору Севильскому (ум. 636 г.) — одному из главных представителей т. н. средневекового энциклопедизма[2]. И примечательно, что в разделах, посвященных вопросу распространения исидорианского знания и наследия, две статьи отведены Ирландии. В кельтологии прошлого века был распространен тезис, что труды Исидора были ввезены в Ирландию уже в середине VII в., буквально через полтора-два десятилетия после смерти автора[3]. Сохранилось и значительное количество копий, редакций и цитирований VII–X вв., составленных ирландскими писчиками на родине или в монастырях на континенте, где значительными хранилищами располагает Боббио и Санкт-Галлен; историки Марина Смит и Мартин Дж. Райан провели подробный обзор самых ранних из них с учетом последних (на момент 2020 г.) достижений источниковедческих и текстологических изысканий [1, 2]. Добавим, что и в дублинской библиотеке Тринити-колледжа хранится рукопись с фрагментами «Этимологий» (кн. VI, датирована IX в.), предполагается, что она изначально написана в окрестностях Тура (Dublin, Trinity College Library, MS 3528/20) [3].

---

[2] Здесь мы имеем в виду традицию античного энциклопедизма и грамматического антикваризма; эта форма интеллектуального труда была популярна в период Империи, своеобразно, но довольно устойчиво воспринята интеллектуалами и практиками раннего Средневековья; имя Исидора достойно занимает место в их ряду.

[3] Марина Смит, опираясь на последние достижения в области источниковедческой критики и текстологии трудов Исидора, подробно рассмотрела аргументы о знакомстве островных ирландцев с творчеством Исидора до 650 г. [1]. Впрочем, часть исследователей продолжает настаивать на знакомстве ирландцев с творчеством Севильца в середине VII в. и ранее. Об этом см. далее.

Мы, в свою очередь, в условиях подготовки полного комментированного издания фундаментальных «Этимологий», впервые для русскоязычного читателя, находим вполне резонной задачу определить основные «точки соприкосновения» кельтологии, области узкоспециализированной и довольно закрытой, с проблематикой творчества Севильца.

Связь исидорианского знания и энциклопедизма с ирландской традицией стала очевидна для кельтологов еще с конца XIX в., где часть вопросов была поднята Г. Циммером[4], К. Мейером, А.Г. ван Хамелем, И. Мак-Нейллом — прославленными основателями кельтологической науки рубежа веков [4, 5, 6, 7].

На данной стадии исследователей особенно привлекал факт использования ирландским интеллектуалом «Этимологий» Исидора для конструирования генеалогического, исторического и географического прошлого дохристианской Ирландии, или Иберии, в знаменитой «Книге захватов Ирландии» XI в. (*Lebar Gabála hÉrenn*)[5]. Аспекты этой проблемы последовательно рассматривались сначала А.Г. ван Хамелем, отметившим, что в своих генеалогических построениях ирландский писчик адаптировал ветхозаветное происхождение европейских народов от Иафета в редакции Исидора и его источников. Данные Орозия и ретранслировавшего их Исидора о заселении Ирландии бригантами [6, s. 142–144][6] были живо

---

[4] О трудах Исидора в контексте вопроса о проникновении в Ирландию и на Британские острова античного и христианского знания, их влияния на местную кельтскую традицию много писал Генрих Циммер в 80–90-е гг. XIX в. [4, s. 207–274]. Он сформулировал несколько положений, часть из которых была впоследствии отвергнута или скорректирована, см. статью Т. Ó Майле (1921) [8]. В некоторых других темах построения и датировки Г. Циммера также подвергались существенной ревизии: среди кельтологов известна критика У.Ф. Трална, опровергнувшего гипотезу Г. Циммера о доминирующем античном элементе в древнеирландских морских нарративах, якобы восходящем к «Энеиде» и «Одиссее».

[5] Произведение легендарно-исторического характера о волнах заселения Ирландии и приходе племени гойделов, к потомкам которого раннесредневековая ирландская традиция относила современное себе население острова. Сохранилась редакция XI в., но повсеместно распространено мнение о более раннем прототипе текста, ныне утраченном. Впервые издано на русском языке в 2024 г. и было принято академическим сообществом тепло, но с некоторой критикой.

[6] «Второй угол обращен на северо-запад, где находится город Галлекии Бригантия, имеющий высочайший маяк, служащий среди прочих важнейших дел также для наблюдения за Британнией. <…> Остров Иберния, расположенный между Британнией и Испанией, весьма вытянулся в длину с юго-запада на северо-восток. Его ближайшие берега, омываемые Кантабрийским океаном, обозревают далеко вдали Бриган-

восприняты ирландской традицией для конструирования модели своего легендарного прошлого, где племена мифического Партолона (первой волны поселенцев) и «сыновей Миля» (пятой волны) восходят к северо-западной Испании, современной Галисии [5; 8, p. 72–73; 9, p. 189–193].

Российский и советский кельтолог-филолог А.А. Смирнов в своих лекциях 10–20-х гг. XX в. для студентов Петроградского, затем Ленинградского, университета также приводил описание *Lebar Gabala*, где среди прочих вопросов касался и «испанского» происхождения волн поселенцев Острова, но не рассматривал энциклопедические, в частности исидорианские, корни данного сюжета. Впрочем, он прибавляет версию Ненния, согласно которой сыновья Миля происходят от одного скифа, жившего в Египте и бывшего свидетелем ветхозаветных событий; после изгнания он осел в Испании, а его потомки достигли берегов Ибернии (Гибернии), Orosius, Hist. I 15 [10]. Со ссылкой на Алкуина А.А. Смирнов вполне допускает, что «ирландцы в Средние века охотно считали себя за потомков египтян» [11, л. 117]. Здесь интересна и интерпретация имени Партолона (*Partholón*) — предводителя и родоначальника первой волны поселенцев, в котором К. Мейер усматривает ирландский вариант имени Варфоломей, заимствованный писчиком из этимологии данного имени у Исидора (Etym. VII 9.16) [5, s. 142].

Все это подытожил уже в 80-х гг. XX в. Рольф Баумгартен; он еще раз подчеркнул, что ирландские интеллектуалы задействовали не только труды и наследие Исидора, но и его источники и доступные им другие памятники позднеантичного — раннесредневекового энциклопедизма, при этом полностью осознавая и совершенствуя свое мастерство этимологизации с соблюдением региональной специфики [9, 12]. Так, по мнению Баумгартена, ирландский автор выстроил этимологию названия племени *Scotti*, соединив информацию от Исидора с собственным толкованием на основе древнеирландских и латинских созвучий:

***Scoti** [.i. Scotti] idem et **Picti a picto** corpore quasi **scissi**…*

тию, город Галлекии, обращенный к острову с юго-запада на северо-запад, а именно от того мыса, где находится устье реки Скены [совр. Шаннон – *прим. А.Б.*]…» (Orosius, Hist. I 71, 80, 81). Сюжет о маяке есть только у Орозия, что свидетельствует о знакомстве ирландского составителя с копией сочинений его или его последователей [10].

Как заметил сам Р. Баумгартен, видя следующий схиазм, «это тот самый случай, когда ирландский схоласт стал более Исидором, нежели сам Исидор» [12, p. 227–228].

Второй вопрос, как мы отметили в начале, заключается в необходимости установить точные даты проникновения произведений Севильца в англосаксонский регион и Ирландию (в рамках данной статьи мы оставим первый за скобками) — среди гипотетических «первых рукописей на островах» допускаются как образцы непосредственно из Испании, так и из многочисленных промежуточных точек северных маршрутов, прежде всего, Франции и ирландских монастырей на континенте. Знакомство ирландцев с исидорианской системой знания в VIII в. признавалось очевидным еще первыми исследователями, упомянутыми нами выше. В своем лекционном курсе, опубликованном в 1919 г., И. Мак-Нейлл писал: раннехристианские ирландские школы (*ancient Christian schools in Ireland*) читали постклассическую латинскую литературу, иногда даже предпочитая «элегантной, но искусственной» классике [7, p. 241–242]. Несколько позже это подтвердил Томас Ó Майле, сообщив, что цитаты и упоминания имени Исидора встречаются в ирландском трактате о псалтыри (середина IX в.), в «Мартирологе Энгуса», последователя движения отшельников *Celí De* (*Félire Oengusso*, 797–808 гг.), наконец, в глоссах древнего происхождения рукописи начала XV в. *Lebar Breac* — ныне эти аргументы хорошо известны и изучены [8, p. 72–73]. Через отождествление «Этимологий» Исидора с некой книгой *Culmen*[7], которая якобы была отдана в ирландскую библиотеку в обмен на рукопись знаменитого «Похищения быка из Куальнге», Т. Ó Майле идет далее и утверждает, что «Этимологии» были известны ирландцам к середине VII в. [8, p. 75]. Строгим сторонником раннего присутствия и распространения исидорианского знания был Ж.Н. Хилгарт [13, 14].

В работах Марины Смит (2016) и Мартина Дж. Райана (2020) проблема получила новое обозрение, а собранные аргументы подверглись повторному пересмотру, особенно со стороны М. Смит. Действительно, существование рукописей с трудами Исидора на Островах в VIII в., как показано выше, можно считать прочно доказанным; но актуально ли это для 650 г. и ранее? М. Смит пришла к выводу, что несколько работ Исидора, по крайней мере, одна версия «Этимологий» была в обращении на Острове во второй поло-

[7] В предлагаемом Т. Ó Майле переводе «пик / вершина знания», что, по его мнению, отсылает к высокой оценке и репутации труда Исидора среди интеллектуалов VII–VIII вв. и среди ирландцев в частности.

вине VII в. — более ранние датировки лежат в области сугубо предположений [1, p. 126; 15]. Как мы видим, это не убедило М. Дж. Райана, составившего свой обзор для серии издательства *Brill,* допускать даты между 630 и 660 гг. с опорой на те же источники и аргументы [2, p. 427].

В качестве небольшого заключения скажем, что изучение «исидорианской тематики» для кельтологов может ответить и на более специфические, но не менее важные для понимания контекста эпохи, вопросы. Так, Р. Баумгартен на основе только простой формулы в описании протяженности Ирландии с юго-запада на северо-восток *ab africo in boream* проследил трансформацию и конфликт нескольких моделей географического *learning* в смежный период «поздняя Античность — раннее Средневековье». Формула пришла из текста Орозия (ок. 417 г.), по утверждению Баумгартена, пользовавшегося тогда одним из вариантов птолемеевой карты; его ориентировка *ab africo in boream* встроена в 12-лучевую розу ветров, которую Орозий использовал наряду с 8-лучевой. Этот метод ориентирования сторон света, локализации географического объекта и вычисления размера его территории был сохранен Исидором, как и данная характеристика протяженности о. Ирландия, в итоге оказавшаяся более точной, чем его ориентировка и очертания на картах XIII в. и далее. Ирландский автор, как уже было доказано ранее, сохранил и адаптировал эти ориентиры в «Книге захватов» (XI в.), несмотря на существование с IX в. иных систем картографии и ориентирования в виде знаменитой «Т-О карты», сильно уступающих по точности [9, p. 191–194, 202]. Это удивительно и необычайно удачно, — перефразируем заключение Р. Баумгартена, — как ирландскому писчику удалось сохранить более точное указание Исидора в условиях, когда оно будет отображено визуально только на картах XVII в.!

Конечно, при всем фундаментальном значении поднимаемых выше вопросов об интеллектуальных связях и обменах в раннее Средневековье и т. п., мы вынуждены вместе с тем отметить, что масштабных дискуссий именно *внутри* кельтологического профессионального сообщества данная тема не вызвала и интерес к ней весьма ограничен; напротив, ее развитие являет собой хороший пример взаимодействия нескольких узких специальностей на общем поле медиевистики.

Список источников и литературы

1. *Smyth M.* Isidorian Texts in Seventh-Century Ireland // Isidore of Seville and His Reception in the Early Middle Ages. Amsterdam: Amsterdam University Press, 2016. P. 111–130.

2. *Ryan M.J.* Isidore amongst the Islands: The Reception and Use of Isidore of Seville in Britain and Ireland in the Early Middle Ages // A Companion to Isidore of Seville. Leiden and Boston: Brill, 2020. P. 424–456.
3. Dublin, Trinity College Library, MS 3528/20 // The Innovating Knowledge Database. [Электронный ресурс]. URL: https://db.innovatingknowledge.nl/#detail/M0087 (дата обращения: 20.09.2025).
4. *Zimmer H.* Nennius vindicatus. Über Entstehung, Geschichte und Quellen der Historia Brittonum. Berlin: Weidmannsche Buchhandlung, 1893. 342 s.
5. *Meyer K.* Partholón Mac Sera // Zeitschrift für celtische Philologie. 1921. Bd. XIII (1). S. 141–142.
6. *Van Hamel A.G.* On Lebor Gabála // Zeitschrift für celtische Philologie. 1915. Bd. X (1). S. 97–197.
7. *Mac Neill E.* Phases of Irish history. Dublin: Gill & Son, 1920. 370 p.
8. *Ó Maille T.* The authorship of the Culmen // Eriu. 1921. Vol. IX. P. 71–76.
9. *Baumgarten R.* The Geographical Orientation of Ireland in Isidore and Orosius // Peritia. 1984. Vol. 3. P. 189–203.
10. *Павел Орозий.* История против язычников / пер. В.М. Тюленева. СПб.: Алетейя, 2001. [Электронный ресурс]. URL: https://www.vostlit.info/Texts/rus14/Orozij/frametext1.htm (дата обращения: 20.09.2025).
11. *Смирнов А.А.* Лекции по кельтологии // РО ИРЛИ РАН. Ф. 670. Оп. 1. Д. 54. Автограф.
12. *Baumgarten R.* A Hiberno-Isidorean Etymology // Peritia. 1983. Vol. 2. P. 225–228.
13. *Hillgarth J.N.* Ireland and Spain in the Seventh Century // Peritia. 1984. Vol. 3. P. 1–16.
14. *Hillgarth J.N.* Visigothic Spain and early Christian Ireland // Proceedings of the Royal Irish Academy: Archaeology, Culture, History, Literature. Dublin: Royal Irish Academy, 1962. Vol. 62 (6). P. 167–194.
15. *Herren M.W.* On the earliest Irish Acquaintance with Isidore of Seville // Visigothic Spain: New Approaches. Oxford: Clarendon, 1980. P. 243–250.

УДК 94

Колесник Н.В.
Санкт-Петербургский государственный университет,
Институт истории, студент бакалавриата.
E-mail: st108552@student.spbu.ru

Король-полководец в германских хрониках X–XI веков: военное лидерство между риском и сакрализацией

Аннотация. В статье анализируется образ короля-полководца в хрониках Видукинда Корвейского, Титмара Мерзебургского и Ламберта Герсфельдского (X–XI вв.). Исследуются военное лидерство, тактическое управление, риски и сакральный статус правителя в битвах. Показана эволюция от роли воина-вождя к функции стратега.

Ключевые слова: средневековая Германия, король-полководец, хроники, военное лидерство, Оттон I, Генрих II, Генрих IV, Видукинд Корвейский, Титмар Мерзебургский, Ламберт Герсфельдский.

Kolesnik N.V.
Saint Petersburg State University,
Institute of History, Bachelor's Program Student.
E-mail: st108552@student.spbu.ru

The King-General in the German Chronicles of the X–XI Centuries: Military Leadership between Risk and Sacralization

Abstract. The article analyzes the image of the king-general in the chronicles of Widukind of Corvey, Thietmar of Merseburg, and Lambert of Hersfeld (X–XI centuries). The article explores military leadership, tactical management, risks, and the sacred status of the ruler in battles. It shows the evolution from the role of a warrior-leader to that of a strategist.

Keywords: medieval Germany, king-warlord, chronicles, military leadership, Otto I, Henry II, Henry IV, Widukind of Corvey, Thietmar of Merseburg, Lambert of Hersfeld.

Введение

Период X–XI вв. в истории Священной Римской империи характеризуется становлением новых форм политической власти и трансфор-

мацией института королевства. В этих условиях фигура правителя как военного лидера приобретает особое значение. Если предыдущие исследования часто акцентировали внимание на сакральном и политическом измерениях королевской власти [1, 2], то настоящая статья фокусируется на анализе полководческого аспекта — той роли, которую монарх играл как непосредственный руководитель военных операций и тактический командир.

Основу исследования составляют три ключевые хроники: «Деяния саксов» Видукинда Корвейского (середина X в.), «Хроника» Титмара Мерзебургского (начало XI в.) и «Анналы» Ламберта Герсфельдского (вторая половина XI в.). Эти хроники не только отражают эволюцию образа правителя-полководца на протяжении полутора столетий, но и демонстрируют, как военное лидерство становилось инструментом идеологической легитимации власти [3, p. 11; 4, p. 347].

Цель данной статьи — выявить и проанализировать составляющие образа короля-полководца через призму нарративных источников, а также проследить его трансформацию от модели воина-вождя к роли стратега и сакрального лидера.

Полководец как объединяющий символ и тактик

Центральной функцией короля-полководца была его объединяющая роль перед лицом противника. Как отмечает А. Штильдорф, именно личное присутствие правителя на поле боя, его способность воодушевить войско речью и собственным примером становились ключевыми факторами боевого духа [5, s. 15].

Наиболее ярко этот аспект проявляется в хронике Видукинда Корвейского. Описывая битву на реке Лех в 955 г., хронист приводит пространную речь Оттона I, обращенную к воинам: «Нам необходимо запастись мужеством в столь тяжелом испытании. <…> До сих пор с помощью ваших неутомимых рук и вашего славного непобедимого оружия я одерживал победы везде за пределами моей страны и державы, так неужели же мне теперь в своей державе, своем королевстве, надо показать [врагам — *Н.К.*] спину?» [6, с. 185]. Завершив речь, король «поднял щит и священное копье и первым направил коня на врага, выполняя обязанность и храбрейшего воина, и выдающегося полководца» [6, с. 185]. Этот эпизод демонстрирует идеальную, с точки зрения Видукинда, модель полководца: правитель сочетает ораторское искусство, личную храбрость и сакральную символику («священное копье»). Важно отметить, что сама

речь Оттона I отсутствует у других хронистов, включая Титмара Мерзебургского, что позволяет предположить ее литературное происхождение как элемента «мифологизации» сражения [7, с. 9].

Тактическое руководство короля подробно описывает Ламберт Герсфельдский в рассказе о сражении при Хомбурге в 1075 г. Генрих IV активно использует разведку: «Лазутчики, высланные королем для наблюдения за саксонским войском, доложили, что те не уступают им ни в численности, ни в вооружении» [8, с. 136]. Получив информацию о беспечности противника, король принимает решение о немедленной атаке: «герцог Рудольф <…> сообщил, что саксы совсем рядом и <…> веселятся посреди яств и напитков <…> он предлагает выстроить войско в боевом порядке и вступить в битву» [8, с. 137].

Ламберт детально описывает построение войска: «Поскольку ни расположение места, ни их многочисленность не давали им возможности идти в бой всем вместе в одно и то же время, герцогу Рудольфу было поручено сражаться со своими людьми в первых рядах. <…> Король находился в пятом отряде, который был набран из отборнейших и наиболее преданных ему юношей» [8, с. 137]. Этот отрывок свидетельствует о понимании хронистом основ тактического управления — дифференциации войск, учета местности и организации взаимодействия между отрядами.

Риск и выгода: цена полководческого статуса

Личное участие короля в сражениях было сопряжено со значительным риском, что хорошо осознавали современники. Штильдорф справедливо отмечает, что поражение наносило непоправимый урон репутации правителя [5, s. 11]. Однако потенциальные выгоды — укрепление авторитета, демонстрация божественного покровительства — перевешивали опасности.

Видукинд Корвейский, описывая коронацию Оттона I императорской короной, особое значение придает именно победе на Лехе, а не римскому походу [9, s. 43–46]. Это указывает на важность военного триумфа как основания для легитимации высшей власти в рамках германской воинской культуры [3, p. 45].

Однако риск смерти был вполне реален. Тот же Видукинд рассказывает о гибели герцога Конрада в битве на Лехе: «Так как герцог Конрад сражался весьма храбро <…> он снял забрало и хотел глотнуть [свежего] воздуха, но тут [вражеская] стрела пронзила его горло, и он пал мертвым» [6, с. 185–186]. Эпизод красноречиво свидетельствует, что коман-

дующий даже высокого ранга не был застрахован от случайной гибели, что подтверждается и другими источниками [10, p. 156].

Ламберт Герсфельдский приводит пример, когда Генрих IV едва не стал жертвой собственной тактики: «Если бы им удалось догнать короля и при таком ожесточении воинов <…> вступить в битву, то <…> короля и всю его свиту или постигла бы верная смерть, или покрыл позор» [7, с. 173]. Спасением стала случайность — разлив реки, помешавший саксам осуществить свои планы [7, с. 173].

Титмар Мерзебургский демонстрирует, как боевые раны могли повышать авторитет воина, даже если он был церковнослужителем. Описывая епископа, получившего ранение в бою, хронист замечает: «увечье послужило ему не к позору, а к еще большему почету» [11, с. 28]. Этот пример иллюстрирует сложное переплетение христианских и воинских ценностей в менталитете эпохи [12, с. 134–135].

Влияние полководца на ход сражения

Хроники предоставляют многочисленные примеры того, как личные качества и решения правителя непосредственно влияли на исход битв. При этом успех или поражение часто связывались не только с воинским мастерством, но и с моральным обликом полководца [13, с. 21–22; 14, с. 329–330].

Титмар Мерзебургский в описании столкновения германцев с войском Ардуина Итальянского прямо указывает на причину поражения: «Если бы не бегство Оттона, брата епископа Гебхарда, которое спутало и расстроило войско тевтонцев <…> немцы вышли бы победителями» [11, с. 85]. Хронист признает численное превосходство противника, но решающим фактором называет именно поведение командующего [11, с. 85].

Ламберт Герсфельдский, описывая столкновение сторонников Генриха IV с мятежным Оттоном, показывает, как гибель лидеров парализует волю войска: «Бруно и Отто <…> столь стремительно ринулись один на другого, что в первой же схватке вышибли друг друга из седла <…>. Лишившись вождей, оба войска продолжали какое-то время сражаться с переменным успехом» [8, с. 45]. Лишь героические действия Экберта, «в бешеном натиске бросившегося на густые ряды врагов», склонили чашу весов в пользу королевских войск [8, с. 45].

Интересный пример тактической хитрости приводит Видукинд, рассказывая о сражении польского князя Мешко с Вихманом: «[Мешко] выставил против него прежде всего пеших воинов. В то время как [воины]

по приказу [князя] стали постепенно отступать перед Вихманом <…> в тыл [ему] была послана конница, [и князь] дал знак отступающим повернуться обратно и наступать на врага» [6, с. 193]. Этот эпизод демонстрирует наличие сложных тактических приемов (ложное отступление с последующей контратакой) в военной практике X в. [15, с. 78].

Эволюция образа полководца в хрониках

Сравнительный анализ трех хроник позволяет проследить эволюцию образа короля-полководца на протяжении X–XI вв.

У Видукинда Корвейского (середина X в.) правитель — это, прежде всего, воин-вождь, лично ведущий войска в бой. Его авторитет основан на военной доблести и победах. Речь Оттона I перед битвой на Лехе — яркий пример этой модели, где религиозная риторика служит усилению именно воинского этоса [4, p. 89].

Титмар Мерзебургский (начало XI в.) представляет более сложную картину. Хотя он и признает важность военного лидерства, его Генрих II — скорее стратег и организатор, чем простой рубака. В хронике Титмара мы находим лишь один эпизод личного участия короля в атаке, причем при описании Генриха I [11, с. 21]. Это может свидетельствовать о начавшемся процессе дистанцирования короля от непосредственного участия в рукопашной схватке [10, p. 203].

Ламберт Герсфельдский (вторая половина XI в.) завершает эту эволюцию. Его Генрих IV — прежде всего политик и стратег, управляющий войсками на расстоянии. Хронист подробно описывает тактические решения короля, но практически не упоминает о его личном участии в бою. Единственный эпизод, где Генрих оказывается в непосредственной близости от сражения, описывается без героизации: «король лег в постель, чтобы несколько освежиться» [8, с. 137].

Эта трансформация соответствует общей тенденции X–XI вв., отмеченной современными исследователями: постепенное перемещение короля из первых рядов атакующих в окружение личной гвардии, а затем — к роли верховного координатора военных действий [4, p. 156].

Заключение

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы относительно образа короля-полководца в германских хрониках X–XI вв.

Во-первых, полководческая функция оставалась неотъемлемой составляющей королевской власти на протяжении всего периода. Однако

ее характер существенно трансформировался: от модели воина-вождя, лично участвующего в битве (Оттон I у Видукинда), к образу стратега-организатора, управляющего войсками через подчиненных (Генрих IV у Ламберта).

Во-вторых, успех полководца оценивался через призму не только военных, но и морально-религиозных категорий. Победа интерпретировалась как знак божественного благоволения, поражение — как следствие моральных недостатков или недостаточной веры [14, с. 78].

В-третьих, хроники демонстрируют сложное сочетание реальных тактических приемов (разведка, построение войск, ложное отступление) с элементами идеологической конструкции, направленной на прославление или, наоборот, дискредитацию правителя [2, с. 32; 15, с. 72].

Эволюция образа короля-полководца отражала общие процессы централизации власти и усиления сакрального статуса монарха [13, с. 373]. К концу XI в. непосредственное участие в рукопашном бою перестало быть обязательным атрибутом правителя, уступив место более сложным формам военного и политического лидерства, что подготовило почву для формирования новых моделей королевской власти в высокое Средневековье.

Список источников и литературы

1. *Althof G.* Spielregeln der Politik im Mittelalter. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1997. 280 s.
2. *Канторович Э.Х.* Два тела короля. Исследование по средневековой политической теологии / пер. с англ. М.А. Бойцова, А.Ю. Серегиной. 2-е изд., испр. М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. 752 с.
3. *Leiser K.* Medieval Germany and its Neighbors, 900–1250. Oxford, 1982. 288 p.
4. *Bachrach B.S., Bachrach D.S.* Warfare in Medieval Europe, 400–1453. New York, 2017. 410 p.
5. *Clauss M., Stieldorf A., Weller T.* Der König als Krieger. Zum Verhältnis von Königtum und Krieg im Mittelalter: Eine Einführung // Der König als Krieger: Zum Verhältnis von Königtum und Krieg im Mittelalter / Hg. von M. Clauss, A. Stieldorf, T. Weller. Bamberg, 2015. S. 9–22.
6. *Видукинд Корвейский*. Деяния саксов / пер. Г.Э. Санчука. М., 1975. 272 с.
7. *Пилипчук Я.В.* Новый «Бич божий» войны венгерских вождей времен Обретения Родины по данным латиноязычных европейских источников // Археология евразийских степей. 2017. № 5. [Электронный ресурс] URL: https://cyberleninka.ru/article/n/novyy-bich-bozhiy-voyny-vengerskih-

vozhdey-vremen-obreteniya-rodiny-po-dannym-latinoyazychnyh-evropeyskih-istochnikov (дата обращения: 19.05.2025).

8. *Ламберт Херсфельдский.* Анналы / пер. с лат. и коммент. И.В. Дьяконова. М.: СПСЛ «Русская панорама», 2013. 240 с.
9. *Stieldorf A.* Das Bild vom König als Krieger im hochmittelalterlichen Reich // Der König als Krieger: Zum Verhältnis von Königtum und Krieg im Mittelalter. S. 23–64.
10. *Warner D.A.* Ottonian Germany: The Chronicon of Thietmar of Merseburg. Manchester: Manchester University Press, 2001. 416 p.
11. *Титмар Мерзебургский*. Хроника / пер. И.В. Дьяконова. М., 2005. 254 с.
12. *Флори Ж.* Идеология меча: Предыстория рыцарства / пер. с фр. М.Ю. Некрасова. СПб.: Евразия, 1999. 315 с.
13. *Блок М.* Феодальное общество / пер. с фр. М.Ю. Кожевниковой; под ред. О.А. Добиаш-Рождественской. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2003. 497 с.
14. *Ле Гофф Ж*. Цивилизация средневекового Запада / пер. с фр.; общ. ред. Ю.Л. Бессмертного. М.: Прогресс-Академия, 1992. 376 с.
15. *Контамин Ф*. Война в Средние века. СПб.: Ювента, 2001. 348 с.

УДК 94

Савельева А.Д.
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», факультет гуманитарных наук,
студент бакалавриата.
E-mail: alena-saveleva-2003@mail.ru

Представления о пространстве Святой земли в итинерариях Антонио Ребольди из Кремоны и Франческо Пипино

Аннотация. В статье рассматриваются представления о пространстве Святой Земли итальянских монахов XIV в. Антонио Ребольди и Франческо Пипино. В ходе работы были выявлены ключевые для обоих паломников ориентиры: церковь, город, гора. Анализ проводился на основе публикаций источников. Изучение проблематики выстраивалось через призму «пространственного поворота». В исследовании был использован контент-анализ.

Ключевые слова: пространственный поворот, средневековые путешественники, итинерарии, Антонио Ребольди из Кремоны, Франческо Пипино, паломничество в Святую Землю, история Италии XIV в.

Savelieva A.D.
National Research University
«Higher School of Economics»,
Faculty of Humanities,
Bachelor's Program Student.
E-mail: alena-saveleva-2003@mail.ru

The Perception of Space of the Holy Land in the Itineraries of Antonio Reboldi of Cremona and Francesco Pipino

Abstract. This article explores the perceptions of the Holy Land's space by fourteenth-century Italian monks Antonio Reboldi and Francesco Pipino. It reveals the key spatial categories used by pilgrims: church, city, mountain. The study is based on publications of their itineraries. The research approaches the subject through the frame of the "Spatial Turn". The method of content analysis was used.

Keywords: Spatial Turn, Medieval Travellers, Itineraries, Antonio Reboldi of Cremona, Francesco Pipino, Pilgrimage to the Holy Land, History of Italy in the 14th century.

Путешествия Антонио Ребольди из Кремоны и Франческо Пипино в Святую Землю пришлись на 20–30-е гг. XIV в. После взятия Акры мамлюками в 1291 г. и разрушения прибрежных городов Палестины поток паломников на Восток значительно уменьшился. Для данного времени наиболее примечательной является итальянская традиция итинериариев. Паломнические трактаты представляют особенную ценность для изучения пространственных представлений человека XIV в. В текстах данного типа сохранились свидетельства, показывающие перемещения человека в незнакомой ему географической среде. Изучение того, как путешественник описывает пространство, в котором он оказался впервые и которое является для него чужим, позволит исследователям лучше понять мышление человека изучаемой эпохи, увидеть, что для него являлось примечательным и важным на новом месте, а что он упускал из виду. Исследования в данной области также позволят посмотреть, как культурная среда, в которой был сформирован индивид, влияет на аспекты восприятия им окружающего мира. Об интересе к изучению роли пространства и пространственных представлений в академическом сообществе свидетельствует возникновение «пространственного поворота» (“Spatial Turn”) и связанной с ним области «пространственной истории» (“Spatial History”) [1, p. 1–6].

Трактаты паломников часто привлекались для изучения образа «Другого» в сознании авторов [2, p. 25–34], с их помощью пытались восстановить паломнические маршруты, экономические основания пути [3]. Однако изучение пространственного восприятия на материале итинериариев требует дополнительного анализа.

Трактат Антонио Ребольди «Itinerarium ad Sepulcrum Domini et ad Montem Sinai» относится к повествовательному жанру, а сочинение Франческо Пипино «Tractatus de locis Terrae Sanctae» — скорее компиляция из более ранних текстов. Использование источников разных жанров позволяет проследить, сохраняются ли у авторов общие категории ориентирования. В данной статье используется итинерарий Франческо Пипино, опубликованный Л. Манцони в 1895 г. [4, p. 316–332]. Трактат Антонио Ребольди был издан в 1919 г. Дж. Голубовичем [5, p. 331–341].

В данной работе автор преследует цель определить способы ориентирования в пространствах, созданных Антонио Ребольди и Франческо Пипино в написанных ими итинериариях. Для того чтобы установить наиболее используемые авторами методы ориентации в пространстве, были составлены таблицы, где каждой локации присваивались категории ориентирования.

Всего в ходе работы с трактатами было выделено 13 категорий ориентирования: монастырь, сакральное помещение — обобщенно просто «церковь» (непосредственно церковь, склеп, часовня и др.), сакральный объект (колонна, столб, камень и другие объекты, не подходящие под определение сакрального помещения), водоем (фонтан, резервуар, купель и др.), гора, город (в эту же категорию относятся крепость и ее части, поселения), водоем (река, море, озеро и др.), величина расстояния (дни пути, римские мильные столбы и др.), земля (в ее широком значении: угодья, долина, поле и др.), дорога, стороны света, историческая область (страны), пустыня. Данные категории были определены на основе анализа текстов путем обобщения некоторых встречающихся ориентиров. Например, церковь («ecclesia»), гробница («sepulcrum»), горница («cenaculum») были объединены в одну категорию, так как все три являются сакральными нежилыми помещениями. После присваивания каждой локации определенной категории ориентирования количество употреблений каждой из них подсчитывалось.

Для систематизации ориентиров паломников было принято решение выделить отдельные главные локации: локации прибытия и локации-ориентиры. Например, в первом абзаце у Антонио Ребольди можно встретить: «pervenimus *Acon*, civitatem Syriae, quae alio nomine dicitur Tholomayda, <…> *recessimus de Acon*, ut veniremus *Nazareth*, et veniendo *Nazareth* transivimus *per Saphoriam*» (Мы прибыли в Акон [Акра], город в Сирии, который называют другим именем Птолемаида, <…> как только мы ушли из Акона, мы прибыли в Назарет, и, придя в Назарет, мы перешли через Сафорию [Сепфорис]) [5, p. 331]. В первом отрывке локация прибытия — Акра, во втором отрывке локацией прибытия служит Назарет, а Акра и Сепфорис — локации-ориентиры. При проведении подсчета учитывается не количество упоминаний локаций в тексте, а количество использований определенной категории. В данном случае считается категория города, итоговое число в этих двух отрывках — три. В первом отрывке мы считаем главную локацию — Акру, во втором — Назарет как локацию прибытия и Акру и Сепфорис как локации-ориентиры. Внутри текста также были выделены локации, относящиеся к предполагаемому месту посещения паломником, и локации, относящиеся к библейским, агиографическим и другим заимствованным паломниками сюжетам.

Список условий, которыми руководствовался автор исследования при проведении подсчетов, представлен ниже:

1. Упоминаемая паломником локация относится к месту, которое паломник предположительно посещал, а не к легенде-привязке.

Item fui in porta illa civitatis Ierusalem per quam beata virgo cum filio est ingressa quando de bethleem veniens ierusalem ipsum portavit presentandum in templum in die sue sancte purificationis (Также я был у тех ворот города Иерусалима, через которые вошла Пресвятая Дева с сыном, когда, придя из Вифлиема в Иерусалим, принесла его, чтобы представить в Храме в день своего Святого очищения) [4, p. 318].

В данном примере ворота Иерусалима — *porta Ierusalem*, относятся к главной локации, к реальной географии, тогда как Вифлеем и храм — к легенде-привязке.

2. В абзаце указаны расстояния — точные (например, два мильных римских столба) или приблизительные (например, неподалеку от чего-либо).
3. Указан актуальный для автора контекст — например, в первом параграфе трактата Франческо Пипино указано, что описываемый им монастырь на момент его путешествия был занят сарацинами [4, p. 316].
4. Локации, выстроенные по формуле «Я был в месте, в котором [библейская вставка]» без соблюдения указанных выше условий, не входили в подсчет, так как в данном случае высока вероятность текстологического заимствования, а не представление описания посещенного паломником места.
5. В случаях, когда конкретное место в трактатах указывалось косвенно через формулу «‹место, где [библейский сюжет]›», ему не присваивалась какая-либо категория в связи с отсутствием локаций-ориентиров. Например, «‹In Nazareth fecimus festum Annuntiationis Virginis Mariae [25 mar.] eo scilicet loco, quo fuit annuntiata›» [5, p. 331]. — «‹В Назарете мы праздновали праздник Благовещения Девы Марии [25 марта] именно в том месте, где она получила Благую весть›». Скорее всего, здесь подразумевается Базилика Благовещения в Назарете, но, как было сказано выше, при отсутствии ориентиров категория «‹церковь» локации не присваивается, присваивается только категория «‹город›».
6. В случае упоминания в одной локации-параграфе в паломническом сочинении одной категории несколько раз, она засчитывалась как единица, так как считается не количество употребляемых слов, а именно способ ориентирования. Например, во второй локации-параграфе у Франческо Пипино можно прочесть следу-

ющее: «Ubi natus fuit beatus Johannes baptista est pulcra et antiqua ecclesia in ipsius honore constructa et non longe ab ipsa ecclesia alia» [4, p. 316]. Слово «церковь» — «ecclesia» упомянуто дважды, в тексте речь идет о двух разных церквях, но в таблицу подсчета была внесена единица, так как в этом параграфе Франческо выстраивает ориентир относительно одной категории — церкви.

Самой употребляемой категорией ориентирования в итинерарии Франческо Пипино оказалось сакральное помещение, у Антонио Ребольди — город. Разница между результатами подсчетов незначительна во всех категориях, кроме сакрального помещения, где расхождение составляет 8,59%.

Распространенность способа ориентирования на церкви можно объяснить несколькими причинами. Из условно «объективных» — распространенность сакральных мест в Иерусалиме. Гор на данной территории тоже много, однако в тексте авторы всегда опираются на конкретные вершины. Зачастую паломники используют одни и те же наименования — например, Масличную гору или гору Сион. Городов, через которые паломники проделали свой путь, также немало, однако Франческо Пипино также ограничивается только теми городами, которые фигурируют в Священном Писании. В данном аспекте свою роль играют особенности построения текстов трактатов. В итинерариях видно, что паломники стремились повторить путь Христа, прописанный в Евангелии. У Франческо из этого следует структура текста с перечислением согласно библейской хронологии.

Таблица. Процент от общего числа ориентиров, который занимает каждая категория ориентирования

Категория	Антонио Ребольди	Категория	Франческо Пипино
Город	27,27	Сакральное помещение	25,89
Сакральное помещение	17,32	Город	23,35
Горы	16,02	Горы	17,26
Водоем	8,23	Водоем	6,6
Расстояния	6,93	Земля	6,6
Земля	5,63	Расстояния	5,58
Историческая область	4,76	Сакральный объект	5,08

Категория	Антонио Ребольди	Категория	Франческо Пипино
Город	27,27	Сакральное помещение	25,89
Сакральное помещение	17,32	Город	23,35
Сакральный объект	3,03	Монастырь	2,54
Монастырь	3,03	Дорога	2,03
Пустыня	2,6	Историческая область	2,03
Дорога	2,16	Море	1,52
Море	2,16	Стороны света	1,02
Стороны света	0,87	Пустыня	0,51

Иногда к местам также добавляются подробности современной ему эпохи — например, занятый сарацинами монастырь. Таким образом, Франческо Пипино выбирает ориентиры, руководствуясь в основном Священным Писанием, создавая пространство, содержащее как элементы сакрального, так и современного. В тексте Антонио Ребольди, так же, как и Франческо Пипино, присутствует стремление прочувствовать ключевые события жизни Христа [6, p. 14], однако в тексте он позволяет себе больше подробностей не только географических, но и повседневных. Его пространство, так же, как и у Франческо, содержит в себе элементы как сакрального, так и реального, но реальное выходит за рамки того, что заимствовано из Священного Писания, намного больше приближено к реальной географии и не ограничивается только христианским миром. Небольшое расхождение в соотношении категорий «город» и «сакральное помещение» у Антонио и Франческо можно объяснить как раз приближенностью первого к реальной географии. Тем не менее, это небольшое расхождение не отменяет общей тенденции с тремя главными категориями ориентирования — город, церковь, горы.

Полученные с помощью подсчетов данные позволяют сделать выводы об общности использования пространственных ориентиров у двух паломников, несмотря на принадлежность их трактатов к двум разным жанрам. На основе представленных результатов можно сказать о единых пространственных практиках для двух монахов — Антонио Ребольди и Франческо Пипино.

Список источников и литературы

1. *White R.* What is Spatial History? // Stanford University Spatial History Project. [Электронный ресурс]. URL: https://web.stanford.edu/group/spatialhistory/static/publications/ pub29.html (дата обращения: 05.10.2025).
2. *Buquet T.* Animalia Extranea Et Stupenda Ad Videndum. Describing And Naming Exotic Beasts in Cairo Sultan's Menagerie // Animals and Otherness in the Middle Ages. Perspectives Across Disciplines / Ed. Francisco de Asís García García. Oxford, 2013. P. 25–34.
3. Pilgrimage to Jerusalem. Journeys, Destinations, Experiences across Times and Cultures: Proceedings of the Conference held in Jerusalem, 5th to 7th December, 2017 / Ed. John Seligman. Mainz, 2020. 156 p.
4. *Fr. Francesco Pipino.* Itinerario At Luoghi Santi Di Fr. Francesco Pipino // Attie Memorie Della R. Deputazione Di Storia Patria Per Le Provingie Di Romagna. Bologna. 1895. Vol. XIII. P. 316–332.
5. *Fr. Antonii de Reboldis de Cremona.* Itinerarium ad Sepulcrum Domini et ad Montem Sinai // Biblioteca Bio-Bibliografica Della Terra Santa. Dell'oriente Francescano. Firenze. 1919. Vol. 3. P. 331–342.
6. *Hyde J.K.* Italian Pilgrim Literature in the late Middle Ages // Bulletin John Rylands library. 1990. Vol. 72. No. 3. P. 14–33.

УДК 94 (460)

Веретенникова А.Д.
Российский государственный гуманитарный университет,
исторический факультет, студент бакалавриата.
E-mail: anastasia.veret@icloud.com, rsuh@rsuh.ru

«Книга о рыцаре Сифаре» как источник по идеологии и культуре рыцарства Кастилии и Леона конца XIII в. — начала XIV в.

Аннотация. В статье рассматривается средневековый испанский рыцарский роман «Книга о рыцаре Сифаре» с точки зрения его идеологического наполнения. В частности, затрагиваются темы вассально-сеньориальных отношений, понятие власти в Кастилии и Леоне. Также показаны внутрисемейная иерархия, воспитание и духовное развитие рыцаря.

Ключевые слова: «Книга о рыцаре Сифаре», рыцарский роман, художественная литература Испании, вассалитет.

Veretennikova A.D.
Russian State University for the Humanities,
Faculty of History, Bachelor's Program Student.
E-mail: anastasia.veret@icloud.com, rsuh@rsuh.ru

«The Book of the Knight Zifar» as a source on the Ideology and Culture of Chivalry in Castile and Leon in the late 13th — early 14th Centuries

Abstract. The article comprehensively discusses the medieval Spanish chivalric romance «El libro del caballero Cifar» from the point of view of its ideological content. In particular, the topics of vassal-seigneurial relations, the concept of power in Castile and Leon are touched upon. It also shows the intra-family hierarchy, upbringing and spiritual development of the knight.

Keywords: «The Book of the Knight Zifar», chivalric romance, fiction of Spain, vassalage.

Прежде чем начать говорить об идеологии и культуре рыцарства, следует описать источниковую базу. Она включает в себя «Книгу о рыцаре Сифаре», отредактированную и объединенную Чарльзом Вагнером из трех сохранившихся версий романа [1], знакомство с которым осущест-

влялось на старокастильском языке — в оригинале. На данный момент переводов на русский язык нет. В издании Чарльза Вагнера не приведены комментарии, раскрывающие содержание специальной терминологии, географические понятия и имена исторических личностей; однако довольно подробно автор компилирует разные редакции «Книги…» в постраничных сносках. Роман сохранился в двух рукописях, одна из которых хранится в Мадриде, в Национальной библиотеке Испании, а другая — в Париже, в Национальной библиотеке Франции, также сохранилась ранняя печатная версия, опубликованная в Севилье в 1512 г. [2, p. 58].

Источниками столь значительного труда являются арабские тексты, поскольку мы видим арабские стилистические особенности, названия мест на арабском, некоторые арабские имена персонажей [3, p. 282]. Также исследователи отмечают сходство с книгой «Тысяча и одна ночь» и историей Абу-Сабира (мотив гибели скота преобразуется в романе в мотив потери денег) [4, с. 15]. Помимо арабских текстов, автором используются и другие источники. Например, исследователями отмечается сходство сюжета с легендой о рыцаре по имени Пласидас (Пласидус) или, как она позже стала называться, «Святой Евстафий». Интересны и книги цикла о короле Артуре, которые читались во всей Западной Европе в течение столетий. Первое упоминание об этой легенде в литературе Испании датируется концом XII в., и она используется автором «Книги о рыцаре Сифара» [3, p. 279]. В третьей части романа, состоящей из морально-дидактических наставлений, переработаны «Цветы философии»: из 40 глав автор переписал 33 [5, p. 31].

«Книга…» начала создаваться во время господства «молинизма», придворной мысли Марии де Молины, — мысли, преобладающей во время правления ее мужа Санчо IV, сына Фердинанда IV и ее несовершеннолетнего внука Альфонсо XI, в 1300–1325 гг. [6, p. 1375]. В это время политические, социальные и эстетические идеи отражаются в литературе с назидательной целью подрастающему поколению. Хотя автор «Книги о рыцаре Сифаре» неизвестен, имеющиеся в прологе данные свидетельствуют о том, что он был священнослужителем Ферраном Мартинсом, архидиаконом Мадрида, но это предположение невозможно доказать.

В первую очередь рассмотрим несколько примеров, показывающих рыцаря как сеньора и вассала в «Книге о рыцаре Сифаре». Образ рыцаря зависит от его финансовых возможностей, а на вооружение требовалось потратить большую сумму. Обычно снаряжение состояло из шлема, кольчуги, наплечников, рукавиц, поножей, щита, меча и пики. Так, племянник графа был в «полном вооружении» (*vn cauallero armado*), из чего следует,

что он являлся могущественным и богатым, раз смог позволить себе так облачиться [1, p. 44]. Интересно, что не только магнаты, но и рыцари духовных орденов (Сантьяго, Калатрава) имели «полное вооружение» [7, с. 196], Альтамира-и-Кревеа даже заявляет, что накопленные орденом богатства представляли немалую угрозу и опасения королям [8, с. 196].

Доброта, справедливость, умение дать здравый совет, способность владеть оружием — качества славного воина рыцаря Сифара [1, p. 11]. С XII по XIII в. данные характеристики, действительно, были присущи рыцарю-идальго, дворянину [9, p. 179]. Помимо его боевой мощи, мы узнаем, что рыцарь не был высокомерным, хоть и заслужил своими походами широкую славу. Будучи вассалом короля, Сифар входил в его ближайший круг и совет, поэтому он всегда говорил правду, давал королю мудрые советы, так как за свои действия отвечал перед Богом.

В XI–XIII вв. в Кастилии и Леоне король не имел постоянной армии, а в мирное время его окружали только личные вассалы [10, с. 190]. Король, как сеньор, обязывался обеспечивать Сифара, который был его личным вассалом, денежным феодом (словом «soldada» называлась также плата слугам и должностным лицам дворцов, консехо [7, с. 141, 145]), оружием и конями, поскольку такой славный и добрый воин нуждается в снабжении его ресурсами [1, p. 11]. Доказательство этому мы наблюдаем, когда король, видя, что рыцаря Сифара настигло несчастье, и он не мог пользоваться каким-либо животным более десяти дней, и потому его семья пребывала в великой бедности, все равно обеспечивал его лошадьми и оружием и всем, в чем он нуждался [1, p. 11].

На примере документа Куэльяра, в котором также упоминается термин «soldada», можно рассматривать его как естественное следствие заключения вассально-сеньориальных отношений. А если же клятва прекращала действовать, то рыцарь был обязан возвратить все своему сеньору и, как следствие, лишался возможности нести военную службу и источника дохода [7, с. 307–308]. Несмотря на то, что все обходилось королю очень дорого, он видел призвание Сифара быть славным рыцарем и покровительствовал ему, поскольку тот успешно проявлял себя на полях сражений, побеждал во славу своего сеньора-короля и обеспечивал славу себе. Однако вскоре король не смог больше его содержать. Высокая стоимость боевого коня и вооружения объясняется тем, что рыцари были основой защиты королевства, потому что они обладали большей ударной силой, чем пехотинцы [7, с. 279].

Впоследствии рыцарь Сифар был вынужден покинуть королевство по причине клеветы со стороны злых советников короля, позавидовав-

ших положению Сифара, в результате чего король перестал звать рыцаря на войны. Это привело к обеднению Сифара, поскольку он не получил от короля бенефиций, что послужило причиной его ухода из королевства.

Довольно показателен пример того, сколь славно рыцарь Сифар служил своему королю и обладал нужным опытом [1, p. 54]. Отмечается, что Сифар, будучи на службе у короля, понимал, как правильно проверить свое оружие, каким образом поставить своих воинов и использовать все свои силы для победы над врагом. Именно поэтому его приказам подчинялись все рыцари города Галапия, в котором он оказался по Божьей воле. В этом городе правила сеньора, которая вела продолжительную войну с тем племянником графа и по пришествии Сифара уповала надеждами на скорейшее прекращение конфликта. Сеньора Галапии отмечает его как человека требовательного и умеющего наказывать ее же вассалов. Попутно заметим, что вассалы сражались только под командованием своих сеньоров, а в этом случае сеньора Галапии передала свои полномочия на время войны Сифару, все еще олицетворяя центральную власть [10, с. 192]. Он же, подчиняясь ей, и от ее лица, объявляет военный смотр во время осады, на который должны явиться рыцари, арбалетчики и пехотинцы [1, p. 54]. После этого рыцарь принял у остальных рыцарей оммаж, что они последуют за ним и будут рядом, когда понадобится помощь. Еще до того, как произошло сражение Сифара и графа (сеньора Эфеса), жители города Галапия уже были рады пребыванию Сифара в городе; в нем видели человека, ниспосланного Богом для убийства того могущественного сеньора, и были утешены грядущим освобождением от войны [1, p. 47]. Заметим, что в тексте по отношению к графу употребляется термин *grant señor*, и мы видим определенную градацию между сеньорами. Есть гранд, а есть просто сеньор, как сеньора Галапии. Сеньоры-гранды отличаются своим происхождением, в то время как «новые сеньоры» происходят из разбогатевших крестьянских семей, а также поднявшихся на военной службе [11, с. 82].

Помимо того, что сеньора Галапии передала Сифару право распоряжаться войском, она отдала ему снаряжение своего мужа. Он надел это снаряжение и вышел на поле боя, однако сеньора не имела права делать так, ибо королевское законодательство воспрещало раздел предметов рыцарского снаряжения, поскольку они обладали высокой стоимостью [7, с. 283], а перейти могли лишь по наследству сыновьям, а при их отсутствии — дочерям.

Успешное завершение сражения побудило сеньору просить рыцаря Сифара остаться в городе; он согласился, что поставило его в положение вассала. Также она предлагает ему отдать своего сына на воспитание

в его семью, чтобы Сифар растил его таким же благонравным как он [1, p. 46], а также обеспечить ему обучение владению оружием, умению охотиться и ездить верхом [7, с. 327]. Передача детей сеньора своему вассалу и наоборот, означала гарантию того, что ни одна, ни другая сторона не предаст друг друга.

Другой пример про доверие и вассалитет связан с ситуацией, когда один из рыцарей города обратился к Сифару с предложением выдать своих дочерей замуж за его сыновей: когда дети достигнут совершеннолетия, он отдаст еще и треть того, что у него есть [1, p. 49]. Данное предложение было сделано на глазах у жителей Галапии, то есть публично. Эта честь, оказанная Сифару, не была ему по душе, поскольку он обладал скромным характером и не имел цели, придя в город, заводить с кем-либо родственные отношения, как сам он объясняет. Но, тем не менее, с ним хотели завести дружбу и даже вступить в родство. Это проистекает из практики заложничества. Детей передавали на воспитание в другую семью, подобно тому как происходила передача вассала в руки сеньору. С другой стороны, это мера гарантии, поскольку, если у вас в доме на воспитании живет сын вашего вассала, то этот вассал вас не предаст. В оригинале «criado» (воспитанник) — форма личной связи, которая фиксируется юридически и устанавливает патриархальные отношения.

Прежде чем войти в охраняемый город Галапия, Сифар сталкивается с привратником, который спрашивает у него, является ли он идальго, имея в виду, относится ли он к знатному и потомственному роду [1, p. 43]. Идальго могут быть как рыцарями, так и оруженосцами, поэтому на положительный ответ Сифара следует логичный вопрос, рыцарь ли он. После утвердительного ответа Сифара просят принести бессрочный оммаж, на что он отвечает, что не может сделать этого, поскольку не знает, что будет в будущем. Для привратника этот ответ был ненадежным, ибо рыцарь мог принести проблемы в город, а им нужна была гарантия. Интересно, что в рукописи нет упоминания о виде, в котором этот оммаж был принесен, однако в нерукописной традиции — на миниатюре во французской рукописи [12, p. 14v] присутствует сцена заключения договора, на которой мы видим, что было совершено рукопожатие одной рукой. Принесение оммажа через рукопожатие свидетельствует о его совершении между знатными, равными сторонами [7, с. 172]. Механизм власти основывается на договоре, и взаимные феодальные обязательства начинаются с оммажа, чтобы сделать их более прочными.

Попутно отметим, что привратник требовал от Сифара вечного оммажа, а Сифар предлагал принести его только на ограниченное время.

Французский юрист Жан де Блано подробно описывал оммажи и установил, что они могут быть двух видов: эдиктальные (на ограниченный срок) и декретальные (навсегда) [13, p. 169–170]. В данном случае от рыцаря Сифара требуют принести декретальный оммаж, поскольку гарантий он дает несравненно больше, нежели тот, что приносится на ограниченный срок.

Нарушитель соглашения, скрепленного оммажем, оказывался предателем, а это — самое страшное, что могло произойти в средневековом обществе. Вассалитет в XIII в. воспринимался как сильная связь, наподобие плотской [14, p. 137]. Такое нарушение жестоко каралось и расценивалось как клятвопреступление; его можно было смыть только кровью в судебном поединке, а в нем могли участвовать лишь знатные. Благодаря этому обеспечивалось строгое соблюдение обязательств [7, с. 162] в испанских юридических источниках того времени [14, p. 137]. Бросается в глаза как любовь к формальностям средневекового общества, так и то, что для них были реальностью идеи, которые нам кажутся абсурдными и аллегорическими [15, с. 192], идеал поведения обязывал рыцарей подчиняться церемониалу и символизму. Помимо этого, те качества рыцаря, которыми он был прославлен, как представитель социальной группы, например, добродетель и храбрость, тоже превратились в идеал, к которому стремились высшие слои населения [14, с. 144].

Итак, в один из дней пребывания Сифара в городе, сеньора Галапии вызывает его к себе и встает при его появлении [1, p. 48]. Этот жест означал приветствие и уважительное отношение к нему. Она могла продолжать сидеть, будучи сеньорой, но семантически это важно, поскольку это проявление почета к славному чужеземному воину. Со стороны Сифара мы тоже сталкиваемся с проявлением уважения. В своем ответе он демонстрирует сословные этические нормы, а пол не играет роли, поэтому уважение, проявленное рыцарем, направлено не на женщину, а означает выражение готовности служить. Эти отношения фиксируются сословной иерархией, а не вассально-сеньориальными связями.

Рассмотрев отношения власти, перейдем к семейным ценностям рыцаря. Каждый подвиг, который совершается рыцарем Сифаром, оценивается с моральной точки зрения и является испытанием его благих качеств. Жена же, в этом плане, соответствует качествам своего мужа и проявляет ровно такие же, как он [14, p. 207]. На протяжении всего произведения мы ничего не узнаем про красоту Гримы, но всякий раз подчеркивается, что она добродетельна (например, открыла монастырь для нуждающихся), милосердна, покорна (находясь в городе, она вы-

полняла приказания сеньоры, обращалась к своему мужу как к сеньору и как к другу), терпеливо переносит страдания своего мужа и всячески его поддерживает.

Говоря об их материальном достатке и семейной жизни, отметим, что из-за несчастья, по причине которого Сифар не мог иметь какого-либо вьючного животного или коня, его семья пребывала в глубокой бедности [1, p. 11]. Рыцарь Сифар часто участвовал в сражениях, а жалование, по-видимому, было небольшим, коли король и так обеспечивал его конями и оружием. Грима не имела какого-либо достатка, посвящая все время воспитанию их детей.

Обращение жены к мужу на Вы, которое мы видим в источнике, показывает глубокое уважение к мужу и благоговение перед ним. Сочетание понятий «друг и сеньор» («amigo señor») не является обычным, а возможно, указывает на особо тесные психологические связи, объединяющие супругов. Такое обращение является проявлением уважительного отношения между супругами и общения на равных. Грима всячески поддерживала Сифара в радостях, даже находясь в крайней бедности [1, p. 15].

Рыцарь Сифар любил жену, разделял с ней свои тревоги и тайны, об одной из которых рассказал, потому что она для него — самый близкий друг. Но, прежде чем раскрыть ей эту тайну, он приводит ей пример о настоящих и преданных друзьях. Делает он это дабы побудить ее сохранить его тайну; ведь за благонравие и добродетель своей жены Сифар отвечал перед Богом. Женщина всегда находилась под властью патриархальных устоев, за нее несли ответственность отец, брат, муж, сын, дядя или зять.

Оба родителя благонравны и воспитывают таким же образом своих сыновей. Сифар несет материальную и нравственную ответственность за детей и жену, чтобы они были добродетельны и не грешили. Как было написано выше, отношения мужа и жены были полны любви и уважения; теперь же рассмотрим пример, касающийся отношений отца и сына. Выражение «padre señor» показывает нам жесткую иерархию в семье и понимание сыном своего положения. Отец, как сеньор, воспринимается как вышестоящий или, в некоторых случаях, как равный. Сын, воспитанный в такой семье, обязуется повиноваться отцу, который должен научить его принимать решения в своей жизни и передать ему то, что он умеет.

Еще одна характеристика, которую хотелось бы затронуть — это образ рыцаря и его происхождение. Ранее мы отметили, что образ воина являлся объектом подражания, он был принят в обществе и воспринимался как идеал. Начнем с того, что во введении объясняется, почему рыцарь

Сифар назван Божьим рыцарем. Еще при крещении он был назван Сифаром, а вскоре обрел имя Божьего рыцаря [1, p. 8], поскольку он, помимо совершения благих поступков и обладания верой и нравственностью, принимает христианскую веру.

Рыцари — это особая группа военной знати. Рыцаря можно рассматривать как знатного по следующим параметрам: во-первых, ему принадлежал контроль над определенной землей, то есть он имел права собственности на земельные владения, даже небольшие по территории. Во-вторых, это «власть над людьми», однако у Сифара, как мы можем судить, нет собственных вассалов или челяди на собственной земле. В-третьих, это знатное происхождение, а нам известно, что у рыцаря Сифара королевские корни, он родом из Индии. И, в-четвертых, можно отметить особое значение знатного образа жизни, с которым связывали умелое владение оружием, знания о ведении боя и определенные характеристики — добродетель и доблесть.

В процессе исследования информационной ценности памятника средневековой кастильской литературы «Книги о рыцаре Сифаре» мы рассмотрели значение оммажа, как основы вассально-сеньориальных отношений, нарушение которых расценивалось как преступление наиболее тяжкое, лишавшее чести. Устной клятвы или письменного заверения не хватало, поэтому, чтобы еще более закрепить обязательства, существовала традиция передачи детей вассалов своему сеньору на воспитание, как гарантии долговременных вассально-сеньориальных отношений. Проявление верности характерно для честного и мудрого человека, коих ценили сеньоры и короли. Они были заинтересованы не только в богатых подданных, которые сами могли позволить себе боевого коня и оружие, но в тех, кто отличался боеспособностью и отвагой, то есть в талантливых и верных людях.

Семья рыцаря в Средневековье была расширенной, в нее входили не только муж, жена и дети, но также и слуги. Глава семьи нес ответственность за поддержание и воспитание добродетелей, знаний и навыков каждого из ее членов.

Власть на рубеже XIII–XIV вв. в Кастилии и Леоне не мыслилась абстрактно: существовала сословная иерархия, у каждого в городе или королевстве были свои функции, а оммаж был не просто формальностью, он фиксировался в особых правовых источниках и накладывал определенные обязательства. В тексте представлено, каким должен или не должен быть король и сеньор, и как должным образом выстраивать отношения рыцарей с ними.

Список источников и литературы

1. El Libro del cauallero Zifar (El Libro del Cauallero de Dios) / Ed. Ch. Ph. Wagner. Part 1: Text. Ann Arbor: University of Michigan, 1929. 532 p.
2. *Blecua J.M.* Historia de la literatura española. Zaragoza: Libreria general. 1944. 296 p.
3. *Deyermond A.D.* Historia de La Literatura Española. La Edad Media. Barcelona: Editorial Ariel, S.A., 1999. 419 p.
4. *Грибанов А.Б.* «Книга о рыцаре Сифаре» и проблема жанра: дис. … канд. филол. наук: 10.00.00. М., 1974. 163 с.
5. *Wagner C. Ph.* The sources of El cavallero Cifar. Paris, 1903. 104 p.
6. *Gómez Redondo F.* Historia de la prosa medieval castellana. Vol. 2. El desarrollo de los géneros. La ficción caballeresca y el orden religioso. Madrid: Cátedra. Crítica y estudios literarios, 1999. 1221–2070 p.
7. *Ауров О.В.* Город и рыцарство феодальной Кастилии: Сепульведа и Куэльяр в XIII — середине XIV в. М.: Изд-во РГГУ, 2012. 584 с.
8. *Альтамира-и-Кревеа Р.* История Испании в Средние века. История Испании. Т. 1. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1951. 520 с.
9. *Fleckenstein J.* La caballería y el mundo caballeresco. Madrid: Siglo XXI, 2006. 245 p.
10. *Корсунский А.Р.* История Испании IX–XIII веков. М.: Высш. школа, 1976. 238 с.
11. *Флори Ж.* Повседневная жизнь рыцарей в Средние века. М.: Мол. гвардия, 2006. 355 с.
12. Roman du chevalier Cifar | Gallica / Отдел рукописей Национальной библиотеки Франции [Электронный ресурс]. URL: https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b100295099/f1.item (дата обращения: 29.05.2025).
13. *Acher J.* Notes sur le droit savant au Moyen Âge // Nouvelle revue historique de droit français et étranger. Vol. 30. 1906. P. 125–178.
14. *Pascua Echegaray E.* Nobleza y caballería en la Europa medieval. Guerra, linaje y virtud. Madrid: Ed. Sintesis, 2017. 349 p.
15. *Окшотт Э.* Оружие и воинские доспехи Европы. С древних времен до конца Средневековья. М.: ЗАО «Центрполиграф», 2009. 703 с.

УДК 94

Андропов Р.А.
Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет
имени Н.И. Лобачевского,
Институт международных отношений и мировой истории,
студент магистратуры.
E-mail: romanandr2002.mail@yandex.ru

Апология и легитимация власти Тевтонского ордена в «Хронике земли Прусской» Петра из Дусбурга в контексте немецкой колонизации Пруссии XIII в. — начала XIV в.

Аннотация. В данной статье рассматриваются аспекты христианской апологетики и легитимации власти Тевтонского ордена над Пруссией в эпоху ранней немецкой колонизации Пруссии через призму «Хроники земли Прусской» Петра из Дусбурга. Особое внимание уделяется сюжетам, формирующим положительный образ рыцарей-крестоносцев как защитников веры и борцов с язычниками.

Ключевые слова: Тевтонский орден, Пруссия XIII–XIV вв., легитимация, Ostsiedlung, Петр из Дусбурга, «Хроника земли Прусской».

Andropov R.A.
National Research Lobachevsky
State University of Nizhni Novgorod,
Institute of International Relations
and World History, Master's Program Student.
E-mail: romanandr2002.mail@yandex.ru

Apologia and Legitimation of Teutonic Order's Authority in «Chronicon terrae Prussiae» by Peter of Duisburg in Context of German Colonization of Prussia in the 13th — early 14th centuries

Abstract. The article researches aspects of Christian apologetics and legitimation of Teutonic Order's authority over Prussia during early German colonization of Prussia through «Chronicon terrae Prussiae» by Peter of Duisburg. Particular attention is paid to the narratives depicting a positive image of crusader knights as defenders of faith and fighters against paganism.

Keywords: Teutonic Order, Prussia of the 13th-14th centuries, legitimation, Ostsiedlung, Peter of Duisburg, «Chronicon terrae Prussiae».

История Тевтонского ордена, равно как и история Пруссии, на протяжении долгих лет шли рука об руку, ибо сердцем и местом наивысшего сосредоточения орденской власти со временем стали именно прусские земли. Протекция со стороны императора Фридриха II Гогенштауфена, оказываемая тевтонцам, не только способствовала самому процессу переориентации с уже монополизированной французскими и окситанскими феодалами и орденскими рыцарями земли Леванта, но и заложила основы для будущего расширения орденских владений в пределах не только рубежей, но и старых земель Священной Римской империи. Вместе с этим, Фридрих II был не единственным светским покровителем Тевтонского ордена. Тевтонцы находились в тесной сцепке с остзидлерами — поселенцами, мигрировавшими из рейнских и нижнесаксонских областей на восток. К началу XIII в. основные волны их расселения уже начали выходить за пределы территорий Священной Римской империи.

«Хроника земли Прусской» Петра из Дусбурга является не только важным образчиком истории Тевтонского ордена, но и отражением смены географического ареала его интересов со Святой земли к бассейну Балтийского моря, населенному народами, не ведавшими христианства. В первую очередь, «Хроника», наполненная библейскими сюжетами и прямым цитированием оной, является отражением образа мышления немецкого монашествующего крестоносца — религиозного, дисциплинированного, воинствующего миссионера и воина Христова, а также произведением апологетическим по отношению к этому самому рядовому орденскому крестоносцу в частности и всей деятельности ордена в целом, отражая в себе три основные части: апологию движения крестоносцев в Леванте, апологию самого Тевтонского ордена в момент начала его становления как влиятельной силы и апологию завоевания тевтонцами Пруссии [1, с. 152–169], при этом первому элементу уделяется наименьшее внимание — описание истории Тевтонского ордена в Леванте довольно пространное и неглубокое, лишенное такой детализации, которая последовала в следующих двух разделах [2, с. 28]. Вместе с этим, учитывая саму специфику бытности Тевтонского ордена в Пруссии XIII–XIV вв., «Хроника» является также и отражением процесса немецкой колонизации Пруссии с точки зрения немецких элит, происходивших из разных концов германоязычного мира, уводя тем самым стиль «Хроники» в сторону эклектики, которая, в свою очередь,

определит самобытность не только диалектов немецкого на территории Пруссии, но и сам облик орденского государства [3, с. 104–105], а также войдя в сонм трудов, на которые будут опираться этнографы уже гораздо более поздних эпох [4, с. 58–61]. Первые три магистра Тевтонского ордена, а именно Генрих Вальпот, Отто фон Керпен и Генрих Барт удостаиваются в «Хронике» небольших глав, в отличие от Германа фон Зальца, определившего дальнейший вектор развития Тевтонского ордена и его геополитических интересов на долгие годы вперед [5, с. 13–15]. Особое внимание Петр из Дусбурга уделял его дипломатическим качествам и пожалованным Тевтонскому ордену привилегиям со стороны папы и императора [2, с. 23].

Этническое единство членов Ордена прослеживалось, пожалуй, только при сравнении оных с народами, населявшими Пруссию до их прихода. В данном контексте «Хроника земли Прусской» может выступать в качестве эдакого символа самоидентификации для членов Тевтонского ордена как воинско-монашеской корпорации [2, с. 9–11]. Вместе с этим, примером самобытности именно тевтонской корпорации является культ святой Варвары — сирийской мученицы IV в., чьи мощи хранились в замке Сартовице, захваченном тевтонцами у поморского князя Святополка II. Победа в тяжелой войне со Святополком II во время Первого прусского восстания 1242–1249 гг., вероятно, объяснялась влиянием этих самых мощей, захваченных тевтонцами, во время взятия замка Сартовице, чему Петр из Дусбурга даже посвятил отдельный раздел [5, с. 66–68], трактуя само взятие и победу над померанцами, в том числе и пытавшимися вернуть Сартовице, как божий промысел. Культ св. Варвары, в особенности масштабы оного, были чертой, присущей исключительно прусскому монашествующему рыцарству и отличавшей его ото всех прочих воинских и воинско-монашеских корпораций [6, с. 103–105]. Вместе с этим, апологический характер «Хроники» прослеживается в том, о чем именно она доносит в контексте войны ордена с померанцами. На контрасте с «Донесением Генриха фон Гогенлоэ», легшим в основу части «Хроники» о событиях данной войны, Петр из Дусбурга приводит только те события, которые не мешают апологии немецких крестоносцев, сознательно опуская многие детали или не концентрируя на них сколь-либо серьезного внимания. В описанной Петром из Дусбурга осаде замка Сартовице, к примеру, образ князя Святополка II всячески очерняется, а сам факт того, что герма святой Варвары раньше была под его сохранением, и вовсе не упоминается — оная «просто оказалась» в руках тевтонцев, взявших замок и предавших мечу 900 померанцев [5, с. 66].

Дуализм добра и зла является краеугольным камнем для всей «Хроники» в частности и для христианских представлений среди большинства населения Европы того времени в целом. Под покровительством девы Марии и целого сонма святых, Тевтонский орден борется со злом в лице, в первую очередь, язычников-пруссов, раздвигая границы христианского мира и претворяя, тем самым, божественный замысел [3, с. 107]. Вместе с этим, в религиозных речах Петра из Дусбурга можно проследить и хозяйственный аспект — так, к примеру, Петр сетовал на трудности с обработкой земли, вызванные набегами со стороны пруссов и их опустошительными грабежами [5, с. 62, 67–68]. В рамках «Хроники» Петр из Дусбурга выстраивает идеал рыцаря-крестоносца из двух основных составляющих, которые описываются как раз в рамках противостояния тевтонцев с пруссами: первой частью был монашеский идеал, а второй — идеал рыцарский [3, с. 109]. В качестве иллюстрации монашеского идеала Петр из Дусбурга приводит братьев из Балги, отличавшихся благочестием, чистотой жизни и добродетелью [5, с. 59], в то время как для описания воинственной стороны идеального образа рыцаря-крестоносца он показывает жизнь братьев из замка Христбург, бывших доблестными рыцарями и ведших, в первую очередь, ратную жизнь [5, с. 80]. Язычники-пруссы являли собой контраст набожным и благочестивым братьям-рыцарям, сжигая церкви, убивая священнослужителей и всячески противодействуя христианизации Пруссии. Мучения христиан от рук язычников предстают как поистине ужасающе зрелище, наполненное шокирующими кровавыми деталями [3, с. 110]. Примером может служить эпизод пленения Мартина из Голина во время взятия померанцами Торна — в нем рассказывается об убийстве его беременной сестры пленившим ее воином во время родов [5, с. 69]. Этот пример является лишь одним из многих, где Петр из Дусбурга упоминает то, что враги Тевтонского ордена не щадили женщин и детей. Вместе с этим, убийства прусов, померанцев и других врагов Тевтонского ордена предстают в совершенно другом ключе. Описываемые Петром из Дусбурга миротворческие методы, впрочем, соответствуют апологетике крестовых походов Бернара Клервоского, для которого благая цель распространения христианства оправдывала любые средства. Любое воззрение на противостоящие Тевтонскому ордену силы проходило исключительно сквозь призму рыцаря-крестоносца, претворявшего божий замысел в жизнь и жертвовавшего собой ради этого в сражениях с дьяволом и его порождениями в лице язычников, поклоняющихся идолам [5, с. 226]. Из общего ряда завоевательных походов братьев Тевтонского ордена, описанных в «Хро-

нике земли Прусской», несколько выбивались разве что земли Скаловии — Петр из Дусбурга описывает их как малонаселенные, однако упоминает сохранность поселений местных жителей в районах Скаловского замка и крепости Рагнит [7, с. 41]. Это соотносится с многочисленными актами, затрагивающими положение скаловских ленников и их взаимоотношения с тевтонскими властями [8, s. 554–555].

Еще одним элементом, призванным подкрепить апологетику Тевтонского ордена, является моральное перерождение рыцарей, вступавших в орден. Интересным эпизодом апологии, характеризующим Тевтонский орден как организацию, способствующую морально-религиозному очищению вступающих в нее рыцарей, может являться глава о брате Генрихе фон Кунце из Тюрингии [5, с. 160–161]. В ней описывается то, как жестокий грабитель обрел истинную веру в Господа, а затем вступил в Тевтонский орден. Когда фон Кунце отправился в Пруссию и стал рыцарем-крестоносцем, его образ поведения и мыслей, предстающий в тексте «Хроники», кардинально изменился — «как прежде в бытность мирянином превосходил своих сверстников пороками, так ныне в монашестве превосходил прочих братьев добродетелями». Это не единственный описанный Петром из Дусбурга эпизод морального перерождения при вступлении в Тевтонский орден, но он достаточно хорошо характеризует само позиционирование ордена как воинско-монашеской организации, чьей целью является не только распространение христианства, но и спасение душ заблудших от греха и искушения дьяволом. Вместе с тем, Петр из Дусбурга пытался не только придать значимости и праведности действиям братьев-рыцарей через чудеса и эпизоды искупления грехов различных рыцарей путем вступления в Тевтонский орден, но и утвердить достоверность происходивших событий путем цитирования библейских сюжетов [3, с. 111–118]. Оные соотносятся с описанием военных походов и, в целом, самой жизни Тевтонского ордена, а сами войны воспринимаются как справедливые, за правую веру. В этом контексте описываемые Петром из Дусбурга события и сюжеты являются не только апологетическими, но и еще и легитимизирующими власть ордена над прусскими землями в глазах как пребывающих остзидлеров, так и феодалов Священной Римской империи, со многими из которых Тевтонский орден стремился наладить тесные связи, а также папских легатов, перед которыми в рамках инициируемых Папой проверок требовалось формировать максимально благочестивый и праведный образ Тевтонского ордена и различных аспектов его деятельности на подконтрольных и соседствующих территориях как через происходившие или творимые на его

территории или в его военных кампаниях чудеса, так и через судьбы отдельных личностей, бывших грешными в миру и спасших свои души по вступлению в Тевтонский орден, найдя истинную и благую цель жизни во служении ордену и, тем самым, Господу [2, с. 13].

Правовой аспект властвования Тевтонского ордена над прусскими землями в рамках «Хроники земли Прусской» в основном концентрировался на договорах с пруссами и другими народами, с коими приходилось иметь дело братьям-рыцарям. Однако степень вовлечения Тевтонского ордена в правовые и хозяйственные отношения немецких остзидлеров была велика, о чем может свидетельствовать постановление о наделении Кульма и Торна городскими правами от 28 декабря 1233 года за авторством Германа фон Зальцы, совместно с ландмейстером в Скаловии и Пруссии Германом Бальком [9, s. 87–88]. Данное постановление не только свидетельствует о главенствующей роли Тевтонского ордена в законодательной ветви власти на территории Пруссии, но и дает начало Кульмскому городскому праву, которое в дальнейшем разрастется по всей территории орденского государства и даже за его пределы. В «Хронике земли Прусской» в большей степени уделяется внимание наделению различными привилегиями и свободами представителей Тевтонского ордена со стороны папской власти, а затем и императорской власти, что подчеркивает легитимацию действий ордена [5, с. 13–16]. Важным эпизодом в ранних взаимоотношениях ордена с прусскими остзидлерами может также служить пожалование ландмейстером Генрихом фон Вейдой права Любеку и переселенцам из него на основание новых городов и получение земель в Самбии от 31 декабря 1242 г. [9, s. 105], что свидетельствует о главенстве Тевтонского ордена над распределением земель в рамках как минимум той же самой Самбии уже на момент 1242 г. На города в Пруссии будет распространяться, в большинстве случаев, вышеупомянутое Кульмское право. Кроме того, Петр из Дусбурга удостаивает вниманием отношения Тевтонского ордена с горожанами на подконтрольных ему территориях, часто создавая образ союзнических отношений между городским населением и орденскими властями. В 163-й главе «О гибели многих пруссов» Петр из Дусбурга описывает военные успехи горожан из Кульмензе, убивших вождя пруссов и его отряд и освободивших плененных пруссами христиан. В данной главе нет упоминаний о братьях из Тевтонского ордена — только краткое описание успешных боевых действий со стороны горожан Кульмензе [5, с. 118]. И пусть данный эпизод удостоился лишь краткого описания со стороны Петра из Дусбурга, стоит отметить, что сам факт упоминания оного уже говорит в пользу тесных связей рыцарей-крестоносцев и горожан-остзидлеров.

Тем не менее, отношения рыцарей Тевтонского ордена с горожанами не были безоблачными, что нередко упоминается в «Хронике земли Прусской» не только в контексте вооруженного противостояния с язычниками и периодически возникающих эпизодов малодушия со стороны горожан, но и в разногласиях за пределами войны тевтонцев с язычниками. Наиболее яркий эпизод не просто разногласий, а полноценного вооруженного противостояния между тевтонцами и городом Ригой, описан в 269-й главе «О разногласии горожан Риги с братьями дома Тевтонского в Ливонии» [5, с. 156]. В ней описывается союз рижан с королем литвинов Витенем против тевтонцев, который привел к войне в 1297–1298 гг. Данная глава интересна вооруженным противостоянием Тевтонского ордена и Риги — во время прорыва тевтонцами осады замка Нейермюллен мечу было предано свыше четырех тысяч рижан и литвинов.

С другой стороны, покорение Тевтонским орденом прусских земель не было исключительно процессом подавления немецкоязычными рыцарями и колонистами местного населения — в этом деле им сопутствовала помощь со стороны местной прусской знати. Среди оной большинство принимало христианство, тем самым признавая власть ордена, что несло за собой повинности в виде строительства церквей, выплаты десятины и исполнения воинских повинностей, а также закреплялось в Христбургском мирном договоре 1249 г., заключенном между пруссами и тевтонцами [10, s. 158–165]. Часть прусского негерманского нобилитета по данному договору получала как закрепление своих прав на землю со стороны Тевтонского ордена, так и некоторые преференции в виде, к примеру, освобождения ото всех повинностей кроме воинской [11, с. 37–43]. Из прусских племен наиболее интегрированными в Тевтонской орден были самбы, что отражено в ряде грамот, дарованных представителям их нобилитета [8, s. 448–449]. В рамках «Хроники земли Прусской» упоминания о союзниках из числа прусов обычно прослеживаются от обратного, а именно из фактов вероотступничества со стороны прусов — не все из них оказывались противниками Тевтонского ордена. Так, к примеру, Петр из Дусбурга упоминает, что в 1286 г. часть прусов заключила союз с князем руйянов против Тевтонского ордена [5, с. 140] — в данном событии важен именно факт того, что против ордена пошла только часть прусов, а не большинство, что может свидетельствовать о постепенном вовлечении прусской негерманской знати в правовое и политическое пространство Тевтонского ордена в Пруссии. С поддержкой многих пруссов, видевших в ордене возможность улучшения своего положения, тевтонцы вышли к границам с Великим княжеством Литовским, не чураясь вме-

сте с немецкими крестоносцами разорять земли литовцев [12, с. 23–26]. Прусский нобилитет лавировал между орденом и его противниками, в зависимости от политической обстановки абстрагируясь от конфликтов или принимая ту или иную сторону, о чем могут свидетельствовать эпизоды вероотступничества, приводимые Петром из Дусбурга. И если первый эпизод вероотступничества, связанный с войной против Святополка II, характеризовался скорее в контексте боевых действий против померанцев, коим и уделялось большее внимание, то уже второе вероотступничество пруссов и последующее описание их противоборства с тевтонцами концентрируются непосредственно на самих пруссах [5, с. 108–120].

Ко времени создания «Хроники земли Прусской» сам Тевтонский орден находился в довольно сложном геополитическом положении, которое могло дойти даже до признания неактуальности самого ордена и его деятельности — в 1323 г. литовский князь Гедимин выступил с инициативой крещения Литвы и самого себя в своем обращении к Папе Иоанну XXII [s. 140–141]. Тем самым, Гедимин подбивал клинья под образ Тевтонского ордена как духовно-рыцарского института, являющегося опорой христианизации Литвы [2, с. 28]. Вместе с этим, Гедимин гарантировал ганзейским городам право свободного прохода и торговли в своих землях, что также было ударом по дипломатическим позициям ордена, ранее контролировавшего большую часть земель, в коих были заинтересованы ганзейские купцы и предшествовавшие им поселенцы [13, s. 144–145]. Стремление литовцев подорвать позиции Тевтонского ордена на политической арене, лишив их легитимности и поддержки со стороны остзидлеров и ганзейских купцов, вызвало ответные меры, призванные склонить позиционирование тевтонцев в лучшую сторону [2, с. 21–22].

Для подведения итогов стоит вернуться к тому, как именно было распределено внимание Петра из Дусбурга на саму историю Тевтонского ордена. Сколь небольшой была часть о возникновении Тевтонского ордена и его деятельности в Леванте, столь же продолжительной была часть, посвященная обретению нового оплота и центра власти Тевтонским орденом в землях Пруссии. Более того, левантийская часть повествования Петра из Дусбурга является, по большей части, лишь введением к действительно волнующей части не только его, но и всех, на кого так или иначе было нацелено данное произведение, будь то братья-рыцари, папские власти или даже немецкие переселенцы. Процесс легитимации власти Тевтонского ордена над Пруссией был невозможен без покровительства или хотя бы согласия со стороны Папы Римского. Благосостояние ордена, со временем все сильнее и сильнее опиравшегося на массу немецких или онемеченных

горожан и крестьян, было зависимо от них же, что и побуждало Петра из Дусбурга описывать преимущественно положительные стороны и эпизоды в отношении тевтонских рыцарей с горожанами, в первую очередь, Пруссии, как оплота воинско-монашеской корпорации и ее ключевого земельного владения. Многочисленные описания военных кампаний против язычников, добродетелей братьев ордена и самой организации, связанных с братьями-рыцарями чудес, нечестивой сущности врагов Тевтонского ордена, их роли в распространении христианства на земли Пруссии огнем и мечом и защите добрых христиан от языческих козней и напастей — все это и многое другое является апологией не только в религиозном смысле, но и, в какой-то степени, в смысле юридическом, создавая образ не только святых мучеников за истинную веру, но и подбирая ключ к легитимации власти Тевтонского ордена над подконтрольными ему землями Пруссии и Ливонии в глазах стоящих над ними структур и иерархов в лице Папы Римского и присылаемых им легатов. События вокруг Великого княжества Литовского, заигрывания Гедимина не только с католической церковью, но и с немецким купечеством — все это требовало своевременного ответа, и «Хроника земли Прусской» довольно хорошо подходит на роль этого самого ответа, представляя в наилучшем свете Тевтонский орден и его деятельность в Прибалтике. Вместе с этим «Хроника» также являлась отражением сознания рыцаря-крестоносца как члена воинско-монашеской корпорации, формируя и придавая систематизированный облик общей исторической памяти братьев-рыцарей Тевтонского ордена в Пруссии. Апология рыцарей-крестоносцев была продиктована не только внешними вызовами, но и внутренними процессами в рамках Тевтонского ордена как организации, переживавшей некий внутренний кризис целеполагания с принятием литовцами христианства. В итоге творение Петра из Дусбурга несло еще одну немаловажную функцию внутри себя — быть оправданием для братьев Тевтонского ордена не только перед внешними политическими силами, но и перед самим Господом, а может, и вовсе перед самими собой.

Список источников и литературы

1. *Матузова В.И.* Идейно-теологическая основа «Хроники земли Прусской» Петра из Дусбурга // Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования. 1982 год. М.: Наука, 1984. С. 152–169.
2. *Конопленко А.А.* Отражение истории Тевтонского ордена на востоке в его исторической памяти в первой трети XIV века // История и историческая память. Саратов, 2020. № 20. С. 8–31.

3. *Матузова В.И.* «Хроника земли Прусской» Петра из Дусбурга в культурно-историческом контексте // Балто-славянские исследования. М., 1987. С. 102–118.
4. *Вебер Д.И., Носова Е.И.* «Хроника земли Прусской» Петра из Дусбурга в переводе Яна Потоцкого (1761–1815). К истории изучения прибалтийского региона // Петербургские славянские и балканские исследования. № 1 (21). СПб., 2017. С. 52–63.
5. *Петр из Дусбурга.* Хроника земли Прусской / пер. В.И. Матузовой, ред. А.Л. Хорошкевич // Ладомир. М., 1997. 384 с.
6. *Котов А.С.* Культ св. Варвары в Тевтонском ордене: психосоциальная идентичность братии ордена через призму анализа гендерного кода сознания // Вестн. Томск. гос. ун-та. Томск, 2007. № 300–301. С. 103–106.
7. *Денисов С.А.* Местное ленное землевладение в Скаловии в 1280–1371 годах // Изв. Саратов. ун-та. История. Международные отношения. Саратов, 2021. № 1. С. 40–47.
8. Preußisches Urkundenbuch. Bd. 1. Die Bildung des Ordenstaats. Zweite Hälfte / Hrsg. von A. Seraphim. Königsberg: Hartungsche Verlagsdruckerei, 1909. XIII. 724 S.
9. Hansisches Urkundenbuch. Bd. 1 / Hrsg. von Verein für Hansische Geschichte, bearb. von K. Höhlbaum. Halle: Verlag der Buchhandlung des Waisenhauses, 1876. XVIII. 523 s.
10. Preußisches Urkundenbuch. Bd. 1. Die Bildung des Ordenstaats. Erste Hälfte / Hrsg. von R. Philippi., P. Wölky. Königsberg: Hartungsche Verlagsdruckerei, 1882. 249 s.
11. *Денисов С.А.* Прусские нобили на службе у Тевтонского Ордена в XIII–XIV вв. // Гуманитарные и юридические исследования. Ставрополь, 2018. № 1. С. 37–47.
12. *Денисов С.А.* Ленники из Надровии в государстве Тевтонского ордена в 1340–1370 годах // Вестн. Перм. ун-та. История. № 2 (57). Пермь, 2022. С. 23–32.
13. Liv- Esth- und Curländisches Urkundenbuch nebst Regesten. Bd 2. 1301–1367 / Hrsg. von F. G. von Bunge. Reval: Druckerei von Heinrich Laakmann in Dorpat, 1855. XVI. 831 s.

УДК 94(430.2+438).026

Арашкевичус Д.О.
Санкт-Петербургский государственный университет,
Институт истории, студент бакалавриата.
E-mail: arashkevichusd@gmail.com;
st108861@student.spbu.ru

Иоганн Фалькенберг. Противостояние Польши и Немецкого Ордена на Констанцском соборе

Аннотация. Анализируется идеологическое противостояние Польши и Немецкого Ордена на Констанцском соборе, ключевой фигурой которого стал Иоганн Фалькенберг. Его трактаты с призывами к уничтожению Польши стали образцом оправдания политической агрессии религиозными доводами. Исследуется полемика Фалькенберга с Павлом Влодковицем, чьи идеи, выработанные в этой дискуссии, заложили основы международного права.

Ключевые слова: Иоганн Фалькенберг, Павел Влодковиц, Констанцский собор, Немецкий Орден.

Arashkevichus D.O.
Saint Petersburg State University,
Institute of History,
Bachelor's Program Student.
E-mail: arashkevichusd@gmail.com;
st108861@student.spbu.ru

Johannes Falkenberg. The Confrontation between Poland and Teutonic Order at the Council of Constance

Abstract. The article analyzes the ideological confrontation between Poland and the Teutonic Order at the Council of Constance, a key figure in which was Johannes Falkenberg. His treatises, which called for the destruction of Poland, became an example of justifying political aggression with religious arguments. The polemic between Falkenberg and Paulus Vladimiri is examined, whose ideas, developed in this discourse, laid the foundations of international law.

Keywords: Johannes Falkenberg, Paulus Vladimiri, Council of Constance, Teutonic Order.

Фигура доминиканца Иоганна Фалькенберга, идеолога Немецкого Ордена, остаётся одной из наиболее противоречивых в контексте Вели-

кого западного раскола и польско-орденского противостояния. Получив известность благодаря радикальным призывам к уничтожению Польши и Литвы на Констанцском соборе 1414–1418 гг., он стал примером использования религии для оправдания политической агрессии.

Хотя исход интеллектуальной дуэли известен — осуждение Фалькенберга и укрепление репутации его оппонента, Павла Влодковица, — исследователи редко акцентируют, что становление новаторских идей Влодковица о международном праве происходило в прямой полемике с радикальными тезисами Фалькенберга. По оценке Жака Луи Ле Гоффа, именно Влодковиц заложил основы международного права, предложив концепцию интеграции в европейский универсум язычников и схизматиков [1, с. 275].

Долгое время текст «Сатиры» Фалькенберга считался утраченным, и его содержание реконструировалось лишь по критике Влодковица и хроникам. Ситуация изменилась в 70-х гг. XX в., когда независимые изыскания Зофьи Влодек и Хартмута Букмана ввели в научный оборот полный текст памфлета, что инициировало методологический пересмотр и выявило фрагментарность прежних реконструкций.

В 30-х гг. XIII в. Немецкий Орден начал экспансию на земли пруссов-язычников, завершившуюся к 1283 г. завоеванием Пруссии. Это положило начало затяжному военному противостоянию с Великим княжеством Литовским. Кревская уния 1385 г. между Польшей и Литвой и последующая христианизация Литвы в 1387 г. под руководством короля Польши Ягайло и Витовта кардинально изменили идеологическую ситуацию в регионе. Легитимация крестовых походов оказалась под вопросом, что заставило Орден разработать новую стратегию, основанную на тезисе о фиктивности обращения в христианство Ягайло и Витовта [2, s. 51–53]. Сокрушительное поражение Ордена при Грюнвальде в 1410 г. и последующая «Голодная война» летом 1414 г. привели к решению передать территориальный спор на арбитраж Констанцского собора, перенеся конфликт в дипломатическую и идеологическую сферу.

Для Ордена ключевой задачей стало избегание новых войн и сохранение владений. Великий магистр Михаэль Кюхмайстер сделал ставку на пропаганду, стремясь представить Польшу агрессором, действующим в союзе с язычниками. Ситуация усугублялась нежеланием императора Сигизмунда и немецких князей вступать в открытую войну против Польши. [3, s. 542].

Делегация Ордена под формальным руководством архиепископа Иоганна фон Валленроде, но фактически управляемая приором Петром Вор-

мдиттом, прибыла в Констанц в декабре 1414 г. раньше польских представителей и немедленно начала кампанию по дискредитации польской короны, надеясь обеспечить легитимность крестоносной миссии Ордена. Кульминацией стала речь Петра Вормдитта в январе 1415 г. Приор представил историю Ордена как подвиг «новых Маккавеев» — защитников христианского мира от «армий Сатаны». Главным обвинением стал тезис о том, что Владислав II прибегает к помощи язычников-литовцев и татар для войны с Орденом. Вормдитт умолял Собор не допустить уничтожения Ордена. Свою пламенную речь он завершил строками из Вергилия [3, s. 263]:

> *Пашней под паром воитель безбожный теперь завладеет.*
> *Варвар — моим урожаем? Вот до чего разногласья*
> *Граждан несчастных доводят! Зачем же поля засевал я!*
> *(Буколики. Эклога 1. Строки 70–72. Пер. А. Шерин.)*

Польша, оказавшаяся в роли обороняющейся стороны в информационной войне, нуждалась в легитимации своих действий и восстановлении репутации. Эта задача легла на делегацию во главе с архиепископом Николаем Тромбой, ключевую роль в которой играл юрист и дипломат Павел Влодковиц [4, s. 64]. Не являясь формально главой делегации, он выступал как представитель Краковского университета, что обеспечивало определённые дипломатические преимущества в случае провала деятельности Влодковица. Получивший образование в Праге и Падуе, доктор канонического права и ректор Краковского университета, Влодковиц представил в Констанце систематические правовые обоснования позиции Польши. Его сочинения были прямым ответом на обвинения Ордена и преследовали чёткую цель: доказать, что именно Немецкий Орден является агрессором и нарушителем мира, в то время как действия Польши законны и справедливы [4, s. 31].

Польский ответ Вормдитту прозвучал лишь 5 июля 1415 г., но оказался революционным. Павел Влодковиц выступил с речью, основанной на собственном трактате «Tractatus de potestate pape et imperatoris respectu infidelium». Он начал с контраргумента: именно Орден является нарушителем мира, о чём свидетельствует восстание жемайтов 1409 г.

Влодковиц поставил под сомнение легитимность миссии Ордена. Папа может благословить войну против неверных лишь в Святой Земле, но не против мирных язычников-соседей. Насильственное обращение противоречит свободе воли человека. Императорские грамоты 1226

и 1245 гг. были юридически ничтожны, поскольку император не имел власти над народами вне Империи. Влодковиц развил радикальную идею: любые государства, даже языческие, обладают суверенитетом по естественному праву (ius gentium) [3, s. 545–547]. 6 июля Влодковиц представил 52 аргумента из Священного Писания, утверждая, что христианство должно созидаться проповедью, а не мечом. Он мастерски использовал риторику крестоносцев против них, напомнив, что даже библейские Маккавеи принимали помощь языческого Рима. Влодковиц с полной откровенностью говорит в одном из своих выступлений: «Орден был основан не для совершенствования в любви, а для безбожия и жестокости. Он был основан не для помощи ближнему, а для причинения ему вреда, вопреки заповеди любви к Богу и ближнему. Орден существует в первую очередь для истребления христиан и кражи их имущества, построен на безрассудном убийстве, воровстве, грабеже и разбое» [4, s. 54].

Реакция на тезисы Павла Влодковица была неоднозначной. Некоторые сочли аргументы Влодковица вполне весомыми, но подавляющее большинство делегатов собора осталось на стороне Немецкого ордена, сам же ректор Краковского университета получил едкое прозвище — «адвокат всех язычников» [3, s. 551].

Ещё одной кульминацией противостояния стал тактический ход польской дипломатии — представление собору делегации жемайтов, многие из которых оставались язычниками, 28 ноября 1415 г. Жемайты заявили о стремлении присоединиться к Римской церкви, но указали, что агрессия орденских рыцарей является главным препятствием. 13 февраля 1416 г. жемайты официально подали «Жалобу», утверждая, что являются крещёной частью литовского народа, а крестоносцы лишь грабили их земли. Польско-литовская сторона предложила радикальное решение: переселить Орден на границу с Турцией [5, s. 519].

Поляки в «Propositio Samogitarum», то есть в «Жалобе жемайтов», подчёркивали противоречие между целями Ордена и его поведением. Прокурор крестоносцев, Пётр из Орнеты, был, несомненно, искусным игроком. Великого магистра о содержании своих сочинений он не информировал, возможно, потому, что в Мальборке этим не интересовались, зато просил денег. Немецкий Орден оказался в сложной ситуации. Его адвокат попросил освободить его от ответа на обвинения. В марте 1416 г. делегаты-жемайты были арестованы по пути домой, что нанесло сокрушительный удар по репутации Ордена [2, s. 220].

К концу 1416 г. стратегическая инициатива в противостоянии окончательно перешла к польско-литовской стороне. Успехи в христиани-

зации Литвы, основание епископства в Жемайтии (23 октября 1417 г.) и блестящие выступления Павла Влодковица нанесли непоправимый урон авторитету Немецкого Ордена. Собор, восхвалив Ягайло и Витовта, признал их заслуги в распространении веры, уподобив польского короля новому Иуде Маккавею и Константину Великому [5, s. 154].

Именно на этом этапе, в период идеологического пика противостояния, на первый план выходит фигура Иоганна Фалькенберга. Ранний этап биографии Иоганна Фалькенберга реконструируется фрагментарно. В 1380 г. он приступил к изучению искусств в Праге, а в 1384 г. продолжил образование на теологическом факультете Венского университета, где находился как минимум до 1387 г. Около 1405–1406 гг. он замечен в Кракове в качестве лектора доминиканского монастыря. Здесь Фалькенберг впервые привлёк внимание, выступив с критикой теолога Матея из Кракова и обвинив его в ереси за трактат, призывавший к реформе куриальных отношений. В сочинении «Monarchia mundi» Фалькенберг отстаивал исключительное право папы на проведение реформ, что привело к его изгнанию из Польши [6, s. 564].

В период 1410–1412 гг., на фоне военных неудач Немецкого Ордена, Фалькенберг создал памфлет против Ягайло и поляков. Однако, как отмечает Х. Букман, текст был отвергнут руководством Ордена из-за его чрезмерной резкости и учёности [2, s. 195]. Великий магистр, по совету доктора права и дипломата Иоганна Абезиера (впоследствии также епископа Вармии), осудил «Сатиру» как слишком радикальную и опасную и приказал её автору покинуть земли Ордена. Этот дипломатический манёвр не скрыл от современников взаимоотношений доминиканца с орденскими рыцарями [7, s. 150]. Тем не менее, Орден сохранил связи с автором и, вероятно, способствовал его поездке в Париж для распространения памфлета. После неудачи там Фалькенберг прибыл на Констанцский собор в качестве приора конвента в Варбурге (Нижняя Саксония).

Букман допускает, что после изгнания из Кракова Фалькенберг установил контакты с Орденом, хотя прямых свидетельств его работы агентом крестоносцев в этот период не обнаружено. Исследователь полагает, что личная обида, связанная с изгнанием, могла найти выражение в содержании «Сатиры» [2, s. 210].

Текст «Сатиры» содержал беспрецедентные по радикальности тезисы. Фалькенберг объявлял короля Владислава II Ягайло «идолопоклонником, еретиком и язычником», инсценировавшим обращение для разрушения Церкви. Все поляки обвинялись в соучастии, поскольку не восстали против своего правителя. Монах призывал к физическому ис-

треблению польской нации: «И потому, несомненно, все, кто вооружится для истребления еретиков из любви [к Богу], заслуживают жизни вечной. Но поляки и их король Ягайло суть ненавистные еретики и бесстыжие псы, возвратившиеся к блевотине своего неверия. И потому всего безопаснее [для души]: все не только светские князья, но и низшие, кто вооружится для истребления поляков и их короля Ягайло из любви [к Богу], заслуживают жизни вечной» [2, s. 352].

«Сатира» стала достоянием собора лишь весной 1416 г., когда архиепископ Гнезненский Николай Тромба по неизвестной причине оказался в Париже, получил её текст и привёз её в Констанц. Как отмечает Ян Длугош, это произведение было вручено ему во время пира с местными профессорами [8, s. 67–69]. Польская делегация не сразу предъявила обвинения, вероятно, по тактическим соображениям: из-за продления перемирия с Орденом в мае 1416 г. и желания выждать момент для максимального эффекта на фоне успехов в христианизации Литвы.

На Констанцском соборе конфликт Польши с Немецким Орденом оказался концептуально и политически связан с делом французского теолога Жана Пети, разработавшего доктринальное оправдание тираноубийства. Непосредственным катализатором конфронтации стали три трактата Иоганна Фалькенберга, написанные в Констанце зимой 1415/1416 гг. и направленные против ключевых фигур: канцлера Парижского университета Жана Жерсона, кардинала Пьера д'Айи, а также отстаивавшие исключительное право папы на разрешение вероучительных вопросов. Несмотря на агрессивный памфлетный характер, эти сочинения отличались концептуальной бедностью. Наиболее существенно, что ранее созданная Фалькенбергом «Сатира» демонстрировала идейные параллели с концепцией Пети, тем самым раскрывала механизмы формирования политических коалиций на Соборе [4, s. 67].

Тезисы Пети представляли собой апологию убийства герцога Людовика Орлеанского по приказу Жана Бесстрашного (1407). Его концепция, укоренённая в римском понятии crimen maiestatis (оскорбление величества), отражала реалии укрепляющейся французской монархии и признавала существование «государства» как политической сущности. Тиран у Пети — сугубо политическая фигура, чьи действия против государства делают его устранение легитимным [4, s. 70]. Как отмечает Х. Букман, размежевание между противниками Пети и сторонниками осуждения Фалькенберга практически совпадало: арманьяки атаковали тезисы доминиканца, а бургундцы заняли оборонительную позицию [2, s. 263]. При этом Букман опровергал тезис о содержательном сходстве концеп-

ций: Пети оправдывал убийство с позиций государственного прагматизма, тогда как Фалькенберг проповедовал крестовый поход [2, s. 240].

В 1416 г. архиепископ Николай Тромба был ознакомлен с «Сатирой» в Париже в рамках антибургундской стратегии, но после переориентации императора Сигизмунда на Бургундию поляки дистанцировались от процесса над Пети, сфокусировавшись на деле Фалькенберга. Итоги процессов различны: тезисы Фалькенберга осудила французская «нация» собора (но не пленарно), Пети избежал ответственности, а Фалькенберг в 1418 г. был арестован.

Официальный иск против Фалькенберга был подан Польшей в январе 1417 г. после распространения «Сатиры» среди делегатов собора. Параллельно Фалькенберг опубликовал в Констанце трактат «Liber de doctrina…», где в смягчённой форме повторил основные тезисы: призывы к истреблению поляков и их короля, утверждение о вечной жизни для исполнителей и смертном грехе для бездействующих [2, s. 278].

Польская делегация передала дело в Комиссию по вере, состоящую из трёх человек. Фалькенберг предстал перед Комиссией в крайне негативном свете. Член Комиссии кардинал Дзабарелла назвал Фалькенберга «негодяем и лжецом», а его труд — «отвратительным творением, извлечённым из грязного тайника испорченной совести». Ягайло характеризовался как выдающийся король, чьи заслуги в распространении веры сравнимы с трудами апостолов [7, s. 154–155]. 4 июня 1417 г. Комиссия представила проект постановления, признававший «Сатиру» еретической и «отдающей ересью» (heresim sapientia), скандальной и достойной сожжения. Во французской нации теолог Жан де Роша детально разобрал утверждение о том, что польский король есть «идол», и пришёл к выводу, что в зависимости от контекста оно могло считаться либо еретическим (если отрицалось законное владычество), либо лишь скандальным, склоняющим к еретичеству. Аналогично, тезис о допустимости убийства поляков интерпретировался через принцип Non occides innocentem — убийство могло быть оправдано, если жертва была виновна. 9 июля 1417 г. нация одобрила осуждение с поправками: требовалось удалить упоминание о принадлежности Фалькенберга к доминиканскому ордену.

Дело раскололо собор. Бургундская группировка выступала против осуждения, так как оно было бы равносильно осуждению лидеров крестовых походов. Немецкая нация признавала тезисы скандальными, но не формально еретическими. Генеральный капитул доминиканцев постановил, что работа Фалькенберга «вдохновлена злым духом и представляет собой пасквиль на польского короля и королевство Польское» [7, s. 156].

Предположительно, с большим удовлетворением поляки встретили приговор к пожизненному заключению, вынесенный Генеральным капитулом доминиканцев. Более того, Капитул дал понять, что Фалькенберг годами скандализировал орден доминиканцев, «раздражая» недавно умершего генерального магистра ордена Томаса де Фирмо.

22 апреля 1418 г., в день закрытия собора, польская делегация во главе с Павлом Влодковицем предприняла последнюю попытку добиться официального осуждения. Во время заключительной мессы консисторский юрист Гаспар из Перуджи зачитал протест, требуя осудить «Сатиру» как еретическую. Влодковиц попытался представить детали дела, но папа Мартин V прервал его, пригрозив отлучением. Польские представители были оскорблены этим и всё же решили подать апелляцию на этот иск к будущему собору. В ответ Папа Римский зачитал буллу, которая запрещала апелляции по вопросам веры к любым другим институтам, кроме Апостольского престола. Этим действием Мартин V стремился ограничить власть соборов и усилить собственную.

14 мая 1418 г. комиссия трёх кардиналов вынесла окончательный вердикт: «Сатира» признавалась «заблуждающейся, противоречащей добрым нравам, скандальной, мятежной, жестокой и оскорбительной» (erroneum et bonis moribus contrarium <…>), но не еретической. Её предписывалось разорвать и растоптать, но не сжигать. Фалькенберг приговаривался к заключению до определения искупления [3, s. 655].

После завершения Констанцского собора прошёл съезд польских магнатов во главе с королём Ягайло в Едльне (3 марта 1419 г.), на котором ряд магнатов открыто выразили недовольство затянувшимся процессом над Фалькенбергом, возложив ответственность за промедление на главу польской делегации на Констанцском соборе, примаса Николая Тромбу. Впрочем, эти обвинения были достаточно оперативно сняты с повестки дня. Ещё ранее, на съезде в Ленчице, было принято решение о направлении папе Мартину V официального требования со стороны короля Владислава II Ягайло о выдаче Фалькенберга светским властям для приведения в исполнение смертного приговора через сожжение. Даже спустя несколько десятилетий дело продолжало вызывать острый общественный резонанс в Польше, что находит отражение в эмоционально окрашенном и местами гиперболизированном повествовании Яна Длугоша, который, не стесняясь в выражениях, характеризует Фалькенберга как «безвестного и зловонного монаха», а его сочинение — не как сатиру, а как «грязную и отвратительную блевотину» [8, s. 68].

Затягивание папой Мартином V окончательного решения по делу Фалькенберга, превышавшее разумные сроки, было обусловлено комплексом геополитических факторов. Курия была вынуждена учитывать развитие ситуации в Богемии, особенно в свете предложения гуситской знатью короны королю Владиславу II Ягайло и великому князю литовскому Витовту, что делало польского монарха ключевой фигурой в урегулировании чешского кризиса.

Несмотря на то, что Собор в Павии-Сиене (1423) не обладал тем масштабом и значением, что Констанцский, польский монарх обеспечил на нём своё представительство. Единственным иерархом, представлявшим польский епископат, был опытный дипломат, познанский епископ Анджей Ласкариц. Хотя точное содержание королевских инструкций для Ласкарица неизвестно, вопрос о Фалькенберге, несомненно, входил в круг его полномочий. Вместо подачи официального ходатайства о пересмотре дела, что возобновило бы старую апелляцию, вопрос, вероятно, решался через неформальные каналы в ходе личных переговоров епископа с папой Мартином V в августе 1423 г., центральным пунктом которых был вопрос о личном участии понтифика в работе собора в Сиене, от чего папа в итоге уклонился [7, s. 166].

Позиция Святого Престола по делу Фалькенберга колебалась в зависимости от изменчивой политики императора Сигизмунда Люксембургского. Переломным моментом стало арбитражное решение, вынесенное Сигизмундом 6 января 1420 г. в Бреслау, которое оказалось неожиданно благоприятным для Польши, признав её претензии по Торуньскому миру 1411 г. С этого времени наметилась устойчивая тенденция к постепенной нормализации и улучшению отношений между Папским престолом и Польшей. Так, 28 августа 1423 г. Мартин V по просьбе польского короля даровал ему отпущение грехов за акты насилия, совершённые в ходе недавнего вторжения на земли Ордена, легитимировав эти действия. Кульминацией этого процесса стала, наконец, долгожданная публикация 10 января 1424 г. папской буллы, утвердившей приговор Фалькенбергу кардинальской комиссии 1418 г. и воздавшая хвалу набожности короля Ягайло и его подданных, с провозглашением Польши «выдающейся частью воинствующей Церкви». Папа особо подчёркивал, что осуждение Фалькенберга является актом его собственной воли, а не результатом внешнего давления.

Обе стороны — и королевство Польское, и Папский престол — продемонстрировали готовность к достижению компромиссного решения. Церемония отречения, назначенная на 17 января 1424 г., была тщательно

срежиссирована. В ходе самой церемонии Мартин V обратился к коленопреклоненному Фалькенбергу с риторической формулой, побуждающей его к раскаянию. В ответ монах отрёкся от своих взглядов, сделав при этом многозначительный намёк на то, что «Сатира» была создана по заказу, однако, не указав напрямую на заказчика. Это заявление, вызвавшее заметное недовольство присутствовавших орденских делегатов, тем не менее, позволило Ордену избежать прямого скандала. С формальной стороны акт был должным образом оформлен нотариальными актами, копии которых для польской стороны засвидетельствовали Павел Влодковиц и Анджей Ласкариц [7, s. 167].

После официального отречения в январе 1424 г. Иоганн Фалькенберг был освобождён из-под стражи с санкции польской короны. Реконструкция его последующей биографии затруднена из-за отсутствия достоверных источников — основные данные почерпнуты из тенденциозных сообщений Яна Длугоша.

Согласно Длугошу, после освобождения Фалькенберг вернулся в Пруссию, где публично осудил Немецкий Орден и демонстративно бросил к ногам великого магистра Пауля фон Русдорфа четыре марки — предложенное денежное вознаграждение. Этот акт спровоцировал заочный смертный приговор, от исполнения которого Фалькенберг спасся благодаря вмешательству торуньских бюргеров. Найдя убежище в городе Камень-Поморски, он, по утверждению хрониста, создал новую сатиру против Ордена, «ещё более отвратительную, чем против Польши». При попытке представить этот текст на Базельском соборе Фалькенберг был ограблен «сторонниками верховного магистра» под Страсбургом, лишившись рукописи, после чего скончался в Лигнице [8, s. 184–185].

26 ноября 1425 г. представители Польши и Литвы официально отозвали свою апелляцию на генеральной консистории. 13 декабря Мартин V в послании благодарил короля, подтверждая доктрину о папе как высшей апелляционной инстанции. Немецкий Орден, избежав прямой дискредитации, рассматривал исход дела как пропагандистскую победу. Как отмечал хронист Иоганн Посильге, польские послы «упорствовали в своей лжи» и были побеждены «силой правды», что позволило Ордену сохранить идеологическое и юридическое право апеллировать к условиям Торуньского договора [9, s. 374].

Дело Иоганна Фалькенберга вышло за рамки осуждения отдельного экстремиста, став узлом ключевых противоречий эпохи: борьбы соборности с папским абсолютизмом, столкновения национальных государств с универсалистскими проектами и поиска новых принципов междуна-

родного права. Осуждение «Сатиры» в результате дипломатического компромисса показало, что победа в идеологической борьбе осталась не за радикальной агрессией, а за зарождающейся рациональной юриспруденцией, чьи идеи, рождённые в полемике с Фалькенбергом, заложили основы современного международного права.

Список источников и литературы

1. *Ле Гофф Ж.* Рождение Европы. СПб.: Александрия, 2008. 391 с.
2. *Bookmann H.* Johannes Falkenberg, der Deutsche Orden und die polnische Politik. Untersuchungen zur politischen Theorie des späteren Mittelalters. Mit einem Anhang: Die Satira des Johannes Falkenberg. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1975. 369 s.
3. *Christiansen E.* The Northern Crusades. London: Penguin Books, 1997. 320 p.
4. *Wielgus S.* The Medieval Polish Doctrine of the Law of Nations: Ius Gentium. Lublin: University Press of the Catholic University of Lublin, 2022. 112 p.
5. *Graff T.* Sobór w Konstancji wobec monarchii polsko-litewskiej. Krakow, 2014.
6. *Gorski K.*Z dziejow walki o pokoj i sprawedliwość międzynarodową. Ostatnie słowo Pawła Włodkowica o Zakonie krzyżackim. Torun: Towarzystwo Naukowe w Toruniu, 1964. 43 s.
7. *Graff T.* Servants of the Devil or Protectors of Christianity and Apostles among Pagans? Shaping the Image of Poland and Poles in the Context of Steps Taken by Wladyslaw II Jagiello's Diplomacy against 'Satira' by John Falkenberg // Folia Historica Cracoviensia. 2017. P. 143–176.
8. *Dlugossi I.* Annales seu Cronicae incliti Regni Poloniae. T. XI: 1413–1430. Warsaw: Panstwowe Wydawnictwo Naukowe, 2000. 463 s.
9. *Posilge I.* Scriptores rerum Prussicarum. Bd. 3. Leipzig: Verlag von S. Hirzel, 1866. 432 s.
10. *Provvidente S.* The Causa of Johannes Falkenberg and Synodal Praxis at the Council of Constance (1414–1418) // Философия: журн. Высшей школы экономики. 2022. P. 61–98.

УДК 94

Захаров В.Е.
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
факультет гуманитарных наук,
студент магистратуры.
E-mail: vladimirzah85673@gmail.com

«Ex praeclarissimis rerum scriptoribus…» — попытка реконструкции воззрений одного гуманиста из Германии через анализ круга его чтения

Аннотация. Статья посвящена попытке реконструкции воззрений Эразма Стеллы через анализ его круга чтения, а также попытке показать, как эти тексты были им интерпретированы в книге «De Borussiae antiquitatibus».

Ключевые слова: гуманизм, Эразм Стелла.

Zakharov V.E.
National Research University
«Higher School of Economics»,
Faculty of Humanities,
Master's Program Student.
E-mail: vladimirzah85673@gmail.com

«Ex praeclarissimis rerum scriptoribus…» — attempt to conclude the views of one humanist from Germany through an analysis of his reading circle

Abstract. The article is devoted to an attempt to reconstruct the views of Erasmus Stella through an analysis of his reading circle, as well as attempts to show how these texts were interpreted by him in the book «De Borussiae antiquitatibus».

Keywords: humanism, Erasmus Stella.

Эразм Стелла — немецкий гуманист конца XV в. — начала XVI в., который, как и многие гуманисты своего времени, занимался разнообразной деятельностью — от врачебной практики до написания истории Пруссии. В статье реконструированы его взгляды, рассматривается, как и при чтении каких авторов сложились воззрения немецкого гуманиста,

как происходил сплав идей и т. д. В данной статье эта реконструкция будет предпринята на основании его книги «De Borussiae antiquitatibus» [1].

Первое, с чего стоит начать — описать круг авторов, текстов и проблем, с которыми имел дело Эразм Стелла. В позднесредневековом университетском образовании круг чтения был весьма ограниченным, даже несмотря на появление печатного станка, который сделал книги доступнее, но не увеличил число наименований авторитетных школьных авторов. В результате деятельности гуманистов были возвращены из забвения многие античные произведения. Поэтому интеллектуалы того времени, к которым и принадлежал Стелла, имели примерно одинаковый круг чтения — латинские классики и переведенные на латинский язык тексты греческих и арабских писателей. Языком научной среды была латынь, на которой проходило как все обучение, так и интеллектуальное общение. Тем не менее, из-за активного книгопечатания появилась возможность для большего числа людей представить свои творения на суд читающей публике, а потому начал формироваться круг образованных людей, читающих произведения гуманистов. Отдельно стоит отметить тот факт, что почти все авторитетные печатники того времени сами являлись либо гуманистами, либо лицами, им сочувствующими.

Вернемся, однако, к текстам. Главный список текстов, которыми апеллировал Эразм Стелла, предоставляет нам его сочинение «De Borussiae antiquitatibus» [1, p. 3]. Первый автор, с которым мы встречаемся — Аристотель. Стелла делает ссылку на его произведение «Problemata» [2], или в русском варианте «Проблемы». Этот текст представляет собой небольшую книгу, в которой разбираются вопросы, связанные с естественнонаучными проблемами; книга написана в форме вопросов и ответов, где Аристотелю адресуется определенный вопрос, а он дает на него ответ. Это текст был переведен на латинский язык в XIII в. в Салерно и с тех пор пользовался большой популярностью у читающей аудитории. Легко понять, почему с этим текстом мог быть знаком гуманист. Обучаясь врачебному делу в Болонском университете, он должен был читать эту своего рода классическую работу. Однако ссылка на этот текст предстает перед нами не в контексте естественнонаучной проблематики, а в контексте риторического рассуждения автора о древности и о том, что она несет с собой. Дадим слово самому писателю: «потому что Аристотель в “Проблемах” утверждает, что древность приносит с собой то, что события рассказываются очень похоже на старушечьи сказки» [1, p. 3.]. Ссылка на авторитет Аристотеля в начале сочинения весьма показательна. Во-первых, это сразу демонстрирует аудитории уровень образованности

автора, во-вторых, обосновывает, почему со стороны читателей может сложиться предвзятое отношение к его тексту. И сам писатель в какой-то мере разделяет такое мнение. Однако внимательно изучив содержание «Проблем», мы обнаруживаем, что их автор не поднимает в тексте вопросов, связанных с древностью, которая рассказывает истории, очень схожие со «старушечьими сказками». Возможно, что это неточная цитата или цитата с какой-либо глоссы к этому авторитетному тексту. Однако и так понятно, что с какими-то идеями Стагирита саксонский гуманист должен был быть знаком, и ему было важно это продемонстрировать, при этом завернув в хорошую метафору, которую бы посчитали весьма остроумной и уместной.

После упоминания Аристотеля в тексте долгое время нет явного упоминания других писателей, но к концу своего послания гуманист приводит список авторов, которых считает наиболее авторитетными в истории Пруссии и связанных с нею вопросов. Эти авторы разделены у него на довольно противоречивые, на наш современный взгляд, типологические группы: «Чтобы в конце концов, наши книжицы, наполненные старостью и гнилью, были нацелены передать правду без всяких шлаков, я писал их как на основе [трудов — *В.З.*] славнейших писателей мира, чтобы, созданные ценой упорного труда, они были правдивыми, — разумеется Плиния, Солина, Помпония Мелы, Корнелия Тацита, Страбона, Птолемея, так и современных [авторов — *В.З.*]: Иордана, который первый изложил историю готов письменно, нашего Альберта Великого, который эти земли посетил и исследовал, Оттона, епископа Фрейзингского, который прекрасно написал деяния пятерых римских императоров, пресвитера Любека Гельмута, который вполне изящно описал деяния славян, и в то же время коснулся борусских, Флавия Бьондо из Форли, Энея Сильвия» [1, p. 6–7]. Обращает на себя внимание разделение писателей на древних и «современных». Последние у Эразма Стеллы растянуты очень сильно по временно́й шкале, можно сказать, что относятся ко всей эпохе Средних веков. У Иордана была отмечена его «Гетика» [3], которая описывает переселение гетов со Скандинавии на континент, во время Великого переселения народов. Текст великого энциклопедиста XIII в. Альберта Великого точно идентифицировать трудно. Сказывается как количество его работ, так и то, что, если у других авторов есть какие-то значимые и авторитетные труды, которые легко опознаются, то у Альберта Великого работ, связанных с историей Пруссии, нет. Однако эту проблему решил издатель текста Т. Хирш. В примечании он пишет, что Альберт не писал особого сочинения, связанного с Пруссией, однако, из-

за того, что он был поставлен провинциалом ордена доминиканцев в Германии, он был вынужден посещать многочисленные города своей провинции, в числе которых был Любек, а также окрестные территории, где проживало бóльшая часть славянского населения. Во время этих путешествий он мог видеть, как считает исследователь, основываясь на тексте Рудольфа Нимвегенского, биографа Альберта, обычаи языческого населения здешних мест, но под термином «славяне» он понимает не только их, но и население Пруссии [4, p. 284]. Альберт в своем комментарии на «Политику» Аристотеля дал описание обычаев жителей своего диоцеза и окрестностей, включив в число их традиций убийство слабых детей и стариков, которые, как он утверждает, сохранились и в его времена, и подтверждаются рассказами местных жителей и показом могил убитых вследствие этого обычая стариков. Таким образом, мы видим связь между тем фактом, что Стелла ссылается на труд Аристотеля, и тем, что он отмечает и первого комментатора Аристотеля, глоссы которого на столь авторитетный текст Стелла, скорее всего, читал и изучал. Иначе становится непонятным, откуда он мог взять такой небольшой комментарий и включить его в список своих авторитетных источников. Этот отрывок показывает нам, что Стелла, скорее всего, был хорошо осведомлен в схоластических штудиях, что весьма неудивительно, учитывая тот факт, что он обучался в двух университетах, в которых схоластическая ученость не отошла на задний план из-за натиска гуманистов, которые были в большинстве своем настроены весьма критически по отношению к этой образовательной традиции. Таким образом, мы можем говорить о том, что Стелла испытывал на себе влияние не только гуманистов, но и схоластов.

Следующим в этом ряду идет хронист Оттон Фрейзингский и его труд «Gesta Friderici» [5, p. 1–161], который описывает историю Германии второй половины XI в. — первой половины XII в. Представляется интересным тот факт, что первое издание сочинений этого средневекового историка состоялось только в 1517 г., за год до выхода печатного издания книги Стеллы. Значит, гуманист прибегал к рукописному источнику для того, чтобы почерпнуть знания об истории этого периода. Политико-теологические идеи, связанные с четырьмя царствами и «translatio imperii» гуманист в своих трудах не использовал, ограничиваясь просто фактологическим материалом для своих штудий.

Далее следует Гельмольд из Босау, написавший «Славянскую хронику» [6], в которой описывались конфликты немцев и славян, а также история христианизации последних, события внутриполитической истории Германии и Дании. В печатном виде этот труд появился в 1556 г.,

поэтому, как и «Деяния Фридриха», был изучен в ходе чтения рукописи гуманистом. Отсюда Стелла почерпнул некоторые сведения для своей книги.

Следующий автор в данном ряду — это итальянский гуманист и историк Флавио Бьондо, который занимался изучением прошлого Рима и Италии. Главным его трудом, которым, скорее всего, пользовался Стелла, было сочинение «Historiarum ab inclinatione Romanorum imperii decades» [7, p. 5] или, если перевести на русский язык, «Декады истории от падения Римской империи». В этом труде ренессансный историк рассказывает о начале великого переселения народов, о натиске варваров на границы Римской империи и доводит свое произведение до 1442 г. Знакомство с другими сочинениями этого автора нам установить сложно, потому что Стелла не описывает сюжеты, которые могли бы быть связаны с чем-то, кроме «Декад». Из них он позаимствовал историю о борьбе между римским императором Валентинином I (364–375) и племенем алеманов, которых он спутал с аланами, а также сюжет о переселении их части в Испанию, и смешении их с готами.

Последним в списке «современников» идет Эней Сильвий Пикколомини. Труд, из которого Эразм Стелла черпал информацию, установить несложно — это «De situ et origine Pruthenorum» («О местопребывании и происхождении Прутенов») [4, p. 218–231]. В этом трактате дается описание как географических границ Пруссии, так и современного для автора этого текста положения дел в ней, особое место уделено религиозной политике, а также конфликту между орденом и городами.

Следующий большой блок, который нам стоит рассмотреть — античные писатели. В качестве первого автора выступает великий натуралист Плиний Старший и его авторитетнейший и известнейший текст «Естественная история» [8]. Для Эразма Стеллы это главный кладезь информации по флоре и фауне, полезным ископаемым, драгоценным камням и медицинским сведениям. Количество цитат и перифраз из «Естественной истории» просто поражает в первой книге, это около 30% текста. Причем авторитет Плиния для Эразма Стеллы настолько велик, что он воспроизводит все его данные, не подвергая их никакой проверке и критике. Более всего заимствуются и транслируются части текста, связанные с янтарем, ибо, как во времена Плиния, так и во времена Стеллы, он имел большую ценность.

За ним в списке следует Солин и его сочинение «Собрание вещей достойных упоминания» [9]. Этот труд, написанный в III в., пользовался большой популярностью на протяжении всего периода Средних веков,

как по причине своей краткости, так и потому что излагал довольно интересные истории. В отличие от Плиния Старшего, на Солина указывают только два перифраза, которые связанны с курьезными случаями. Первый такой случай — это подарок Нерону огромного количества янтаря от некоего германского царя, а второй касается того, как император Калигула показал Риму туров. Таким образом, текст Солина используется Эразмом Стеллой для подчеркивания каких-то интересных подробностей и курьезов, чтобы разбавить ими наукоемкий текст Плиния.

В сочинении Стеллы нет прямых цитат или перифраз из текста «Хорографии» Помпония Мелы. Это может свидетельствовать о том, что Стелла, будучи хорошо знакомым с трудами Плиния, мог взять имя этого автора, который, как отметил историк А.В. Подосинов во вступительной статье к тексту Мелы [10, с. 23], обозначался у Плиния как один из источников информации, тем самым Стелла мог придать больший вес своему труду, добавив в него имя авторитетного писателя.

Дальше следует римский историк Корнелий Тацит и его вновь открытый в 1455 г. текст под латинским названием «De origine et situ Germanorum» [11], в русской исторической науке получивший лаконичное название «Германия». В этом трактате Тацит показал нравы и обычаи германцев, а также места, где они проживали, с кем воевали и т.д. Из этого труда Стелла почерпнул информацию о древнегерманской истории и попытался увязать ее с историей древней Пруссии. Другим текстом Тацита, которым пользовался Стелла, были «Анналы» — «Annales». Из них он взял историю о военных предприятиях Друза Германика [12].

Завершают список античных писателей два великих географа древности, Страбон и Птолемей. «География» Страбона [13] долгое время не была известна на латинском Западе в силу того, что она не была переведена на латинский язык ни во времена Античности, ни в эпоху Средних веков. Ее первый перевод на латинский язык был напечатан только в 1472 г. Таким образом, это была своего рода новинка, равно как и «Германия» Тацита, а потому Стелла не упустил возможности добавить и этот текст к своему списку. Вдобавок ко всему это показывало бы его как человека, который интересуется новой литературой. В тексте есть место, где автор прямо ссылается на авторитет Страбона. Однако далее этого он не идет, отдавая больший приоритет Птолемею. Птолемей завершает список античных писателей [14]. Его произведение было переведено на латинский язык в XV в., а в 1477 г. появилось первое печатное издание, которые было издано в Болонье. Помимо того, что работа содержала описание различных народов, которое было использовано Эразмом Стеллой, она

включала также карты, оказавшие влияние на географические представления своего времени.

Еще одним античным автором, который, однако, не попал в этот список, является Валерий Максим. Максим прославился своими «Достопамятными деяниями и изречениями» — «Factorvm et dictorvm memorabilivm libri novem» [15]. Этот текст являлся одним из школьных пособий на протяжении Средних веков, а потому неудивительно, что Стелла был с ним знаком, и его герои были знакомы как ему, так и его аудитории. Из них он взял образы Антегнида и его ученика, который был не мил народу, для своей риторической фигуры о неприятии искусства народом, даже если творец хорошо освоил свое ремесло.

Другим неупомянутым античным писателем у Эразма Стеллы является Гай Юлий Цезарь. Сочинением, которое он использует, являются знаменитые «Commentarii de bello gallico» [16] — «Записки о галльской войне». Из его сочинения он взял картину быта и досуга боруссов. Они заключались в охоте и физических упражнения, а также в совместных пирах. Помимо этого, из тех отрывков, которые Стелла приводил, складывается впечатление, что общество боруссов было максимально отсталым. Ибо Цезарь, как можно убедиться, если прочитать его произведение, как критерий цивилизации признает только римское устройство общественной жизни. Почему Эразм Стелла прямо не упомянул Цезаря, хотя бы просто его имя, даже не включая его в свой список авторитетных авторов? Точный ответ тут вряд ли может быть найден. Но, исходя из контекста северного гуманизма, мы можем попытаться дать свою трактовку такого избирательного отношения. Во-первых, Эразм Стелла явно испытывал какие-то патриотические чувства и не ощущал себя варваром или потомком таковых, а поэтому текст Цезаря, где германцы описываются не в лучшем свете, в то время как Стелла изображает немцев, как людей, которые принесли свет цивилизации в этот край, показался ему недостойным упоминания. Во-вторых, в тексте Цезаря германцы представляются захватчиками, движимыми алчностью, которые хотят завоевывать новые земли, в отличие от текста Тацита, показывающего их как благородных дикарей, что весьма вписывается в концепции Стеллы о благородных германцах и неблагородных боруссах. В-третьих, трактат Стеллы был рассчитан на гуманистическую аудиторию Саксонии и Германии в целом, а поэтому глупо было бы ссылаться на автора, который считает, как было сказано выше, всех их предков варварами. Следовательно, можно предположить, что это было сделано гуманистом как в связи с его взглядами, так и потому, что он учитывал знания своей аудитории и посчитал это не лучшей писательской стратегией.

Таким образом, подводя итог исследованию текстов, которые читал и цитировал Эразм Стелла, мы можем сделать вывод о том, что он был хорошо образованным человеком для своего времени и своего социального круга, знал как классических авторов, так и средневековые тексты, и вдобавок к этому те тексты, которые принадлежали к гуманистической традиции. Можно сказать, что он аккумулировал в себе два подхода — гуманистический и схоластический; первый потому, что он был втянут во всю эту среду кругом общения и в ходе своих занятий, а второй — по причине того, что он был студентом двух университетов, где схоластические воззрения не уступали позиций гуманистическим тенденциям.

Картина мира Стеллы, соответственно, была соткана из этих текстов и на их основе. Все его знания исходят из книг. Они не получены в ходе какого-либо исследования, он полностью доверяет информации авторов. Мнение авторитетов он не оспаривает, а напротив, приводит в качестве доказательства. Кроме того, надо понимать, что данные другого рода едва ли были нужны образованным людям того времени, когда знания определенных античных и средневековых авторов было общепринятым, а их мнения наиболее авторитетными, зачем Стелла стал бы их опровергать, если он хотел заручиться поддержкой и уважением в глазах представителей образованной элиты?

Список источников и литературы

1. *Erasmus Stella.* De Borussiae antiquitatibus. Baselea: Frobenius, 1518. 40 p.
2. *Aristoteles.* Problemata. Roma: Johannes Reinhardi, 1475. 320 p.
3. *Иордан.* О происхождении и деяниях гетов = Getica / вступ. ст., пер. с латин., коммент. Е.Ч. Скржинской. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Алетейя, 1997. 505 с.
4. Scriptores rerum Prussicarum. Bd. 4. Die Geschichtsquellen der preussischen orzeit bis zum Untergange der Ordensherrschaft / Hrsg. von T. Hirsch, M. Töppen, E.G.W. Strehlke. Leipzig: S. Hirzel, 1870. 800 p.
5. Ottonis et Rahewini Gesta Friderici I Imperatoris // Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum separatim editi / Hrsg. von Georg Waitz und Bernhard von Simson. Bd. 46. Hannover, 1912. Hannoverae et Lipsiae, 1912. S. 1–351.
6. Helmoldi presbyteri Chronica Slavorum ex Recensione I.M. Lappenbergii. Scriptores rerum germanicarum in usum scholarum. Hannoverae: Impensis bibliopolii Hahniani, 1868. 220 p.
7. *Flavio Biondo.* Historiarum ab inclinatione Romanorum imperii decades. Venetiis: Octavianus Scotus, 1483. 744 p.
8. C. Plinivs Secvndvs (23–79 A.D.). Natvralis Historia [Электронный ресурс]. URL: https://www.thelatinlibrary.com/pliny1.html (дата обращения: 12.08.2025).

9. *Gaius Julius Solinus.* Collectanea rerum memorabilium. Berolinum: Weidmann, 1895. 392 p.
10. *Помпоний Мела.* Хорография / под ред. А.В. Подосинова. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2017 (серия BIBLIOTHECA ANTIQUA, Series Latina. Vol. II). 509 с.
11. *Cornelius Tacitus.* De origine, situ moribus ac populis Germanorum. Gotha: Perth, 1885. 952 p.
12. *Cornelius Tacitus.* [Annales]. Ab excessu divi Augusti. Lipsiae: B.G. Tevbneri, 1994. 496 p.
13. *Страбон.* География. СПб.: Наука, 1964. 938 с.
14. *Claudius Ptolemaeus.* Cosmographia. Ulm: Leonardus Hol, 1482. [133] Bl.: zahlr. [Электронный ресурс]. URL: https://www.digitale-sammlungen.de/en/view/bsb00117596?page=,1 (дата обращения: 29.08.2025).
15. *Valerius Maximus.* Factorum et dictorum memorabilium libri novem. Leipzig: Teubner, 1865. 586 p.
16. *Гай Юлий Цезарь.* Записки Юлия Цезаря и его продолжателей о Галльской войне, о гражданской войне, об Александрийской войне, об Африканской войне / под ред. М.М. Покровского. М.: Юрайт, 2025. 362 с.

УДК 94

Антропов Д.С.
Тюменский государственный университет,
Институт социально-гуманитарных наук,
студент магистратуры.
E-mail: antropov.den0384@gmail.com;
stud0000261022@study.utmn.ru

Бестиарные образы в католической и лютеранской визуальной полемике в начальный период немецкой Реформации

Аннотация. Сравнительное исследование бестиарных образов, которые использовали католики и лютеране во время немецкой Реформации, позволяет проанализировать их полемические приемы. Средневековые бестиарные сюжеты стали одним из примечательных элементов конфессиональной полемики. Они оказали существенное влияние на мировоззрение обывателя-христианина.

Ключевые слова: бестиарий, образ, Реформация, визуальная полемика, католицизм, лютеранство.

Antropov D.S.
Tyumen University,
Institute of Social and Humanitarian Sciences,
Master's Program Student.
E-mail: antropov.den0384@gmail.com;
stud0000261022@study.utmn.ru

Bestiary Images in Catholic and Lutheran Visual Polemics during the Early German Reformation

Abstract. A comparative study of bestiary images used by Catholics and Lutherans during the German Reformation allows us to analyze their polemical techniques. Medieval bestiary themes became a notable element of religious debate, exerting a significant influence on the worldview of the average Christian.

Keywords: Bestiary, image, Reformation, visual polemic, Catholicism, Lutheranism.

Исследование посвящено проблеме использования бестиарных образов в конфессиональной полемике между католиками и лютеранами

в агитационных целях в ранний период Реформации (1517–1530). Бестиарии — сборники мифических, полумифических и демонических созданий, а также животных, которые ассоциировались с качествами человека. Особенную популярность и обширное распространение с момента своего возникновения они получили в средневековой Европе [1]. Их появление тесно связано с церковной дидактической задачей этического воспитания. Наглядная иллюстрация формировала у верующего человека назидательное понимание о конкретных характеристиках и чертах, присущих бестиарным чудовищам или зверям. С началом Реформации в германских землях обе стороны конфессиональной полемики стали применять практику визуальной дискредитации друг друга. Подходящим для нее инструментарием стал, в том числе, бестиарий. Исследовательский интерес настоящей работы заключается в том, каких именно существ и животных использовали католики и лютеране для своей агитации. Изучение поставленной проблемы позволит дать ответ, какой смысл вкладывался в конкретный образ в сравнении с аналогичным ходом конфессионального противника. Следует особо подчеркнуть, что подобный анализ конкретно в контексте Реформации не проводился ни в российской, ни в зарубежной историографии, что показывает актуальность исследования.

Источником исследования католической визуальной полемики является сборник «Von dem großen Lutherischen Narren» (*О великом лютеранском глупце*) 1522 г. [2]. Его составил один из главных противников Мартина Лютера, страсбургский францисканский монах Томас Мурнер. Примечательно, что в своих сатирических произведениях он не раз высмеивал церковные власти в Риме. Но с началом Реформации сатирик сохранил свою приверженность католическому вероучению и стал автором полемических сочинений, направленных против лютеранства. Одним из них и был сборник 1522 г., который стал своеобразным ответом Мурнера на критику католицизма со стороны Лютера и его сподвижников. Выбор источника обусловлен и тем, что он иллюстрирован полемическими гравюрами. На них изображены бестиарные образы, не только предназначенные для дискредитации лютеран, но и отображающие сторонников католической веры, с их точки зрения.

Источниками, представляющими лютеранскую визуальную полемику, выступают сочинение «Murnarus Leviathan Vulgo dictus, Geltnar / oder GenßPrediger» 1521 г. [3], сатирическая листовка с гравюрой «Außfürung der Christglaubigen auß Egyptischer finsterniß» 1524 г. [4], листовка «Das Münich vnd pfaffen gaid» 1525 г. [5] и листовка «Martin Luther und seine

Gegner» [6]. Их важность для исследования обусловлена периодом возникновения. Как лютеранские, так и католические полемические материалы с использованием бестиарных образов, которые анализируются в исследовании, относятся к начальному этапу Реформации. Он же, в свою очередь, характеризуется стартом ожесточенной конфессиональной борьбы на землях Священной Римской империи германской нации. Последующие годы, начиная с 40-х гг. XVI в., отличаются накалом противостояния между сторонами, выразившимся, в первую очередь, в открытом военном конфликте — Шмалькальденских войнах.

Следует подчеркнуть значимость использования именно бестиарных мотивов с целью дискредитации конфессиональных оппонентов. Вкладываемый в определенное существо или животное и изображаемый сюжет смысл исходил не только из мировоззренческих установок. Он во многом базировался на церковной традиции, основанной на интерпретации и комментировании библейских текстов и преданий. Внимания в особенности часто удостаивалась книга Откровений св. апостола Иоанна, поскольку в ней концентрируются апокалиптические сюжеты. Их рецепция стала порождать изображения мифических или дьявольских созданий, которые ассоциировались с противниками христианской веры. Не менее важным аспектом является и символическая нечистота некоторых животных, основанная на запретах Ветхого Завета [7, s. 55]. Она переплеталась с пороками, слабостями и, конечно же, конкретными грехами человека.

С началом процесса конфессионализации стали меняться не только повседневность, пространство, общественно-политические отношения и другие сферы привычной жизни, но и мировоззрение человека. Во многом здесь проходит граница между средневековыми установками и наступающим периодом раннего Нового времени. Одним из ее маркеров стали символические образы, не в последнюю очередь бестиарные. Однако католические и лютеранские полемисты избрали разные стратегии при их создании, что нетрудно заметить при непосредственном знакомстве с историческими источниками начального этапа конфессионального противостояния с 17 г. по 30-е гг. XVI в.

Рассмотрение непосредственно источников следует начать с лютеранской визуальной полемики. Обратимся к листовке «Außfürung der Christglaubigen auß Egyptischer finsterniß» (*Вызволение верующих во Христа из египетской тьмы*). Само ее название является аллюзией на известный библейский сюжет о спасении еврейского народа из египетского плена. Спасителем на листовке выступает Мартин Лютер,

стоящий вместе со сторонниками при голгофских страданиях Иисуса Христа на кресте. Вдали же изображены его противники: Папа Римский в окружении своих кардиналов в образе псов, доктора богословия И. Экк в образе свиньи и И. Эмзер в образе козла, а также Х.Й. Шмидт с ослиными ушами. Все они во главе с римским понтификом представляются в качестве предателей веры, желающих разрушить праведную «нашу империю» (*der will zerstören unser Reich*). Подобное восприятие подчеркивает сцена продажи своей праведности за мешочек денег Иудой Искариотом.

Весьма примечательной является и листовка «Das Münich vnd pfaffen gaid» (*Охота на монахов и священников*). Ее заглавие соответствует изображаемой картине. Псы в кардинальских красных шапках, натравленные демонами-охотниками, преследуют бегущих прямо в горящую пасть дьявола священников и монахов. Причем в ней уже располагается главный противник лютеранской веры: Папа Римский, который исповедует одного из бесов в образе собаки. В данном случае авторы гравюры подчеркивают, что действующие институты священства и монашества попали под влияние демонических сил, поскольку они загнаны в ловушку верхушкой собственной церковной иерархии.

Наглядной аллегорией на противников Лютера является одноименная листовка «Martin Luther und seine Gegner». На ней по центру изображен Папа Римский Лев X в бестиарном образе льва, что отражает его тронное имя. По левую и правую стороны от него представлены католические доктора богословия: Т. Мурнер с головой кота, И. Эмзер с головой козла, И. Экк с головой свиньи, Я. Лемп с головой собаки. Все они были наиболее ярыми критиками лютеранских догматов, за что и удостоились собственного места на «бестиарной листовке» авторства неизвестного сторонника реформационных идей.

Следует обратить внимание и на гравюру из сочинения «Murnarus Leviathan Vulgo dictus, Geltnar / oder GenßPrediger». На ней представлен Лютер с Библией в руках, победно стоящий над своим поверженным противником Т. Мурнером в кошачьем обличии с дьявольским хвостом. Здесь католический сатирик вновь дискриминируется через призму негативного смыслового наполнения образа кота. В лютеранской «иконографии» кот имел строго негативную коннотацию. Его наделяли такими чертами как хитрость, коварство, лукавство и обольстительность, которая может легко привести христианина к грехопадению. В основе лютеранской интерпретации образа лежали средневековые воззрения и библейские трактовки. Однако сам Мурнер использовал данный образ

в собственных целях. Он придал ему сходство с «чудовищным котом» Мурнарром, который, тем не менее, выступает защитником веры и борцом с «мышами-лютеранами». Этот персонаж был создан непосредственно самим Мурнером на страницах своего сочинения. Его кличка сочетала отсылку к фамилии самого сатирика и звукоподражание коту, а также указывало на чудовищный характер (*der Narr* можно перевести также как «одержимый / бешеный человек»). Тем самым, богослов превратил негативную коннотацию в положительную, сломив средневековую традицию и положив начало «реабилитации» кошки как полезного животного в сознании европейского обывателя одним из первых в раннее Новое время [8].

Все представленные лютеранские примеры визуальной полемики начального периода Реформации выделяются тем, что на них идеологи католической веры преимущественно изображены в образе животных. Если дьявольские существа и присутствуют, то они выступают как второстепенные персонажи, как в случае с охотой на священников и монахов. Лев X в качестве льва представляет собой образ короля животных [9, p. 4–14] на службе антихристианских сил, что подчеркивается видом его морды и раскрывшейся со злобным выражением пасти. Он окружен собственной свитой: собаками, свиньями, котами и козлами, коими выступают известные богословы или абстрактные фигуры кардиналов. Образ пса в Средние века не имел однозначной трактовки, однако св. Августин в теологической дискуссии описывал его как средство для демонического превращения [10, p. 70–81]. Свинья и козел являются типичными нечистыми животными, несущими с собой скверну и порок. Представления, основанные на ветхозаветной традиции, также гармонично сочетались с лютеранским принципом *sola Scriptura* (только Писание), открывая путь к необходимому истолкованию Библии.

И здесь любопытно обратиться к католической визуальной полемике на примере гравюр из сочинения Мурнера «Von dem großen Lutherischen Narren». Как уже подчеркивалось выше, бестиарный образ использует для собственного отображения сам автор, представив себя как чудовище-героя Мурнарра. Однако же сатирик очень часто прибегает к изображению бесов/чертей, которые почти всегда сопровождают Лютера в колпаках шутов. Главный идеолог лютеранства предстает как величайший глупец, что соответствует названию произведения. Его частыми спутниками выступают низшие демонические создания, которые изображаются в виде маленьких шутов. Их главой, по мысли Мурнера, является не кто иной, как Лютер, из чего рождается прочная ассоциация.

Таким образом, можно выделить определенные сходства и различия между католической и лютеранской визуальной полемикой с привлечением бестиарных образов на начальном этапе Реформации. Обе противоборствующие стороны активно использовали для дискредитации оппонента демонических существ и бесов. Однако «лютеранские бестиарии» не изображали посредством них католических богословов. Эти создания чаще играют вспомогательную роль и являются наглядным отражением порочного характера стоящих рядом соперников. Католическая полемика Т. Мурнера неразрывно увязывает демонические сущности с лютеранами и даже конкретно с самим Лютером. Идеолог нового вероучения не только предстает в окружении бесов, но и сам изображается в качестве главного шута, их предводителя.

Подход лютеран к бестиарным образам отличается и тем, что они прибегают к использованию укоренившихся средневековых трактовок, основанных на комментариях к Священному Писанию. Именно поэтому в ранних полемических листовках и гравюрах католические богословы, теологи, кардиналы или римский понтифик изображаются с явными чертами животных. При этом подобное сравнение не всегда носило чисто визуальный характер. Лютер в своих полемических сочинениях часто писал о своих оппонентах как о животных. Примером может служить И. Эмзер, которого основоположник лютеранства называл «lieber Bock Emser» (*дорогой козел Эмзер*) [11, S. 28–57]. Католическая сторона в ответ либо открыто высмеивала Лютера и его сподвижников карикатурными образами, либо, как Т. Мурнер, прибегла к отказу от средневековых мировоззренческих концепций. Придание элемента «полезности» животному на примере кота/кошки позволяет утверждать, что его/ее порочные черты утрачивают свой смысл. Напротив, хитрость и коварство помогают защитить устои веры от возникшей «лютеранской ереси» и раскрывать многозадачность образа.

Исследование влияния бестиарных образов на визуальную полемику раннего этапа немецкой Реформации позволяет продолжить изучение корпуса исторических памятников более поздних периодов конфессиональной эпохи. Выявленные при проведенном сравнении особенности показывают не только различные подходы католиков и лютеран в вопросе дискредитации друг друга, но и случаи отхода от устоявшихся средневековых интерпретаций. Будущие исследования бестиарных образов Реформации позволят рассмотреть и иные разграничения между Средневековьем и начинающимся периодом раннего Нового времени в вопросах мировоззрения и пересмотра некоторых догматических установок.

Список источников и литературы

1. *Maué H.* Fokus 2. Bildpropaganda und Satire zur Zeit der Reformation // Renaissance, Barock, Aufklärung. Kunst und Kultur, 2010. S. 141–142.
2. *Murne T.* Uon dem grossen Lutherischen Narren wie in doctor Murner beschworen hat. [et]c. München, Bayerische Staatsbibliothek, Signatur: Rar. 870 [Электронный ресурс]. URL: https://www.digitale-sammlungen.de/de/view/bsb00033099 (дата обращения: 22.09.2025).
3. LVTHERVS (Martin Luther siegreich über seinem Gegner Thomas Murner) // Murnarus Leviathan Vulgo dictus, Geltnar/ oder GenßPrediger. Coburg, Kunstsammlungen der Veste Coburg, Signatur: XIII, 2, 52 [Электронный ресурс]. URL: https://www.bavarikon.de/object/bav: KVC–LUT-0000000000056210 (дата обращения: 20.09.2025).
4. Außfürung der Christglaubigen auß Egyptischer finsterniß <…> Coburg, Kunstsammlungen der Veste Coburg, Signatur: XIII, 41, 70 [Электронный ресурс]. URL: https://www.bavarikon.de/object/bav: KVC–LUT-0000000000049308 (дата обращения: 20.09.2025).
5. Das Münich vnd pfaffen gaid / Nyemand zu lieb noch zu laid <…> (Jagd auf Mönche und Pfaffen). Coburg, Kunstsammlungen der Veste Coburg, Signatur: VI, 457, 124 [Электронный ресурс]. URL: https://www.bavarikon.de/object/bav: KVC–LUT-0000000000035868 (дата обращения: 20.09.2025).
6. Spottbild auf Martin Luthers Gegner. Germanisches Nationalmuseum, Signatur: HB 15079 [Электронный ресурс]. URL: https://www.bavarikon.de/object/bav: GNM-OBJ-0000000000000002 (дата обращения: 20.09.2025).
7. *Knortz K.* Hexen, Teufel und Blocksbergspuk in Geschichte, Sage und Literatur. Annaberg: Graser (Richard Liesche), 1913. 169 S.
8. *Антропов Д.С.* Кошка как символ в визуальной пропаганде немецкой Реформации // Проблемы истории и культуры средневекового общества: матер. XLIV Всерос. научн. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых «Курбатовские чтения» (5–7 ноября 2024 г.). СПб.: Скифия-принт, 2025. С. 739–745.
9. *Hassig D.* The Mark of the Beast: The Medieval Bestiary in Art, Life, and Literature. New York: Routledge, 1998. 252 p.
10. *Hartman M.* Dogs as the Other in St. Augustine's The City of God: Exploring the Limits of Human Social Relations // Encountering the Other Christian and Multifaith Perspectives, 2020. P. 70–81.
11. *Kawerau G.* Hieronymus Emser: Ein Lebensbild aus der Reformationsgeschichte. Halle (Saale): Verlag von Max Niemeyer, 1898. 130 s.

УДК 94(438).04

Рогов Р.К.

Венский университет, факультет исторических и культурных исследований, студент бакалавриата.
E-mail: pomahrogov@gmail.com,
a12249392@unet.univie.ac.at

Competitorum regnum ab commoda u incommoda — источники о процессе выборов короля Речи Посполитой в бескоролевье 1573 г.

Аннотация. В статье рассматриваются ранее не анализированные подробно источники о выборах 1573 г. в Речи Посполитой — таблицы competitorum regnum ab commoda и incommode, в которых описывались плюсы и минусы кандидатов. Анализ этих табличек проливает свет на процесс выборов, логику принятия решений во время этих выборов, а также наглядно демонстрирует превосходство профранцузской партии в сейме.

Ключевые слова: Речь Посполитая, выборная монархия, северо-восточная Европа, бескоролевье, Генрих Анжуйский, Габсбурги.

Rogov R.K.

University of Vienna,
Faculty of Historical and Cultural Studies,
Bachelor's Program Student.
E-mail: pomahrogov@gmail.com,
a12249392@unet.univie.ac.at

Competitorum regnum ab commoda and incommoda — Sources Regarding the Election during Poland-Lithuania's 1573 Interregnum

Abstract. The article attempts to analyse previously not particularly notable sources regarding Poland-Lithuania's 1573 royal elections, namely the tables *competitorum regnum ab commoda* and *incommoda,* containing pros and cons of each candidate. This source sheds light on the process of the elections, the reasoning behind the decision-making during said elections and is a clear demonstration of the Pro-french party dominance among the sejm.

Keywords: Poland-Lithuania, Elective monarchy, North-eastern Europe, Interregnum, Henry of Valois, Habsburgs.

Речь Посполитая известна своими традициями выборности королей и бурными процессами, которые сопровождали каждые выборы. Если первое едва ли можно назвать уникальным для позднесредневековой Центральной и Восточной Европы[1], то второе — бурные процессы выборов и своего рода «избирательное право» у каждого «гражданина республики» (то есть шляхтича) — является уникальным для королевств того времени [1, p. 3]. Изначально выборной была только корона Польши — титул великого князя литовского передавался по наследству (по крайней мере, Ягеллоны настаивали на своих наследственных правах) [2, p. 2; 3, p. 200]. В самой Польше династические права Ягеллонов также учитывались, и с 1370 г. (когда корона Польши официально приобрела выборный характер) вплоть до 1572 г. короли были выходцами этой династии.

После Люблинской унии 1569 г., король Польши и Литвы выбирался единым сеймом обоих государств, однако, четкий регламент проведения выборов был неясен. Споры о том, как выбирать короля обострились после смерти Сигизмунда II Августа в 1572 г. Поскольку у Сигизмунда не было детей, династия фактически прервалась, а перед республикой встала труднейшая задача выбора нового короля. В качестве основных кандидатов рассматривались правители и члены королевских семей других государств.

Самым главным нововведением выборов 1573 г. было то, что они объявлялись «свободными выборами», и участвовать в них мог любой шляхтич. Однако, несмотря на фактическое расширение права голоса на большинство шляхты (6 апреля 1573 г. на элекционный сейм собралось около 100 000 человек [4, p. 69]), у сенаторов (высших чиновников и магнатов королевства) все еще были свои отдельные раунды голосования, в которых они определяли предпочитаемого кандидата. Главным принципом выбора короля (как и всех решений сейма) было единогласие. Своими корнями этот принцип уходит в Средневековье, основываясь на максиме, взятой еще из римского права: «Quod omnes tangit, debet ab omnibus approbari»[2] [5, p. 163; 1, p. 115]. Позднее этот принцип перерастет в печально известное Liberum veto. В 1573 г. во время первого раунда голосования сенаторов стало ясно, что, хотя техническое большинство и поддерживает одного кандидата (Генриха Анжуйского), лагерь сторонников габсбургских кандидатов также велик. Для попытки внести ясность

---

[1] Правители официально выбирались также в Богемии, Венгрии, Трансильвании, Скандинавии; император Священной Римской империи также избирался.

[2] «то, что касается всех, должно быть одобрено всеми».

в ситуацию, четко изложить все аргументы в пользу того или иного кандидата и, в конце концов, прийти к единогласию, были составлены две таблички, содержащие достоинства и недостатки каждого из кандидатов: Competitorum regnum ad commoda и competitorum regnum ad incommoda.

Оригинал данных таблиц сейчас находится в библиотеке Чарторыйских. Они также были опубликованы в сборнике Яна Чубека, опубликовавшего источники о первом бескоролевье Речи Посполитой [6, p. 490–491]. Перевод этих таблиц на французский сейчас хранится в Государственном архиве Австрии, вместе с анонимным французским памфлетом, в котором указано, как именно проходило заполнение таблиц. Они заполнялись посредством голосования: каждый кандидат рассматривался в определенной категории, и сенаторы голосовали, насколько он с ней соотносится. Тот, кто набирал большинство голосов, получал отметку в соответствующей категории, часто с пояснениями [7]. Последующий анализ будет проводиться, основываясь на версии в публикации Чубека и версии в австрийском архиве. Они идентичны в плане содержания, но слегка различаются по форме — в опубликованном варианте в таблице недостатков все недостатки записаны сразу эрцгерцогу Эрнсту, а остальные кандидаты сравнивались с ним, что свидетельствует о непопулярности габсбургского кандидата на выборах (см. ниже). Французский вариант приводит таблицу недостатков к общей форме с таблицей достоинств, в которой все недостатки вынесены в отдельную строку. Данные таблицы также были переписаны в текстовом варианте и распространялись как памфлеты, так называемые Kompetytorow do korony polskej commoda [6, p. 492–494]. В данной статье будет проведен анализ именно самих таблиц, потому как вышеупомянутые памфлеты были произведениями пропаганды, в то время как таблицы заполнялись прямо на месте, а значит, точнее отражают мнения сенаторов и процесс принятия решений.

Прежде, чем разбирать содержание таблиц, имеет смысл рассмотреть самих кандидатов. На выборах Речи Посполитой не было списка кандидатов в привычном нам смысле — в теории, голосующие могли назвать любого человека, который виделся им подходящим [1, p. 55][3].

[3] Даже вне зависимости от того, высказывал ли выбранный человек желание становиться королем. Наглядным примером можно назвать Фердинанда II Габсбурга, который не выдвигался на выборы сам, но, тем не менее, его видели как альтернативу основному габсбургскому кандидату эрцгерцогу Эрнсту [6, p. 441], а потому его имя присутствует в таблицах.

Однако понятно, что всерьез рассматривались те кандидаты, которые вкладывали политический и материальный капитал в свои кампании. Из списка в данных таблицах мы можем понять, каким был круг кандидатов на 1573 г. В них упоминаются два кандидата Габсбургов — Эрнст и Фердинанд, «швед» (король Юхан III), «московит» (царь Иван IV), «пяст» (польский кандидат), «француз» (принц Генрих Анжуйский) и «инфанта» (Анна Ягеллонка, сестра покойного короля). Порядок кандидатов одинаковый в двух таблицах, как и в памфлете *Kompetytorow*, однако неизвестно, придается ли этому какое-то значение. Рассмотрим кандидатов по очереди, чтобы понять их роль в контексте выборов.

Габсбургские кандидаты были представлены в первую очередь вторым сыном императора Максимилиана II, эрцгерцогом Эрнстом, а также его дядей, эрцгерцогом Фердинандом, младшим братом Максимилиана. Габсбурги давно стремились распространить свое влияние на Польшу: так, третьей женой Сигизмунда Августа была Катарина Габсбург, дочь императора Фердинанда I [8, s. 4]. После смерти короля Сигизмунда Августа Габсбурги вступили в борьбу за польский престол. Ставка была сделана, в первую очередь, на Эрнста. Основную поддержку он нашел в королевской Пруссии и Ливонии, то есть в регионах, связанных с Империей, и в Литве, где было большое количество богатых дворянских семей, поддерживающих взаимовыгодные отношения с Габсбургами [8, s. 45–47; 9, s. 659). К 1573 г., однако, у него имелось немного сторонников. Габсбургская кандидатура была непопулярна среди большей части шляхты из-за опасений, что Габсбурги будут подавлять свободы и привилегии польской знати, как они уже делали в Богемии и Венгрии, и что с Габсбургом на троне обязательно начнется война с Турцией [10, p. 106–119]. Делу мешали неудачные дипломаты императора и постоянные финансовые проблемы, которые они испытывали [8, s. 104–114, 188]. Общая оппозиция габсбургской кандидатуре отражена в таблице incommoda, где все возможные недостатки записаны Эрнсту и Фердинанду Габсбургам.

Шведским кандидатом был король Юхан III Васа. Вошедший на престол в 1569 г. в результате свержения своего сумасшедшего брата Эрика XIV, Юхан столкнулся с множеством трудностей в этот период своего правления. Главной из них была продолжающаяся борьба за Ливонию между Швецией, Литвой и Московским государством. Если Эрик в большей степени стремился к союзу с Россией, то Юхан, женатый на сестре Сигизмунда Августа Катарине, выбрал своим союзником Польшу [11, p. 259]. В союзе с Польшей, однако, была проблема, заключавшаяся в том, что территория Эстляндии, на которую претендовала Речь Посполитая,

уже принадлежала Швеции. Юхан III решил рискнуть, выдвинув свою кандидатуру, с надеждой разрешить спор из-за Эстляндии и поправить финансовое состояние королевства[4] [11, p. 260–261]. Его кампанию описывали как «нерешительную, не заинтересованную и неспешную» [11, p. 261], и это правда, что немногие рассматривали его как основного кандидата, часто лишь упоминая его имя в ряду остальных [8, s. 32]. Однако у него была определенная поддержка среди польских протестантов [9, s. 32; 12, p. 410]. Его проблемой как кандидата на престол было то, что немногие предпочитали борьбу с Москвой миру, правление одного короля в двух королевствах представлялось затрудненным, а также его попросту опасались, потому как отец Юхана Густав I и его брат Эрик XIV успели заслужить репутацию тиранов [12, p. 411].

Под «московитом» имелся в виду царь Иван IV. С 1558 г. между Литвой и Москвой шла борьба за Ливонию, которая в 60-х гг. XVI в. сместилась южнее (в 1563 г. Литвой был утрачен Полоцк), а с 1570 г. приостановилась, было заключено перемирие. Для Ивана IV победа на выборах означала бы победу в борьбе за Ливонию, это стало бы важным шагом к завоеванию тех земель, которые Иван считал частью «всея Руси», потому как они оказались бы под его властью [13, с. 297–298]. Поддерживала его в основном бедная шляхта, как литовская, так и польская. Литовская православная шляхта надеялась на прекращение войны [14, с. 51–53]. У польской же шляхты был расчет на то, что наличие на троне столь сильного правителя, как Иван IV, сможет усилить королевскую власть и сломить земельное могущество магнатов [10, p. 170–173; 14, с. 63–64]. Однако к апрелю 1573 г. шляхта разочаровалась в русском правителе. Он требовал установления наследственной монархии, что для шляхты было неприемлемо, аргументы против его «тирании» были слишком убедительны, а также его избрание было чревато началом войны с Турцией [10, p. 174–175; 13, с. 305; 14, с. 83]. К апрелю 1573 г. среди сенаторов у него явно было не много сторонников.

«Пястами» назывались кандидаты из Польши, по названию династии, правившей Польшей до 1370 г. У польских кандидатов было большое количество преимуществ, которые собирали им сторонников. Они знали язык, понимали законы и обычаи государства, а также были

[4] Юхан не оставлял надежды получить обещанное ему приданое за женитьбу на Катарине (50 000 дукатов) и ранее одолженную Сигизмунду Августу сумму (120 000 талеров).

самой очевидной альтернативой Габсбургам. Однако, несмотря на популярность самой идеи польского кандидата, «Партия Пястов» никак не могла назвать конкретного человека, которого они выдвигают на роль короля [1, p. 58]. Ведь для королевского трона надо найти достойнейшего и честнейшего из поляков, а как можно это сделать, если все граждане республики равны [10, p. 180]? В Таблицах отражена неясность насчет личности польского кандидата.

Французский кандидат, в итоге выигравший выборы Генрих Анжуйский, широко известен не только своей ролью во французских Религиозных войнах, но также и своим амбициозным, но неудачным польским проектом[5]. Сама идея француза на польском троне обсуждалась еще в последние годы жизни Сигизмунда Августа [15, p. 26–30]. В интересах Франции необходимо было создать на востоке противовес Габсбургам, которые на тот момент уже стали самой могущественной династией Европы [10, p. 140; 15, p. 14]. Роль тут играли также и личные амбиции королевы-вдовы Екатерины Медичи, которая стремилась короновать всех своих сыновей, а потому активно поддерживала идею польской короны для Генриха [10, p. 15]. Его во многом поддерживали мелкое дворянство и магнаты, которые разочаровались в кандидатуре царя Ивана, а также папа и его легаты. Во многих пропагандистских произведениях того времени Генрих указывается как самый подходящий кандидат. Традиционно одной из главных причин популярности и победы Генриха называют грамотную политику и красноречие его дипломата, Жана де Монлюка [8, s. 28–29; 9, s. 175; 15, p. 93]. Возможно, не стоит считать, что таланты одного лишь дипломата так сильно повлияли на исход выборов, однако, при анализе таблиц это точно стоит учитывать, потому как они составлялись после речи представителей кандидатов, а значит, многие сенаторы, скорее всего, все еще находились под впечатлением от знаменитой речи де Монлюка, в которой он красноречиво и доходчиво разобрал все преимущества француза на польском троне [2, p. 73–74; 8, s. 28–29]. Это отражено в таблицах, где Генриху приписаны все возможные достоинства.

«Инфантой» звалась сестра Сигизмунда Августа Анна. Сама по себе ее фигура была на выборах важна, так как она могла передать права на престол, связав династию Ягеллонов с новым королем. Поскольку

---

[5] Несмотря на то, что Генрих получит корону, она слишком отяготит его, что вкупе с новостями о смерти его старшего брата, короля Карла IX, приведет к тому, что он сбежит из своего королевства под покровом ночи.

женщины не могли претендовать на наследство, она почти не рассматривалась как самостоятельный кандидат, однако ожидался ее брак с «выигравшим» королем — в итоге она выйдет замуж за победителя выборов 1575 г., короля Стефана Батория [1, p. 37, 69]. Ей также приписано много достоинств в таблицах, но в первую очередь в связи с ожиданием, что она выйдет замуж за Генриха Анжуйского.

Теперь, когда мы понимаем контекст, мы можем рассмотреть, как образы кандидатов отражены в таблицах.

Важным вопросом являлись моральные качества короля: в столбце «Честность» (который открывает список) метка стоит у Эрнста Габсбурга, шведа Юхана и Генриха с Анной. Личные качества Генриха активно подчеркивала французская пропаганда, апеллируя к ценностям, близким дворянскому обществу: рыцарству, чести, достоинству [16, p. 63–64]. Фердинанд и Иван Грозный считаются нечестными. Интересно, что у поляков было больше доверия к эрцгерцогу Эрнсту, чем к Фердинанду, но это можно объяснить тем, что у Эрнста попросту было больше сторонников. Так же нечестен и Пяст, кем бы он ни был — как было показано выше, в идеологии республики было невозможно выделить какого-то одного поляка, который был бы честнее остальных. Ценится хорошее образование: оно есть у всех, кроме Ивана IV и Пяста — у него, однако, вместо пустого поля, стоит пометка «неизвестно». Не менее важен был и вопрос о том, уважает ли кандидат законы. Их уважали, согласно таблицам, помимо Генриха и Анны, те же Эрнст и шведский король. А про Пяста, как и в прошлом случае, составители таблицы ничего сказать не смогли.

В таблице недостатков продолжается оценка моральных качеств и уважения к законам. Встает вопрос возраста — насколько кандидат зрел. В то время идеальным возрастом для правления считался промежуток от тридцати до пятидесяти лет: правитель должен был быть не слишком молодым, обладающим опытом и зрелым умом, но и не слишком старым [1, p. 85]. Оба основных противника — Эрнст и Генрих — были совсем молоды во время выборов. Эрнсту было 20 лет, а Генриху 23. Про Эрнста, однако, отмечено, что он еще незрел, в то время как в отношении Генриха это не указано. Возраст Эрнста, и правда, был одним из главных аргументов против его фигуры [12, p. 411; 17, s. 78], в то время как французская пропаганда все время пыталась сгладить юность своего кандидата [1, p. 86]. Про Эрнста так же сказано, что он «тиран и подавляет свободы»: так же поступает Фердинанд. Неудивительно и мнение сенаторов насчет царя Ивана IV. В столбце «Тиран» и «Подавляет свободы», подчеркива-

ется, что он тиран более других кандидатов: тирания Ивана часто отмечалась в публицистике [14, с. 81]. Про «шведа», что интересно, сказано, что он «тиран из-за религии». Юхана III поддерживали польские протестанты [8, s. 36; 11, p. 261], в то время как в самой Швеции Юхан пытался повернуть шведское лютеранство в сторону католицизма [11, p. 273–296]. В Речи Посполитой на тот момент уже действовала Варшавская конфедерация, гарантировавшая религиозную терпимость на своей территории во время бескоролевья, и сохранение религиозных свобод было одним из важнейших требований к новому королю. Возможно, католические сенаторы, не знавшие о церковной политике Юхана III, не были уверены в том, что протестантский король будет соблюдать веротерпимость. Насчет Пяста сенаторы тоже дают комментарий. Они говорят, что Пяст будет подавлять свободы из-за factiones familie, то есть раскола семейств на его сторонников и его противников, что нарушит единство шляхтичей республики.

Немаловажно было и то, не будет ли держава иностранного короля оказывать влияние на Речь Посполитую — этот вопрос поднимается в строке таблицы недостатков «Подозрительное соседство». Там отметка стоит у габсбургских кандидатов и у Москвы. Оно и не удивительно: и у Московского царства, и у Габсбургов есть граница с Речью Посполитой, а потому ожидалось, что Габсбургам или Ивану Грозному будет легче подчинить себе республику. Показательно, что габсбургскую кандидатуру поддерживали в первую очередь литовские магнаты, так как Литва не имела общей границы с габсбургскими владениями. И напротив, при выборе Генриха Анжуйского важным доводом было то, что Франция далеко, а значит, королю будет нелегко распространять свое влияние [16, p. 64].

Таблицы также показывают возлагаемые на кандидатов ожидания, касаемые внешнеполитического спокойствия. Это совмещало в себе несколько вопросов: вопрос балтийской торговли и «нарвского плавания», вопрос войны с Москвой, и вопрос отношений с турками и татарами.

У Польши были свои амбиции касательно Балтийского моря: еще Сигизмунд II Август сформулировал концепцию dominium maris baltici — необходимость контроля над Балтийским морем [18, p. 223–225]. В XVI в. Балтийский торговый путь становится главным торговым путем между Восточной и Западной Европой. Однако мнение, что амбиции Польши связаны исключительно со стремлением к экономической выгоде, спорно — вероятнее, что большую роль играла политическая конкуренция с Москвой [19, с. 61–63; 20, с. 2]. Согласно таблицам, Dominium Maris (владение морем) Речи Посполитой обеспечат только Генрих Анжуй-

ский и Юхан III, но последнему придется поделить его между Польшей и Швецией. Помочь Польше вытеснить с балтийского рынка нарвскую торговлю смогут Генрих и Анна, если та выйдет за него замуж. Юхан же это сделать не может из-за неких договоров с Данией.

В таблице недостатков Балтийскому вопросу посвящена одна строка — «Свободное море», то есть свободное мореходство. Его не может обеспечить никто, кроме Генриха. Отсутствие пометки на этот счет у Ивана IV или эрцгерцога Эрнста (от которых также ожидалась помощь Польше в борьбе за Балтику [6, p. 356, 492]) заставляет думать, что балтийское господство обсуждалось в первую очередь как достоинство конкретно шведского кандидата[6]. Однако, благодаря преимуществу партии Генриха, он и тут оказывается лучше.

Вопрос борьбы с Московским государством почти не поднимается в таблице достоинств, однако упоминается, что Иван IV в случае его избрания обещал вернуть то, что «поглотил», тое есть завоевал. В таблице недостатков враждебность к Москве занесена в одну категорию с враждебностью к Валахии, и там отметка стоит у всех, включая самого царя Ивана. Но не у Генриха Анжуйского. Магнаты явно предпочитали мир продолжению борьбы[7].

В отношениях с Турцией шляхта также предпочитала мир войне. Турки, как и Габсбурги, воспринимались опасными соседями, но с той разницей, что если со стороны Габсбургов ожидалось подавление свобод в политическом смысле, то война с турками обязательно привела бы к физическому разорению и захвату в рабство многих людей [1, p. 71; 10, p. 176]. Из-за этого позиция Порты на выборах всегда влияла на мнения шляхтичей-избирателей — одним из важнейших аргументов против габсбургского кандидата было то, что его избрание непременно приведет к войне с Турцией, с которой Габсбурги враждуют [10, p. 119–121]. Французская пропаганда, наоборот, подчеркивала дружеские отношения между Францией и Турцией [8, s. 27]. В таблице достоинств мы видим «Мир с татарами и турками» только у Генриха, Анны и, возможно, у Пяста —

---

[6] Так вопрос об балтийском превосходстве унии Польши и Швеции широко поднимался на выборах 1587 г., по их результатам на трон действительно взойдет швед, принц Сигизмунд, и у его сторонников будут слоганы об Imperium Maris [21, p. 157].

[7] Отметим, что одним из пунктов «программы» шведского кандидата Юхана было именно продолжение войны с Москвой, но шляхта засомневалась в его военных способностях [14, с. 90–92].

опять-таки, никто не знает, какие у Пяста мнения насчет турок, потому что неизвестна личность конкретного кандидата.

Наконец, важно было и то, насколько король был близок к польскому народу: вырос ли он в похожих на польские обычаях, и какие языки он знает.

Первое в таблице достоинств не относится, очевидно, ни к кому кроме Пяста, Анны и… Генриха. Да, профранцузская публицистика постоянно подчеркивала, насколько культура и обычаи Польши и Франции близки, и что Генрих воспитан почти как поляк [16, p. 63]. Вопрос языка также очень важен. Ведь то, насколько король знает язык, определяет то, насколько близок он своему народу и насколько хорошо он может общаться со своими подданными [1, p. 63]. На практике, первые два короля Речи Посполитой так и не выучили польский, но в глазах выборщиков владение языком определенно играло важную роль.

Про Фердинанда в таблице записано, что он знает чешский. Чешский знал и Эрнст, что постоянно подчеркивалось его публицистами [17, s. 78], но это почему-то не записано про него в таблице. Иван IV знает «русинский» (на нем говорило большинство населения Литвы). Кроме того, сенаторы сочли необходимым добавить, что царь Иван не только знает русинский, но еще и обладает варварскими манерами, а также что он жесток, тщеславен и горд[8]. Пяст и Анна, конечно же, знают польский. Что же до Генриха, то тут мы вновь видим свидетельство влияния профранцузской партии, так как у него у единственного в обеих таблицах присутствует оправдание — в таблице достоинств сказано, что он знает только латынь, но легко выучит польский, а в таблице недостатков указано: то, что он знает только латынь, не является проблемой, потому что это язык «международного» общения.

Таблицы Commoda и Incommoda часто рассматриваются как часть работы пропаганды французского кандидата [18, 22], однако это кажется нам не вполне корректным. Учитывая, что таблицы заполнялись на месте путем обсуждения и голосования, можно рассматривать их не столько как пропаганду, сколько как продукт процесса принятия решений среди правящих кругов Речи Посполитой. Таблицы определенно прогенриховские: мы видим не только его достоинства даже там, где, казалось бы, выделиться должен был другой кандидат (как, к примеру, с вопросом

[8] Интересно отметить, что среди публицистов существовала идея, что в случае унии с Россией поляки смогут «цивилизовать» варварский народ [14, с. 89].

о Балтийском море), но и его оправдания в тех случаях, когда приписать ему достоинства не получается (как в вопросе языка). Помимо подчеркивания достоинств Генриха мы видим тотальную оппозицию Габсбургам, у которых минимальное количество достоинств и всевозможные недостатки: это означает, что в обсуждении качеств габсбургских кандидатов все прочие партии объединились в своей оппозиции им, что случится и в 1575 г., и в 1587 г. При попытке найти подходящего альтернативного кандидата, профранцузской партии удалось преподнести своего кандидата так, чтобы он устроил всех. Таким образом, мы видим не прогенриховскую пропаганду саму по себе, а результаты реального процесса принятия решений, и борьбы партий.

Нельзя не заметить некоторую «нечестность», очевидную в самом процессе голосования: раз за достоинства каждого кандидата голосуют, а у Генриха изначально было наибольшая поддержка, очевидно, что он должен получить себе все достоинства. Возможно, именно в связи с этой «нечестностью» мы не находим схожих таблиц для каких-либо последующих выборов Речи Посполитой.

Список источников и литературы

1. *Roşu F.* Elective Monarchy in Transylvania and Poland-Lithuania 1573–1587. Oxford: University Press, 2017. XVI, 221 p.
2. *Butterwick R.* Introduction // Polish-Lithuanian Monarchy in European Context, 1500–1800 / Ed. R. Butterwick. Basingstoke: Palgrave, 2001. P. 1–23.
3. *Frost R.* Oxford History of Poland-Lithuania. Volume 1: The Making of Polish-Lithuanian Union 1385–1569. Oxford: University Press, 2015. 564 p.
4. *Bues A.* The Formation of the Polish-Lithuanian Monarchy in the Sixteenth Century // Polish-Lithuanian Monarchy in European Context, 1500–1800. P. 58–81.
5. *Pietrzyk-Reeves D*. Polish Republican Discourse in the Sixteenth Century / Transl. T. Bałuk-Ulewiczowa. Cambridge: University Press, 2020. 292 p.
6. *Czubek J.* Pisma polityczne z czasów pierwszego bezkrólewia. Kraków: Nak. Akademii Umiejtnoci, 1906. XXXVII, 765 p.
7. HhStA Polen I, 22.
8. *Bues A*. Die habsburgische Kandidatur für den polnischen Thron während des Ersten Interregnums in Polen 1572/73.Wien: VWGÖ (Dissertationen der Universität Wien, Bd. 163), 1984. 362 s.
9. *Halecki O.* Die Beziehungen Habsburger zum Litauischen Hochadel im Zeitalter der Jagellonen // Mitteilungen des Instituts für Österreichische Geschichtsforschung. Bd. XXXVI. Innsbruck, 1915. S. 595–660.

10. *Roberts M.* The Early Vasas. A History of Sweden, 1523–1611. Cambridge: Cambridge University Press, 1968. XIV, 509 p.
11. *Gruszecki S.* Walka o władzę w Rzeczypospolitej Polskiej. Po wygaśnięciu dynastii Jagielonów (1572–1573). Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe (Rozprawy Uniwersytetu Warszawskiego, 36), 1969. 296 p.
12. *Ijäs M.* The Rejected Candidate: John III Vasa, the Polish-Lithuanian Royal Elections (1573/1575) and Early Modern Political Decision-making // Scandinavian Journal of History. Vol. 39. 2014. No. 4. P. 403–424.
13. *Флоря Б.* Иван Грозный. М.: Наука, 1999. 403 с.
14. *Флоря Б.* Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы во второй половине XVI — начале XVII в. М.: Наука, 1978. 300 с.
15. *Serwanski M.* Henryk III Walezu w Polsce. Stosunki polsko-francuskie w latach 1556–1576. Krakow: Wydawnictwo Literackie, 1976. 294 p.
16. *Dubas-Uranowicz E.* Polskie opinie o Henryku Walezym. Oczekiwania a rzeczywistość // Przegląd Historyczny, 81/1–2, 1990. P. 59–73.
17. *Baczkowski K.* Der Polnische Adel und das Haus Österreich // Kaiser Maximilian II.: Kultur und Politik im 16. Jahrhundert / Hg. von F. Edelmayer, A. Kohler. Wien: Verlag für Geschichte und Politik, 1992. S. 70–84.
18. *Odyniec W.* Polskie dominium maris Balitici w XVI i XVII w.: koncepcje i realizacja // Komunikaty Mazursko-Warmińskie. 1995. No. 3. P. 223–232.
19. *Бессуднов Д.* Protectores et conservatores. Ливонская политика Ягеллонов в XVI веке. СПб.: Евразия, 2023. 320 с.
20. *Филюшкин А.* Экономический аспект борьбы за Ливонию в XVI веке: Данные источников и стереотипы историографии // Ученые записки Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. 2019. № 5 (23). С. 1–4.
21. *Lepszy K.* The Union of the Crowns Between Poland and Sweden in 1587 // Poland at the XIth International Congress of Historical Sciences in Stockholm. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1960. P. 155–179.
22. *Harrer K*. Kontingenz und Konvergenz. Heinrich von Valois als Kandidat für den polnisch-litauischen Thron // Beiträge zur Geschichte und Kultur Westeuropas / Hg. von M. Hengerer & D. Mollenhauer. Bd. 2. Hildesheim: Georg Olms Verlag, 2022. S. 5–30.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблицы Commoda и Incommoda воспроизводятся по изданию Яна Чубека (Czubek J. Pisma polityczne z czasów pierwszego bezkrólewia. P. 490–491), перевод автора.

Таблица 1. Competitorum ad regnum commoda

	Честность	**Схожесть обычаев**	**Хорошее образование**	**Уважение к законам**	**Обеспечить мир с турками и татарами**	**Выгода королевству**	**Владычество над морем**	**Отстройка портов**	**Вытеснит варяжское плавание**	**Язык**	**Обеспечит внутренний мир**
Эрнест Габсбург	Да		Да	Да							
Фердинанд Габсбург			Да								
Швед (Юхан III)	Да		Да	Да			Поделено между Швецией и Польшей	Только на наши ресурсы	Нет, из-за договоров с Данией		
Московит (Иван IV)						Обещал вернуть то, что захватил				Да, русинский	
Пяст (польский кандидат)	Да	Да	Неизвестно	Неизвестно	Возможно					Да	
Галл (Генрих Анжуйский)	Да	Да	Да	Да	Да	Да	Да	Да	Да	Да, латынь, может выучить польский	Да
Инфанта (Анна Ягеллонка)	да	да	да	да	да	да	Возможно, если женится на Анжуйском			Да	Да

Таблица 2. Competitorum ad regni Incommoda

Эрнест Габсбург	Фердинанд Габсбург	Швед (Юхан III)	Московит (Иван IV)	Пяст (Польский кандидат)	Галл (Генрих Анжуйский)	Инфанта (Анна Ягеллонка)
Возраст неидеальный	Возраст подходящий, но не идеальный					
Подозрительный	Так же		Так же			
Слишком разные обычаи	Так же	Так же	Так же			
Враждебность к туркам и татарам	Так же	Так же	Так же	Так же возможно		Так же, но это исправится после замужества
А так же к Москве и к Валахии	Так же	Так же	Так же	Так же		Так же, но это исправится после замужества
Нет свободного мореплавания	Так же	В каком-то смысле так же	Так же	Так же		Так же, но это исправится после замужества
Тиран	Так же	Так же, из-за религии	Максимально так же	Так же		
Подавляет свободы	Так же	Так же	Максимально так же	Так же из-за раскола семей		
Убыток для короны	Так же	Так же, потому что оставляет богатства Швеции себе	Так же	Так же		
Не знает нашего языка	Чешский	Латынь	Русинский. Варварские обычаи, жестокость, тщеславие, гордость		Латынь, но это язык, который все понимают	

УДК 94

Панков А.П.
Санкт-Петербургский государственный университет,
Институт истории, студент бакалавриата.
E-mail: ErnstOdowalsky@yandex.ru,
st108867@student.spbu.ru

Разрушение репутации как средство информационной войны: образ Эрнста Петера Мансфельда в памфлете «Acta Mansfeldica»

Аннотация. В статье рассматривается образ полководца Тридцатилетней войны Эрнста Петера Мансфельда, представленный в баварском памфлете «Acta Mansfeldica». В ходе исследования удалось выяснить, что автор стремился дискредитировать Мансфельда как дворянина, доказав его несоответствие ценностным, морально-этическим и профессиональным стандартам, характерным для представителей аристократического сословия.

Ключевые слова: Контрреформация, Тридцатилетняя война, Богемское восстание, Эрнст Петер Мансфельд, Acta Mansfeldica.

Pankov A.P.
Saint Petersburg State University,
Institute of History, Bachelor's Program Student.
E-mail: ErnstOdowalsky@yandex.ru,
st108867@student.spbu.ru

Destroying the Reputation as a Mean of Informational Warfare: The Image of Ernst Peter Mansfeld in the pamphlet «Acta Mansfeldica»

Abstract. The article concerns the image of Ernst Peter Mansfeld, a general of the Thirty Years war which was portrayed in Bavarian pamphlet «Acta Mansfeldica». The research has proven that the author strived to discredit Mansfeld as a nobleman by proving his axiological, moral and professional incompetence to fitting the standards of the aristocratic estate.

Keywords: Counterreformation, Thirty Years' War, Bohemian Revolt, Ernst Peter Mansfeld, «Acta Mansfeldica».

Памфлеты, в немецкой традиции также именуемые «летучими листками» (Flugschriften), представляли собой издания небольшого объёма,

предназначавшиеся для распространения среди широкой аудитории. В годы Тридцатилетней войны этот формат изданий стал излюбленным средством информационной войны, к которому прибегали все участники конфликта.

Спустя два дня после второй Пражской дефенестрации (25 июня 1618 г.) была издана «Апология» восставших, на страницах которой были изложены причины вооружённого выступления богемских сословий и звучал призыв к императору о защите привилегией, дарованных Богемии «Грамотой Величества» [1, s. 1–24]. Противоположная сторона разгоравшегося конфликта отнюдь не игнорировала риторику своих соперников: сам император Матвей Габсбург [2, p. 40–41] и Виллем Славата [2, p. 35–37], один из переживших дефенестрацию вельмож, ответили на неё призывом сложить оружие и красочными свидетельствами жестокости восставших утраквистов.

Одной из значимых вех этого информационного противостояния стала победа католиков в битве на Белой Горе, в результате которой Фридрих V Пфальцский, избранный восставшими сословиями королём Богемии, бежал из Праги со своим двором, оставив неприятелю богатые трофеи. Среди добычи оказалась и канцелярия Христиана Ангальтского — одного из ближайших сторонников Фридриха, занимавшего пост главнокомандующего силами протестантов. Примечательно, что канцелярия попала в руки силам баварского герцога, и именно баварцы заняли одну из ведущих позиций в производстве обличающих протестантов печатных изданий. Немецкий историк Рейнхольд Козер, посвятивший отдельную работу пропагандистской публицистике эпохи Тридцатилетней войны, даёт подробное и фундированное описание баварского подхода к написанию, переводу и изданию основанных на захваченных документах памфлетов [3, s. 1–23].

Беря в расчёт указанные Козером характерные особенности, справедливо считать изданный в 1623 г. памфлет «Acta Mansfeldica», или «Деяния Мансфельдовы», который позиционировался как ответ на изданную в 1622 г. «Апологию» выступавшего на стороне протестантов полководца Эрнста Петера Мансфельда, вполне укладывающимся в основные нарративы, продвигаемые баварским двором, такие как, во-первых, антикальвинизм, во-вторых — отождествление кальвинистов и турок, а также позиционирование кальвинистов как их пособников и союзников, в-третьих — риторика борьбы за мир, порядок и законность в Империи с обозначением кальвинистов как главных разжигателей конфликта [3, s. 8–23]. Примечательно, что, несмотря на свою подчёркнутую направлен-

ность на немецкого читателя, данный памфлет также переводился и издавался на итальянском языке [3, s. 19–20].

Будучи незаконнорожденным сыном губернатора Люксембурга Петера Эрнста фон Мансфельда, Эрнст Мансфельд (1570–1627) с отрочества находился на военной службе, успев принять участие в Долгой Турецкой войне (1593–1604) с 1595 по 1604 гг., осаде Остенде (1601–1604) в 1604 г., а также в конфликте за Клевское наследство (1609–1614), в ходе которого в 1610 г. графский сын самовольно оставил службу дому Габсбургов и перешёл на сторону Евангелической Унии [4, s. 65].

С этого момента Мансфельд стал кондотьером на службе протестантов. Ещё до начала Тридцатилетней войны он уже находился в кругу наиболее радикальных и воинственных противников Габсбургов, таких как упомянутый выше Христиан Ангальтский и савойский герцог Карл Эммануил I, защищал интересы членов Унии в локальных конфликтах, наиболее примечательным из которых является война за Монферратское наследство (1613–1617) между Савойей и Мантуей [4, s. 77–81, 100–102]. Вальтер Крюсманн в своей монографии, посвящённой Мансфельду, указывает на то, что основным мотивом полководца было обретение собственных земельных владений и признание себя в качестве представителя высшей имперской знати [4, s. 86–90]. В этом отношении примечательно отсутствие конфессионального мотива в деятельности Мансфельда: до сих пор доподлинно неизвестно, остался ли он католиком или тайно перешёл в кальвинизм [4, s. 90–98].

«Деяния Мансфельдовы», в свою очередь, представляют собой пространный текст, начинающийся со сведений о юности Мансфельда и начале его полководческой карьеры и оканчивающийся заметкой об оккупации его силами Восточной Фризии, начавшейся в 1623 г. Наиболее подробно анонимным автором описываются события первых лет Тридцатилетней войны, с 1618 по 1622 г., так как именно они освещаются оппонируемой «Апологией» Мансфельда. В эти годы полководец находился на службе богемской сословной Директории (с осени 1619 г. — приглашённому Директорией на богемский престол пфальцграфу Фридриху V). В ходе боевых действий Мансфельд активно эксплуатировал занятые им территории, не стеснялся ставить свои условия перед высшим руководством вплоть до требований о назначении себя на более высокую должность, как в ситуации с гибелью фельдмаршала Колонны фон Фельса. В случае отказа Мансфельд не чурался шантажа, доходя до заявлений о желании покинуть службу и устраниться от боевых действий вместе с подчинёнными себе войсками, как это отчасти и произошло, когда силы

Мансфельда не приняли участия в роковом сражении на Белой Горе [4, s. 187–192, 200–212].

Дальнейшие события, а именно попытки Мансфельда сохранить за собой Пльзень и прилегавшие к нему территории северо-западной Богемии, не увенчались успехом. Не удалось удержать и соседние территории Верхнего Пфальца. В ходе этой борьбы Мансфельд не отказывался от ведения переговоров со своими врагами, что вкупе с фактом потери территорий нанесло полководцу репутационный ущерб и даже поставило под вопрос его лояльность протестантскому делу [5, s. 5]. Ответом на подобные нападки стала изданная в начале 1622 г. «Апология», в которой глава канцелярии Эрнста Петера, представлявшийся читателю под инициалами S.W., выступил в защиту своего командира, сконструировав образ благородного воина и талантливого полководца, никогда не помышлявшего об измене господину и использовавшего переговоры исключительно в качестве военной хитрости. Ход мыслей автора апологии хорошо укладывается в латинское изречение «Dolus an virtus, quis in hoste requirat?» («Кто различит хитрость и доблесть в столкновении с врагом?»). Данный памфлет был издан на нескольких языках, предназначаясь не только для немецкой, но и для зарубежной аудитории, среди которой было немало сочувствовавших Фридриху V кальвинистов [4, s. 337–345].

У Мансфельда и его пфальцского руководства имелись определённые надежды на удачный исход кампании 1622 г., но они не оправдались. 1622 год оказался победоносным для императора и Католической Лиги, а Фридриху V, его сторонникам и союзникам пришлось бежать из Империи, что, впрочем, вовсе не означало конец вооружённого противостояния [6, s. 218–228]. Мансфельд перешёл на голландскую службу, и на момент издания «Деяний Мансфельдовых» продолжал представлять значительную военную угрозу для католических сил. Это, пусть и в ироническом ключе, подчёркивается в данной работе [7, s. 135–136].

«Acta Mansfeldica» обладает ясно прослеживаемой трёхчастной структурой, состоящей из предисловия, основной и заключительной частей. В предисловии автор ставит читателя в известность об издании Мансфельдом своей «Апологии», которая характеризуется анонимом латинским выражением «Vino enim non bono, valde opus est suspense hedera» («Негодное вино нуждается в крайне усердной похвале»), что отсылает к латинской поговорке «Vino vendibili non opus est suspensa hedera» («Вино, имеющее сбыт, в похвале не нуждается») [7, s. 3]. Здесь же автором обозначаются главные преступления Мансфельда, а именно — служба богемским восставшим и опальному «пфальцграфу Фри-

цу», разорение и захват епископства Шпейер и Эльзаса, а также клевета и оскорбление в адрес князей и самого императора, кроющиеся в клеветническом и лживом тексте «Апологии» [7, s. 3]. В предисловии автор также демонстрирует своё намерение описать жизнь Мансфельда с малых лет и «показать, что он за птица» [7, s. 4], уже намекая на его жестокость, трусость и склонность к предательству.

Вторая, основная часть «Acta Mansfeldica», по сути является полемическим ответом на «Апологию» 1622 г. Аноним в первую очередь указывает на статус Эрнста Петера как незаконного сына графа Мансфельда, говоря о несправедливости притязаний графа на фамилию своего отца, отождествляя его с ветхозаветным Измаилом. Этому аргументу соответствует и постоянное указание фамилии Эрнста Петера в форме прилагательного (Mansfelder вместо von Mansfeld), постоянно подчёркивающее неправомерность претензий полководца на эту фамилию [7, s. 5–140].

Освещая ранние этапы военной карьеры Мансфельда, автор подводит итог складыванию его репутации как вождя наёмников, не сдерживаемого никакими принципами, обладателем которых позиционирует его «Апология». Особых подробностей в этом отношении удостаиваются действия Мансфельда в ходе конфликта в герцогстве Юлих-Клеве-Берг, когда тот вероломно перешёл со стороны Габсбургов на сторону Евангелической Унии [7, s. 7–11].

С 1618 г. анонимный автор, продолжая полемику с «Апологией» уже на идеологическом поле, насыщает повествование о Мансфельде дополнительным контекстом, подающимся через призму вышеописанной прокатолической информационной повестки. Богемское восстание подаётся как результат кальвинистского заговора [7, s. 13–15], избрание сословиями Фридриха V трактуется как предательство [7, s. 18–20], а сам Фридрих представляется глупым и недальновидным мятежником, посягавшим не только на богемскую корону, но и на имперский трон [7, s. 18]. В свою очередь, реакция императора Матвея и сменившего его Фердинанда II, в виде наложения имперской опалы на Фридриха V и объявления Мансфельда вне закона [7, s. 31–39], а впоследствии и казней части лидеров восставших [7, s. 94–101], оправдывается автором буквой «Золотой Буллы» и повторяющимся освещением различных злодеяний и злоумышлений жертв императорского правосудия. В конце концов, автор не забывает эксплуатировать страх перед турецкой угрозой, сравнивая кальвинистов с турками [7, s. 111–112].

Однако главной точкой преткновения для анонима всё же остаётся деятельность самого Мансфельда, которую автор, иронически заим-

ствуя риторику своего оппонента, называет «рыцарскими деяниями» (Ritterthaten). Следуя ходу повествования мансфельдовской «Апологии», он излагает уже свою точку зрения на описываемые в «Апологии» события. Так, например, при описании осады Мансфельдом города Пльзень в 1618 г., автор уделяет больше внимания защитникам города и невзгодам, с которыми пришлось столкнуться горожанам после того, как город сдался [7, s. 15–20]. Описание битвы при Заблате, произошедшей в июне 1619 г., и вовсе представляет собой одну большую насмешку над Мансфельдом, и состоит из перечисления деталей, которые, по мнению автора, были искажены автором «Апологии», чтобы сделать хорошую мину при плохой игре [7, s. 22–24]. Рефреном через повествование идёт мотив о пристрастии солдат Мансфельда к грабежу и истязанию мирных жителей. Подобные акты в качестве злой насмешки также именуются автором «рыцарскими деяниями».

Тем не менее, несмотря на должное внимание к боевым действиям, автором «Деяний Мансфельдовых» уделяется куда большее внимание освещению тех событий, которые подорвали авторитет Мансфельда в наибольшей степени, а именно — конфликтам полководца со своим командованием и переговорами с противником, которые имели место сначала в Богемии, а потом — в Верхнем Пфальце. Баварский автор предоставляет сложный анализ мансфельдовской дипломатии, продвигая нарратив об их предательском и двурушническом характере. Аргументация автора позиционируется как обоснованная и подкреплённая соответствующими документами и свидетельствами, что вовсе не беспочвенно.

Наконец, третья и заключительная часть памфлета представляет собой сумму главных тезисов автора «Деяний Мансфельдовых» касательно персоны Мансфельда и его роли в описанных событиях. Эти тезисы вмещают в себя все те черты и особенности, из которых состоит сконструированный автором образ. Наконец, заключение завершается шестнадцатистрочным стихотворением, ещё более кратко и ёмко передающим отношение автора «Деяний Мансфельдовых» к описываемому им персонажу [7, s. 140].

Каковы же составляющие образа Мансфельда в данном источнике? Как уже было указано выше, повествование о «рыцарских деяниях» полководца начинается с утверждения факта незаконнорожденности Мансфельда, и отсутствии у него прав на имя и статус своего отца, что уже ставит Мансфельда в позицию нарушителя закона, так как в той же «Апологии» он называется обладателем как фамилии, так и титулов графской семьи Мансфельдов [5, s. 3]. Таким образом, статус Мансфель-

да превращается в богатую почву для формирования образа человека, сочетающего в себе самые негативные качества и устремления. Аноним подчёркивает, что не только незаконный статус, но и жестокие выходки отпрыска стали серьёзным репутационным бременем для его высокородного отца, заявляя, что уже в юности Эрнст Петер вполне заслуживал высшей меры наказания: «Если же он (что было установлено и стало известно всей люксембургской земле) из-за нескольких совершенных им убийств был бы лишён головы, то в результате подобного решения его старый, благочестивый отец не понёс бы никакого ущерба для своей репутации» [7, s. 6].

Автор не просто ставит под сомнение дворянскую честь и репутацию Мансфельда, но отрицает их состоятельность как таковую, давая понять, что его дальнейшие недостойные деяния следует рассматривать не как случайные эпизоды, результат интриг недоброжелателей или неправильно воспринятую военную хитрость, как это пытается преподнести мансфельдовская «Апология», а как результаты с ранних лет укоренившихся в Мансфельде пороков, таких как жестокость, лживость, трусость и низменное коварство. Как остроумно заметил финский историк Олли Бекстрём, «Деяния Мансфельдовы» не просто обличают конкретные преступления Мансфельда или неприглядные стороны его деятельности, а нацелены на разрушение его репутации в дворянских кругах, доказательство не только его злодеяний, но также личной несостоятельности как представителя немецкого дворянства [8, p. 73]. Соответствует этой задаче и тон автора: аноним описывает «рыцарские деяния» Мансфельда как нечто, вызывающее не столько ужас, сколько презрение. Текст полон едких комментариев и насмешек, игры слов и каламбуров. Например, Мансфельд сравнивается с зайцем [7, s. 23], мышью [7, s. 127] и лисицей [7, s. 71].

Однако, помимо личных особенностей Мансфельда, автор также выступает и против его профессиональных компетенций как военачальника: «В каждом военачальнике (Kriegsoberst) повсеместно считается неотъемлемой добродетелью обладание авторитетом среди своих солдат, дабы те оказывали ему надлежащее уважение и были послушны; также им должна поддерживаться хорошая дисциплина и выучка, без которых нельзя предпринять ничего серьёзного. Оная добродетель так далеко была от нашего Мансфельда, что все годы его военного руководства, при всех князьях и властях, которым он служил, ежедневно получал он жалобы о невыносимой отваге и вольности своих солдат, о бесчеловечных крайностях, поджогах, убийствах, грабеже и воровстве, что сам признал это в своей Апологии, и что было доказано» [7, s. 9].

Полководческие качества Мансфельда также бичуются и высмеиваются в описании автором битвы при Заблате, в которой аноним, со своих собственных слов, лично принимал участие: «Как только подошли валлоны, и едва лишь они начали наступать на мансфельдовскую пехоту, Мансфельд начал готовить весь свой обоз для бегства, в особенности свою казну, к которой приставил своего лейб-корнета в качестве конвоя. Тем временем, Вагенбург был потерян, и пехота, впавшая в беспорядок, укрылась в парке, и Мансфельд первым делом решил проведать свою конницу, и хотя наш генерал, держа пистолет в руке, более восьми раз призывал его грозным кличем “Иди сюда, сын блудницы, иди сюда!”, он не изменил своей привычке и, подняв заячье знамя, далее надеялся лишь встретить свою конницу по дороге на Будвайс…» [7, s. 23]

Таким образом, Мансфельд представляется средоточием всех негативных качеств полководца, прежде всего — трусости и попустительства отсутствию порядка и дисциплины. «<…> Доблестный капитан и кавалер, который никогда, ни одной схватке, ни в ещё меньшем числе битв и сражений, не выстоял, но лишь постоянно оттуда бегал, и, как заправский подлец, скрывался: назовите мне хоть одну стычку, в которой Мансфельд победил [7, s. 137]». Эта цитата из заключения «Деяний Мансфельдовых» хорошо резюмирует статус Мансфельда как полководца в глазах автора: прикрывающийся ложью трус, не выигравший ни одного сражения. Очевидно, что причина отсутствия «полководческой добродетели» Мансфельда, по мнению автора, кроется в его личной непорядочности и бесчестье. В этом отношении он также придерживается суждения «подобное притягивает подобное»: коллектив, возглавляемый бесчестным и непорядочным человеком, в конечном итоге оставляет в своих рядах лишь ему подобных.

В последнюю очередь по порядку, но не по значению, следует коснуться ещё одной составляющей дворянской репутации, в обладании которой автор отказывает Мансфельду. Речь идёт про верность. Именно защита Мансфельда от обвинений в предательских наклонностях являлась главной задачей «Апологии» [5, s. 3], и опровержение аргументов её автора представляла особую важность для создателя «Деяний Мансфельдовых». Обличать предательскую натуру Мансфельда он начинает с его перехода на сторону Бранденбурга в Юлих-Клеве и развивает свою мысль, описывая пльзеньские и верхнепфальцские события, утверждая, что в обоих случаях Мансфельд не просто вступал в переговоры с лигерскими и императорскими силами, не просто договаривался с Бюкуа и Тилли о перемирии, сдаче или отводе своих сил, но открыто, серьёзно и подробно обсуждал свой полный переход на сторону императора

и Лиги [7, s. 88–94], как он уже делал ранее в ходе юлих-клевских событий. «Когда неверному господину служат неверные рабы, нет чуда в этом, ведь он выбирает рабов по своему подобию» [7, s.4], — так аноним характеризует взаимоотношения между Мансфельдом и Фридрихом V. Предательская натура полководца, с его точки зрения, не выделяется на фоне сборища предателей, опальных и преступников, которыми, в его глазах, являются сторонники протестантского дела, по мнению автора заслуживающие не меньшего порицания, чем Мансфельд [7, s. 137]. Служба католика Мансфельда кальвинистам трактуется анонимом как ещё одна форма предательства. В заключении он называет Мансфельда «отпавшим от веры» [7, s. 140], ранее описав многочисленные случаи разорения церквей и расправ над католическими священнослужителями, совершённые войсками Мансфельда и его соратников вроде того же Христиана Брауншвейгского.

Параллельно нарративу о нелояльности Мансфельда автор также тщательно подсвечивает его конфликты со своими соратниками и руководством. В этом отношении отдельного внимания заслуживает описание автором попыток Мансфельда добиться фельдмаршальской должности, вылившихся в конечном итоге в самоустранение Мансфельда от участия в битве на Белой Горе. Автор, пользуясь доступом к трофейной протестантской корреспонденции, делится описанием переписки Мансфельда и Христиана Ангальтского перед белогорским сражением, в которой первый упорно требовал назначения себя на фельдмаршальскую должность в обмен на участие своих сил в предстоящей битве [7, s. 71–72].

Таким образом, персона Эрнста Петера Мансфельда в «Деяниях» низводится до не имеющего наследных прав, лишённого моральных принципов и христианского благочестия, некомпетентного, и вместе с тем чрезмерно горделивого профана и «пропащего бандита» [7, s. 136], недостойного считаться частью немецкого дворянства. Безусловно, данный текст может справедливо считаться наиболее прямолинейным в своей предвзятости по отношению к Мансфельду, и требует критического подхода от исследователя, но вместе с этим он представляет собой яркий пример живой и колкой обличительной риторики. Следование конкретной информационной повестке, трансляция своего представления об актуальных событиях, немедленный ответ на попытки распространить обратную точку зрения посредством жёсткой критики и последовательного, по возможности основанного на неопровержимых доказательствах обличения оппонента, формируют характерные особенности памфлетной литературы эпохи Тридцатилетней войны.

Список источников и литературы

1. *Milhausen P.M. von.* Apologia, Oder Entschuldigungs-Schrifft, Aus was für vnvermeidlichen vrsachen, alle Drey Stände des löblichen Königreichs Bohaimb Sub Vtraque, ein Defensionwerck anstellen müssen. 1618. 24 s.
2. *Wilson P.H.* The Thirty Years War: A Sourcebook. Houndmills, Basingstoke, Hampshire; New York: Palgrave Macmillan, 2010. 350 p.
3. *Koser R.* Der Kanzleistreit. Ein Beitrag zur Quellenkunde der Geschichte des dreissigjährigen Krieges. Halle: Hermann Gesenius, 1874. 88 s.
4. *Krüssman W.* Ernst von Mansfeld (1580–1626). Berlin: Duncker & Humblot, 2010. 707 s.
5. S.W. Relation deren Geschichten, Ritterlichen Thaten vnd Kriegß-handlung: So Herr Ernst Graff zu Manßfeldt <…> General einer Armada in Teutschlandt auff Chur Pfaltz Seiten, in seinen hohen tragenden Kriegsämptern verrichtet, vnd mit seinem vnderhabenden Kriegsvolck ins Werck gesetzt. Nemblich Anno 1618 biß jetzige Zeit in Anno 1622. 1622. 78 s.
6. *Schmidt G.* Die Reiter der Apokalypse: Geschichte des Dreißigjährigen Krieges. München: Beck, 2018. 810 s.
7. Acta Mansfeldica. Ernsten Mansfelders Leben unnd Ritterthaten. 1623. 140 s.
8. *Bäckström O.* The German Military Entrepreneur Ernst von Mansfeld and His Conduct of Asymmetrical Warfare in the Thirty Years War. Helsinki: University of Helsinki Press, 2011. 94 p.

УДК 94

Ерунов М.К.
Санкт-Петербургский государственный университет,
Институт истории, студент магистратуры.
E-mail: castelnau1651@gmail.com,
st096334@student.spbu.ru

Верность и вероломство: образы героя и антигероя в «Путевых записках» Томаса Карве

Аннотация. Статья посвящена анализу «героики» в произведении ирландского священника и литератора XVII в. Томаса Карве «Путевые записки». Выявляются архетипы положительного и отрицательного персонажей, анализируются средства и способы их формирования. Автор делает вывод о причинах соответствующей расстановки акцентов и о значении «героики» для повествования Карве в контексте дидактики, заложенной им в текст.

Ключевые слова: Томас Карве, «Путевые записки», Уолтер Батлер, Альбрехт фон Валленштейн, Тридцатилетняя война.

Erunov M.K.
Saint Petersburg State University,
Institute of History, Master's Program Student.
E-mail: castelnau1651@gmail.com,
st096334@student.spbu.ru

Loyalty and Treachery: Images of a Hero and an Antihero in Thomas Carve's «The Travel Itinerary»

Abstract. The article is devoted to the analysis of "heroics" in "The Travel Itinerary" by the 17th century Irish priest and writer Thomas Carve. The author identifies the archetypes of positive and negative characters and examines the methods and techniques used to form them. The author draws conclusions about the reasons for the corresponding emphasis and the significance of "heroics" for Carve's narrative within the context of the didactic principles he embedded in the text.

Keywords: Thomas Carve, "The Travel Itinerary", Walter Butler, Albrecht von Wallenstein, the Thirty Years' War.

На страницах своего произведения «Путевые записки» (Майнц, 1640) ирландский священник и литератор Томас Карве уделяет огромное внимание описанию биографий и деяний различных персонажей Тридца-

тилетней войны, пышными фразами некоторых из них превращая в эпических героев, а некоторых низводя до самых глубин позора. Вообще стоит сказать, что феномен героизации в эпоху барокко в историографии обсуждается достаточно широко и представляет собой многогранную проблему: среди наиболее полных и фундаментальных работ по этой теме необходимо отметить «Барочный героизм» Мартина Дисселькампа, системно проанализировавшего механизмы создания героического образа XVII в. в произведениях искусства и научных трудах [1, s. 1–23]. С его точки зрения, создание образа героя, как одна из главных задач творческой деятельности эпохи барокко, является связующим фактором между ней и властью, а интеллектуальное самовосприятие было неотделимо от героизма — процесс разделения начался лишь в эпоху Просвещения. Интересный взгляд на проблему предложил Рональд Аш в своей книге «Осень героев: модели героизма и героические представления в Англии и Франции от Религиозных войн до эпохи Просвещения» [2, s. 135–144]. С его точки зрения, структура и содержание героизма со времен Ренессанса не изменились, однако усилилась энергетика его выражения и проявления — сам образ героя стал ярче и рельефнее. Тем не менее, в данной статье мы не станем встраивать «героику» Томаса Карве в контекст данной дискуссии; наша задача — проанализировать образы исторических персонажей на страницах «Путевых записок» и выявить архетипы героя и антигероя произведения в контексте дидактики автора и выражения его представлений о зле и добродетели.

Акцент, который автор делает на личностях, объясняется, на наш взгляд, несколькими факторами. Во-первых, для человека эпохи раннего барокко в целом характерно желание приблизить себя в сознании современников и потомков к основным акторам грандиозных событий, происходящих вокруг него — через получение аффекции у сильных мира сего происходит репрезентация личной и сословной чести, попытка вписать самого себя в контекст истории. Во-вторых, дидактический замысел, заложенный Карве в произведение, был бы неполным без ярких и запоминающихся портретов и биографий исторических персонажей, предстающих перед читателем — описание деяний благородных героев и коварства вероломных злодеев является одним из наиболее доступных и эффективных авторских инструментов для донесения до читателя понятий о добре и зле. В-третьих, личности его ближайших друзей и патронов, а по совместительству центральных персонажей «Путевых записок» — Уолтера Батлера [3] и Уолтера Деверу [4] — в результате участия в эгерских событиях 25 февраля 1634 г. могли приобрести противоречи-

вую репутацию, что категорически не устраивало многим им обязанного и искренне преданного Карве.

Описание воинских подвигов сэра Уолтера Батлера служит своеобразной эпитафией недавно почившему герою и последней данью уважения Карве своему другу и покровителю. Впервые Батлер предстает героем при обороне от шведских войск Франкфурта-на-Одере; само описание этого сражения построено вокруг противопоставления нерадивости имперского командования и солдат честной доблести наемных ирландцев. Батлер выступает единственным человеком чести из всех офицеров гарнизона, равно как его полк оказывается единственной боеспособной единицей. В этой антитезе прослеживается ряд чрезвычайно важных для Карве критериев образа героя, которые мы объединим под собирательным термином «солдатские добродетели»: верность своему долгу, честное несение службы, храбрость, стойкость и ответственность. Тем не менее, именно ирландцы, честно и до последнего исполнившие свой долг, становятся в итоге жертвами клеветы и зависти: «Герберштейн, чтобы оправдать себя, отправил несколько курьеров, которые возложили всю вину за поражение на доброго Батлера и утверждали, что враг ворвался в город через его позиции» [5, s. 61]. Батлер получил в сражении тяжелое ранение и попал в плен к шведам, причем, по свидетельству Карве, сам шведский король отдал должное стойкости и храбрости ирландцев и их командира [5, s. 60–61]. В описанном фрагменте прослеживается метод, которым Карве пользуется для героизации своего друга и патрона, а именно формирование положительного образа через аффекцию у общепризнанного великого героя, в роли которого в данном случае выступает Густав Адольф. Тот факт, что Батлеру отдает должное его достойнейший противник, безусловный носитель доблестей и венценосная особа, делает несостоятельными все попытки клеветать на него и опорочить его доброе имя; именно таким образом, предоставив личное письменное свидетельство шведского короля и выпущенную во Франкфурте брошюру [6, s. 62], Батлер спасся от бесчестья несколько месяцев спустя и заставил клеветников принести извинения.

Сталкиваясь с клеветой, Батлер не экстраполирует низкие поступки имперских военачальников на императора — напротив, его главной целью становится оправдаться перед введенным в заблуждение Фердинандом и доказать ему свою невиновность. При втором пребывании Валленштейна в должности командующего императорской армией полковник Батлер стал пользоваться его высоким доверием, однако многочисленные милости и посулы, которыми осыпал Валленштейн Батлера, не смогли

отвратить преданного солдата от данной им присяги [5, s. 82–83]. Батлер искренне предан Фердинанду; эту преданность он сохраняет на протяжении всей своей службы у Валленштейна, пренебрегая многочисленными посулами и соблазнами. Верность Австрийскому дому в конце концов приводит его в стан заговорщиков, и при этом нельзя сказать, что в Батлере вообще происходит какой-либо перелом — его участие в заговоре вполне логично вписывается в контекст его верной службы императору, а тема возможной лояльности Валленштейну умело обойдена стороной [5, s. 83]. После убийства опального генералиссимуса преданность героя была вознаграждена по заслугам, причем из текста заметно, что автор ставит личную признательность императора Батлеру выше официального признания его заслуг — все вопросы, касающиеся титулов, земельных и денежных пожалований, то есть вполне материальных ценностей, отодвинуты им на последнее место в списке императорских подарков и как бы завершают собой картину того, в чем выразилась благодарность Австрийского дома человеку, устранившему опасного Фридландца [5, s. 101–102]. Это вполне вписывается в идею обретения чести через аффекцию у венценосной особы, на которую мы уже указывали выше, но применительно к другому монарху; демонстрация личного благоволения императора по отношению к Батлеру и его близость к Австрийскому дому резко поднимает престиж и статус героя в тексте Карве. Смерть героя в «Путевых записках» достойна жизни героя: раненый в бою, Батлер умер как добрый христианин, причастившись к Святым Тайнам. Особое внимание Карве уделяет тому, как новопреставленный полковник распорядился своим имуществом [5, s. 54–55]. Мы склонны считать, что автор, акцентируя внимание на завещании Батлера, преследует две цели: во-первых, показать его щедрость и бескорыстие его службы императору, а во-вторых, продемонстрировать его приверженность католической вере: значительную часть средств Батлер завещал различным церковным институциям и отдельным священнослужителям. Вне всякого сомнения, мы видим перед собой достойную смерть славного воина и верного слуги императора и Церкви, последняя воля которого, в глазах автора, столь же благородна, сколь был благороден при жизни ее носитель.

Очень многое в тексте Карве строится на противопоставлении, да и вообще авторские акценты в произведении достаточно четкие, почти без полутонов. Образ Батлера начисто лишен всех спорных оттенков, а противоречивые эпизоды его биографии старательно завуалированы и сведены к единой связной линии беспорочной службы у императора. Отсюда можно совершенно логично предположить, что образ Валлен-

штейна в «Путевых записках» являет собой квинтэссенцию авторских представлений о зле и пороке, своего рода назидательный антипример. Прежде чем мы перейдем непосредственно к анализу образа Валленштейна в «Путевых записках», необходимо отметить, что «валленштейновский вопрос» является, пожалуй, одним из самых острых и противоречивых сюжетов первой половины XVII в., и диапазон оценок историков здесь варьируется чрезвычайно широко: от обвинений в предательстве и посягательстве на узурпацию власти до сожалений о нереализованной германской мечте и герое, который мог бы положить конец войне. Среди крупнейших работ по данной теме стоит отметить труды «Валленштейн. Биография» Хельмута Дивальда, «Конец Валленштейна» Генриха фон Зирбика и «Валленштейн: его жизнь» Голо Манна. Из трех названных фамилий Зирбик наиболее тенденциозен в своих суждениях: для него Валленштейн — это не только один из лучших генералов Империи, но и выдающийся политик, чья идея примирения с протестантами могла бы приблизить окончание войны. Заговор против императора, равно как и виновность Валленштейна в предательстве, он считает недоказанными; таким образом, перед нами портрет оболганного деятеля, ставшего жертвой корысти, зависти и недальновидности, а впоследствии — еще и посмертно очерненного [6, s. 343–355]. Труд Хельмута Дивальда многими считается наиболее фундаментальной и полной работой о Валленштейне; на обширном фактическом материале автор прослеживает путь и карьеру героя в рамках сословного общества. При том, что герцог Фридландский предстает перед нами в достаточно положительном свете, автор избегает чрезмерно громких суждений: отдавая должное талантам и заслугам героя, он не стремится вывести из него недопонятого гения [7, s. 533–544]. Книга Голо Манна стоит, пожалуй, некоторым особняком в ряду себе подобных. Автор подошел к рассмотрению образа генералиссимуса, представив на суд читателя первый опыт историко-антропологической реконструкции в контексте «валленштейновского вопроса». Выводя далекоидущие причины неизбежной конфронтации Валленштейна с императором, Манн считает необоснованными обвинения его в заговоре или, тем более, попытках узурпации власти, а стремление к примирению обосновывает, прежде всего, личными причинами [8, s. 586].

Томас Карве начинает знакомство с генералиссимусом издалека, причем точкой отсчета служит богемский мятеж, а о предшествовавших годах жизни Валленштейна упоминается лишь то, что он «знатный богемец». За исключением нескольких почти анекдотических эпизодов [5, s. 68–70], история возвышения Валленштейна описывается Карве очень

сжато: «Чем больше он служил и проявлял верность Его Императорскому Величеству, тем более щедро его награждали, и в дополнение к высшим почестям он приобрел большие богатства, в том числе взял в жены вдову одного венгерского князя (имеется в виду Лукреция фон Ландек, хотя их свадьба состоялась задолго до прибытия Валленштейна в Вену — *М.Е.*), которая вскоре отошла от него в мир иной, но поскольку у нее не было законных наследников, она завещала ему все свои имения и владения» [5, s. 70]. Валленштейн с успехом реализует свои таланты и умения, достигая все новых и новых высот — в том числе, поста главнокомандующего имперской армией, титула князя Фридландского и права участия в монетном консорциуме: «Этими и другими способами Валленштейн смог достичь такого положения, достатка и престижа, что, с разрешения курфюрстов и князей империи, получил в общее командование всю имперскую армию. При этом он вел себя настолько достойно, что не только подавил вспышку ненависти к Австрийскому дому со стороны нескольких отдельных князей, но и заставил короля Дании и его союзников примириться с Его Императорским Величеством по ряду вопросов. За это он получил княжество Фридланд и право чеканить золотые и серебряные монеты» [5, s. 70–71]. Такова в тексте Карве история взлета Валленштейна; очевидно, что на этом этапе он пока еще не антигерой: он честно несет службу императору, в семейных и хозяйственных делах ему досталась совершенно блестящая партия, а его собственные таланты употребляются во благо Империи с большим успехом. И именно отсюда, с вершины славы, начинается процесс его растления и падения: «Но столь скорое возвышение наполнило его сердце смрадным, надменным высокомерием… <…> Со временем он стал ненавистен князьям из-за своего крайне честолюбивого нрава настолько, что его не только не любил ни один князь, но и ненавидел простой люд: однако он шел впереди всех большими шагами и стремился, тайно или открыто, словами или оружием, привлечь к себе умы князей и одолеть их» [5, s. 71–72].

Отставка генералиссимуса в 1630 г. воспринимается Карве неоднозначно: несмотря на то, что Валленштейн в его глазах уже начал свое падение, он считает уступку князьям критической ошибкой императора. Итогом этого решения стал ряд тяжелых поражений имперской армии, а сам Фердинанд, поставленный в критическое положение, оказался вынужден просить Валленштейна вернуться, идя ему на всяческие уступки. С момента начала второго генералата в 1632 г. Карве впервые упоминает о назревающем заговоре Валленштейна, и совершенно открыто пишет о претензиях его на богемскую корону, якобы сформированных

предсказанием астролога [5, s. 76–77]. Это предсказание видится Карве своеобразным моментом перелома, потому что сразу же после него Валленштейн перешел к активным действиям, выстроив многоходовый план оправдания своих будущих решений [5, s. 77–78]. К зиме 1633–1634 гг. он окончательно превратился в открытого врага Фердинанда, и эгерские события февраля 1634 г., подробно описанные Карве, выглядят закономерной карой предателю. Попытки выставить себя защитником Империи и щедрыми посулами склонить на свою сторону Батлера, Гордона и Лесли не увенчались успехом — те сохранили верность императору, взяли дело в свои руки и осуществили справедливое возмездие [5, s. 91–100].

История взлета и падения Валленштейна служит назидательным примером для имперских командующих и князей, равно как и для всех читателей «Путевых записок». Демонстрируя пагубность гордыни и тщеславия, Карве изображает блестящий путь верного слуги императора к вершинам славы и влияния, последующее растление его души перед лицом материальных и нематериальных благ, пагубное увлечение астрологией, дерзкий замысел заполучить то, что не позволено Богом, и, как логичный итог — всеобщее презрение и бесславную смерть. Карве пишет: «О, как блаженствовал бы Альбрехт фон Валленштейн, если бы захотел лишь удовлетвориться своим счастьем! Тогда Господь и сама природа, а вместе с ними гордая Фортуна наградили его такими высокими и прекрасными милостями и дарами, что с ним не мог сравниться ни один человек в Европе. В военном деле он был исключительно искусен, чем и снискал расположение императора. Он не испытывал недостатка в богатстве, ибо имел такое изобилие денег и ценностей, которое приводило весь мир в изумление и будоражило умы князей» [5, s. 83–84]. Автор уверен: ограничься Валленштейн своим счастьем, продолжи он верно служить императору вместо того, чтобы верить шарлатану и грезить о королевском скипетре — и он навечно остался бы одним из величайших героев Империи. Таланты, слава, богатство и влияние оказались уничтожены в одночасье неверностью и предательством, и это феноменальное падение с самых невероятных высот до самых презренных глубин Карве назидательно живописует всем своим современникам: «Так предатель императора, опозоривший весь мир, поплатился за свои прегрешения бесславной смертью по справедливому Божьему приговору. Вы же, князья и полководцы, остерегайтесь идти по его стопам, дабы не получить подобной награды» [5, s. 99–100]. Развивая свой нравоучительный посыл, Карве приводит тексты 5 эпитафий, появившихся после смерти Валленштейна: немецкую, испанскую, две итальянских и фран-

цузскую [5, s. 105–114]. Если немецкая и итальянские эпитафии не представляют особого интереса, лишь осуждая предательство и вероломство Фридландца, то испанская содержит достаточно любопытные сведения: впервые в тексте Карве за спиной Валленштейна появляется образ подстрекателя, толкнувшего его на предательство и восстановившего против своего императора. Этим подстрекателем является ни кто иной, как всесильный французский первый министр — кардинал Ришелье [5, s. 106–110]. Французская эпитафия подтверждает высказанные в испанской тезисы о причастности французов к заговору и выставляет Валленштейна невинно убиенным спасителем Фердинанда и Империи, жертвой императорских амбиций и стремления к единоличной власти [5, s. 114].

Подведем итоги и суммируем основные черты героического и антигероического архетипов Томаса Карве. Прежде всего отметим, что его «героика» всецело подчинена замыслу произведения: с целью большей наглядности и контраста авторские акценты существенно поляризованы и местами доведены до чрезвычайной остроты. В образах персонажей ясно прослеживается дидактический аспект текста.

Герой Карве — доблестный воин и верный слуга императора, честный рыцарь и инициативный офицер, ревностный в вере, храбрый и заботливый по отношению к своим солдатам. Он тверд и последователен в своих решениях, а в критических ситуациях его добродетели направляют его руку, не позволяя колебаться и поддаваться многочисленным соблазнам. Главнейшим и важнейшим критерием героизации для Карве является беззаветная преданность героя своему монарху: без этого основополагающего столпа образ героя неизбежно рушится, несмотря на все прочие добродетели. Для героизации Батлера Карве прибегает к акцентированию внимания читателя на знаках внимания и милостях, оказанных ему венценосными особами — как его императором, так и его благородным противником, королем Густавом Адольфом. Через демонстрацию аффекции среди сильных мира сего Карве создает портрет практически эпического персонажа, причастного к величайшим событиям и приближенного к величайшим деятелям своего времени; подобное признание заслуг выглядит в глазах автора куда более существенным и почетным, чем материальные награды. Смерть Батлера достойна его жизни; он умер добрым католиком, оплакиваемый друзьями и товарищами по оружию, и оставил память о себе как о доблестном офицере, честном солдате и верном слуге императора — каковым его и обессмертил в своем произведении Томас Карве.

Антигерой «Путевых записок» слаб духом: он подвержен корысти и стяжательству, он ищет сил и утешения не в Боге и долге, а в хироман-

тии и вине, но что хуже всего — он способен пойти на предательство ради земных, низменных целей и собственного высокомерия. На примере Валленштейна мы ярко видим, что героя в антигероя превращает один лишь неверный шаг, направленный против своего законного монарха. Предательство и вероломство пересилили собой все таланты, ум, богатство и связи генералиссимуса, приведя его к бесславному падению и вечному позору, а его предыдущая верная служба императору не только не оправдывает его, но напротив — лишь подливает масла в огонь. В отличие от Батлера, в Валленштейне происходит перелом, падение с вершины славы во тьму. Если Батлер всю жизнь оставался и умер добрым католиком, то Валленштейн увлекся хиромантией и астрологией, поверив в нелепые предсказания астролога-проходимца. Батлера уважают как храброго солдата и умелого офицера все, даже враги; тем не менее, оказавшись в шведском плену, он благосклонно принял знаки внимания Густава Адольфа, но даже не помыслил о предательстве, в то время как Валленштейн ради своих целей начал вести переговоры с врагами. И наконец, если Батлер завещал львиную долю своего имущества Церкви и духовным лицам, то Валленштейн погряз в корысти и стяжательстве, еще при жизни окружив себя небывалой роскошью, а потом лишившись всего этого в одночасье. На этом противопоставлении выстраивается героика Уолтера Батлера: организовав убийство герцога Фридландского, он не только спас Империю и Фердинанда, но и восстановил справедливость, выступив в роли карающего меча божественного правосудия.

Список источников и литературы

1. *Disselkamp M.* Barockheroismus: Konzeptionen politischer Größe in Literatur und Traktatistik des 17. Jahrhunderts. Tubingen: Niemeyer, 2002. 455 s.
2. *Asch R.G.* Herbst des Helden: Modelle des Heroischen undheroische Lebensentwürfe in England und Frankreich von den Religionskriegen bis zum Zeitalter der Aufklärung. Wurzburg: Ergon-Verlag, 2016. 176 s.
3. *Warlich B.* Butler [Buttler, Buttlar, Büttler, Puttler, Budler, Budtler, Buteler] von Ballinskill Castle, Walter Graf von. [Электронный ресурс] // Der Dreißigjährige Krieg in Selbstzeugnissen, Chroniken und Berichten. 2017. URL: https://www.30jaehrigerkrieg.de/butler-buttler-buttler-puttler-budler-budtler-walter-graf-von/ (дата обращения: 15.10.2025).
4. *Warlich B.* Deveroux [Deverock, Deureux, Deudreux, Deberoix, Deueriz, Ebrox, de Ebrox, Ebronx], Walter. [Электронный ресурс] // Der Dreißigjährige Krieg in Selbstzeugnissen, Chroniken und Berichten. 2021. URL: https://

www.30jaehrigerkrieg.de/deveroux-deverock-deureux-deudreux-deberoix-deueriz-ebrox-de-ebrox-ebronx-walter/ (дата обращения: 15.10.2025).

5. *Carve T.* Reyßbüchlein deß Ehrwürdigen Herrn Thomae Carve Irrländers, deß Edlen Gestrengen Walteri Deveroux, Kays. May. Wohlbestelten Obristen, Feldt-Caplans. Darinnen allerley glaub- und denckwürdige Historien und Kriegsverlauff vom Jahr 1630. biß 1638. verfasset, sonderlich aber die Ritterliche Thatten Butleri, Gordon, Lesly, und anderer. Mainz: Nicolaus Heyll, Ioan Balthasar Kuntz, 1640. [Электронный ресурс] // Münchener DigitalisierungsCentrum Digitale Biblothek. 372 s. URL: https://www.digitale-sammlungen.de/en/view/bsb10466538?page=,1 (дата обращения: 15.10.2025).
6. *Srbik H.R. von.* Wallensteins Ende: Ursachen, Verlauf und Folgen der Katastrophe. Wien: Seidel und Sohn, 1920. 432 s. [Электронный ресурс] // Internet Archive. URL: https://archive.org/details/srbik-wallensteins-ende/page/n5/mode/2up (дата обращения: 15.10.2025).
7. *Diwald H.* Wallenstein: eine Biographie. München: Bechtle, 1969. 555 s.
8. *Mann G.* Wallenstein. Sein Leben erzählt von Golo Mann. Frankfurt/Main: Ficher, 1971. 1382 s.

УДК 94(430)

Гафуров С.О.
Казанский (Приволжский) Федеральный университет,
Институт международных отношений, аспирант.
E-mail: maiasters@mail.ru

«Живым или мертвым»: место «Анналов» Кевенхюллера в дискуссии об убийстве Валленштейна в середине XIX в.

Аннотация. В статье прослеживается дискуссия середины XIX в. вокруг «Анналов Фердинанда» Франца Кристофа Кевенхюллера (1588–1650) — ключевого источника об убийстве Валленштейна. Анализируется, как формулировка «живым или мертвым» стала предметом политизированного спора между историками, который завершился ее критическим переосмыслением и выводами о труде Кевенхюллера.

Ключевые слова: Фердинанд II Габсбург, Австрийский дом, Анналы Фердинанда, Франц Кристоф Кевенхюллер, Леопольд фон Ранке.

Gafurov S.O.
Kazan Federal University,
Institute of International Relations, Postgraduate Student.
E-mail: maiasters@mail.ru

«Alive or Dead»—the Place of Kevenhüller's «Annals» in the Mid-19th Century Debate on Wallenstein's Assassination

Abstract. This article examines the mid-19th century debate surrounding Franz Christoph Kevenhüller's (1588–1650) "Annals of Ferdinand", a key source on the assassination of Wallenstein. It analyzes how the phrase "alive or dead" became the focus of a politicized dispute among historians, which ultimately led to a critical re-evaluation of this formulation and to new conclusions about Kevenhüller's work.

Keywords: Ferdinand II Habsburg, House of Austria, Annals of Ferdinand, Franz Christoph Kevenhüller, Leopold von Ranke.

С момента публикации в 1799 г. пьеса «Валленштейн» была сразу признана величайшим произведением Фридриха Шиллера и шедевром немецкой литературы [1, p. 86]. Драма использовалась для мобилизации патриотических чувств в период Наполеоновских войн, ее исполняли

в исторические годовщины, а тексты адаптировались для критики власти вплоть до Революции 1848 г. [1, p. 92–93]. В это время исторический образ Тридцатилетней войны стал приобретать черты конфликта за национальное объединение, в котором полководец императорской армии Альбрехт фон Валленштейн зачастую интерпретировался как харизматичный лидер, который выражал стремление к национальному единству Германии [2, с. 14–15; 1, p. 64–66].

Оживленные дискуссии о личности главного героя и об исторической достоверности произведения оказали большое влияние на историографию [1, p. 86–87]. Рецепция образа Валленштейна в XIX в. раскололась по линии двух ключевых политических проектов того времени — «великогерманского» и «малогерманского». Австрийские историки, как например, Фридрих фон Хуртер (1787–1865) и Онно Клопп (1822–1903) использовали патриотический образ Валленштейна, заимствованный у Шиллера, однако испытывали трудности с его интеграцией в свой пантеон героев из-за его измены императору [1, p. 114–117]. В то же время протестантские и прусские историки видели в Валленштейне жертву габсбургско-католического деспотизма и провозвестника немецкого национального единства [1, p. 120–122]. Например, будущий депутат прусской палаты представителей из национал-либеральной партии Рихард Рёпель (1808–1893) подчеркивал, что убийство Валленштейна, сраженного без суда и следствия, являлось ничем иным как «политическим убийством» (ein politischer Mord) [3, s. 303].

К началу XIX в. понятие «политического убийства» утвердилось как предмет не только нравственной, но и правовой и публичной дискуссии. Так, известный просветитель Эмер де Ваттель в труде «Право народов» (1758) писал: «Я называю убийством-покушением (assassination) вероломное убийство, совершаемое предательским образом <…> [убийство] позорно и отвратительно как для исполнителя, так и для того, кто его приказал осуществить» [4, p. 559]. «Государь, который прибегает к столь отвратительным средствам, должен рассматриваться как враг рода человеческого» [4, p. 562].

Интерес к теме политических убийств подогревался резонансными событиями в Германии. Так, убийство известного консервативного публициста Августа фон Коцебу в марте 1819 г. вызвало вал газетных репортажей, памфлетов, судебных отчетов, которые печатались в крупных литературных изданиях и широко распространялись [5, p. 290–300].

В период с 30-х по 60-е гг. XIX в. на фоне разрастания дебатов о будущем Германии интерпретации Валленштейна стали еще более

политизированными. «Великогерманские» историки резко осуждали Валленштейна как изменника, оправдывая императора Фердинанда II. «Малогерманские», напротив, видели в его конфликте с Габсбургами упущенный Австрией шанс возглавить объединение Германии, миссию, которую отныне должна завершить Пруссия [1, p. 125–128]. Убийство Валленштейна по приказу императора для прусских историков отражало не только преступное действие императора по отношению к своему полководцу, принесшему множество побед над иностранными силами, но и решительный отказ императорской власти объединить немецкий народ.

Шиллер отразил императорский приказ на убийство Валленштейна через героя своей драмы, полковника валленштейновской армии Вальтера Бутлера: «Изволил император приказать живым иль мертвым Фридланда представить» (Es ist des Kaisers Will' und Ordonnanz den Friedland lebend oder todt zu fahen) [6, s. 320]. Вокруг формулировки «живым или мертвым» вскоре разгорелся спор, фигурантом которого стал императорский посол и придворный эпохи Тридцатилетней войны Франц Кристоф Кевенхюллер. Двенадцатитомные «Анналы Фердинанда» Кевенхюллера были для Шиллера важным источником для написания собственных трудов [7, с. 203]. Обращение к персоне Кевенхюллера было вызвано спором о подлинности императорского приказа, который вновь возымел политический вес через полтора столетия, ведь на кону стояла репутация Австрийского императорского дома и в определенной степени всего великогерманского проекта. Это побудило немецких историков обратиться к источниковедческому анализу фрагмента «Анналов», освещающих события последних недель жизни Валленштейна.

Франц Кристоф Кевенхюллер (1588–1650) был представителем знатного протестантского рода из Каринтии. В молодости он перешел в католицизм, что открыло ему путь к дальнейшему карьерному росту при дворе эрцгерцога Фердинанда II [8, s. 8–10]. В 1617 г. Кевенхюллер был направлен послом в Испанию, где начал работать над первыми крупными историческими трудами, используя дневниковые записи и материалы политических переговоров [8, s. 10]. На создание этих трудов он потратил огромные силы, активно сотрудничал с влиятельными людьми и нанимал агентов для поиска новых источников информации [9, s. 50; 10, s. 70]. Сразу после убийства Валленштейна Кевенхюллер 15 марта 1634 г. получает официальный доступ ко всем материалам императорской канцелярии «для завершения начатой им работы» [11, s. XLV]. Текст «Анналов» был завершен к 1636 г. и первые 9 томов были изданы в 1640–1646 гг.

[12, s. 115]. События, связанные с убийством Валленштейна, нашли отражение в 12-м томе «Анналов», который был впервые опубликован лишь в 1726 г.

В труде Кевенхюллера сюжет о гибели Валленштейна, занявший 55 страниц 12-го тома, был центральным в описании произошедшего в 1634 г. [13, s. 1110–1165]. Автор «Анналов» прямо не взваливал ответственность за убийство герцога на императора, сообщая, что военные «получили приказ» (Kriegs-Commendanten Befehl aufgetragen). Содержание приказа в тексте помечается как цитирование: «чтобы они всеми возможными способами и средствами в тюремное заключение и в подобное безопасное место доставили его — Фридланда, а также его главных сторонников <…> чтобы он был заслушан и мог защитить себя и оправдаться (genugsam defendiren und purgiren möge) по всему этому, или же овладеть им живым или мертвым (oder doch sich seiner lebendig, oder tod zu bemächtigen) [13, s. 1146].

Формулировка «живым или мертвым» в разных вариациях (например, нем. «tot oder lebendig», фр. «morts ou vifs», англ. «dead or alive») достаточно часто использовалась в XVI–XVII вв. для объявления кого-либо вне закона [14, s. 197; 15, p. 193, 202]. Сразу после убийства Валленштейна «по особому приказу» императора иезуит Альберт Курц (1600–1671) опубликовал большой отчет об «отвратительной измене» герцога, который в последующем историки именовали сокращенно «Основательный отчет» (grundliche Bericht) [16]. Текст также вышел в латинском варианте под авторством Иоганна Путца (1595–1660). В данном источнике слово в слово совпадал фрагмент с упоминанием о приказе императора взять Валленштейна «живым или мертвым», что было важным доказательством утверждения о несамостоятельном характере сообщений «Анналов» для большинства исследователей [16; 17, s. 8]. Также был издан летучий листок «Краткое, но достоверное сообщение» о событиях с 12 января по конец февраля 1634 г., где содержалась схожая фраза [18]. До переиздания «Анналов» в 1721–1726 гг., которое включало 12-й том, в различных трудах приводились слегка изменяющиеся трактовки. В 80-е гг. XVII в. в обозревающих наиболее громкие события своего времени изданиях Карла Шаршмидта (1686) и Кристофа Боэтиса (1689) отмечается, что император распорядился, чтобы Валленштейн «был доставлен живым, если это возможно, либо мертвым» (entweder lebendig/ wenn es möglich/oder todt liefern solte) [19, s. 209; 20, s. 317]. В первые два десятилетия XVIII в. формулировка встречалась еще в нескольких изданиях с минимальными изменениями: могла быть сокращена конструкция «если это возможно»

[21, s. 62(e); 22, s. 210] или же добавлялось уточнение, что доставить герцога следовало в Вену [23]. Вслед за сочинением Иоганна-Давида Кёллера (1731) в некоторых более поздних изданиях последней четверти XVIII в., которые вышли после публикации 12 тома «Анналов», вместо «доставлен» (liefern) стало использоваться «овладеть» (lebendig oder todt zu bemächtigen) как это было в тексте «Анналов» [24, s. 23; 25, s. 184]. К концу века зачастую менялся порядок слов: «мертвым или живым» (todt oder lebendig) [26, s. 154; 27, s. 41; 28, s. 329]. Столь часто кочующее из издания в издание упоминание о приказе императора в XVII–XVIII вв. не порождало никаких дискуссий, которые можно было бы отследить. Лишь в последние годы XVIII в. Готтлиб Мурр (1790) обозначил множество дискуссионных вопросов об убийстве и виновности Валленштейна, отметив, что текст Кевенхюллера был слишком тенденциозным (sichtbar allzu parteiisch) в отношении Валленштейна [28, s. 349–350]. Однако поводом для серьезных разногласий между историками приказ императора стал уже в XIX в.

После публикации шиллеровской драмы императорский приказ приобрел отчетливые нравственные черты. Дискуссия, следуя общей тенденции, была организована в рамках противостояния «малогерманских» и «великогерманских» историков. Зафиксированное в тексте Кевенхюллера распоряжение доставить Валленштейна «живым или мертвым» расценивалось как важнейшая «улика», свидетельствующая о виновности императора в преднамеренном политическом убийстве.

Впервые серьезный источниковедческий разбор событий, связанных с кончиной Валленштейна, предложил участник Освободительной войны 1813 г. в составе добровольческой «черной дружины» Фридрих Кристоф Фёрстер (1791–1868), прославившийся своими патриотическими стихами и песнями. После войны с Наполеоном он был приглашен в Мекленбург графом Арнхеймом, потомком саксонского военачальника Арнима, воевавшего против императора во время Тридцатилетеней войны. Фёрстер исследовал местные архивы и обнаружил множество документов, связанных с фигурой Валленштейна, после чего он отправился в Вену, где пользовался неограниченным доступом к императорскому архиву [29, s. 186–187]. В 1828 г. он издал сборник неопубликованных писем и документов Валленштейна с 1627 по 1634 гг. [30]. Фёрстер отмечал, что о приказе взять Валленштейна сообщали Кевенхюллер и «Основательный отчет» [30, s. 179]. Он указывал, что автор «Анналов», как и другие австрийские историки, зачастую занимались «искажением истории». Об описаниях деяний Валленштейна в «Анналах» Фёрстер писал,

что «столь дерзкой лжи, как в этом месте, мы раньше у них [австрийских историков — *С.Г.*] едва ли встречали» [30, s. 98]. Тем не менее, Фёрстер с доверием воспринимал сообщение автора «Анналов» о приказе императора. Фёрстер открыто обвинял императора в лицемерном политическом убийстве. Император не только отдал «трусливым убийцам» жизнь полководца, оказавшего императорскому дому большую услугу, но и двулично продолжил переписку с ним после указания привезти его «живым или мертвым» [30, s. 180].

На помощь императору Фердинанду пришла источниковедческая критика «Анналов» Кевенхюллера. Ее осуществил венгерский публицист на службе у Габсбургов Янош (Иоганн) Майлат (1786–1855). Как в свое время заметил видный австрийский государственный деятель Клеменс фон Меттерних, в своих трудах Майлат представлял события «так, как того желает правительство» [31, s. 18–19]. В 30-е гг. XIX в. Майлат работал над пятитомником австрийской государственной истории, затронув тему убийства Валленштейна и вины императора. Он раскритиковал выводы Фёрстера, аргументируя тем, что документа, содержавшего приказ взять герцога «живым или мертвым», никогда не существовало: «Ни в одном архиве какого-либо государства, земли или частного лица такой приказ не был найден» [32, s. 378]. Майлат доказывал, что формула «живым или мертвым» появилась постфактум в «Основательном отчете». Это было сделано, чтобы оправдать убийц и представить произошедшее как законную казнь на основе заочного приговора (sententia post mortem) [32, s. 382]. Майлат обнаружил сведения, что перед печатью текст был передан королю Венгрии (будущему Фердинанду III), который возразил, что целесообразно было бы обнародовать приговор предателям после их смерти. По мнению Майлата, даже представители императорского двора не в полной мере были осведомлены о всех выходящих в сторону Валленштейна императорских распоряжениях. Поэтому Кевенхюллер «закономерно и простительно» был введен в заблуждение [32, s. 378]. Замечания Майлата были встречены с большим интересом, ведь он сумел перевернуть привычную схему, фактически сняв ответственность с императора, и утверждая, что убийство было инициативой полковника Бутлера и его сообщников, действовавших по собственному усмотрению. Даже Фёрстер был вынужден признать обоснованность позиции Майлата [3, s. 303–305]. Его мнение оказалось достаточно распространенным в среде интеллектуалов в 40–50-е гг. XIX в., что привело к изменению отношения к тексту «Анналов Фердинанда». Желавшие защитить императора стали винить Кевенхюллера в собственных домысливаниях относитель-

но приказа доставить герцога «живым или мертвым», несмотря на то, что и Майлат и Фёрстер отмечали, что формулировка также содержалась в «Основательном отчете» [33, s. 604; 34, s. 489].

Тезисы Майлата о вине императора в убийстве Валленштейна вызвали противодействие историков «прусской школы». В 1834 г. упоминаемый выше Рихард Рёпель защитил докторскую диссертацию, в которой рассуждал о предательстве Валленштейна. После выхода работы Майлата, Рёпель усомнился в утверждении, что «специальный приказ» (Spezialbefehl) был объявлен постфактум, так как перекрестный анализ широкого круга источников показывал, что о приказе стали говорить до публикации «Основательного отчета» и «Анналов» Кевенхюллера [3, s. 303–304]. Тем не менее, Рёпель считал, что прямого приказа от императора все же не было, основываясь на отчете Франчески Карретто, опубликованном Фёрстером [3, s. 305]. Майлату также не доверял «великогерманский» публицист Иоганн Крёнляйн, который в 1845 г. издал небольшую работу: «Валленштейн и его новейшие исторические обвинители и защитники» [35]. Он называл императора «высоким клиентом» (hohen Clienten) Майлата, а последнего обвинял в неподобающем стиле и в слабости аргументов [35, s. 117]. Свидетельство Кевенхюллера и труд историка Гуальдо Приорато (1606–1678) были для Крёнляйна особо важными, так как он предполагал, что приказ мог быть отдан в устной форме [35, s. 118–120]. «Малогерманские» историки попали в сложную ситуацию. Они никогда не стремились полагаться на источники, исходившие прямиком из габсбургского окружения. Однако в данном случае их оппоненты сами отвергли официальную позицию венского двора, смешав карты обвинителям императора. Прямых доказательств обнаружено не было, и «прусские» историки были вынуждены смягчить риторику.

Уже ко второй половине 40-х гг. XIX в. истощение источникового материала было налицо, и проблема стала значительно реже затрагиваться исследователями. Попытку обобщения темы предпринял также упоминаемый ранее австрийский историк Фридрих фон Хуртер. Реформатский пастор Хуртер перешел в 1844 г. в лоно римско-католической церкви, после чего получил приглашение от Меттерниха на должность придворного историографа в Вене. Его главной работой стала многотомная биография императора Фердинанда II, в которой Хуртер недвусмысленно призывал к канонизации монарха [36, p. VIII]. В 1862 г., когда выходили последние тома его труда, Хуртер опубликовал статью с названием: «Приказывал ли император Фердинанд доставить ему Валленштейна мертвым?» [37]. В данном тексте Хуртер оспорил ряд утверждений Фёрстера, попутно

обвинив его в недопустимом «презрительном тоне» [37, s. 99]. Он отмечал, что Кевенхюллер сам не указывал первоисточник. Сообщение автора «Анналов» хоть и стилизовано под официальный документ, но сам документ никто и никогда не видел [37, s. 96–98]. Хуртер также писал, что Кевенхюллеру свойственно «полное пренебрежение всяким указанием времени». В данном случае он упоминал приказ об убийстве до того, как переходил к обсуждению известного патента от 24 января, что создало путаницу, по мнению Хуртера. «При такой неясности трудно ссылаться на Кевенхюллера как на авторитета», — заключал историк [37, s. 97]. Хуртеру удалось усилить позицию Майлата посредством более глубокого разбора фрагмента «Анналов», освещающего вопрос. Он объяснял скорее причины формирования ошибочного мнения о приказе императора, ссылаясь на неопрятность текста Кевенхюллера и отсутствие в нем ссылок.

Казалось, тема была исчерпана исследователями, однако в полной мере закрыл ее известнейший историк Леопольд фон Ранке (1795–1886). В отличие от большинства берлинских историков, Ранке в наименьшей степени подвергал политизации исторические сюжеты. Находясь уже в преклонном возрасте, в 1869 г. он издает «Историю Валленштейна», где уделяет большое внимание «Анналам Фердинанда». Ранке неоднократно и до этого работал с данным текстом и, судя по всему, хорошо знал об особенностях повествования Кевенхюллера [38, p. 571; 39, s. 506]. Ранке отмечал, что и другие историки, как Гуальдо Приорато, на которого ссылались Рёпель и Крёнляйн, зависели от сведений Кевенхюллера: иногда даже меняя свои более ранние данные в угоду автору «Анналов» [34, s. 470]. «Очевидно, что при всех спорных вопросах необходимо от «Анналов» возвращаться к их источникам», — констатировал историк [34, s. 485]. Относительно приказа «живым или мертвым» Ранке соглашался с Майлатом, что формулировка была добавлена как «приговор после смерти». Проанализировав содержание приказа, он также заключил, что первая часть приказа предполагала законный арест и суд, а вторая — внесудебную расправу. Их соединение союзом «или же» (oder doch) лишало приказ всякого смысла. Кевенхюллер, по мнению Ранке, очевидно, переписал текст «Основательного отчета», включив данную формулировку [34, s. 489]. Более того, Кевенхюллер снова опускал смягчающие обстоятельства, имеющиеся в оригинале памфлета, например, опасения Валленштейна, что его хотят сместить, что в какой-то мере оправдывало созыв офицеров в Пльзене [34, s. 486–489]. Ранке удалось обнаружить, что Кевенхюллер добавил в свое повествование некоторые детали, противоречащие известным источникам. Авторитетность его фигуры на время

поставило точку в вопросе о существовании приказа на убийство Валленштейна.

Дискуссия вокруг приказа «живым или мертвым» в «Анналах» Кевенхюллера была важным полем идеологической борьбы за историческую правду и политическую легитимность в Германии середины XIX в. Изначально воспринятая как неоспоримое доказательство вины императора, эта формулировка благодаря углубленному источниковедческому анализу (прежде всего, посредством трудов Майлата и Ранке) постепенно утратила свою доказательную силу. Публикация работы Ранке пришлась ко времени, когда произошел упадок интереса как к Шиллеру, так и к его герою [1, s. 95–99]. Несмотря на то, что уже в 1920 г. австрийский историк Генрих фон Зирбик основательно пересмотрит заключения Майлата и Ранке, в последней четверти XIX в. на их труды ссылались как на итог исследований вопроса [17, s. 74, 83–86; 11, s. XLV]. Дискуссия едва не закрепила за Кевенхюллером статус фальсификатора, произвольно обвинившего императора в тяжком преступлении. Острые дебаты способствовали повышению интереса к «Анналам» и их автору, что позволило сделать некоторые выводы об источнике, выходящие за пределы вопроса о приказе «живым или мертвым». Новые политические реалии обусловили важный этап изучения «Анналов», анализ которых позволил решить важный идеологический вопрос.

Список источников и литературы

1. *Davies S.* The Wallenstein figure in German literature and historiography 1790–1920. Leeds: Maney Publishing, 2010. 272 p.
2. *Прокопьев А.Ю.* Тридцатилетняя война. СПб.: Наука, 2020. 385 с.
3. *Roepell R.* Der Verrath Wallenstein's an Kaiser Ferdinand II // Historische Caschenbusch. 1845. № 6. S. 239–306.
4. *Vattel E.* The Law of Nations. Indianopolis: Liberty fund, 2008. 896 p.
5. *WilliamsonG.S.* "Thought Is in Itself a Dangerous Operation": The Campaign Against "Revolutionary Machinations" in Germany, 1819–1828 // German Studies Review. 2015. No. 38 (2). P. 285–306.
6. *Schiller F.* Wallenstein: ein dramatisches Gedicht. Berlin: G. Grote, 1869. 404 s.
7. *Шиллер Ф.* Собрание сочинений Шиллера, в переводе русских писателей. Т. 2. СПб.: Брокгауз — Ефрон, 1901. 566 с.
8. *Peball K.* Zur Quellenlage der «Annales Ferdinandei» des Grafen Franz Christoph Khevenhüller Frankenburg // Mitteilungen des Österreichischen Staatsarchivs. Wien: Druck und Verlag Ferdinand Berger, 1956. No. 9. S. 1–22.

9. *Franzl J.* Ferdinand II. Kaiser im Zwiespalt der Zeit. Graz: Verlag Styria, 1978. 384 s.
10. *Coreth A.* Österreichische Geschichtschreibung in der Barockzeit (1620–1740). Wien: A. Holzhausens Nfg, 1950. 179 s.
11. *Hallwich H.* Wallenstein's ende. Ungedruckte Briefe und Acten. Leipzig, Dunker & Humblot. 1879. 715 s.
12. *Bedürftig F.* Taschenlexikon Dreissigjähriger Krieg. München: Piper, 2002. 261 s.
13. *Khevenhüller F.C.* Annales Ferdinandei. T. 12. Leipzig: M.G. Weidmann, 1726. 2468 s.
14. *Plaggenborg S.* Gerechtigkeit und gerechte Herrschaft vom 15. bis 17. Jahrhundert. Oldenbourg: De Gryter, 2019. 299 s.
15. *Douen O.* Les premiers pasteurs du desert. Paris: Grassart, 1879. 498 p.
16. *Curtius A.* Ausführlicher und Gründlicher Bericht der vorgeweßten Fridtländischen. Wien, 1634. 48 s.
17. *Srbik H.R.* Wallensteins Ende: Ursachen, Verlauf und Folgen der Katastrophe. Wien: L.W. Seidel&Sohn, 1920. 432 s.
18. Kurze aber doch warhafftige Relation dessen, was von dem 12. Januarii dieses lauffenden 1634. Jars an, biß auff den letzten Februarii, mit Albrecht von Wallenstein. Wien, 1634. 20 s.
19. *Scharschmidt K.* Europaeischer Staats- und Kriegs-Saal, Dieser Hundert-Jährigen Zeit. Nürnberg: J. Hofmann, 1686. 968 s.
20. *Boethius C.* Grosser Staats- und Kriegs-Minister Glück- und Unglücks-Fälle. Leipzig: J.T. Poetii, 1689. 377 s.
21. Allgemeines Historisches Lexicon. Bd. 1. Leipzig: T. Fritsch, 1709. 1213 s.
22. *Iselin J.C.* Neu-vermehrtes historisch- und Geographisches allgemeines Lexicon. Frankfurt: Brandmüller, 1726. 1020 s.
23. *Marteau P.* Die Zeit-curieuse Staats-Bilance über Den ietzt wütenden Krieg in denen Europäischen Reichen und Ländern. Köln, 1704. 80 s.
24. *Köhler J.D.* Historischer Münz-Belustigung. Nürnberg: L. Bieling, 1731. 442 s.
25. *Schirach G.B.* Biographie der Deutschen. Saale: J.J. Gebauer, 1773. 373 s.
26. *Bucquoi E.F.* Leben und Thaten des General Wallenstein. Breslau: J.E. Meier, 1783. 174 s.
27. *Klein A.* Leben und Bildnisse der Großen Deutschen. Bd. 2. Mannheim, 1787. 367 s.
28. *Murr C.G.* Beyträge zur Geschichte des dreyssigjährigen Krieges. Nürnberg: Bauer und Mannischen, 1790. 398 s.
29. *Förster E.* Förster, Friedrich Christoph // Allgemeine Deutsche Biographie. Bd. 7. Leipzig: Duncker & Humblot, 1877. S. 185–189.

30. *Förster F.C.* Albrechts von Wallenstein, des Herzogs von Friedland und Mecklenburg. Bd. 3. Berlin: G. Reimer, 1829. 676 s.
31. *Meyer B.* Kaiserin Elisabeth und ihr Ungarn. München: Alliterag, 2019. 280 s.
32. *Mailath J.* Geschichte des österreichischen Kaiserstaates. Bd. 3. Hamburg: Perthes, 1842. 550 s.
33. *Glückselig A.A.* Illustrirte Chronik von Böhmen. Bd. 1. Prag: Franke und Steyrer, 1853. 730 s.
34. *Ranke L.* Geschichte Wallensteins. Leipzig: Duncker und Humblot, 1869. 555 s.
35. *Krönlein J.H.* Wallenstein und seine neuesten historischen Ankläger und Vertheidiger. Leipzig: O. Wigand, 1845. 134 s.
36. *Bireley R.* Religion and Politics in the Age of the Counterreformation. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1981. 311 p.
37. *Hurter F.* Hat Kaiser Ferdinand befohlen, Wallenstein todt einzuliefern // Österreichische militärische Zeitschrift. 1862. No. 3 (2). S. 93–103.
38. *Ranke L.* History of Papacy. Vol. 2. London: Blackie and son, 1851. 697 s.
39. *Ranke L.* Fürsten und Völker von Süd-Europa im sechszehnten und siebzehnten Jahrhundert. Bd. 2. Berlin: Duncker und Humblot, 1853. 532 s.

Власть и общество. Правители и институты

УДК 94

Зотов В.Д.
Государственный академический университет гуманитарных наук,
исторический факультет, студент магистратуры.
E-mail: vladtaras29@mail.ru

Все дороги ведут в Иерусалим: сравнительный анализ паломнических маршрутов в ранневизантийский и средневизантийский периоды

Аннотация. В статье реконструируются паломнические маршруты IV–XII в. в пределах Византийской империи. В ранневизантийский период паломники использовали единый сухопутный маршрут, а с наступлением средневизантийского периода из-за появления многочисленных локальных паломнических центров на территории Восточного Средиземноморья преимущественное значение приобрели морские маршруты

Ключевые слова: паломничество, Иерусалим, Константинополь, Средиземноморье.

Zotov V.D.
State Academic University for the Humanities,
Faculty of History, Master's Program, Student.
E-mail: vladtaras29@mail.ru

All roads lead to Jerusalem: a comparative analysis of pilgrimage routes in the Early and Middle Byzantine periods

Annotation. The article reconstructs the pilgrimage routes of the IV–XII centuries within the Byzantine Empire. In the early Byzantine period, pilgrims used a single overland route. With the onset of the Middle Byzantine period, due to the appearance of numerous local pilgrimage centers in the Eastern Mediterranean, sea routes became more important.

Keywords: pilgrimage, Jerusalem, Constantinople, the Mediterranean.

Христианское паломничество к святыням Восточного Средиземноморья является одним из ключевых паттернов, характерных для средневековых обществ. Паломнические практики, сформировавшиеся главным образом в позднеантичный период, объединили цивилизации

Европы в период Средневековья и Византии в рамках общего культурно-религиозного контекста. Долгое время паломнические маршруты, равно как и пути средневековых дипломатов и торговцев, становились основой системы межкультурных коммуникаций в Средиземноморье.

Создание религиозной инфраструктуры для поклонения христианским святыням Палестины стало важной частью политики императора Константина I (306–337). На месте важнейших христианских реликвий строятся храмовые комплексы [1, p. 10–23]. Так, согласно свидетельствам Евсевия Кесарийского, были построены базиликальные церкви в Иерусалиме, Вифлееме и Хевроне [2, с. 74–77]. В это же время Евсевий, реализуя политику Константина по переосмыслению Палестины в качестве христианского мнемотопа [3, с. 48–50], составляет «Ономастикон» — свод переведенных на греческий язык библейских топонимов Палестины [4, с. 1]. Таким образом, в период правления Константина происходит формирование паломничества в качестве устойчивой социальной практики, а также самого понятия «Святая земля» как главного сакрального центра, содержащего ключевые для всех христиан объекты поклонения.

Итогом политики Константина стала интенсификация паломнического движения. Об этом свидетельствует прежде всего факт появления качественно нового вида текстов — паломнических сочинений. До нас дошли два паломнических текста, датируемых IV в. Первый из них был создан в период правления Константина анонимным паломником из Бордигалы (совр. Бордо), который в 333 г. совершил свое путешествие в Святую землю [5, с. 15].

По жанровой форме сочинение анонима из Бурдигалы представляет собой итинерарий — сочинение, главный предмет которого — описание маршрута и различных местностей, встречающихся на пути. В классическую структуру античного итинерария, содержащего последовательное перечисление топонимов (городов, гостиниц, почтовых станций), встраивается повествование о святых местах, интересовавших паломников. В этом отношении сочинение анонимного паломника демонстрирует весьма примечательное совмещение античной и христианской традиций, представляет собой определенное переосмысление жанровой структуры римского итинерария.

Согласно итинерарию из Бурдигалы, паломники на пути к Иерусалиму использовали римскую систему сухопутных коммуникаций — cursus publicus [6, p. 15–22]. Путь анонимного паломника шел из Бурдигалы на восток через Нарбоннскую Галлию, северную Италию, Паннонию,

Мёзию, Дакию и Фракию до Константинополя. Далее, преодолев Босфор и достигнув Вифинии, паломник пересек территорию Малой Азии посредством кратчайшего срединного пути через Галатию, Каппадокию и Киликию. Достигнув Антиохии, последовал на юг через приморские города Сирии и Финикии до Кесарии Палестинской и далее — через Галилею и Самарию — к Иерусалиму. Обратно автор итинерария шел по прежнему пути из Иерусалима до Константинополя, однако затем выбрал другое направление — по Via Egnatia через Македонию к Адриатическому побережью. По морскому маршруту из Аполлонии в Гидрунт прибыл в Италию. Дальнейший путь автора итинерария последовал на север, по Via Appia к Риму и далее — к Медиолану, откуда привычным путем он достиг Бурдигалы.

Следующий дошедший до нас паломнический текст датируется концом IV в. [7, с. 12–64]. Его автор — Эгерия, знатная римская женщина из Галисии [8, с. 543] или Южной Галлии [9, с. 123–124]. К сожалению, до нас не дошли части текста, содержащие начало и конец пути. Однако сохранившаяся часть текста позволяет уверенно сопоставить описание маршрута Эгерии с маршрутом анонима из Бурдигалы (ил. 1).

Паломники в IV в. использовали единый сухопутный маршрут, что наиболее отчетливо демонстрируется при анализе участка пути Иерусалим — Константинополь. Такой путь позволял паломнику из любой части империи в кратчайшие сроки достичь Святой земли, однако тем самым устранялась возможность посещения других святынь, расположенных вне указанного маршрута. Так, существенная часть путешествия Эгерии посвящена Египту и посещению знаменитых монастырей Фиваиды и Синая, что отражало интенсивное распространение монашества и роста духовного авторитета христианских аскетов [10, с. 6–11]. Кроме того, Эгерия отступила от основного маршрута для посещения Эдессы, а также монастыря Св. Феклы. Достигнув Константинополя, Эгерия сообщила о намерении посетить Эфес. Таким образом, ключевым объектом интереса у паломников IV в. выступала Святая земля и находившиеся на её территории святыни. Тем не менее уже к концу столетия возросло количество центров христианского паломничества, которые уже не могли быть охвачены единым сухопутным маршрутом.

С VI в. стало возрастать значение морского пути. Первое упоминание о данном маршруте содержится в сочинении анонимного паломника из Пьяченцы, датируемом второй половиной VI в. Путь паломника [11, с. 25–27, 50] начинался с территории византийской Италии. Достигнув Константинополя, паломник вместо известного сухопутного маршрута

по Малой Азии выбрал морской путь из столицы империи до острова Кипр, который на многие столетия стал ключевым транзитным пунктом на пути в Палестину. Далее он обогнул побережье Финикии и достиг Птолемаиды — города, который в эпоху Крестовых походов будет более известен как Акра. Отсюда начался сухопутный маршрут до Иерусалима.

Данный морской путь вдоль восточного побережья Эгеиды, южного побережья Малой Азии через Кипр к берегам Палестины стал ключевым паломническим маршрутом, который хорошо известен по более поздним паломническим текстам, относящимся к средневизантийскому периоду. Наиболее ранний из этих текстов датируется первой поливной IX в. Автор текста, известный агиограф и монах Епифаний Агиополит, также описывает свой путь, начало которого, вероятнее всего, было в Константинополе, из Кипра к Тиру на побережье Финикии, откуда паломник уже по суше достиг Иерусалима [12, с. 16].

Установление морского пути в качестве ключевого паломнического маршрута может быть объяснено целым рядом причин. В первую очередь это исключительная политическая нестабильность на Ближнем Востоке. Прежде всего это связано с наиболее ожесточенным периодом византийско-персидского противостояния (602–628) и далее — с эпохой арабской экспансии VII–VIII вв., которая до успешной обороны Константинополя в 718 г. угрожала самому существованию Византии. Обстоятельства политического характера могут объяснить продолжительное отсутствие памятников паломнической литературы в VII–VIII вв., когда общая интенсивность религиозной миграции христианского населения в Палестину неизбежно сократилась.

Ситуация существенным образом изменилась после успехов Первого крестового похода 1096–1099 гг., возникновения латинских королевств в Святой земле, а также определенной стабилизации Византийской империи. В XII в., когда христианские государства контролировали большую часть Восточного Средиземноморья, паломническое движение росло как в Византии, так и в других христианских государствах. За упомянутое столетие до нас дошли три паломнических текста: англосаксонский [13, с. 259–291], древнерусский [14, с. 26–117] и византийский [15, с. 1–59]. Сравнительный анализ маршрутов паломников демонстрирует продолжение устоявшейся с VI в. традиции использования морского паломнического пути, существенная часть которого проходила по территории Византии (ил. 2).

Англосакс Зевульф отправился в паломничество в период с 1102 по 1103 г. из города Монополи на юге Италии. Он переплыл Адриати-

ческое море, достиг Пелопоннеса и оттуда добрался до Фив и острова Эвбея. Наняв местный корабль, пересек Эгеиду и, двигаясь от острова к острову, достиг восточных пределов империи до Кипра, откуда прямым и опасным путем добрался от города Яффы, где начался его сухопутный маршрут, к Иерусалиму. Также весьма примечателен его обратный путь. Из Яффы он направился на север и обогнул все побережье Палестины, Финикии и Сирии. Чтобы посетить Константинополь, Зевульф уже известным путем двинулся вдоль южного побережья Малой Азии и, достигнув пределов Эгеиды, продолжил путь на север к столице империи.

К сожалению, единственный дошедший до нас византийский паломнический текст XII в. Иоанна Фоки не содержит описания пути в пределах самой Византии. Фока вышел из Антиохии и далее направился на юг, минуя города Сидон, Сарепта, Тир. Достигнув Птолемаиды, двинулся по суше к Иерусалиму [15, с. 30–35]. Обратно византийский паломник возвращался из Кесарии Палестинской и далее на север по уже знакомому пути [15, с. 58–59].

В этом отношении особую ценность приобретает сравнительный анализ маршрутов Зевульфа и игумена Даниила, посетившего Иерусалим в 1104–1106 гг. Оба паломника пользовались местной византийской системой морских коммуникаций, что обусловило схожесть их маршрута: по островам Лесбос, Хиос, Икария, Патмос, Лерос, Калимнос и Родос [13, с. 265–266; 14, с. 28–31]. Далее путь паломников продолжался по побережью мимо городов Патара и Миры до острова Кипр, откуда они достигли города Яффа на побережье Палестины [13, с. 266–270; 14, с. 32–34].

Выбор данного маршрута был обусловлен не столько обстоятельствами географического характера, сколько популярностью и распространением практики поклонения святыням, связанным с почитанием св. Иоанна Богослова и св. Николая Мирликийского.

Основными центрами почитания св. Иоанна Богослова был город Эфес и находящийся там собор с древней гробницей апостола, а также остров Патмос, где, по преданию, апостол написал Евангелие и Апокалипсис. Паломничество к гробнице Иоанна Богослова в Эфесе предпринималось как минимум со второй половины IV в., как известно из описания паломничества Эгерии [7, 39]. Игумен Даниил посетил каждое из святых мест, в то время как Зевульф побывал лишь на Патмосе, упомянув при этом в своем сочинении почитаемую святыню в Эфесе, которую он по неизвестным причинам не смог посетить лично.

Ключевые центры почитания св. Николя располагались на южном побережье Малой Азии, в городе Патара, где родился св. Николай, а так-

же в Мирах Ликийских, где располагалась его гробница. Оба паломника совершили остановки в каждом из городов для поклонения соответствующим святыням.

Таким образом, основной причиной установления морского маршрута паломниками в качестве основного следует полагать факт распространения самой сакральной географии паломничества. На момент господства сухопутного пути в IV в. большая часть обретенных в период правления императора Константина святынь локализовалась в пределах Святой земли. Однако уже к концу столетия география христианского паломничества неизбежно распространялась за пределы Палестины в Египет, Сирию, Месопотамию, к берегам Восточной Эгеиды. Впоследствии, к XII в., часть локальных паломнических святынь обретает общечтимый характер как в Византии, так и среди христиан Западной и Восточной Европы. В этом отношении морской паломнический путь, в общих чертах оформившийся уже в VI в., стал неотъемлемой частью практики средневекового христианского паломничества.

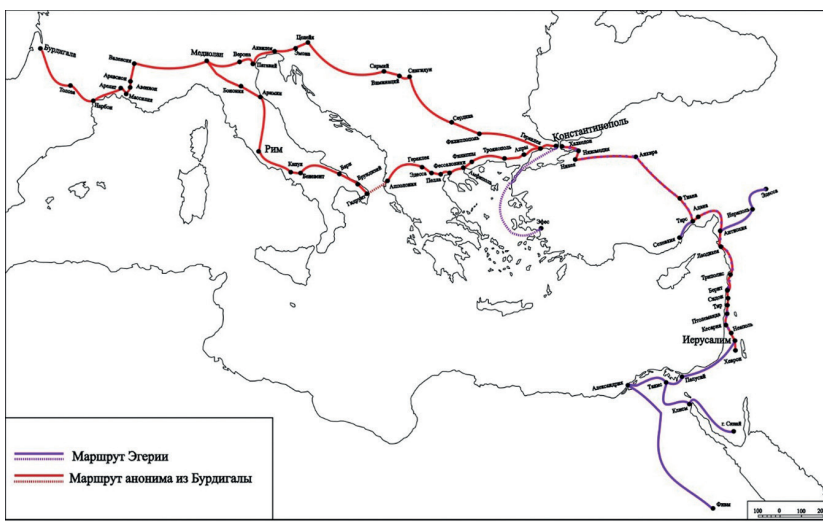
Общность маршрутов обуславливалась также тем, что европейские паломники находились в прямой зависимости от византийской системы морских коммуникаций и от уже сложившихся византийских паломнических практик. Не без оснований следует полагать, что распространившуюся изначально в среде византийских паломников практику посещения локальных святынь на пути к Святой земле впоследствии переняли паломники из Западной и Восточной Европы.

Список источников и литературы

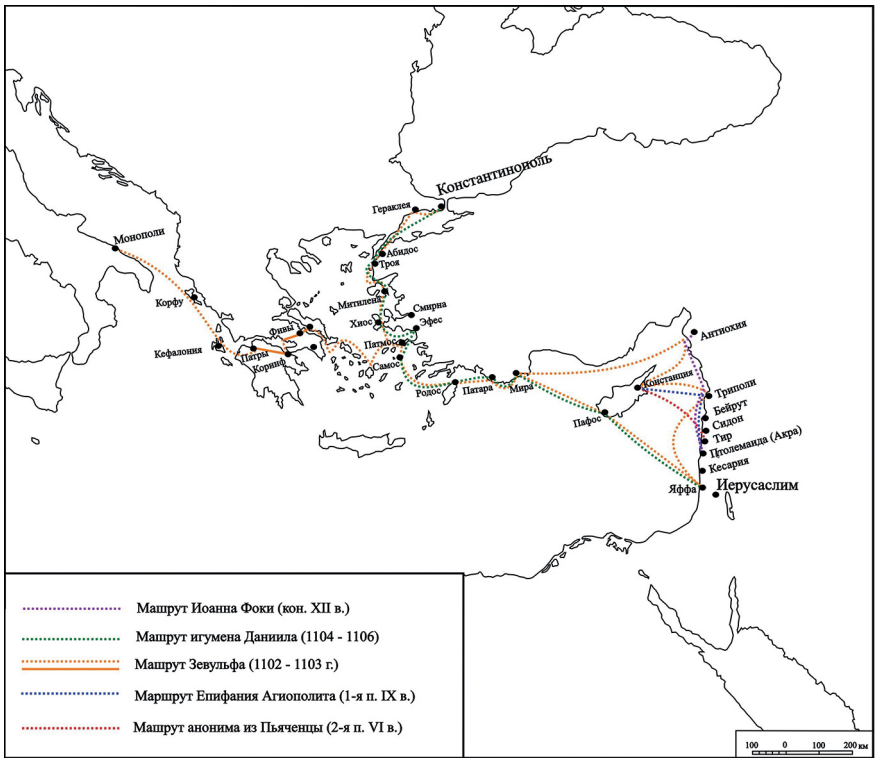
1. *Hunt E.D.* Holy Land Pilgrimage in the Later Roman Empire, AD 312–460. Oxford, 1984.
2. *Евсевий Памфил*. Жизнь Константина. М.: Labarum, 1998.
3. *Попов И.Н.* «Ономастикон» Евсевия Кесарийского и «Бурдигальский итинерарий» о святынях Иерусалима: особенности начального этапа развития христианской Святой Земли // Византийский временник. Т. 103. М., 2019. С. 32–52.
4. Евсевия Памфилова, епископа Кесарии Палестинской, о названиях местностей, встречающихся в Священном Писании около 320 года // Православный палестинский сборник. Т. 13. Вып. 1. СПб., 1894. 130 с.
5. Бордосский путник // Православный палестинский сборник
6. *French D.H.* Roman roads & milestones of Asia Minor. Vol. 4. Fasc. 4.1. Notes on the itineraria. 2016.

7. Паломничество по Святым местам конца IV века // Православный палестинский сборник. Вып. 20. СПб., 1889. С. 12–64
8. *Черняк А.Б.* Текстология «Паломничества Эгерии к святым местам» // Труды института лингвистических исследований. Т 7. Ч. 1. СПб., 2011. С. 543–560.
9. *Дуров В.С.* Раннехристианская латинская литература III–V веков. СПб., 2003. 200 с.
10. *Карсавин Л.П.* Монашество в Средние века. М., 2021. 128 с.
11. Путник Антонина из Плаценции конца VI века // Православный палестинский сборник. Т. 3. Вып. 3. СПб., 1895. С. 1–50.
12. Сказание монаха святоградца Епифания // Православный палестинский сборник. Т. 4. Вып. 2. № 11. СПб., 1886. С. 1–31.
13. Путешествие Зевульфа в Святую Землю // Православный палестинский сборник. Вып. 9. СПб., 1885. С. 259–291.
14. Хождение игумена Даниила // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 4. СПб., 1997. 26–117.
15. Иоанна Фоки сказание вкратце о городах и странах от Антиохии до Иерусалима, также Сирии, Финикии и о Святых местах Палестины // Православный палестинский сборник. Т. 8. Вып. 2. СПб., 1889. С. 1–59.

Иллюстрации

Ил. 1. Паломнические маршруты IV в.

Ил. 2. Паломнические маршруты VI–XII вв.

УДК 94(401).02

Поляков С.К.
Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева,
Социально-гуманитарный институт, студент бакалавриата.
E-mail: Sergey.polyakov05@yandex.ru

Участие норманнских прелатов в боевых действиях в Англии в эпоху Вильгельма Завоевателя (1066–1087)

Аннотация. В работе рассматривается участие представителей высшего католического духовенства в боевых действиях на территории острова Британия в эпоху Норманнского завоевания и правления Вильгельма Завоевателя. На основе хроник и современных изображений автором выявлены основные способы военного участия прелатов. Полученные результаты позволяют лучше понять положение прелатов в Нормандии и Англии в рассматриваемый период.

Ключевые слова: духовенство, война, Нормандия, Британия, Норманнское завоевание.

Polyakov S.K.
S.P. Korolyov Samara National Research University,
Institute of Social Sciences and Humanities,
Bachelor's program, Student.
E-mail: Sergey.polyakov05@yandex.ru

Norman Prelate's Involvement Into the Military Action in the England in the Age of William the Conqueror (1066–1087)

Abstract. In this article there are examines the involvement of the highest Catholic clergy in the fighting on the island of Britain during the Norman Conquest and the following years of William the Conqueror's reign. Author identifies the main ways in which prelates were militarily involved based on chronicles and contemporary depictions. The findings provide a better understanding of the situation of prelates in Normandy and England during this period.

Keywords: clergy, war, Normandy, Britany, Norman conquest.

История человечества — это история войн. Данная яркая цитата справедлива, кажется, для любого региона мира практически в любой

период своего развития. В особенности данное выражение справедливо для периода Средневековья, которое во многом известно благодаря своим войнам. Рыцари, один из главных символов Средневековья, являются сословием, чьей основной целью была война. Однако помимо рыцарства Средневековье известно очень высокой общественной ролью церкви. Церковные заповеди достаточно жёстко ограничивают любое насилие, в том числе военное. Подобного рода противоречие усугублялось тем, что католические прелаты были крупными феодалами. Это ставило их в определённые рамки подчинения своему непосредственному сеньору, что, в свою очередь, подразумевало и военную службу. Рассмотрение случаев участия священнослужителей в боевых действиях, обстоятельств, при которых они произошли, а также реакций на них современников позволит лучше понять роль высшего церковного клира и отдельных его представителей в средневековом государстве и обществе в целом.

Источниковый материал обширен. Эпизоды с участием прелатов в боевых действиях достаточно часто встречаются в хрониках и жизнеописаниях. Наиболее яркими нарративными источниками служат «Деяния Вильгельма» автора Гийома из Пуатье [1], а также «Церковная история» Ордерика Виталиса [2]. Помимо текстовых источников следует обратить внимание на ещё один, крайне нетипичный по данному периоду. Речь идёт о так называемом гобелене из Байе. Изображение, созданное в честь победы при Гастингсе, возможно, с подачи Одо, епископа Байе, представляет собой интересный источник по истории тех событий, который может помочь нам в уточнении некоторых сведений.

Данная тема мало освещена в российской историографии. Стоит упомянуть статью Е.В. Калмыковой [3]. Однако следует заметить, что на русском языке существуют работы по смежным темам, которые позволяют куда лучше понять действия героев нашей работы [4]. Также существует ряд работ по смежным темам, переведённых на русский язык, которые дают возможность взглянуть на проблему с другой стороны или прояснить контекст событий. К примеру, крайне полезной для нас оказалась биография Вильгельма Завоевателя за авторством Дэвида Дугласа [5], а также работа Филиппа Контамина [6].

Гораздо лучше эта тема исследована в зарубежной историографии. Существует целый ряд работ, рассматривающих факты участия священнослужителей в боевых действиях. Наиболее значительными для нас стали работы Д. М.Г. Джеррарда [7] и К.М. Накашияна [8]. Помимо них за рубежом были опубликованы работы, посвящённые отдельным аспектам военной службы священнослужителей или же биографиям от-

дельных представителей норманнского клира. К таким можно отнести труды Н. Брукса [9], Д.Р. Бэйтса [10] и К. Денниса [11]. Таким образом, мы располагаем достаточной историографией для рассмотрения данного вопроса. После этого предлагаю перейти к рассмотрению самих случаев участия прелатов.

Вовлечение в большую политику Средневековья неизбежно вело к тому, что церковные иерархи становились крупными феодалами. Это давало им как ряд преимуществ, так и ряд обязательств перед короной, включавших в том числе участие в боевых действиях.

Вопрос вовлечения священнослужителей в боевые действия волновал церковь начиная с раннего Средневековья. Позиция церкви по данному вопросу, в принципе, была однозначна. Так, IV Толедский собор полностью запретил правителям каким бы то ни было образом привлекать прелатов к военной службе. В эпоху раннего Средневековья среди постановлений церковных соборов встречаются указы, запрещающие священникам принимать участие в боевых действиях и применять насилие даже по отношению к язычникам. Данные постановления носят сугубо прецедентный характер — это подтверждает факт того, что нарушения подобных запретов имели место быть [7, p. 11]. Данные предписания соблюдались уже не слишком строго. Так, король Вамба в 673 г. издал указ, согласно которому все, кто не встал на защиту страны от басков и франков, должен подвергнуться жестоким наказаниям. Указ не делал исключений ни для кого, в том числе для прелатов. Епископ Лукки Вуальпранд из лангобардской Италии должен был прибыть на военную службу по приказу короля Айстульфа [6, с. 29]. Тем не менее в ту эпоху это были скорее частные случаи, нежели действительный институт. Начиная со второй половины X в. случаи участия епископов в военных действиях на территориях Англии начинают увеличиваться в связи с растущей угрозой викингов [7, p. 31].

В Норманнском завоевании и последующем установлении контроля над Британией принимали участие священнослужители как с той, так и с иной стороны. Формально их участие в боевых действиях должно было ограничиваться духовной поддержкой, о чём сообщают источники [1, p. 125]. Реальное же влияние священнослужителей на поле боя являлось куда более весомым и исходило в том числе из характера епископского владения. Церковные иерархи во многом имели положение светских феодалов и несли повинности в пользу монарха. Одной из таких повинностей была необходимость предоставлять воинов в армию короля [9. p. 46]. Размер повинности колебался в зависимости от размера того или иного владения. Тем не менее прелаты так или иначе были обя-

заны вести в бой воинов, которых они собрали для войны. Так епископы оказывались во главе воинских отрядов в битвах, в том числе и в битве при Гастингсе.

Прежде чем говорить непосредственно о случаях военного участия прелатов, следует отметить некоторые различия в сословном составе норманнского и английского епископатов. Итак, представители норманнского епископата чаще всего были выходцами из светских, зачастую достаточно знатных семей. Одо де Байе является одним из наиболее ярких представителей норманнских епископов подобного рода. Он был назначен на епископский престол, будучи сводным братом короля [5, с. 17]. Ситуация, при которой на епископский престол назначались представители знатных светских родов разной степени влияния, в том числе родственники герцогов, не являлась для Нормандии чем-то уникальным. Например, одной из важнейших фигур среди норманнской аристократии конца X — начала XI в. был Роберт, епископ Руанский. Именно он во многом поспособствовал прекращению волнений, связанных с приходом к власти Роберта I. Важнее для нас то, что он являлся представителем семейства норманнских герцогов, братом Ричарда II [5, с. 37]. Очень показательным в этом контексте является эпизод из «Деяний Вильгельма» за авторством Гийома из Пуатье. В нём автор, перечисляя благие дела юного герцога, называет епископов, которых Вильгельм назначил на посты, — Хью де Лизье, Одо де Байе и Джон де Авранш [1, p. 91]. Все трое являлись представителями фамилий, которые входили в список высшей знати норманнского герцогства [1, p. 91].

Такая ситуация в целом была характерна для герцогства Норманнского того периода. Однако в Англии она несколько отличалась. Английские священнослужители происходили преимущественно из менее значительных семей [4, с. 300]. Такая ситуация была характерна вплоть до начала XI в., однако затем, в более поздний период, мы можем наблюдать тенденцию к появлению на епископских местах выходцев из светской знати [4, с. 302]. Подобное различие в происхождении — ключевой аспект в понимании действий норманнского или английского клира. Воспитание высшей знати, во многом завязанное на рыцарских идеалах, вполне могло оказать влияние на действия священнослужителей. Таким образом, мы не видим большого различия в социальном составе английского и норманнского клира к моменту завоевания. Однако стоит отметить, что в Англии тенденция к назначению на епископские места выходцев из высшей знати, как местной, так и иностранной, стала проявляться несколько позже, чем в Нормандии.

Сведения о непосредственном участии священников в битве разнятся и редко выходят за пределы простой констатации факта. Наиболее показателен в этом смысле пример Леофрика — аббата Питерборо, о чьем участии в битве есть сведения лишь из одной редакции англосаксонской хроники. О его роли известно только то, что он в ходе кампании заболел и вернулся обратно в свое аббатство, где вскоре и скончался [12, p. 141]. Нам неизвестна даже причина его гибели, которая теоретически могла бы пролить хоть немного света на его роль в разворачивающемся завоевании. Единственное, что мы можем сказать достоверно, — это то, что он присутствовал при сражениях.

Однако не все участники боевых действий были освещены столь слабо. Наиболее яркой фигурой в ходе завоевания со стороны норманнов был Одо — епископ Байе. Епископ Одо очень хорошо олицетворяет собой ту часть норманнского клира, которая была распространена в ту эпоху. Мы говорим о священнослужителях, которые являлись представителями светских семей, часто достаточно высокого происхождения. К ним же, например, можно отнести другого священнослужителя, засветившегося в рассказе Гийома из Пуатье, а именно — Жоффруа де Монбрея, или Жоффруа из Кутанса, о котором несколько позже. Итак, епископ Одо, как уже упоминалось, был единоутробным братом Вильгельма Завоевателя. Он родился около 1030 г., а уже примерно через 20 лет был назначен на пост епископа Байе, будучи явно младше необходимого возраста, что, впрочем, никого не смутило [10, p. 5]. С момента его назначения он являлся одним из самых верных последователей своего сводного брата, по крайней мере, до 1082 г.

Фигура Одо де Байе крайне неоднозначная. Показательна его характеристика, данная ему Гийомом из Пуатье. Его описывают как человека, «способного выдержать как церковные, так и мирские дела» [1, p. 165]. Куда более развернутая его характеристика, которую выстраивает в своём рассказе Ордерик Виталис, рисует нам портрет человека умного и целеустремлённого. Тем не менее отношение хрониста к епископу скорее отрицательное, главным пунктом обвинения является слишком светское поведение священнослужителя. Что более любопытно, Гийом даёт ему другую характеристику: “He was greatly feared by men at arms, for when need arose he helped in war by his most practical counsels as far as his religion allowed” [1, p. 165]. Данная характеристика очень хорошо совпадает с его деяниями, продемонстрированными на гобелене из Байе и упомянутыми в текстовых источниках. Епископ Одо де Байе — один из самых неоднозначных героев той эпохи. Брат Вильгельма Завоевателя, он стал од-

ним из его самых главных сподвижников, о чем говорит тот факт, что он принимал правление страной в периоды отсутствия Вильгельма Завоевателя в Англии. Пока что нас интересует факт его участия в битве при Гастингсе. Тут стоит обратить внимание на один из немногих визуальных источников — гобелен из Байе, повествующий о норманнском завоевании Британии. Под номером 54 мы видим епископа Одо, скачущего на коне в битву [13].

Стоит отметить, что данный сегмент полотна вызвал достаточно активную дискуссию о степени его вовлечения в битву. Многие исследователи утверждают, что у епископа Одо на данном изображении нет оружия [7, p. 36]. Тем не менее данное утверждение, на наш взгляд, крайне необоснованное. Достаточно сравнить обмундирование епископа с экипировкой его солдат, которые едут рядом с ним, чтобы увидеть практически идентичные шлем и хаурбек. Подобное замешательство могло быть вызвано тем, что поверх брони он носит некое, вероятно епископское, одеяние. Тем не менее на манжетах рукавов и особенно на капюшоне можно увидеть кольчужное плетение, идентичное тому, которое есть на соседних воинах [13].

Другой вопрос — предмет, который епископ держит в руках. Мы можем наблюдать некую дубину, имеющую утолщение к концу и, возможно, некую металлическую оковку. Для некоторых исследователей это послужило поводом утверждать, что епископ Одо отправился в битву с символом власти, но не с оружием. Это отчасти справедливо, так как данный предмет, скорее всего, действительно символ власти. Тем не менее, как мы можем видеть на гобелене, подобное же вооружение имеет и герцог Вильгельм. Так он изображён, например, на сцене под номером 50 [13]. Однако все письменные источники в один голос сообщают, что герцог принимал активное участие в боевых действиях [2, p. 173]. Таким образом, предмет в руках епископа Одо, скорее всего, действительно является символом военной власти. Тем не менее он вполне мог играть роль ударно-дробящего оружия, с которым Одо и его брат шли в бой. На наш взгляд, будет справедливо говорить как минимум о том, что епископ Одо участвовал в битве не только в роли капеллана, но и в роли командующего войсками. Косвенно это подтверждается вышеприведенным описанием Гийома из Пуатье, а также тем фактом, что Одо получил во владение замок Кент [1, p. 165]. В дальнейшем он ещё проявит свою воинственность, к примеру, устроив восстание против сына Вильгельма [12, p. 162].

С обороной Дувра связан ещё один сюжет, ярко иллюстрирующий репутацию епископа Одо. После передачи Вильгельмом замка Дувр

в руки брата первый вернулся в Нормандию. В это же время несогласные с воцарением Вильгельма договорились с графом Эустасом, чтобы тот собрал войска и осадил замок. Гийом из Пуатье при этом сообщает, что заговор этот был подстроен жителями Кента [1, p. 183]. Епископ Одо в это время вместе с Хью де Монфором ушёл на другую сторону Темзы, забрав с собой большую часть гарнизона, — по всей видимости, для подавления то и дело вспыхивавших антинорманнских мятежей [7, p. 39]. Так или иначе, замок был подвергнут осаде. Продолжительность осады разнится от источника к источнику, однако в итоге войско Эустаса было отброшено [2, с. 205]. Ордерик Виталис сообщает, что враги побоялись именно возвращения епископа Одо, что может служить очередным свидетельством воинственной репутации епископа. [2, p. 205].

Последним случаем участия епископа Одо в боевых действиях, который нам следует рассмотреть, произошел в 1080 г., после жестокого убийства нортумбрийцами Волчера, епископа Даремского. Наиболее подробную хронику тем событиям даёт в своем труде Джон Вустерский. Он сообщает о том, что некий Лиульф, английский тэн, после завоевания был вынужден бежать в Дарем, где долгое время жил в качестве гостя. Согласно хронисту, Волчер был с ним в хороших отношениях, в отличие от своего капеллана Леобвина, который приказал одному из своих людей убить Лиульфа. Узнав о совершённом убийстве, Волчер направил письмо родственникам убитого, дабы прийти к соглашению. Письмо было принято, и они договорились о встрече, однако на месте заговорщики застали епископа врасплох и жестоко убили [14, p. 33].

Достаточно точно этот эпизод повторяется в сочинении Симеона Даремского, за тем лишь исключением, что он не упоминает в своей работе первую часть с убийством тэна [15, p. 219]. Убийство епископа вызвало жестокую реакцию со стороны короля. Вильгельм направил в Дарем карательную экспедицию, которая жестоко расправилась с убийцами святого отца [15, p. 219].

Джон Вустерский отзывается о ней крайне сухо. «Король Вильгельм опустошил Нортумбрию, чтобы отомстить за ужасающую смерть этих людей» [14, p. 37]. Ни хода военных действий, ни лидера экспедиции. Гораздо интереснее для нас свидетельство Симеона Даремского, который, будучи епископом этих территорий, вероятно, обладал более подробными сведениями. Итак, согласно его труду, карательную экспедицию возглавил епископ Одо, которого Симеон называет «вторым после короля» [15, p. 219]. Находясь во главе достаточно могущественного войска, Одо учинил кровавую расправу над мятежниками. Преступники были обе-

зглавлены или искалечены путём вырывания ребер. Помимо жестокой расправы над мятежниками Одо также разорил местную церковь, из которой изъял несколько реликвий [15, p. 221]. При рассмотрении данного эпизода мы чётко видим, что епископ Одо выступает здесь именно как представитель королевской администрации, но не как представитель церкви. Что более интересно, Симеон Даремский, в чьём сочинении упоминается данный эпизод, не выказывает никакого осуждения действиям Одо. В глазах современников, вероятно, его действия были оправданы. Как считает Накашиян, действия епископа были оправданы тем, что тот мстил за убийство духовного лица, который к тому же являлся должностным лицом и представителем королевской администрации [8, p. 147]. Более того, ни один из источников, описывающих данное событие, не упоминает, что епископ Одо действовал совместно с каким-либо представителем светской власти. Это ещё раз может подтвердить тезис о том, что Одо действовал скорее как светский феодал, нежели как епископ.

Вторым прелатом, который сопровождал Вильгельма на битву, был Жоффруа — епископ Кутанса. Гийом из Пуатье продолжает настаивать на том, что его роль в битве заключалась лишь в духовной поддержке войска [1, p. 125]. Тем не менее данный сюжет, на наш взгляд, не вполне правдив. Стоит отметить сведения, которые предоставляет нам в своей статье Крис Деннис. Он цитирует слова Джона из Кутанса, в которых описывается, что Жоффруа выдержал наказание, характерное для священнослужителей, участвовавших в битве по приказу законного принца [11, p. 90]. Подобные свидетельства красноречиво говорят о том, что Жоффруа из Кутанса принимал личное участие в битве при Гастингсе. Во многом ситуация с Жоффруа сходна с ситуацией с Одо де Байе. И тут же можно найти свидетельства, которые косвенно подтверждают более активное участие в боевых действиях. Сведения эти содержатся преимущественно у Джона Вустерского. Так, в статье своей хроники за 1074 г. он указывает, что он, наравне с известным нам уже Одо де Байе, собрал армию для того, чтобы противостоять войску английских мятежников во главе с эрлом Ральфом. В составе армии, к слову, помимо их людей, были воины ещё двух прелатов — Этельвига, аббата Эвешама, и Вульфстана, епископа Вустера [14, p. 25]. Что интересно, в житии Вульфстана данный эпизод не описывается. Однако ему можно найти косвенное подтверждение, так как в нём упоминается, что при дворе епископа Вульфстана находилось «множество рыцарей», что в целом согласуется со сведениями Джона [16, p. 131]. По словам хрониста, эрл, испугавшись количества войска, сбежал в Норвик. Это свидетельство, помимо того что оно само по себе крайне

важно для нашей проблемы, может служить косвенным подтверждением участия того и в битве при Гастингсе. Наконец, он принял участие в заговоре против Вильгельма II Руфуса совместно с Одо де Байе [14, p. 49–51]. Таким образом, мы не имеем четкого подтверждения того факта, что Жоффруа активно участвовал в битве при Гастингсе, однако его достаточно активное военное участие в последующих военных событиях, которые сопровождали окончательное покорение Англии норманнскими войсками, заставляет нас усомниться в том, что его участие в самом главном сражении этой кампании ограничилось только чтением молитв.

Последний из стоящих упоминания сюжетов демонстрирует нам действия священнослужителей не как воинов, выполняющих приказ своего сеньора, но как собственно феодалов, которые защищают собственный монастырь. Сведений тут ещё меньше, чем в случае выше, и происходят они из англосаксонской хроники. Согласно этим сведениям, в 1070 г. банда под руководством Хереварда решила разграбить аббатство Питерборо, узнав о том, что аббатство было передано Торольду — одному из норманнских прелатов. Как только он узнал о налёте, он сразу же отправился туда во главе отряда вооружённых людей [12, p. 149]. Перехватить налётчиков он не успел, однако намерения его были ясны. Он был готов вступить в бой в качестве командира для защиты своих владений.

Таким образом, формы военного участия прелатов были крайне различны. Епископ мог участвовать в боевом походе лично, явиться к королю во главе военного отряда, как того требовала договоренность с феодалом, выставить своих воинов на битву, не принимая в ней личного участия. Последнее вынуждало епископат наравне со светскими феодалами держать на вверенных им землях рыцарей, способных собрать необходимое число воинов. Чаще всего прелаты стояли во главе похода либо выступали в качестве поддержки, разделяя власть с кем-то из светских нобилей. Они могли выступать в качестве зачинщиков и непосредственных участников бунта, военачальников во время походов, а также лидеров карательных экспедиций. Они редко были инициаторами восстаний — по крайней мере, в период до смерти герцога Вильгельма, однако это была скорее верность феодала своему сюзерену, что мало отличалось от поведения их светских собратьев.

Таким образом, мы можем говорить о том, что в вопросах, связанных с войной, прелаты были куда ближе к светским феодалам, нежели к тому образу прелата, который диктовался Святым престолом. Обязанности, которые исполняли епископы, крайне схожи с феодальными обязанностями светских феодалов. Вероятно, что, во всяком случае на территории

Нормандии, в данный период представители высшего клира, формально являясь подчинёнными Святого престола, на практике куда сильнее зависели от местной верховной власти, будь то герцогская или королевская, что делало их положение ближе к светским феодалам.

Список источников и литературы

1. *William of Poitiers.* Deeds of William / Ed. by R. H.C. Davies and M. Chibnall. Oxford: Clarendon press, 1998. 410 p.
2. *Orderic Vitalis.* The ecclesiastical history. Vol. II: books III and IV / Ed. by M. Chibnall. Oxford: Clarendon press, 1969. 199 p.
3. *Калмыкова Е.В.* Пастыри во главе армии: образы воинственных прелатов в английской исторической традиции // Диалог со временем. М.: ИВИ, 2018. Вып. 63. С. 134–145.
4. *Каниболоцкая. Е.А.* Английские и норманнские епископы XI века: сравнительная характеристика // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. Воронеж, 2008. № 3. С. 300–304.
5. *Дуглас Д.* Вильгельм Завоеватель. Викинг на английском престоле. М.: Центриполиграф, 2005. 431 с.
6. *Контамин Ф.* Война в Средние Века. СПб.: Издательский Дом «Ювента», 2001. 416 с.
7. *Gerrard D.M.G.* The church at war. The military activities of bishops, abbots and other clergy in England, c. 900–1200. London: Taylor and Francis group, 2017. 320 p.
8. *Nakashian C.M.* Warrior churchmen of medieval England: 1000–1250. Theory and reality. Woodbridge: The Boydell press, 2016. 294 p.
9. *Brooks N.* The archibishopric of Canterbery and the so — called introduction of knight — service into England // Anglo — Norman studies. XXXIV. Proceeding the battle conference / Ed. D. Bates. Woodbridge: The Boydell press, 2012. P. 41–62.
10. *Bates D.R.* The chartacter and career of Odo, bishop of Bayex (1049/50–1097) // Speculum. Boston: Medieval Academy of America, 1975. Vol. 50. No 1. P. 1–20.
11. *Dennis C.* “De clericis qui pugnaverunt, aut pugnandi gratia armati fuerunt”: Bishop Geoffrey of Coutances (1048–1093) and Clerical Participation in the Battle of Hastings // Between Sword and Prayer. Warfare and Medieval Clergy in Cultural Perspective. Vol. 3. Boston, BRILL. P. 88–116.
12. Anglo-saxon chronicle // Ed by J.A. Giles. London: G. Bell and sons, 1914. 217 p.
13. Bayex Tapestry [Электронный ресурс]. URL: https://www.bayeuxmuseum.com/en/the-bayeux-tapestry/discover-the-bayeux-tapestry/explore-online/ (дата обращения: 28.07.2025).

14. The chronicle of John Worchester. Vol. III. The annals from 1067 to 1140 with the Glouster interpolations and the continuation to 1141 / Ed. by P. McGurk. Oxford: Clarendon press, 1998. 405 p.
15. *Symeon of Durham*. Libellus de Exordio atque Procursu Istius, Hoc Est Dunhelmensis, Ecclesie // Ed. by D. Rollanson. Oxford: Clarendon press, 2000. 353 p.

УДК 94(33)

Малетин А.В.
Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, Гуманитарный институт, студент бакалавриата.
E-mail: a.maletin@g.nsu.ru

Историографический аспект проблемы титула Готфрида Бульонского как правителя Иерусалимского королевства

Аннотация. В тексте статьи раскрывается проблематика избрания и титула Готфрида IV Бульонского как правителя Иерусалимского королевства в призме историографии. Показано развитие этого сюжета в рамках работ историков о Крестовых походах и намечены перспективы дальнейшего исследования в рамках этой тематики.

Ключевые слова: Крестовые походы, историография, Иерусалимское королевство, Готфрид IV Бульонский.

Maletin A.V.
Novosibirsk State University, Institute of Humanities, Bachelor's program, Student.
E-mail: a.maletin@g.nsu.ru

The historiographical aspect of the problem of the title of Godfrey of Bouillon as the ruler of the Kingdom of Jerusalem

Abstract. This article explores the issue of Godfrey of Bouillon's election and his title as ruler of the Kingdom of Jerusalem through the historiography. It describes the development of this narrative within the articles and monographs of historians of the crusades and outlines prospects for further research on this topic.

Keywords: Crusades, historiography, Kingdom of Jerusalem, Godfrey of Bouillon.

Изучение истории Первого крестового похода не может обойтись без упоминания одной из главных персоналий этого события — Готфрида IV Бульонского, герцога Нижней Лотарингии, ставшего первым правителем Иерусалимского королевства — одного из государств, созданных крестоносцами в период похода. Одной из проблем, с которой столкнулись исследователи, является отсутствие в источниках однозначных сведений о титуле, принятым Готфридом после его избрания как правителя Иерусалима. Самая распространённая трактовка заключается в том, что Гот-

фрид принял титул «Защитника Гроба Господня» (лат. “Advocatus Sancti Sepulchri”). Зачастую принятие этого титула объясняют уступкой духовенству, претендовавшему на верховенство над светской властью на Святой земле, а также личностными качествами Готфрида, который якобы сам отказался от королевского титула.

Этот сюжет долгое время фигурировал в исторических работах как одно из множества событий, произошедших в период Первого крестового похода. С появлением исследовательского интереса к фигуре Готфрида он стал важным моментом в его биографии. В конце XX в. Дж. Райли-Смит и другие исследователи Крестовых походов поставили под сомнение факт использования Готфридом титула «Защитник», так как он упоминается под данным титулом лишь в одном современном ему источнике — Лаодикейском письме, к написанию которого он, по всей видимости, не имел отношения. В хрониках же он фигурирует под другими, причём отличающимися друг от друга титулами. Ситуация также осложняется тем, что источники содержат сведения о спорах между феодалами и духовенством, ведь последние отстаивали верховенство духовной власти над светской в Иерусалиме. Это вызывает множество вопросов о характере власти Готфрида и в целом о природе созданного крестоносцами государства.

Уже в XIX в. вышло множество работ по истории Крестовых походов. Первой, которая фокусируется на истории именно Иерусалимского королевства, была монография Т. Арчера и Ч. Кингсфорда (1899). Отдельная глава исследования посвящена правлению Готфрида Бульонского, однако вопросу о его титуле и избрании уделён лишь один абзац. В нём авторы отмечают: «В конечном итоге Готфрида Бульонского уговорили принять власть над завоёванным городом. Однако он тоже отказался носить корону в городе, где был распят Господь, и поэтому не входит в число королей Иерусалима. Он довольствовался скромным титулом «барона Гроба Господня», даже несмотря на то, что фактически стал королём нового королевства» [1, p. 93–95].

Примечательно, что в данном случае использовалось нетрадиционное обозначение — «барон» (англ. Baron) — вместо принятого в историографии «защитника» (англ. Advocate). Это вызывает определённые вопросы, поскольку ни один из известных первоисточников не называет Готфрида бароном. Более того, этимология термина baron восходит к древнегерманскому baro — «мужчина», в то время как advocate означает «защитник». Таким образом, в работе Арчера и Кингсфорда титул Готфрида остаётся неосмысленным; далее авторы лишь кратко пересказывают события, связанные с его правлением.

В аналогичном ключе выдержано и большинство других работ историков начала XX вв. Так, Ф. Шаландон в своей работе также пишет, что Готфрид был избран через восемь дней после взятия Иерусалима и принял титул «Защитника Гроба Господня» [2, p. 279]. Он пишет, что изначально крестоносцы желали избрать короля, однако в ходе споров Готфрид был поставлен лишь в управление городом [2, p. 290].

Р. Груссэ, освещая этот сюжет, утверждает: «На самом деле новоизбранный король даже не принял королевский титул. С великолепным смирением он отказался, согласно традиции, надеть золотой венец там, где Христос носил лишь терновый венец» [3, p. 46].

Несколько более подробно по сравнению со своими современниками этот вопрос рассмотрел Д.К. Манро в статье “The Establishment of the Latin Kingdom of Jerusalem”. Исследователь делает акцент на проблеме соотношения светской и духовной власти, подчёркивая победу последней, что, по его мнению, подтверждается отказом Готфрида от короны: «Наконец, через неделю после взятия [Иерусалима] Готфрид был избран, но не стал королём и не надел корону. Его титул был «Защитник церкви Гроба Господня» <…> Духовенство, очевидно, одержало победу. Иерусалим должен был стать церковным городом, а не центром феодального государства» [4, p. 260].

Кроме того, Манро обращает внимание на то, что титул Advocatus употреблялся в отношении Готфрида редко, поскольку он продолжал именоваться герцогом: «Его по-прежнему чаще всего называли “герцогом”, поскольку на Западе он был известен как герцог Нижней Лотарингии» [4, p. 260]. Таким образом, Манро интерпретирует титул, принятый Готфридом, и его отказ от короны как уступку Церкви и признание приоритета духовной власти над светской в пределах Иерусалимского королевства. Эта точка зрения станет доминирующей в историографии первой половины XX в.

Важным исследованием является монография Дж. К. Андерсона “The Ancestry and Life of Godfrey of Bouillon”, опубликованная в 1947 г. Эта работа является первой, посвящённой именно Готфриду. Несмотря на то что труд представляет собой преимущественно биографический очерк, автор не обходит вниманием и вопрос титулатуры, рассматривая его в рамках своего исследования. В частности, он вновь упоминает известный сюжет: «Готфрид скромно принял титул «Защитника Гроба Господня» вместо титула короля» [5, p. 105]. Однако в сноске Андерсон уточняет, что в первоисточниках Готфрид упоминается под другими титулами — например, как “princeps civitatis” в “Gesta Francorum”. Он так-

же ссылается на статью Д.К. Манро, поддерживая интерпретацию отказа от короны как уступки духовной власти, что, по его мнению, подтверждается свидетельствами Раймунда Ажильского [5, p. 105].

Вопрос титулования Готфрида затрагивался и в первом томе обобщающего труда Стивена Рансимена, посвящённого Крестовым походам. С. Рансимен сосредотачивает внимание на порядке избрания Готфрида и описывает его ход, опираясь главным образом на свидетельства хронистов, особенно Раймунда Ажильского. Как и Андерсон, он отмечает в сноске, что в хрониках Готфрид не именуется “advocatus”, а скорее фигурирует как “princeps”. Тем не менее в основном тексте С. Рансимен всё же пишет о принятии им титула «Защитника Гроба Господня» [6, p. 292].

Ряд других исследователей Крестовых походов, включая, например, Ж. Ришара, также в своих работах пишут, что Готфрид принял титул “advocatus”, не акцентируя внимание на том, что в источниках упоминаются иные обозначения. Так, Ж. Ришар в вопросе происхождения титула ссылается на существование аналогичной должности «защитника» в средневековой Франции, что, по его мнению, могло повлиять на его выбор [7, p. 60].

Первым исследователем, открыто поставившим вопрос о правомерности титула Готфрида, стал Дж. Райли-Смит в статье “The Title of Godfrey of Bouillon”. Благодаря его работе изучение данной темы получило серьёзный импульс. В своей работе Дж. Райли-Смит демонстрирует, что доказательств принятия Готфридом титула «Защитник Гроба Господня» крайне мало. Он подчёркивает, что подобная титулатура встречается лишь в одном документе — письме, адресованном новоизбранному Папе Римскому, составленном архиепископом Даимбертом, Раймундом Тулузским и их окружением. Точный автор письма неизвестен; по предположению Г. Хагенмайера, на которого ссылается Райли-Смит, им мог быть хронист Раймунд Ажильский, который являлся капелланом графа Тулузского [8, p. 83].

Опираясь на исследования Г. Хагенмайера, подробно проанализировавшего происхождение данного письма, Дж. Райли-Смит пишет, что Готфрид не мог иметь отношения к его составлению. Следовательно, титул, использованный в письме, отражает не фактический статус Готфрида, а, скорее, претензии со стороны духовенства, в частности архиепископа Даимберта. Также одним из авторов письма является Раймунд Тулузский, который вступил в конфронтацию с Готфридом за владение башней Давида и, скорее всего, занимал позицию духовенства по вопросу об управлении городом [8, p. 84]. Таким образом, употребление титула

“advocatus” следует понимать как выражение намерения подчинить светскую власть церковной.

Дж. Райли-Смит приходит к выводу, что данный источник нельзя считать основанием для утверждения о принятии Готфридом титула “advocatus”. Он также указывает, что, хотя его преемник Балдуин I действительно именовал себя «защитником Святого Гроба», в отношении Готфрида этот титул не используется ни одним из хронистов [8, p. 84]. Дж. Райли-Смит также описывает функции, возложенные на Готфрида, среди которых — защита жителей Иерусалима и оборона города от язычников.

Вышедшие позднее статьи Д. Франса и А. Мюррея логически развили работу Дж. Райли-Смита. Д. Франс подчёркивает, что Готфрид не был королём в формальном смысле, и рассматривает употребляемые в источниках обозначения как указание скорее на функцию или должность, нежели на титул в строгом значении [9, p. 328]. Он подверг критике хроники, так как большинство из них опирается на “Gesta Francorum”, в которой сведения об избрании Готфрида достаточно скудны [9, p. 321–322]. Кроме того, он обращает внимание на схожие с титулом “advocatus” термины, употребляемые по отношению к Готфриду, такие как “defensor” и “custos”, ведь они обозначают похожие функции [9, p. 328]. Д. Франс также отмечает влияние архиепископа Даимберта на развитие событий в созданном государстве, ведь Готфрид пошел ему на уступки, отдав порт Яффу [9, p. 323–324]. Таким образом, титул «Защитника», возможно, отражал должность Готфрида как человека, отстаивающего интересы Церкви, которая стояла во главе нового государства.

А. Мюррей, в свою очередь, обратил внимание на разнообразие титулов, встречающихся в различных источниках, и выдвинул гипотезу, согласно которой Готфрид мог сознательно использовать несколько титулов одновременно. По мнению исследователя, упоминаемые в источниках термины не исключают друг друга [10, p. 169].

Интересное объяснение отказа Готфрида от короны предложил Л. Феррье, связав его с эсхатологическими настроениями, преобладавшими в среде крестоносцев [11, p. 259]. Он указал на существование многочисленных неканонических пророчеств, бытовавших среди участников похода, что, по его мнению, могло оказать влияние на процесс избрания правителя [11, p. 260].

Особое внимание вопросу титулатуры было уделено в монографии С. Джона, вышедшей в 2018 г. С. Джон серьёзно подошёл к вопросу титула: он приводит сведения из разных источников и пытается их синтезировать, особенно это видно в его работе с Раймундом Ажильским и Альбер-

том Аахенским. Но он фокусировался именно на непринятии Готфридом титула короля, по крайней мере официально, и привёл несколько причин, пусть и не взаимоисключающих. В частности, он упомянул как конфликт крестоносцев с представителями Церкви, так и эсхатологические настроения [12, p. 185].

Проведённый обзор научной литературы, посвящённой титулатуре Готфрида Бульонского, позволяет сделать следующий вывод: несмотря на значительное число исследований, единая точка зрения на характер его титула до сих пор не выработана. Историки сходятся лишь в отдельных аспектах, прежде всего в том, что Готфрид не был королём в юридическом смысле, однако, бесспорно, выступал как светский лидер, не подчинявшийся церковной власти.

Стоит отметить, что содержание самих хроник не располагает к выработке единого мнения у исследователей: у разных авторов Готфрид фигурирует в связке с различными титулами, такими как “princeps civitatis” [13, p. 92], “princeps omnis populi” [14, s. 380], “rex” [15, p. 233] и т.д. Причем, например, Раймунд Ажильский в своей хронике отмечает, что в Иерусалиме изначально планировали выбрать короля, однако он не раскрывает, какой в итоге был достигнут компромисс в результате протестов духовенства, а к Готфриду применяет его европейский титул герцога. Появление титула “advocatus” в Лаодикейском письме может быть связано с изменением роли Готфрида в управлении государством, а может лишь отражать продолжающиеся споры о верховенстве духовной либо светской власти в нём.

Однозначного ответа на вопрос, какой был титул принят Готфридом в ходе его избрания, скорее всего, не найти. Однако это побуждает рассмотреть дальнейшее развитие этого сюжета в исторической перспективе как часть образа Готфрида в исторической памяти. Это позволит понять, насколько важен был сюжет с его избранием как часть эволюционировавшего на протяжении веков героического образа первого правителя Иерусалимского королевства, а также выявить, каким образом отсутствие однозначности в вопросе титула Готфрида в ранних источниках отразилось в более поздних текстах.

Список источников и литературы

1. *Archer T., Kingsford C.* The crusades: the story of the Latin Kingdom of Jerusalem. London. 1899. P. 314.
2. *Chalandon F.* Histoire de la première Croisade jusqu’à l’élection de Godefroi de Bouillon. Paris, 1925. P. 380.

3. *Grousset R.* L'épopée des Croisades. Paris, 1936. P. 274.
4. *Munro D.C.* The establishment of the Latin kingdom of Jerusalem // The Sewanee review. Vol. 32. 1924. P. 258–275.
5. *Andressohn J.* The Ancestry and Life of Godfrey of Bouillon. Bloomington, Ind. 1947. P. 135.
6. *Runciman S.* A History of The Crusades. Vol. 1: The First Crusade and the Foundation of the Kingdom of Jerusalem. Cambridge, 1951. P. 388.
7. *Richard J.* The Latin Kingdom of Jerusalem. Amsterdam, 1979. P. 357.
8. *Riley-Smith J.* The Title of Godfrey of Bouillon // Bulletin of the Institute of historical Research. Vol. 52. 1979. P. 83–86.
9. *France J.* The Election and Title of Godfrey de Bouillon // Canadian Journal of History. Vol. 18. 1983. P. 321–329.
10. *Murray A.* The title of Godfrey of Bouillon as ruler of Jerusalem // Collegium medieval. Vol. 3. 1990. P. 163–178.
11. *Ferrier L.* La couronne refusée de Godefroy de Bouillon: eschatologie et humiliation de la majesté aux premiers temps du royaume latin de Jérusalem // Le concile de Clermont de 1095. 1997. S. 245–265.
12. *John S.* Godfrey of Bouillon: Duke of Lower Lotharingia, Ruler of Latin Jerusalem, c. 1060–1100. Routeledge. 2018. P. 283.
13. *Hill R.* Gesta Francorum et aliorum Hierosolimitanorum. Clarendon Press. Oxford, 1967. P. 113.
14. *Hagenmeyer H.* Historia Hierosolymitana, 1095–1127; mit Erläuterungen und einem Anhange. Heidelberg, 1913. S. 915.
15. Recueil des Historiens des Croisades. Historiens Occidentaux in 5 T. T. 4. 1779. P. 233.

УДК 94(44)

Зарюта Д.А.
Тюменский государственный университет,
Институт социально-гуманитарных наук,
студент магистратуры.
E-mail: d.zaruta@yandex.ru; d.a.zariuta@utmn.ru

“Burgenses” в коммунах Северной Франции эпохи премодерна

Аннотация. Исследование касается положения “Burgenses” в коммунах Северной Франции на основе анализа городских хартий и урбанистических сентенций «Жизни Людовика Толстого» Сугерия и других текстов личного происхождения. Изучается феномен возникновения института горожан, членов коммуны конца XI–XII вв., его правового, административного и социально-урбанистического содержания.

Ключевые слова: Burgenses, cives, proceres urbis, коммуна, феодальные отношения, король, власть, граждане, город.

Zaryuta D.A.
Tyumen State University,
Institute of Social Sciences and Humanities,
Master’s program, Student.
E-mail: d.zaruta@yandex.ru; d.a.zariuta@utmn.ru

“Burgenses” with in the communes of northen France in Premodern Age

Abstract. This study concerns the position of the “Burgenses” in the communes of Northern France, based on an analysis of the city charters and the urbanistic sentiments of Suger’s “Life of Louis the Fat” and other personal texts. It examines the phenomenon of the emergence of the institution of the townspeople, members of the commune in the late 11th and 12th centuries, and its legal, administrative, and socio-urbanistic content.

Keywords: Burgenses, cives, proceres urbis, commune, feudal relations, king, power, citizens, city.

Проблематика урбанизации, место коммун в этих процессах Северной Франции XII в. представляет особую актуальность в связи с выделением активного субъекта зарождавшегося гражданского общества, об-

ладателя основных жизненно важных прав и свобод. В данный период города постепенно приобретали особый статус, закрепленный в хартиях вольностей, дарованных королем и местными сеньорами. Формирование коммун обуславливалось структуризацией и формализацией прав городских сообществ, определением прав, обязанностей и свобод горожан, т. е. burgenses.

Изучение статуса burgenses, горожан, требует комплексного подхода, сочетающего анализ различных источников. Особое значение имеют хартии вольностей. В них в первую очередь фиксировалось распределение полномочий между органами городской администрации: прево (лат. Praepositus), представителем короля или графа; мэром (лат. Major), выборным главой коммуны; юратами (лат. Jurati), регулярно избиравшимися и сменявшимися членами совета коммуны и скабинами (лат. Scabini), постоянно ретировавшимися членами городского суда.

Важное место занимают хроники и биографические тексты, такие как «Жизнь Людовика Толстого» Сугерия, «Хартия вольностей Лана» от 1128 г. и «Хартия вольностей Амьена» 1190 г., а также другие хартии, которые позволяют проанализировать социальную динамику и повседневные практики горожан, а также их взаимодействие с городской знатью (лат. Proceres Urbis).

Дискуссия вокруг природы коммун и роли burgenses отражается во «Французской историографии» Жоржа Дюби и Доминика Бартелеми. Они уделяли внимание структурному и социальному анализу, рассматривая коммуну в виде результата трансформации феодального общества, где город выступал звеном в сети отношений зависимости и власти, подчеркивающим уровень интеграции горожан в систему сеньориальных связей. С другой стороны, микроисторические аспекты, производные из повседневных практик и конфликтов между горожанами и сеньорами, понимаются как сообщество, формирующееся в ходе столкновения и компромиссов. Это позволяет рассматривать их, исходя из оптики социальных механизмов, сквозь которую burgenses приобретали собственную идентичность и политическую субъектность.

По вышеперечисленным критериям анализа, на примере города Лан, хорошо прослеживается динамика развития и становления burgenses как основы городского населения в коммунах XII в. Создание коммуны прослеживается от восстания 1110 г. и дальнейшего убийства горожанами епископа города Лан Годрика в 1112 г. [1, p. 76–82].

Восстание и убийство дворянина вызвало шквал негодования, к этому прибавились фискальные требования Годрика, не устраивающие го-

рожан. Тогда они сформировали общину, добились за деньги ее признания епископом. Однако в 1112 г. в присутствии приехавшего в Лан короля Людовика VI Толстого Годрик отказался от своих слов, тем самым спровоцировав восстание, в ходе которого погиб в своем дворце. Наступило время непродолжительного саморегулирования непризнанной коммуны, когда большинство burgenses покинуло город. Восставшие сдались королю в 1115 г. и были наказаны [2, p. 124]. Спустя тринадцать лет Людовик вернул городу хартию вольностей, назвав это «Установлением мира» [3, с. 200]: «…епископом Лана и жителями сего города предоставили и постановили, что все люди, принятые в сей мир, будут иметь определённые свободы и обычаи» [4, p. 185].

Хартия вольностей, предоставленная королем, фиксировала права владения имуществом, защиту от произвольных взысканий и участие в управлении городом. Для Лана также было прописано право горожан в выборе мэра, суда из юратов и скабинов, в принятии норм торговли и установлении измерительных стандартов. Документ послужил инструментом юридической защиты горожан и механизмом легитимизации их коллективной автономии. «Никакой рыцарь или сеньор извне не вправе без согласия мэра и юратов нарушать законы города или посягать на какого-либо члена коммуны…» [4, p. 185].

Сквозь призму высказываний Сугерия можно увидеть взаимоотношения burgenses с proceres urbis и внешними властями [5]. Он подчеркивал, что горожане принимали активное участие в обеспечении порядка, судебных процессах, занимая министериальные должности, а также в финансовой поддержке города, содействуя развитию торговли и ремесел. Таким образом, они обладали значительными правами и являлись субъектами феодальной системы, заняли важное место в городской структуре, влияя на принятие решений городских властей.

Немаловажную роль в повышении статуса горожан играли торговля и ремесло, поскольку именно они формировали экономическую самодостаточность города, обеспечивали его устойчивость и способность к автономии. Правила, закрепленные в хартии [4, p. 185], регулировали меры и вес, торговые сделки и сборы, создавая условия для экономической безопасности, предотвращая произвол вышестоящих земельных сеньоров и короля.

Система управления коммуной строилась на принципе коллективной ответственности и разделения власти, что позволяло ограничивать произвол феодальных представителей в виде прево (лат. Praepositus — королевский наместник). Прево выполнял функции посредника между

королевской властью и городом, обладая правом контроля, однако его функции ограничивались хартией. В таком виде прослеживался баланс между автономией коммун и формальной подчиненностью горожан феодальной и королевской власти [6, p. 292]. Конфликт интересов внутри коммуны решался распределением компетенций между избранным мэром города, юратами (присяжными) и скабинами, которые обеспечивали эффективность городской администрации.

Функции мэра и советников включали регулирование экономикой города. Они контролировали торговлю, сборы и пошлины, а также обеспечивали соблюдение правил для иноземных купцов. В хартии Амьена 1190 г. четко прописаны полномочия, включая систему штрафов, методы разрешения споров и процедуры контроля за рынком, подчеркивающие способность городской администрации регулировать экономические и социальные процессы, где «мэр должен надлежащим образом исполнять свои обязанности» [7].

Особое внимание уделялось взаимодействию муниципальной власти с феодальной структурой. Мэр и советники должны были скоординированно взаимодействовать с королем, епископом и сеньорами, обеспечивая соблюдение их прав, но при этом сохраняя автономию города. В хартии Амьена прописывается процедура приема изгнанников, контроль за имуществом и разрешение спорных вопросов, которые затрагивали интересы горожан и внешних территориальных властей, «изгнанников можно принимать по одному разу в год королем, или его чиновником, или епископом, или прево — за исключением серьезных преступлений» [4, p. 128]. Политическое влияние горожан (burgenses) также проявлялось во взаимодействии с внешними властями, когда они представляли интересы города. Они могли участвовать в переговорах о налогах и разрешении некоторых конфликтов. С такой точки зрения коммуна становилась сословно-корпоративной единицей, интегрировавшейся в феодальную систему, не теряя собственной автономии.

В тот же момент советники и судьи (скабины) были неотъемлемой частью судебной системы городского самоуправления. Они действовали как арбитры в гражданских и уголовных делах; принимаемые ими решения были прописаны в хартии либо отталкивались от городских традиций: «судиться будут через скабинов согласно ланскому обычаю» [4, p. 128]. В сохранившихся источниках XII в. число избираемых советников и судей, а также продолжительность их деятельности на посту не зафиксированы. Понимание приблизительных цифр дает только сравнение с другими коммунами. Например, в близком по времени Аррасе было две-

надцать скабинов, избираемых на четырнадцать месяцев, в Руане избирали двадцать четыре советника на год [8, p. 109], а в Сен-Кантене — сорок [9, p. 81]. Можно предположить, что в данных хартиях число избираемых лиц было соизмеримо с ними. При этом участие burgenses в судебных процессах обеспечивало коллективную легитимность решений и укрепляло доверие к муниципальным институтам. Такой консенсус proceres urbis и burgenses являлся отличительной чертой северофранцузских коммун XII в.

Социальная структура коммун так или иначе формировалась за счет взаимного контроля burgenses и proceres urbis [10, p. 185]. Горожане участвовали в выборах советников и судей, что позволяло им влиять на судебные решения и распределения штрафов. При условиях сохранения внешнего контроля со стороны сеньоров или короля активное участие burgenses обеспечивало сохранение городской идентичности и предотвращало чрезмерное вмешательство со стороны [11]. Так достигался компромисс между интересами элит и необходимостью поддержания социальной стабильности. Помимо административных дел горожане участвовали в формировании городской милиции, благодаря чему снижался риск внутренних конфликтов, объединяя граждан (лат. Cives) также против внешних угроз.

При сравнительном анализе хартий Амьена, Лана и Сен-Кантена термин «Cives» характеризует массу городского населения, наделенного муниципальными правами. При этом сходен и принцип сохранения верховной власти: все хартии оговаривают положение коммуны в подчинении сеньора. В Амьене особенно подчеркнуто королевство [7], в Лане — гарантии мира во имя короля, а в Сен-Кантене остается надзор графа в большей части повинностей [9, p. 81]. Отличия относятся в первую очередь к нюансам отношений с сеньором и составу граждан. В Амьене верховным сеньором был граф Фландрии, поэтому коммуна развивалась под сильным королевским контролем: «никто не должен провозглашать наши (короля и графа) указы в городе без нашего или епископского согласия» [7]. В Лане коммуна восстанавливалась силой и отражала во многом королевскую инициативу по «установлению мира», которая гарантировала общественное равенство между всеми жителями, но реальное управление оставалось под влиянием епископа и princeps urbis. Сен-Кантен был вверен графу Вермандуа Раулю — там гражданами (cives) были преимущественно зажиточные горожане и родовые семьи, при этом сеньор сохранял за собой некоторые юридические права. Тем не менее общим итогом для всех трех хартий является признание граж-

данства для носителей коммунальной власти — их права закреплены документально, при этом феодальные структуры переплетены с новой административной системой.

Вышеперечисленные права горожан прописывались в хартиях Лана, Амьена и Сен-Кантена, которые послужили образцом для утверждения более поздних коммун. Стоит отметить, что хартия Лана не дошла в оригинале до наших дней, однако ее копия встречается в рукописи XVIII в. [4, p. 248; 12]. Также обстоит дело и с хартией коммуны Амьена; ее образование датируется годом восстания горожан против городской знати в 1113 г., получения хартии вольностей от епископа и утверждения ее королем Людовиком VI Толстым. Историки не располагают оригиналом и даже более поздней редакцией от 1190 г. Они вынуждены обращаться к акту Филиппа II Августа, подтверждающему создание коммуны. Хартия Сен-Кантена была утеряна и составлена из традиций, перенявших ее другими коммунами в регионе. Так, например, город Эв консультировался с горожанами Сен-Кантена при составлении своей хартии в 1151 г. [9, p. 81].

Однако во всех изучаемых хартиях прописывались права на владение частной собственностью, участие в суде, регулирование торговли и прочие акты. Семейные права тоже прописывались — они касались передачи имущества, регулирования вопросов брака и наследования. В хартии Амьена семейное право учитывало обычаи и традиции города в бракосочетании, предоставлении приданого, а также в разделении имущества между супругами [7]. Отмечалась и опека над несовершеннолетним ребенком в случае смерти родителей. Если приданое не сохранилось, ребенок воспитывался за счет коммуны. В Лане процесс наследования происходил только через суд, где подчеркивалась традиция, сложившаяся в городе [4, p. 214]. Данный механизм создавал правовую основу для участия burgenses в выстраивании общественного порядка и имущественного права.

Особое внимание уделялось статьям, регулирующим уголовное право. Хартия предусматривала процедуры расследования преступлений, назначения штрафов и конфискаций («что с ним должно быть сделано, будет решаться и исполняться по суду коммуны» [4, p. 214]), а также определяла компетенции советников и судей (скабинов) в рассмотрении дел. Такая систематизация положения горожан дает понимание, как юридическая документация формализовывала социальный статус горожан и обеспечивала им коллективную защиту от произвольного вмешательства внешних властей, включая короля и епископа.

Таким образом, комплексный правовой статус горожан (burgenses), включающий экономические, социальные и политические права, давал горожанам основание быть полноценными участниками муниципального управления, принятия политических, экономических и социальных решений, судебных и хозяйственных процессов, а также взаимодействия города с королевской и феодальной властью. Данные примеры иллюстрируют концептуальное развитие коммун в Северной Франции XII в., где правовой статус горожан определялся в результате сочетания правотворческой деятельности, экономической активности горожан и коллективной корпоративной ответственности.

Список источников и литературы

1. *Бартелеми Д.* Рыцарство: от древней Германии до Франции XII в. / Пер. с франц. М.Ю. Некрасова, науч. ред. А.Ю. Карачинский. СПБ.: ЕВРАЗИЯ, 2012. 581 с.
2. *Kaiser R.* Guibert of Nogent and the Bishop's Murder in Laon (1112): Eyewitness, Participant, Dramaturge / R. Kaiser; trans. by M. Leja, C. Booker // Fryde N., Reitz D. (eds.). Bischofsmord im Mittelalter. Murder of Bishops. Göttingen, 2003. P. 121–157.
3. *Менан Ф., Мартен Э., Мердиньяк Б., Шовен М.* Капетинги. История династии (987–1328) / Пер. с франц. М.Ю. Некрасова, науч. ред. А.Ю. Карачинский. СПБ.: Евразия, 2017. 688 с.
4. *De Villevault, de Bréquigny*. Recueil des ordonnances des rois de France de la troisième race. Vol. XI. Paris: Imprimerie royale, 1769. 1149 p.
5. *Сугерий.* Жизнеописание короля Людовика Толстого. Восточная литература: средневековые исторические источники Востока и Запада [Электронный ресурс]. URL: https://vostlit.info/Texts/rus6/Suger/text1.phtml?id=1361 (дата обращения: 19.09.2025).
6. *Jordan W.C.* Communal Administration in France, 1257–1270: Problems Discovered and Solutions Imposed / W.C. Jordan // Revue belge de philologie et d'histoire. 1981. Vol. 59, fasc. 2. P. 292–313.
7. Cartulaire du chapitre de la cathédrale d'Amiens [Электронный ресурс]. URL: https://gallica.bnf.fr (дата обращения: 21.09.2025).
8. *Harding A.* Medieval law and the foundation of the state. Oxford: Oxford University Press, 2002. 448 p.
9. *Collart J.L.* Saint-Quentin // Revue archéologique de Picardie. 1999. No 16. P. 67–128.
10. *Duby G*. La société aux XIe et XIIe siècles dans la région mâconnaise. Paris: SEVPEN, 1953. 185 p.

11. *Luchaire A*. Articles of the Communal Charter of Amiens [Электронный ресурс]. URL: https://oll.libertyfund.org/pages/1117-articles-of-the-communal-charter-of-amiens (дата обращения: 21.09.2025).
12. *Barthélémy D.* Lectures de Guibert de Nogent // Les Origines des libertés urbaines au Moyen Âge: Actes du XVIe congrès des historiens médiévistes de l'enseignement supérieur public (Rouen, 7–8 juin 1985). Rouen, 1990. P. 175–192.

УДК: 94(410).02

Воробьев А.В.
Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина,
факультет истории и социальных наук, студент бакалавриата.
E-mail: voro1001@gmail.com

Органическая теория государства Иоанна Солсберийского в контексте событий «Английской анархии» XII в.

Аннотация. Статья посвящается анализу Органической теории государства, концептуализированной Иоанном Солсберийским в религиозно-политическом трактате «Поликратик» (1159) в свете событий «Английской анархии» (1135–1153), описанной интеллектуальной культурой того времени, обеспечивая преемственность политико-философских тезисов.

Ключевые слова: Органическая теория государства, «Политическое тело», «Английская анархия», Иоанн Солсберийский.

Vorob'yov A. V.
Pushkin Leningrad State University,
Faculty of History and Social Studies,
Bachelor's Program student.
E-mail: voro1001@gmail.com

The organic theory of the state of John of Salisbury in the context of the events of the English Anarchy of the 12th century

Abstract. The article is devoted to the analysis of the organic theory of the state, conceptualized by John of Salisbury in the religious and political treatise "Polycratic" (1159), in the light of the events of the "English Anarchy" (1135–1153), described by the intellectual culture of that time, ensuring the continuity of political and philosophical theses.

Keywords: Organic theory of the state, "Political body", English anarchy, John of Salisbury.

«Государство [Республика] — это некое тело, одушевлённое благодатью божественных даров и управляемое волей высшей справедливости и руководствующееся определённой умеренностью разума» [1, col. 540] — так, парафразируя или ссылаясь на «Наставления Траяну» антич-

ного историка Плутарха [1, col. 540; 2, с. 296], выразил свои органические представления о государстве один из средневековых интеллектуалов Ренессанса XII в. Иоанн Солсберийский в своём сочинении «Поликратик, или О забавах придворных и следах философов», написанном около 1159 г., известном истории в сокращённом наименовании «Поликратик».

В политическом теле каждый из членов выступает со своими чётко обозначенными функциями: голова — монарх, подчиняющийся Богу и тем, кто действует от Его имени на земле; душа — церковь и клирики; сердце — сенат (совет), из которого исходят начала добрых и злых дел; глаза, уши, язык — судьи и наместники (губернаторы провинций); чиновники и солдаты — руки, в которых французские медиевисты Ж. Ле Гофф и Трюон Н. усматривают как негативное отношение к ручному труду, так и почётное звание светских властей [3, с. 160–162]; те, кто всегда помогают монарху (приближённые), — бока, уравнивающие тело; квесторы и конумантарии (надзиратели за тюрьмами и сборщики податей) — живот и внутренности; ноги (ступни) — крестьяне, дающие опору всему телу [1, col. 540].

Сделаем отступление и поговорим о контексте творчества Иоанна Солсберийского через призму его биографии. Он родился в период с 1115 по 1120 г. в местечке Старый Сарум — поселении, из которого впоследствии развился нынешний город Солсбери. В 1136 г. он начал своё обучение в Париже и Шартре в области теологии и свободных искусств. Успешно завершив обучение, Иоанн начал там же преподавательскую деятельность [4, p. XXIX].

Затем он возвратился к церковной службе в Английское королевство, которая позволила ему войти в группу приближённых архиепископа Теобальда Кентерберийского (нач. XII в. — 1161 г.). Участвовал в Реймском соборе 1148 г. [4, p. XXIX] и совершил дипломатическую поездку в Римскую курию (1148–1150 гг.), что позволило ему познакомиться с многими каноническими юристами своего времени, такими как Варфоломей Экстерский, Герард Пусель [5, p. 236–237].

В результате дальнейших политических интриг Иоанн Солсберийский подвергся изгнанию со двора по наущению недавно воцарившегося короля Генриха II Плантагенета. Изгнание не прошло напрасно: к 1159 г. Иоанн завершил написание своих двух магнум опусов, в числе которых «Поликратик» [4, p. XXIX]. Этот труд был посвящен его покровителю Томасу Бекету [6, с. 104], который ранее был ближайшим приближённым и канцлером царствующего короля Генриха II Плантагенета.

С инвеституpой Томаса Бекета в Англии Иоанн возвратился на территорию Английского королевства в 1162 г., однако из-за последующего

конфликта между примасом английской церкви и монархом Иоанн, избравший сторону первого, подвергся второму изгнанию в 1163 г., в котором провёл 7 лет [4, p. XXIX].

После убийства архиепископа во время литургии рыцарями, которые были потенциально связаны с правящей особой, и ритуального покаяния Генриха II Иоанну позволили вернуться вновь в лоно Анжуйской империи и занять епископскую кафедру Шартра, где он плодотворно служил до своей кончины 25 октября 1180 г. [4, p. XXIX].

Вернёмся к «Поликратику». Труд имеет ярко выраженный политико-нравственный контекст, который призывает к размышлению о том, что является благом или злом для государства, подданных и церкви. Для этой цели использованы конкретные примеры (т.е. exempla), основанные на Священном Писании и античных историях [7, с. 31–33].

В «Поликратике» Иоанн Солсберийский, рассуждая о том, кто является полноправным государем, а кто — тираном впервые, концептуализирует идею активного сопротивления светским начальникам, известную как «теория о тираноубийстве» (или «тираноцид») [4, p. XIV–XV; 5, p. 266–273, 278–288]. Иоанн пытается актуализировать юридические нормы римского права, стремясь сохранить органичный баланс между правами церкви и могуществом базилевса (т.е. любого средневекового монарха) [5, p. 239; 2, С. 183–184], рассуждает о существе королевского двора (кто при нём должен находиться и от каких забав следует избавиться [7, с. 21–23]) для достижения общественного блага.

В центре внимания предлагаемой статьи, конечно же, будет находиться Органическая теория государства, с которой и началось повествование.

Однако стоит ли искать выражение столь яркой политической мысли исключительно в социально-религиозной принадлежности Иоанна, который был монахом, обязанностью которого была функция переписчика [8, с. 100], в том числе античной литературы, которая активно распространялась в XII в. [9, с. 79–102] и особенно в Англии [10, с. 24–54]?

Нидерман, оценивая историографический статус политических соображений Иоанна Солсберийского в интеллектуальном плане, отметил, что, несмотря на существующие мнения об анахроничности высказываний шартрского аббата (без учёта современности), а также мнения о прагматическом использовании идей Плутарха исключительно для описания современности на фоне своей опалы, теоретическая концепция Иоанна не тяготеет анахронично к древности. Согласно Нидерману, она не связана исключительно с прагматизмом в отношении современности, а представляет собой попытку применить идеи, заимствованные у «ги-

гантов» прошлого, к насущным политическим проблемам своего времени [5, p. 259.].

Однако, на наш взгляд, он игнорирует немаловажную часть становления этой теории, недавний историко-политический контекст Английского королевства, а именно периода Английской смуты или гражданской войны (1135–1154 гг.), известного как «Анархия».

Ведь интеллектуальная культура Англии, а также территорий будущей Анжуйской империи смогла запечатлеть ещё недавние исторические события, происходившие до воцарения Генриха II Плантагенета, и рассказать в хрониках о событиях, историях и свидетельствах, пусть и не концептуализированных в философско-политических теориях, но косвенно ранее говорящих об исповедовании (вероятно, неосознанно) данного тезиса.

«Английская анархия» была вызвана династическим кризисом после смерти Генриха I в 1135 г. Поскольку король не имел наследников, он заставил баронов присягнуть своей дочери, императрице Матильде. Однако его племянник Стефан Блуасский, нарушив клятву, воспользовался моментом и захватил трон, заручившись поддержкой большинства магнатов и получив важное папское подтверждение своей законной коронации [11, p. 209–210].

Гражданская война, начавшаяся в Нормандии, постоянно меняла очаги разгара военных действий по обеим сторонам Ла-Манша, не давая чёткого преимущества ни одной из сторон [11, p. 555].

Так, битва при Линкольне (1141 г.) — один из переломных моментов, когда Стефан был пленён сторонниками Матильды, — не закончила конфликт. Получение власти императрицей Матильдой не было долгим и стабильным ввиду её неспособности закрепить успех. Потеря поддержки Лондона и поражение её сторонников при Винчестере привели к обмену пленного Стефана на главного союзника Матильды Роберта Глостерского [11, p. 555–557].

Характерной чертой этого периода стало ослабление королевской власти. Бароны, преследуя личные интересы, заключали частные перемирия и вели локальные войны — об этом свидетельствует хронист Уильям Мальмсберийский (ок. 1090–1143 гг.): «[везде были] множественные замки, каждый из которых защищал свой округ или, если быть более точным, грабил его». Рыцари грабили всё, включая церкви и кладбища, а также похищали людей с целью выкупа, крестьян обирали [12, p. 70–73], и бароны всё больше начали занимать выжидательную позицию [11, p. 562]. Стефан, разочаровавшись в крупных магнатах, создал новый

двор из лично от него зависимых людей, что еще больше децентрализовало управление [11, p. 558].

Окончательно кризис разрешился в 1153 г., когда планируемые битвы при Мальмсбери и Уоллингфорде показали отсутствие желания кровопролития воинских контингентов с двух сторон [11, p. 563]. После смерти своего сына и потенциального наследника престола Евстахия Стефан потерял интерес к дальнейшей борьбе. По Винчестерскому договору было достигнуто компромиссное решение, предложенное еще в начале 1140-х гг.: Стефан оставался королем до конца жизни, а Генрих, сын Матильды, признавался его наследником. Когда Стефан умер в октябре 1154 г., Генрих взошёл на престол беспрепятственно [11, p. 564].

Подводя итог, можно привести оценку последствий «Анархии» французского историка Ш. Пти-Дютайи, который утверждает, что разруха и беззаконие стали причиной масштабной экономической дезорганизации, которая привела к поголовному общественному брожению и падению нравов. Это предопределило почти половину правления Генриха II — избегание крупных войн и реформирование административного аппарата [6, с. 108–109].

Стоит сказать, что хронисты, не касаясь тематики телесности, упоминают многочисленные знамения предстоящей анархии и её плачевного протекания. Воображаемое средневекового человека выливается в природную, то есть естественную часть мира, осуществляясь через нарушения природных механизмов — нарушения в работе общества и государства.

Так, освещая события кануна «Английской анархии», средневековый монах Уильям Мальмсберийский в хронике «Короткая история», написанной в раннем 1143 г. [20, p. XXXII], отметил следующую природную аномалию:

«*Божественное провидение странно пошутило тогда с делами человеческими [проявилось поистине удивительным образом в делах человеческих]. Сами стихии выразили свою скорбь по поводу окончательного ухода этого великого человека [Генриха I]. Ибо в тот день, в шестом часу, солнце, как обыкновенно говорят поэты, окутало свой сияющий лик ужасной тьмой [мрачной ржавчиной], вселив ужас в сердца людей затмением. В шестой день недели [в пятницу], рано утром, произошло столь сильное землетрясение, что после ужасающего подземного грохота земля, казалось, полностью ушла из-под ног [погрузилась в глубины], и ужасный шум был слышен под землёй перед этим. Во время затмения я [Уильям Мальмсберийский] сам видел звезды вокруг солнца, и во время землетря-*

сения стена дома, где я сидел, была поднята в воздух двумя толчками, прежде чем снова опуститься на землю третьим» [12, p. 22–23].

Вместе с этим схоже описывают события и иные средневековые хронисты. Авторы «Англо-Саксонской хроники» и её Питерборского извода описывают 1135 г.:

«*1135. В этом году король Генрих [I] отправился за море на праздник, и на следующий день над всеми землями наступила темнота, и солнце стало похоже на трёхдневную луну со звёздами вокруг неё в полдень.*

Люди были очень удивлены и напуганы и говорили, что после этого обязательно произойдёт что-то важное, — так оно и случилось, потому что в том же году король умер…» [13, p. 198; 14, p. 279–280, 15, p. 181–182].

Отмечается, помимо ранее заявленных природных аномалий, общественное настроение через чувственно-эмоциональную реакцию свидетелей — они были в ужасе и страхе, в предвкушении предстоящего хаоса.

Последующие, не менее устрашающие свидетельства описывает другой английский хронист, Генрих Хантигтонский (ок. 1084 — ок. 1157), в своём произведении «История Англов», написанном к 1146–1149 гг. и отредактированном в 1154 г. [16, с. 23–24]. Он фиксирует факт, связанный с погребением короля, после смерти которого начался политический кризис в Англии. «*Его тело [Генриха I] отвезли в Руан и там похоронили его внутренности, мозг и глаза. Остальное же изрезали ножами, засыпали большим количеством соли и завернули в бычьи шкуры, чтобы остановить сильное всепроникающее зловоние, которое уже стало причиной смерти ощущавших их. Из него, просачиваясь сквозь кожи, постоянно ужасающий чёрный поток, стекавший в сосуды под гробом, которые служители уносили, едва не теряя сознание*» [17, с. 495–496].

Однако трудно думать, что Генрих пришёл именно к этому литературному тропу исключительно из ненависти к царствующей особе, как это утверждает исследователь средневековой книжности Р. Морс [18, p. 1–2]. Вполне вероятно, что описательный прием мог быть использован как дурное знамение предстоящих событий «Английской анархии», поскольку другие хронисты (Уильям Мальмсберийский, Ордерик Виталий) не упоминают о столь ужасном состоянии тела и даже отмечают его высокую сохранность [12, p. 26–27, 30–31; 19, p. 448–451], хотя они также замечали недостатки его правления. К тому же признавались и добродетели короля Стефана, с которым ассоциируются события «Английской анархии» [19, p. 544–545].

На именно такую трактовку приёма также намекает дидактическое наставление хрониста: «*Зри же, любой читающий это, как тело самого*

могущественного короля … зри, чем стало это тело, как это тело, как оно разлагается, сколь жалким образом оно оказалось разрушено. Зри, говорю я, исход событий, на которых всегда основывается окончательный приговор» [17, с. 496] — и предстоящее мнение хрониста, в котором спорное правление Генриха I представляется «высшим совершенством» на фоне предстоящей анархии [17, с. 494].

В его хронике именно на повествовании о действиях Стефана учащается формулировка — это был «дурной знак». Генрих, признавая личностные качества Стефана Блуасского, всё же отмечает его преступления в деле посягательства на английскую корону [17, с. 494], подчёркивая это дурным знамением, в котором также фигурирует тело, однако в этот раз «Тело Христово», поругание которого есть страшный грех. В праздник Сретенья, известный в Англии как «Праздник свечей», королевская свеча, которая должна была быть передана епископу, рассыпалась на куски, а дарохранительница, содержащая «Тело Христово», упала, оборвав цепь, что свидетельствует, по мнению монаха, о том, что король падёт [17, с. 516]. Об этом событии также писал и Ордерик Виталий [19, p. 544–545], не упоминая о падении дарохранительницы.

Как видно из вышесказанного, дурные знамения, связанные с нарушением естественного хода вещей, будь то природные аномалии или акценты на поругании или скорейшей деформации телесности человека, являются символом предстоящего или нынешнего, с позиции современников, ужаса, связанного с анархией.

Однако они меркнут перед, вероятно, наиболее наглядной картиной связанности анархии и метафоры тела, имеющей прямой дидактический комментарий, о которой пойдёт речь далее.

В одной из средневековых хроник уже знакомого нам Уильяма Мальмсберийского «Деяния английских королей», написанной в 1140–1143 гг. [20, p. XXXIII], мы видим гротескную картину, основанную на свидетельствах очевидцев:

«*Именно тогда на границах Бретани и Нормандии появилось знамение: женщина, или, скорее, пара женщин с двумя головами, четырьмя руками, и всё остальное удвоено до пупка; ниже — две ноги, две ступни, и всё остальное — одинарное… Было два рта для еды, но только один канал для пищеварения*» [20, p. 384–385].

Далее Уильям, отмечая полярность характеров описываемого существа, повествует о том, что одна из женщин ела, смеялась и разговаривала; другая плакала, постилась и молчала.

Конец истории неутешительный — через определённое время вторая женщина погибла от собственного образа жизни, а первая носила её три года, покуда груз ноши и трупный запах не стали для неё невыносимыми [20, p. 384–385]. Вместе с этим «отвратительный трупный запах», исходящий от мёртвого тела, сближает повествование Уильяма и Генриха, где оба служат маркерами государственного и общественного упадка тогда и сейчас.

Подобно церковной литургии, в которой за чтением текста Священного Писания следует проповедь, объясняющая содержание прочитанного, хронист проводит дальнейшую экзегезу описанного свидетельства: женщины есть символ или метафора Английского королевства и герцогства Нормандского, которые, будучи разделены географически, остаются под единым правлением [20, p. 384–385] ввиду унии.

Единый же пищевод, повторяя сказанное позже Иоанном Солсберийским [1, col. 540], отражает экономико-финансовую часть государств или территорий, а «жадные» челюсти, переламывающие попадающие в них средства, есть жадность домоуправителя или властителя, либо свирепость соседних народов [20, p. 386–387], опустошающих её.

Нормандия, будучи опустошённой ввиду активных военных действий [11, p. 558, 561–562] с сопутствующими грабежами, представляется постящейся женщиной, которую поддерживает радующаяся Англия, пока, предрекает хронист, её не постигнут схожие события.

Прослеживается параллель. Существо Уильяма Мальмсберийского после увядания одной части находится в предсмертном состоянии полностью. Части взаимосвязаны на обеспечение блага друг друга, однако ввиду дисфункции организма естественное стремление к благу и процветанию друг друга становится ловушкой, в которой здоровая часть поражается нездоровой.

Поэтому Иоанн Солсберийский вполне успешно формулирует мысль о том, что «здоровье» политического организма, по выражению исследователей Т. Шогимена и К. Нидермана, [21, p. 68–69], которым представляется общественное благополучие, соразмерно распространённости справедливости (т.е. признания собственных обязанностей со стороны всех членов органического содружества) во всех его органах и членах [1, col. 621; 5, p. 275–276].

А также утверждает, что «ни одно из сопутствующих преимуществ человеческого общества невозможно при отсутствии справедливости» [5, p. 276], т.е. образ унии Нормандии и Англии, имеющих в двуглавии собственное преимущество, не может быть проявлено без справедливого устройства их членов.

Параллель становится ещё очевиднее, если вспомнить, что Иоанн Солсберийский при характеристике живота и внутренностей «политического тела» добавляет, что «если они [будут] с безмерной жадностью накапливать и не менее упорно задерживать накопленное богатство», то они неизбежно породят неисчислимые болезни, которые, поражая всё тело, грозят своим пороком убить его полностью [1, col. 540].

Показательным становится заявление французских медиевистов Ж. Ле Гоффа и Н. Трюона. Они, анализируя отрывок, делают акцент на тенденциозности самих постановок таких функций в «тёмных изгибах живота и внутренностей», которые в средневековом христианском обществе всегда ассоциировались с болезнями, что делало такие части тела по определению нечистыми [3, с. 163].

Подводя итог, Органическая теория государства, сформулированная Иоанном Солсберийским в «Поликратике», предстает не просто как умозрительная схема, заимствованная у античных авторов, и не только как результат его личного опыта опального интеллектуала. Её становление было глубоко обусловлено конкретным историко-политическим контекстом недавнего прошлого Англии — периода «Анархии» (1135–1154).

Список источников и литературы

1. *Joannes Saresberiensis Carnotensis Epicopus*. Polycraticus // Patrologiae Cursus Completus. Series Latina. Vol. 199 / Accurante J.-P. Migne. Lutetia Parisiorum, 1855. Col. 379–823.
2. *Канторович Э.Х.* Два тела короля. Исследование по средневековой политической теологии / Пер. с англ. М.А. Бойцова и А.Ю. Серёгиной. М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. 752 с.
3. *Ле Гофф Ж., Трюон Н.* История тела в Средние века / Пер. с фр. Е. Лебедевой. М.: Текст, 2008. 189 с.
4. *John of Salisbury*. Policraticus: Of the Frivolities of Courtiers and the Footprints of Philosophers / Ed. and Trans. by C.J. Nederman Cambridge: Cambridge University Press, 2007. XXIX + 240 p.
5. A Companion to John of Salisbury / Ed. by C. Grellard, F. Lachaud. Boston; Leidem: Brill, 2014. XI + 466 p.
6. *Пти-Дютайи Ш.* Феодальная монархия в Англии и Франции X–XIII веков. М.: Соцэкгиз, 1938. 424 с.
7. *Тогоева О.И.* Колдовство в политической культуре Западной Европы XII–XVII вв. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2022. 328 с.
8. *Карсавин Л.* Монашество в Средние века. М.: Ломоносовъ, 2012. 192 с.

9. *Хаскинс Ч.* Ренессанс XII века / Пер. с англ. под науч. ред. О.С. Воскобойникова. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2025. 304 с.
10. *O'Daly I.* John of Salisbury and The Medieval Roman Renaissance. Manchester: Manchester University Press, 2018. X + 244 p.
11. The New Cambridge Medieval History Cambridge. Cambridge University Press, 2008. Vol. IV. P. II. XIX + 920 p.
12. *William of Malmesbury*. Historia Novella. The contemporary history / Ed. by E. King, trans. by lat. K.R. Potter. Oxford: Clarendon Press, 1998. CXIV + 143 p.
13. The Anglo-Saxon chronicle. A revised translation / Ed. by D. Whitelock, D.C. Douglas, S.I. Tucker, introd. by D. Whitelock. London: Eyre and Spottiswoode. + 240 p.
14. The Peterborough Chronicle. Volume 1: Introduction and Text / Ed. and int. by B.J. Muir, N.A. Sparks. London: Anthem Press, 2022. 429 p.
15. The Peterborough Chronicle. Volume 2: Translation, Indexes and Plates / Ed. and trans. by B.J. Muir, N.A. Sparks. 310 p.
16. *Мереминский С.Г.* Генрих Хантингтонский и его «История Англов» // Генрих Хантингдонский. История Англов. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2015. С. 7–42.
17. Генрих Хантингдонский. История Англов / Пер. с лат., вступ. ст., прим., библиог., указ. С.Г. Мереминского. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2015. С. 42–608.
18. *Morse R.* Truth and Convention in the Middle Ages. Rhetoric, Representation and Reality. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. XIV + 295 p.
19. *Orderic Vitalis.* The Ecclesiastical History of Orderic Vitalis / Ed. M.M. Chibnall. Vol. 6. Oxford: Clarendon Press, 1978. XXV + 561 p.
20. *William of Malmesbury*. Gesta Regum Anglorum. The History of the English Kings. Vol. I / Ed. by R. A.B. Mynors, R.M. Thomson and M. Winterbottom, trans. by R. A.B. Mynors. Oxford: Clarendon Press, 1998. XXXI + 841 p.
21. Shogimen T., Nederman C.J. The best medicine? Medical education, practice, and metaphor in John of Salisbury's Policraticus and Metalogicon // Viator 42 No. 1, 2011. p. 55–74.

УДК 94

Киселёв Н.А.
Санкт-Петербургский университет Федеральной службы исполнения наказаний,
юридический факультет, специалитет, курсант.
E-mail: kiselev.oysbg@mail.ru

Система наказаний в древнеисландском своде законов «Серый гусь»: правовые и социальные аспекты

Аннотация. В Исландии до ее присоединения к Норвегии отсутствовала монархия и в целом исполнительная ветвь власти. При этом Исландия не погружалась в анархию, а общество функционировало вполне стабильно. Важным для поддержания порядка был нормативный правовой акт, который при отсутствии централизованного государственного контроля над обществом помог организовать власть таким образом, что общество фактически осуществляло саморегулирование посредством тингов, судебник «Серый гусь» — феномен средневекового скандинавского права.

Ключевые слова: Исландия, «Серый гусь», альтинг, наказание, вне закона.

Kiselev N.A.
Saint Petersburg University of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Faculty of Law, Specialist's Program, cadet.
E-mail: kiselev.oysbg@mail.ru

System of Punishments in the Old Icelandic Code "Grey Goose": Legal and Social Aspects

Abstract. Before its annexation by Norway, Iceland lacked a monarchy and, in fact, no executive branch of government. Yet, Iceland by no means descended into anarchy, and society functioned quite stably. The legal act, which, in the absence of centralized state control over society, helped organize the state in such a way that society effectively regulated itself through things, was the "Grey Goose", a phenomenon of medieval Scandinavian law.

Keywords: Iceland, Grey Goose, Althing, punishment, outlaw.

Древнеисландский правовой памятник «Серый гусь» (др.-исл. *Grágás*) представляет собой средневековый корпус исландских законов эпохи народовластия (XII–XIII вв.). В отличие от правовых источников

других скандинавских стран, в положениях «Серого гуся» почти нет упоминаний о королевской власти и исключительных правах и прерогативах короны. Описанная в нем правовая система функционировала фактически без института исполнительной власти. Знание закона было совершенно необходимо средневековому исландцу, особенно когда он попадал в тяжелые жизненные ситуации вроде тех, что описаны в многочисленных сагах, а современному человеку без него невозможно понять природу древнеисландского общества. «Серый гусь» представляет собой систему так называемого обычного права, то есть систему, основанную на традиции и прецедентах, хорошо подходившую для общества, где порядок поддерживался прежде всего путем переговоров и компромисса. В рамках этой системы частные лица защищали свои права как в судах, так и вне их, заключая как формальные, так и неформальные сделки; преследование людей за нарушение законов и исполнение приговоров было делом исключительно частных лиц. Сведения, которые можно почерпнуть из саг и из «Серого гуся», отражают представления средневековых исландцев о том, как функционировало их общество.

В современном употреблении термин «Серый гусь» обозначает не какую-то конкретную рукопись, а корпус правовых текстов, разбросанных не менее чем по 130 кодексам, фрагментам и спискам, датированным к тому же разными эпохами.

Ядро «Серого гуся» составляют две пергаментные рукописи: «Королевская книга» (исл. *Konungsbók Grágásar*), названная так, поскольку в свое время она была подарена датскому королю и хранилась в Королевской библиотеке в Копенгагене, и «Книга с Дворового пригорка» (исл. *Stadarhólsbók*), названная так по хутору на западе Исландии, где ее обнаружили в XVI в. Обе датируются серединой XIII в., хорошо сохранились и содержат редко встречающиеся в исландских рукописях разноцветные инициалы. Ни одна из рукописей не является «официальным» документом. Это книги, созданные частными лицами для личного пользования, однако они охватывают, пусть порой фрагментарно и непоследовательно, всю правовую и конституционную систему Исландии.

Кроме этих двух главных рукописей в корпус «Серого гуся» входят и другие пергаментные фрагменты, некоторые из них довольно ранние (один датируется серединой XII в.). В ряде рукописей XIV–XV вв. обнаруживаются правовые положения, из более ранних рукописей неизвестные [1, с. 46]

Общества Исландии и Норвегии в IX–XIII вв. обладали схожей правовой системой. В IX в. норвежское право проникло в Исландию вме-

сте со скандинавскими переселенцами. Не последнюю роль в его распространении на острове сыграли конунги из Норвегии. Например, сага о Сверрире, рассказывая о гражданской войне в Норвегии, утверждает, что конунг Магнус, правивший в середине XI в., даровал исландцам судебник «Серый гусь», за что получил прозвище Добрый [2, с. 12] Но все же надо учитывать, что отличительной особенностью исландского общества от норвежского было отсутствие монархической власти как таковой, что способствовало некоторой консервации правовых норм.

Grágás содержит нормы уголовного, христианского и процессуального права и состоит из следующих глав:

1) «О христианских законах» (исл. *Kristinna laga þáttur*);
2) «О правах наследования» (исл. *Erfðaþáttur*);
3) «О помощи нуждающимся» (исл. *Ómagabálkur*);
4) «Об отношениях» (исл. *Festaþáttur*);
5) «Об аренде» (исл. *Um fjárleigur*);
6) «О вергельде» (исл. *Vígslóði*);
7) «О земельных границах» (исл. *Landabrigðisþáttur*);
8) «О народном собрании» (исл. *Þingskapaháttur*);
9) «О речах мужей» (исл. *Baugatal*);
10) «О законоговорителях» (исл. *Lögsögumannsþáttur*);
11) «О законах» (исл. *Lögréttuþáttur*);
12) «О расследованиях» (исл. *Rannsóknaþáttur*) [3, p. 140].

«Серый гусь» имеет довольно много аллитераций и созвучий. То есть это не проза в привычном смысле, где слова в свободном порядке следуют друг за другом. Нормы судебника были оформлены в том числе с использованием рифмы, и данный рифмованный текст стал основой судебника [4, с. 50].

Система наказаний в исландском законодательном своде «Серый гусь» была достаточно индивидуальной и принципиально отличалась от систем наказаний в других скандинавских странах того времени. В ней отсутствовали такие институты, как тюремное заключение, смертная казнь и телесные наказания. Также в законе нет указаний на государственных исполнителей наказаний, что связано с отсутствием в Исландии централизованной исполнительной власти.

Если рассматривать систему наказаний в «Сером гусе», то нельзя не отметить несколько особенных моментов, которые отличают средневековую Исландию в законодательстве от других скандинавских государств. Во-первых, гуманность наказаний, то есть отсутствие телесных наказа-

ний и института смертной казни. Также в «Сером гусе» нет упоминания о каких либо государственных исполнителях наказаний.

Убийства в системе «Серого гуся» рассматривались не только как объекты правового регулирования, но и как легальные действия в рамках частных распрей при условии исполнения определенных правил. Нормы закона в главе о вергельде (исл. *Vígslóði*) четко ограничивали круг лиц, которые могли быть убиты законно, а также определяли юридические последствия подобных действий [5, p. 144–164].

Положение женщин в правовой системе было довольно сложным: женщины не могли участвовать в судебных процессах напрямую и не входили в коллегии присяжных судей, однако имели права на ведение хозяйства и могли инициировать процессы через мужских представителей, что представлено в параграфе «О речах мужей» (исл. *Baugatal*) [5, p. 193].

Таким образом, система наказаний «Серого гуся» отражала общественные и культурные особенности средневековой Исландии, где правоприменение осуществлялось коллективом свободных людей на общественных собраниях — тингах. Законодательство делало упор на компенсационные меры и социальные санкции, а не на карательные, что отличает эту систему от более жестких и централизованных юридических систем соседних скандинавских стран.

Grágás характеризуется системой уголовных наказаний, базирующейся преимущественно на штрафах (исл. *sektir*), изгнании (исл. *utlegðar*) и возмещении ущерба. В специально выделенном разделе главы «Об убийствах» детально регламентируются условия правомерного убийства в рамках распри, порядок судебного разбирательства и ответственность, при этом отсутствуют телесные наказания и смертная казнь [5, p. 154–157]. Исполнение наказаний во многом отдано на откуп частным лицам и народным собраниям (альтингам).

В сопредельных скандинавских государствах существовали более строгие и карательные системы наказаний, закрепленные в нормативных правовых актах, таких как норвежский «Закон Гулатинга» (*Gulatingslova*) (около XI в.) и датское «Зеландское право Эрика» (XIII в.). В этих правовых источниках предусмотрены телесные наказания (порка, увечья, обезглавливание), публичные порицания, а также смертная казнь за тяжкие преступления, включая убийства и измену. В структурах этих государств уже присутствовала централизованная исполнительная власть и судебные органы, что обеспечивало государственный контроль за применением наказаний.

Тем не менее все перечисленные раннесредневековые скандинавские правовые системы имели общие черты: широкое использование штрафов и компенсаций, институт объявления вне закона как крайней меры социальной изоляции, а также правовая легитимация частной кровной мести (исл. *blóðhefnd*) при соблюдении определенных правил [5, p. 191]. При этом исландский «Серый гусь» выделяется детализированной процессуальной регламентацией судебных процедур и большей автономией общин.

Очень важным моментом является непосредственно процесс судебного доказывания: после того как письменная культура с приходом христианства начала укореняться в Скандинавии, устное слово, устная культура на самом деле преобладала над письменной, была куда более авторитетной. Гораздо важнее, каким образом твой сосед обвинит тебя в краже коровы на общем тинге, на общем вече, сделает ли он это со всеми должными отсылками к старому праву, к тому, что этой коровой владел еще его отец, к тому, как он это выразит, — все это представляло существенный параметр устного права. Субъект мог быть, например, абсолютно прав в своем иске, в своем деле, но если он запинался по ходу изложения своего дела, то дело могло легко развалиться на глазах у всех. Напротив, если оппонент был не прав, и всем было очевидно, что он не прав, но он излагал дело ясно, чисто, красивым, рифмованным языком, аллитерациями, применял какие-то древние формулы, то он имел хорошие шансы выиграть дело, несмотря на всю свою неправоту.

Львиная доля «Серого гуся» посвящена перечислению штрафов за различные правонарушения. Наложение штрафов, как можно заключить, представлялось средством для контроля над насилием, оскорблениями и иными формами агрессии. Штрафы могли налагаться в рамках мировых соглашений, заключенных как в суде, так и вне суда, однако последние должны были пройти дополнительную процедуру утверждения на альтинге. Досудебные соглашения, включавшие выплату компенсаций, часто упоминаются в сагах об исландцах и текстах «Саги о Стурлунгах», и, надо полагать, были совершенно обычным делом. В сагах неоднократно подчеркивается, как прямо так и косвенно, что человек мог рассчитывать решить миром лишь столько дел против себя, по скольким имел средства расплатиться [6, с. 42]

Есть две высшие меры наказания (а на самом деле одна), потому что одно наказание — это изгнание человека из социума, другое наказание — это изгнание человека из социума на всю жизнь [5, p. 66–68] В одном случае человек, например, совершил преступление и устроил своему врагу

засаду на пути между каким-нибудь пригорком и небольшим лесом, напал на него, зарубил и не сделал того, что надо сделать: он не объявил об убийстве и попытался скрыть это убийство. Это все очень существенные параметры, потому что убить человека и сделать вид, что ничего не было, или убить человека и тут же пойти в соседний хутор, чтобы заявить об этом убийстве, — два совершенно разных правовых казуса.

Так вот, в результате какого-то неправомерного и злого деяния на тинге такой человек мог быть объявлен вне закона, и он изгонялся — это называется *utlagi* на древнеисландском языке. То есть он буквально оказывался вне закона, изгонялся из социума. И не случайно таких людей называли *vargar*, то есть «волк» (это слово этимологически родственно русскому «враг»). Они изгонялись за пределы социума, и сами маршруты этого изгнания были очень четко прописаны в законах. Известно, что человеку, объявленному вне закона, давали право дойти до пристани, сесть на корабль и уплыть в Византию. Пока он шел, его никто не мог тронуть: он находился под некоторой временной защитой закона, который никто не имел права преступать [5, p. 90–92]. Но если он сходил с тропы, ведущей к пристани, то тут же к нему могли подойти родственники убитого и зарезать его на глазах у всех. Им, согласно требованию права, ничто не угрожало.

Другое дело, когда это изгнание, то есть объявление вне закона, являлось высшей мерой наказания. Как ни странно, оно имело определенную градацию. Можно было быть изгнанным вне закона на всю жизнь, и это было равносильно смертной казни. Но можно было купить за некоторую небольшую сумму, выплачиваемую родственникам погибшего, право быть вне закона только в течение трех лет. То есть через три года преступник полностью очищался и мог возвратиться. Это не значит, конечно, что родственники убитого ему не мстили. Дело в том, что в таком совершенно специфическом мире, как Исландия, где не было никаких централизованных институтов власти, не было короля, не было армии, а был только народный суд на тинге, кровная месть при всей ее жестокости выполняла очень четкие регулирующие механизмы: это было своеобразное дополнение к праву, обеспечивающее жизнь социума. Человек, купивший себе право быть изгнанным только на три года, возвращался, но это не значило, что никто из родственников жертвы не мог его убить. Но это был бы уже другой судебный казус, и родственников этой жертвы уже судили бы на иных основаниях. Одно дело — убить преступника, когда он вне закона, а другое дело — убить полноценного члена социума, который сам искупил свою вину, очистился в каком-то смысле, и снова

являлся таким же субъектом права, как и другие члены социума. То есть обладал, как это сказано в древних текстах, «святостью» [5, p. 91]. Как ни странно, употреблен именно термин «святость» — в смысле некой неприкосновенности, когда человек находится под защитой закона.

Пример, отождествляющий волка и изгоя, представлен в «Видении Гюльви», одной из глав «Младшей Эдды», сборника мифологических сюжетов, записанных в XIII в. Снорри Стурлусоном. Вкратце он выглядит так. Волк Фенрир, представитель мира хаоса (сын великанши и вана Локи), оказывается в жилище богов Асгарде. Верховный бог Один оставляет Фенрира у себя, считая его слишком слабым. Несмотря на свой неукротимый нрав и угрозу богам, волк Фенрир остается жить в Асгарде, дожидаясь часа Рагнарёка, как изгой, скованный волшебной цепью, то есть лишенный социальных связей [7, с. 92]. На наш взгляд, в данном мифологическом сюжете отразились реальные социальные взаимоотношения внутри скандинавских обществ. О том, что миф в традиционном обществе представляет идеальный прообраз взаимодействий, писал еще М.Е. Мелетинский [8, с. 168]. Поэтому можно заключить, что сюжет о волке Фенрире отражает взаимодействие изгоя в среде полноправных общинников.

Таким образом, «Серый гусь» как нормативный правовой акт средневековой Исландии представляет собой уникальный правовой документ своего времени, отражавший особенности исландской «тинговой» демократии. По этому сборнику можно судить о достоинствах, недостатках и ограничениях данной политической системы. Исландские законы смогли упорядочить склонное к анархии общество воинов, которые в международной истории считались главными разбойниками раннего Средневековья (неспроста в Европе того времени бытовала молитва “Избави нас, Господи, от ярости норманнов!”».

С правовой точки зрения уникален тот момент, что *Grágás* достаточно демократичен по своей сути и гуманен в части наказаний за преступления. Средневековый исландец, побывав в другом европейском государстве того времени, наверняка ужаснулся бы существующей системе наказаний: она бы ему показалась варварской и деспотичной. «Серый гусь» не предусматривает не то что смертную казнь — нет даже ни одного телесного наказания. Форма документа тоже особенная, широко используется аллитерация и рифмовка. Интерес представляет такой вид наказания, как объявление вне закона. Несмотря на то что Исландия была крещена в 1000 г., природа этого наказания лежит, на наш взгляд, в скандинавской языческой мифологии, глубоко укорененной в лингвистиче-

ском и культурном коде исландцев. Институт объявления вне закона выполнял важную задачу по устранению наиболее опасных элементов из исландского и норвежского обществ. Связанный с обычаем кровной мести, он способствовал сохранению социальной стабильности. Глубокие мифологические корни данного института открываются при анализе связанного с ним феномена «изгойничества». Объявленный вне закона терял не только защиту закона, но и человеческий облик. Став изгоем, своего рода «волком-одиночкой», он практически полностью терял возможность восстановить свой статус и вернуться в социум. Распад родовой общины и развитие социально-экономической дифференциации у скандинавов способствовали увеличению числа изгоев, которые пополняли отряды «северных» грабителей и захватчиков, наводивших ужас на народы Европы в VIII–XI вв.

Список источников и литературы

1. *Байок Д.Л.* Исландия эпохи викингов / Пер. с англ., фр. и исл. И. Свердлова. М.: Астрель: Corpus, 2012. 912 с.
2. Сага о Сверрире. Т. 1. Пролог и главы 1–9 [Электронный ресурс]. URL: https://1.librebook.me/saga_o_sverrire/vol1/1 (дата обращения: 30.09.2025).
3. *Briem P.* Um Grágás: [исл.] // Tímarit Hins íslenzka bókmentafélags. Reykjavík: Hið íslenzka bókmenntafjelag, 1885. Vol. 25. № 6 (1 júlí). P. 133–226.
4. *Ошонков А.С.* «Жил до седин, не убит и не изгнан»: практика «объявления вне закона» и феномен изгнания в норвежском и исландском обществах VIII–XIII вв. // Вестник исторической науки. 2024. Т. 12. № 3. С. 45–67.
5. Grágás. Islændernes Lovbog i Fristatens Tid, udg. efter det kongelige Bibliotheks Haandskrift og oversat / Ag oversat af Vilhjálmur Finsen. Kopenhagen: Odense Universitetsforlag, 1974 (repr.). 264 p.
6. *Стурла Тордарсон*. Сага об исландцах / Ред., пер. и ком. А.В. Циммерлинга. СПб.: Алетейя, 2007. URL: https://www.rulit.me/books/saga-ob-islandcah-read-846243 (дата обращения: 30.09.2025).
7. *Снорри Стурлусон*. Видение Гюльви // Снорри Стурлусон. Младшая Эдда / Пер. Ф. Моисеенков, О. Смирницкая. URL: https://fantlab.ru/work353096 (дата обращения: 30.09.2025).
8. *Мелетинский Е.М.* Поэтика мифа. М.: Восточная литература, 1975. 408 с.

УДК 94

Бутяев Н.Д.
Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова,
исторический факультет, студент бакалавриата.
E-mail: nick.butiaew@yandex.ru

Архитектурный и урбанистический примат, главенство Рима над Иерусалимом в скандинавских средневековых итинерариях XII–XIII вв.

Аннотация. Работа посвящена архитектурным описаниям в средневековых паломнических скандинавских итинерариях XII–XIII вв. В рамках исследования формулируется тезис о превалировании архитектурного и урбанистического значения Рима над другими городами, в том числе над Иерусалимом. Вывод подкрепляется и рассуждениями авторов дорожников, и лексическим анализом текстов источников.

Ключевые слова: архитектура, итинерарии, текстовые источники, Скандинавия, паломничество.

Butyaev N.D.
P.G. Demidov Yaroslavl State University,
The History Department, Bachelor's Program, Student.
E-mail: nick.butiaew@yandex.ru

The architectural and urban primacy of Rome over Jerusalem in Scandinavian medieval itineraries of the 12th-13th centuries

Abstract. The paper dedicated to the architectural descriptions of the Scandinavian pilgrimage itineraries of the 12th-13th centuries. The study advances the thesis of Rome's primacy in architectural and urban significance over other cities, including Jerusalem. This conclusion is supported both by the explicit statements of the itineraries' authors and by terminological analysis of the sources.

Keywords: architecture, itineraries, textual sources, Scandinavia, pilgrimage.

Распространение в христианстве паломничеств к святым местам привело к появлению специфического литературного жанра итинериариев, описывающих паломнические маршруты и их особенности. Отдельные

регионы Европы, будь то Скандинавия или Русь, обладали уникальными географическими и историческими особенностями, которые требовали составления своих путеводителей к Святой земле. Путешествия имели большое значение у скандинавов, ведь, как отмечается в сагах, «*позор мужчине, который сидит дома, как ленивая девчонка!*» [1, p. 21]. Поэтому неудивительно, что традиции христианского паломничества легко укоренились в культуре, где странствия и военные походы исторически имели существенное значение.

Феномен паломничества включает аспекты, заслуживающие всестороннего исследования: экономика средневековых путешествий, дополнительные политические причины посольств в далёкие регионы, духовная составляющая паломничества и многое другое. Скандинавские итинерарии, описывающие маршрут через оживлённые города, должны, но почему-то не изобилуют архитектурными подробностями городов, храмов и замков, которые встречались на пути паломников.

Источниковая база работы состоит из шести скандинавских итинериариев XII–XIII вв., написанных на латинском и исландском языках.

Среди сохранившихся до нашего времени источников первым итинерарием является «Дорожник» аббата Николая середины XII в. По мере продвижения к конечной точке маршрута автор посещает различные населённые пункты, однако в описаниях этих городов отсутствуют детали архитектуры вплоть до Рима. В городах аббат отмечает лишь епископские кафедры и названия храмов, в которых они располагаются, например: «*В Стодуборге в церкви св. Марии находится епископская кафедра*» [2, с. 399]; «*…там в церкви св. Либория, где он покоится, находится епископская кафедра*» [2, с. 399]. За время своего путешествия Николай отмечает 17 храмов с кафедрами, из которых 5 находятся в Риме.

Рим является первым (и одним из двух) городом, архитектуре которых аббат Николай уделяет внимание. Так, он отмечает церковь Святой Агнессы: «*В двух милях на восток оттуда находится церковь Св. Агнессы, она самая великолепная во всём городе*» [2, с. 401]. В описании храма нет технической информации, не говорится о материале, размерах, но автор оставляет своё личное мнение о красоте храма и приводит историческую справку об основании этого здания. Затем аббат Николай предлагает пройти вместе с ним маршрут, на котором он будет лишь отмечать достопримечательности: «*Оттуда по городу 4 мили на восток до тех ворот, которые называются Латинскими воротами; там находится церковь Иоанна апостола. От церкви Иоанна недалеко до тех палат, которыми владел конунг Диоклетиан. Там церковь Св. Марии. Затем церковь*

Св. Мучеников Иоанна и Павла, они были дружинниками Констанции. Затем идёт большая и величественная церковь Всех Святых, и она открыта вверху, как церковь Св. Гроба в Иерусалиме. На запад от города находится церковь Св. Павла, там есть монастырь и укрепление вокруг, которое идёт от Рима. Там находится то место, которое называется катакомбами. Замок Кресценциус — самый высокий в городе по эту сторону реки и очень богатый» [2, с. 401–402].

В общем перечислении достопримечательностей аббата Николая есть одно исключение: собор Святого Петра. Кроме субъективной оценки внешнего облика храма («*затем — большая и великолепная церковь, посвящённая св. Петру*» [2, с. 402]) аббат Николай предоставляет, вероятно, информацию технического характера, собранную путём личного измерения. Если в отношении размеров Рима он приводит информацию, полученную от местных жителей («*Говорят, что Рим имеет 4 мили в длину и 2 мили в ширину*» [2, с. 401]), то размер храма он измерил самостоятельно: «*Церковь Св. Петра — 460 шагов в длину до святого алтаря и 230 шагов в ширину*» [2, с. 402]. Благодаря современным данным археологии, чертежам и описаниям можно восстановить размеры базилики: 119×64 м [3, с. 6].

В заключение описания Рима аббат Николай приводит значимую с точки зрения архитектуры и урбанистики фразу: «*Как сказали правдивые люди, нет никого столь Мудрого, чтобы [он мог] быть уверен, что знает в Ромаборге все церкви*» [2, с. 402]. Несмотря на то что город пришел в упадок со времён империи, на протяжении всего Средневековья Рим представлялся огромным по сравнению с другими городами, что напрямую связано с его былым размахом и величием [4, p. 3]. Интересно, что Вениамин Тудельский, еврейский путешественник, побывавший в Риме около 1170 г., зафиксировал схожее впечатление: «*Кроме того, в Риме есть и другие здания и сооружения, количество которых никто не может назвать*» [5, p. 156]. Вероятно, непревзойденные размеры Рима, его несравненное наследие древних памятников и улиц и его рассредоточенное по всему городу население делали опыт пребывания там уникальным [4, p. 5].

Каким предстаёт Иерусалим в тексте Николая? В отличие от Рима, Иерусалиму уделяется лишь один абзац текста. В самом начале аббат Николай отмечает значимость Иерусалима: «*Он самый знаменитый из всех городов мира; он превозносится всеми христианами, потому что там [можно] увидеть многие свидетельства страстей Христовых*» [2, с. 404]. Однако если мы оставим лишь архитектурные описания, то его

образ в дорожнике останется довольно скупым: «*Там есть та церковь, в которой находится гроб Господень; церковь та называется Пулькро (Храм Гроба Господня), она открыта вверху над гробницей. Там есть приют Иоанна Крестителя, самый богатый в мире. Затем есть башня Давида. В Иерусалиме находится храм Господень и собор Соломона»* [2, с. 404].

Любопытно, что аббат Николай описывает 3 храма в Иерусалиме, а в Риме — 9. По перечисленным достопримечательностям можно заметить, что все важные пункты в Иерусалиме сконцентрированы вокруг Храма Гроба Господня и Храмовой горы. Вероятно, было достаточно однодневного посещения, чтобы обойти все значимые места. Не стоит упускать из виду и тот факт, что оба города (Рим и Иерусалим) находились в упадке, но Иерусалим был превращён в военную крепость, постоянно ожидающую врага. Переход из рук в руки правителей, придерживавшихся враждующих религий, постоянно менял и уничтожал архитектурный ландшафт Иерусалима. Рим же, напротив, был огромной территорией, которая требовала многодневного посещения разбросанных по разным частям города мест.

Текст итинерария Гицура Халльсона о посещении Рима “Flos peregrinationis” конца XII в. утерян и известен лишь по ссылкам [2, с. 366]. В историографии нет устоявшегося однозначного перевода путеводителя. “Flos” можно перевести с латыни как «цветок», следовательно, название труда — «Цветок паломничества», что символизирует высокую значимость Рима.

“Leidir” — «Пути» [2, с. 424]. Короткий анонимный итинерарий второй половины XIII в., который содержит краткие описания маршрутов из Норвегии до Святой земли. В путеводителе нет архитектурных подробностей, однако дорожник отмечает не только путь из Норвегии к Иерусалиму, но и указывает сухопутную дорогу из Саксланда (Германии) до Рима.

Анонимный итинерарий XIII в. “Wegur il Roms” — «Путь в Рим» [2, с. 427]. Аналогично предыдущему дорожник указывает расстояние от Любека до Рима. Вероятно, это был самый распространённый маршрут скандинавов. Единственным архитектурным сооружением, упомянутом в итинерарии, является римский собор Св. Петра, который пользовался особой популярностью у скандинавов.

В тексте «Путешествие в Святую землю» брата Маврикия конца XIII в. [2, с. 430] очень мало архитектурных подробностей. Путь паломников прошёл вдалеке от Рима, но и описания Иерусалима в итинерарии нет.

Еще один скандинавский средневековый путеводитель — «Перечень городов и мест упокоения святых» [2, с. 420]. Итинерарий начинается с подтверждения мнения предыдущих авторов путеводителей о примате Рима: «*Ромаборг превыше всех городов, и по сравнению с ним все города [могут] считаться как бы селениями, потому что земля, и камни, и все улицы его красны от крови святых людей*» [2, с. 420]. Можно вновь обратиться к мнению раввина из Наварры Вениамина Тудельского, который также отмечает уникальность Рима: «*кроме того, там полно зданий и сооружений, подобных которым нет в мире*» [5, p. 153]. В «Перечне городов и мест» нет архитектурных деталей — лишь фактологическое перечисление важных монастырей: «*В Ромаборге пять больших монастырей, в каждом из которых семь кардиналов. Знаменитейший из этих монастырей тот, в котором покоятся Пётр и Павел. Другой — монастырь Св. Марии. Третий — тот, где находится голова св. Павла, и там находится Остийская дорога (Via Ostensi). Четвертый — Св. Лаврентия <вне города>, пятый — в Лат(е)ране, Св. Иоанна Крестителя, там находится крест Иоанна Крестителя*» [2, с. 420]

Впрочем, города Италии не получили в тексте детализации архитектуры, как и столица Византийской империи. Здесь лишь упоминается единственный собор: «*В Миклагарде есть церковь, которая называется Эгисив (Агио-София), в этой церкви находится крест Господень»* [2, с. 421].

Описание архитектурных объектов в этом итинерарии подробнее, чем во всех других скандинавских путеводителях. Автор текста упоминает строительные материалы и декор: «*В середине храма стоит церковь Святого Гроба Господня над гробницей Господа, и все башни его позолочены»*; «*по правую руку находится каменный гроб и на нем мраморная плита»*; *«до внешних хоров, и [они] сделаны из камня»*; *«и помечены там кресты на полу из мрамора*» [2, с. 422]. Нет упоминаний об общих размерах храмового комплекса, но мы можем составить впечатление о размерах благодаря сообщению о расстояниях между объектами: «*К востоку от церкви Гроба Господня 4 фадма до внешних хоров*»; *«От угла этих хоров, который расположен на юго-востоке, спускаются вниз под землю на 1 ступеней и на 20 ступеней к югу*» [2, с. 422, 423]. Также итинерарий отмечает конструктивную особенность храма в виде открытой крыши: «*Храм над церковью открыт, там часто на те свечи, которые там поставлены, исходит свет в вечер пасхи, если в городе христиане*» [2, с. 423].

Описание получил и уже упомянутый аббатом Николаем Храм Господень: «*Храм Господень стоит немного восточнее середины Йорсала-*

борга… В храме находятся колонны из камня, белого и черного, красного, синего и зеленого» [2, с. 423].

Последний из описываемых храмов, церковь Святого Михаила, удостоилась лишь упоминания [2, с. 423].

Архитектуре в скандинавских паломнических текстах уделяется относительно мало внимания. В большинстве итинерариев лишь отмечается наличие архитектурных объектов без пояснения их внешних или конструктивных особенностей. Источники Древней Руси и средневековой Европы гораздо более подробные. К примеру, игумен Даниил в «Хожении в Святую землю» использует принцип «нанизывания» при упоминании церквей Иерусалима, по которому архитектурное сооружение описывается начиная от самых крупных деталей и заканчивая самыми небольшими: «*Есть церкви воскресения Господня: всяка образомъ кругло создана, столповъ имать 12 обьлыхъ, а б зданыхъ»* [7, с. 32]. Круглая форма храмов Иерусалима, которую мы можем подтвердить по сведениям Фульхерия Шартрского [8, с. 88], у скандинавских путешественников не вызывает интереса, лишь изредка они фиксируют размеры или материал зодчества, предпочитая оставлять лаконичные оценочные суждения, подкрепляя их исторической справкой о строительстве или демонстрируя своё отношение к христианским святыням. Если учесть высказывания паломников касательно объёмов и приёмов описания архитектуры, то можно сделать вывод, что в скандинавских путеводителях архитектурный облик Рима безусловно превалирует над архитектурным обликом Иерусалима. Паломники упоминают большее количество храмов (9 против 3 в итинерарии аббата Николая, 5 против 3 в «Перечне городов и мест упокоения святых»), также в большинстве итинерариев чаще упоминается архитектура Рима, чем Иерусалима (3 против 2).

Ответить на вопрос о причинах помогут сами средневековые скандинавские паломники: «*Ромаборг [Рим] превыше всех городов, и по сравнению с ним все города [могут] считаться как бы селениями, потому что земля, и камни, и все улицы его красны от крови святых людей»*; «*Как сказали правдивые люди, нет никого столь Мудрого, чтобы [он мог] быть уверен, что знает в Ромаборге все церкви*» [2, с. 420; 402]. Но говорят ли подобное паломники об Иерусалиме? Если мы обратимся к характеристике Иерусалима аббатом Николаем («*Он самый знаменитый из всех городов мира; он превозносится всеми христианами, потому что там [можно] увидеть многие свидетельства страстей Христовых»* [2, с. 404]), то станет очевидно, что Иерусалим был духовным, но не архитектурным и не урбанистическим центром. Причиной могла быть,

в частности, социально-демографическая обстановка Иерусалима времён крестоносцев. Это была густонаселённая, но очень небольшая крепость: «*это маленький город, окружённый тремя каменными стенами, и весьма многолюдный*» [6, с. 104].

В Иерусалиме сакральность была сосредоточена на небольшой территории. Весь город был свят, но его духовный центр — это несколько точек, связанных с земной жизнью Христа, а соответственно, и архитектура была в значительной степени ориентирована на эти ключевые объекты. В Риме святость была распылена по всему огромному городу. Многие церкви хранили мощи почитаемых мучеников — святого Петра, святого Павла, святой Агнессы, святого Лаврентия, святой Цецилии и тысяч других. Паломник совершал не просто путешествие в город, а паломничество по кладбищу мучеников, которое было размером с целый мегаполис. Рим был не только городом апостолов, но и городом пап, которые на протяжении веков строили и украшали эти церкви, соревнуясь в размахе воздвигнутого.

Итак, в XII–XIII вв. Рим был архитектурно гораздо более насыщенным и богатым городом, чем Иерусалим. В течение тысячелетия Средневековья Рим посетило больше иностранцев, чем любой другой европейский город [4, p. 3]. Для скандинавского паломника, проделавшего огромный путь в Рим, он был первым настоящим мегаполисом, который путник видел в жизни. А уже в конце XIII в., после падения Акры, как отмечал Поль Риант, скандинавы оказались чужими для христианского востока, а паломничества стали приобретать всё больше мирской, чем религиозный характер [1, p. 374].

Описание архитектуры в средневековых скандинавских итинерариях выдаёт наглядные оценки авторов архитектурного и урбанистического значения городов. Сакральный центр христианства, Иерусалим, уступал по количеству храмов и богатству архитектуры Риму. В Иерусалиме все культовые объекты сосредоточены в нескольких ключевых храмах, а Рим, при значительном внимании к собору Св. Петра, привлекал паломников десятками храмов и достопримечательностей. Если Рим был архитектурной вселенной, то Иерусалим — духовным центром христианства, но со значительно более компактным сакральным внутренним пространством.

Список источников и литературы

1. *Riant P.* Expéditions et pèlerinages des Scandinaves en Terre Sainte au temps des croisades. P.: Imprimerie de Ad. Lainé & J. Havard, 1865. 465 p.

2. Древнейшие государства Восточной Европы 1999 г. Восточная и Северная Европа в Средневековье / Отв. ред. Г.В. Глазырина. М.: Вост. Лит., 2001. 472 с.
3. *Воронова А.А.* Раннехристианская и раннесредневековая архитектура Европы. Метрополии и провинции в контакте Востока и Запада. Учебное пособие. М.: Изд-во ПСГТУ, 2018. 140 с.
4. *Dey H.* The making of Medieval Rome: a new profile of the city, 400–1420. N. Y.: Cambridge University Press, 2021. 332 p.
5. *Nichols F.M.* Mirabilia Urbis Romae. The marvels of Rome: or a picture of the golden city. L.: Ellis and Elvey, Rome, Spithoever, 1889. 205 p.
6. Три еврейских путешественника. М.: Мосты культуры, 2004. 763 с.
7. *Прокофьев Н.И.* Книга хожений. Записки русских путешественников XI–XV вв. М.: Советская Россия, 1984. 448 с.
8. *Шартрский Ф.* Иерусалимская история / Пер., статья, примеч. А.Н. Слёзкина. СПб.: Евразия, 2020. 368 с.

УДК 94(44).023

Зубов Д.Д.

Научно-образовательная лаборатория «Россия и Европа: сравнительное изучение доиндустриальных обществ».
E-mail: carrok.hecarim@mail.ru

Мир, согласие и единство: коммунальная риторика в «Истории Наваррской войны» Гильома Анелье

Аннотация. В 70-е гг. XIII в. во власти французского короля оказались два южных региона: Лангедок и королевство Наварра. При интеграции новых земель в державу Капетингов особое внимание уделялось политике в отношении городских коммун. В докладе анализируется поэтическая хроника тулузского чиновника и трубадура Гильома Анелье (конец 1270-х гг.) — своеобразный политико-идеологический проект, направленный на пропаганду идеологии парижского двора элитам Лангедока и Наварры. На материале «Истории Наваррской войны» показывается, как автор конструирует образ городских коммун в качестве политических акторов и каким образом формулирует их функцию в государстве.

Ключевые слова: Капетинги, Окситания, Наварра, Филипп III Смелый, Гильом Анелье, «История Наваррской войны», эпическая хроника, трубадуры.

Zubov D.D.

Research and Educational Laboratory «Russia and Europe: Comparative Study of Pre-Industrial Societies».
E-mail: carrok.hecarim@mail.ru

Peace, Harmony, and Unity: Communal Rhetoric in Guillaume Anelier's «History of the War of Navarre»

Abstract. In the 70s of the 13th century, two southern regions came under the rule of the French king: Languedoc and the Kingdom of Navarre. During the integration of the new lands into the Capetian empire, special attention was paid to the policy of urban communes. The report analyzes the poetic chronicle of the Toulouse official and troubadour Guillaume Anelier (late 1270s), a kind of political and ideological project aimed at promoting the ideology of the Paris court to the elites of Languedoc and Navarre. The "Histoire de la guerre de Navarre" shows how the author constructs the image of urban communes as political actors and how he formulates their function in the state.

Keywords: Capetians, Occitania, Navarre, Philip III the Bold, Guillaume Anelier, "Histoire de la guerre de Navarre", epic chronicle, troubadours.

В годы правления Филиппа III Смелого (1270–1285) власть французского короля распространилась на далёкие южные регионы — Лангедок и королевство Наваррское. Подчинение этих земель Парижу не осталось номинальным: централизованная бюрократическая монархия Капетингов стремилась к полноценной интеграции новых земель в свою державу. Для этого королевской власти требовалось найти в недавно присоединённых регионах союзников и идеологически обосновать им выгоду такого симбиоза [1, p. 12].

Могущественные феодалы Лангедока и Наварры (например, графы Фуа или сеньоры Касканте) мало зависели от власти королевской династии, могли открыто конфликтовать с ней, но главное — в ней не нуждались. Того же, однако, нельзя сказать о городских коммунах, тяготившихся верховенством сеньоров. Понимая это, Капетинги стремились в своей политике уделить им особое внимание. Так, Людовик IX в своём поучении Филиппу III писал: «Особенно поддерживай добрые города и коммуны королевства, ведь благодаря силе и богатству больших городов свои и иноземцы побоятся предпринимать что-либо против тебя, особенно твои пэры и бароны» [2, с. 174].

К началу XIII в. в городах уже сформировались специфические институты, благодаря которым город мог стабильно функционировать и защищать свои интересы в феодальном мире [3, с. 166; 4, p. 126]. Эту стабильность призваны были «охранять» городские архивы и историография, должная «гармонизировать память» различных коммунальных групп [5, p. 17–19]. Ко времени интеграции Лангедока и Наварры в державу Капетингов города осознали себя значимыми политическими акторами и обрели собственный голос, однако их свобода (а значит, и само существование коммуны) во многом зависела от силы центральной власти. Несмотря на это, чрезмерного усиления присутствия монарха в коммунальной жизни горожане также опасались. Пример можно найти в тенсоне “En aquel son que’m play ni que m’ajensa…” трубадуров-буржуа Пейре и Гильома по поводу разгоравшейся в Монпелье борьбы братств (“pacha partida tensa”). В этом произведении отстаивается независимость городского правления от непосредственного сюзерена — французского монарха. Так, Пейре прямо говорит, что «гонцы уже отправились к королю, а это, без сомнения, повредит Монпелье, и будет весьма печально, если город будет разрушен из-за вражды» (“Per contras van al rei li mesagier / Qu’afollaran ses dupte Monspellier, / Don er gran dans sis pert per malvolensa”). Гильом же отвечает, что монарх волен действовать по собственному усмотрению (“El rey fassa so que y a puies mestier”), однако

решать конфликт должен магистрат: «Если же консулы на советах будут благоразумно держаться заодно, тогда их братства не станут противодействовать, ибо Бог, право и сила на стороне консулов» (“E sils consols an consell ferm entire / Ga lur pachas non faran encombier, / Car Dieus e dregan pres e mantenensa”) [6, p. 51–53].

В такой атмосфере один из королевских чиновников в Тулузе, некий Гильом Анелье, предпринял попытку политического высказывания. В конце 70-х гг. XIII в. он создал «эпическую хронику» — обширную поэму, посвящённую недавним событиям Наваррской войны (1276–1277), по итогам которой это королевство стало частью державы Капетингов. Аудитория его исторического повествования вполне очевидна: это окситаноязычные элиты Лангедока и Наварры, пытавшиеся осмыслить произошедшие события. Таким образом, «История Наваррской войны» Гильома Анелье является весьма специфическим проектом тулузского чиновничества, появившимся для того, чтобы утвердить значимость постулируемых королевским двором ценностей для политических элит Окситании и Наварры. Одним словом, дабы королевская администрация взяла под контроль не только земли, но и коллективную память, а значит, и идентичность недавно интегрированных земель, определила их место в новом политическом порядке. Поэтому в данном исследовании мы постараемся определить взгляды Гильома Анелье на функции городских сообществ в государстве в связи с их особой ролью в интегративной риторике Капетингов.

В своей поэме тулузский трубадур настаивал на важности трёх государственных добродетелей — «мира, согласия и единства» (“patz e compainnia, e unitatz”) [7, p. 36], поддерживаемых «верностью» (“leialtatz”). Без них государство погружается в анархию, что приводит к таким страшным конфликтам, как Наваррская война. Поэтому фигура монарха занимает в мировидении трубадура центральную роль — только наличие правителя в государстве способствует слаженному функционированию общества, его мирному существованию. Главными же врагами государства в «Истории…» являются «предатели» (“trachos”). Под ними Гильом Анелье понимает прежде всего тех аристократов, которые более заботятся о личном благе, нежели об общественном. Такие представители знати, по мысли трубадура, искажают ценности собственного сословия, тем самым переставая быть рыцарями и становясь обыкновенными «разбойниками» (“raubadors”).

Кого же тулузский чиновник противопоставляет деградировавшей аристократии? Новыми элитами в его поэме становятся союзники королевской власти — чиновники и члены городских коммун.

Хотя история коммунального движения Памплоны и не занимает центральное место в повествовании, однако она является неотъемлемой его частью: так, лэссы VI [7, p. 12] и XXI [7, p. 44–46] посвящены исключительно внутригородским проблемам. Кроме того что город получает полноправное место в историческом повествовании, он также представляется весомой военной силой. Трубадур упоминает, что во время Наваррской войны «башни были переданы главнейшим буржуа и достойным ремесленникам» (“Las tors foron mandadas als borgues capdalers / E z as pros menestrals”) [7, p. 168]. Более того, «буржуа и ремесленники» наравне с «рыцарями и баронами» сражаются против сарацин в битве при Лас-Навас-де-Толоса [7, p. 4]. Наконец, главный герой «Истории…» сенешаль Эсташ де Бомарше прямо говорит жителям бурга Сен-Сернен, что они «являются главой Наварры и её правительством» (“Franc borgues, segont que yeu enten, / Vos etz cap de Navarra e lo governamen”) [7, p. 106].

Такое почтительное отношение к горожанам было общим топосом тулузской историографии. У предшественника Гильома Анелье, анонимного автора, написавшего в конце 20-х гг. XIII в. вторую часть «Песни о крестовом походе против альбигойцев», можно обнаружить те же тенденции. В его произведении прослеживается мысль о необходимости симбиоза Тулузской коммуны и её графа, так как друг без друга они попросту не способны к существованию [8, p. 170].

Однако у Гильома Анелье мы можем видеть то, чего не было у его предшественников. Если прежде горожане оставались деиндивидуализированными и выступали сугубо в качестве universitas — коммуны [7, p. 164], то в «Истории…» они получают имена. К примеру, трубадур упоминает, что «для руководства корнельятом [разновидностью военной машины] присутствовали скорняк Джаймес, умный и работящий, а также Перо Перитц — красноречивый плотник» (“Per lo corneyllat guidar era ‘n presens / Jaymes lo correyer, suptil e ben fasens; / Pero Peritz y era carpenter ben dizens”) [7, p. 164]. Более того, некоторые из них наделены даже благородным титулом «дон». Так обозначаются не только патриции Памплоны, вроде Понса Бальдуэна или братьев Аймара и Мартина Крозатов (“E don Ponlz Baldoin e don Aymar Crotzat, / E don Martin son frayre, borgues molt esforçat”) [7, p. 156–158], но и обыкновенные ремесленники. Например, «дон Саварик Художник» (“Don Savaric Pintor”) [7, p. 166–168] или «дон Санчо де Вилава, первый в плотницком деле» (“Don Sancho de Vilava prims de carpenteiar”) [7, p. 170]. Вероятнее всего, это связано с тулузским происхождением автора: в этом городе не проводилось чёткого разделения между рыцарями и буржуа [9, p. 11–12].

Вместе с тем горожане в «Истории…» начинают перенимать характеристики, явно присущие благородному сословию. Так, некий Мартин Ронкаль оказывается «храбрее Оливье» (“E Martin de Roncal gaillartz plus qu’Olivers”) [7, p. 168], а Бернарт де Бадозтань — «самым вежественным сыном буржуа во всём королевстве» (“de Badoztaynn Bernart; / E moric d’aquel colp, dont maynt om fon yrat; / Car banc filltz de borgues plus gent acostumat / Non cre que z om trobes en trastot.j. Regnat”) [7, p. 254]. Наиболее же ярко это видно в эпизоде защиты стены бурга Сен-Сернен — поистине рыцарского подвига, который совершает не дворянин, а ремесленник: «Эн Эстеве, чесальщик, был избран всеми; с щитом на шее, он шёл без оружия, с горящим факелом в руке, и он сказал: “Клятвопреступники, настал день, когда вы умрёте и все будете сожжены”» («N Esteve lo peynner era per totz nomatz, / E z ab l’escut anet s’en dessarmatz / E z ap la fayll’ ardent, e diss: “Desperjuratz, / Le yorn es que morretz, e totz seretz crematz”») [7, p. 246].

Таким образом, в эпической хронике Гильома Анелье городские жители, как патриции, так и рядовые ремесленники, представлены в качестве полноправных элит государства. Во многом они выглядят заменой старой аристократии, находящейся в кризисе, и перенимают на себя её традиционные функции и характеристики.

Судьбы городских сообществ в «Истории…» мы видим на примере двух двойников-антагонистов (излюбленный приём Гильома Анелье) — бургов Памплоны (Сен-Сернен и Сен-Николя) и её ситэ (Наваррери). Жители бургов характеризуются в поэме как «люди здравомыслящие» (“omes assenatz”) [7, p. 46], потому как они защищают центральные для трубадура ценности — «мир, братство и единство» (“nos platz la paz e fugem al turmen”) [7, p. 108]. Соответственно, они также являются носителями основной положительной категории текста — «верности». Это наиболее очевидно в эпизоде, когда бароны предлагают жителям бургов выгодный мир при условии, что они выгонят из Наварры губернатора Эсташа де Бомарше, но те отказываются и так аргументируют свой отказ: «Сеньор [Эсташ], ради дружбы с вами мы готовы пострадать; и мы сделаем всё, что принесёт вам пользу, дабы вы смогли уничтожить ваших врагов» (“Seyner, per vostr’ amor volem ayso suffrir; / E farem tota re que os posca pron tenir, / Si per que’ls enemics vostres puyscatz delir”) [7, p. 192]. Как видим, буржуа выступают безусловно положительными персонажами поэмы. Потому особый интерес представляет их взаимодействие с королевской властью в худшем её проявлении — «тиранией» Энрике Толстого.

Когда этот монарх решил уничтожить памплонскую коммуну, жители Сен-Сернена собрались на совет, где приняли твёрдое решение добиться её сохранения: «И тогда все сказали: “'Это не может быть допущено, потому как отцы (наши) не делали этого, да и мы не желаем делать. Скорее мы дадим себя повесить, или сжечь, или протащить, или вырвать глаза из головы, или отрезать языки, ибо по праву нас может обвинить весь мир. Если король нас принудит силой, мы не сможем защититься, но никто (из нас) не даст, чтобы земля была съедена”» («Et adoncs dixon totz: “Co non es d’autregar. / Qu’anc no’l fero ls paires, ni nos non vuillam far; / Antz nos laissesem pendre o ardre o trainar, / O los hueilltz del cap traire, o las lengas taillar, / Quar per dreit nos puiria tôt le mont acusar. / E si lo rei nos força, nos no’l podem vedar; / Mas degus no otrei per la terra manjar”»). На аудиенции же перед королём депутация бургов лишь выразила своё недовольство его решением, однако никаких действий более не предприняла: «Сеньор [Энрике], даже за Французское королевство с графством Барским мы не согласимся на это и не сможем этого выполнить. Но вы как сеньор вполне можете принудить нас» («E’ls borzes responderon: “Seinner, per gadainnar / Lo regisme de França ab lo comtat de Bar, / Aiço no autreiariam, ni s puiria acabar / Mas vos, coma seinner, nos podetz ben forcar”») [7, p. 40]. Таким образом, жители бургов признают власть сюзерена даже во внутригородских делах и не сопротивляются его воле.

С другой же стороны, жители Наваррери представлены безусловно отрицательными персонажами. Гильом Анелье прямо называет их «людьми бесчестными» (“omes fementitz”) [7, p. 50] и «необразованными» (“omes mal saben”) [7, p. 110]. Поэтому, в отличие от своих визави из бургов, они не сохраняют ни «верности», ни «миролюбия», но активно сопротивляются губернаторам — агентам королевской власти. Так, наваррерийцы дерзко отказываются исполнять постановление Педро Санчеса по уничтожению военных машин [7, p. 58], а после даже атакуют кортеж Эсташа де Бомарше, прибывший в ситэ [7, p. 118]. Однако Наваррери вовсе не получает ни самостоятельности, ни свободы. Жители ситэ, отказавшись от справедливой власти короля, оказываются в руках наваррской аристократии (рикомес), к которой они обратились за поддержкой [7, p. 52]. Между тем их союз оказывается лишь фикцией. По прибытии французского подкрепления рикомес предают своих союзников и оставляют Наваррери на разграбление превосходящих сил [7, p. 302].

Таким образом, в «Истории Наваррской войны» Гильома Анелье члены городских коммун показаны заменой выродившейся аристократии в политической жизни государства. Буржуа обретают характеристики,

прежде присущие лишь дворянству: они показаны в эпической хронике умелыми воинами и добродетельными мудрецами, способными принимать важные политические решения. Отдавая должное коммунам, тулузский трубадур призывает их заключить союз с королевской властью. Именно это является залогом мирного существования и процветания городов — в противном случае они подпадут под власть аристократических кланов, что приведёт к гибели и разорению.

Список источников и литературы

1. *Boutaric E.* Saint Louis et Alfonse de Poitiers: étude sur la réunion des provinces du Midi et le l'ouest à la couronne et sur les origines de la centralisation administrative, d'après des documents inédits. Paris: Henri Plon, 1870. 565 p.
2. *Жуанвиль Ж.* Книга благочестивых речений и добрых деяний нашего святого короля Людовика / Пер. со старофранц. Г.Ф. Цыбулько, ред. А.Ю. Карачинский, науч. ред. Ю.П. Малинин. СПб.: Евразия, 2016. 400 с.
3. *Стоклицкая-Терешкович В.В.* Основные проблемы истории средневекового города X–XV веков. М.: Гос. публ. ист. б-ка России, 2012. 368 с.
4. *Jimeno Jurío J.M.* Historia de Pamplona. Sintesis de una evolucion. Pamplona: Editorial Aranzadi, 1975. 362 p.
5. Les identités urbaines au Moyen Âge. Regards sur les villes du Midi français. Actes du colloque de Montpellier 8–9 décembre 2011 / Ed. by P. Gilli, E. Salvatori. Turnhout: Brepols, 2014. 316 p.
6. *Meyer P.* Les derniers troubadours de la Provence. Paris: Librairie A. Franck, 1871. 211 p.
7. *Anelier G.* Histoire de la guerre de Navarre en 1276 et 1277 / Trad. par F. Michel. Paris: Imprimerie Impériale, 1856. 785 p.
8. *Gouiran G*. From chanson de geste to epic chronicle. Medieval occitan poetry of War / Ed. and trans. by L. Paterson. London: Routledge, 2020. 236 p.
9. *Mundy J*. Liberty and political power in Toulouse 1050–1230. New-York: Columbia University Press, 1954. 402 p.

УДК-94(450)

Харлашкин М.И.
Санкт-Петербургский государственный университет,
Институт истории, студент бакалавриата.
E-mail: st128436@student.spbu.ru

Каструччо Кастракани — синьор Лукки (по хронике Джованни Виллани)

Аннотация. В статье рассматривается процесс превращения Лукки из республики в синьорию, а также становление Каструччо из капитана народа Лукки в герцога Тосканы. Автор анализирует хронику Джованни Виллани, чтобы выяснить его отношение к Каструччо и на примере его книги проследить данный генезис.

Ключевые слова: Италия, Лукка, Средние века, тиран, кондотьер, Каструччо Кастракани, Джованни Виллани.

Harlashkin M.I.
Saint Petersburg State University, Institute of History,
Bachelor's Program, Student.
E-mail: st128436@student.spbu.ru

Castruccio Castracani — signior of Lucca (by the Croniche Florentine of Giovanni Villani)

Abstract. The article examines the process of Lucca's transformation from a republic to a signoria, as well as Castruccio's transformation from lordship of Lucca to Duke of Tuscany. The author analyzes the chronicle of Giovanni Villani in order to find out his attitude to Castruccio and trace this genesis using the example of his book.

Keywords: Italy, Lucca, Middle Ages, tyrant, condottiere, Castruccio Castracani, Giovanni Villani.

История итальянской государственности XIV в., главная специфика которой состояла не столько в полицентризме как таковом, сколько в разнообразии форм власти, продолжает привлекать внимание исследователей. Как в западной, так и в отечественной исторической науке хорошо изучены: проблема перехода от республики к синьории, история «классической» миланской синьории, история других тираний Северной Италии. В то же время история небольших синьорий в городах Тосканы

(Лукка, Ареццо, Прато), более поздних и краткосрочных по сравнению с их североитальянскими аналогами, по-прежнему нуждается во внимании исследователей.

С нашей точки зрения, важным моментом их изучения является то, как сами современники описывали власть тиранов. Писатели XIV в. по-разному трактовали роль синьоров или тиранов в политической жизни Италии этого времени. Так, великий Данте Алигьери в своем трактате «Монархия» [1] характеризовал их негативно, как людей, «которые блюдут публичные права не для общей пользы, а пытаются извратить их в интересах собственных» [1, с. 105]. Недолюбливая тиранов, Данте надеялся на скорый приход Пса, который должен объединить Италию сильной властной рукой. Исследователи спорят, кто был прообразом Пса у Данте. Есть предположения, что он имел в виду императора Генриха VIII или Кан Гранде Делла Скала, миланского тирана. Но также говорят об Угуччоне Делла Фаджола — как о синьоре, который напрямую боролся с алчной Флоренцией [2, с. 72]. О тиранах писал и первый гуманист Франческо Петрарка. В своей «Книге писем о делах повседневных» [3], описывая политическую обстановку в Северной Италии, Петрарка отмечал, что она (Ломбардия) «почти на всем своем пространстве подвластна бессменной тирании, причем та часть, что обращена на Запад и расположена у подножия гор — о ненавистная, о несчастная судьба! — стала к тому же колонией заальпийских тиранов» [3, с. 198]. Также гуманист явно противопоставлял республиканскую Венецию синьориям. Общим для авторов этого времени было описание этих синьорий и их правителей и как «добрых», и как «дурных», в зависимости от ситуации и собственных политических пристрастий.

Одним из ярких примеров подобной тирании является история знаменитого гибеллина, кондотьера и синьора Лукки Каструччо Кастракани, управлявшего городом в период с 1316 г. до своей смерти в 1327 г. Историческая память пережила его на несколько столетий: в эпоху Высокого Возрождения Каструччо стал героем сочинения Н. Макиавелли «Жизнь Каструччо Кастракани» [4]. В этом произведении Макиавелли описал его жизнь и политическую карьеру. Частично осознанно, частично нет он создал образ Каструччо, необходимый ему для одной-единственной цели: показать будущим государям, как надо себя вести, чтобы создать единую Италию. Тот почет, который оказал Каструччо Макиавелли, наглядно виден в сравнении лукканского тирана с Филиппом Македонским: «И так как при жизни он не был ниже ни Филиппа Македонского, отца Александра, ни Сципиона Римского, то он умер в том же возрасте, что и они.

И несомненно, он превзошел бы и того и другого, если бы родиной его была не Лукка, а Македония или Рим» [4, с. 518]. Также, подводя итоги всей жизни властителя Лукки, Макиавелли писал: «Каструччо был не только человеком, выдающимся в свое время, но и в прежние времена такие, как он, появлялись не часто» [4, с. 513]. Помимо труда Макиавелли, в работе были использованы обобщающие труды по жизни Каструччо: книга, впервые изданная в Риме в 1590 г. и созданная в окружении венецианца Альда Мануция, «Деяния Каструччо Кастракани…» [5], а также книга итальянского историка Карла Маньяни «Каструччо Кастракани дельи Антельминелли» [6], написанная в 1926 г. Вместе с этим была использована статья Грина Луиса «Лукка в правление Каструччо Кастракани. Социальные и экономические основания тирании XIV в.» [7], написанная в 1988 г., где автор исследует реформы Каструччо и отдельные аспекты его владычества в Лукке.

В данном случае более важной нам представляется реакция современников, поэтому основной задачей данной статьи станет изучение правления Каструччо Кастракани в Лукке, связанное с усилиями кондотьера по захвату власти в Лукке и превращению республики в синьорию. Главным источником станет хроника Джованни Виллани [8], содержащая ценный материал об отношениях Лукки и Флоренции в контексте противостояния гвельфов и гибеллинов в первые три десятилетия XIV в.

Каструччо родился в 1281 г. в купеческой (пополанской) семье в городе Лукка. До 1296 г. не имел отношения к военному делу, а занимался банковским делом. После разорения семейной компании и победы черных гвельфов в Лукке в 1300 г. он вместе со своей семьей был изгнан в Пизу, которая на тот момент являлась центром гибеллинов и белых гвельфов. Перед изгнанием, что важно, Каструччо взял себе фамилию дельи Антельминелли (degli Antelminelli), одного из знатнейших родов Лукки, войдя, таким образом, в круги городского нобилитета. В изгнании Каструччо решил сменить род деятельности на военный и подался в наемники. Мы точно знаем о его участии на стороне короля Франции Филиппа IV в подавлении мятежа во Фландрии. Также мы с уверенностью можем сказать, что после этого Каструччо вернулся обратно в Италию, но уже как прославивший себя кондотьер. Его брали на службу синьоры Милана — Скалигеры и Висконти [5, p. 15–19; 6, p. 24–29].

Виллани называет Каструччо отважным и пользовавшимся большим влиянием [8, с. 269], а также упоминает о его военной деятельности в Луниджане. Известно о его службе в армии Угуччоне Делла Фаджола, синьора Пизы, с целью вернуть Лукку из власти черных гвельфов [6,

p. 36]. Когда в 1314 г. гибеллин Угуччоне Делла Фаджола вместе с Каструччо захватили власть в Лукке, спустя некоторое время, подобно другим синьорам, Каструччо Кастракани пришел к власти, свергнув Делла Фаджола (1314–1316).

В благодарность за свержения Угуччоне в Лукке Каструччо избрали капитаном народа на один год совместно с представителем рода Квартиджани — Пагано де Квартиджани: Каструччо правил в городе, а Пагано — в контадо. В итоге Пагано под подложным предлогом был изгнан из Лукки, оставив ее Каструччо [8, с. 270]. В ноябре 1316 г. Кастракани добился продления своих полномочий: сначала еще на год, а с 1317 г. — еще на 10 лет, начиная с декабря 1317 г. Наконец, в апреле 1320 г. Каструччо избрали пожизненным капитаном народа, повелителем (Dominus generalis), фактически синьором Лукки [7, p. 146]. Стоит также отметить, что еще при Угуччоне Каструччо назначили виконтом и викарием Луниджаны (в 1314 г. и в 1315 г. соответственно), а после 1320 г. эта власть распространилась также на Лукку и Пистойю, где он в 1319 г. возглавил партию гибеллинов [7, p. 147–148]. Таким образом, если в начале своего правления в Лукке Каструччо обладал лишь военными полномочиями, то после избрания синьором он заполучил гражданскую власть не только над Луккой, но и над ближайшими другими городами. Виллани так резюмирует военную деятельность Каструччо Кастракани: «Когда Каструччо благодаря своему уму, доблести и усердию, как мы уже говорили, завоевал Пистойю, он снабдил ее людьми и провиантом, впустил туда гибеллинов и, возвращаясь в Лукку, устроил себе славный триумф, на манер императора. Это было время его наивысшего могущества и влияния; во всем ему сопутствовала удача, так что за последние триста лет в хрониках не найдешь такого итальянского государя или тирана, который мог бы сравниться с ним. Каструччо стал властелином Пизы, Лукки, Пистойи, Луниджаны, значительной части Генуэзской Ривьеры на востоке и более трехсот укрепленных замков» [8, с. 319]. Л. Грин подчеркивает связь Каструччо с торговыми кругами Лукки, ведь Каструччо так или иначе сам происходил из этих кругов. Как правитель Лукки направлял свои походы, исходя из их интересов, так и банкиры спонсировали Каструччо в сильной нужде (например, при битве при Альтопашо) [7, p. 151].

Говоря о военных деяниях Каструччо, нельзя не вспомнить о событиях в Генуе 1320 г., когда разгорелась борьба между гвельфами и гибеллинами. Первых поддерживали папа Иоанн XXII и Роберт Неаполитанский, а вторых — Федериго Сицилийский, сын Педро Арагонского. Эти события вновь разожгли огонь старой вражды между гвельфами и гибел-

линами на севере страны. После событий в Генуе гвельфы стали готовить нападение на Милан, но Каструччо, быстро примкнув к лагерю гибеллинов, напал на флорентийские позиции в Валь д'Арно, тем самым сорвав поддержку ломбардских гвельфов Флоренцией [7, p. 147].

Флорентийцы, как главная гвельфская сила в Тоскане, сами не справлялись с растущей мощью Каструччо: в августе 1321 г. они призвали на помощь немецких наемников под командованием кастеляна Фриуля Якопо ди Фонтанабуона, которые успешно воевали с войсками Каструччо, «во всяком случае, с момента их прихода он уже не решался переходить Гвишиану (реку близ Фучеккьо)» [8, с. 273]. В это же время (январь 1322 г.) флорентийцы уже не пользовались поддержкой Роберта Анжуйского, что было выгодно Каструччо, вновь напавшему на флорентийское контадо и грабившему города союзников. Так, поход Кастракани на Прато в июле 1323 г., жители которого отказались платить ему дань, закончился спокойным возвращением Каструччо с награбленной добычей в Лукку, поскольку флорентийцы не смогли эффективно противостоять ему из-за отсутствия единого военного командования [8, с. 279–280].

Впрочем, в ходе военных действий в Тоскане, не прекращавшихся вплоть до самой смерти Кастракани, у него были и неудачи. Так, в декабре 1323 г. он напал на Фучеккьо и занял его, но гвельфы смогли выгнать Каструччо из города, при этом ранив его [8, с. 283]. В мае 1325 г. Каструччо захватил Пистойю — крупный гвельфский город в Тоскане [7, p. 148]. Флорентийцы в ответ собрали свой отряд с целью освободить Пистойю. В июне 1325 г. начались крупные военные приготовления, о которых стало известно Каструччо. Он решил покинуть Пистойю и укрепить Монтале, для того чтобы лучше держать осаду самой Пистойи. Флорентийцы же отправили свое войско во главе с капитаном Рамондо ди Кардона в Прато, чтобы зажать Каструччо в тиски, так как Сиена и Пиза к этому моменту еще не подчинялись Каструччо [8, с. 286]. 17 июня это союзное войско вышло из Прато и отправилось к Пистойе. Рамондо разделил войско: часть направил грабить окрестности Пистойи, чтобы Каструччо все свои силы направил именно туда, а часть — в Фучеккьо, чтобы там соединиться с лукканскими изгнанниками и перейти через Гвишиану. Флорентийцам сопутствовал успех: им удалось занять окрестные города Монтефальконе и Каппиано к концу июля 1325 г.

Когда Каструччо понял, что флорентийцы двигались в сторону Лукки с целью ее захвата, он выдвинулся из Пистойи со своим войском к замку Черрульо, который находился в 20 км от Лукки, недалеко от Альтопашо [8, с. 287–288]. Пока он подходил к замку Черрульо, Флоренция осадила

замок Альтопашо (3 августа), но неудачно из-за внезапного мора, покосившего ряды войск. Кроме того, на сторону Каструччо тайно переходили иностранные наемники (в частности, мессер Гийом). Поначалу о его переговорах стало известно флорентийцам, Гийома выслали из флорентийского лагеря, но позже он вступил в ряды войска Каструччо и причинил флорентийцам «немало вреда» [8, с. 288]. Каструччо решил отправить небольшой отряд на разграбление контадо Флоренции (10 августа), а затем отправить войска на снятие осады с города Альтопашо (23 августа). Эти военные кампании были неудачными, его войска проиграли под Карминьяно. Под влиянием этого поражения Альтопашо восстал против лукканского властителя и перешел к флорентийцам [8, с. 289]. Однако против Флоренции сыграл фактор отсутствия единого командования и наличие острых социальных противоречий между пополанами и грандами, которые не могли договориться о дальнейших действиях. В итоге флорентийцы выбрали тактику грандов (с дальнейшим продвижением на Лукку), что было далеко не самым правильным решением, как подметил хронист [8, с. 289]. Ведь флорентийское войско было голодным, больным, требовался отдых от длительных сражений. 9 сентября войско выдвинулось из Альтопашо в аббатство у Поццевере.

Но и для Каструччо время не играло на пользу. Как известно, войны в Средние века сопровождались различными болезнями и голодом, а потому была постоянная необходимость в частом пополнении или отдыхе. Видя свои потери, Каструччо позвал на помощь синьора Милана Галеаццо Висконти, а точнее, его сына Аццо Висконти. Тот с отрядом отборных рыцарей прибыл к Каструччо, собрав большие отряды войск. Благодаря этой помощи Каструччо получил более 1000 обученных рыцарей [8, с. 290]. Рамондо, понимая, какую ошибку он совершил, расположил свою армию в Поццевере и отправил саперов (spianatori) во главе с Урленбахом расчистить место перед новым лагерем. Но Каструччо узнал об этом и отправил часть своего войска, чтобы перебить этих саперов. Из флорентийского лагеря в ответ вышли рыцари, и постепенно разгорелась битва. Виллани так охарактеризовал ее: «самая замечательная и продолжительная стычка, которую помнят в Тоскане, длившаяся много часов, в ходе которой обе стороны четырежды отступали, снова собирались с силами и вступали в бой, как бывает на турнирах» [8, с. 291]. Каструччо старался максимально затянуть время до прихода Аццо Висконти, и с его приходом 23 сентября 1325 г. флорентийцы были полностью разгромлены, погибло множество знатных и известных людей. Каструччо отвоевал Каппиано и Монтефальконе, а 6 октября сдался Альтопашо.

Каструччо оставил Флоренцию с уничтоженной армией, захватил множество пленных и трофеев — это был абсолютный успех. Чувство триумфа заставило его задуматься о походе на Флоренцию, и 10 декабря его отряды отправились грабить окрестности Флоренции — довольно успешно [8, с. 294].

Флорентийцы, усвоив уроки битвы при Альтопашо, решили вновь обратиться к королю Роберту за помощью. 30 июня 1326 г. в город прибыл его сын Карл, с которым были связаны надежды на эффективное военное командование. Герцог, скорее всего, пытался заключить перемирие с Каструччо, но попытка оказалась безуспешной, и 30 августа 1326 г. кардинал-легат отлучил Каструччо и его подчиненного епископа Ареццо Тарлати от церкви [8, с. 298–299]. Это никак не остановило Каструччо, а дальнейшие события только подтвердили его позицию.

В 1327 г. в Италию отправился Людовик Баварский. Он короновался итальянской короной в Милане, затем последовала коронация в Риме. Как известно, в Риме вспыхнуло восстание против засилья нобилей и грандов в городе. Народ выслал главных представителей семейств Орсини и Колонна[1] — Наполеоне Орсини и Стефано Делла Колонна. Римляне назначили капитаном народа Шарру Колонну и избрали совет из 52 пополанов. Также народное правительство Рима направило посольства к Иоанну, Роберту и Людовику Баварскому (Баварцу) с целью заручиться их поддержкой; они попросили Иоанна вернуться в Рим под угрозой перехода города на сторону гибеллинов, но папа отказался от этого, лишь сказал, что он придет, когда наступит его время [8, с. 305]. Римляне перешли на сторону Баварца. Позже именно совет из 52 пополанов участвовал в избрании Людовика императором.

Поход Баварца придал силы всему гибеллинскому союзу. Каструччо очень внимательно следил за перемещением императора, стараясь как можно раньше получить его доверие. Захватив Пизу, он тем самым снискал расположение Людовика. Будущий император приехал в Лукку 4 ноября 1327 г. и даровал Каструччо звание герцога города и дистретто Лукки, епископства Луни, города и епископства Вольтерры и Пистойи [8, с. 309]. Таким образом, Каструччо стал полноправным светским властителем: теперь ему не надо было путем избрания подтверждать свое место. С этого момента Каструччо фактически стал неотлучим от Лю-

[1] Орсини и Колонна — два самых знатных рода Папской области, которые противостояли как папе, так и друг другу за господство в Риме.

довика и участвовал вместе с ним в его походах. В январе 1328 г. они вместе прибыли в Рим, где Баварец был коронован императором. Людовик Баварский посвятил Каструччо в рыцари и даровал ему титул графа Латеранского дворца. Доверие лукканскому владыке такого важного сакрального титула свидетельствовало о большом значении Каструччо для императора и его доверии к нему. Виллани писал: «На следующее утро Баварец произвел Каструччо, герцога Луккского, в сенаторы и свои наместники, оставив его на Капитолии; сам же с женой выехал в Сан Джованни Латерано» [8, с. 313–314].

Видимо, в это время из-под контроля Каструччо начинают выходить его владения, ведь, как сообщает хронист, он был вынужден брать в осаду Пистойю и вновь захватывать Пизу. Причем в этот раз при взятии Пизы он не получил благословение императора, а потому боялся за себя, ведь сделал он это без его санкции — бремя герцога давало о себе знать. К тому же Каструччо помнил пример Галеаццо Висконти, которого Баварец лишил всех почестей и который теперь был вынужден служить обычным солдатом у Каструччо и у него уже погибнуть [8, с. 319]. Тем временем властитель Лукки узнал, что император выехал из Рима в Лукку, — это заставило его заигрывать с флорентийцами. Однако при осаде Пистойи он подхватил смертельную лихорадку, которая разрушила все планы. Он начинал писать завещание, в котором особую роль отдал своему старшему сыну Арриго: ему он даровал свой герцогский титул и статус главы семьи [5, p. 136]. Данное завещание служит доказательством того, что республиканские институты передачи власти окончательно уступили место передаче власти по наследству. 3 сентября 1328 г. Каструччо умер в городе Лукка [8, с. 319].

Но многие города восстали против Арриго, и он был вынужден успокаивать их. Это привело к тому, что дети и жена Каструччо потеряли свою власть над Луккой. Но император выделил для них замок Монтеньори с округой во владение [5, p. 149], а городом, по указанию Баварца, в марте 1329 г. завладел дальний родственник Кастракани Франческо [8, с. 325]. Дети Каструччо не стали мириться с потерей земель отца и подняли мятеж в Пистойе, который был подавлен Франческо [8, с. 325]. Так семья Каструччо окончательно потеряла свою власть над Луккой.

Таким образом, Каструччо Кастракани хоть и не добился сохранения созданной им синьории на продолжительное время, тем не менее 15 из 47 прожитых им лет управлял Луккой и за это время прошел путь от беглого гибеллина до герцога Тосканы, практически объединив ее и другие города Тосканы под своими знаменами, и, несомненно, стал неким героиче-

ским образом в культуре Италии. Хроника Джованни Виллани содержит значительные сведения о его правлении. У Виллани проявляется некое двойственное отношение к Каструччо: с одной стороны, он восхищается его личностью и талантами, с другой стороны, Каструччо, в его интерпретации, был послан Богом в наказание Флоренции за ее грехи и вечные раздоры. Хотя сыновья Каструччо не смогли удержать власть, завоеванную их отцом, тирания Каструччо Кастракани в Лукке яркой страницей вошла в историю Италии XIV в.

Список источников и литературы

1. *Алигьери Д.* Монархия / Пер. с итал. В.П. Зубова; комментарии И.Н. Голенищева-Кутузова. М.: «КАНОН-пресс-Ц» — «Кучково поле», 1999. 192 с.
2. *Баткин Л.М.* Данте и его время. Поэт и политика. М.: Наука, 1965. 198 с.
3. *Петрарка Ф.* Письма / Перевод, послесловие, комментарий В.В. Бибихина. СПб.: Наука, 2004. 620 с.
4. *Макиавелли Н.* Жизнь Каструччо Кастракани // Государь: Трактаты, проза, письма / Пер. с ит. Н. Томашевского, М. Юсима. М.: Иностранка, Азбука-Аттикус, 2024. 768 с.
5. Le azione di Castruccio Castracane degli Antelminelli / com. L. Guidotti. — 3 ed. — Lucca: Tipografia di Luigi Guidotti, 1843. 246 p.
6. *Magnani C.* Castruccio Castracani degli Antelminelli. Milano: Alpes, 1926. 191 p.
7. *Green L.* Lucca under Castruccio Castracani: The Social and Economic Foundations of a Fourteenth-Century Italian Tyranny. I Tatti Studies in the Italian Renaissance. 1985. Vol. 1. P. 137–159. JSTOR, https://doi.org/10.2307/4603643.
8. *Виллани Дж.* Новая хроника, или История Флоренции. 5-е изд. М.: Наука, 1997. 551 с.

УДК 94(450)

Вялкова Ю.С.
Тюменский государственный университет,
Институт социально-гуманитарных наук,
студент магистратуры.
E-mail: stud0000263195@study.utmn.ru; vyalkova.yulia@gmail.com

Понятийный аппарат Флорентийской республики периода XV — первой трети XVI в. как маркер кризиса республиканизма

Аннотация. В статье рассматривается эволюция понятийного аппарата Флорентийской республики периода XV — первой трети XVI в. Анализируются концептуальные закономерности развития как маркер внутриполитического кризиса, отражающего трансформацию политической реальности от утопической модели республиканизма к прагматичной монархии на материале политических трактатов итальянских гуманистов данного периода.

Ключевые слова: республика, синьория, гражданский гуманизм, власть.

Vyalkova Y.S.
Tyumen State University,
Institute of Social Sciences and Humanities,
Master's program, Student.
E-mail: stud0000263195@study.utmn.ru; vyalkova.yulia@gmail.com

The conceptual apparatus of the Florentine Republic from the 15th to the first third of the 16th centuries as a marker of the crisis of republicanism

Abstract. This article examines the evolution of the conceptual apparatus of the Florentine Republic from the 15th to the first third of the 16th centuries. It analyzes conceptual patterns of development as a marker of a domestic political crisis, reflecting the transformation of political reality from a utopian model of republicanism to a pragmatic monarchy, using political works of Italian humanists of the period.

Keywords: Republic, signoria, civic humanism, authority.

Для рассмотрения понятийных закономерностей необходимо обозначить концептуальную особенность периода, которая основывалась на античных нормах права и морали, что привело к появлению ренессансного

гуманизма. Однако период XV в. в связи с насыщенностью политических событий как во внутренней, так и во внешней политике, ознаменовал начало нового направления — гражданского гуманизма. Ключевые понятия данной концепции были сформированы в результате внешнеполитического кризиса, связанного с военным конфликтом между Флоренцией и Миланом. Это стало ответом флорентийских мыслителей на борьбу за свои демократические права против монархов, которые на них посягали [1, с. 126]. В результате флорентийская политическая мысль развивалась именно за счет противопоставления республики и монархии. Работы данного периода имели характерную патриотическую окраску, устойчивый призыв для граждан отстаивать свои традиции, а также возвышали и показывали все преимущества демократии (democrazia), которая рассматривалась в связке с понятием «республика», где “democrazia” — от греч. δῆμος и κρατία — «власть народа», а “repubblica” — от лат. res publica — «общественное дело». Данная закономерность, которая рассматривалась как разделение между владением и осуществлением власти, является основополагающей для дальнейшего развития концепций [2].

История изучения понятийного аппарата Флорентийской республики уходит корнями в XIX в. Работа Я. Буркхардта «Культура Возрождения в Италии» заложила основу для будущей зарубежной и отечественной историографии в изучении таких понятий, как virtù, государство (stato), свобода (libertà) и т. п. Центральным тезисом его работы стало развитие индивидуализма в контексте Возрождения, который нашел свое отражение во всех сферах общественной жизни и связан прежде всего именно с понятием свободы [3, с. 185].

Здесь нельзя не отметить вклад Кембриджской школы истории понятий, которая во многом основывалась на работах Х. Барона, Н. Рубинштейна, направленных прежде всего на флорентийское общество в целом через призму социальной истории и истории ментальностей. Представители Кембриджской школы, в частности К. Скиннер, рассматривают политический язык не просто как отражение реальности, а как инструмент для ее создания. В результате этот подход сформировал отдельный методологический пласт в мировой исторической науке. В работах Дж. Покока мы наблюдаем тенденции развития политических языков. Применимо к Флоренции важен его труд «Момент Макиавелли», где автор, рассматривая язык гражданского гуманизма, представляет нам такие ключевые понятия, как “virtù”, которое входило в конфронтацию с “fortuna” (оба они рассматривались в работе как порядок и хаос соответственно) [4, с. 150], а также “vivere civile” и “libertà”.

В отечественной историографии понятийный аппарат Флорентийской республики рассматривается через призму гуманизма и социальной истории. Однако в работах таких авторов, как Л.М. Баткин, Л.М. Брагина, М.А. Юсим, О.Ф. Кудрявцев, неизменно присутствуют воззрения относительно ключевых понятий, применимых к политической обстановке Флоренции периода XV — первой трети XVI в.

Важно отметить, что особенности развития понятийного аппарата тесно связаны также с внутренней политикой Флоренции данного периода. На начальном этапе формирования его трактовка являлась классически демократической и оставалась такой вплоть до второй половины XV в. Это связано с проведением республиканской политики Медичи и их попытками удержать имидж хранителей традиций. Показательными здесь являются работы таких мыслителей, как Леонардо Бруни и Леон Баттиста Альберти. В работе Бруни «Похвала Флоренции» (1404) Флоренция представляется как идеал города-государства, в котором особенно ценно государственное устройство на основе разделения властей, что является основой для справедливого правления и способом участия в нем всех слоев населения [5, с. 123].

Работы Альберти были направлены на формирование представления образа гражданина, его добродетели и патриотизма. Произведение «Теогенио» (“Theogenius”), известное также как «О республике, о жизни гражданской и негражданской и об удаче» (“De republica, de vita civile e rusticana e de fortuna”), было написано в формате диалога двух поколений, в котором представитель старшего поколения умудренный опытом Теогенио наставлял молодого Тихипедо на путь ответственного, активного гражданина, преданного своей родине даже за ее пределами, а также рассказывал о важности демократического правления и республики. Альберти перечисляет и систематизирует качества ответственного гражданина, выделяя три простые категории: хорошие, плохие и не те ни другие. **К хорошим** он относит: добродетель (la virtù), ум, украшенный хорошими нравами (la mente ornata di buon costumi), хорошо обоснованное суждение (ben retto iudizio) и хорошо организованный/уравновешенный интеллект (ben regolato ingegno). **Плохими** являются порок (el vizio), легкомысленность (la levità), амбиции (l’ambizione), чрезмерная жадность (la troppa cupidità). Качества этих двух категорий зависят от самого гражданина, который делает выбор, следовать им или нет. В третью категорию Альберти выделяет не столько качества, сколько характерные особенности человека, влияющие на его повседневную жизнь. Они находятся **под властью судьбы (fortuna)**, т.е. неподвластны

человеку, и могут быть использованы как во благо, так и во вред. К таким относят: богатства (ricchezze), состояния (stati), величие (amplitudine), власть (potenza), а также привычки тела и состояние здоровья [6]. Кроме того, в диалоге отражаются суждения о патриотизме и долге гражданина перед своей родиной, даже если он находится вне ее границ. Здесь имеет место личная ситуация автора, семья которого, будучи флорентийской аристократией задолго до него самого, была выслана из города. Акцентируя внимание на данном сюжете, Альберти демонстрирует читателю, что, несмотря на обстоятельства, он помнит о своем обязательстве перед государством и считает важным его исполнять.

Альберти рассуждает не просто о понятии ответственного гражданина, но и о возможности его стать хорошим правителем, чему может помешать жажда власти и страх ее потерять. Мудрый правитель, согласно автору, должен прежде всего слышать глас народа, быть человечным и справедливым, иначе он просто не достоен своего величия [6].

Интересны обстоятельства создания данного диалога. Он был написан приблизительно в 1440 г., когда Козимо Медичи уже вернулся из изгнания обратно во Флоренцию и начал укреплять позиции свои и своей семьи у власти как главы государства, при этом акцентируя внимание общественности на необходимости и незыблемости республиканских традиций. Однако всплеск интереса пришелся на конец XV в., когда под названием «О республике…» (“De republica…”) работа была опубликована во Флоренции в 1495 г., что связано с попыткой города восстановить республиканские традиции после изгнания Медичи.

Нравственные наставления, описания идеального политического устройства, представленные в произведениях последователей гражданского гуманизма периода первой половины XV в., дают четкое представление о традиционном республиканском влиянии на работы мыслителей. В работах авторов данного периода представляется идеальная картина — утопическая модель существования Флорентийской республики, которая была призвана передавать из поколения в поколения особенности местного политического уклада, основанные на понятиях свободы (libertà). Еще со времен Бруни свободный дух флорентийских граждан представлялся гарантом благополучия Флоренции, т.к. именно он являлся движущей силой в борьбе за свои права и свободы во внешней политике. При этом управлением государства должны были заниматься лишь достойнейшие выборные люди, которые пользовались уважением и доверием народа. К таким, как правило, относилась аристократия ввиду их образованности, однако простой народ был уравнен с ними в правах и также имел

возможность принимать участие в политике. Аристократия обозначалась термином “ottimati” от латинского “optimates”, что означает «лучшие». Данное понятие восходит еще к римской традиции и применялось для обозначения консервативной аристократической партии в Римской республике. Здесь прослеживается четкая преемственность Флорентийской республики как оплота демократических ценностей в Италии. Консервативные настроения помогали удерживать легитимную власть в глазах народа, отражали передачу традиций новому поколению от Рима к Флоренции, в том числе граждан, направленных на вовлеченность в политику государства.

Во второй половине XV в. обстановка во Флорентийской республике начала меняться. Несмотря на сохранение республиканского законодательства, само государство приобретало черты тирании, что было связано с укреплением власти фактически правящей семьи Медичи. Все чаще проявлялось понятие «синьории» вместо «республики», а сам период после получил название «период Синьории Медичи». Здесь важно отметить, что «синьория» — не новое понятие, характерное для данного периода как факт, т. к. оно применялось и раньше, но как обозначение государственного органа управления. Синьория республиканского периода была выборным органом власти, члены которой менялись каждые два месяца, как и гонфалоньер справедливости. Специфика понятия «синьория» заключается в текущем обозначении формы правления, хотя современники чаще закладывали в него именно обозначение государственной структуры. Это связано прежде всего с привилегированностью более богатой части населения, которая ввиду своего состояния становилась с годами все более влиятельной, ведь именно от него зависела экономика государства. Здесь можно сделать вывод о понятийной закономерности: понятие “signoria” происходит от итальянского “il signore” — синьор — благородный влиятельный человек, который имел определенные владения, территориальные и материальные, фактически — представитель высшего сословия [7]. В результате нам представляется, что это означало переход власти к высшим слоям населения, тогда как низшие потеряли свое влияние. Демократия ослабевает и уступает власти аристократии, которой руководит семья Медичи, подобно монархам, которых мыслители-современники называли “principe”.

Понятие “principe” восходит к латинскому “princeps”, этимология которого заключается в соединении двух частей: “primus” — “primo”, первый, и “capĕre” — “prendere”, «брать». Таким образом, “princeps” — “principe” — человек, который занимает первое место, в нашем слу-

чае — в государстве [8]. Проводя аналогию между Римом и Флоренцией, также необходимо отметить, что принцепсы в ранней Римской империи являлись главами принципата, который формально являлся республикой, но на деле власть передавалась по наследству и являлась тиранической, хотя и утверждалось, что глава государства является лишь первым среди равных. Здесь мы вновь видим четкую преемственность римских традиций Флоренцией периода второй половины XV в., когда правительством Медичи поддерживалась видимость республиканских традиций, на деле же власть передавалась от отца к сыну, а государственные органы были полностью им подконтрольны. Эта видимость была необходима властям для сплочения народа перед внешними факторами и поддержанием гражданского патриотического духа. В особенности ярко это стало проявляться в период правления Лоренцо Медичи в результате его масштабной политики по укреплению своей власти, когда был создан новый государственный орган — Совет семидесяти, оттеснивший все демократические институты республики. При всем этом работы современников пытались продолжать поддерживать республиканские настроения. Так, например, в «Диалоге о свободе», который был написан после неудавшегося в 1479 г. заговора Пацци, Алманно Ринуччини рассуждал о причинах самого заговора и пришел к выводу, что он произошел для восстановления свобод государства, потому что его участники не смогли смириться с их потерей [9, с. 164]. На деле же именно это событие повлияло на проведение Лоренцо жесткой политики укрепления своей власти, ведь в результате заговора он потерял младшего брата и чуть не погиб сам. Таким образом, Флорентийская республика периода второй половины XV в. находилась в глубоком кризисе и застое, а Синьория Медичи ознаменовала начальный этап формирования будущей Флорентийской монархии в виде Флорентийского герцогства в 1532 г., во главе которого встал очередной представитель дома Медичи.

Краткий период восстановления республики в 1494 г. Джироламо Савонаролой, чьи проповеди хоть и были популярны в народе, но не позволили ему надолго удержать власть, лишь укрепили мысль о необходимости переосмысления традиционных толкований республиканских концепций. Интеллектуальная атмосфера этого периода пестрила разнообразием трактовок в воззрениях относительно формы правления и пополнялась полярными мнениями. Так, Савонарола открыто критиковал гуманистов, считая, что лишь Бог может управлять Флоренцией как Создатель, а он сам является проводником Его воли. Попытки правления любых других рассматривались Савонаролой как проявление тщеславия

и гордыни. Данное мнение является противоположным позиции Марсилио Фичино, который, наоборот, считал, что стремление к справедливости и возможность управлять государством гражданами является способом достижения гармонии с природой и окружающим миром, обращаясь к божественному идеалу. Однако тезис о гражданственности все так же остается в центре внимания представителей политической мысли Флоренции [10, с. 213–214].

Несмотря на все разнообразие политической мысли, концепция гражданской ответственности оставалась центральной и неизменной, однако претерпела изменения в более прагматичную сторону к XVI в. Так, концепция Франческо Гвиччардини основывалась на необходимости власти народа, но посредством избрания самых достойных, что в целом перекликалось с тенденциями второй половины XV в. В качестве абсолютных пороков граждан, которые мешают процветанию государства Гвиччардини называл скупость, ненависть, злопамятство, при этом честолюбие не считал отрицательным качеством, если используется во благо. Правитель должен был быть собранным и совершать поступки, основываясь на морали и добродетели [11, с. 97]. Гвиччардини реалистично смотрел на политическую обстановку и пришел к выводу, что республиканизм во Флоренции должен претерпеть трансформацию, а утопичные концепции ранних гуманистов стали несостоятельными в современных ему реалиях.

Вершиной трансформации понятийного аппарата и интеллектуальной среды, несомненно, стал трактат Никколо Макиавелли «Государь» (оригинальное название “Il Principe”), который вновь отсылает нас к монархическим концепциям. Несмотря на положительное отношение Макиавелли к республике как форме правления, он говорит о ее несостоятельности для Флоренции в современных реалиях. Он не приемлет любых промежуточных формирований и считает, что, выбирая между республикой и монархией, для Флоренции монархия — самая выигрышная форма [12, с. 63]. Он, в отличие от классиков гуманизма, не представляет нам утопичный образ правителя и гражданина, а четко и твердо заявляет о негативной стороне человеческой натуры. Люди подвержены порокам, являются лживыми, и это не то, от чего нужно избавляться. Макиавелли призывает не бежать от пороков, а сделать их своей силой. Сильный и хитрый правитель — самый лучший правитель. При этом у него должна быть репутация добродетельного человека, чтобы иметь успех у народа. Не обязательно иметь все возможные добродетели, чтобы стать хорошим правителем, — достаточно лишь убедить в этом окружающих [12, с. 108]. Граждане же государства должны заботиться о его состоянии, но не ме-

шать власти вершить политику. Единовластие может быть утверждено лишь знатью (grandi) или народом (popolo), но утверждение народом является более перспективным, потому что именно он является самым многочисленным и позволит удержать монарху власть в своих руках. Эти суждения были четко отражены в политике первой трети XVI в., что привело к становлению Флорентийской республики монархией в виде герцогства. Именно прагматичный подход позволил объяснить причины этой необходимости и не встретил большого противостояния.

Таким образом, анализируя понятийные закономерности Флорентийской республики периода XV — первой трети XVI в., можно сделать вывод об эволюции понятийного аппарата от классических республиканских идеалов к монархическим, что стало маркером глубокого кризиса республиканизма. Концептуально данный период можно разделить на три этапа формирования политической мысли:

1) **до второй половины XV в.** — классическая республиканская трактовка концепций;
2) **вторая половина XV в.** — олигархическое правление, которое апеллирует к республиканским традициям для обоснования своего нахождения у власти и манипулирует ранее сложившимися органами власти;
3) **первая треть XVI в. до учреждения в 1532 г. Флорентийского герцогства** — развенчание культа утопической модели республиканизма как неэффективной в отношении Флоренции и переход к монархической форме правления.

Рассматриваемый период стал эпохой трансформации, отражая упадок Флорентийской республики как сильного государства и прагматичный пессимизм поздних мыслителей. Эволюция понятийного аппарата позволяет проследить четкую хронологическую последовательность этих изменений в политической мысли.

Список источников и литературы.

1. *Скиннер К.* Истоки современной политической мысли: в 2 т. Т. 1: Эпоха Ренессанса / Пер. с англ. А.А. Олейникова; под науч. ред. В.В. Софронова. М.: Издательский дом «Дело», 2018. 464 с.
2. Democrazia [Электронный ресурс] // Treccani. URL: https://www.treccani.it/enciclopedia/democrazia/ (дата обращения: 26.09.2025).
3. *Брукхардт Я.* Культура Возрождения в Италии / Пер. Н.Н. Балашова, И.И. Маханькова. М.: Юристъ, 1996. 591 с.

4. *Покок Дж. Г.А.* Момент Макиавелли: Политическая мысль Флоренции и атлантическая республиканская традиция / Предисл. Р. Уотмора; пер. с англ. Т. Пирусской. М.: Новое литературное обозрение, 2020. 888 с.
5. *Брагина Л.М.* Итальянский гуманизм. Этические учения XIV–XV веков. М.: Высшая школа, 1977. 254 с.
6. *Alberti L.-B.* Theogenius / Alberti L.-B. [Электронный ресурс] // Ousia. URL: https://www.ousia.it/content/Sezioni/Testi/AlbertiTheogenius.pdf (дата обращения: 26.09.2025).
7. Signorìa / [Электронный ресурс] // Treccani. URL: https://www.treccani.it/vocabolario/signoria/ (дата обращения: 28.09.2025).
8. Prìncipe / [Электронный ресурс] // Treccani. URL: https://www.treccani.it/vocabolario/principe/ (дата обращения: 28.09.2025).
9. *Ринуччини А.* Диалог о свободе / Пер. с ит. М.М. Ощепковой и Л.М. Поповой // Сочинения итальянских гуманистов эпохи Возрождения (XV век). М.: Издательство Московского университета, 1985. С. 162–186.
10. *Фичино М.* [О моральных добродетелях] / Пер. с ит. О.Ф. Кудрявцева; под ред. Л.М. Брагиной // Сочинения итальянских гуманистов эпохи Возрождения (XV век). М.: Издательство Московского университета, 1985. С. 211–215.
11. *Гвиччардини Ф.* Заметки о делах политических и гражданских / Пер. с итал. Г.Д. Муравьёвой. М.: РИПОЛ классик, 2016. 240 с.
12. *Макиавелли Н.* Государь / Пер. М.А. Юсима // Государь: трактаты, проза, письма. М.: Иностранка, Азбука-Аттикус, 2022. С. 62–143.

УДК 94 (450)

Павлов К.В.
Санкт-Петербургский государственный университет,
Институт истории, аспирант.
E-mail: Kir2014Sch603@gmail.com; st055536@student.spbu.ru

Флорентийская дипломатия эпохи Итальянских войн перед неразрешимым кризисом: Франческо Гвиччардини и понтифики дома Медичи

Аннотация. В исследовании рассмотрена проблема перерастания Итальянских войн из кризиса столкновения интересов в военно-дипломатическую катастрофу. Акцент сделан на дипломатии Флоренции и папства периода реставрации Медичи. Предметным образом анализируется подход к осмыслению данной проблемы флорентийскими дипломатами эпохи, прежде всего — Франческо Гвиччардини.

Ключевые слова: Итальянские войны, Флоренция, папство, Гвиччардини.

Pavlov K.V.
Saint Petersburg State University,
Institute of History, Post-Graduate Student.
E-mail: Kir2014Sch603@gmail.com; st055536@student.spbu.ru

Florentine diplomacy in the Italian Wars through the unsolvable crisis: Francesco Guicciardini and the pontiffs of the Casa de' Medici

Abstract. This study examines the escalation of the Italian Wars from a crisis of clashing interests into a military-diplomatic catastrophe. Emphasis is placed on the diplomacy of Florence and the papacy during the Medici Restoration. The approach to understanding this issue by Florentine diplomats of the era, particularly Francesco Guicciardini, is analyzed in detail.

Keywords: Italian Wars, Florence, papacy, Guicciardini.

Рассуждая о проблемах и противоречиях в европейской политике раннего Нового времени, ряд исследователей различных школ и поколений [1; 2; 3] характеризовали Итальянские войны 1494–1559 гг. как пример политической ситуации, кризисной как минимум одновременно в двух измерениях: дипломатическом и военном. Дипломатическое из-

мерение итальянского кризиса выражалось в невозможности установить устойчивые договорённости о балансе сил на Апеннинах, военное — в долгосрочной неспособности итальянских государств совместно организовать и вести военные действия против иноземных захватчиков.

Основной задачей данной статьи станет анализ последствий отказа Флоренции от курса вооружённого нейтралитета в Итальянских войнах, а также определение отдельных аспектов персональной ответственности некоторых знаменательных фигур флорентийской политики в катастрофической ситуации падения Тосканской республики.

Предшествовавшая итальянскому конфликту вторая половина XV в., по справедливому наблюдению итальянского историка Дж. Галассо, может быть охарактеризована в истории как эпоха «Италии в балансе» (*Italia della bilancia*) [2, p. 401]. Подобное равновесное положение дел в итальянской политической системе было достигнуто посредством установления в 1454 г. Лодийского мира между Венецианской республикой и герцогством Милан, завершившего череду более чем полувековых внутриитальянских войн различной интенсивности и претенциозности. На базе этого мира удалось заключить военно-дипломатический союз пяти крупнейших городов-государств Италии — Венецианской республики, герцогства Милан, Флорентийской республики, королевства Неаполь и папства — известный как Итальянская лига (*Lega Italica*) [2, p. 430–436]. Галассо констатирует, что, за исключением ряда инцидентов, связанных с недосказанностью или оговорками в статусе союзников подписавших соглашение пяти итальянских государств (за которым скрывалось подобие регулирования границ между ними) [2, p. 435–436], функционирование политической системы «баланса сил» поддерживалось в течение 40 лет до вторжения Франции в Неаполь [2, p. 465]. Кроме того, историк указывает на ключевое значение в поддержании системы «баланса сил» на Апеннинах флорентийских правителей дома Медичи — Козимо (собственно инициатора её создания) [2, p. 446] и Лоренцо (главного посредника в урегулировании возникавших инцидентов вокруг влияния сторон соглашений в Лоди над союзниками на Апеннинах) [2, p. 452–453]. Как отметил знаменитый историк международных отношений Г. Мэттингли, Флоренция на сорокалетнем отрезке итальянской истории, по сути, являлась «аналитическим центром» дипломатии между городами-государствами полуострова [3, p. 85–86], однако рубеж 1490-х гг. стал означать неразрешимые противоречия в модели «баланса сил» на Апеннинах.

В Неаполе и Милане — крупнейших итальянских городах-государствах, образчиках единовластия, — параллельно произошел

кризис перехода власти. В Неаполе пресеклась правящая линия Арагонской династии испанского происхождения, что и создало угрозу франко-испанского столкновения в королевстве; в Милане же герцогский престол был узурпирован Лодовико Моро, поддержку чему не могли выказать стороны — «гаранты» дипломатической системы Лоди [3, p. 115–118]. Это позволило Франции в годы правления Карла VIII Валуа (1483–1498), а затем и Людовика XII Валуа (1498–1515) в то же самое десятилетие 1490-х гг. заявить притязания на последовательную реализацию двух претенциозных политических проектов реставрации династического наследия: «анжуйского» в Неаполе [1, с. 448] и «орлеанского» в Милане [1, с. 454–456]. Проект французов, ставивший целью возвращение Милана, как отмечает исследовательница Л.Г. Катушкина, парадоксальным образом приносил выгоду некоторым сторонам бывшего внутриитальянского «баланса сил»: Венеции, рассчитывавшей воспользоваться успехом французов для осуществления «ряда ее собственных притязаний в Восточной Ломбардии» [1, с. 454], и папству, горевшему желанием «полностью подчинить мелкие синьории Романьи и Анконской марки» [1, с. 454].

Показательна двоякая оценка притязаний Венеции и папства в трактовке современника Итальянских войн, венецианского сенатора и дипломата Андреа Мочениго, данная им в сочинении «О содеянном в Камбре в наши времена в Италии» (*Di Cambrai fatta a' tempi nostri in Italia*) [4]. Это сочинение представляло собой попытку морально оправдать венецианскую экспансию в войнах на Апеннинах и представить республику Св. Марка как жертву европейских держав-гегемонов — участников Камбрейской лиги 1509 г.: Франции, Испании, империи Габсбургов и папства. По мнению Мочениго, притязания венецианцев на внутриитальянскую экспансию были обусловлены стремлением установить порядок на севере Апеннин [4, p. 18]. Этот порядок, в представлении венецианца, был разрушен сомнительным положением дел в Милане в период правления Лодовико Моро, над которым он иронизирует игрой слов: «время без создания герцога Милана» и «герцог Милана, созданный не ко времени» (*non era di Milano creato Duca*) [4, p. 18]. Вместе с тем намерения папства по расширению своих владений в Италии воспринимались дипломатом как сговор с германским императором Максимилианом I, связанный с амбициями Габсбурга в отношении проведения церемониала коронации в Риме и направленный против Венеции: «Этот город идёт на всё, потому что римский король, желая приехать в Рим, чтобы получить имперскую корону, предложил им нечто безопаснее, чем допуще-

ние венецианцев» [4, p. 19]. Причиной этой ситуации венецианец называет одиозность личности понтифика — Юлия II, превратившего папство в сторону итальянского конфликта: «Папа Юлий, как он говорит, есть яд, который созрел для Ваших лет» [4, p. 23]. Из оценки Мочениго очевидна не только функциональная (связанная с французским вторжением), но и моральная (связанная с разночтением итальянскими городами-государствами намерений друг друга) катастрофа системы «баланса сил» на Апеннинах, существовавшей сорок лет на базе Лодийского мира. Пожалуй, единственным государством формации стабильности в Италии, вероятно постижимым сохранению если не практики, то хотя бы идеи этой стабильности, могла стать Флоренция, но и этого не произошло.

Тосканская республика претерпела в ходе войн на Апеннинах несколько этапов перемен, определявших и динамику военной дипломатии, направленной на разрешение ключевой проблемы периода — «пизанского вопроса». После смерти Лоренцо Медичи (1492), «языка баланса» (*“l’ago della bilancia”*), и авторитетного правопреемника Козимо в роли ключевой фигуры системы «баланса сил» в Италии [5, p. 9] его наследник Пьеро II Медичи не только не упрочил позиции Флоренции в итальянской политике, но и потерял в условиях начала Итальянских войн всё заработанное Лоренцо влияние в самом городе. Это было вызвано тем, что он принял весьма непопулярное среди флорентийцев решение занять сторону Испании во франко-испанском конфликте вокруг Неаполя [6, p. 17]. Пьеро даже уступил ключевое владение Тосканской республики — Пизу, осуществившую осенью 1494 г. успешный мятеж против Флоренции [6, p. 21], в результате чего был изгнан из Флоренции вместе с династией Медичи [6, p. 21–22]. От ярко выраженного профранцузского курса 1494–1498 гг. при экстравагантном по форме и методам правлении монаха Джироламо Савонаролы Флоренция перешла к политике «вооружённого нейтралитета» и оборонительного союза с Францией при главенстве в 1502–1512 гг. антимедичейской торговой корпорации города со своим репрезентантом Пьеро Содерини. Ключевым парадоксом флорентийских политических трансформаций 1494–1512 гг., стало то обстоятельство, что вскоре после того, как Тосканская республика восстановила свои принципиальные рубежи, в неё вернулись те, кому флорентийцы были обязаны их потерей: в 1509 г. было подавлено сопротивление Пизы, а в 1512 г. при поддержке Испании в город вернулись Медичи [6, p. 117–118].

Таким образом, в случае Флоренции, не столкнувшейся непосредственно с устремлением европейских держав-гегемонов завоевать свою территорию, как Неаполь или Милан, уместно наблюдать другое кри-

зисное измерение Итальянских войн. Оно было засвидетельствовано и оценено прежде всего современниками данной эпохи: Моченигo [4, p. 18–19], а также флорентийскими дипломатами Бьяджо Буонаккорси [7, p. 123–124] и Франческо Веттори [8, p. 140]. Таковым измерением являлась шаткость специфических оснований и форм власти внутри городов-государств Италии, ставившая под сомнение перспективу выхода Апеннин из военно-дипломатического кризиса и свидетельствовавшая об угрозе неминуемой катастрофы. Знаменитый Никколо Макиавелли — многолетний секретарь флорентийской дипломатии и посол Пьеро Содерини в наиболее ответственных миссиях Тосканской республики — констатировал высокую вероятность совершенной неразрешимости конфликтных противоречий современной ему итальянской политики весьма тонким литературным приёмом [9, с. 22]. В 1506 г. в первой части дипломатической поэмы «Десятилетия» (*Decennali*) Макиавелли оставил обращение от имени Италии и Флоренции к «храму Марса» (*“tempio riaprissi a Marte”*), как бы намекая на то, что наблюдаемый им и его современниками удел полуострова имеет божественное предначертание [9, с. 22]. Однако шансом на политическую стабилизацию Апеннин, как это было во многом и в рамках системы соглашений в Лоди до Итальянских войн, к рубежу 1512 г. вновь могла стать Флоренция.

По возвращении Медичи к власти ключевым вопросом политики Тосканского государства стала проблема его характера. Понимая, что имя дома Медичи прочно ассоциировалось у флорентийцев с республиканскими традициями, вновь вставшие во главе города наследники этого дома братья Джованни и Джулиано Медичи, сыновья Лоренцо Великолепного, изначально «обладавшие намерениями установить в Тоскане деспотическую монархию» [10, p. 386], на первом этапе своего проекта реформы Тосканского государства устремились создать максимально узкоэлитарное правительство Флоренции, сохранив за ней республиканскую форму [10, p. 387]. Так, французский исследователь Ж.-И. Борьо указывает, что для установления проекта реформы флорентийской внутриполитической системы братьями Медичи было предложено создать комитет Сорока шести (позднее расширенный до шестидесяти шести лиц), который возглавил сам Джованни Медичи. Он также получил тем самым рычаги к построению авторитарной власти в республике [11, с. 180]. Результатом перегруппировки сил во флорентийской элите явилась отставка сторонников бывшего гонфалоньера Пьеро Содерини, а некоторые из представителей правящих групп (например, Макиавелли и Буонаккорси) подверглись преследованиям по подозрению в организации заговора против

Медичи [11, с. 185–186]. Вакантные места в дипломатическом корпусе Флоренции заняли сохранившие благожелательную нейтральность медичейскому дому при власти Содерини лица, именуемые руководством Медичи и внутри собственного круга как «мудрые» (*savii*). Одним из них стал знаменитый политик, историк и назвавший себя и своих идейных сторонников «мудрыми» в знаменитом «Рассуждении в Логроньо» [12, p. 259] мыслитель эпохи Итальянских войн Франческо Гвиччардини.

Первым актом участия Гвиччардини в дипломатической жизни своего государства стало посольство в Испанию 1512–1513 гг. ко двору короля Фердинанда Арагонского, имевшее единственную и чёткую цель: установление флорентийско-испанского союза, аналогичного (или даже более сильного) действовавшему при Содерини, но отозванному Медичи оборонительному союзу Флоренции и Франции. Гвиччардини не смог этого добиться, и, казалось бы, поставил Тосканскую республику в неутешительное положение существования без союзников в условиях Итальянских войн. Чудесным спасением для Флоренции тогда стал политический триумф Джованни Медичи, кардинала католической церкви, после смерти в 1513 г. Юлия II выдвинувшего свою кандидатуру на выборах понтифика. Джованни одержал верх, став папой Львом X. Результатом личного успеха Льва для Флорентийской республики, управляемой им в светском облачении, стало её подчинение дипломатическим интересам папства, продолжавшееся вплоть до падения под ударами испанско-имперских войск Карла Габсбурга.

Как отмечает современный итальянский историк М. Арфайоли, Джованни, будучи папой и фактическим главой Флоренции одновременно, проводил политику, напоминавшую конфликт интересов. С одной стороны, он лавировал с позиции благожелательного нейтралитета между Карлом и французским монархом Франциском I, которые вели военные действия в Северной Италии, обеспечивая Флоренции своего рода «дипломатический иммунитет» в отношении нераспространения подобных действий на её территорию, образовавшую с Римом «промедичейскую ось» [13, p. 32]. С другой стороны, пользуясь наследием, оставленным папскому государству своим воинственным предшественником, Лев пытался реализовать под крылом Флоренции проект «сращивания» папских земель, впоследствии, способное составить базу для надрегионального государства, в своём теоретически идеальном ориентире, который должен был способствовать политическому объединению Италии. Так, ранее пребывавшие под венецианским протекторатом земли, присовокуплённые Юлием к владениям папства в ходе войн Камбрейской

лиги, — Парму, Пьяченцу, Реджо и Модену — медичейский понтифик передал в управление брату Джулиано, в свою очередь, попеременно отправляя административное управление на этих территориях на суд Франческо Гвиччардини. Что касается полученного напрямую «в наследство» от Юлия, представителя дома делла Ровере, герцогства Урбино, то его Лев предназначал для другого родственника — Лоренцо ди Пьеро Медичи. Однако вокруг права урбинского владения возник серьёзный спор, переросший в войну Флоренции дома Медичи и Урбино дома делла Ровере. Победу герцогов Урбино в ней признал следующий медичейский папа — Джулио Медичи, избранный в 1523 г. под именем Климента VII [13, p. 33]. Именно при нём Франческо Гвиччардини вынужден был стать свидетелем ситуации, оказавшейся в Итальянских войнах фиксацией полной катастрофы.

Климент предложил Гвиччардини, уже известному своей службой медичейскому дому, пост президента области Романья, означавший управление всеми её землями, за исключением подконтрольной лично понтифику Болоньи. В результате кратких переговоров о статусе и о жаловании Гвиччардини вступил в должность в мае 1524 г., прибыв в Форли; свои обязанности в Романье он исполнял два года. После отстранения от политической практики в 1527 г. Гвиччардини вспоминал об этих годах в воображаемых «Утешительной речи» (*Consolatoria*), «Обвинительной речи» (*Accusatoria*) и «Защитной речи» (*Difensoria*) в свой адрес, в которых, по меткому наблюдению отечественного учёного М.А. Юсима, «уподоблял своё положение статусу владетельного герцога, окружённого пышностью и многочисленной охраной» [14, с. 596]. При этом, как бы дистанцируясь от обвинений в коррупции и превышении должностных полномочий в качестве папского администратора и дипломата, Франческо, напротив, указывает в «Защитной речи» на то, что гордится полной неподкупностью: «Среди всех обвинений, иногда справедливых, а чаще всего ложных, которые сыплются на правителя, особенно в такое время и при такой власти, никто никогда не осмелился сказать, что я взял с кого-нибудь хоть грош» [15, с. 498]. В конце 1525 г. Гвиччардини был вызван папой в Рим в качестве советника для обсуждения планов по предотвращению полного захвата Италии императором Карлом V, чьё влияние в итальянской политике усилилось чрезмерно после разгрома его войском французов при Павии 24 февраля 1525 г. и пленения Франциска I [1, с. 562–563]. Франческо (как он вспоминал в составленной впоследствии в форме диалога обращённой к самому себе «Утешительной речи») на совете в Риме был одним из тех, кто

убеждал Климента, что необходимо заключить союз итальянских и европейских держав при участии папы для очередной попытки избавить Италию от экспансии внешних сил [16, с. 361]. В особенности ситуация благоприятствовала возможному изгнанию Карла из Италии, учитывая, какой ценой был им достигнут триумф при Павии: «Собственно, победу над французами одержали по существу итальянцы, так как в многочисленной испанской армии под командой Пескары насчитывалось всего лишь 600 испанских солдат. Однако и силы победителя были на исходе. Испания стала перед финансовым крахом. Не получая жалования, испанские наёмники разбредались; отдельные отряды в поисках провианта занимались грабежом» [1, с. 463].

Результатом очередной перегруппировки военно-дипломатических коалиций стран — участниц Итальянских войн стало оформление в 1526 г. Коньякской лиги — первой лиги в их ходе, в которую вошла Флорентийская республика, утратив свой нейтралитет. Против Карла V выступили Франция, папство, Венеция, Флоренция и возглавивший войска Лиги герцог Урбино Франческо Мария делла Ровере: по большому счёту, вокруг Франциска в его борьбе с Карлом сплотились все итальянские силы, за исключением разве что перешедшего к Габсбургу вместе с испанским престолом Неаполя. Именно этот фактор — сплочённость итальянцев в борьбе с имперским нашествием на фоне консолидации испанского и имперского престолов в одних руках, грозившего Италии тотальным порабощением от Габсбургов, — представлялся Гвиччардини ключевым обстоятельством самооправдания в контексте предложенной Клименту позиции по началу новой войны. Он писал: «Положение имперцев было ненадёжно, так как солдат в Италии у них было мало, денег не было вовсе, население герцогства Миланского было к ним люто враждебно. За оружие брались не ради честолюбивых замыслов, а только ради избавления себя от опасности. Кто взвесит все эти доводы, будет вынужден признать, что редкая война была для какого бы то ни было властителя так справедлива и необходима и редко когда могли быть большие надежды на победу» [16, с. 362]. Кроме того, флорентиец от имени условной «стороны утешения» свидетельствовал, что не располагал от папы полнотой информации о дипломатической подоплёке предполагавшейся им справедливой войны «итальянцев против варваров»: «Ведь, помимо обсуждения вопроса, воевать или нет, когда выяснилось, что король Франции не хочет соблюдать капитуляцию, подписанную с императором в Мадриде, тебя почти не приглашали на советы» [16, с. 361].

Однако после формирования намеченного альянса Гвиччардини стал главным наместником Климента VII при Коньякской лиге с почти неограниченными административными и военными полномочиями [14, с. 598]. Начало войны для союзников казалось удачным, но затем их действия стали отличаться характерной для войн коалиций в ходе итальянского конфликта несогласованностью, нерешительностью и противоречивостью. Основную силу армии составляло войско венецианцев под командованием герцога Урбино [6, p. 156–157]. Герцог в качестве главнокомандующего армией Лиги вёл себя крайне осторожно и воздерживался от резких шагов. Он всячески затягивал операции в расчёте на возможное истощение сил имперских войск. В «Истории Италии» Гвиччардини неявно обвиняет герцога в предательстве [14, с. 358–363]. Если это было так — подобная ситуация вполне объяснима затаённой враждой Франческо Марии к Медичи, в 1516–1517 гг. отнявшим у него Урбино [13, p. 32–33]. Флорентийцы в лице Гвиччардини, привлечённого к делам лиги Макиавелли на время возвращённого Климентом VII к политической практике в роли главы Коллегии пяти по защите стен Флоренции, и ряда членов дома Медичи были сторонниками самых активных действий [13, p. 42–43].

Но надежды на успех быстро таяли, особенно после гибели в ноябре 1526 г. талантливого военачальника Джованни делле Банде Нере [13, p. 43]. Затягивание кампании Коньякской лиги во многом объяснялось противоречиями по определению внутри неё самой политического «центра тяжести»: «Король Франции не слал подкреплений в Италию, так как заложниками у императора оставались его сыновья и Франциск рассчитывал, что затяжная война заставит Карла пойти на примирение и вернуть их. Венецианцы больше всего были озабочены неприкосновенностью собственных владений и слали герцогу Урбинскому соответствующие инструкции. Папа Климент, глава католической церкви, не хотел порывать с императором, втайне склонялся к заключению сепаратного мира с ним и уже заключил перемирие» [14, с. 598]. Неосторожная попытка политики «лавирования», как отмечает британская исследовательница Д. Хук, закончилась для понтифика и его государства плачевно: 6 мая 1527 г. имперские войска вошли в Рим и предали его разграблению, которое продолжалось много месяцев [17, p. 171]. Папа укрылся в замке Святого Ангела, где с июня оставался в качестве пленника до своего бегства в конце того же года [17, p. 195]. Карл V, находившийся в Испании, снял с себя ответственность за действия своей армии, но воспользовался захватом Рима для заключения мира с папой на выгодных для себя

условиях. В дальнейшем, 16 мая 1527 г., режим Медичи во Флоренции свергли вновь, и установилась самая радикальная из всех форм флорентийского республиканизма. Но она продержалась недолго, и в 1531 г. название «Флорентийская республика» под натиском империи Габсбургов было навсегда забыто тосканцами.

Гвиччардини с самого начала продвижения к Риму войск Карла пытался организовать оборону и был озабочен судьбами Флоренции, которой угрожал неприятель. Была ли у республики некая возможность и в ситуации возникновения Коньякской лиги сохранить для себя спасительный нейтралитет и избежать неразрешимой катастрофы в Итальянских войнах? С точки зрения Франческо, высказанной им в «Истории Италии», таковой уже не существовало, поскольку легатом папы Климента, долженствовавшим сообщить Карлу Габсбургу о приостановке ранее действовавшего с ним у папы союза, был выбран посол Тосканской республики в Мадриде Джованни Корси [14, с. 260]. Несколько иначе рассуждал относительно утраты Флорентийской республикой традиционного нейтралитета соотечественник Гвиччардини и другой дипломат на службе папства и Флоренции Франческо Веттори: в его представлении вхождение тосканского государства в Коньякскую лигу обосновывалось личным решением ставшего тогда её гонфалоньером Луиджи Гвиччардини, брата Франческо, поддержанным понтификом из дома Медичи [8, p. 240]. В данном упоминании Веттори весьма примечательно его определение семьи Гвиччардини понятием “casa” — «дом» [8, p. 241]: данное понятие, как правило, флорентийские авторы ранее применяли к фамилии Медичи. Однако теперь медичейские амбиции выросли до стремления стать правящим «домом» во всей Италии, а их сторонники и примерные служащие Гвиччардини, как намекает Веттори, мыслили себя новым «домом» для Флоренции [8, p. 241]. Соответственно, главный наместник папы при Коньякской лиге Франческо Гвиччардини делал всё, чтобы отвести имперское нападение от флорентийских рубежей. Солдаты Лиги, ведомые Франческо и нанятыми им кондотьерами, перемещались по Романье, а затем Тоскане параллельно противнику, чтобы помешать захвату крупных городов. В конце апреля все силы Коньякской лиги по личному распоряжению Гвиччардини, не согласованному с Климентом, были сосредоточены на защите Флоренции [17, p. 194]. Как свидетельствует Веттори, именно эта ошибка Франческо, продиктованная его стремлением (пусть и с неприкрытой сопутствующей целью упрочить свою власть) защитить родной город, и стоила кампании Лиги итоговой катастрофы — взятии имперскими войсками Карла Рима [8, p. 241]. Сам же Гвиччарди-

ни после капитуляции Климента VII перед Карлом V в июне 1527 г. лишился полномочий наместника понтифика и удалился от политической практики, отказавшись принять не соответствовавшую его политическим амбициям представительскую должность комиссара Флорентийской республики [14, с. 598].

После вынужденного ухода его брата Луиджи с поста флорентийского гонфалоньера во вновь антимедичейской Флоренции Франческо предстояло «отбиваться» от обвинений в расточительстве и коррупции на посту «управляющего» делами Климента в Коньякской лиге. В составленной для подготовки к предстоявшему процессу «Защитной речи» Гвиччардини использовал два излюбленных для флорентийских гуманистов приёма: обращение к историческим примерам и дедуктивный мысленный эксперимент. Применяя первый метод, флорентиец выстраивает для флорентийского «обвинителя» ряд ярких ассоциативных персоналий в схожих исторических обстоятельствах: он упоминает, что в злоупотреблениях военно-должностными полномочиями в разное время обвинялись Перикл, Джованни Гвиччардини и Пьеро Содерини [15, с. 482–483]. Пример из античной истории, генеалогической и актуальной для современного Гвиччардини флорентийца, идеально укладывались в дискурс традиционного флорентийского гражданственного самосознания, задолго до Франческо заданный ещё Колюччо Салютати [18, p. 272–310]. Соответственно, дедуктивный мысленный эксперимент стал в речи Гвиччардини вспомогательным аргументом в конструируемой защите от воображаемого «обвинителя». Франческо просит выдвинувших против него обвинение лиц привести свидетелей вменяемых ему в вину военных преступлений и убеждает их, что таковых среди известных ему по действиям Коньякской лиги персон нет и быть не может: «Все эти тысячи людей, полководцы, князья, легионы сводятся к четырем или шести свидетелям, и если расспросить их как следует, они в конце концов сами скажут, что не знают того, о чём говорят» [15, с. 485–486]. Результатом же настоящего обвинения флорентийцев для Гвиччардини стало оправдание по большинству пунктов, за исключением сохранения его фамилии в числе двадцати бывших сторонников Медичи, обязанных платить за это компенсацию новым властям Флорентийской республики [14, с. 598]. Падение же самой Флорентийской республики, на сей раз — безвозвратное, в результате её захвата войсками Карла V в 1530 г., и превращение Флоренции в июле 1531 г. в центр подконтрольного империи кондомината — Флорентийского герцогства [6, p. 225] Гвиччардини наблюдал уже отстранённо, находясь вне поля политической активности.

Подводя итог исследования, отметим: несмотря на вновь полученное красивое имя, Флоренция рубежа 1530-х гг. утратила какую бы то ни было политическую самостоятельность, а выдержавшая несколько веков традиция флорентийского республиканизма погибла. У Франческо Гвиччардини же, как политического практика, почти никогда не было сомнений насчёт своей зависимости от влияния медичейского дома. В этой связи неудивительно, что по возвращении волей Карла V лояльного к нему Алессандро Медичи во Флоренцию в качестве герцога Франческо возобновит при нём политическую практику — на сей раз в 1537 г. завершившуюся окончательно.

Список источников и литературы

1. *Катушкина Л.Г.* Итальянские войны // История Италии в 3 т. / Под ред. С.Д. Сказкина. Т. 1. М.: Наука, 1970. С. 426–466.
2. *Galasso G.* L'Italia del Quattrocento, Italia della "bilancia" // Annali dell'Istituto Italiano per gli studi storici, XIII. 1995/1996. P. 401–470.
3. *Mattingly G.* Renaissance Diplomacy. London: Penguin Books, 1964. 284 p.
4. Di Cambrai Fatta a' tempi nostri in Italia. Scritta con gran diligenza dal Clarissimo Senatore M. Andrea Mocenico Gentilhuomo Venitiano. In Venetia, Andrea Arrivabene, 1562.
5. Theory and Practice of the Balance of Power, 1486–1914. Selected European Writings / Ed. by M. Wright. L.: J.M. Dent & Sons Ltd, 1975. 192 p.
6. *Mallett M., Shaw C.* The Italian Wars, 1494–1559: War, State and Society in Early Modern Europe. Routledge: Taylor&Francis Group, 2012. 391 p.
7. Diario di Biagio Buonaccorsi, coadiutore al Magistrato de Dieci. In Fiorenza: Appresso i Giunti, 1568.
8. *Francesco Vettori*. Sommario della Istoria'd'Italia // Francesco Vettori. Scritti storici e politici / A cura di E. Nicolini. Bari: Laterza, 1972. P. 135–246.
9. *Дмитриева М.И., Павлов К.В.* Образы Италии конца XV — начала XVI в. в сочинениях Макиавелли // Вестник Томского государственного университета, 2025. № 510. С. 16–29.
10. *Young G.F.* The Medici. In 2 vol. London: John Murray Albemarle Street, W. 1913–1920. 644+732 p.
11. *Борьо Ж.-И.* Макиавелли / Пер. с фр. Г. Шумиловой, И. Шумиловой, М. Троицкой. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2016. 320 с.
12. *Francesco Guicciardini.* Discorso di Logrogno // Opere di Francesco Guicciardini / A cura di E. Scarano. In 3 vol. Vol. 1. Torino: UTET, 1974. P. 247–296.
13. *Arfaioli M.* The Black Bands of Giovanni: Infantry and Diplomacy during the Italian Wars (1526–1528). Pisa: Plus-Pisa University Press, 2005. 204 p.

14. *Франческо Гвиччардини.* История Италии. В 2 т. Т. 2 / Пер. с итал., статья-послесловие и подготовка издания М.А. Юсима. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2019. 698 с.
15. *Франческо Гвиччардини*. Защитная речь // Франческо Гвиччардини. Сочинения / Пер. с ит. А.К. Дживелегова. М.: Наука, 1934. С. 475–520.
16. *Франческо Гвиччардини*. Утешительная речь // Франческо Гвиччардини. Сочинения / Пер. с ит. А.К. Дживелегова. М.: Наука, 1934. С. 346–380.
17. *Hook J.* The Sack of Rome: 1527. Camden: Palgrave Macmillan, 2004. 359 p.
18. *Witt R.* Hercules at the Crossroads. The Life, Works, and Thought of Coluccio Salutati. Durham: Duke University Press, 1983. 476 p.

УДК 94(460)

Нечаев П.В.

Государственный академический университет гуманитарных наук,
исторический факультет, студент магистратуры.
E-mail: tela2003@mail.ru

Некоторые представления о «республике» в Испании конца XVI — начала XVII в.

Аннотация. Статья посвящена представлениям о «республике» в Испании конца XVI — начала XVII в. Проведён анализ этого понятия в ряде трактатов, посвящённых управлению. Акцент в исследовании сделан на «Мемориале» испанского арбитриста Мартина Гонсалеса де Сельориго.

Ключевые слова: история Испании, «республика», Мартин Гонсалес де Сельориго, государство.

Nechaev P.V.

State Academic University for the Humanities,
Faculty of History, Master's Program, Student.
E-mail: tela2003@mail.ru

Some thoughts on the «república» in Spain in late 16th — early 17th Centuries

Abstract. The major theme of this article is the meaning of "república" in XVI–XVII centuries in Spain. The article analyzes the concept and meaning of "república" in a number of tracts on politics. The study focuses on the "Memorial" of Martin Gonzalez de Cellorigo.

Keywords: History of Spain, "Commonwealth", Martin Gonzalez de Cellorigo, state.

Термин «республика» широко используется ещё с античных времён: от "res publica" до современного понимания республики как формы государственного устройства. Однако на протяжении более двух тысяч лет смысл этого понятия, несомненно, менялся. XVI в. окончил Средневековье и ознаменовал собой переход к Новому времени. Цель статьи заключается в рассмотрении термина «республика» в ряде трактатов, посвящённых управлению в Испании конца XVI — начала XVII в.

Хронологические рамки продиктованы рядом обстоятельств: во-первых, восшествие на престол Филиппа III традиционно начинает отсчёт

правлению младших Габсбургов; во-вторых, именно в этот период появляются трактаты, в которых отмечаются проблемы Испании как экономического, так и социального характера. Они были своего рода итогом правления Филиппа II, а в функциональном плане предлагали преимущественно его наследнику пути выхода из кризиса. Однако необходимо рассмотреть, по отношению к чему предлагается применять ту или иную политику. В парадигме взглядов испанских интеллектуалов представления о политических единицах, в т.ч. о республике, важны. Системный подход требует актуализации представлений об этом термине.

Как ни странно, но некоторые произведения того времени, важность которых отмечают многие исследователи [1, p. 89; 2, p. 88], не привлекли должного внимания. В работе сделан акцент на «Мемориале» [3] испанского арбитриста Мартина Гонсалеса де Сельориго в связи с тем, что у него получилось сплести воедино античные представления о «республике» с некоторым синтезом идей Макиавелли и Бодена [4, p. 63–92; 5], что заключалось в обращении к разным группам источников, их смешении. Также привлекаются два произведения: «Смешанная Республика» Фернандеса де Медрано и Сандоваль[1] (1602) [6] и «Трактат о Республике и политике христианской» Хуана де Санта-Марии (1619) [7]в связи с их акцентом на понятии «республика», которое фигурирует в названиях. Все тексты написаны на старокастильском языке, на полях присутствуют маргиналии на латыни, шрифт наборный.

Сложность изучения избранной темы связана, в частности, с изменениями, которым подвергся испанский (старокастильский) язык — ныне многие термины имеют другие значения. В полной мере это относится и к понятию «республика», которое, как правило, не мыслилось как определённая форма правления. Для погружения в контекст языка мы обращаемся к «Словарю кастильского или испанского языка» за авторством Себастьяна де Коваррубиаса Ороско (1611) [8], капеллана Филиппа III.

Немногие исследования показывают глубокую, но не в полной мере изученную связь идей Сельориго с идеями Макиавелли и Бодена, касающихся представлений об управлении и политическом устройстве. Хесус Вильянуэва выявил большое количество текстологических заимствований из произведений этих двух авторов [4, p. 85–92]. В данной статье, как

[1] Вероятно, большая часть произведения написана его отцом Томасом Фернандесом де Медрано — секретарём герцога Савойского, женатого на инфанте Каталине Микаэле, сестре Филиппа III. Это следует из королевского дозволения на печать.

прологе более широкого исследования, сделан акцент на сопоставлении испанских представлений о «республике».

«Республике» в словаре Коваррубиуса уделено не так много места, особенно в сравнении со многими другими терминами. Само определение занимает пару строчек: «От латинского: свободная гражданская община, статус гражданина. [Republico] — человек, который заботится о благе общины» [8, R-Z, f. 9r[2]]. Отдельно хочется обратить внимание на одно из уточнений: “status Reipublicae”, что несколько перекликается с определением слова “stado”.

Наиболее вероятно, что «республика» означала правильно устроенное гражданское общество, целью которого является достижение и поддержание блага, причём, это сообщество должно быть свободным от внешней власти, не подчиняться никому, кроме своих граждан. В такой «республике» бывают разные типы правления. Например, олигархия — «это управление республики, ограниченное несколькими главами» [8, f. 568r].

В определении «демократии» автор даёт обзор ряда типов правления.

Демократия — «власть народа, когда нет ни правления благородных, ни мудрых, принадлежащая множеству, но созданная республикой; как Аристократия, правление старших [благородных]. Олигархия [правление] негодяев. Тирания [правление] тех, кто попадает туда по случаю. Монархия, правление одного, например, Короля» [8, f. 303v]. В качестве примера власти аристократии приводится Венеция, а противоположностью называется демократия [8, f. 87v].

При определении «республики» Сельориго следует за объяснением Бодена [9, p. 1; 10, p. 1]: «это справедливое управление высшей властью многими семьями и тем, что у них есть общего» [3, p. 123]. Также испанец по ходу изложения ссылается на испанские законы (Партиды Альфонсо X Мудрого), которые говорят следующее: «если Король является головой и сердцем народа, как говорится в законах, значит, что все блага и беды должны быть общими» [3, p. 88]. То есть при определении «республики» Сельориго прибегает не только к уже устоявшемуся мнению авторитетного мыслителя того времени, но и подтверждает и дополняет это испанской традицией. В целом определение «республики» читается явно, но нам важно выяснить, есть ли у «республики» некоторые фак-

[2] Столь необычное указание номера страницы связано с тем, что с буквы R в издании 1611 г. словаря Коваррубиаса начинается новая пагинация.

торы, являющиеся отличительными особенностями для каждой из них. Для этого обратимся к некоторым терминам.

Важное значение для понимания «республики» Сельориго играет термин “Provincia”. Он фигурирует в самой первой главе произведения. Суть его в том, что Сельориго описывает этим словом весь испанский регион до его объединения под властью одного короля [3, p. 11]. «Провинция Европы» — пишет Сельориго об Испании вслед за Джованни Ботеро [3, p. 11]. Ещё не единая, потому что описывается эпоха противостояния «короля» (эмира) Гранады и Фернандо Арагонского. И этим термином арбитрист подчёркивает культурно-историческое единство всего региона. Схожий термин у Макиавелли М.А. Юсим перевёл как «страна» [11, с. 132]. В словаре Коваррубиаса: «Провинция — это часть земли, которая в древности была римлянами завоёвана за пределами Италии, Латинского региона» [8, f. 599 v]. Однако автор применяет его и для обозначения иных образований, в том числе чисто территориальных, не являющихся политическими: провинцией называется любая часть целого, будь то королевство или географический регион [8, f. 151r, 508v, 209v, 434v].

В целом это можно применить и к трактату Сельориго, потому что названия некоторых провинций, которые устоялись ещё с античных времён, автор использует в тексте. Однако эти регионы дополняются новыми, уже современными автору политическими образованиями, как некоторые итальянские «республики», о чём будет сказано далее.

Испания как «провинция» — это территория, на которой в современном Сельориго мире установилась власть одного короля — Филиппа III. При делении любой «республики» на типы правлений Сельориго прибегает к выделению «Монархии, Аристократии и Демократии» [3, p. 161]. «Монархия» используется автором одновременно и как часть политического устройства «республики», и как форма. С одной стороны, «монархия» — это владения государя, поэтому испанская монархия не совпадает по территориальным признакам с «испанской республикой». С другой стороны, «монархия» в лице монарха присутствует в «испанской республике» как её часть.

В этом проявляется двойственность позиции Сельориго: одновременно существует некоторая «испанская республика», в которой властвует монарх, и монархия — как власть короля над определёнными территориями-республиками, которые являются самостоятельными политическими образованиями, обладают своей историей, культурой и даже единым народом. Во владении Филиппа III находится Неаполитанское королевство, расположенное в Италии. Ему Сельориго даёт так-

же возможность называться «республикой». Это читается в отрывке из второй части «Мемориала» [3, p. 86], суть которого сводится к тому, что в «республиках» разные правила, разное отношение к торговле (купцам). Далее идёт перечисление народов с их характеристикой, что логично подводит нас к приравниванию одного народа к одной республике.

Можно утверждать, что «испанскую республику» по форме правления Сельориго мыслит как «королевскую монархию», не тираническую. Этот вывод можно сделать из фразы «…потому что в соответствии с законами своего устройства находится королевская монархия нашей Испании» [3, p. 161]. Король должен защищать своё королевство, как и оно само себя должно защищать [3, p. 161]. Эта мысль также отсылает к некоторой античной традиции, но при этом появляется второй равноправный субъект (не объект!) отношений — королевство/республика. Трактовать это как проявление государственного суверенитета в трактате Сельориго может быть поспешно, но влияние Бодена пронизывает весь текст.

Завершая сюжет, посвящённый Мартину Гонсалесу де Сельориго, нужно отметить, что его «республика» очень близко подходит к пониманию «государства» Нового времени, т.к. помимо общего блага появляется субъектность королевства / государственный интерес; сама Испания мыслится единой, несмотря на множество королевств, которые юридически объединяет только власть Филиппа III; но при этом одной республикой не становятся все его владения, а это значит, что определяющим фактором в единении Испании является не король и его власть; территория Испании — это «провинция», то есть весь Пиренейский полуостров. Это некоторый первоначальный вывод, который, несомненно, нужно развивать и подтверждать в будущих исследованиях.

Однако важно понять, можно ли говорить о некоторой испанской традиции, в рамках которой мыслит Сельориго, или же его идеи не были обыденными для интеллектуалов Испании того времени. Для этого обратимся к другим авторам.

В 1602 г. была опубликована первая часть трактата Хуана Фернандеса де Медрано, в прологе к которой автор ставит целью разобрать ряд политических понятий. Приведём некоторые из них (далее дан перевод)[3].

- «Полития (по Аристотелю) — форма законного устройства и власти одного города, или одного государства, или одного Королевства, в зависимости от того, кто повелевает, а кто подчиняется».

[3] Если нет иных ссылок, см. [6, p. 4–5].

- «Семья — это община людей одного дома, управляемого одним главой» / «состоит из множества людей [personas]» [6, p. 19].
- «Город — это множественность общин людей и семей» / «объединение множества семей, подчинённое политии» [6, p. 19].
- «Горожане/граждане — это те, кто живут по одним и тем же законам одного верховного Правителя или Магистрата и могут иметь доступ к делам управления».
- «Правителем называется любой Монарх, Император, Король, Государь, Сеньор, Совет, Магистрат, Прелат».

Определяя «республику», Медрано упоминает в тексте «древних». «Организацию одного Города или его Магистрата, который обладает высшей властью над всеми, древние называли республикой». Затем следует уточнение, что не все республики — это правильно устроенные сообщества, потому что только «республики, стремившиеся к общему благу, назывались правильными и просто законными» [6, p. 5].

Следуя за Платоном, Аристотелем и Исократом [6, p. 6], Фернандес де Медрано выделяет три хороших типа республики и три плохих.

Монархия противопоставляется тирании — последнюю отличает то, что законы там не соблюдаются [6, p. 6]. Монархическое правление (власть государя) есть в Испании, Франции, Португалии, Англии, Шотландии, Швеции, Польше [6, p. 9].

Аристократия противопоставляется олигархии. При аристократии правят самые достойные, в Италии её называют оптиматом, в качестве примера Медрано приводит Спарту [6, p. 7]. Также к аристократии он относит Рим и Афины в их «самое цветущее время» [6, p. 9]. При олигархии правят немногие благородные и богатые, однако они не обращают внимания на бедных. В качестве примера последней Медрано приводит античную Сицилию [6, p. 7].

Тимократия является третьим и последним хорошим типом управления, а демократия — плохим. Хуже демократии только охлократия, где нет законов. Последняя «больше приближалась к тирании, чем республике, как демократия в Афинах» [6, p. 8]. Народное правление Медрано отмечает у Suyzaros (возможно, швейцарцы), Grisones (вероятно, имеется ввиду кантон Граубюнден) и в некоторых других свободных городах Германии [6, p. 9].

Отдельно Фернандес де Медрано отмечает смешанные республики: Лакедемонскую, Карфагенскую, Римскую. В них были и власть короля, и власть аристократии, и власть народа [6, p. 8].

Особняком стоит сеньория — власть малой части народа. В качестве примера автор приводит: «как в Венеции благородные и в Генуе 28 семей» [6, p. 9].

Медрано выделяет всего два способа управлять: «С высшим, абсолютным, бесконечным превосходством над законами, магистратами, частными лицами. Другой легитимный — закреплённый законами или государем» [6, p. 84]. Второй способ власти автор считает наилучшим, при нём выше государя только Бог, а выше магистратов, соответственно, государь и Бог [6, p. 84–85].

В целом Медрано выстраивает следующую вертикаль власти: Бог — государь — магистраты и законы — частные лица. Однако стоит отметить: испанец признаёт, что и иные типы правления могут быть хорошими [6, p. 69].

Ключевое отличие от Сельориго, у которого «республика» — это все жители Испании, заключается в следующем: у Медрано под «республикой» подразумевается именно форма правления, принятая в той или иной общности. То есть «республика» в некотором смысле переводится как «политическое устройство».

Для Хуана де Санта-Марии, вероятно, “República” и “Reyno” если не синонимичные, то очень схожие термины. Так, он пишет, что “una casa y familia bien regida, es imagen de Republica”; “una casa con su familia, es una pequeña ciudad, y la ciudad una casa grande: muchas cosas hazen ciudad, y muchas ciudades componen un Reyno” [7, f. 8r]. Как республика, так и королевство состоит из семей, но первая бывает только при правильном управлении. В свою очередь Хуан де Санта-Мария, вероятно, был знаком с произведениями Макиавелли, либо же особо чутко воспринимал римские политические идеи, т.к. в своём трактате приравнивает «королевство» и *«принципат»* [7, f. 3r].

При определении термина «республика» Санта-Мария обращается к Платону и Аристотелю [7, f. 1v]: «Республика есть не что иное, как состояние горожан и городов, где нет никакого недостатка в том, что необходимо для человеческой жизни. Это справедливое управление и владение высшей властью множеством домохозяйств и того, что у них есть общего; собрание объединённых людей и братств, [имеющих] свои законы и правление».

Автор выделяет аристократию (или сеньорию) — правление благородных. В качестве примера приводит Венецию; демократию — как в Генуе и в Швейцарских кантонах. Монархию он описывает отдельно, говоря, что только король может завоевать и содержать огромную Империю [7, f. 2r].

В интерпретации Санта-Марии идеальная «республика» — это монархия. Несколько страниц первой главы посвящены подтверждению этого тезиса, причём автор ссылается в том числе на церковных деятелей [7, f. 3r-6v]. В такой «республике» есть король, министры и вассалы, но высшая власть сохраняется только за королём.

При любых обстоятельствах «республика» Санта-Марии — это не только политическое устройство (в прямом смысле этого слова), но и само объединение людей.

Представления Сельориго о «республике» были сформированы под воздействием европейской политической мысли, большим влиянием Бодена и Макиавелли, однако понимание арбитристом этого понятия не ограничивается простым заимствованием и также близко к испанской и античной традициям. Вероятно, экономический и социально-политический подтекст трактата Сельориго мог оказать влияние на его идеи. Он не выходит за общепринятые рамки мышления интеллектуалов Испании того времени, однако под его пером «испанская республика» вырастает до полноценного государства, обретая свою территорию, народ и историю, что несколько контрастирует с политическими реалиями того времени (испанские королевства были едиными юридически только из-за одного для всех правителя).

У Сельориго и Санта-Марии «республика» — это и форма государственного устройства (любая из трёх типов), и само объединение людей. У Медрано — только форма.

Важно отметить и тот факт, что у Медрано и Санта-Марии уделено большое внимание видам политического устройства, терминам, что практически полностью отсутствует в трактате Сельориго. Вероятно, это связано с отличающимися целями работ.

Медрано и Санта-Мария в своих воззрениях также не уходят далеко от воззрений, которые можно понять по словарю Коваррубиаса, при этом не открывают ничего нового, двигаются в рамках, определённых ранее.

Список источников и литературы

1. *Elliott J.H.* The Count-Duke of Olivares: The Statesman in an Age of Decline. New Haven, L.: Yale university press, 1986. 733 p.
2. *Larraz J.* La época del mercantilismo en Castilla 1500–1700. Madrid, 1963. XXV, 155 p.
3. *González de Cellorigo M.* Memorial de la política necesaria, y útil restauración a la República de España, y estados de ella, y del desempeño universal de estos

Reynos // Edición y estudio preliminar José L. Pérez de Ayala. Madrid: 1991. XLV, 193 p.
4. *Villanueva J.* El reformismo de González de Cellorigo y sus fuentes: Maquivelo y Bodin // Hispania, LVII/1, num. 195 (1997). P. 63–92.
5. *Нечаев П.В.* «República» Мартина Гонсалеса де Сельориго в политической мысли XVI века // Nauka.me. 2025. Вып. 1.
6. *Fernández de Medrano J.* Republica mista. Madrid: Imprenta Real, 1602. 158 p.
7. *Santa Maria I. de.* Tratado de Republica y Policia Christiana, para Reyes, y Principes, y para los que en el govierno tienen sus vezes. Valencia: Pedro Patricio Mey, M DC XIX.
8. *Cobarrubias Orozco S. de.* Tesoro de la lengva castellana, o española. Madrid: Luis Sanchez, 1611.
9. *Bodin J.* Les six livres de la Republique de I. Bodin Angeuin. Paris, 1577.
10. *Bodin J.* Los seis libros de la Republica / Trad. de G. de Añastro Ysunza. Turin, M.D.XC. 683 p.
11. *Макиавелли Н.* Рассуждения о первой декаде Тита Ливия // Никколо Макиавелли. Государь / Пер. с ит. М. Юсима. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2024. С. 95–437.

УДК 94

Шумский М.Р.
Санкт-Петербургский государственный университет,
Институт истории, студент магистратуры.
E-mail: marksumskij@gmail.com

Регионализм и этнополитические процессы Британиив трудах британских антиквариев XVI–XVII вв.

Аннотация. Исследование посвящено вопросу восприятия процесса формирования британских регионов в трудах антиквариев. Тезисы разрабатываются посредством сравнительного анализа «Хроник Холиншеда» с «Британией» Кемдена. Рассматриваются гипотезы о заселении острова и разделении его на этнополитические сообщества. Сравнивается подход авторов к работе с источниками и выделяются вероятные причины конкретных интерпретаций и нарративных акцентов.

Ключевые слова: регионализм, композитарная монархия, британский проект, британские антикварии.

Shusmkij M.R.
Saint Petersburg State University, Institute of History,
Master's Program, Student.
E-mail: marksumskij@gmail.com

Regionalism and Ethno-Political Processes in Britain in the Works of the 16th-17th Centuries British Antiquarians

Abstract. This study examines the perception of regional formation processes in Britain as presented in the works of the early modern antiquarians. Its central theses are developed through a comparative analysis of Holinshed's "Chronicles" and Camden's "Britannia". The study explores the authors' respective hypotheses concerning the island's initial settlement and its subsequent division into distinct ethno-political communities. The authors' methodologies in source criticism and historical construction are compared, with the aim of identifying the probable reasons for their specific interpretations and narrative emphases.

Keywords: regionalism, composite monarchy, the British project, British antiquarians.

Рассматривая рубеж XVI и XVII вв., мы видим яркие события и деятельность выдающихся личностей, составляющие эпоху перемен. Европа устремилась в Новое время: менялись границы — внешние и внутренние, географические и ментальные, преобразовывались структуры хозяйства и общества, формировался новый «дух времени» со своими ответами на вечные вопросы. Процессы ощущались повсеместно, Британские острова были всецело в них включены. «Британский проект» державы Тюдоров реализовывался в политической и интеллектуальной плоскостях: Британия объединялась внутренне и отделялась в смысле внешних контактов. Централизация требовала не только силы, но и обоснований. Прошлое выступило основным инструментом аргументации настоящего. Хорография получила новую актуальность: сообщества антикваров включились в изучение и осмысление библейской, античной и средневековой традиции для формирования идентичности. В 1577 г. коллектив авторов выпустил «Хроники Англии, Шотландии и Ирландии» под редакцией Ральфа (Рафаэля) Холиншеда. С дополнениями этот массивный труд был переиздан в 1587 г., уже после смерти главного редактора. В 1586 г. был опубликован фундаментальный труд «Британия» Уильяма Кемдена. Оба текста были посвящены истории Островов и их регионов, авторы провели глубокие экскурсы в историю, топографию и этническую карту, по-своему фокусируя внимание на деталях и интерпретируя данные своих источников. В этой статье мы проанализируем один из аспектов их описания — вопрос деления Британии на регионы. Как авторы объясняли появление разграничений? Что побуждало их обосновывать разницу между этнополитическими сообществами Островов? Как влияли антикварная традиция и зарождающийся научный метод на работу с источниками? В главном фокусе внимания мы будем держать коллективный труд, вышедший в 1587 г. (далее «Хроники» или «Хроники Холиншеда»), а текст Кемдена используем для сравнительного анализа.

Описание Британии в «Хрониках» сразу вводит нас в региональный дискурс: после локализации острова в европейском пространстве авторы переходят к вопросу разделения острова внутри. Это разделение Уильям Харрисон, основной автор этой части «Хроник», считает геометрически обоснованным: остров треугольной формы и имеет три оконечности: Кент, Корнуолл и Шотландию [1, p. 3]. Такая формула закрепляет естественность разделения острова.

Часть повествования о заселении острова начинается с философского наблюдения о динамичном характере населения любых стран и неизбежности смешения народов. «Как немногие или даже никакие народы

не могут честно похвалиться непрерывным наследованием с тех пор, как их страны были впервые заселены, без любых больших или меньших иноземных вмешательств, так этим не может похвалиться и наш Остров, чьи многочисленные богатства нередко привлекали разных властителей и знаменитых предводителей со всего мира на завоевание и подчинение его собственной власти» [1, p. 5]. Приведённое рассуждение интересно как с точки зрения составляющей процесса формирования британской идентичности, так и с точки зрения современного дискурса постимперских идеологий. В контексте «британского проекта» данный вывод служит как целям интеграции внутренней — не бывает монолитного народа и строго общее прошлое не является определяющим настоящее фактором, так и целям сепарации внешней: авторы отмечают, что на Остров переселялись “princes and famous capteines of the world” (властители и знаменитые предводители со всего мира), что формирует некоторую степень избранности инсулярного народа. С другой стороны, приход римлян расценивался в негативном ключе. Авторы называют их “wofull ghests” («горестные гости») и вменяют им в вину перенос всех видов общественных бедствий на остров: «ибо с ними пришли в нашу страну все виды порока и порочной жизни, весь разгул и излишества, которые легионы занесли сюда из каждого уголка их [Рима] владений» [1, p. 5]. Это утверждение развивает две мысли. Первая: у римского завоевания есть границы, которые также закладывают деление острова на регионы в перспективе. Вторая: очевидно негативная оценка римского влияния может считываться выпадом в сторону Папского Престола и Габсбургской Священной Римской империи, актуальным для «британского проекта».

Продолжая мысль о постепенном заселении Британских островов, Харрисон со ссылками на Страбона и Диодора Сицилийского повествует о переселении на остров двух (помимо бриттов) основных этносов: скоттов и пиктов. Происхождение пиктов закрепляется в качестве спорного. Первоначальное место обитания скоттов по «Хроникам» — Ирландия, в которой, как в плавильном котле, смешались два этноса: скифский и испанский [1, p. 6]. На этом дискурсе сфокусируем особенное внимание, так как здесь приводятся самые ранние (не считая великанов) народы островов, а поскольку прошлое — основной апелляционный материал для действий в настоящем, различия, выделяемые авторами между древними народами, следует воспринимать как актуальные границы сообществ XVI в. Как кажется, антикварии исследуют проблему с блистательной диалектикой: с одной стороны, указывают на динамичность любого сообщества, миграции и смены народов, а с другой — проводят

достаточно прямые параллели между своими современниками и населением их регионов многими веками раньше.

Начнём с пиктов. С ссылками на греческого историка III в. Геродиана и латинского политика и оратора IV в. Мамертина Харрисон утверждает, что они переселились в северную часть Британии с Оркадских островов[1] (откуда они там появились, напрямую не сообщается, но выделяются сарматская и скифо-гиперборейская теории). Согласно «Хроникам», пикты появились в Британии задолго до скоттов, и это принципиальная позиция, которую Харрисон готов защищать [1, p. 6]. Откуда же там скифы?

Профессор Кидд пишет об устоявшейся в XVI–XVII вв. мифологеме о скифах-германцах, которые расселились по Северной Европе и составили прослойку военной знати в племенах этого обширного региона [2, p. 15]. Эту мифологему использовал шведский и польский нобилитет для обоснования «этнической» разницы с зависимым населением своих стран [2, p. 30], а также шотландские интеллектуалы для укрепления границ своего воображаемого сообщества [2, p. 189]. В рамках этого выдвигались потрясающие широтой восприятия гипотезы — например, о генезисе топонима «Скандинавия» по формуле: Scandinavica ≈ Scythia Germanica [2, p. 194]. В этих рамках неудивительно, что отсутствие информации о происхождении скоттов и пиктов прикрывается удобным скифским мифом. Сами авторы «Хроник» почерпнули его, вероятнее всего, у Беды Достопочтенного в «Церковной истории народа англов» [3, Ch. 1]. Анализ этого источника доктором Линди Брэди показал, что автор опирался на комплекс источников по истории происхождения пиктов и его сведения можно считать наиболее обоснованными [4, p. 42]. О пиктах Беда сообщает: “gentem Pictorum de Scythia, ut perhibent, longis nauibus non multis Oceanum ingressam” [3, Ch. 1] («народ Пиктов из Скифии, как передают, на немногих длинных кораблях в Океан вышел»[2]). Другой уже вопрос, что имел в виду нортумбрийский монах под понятием «Скифия». Так или иначе, Харрисон придерживается точки зрения миграционного происхождения пиктов: из земель Германии или мифической Скифии на Оркадские острова, после чего в северную часть Британии.

Гораздо более широкий спектр мнений представляет Уильям Кемден. Он отходит от прямого пересказа данных авторитетных авторов

---

[1] Устаревшее название Оркнейских островов — архипелага на северо-востоке Британских островов.

[2] Классический перевод В.В. Эрлихмана [5, с. 8].

и проводит сравнительный анализ теорий происхождения пиктов от агафирсов[3], германцев и скифов [6, p. 135]. Выражая безусловное уважение авторитету Беды Достопочтенного, он выдвигает собственную гипотезу: о выделении пиктов из народа бриттов путём бегства от римского завоевания в труднодоступные северные районы [6, p. 136]. Притом Кемден не находит возможности противоречить Беде и ищет другие пути «скифского» влияния, предлагая рассматривать в «скифах» переселенцев из Скандинавии [6, p. 137] (на эту традицию обращал внимание Колин Кидд, о чём писали выше). Однако акцент на бриттском происхождении в его описании пиктов сохраняется, и приводится развёрнутая аргументация с ссылками на римские источники, антропологические и лингвистические данные.

Теперь обратимся к скоттам. Харрисон называет центром их пребывания Ирландию, при этом отмечает, что заселили они её не более чем за сто лет до рождения Христа. Происхождение, как мы уже отмечали, приписывается синтезу выходцев из Испании и завоевателей из Сарматии (или Скифии-Гипербореи, то есть с севера) [1, p. 5]. То есть отмечается некоторое родство с пиктами и отсутствие такового — с бриттами. В издании 1587 г. приводятся весьма спутанные сведения о разгроме скоттов римлянами под началом Магна Максима, последующем разделении их земель между бриттами и пиктами и изгнанием скоттов в Ирландию, а позже — в Хайлэнд и на острова. Этот фрагмент Харрисон мог почерпнуть из “Scotorum: historiae prima gentis origine…” Гектора Боэция [7, p. 213] или “Rerum Scoticarum historia” Джорджа Бьюкенена [8, p. 65]. Труд Бьюкенена был издан в 1582 г. — между изданиями «Хроник Холиншеда» в 1577-м и 1587 г. Это может быть объяснением отсутствия пассажа о войне Магна Максима со скоттами в первой редакции «Хроник». Так или иначе, попав в описание, этот фрагмент противоречит изложенной концепции, в которой ирландцы тождественны скоттам, а пикты являются их дружественным народом с общими «скифскими» корнями.

Указаний на возможную кельтскую общность предков бриттов и скоттов в «Хрониках» мы не видим. Кемден в главе о скоттах снова блистает историографией. На основе сопоставления данных Беды, Ненния, Гильды, Гиральда Камбрийского, Орозия, некоторых других античных

---

[3] Легендарный народ, обитавший, согласно Геродоту [Геродот. IV.104], между Фракией и Скифией. Указание в качестве предков скоттов приводит Гектор Боэций [7], Кемден ссылается на него.

авторов и современных ему учёных он развивает дискурс связи скоттов со скифами [6, p. 146]. Анализу подвергаются две гипотезы: обозначим их как «миграционная» и «культурная». В рамках первой рассматривается классический сюжет переселения «скифов» в Ирландию и северные районы Британии. Кемден со ссылками на Страбона и Силия Италика приводит альтернативное объяснение: под «скифами» могли подразумеваться переселенцы с Пиренейского полуострова, так как там (в Кантабрии) обитал народ конканов, произошедший от массагетов — одного из племён скифов: “concanos enim Cantabriae gentem è Massagetis, id est, Scythis procreatos” [9, p. 36]. В рамках второй гипотезы рассматривается использование термина «скифы» в качестве нарицательного, схожего с варварами, который обозначает определённый вид социальной организации, традиции, культов.

Теперь стоит рассмотреть и восприятие самих бриттов в текстах источников. Надо сказать, что в «Хрониках Холиншеда» нет какого-либо отдельного раздела, посвящённого истории бриттов. Вероятно, это признак её восприятия неразрывно сначала с библейским, а позже с античным нарративами. Бриттов в «Хрониках» соотносят с кельтами, то есть народом Самоса (Мешеха), сына Иафета, сына Ноя [10, p. 2]. Появление бриттов на острове однозначно связывается с переселением из Галлии, однако приводится спектр мнений, касающихся отправной точки. Мифологическая гипотеза Гальфрида Монмутского связывает переселенцев с потомками троянцев во главе с Брутом, кельты в её рамках выступают врагами. Умозрительная и логичная гипотеза Беды Достопочтенного о постепенном переселении бриттов из Арморики (Бретань), которая входила в “Pax Celtica”, оценивается авторами в качестве наиболее авторитетной. Приводится и современная антиквариям французская точка зрения Жана Бодена, согласно которой расселение кельтов, в том числе и бриттов, имеет своё начало в Лангедоке [10, p. 3].

Несмотря на описание нескольких точек зрения и признание ценности позиций Беды и Бодена, авторы развивают именно мифологическую версию генезиса бриттов. Использование этого пути позволяет интегрировать Британию (и как остров, и как идею) в библейскую и античную традиции, что позволяет сформулировать эпический и продолжительный нарратив. Британия, благодаря такому подходу, не край земли, куда мигрировали дикари в бегстве от напастей, а один из центров развития христианского и античного миров. Поэтому уже в следующей главе «Хроник» мы знакомимся с историей завоевания острова великаном Альбионом, сыном Нептуна (библейского Нефтиума), сына Осириса

[10, p. 4][4]. Таким потрясающим современное воображение синкретизмом авторы добиваются равноправного включения Британии во все основные мифологические контексты (жаль, что нет мостов к скандинавским сагам), но при этом выделяет её «особый путь» как страны морской и разделённой с кельтским миром.

Уильям Кемден же выделяет несколько отдельных глав, посвящённых истории бриттов. В вопросе их происхождения он занимает осторожную позицию и выдвигает собственную гипотезу не в ущерб, а в продолжение историографической традиции. Подчёркнутое уважение к авторитетам является частью традиции, и Кемден демонстрирует мастерство в трансляции собственных идей без ущерба для репутации предшественников. В ходе рассуждения он противопоставляет две теории: эпическую с Брутом и библейскую с расселением Иафетидов [6, p. 12]. Придерживаясь второй из них, автор использует лингвистические сопоставления названий народов с именами детей Иафета, которые, согласно традиции, заселяли западные земли, в том числе его сын Гомер — «крайний предел» их [6, p. 14]. Соответственно, гомериды, чьё название морфировало в кимвров, расселились в пространстве между Пиренеями и Рейном. Дополнительную аргументацию он черпает у античных авторов (Лукиана, Ливия, Плутарха, Аппиана и Цицерона) [6, p. 14]. Что интересно, Кемден, помимо апелляции к христианской традиции, приводит ещё и масштабный социологический и культурологический сравнительный анализ. В частности, он отмечает схожую (если не единую) религиозную систему, схожие культы и ритуалы, язык, институт друидов, институт бардов, выборность вождей, племенное устройство, военные традиции, психологические и физиологические качества [6, p. 15–32]. Таким образом, Кемден объединяет кельтов, галлов и кимвров в общую группу гомеридов. А в вопросе заселения Британии придерживается гипотезы Беды Достопочтенного о переселении кельтов из Арморики (Бретань) [3, ch. 1].

Итак, все авторы сходятся в разделении Британии на три этнополитические группы, проводя границу между бриттами на юге и скоттами с пиктами на севере. Две основные теории происхождения бриттов связаны с эпической и библейской традициями. В первой, благодаря мифоло-

[4] Тут он ссылается на Джона Бейла (John Bale, 1495–1563) — протестантского мыслителя, писателя, отстаивавшего в своих трудах крайние точки зрения британской независимости, в первую очередь от Рима и католической церкви.

геме Гальфрида Монмутского, бритты наследуют троянцам. Во второй, на основе библейской традиции и интерпретаций расселения потомков Ноя, бритты выделяются из кельтов, тождественных галлам, кимврам и гомеридам. Авторы «Хроник» придерживаются эпической теории, а автор «Британии» — библейской, при этом в обоих случаях альтернативная теория анализируется и не признаётся ущербной, сохраняется высокая степень уважения к авторитетам (хотя в «Хрониках Холиншеда», как кажется, чаще поднимается скандального настроя критика с осуждением конкретных авторов). Развивается полемика по вопросу происхождения скоттов и пиктов. В общих чертах Харрисон делает акцент на их дикости и предпочитает теорию миграции с севера, в то время как Кемден подчёркивает вероятность испанского происхождения скоттов, а пиктов вообще предлагает рассматривать в качестве переселившихся бриттов, объединяя таким путём все группы в едином кельтском корне. Стоит отметить, что культурный аспект в «Британии» рассматривается гораздо тщательнее, чем в «Хрониках».

Далее изучим описание установления границ регионов Британии в «Хрониках Холиншеда» также в сравнении с подходом к этому процессу Кемдена в «Британии». Не все тексты дают строгие политические границы между обозначенными выше регионами. Беда, к примеру, определяющее значение придаёт римскому завоеванию [3, ch. 12]. В его картине романизированные бритты буквально отгородились от пиктов и скоттов, которые, кстати, перечисляются через запятую, без выделения каких-либо политически организованных сообществ. Интересно, что у Гальфрида Монмутского Британия сначала делится между Брутом и его соратником-дружинником Коринеем, который получает юго-западную оконечность острова, так как «его больше всего прельщало, что тут он сможет бороться с гигантами, которые здесь были в таком изобилии, как ни в одной из распределённых между его сотоварищей областей» [11, с. 19]. Так, согласно «Истории бриттов», образовался Корнуолл. Остальные же политии по Гальфриду образуются позднее. Никаких «этнических» характеристик обитателям Британии автор XII века не даёт. Таким образом, в его системе регионализма значительно большим значением обладает династическое разделение территории.

Этот же подход продолжают «Хроники Холиншеда», практически без изменений пересказывая нарратив о прибытии Брута на острова. Однако важно отметить, что в исследуемом тексте даются комментарии о возможной недостоверности мифа, однако альтернативы не предлагаются. Прямое продолжение традиции аргументируется агностически:

«а потому, не настаивая далее на этом как на истине, я предоставляю это на размышления читателя, чтобы он это осмыслил, как укажет ему разум; ибо не вижу я, как в этой или в иных вещах столь глубокой древности мы можем иметь достаточные сведения иначе, как посредством правдоподобных догадок» [10, p. 7].

Соответственно, приводится мифологема Гальфрида о разделении страны Брутом между тремя сыновьями. Старшему, Локрину, досталась та часть земли, которая сейчас известна как Англия. Среднему, Камбру, — Уэльс (Камбрия) на запад от реки Северн. Третьему, Альбанакту, — земли и острова к северу от реки Хамбер, то есть Шотландия (соответственно, Альбания) и Оркадские острова [10, p. 11]. В дальнейшем повествовании помимо Гальфрида Монмутского авторы «Хроник» ссылаются на Матфея Вестминстерского — несуществующего автора, которому приписывался труд по истории Англии от сотворения мира до XIII в. “Flores Historiarum”. В конце XIX в. Генри Луард установил и доказал, что данный текст — поздняя коллективная компиляция монахов Вестминстерского аббатства, в основу которой легла сокращённая и переработанная “Chronica Majora” Матвея Парижского [12, p. 20]. Авторы «Хроник» соблюдают установленный авторитет текста и не подвергают его анализу или критике.

Далее развивается романтический нарратив перипетий между потомками Брута, в ходе которых остров периодически объединялся под единой властью, разваливался в ходе династических распрей, боролся с внешними вторжениями и даже интегрировался в галльское государство [10, p. 11–15]. Все эти события носят характер субъективных личных взаимоотношений между отпрысками династии и мало связаны с региональными сообществами. Интересно, что в качестве отдельного региона зачастую выступает Корнуолл, автономия которого редко попадает в фокус внимания исследователей. У Кемдена существование Брута ставится под сомнение, но уточняется свобода мнения и необходимость благородного предка нации [6, p. 11]. Вообще в вопросе политического разграничения «Британия» наследует традиции Беды, Гильды и Ненния, исключая из пристального рассмотрения тексты Высокого Средневековья. Определяющим фактором формирования политически организованных регионов Кемден также выделяет внешние завоевания. Интеграция в Pax Romana определила уязвимость бриттов после ухода легионов, что способствовало их изоляции в Уэльсе и Корнуолле [6, p. 133], а также миграции в Арморику (Бретань) [6, p. 131]. Также, как мы уже замечали выше, Кемден выдвигает гипотезу о бриттском генезисе пиктов.

Итак, мы фиксируем два принципиально разных подхода. В рамках первого развивается нарратив «Хроник Холиншеда». Регионализм Британии целенаправленно укореняется в синтезированной структуре с заимствованиями из библейской и античной традиций, хорографических заметок античных авторов, материалов средневековых британских авторитетов. Региональное деление островов обосновывается династическими взаимосвязями, которым придаётся значение изначальных и естественных. Англия как место высадки Брута и римлян признаётся точкой распределения цивилизованности. Кроме того, династическая конструкция с сыновьями (Локрином, Камбром и Альбанактом) и союзником (Коринеем) героя-основателя также закрепляет господствующее положение земли между Авоном, Северном и Хамбером.

В рамках второго подхода подобные фаталистические конструкции в прошлом не выделяются. Уильям Кемден проводит масштабный анализ всех доступных данных и точек зрения, постепенно формируя собственную. Он ставит под сомнение легендарную традицию, при этом выставляя чёткий акцент на логически обоснованной значимости римского завоевания и дальнейших внешних вторжений. Как кажется, Кемден сознательно отказывается от доказательства старшинства Англии в пользу формирования общей исторической памяти. Можно рассматривать два этих подхода с точки зрения выстраивания альтернативных вариантов легитимацией: через подчинение и через сообщество. Также хочется отметить, что во всём этом разнообразии материалов, легендарных нарративов и рациональных рассуждений очень мало затрагиваются Ирландия и Мэн, что оставляет их в стороне от стержня общего британского мифа.

Список источников и литературы

1. *Holinshed R.* Chronicles of England, Scotlande, and Irelande. Vol. 1. London: printed by Henry Denham, 1587. 262 p.
2. *Kidd C.* British identities before nationalism. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 302 p.
3. *Bede Venerabilis*. Historia ecclesiastica gentis anglorum. (Латинский оригинал).
4. *Brady L.* The Origin Legends of Early Medieval Britain and Ireland. Cambridge: Cambridge University Press, 2022. 272 p.
5. *Беда Достопочтенный*. Церковная история народа англов / Пер. с лат. В.В. Эрлихмана. СПб.: Алетейя, 2001. 223 с.
6. *Camden W.* Britannia: or a Chorographical Description of Great Britain and Ireland. The Second Edition (translated to English, revised, digested, and

published, with large additions, by Edmund Gibson). Vol. 1. London: Printed by Mary Matthews, for Awnsham and John Churchill, 1722. 696 p.

7. *Boece H.* Scotorum historiae a prima gentis origine. Paris: printed by Josse Badius Ascensius, 1526. 735 p.
8. *Buchanan G.* Rerum scoticarum historia. Aberdeen: printed by James Chalmers, 1762. 617 p.
9. *Camden W.* Britannia. Frankfurt: Published by Johann Wechel, 1590. 569 p. (Латинский оригинал).
10. *Holinshed R.* Chronicles of England, Scotlande, and Irelande. Vol. 2. London: printed by Henry Denham, 1587. 202 p.
11. *Гальфрид Монмутский*. История бриттов; жизнь Мерлина / Пер. с лат. А.С. Бобовича, А.Д. Михайлова и С.А. Ошерова. М.: Наука, 1984. 286 с.
12. *Matthew Paris*. Flores historiarum / The Chronicles and Memorials of Great Britan and Ireland during the Middle Ages (edited by Luard H.R.). Vol. 3. London: printed by Eyre and Spottiswoode, 1890. 673 p.

УДК 94

Потрашков Д.
Санкт-Петербургский государственный университет,
Институт истории, студент магистратуры.
E-mail: m.protsenko84@gmail.com; st135671@student.spbu.ru

К вопросу о французской политике территориальных «воссоединений» после Нимвегенского мира 1678 г.

Аннотация. В статье рассматриваются основные проблемы, с которыми столкнулась Франция в процессе реализации мер по обеспечению безопасности своих границ в рамках политики воссоединений. На примере присоединений герцогства Цвайбрюккена, города Страсбурга и крепости Казале анализируются противоречия методики, целей и результатов французской внешней политики в отношении приграничных государств в 1679–1681 гг.

Ключевые слова: политика воссоединений (присоединений), Людовик XIV, Нимвегенский мир, границы.

Potrashkov D.
Saint Petersburg State University,
Institute of History, Master's Program, Student.
E-mail: m.protsenko84@gmail.com; st135671@student.spbu.ru

Towards the question of the French policy of territorial reunions after the Treaty of Nijmegen in 1678.

Abstract. The article examines the main problems encountered by France in the process of implementing measures to secure its borders within the framework of the reunifications policy. Based on the cases of the reunions of the Duchy of Zweibrücken, the city of Strasbourg, and the fortress of Casale, the article analyses the contradictions in the methods, goals, and results of French foreign policy towards border states in 1679–1681.

Keywords: Reunions, Louis XIV, Treaty of Nijmegen, borders.

В 1679 г., практически сразу же после окончания Голландской войны (1672–1678), Франция начала проводить политику, получившую позднее название политика «воссоединений», которая была отмечена аннексией ряда пограничных регионов различных германских государств и части территорий испанских владений в Нидерландах. Оборонительная по

своей сути политика привела королевство Людовика XIV к обратному результату — двум войнам (войне Воссоединений 1683–1684 гг. и войне Аугсбургской лиги 1688–1697 гг.), которые завершились подписанием Рисвикского мира (1697), в ограниченном формате признававшего ряд «воссоединенных» территорий за французской короной. Целью данного исследования является выявление основных проблем, связанных с обеспечением безопасности французской границы в условиях политики «воссоединений» на примере трех важнейших кейсов (конкретных случаев) рассматриваемого периода: присоединений герцогства Цвайбрюккена, города Страсбурга и крепости Казале.

В историографии политика «воссоединений», как и в общем внешняя политика королевства Франции редко рассматривались как отдельные предметы исследований, и чаще связывались с именами главных акторов: Людовика XIV, военного министра маркиза де Лувуа, военного инженера маркиза де Вобана. В историографии XIX в. в своей основе политика «воссоединений» была связана, как правило, с жаждой экспансии, которую король и его министры осуществляли исключительно с целью удовлетворения монаршего тщеславия. Анри Мартен [1, p. 568–569] и Жюль Мишле [2, p. 243] видели необходимость рассматриваемой политики в том, чтобы Людовик XIV покорил Германию и получил корону римского императора. Франсуа Минье [3, p. LXIII] считал, что королем помимо тщеславия также двигало желание отомстить Германии за вмешательство в Голландскую войну подобно тому, как он это сделал с Голландией за вмешательство в Деволюционную войну (1667–1668), а позднее Альбер Сорель [4, p. 284] и Анри Васт [5, p. 121] отмечали, что двигателями политики «воссоединений» были исключительно жажда экспансии и гордыня Людовика XIV.

В XX в. произошла переоценка политики Великого короля и его министров. Благодаря трудам Рагнхильд Хаттон [6, p. 93], Франсуа Блюша [7, с. 334] и Андре Корвизье [8, p. 435] политика «воссоединений» была рассмотрена с позиций государственных интересов в контексте эпохи и стала пониматься как взвешенная и даже необходимая оборонительная акция на пути усиления обороноспособности французских границ. Подобный подход к оценке рассматриваемой политики сохраняется и в современной историографии [9, p. 276; 10, s. 150].

Принято считать, что новая концепция обеспечения безопасности французской границы появилась еще в период Голландской войны. Ее выразителем стал военный инженер маркиз де Вобан. Идейное оформление своего проекта Вобан впервые сформулировал в письме государ-

ственному министру по военным делам маркизу де Лувуа от 20 января 1673 г. [11, p. 89]. Военный инженер отмечал, что «путаница дружественных и вражеских крепостей» вынуждает государство напрягать свои ресурсы: соотношение сил нужно поддерживать на уровне три к одному, солдаты «мучаются», расходы значительно возрастают, а силы при этом только уменьшаются. Поэтому суть проекта заключалась в создании единого «железного пояса» (pré carré — близкого к квадрату), который бы окружал по периметру французскую границу. Этот «пояс» должен был представлять из себя упорядоченную сеть крепостей, осада которых была бы затруднена расположенными рядом иными крепостями, осложняющими снабжение вторгнувшейся армии. Отметим, что укрепления не должны были быть неприступными, и Вобан подчеркивал в своем письме военному министру, что ключевой целью этой системы должно стать истощение сил противника.

Важнейшей предпосылкой для реализации задумки, согласно автору идеи, было выравнивание границы, пестрящей множеством анклавов и территорий иностранных правителей, глубоко врезающихся во французские земли. Маркиз прямо пишет, что благоприятного расположения крепостей можно добиться «либо договором, либо хорошей войной», предполагая территориальную экспансию королевства с целью создания пригодного для рационального укрепления приграничья.

Нимвегенский договор, завершивший Голландскую войну, во многом приблизил Францию к реализации идеи Вобана: королевство отказалось от части своих анклавов на территории соседних государств, а также присоединило важные владения в Испанских Нидерландах и последний бургундский регион, остававшийся под властью Испании, — Франш-Конте. Все это в совокупности значительно повышало обороноспособность французской границы, постепенно очерчивая ее как единую линию. Тем не менее новых территориальных приобретений было однозначно недостаточно для консолидации приграничных регионов и упрощения их защиты.

Поэтому в условиях полного мира, гарантирующего Франции внешнеполитическое лидерство в Европе, Людовик XIV, согласно советам своего военного министра, начал постепенную территориальную экспансию. Поскольку нарушение этого мира, который и без того был плодом внешнеполитических усилий Франции, не входило в планы королевства, аннексии требовали определенной легитимизации. С данной точки зрения французское правительство приняло решение опереться на статьи Мюнстерского и Нимвегенского договоров. В указанных документах су-

ществовала очень уязвимая формулировка в отношении территориальных изменений: любое описание земель ограничивалось упоминанием крупного города с припиской «…с их бальяжами, шателянствами, управами, превотажами, территориями, доменами, сеньориями, принадлежащими владениями, зависимыми территориями и присоединениями» [12, p. 9]. Таким образом, создавался прецедент трактовки в пользу Франции всех объемов территориальных изменений.

В дипломатической практике подобная формулировка была привычной. Она использовалась не только в Мюнстерском и Нимвегенском договорах. Эта методика перечисления территорий наблюдается, например, в мирном договоре, подписанном в городе Экс-ла-Шапель [13, p. 89], и в ту эпоху не создавала значительных проблем. Тем не менее в случае с Нимвегенским договором Франции пришлось прибегнуть к определенной уловке: в качестве земель, подлежавших присоединению к короне, рассматривались территории, которые ранее находились в зависимости или принадлежали присоединенным к королевству владениям. Таким образом, Франция оставляла за собой право определять объемы территориальных изменений по Мюнстерскому и Нимвегенскому договорам.

Необходимо подчеркнуть, что Испания, например, осознавала всю уязвимость рассматриваемой формулировки, а потому практически сразу же после подписания мирного договора была организована франко-испанская конференция в городе Куртре, чтобы уточнить территориальные изменения, достигнутые в Нимвегене. Людовик XIV, мало заинтересованный в данном предприятии, назначил курировать переговорный процесс маркиза де Лувуа, что показательно, поскольку традиционно подобными вопросами занимался генеральный секретарь иностранных дел. От Франции в Куртре были отправлены две креатуры Лувуа, не наделенные какими-либо реальными полномочиями. Впоследствии они демонстрировали полное пренебрежение к переговорному процессу и полностью покинули его к 1681 г. [14, p. 351–370].

На ранних этапах, а именно до 23 октября 1679 г., политика «воссоединений» проходила спорадически, она не имела выраженного институционального характера. Поиском претензий на новые территории для Франции занимались несколько юристов, работающих в архивах Голландии и Испанских Нидерландов. 23 октября при парламенте города Меца появилась chambre de réunion (палата «воссоединений»), которая должна была провести переучет земель, зависимых от епархий Меца, Туля и Вердена (Три Епископства) [15, p. 352]. По образу палаты «воссоединений» в Меце появились чуть позднее палаты «воссоединений» в Без-

ансоне и Бризаке, а также Высший совет в Эльзасе [16, p. 7]. Важным аспектом данной деволюции являлся тот факт, что вопросы, носившие по своей природе международный характер, поскольку касались возвращения территорий, находящихся под контролем иностранных государей, были делегированы местным органам, которыми являлись парламенты. Таким образом, вынесение решения о признании территорий французскими осуществлялось внутренними судебными органами, а правительство в Версале и король лично лишь исполняли парламентские указы.

Палаты «присоединений» принялись за активную работу по расширению границ королевства. К 1680 г. палата при парламенте Меца доказала, что практически вся Лотарингия ранее находилась в зависимости от Трех Епископств, тем самым выдвигая основания для включения обширного герцогства в состав французской короны [14, p. 351–370]. Такое рвение, однако, не входило в планы французского правительства, и 10 января 1680 г. маркиз де Лувуа составил письмо председателю палаты «воссоединений» при парламенте Меца Роллану Раво, где достаточно подробно изложил принципы, в соответствии с которыми политика «воссоединений» должна реализовываться [17, p. 23–25]. Военный министр писал, что задача парламентов заключается не в том, чтобы за «один или два месяца» присоединить к королевству обширные владения, а в том, «что сделать это таким образом, чтобы вся Европа знала, что Его Величество не действует насильственно, не пользуется положением превосходства, в которое его достоинство поставило его над всеми принцами Европы, чтобы узурпировать государства, но только то, что он воздает справедливость Церквям, собственность которых была узурпирована». Лувуа продолжает: «Чтобы не поднимать лишнего шума, следует включить в одну просьбу только пять-шесть деревень и из недели в неделю представлять их на имя каждого из упомянутых епископств». Таким образом, можно выделить три основных принципа, заложенных генеральным секретарем по военным делам и универсальных для всей политики «воссоединений»: во-первых, «воссоединения» не могут быть безосновательными, а всегда должны иметь под собой юридическое обоснование французских претензий; во-вторых, «воссоединение» новых территорий не должно выглядеть как агрессия, но лишь как защита королевством интересов своих подданных — в данном случае Трех Епископств; в-третьих, аннексии не должны вызывать беспокойства других европейских государств, а следовательно, должны быть умеренными.

Тем не менее принципы Лувуа не исполнялись на практике. Примерно за год, с августа 1679 по ноябрь 1680 г., Франция присоединила

значительные территории не только в контексте их масштаба, но и с точки зрения их политического веса, среди которых графство Монбельяр, города Декаполиса и герцогство Цвайбрюккен. Результаты этих «воссоединений» имели свои внешнеполитические последствия, которые будут рассмотрены на примере воссоединений Цвайбрюккена, Страсбурга и Казале.

Герцогство Цвайбрюккен, расположенное между Рейном и Сааром, представляло стратегический интерес в вопросе усиления французской границы, поскольку нарушало интегральность территорий, воссоединенных Францией в 1679 г. Оно было оккупировано войсками Людовика XIV еще в 1677 г., и после подписания Нимвегенского мира королевство продолжало сохранять свое военное присутствие в герцогстве, тем самым мешая восстановлению правительства Фридриха-Людвига, герцога Цвайбрюккенского.

10 января 1680 г. уже образованная палата «воссоединений» при парламенте Меца с учетом претензий епископства Меца вызвала единственного оставшегося в городе Цвайбрюккене представителя герцогской власти некоего Георга Мюллера дать разъяснения о претензиях Пфальц-Цвайбрюккенской династии на занимаемое герцогство [18, p. 111]. В особенности вопрос касался прав Клебургской линии, которая должна была унаследовать владения Фридриха-Людвига, поскольку старшим представителем этой ветви был король Швеции Карл XI, союзник Франции. Поскольку очевидный отказ герцога мог привести к присоединению его владений к епископству Меца, в дело вмешались шведские дипломаты, которые отсрочили заседание палаты «воссоединений» по делу Цвайбрюккена до 15 мая 1680 г. [19, p. 76].

Несмотря, однако, на протест со стороны Карла XI, на отказ представителя герцога Фридриха-Людвига признать суверенитет епископа Меца, все герцогство было объявлено незаконно отнятым вассалом епископства и присоединено к Франции [18, p. 111]. Все же после объявления указа французские силы не вошли в город Цвайбрюккен. Людовик XIV не желал подобным шагом бросать тень на союзнические отношения с Карлом XI. И после смерти Фридриха-Людвига Цвайбрюккенского 1 апреля 1681 г. король Франции довел до сведения шведской стороны, что герцогство должно находиться под французским либо имперским суверенитетом в надежде, что Карл XI выберет первый вариант. Однако король Швеции предпочел получить инвеституру от императора. В ответ Франция передала Цвайбрюккен Кристиану Пфальц-Биркенфельду, который имел права на герцогство в случае исчезновения Клебургской ветви [19,

p. 77]. 30 октября 1681 г. Кристиан принес оммаж Людовику XIV, тем самым закрепив свои новые владения под французским суверенитетом.

Переговоры между Францией и Швецией о судьбе Цвайбрюккена продолжались вплоть до войны Аугсбургской лиги, однако в межвоенный период присоединение герцогства к французской короне имело далеко идущие дипломатические последствия. Фактически альянс со Швецией утратил свою силу, и королевство потеряло важного северного союзника, которого спасла от дипломатической катастрофы по итогам датско-шведской войны 1675–1679 гг. [10, s. 153]. Более того, Швеция вошла в контакт с традиционными соперниками Франции Испанией и Соединенными провинциями, заключив с ними и Империей союзный договор 30 сентября 1681 г. [20, p. 144]. Таким образом, по итогам воссоединения Цвайбрюккена Франция, получив герцогство, потеряла союзника и приобрела нового внешнеполитического соперника.

Имперский свободный город Страсбург играл важную роль на Рейне. Фактически он представлял из себя ворота, ведущие в Лотарингию, а затем во внутренние регионы Франции. Положение города между двумя центрами силы, коими являлись Франция и Империя, вынуждало магистратов города проводить политику нейтралитета, который никогда не был абсолютным. В период Голландской войны город не раз заявлял о своем неучастии в боевых действиях между Францией и Империей, пропустив, однако, имперские войска на левый берег Рейна, которые в январе 1674 г. были разбиты армией маршала Тюренна. После неудачного имперского вторжения Страсбург так же выпустил обратно в Германию отступающие имперские силы, параллельно вновь заявив о своем нейтралитете [21, p. 135]. В итоге к моменту подписания Нимвегенского мира «нейтралитет» Страсбурга заключался в нахождении в городе имперского гарнизона [7, с. 337]. В глазах Франции, таким образом, город был опасным государственным образованием, требующим контроля для безопасности рейнской границы, а соответственно, должен был стать частью королевства.

В период мира город вновь декларировал свой нейтральный статус и даже просил Людовика XIV гарантировать его. Однако действия Страсбурга свидетельствовали об обратном. Свободный город упорно продолжал создавать угрозу безопасности уже новых французских границ в Эльзасе, которые проходили по Рейну. В 1679 г., нарушая статьи Мюнстерского договора, Страсбург начал восстановление укреплений на правом берегу Рейна у форта Кель, чуть позднее город стал аккумулировать представителей эльзасской знати, которые покидали свои владе-

ния, не соглашаясь с политикой «воссоединений». Представленные «беженцы» не просто проводили антифранцузскую агитацию, но и с учетом их статуса представляли из себя потенциальную военную силу. Кроме того, Страсбург препятствовал хождению королевской монеты и торговле с «воссоединениями», то есть с территориями, недавно присоединенными в рамках одноименной политики [22, p. 146–148].

Присоединение города, по всей видимости, планировалось еще с 1679 г. Маркиз де Лувуа намеревался развить конфликт с фортом у Келя и ввести королевские войска в город, однако король предпочел уладить противоречие в условиях, когда практически вся Европа следила за судьбой Страсбурга. Сложные отношения города и Франции не оставались незамеченными в Империи. Депутаты рейхстага интересовались у французских представителей, когда может быть взят город, а император Леопольд I в попытке, видимо, обезопасить город предлагал Страсбург в качестве площадки для франко-имперской конференции по решению территориальных споров, которые были спровоцированы политикой «воссоединений» [23, p. 33]. Таким образом, несмотря на прямую опасность для французских границ, которую создавали действия Страсбурга, Франции приходилось действовать аккуратно, чтобы, как говорил маркиз де Лувуа, «не поднимать лишнего шума».

Поэтому неудивительно, что только появление в городе австрийского агента Петера Эрнста Мерси, известного своей антифранцузской позицией [24, s. 395–396], и перспектива ввода в город имперского гарнизона послужили поводом для активных действий. Так, в ночь с 27 на 28 сентября 1681 г. в Страсбург вошли три драгунских полка, которые сообщили магистратам города о прибытии на следующий день маркиза де Лувуа, а несколько позднее и самого Людовика XIV [7, с. 337–338]. 30 сентября после коротких переговоров магистраты подписали договор о подчинении свободного города французской короне [25, p. 268]. Необходимо отметить, что договор действительно оставлял всю систему управления городом нетронутой, лишь кафедральный собор города теперь переходил в подчинение католической церкви. В остальном Страсбург продолжал жить своей обычной жизнью под контролем и защитой Франции.

Как это часто случается, всеми ожидаемая весть о взятии города стала тем не менее неожиданностью для многих германских государств. Особенно присоединение Страсбурга отразилось на франко-имперской конференции во Франкфурте, где обсуждались вопросы взаимных территориальных притязаний Франции и других имперских государств. Представитель короля Франции при архиепископе-курфюрсте Майнца

сообщал Людовику XIV, что после сообщений о взятии города Теодор фон Штратманн, представитель императора, созвал специальное заседание, где намеревался настроить делегатов германских государств против Франции, отмечая насилие и жестокость французских войск в отношении населения Страсбурга. Архиепископ-курфюрст Майнца, со своей стороны, заверил французского представителя в том, что надеется на ложность заявлений Штратманна и несмотря ни на что желает поддержания мира [26, p. 218–220]. Подобная реакция достаточно иллюстративна и скорее отражает общую реакцию большинства германских правителей: она не была сугубо негативной на действия Людовика XIV, но лишь потому, что свершившемуся присоединению Страсбурга было невозможно помешать. Тем не менее недоверие в отношении Франции только нарастало. И аннексия свободного имперского города только способствовало тенденции, когда враги королевства в Империи лишь более начали ему противостоять, а союзники — больше опасаться и видеть истинного защитника своих интересов в императоре [27, s. 100–102].

Среди рассматриваемых событий несколько отличается кейс присоединения крепости Казале. Как и Страсбург, это место не было включено в состав французской короны в рамках политики «воссоединений» [28, p. 362]. Более того, вопрос Казале касался безопасности итальянской границы королевства, которая, в отличие от левого берега Рейна, имела вполне естественный барьер в виде Альп.

Для Франции в этом регионе традиционное значение имели две крепости, прикрывавшие альпийские коридоры в Дофине: Казале и Пиньероло. Еще в правление Людовика XIII эти крепости стали предметом серьезных споров? и по итогам войны за мантуанское наследство Франции удалось установить контроль над Пиньероло и сохранить Казале под контролем французского союзника герцога Мантуанского [29, с. 69]. Тем не менее во время Голландской войны Мантуя действовала в интересах мадридского двора. Между герцогством и Испанией был подписан договор о субсидиях в обмен на размещение гарнизона в Казале [30, p. 112]. Таким образом, существовала угроза использования крепости, с одной стороны, в качестве плацдарма для наступления на внутренние регионы Франции, с другой — как элемента испанского влияния на герцогство Савойю. Поэтому еще в 1677 г. государственный секретарь иностранных дел маркиз де Помпонн начал прорабатывать первые шаги к присоединению Казале [31, p. 73].

Переговоры, проведенные в Венеции с уполномоченным министром Карла III Мантуанского графом Маттиоли, привели к визиту последнего в Версаль осенью 1678 г. Дипломат прибыл с верительными грамотами

за подписью герцога, в которых было указано, что он уполномочен заключить договор с Францией [32, с. 190–191]. Маттиоли был принят маркизом де Помпонном. Последний вручил ему проект договора, который включал в себя передачу города и крепости Казале в обмен на финансовые субсидии герцогу Мантуанскому [30, p. 114]. Маттиоли заверил королевского министра, что в Венеции Карл III подпишет договор, и с ратификационными грамотами дипломат прибудет в Казале.

Франция начала подготовку драгун, чтобы быстро занять крепость, однако оказалось, что содержание франко-мантуанского договора стало известно дворам в Милане, Турине и Венеции. Всеобщая тревога охватила Италию. Пошли слухи о войне: Испания начала заверять итальянских правителей о неизбежности конфликта, если король Франции получит Казале. Как писал маркиз де Помпонн, речь даже зашла о лигах, но все ограничилось словами. В адрес Карла Мантуанского последовало множество требований, особенно от губернатора Милана, объяснить ситуацию с Казале, однако тот лишь отрицал наличие каких-либо договоренностей [30, p. 120–123].

Людовик XIV, наблюдая подобную ситуацию, направил к Карлу III своих дипломатов с целью завершить переговоры напрямую с герцогом, однако последний начал отрицать полномочность Маттиоли и его миссии в Версаль. Все же король Франции надавил на Карла Мантуанского, и к июлю 1681 г. удалось достигнуть компромиссного соглашения о покупке крепости Казале, а уже 30 сентября, в день взятия Страсбурга, французские войска заняли новое приобретение [32, p. 193].

Благодаря Казале Франция значительно усилила обороноспособность своих южных границ, однако международная реакция оставалась противоречивой, тем более что обеспокоенность французской экспансией теперь распространилась и на Италию. Историк Оррик де Бокер отмечал, что переход Казале и Пиньероло в руки Людовика XIV создавал экзистенциональную угрозу Савойе, поскольку Турин, окруженный французскими крепостями с Запада и Востока, отныне мог быть быстро оккупирован [33, p. 124]. Таким образом, никакого полноценного сотрудничества в условиях вынужденного нового оборонительного договора 1682 г. между двумя государствами не могло существовать. А непрочность этого альянса создавала угрозы безопасности для Франции.

В результате анализа представленных случаев можно выделить ряд проблем, с которыми столкнулась французская внешняя политика в ходе реализации политики «воссоединений». Во-первых, стратегия агрессивной обороны, в пользу которой был сделан выбор французским прави-

тельством, по своей сути формировала противоречие, при котором обеспечение безопасности границы осуществлялось путем агрессивных действий, порой принимающих масштабы войны. Во-вторых, значительным вызовом для короля и его министров стала инициатива деволюции принятия решений о присоединениях тех или иных территорий на уровень законодательной власти королевства — парламентов. Следствием подобного решения стало несоответствие действий парламентов запросам центральной власти, ярким проявлением которого стало рассмотренное в данной статье письмо маркиза де Лувуа председателю палаты воссоединений при парламенте Меца Роллану Раво. Тем более ситуация расхождения мнений законодательной власти и Версаля усугублялась, поскольку в действительности парламенты не следовали в должной степени рекомендациям королевской администрации. В-третьих, серьезную проблему, в первую очередь авторитету Франции в Европе, создавала необходимость присоединения владений союзников, среди которых особое место занимало герцогство Цвайбрюккен. Рассмотренная акция привела к франко-шведскому разрыву и усилению антифранцузских настроений в Стокгольме. Примечательно, что «обида» за Цвайбрюккен не прошла мимо для Швеции, но экстраполировалась в ее внешнюю политику и стала причиной присоединения северного королевства к антифранцузскому альянсу с Соединенными провинциями, Испанией и Империей, а следовательно, создавала прямую угрозу безопасности Франции. В-четвертых, в ходе обеспечения безопасности границ королевства, Людовик XIV столкнулся с определенным противоречием: пытаясь укрепить рубежи Франции, он так или иначе создавал экзистенциональную угрозу безопасности малых государств. Ярким примером подобной проблемы, как было продемонстрировано, являлся кейс с присоединением Казале, который в руках Франции угрожал политическому центру герцогства Савойского.

В совокупности можно отметить главную проблему, которая характерна для описанных процессов обеспечения безопасности границ Франции в рассмотренный период: это парадокс оборонительной по своей сути политики королевства и совершенно обратных внешнеполитических результатов, которые создавали дополнительные угрозы безопасности Франции.

Список источников и литературы

1. *Martin H.* Histoire de France depuis les temps reculés jusqu’en 1789. Paris: Furne, 1858. Vol. XIII. 644 p.

2. *Michelet J*. Histoire de France. Paris: A. Lacroix & Ce, 1880. Vol. XV. 429 p.
3. *Mignet F*. Négociations relatives à la succession d'Espagne sous Louis XIV ou Correspondance, mémoires, et actes diplomatiques concernent les prétentions et l'avènement de la maison de Bourbon au trône d'Espagne. Paris: Imprimerie royale, 1835. Vol. I. 552 p.
4. *Sorel A*. L'Europe et la Révolution française. Paris: E. Plon, Nourrit et Cie, 1887. Vol. I. Les mœurs politiques et les traditions. 562 p.
5. *Vast H.M.* Louis XIV. La Diplomatie et les Guerres // Histoire générale du IVe siècle à nos jours / Dir. E. Lavisse, A. Rambaud. Paris: A. Colin & Cie, 1895. Vol. VI. Louis XIV, 1643–1715. P. 77–143.
6. *Hatton R*. Europe in the age of Louis XIV. New York: Harcourt, Brace & World, 1969. 263 p.
7. *Блюш Ф*. Людовик XIV / Пер. с фр. М.: Ладомир, 1998. 815 с.
8. *Corvisier A.* Louvois. Paris: Fayard, 1998. 558 p.
9. *Bély L*. Les relations internationales en Europe XVIIe–XVIIIe siècles. Paris: Presses universitaires de France, 1992. 731 p.
10. *Wrede M*. Ludwig XIV: der Kriegsherr aus Versailles. Darmstadt: Theiss, 2015. 304 s.
11. Lettre de Vauban à Louvois, 20 janvier 1673 // Vauban Sébastien Le Prestre, marquis de. Vauban: Sa Famille et ses Écrits, Ses Oisivetés et sa Correspondance / Éd. A. de Rochas d'Aiglun. Paris: Berger-Levrault, 1910. Vol. II. P. 89.
12. Traittez de paix entre la France et l'Espagne. Conclu à Nimégue le 17 septembre 1678. Lille: l'imprimerie de Nicolas de Rache, 1678. 18 p.
13. Traité de Paix entre les Couronnes de France & d'Espagne. Conclu à Aix-la-Chapelle le 2 jour de May 1668 // Corps universel diplomatique du droit des gens; contenant un recueil des traitez d'alliances, de paix, de treve, de neutralité, de commerce, d'échange, de protection & de garantie, de toutes les conventions, transactions, pactes, concordats & autres contrats, qui ont été faits en Europe, depuis le Regne de l'empereur Charlemagne jusques à présent / Éd. J. Dumont/. Amsterdam: P. Brunel, R. et J. Wetstein, et G. Smith, Henri Waesberge, et Z. Chatelain, 1731. Vol. VII (I). P. 89–90.
14. *Cénat J.-P.* Louvois. Paris: Tallandier, 2015. 512 p.
15. *Lavisse E*. Histoire de France illustrée depuis les origines jusqu'à la Révolution. Paris: Hachette, 1911. Vol. VII. Louis XIV, de 1643 à 1685 (2e partie). 414 p.
16. *Soubeyran B*. Des "soldats des guerres diplomatiques", les archivistes de Pierre Dupuy à Ludovico Muratori (XVIIe — début du XVIIIe siècle). // La guerre et la paix dans les sociétés des Suds, IVe journées d'études LLACS. 2016. 20 p.
17. Lettre de Louvois à Ravaux, 10 janvier 1680 // Rousset C. Histoire de Louvois et de son administration politique et militaire. Paris: Didier et Cie, 1865. Vol. III. P. 23–25.

18. Arrest de la Chambre royale establie à Metz, pour la reünion du Comté de Deuxponts. Du vingt-huitiéme de Juin 1680 // Recueil des arrests de la Chambre royale establie à Metz, pour la reünion des dépendances des trois Eveschez de Metz, Toul & Verdun, & autres endroits, à l'Obeïssance du Roy. En consequence des traitez de paix, de Munster, des Pyrenées, & de Nimegue. Paris: Federic Leonard, 1681. P. 110–115.
19. *Jalabert L.* La politique territoriale française sur la rive gauche du Rhin (1679–1697): des "reunions" à la Province de la Sarre // Revue historique. 2011. № 1 (n° 657). P. 61–91.
20. Mémoire pour servir d'instruction au sieur Bazin, conseiller du Roi en ses conseils et maître des requêtes ordinaire de son hôtel, s'en allant ambassadeur ordinaire de Sa Majesté en Suède. Saint-Germain, 11 avril 1682 // Recueil des instructions données aux ambassadeurs et ministres de France depuis les traités de Westphalie jusqu'à la Révolution française / Éd. A. Geffroy. Paris: Félix Alcan, 1885. Vol. II. Suède. P. 142–150.
21. *Lynn J.A.* The wars of Louis XIV: 1667–1714. London, New York: Routledge, 2013. 421 p.
22. *Legrelle A.* Louis XIV et Strasbourg: d'après des documents officiels et inédits. Gand: Snoeck-Ducaju, 1878. 253 p.
23. *Rousset C.* Histoire de Louvois et de son administration politique et militaire. Paris: Didier et Cie, 1865. Vol. III. 553 p.
24. *Wurzbach C. von*. Biographisches Lexikon des Kaiserthums Oesterreich. Wien: Verlag der Universitäts-Buchdruckerei von L.C. Zamarski, 1867. Bd. 17. Maroevic-Meszlenn. 506 s.
25. Articles proposez par les Préteurs, Consuls & Magistrat de la Ville de Strasbourg, & accordez pour la reduction de ladite Ville à l'obeïssance du Roy, le 30. Septembre 1681 // Recueil des arrests de la Chambre royale establie à Metz, pour la reünion des dépendances des trois Eveschez de Metz, Toul & Verdun, & autres endroits, à l'Obeïssance du Roy. En consequence des traitez de paix, de Munster, des Pyrenées, & de Nimegue. Paris: Federic Leonard, 1681. P. 268–271.
26. Lettre de M. de Foucher au Roy, 6 octobre 1681 // Legrelle A. Louis XIV et Strasbourg: d'après des documents officiels et inédits. Gand: Snoeck-Ducaju, 1878. P. 218–220.
27. *Kampmann C.* Sicherheit und Libertät — Sicherheit versus Libertät. Securitas Imperii und kaiserliche Reichspolitik im Zeitalter Ludwigs XIV // Sicherheitsprobleme im 16 und 17. Jahrhundert: Bedrohungen, Konzepte, Ambivalenzen / Hrsg. H. Carl, R. Babel, C. Kampmann. 2019. S. 91–116.
28. *Bély L.* Objectifs et conduite de la politique extérieure // Le siècle de Louis XIV / Dir. J.-C. Petitfils. Paris: Perrin, 2017. P. 351–373.

29. *Ришелье Арман-Жан дю Плесси, кардинал-герцог де*. Политическое завещание, или Принципы управления государством / Пер. с фр. Л.А. Сифуровой; предисл., общ. ред. Л.Л. Головина. М.: Ладомир, 2008. 496 с.
30. *Pomponne Simon Arnauld, marquis de*. Mémoires du marquis de Pomponne, ministre et secrétaire d'état au département des affaires étrangères / Éd. J. Mavidal. Paris: Benjamin Duprat, 1860. Vol. I. 554 p.
31. Recueil des instructions données aux ambassadeurs et ministres de France depuis les traités de Westphalie jusqu'à la Révolution française / Éd. P. Duparc. Paris: Édition du Centre National de la Recherche Scientifique, 1956. Vol. XXVI. Venise. 356 p.
32. *Борисов Ю.В.* Дипломатия Людовика XIV. М.: Международные отношения, 1991. 384 с.
33. Recueil des instructions données aux ambassadeurs et ministres de France depuis les traités de Westphalie jusqu'à la Révolution française / Éd. C.-P.-M. Horric de Beaucaire. Paris: Felix Alcan, 1898. Vol. XIV. Savoie-Sardaigne et Mantoue. 432 p.

УДК 93/94(4)

Камнев С.А.

Российский государственный гуманитарный университет,
исторический факультет, направление компаративистика
(история, литература и культура России и страны специализации),
студент бакалавриата.
E-mail: kamnevsa8@gmail.com

Понятие феодальной системы в исторических сочинениях Д. Юма и У. Робертсона

Аннотация. Статья посвящена анализу формирования понятия феодальной системы в исторических сочинениях шотландского Просвещения. Специфика и новаторство Дэвида Юма и Уильяма Робертсона в концептуализации феодальных отношений остаются недостаточно изученными в историографии. Целью статьи является выявление способов репрезентации феодальной системы как универсальной объяснительной модели в «Истории Англии» Д. Юма и «Истории Шотландии» У. Робертсона. Исследование демонстрирует, что, несмотря на различия в выборе объекта исследования, оба автора пришли к сходной интерпретации феодальной системы. Они представляли феодальную систему как целостную политическую структуру, сущность которой заключается в системном конфликте между короной и аристократией, порождающем анархию и децентрализацию. Доказывается, что их новаторство для исторической науки заключается в методологическом синтезе двух современных им исторических подходах. Дэвид Юм и Уильям Робертсон смогли соединить риторику политической истории с эмпирической направленностью исследований антикваров. Просвещенческая модель понимания феодальной системы превратила разрозненные события Средневековья в связный нарратив о «варварском» этапе, предшествовавшем прогрессу и централизации в Англии и Шотландии.

Ключевые слова: феодальная система, шотландское Просвещение, философская история, Дэвид Юм, Уильям Робертсон.

Kamnev S.A.

Russian State University for the Humanities,
Faculty of History, direction: Comparative Studies
(history, literature and culture of Russia and the country of specialization),
Bachelor's program, Student.
E-mail: kamnevsa8@gmail.com

The concept of the feudal system in the historical writings of D. Hume and W. Robertson

Abstract. The article is devoted to the analysis of the formation of the concept of the feudal system in historical writings of the Scottish Enlightenment. The specifics and innovations of David Hume and William Robertson in conceptualising feudal relations remain insufficiently studied in historiography. The purpose of the article is to identify ways of representing the feudal system as a universal explanatory model in the "History of England" by D. Hume and the "The History of Scotland" by W. Robertson. The study demonstrates that, despite the differences in the choice of the research object, both authors came to a similar interpretation of the feudal system. They presented the feudal system as an integral political structure, the essence of which lies in the systemic conflict between the crown and the aristocracy, generating anarchy and decentralisation. It is proved that their innovation for historical science lies in the methodological synthesis of two contemporary to them historical approaches. David Hume and William Robertson were able to combine the rhetoric of political history with the empirical focus of antiquarian research. The Enlightenment model of understanding the feudal system transformed the disparate events of the Middle Ages into a coherent narrative about the "barbaric" stage that preceded progress and centralisation in England and Scotland.

Keywords: feudal system, Scottish Enlightenment, philosophical history, David Hume, William Robertson.

При изучении историографии Средневековья ключевой оказывается концепция феодализма, описывающая сложившуюся систему социально-политических отношений эпохи. Однако на протяжении всей истории изучения Средневековья эта концепция не отличалась единством и последовательностью трактовок. Особенно наглядно эта проблема проявляется в шотландской историографии эпохи Просвещения. Историография шотландского Просвещения не может похвастаться обширными материалами, посвящёнными формированию концепции феодальной системы у мыслителей того периода. Среди существующих исследований следует отметить обзорный труд К. Кида, раскрывающий панораму шотландской историографии XVII–XIX вв. [1, 320 p.]. Однако для настоящего исследования наиболее важной представляется монография Дж. Г.А. Покока, в которой анализируется генезис концепции феодальной системы в трудах антикваров и её влияние на последующее развитие исторического знания в Англии и Шотландии [2, p. 249].

На рубеже XVII–XVIII вв. историческая наука претерпела коренную трансформацию организационных и концептуальных оснований. В организационном плане труд антикваров заложил основы критики источников, создав документальную научную базу [3, с. 118]. Систематизация руко-

писей, монет и законодательных актов, публикация парламентских документов и памфлетов [4, с. 84–85] способствовали формированию научного сообщества. Концептуально под влиянием научной революции и рационализма сформировалась «философская история», сменившая провиденциализм поиском универсальных закономерностей [5, с. 305, 324–325].

Особый интерес в этом контексте представляют труды шотландских мыслителей Дэвида Юма и Уильяма Робертсона, первые тома исторических сочинений которых вышли в Великобритании в конце XVIII в. с разницей в пять лет. Оба автора работали в русле «философской истории» — нового направления, которое отвергало чисто хроникальное изложение событий [6, с. 160]. Для Юма и Робертсона было принципиально важным выявление общих закономерностей исторического процесса. В своих трудах оба историка стремились вписать исторические процессы Шотландии и Англии в общеевропейский контекст.

Первый том «Истории Англии» Дэвида Юма, озаглавленный «История Англии от вторжения Юлия Цезаря до восшествия на престол Генриха VII», был опубликован в 1761 г., последним из серии. Хронологически он охватывает период от античности до конца XV в. Структурно и концептуально ядро первого тома составляет анализ становления и развития английской политической системы в Средние века. Отправной точкой зарождения феодальной системы как политической системы служит Нормандское завоевание. Кризис этой модели Д. Юм связывает с эпохой Генриха III и Великой хартией вольностей. XIV–XV вв., включая войны с Францией и Алой и Белой розы, изображены как период распада феодальных устоев, приведший к ослаблению аристократии и подготовивший установление сильной централизованной власти Тюдоров.

Таким образом, хроника Юма представляет собой нарратив о зарождении, расцвете и упадке феодальной системы. При написании своей работы Дэвид Юм как эмпирик-исследователь обращался к различным историографическим работам своих предшественников и большому корпусу источников. Он отвергал возможность использования легенд и прочего недостоверного исторического материала [7, p. 2]. Первыми достоверными источниками по истории Средних веков он считал литературу, написанную античными авторами, которые описывают Британию своего времени, населённую галлами и кельтами. Здесь он ссылается на классические тексты Цезаря, Диодора, Тацита и Стабо. Завершив краткое описание древнего периода истории британских островов, Юм переходит к англо-саксонскому периоду. Здесь же он обращается к историографии Средних веков и современной ему [7, p. 131] — У. Фитц-Стивен, Х. Хар-

рингтон, Э. Кок, М. Хейл. При этом Юм не критикует предшественников, а использует их работы как источники эмпирических данных. Также он обращается к первоисточникам: хроникам саксов, политическим документам и законодательным актам.

Первый том «Истории Шотландии» Уильяма Робертсона, вышедший в 1759 г. под названием «История Шотландии со времен правления Марии Стюарт и Якова VI», хронологически сосредоточен на XVI в. В первой книге этого тома содержится экскурс в более раннюю, средневековую историю шотландского королевства. Робертсон структурно выделяет этот экскурс, предваряя им основное повествование, что позволяет рассматривать его как систематизированное, хотя и сжатое изложение его взглядов на феодальные взаимоотношения в Шотландии. Феодальная система в Шотландии, по Робертсону, формируется под английским и норманнским влиянием, достигая расцвета в XIV–XV вв. Власть короля оставалась номинальной, тогда как аристократия, обладая наследными юрисдикциями и частными армиями, превратились во влиятельных независимых правителей. Кризис системы начался с попыток централизации власти Якова I, Якова II и Якова III. Катастрофа при Флоддене 1513 г. ослабила знать, а политика Якова V, направленная на подавление аристократии, заложила основы распада феодальных порядков.

При построении нарратива о развитии феодальных отношений в Шотландии Уильям Робертсон опирается на обширный корпус средневековых источников и актуальной историографии, демонстрируя при этом последовательный критический подход. Историк дистанцируется от мифологизированных сведений, отвергая легенды и бардовские песни как лишённые исторической достоверности источники [8, p. 3]. Его критика распространяется и на позднейших хронистов раннего Нового времени, а также включает в исследование зарубежную историографию — в частности, труды французского историка Эро, что позволяет ему провести сравнительный анализ феодальных политических систем Франции и Шотландии [8, p. 7]. Наряду с историографическими работами ключевое значение в его исследовании занимают архивные материалы. Прежде всего это акты шотландского парламента XV в. [8, p. 26, 35, 47], источники личного происхождения и иностранные документы [8, p. 58].

У. Робертсон в первой книге своего многотомного труда утверждает, что «история Европы в течение многих веков, за исключением малого, состояла из войн и революций, вызванных непомерными амбициями» [8, p. 25]. Поэтому он не усложняет повествование о Средних веках излишними деталями, давая читателям возможность без сложностей понять ос-

новные характеристики того периода. В поисках универсальной модели описания сложных политических событий Средних веков У. Робертсон вводит в нарратив свое понимание о феодальной системе. Она должна позволить и исследователю, и читателю выявить рационалистические причины иррациональных междоусобных конфликтов.

Лейтмотивом всего трагического нарратива У. Робертсона о Средних веках становится анархия как основная черта феодальной системы Шотландии [9, p. 22]. Анархия выражается в «Истории Шотландии» через взаимодействие аристократии и королевской власти. Обе политические силы имеют противоположные интересы. Аристократия, часто разделяемая в различные феодальные объединения, действует как единая сила в целях сохранения своих фундаментальных интересов. Такая же приверженность собственным целям отражена и в монархической силе. Через объяснение политической системы средневековой Шотландии У. Робертсон структурирует хаотичный нарратив событий, которые составляют в полном объёме историю Шотландии.

Универсальность идеи противостояния двух группировок за власть помогает выявить две категории амбиций, присущие аристократии и королевской власти. С одной стороны — стремление аристократии к пассивному управлению королевством, с другой — более законные, но менее эффективные амбиции монархии реализовать полномочия, предоставленные ей феодальной конституцией. Амбиции знати Робертсон характеризует как «чудовищные, мятежные, опасные и разрушительные» [8, p. 39–40], коренящиеся в стремлении к королевской власти и выражающиеся, в частности, во введении майоратов, чтобы сделать свои владения «неотчуждаемыми и вечными». Эта «противоестественная» амбиция, постоянно распадающаяся на частные страсти, парализует государство. В отличие от Европы, где в тот же период такие монархи, как Людовик XI, начали процесс централизации [8, p. 246], Шотландия, по мнению Робертсона, из-за случайных факторов этот процесс пропустила. В результате феодальная система предстаёт как тупиковая система, где правители обречены на неудачу. Политическое действие в такой системе сводится к деструктивным страстям, которые создают хаотичность и анархичность истории. Таким образом, феодальная система у Робертсона — это универсальная категория, выраженная в системе конфликта. Основанная на взаимном противодействии короны и аристократии, она привела Шотландию к длительному политическому застою. Феодальная политическая система является необходимым этапом, который показывает, насколько важен переход на новую ступень развития политической системы.

Дэвид Юм начинает размышление с ещё более ранней стадии развития цивилизации. Его исторический нарратив начинается в период до Нормандского завоевания в Англии. Дэвид Юм делает вывод, что в этот хронологический отрезок истории не существовало ни единой системы права, ни устойчивой формы правления, которую можно было бы сравнить с той, что сложилась в Англии в XVII в. Англосаксонские институты он описывает как примитивные и неустойчивые, находящиеся в постоянном изменении под влиянием воли и случая [7, p. 51]. Нормандское завоевание 1066 г. меняет политическую систему Англии. По мнению Юма, это была самая настоящая «феодальная революция» [7, p. 233], поскольку Вильгельм Завоеватель распределял землю не по местным законам, а по тем, которые были привезены с континента. Юм отмечает, что феодальные отношения стали той политической системой, в которой всё основывается на противостоянии аристократии и королевской власти [7, p. 253]. Эта система строилась на принципах зависимости и подчинения, которая могла выражаться в различных формах феодальной повинности.

Однако такая система была децентрализованной и имела противоестественную природу. Д. Юм видел в аристократической, неестественной природе феодальной системы корни варварства. Могущественные бароны, располагавшие своими армиями и судами, могли противостоять королевской власти. Дихотомия власти стала структурирующим элементом нарратива об английском Средневековье для Д. Юма. Феодальная система стала универсальной системой, через которую объясняются политические события Англии периода Средневековья и которая отражает «варварский» этап формирования общества.

Ключевым достижением шотландского Просвещения в лице Уильяма Робертсона и Дэвида Юма стало превращение феодальных отношений из предмета антикварного изучения в универсальную философскую категорию для осмысления европейского Средневековья. Оба историка использовали эту концепцию как мощный инструмент для рационализации хаотичного исторического нарратива, представляя феодальную систему как целостную политическую систему. Её сущность они видели в системном конфликте между короной и аристократией, который порождал состояние хронической анархии и децентрализации. Этот конфликт служил для них главной пружиной исторического развития в Средние века.

Продолжительная научная значимость трудов Дэвида Юма и Уильяма Робертсона, которые впоследствии считались эталонными и лег-

ли в основу университетского преподавания истории в Великобритании, была обеспечена методологическим синтезом, осуществлённым этими авторами. Анализ их историописания демонстрирует, что их сочинения не могут быть однозначно отнесены ни к антикварной традиции, ни к чистой политической истории. С одной стороны, оба историка строили свои исследования на тщательном изучении предшествующей историографии и скрупулёзной работе с источниками. Юм активно использовал изданные антикварами законодательные акты, правовые документы, парламентские и королевские архивы, а также личную корреспонденцию, принципиально отвергая недостоверные легенды и литературные вымыслы. Робертсон не только опирался на опубликованные источники и изыскания антикваров, но и сам вводил в научный оборот новые документальные материалы, публикуя их в специальных приложениях к своим трудам ("Appendix containing Original Papers").

С другой стороны, несмотря на эту эмпирическую базу, работы шотландских просветителей были насыщены риторическими приёмами, унаследованными от традиции политической истории. Но предшествующие работы не отвечали тем требованиям исследования, который виделись Д. Юму и У. Робертсону. Робертсон, например, прямо указывал на ограниченность Фордуна, сухость Мейджора, риторическую избыточность Бойса и подвергал сомнению фактологическую точность Бьюкенена [8, p. 6]. Эта критическая рефлексия находила место и у самих авторов. Об этом свидетельствует полемика между Юмом и Робертсоном на страницах «Критического обзора» Томаса Смоллетта [10, p. 60].

В интерпретации Д. Юма и У. Робертсона феодальная система предстаёт универсальной философской категорией, объяснительной моделью для европейского Средневековья. Это целостная политическая система, сущность которой заключена в системном конфликте между короной и аристократией, порождающем анархию и децентрализацию. Их подход знаменует новый тип историописания, синтезирующий риторичность политической истории и эмпиричность антикварного движения. Философская история, являясь их методологической основой, направляла этот синтез на выявление общих закономерностей. Концепция феодальной системы стала инструментом такого философского осмысления, позволяя преобразовать хаос частных событий в связный рассказ о «варварском» этапе в истории Англии и Шотландии, предшествующем прогрессу и централизации — созданию единого Британского королевства. Таким образом, их труды — это рационалистическое конструирование истории,

где эмпирические данные служат доказательной базой для масштабных теоретических обобщений.

Список источников и литературы

1. *Kidd C*. Subverting Scotland's Past: Scottish Whig Historians and the Creation of an Anglo-British Identity, 1689-c.1830. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. 322 p.
2. *Pocock J.G.A.* The constitution and the feudal law. London: Cambridge University Press, 1987. 420 p.
3. *Косминский Е.А.* Историография средних веков V в. — середина XIX в. М.: Изд-во МГУ, 1963. 430 с.
4. *Айзенштат М.П.* Историческое знание и политическая культура Британии XVIII в.: проблемы исследования // Люди и тексты. Исторический альманах. 2019. № 12. С. 76–95.
5. *Барг М.А.* Эпохи и идеи. Становление историзма. М.: Мысль, 1987. 348 с.
6. *Аббаттиста Г.* Время и Пространство // Мир Просвещения. Исторический словарь. М.: РАН, 2003. С. 158–171.
7. *Hume D.* The history of England. Vol. I. London: T. Cadell in the Strand, 1773. 500 p.
8. *Robertson W*. The history of Scotland. Vol. I. London: W. Pickering, 1775. 387 p.
9. *Hargraves K.H.* National history and "philosophical" history: character and narrative in William Robertson's History of Scotland // History of European Ideas. 2000. Vol. 26. P. 19–33.
10. *Raynor D.R.* Hume and Robertson's History of Scotland // Journal for Eighteenth-Century Studies. 1987. Vol. 10. P. 59–63.

Власть и общество. Социальные структуры

УДК 94

Старцев Н.И.
Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет,
историко-филологический факультет, студент бакалавриата.
E-mail: nior312@mail.ru

Клюни в системе сеньориальных отношений: начальный период истории бургундского аббатства по источникам первой половины X в.

Аннотация. В историографии важное место занимает тезис о том, что клюнийская конгрегация являлась значимой частью сеньориальных отношений, однако юридический статус обители в начальный период истории аббатства все еще вызывает вопросы. В статье на материале источников первой половины X в. будут реконструированы контекст основания аббатства и особенности его взаимоотношений с папством и феодальной знатью.

Ключевые слова: Клюни, Клюнийская конгрегация, Одон Клюнийский, X в., Бургундия.

Startsev N.I.
Saint Tikhon Orthodox University of the Humanities,
History and Philology Department,
Bachelor's program, Student.
E-mail: nior312@mail.ru

Cluny within the System of Seigneurial Relations: The Early History of the Burgundian Abbey Through the Lens of Mid-10th Century Sources

Abstract. Modern historiography views the Cluniac congregation as part of seigneurial relations. However, its early legal status remains unclear. Analyzing 10th-century sources, this article reconstructs the context of Cluny's foundation and its specific relations with the papacy and feudal aristocracy.

Keywords: Cluny, Cluniac Congregation, Odo of Cluny, 10th century, Burgundy.

Основание аббатства Клюни могло бы рассматриваться как рядовое явление в истории Европы, но уже ввиду обстоятельств, предшествующих этому событию, монахам данной обители было суждено сыграть важную роль в церковной, политической и социальной истории региона.

Уже при первых двух аббатах — Берноне и Одоне — Клюни становится важным фактором в системе феодальных отношений. В следующие два века клюнийская конгрегация насчитывала уже более 800 обителей.

Все это стало возможным благодаря уникальному юридическому положению бургундского аббатства, которое формировалась при Берноне и Одоне, однако его реконструкция связана с определенными трудностями.

Для исследования положения Клюни в системе сеньориальных отношений были использованы следующие источники: «Житие Одона» [1], созданное около 942 г. его учеником Иоанном Салернским [2, p. 81–82]; документы нормативного характера — завещание Гийома Аквитанского 910 г. [3], грамота, учреждающая создание монастыря Клюни в графстве Макон [4, p. 13], и булла папы Иоанна X 928 г. [5] — письмо к королю франков Рудольфу (923–936) и архиепископу Лионскому Видо (928–949).

Механизмы взаимодействия Церкви и светских владык позволяет проследить грамота Гийома Аквитанского [3], прозванного Благочестивым, поскольку в конце жизни он основал многие монашеские обители на своей земле [6, p. 6]. Хотя в действительности едва ли его образ жизни можно было назвать таковым[1]. Собственно, само основание Клюни было чем-то большим для Гийома, нежели просто заботой о спасении души, как утверждается в завещании: «*Я, Гийом, по милости Божьей граф и герцог, тщательно обдумав это и желая обеспечить свое спасение, пока есть возможность, счел правильным и даже необходимым выделить часть временно дарованных мне благ на пользу для своей души*» [3, p. 34][2].

Безусловно, у этого действия был вполне понятный религиозный мотив, но следует обратить внимание и на политический контекст, а точнее, на подписи завещания: помимо Гийома[3] там также стоит имя его жены Ингельберги [3, p. 35] — сестры короля Прованса, дочери Бозона Вьеннского [7, p. 33], завещание скреплено ее печатью [3, p. 35][4]. Составление документа совпадает с важным политическим событием: Гийом из се-

---

[1] Примерно тогда, когда Одон стал служить у Гийома, известен случай, как он пронзил копьем взятого в плен вассала своего противника, несмотря на просьбы вассала помиловать его. Подробнее см. [6, p. 6].

[2] “Quod ego Guillelmus dono Dei comes et dux sollicite perpendens ac proprie saluti dum licitum est providere cupiens ratum immo pernecessarium duxi ut ex rebis quae michi temporaliter conlata sunt, ad emolumentum animae aliquantulum inperciar”.

[3] “Dono autem haec omnia iam dictis apostolis, ego Uuillelmus et uxor mea Ingelberga…”.

[4] “Ego hanc auctoritatem fieri et firmare rogavi, ac manu propria roboravi. — Signum Ingelbergae, uxoris eius”.

мьи Гильемидов [4, p. 15] женился на Ингельберге из семьи Бозонидов. Таким образом, этот документ символизирует собой союз двух крупных политических игроков в регионе. Не случайно выбрано и место основания новой обители — в Маконе, на границе с Провансом, владением Бозонидов [4, p. 15].

Кому же был принесен этот дар? Апостолам Петру и Павлу. Как отмечает Изабель Розе, акцент в документе в первую очередь делается на защите апостолов (tuitio apostolorum) и уже потом — на попечении понтифика (pontificalis defensio) [4, p. 15]: «*и да обретут они* [клюнийские монахи] *защиту самих апостолов и римского понтифика попечение*» [3, p. 34][5]. Эта формулировка, которая, как полагает французская исследовательница, принадлежит Одону, содержит важную клаузулу: здесь оговаривается особый статус Клюни через «защиту апостолов» (tuitio apostolorum): «*Итак, да будет известно всем живущим в единстве веры и просящим милости Христовой, кто придет после нас и будет жить до скончания века, что из любви к Богу и Спасителю нашему Иисусу Христу я передаю из моего законного владения святым апостолам Петру и Павлу Клюни*» [3, p. 34][6].

Принципиально важный правовой аспект этой грамоты — вечный и безусловный характер дарения Клюни апостолам, который подчеркивается формулировкой “qui sibi successuri sunt et usque ad saeculi consummationem victuri” («кто придет после нас и будет жить до скончания века»). Таким образом, в документе подчеркивается, что монастырь находится в собственности не римского понтифика, а апостолов — на деле это означает, что сами монахи управляют владениями аббатства [4, p. 15].

Второй очень важный момент — то, что эта земля приносится апостолам в дар (donum). Дар имеет тут уже упомянутую ранее конкретную социально-политическую функцию — закрепить союз между двумя домами. В данном случае дар выступает как социальная альтернатива сделке через отрицание взаимной обусловленности дара и ответного дарения и состоит в создании длительных отношений между людьми [8, с. 32–33]. Эти отношения создаются не столько с монастырем, сколько между

---

[5] “…Habeantque tuitionem ipsorum apostolorum atque Romani pontificis defensionem”.

[6] “Igitur omnibus in unitate fidei viventibus Christiique misericordiam praestolantibus, qui sibi successuri sunt et usque ad saeculi consummationem victuri, notum sit quod ob amorem Dei et Salvatoris nostri Jesu Christi res iuris mei sanctis apostolis Petro videlicet et Paulo de propria”.

самими дарителями — Гийомом и Ингельбергой. Таким образом, роль Клюни с самого начала состояла в построении общего сакрального пространства между расколотыми территориями посткаролингского мира.

В дальнейшем статус Клюни также закреплялся несколько раз в различных нормативных документах. После того как в 927 г. Одон стал аббатом Клюни [1, col. 61–62] и против него восстала не только братия Бома, которая не симпатизировала Одону и о которой упоминает агиограф [1, col. 61–62], но и племянник бывшего настоятеля Видо (архиепископ Лиона), которому по завещанию Бернона доставались Бом и Жиньи, а Одону — Клюни [6, p. 41]. Видо оспорил некоторые положения завещания, силой отобрав некоторые земли у Одона [6, p. 41]. Именно в этом контексте для подтверждения своего статуса и решения имущественных вопросов он обратился к королю Рудольфу и папе Иоанну X и от них обоих получил подтверждение привилегий аббатства [4, p. 16]: «*Дошло до нас, что аббат Гвидо силой отнял у Клюни то, что аббат Бернон завещал ему во владение из имущества монастыря Жини, обязав выплачивать оброк. Посему мы увещеваем вашу любовь, дабы вы вернули клюнийцам все эти владения*» [5, col. 812–813][7].

Вопрос решается в пользу Одона с весьма прямолинейной формулировкой: «*Мы приказываем: пока жив хоть один из монахов, принесших обет в Жиньи или "отданные" в дар в Клюни*[8] [9, с. 143]*, клюнийские монахи да владеют этими землями под нашей властью, разве что только сами монахи добровольно откажутся от них*» [5, col. 812–813][9]. Документ заканчивается обращением к Рудольфу, где папа поручает франкскому королю аббатство Клюни. На этом примере можно увидеть, что папа в некотором смысле ограничивает светского владыку, считая себя правомерным делегировать королю право защищать монастырь. С другой стороны, как отмечает И. Розе, грамота Рудольфа ограничивала папу — таким образом, две формы легитимности ограничивали друг друга [4, p. 16].

---

[7] "Auditum nostris apostolicis auribus quod Guido abbas per violentiam abstulit a Cluniaco hoc quod Berno abbas de potestate. Gigniacensis monasterii sub censu tenendum legaverat". [Букв. «Дошло до наших апостольских ушей…»].

[8] Имеются в виду «облаты» — дети, которых отдавали в монастырь их родители [9, с. 143].

[9] "…et constituimus ut, quandiu ex illis monachis, qui in Ginniaco professionem fecerunt, aut oblati sunt apud Cluniacum, aliquis vixerit, res ipsas monachi Clunienses teneant sub nostra ditione, nisi forte ipsi monachi sua sponte res ipsas dimiserint" [5].

Из периода, когда Одон уже стал аббатом, Иоанн Салернский повествует о поездке Одона в Рим с целью примирения Гуго Ломбардского и Альберика Римского по просьбе папы Льва VII [1, col. 64–65]. Гуго, правитель небольшого королевства со столицей в Павии, претендовал на Рим. В 930 г. он женился[10] на печально известной Мороции, дочери Теофилакта, с именем которого связано начало «порнократии» [10, с. 56], когда его жена (Феодора старшая) и дочь (Мороция) правили Римом. После того как Теофилакт и Феодора старшая сошли с политической сцены, именно Мороция начала править Римом, убрав неугодного ей Папу Иоанна X и выйдя замуж за единоутробного брата своего второго мужа, маркграфа Тосканы Видо — Гуго. Однако уже спустя два года сын Мороции Альберик поднял восстание и отбил Рим [6, p. 49]. Тут снова можно зафиксировать роль некоего «связующего звена», которую на сей раз исполняет не монастырь Клюни как таковой, а сам аббат Клюни.

В результате при Одоне Клюни встраивается в систему сеньориальных отношений посредством включения различных политических сил в сеть «покровителей» (функции дара) и использования различных форм легитимации с целью сохранить особый юридический статус аббатства. Как франкский король, так и понтифик гарантировали соблюдение прав и привилегий монастыря, подчеркивая свой авторитет и власть в решении того или иного вопроса, связанного с монастырем. А основание обители — это создание общего сакрального пространства на раздираемой междоусобицей территории, которое должно было скрепить ее не только политическим союзом двух могущественных семей, создать узы не только на земле, но и на небесах. В данном случае сходятся воедино политическое и церковное измерения, когда сотериологическое прочтение политического пространства дает импульс новым движениям, что отражается в деятельности монастыря: помимо реформаторского движения, важную роль играет стремление к миротворчеству, урегулированию конфликтов. Таким образом, монастырь Клюни стал важным компонентом социальной и политической консолидации.

Список источников и литературы

1. *Ioannes Salernitanus.* Vita S. Odonis // Patrologia Latina. Vol. 133. Col. 43–86.
2. *Iogna-Prat D.* Panorama de l'hagiographie abbatiale clunisienne (v. 940 — v. 1140) // Manuscrits hagiographiques et travail des hagiographes. Sigmaringen: Thorbecke, 1992. P. 77–118.

[10] Для Мороции это был уже третий брак.

3. *Testamentum* Willelmi cognomento Pij Aruernorum Comotis, Ducis Aquitanorum, de constructione Cluniacensis loci // Charte de foundation de Cluny // Les plus anciens documents originaux de l'abbaye de Cluny / Éd. H. Atsma et al. Turnhout, 1997. Vol. 1. P. 33–36.
4. *Rose I.* Tenth-Century Cluny// A Companion to the Abbey of Cluny in the Middle Ages. Boston: Brill, 2022. P. 11–33.
5. Joannis X Epistola ad Rodulfum regem francorum, Widonem archiepiscopum lugdenensem, etc. (anno 928) // Patrologia Latina. Vol. 132. Col. 812–813.
6. *John of Salerno*. The Life of St. Odo of Cluny // St. Odo of Cluny / Transl. and ed. by Dom G. Sitwell. London; New York, 1958. P. 1–88.
7. *Poly J.-P.* La Provence et la société féodale: 879–1166. Paris: Bordas, 1976. 444 p.
8. *Дубровский И.В.* Дары и отношения // Средние века. № 71 (1–2). М.: Наука, 2010. С. 31–36.
9. *Мастяева И.Н.* Новициат в западноевропейских consuetudines XI–XIII вв. // Ежегодная богословская конференция Свято-Тихоновского Гуманитарного университета. 2023. Т. 33. С. 143–145.
10. *Майорова Е.И.* Викарии Христа. Папы Высокого Средневековья. С 858 г. до Авиньонского пленения. М.: Вече, 2018. 384 с.

УДК 94(437)+94(430)+94(438)

Богомолов М.С.

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», факультет гуманитарных наук,
образовательная программа «История», студент бакалавриата.
E-mail: mischa.bogomolov2014@gmail.com; msbogomolov@edu.hse.ru

Конфессиональные факторы в борьбе за власть в Чешских землях в X–XI вв.

Аннотация. В статье рассматривается христианизация Чешского княжества в контексте конфронтации христианской и языческой фракций чешского нобилитета. Автор полагает, что претворение в жизнь христианской политики способствовало укреплению личной власти династии Пржемысловичей, противостоявшей князьям Славниковичам и Вршовцам в борьбе за доминирование в регионе.

Ключевые слова: Чешское княжество, христианизация, язычество, междоусобная война.

Bogomolov M.S.

National Research University
"Higher School of Economics", Faculty of Humanities,
Bachelor's program "History", Student.
E-mail: mischa.bogomolov2014@gmail.com, msbogomolov@edu.hse.ru

Confessional factors in the struggle for power in the Czech lands in the 10th-11th centuries

Abstract. The article examines the Christianization of the Czech principality in the context of the confrontation between the Christian and Pagan factions of the Czech nobility. The author believes that the realization of Christian politics contributed to the strengthening of the personal power of the Przemyslovich dynasty, which opposed the princes Slavnikids and Vrshovici in the struggle for dominance in the region.

Keywords: Czech principality, Christianization, paganism, internecine war.

С увеличением религиозного разнообразия в современной Европе также возрастает и интерес к религиоведению. И несмотря на рост атеизма в Старом Свете, особенно в Чехии [1, с. 4], вследствие социальных и политических проблем, спрос на подобные исследования повышается.

В данной статье будет рассматриваться, каким образом христианизация способствовала укреплению власти чешских князей в X–XI вв.

Появление христианства в Восточной Европе изменило политический и социально-экономический ландшафт в этом регионе. Возникали новые государства, трансформировались политические институты. Христианизация была встречена неоднозначно: немалая часть элит противодействовала этому процессу. Но обнаружились и те, для кого новая вера стала способом сохранить и укрепить личную власть.

Знакомство чехов с христианством произошло еще при Карле Великом. Так, например, франкский летописец Эйнхард описывает богемцев как «замечательных данников» [2, с. 85], что, конечно, не свидетельствует об активной миссионерской деятельности в регионе, но указывает на вероятные контакты чешских элит с представителями неизвестной им ранее конфессии.

По свидетельствам, первым чешским князем, принявшим христианство, стал Борживой I. Датой крещения считается 894 г., о чем пишет чешский хронист Козьма Пражский [3, с. 57]. Об этом же событии говорится и в «Кристиановой легенде», но этот источник овеян ореолом тайны и вызывает споры как у чешских [4, p. 1–8], так и у отечественных [5, с. 13–14] исследователей.

В 895 г. в правление Спытигнева I Богемия вышла из состава Великой Моравии [6, p. 53]. С этого момента в среде чешской знати начался разлад на религиозной почве. Великая Моравия на протяжении долгого времени находилась под влиянием нескольких держав: Восточно-Франкского королевства и Византии [7, s. 30, 79]. Более того, немалая часть населения продолжала придерживаться традиционных славянских верований. Хоть с упадком Великоморавского государства влияние с востока снизилось, Чехии тем не менее передалась эта особенность. Это стало серьезной проблемой для княжества, так как разлад произошел не только среди знати, но и в правящей династии.

Одним из наиболее известных и релевантных эпизодов стала внутренняя династическая борьба языческой и христианской «партий». К представителям первой стоит отнести Драгомиру — регентшу во время правления малолетнего Вацлава, ее сына, а также Болеслава — брата Вацлава и второго сына Драгомиры. К представителям второй — Вацлава и Людмилу, жену Борживоя I. Сперва конфликт назрел по поводу воспитания юного князя. Людмила стремилась воспитать его как христианского правителя, Драгомира же противилась этому. Согласно «Проложному житию Людмилы» сноха организовала убийство бабушки Вацлава [8, с. 107].

Следующим важным событием стало убийство самого Вацлава I. В 929 г. князь, приехавший на освящение храма, был убит перед воротами храма своим братом Болеславом [8, с. 112]. По некоторым данным, сподвигла на это дело «братоубийцу» [3, с. 59] и «безбожника» [9, с. 18] также Драгомира [8, с. 112].

Но за этим стояла не только религиозная неприязнь. В это время с запада на Богемию оказывало влияние Восточно-Франкское королевство. Конечно, это происходило и ранее, но с начала X в. войны участились: так, например, Генриху I и его сыну Оттону I удалось обложить данью чехов [9, с. 9]. Усиливались торговые и дипломатические связи, о чем есть множество свидетельств — например, записи об уплате пошлин торговцами из Богемии или письмо епископов Восточно-Франкского государства папе о подчиненности Моравии [10, p. 29, 33].

Подобное усиление влияния Восточно-Франкского государства было встречено неоднозначно. Часть элит была недовольна иноземцами, которые к тому же пытались насаждать новую веру. Другая же часть — вероятно, понимая мощь западного соседа, — стремилась установить дружественные отношения. Первую группу составляли в основном язычники. К ним можно отнести и Болеслава. Свидетельством желания Болеслава освободиться от немецкого влияния служат слова Видукинда Корвейского. Практически сразу после его вокняжения началась война между Чехией и Восточно-Франкским государством. По словам хрониста, Богемия «оставалась свободной в течение 936–950 гг.» [11, с. 47]. Ко второй же группе следует отнести христиан, в том числе Вацлава, который не только был христианином, но и уделял делам веры больше времени, нежели заботам своего правления, а также был хорошим другом немецкого короля: «Однако был брат Болеслава, который, пока был жив, оставался верным и полезным королю [Генриху. — *М. Б.*]» [11, с. 147]. Например, он построил церковь Св. Вита [3, с. 60]. К тому же князь имел тесные связи и с другими представителями знати Восточно-Франкского королевства [3, с. 60]. Это, а также признание себя вассалом короля Генриха I вызвало негодование его окружения. В 929 г. Вацлав был убит своим братом Болеславом I [3, с. 58], который впоследствии стал князем.

На этом распри христианской и языческой фракций не закончились. Они перешли в иную стадию — междинастическую. Конечно, лейтмотивом борьбы князей выступали скорее политические и экономические споры, однако не стоит упускать и религиозную причину. Сложно сказать, к какой вере тяготел Болеслав Грозный, — данных об этом сохранилось немного. Тем не менее, несмотря на жестокое убийство брата, он

продолжал его политику христианизации чешских земель и даже определенное сближение с Восточно-Франкским королевством, а впоследствии — со Священной Римской империей. Повлияло на такой резкий поворот, скорее всего, осознание неспособности чехов противостоять западному соседу, ведь в 950 г. Богемия вновь была подчинена немецкому королю [11, с. 47].

Особенно значимым шагом в отношении укрепления не только христианства в Богемии, но и власти династии Пржемысловичей является канонизация Вацлава. Несмотря на кажущуюся абсурдность такого действия (ведь Болеслав убил своего брата и затем сам же способствовал его канонизации), новому князю удалось укрепить авторитет династии, так как наличие святого в роду усиливало притязания на трон. Таким образом, Болеслав, который, может, и не был язычником, но точно не был ярым последователем христианской веры, все же сделал упор на ее распространение. Впоследствии даже установился культ Вацлава, который сохранился до сегодняшнего дня: День чешской государственности отмечается в день смерти святого.

Князь Болеслав также стремился основать в Праге епископство. Появление святого в городе могло этому способствовать. Однако в период его правления создать епархию не удалось. Только Болеслав II, его сын, сумел этого добиться [3, с. 64–66]. Появление епископа, может, и усиливало влияние Священной Римской империи, но решало многие проблемы. Во-первых, повышался авторитет чешских князей среди европейских держав. Во-вторых, улучшались отношения Богемии со своим сюзереном — Священной Римской империей. В-третьих, это возвышало династию Пржемысловичей среди других чешских князей, что было особенно важно в правление Болеслава II.

В X в. на территории Богемии помимо Пржемысловичей существовало два влиятельных рода, претендовавших на княжение в Праге. Самым могущественным были Славниковичи, контролировавшие Зличанское княжество, находившееся к западу от земель Пржемысловичей. Другим родом были Вршовцы. Их владениями были Жатец и Литомержице.

Зличанское княжество было одним из самых молодых, так как основатель рода Славник был первым и предпоследним правителем этой территории. Причиной ранней гибели этого знатного рода был совместный поход Вршовцев и Пржемысловичей. Помимо обширных территорий, Славниковичи имели определенный рычаг давления на правящую в Праге династию: влиятельный пражский епископ Адальберт, он же Войцех, любимый народом, был сыном Славника [3, с. 73]. Пржемысловичи пы-

тались поставить вместо представителя конкурирующей династии своего ставленника — Страхквaса, брата Болеслава II [3, с. 74–75]. Но безуспешно: Адальберт поддерживался в том числе римским папой. Все эти факторы побудили Болеслава II избавиться от наиболее могущественного рода соперников [3, с. 73]. Уничтожив Зличанское княжество, пражскому правителю удалось частично решить и другую проблему. Адальберт проклял род Вршовцев [3, с. 97], тем самым подорвав их авторитет. В XI в. Пржемысловичи еще будут конфликтовать с ними. Но последним крупным их выступлением было низвержение Болеслава III Рыжего и приглашение на княжение польского короля [9, с. 84]. После этого Вршовцы старались лавировать между претендентами на престол из рода Пржемысловичей [3, с. 80], а в XII в. окончательно покинули Богемию [3, с. 176].

Следующей угрозой власти Пржемысловичей стала польская корона. После смерти Болеслава II князем стал его сын Болеслав III. Он, приняв во внимание опыт предыдущих князей, решил заблаговременно избавиться от потенциальных претендентов на трон — своих братьев Яромира и Ольджриха. Однако им удалось избежать участи Вацлава и покинуть Чехию [9, с. 84]. Правление Болеслава Рыжего оказалось неудачным, поэтому впоследствии его свергнул нобилитет, среди которых были вышеупомянутые Вршовцы. На трон был приглашен король Польши Болеслав Храбрый. Наиболее примечательным в этом сюжете является «легкость», с которой меняли чешских правителей. Обуславливается это устоявшейся дохристианской традицией — избранием князя собранием воинов [3, с. 96]. Попытки Пржемысловичей утвердиться на троне за счет христианского догмата о божественности власти, подкрепленного канонизацией князя Вацлава, не увенчались успехом. Славянские традиции и языческая вера по-прежнему играли немалую роль в политической жизни Чехии.

Тем не менее борьба за чешский трон продолжалась. Ольджриху и Яромиру удалось вернуть Прагу Пржемысловичам. Но, по словам Козьмы Пражского, в этом им помог и сам святой Вацлав [3, с. 82]. Сложно сказать, появилась ли такая легенда до записи хрониста или он сам ее придумал. Однако в обоих случаях демонстрируется результат укрепления власти Пржемысловичей при помощи религии.

Незадолго до вышеописанных событий второй пражский епископ Адальберт погиб во время миссионерской деятельности в Пруссии. Позже он был канонизирован. И, казалось бы, в X в. появился уже второй святой в Чехии. Однако мощи Адальберта, по сообщению Козьмы Пражского, остались в польском городе Гнездно [Гнезно] [3, с. 103].

Воспользовавшись династическим кризисом и крестьянским восстанием в Польше [12, с. 51], Бржетиславу I удалось перенести мощи святого Адальберта в Прагу в 1039 г. Несмотря на недовольство императора Генриха III [13, с. 215], чешский князь смог повысить авторитет династии и Чехии в целом.

После Адальберта значение епископа в Чешском княжестве возросло. Сам святой оказался весьма любим народом. Епископ стал важным представителем чешской властной структуры. Об этом свидетельствует и стремление вернуть Адальберта в епископы, когда тот сложил с себя сан [3, с. 73], и борьба между Страхквасом из династии Пржемысловичей и святым из рода Славниковичей за место епископа. Был случай, когда епископ Север своим бегством заставил Бржетислава отказаться от ведения войны с императором Священной Римской империи [3, с. 118–119]. Поэтому за этот сан во второй половине XI в. представители династии Пржемысловичей вели активную борьбу.

Вратислав II, боясь заговора Яромира и других соперников, стремился поставить своего епископа, однако ему это не удалось [3, с. 131]. Незадолго до этих событий из Пражского епископства выделилось Оломоуцкое, что сыграло на руку Вратиславу. Долгое время он отказывал Яромиру объединять их [3, с. 137], так как это могло бы способствовать усилению брата. После долгих споров и переговоров в том числе с папой епархии так и не были объединены [3, с. 138–143]. Все это демонстрирует влияние епископа на княжескую власть. С появлением епископа чешские князья сумели укрепить репутацию Богемии на европейской политической арене, однако возникла проблема. Епископы далеко не всегда подчинялись князьям, из-за чего становилась очевидной необходимость утверждения лояльных к князю священнослужителей.

На протяжении X–XI вв. христианство играло важную роль в политике чешских князей, в частности, в вопросе укрепления их власти. Правителям Богемии удалось создать миф, который обосновывал их притязания на трон благодаря канонизации князя Вацлава. Религия использовалась для обоснования тех или иных действий, как это произошло, например, с проклятием рода Вршовцев епископом Адальбертом, что подготовило почву для столетней борьбы двух династий. А похищение мощей святого закрепило верховенство Чехии над ее главным на тот момент соперником — Польшей. Однако подобная политика христианизации не всегда играла на руку Пржемысловичам. Появление епископства в какой-то мере сковывало князей, заставляя считаться с мнением духовных лидеров.

Необходимо отметить и степень христианизации Чехии того времени. Многие представители элиты были скорее «полуязычниками» [3, с. 172–173]. Сохранялись выборы князя, а сами правители нередко соблюдали языческие традиции. Князь Ольджрих, например, имел двух законных жен [3, с. 83], а Бржетислав похитил свою жену из монастыря [3, с. 90–93]. Поэтому сложно сказать, что вся Богемия или хотя бы Прага были полностью христианскими. Тем не менее на протяжении двух веков шло строительство церквей и монастырей, а религия продолжала закрепляться в регионе.

Список источников и литературы

1. *Куперман А., Сайгал Н., Шиллер А.* Религия и национальная принадлежность в Центральной и Восточной Европе // Pew Research Center, 2017. 51 с.
2. *Эйнхард.* Жизнь Карла Великого / Вступительная статья, перевод, примечания, указатели М.С. Петровой. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2005. 304 с.
3. *Козьма Пражский.* Чешская хроника / Пер. с лат. Г.Э. Санчука. Москва: Академия наук СССР, 1962. 296 с.
4. *Kalhous D.* Legenda Christiani and Modern Historiography, 2015. 158 p.
5. *Флоря Б.Н.* Кристианова легенда // Православная энциклопедия. М., 2015. Т. XXXIX. С. 13–14.
6. *Boczek A.* Codex Diplomaticus Et Epistolaris Moraviae. Olomucii: typographia Aloysii Skarnitzl, Tomus I., 1836. 355 p.
7. *Wihoda M.* Morava v době knížecí 906–1197 [Česká Historie 21]. Praha: Nakladatelství Lidové noviny, 2010. 467 s.
8. Сказания о начале Чешского государства в древнерусской письменности / Пер. А.И. Рогова. Москва: Наука, 1970. 127 с.
9. *Титмар Мерзебургский.* Хроника. В 8 книгах / 2-е изд., исправл. / Пер. с лат. И.В. Дьяконова. Москва: Русская панорама, 2009. 256 с.
10. Codex Diplomaticus et Epistolaris Regni Bohemiae / Ed. Gustavus Friedrich. Vol. I. Pragae: Typis Aloisii Wiesneri, 1904–1907. 567 p.
11. *Видукинд Корвейский*. Деяния саксов. М.: Наука, 1975. 272 с.
12. *Галл Аноним*. Хроника и деяния князей или правителей польских. М.: АН СССР, 1961. 172 с.
13. *Альберт Штаденский*. Анналы / Пер. с лат. и коммент. И.В. Дьяконова, ред. И.А. Настенко. М.: «SPSL»-«Русская панорама», 2020. 480 с.

УДК: 94(569.4).034

Перепёлкин А.Ю.
Санкт-Петербургский государственный университет,
Институт истории, студент магистратуры.
E-mail: anton.disqord@yandex.ru

Борода Балдуина де Бурка: латиноязычные и восточные авторы о порядках и нравах франков-крестоносцев на Святой земле

Аннотация. В статье рассматривается приведённый у латинских авторов анекдотический эпизод с «заложенной» бородой Балдуина де Бурка, графа Эдессы с 1100 по 1118 г. Автор затрагивает тему важности для общества франков в Леванте межэтнических браков и связей с местным армянским населением. Также анализируются труды восточных авторов касательно образа франков в упомянутый период.

Ключевые слова: Эдесское графство, крестоносцы, киликийские армяне, образ «другого», межэтнические и межкультурные связи.

Perepelkin A. Yu.
Saint Petersburg State University,
Institute of History, Master's program, Student.
E-mail: anton.disqord@yandex.ru

Baldwin of Bourcq's Beard: Latin and Eastern Authors on the Customs and Mores of the Frankish Crusaders in the Holy Land

Abstract. This article examines the anecdotal episode, recounted by Latin authors, concerning "pledged" beard of Baldwin de Burc, Count of Edessa from 1100 to 1118. The author addresses the importance of interethnic marriages and ties with the local Armenian population for Frankish society in the Levant. Several works by Eastern authors regarding the image of the Franks during the mentioned time period are also analyzed.

Keywords: County of Edessa, Crusaders, Cilician Armenians, image of the "Other", interethnic and intercultural ties.

В результате Первого крестового похода (1096–1099) крестоносцы вторглись на Ближний Восток и, завоевав обширные территории Левантийского региона, основали четыре государства — Эдесское граф-

ство, Антиохийское княжество, графство Триполи и, наконец, Иерусалимское королевство. В конечном итоге в период своего наивысшего расцвета во второй четверти XII в. латинские владения на Сирийском побережье протянулись от порта Акаба в Красном море на юге до залива Искендерун, во времена крестоносцев носившего название Александретта [1, с. 56].

Соседство с мусульманами, армянами и восточными христианами сформировало образ «другого» — совокупность представлений о чужих народах, обычаях, традициях и верованиях. Образ «другого» является очень важным и чрезвычайно перспективным направлением исследований, в том числе в рамках эпохи крестовых походов, которая породила грандиозный пласт сведений в контексте дихотомий «мы — они», «Запад — Восток» и пр. Существует большое количество авторов, чьи работы посвящены образу «другого» (Кэрол Хиллебранд, Рони Эленблюм и т. д.); в России колоссальную работу по изучению образа «другого» в рамках крестоносной эпохи проделала Светлана Игоревна Лучицкая («Образ другого. Мусульмане в хрониках крестовых походов»). Восприятие «другого» могло колебаться от демонизации до идеализации, от страха до любопытства, что позволяет говорить о подобных источниках как о важной составляющей в изучении средневекового менталитета и механизмов формирования культурных стереотипов.

Подобные представления о «другом» зафиксированы в работах авторов той эпохи, которые могут описывать в том числе модели и способы взаимоотношений внутри определённой этнической группы. Сами латинские авторы, проживавшие в Утремере (т. е. в государствах крестоносцев, созданных в Леванте по итогам Первого крестового похода), или же писавшие о тех краях на основании дошедших до них сочинений или устных рассказов, тоже были в той или иной степени заинтересованы в понимании правовых порядков, которые царили в обществе франков-крестоносцев, осевших в Леванте.

В контексте феномена «другого» и специфики общества франков на Святой земле в целом, примечателен казус из истории государств крестоносцев начала XII в., связанный с участником Первого крестового похода Балдуином де Бурком, который был графом Эдессы (до 1118 г.) и испытывал финансовые трудности с оплатой военной службы, что было в целом обыденностью у правителей не только Эдесского графства [2, V:17, p. 359], но и прочих латинских государств в Леванте [3, с. 96].

Эпизод, о котором пойдёт речь, пересказали два латинских автора: Гийом Тирский, видный церковный и политический деятель Иерусалим-

ского королевства, и Жак де Витри, вдохновитель Пятого крестового похода и его непосредственный участник. Для начала стоит разобрать фрагмент Гийома Тирского как автора более раннего текста. Полный русский перевод имеется в работе исследователей Е.А. Гуринова и М.В. Нечитайлова [4, с. 127], в настоящей же статье будет передана только основная суть рассказа.

«Случилось в те дни, что… господин Бодуэн, граф Эдесский… замыслив… изобретательный план, наметил со своими соратниками навестить в Мелитене тестя, который был очень богат. <…> Когда господин граф… и… тесть… провели часть дня за насущными разговорами, его [Бодуэна] рыцари приблизились и обратились к беседующим. <…> “Наступила непреодолимая бедность. <…> Тебе выбирать одно: или выплати долг… или согласно договору отдай залог, которым ты поручился”. <…> Он [тесть] понял суть, но добивался [узнать], какого рода залог господин граф дал… за жалования. <…> …Представитель ответил, что… он заложил им свою бороду. <…> Гавриил был поражен… <…> …Он опять спросил, почему вещь, которую надлежит оберегать с таким великим усердием, признак истинного мужа… он отдал в залог, словно вещь второстепенную. <…> Граф [ответил] ему: “Потому как не было у меня более достойной вещи”. <…> Гавриил, муж прямодушный и не ведающий об их уговоре… выбрал лучше уплатить… рыцарям то, за что зять являлся обязанным, нежели допустить такое великое бесчестие. <…> Тридцать тысяч михаелитов. <…> Когда деньги были уплачены… господин граф со своими [рыцарями]… отогнав бедность… возвратился в свою страну богатым».

Очевидно, Балдуин, который уже какое-то время прожил в Леванте, был осведомлён (как и Гийом Тирский), что у восточных народов борода является первейшим доказательством достоинства мужчины, раз пошёл на такую аферу, он знал, что тесть не сможет проигнорировать, что Балдуин, его зять, может быть таким ужаснейшим образом опозорен, а значит, заплатит за него необходимую сумму, которую сам же граф назовёт.

В целях лучшего понимания взаимоотношений между сеньором и его рыцарями проведём лексический анализ терминов из латинского оригинального текста Гийома Тирского [5, с. 510–512] и русского перевода Гуринова и Нечитайлова. Ядром всего эпизода является тема долга, залога и финансов в целом. Ключевой термин здесь — “stipendia”, означающий жалованье воина за службу. В русском переводе оно так и передано — «жалованье», что идеально подходит, так как оно в русском языке исторически означает именно регулярное денежное довольствие за служ-

бу. “Debitum” — долг; “debitum solve” («выплати долг») стоит на первом месте в ультиматуме рыцарей, что подчеркивает первостепенность финансовой обязанности «господина графа» (“dominus comes”). “Pignus” — залог; рыцари требуют “aut pignus, quod obligasti… exhibe” — «или… отдай залог, которым ты поручился».

Здесь же авторы монографии тонко разделили “obligasti” («поручился») и встречающееся чуть дальше “ypothecaverat” — «заложил» (“barbam suam ypothecaverat” — «он заложил… свою бороду»), что придаёт отношениям между графом и его рыцарями более юридически оформленный вид. “Pactum” — «договор» (в контексте “iuxta pactum” — «согласно договору») подчёркивает, что действия рыцарей представляют собой законное требование исполнения договорённостей. Гийом Тирский употребляет два слова в отношении «рыцарей» Балдуина — “equites” (дословно «всадники») и “milites” (дословно «воины»); первое указывает на их высокий социальный ранг, а второе — на их профессиональную функцию как людей, несущих военную службу (“militiam”). Пусть данная ситуация с Балдуином и его рыцарями представляет собой не более чем спектакль ради получения денег с богатого тестя, само использование таких терминов, многие из которых имеют чёткое юридическое значение, довольно много говорит об отношениях между франками-рыцарями и их сеньорами.

Ещё один латинский автор, Жак де Витри, употребляет заметно меньше сугубо юридических терминов, но тем не менее следует рассмотреть и его переложение истории. У вдохновителя Пятого крестового похода рассказ значительно сокращён, а Балдуин де Бурк был заменён на его преемника — Жослена I (правителя Эдессы с 1118 по 1131 г.), хотя суть истории осталась прежней [6, с. 45–46].

С самого начала де Витри задаёт культурно-этический контекст. Это находит выражение в объяснении важности бороды (“virilitatis signo” — «знак мужественности») у восточных народов, сбрить её — величайший позор (“summum dedecus”). Лексика проповедника скорее демонстрирует механизм обмана, нежели выстраивание юридической ситуации, как это было у Гийома Тирского. Это выражается такими словосочетаниями, как “debitis obligatus” («обременённый долгами»), “pecunia indigeret” («нуждался в деньгах»), “creditor spoliaret me barba mea” («кредитор лишит меня моей бороды»), которые просто констатируют факт задолженности, без детализации природы долга (в отличие от указания на “stipendia” у Гийома). Принимая во внимание то, что Жак де Витри был в первую очередь проповедником, не удивительно, почему его рассказ заметно сокращён, а лексика проще и более морализирующая, в отличие от Гийома

Тирского, больше использовавшего юридическую лексику, что, по-видимому, обусловлено его статусом дипломата и положением приближенного при иерусалимских королях Амори I и Балдуине IV.

История с бородой у обоих латинских авторов не только представляет собой показательный пример «игры» на культурных различиях, но и отражает представления о платной воинской службе у франков. Идея денежного вознаграждения за службу вассалов возникла в Эдессе рано, она фиксируется ещё при первом правителе графства Балдуине Булонском [2, V:16, p. 359]. Всяческие денежные дары и, как уже указывалось, расходы на выплату жалованья приводили к серьёзным финансовым затруднениям графов Эдессы. И чтобы как-то решить эту проблему, правители графства заключали браки с представительницами знатных армянских семей, получая крупное приданое. Помимо финансов, франкские государи получали и военную помощь. Есть свидетельства, что некоторые из свиты Балдуина де Бурка последовали его примеру и тоже заключили межэтнические браки [7, p. 90]. Причём в Эдесском графстве, по-видимому, франкская знать рассматривала армянские семьи как способ укрепления своего политического положения в большей степени, чем франки прочих государств крестоносцев [8, p. 77]. В целом династические браки и впоследствии образовавшиеся родственные связи первых крестоносцев положительно повлияли на их закрепление в Леванте. В то же время межэтнические связи вкупе с культурными различиями могли быть использованы в целях манипуляции и дальнейшего обогащения, чем не преминул воспользоваться Балдуин де Бурк со своими рыцарями в истории с «заложенной» бородой.

Однако отношение к франкам Эдессы со стороны коренного армянского населения было не просто противоречивым, а скорее, негативным уже с самого начала их правления в Северной Сирии, что порой даже приводило к полноценным боевым столкновениям. Армянский государственный деятель и историк XIII в. Смбат Спарапет, летопись которого была частично основана на трудах его предшественника, хрониста первой половины XII в. Матфея Эдесского, писал, что в 1106 г. город Апласат настолько пострадал от франков, что местные армяне вступили в сговор с турками и впустили их в город, а франкам сказали покинуть город. Последовала потасовка, в результате которой «дали отпор франкам и истребили их так, что ни один человек не остался в живых». По словам автора, франки «…беззаконничали и разорили страну. В их владениях всюду было нарушено богопочитание, из-за чего народ больше возгневался на франков, чем на нечестивых [турок]. Они не оставили ни у кого

ни серебра, ни золота» [9, с. 72]. В «Хронографии» Матфея Эдесского описание зверств франков ещё более детальное: «Из-за франков земля сделалась бесплодной. Виноградники и фруктовые сады завяли, поля покрылись чертополохом, каналы пересохли. <…> Причиной всего этого было неистовство франков, ибо славные князья этой нации прожили недолго, а разруха была делом рук людей недостойных» [10, p. 198].

Франки предстают нечестивыми и гнусными у Смбата: ради того, чтобы отобрать территории друг у друга, они не гнушались объединяться с мусульманскими эмирами [9, с. 74]. О распрях франков между собой писал ещё один восточный автор — Михаил Сириец (патриарх Сирийской православной церкви): в 1104 г. войска Балдуина де Бурка и Боэмунда Тарентского подошли к Харрану, гарнизон которого сразу согласился на переговоры, однако двое лидеров крестоносцев стали спорить, чьим владением должен стать город. Это привело к тому, что в Харран они так и не вошли, а лишь нарвались на подоспевших мусульманских эмиров Мосула и Мардина, которые их разгромили, да ещё, помимо всего прочего, захватили в плен графа Эдессы [11, с. 37].

Примечательный эпизод во время осады города можно найти у Матфея Эдесского (этот случай с небольшими изменениями пересказал также Смбат Спарапет). «Некий нечестивый франк взял хлеб, вывалял его в мусоре и швырнул к воротам города, а один из жителей подобрал и хотел съесть, но разгадал гнусное дело и поведал горожанам. Мудрецы сказали, что такой подлости бог не простит и не даст им победы» [9, с. 70]. Тем самым жители Харрана как бы предрекли поражение франков, один из которых совершил такой богомерзкий поступок. Любопытно отметить, что описание поступка с хлебом присутствует только у армянских авторов. Франки бывали очень страшны в гневе, что было проиллюстрировано в сюжете, когда в Эдессе Балдуин и Жослен де Куртене с рядовыми франками «напали на жителей-христиан и сотворили множество злодеяний, грабили имущество невинных греков, армян и сирийцев», так как жители города посчитали Балдуина погибшим после недавней битвы с Танкредом и собрались в крепости до момента, «пока мы не узнаем, кто станет властителем [города]» [9, с. 74]. Причиной нападения на эдесситов, была клевета, что, по словам Матфея Эдесского, говорит лишь о легковерии и кровожадности франков [10, p. 202]. В «Хронографии» Матфея встречается похвала в сторону Жослена относительно его боевой храбрости и отваги [10, p. 207], однако, опять же поверив в клевету, Жослен жестоко покарал невинных жителей Эдессы, хотя незадолго до этого спас город от «злобного и кровожадного» Мавдуда, наместника Мосула

[10, p. 210–211]. Тут хотелось бы выделить Танкреда, которого Матфей называет «добрым и сострадательным человеком, проявлявшим заботу обо всех христианах» и который «честно исполнял наказы и законы Господа»; примечательно, но Танкред ни разу не фигурировал у данного автора в плохом свете, в отличие от тех же легковерных и вероломных Балдуина де Бурка и Жослена де Куртене, последовательно занимавших пост правителя Эдесского графства.

Касательно Жослена де Куртене Михаил Сириец приводит интересную историю, когда тот отправился выкупать своего графа Балдуина де Бурка: имея на руках лишь 30 тысяч динаров из 70 тысяч, необходимых для выкупа. Жослен остался заложником у эмира Мосула, который, находясь под впечатлением от поведения Жослена и его умения держаться, постепенно снижал сумму выкупа и в конечном счёте простил её полностью [11, с. 38]. Возможно, автор включил этот анекдотический эпизод, чтобы показать сообразительность и адаптивность франков к определённым жизненным ситуациям, что в целом сходится с тем, какой выход из безденежья нашёл Балдуин де Бурк благодаря наличию бороды и игре на культурных различиях.

Подводя небольшой итог по всем трём авторам, следует отметить, что Смбат Спарапет отрицательно отзывается о франках и о Балдуине де Бурке в частности: «Со стороны Балдуина… армяне терпели множество неприятностей» [9, с. 82]. Матфей Эдесский не так часто говорит отрицательно насчёт правителей-франков, лишь отмечая их легковерие, некоторые за свою храбрость даже удостоились его похвалы, но вот рядовые франки куда чаще предстают жестокими людьми: «Франки со страшной жестокостью разорили и разграбили страну от начала до конца. Они постоянно занимались такими делами, как эти, и не творили ничего иного, как только зло. Более того, они питали любовь к вероломным и злым поступкам, не зная добрых и хороших дел. Мы хотели бы описать их многочисленные злодеяния, но не отваживаемся, поскольку находимся под их властью [и силой]» [10, p. 221]. Последнее предложение особенно интересно: хронист даёт понять, что власть франков в Эдессе в момент написания его «Хронографии» (~1113–1137/38 гг.) была ещё достаточно сильна. Михаил Сириец заметно сдержаннее высказывается относительно франков-эдесситов, описания в его «Хронике» имеют более нейтральные тона и не сопровождаются многословными описаниями жестокости франков в отношении местного населения.

Подведём итоги исследования. Был разобран эпизод с бородой графа Эдессы Балдуина де Бурка, изложенный у двух авторов: с одной стороны,

это церковный деятель и дипломат Иерусалимского королевства Гийом Тирский, в труде которого впервые встречается данный казус, с другой — вдохновитель, проповедник и участник Пятого крестового похода Жак де Витри, который изложил фрагмент на свой лад. Проведён лексический анализ терминов на латинском и на русском языках, который позволил определить в большей степени юридическую специфику рассказа Гийома Тирского и культурно-этическую направленность эпизода у Жака де Витри.

Если говорить непосредственно о содержании и образе Балдуина де Бурка и его рыцарей, то у Гийома граф Эдессы предстаёт как расчётливый правитель, знакомый с местными традициями и заранее обговоривший со своими рыцарями весь план по получению денег с богатого тестя, тогда как у Жака де Витри Жослен (который, как уже было ранее подмечено, заменяет собой Балдуина) выглядит более примитивным обманщиком, прибегающим к слезам и притворству, а выход рыцарей и их открытое требование получить награду за службу здесь и сейчас отсутствует вообще. История с бородой, приведённая латиноязычными авторами, отлично показывает, что межэтнические браки между прибывшими франками-завоевателями и богатыми местными армянскими семьями были не только возможностью закрепиться в чужеродной местности с агрессивным «неверным» окружением, но и действенным способом получить значительную денежную помощь как за счёт стандартного приданого, так и более нечестным, но при этом, стоит отметить, смекалистым путём, как это вышло у Балдуина де Бурка.

Данная тема крайне важна для более лучшего понимания сложившейся с приходом крестоносцев политической ситуации в Северной Сирии на момент начала XII в. и вплоть до финала пребывания франков в Святой земле в конце XIII в., что также отмечали в своих работах такие исследователи, как Наташа Ходгсон [7] и Кристофер МакЭвитт [8]. Рядовое армянское население, по-видимому, не сильно любило пришельцев-франков. Это видно на примере таких армянских авторов, как Матфей Эдесский и Смбат Спарапет, труды которых — «Хронография» и «Летопись» соответственно — являются прекрасными источниками, содержащими информацию об образе «другого». В них затрагивается не только то, как местные армянские жители видели франкских пришельцев-крестоносцев, но и как они воспринимали тех, с кем они жили уже достаточно давно — греков и мусульман. У хрониста первой половины XII в. Матфея Эдесского встречается похвала некоторым правителям франков (например, Танкред), однако о франках в общей сво-

ей массе он отзывается отрицательно, говоря, что они «со страшной жестокостью разорили и разграбили страну от начала до конца». Смбат Спарапет пошёл дальше, высказываясь крайне негативно как о рядовых франках-крестоносцах, так и об их предводителях, в частности, о Балдуине де Бурке.

В целом в глазах обоих армянских авторов франки нечестивы, вероломны, кровожадны и жестоки, хотя Матфей Эдесский отмечал храбрость в бою и благопристойность некоторых отдельных крестоносцев. Также в ходе работы над статьёй был рассмотрен труд патриарха Сирийской православной церкви Михаила Сирийца под названием «Хроника», где, впрочем, мы встречаем мало суждений относительно франков; они выставлены больше в нейтральном свете, их деяния не содержат особых описаний — по крайней мере, в период, когда правителем Эдесского графства был Балдуин де Бурк, с 1100 по 1118 г. Особым случаем является фрагмент с выкупом Балдуина Жосленом, который фигурирует только у Михаила Сирийца — тут, как представляется, автор воздал хвалу франкской сообразительности и смекалке. В заключение хочется отметить большой потенциал и значимость дальнейших исследований в этом направлении для истории Леванта и исторической науки в целом.

Список источников и литературы

1. *Правер Д.* Королевство крестоносцев. Два века правления европейских рыцарей на древних библейских землях. От взятия Иерусалима до падения Акры / Пер. с англ. В.С. Мухина. М.: ЗАО Центрполиграф, 2019. 511 с.
2. *Albert of Aachen*. Historia Ierosolimitana. History of the Journey to Jerusalem / Ed. and transl. by S.B. Edgington. Oxford: Clarendon Press; Oxford University Press, 2007. 949 p.
3. *Ришар Ж.* Латино-Иерусалимское королевство / Пер. с франц. А.Ю. Карачинского; вступ. ст. С.В. Близнюк. СПб.: Евразия, 2002. 448 с.
4. *Гуринов Е.А., Нечитайлов М.В.* Войска и войны Латинского Востока: графство Эдесское. М.: Клио, 2018. 336 с.
5. *William of Tyre*. Historia rerum in partibus transmarinis gestarum / Eds. by R. B.C. Huygens, H.E. Mayer, G. Rösch. Turnholti: Brepols Publishers, 1986. 652 p.
6. *Greven J.* Die Exempla aus den Sermones feriales et communes des Jakob von Vitry. Heidelberg: C. Winter, 1914. 68 p.
7. *Hodgson N.* Conflict and cohabitation: marriage and diplomacy between Latins and Cilician Armenians, c. 1097–1253 // The crusades and the Near East: cultural histories / Ed. by C. Kostick. Abingdon: Routledge, 2011. P. 83–106.

8. *MacEvitt C.* The Crusades and the Christian World of the East: Rough Tolerance. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2008. 280 p.
9. *Смбат Спарапет*. Летопись / Пер. А.Г. Галстяна. Ереван: Айастан, 1974. XL, 199 с.
10. Armenia and the Crusades, tenth to twelfth centuries: the Chronicle of Matthew of Edessa / Transl. from the original Armenian with a commentary and introduction by A.E. Dostourian; foreword by Krikor H. Maksoudian. Lanham: University Press of America, 1993. XIII. 375 p.
11. *Гусейнов Р.А. И*з «Хроники» Михаила Сирийца. (Статья первая) // Письменные памятники Востока, 1973. М.: Наука, 1979. С. 25–54.

УДК 94

Масленников С.В.
Санкт-Петербургский государственный университет,
Институт истории, студент бакалавриата.
E-mail: st121022@student.spbu.ru

«Крестоносный дух» и «разум пуленов». Особенности восприятия мусульман среди франков в Леванте

Аннотация. В статье рассматриваются особенности восприятия франками (пуленами и крестоносцами) мусульман в XII–XIII вв. Анализируются нарративные и правовые источники, проливающие свет на представления о магометанах как жителей Латино-Иерусалимского королевства, так и периодически прибывающих на Святую землю крестоносцев. Рассматриваются различия и сходства в образе «Другого», отражённом в разных по своему происхождению источниках.

Ключевые слова: пулены, крестоносцы, мусульмане, имагология, образ «Другого», Латино-Иерусалимское королевство.

Maslennikov S. Vh.
St.Petersburg State University,
Institute of History, Bachelor's program, Student.
E-mail: st121022@student.spbu.ru

"Crusading attitude of mind" and "prudent attitude of the poulains". The peculiarities of the perception of Muslims among the Franks in the Levant

Abstract. The article examines the peculiarities of the perception of Muslims by the Franks (Poulains and Crusaders) in the XII–XIII centuries. It analyzes narrative and legal sources that shed light on the ideas of Mohammedans, both among the inhabitants of the Latin Kingdom of Jerusalem and the crusaders who periodically arrive in the Holy Land. The differences and similarities in the image of the "Other" reflected in sources of different origin are considered.

Keywords: poulains, crusaders, muslims, imagology, the image of the "Other", the Latin Kingdom of Jerusalem.

Ближний Восток в Средние века представлял собой обширное собрание народов и конфессий. В XI в. сюда пришли франки, совершив-

шие Первый крестовый поход, и сразу же закрепились в Иерусалиме. А к середине XII в., как указывают нарративные и правовые источники, на Латинском Востоке сформировалась специфическая группа населения, которая получила название «пулены». Эти люди находились вдали от Европы, но при этом были сильно с ней связаны, они вели собственную жизнь в уникальных условиях. Интерес для исследования представляет то, каким образом они осмысляли себя, как воспринимали своих самых многочисленных соседей — мусульман, в чем было сходство и чем отличались они от своих ближайших собратьев — франков из Западной Европы, которые периодически прибывали на Святую землю, совершая паломничества и Крестовые походы.

Цель данного исследования — сравнение представлений о мусульманах среди пуленов, которые продолжительное время жили с ними в тесном соседстве, и крестоносцев, которые не проживали на Святой земле постоянно, но появлялись там в определённых случаях. Для этого следует рассмотреть ряд источников, связанных как с западными, так и с восточными франками. Основная задача исследования — анализ хроник и правовых источников XII–XIII вв., которые как напрямую, так и косвенно отражают ментальность и представления о «Другом», сложившиеся у этих групп населения.

Прежде чем перейти непосредственно к теме, следует разобраться в терминах. В настоящее время наиболее популярная трактовка термина «крестоносец» в историографии сводится к интерпретации самих Крестовых походов как масштабного религиозного движения, а участники его, в свою очередь, часто понимаются как борцы за христианскую веру или же в буквальном смысле паломники. Такие трактовки приводятся в работах, например, Светланы Игоревны Лучицкой [1, с. 7] или же в посвященной истории франкского Востока фундаментальной монографии французского историка Жана Ришара «Латино-Иерусалимское королевство» [2, с. 31]. Именно такая трактовка представляет наибольший интерес; главное здесь — тот факт, что крестоносец — это в первую очередьпутешественник, который оставляет свой дом ради определённой цели — борьбы за веру, «священной войны».

Термином же «пулен» (от старофранцузского “polain”) первоначально называли детей, рождённых от брака с жителями Востока, но затем данное название закрепилось за всеми франками, жителями Латино-Иерусалимского королевства и близлежащих территорий [2, с. 31]. Само королевство представляло собой средневековую монархию [2, с. 12], что говорит о высоком уровне самоорганизации левантийских франков,

вследствие чего и пулены какопределённая группа населения могли существовать полностью без поддержки Запада. Известно большое количество семей, которые жили в Леванте, владели там землёй и заключали браки между своими соотечественниками — Ибелины, Бриенны и другие. Это также демонстрирует самостоятельность политической системы Восточного королевства.

Вышеописанные группы населения периодически контактировали друг с другом в ходе экспедиций или одиночных паломничеств на Ближний Восток. Стоит отметить, что между ними периодически вспыхивали конфликты, что свидетельствует о некоторой разнице в восприятии. Так, известен случай, когда во время Второго крестового похода возникли разногласия по вопросу раздела имущества в осаждённом Дамаске между пуленами и крестоносцами [2, с. 66]. Можно даже предположить, что уже к середине XII в. сложился некий особенный тип ментальности среди жителей Латинского Востока, который, в свою очередь, можно противопоставить «крестоносному духу». Это различие отмечалось и ранее такими исследователями, как Рене Груссе или уже упомянутый Жан Ришар, которые заметили разницу в «разуме пуленов» и «крестоносном духе» и указывали на это в своих трудах [2, с. 137].

Чтобы понять, каким было восприятие мусульман в рамках крестоносного движения, следует проанализировать ряд нарративных источников. Нас будет интересовать не событийный аспект, а то, как люди того времени описывали своих врагов, в данном случае — мусульман. Но прежде следует рассмотреть представления, которые уже сложились у жителей Западной Европы об исламе к XI в., так как из этого напрямую вытекают представления крестоносцев в период Первого крестового похода.

Постепенно как на Западе, так и на Востоке война приобрела характер «священной» [3, с. 81]. Её можно сравнить с “Reconquista” на территории Пиренейскогополуострова, то есть буквально «отвоеванием», как и войны Византии с турками и арабами в Леванте [4, с. 110]. Постепенно любая война с людьми, пришедшими с Востока, стала пониматься как «война за веру» [5, с. 14].

Это хорошо демонстрирует хроника Гийома Тирского, который начинает её с похода императора Ираклия в 622 г. против персидского царя Хосрова II для возвращения Креста Господня.Исторический персонаж и дата выбраны не случайно. Именно Ираклия будут ассоциировать с Крестовыми походами и нарекут впоследствии, в XI–XII вв., «первым крестоносцем». Впоследствии даже перевод латинской хроники Гийома на старофранцузский будет называться “Livre d’Eracles” — «Жизнеопи-

сание Ираклия» [3, с. 14]. Британский византинист Стивен Рансимен в своей книге «Основание Иерусалимского королевства. Главные этапы первого крестового похода» подтверждает данное утверждение примером празднования триумфа византийского императора Михаила III, на котором звучали хвалебные гимны после победы в битве при Лалакаоне в 863 г. Хор пел: «Слава Господу, победителю сарацин!» [3, с. 32]. Ко всему прочему, на Запад попадают сведения об исламе и пророке, и христиане начали отождествлять Мухаммеда с Антихристом [6, с. 79]. Таким образом, постепенно по всему христианскому миру стала проявляться идея борьбы с магометанами, идея отвоевания земель, которые были когда-то христианскими. Этот процесс достиг своего пика в XI в., когда внутренние конфликты между Аббасидами и Фатимидами стали представлять серьёзную угрозу безопасности паломников[4, с. 120]. На фоне общего подъёма церковного благочестия это привело к тому, что на соборе в Клермоне папа Урбан II обратился к христианскому миру с призывом к Крестовому походу.

Среди нарративных источников интерес представляет в первую очередь латинская хроника Первого крестового похода под названием “Historia Hierosolymitana” («Иерусалимская история») капеллана Балдуина I, клирика Фульхерия Шартрского., Созданная в начале XII в. на Святой земле, хроника описывает события конца XI в. Известна также анонимная хроника начала XII в. одного из очевидцев похода христиан на Восток “De Gesta Francorum et aliorum Hierosolimitanorum” («Деяния франков и прочих Иерусалимцев»). Описывая мусульман, хронисты характеризуют их как варваров, язычников и идолопоклонников.

На страницах хроник активно ведётся битва между “populus Dei”, то есть франками, и “populus diaboli”, то есть мусульманами. Авторы постоянно подчёркивают «варварство сарацин» [7, s. 240], в текстах присутствуют многочисленные пассажи, которые призваны показать их безбожие, язычество и профанность [8, с. 60]. Таким образом, хронисты противопоставляют христиан, наделенных истинно благородными характеристиками, и мусульман, которые являются полной противоположностью, — хитрые, коварные, отрицающие Бога.

Следует отметить, что авторы хроник во многом находились в плену у литературной традиции, которую можно проследить ещё со времён Аммиана Марцеллина и его характеристики гуннов [9, с. 538]. Народы, с которыми христиане вели войны, всегда характеризовались как язычники и варвары, и эти представления переносились на мусульман, причём даже не всегда имея непосредственный контакт с ними. Таким образом,

можно сделать вывод, что хронистов не заботило правдивое изображение магометан. Даже этнографические описания всё так же были отражением их ментальности, ведь реальных сведений практически нет. Мусульмане предстают перед читателями буквально как библейские народы Гога и Магога [6, с. 41]. И здесь можно увидеть отношение христиан, даже крестоносцев, так как и Фульхерий, и аноним участвовали в походе, к мусульманам: они считают последних своими противниками, язычниками, которых следует покарать и отвоевать Гроб Господень.

Далее представления начинают меняться. Это происходит из-за куда более многочисленных контактов между христианством и исламом. Хорошим примером здесь служит сочинение аббата Клюни Петра Достопочтенного “Contra Sectum Saracenorum” («Против секты сарацин»). В нём подробно излагаются известные сведения об исламе, автор полемизирует с мусульманами, а также пытается опровергнуть учение Мухаммеда. Это сочинение относится к середине XII в. [5, с. 249–250]. Для исследования оно интересно тем, что Пётр следует за ещё одной традицией, берущей своё начало отИоанна Дамаскина. В своём трактате «О ересях» он рассмотрел 100 из них, а 101-й назвал учение Мухаммеда [5, с. 275]. В данном случае важно, что в его труде мусульмане характеризуются уже не как язычники и идолопоклонники, а как еретики, которых именно Мухаммед отвратил от истинной веры в Христа. Пётр Достопочтенный, перекладывая ответственность за «нечестивое» учение на пророка, при этом обращается к самим магометанам «с любовью», пытаясь убедить их перейти в христианство. Аббат убеждён, что ислам — это не более чем выдумка «нечестивца» Мухаммеда, и его долг заключается в том, чтобы обратить заблудших сарацин в христианство [5, с. 272]. Данный труд демонстрирует изменение образа мусульман в среде клира, а также свидетельствует о том, что борьба за веру велась не только с мечом в руке, но и словом.

Обратимся к довольно позднему труду французского хрониста и соратника короля Людовика IX Святого Жана де Жуанвиля — «Книге благочестивых речений и добрых деяний нашего святого короля Людовика». Данный текст позволяет проследить изменения в восприятии крестоносцами мусульман на значительном отрезке времени. В труде также можно разглядеть похожие клише: сарацины предстают перед читателем в образе врагов, с которыми Людовик Святой сражается во время своего похода в Египет. Как и хронисты Первого крестового похода, Жуанвиль сообщает некоторые этнографические сведения, которые имеют мало общего с действительным положением дел, но конструируют определённую реальность, раскрывая известные в то время представления о Востоке.

Хронист, как и его предшественники, демонстрирует бесчестность мусульман, их жестокость [10, с. 47]. Но что куда более важно, это прямое указание хрониста на желание крестоносцев сражаться с магометанами и их рвение в этом деле. Так, описывается случай, произошедший во время прибытия кораблей в Египет. Один из крестоносцев, узнав о том, что войско, которое стоит на берегу, это войско мусульман, «поднял меч, выставил перед собой щит и побежал бы на сарацин, если бы мудрые люди, стоявшие рядом, не удержали его» [10, с. 44]. Данный пассаж является примером того самого «крестоносного духа», о котором говорилось ранее. Нет никаких сомнений в том, что здесь демонстрируется отношение жителей Запада к сарацинам в первую очередь как к врагам.

После рассмотрения представлений крестоносцев следует перейти к представлениям жителей Латинского Востока о мусульманах. К сожалению, источников, которые могли бы помочь в рамках исследования, не так много. В основном они косвенные. Это различные правовые сборники, такие как «Книга короля» или «Книга Ассиз курии горожан», которые дают нам сведения о правовом регулировании между представителями различных конфессий. Но также имеются нарративные источники — например, хроника канцлера Латино-Иерусалимского королевства Гийома Тирского “Historia belli sacri a principibus christianis in Palaestina et in Oriente gesti” («История священной войны христианских государей в Палестине и на Востоке»). Она уникальна тем, что её автор родился на Востоке и нёе в себе частичку представлений тех, кто там жил. Ещё одной такой хроникой является труд некоего Эрнуля «Хроника Эрнуля и Бернарда Казначея», которого в историографии принято считать оруженосцем или рыцарем из свиты Балиана д’Ибелина, что также говорит в пользу его восточного происхождения [11, с. 303].

Итак, анализируя нарративные источники, можно заметить, что хронисты-пулены описывают мусульман в куда более нейтральном свете, чем авторы-крестоносцы. Они дают более точные сведения об этнографии и географии восточных народов, особенно Гийом, в силу своей образованности. Поэтому можно предположить, что в среде пуленов формировались более реалистичные представления, так как они, прожив в Леванте долгое время, своими глазами видели мусульман, их верования и обычаи. Описывая сражения, авторы также отходят от упомянутой ранее стратегии. У Гийома это нейтральные замечания: «…то наши, то враги одерживали верх» [12, с. 330], тогда как у Эрнуля редко когда можно встретить упоминания мусульман, вместо этого описываются действия их предводителей, в частности Саладина. И здесь султан Египта наде-

ляется поистине христианскими качествами, как будто являясь одним из действующих лиц в рыцарском романе. Иногда в хронике Эрнуля даже христиане приобретают более негативный окрас, как, например, во время описания осады Крака, когда франки продали жён и детей, чтобы получить немного провизии, а Саладин их выкупил [12, с. 359]. Интересен пассаж Гийома, описывающий встречу короля Амори I с отрядом «сына султана». Хронист пишет: «Встреча с ними была особенно приятна государю королю…» [12, с. 331]. Как уже было сказано, в данных хрониках мусульмане описываются в более нейтральном свете, а мусульманские правители теперь получают не только отрицательные, но и положительные качества. Например, Гийом называет сарацинского правителя Нур ад-Дина «сильнейшим государем», «благоразумным», «предвидящим», «добивающимся успехов» [12, с. 274], а Эрнуль постоянно хвалит Саладина [12, с. 345].

В хрониках Эрнуля и Гийома мусульмане не описывались в чисто негативном свете: с ними заключались союзы, им выражался почёт. Видно, особенно если сравнивать эти хроники с предшествующими источниками, что родившиеся на Востоке авторы имели более обширные представления о мусульманах. Последние включены в картину мира хронистов, они не были чем-то уникальным, тем, что нужно осмыслить. Поэтому они приписывали мусульманским правителям не только негативные качества, но также и нейтральные, а иногда даже позитивные, те, которыми, по их мнению, может обладать иноверец.

После рассмотрения нарративных источников можно перейти к косвенным свидетельствам отношений пуленов и мусульман. После Первого крестового похода большое количество мусульман попало в рабство, но даже тогда существовала процедура, по которой сарацин, принявший крещение, становился свободным человеком [2, с. 150]. Кроме того, впоследствии любой вольноотпущенник мог занять любую должность при дворе [2, с. 150]. Об этом свидетельствует упоминаемый Гийомом Тирским случай с камерарием Балдуина I, который, по свидетельству хрониста, «был сарацином, но пожелал принять нашу веру» [2, с. 150], что говорит о более благосклонном отношении Гийома, основывающемся лишь на религиозном факторе, но никак не на этническом или каком-либо другом.

Через некоторое время после установления в Иерусалиме франкской власти мусульмане стали возвращаться в город, селиться в кварталах и жить бок о бок с христианами. Такие общины были в Бейруте, Сидоне, Акре и других городах [2, с. 150]. Франки, оказавшиеся на Востоке,

стали приспосабливаться к новым для них условиям, и, как следствие, появилась особая система взаимоотношений с местным населением. Об этом свидетельствуют определённые положения в правовых кодексах. Так, по-видимому, существовала «курия сирийцев», которая, есть основания полагать, рассматривала дела не только сирийских христиан, но и сирийцев в целом [13, p. 249]. К началу же XIII в. все судебные тяжбы с участием местного населения стали рассматриваться в «курии Рынка» [13, p. 250]. Причём интересно то, что каждый представитель той или иной конфессии должен был давать клятву на своей священной книге: мусульманин — на Коране, иудей — на Торе, христианин — на Евангелии [2, с. 149]. В суде же, как свидетельствуют источники из Иерусалимских Ассиз, присяжным предписывалось основывать свои суждения, невзирая на принадлежность к той или иной конфессии, полагаясь на «Книгу курии горожан», где был специальный раздел «Права для всех» [13, с. 251]. Кроме того, в суде любой человек независимо от вероисповедания, будь то иудей, христианин или мусульманин, должен был иметь своего поручителя, который выступал в его защиту [2, с. 156].

Еще один показательный пример — случай, который приводит Усама ибн Мункыз в своей «Книге назидания», когда король Иерусалима Фульк Анжуйский самолично решил в его пользу судебную тяжбу [14, с. 123]. Хотя Усама был мусульманином, король проявил к нему должное почтение и решил проблему. В «Книге назидания» есть ещё одна интересная деталь. Во время путешествий Усама гостил у одного мусульманина в Наблусе, который спокойно жил и общался с соседом-франком [13, p. 255]. Этот факт оскорбил Усаму. Можно добавить ещё одно свидетельство. Немецкий крестоносец Фрейданк, участник Шестого крестового похода, прибыл на Святую землю, сопровождая императора Фридриха. Фрейданк постоянно сокрушался по поводу того, что здесь «нет различий между христианами и язычниками» и «молодые и старые христиане говорят на чужих языках и ценят неверных больше, чем людей своей расы» [15, p. 111]. Он чётко подметил, что изменился даже язык, на котором говорили левантийские франки. Из старофранцузского он превратился в «лингва-франка» — язык, в котором можно было уловить влияние всех сирийских языков. Все эти свидетельства демонстрируют, что пулены в условиях тесного соседства с мусульманами стали привыкать к последователям пророка, жить с ними вместе, судиться в одних судах.

Но из этого не следует, что Святая земля стала местом, где христиане и мусульмане жили в мире и согласии. Всё же они оставались как политическими, так и идеологическими противниками, и правовые положения

из «Книги короля» это подтверждают. Так, вассалу было запрещено возвращать себе каким-либо образом утраченный участок земли при помощи мусульман [16, p. 182–183]. Но война с мусульманами была куда более обыденным делом, чем её представляли пришельцы с Запада. На это опять же указывают некоторые правовые положения, в которых говорится, что на захваченную мусульманами землю всё так же претендует её бывший владелец, а не тот, кто отвоюет её обратно [16, p. 182]. Из этого следует, что мусульмане как постоянные соседи пуленами воспринимались более обыденно, чем крестоносцами. Война с ними была постоянным конфликтом, который никогда не прекращался, и поэтому позволял вводить вышеописанные правовые аспекты. Здесь проявляется одновременно и схожесть, и различие во взглядах франков Запада и Востока.

Специфические условия, в которых оказались франки на Святой земле, привели к развитию у них иного типа восприятия мусульман. Если крестоносцы так и остались приверженцами «крестоносного духа», для которых неверные всё так же были злейшими врагами Господа, то пулены научились приспосабливаться, соседствовать с магометанами и воспринимали их не как идеологических противников, которых следует уничтожать во имя своей веры, а как соседей — необычных, воинственных, но всё же соседей. По этому поводу следует привести пример. Если Фридриха II Гогенштауфена крестоносцы упрекали только за то, что он позволил себе заключить союз с султаном Аль-Камилем и возвратить Иерусалим [2, с. 222], то короля Амори I, а также многих других королей-пуленов, его предшественников, никто не смел упрекать за симпатии к союзникам-мусульманам, что демонстрирует приведённый пассаж из хроники Гийома Тирского.

Здесь и проявляется главное различие в ментальности. Если в глазах крестоносцев сарацины — это совершенно «другие», подверженные дуализму добра и зла «нелюди», то для пуленов они «другие», но ближе к ним, неверные, но не чудовища-демонопоклонники. Сходство же в восприятии демонстрируют правовые положения: мусульманин — это всё же враг, и никакое длительное соседство не могло этого изменить. Как бы то ни было, но именно с последователями пророка на Святой земле шла война, которая объединяла и крестоносцев, и пуленов.

Список источников и литературы

1. *Лучицкая С.И.* Крестовые походы. Идея и реальность. Санкт-Петербург: Наука, 2019. 389 с.

2. *Ришар Ж.* Латино-Иерусалимское королевство. СПб.: Евразия, 2002. 447 с.
3. *Рансимен С.* Основание Иерусалимского королевства. Главные этапы Первого крестового похода / Пер. с англ. Т.М. Шуликовой. М.: «Центрполиграф», 2020. 287 с.
4. *Грюнебаум Г.Э.* Классический ислам. Очерк истории (600–1258) / Пер. И. Дижур. М.: Наука, 1988. 216 с.
5. *Лучицкая С.И.* Рыцари, крестоносцы и сарацины. Запад и Восток в эпоху крестовых походов. СПб.: Евразия, 2021. 480 с.
6. *Лучицкая С.И.* Образ Другого: мусульмане в хрониках крестовых походов. СПб.: Алетейя, 2001. 412 с.
7. Anonymi Gesta Francorum et aliorum Hierosolymitanorum / Hrsg. H. Hagenmeyer. Heidelberg: Carl Winter, 1890. X. 574 s.
8. *Фульхерий Шартрский*. Иерусалимская история. / Пер. с лат., вступ. ст. и примечания А.Н. Слёзкина. СПб.: Евразия, 2020. 368 с.
9. *Аммиан Марцеллин*. Римская история / Пер. Ю.А. Кулаковского и А.И. Сонни под ред. Л.Ю. Лукомского. СПб.: Алетейя, 1994. 558 стр.
10. *Жан де Жуанвиль.* Книга благочестивых речений и добрых деяний нашего святого короля Людовика / Пер. со старофранц. Г.Ф. Цыбулько, под ред. А.Ю. Карачинского, науч. ред. перевода Ю.П. Малинин. СПб.: Евразия, 2012. 400 с.
11. *Горохов Ф.С.* К вопросу о структуре «Хроники Эрнуля» // Античная древность и средние века. Вып. 34: материалы XI Международных научных Сюзюмовских чтений (Екатеринбург, 26–28 марта 2003 г.). Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2003. С. 297–304.
12. История Средних веков: Крестовые походы (1096–1291 гг.) / Сост. М.М. Стасюлевич. СПб.: ООО «Издательство «Полигон», 2001. 592 с.
13. *Nader M*. Urban Muslims, Latin Laws, and Legal Institutions in the Kingdom of Jerusalem // Medieval Encounters. 2007. No. 13. P. 243–270.
14. *Усама ибн Мункыз.* Книга назидания / Пер. М.А. Салье. М.: Восточная литература, 1958. 328 с.
15. *Lotan S.* The ‘Other’ in the Latin Kingdom of Jerusalem. The Crusaders and their Varying Images of the Muslims in the Eastern Mediterranean Basin // The Mediterranean Other. The other Mediterranean Vol. 21. 2019. P. 105–114.
16. *Greilsammer M*. Le Livre au roi: introduction, notes et édition critique. Documents relatifs à l’histoire des croisades. Vol. 17. 1995. Paris, 1995. 316 p.

УДК 94

Меньшиков Ю.Д.
Санкт-Петербургский государственный университет,
Институт истории, студент бакалавриата.
E-mail: st120968@student.spbu.ru

Reges paganorum: последние Арпады и половцы в имперской хроникальной традиции второй половины XIII в.

Аннотация. В статье рассматривается вопрос об отражении взаимодействия венгерских королей из династии Арпадов (Белы IV, Иштвана V и Ласло IV) с половецкими племенами в хрониках и анналах Священной Римской империи второй половины XIII в. Анализируются особенности изображения имперскими авторами половцев и венгров, их обычаев и способов ведения войны, а также этнических характеристик. Исследуются причины создания негативного образа половцев и венгров-христиан в имперской хроникальной традиции второй половины XIII в.

Ключевые слова: Венгрия, Священная Римская империя, Арпады, Бела IV, Иштван V, Ласло IV, Герман Альтайхский, половцы, средневековая хронистика, имагология, образ «Другого».

Menshikov Y.D.
St. Petersburg State University,
Institute of History, Bachelor's program, Student.
E-mail: st120968@student.spbu.ru

Reges paganorum: the last Árpads and the Cumans in the Imperial chronicles of the second half of the 13th century

Abstract. This article examines how the interactions between the Hungarian kings of the Árpád dynasty (Béla IV, Stephen V, and László IV) and the Cuman tribes are reflected in the chronicles and annals of the Holy Roman Empire in the second half of the 13th century. It analyzes the imperial authors' depictions of the Cumans and Hungarians, their customs and methods of warfare, and their ethnic characteristics. The reasons for the negative portrayal of the Cumans and Christian Hungarians in the imperial chronicle tradition of the second half of the 13th century are explored.

Keywords: Hungary, the Holy Roman Empire, Arpads, Béla IV, Stephen V, László IV, Herman of Altaich, medieval chronicles, the Cumans, imagology, the image of the "Other".

Вне всякого сомнения, XIII в. стал ключевым периодом в истории средневековой Венгрии. Короли из династии Арпадов вступили в это столетие, будучи одними из самых могущественных правителей христианского мира. Вместе с тем именно эта эпоха подвела черту под их многовековым владычеством над королевством Святого Иштвана. Социально-политические трансформации, связанные с оформлением крупного баронского землевладения, монгольским нашествием и этноконфессиональными конфликтами с половецкими беженцами привели к тому, что практически вся вторая половина XIII в. в Венгерском королевстве была ознаменована перманентным кризисом королевской власти, который наиболее ярко проявился в период правления короля Ласло IV (1272–1290) [1, с. 101]. В этом смысле чрезвычайно интересным представляется вопрос о том, как реагировала на все эти изменения политическая и интеллектуальная элита наиболее могущественного соседа Венгрии — Священной Римской империи. Особую остроту проблеме придаёт тот факт, что, несмотря на множество внутренних противоречий, Венгерское королевство во главе с Арпадами оставалось весьма влиятельным политическим игроком Центральной Европы, принимая участие в событиях Великого междуцарствия и борьбы Рудольфа I Габсбурга против Пржемысла Оттокара II. Оставались ли авторы многочисленных имперских исторических сочинений второй половины XIII в. безучастными ко всем перипетиям венгерской истории? Как оценивали они те или иные деяния последних Арпадов и какую роль отводили их половецким военным контингентам во внутриимперских конфликтах? На эти и некоторые другие вопросы мы попытаемся дать ответ в настоящей работе.

До недавнего времени сведения о венгерско-половецких контактах, приводимые в хрониках и анналах Священной Римской империи второй половины XIII в., оставались объектом косвенного интереса и отечественных, и зарубежных медиевистов. Однако не так давно исследователи, в фокусе научных штудий которых оказались этнические и конфессиональные меньшинства средневековой Венгрии, всё же уделили внимание свидетельствам имперских источников. Ключевой стала работа венгерской исследовательницы Норы Беренд «У врат христианского мира: евреи, мусульмане и “язычники” в средневековой Венгрии, 1000–1300 гг.» [2] — прекрасное аналитическое изложение истории нехристианских категорий населения королевства Святого Иштвана в период Высокого Средневековья, выполненное с привлечением в т. ч. и имперских хроник. Также необходимо выделить статью «Кочевники и венгры в X–XIV вв.» [3] за авторством историков Сегедского университета Сильвии Ковач и Иштвана Зимоньи, раскрывающую детали взаимоотношений Венгрии и кочевых народов причерноморских

степей в период Высокого и Позднего Средневековья. Что касается более общих вопросов, связанных с взаимодействием Священной Римской империи и Венгрии во второй половине XIII в., то наиболее весомый вклад в их изучение внес венгерский исследователь Габор Варга. В его монографии «Венгрия и Империя с X по XIII столетие» [4] подробнейшим образом излагается история политических, экономических и культурных связей Священной Римской империи и Венгерского королевства в период правления последних королей из династии Арпадов. Следует отметить, что попыток рассмотреть свидетельства хроник и анналов Священной Римской империи об отношениях венгерских королей и половцев в XIII в. с точки зрения имагологии и конструирования образа «Другого» до сих пор не предпринималось.

В 1240 г. под ударами монгольских войск пал Киев и княжества Юго-Западной Руси. После зимовки в пределах Галицко-Волынского княжества армия Батыя, разделённая на две части, начала вторжение на территорию латинского христианского мира [5, p. 40]. Одна группа войск под руководством двоюродного брата Батыя Байдара начала завоевание польских княжеств; вершиной успеха монголов стала битва при Легнице 9 апреля 1241 г., когда был разгромлен князь-принцепс Польши Генрих II Набожный из династии Силезских Пястов [6, p. 97–99]. Другая часть армии Батыя под командованием одного из наиболее опытных военачальников Чингизидов Субэдэя также была разделена на четыре корпуса и вторглась в Венгрию по нескольким направлениям.

Ввиду множества причин венгерский король Бела IV не смог оказать достойное сопротивление завоевателям: сыграли свою роль распри с наиболее влиятельными баронами и магнатами, недовольными его политикой реституции королевской собственности, которая широко раздавалась представителям знатных семей в период правления его отца Андраша II [7, s. 322], конфликты с половецкими переселенцами и беженцами, в результате которых был убит хан Котян, а его подданные накануне вторжения покинули территорию Венгрии, лишив короля необходимой военной поддержки и разорив некоторые области Трансданубии [3, с. 158]. Удачной оказалась и тактика монголов по наступлению на страну с разных направлений. 11 апреля 1241 г. состоялось ключевое сражение в первой монгольской кампании против Венгрии — знаменитая битва на реке Шайо, в которой силы Белы IV и его брата Кальмана потерпели сокрушительное поражение, после чего оба брата были вынуждены бежать из страны [8, p. 100]. Захватчики начали масштабное опустошение центральных и юго-западных областей королевства.

Весть о монгольском нашествии и о бедствиях Венгрии практически мгновенно разлетелась по всей Священной Римской империи. О событи-

ях, связанных с вторжением кочевников в пределы латинского христианского мира повествует множество имперских хроник и анналов (Баварские и Австрийские краткие анналы, Анналы венских проповедников, Анналы монастыря горы Св. Георгия, Вормсские анналы, Малые Шефтларнские анналы, Нересхаймские анналы, Штаденские анналы и т. д.), однако наиболее детальное описание монгольского нашествия на Венгрию содержится в «Хронике монастыря Св. Пантелеймона», составленной в 1240-х гг. в монастыре Св. Пантелеймона в Кёльне и включающей в себя расширенный текст Кёльнской королевской хроники и её продолжений:

Латинский оригинал	Перевод на русский язык
Exiens a Polonia predicta gens Moraviam intrat et, quod incredibile dictu est, unius diei et noctis spatio per quatuor dietas, pertransitis rapidis fluviis, mota est, totam devastans Moraviam preter castra et loca munita. In transitu etiam fines Missinensis diocesis attigit et ibi plurimas personas peremit. Inde in Hungariam perveniens, adiuncta sibi gente Comanorum truculenta, cruentissima cede devastat. Rex Hungarorum illis occurrens, copiis instauratis, cum validissimo exercitu super ripam cuiusdam amnis consedit. Tartari vero cum Comanis nocte quadam, die vix illucescente, amnem supra et infra artificiose traicientes, exercitum Hungarorum incautum invadunt. Extincta referuntur ibi sexaginta Hungarorum milia, inter quos duo episcopi et multi Teuthonici, Gallici, tam nobiles quam vulgares, periere. Rex vero Hungarorum fuga elapsus, cum paucis vix evasit. Nec mora, Tartari bestialiter sevientes, omnem Hungarorum residuam regionem vastant, incolas conterunt et fugant. Nec mirum, cum totum regnum Hungarie fere nullam civitatem muris munitam habuerit et castra firma [9, p. 280–281]	Пройдя Польшу, упомянутый народ [монголы] вступил в Моравию и, что невероятно, за один день и одну ночь преодолел расстояние четырёх дней пути, переправившись при этом через бурные реки. Они разорили всю Моравию, за исключением крепостей и укрепленных поселений. При этом набеге они затронули границы Мейсенского диоцеза, лишив жизни очень многих людей. Оттуда они вторглись в Венгрию, где, объединившись с кровожадным народом команов [половцев. — *Ю. М.*], со страшной жестокостью разорили страну. Король Венгрии оказал им сопротивление и, собрав свои войска, с очень сильным отрядом расположился на берегу некой реки [Шайо. — *Ю. М.*]. Однажды ночью, когда только начинало светать, тартары и команы, хитростью переправившись через реку выше и ниже по течению, неожиданно напали на венгерское войско. Сообщается, что там погибло шестьдесят тысяч венгров, среди которых были два епископа и множество немцев и французов, как знатных, так и простых. Король Венгрии с немногими спутниками насилу сумел уйти. Сразу после этого тартары зверски опустошили все остальные венгерские земли, уничтожили и изгнали их жителей. И неудивительно, ведь во всём Венгерском королевстве не было почти ни одного города, укреплённого стенами, и ни одного сильного замка

Невероятно красноречивый рассказ о монгольском вторжении в Центральную Европу содержит в себе ряд интересных подробностей, которые нуждаются в комментариях. Во-первых, весьма примечательно, что автор поддерживает «половецкую чёрную легенду», согласно которой кочевники, переселившиеся в Венгрию в 1239 г., накануне завоевания, собирались объединиться с монголами и поддержать их вторжение [8, p. 99]. Очевидно, антиполовецкие настроения каким-то образом были принесены из Венгрии в среду имперского клира. Ещё одним важным моментом является фиксация хронистом потерь христианского войска в битве на реке Шайо. Численность потерь среди венгров явно преувеличена, в то время как небольшие контингенты имперских и французских войск упоминаются отдельно.

Также стоит обратить внимание на то, какую причину успеха монголов в завоевании Венгрии называет кёльнский хронист. Победы «тартаров» обоснованы тем, что на территории Венгерского королевства совершенно нет укреплённых городов и замков. Около века тому назад Оттон Фрейзингенский в своём сочинении «Деяния императора Фридриха», описывая Венгрию и нравы её жителей перед тем как рассказать о битве своего брата Генриха Язомирготта с королём Гезой II, приводит ровно те же доводы: «Так как они [венгры. — *Ю. М.*] в городах и сёлах имеют самые жалкие жилища только из тростника, редко из дерева и весьма редко из камня, то большая часть лета и осени проводится ими в палатках» (“Denique cum vilissima in vicis vel oppidis ibi, id est ex cannis tantum, rara ex lignis, rarissima ex lapidibus habeantur habitacula, toto estatis vel autumpni tempore papiliones inhabitant”) [10, s. 50]. Как отмечает голландская исследовательница Клэр Вида, в период Высокого Средневековья позитивные представления об этничности соответствовали урбанистическим ценностям и нормам, в то время как отсутствие «одомашненного пространства» воспринималось как нечто варварское, противоречащее природе человека-созидателя [11, с. 50]. В данном случае мы имеем дело именно с таким неосвоенным пространством, которое стало лёгкой добычей для завоевателей.

После разгрома при Шайо венгерский король бежал в пределы Австрийского герцогства, где некоторое время пробыл в качестве «гостя» (скорее, заложника) герцога Фридриха II. В обмен на военную помощь против монгольских полчищ герцог заставил короля передать ему три пограничных комитата (вероятнее всего, Шопрон, Пожонь и Лочманд) и часть привезённых им сокровищ [4, s. 260]. Ещё одним важным решением Белы IV, которое имело далеко идущие политические последствия, стала его готовность признать сюзеренитет императора Фридриха II в об-

мен на военную поддержку [5, p. 67]. Впрочем, ни император, ни папа, занятые противостоянием друг с другом, не оказали королю никакой реальной поддержки, хотя идея организации Крестового похода против «предвестников антихриста» витала в воздухе на протяжении всех 1240-х гг. Полномасштабную же проповедь Иннокентий IV начал лишь в 1253 г.

Король Венгрии попыталась отвоевать у герцога Австрийского вынужденно отданные комитаты, что привело к целой серии военных кампаний. Их кульминацией стала знаменитая битва на реке Лайта 15 июня 1246 г., в которой войско Белы IV было разгромлено, однако погиб также и Фридрих II [7, s. 329–330]. После смерти бездетного герцога династия Бабенбергов пресеклась по мужской линии. Так было положено начало борьбе за контроль над Австрией, которая с небольшими перерывами будет продолжаться вплоть до 1278 г. В результате сложных дипломатических перипетий оформились две основные враждующие группировки, одну из которых возглавляли короли Богемии, а другую — правители Венгрии. После возвращения в Венгрию в 1246 г. по приглашению Белы IV половцы активно привлекались венгерским королём к участию в войнах за австрийское наследство. Между 1246 и 1278 г. половцы провели 10 военных кампаний против Австрии, Богемии, Моравии, Каринтии и Штирии [2, p. 143]. Жестокость кочевников на службе венгерских королей (порой не отличая их от самих венгров) фиксируется во множестве имперских источников, в том числе в «Анналах», составленных аббатом бенедиктинского монастыря Нидеральтайх Германом и повествующих о событиях, происходивших в Баварии и соседних землях в 1137–1273 гг. О событиях «Австрийского междуцарствия» в них рассказывается следующим образом:

Латинский оригинал	Перевод на русский язык
Occiso itaque Frederico potentissimo et inquieto duce Austrie et Styrie, quanta mala fere per sex annos utraque provincia sit perpessa, nullus valet scribere ver narare. Nam quilibet nobilium, immo magis ignobilium, nec Deum nec hominus reveritus, quecumque volebat faciebat, homines, ad munitiones vel cavernas terre fugere non valentes, captivando, vulnerando, occidendo ac excogitatis et actenus inauditis tormentis miserabiliter cruciando.	Итак, после того, как был убит Фридрих, самый могущественный и беспокойный правитель Австрии и Штирии, никто не в силах описать или рассказать, сколько зла претерпела каждая провинция в течение почти шести лет. Ибо каждый из знатных, а ещё более — из низших, не почитая ни Бога, ни людей, делал всё, что ему заблагорассудится, захватывая, раня, убивая и жестоко истязая всех, у кого не было возможности бежать в крепости или в пещеры, новыми и доселе неслыханными пытками.

Bela etiam rex Ungarie, orbatas heredibus terras sibi attrahere cupiens, multa milia hominum per paganos homines, videlicet Cumanos, in captivitatem adduxit, multa occidit, ac utriusque terre marchias fere inhabitabiles fecit [12, s. 393]	Также и Бела, король Венгрии, желая присвоить себе земли, лишённые наследников, увёл в плен множество тысяч людей с помощью язычников, а именно половцев, многих убил и сделал пограничные земли практически необитаемыми

Горестная картина бедствий Австрии содержит в себе весьма важные сведения о методах ведения войны, используемых венгерским королём. Насилие и жесткость со стороны Белы IV наиболее радикально и бескомпромиссно осуждаются в австрийских источниках, что неудивительно: боевые действия между Венгрией и Богемией разворачивались преимущественно на территории Австрии, от вторжений и набегов страдали многие монастыри и города, а вместе с ними и те, кто впоследствии писал об этом в хрониках. Но Герман Альтайхский привнёс в повествование весьма примечательную деталь, которая отражает хорошую осведомлённость анналиста в отношении обычаев кочевников: жителей приграничных областей в плен брали именно половцы.

В 1273 г. на престол Священной Римской империи взошёл Рудольф I Габсбург [13, s. 25]. Закончился многолетний паралич верховной власти, который позволял королю Богемии Оттокару II быть полноценным властелином восточных земель Империи. Отказавшись возвращать короне все незаконно занятые, начиная с последних лет правления Фридриха II, имперские лены, Оттокар II вступил в прямую вооружённую конфронтацию с Рудольфом. Судьба Центральной Европы решилась 26 августа 1278 г. в сражении на Моравском поле в Нижней Австрии. На стороне Рудольфа выступил король Венгрии Ласло IV, пришедший на помощь своему союзнику с многочисленными половецкими отрядами [4, s. 285]. Первые атаки половецких конных лучников Ласло IV по левому крылу армии Оттокара нанесли противнику серьёзный деморализующий урон: сотни рыцарей лишились жизни от безжалостных половецких стрел, едва вступив в сражение. Затем настала очередь вводить в бой основные силы, и здесь явный численный перевес сыграл на руку королю Богемии. Под Рудольфом был заколот его конь, и он едва спасся благодаря своему оруженосцу [14, s. 272–273]. Исход сражения в пользу правителя Империи решила фланговая атака свежего кавалерийского резерва, скрытого Рудольфом за ближним лесом и холмами. Армия Оттокара дрогнула и обратилась в бегство. Разгром войск короля Богемии довершили стре-

мительные половцы, которые преследовали отступающие отряды, нанося огромный урон с помощью стрел [14, s. 295–298]. Рудольф и Ласло одержали победу, а Оттокар II был найден мёртвым на поле боя. Наиболее фактурно участие войск венгерского короля в битве передают «Анналы венских проповедников» — сочинение, созданное в конце XIII в. монахами Венского доминиканского монастыря и излагающее события 1025–1283 гг.:

Латинский оригинал	Перевод на русский язык
Rudolfus quoque Romanorum rex, qui sic fraudulenter circumventus fuerat, nam ut predictum est, universi principes preter regem Ungarie et episcopum Basiliensem et episcopum Chymensem et purchgravium de Nurnberch cum Australibus et Styriensibus et Comanis presente rege Ungarie, predicto regi Boemie hostiliter cum tamen vix unum pugnantem contra duos rebellantes haberet, et non nisi ducentos quinquaginta dextrarios contra mille centum, parte ex adversa obviavit. Septimo autem Kal. Septembris que fuit tunc feria sexta post Bartholomei apostoli proxima, post primam missam hora diei tertia, ambo reges videlicet Romanorum et Boemie in campo Ydungspeuge prope Marchiam acriter sunt congressi. Itaque nomen Dei gloriosum et benedictum Christus exercitui regis Romanorum in signum datum fuerat, quod semper ab incredulis paganis et a semichristianis Ungaris blasphematum est, illa hora communiter tam a paganis quam a christianis devotissime invocatur *Christus Christus!* Ubi dominus Rudolfus Romanorum rex a quodam hoste trucidatus in terram pronus interfecto dextrario prosiliit, sed sublevatus et erectus a suis fidelibus ad pungnam iterum prosperatur.	Рудольф, король римлян, который, как уже сказано, был так коварно обманут всеми князьями, кроме короля Венгрии, епископа Базельского, епископа Кимзее и бургграфа Нюрнбергского, грозно выступил с противной стороны навстречу упомянутому королю Богемии вместе с австрийцами, штирийцами и куманами, с которыми был король Венгрии, хотя соотношение сил было таково, что на двух мятежников едва приходился один его боец, а на 1100 их коней — 250 его. На седьмой день по сентябрьским календам, который пришёлся тогда на следующую после дня апостола Варфоломея пятницу, после первой мессы, в третьем часу дня, оба короля, а именно король римский и король богемский, вступили в ожесточённую битву на поле Идунгспойге возле Моравы. Итак, войску римского короля было дано в качестве девиза славное и благословенное имя Божье «Христос», которое всегда поносилось неверными язычниками и полухристианами венграми. В этот час и язычники, и христиане разом весьма набожно восклицали: «*Христос! Христос!*». Там господин Рудольф, римский король, был ранен одним врагом и упал на землю с отрубленной правой рукой (sic!), но его верные подданные подхватили его и подняли, и он вновь бросился в бой и преуспел.

Et ecce exercitus Boemorum superatus terga vertit, occisi quam plurimi, et infiniti sunt submersi. Ipse vero rex Otakarus prostratus ab hostibus, vulneratus atque captus, a quodam hoste Australico, dum armis iam spoliaretur, per cervical hasta perforatur, ultimo per viscera romphea transfossus moritur interemptus. Quo facto rex Ungarie et Comani sumptis spoliis et captivis Boemis annuente Romanorum rege, ne christiani per Boemiam Cumanorum rabie inficerentur, ad propria sunt reversi [15, s. 730–731]	И вот, богемское войско было побеждено и обратилось в бегство, и многие были убиты, и несметное число людей утонуло. Сам король Оттокар был повержен врагами, ранен и взят в плен; когда у него уже отобрали оружие, один враг, австриец, поразил его копьём в шею и, наконец, проткнул мечом в живот, и тот умер. По совершении этого король Венгрии и половцы, взяв добычу и пленных богемцев, вернулись в свои земли, с чем римский король согласился, дабы христиане в Богемии не были перебиты из-за ярости половцев

Мы видим, что автор сочувствует королю Рудольфу (что неудивительно, ведь после победы над Оттокаром король получил власть над Австрией и прилегающими герцогствами, превратив их в наследственные владения Габсбургов), с явным преувеличением описывая его подвиги в битве. Однако для нас гораздо более интересна та характеристика, которую анонимный автор даёт венграм — «полухристиане, поносящие имя Христа», но в момент сражения внезапно становящиеся набожными воинами. Вероятно, здесь непосредственное отношение автора к народу венгров искусственно соединено с провиденциалистской трактовкой битвы, согласно которой побеждает тот, кто уповает на имя Господа.

Впрочем, ярче всего отношение автора «Анналов венских проповедников» к венграм раскрывает эпизод, связанный с событиями 1279 г. В начале этого года в Венгерское королевство прибыл назначенный Папой Николаем III полномочный легат, епископ итальянского города Фермо Филипп, который должен был помочь Ласло IV замирить непокорных магнатов, вмешиваясь во внутренние дела Венгрии от имени самого римского понтифика. Однако после небольшого расследования он объявил, что король Ласло обязан как можно скорее крестить язычников-половцев и принудить их к оседлости [2, p. 174]. Требование насильственной инкультурации половцев было весьма унизительным и неугодным для короля, поскольку сам он являлся сыном половецкой княжны, дочери убитого Котяна, и с детства был очень привязан к обычаям кочевников [8, p. 109], не говоря о том, что половцы были единственной реальной опорой его власти. Тем не менее под давлением легата, венгерской церкви и магнатов Ласло был вынужден принять «Закон о куманах», который предписы-

вал им пройти обязательное обращение в христианство, а также затрагивал вопрос насильственной седентаризации кочевников на определённых территориях [1, с. 106]. Однако, понимая, что это приведёт королевство к катастрофе, Ласло не спешил применить закон на практике. За это легат Филипп отлучил его от церкви [2, p. 174]. В ответ король заточил епископа в темницу, после чего сам был пленён воеводой Трансильвании Финтом Абой. После переговоров оба пленника были освобождены, и Ласло IV наконец потребовал от половцев исполнения принятого закона. В результате в половецкой среде против короля поднялся мятеж. Разъярённые кочевники опустошили восточные области страны и ушли на юг, а легат Филипп, уничтожив последнюю опору королевской власти, покинул Венгрию. Автор «Анналов венских проповедников» описывает все эти события так:

Латинский оригинал	Перевод на русский язык
Eodem etiam anno mense Iunii dominus Philippus apostolice sedis legatus Ungariam veniens, christianos Ungaros, qui christianam sectam fere obliti fuerant, ritu paganismi disgregatis comis, prolixis crinibus et habitu muliebri conversabantur, salubriter compescuit in crinibus, vestitu et in fide katholica, episcoporum ibidem consilio mediante [15, s. 731]	В этом же году [в некоторый момент хронология сочинения сбилась на 1 год, поэтому данное свидетельство приводится по отношению к 1280 г. — *Ю. М.*], в июне месяце, господин Филипп, легат Апостольского престола, придя в Венгрию, спасительным образом смирил христиан-венгров, которые почти забыли христианское учение и, не расчёсывая волосы, по языческому обычаю пользовались длинными бородами и женской одеждой, и при посредстве совета тамошних епископов обуздал их в отношении волос, одежды и католической веры

Как справедливо отметил Роберт Бартлетт, экспансия Высокого Средневековья означала не только расширение границ латинского христианства, но и территориальное распространение определ`нного типа культуры, социального и политического устройства [16, с. 31]. Определение обособленности и принадлежности того или иного общества к чуждому для интеллектуалов Западной Европы миру включало в себя не только сопоставление по линии «христианин — не христианин», но также по линии «цивилизация — варварство», причём оба критерия зачастую дополняли и усиливали друг друга. В нашем случае мы видим один из наиболее показательных примеров такой оценки: благочестие народа венгров описывается не только в категориях включённости в иерархию Римско-католической церкви, но и в смысле (не)принадлежности к опре-

делённому типу общества, его порядкам и обычаям. Венгрия, стоявшая на перекрестье двух миров христианской ойкумены — византийского и римского, а также кочевого мира степей, впитала в себя множество самых разнообразных элементов от каждого из них, поэтому совершенно не вписывалась в относительно гомогенное культурное пространство латинского христианства Западной Европы [2, p. 190–210]. Неудивительно, что анонимный автор «Анналов венских проповедников» относился ко всем синкретическим традициям и обычаям поликонфессиональной Венгрии довольно негативно.

Рассмотрев некоторые сведения о взаимодействии королей династии Арпадов и половцев, приводимые в хрониках и анналах Священной Римской империи второй половины XIII в., мы можем сделать следующие выводы. Монгольское нашествие на Венгрию упоминается во множестве источников, однако образ Белы IV и его воинов ни в одном из них не наделён какими-либо отличительными чертами. В большинстве случаев, рассказывая о тех войнах, которые Бела IV и Иштван V вели против Пржемысла Оттокара II в Австрии, Моравии и Штирии, имперские авторы дают негативную характеристику действиям венгерских королей, которые используют лёгкую половецкую конницу в своих военных кампаниях. Наибольшее количество негативных характеристик представлено в сочинениях, происходящих из герцогства Австрийского. Язычники-половцы изображаются чрезвычайно жестокими, ведущими войну «не по правилам» христианского общества, включая разрушения церквей, убийства беззащитных людей, угон населения в рабство и т. д. Впрочем, параллельно с формированием альянса между Рудольфом I Габсбургом и Ласло IV столь негативные характеристики несколько смягчаются. По свидетельству о визите папского легата, которое содержится в «Анналах венских проповедников», можно сделать вывод о том, что институт церкви в Венгрии также виделся имперским интеллектуалам глубоко повреждённым печатью язычества в обрядах, ритуалах и обычаях. В этом смысле Венгерское королевство в дискурсивном поле авторов хроник и анналов Священной Римской империи XIII в. продолжает оставаться неполноценной частью латинского христианского универсума.

Список источников и литературы

1. *Жумангалиев М.К., Полгар С.* Куманы во внутренней политике Венгрии второй половины XIII века // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2024. Т. 69. № 1. С. 100–110.

2. *Berend N.* At the gate of Christendom: Jews, Muslims, and “pagans” in medieval Hungary, c. 1000 — c. 1300. Cambridge, UK; New York: Cambridge University Press, 2001. 340 p.
3. *Ковач С., Зимоньи И.* Кочевники и венгры в X–XIV вв. // Труды Института востоковедения РАН. 2018. № 7. С. 146–168.
4. *Varga G.* Ungarn und das Reich vom 10. bis zum 13. Jahrhundert. Das Herrscherhaus der Árpáden zwischen Anlehnung und Emanzipation // Studia Hungarica. Bd. 49. München: Verlag Ungarisches Institut, 2003. 368 s.
5. *Jackson P.* The Mongols and the West, 1221–1410. Routledge, 2005. 448 p.
6. *Chambers J.* The Devil’s Horsemen: The Mongol Invasion of Europe. London / Edinburgh: Book Club Associates, 1979. 190 p.
7. *Lohrmann K.* Die Babenberger und ihre Nachbarn. Wien; Köln; Weimar: Böhlau, 2019. 367 s.
8. *Engel P.* The realm of St. Stephen: A history of medieval Hungary. 895–1526. London; N. Y.: Tauris, 2001. 452 p.
9. Chronica regia Coloniensis (Annales maximi Colonienses) // MGH, SS rer. Germ. Bd. 18 / Hrsg. von Georg Waitz. Hanover, 1880. P. 1–299.
10. Ottonis et Rahewini Gesta Friderici I Imperatoris // MGH, SS rer. Germ. Bd. 46 / Hrsg. von Georg Waitz und Bernhard von Simson. Hannoverae et Lipsiae, 1912. S. 1–351.
11. *Вида К.* Свои и чужие. Этнические стереотипы в Средневековой Европе, 950–1250 гг. СПб.: Academic Studies Press / Библиороссика, 2024. 396 с.
12. Annales et historiae Altahensis / Ed. Ph. Jaffe, Hermanni Altahensis Annales // MGH, SS. Bd. 17. Hannover, 1866. S. 381–407.
13. *König Rudolf I*. Und der Aufstieg des Hauses Habsburg im Mittelalter / Hrsg. von Bernd Schneidmüller. Darmstadt: wbg Academic, 2019. 512 s.
14. *Kusternig A.* Probleme um die Kämpfe zwischen Rudolf und Ottokar und die Schlacht bei Dürnkrut und Jedenspeigen am 26. August 1278 // Ottokar-Forschungen. Jahrbuch für Landeskunde von Niederösterreich. Neue Folge, 44/45 / Red. von M. Weltin und A. Kusternig. Wien, 1978/79. S. 226–311.
15. Annales Austriae / Ed. W. Wattenbach, Continuatio Praedicatorum Vindobonensium // MGH, SS. Bd. 9. Hanover, 1851. S. 724–732.
16. *Бартлетт Р.* Становление Европы: Экспансия, колонизация, изменения в сфере культуры. 950–1350 гг. М.: РОССПЭН, 2007. 432 с.

УДК: 94 (460)

Уртенова М.А.
Российский государственный гуманитарный университет,
исторический факультет, студент бакалавриата.
E-mail: urtenovamm@yandex.ru; rsuh@rsuh.ru

«Книга о рыцаре Сифаре» как источник по социальной истории

Аннотация. В статье исследуется потенциал испанского средневекового рыцарского романа — «Книги о рыцаре Сифаре» — как источника по социальной истории. Автор анализирует основные сословия и социальные институты кастильского общества начала XIV в., выделяя важнейшие социальные процессы и ценности, воспеваемые в период распространения «молинизма» — интеллектуальной мысли при королевском дворе.

Ключевые слова: «Книга о рыцаре Сифаре», рыцарский роман, художественная литература Испании, социальная история.

Urtenova M.A.
Russian State University for the Humanities,
Faculty of History, Bachelor's program, student.
E-mail: urtenovamm@yandex.ru; rsuh@rsuh.ru

"The Book of the Knight Zifar" as a source of social history

Abstract. The article explores the potential of the Spanish medieval chivalric romance — "The Book of the Knight Zifar" — as a source of social history. The author analyzes the main estates and social institutions of Castilian society in the early 14th century, highlighting the most important social processes and the values celebrated during the spread of *molinism* — intellectual thought at the royal court.

Keywords: "The Book of the Knight Zifar", chivalric romance, fiction of Spain, social history.

«Книга о рыцаре Сифаре» — первый рыцарский роман в прозе неизвестного авторства, написанный на старокастильском языке около 1300 г., хотя различные исследователи датируют его до середины XIV в. Произведение только внешне представляет собой фантастическую историю о рыцарских подвигах, а на деле является ценным источником по социальной истории, содержащим информацию о кастильском обществе первой половины XIV в. Первоначально текст, представляющий сейчас

единый роман, состоял из различных сюжетов, так называемых *estorias*, которые соответствовали определенным запросам публики и преследовали две цели — развлекательную (чтение вслух) и назидательную [1, p. 1378]. В качестве публики выступала придворная среда, и идеи, транслировавшиеся в «Книге…», стали составляющей молинизма — мысли, господствующей в интеллектуальном кругу Марии де Молины[1]. Эта мысль, основанная на представлениях о господстве Бога над всем остальным, важности совершения добрых дел, превосходстве природного ума[2], искала способы выражения и влияния и нашла их в художественной литературе [1, p. 1125]. Эти идеи не отображали реальность в полной мере, но были направлены на изменение идеологических ориентаций публики [1, p. 1125], то есть, «Книга…» иллюстрирует восхваляемые ценности среди знати в первой половине XIV в. Помимо этого, текст представляет собой своего рода энциклопедию по важным социальным процессам в обществе (заключение брака, посвящение в рыцарство, принесение вассальной клятвы и т.п.), которые зачастую описываются в тексте с юридической и ритуальной точностью. Это связано с назидательной целью романа: дети, слушая «Книгу…», могли в развлекательной форме изучить подробности ключевых моментов их будущей жизни.

Текст романа состоит из пролога и 229 глав, которые Ч. Вагнер, автор критического издания «Книги о рыцаре Сифаре» [2], разделил на четыре части. Первая посвящена приключениям Сифара и его семьи в изгнании, вторая — становлению Сифара королем и воссоединению с женой, третья — морально-дидактическим наставлениям, четвертая — подвигам Робоана, сына Сифара. Роман сохранился в трех версиях; к настоящему времени все они доступны в виде цифровых копий. Одна из рукописей [BnF Ms. Espagnol 36] (XIV в.) (P) хранится в Париже, в Национальной библиотеке Франции [3], другая [BNE MSS/11309] (XV в.) (M) — в Мадриде, в Национальной библиотеке Испании [4]. Третьим источником текста романа является первое издание, напечатанное в Севилье в 1512 г. [5], рукописный оригинал которого утрачен и которое используется в критических изданиях произведения наряду с рукописными редак-

---

[1] Мария де Молина (1260–1321) — жена Санчо IV Храброго, регент при сыне Фердинанде IV, а также при внуке Альфонсо XI. См: J. Manuel Nieto Soria // DBE RAH. URL: https://dbe.rah.es/biografias/11484/maria-de-molina (дата обращения: 23.09.2025).

[2] Речь идет о “seso natural”. Это сочетание становится одной из главных добродетелей рыцаря Сифара.

циями. Наиболее интересна рукопись P, в которой сохранились 243 роскошные миниатюры в цвете, иллюстрирующие происходящее в сюжете. Они могут быть использованы в качестве дополнительного визуального источника по изучению гражданской и военной жизни того времени. Миниатюры позволяют выявить детали быта, которых нет в тексте: форма и цвет одежд, обустройство дома, внешний вид доспехов и оружия и т. п. Помимо этого, они дополняют представленную в романе информацию подробностями. Так, когда рыцарь Сифар приносит оммаж, прежде чем войти в город, в тексте нет данных о форме оммажа, но на миниатюре видно рукопожатие [3, F. 14 v.]. Это расширяет восприятие ситуации: оммаж через рукопожатие мог указывать не столько на зависимое положение вассала по перед сеньором, сколько на установление между ними личной, равной связи, основанной на взаимном доверии [6, с. 165].

Новая социокультурная история рассматривает социальные процессы через призму культурных представлений, ценностных ориентаций, символических практик [7, с. 127]. Этот подход позволяет рассмотреть социальные процессы кастильского общества XIV в., а также основные сословия, используя художественное произведение — «Книгу о рыцаре Сифаре». Идея трехчастного деления, восходящая еще к идеям Святого Августина, предполагает три сословия: *oratores* (молящиеся), *bellatores* (воюющие), *laboratores* (работающие) [8, с. 21]. Однако важно учесть и горожан: не оформленные официально как сословие в Кастилии и Леоне, они тем не менее были важной самостоятельной политической силой [9, с. 163].

Основными действующими лицами «Книги…» выступают представители разных страт знати; к ней принадлежит и большинство других действующих лиц, наделенных сколько-нибудь выраженной индивидуальностью. Знатное сословие объединялось статусом, ценностями, образом жизни, определенными привилегиями, но прежде всего это военное сословие, главная функция которого — защита королевства [9, с. 32]. Оно было неоднородным и состояло из первой, высшей категории знати — магнатов (*ricos omes*) и второй — инфансонов (*infanzones*), рыцарей (*caballeros*), оруженосцев (*escuderos*) [10, с. 173–174]. Представители знати пользовались особыми привилегиями: они освобождались от налогов, пыток, телесных наказаний, были подсудны только королю и королевской курии [9, с. 132]. Высшая знать (*ricos omes* — магнаты) состояла из крупных землевладельцев, которые получали частные замки от короля с обязанностью защищать их [9, с. 133]. Магнаты нередко вели частные, междоусобные войны [9, с. 133]. В «Книге о рыцаре Сифаре» это сеньора

города Галапия и ее сосед — могущественный сеньор, с которым Галапия вела войну. У них были свои владения, защищенные замками; совет, состоящий из «добрых людей» (*omes buenos*); вассалы, принесшие оммаж (*omenaje*), согласно которому обязывались хранить верность своему сеньору. Стоит отметить, что у таких крупных сеньоров были свои гербы, указывающие на их социальное положение и символизирующие непрерывность преемственности [11, с. 322]. В одном из эпизодов Сифар по гербу с двумя голубыми львами на золотом поле идентифицировал сеньора вражеского войска и ранит его [2, p. 57].

Вассалами сеньоров в том числе были рыцари, выполняющие военную функцию. К такой категории знати принадлежит Сифар, центральный персонаж повествования. На примере героя раскрываются черты идеального рыцаря — он ответственен, справедлив, мудр, не отчаивается в беде, не переполнен гордыней от подвигов [2, p. 11]. Сифар — идеальный вассал, который помогал сеньору и мечом, и советом. Сначала он находился на службе у короля-сеньора и был отличным воином, «всегда побеждал и завоевывал честь и победу для своего сеньора-короля и добрую славу для себя самого»[3] [2, p. 11]. За такую службу он получал от короля денежный феод, который выплачивался раз в год (*soldada*), и бенефиций (*bienfecho*), постоянный доход [2, p. 11]. После изгнания королем Сифар попал на службу к сеньоре города Галапии, принес ей оммаж и также проявил лучшее качество вассала — верность, помогал советом и выступал в войне на ее стороне. За военную службу сеньора города обеспечивала рыцаря Сифара всем необходимым (конями, деньгами и т.п.) [2, p. 84]. Помимо военной службы Сифар, находясь в Галапии, принимал участие в совете сеньоры города, высказывая мнение, как лучше поступить в политических делах. Среди рыцарских занятий можно выделить турниры, состязания: рыцарю необходимо быть сильным и демонстрировать свою силу. Турниры обычно проводились только во время больших мероприятий, так как их организация стоила немалых средств [11, с. 298]. В «Книге о рыцаре Сифаре» описаны турниры в день свадьбы сеньоры города и сына могущественного сеньора-соседа [2, p. 81]. В каждом состязании Сифар побеждал, что выделяло его среди остальных как идеального рыцаря [2, p. 81].

Духовенство было важной частью общества, и в особых ситуациях — война, свадьба — герои романа взаимодействовали с представи-

[3] "…Sienpre vencia e ganaua onrra e vitoria para su señor el rey, e buen pres para sy mesmo".

телями этого сословия. В эпизоде перед битвой с вражеским войском Сифар просит клирика прийти на площадь перед рассветом, соорудить там алтарь и отслужить мессу [2, p. 57], чтобы воодушевить воинов и попросить у Бога помощи в бою. Здесь очевидна связь между двумя сословиями — знатью и духовенством: пока одни воюют, другие молятся за них. В эпизоде свадьбы сеньоры города и сеньора вражеского войска приходит капеллан, чтобы заключить брак, «как повелевает святая церковь»[4] [2, p. 80]. Представители духовенства в «Книге…» не представлены отдельно, через них раскрываются характеры и поступки основных героев, их безусловная христианская вера. Так, рыцарь Сифар и его жена постоянно пребывают в молитвах, каждый день ходят в церковь, слушают мессу.

В «Книге о рыцаре Сифаре» главную роль играют знатные люди, поэтому работающие (*laboratores*) появляются редко, однако в одном из эпизодов они составляют часть войска в междоусобной войне. Здесь интересно отметить проявление воли крестьян: война вызывает у них недовольство, так как их забрали с сельскохозяйственных работ [2, p. 56].

Горожане не являются оформленным сословием, но обладают политической силой. Так, самые влиятельные из них участвуют в совете сеньоры города — речь идет о так называемых добрых людях (*omes buenos*). Они должны быть честными, богобоязненными, законопослушными и компетентными [12, с. 239], их выбирали из числа состоятельных людей с хорошей репутацией, чтобы они могли компенсировать материальный ущерб в случае необходимости [13, с. 149]. О.В. Ауров отмечает их значительную роль в судебных и фискальных вопросах [13, с. 150]. Как видно из «Книги…», эта группа должностных лиц не имела четких сословных ограничений, поскольку в совет в качестве «добрых людей» могли входить не только горожане, но и рыцари, однако влияние первых все равно было значимым. Все важнейшие решения сеньора принимались с разделением ответственности с «добрыми людьми». В тексте встречается яркий пример такого взаимодействия: прежде чем дать ответ на предложение о браке с сыном могущественного сеньора-соседа, сеньора города обратилась за советом к «добрым людям» [2, p. 71]. Получив совет согласиться, она приказала им устроить все так, как они считают наилучшим. Здесь проявляется «императивность совета» [14, с. 66] — необходимость действовать в согласии с ним. Таким образом, горожане, которые входили

[4] “Pues rescebides esta dueña commo santa eglesia manda por muger?”

в совет сеньора, могли иметь на него и политическое влияние. Помимо этого, горожане активно участвовали в жизни города: выходили на праздники, содействовали в обороне в период осады [2, p. 57].

Социальные институты, по мнению социологов, появляются тогда, когда общественные практики, правила, способы взаимодействия становятся достаточно регулярными и оформляются в определенную систему, порождающую социальные ценности [15, с. 34]. «Книга…» дает возможность подробно рассмотреть один из видов социальных институтов, который выделяется в социологическом словаре, — это институты родства, связанные с браком, семьей и социализацией молодежи[16, с. 104].

Примером идеального брака в «Книге…» является брак Сифара и его жены Гримы. Через описание Гримы раскрываются качества идеальной жены: добродетельность, хозяйственность, бережливость, покорность мужу [2, p. 9], способность дать хорошее воспитание и своевременное наказание детям [2, p. 9]. Идеальная жена должна идти на жертвы ради мужа, и после смерти коня Сифара Грима предложила взять своего. Муж, в свою очередь, должен был защищать и обеспечивать комфорт супруги. Так, в ответ на жертву Гримы Сифар ответил, что «…согласно природе и здравому смыслу, лучше, если от тягостей пути страдает мужчина, а не женщина»[5] [2, p. 40]. А когда один из рыцарей стал угрожать Сифару тем, что убьет его и заберет его жену, герой вступил в поединок и победил врага[2, p. 43].

Заключение брака было прежде всего выгодным союзом двух семей — множество браков заключалось по материальному расчету, особенно среди знати и верхушки горожан[18, с. 114]. Формально основой было согласие вступающих в брак, однако большое значение имело согласие родителей, так как они обеспечивали экономическую поддержку новой семьи[19, с. 231]. Брак был также одним из способов закончить войну [20, с. 25]. В «Книге о рыцаре Сифаре» есть пример заключения брака сеньора города и сына сеньора-соседа. Этот союз был не только важен для завершения войны и освобождения сына сеньора из заключения, но и финансово выгоден для сеньоры: к ней переходили два больших города и восемь замков, а ее сын после смерти мужа получал все владения могущественного сеньора[2, p. 73–74]. Кроме того, сеньор был высокого происхождения (*de muy grant lugar*), что являлось важной ха-

[5] «…ca segunt natura e razón mejor puede el varón sofrir el afán del camino que non la muger».

рактеристикой для выгодной женитьбы [2, p. 68]. В тексте подробно описан процесс заключения такого союза. Гарантию брака брал на себя дядя сеньоры (в иных случаях это мог быть отец, брат или другой родственник мужского пола), и именно с ним, а не с сеньорой обсуждались правовые вопросы. Капеллан спрашивал, согласны ли они взять друг друга в качестве супругов, так как «брак не может состояться без согласия каждого из них»[6] [2, p. 80], и после этого начались празднества.

А.Я. Гуревич отмечает высокую степень ритуализированности средневекового общества и значимую роль права в этой системе: важные события сопровождались определенными договорами, несоблюдение которых аннулировало акт [21, с. 147]. Здесь стоит привести в пример эпизод, в котором юноша передал девушку, которая должна была по договоренности семей стать его женой, своему другу для заключения брака [2, p. 26]. Такое нарушение обязательств вызвало гнев у семьи девушки: они посчитали себя опозоренными (*desonrrados*) и начали воевать с ним, что привело того к разорению [2, p. 27].

Важной характеристикой являлось хорошее воспитание. Например, в тексте говорится о том, что жена рыцаря Сифара дала сыновьям хорошее воспитание — одним из критериев было своевременное надлежащее наказание за проступки [2, p. 9]. Пример плохого воспитания — царь Таред, предок рыцаря Сифара, который теряет королевское достоинство (*por sus malas costunbres*) [2, p. 36] «из-за его плохого воспитания». Мать несла ответственность за воспитание девочек, мальчиков же с семилетнего возраста воспитывали отцы[18, с. 125]. Такой пример встречается в одном из вставных эпизодов: отец проводит проверку друзей сына, доказывая, что настоящих друзей очень мало и их нельзя завоевать материальными средствами[2, p. 17–22].

Однако зачастую дети из знатных семей недолго находились дома с родителями — их передавали на воспитание сеньору или вассалу [18, с. 125]. Так, важным юридическим статусом кастильского общества первой половины XIV в. был статус воспитанника(цы) (*criado(a)*), что подразумевает особый вид личных связей. Один из примеров — передача девочки в дом другого сеньора в качестве такой воспитанницы, чтобы по достижении совершеннолетия она вышла за него замуж [2, p. 24]. У этой девушки есть воспитательница: отношения воспитателей и воспитанников зачастую могли быть ближе, чем детей и родителей[22, с. 140]. Еще

[6] “Ca non es casamiento syn el e ella otorgar”.

один пример — эпизод, в котором сеньора города предлагает отдать своего сына на воспитание в семью рыцаря Сифара, чтобы их дети росли вместе [2, p. 46] и он научился рыцарскому поведению, таким образом ставя рыцаря в положение своего вассала. Один могущественный рыцарь предлагал Сифару своих дочерей в качестве воспитанниц, чтобы впоследствии они вышли замуж за сыновей героя [2, p. 49]. Иными словами, дочерей зачастую отдавали на воспитание для дальнейшей женитьбы, а мальчиков — для того, чтобы они приобрели необходимые рыцарю навыки.

Некоторые эпизоды позволяют сделать вывод о том, что в кастильском обществе первой половины XIV в. существовал институт наследования. Так, Сифар, прежде чем отправиться в бой, попросил у сеньоры города доспехи, и она предложила ему взять доспехи своего покойного мужа. Рыцарь ответил, что сможет взять их только на время, поскольку они принадлежат к наследственному имуществу (*heredamiento*) сына сеньоры и не могут быть отданы, проданы или подарены [2, p. 54]. В другом эпизоде сеньора города согласилась выйти замуж за сына могущественного соседа, так как в этом случае ее сын получал в наследство город и все замки, которые принадлежали ее мужу [2, p. 71].

Важной категорией также была передача власти по наследству. Так, в эпизоде битвы с вражеским войском сеньора города очень переживала за ее исход, ведь в случае поражения они с сыном навсегда лишились бы наследственных прав на власть (*deseheredados*)[2, p. 64]. А предок рыцаря Сифара король Таред, который ввиду дурного образа жизни и воспитания не следовал обычаям, лишился королевского достоинства, после чего никому из рода не удалось вернуть себе королевскую власть [2, p. 36].

Институт дружбы исследователи выделяют как неформальный, функции, методы и действия которого не нашли выражения в формальных правилах [17, с. 98]. Так, дружба имеет четкое ограничение от других типов взаимоотношений, свои санкции (позитивные — улыбка, доверие; негативные — обида, ссора). Информация об идеальной дружбе содержится в примерах, рассказанных рыцарем Сифаром своей жене. Это схожие по построению со средневековыми примерами (*exempla*) вставные эпизоды с определенным сюжетом, иллюстрирующим дидактическое изречение. Друзья делятся на три типа: ложные (*de enfinta*), обычные (дословно — *medios*, друзья «наполовину»), настоящие друзья (*enteros,* «полные») [2, p. 17]. Первые дружат из-за выгоды и скрываются в беде, вторые могут предупредить о потенциальной опасности, которая может произойти, третьи всегда чувствуют опасность заранее и готовы умереть, чтобы защитить друга.

Таким образом, «Книга о рыцаре Сифаре» содержит обширную информацию как источник по социальной истории, представляя, с одной стороны, ценности, почитаемые в условиях развивающейся интеллектуальной мысли «молинизма» при королевском дворе, с другой — детали важнейших социальных процессов общества. Текст позволяет многое узнать об основных сословиях, их функциях и роли в обществе, ценностях и взаимоотношениях, о социальных институтах, а также исследовать идеальных представителей сословий согласно доминирующим идеям о морали и добродетелях.

Список источников и литературы

1. *Gómez Redondo F.* Historia de la prosa medieval castellana. 4 vols. Vol. 2. El desarrollo de los géneros. La ficción caballeresca y el orden religioso. Madrid: Cátedra. Crítica y estudios literarios, 1999. 1221–2070 p.
2. El Libro del Cauallero Zifar (El Libro del Cauallero de Dios) / Ed. by Ch. Ph. Wagner. Part I: Text. Ann Arbor: University of Michigan, 1929. 532 p.
3. Roman du chevalier Cifar [manuscript]. Paris: Biblioteca Nacional de Francia. Departamento de Manuscritos, Espagnol 36, 1301–1400. 192 h., 242 p.; 397 x 270 mm. Gallica: bibliothèque numérique de la Bibliothèque nationale de France, 2018. [Электронный ресурс]. URL: https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b10033214k.image (дата обращения: 24.09.2025).
4. El caballero Cifar [manuscript]. Madrid: Biblioteca Nacional de España. MSS/11309, entre 1400 y 1499? — 195 h., 2 col., 26–29 lín.; 290 x 210 mm. PID: bdh0000191780. Biblioteca Digital Hispánica. [Электронный ресурс]. URL: https://bdh.bne.es/bnesearch/detalle/bdh0000191780 (дата обращения: 24.09.2025).
5. Corónica del muy esforçado y esclarescido cavallero Çifar nuevamente impressa. Sevilla: Jacobo Cromberger, 1512. Факсимильное переиздание: Libro del caballero Çifar (Sevilla, Jacobo Cromberger, 1512) / Ed. de A.J. Cárdenas-Rotunno. Madrid: Biblioteca Castro, 2014.
6. *Кулаева С.Б.* Символические жесты зависимости в оформлении средневекового оммажа // Одиссей. Человек в истории. 2002. С. 151–168.
7. *Репина Л.П.* Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Кругъ, 2005. 560 с.
8. *Дюби Ж.* Трехчастная модель, или Представления средневекового общества о себе самом. М.: Языки русской культуры, 2000. 320 с.
9. *Корсунский А.Р.* История Испании XI–XIII веков (Социально-экономические отношения и политический строй Астуро-Леонского и Леоно-Кастильского королевства). Учеб. пособие. М.: Высшая школа, 1976. 239 с.

10. *Альтамира-и-Кревеа Р.* История средневековой Испании. СПб.: Евразия, 2003. 605 с.
11. *Блок М.* Феодальное общество. М.: Издательство им. Сабашниковых, 2003. 504 с.
12. История Испании. Т. 1. С древнейших времен до конца XVII века. 1-е изд. М.: Индрик, 2012. 696 с.
13. *Ауров О.В.* Город и рыцарство феодальной Кастилии: Сепульведа и Куэльяр в XIII — середине XIV века. М.: ИЦ РГГУ, 2012. 580 с.
14. *Малинин Ю.П.* Франция в эпоху позднего средневековья. Материалы научного наследия / Сост., отв. ред. М.В. Аникиев, А.Ю. Карачинский, В.В. Шишкин. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2008. 452 с.
15. *Андреев Ю.П., Коржевская Н.М., Костина Н.Б.* Социальные институты: содержание, функции, структура. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1989. 84 с.
16. *Аберкромби Н., Хилл Н., Тернер Б.С.* Социологический словарь: пер. с англ. / Под ред. С.А. Ерофеева. 2-е изд. перераб. и доп. М.: ЗАО «Издательство “Экономика”», 2004. 428 с.
17. *Щепаньский Я.* Элементарные понятия социологии. М.: Прогресс, 1969. 240 с.
18. *Рябова Т.Б.* Женщина в истории западноевропейского средневековья. Иваново: Юнона, 1999. 212 с.
19. *Гис Ф., Гис Дж.* Брак и семья в Средние века / Пер. с англ. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2002. 384 с.
20. *Воскобойников О.С.* Средневековье крупным планом. М.: Бомбора, 2022. 240 с.
21. *Гуревич А.Я.* Категории средневековой культуры. 2-е изд., испр. и доп. М.: Искусство, 1984. 350 с.
22. Словарь средневековой культуры / Под ред. А.Я. Гуревича. М.: Российская политическая энциклопедия, 2003. 632 с.

УДК: 94(450).05

Куркович М.Д.
Российский государственный гуманитарный университет,
исторический факультет, студент бакалавриата.
E-mail: m.kurkovich@yandex.ru

Взгляд флорентийского хрониста на истоки англо-французского конфликта: предыстория Столетней войны в хронике Джованни Виллани

Аннотация. В статье анализируются формы и приемы репрезентации предыстории Столетней войны в хронике Джованни Виллани. Позиция автора хроники отражает внешнеполитический курс Флорентийской республики изучаемого периода: хронист поддерживает английских монархов, а также критикует персоны французских королей и римских пап, их поддерживавших, обличая и тех и других при помощи метафорических отсылок и библейских цитат.

Ключевые слова: флорентийские хроники, Джованни Виллани, Столетняя война, Флорентийская республика, историческая антропология.

Kurkovich M.D.
Russian State University for the Humanities,
Faculty of History,
Bachelor's program, Student.

A Florentine chronicler's view of the origins of the Anglo-French conflict: the background to the Hundred Years' War in the chronicle of Giovanni Villani

Abstract. This article analyzes the forms and techniques of representing the prehistory of the Hundred Years' War in Giovanni Villani's chronicle. The chronicler's position reflects the foreign policy of the Florentine Republic: he supports the English monarchs and, using biblical quotations and references, criticizes the French kings and the popes who supported them.

Keywords: Florentine chronicles, Giovanni Villani, Hundred Years' War, Florentine Republic, historical anthropology.

Джованни Виллани — один из самых известных хронистов XIV в., современник Данте и Петрарки — описывал историю Флоренции на заре ее величия, а его труд был столь популярен среди современников и по-

томков, что авторы большинства последующих флорентийских хроник (Маркьонне ди Коппо, Доменико Буонинсеньи, Филиппо Ринуччини и другие) опирались на него в изложении более ранних событий, часто компилируя его нарратив [1, с. 520]. Известно, что Джованни Виллани родился около 1274 г. в купеческой семье и основную часть жизни занимался торгово-банковской деятельностью, с 1290-х гг. — в торговой компании Перуцци, а с 1322 г. участвовал в делах компании Буонаккорси [1, с. 520–521]. Из самой хроники известно также, что в 1303–1304 гг. и в 1306 г. он находился во Франции и Фландрии, представляя там интересы компании Перуцци [1, с. 522]. Все это оказало сильное влияние на его нарратив, о чем будет подробно сказано далее.

Наиболее интересны для нашего исследования последние (VIII–XII) книги хроники, описывающие события с 1300 по 1348 г., так как они являются самостоятельным трудом Джованни Виллани, а не компиляцией хроник предшественников [2, p. 155–164]. Поддерживая традицию, автор излагает всемирную историю, не ограничиваясь Флоренцией и событиями, связанными с родным для него городом. Особое внимание он уделяет всему происходящему на Апеннинском полуострове, в Англии и Франции, иногда упоминает о событиях в Священной Римской империи, Испании, Византии и на мусульманском Востоке.

Причины столь высокой осведомленности хрониста и особого интереса к событиям в Англии и Франции приводит Ж. Рабио: исследователь пришел к выводу, что Виллани широко пользовался связями компаний Перуцци и Буонаккорси, вел в переписку с итальянскими контрагентами, работавшими в разных странах, от которых получал подробные новости с высокой степенью достоверности [3, p. 126–129]. Наиболее подробно освещены в хронике события на севере Франции, в Англии, Фландрии (где работал и сам Виллани) и Авиньоне: основная сеть представителей итальянских торговых компаний располагалась именно в этих регионах, и они представляли непосредственный деловой интерес флорентийских торговцев и банкиров.

В рамках анализа нарратива, посвященного событиям англо-французского противостояния в хронике Джованни Виллани, важно рассмотреть отношение автора к церкви и понтификам этого периода, поскольку хронист придает большое значение событиям, связанным с политикой Папского Престола и его взаимоотношениям с Францией. Хотя папство напрямую никогда не было стороной конфликта в Столетней войне, папы периода Авиньонского пленения были тесно связаны с Французским королевством и часто непосредственно представляли его

интересы. По окончании Авиньонского пленения во время Великого раскола Западной церкви (1378–1416) римские папы поддерживали английских монархов, а авиньонские папы — французских.

Начало Авиньонскому пленению римских пап положил конфликт короля Франции Филиппа IV с папой Бонифацием VIII в 1297–1303 гг., которому Джованни Виллани уделяет большое внимание. Описанию конфликта предшествовал символический эпизод: в 1303 г. папа Бонифаций VIII якобы подарил Флоренции молодого льва, которого вскоре насмерть залягал проходивший мимо по улице осел, и в качестве комментария к этому событию хронист вспомнил пророчество Сивиллы о том, что, «когда смиренное животное покусится на царя зверей, Церковь придет в расстройство»[4, с. 276; 2, p. 26–27]. Такие символические предзнаменования в хронике предшествуют практически каждому поворотному событию. Далее хронист последовательно описывает развитие конфликта, начавшегося, по его мнению, с невыполненного обещания папы сделать императором Священной Римской империи графа Карла Валуа, родного брата французского короля Филиппа IV [4, с. 275]. После обмена угрозами между королем и папой и призывами друг к другу подчиниться Бонифаций принял решение отлучить Филиппа от церкви [4, с. 276]. В ответ король послал отряд из 300 всадников во главе с Гийомом де Ногаре и Шаррой делла Колонна в резиденцию папы в Ананьи, и те взяли понтифика в заложники. Вскоре нападавшие были вынуждены отступить (некоторые источники указывают, что Шарра делла Колонна дал папе пощечину [5, с. 153], но Виллани об этом умалчивает), а папа умер через месяц «от испытанного им поношения»[4, с. 278]. Образ папы, представляемый Джованни Виллани в главе, посвященной его смерти, довольно противоречивый: Бонифаций выступает, с одной стороны, блестящим богословом, умелым политиком, выдающимся лидером церкви, с другой — коррупционером, стремившимся к собственному обогащению и возвышению своей семьи [4, с. 279]. Однако у Виллани не вызывает сомнения легитимность Бонифация как папы римского, а его образ в целом остается положительным, особенно на фоне последующих авиньонских пап. Непогрешимость и святость папства как института Джованни Виллани четко отделяет от персональной греховности понтификов, как это можно видеть на примере Бонифация VIII, поскольку для хрониста поход французского отряда в Ананьи — наказание для папы за его личные прегрешения, а Филипп IV должен понести наказание за оскорбление «величия Божия, олицетворяемого папой на земле», а не Бонифация лично [4, с. 280].

Личность Климента V, избранного папой в 1305 г., предстает в абсолютно негативном ключе. Хронист считал сам факт его избрания заговором французского короля, заранее договорившегося с кардиналом Бертраном де Го (будущим папой) о «шести любезностях», которые тот должен был оказать Филиппу в обмен на избрание [6, p. 275–277]. Эти «любезности» сводятся к безусловному примирению Папского Престола с Францией и королем, снятию отлучения со всех участников заговора против папы Бонифация, а последний пункт намеренно опускается — король обещает напомнить о нем позже (под ним, очевидно, подразумевается переезд в Авиньон). Далее король договаривается с кардиналами. Этот эпизод подробно описан в статье С. Менаше об устной традиции в хрониках, и исследователь вполне убедительно доказывает, что сам сюжет заговора целиком является выдумкой, однако достоверно отражает слухи, ходившие в народе, и господствующие умонастроения в Италии того времени, связанные с отъездом пап из Рима [7, с. 96–97].

Стоит особо отметить главу, посвященную смерти Климента V. Якобы тот незадолго до собственной кончины узнал от чернокнижника, что его умерший племянник, которого папа ранее сделал кардиналом, уже находится в аду, и рядом с ним строится дворец для самого Климента, где и его душе предстоит мучиться за симонию [4, с. 295–296]. Вскоре, преследуемый этим видением, папа умер, а на его похоронах случился пожар и опалил его тело снизу до пояса [4, с. 296]. Здесь прослеживается явная отсылка на «Комедию» Данте (Ад, XIX). Не вызывает сомнений тот факт, что Виллани был знаком с «Комедией» [2, p. 17] и часто использовал образы, заимствованные из этого великого произведения. У Данте папы, обличенные в симонии, содержатся в третьей щели восьмого круга ада, и наказанием для них служит то, что тела их замурованы в скалу, а ступни находятся снаружи и горят в огне [8, с. 309–311].

Пожар на похоронах, о котором не упоминают иные источники [5, с. 158, 160; 9, с. 265–266], — это еще один художественный вымысел хрониста, имеющий символическое значение. Папа Николай III, с которым беседует Данте в своей «Комедии», говорит о том, что ждет здесь и папу Бонифация VIII (за которого он принимает Данте) [8, с. 313], и в особенности Климента V, о котором в переводе Г.Д. Муравьевой сказано: «С запада беззаконный пастырь, такой, что суждено ему покрыть нас обоих» [8, с. 317]. Таким образом, у Джованни Виллани легитимность как таковая Климента V и последующих авиньонских пап вызывала вопросы, однако критика хрониста, как и прежде, направлена на личности отдельных понтификов и на сам факт вмешательства французских королей в дела церкви.

Не менее важно рассмотреть подробно описанные в хронике отношения между Флорентийской республикой и Французским и Английским королевствами в первой половине XIV в. Известно, что в это время флорентийские торгово-банковские компании действовали в значительной части Западной Европы, и особенно широко их интересы были представлены в Англии и Франции [3, p. 126–129]. Купцы из Флоренции кредитовали как английских, так и французских монархов, поэтому начавшаяся Столетняя война напрямую затрагивала интересы Республики, которую в некотором смысле можно рассматривать даже в качестве стороны конфликта. В этом контексте неудивительно, что Виллани, писавший прежде всего историю своего города, так широко и подробно обращается к событиям в Англии и Франции: они входили в орбиту непосредственных интересов Флоренции.

Одним из первых событий, положивших начало расколу в отношениях Флоренции и Франции, стал поход Карла Валуа в Италию в 1301–1303 гг., завершившийся изгнанием из города партии белых гвельфов. Противостояние белых и черных гвельфов во Флоренции продолжалось с конца XIII в., так как практически сразу же после изгнания из города гибеллинов в 1266 г. начались противоречия внутри гвельфской партии. Белые гвельфы (в их числе был, например, Данте) выступали сторонниками примирения с гибеллинами и ратовали за более независимое положение Республики от политической воли папства, в то время как черные оставались более радикальными и ортодоксальными сторонниками власти пап над Италией. Перед описанием событий переворота Джованни Виллани упоминает наблюдавшуюся во всей Европе осенью 1301 г. комету Галлея, которая для хрониста символизировала начало бедствий Флоренции [4, с. 264]. Французские войска во главе с графом Карлом Валуа, братом короля Филиппа IV, призвал в Италию папа римский Бонифаций VIII, и Карл принял решение расквартировать свои силы во Флоренции, исполняя волю папы по примирению враждующих партий в Республике. По мнению Джованни Виллани, сопровождавшийся поджогами поместий противников переворот в пользу черных гвельфов случился с молчаливого согласия французского гарнизона [4, с. 264–267], не предпринимавшего никаких действий для его предотвращения. Хотя сам хронист не пострадал в результате переворота, так как принадлежал к партии черных, он негативно отнесся к произошедшим событиям и осудил вмешательство французского графа во внутренние дела Республики, которое спровоцировало обострение вражды [2, p. 15–16].

Другой современник событий, оставивший свои записи о перевороте во Флоренции, — Дино Компаньи, один из белых гвельфов, вынужденный

в 1303 г. отправиться в изгнание. Представленная им последовательность и оценка событий в целом аналогичны тем, которые дает Виллани, за исключением лишь роли французских войск. Он считал, что весь переворот случился не из-за бездействия, а по намеренному замыслу Карла Валуа, был им заранее спланирован в сговоре с черными гвельфами [10, с. 147–155].

Автор классической трехтомной монографии об истории Флоренции Дж. Каппони, знакомый с обеими указанными хрониками и широким кругом других нарративных источников, поддерживал точку зрения Виллани. Исследователь указывал на то, что инициатором примирения сторон был папа римский, которому в любом случае была невыгодна вражда флорентийских партий, обе из которых оставались его сторонниками, а сама Республика была наиболее твердой опорой гвельфов в Италии [11, p. 120–123]. В свою очередь, автор наиболее цитируемой современной истории Флоренции Дж. М. Наджеми пересказывает события 1301–1302 гг. с опорой на хронику Дино Компаньи, но не приводит в пользу достоверности заговора черных гвельфов и Карла каких-то новых аргументов из других источников [12, p. 92–93].

Основной «материальной» причиной неприязни к французским правителям для Джованни Виллани определенно являются аресты и выдворения флорентийских купцов из Франции. Несмотря на то что в конце XIII — первой половине XIV в. североитальянские купцы, известные в Европе под общим наименованием «ломбардцы», наиболее активно действовали именно во Французском королевстве (начало этому сближению еще в середине XIII в. положили знаменитые Шампанские ярмарки) [13, p. 63–80], французские короли на протяжении долгого времени подвергали их гонениям, время от времени уличая во взимании процентов с выдаваемых ссуд [13, p. 72–73]. Когда в 1291 г. произошел первый зафиксированный Джованни Виллани арест итальянских банкиров королем Филиппом IV с последующей конфискацией их активов и изгнанием [4, с. 246], в качестве обвинения им как раз было предъявлено занятие ростовщичеством. Однако глобально это не помешало развитию торговли и финансовых операций между Францией и североитальянскими компаниями. До 1330-х гг. представители Перуцци, Барди, Аччайуоли и других продолжали действовать на территории Французского королевства, часто давая займы монархам [13, p. 78–80]. По мнению Р.-А. Ботье и Ж. Ле Гоффа, во многом именно на них лежало финансирование подготовки Столетней войны Филиппом VI Валуа [13, p. 78–80; 14, с. 113].

Решающими стали упоминаемые Джованни Виллани аресты, грабежи и выдворения из страны флорентийских банкиров в 1337 и 1345 гг. [4,

с. 403, 484]. За ними последовал долгосрочный разрыв финансовых отношений между Францией и Флоренцией, отразившийся также в явных проанглийских взглядах братьев Виллани. Хронист преподносит мораль, явно намекая на будущий разгром французского монарха при Креси, как наказание за грехи: «Филипп Валуа после этого совсем утратил любовь и доверие всех граждан Флоренции, как гвельфов, так и гибеллинов, которые до этого питали привязанность к его славе, государству и французской династии. Но вскоре из-за прочих его грехов, клятвопреступлений и прочих бесчестных поступков по отношению к Святой Церкви Господь покарал его, как будет описано ниже, ибо возмездие уже ниспослано» [4, с. 484].

Одним из наиболее любопытных эпизодов, напрямую связанных с начавшейся Столетней войной, является финансовый крах Флоренции в 1340–1345 гг., который выразился в банкротстве крупнейших торгово-банковских компаний — Барди, Перуцци, Буонаккорси, Аччайуоли и других. Сам Джованни Виллани называет две причины финансового кризиса: это попытка магнатов установить в городе собственную власть путем переворота и огромные ссуды, выданные королю Эдуарду III, которые тот не вернул [4, с. 408–409, 482]. Однако в этом вопросе стоит разобраться подробнее, тем более что ему посвящена обширная историография. Широко известно, что еще с конца XIII в. флорентийские компании вели коммерческие дела в Англии [15, p. 178–179; 16, p. 151], занимаясь торговлей шерстью и выдачей мелких ссуд, однако масштаб их деятельности был довольно скромным. Резкий рост флорентийских вложений в Англии действительно связан с началом Столетней войны, так как в этот момент оборвались привычные для Флоренции связи с Францией и Фландрией [4, с. 408; 12, p. 133], и флорентийские купцы переориентировались на Англию — в первую очередь на выдачу ссуд королю. Однако выданные ссуды так и не были возвращены: на момент банкротства компаний Барди и Перуцци, по подсчетам Джованни Виллани, долг английского короля перед ними составлял 1,5 млн. флоринов, из которых 900 тыс. ссудили Барди, а 600 тыс. — Перуцци [4, с. 482]. Хронист ревностно проводит идею о том, что «лишь безумие и неразумная жажда наживы» заставили акционеров дать ссуду одному сеньору, за что они сами и поплатились [4, с. 408–409].

Однако среди исследователей уже устоялось мнение, что не возвращенные банкам Барди и Перуцци ссуды если и повлияли на финансовый кризис, то были как минимум второстепенным фактором. Не говоря о финансовых потерях во Франции, еще с середины 1330-х гг. Флоренция

увязла в затратных и разрушительных войнах с соседями. К 1338 г. несколько лет продолжалась война с Мастино делла Скала, сеньором Вероны, и к этому моменту Республика потратила более 600 тыс. флоринов на военные расходы, а долг коммуны составлял 450 тыс. флоринов [17, p. 5]. К 1341 г. ситуация только ухудшилась, когда был подписан мир с Вероной и за 250 тыс. флоринов была приобретена Лукка (за которую и шла война) [12, p. 133], в том же году началась война с Пизой, и уже через год Лукка была вновь потеряна [18, p. 95].

Все эти конфликты финансировались за счет займов у тех же флорентийских банков, что ложилось на них тяжелым бременем. Банкиры, пытаясь сохранить финансы и военные дела республики на плаву, дали коммуне дополнительный займ в 400 тыс. флоринов сверх того, что уже было [12, p. 134], однако в 1342 г. флорентийцы потерпели решающее поражение от Пизы и вынуждены были подписать позорный мир, потеряв окончательно Лукку, Ареццо, Пистойю и другие, более мелкие города. В этот момент вкладчики, осознавшие шаткость положения, потребовали вернуть свои деньги. Фактически этот момент и считается дефолтом: поскольку банки более не располагали наличными финансами; последовала многолетняя процедура банкротства.

Итак, займы Эдуарда III были лишь малой долей неприятностей, с которыми пришлось столкнуться флорентийским банкирам. Историки XIX — первой половины XX в., в том числе такие именитые исследователи, как Джино Каппони [11, p. 211–212] и Армандо Сапори [19; 20, p. LIX–LXIV], придерживались мнения, изложенного в хронике Джованни Виллани. Даже несмотря на то, что А. Сапори опубликовал счетные книги компании Барди в своей монографии [19, p. 243–281], он не решился оспорить позицию авторитетного хрониста относительно причин кризиса. Однако современные исследования эту версию пересматривают. В статье Эдвина С. Ханта пересматривается и сумма английского долга перед флорентийскими банкирами: исследователь, обработавший английские источники, снижает предполагаемую сумму с 1,5 млн. флоринов до 13 тыс. фунтов стерлингов (приблизительно 58,5 тыс. флоринов), то есть более чем на порядок [16, p. 161–162].

Наконец, остается проанализировать комментарии хрониста относительно этого события. Как уже было сказано, Виллани считал причиной банкротства чрезмерную жадность банкиров, сравнивая их с алчной волчицей [4, с. 483]. Этот образ, также заимствованный из «Комедии» Данте, встречается в первой главе поэмы, где герой поочередно видит рысь, льва и волчицу, символизирующих соответственно сластолюбие,

гордыню и алчность [8, с. 21–23]. Про волчицу Данте пишет следующие строки: «А [рядом была. — *М. К.*] волчица всей алчности, казалось, полная в своей худобе и многим людям уже загубившая жизнь. <…> И каков тот, кто наживает охотно, но приходит пора расстаться [с нажитым. — *М. К.*], и он плачет и скорбит во всех мыслях…» [8, с. 23]. За этим следует евангельская цитата, обращенная к грешникам, получившим по заслугам: «Умрете во грехе вашем» [4, с. 483]. В Евангелии от Иоанна эта фраза была произнесена Иисусом во время проповеди и обращена к неверным иудеям как увещевание следовать за ним: «Опять сказал им Иисус: Я отхожу, и будете искать Меня, и умрете во грехе вашем. Куда я иду, туда вы не можете прийти. <…> Потому Я и сказал вам, что вы умрете во грехах ваших; ибо если не уверуете, что это я, то умрете во грехах ваших» [Ин. 8:21, 24]. Таким образом, более полная евангельская цитата заставляет предположить, что хронист также сравнивает акционеров с неверными иудеями, не следовавшими за Христом. В этом контексте можно сделать вывод, что Виллани не склонен напрямую обвинять Эдуарда III в невозвращении займов, — для него банкротство Флоренции приобретает прежде всего моральную подоплеку, направленную на самих жителей Республики, что отмечали исследователи хроники [3, p. 274–277].

Подводя итог, можно сказать, что Джованни Виллани неразрывно связан с классической средневековой традицией историописания. Его повествование проникнуто глубоким символизмом и христианской моралью, и, несмотря на весьма достоверное отражение событий, мышление автора анахронично в том смысле, что, по выражению Л. Грина, «… для него смысл прошлого должен был по необходимости соответствовать религиозным и моральным предпосылкам настоящего» [2, p. 6]. Говоря об англо-французском конфликте в целом, следует подчеркнуть, что хронист, как и, видимо, большинство его соотечественников в исследуемый период, находились на стороне Эдуарда III и англичан. Французы неоднократно изгоняли и конфисковали активы флорентийских купцов, вмешивались во внутренние дела Флорентийской республики, были организаторами «Авиньонского пленения» — то есть у Джованни Виллани были вполне конкретные материальные причины для столь негативного отношения к ним.

Список источников и литературы

1. *Юсим М.А.* Джованни Виллани — первый историк Флоренции // Дж. Виллани. Новая Хроника, или История Флоренции. СПб., 2019. С. 516–533.

2. *Green L.* Chronicle into history: an essay on the interpretation of history in florentine XIV century chronicles. Cambridge, 1972. 181 p.
3. *Rabiot J.* Écrire, comprendre et expliquer l'histoire de son temps au xive siècle: Étude des livres XI à XIII de la Nuova Cronica de Giovanni Villani. Montpellier, 2018. 488 p.
4. *Виллани Дж.* Новая Хроника, или История Флоренции / Пер., статья, прим. М.А. Юсима. СПб., 2019. 615 с.
5. *Гергей Е.* История папства / Пер. с венгр. М., 1996. 463 с.
6. Cronica di Giovanni Villani a miglior lezione ridotta coll'aiuto de' testi a penna con appendici storico-geografici compilate da Franc. G. Dragomanni. Vol. 2. Firenze, 1845. 464 p.
7. *Менаше С.* Устная традиция в хрониках: тексты и исторические контексты // Одиссей. Человек в истории. 2008: Script/Oralia: взаимодействие устной и письменной традиций в Средние века и раннее Новое время. 2008. С. 81–104.
8. *Данте Алигьери*. Божественная комедия. Ад / Пер. с ит. и примеч. Г. . Муравьевой. М., 2021. 608 с.
9. *Норвич Дж.* История папства / Пер. с англ. А.В. Короленкова и Е.А. Семеновой. М., 2014. 606 с.
10. *Компаньи Д.* Хроника событий, случившихся в его время / Пер. с итал., статья, прим. М.А. Юсима. М., 2015. 304 с.
11. *Capponi G.* Storia della repubblica di Firenze. Vol. 1. Firenze, 1876. XXIII. 667 p.
12. *Najemy J.M.* A history of Florence 1300–1575. Singapore, 2006. 515 p.
13. *Bautier R.-H.* Le marchand lombard en France aux XIIIe et XIV siècles // Le marchand de Moyen Age: XIXe congrès de la Société des historiens médiévistes de l'enseignement supérieur public. Reims, juin, 1988. Paris: S.H.M.E.S., 1992. P. 63–80.
14. *Ле Гофф Ж.* Средневековье и деньги: очерк исторической антропологии / Пер. с франц. М.Ю. Некрасова. СПб., 2015. 224 с.
15. *Britnell R.H.* England and Northern Italy in the early fourteenth century: the economic contracts // Transactions of the Royal historical society. Fifth series. No. 39. 1989. P. 167–183.
16. *Hunt E.S.* A New Look at the Dealings of the Bardi and Peruzzi with Edward III // The journal of Economic History, Vol. 50/ Issue 1. 1990. P. 149–162.
17. *Brucker G.A.* Florentine politics and society. 1343–1378. Princeton, 1962. 342 p.
18. *Luzzati M.* Firenze e la Toscana nel medioevo. Torino, 1986. 273 p.
19. *Sapori A.* La crisi delle compagnie mercantili dei Bardi e dei Peruzzi. Firenze, 1926. 303 p.
20. *Sapori A.* Merchants and companies in ancient Florence. Florence, 1955. CX. 31 p.

УДК 94(36)

Чернявская В.В.
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
исторический факультет, студентка магистратуры.
E-mail: wildanddangerouscamel@gmail.com

Гунны, венгры и австрийцы: создание нарратива об образовании государств в Центральной Европе эпохи раннего Средневековья в сочинении «Австрия» Иоганна Куспиниана

Аннотация. В статье рассмотрен исторический труд австрийского гуманиста Иоганна Куспиниана под названием «Австрия». В тексте анализируются примеры использования событий раннего Средневековья V–X вв., изложенных в «Песни о Нибелунгах», в качестве обоснования претензий династии Габсбургов на венгерскую корону.

Ключевые слова: Австрия, монархия Габсбургов, гуманизм, хроники, теория гуннского родства, «Песнь о Нибелунгах».

Chernyavskaya V.V.
Lomonosov Moscow State University,
Faculty of History, Master's Program, Student.
E-mail: wildanddangerouscamel@gmail.com

The Hunns, the Hungarians and the Austrians: the making of the narrative about the creation of the early medieval Central European states in Johannes Cuspinianus's "Austria"

Abstract. The article is dedicated to the historical work "Austria" by the Austrian humanist Johannes Cuspinianus. The study is focused on multiple events and historical figures from Central European political history as presented in the Nibelungenlied that the humanist utilizes in order to build a narrative in which the Habsburg's claim for the Hungarian throne might be justified.

Keywords: Austria, the Habsburg monarchy, Humanism, chronicles, theories of the Hunnic heritage, the Nibelungenlied

В августе 1526 г. произошла битва при Мохаче, кардинально изменившая судьбу целого ряда государств Центральной Европы. В особенности это событие затронуло династию Габсбургов, которые, будучи

активными участниками боевых действий против турок на протяжении веков, приняли участие в борьбе за оставшиеся незанятыми турками территории Венгерского и Чешского королевств. Примечательна реакция ректора Венского университета и по совместительству придворного и дипломата на службе двора Габсбургов в Вене Иоганна Куспиниана (1473–1529) на сложившиеся обстоятельства: в 1527–1528 гг. он написал труд, посвященный истории и географии Австрии [1, s. 250]. Одной из причин, по которой этому гуманисту понадобилось внезапно (на деле, конечно, не совсем, ведь он годами до этого работал над изданием целого ряда баварских и австрийских хроник, в том числе авторства Оттона Фрейзингенского) обратиться к австрийской истории, стал тот факт, что в результате событий 1527 г. династия Габсбургов столкнулась с тем, что под ее властью оказались королевские короны, по статусу превосходящие корону (или же шапку, так как титул — эрцгерцог) их наследных земель. Имеются в виду короны святого Иштвана и святого Вацлава, связанные с многовековыми политическими традициями, в отличие от австрийской короны, чей статус был легально закреплен только в 1453 г. императором Фридрихом III Габсбургом.

К этой проблеме Куспиниан подошел в соответствии с традициями средневекового историописания и тенденциями гуманистической литературы: он обратился к различным «древностям», связанным с историей Австрии, Чехии и Венгрии, а затем из них начал выбирать исторические сюжеты разной степени достоверности, чтобы построить новый нарратив о роли австрийских правителей в судьбах соседних государств. Один небольшой (относительно остальных аспектов австрийской, чешской и венгерской истории) фрагмент относится к сюжетам из истории гуннского, аварского и венгерского нашествий в Центральную Европу. Чрезвычайно поверхностное упоминание этого периода истории позволило Куспиниану сделать определенное заявление о роли венгерских соседей в истории своего региона.

Пример таких попыток «возвыситься» на фоне соседей в австрийской истории уже был. Так, в середине XIV в. на фоне окончательного выхода Австрии из-под политического влияния Баварского герцогства по приказу герцога Рудольфа IV (1358–1365 гг. — правление в качестве герцога Австрии) был создан сборник грамот, в историографию вошедший под названиями Freiheitsbriefe и Privilegium Maius («Грамоты о вольностях» и «Большая привилегия» соответственно). Часть этих грамот была, скорее всего, поддельной, часть — измененные подлинники, однако всех их объединял общий замысел: конструирование прошлого на основе

источников предшествующих веков [2, с. 113]. Иоганн Куспиниан при написании «Австрии» также неоднократно обращался к текстам «Привилегии» и приводил полные тексты некоторых грамот, в особенности тех, которые после 1358–1359 гг., когда был издан сборник грамот, стали связывать со становлением титула эрцгерцога, а также с появлением его инсигний и отдельных привилегий эрцгерцога и членов его семьи. Однако Куспиниану пришлось иметь дело с куда более обширным списком задач, а не только с необходимостью утверждения политического авторитета Австрии на фоне бывшего сюзерена. Вопросы, связанные с историей возникновения современных ему Австрии, Венгрии и Чехии, заинтересовали венского гуманиста наряду с сюжетами об австрийской или общей для всей Германии историей.

Интересным примером взгляда на эту самую историю с «германской» стороны является сюжет «Песни о Нибелунгах», а именно — история Этцеля, короля гуннов, его брата Бледеля и вассала по имени Рюдигер из Бехеларна. Лежащий в основе поэмы XII–XIII вв. мифологический сюжет встречался также в исторических сочинениях Средневековья, и «Австрия» 1527–1528 гг. не стала исключением, в связи с чем стоит обратить внимание на то, как Куспиниан задействовал вышеупомянутых персонажей.

В историографии сравнения мифологических сюжетов в художественной и исторической литературе не являются новым направлением; в контексте той же «Песни о Нибелунгах» существует ряд работ, содержащих анализ отдельных сюжетов из поэмы и сопоставления их с событиями политической истории в период создания текста [3, s. 18]. Понять, откуда берется сюжет о короле Этцеле, нетрудно — достаточно вспомнить историю нашествий кочевников в Центральную Европу в период раннего Средневековья, начавшуюся с натиска гуннов в V в. н. э. Далее современные описанным ниже событиям или более поздние источники позволили историкам установить следующее: граница Баварии с востока проходила примерно по реке Энс в VIII в. вплоть до успешного похода Карла Великого против аваров в 791 г. С тех пор граница продвинулась на восток не далее Рабы в Паннонии. В X в. на арену исторических событий выступили венгры, и в исторической памяти они закрепились после неудачной для баварского маркграфа битвы при Пресбурге в 907 г., множественных разорительных походов по Центральной и Западной Европе и битвы при Лехе в 955 г., когда венгерским нашествиям в германские земли был положен конец [3, s. 19]. Но то почерпнет из историографии современный ученый, а гуманист Куспиниан об этих событиях писал сле-

дующее: «Хорошо известно, что Австрия управлялась маркграфами в то время, когда венгры свирепствовали по всей Германии, пришедшие с Меотийских болот в Скифии в поисках новой стоянки, после того как были изгнаны авары, которых также называют гуннами. С ними [аварами или гуннами. — *Прим. пер.*] Карл Великий впоследствии вел тяжелейшую войну, которую, между прочим, помнят по названию Аварской» (“Hoc plane constat, Austriam esse per Marchiones gubernatam, ea tempestate qua Ungari saeviebant per totam Germaniam, a palude Maeotide in Scythia egressi, novas quarentes sedes, expulsis Avaribus, qui et Hunni dicuntur: cum quibus Carolus Magnus postea bellum gessit gravissimum, quod inter cetera commemoratur Avaricum dictum”) [4, p. 594]. Примечательно, что гуманист поместил отправную точку австрийской истории до того момента, когда у венгров были отвоеваны земли, впоследствии ставшие Восточной Маркой, то есть в эпоху венгерских нашествий, что является попыткой сделать австрийскую историю более древней, чем было на самом деле. Также роль баварских маркграфов в образовании Марки не отмечена, что в очередной раз подчеркивает (в рамках нарратива, созданного Куспинианом) независимость Австрии и Баварии. Кроме того, он отождествил гуннов и аваров, что могло быть почерпнуто им из германской средневековой литературы.

Особым образом показаны отношения между гуннами и венграми. Мы знаем, что Куспиниан в своих изысканиях обращался к трудам Яноша Туроци, венгерского гуманиста и историка [1, s. 306]. У Туроци в его «Венгерской хронике» представлена идея гуннско-венгерского родства, корнями восходящая к средневековой венгерской хронистике — например, к трудам некого Магистра П., известного также как Аноним [5]. Осторожное замечание Анонима о том, что Паннония была землей Аттилы по слухам, впоследствии переросло в полноценную теорию гуннского родства у таких авторов, как Янош Туроци. Аналогичные идеи прослеживались и в германской хронистике (это даже позволяет предположить, что подобные идеи были характерны не только для венгерской литературы), где некоторые топонимы Венгрии этимологически связываются с именем Аттилы. Например, Арнольд Любекский, лично ходивший в Третий Крестовый поход вместе с императором Фридрихом I Барбароссой, вместе с войском крестоносцев прошел через Венгрию и впоследствии писал о некоем «городе Аттилы», к которому направлялся император [6, p. 171]. Иоганн Куспиниан же разделяет гуннов и венгров, когда пишет, что те были изгнаны и что венгры пришли уже после этого.

Куспиниан привел также специфическую версию возникновения Буды. Об этом городе он писал: «…ее вернее было бы звать Бледа, по

имени брата Аттилы, который ее основал» (“…quae rectius Bleda, de Attilae fratris nomine, qui eam condidit, vocitaretur”) [4, p. 594]. История брата Аттилы Бледы (или Бледеля, как его имя пишется в «Песни о Нибелунгах») в том или ином виде вошла в средневековую литературу, будь то хроники или героический эпос, но отождествление имени брата Аттилы с названием Буды является, скорее всего, штампом из венгерской литературы. Впрочем, в отличие от Яноша Туроци, Куспиниан явно не спешил обозначать роль Аттилы в истории Венгрии, не называя его напрямую «первым королем венгров», в отличие от своих венгерских источников. О городе написано также следующее: «Когда они были разбиты, [он] преследовал аваров вплоть до Буды <…> главного города королевства» (“Ipsisque caesis ad Budam usque <…> metropolim regni Avares est persecutus”) [4, p. 594].

Показывая масштаб побед Карла Великого над аварами, Куспиниан отмечает, что тот преследовал аваров вплоть до их столицы, которую он отождествляет, очевидно, с современным ему центром Венгерского королевства вплоть до внешнеполитических катастроф 1526–1527 гг. Даже в таком относительно небольшом сюжете содержится намек на то, какую роль в истории Венгрии Куспиниан отводит германским королям и императорам: «как богобоязненный князь, в честь пресвятой Девы соорудил первый храм в Венгрии, который и по сей день стоит» (“ut religiosus princeps, in honore dive Virginis templum construxit primum in Hungaria, quod hodie extat”) [4, p. 594].

Христианизация как способ распространения влияния германских монархов на Венгрию — сюжет, который многократно встречается в «Австрии», так как Куспиниан стремился подчеркнуть важность участия если не австрийских, то, по крайней мере, германских правителей во внутренних делах Венгрии, а в данном примере некоторые важнейшие венгерские «места памяти» как будто хронологически отделяются от самих венгров. Тогда же в «Австрии» появляется заявление о том, что в Паннонии ведущую роль до определенного момента играли авары. Он писал: «В то время жил в мощнейшей крепости вождь аваров» (“habitabat tum fortissimam arcem Avarum Princeps”) [4, p. 594]. Эта крепость в «Австрии» названа «Авар», и, как отмечено в маргиналиях, венгры называли эту крепость «Овар», а германцы — «Альтенбург», что является переводом с венгерского языка, так как по-венгерски название крепости означает «Старая крепость». Так, сопоставляя названия и связывая их при помощи ложной этимологии, Куспиниан попытался представить более древними, чем это было на самом деле, некоторые топонимы Венгрии, вменяя их появление

в «заслугу» другим народам. Такого нарратива текст «Австрии» придерживается при любом упоминании венгерского народа.

О начале австрийской истории Куспиниан писал, избегая упоминания о битве при Лехе и ее значении для образования отдельных восточных земель в Германии. Вряд ли это было вызвано невежеством, так как сам Куспиниан был знаком с трудами своего старшего современника Ладислава Сюнтайма (Сунтхайма), написавшего так называемые Клостернойбургские таблицы (Tabulae Closterneuburgensis). Среди этих «таблиц» свое место нашло и подробное описание битвы при реке Лех, с которой Куспиниан, скорее всего, ознакомился [1, s. 246].

Про установление власти маркграфов в областях, на которые нападали венгры, Куспиниан написал следующее: «Таким образом, в то же время для этого региона были назначены маркграфы, которые сдерживали венгерские набеги, после смерти Карла» (“sic sunt tum Marchiones huic impositi regioni, qui arcerent Hungaros incursitantes, post obitum Caroli”) [4, p. 594]. Он определил, таким образом, момент основания Восточной Марки (которую он всегда называл Австрией) после смерти Карла Великого, но точно, как он сам указывал, «при императорах Арнульфе, Людовике, Конраде и Генрихе». Однако, писал гуманист, имена этих маркграфов по неизвестным причинам до потомков не дошли, и самый ранний из маркграфов, которого ему удалось найти, это Рюдигер из Бехеларна. Сам он писал: «Я обнаружил, что некий, при императоре Генрихе Первом, Рюдингер из Пехларна, маркграф Австрии, умер, не оставив потомства» (“Unum invenio, sub Heinrico I. Imperatore, Rudingerum de Pechlaren Marchionem Austriae sine sobole decessisse”) [4, p. 594]. В том, что этот маркграф является персонажем «Песни о Нибелунгах», а не его случайным тезкой, сомневаться практически не приходится, так как все попытки историков разыскать исторический прототип Рюдигера из Бехеларна, который обладал бы тем же именем и титулом, так и не увенчались успехом [3, s. 24]. Кроме того, упоминание этого персонажа в качестве первого правителя (или одного из предшественников Леопольда I Бабенберга) являлось достаточно устойчивой традицией в австрийской исторической литературе с XIII в. [7, s. 243].

За предшественниками последовал австрийский хронист Томас Эбендорфер (1388–1464), с трудами которого также ознакомился Иоганн Куспиниан [1, s. 298]. Эбендорфер писал о начале правления Бабенбергов в Австрии следующее: «Леопольд, герцог Швабии <…> был произведен в маркграфы Австрии. <…> И начал править в Австрии после смерти Рюдигера из Преклары, маркграфа Австрии, который по происхождению

был готом» (“Leopoldus dux Sueviae <…> in marchionem Austriae creatus est. <…> Et incepit regnare Austriam post mortem Rudigeri de Praeclara marchionis Austriae, qui fuit genere Gothus”) [7, s. 243]. Опирался он при этом на уже существующую традицию, как отметил автор статьи, ссылка на которую приведена выше.

В исторической памяти к началу написания «Хроники» Томаса Эбендорфера и «Австрии» Куспиниана была устоявшаяся традиция начинать отсчет правителей Австрии от Рюдигера из Бехеларна (название «Преклара» является попыткой найти происхождение названия топонима в латинском языке). Как и предшественник, Куспиниан отнес жизнь и правление маркграфа Рюдигера ко времени Генриха I Птицелова (германский король в 919–936 гг.), что предшествует образованию (по крайней мере, первому упоминанию в документах) Австрии. Кроме того, заметна попытка создать нечто вроде нового «места памяти» для австрийцев, более древнего, чем город Вена. Бехеларн, где правил мифический Рюдигер, сопоставляется в «Австрии» с городом Пёхларн, по ряду теорий действительно превосходящий Вену по древности образования [3, s. 23]. Этот город в самом начале «Австрии» также упомянут в перечне знаменитых австрийских городов (или вообще свободных городов, подвластных Габсбургам) наряду с Зальцбургом, Веной, Кремсом, Линцем [4, p. 587].

Подобные попытки продлить в глубь веков происхождение городов можно заметить во многих гуманистических сочинениях. Задумка автора в данном случае весьма очевидна: он подчеркивает, что правители Австрии уже правили городами в Центральной Европе к моменту, когда венгры только начали оседать в Паннонии. Если все же венгерские города на самом деле основаны гуннами (они же авары; так или иначе, линию преемственности между ними и венграми гуманист не провел) и венгры только заняли старые крепости, а у австрийских маркграфов (пусть и названных в литературе вассалами Этцеля-Аттилы) в регионе уже были собственные владения, то это позволило бы поставить вопрос о справедливости притязаний австрийских правителей на венгерские территории.

Таким образом, Иоганн Куспиниан пытался полемизировать с венгерскими авторами, возводившими политическую историю своего королевства к временам гуннских и аварских нашествий и пытающихся выстроить линию преемственности королевской власти от гуннского вождя Аттилы. При этом, используя отдельные памятники прошлого, Куспиниан углублял историю Австрии вплоть до начала венгерских набегов на территорию Германии, вместо того чтобы вести ее от эпохи, начавшейся после победы баварцев при Лехе. С одной стороны, это было спо-

собом абстрагироваться от баварской истории, с другой — продемонстрировать, сколь справедливы были претензии Габсбургов на корону святого Иштвана, и для этого Куспиниан был готов апеллировать к истории территориальных завоеваний раннего Средневековья. При этом сюжеты, являющиеся переработанными мифологическими основами «Песни о Нибелунгах», призваны не только подчеркнуть роль венгров как пришлых в Центральную Европу кочевников, но и поставить их монархов на один уровень с австрийскими, если не ниже.

Список источников и литературы

1. *Ankwicz-Kleehoven H.* Der Wiener Humanist Johannes Cuspinian: Gelehrter und Diplomat zur Zeit Kaiser Maximilians I. Graz-Köln, 1959. 344 s.
2. *Бойцов М.А.* Юный герцог и Юлий Цезарь. Конструирование полезного прошлого в Австрии XIV века // Бог, Рим, народ в средневековой Европе. М., 2021. С. 88–164.
3. *Kunstmann H.* Baiern, Ungarn und die Nibelungen // Zeitschrift für Balkanologie. Wiesbaden, 2007. Bd. 43. S. 18–40.
4. *Johannis Cuspiniani*, viri clarissimi, Divi quondam Maximiliani imperatoris a consiliis, et Oratoris, de Consilibus Romanorum Commentarii, ex optimis vetustissimisque authoribus collecti. Basilea, 1553. 725 p.
5. P. magistri, qui Anonymus dicitur, Gesta Hungarorum / Ed. A. Jakubovich. Annotationes exegeticas adiecit D. Pais // Scriptores rerum Hungaricarum tempore ducum regumque stirpis Arpadianae gestarum. Edendo operi praefuit E. Szentpétery. Vol. I. Budapest, 1937. P. 13–117.
6. Arnoldi abbatis Lubecensis Chronica / Ed. I.M. Lappenberg // Monumenta Germaniae Historica. Scriptorum. Hannover, 1869. Vol. 21. P. 100–250.
7. *Waitz G.* Die Anfänge der Mark Oesterreich und der angebliche Markgraf Rüdiger von Pechlarn // Jahrbücher des Deutschen Reiches unter König Heinrich I. Neue Bearbeitung. Berlin, 1863. S. 243–247.

УДК: 94(430).03

Кравченко К.И.
Санкт-Петербургский государственный университет,
Институт истории, студент магистратуры.
E-mail: constinfinite@yandex.ru; st096401@student.spbu.ru

Бременская делегация на синоде реформатских церквей в Дордрехте (1618–1619): проблема двойного предопределения

Аннотация. В статье рассматриваются позиции делегатов Бремена на синоде реформатских церквей в Дордрехте (1618–1619). Автором предпринимается попытка определить значение Бремена в развитии спора о двойном предопределении и влиянии теологии города на итоговые постановления синода.

Ключевые слова: Дордрехтский синод, кальвинизм, Бремен, Людвиг Кроций, двойное предопределение.

Kravchenko K.I.
Saint Petersburg State University,
Institute of History, Magister's program, Student.
E-mail: constinfinite@yandex.ru; st096401@student.spbu.ru

The Bremen delegation to the Synod of Reformed Churches in Dordrecht (1618–1619): the problem of double predestination

Abstract. The article examines the positions of Bremen's delegates at the Synod of Reformed Churches in Dort (1618–1619). The author attempts to determine the importance of Bremen in the development of the dispute over double predestination and the influence of the city's theology on the final decisions of the synod.

Keywords: Synod of Dort, Calvinism, Bremen, Ludwig Crocius, double predestination.

До 1580-х гг. споры, возникавшие между лютеранскими и кальвинистскими теологами, касались учения о Вечере Господней, не связанного с предопределением. Однако к концу XVI в. этот спор дошёл до логического завершения, когда обе церкви, наконец, утвердили свои доктрины по данному вопросу и компромисс уже казался невозможным. После этого кальвинистские теологи оказались перед необходимостью определить

свою позицию по отношению к новому спорному догмату. Ведь учение Кальвина, у которого предопределение играло не самую важную роль, было дополнено его учеником Теодором де Безом.

В 1590-е гг. учение о предопределении становилось всё более распространенным и всё больше признавалось немецкими кальвинистами. Уже к рубежу веков почти все учителя местных реформатских церквей стали в той или иной степени сторонниками этого учения. То же самое наблюдалось и в северонемецком Бремене. Кристоф Пецель, суперинтендант города в 1584–1604 гг., ранее избегавший обсуждения догмата о предопределении, был вынужден изложить его подробно в Согласии Бременской церкви (1595). В начале XVII в. его преемники Мартиний, Кроций, Пиерий признали доктрину неотъемлемой частью истинного реформатского учения.

Исследователи единодушны во мнении, что Бремен к началу XVII в. воспринимался соседями как город, в котором установилось реформатское вероучение (О. Веек, В. Фон Биппен, О. Рудлоф). С другой стороны, менее известно, как проявилось участие Бремена в Дордрехтском синоде 1618–1619 гг. и какие последствия оно имело для развития города.

Данный сюжет попал в поле зрения исследователей в конце XIX в. Историк и пастор И.Ф. Икен [1] в одной из своих статей из цикла по истории кальвинизма в Бремене обратился к учению о двойном предопределении — ключевому вопросу, который обсуждался в ходе «национального синода». Он выступил с критикой положений немецкого исследователя И. Кольмана, который ранее заключил, что Бремен от Дордрехта ничего не принял и его участие в синоде никак на него не повлияло [1, s. 61]. С этого момента исследователи кальвинизма в Бремене признают если не «решающую роль», то «значительное влияние» теологии города на принятие умеренных положений на заключительных этапах Дордрехта. После этого тематика развития реформатской теологии в Бремене изредка мелькала на страницах смежных исследований. Например, К. Вольф обратился к переписке К. Пецеля с Иоганном VI Нассау-Дилленбургским [2], при дворе которого реформатор некоторое время работал после своего изгнания из Виттенберга в 1574 г. Следующим учение о двойном предопределении в трактатах Пецеля рассмотрел Ю. Мольтман [3, s. 149–152]. Впрочем, хронологические рамки его работы ограничены временем, когда К. Пецель был суперинтендантом города, поэтому синод автором не рассматривается. Дальнейшие исследования были нацелены на изучение событий, ставших поводом для созыва синода.

Нидерландский исследователь Й. ван Дорен [4] рассмотрел некоторые вопросы, которые рассматривались в Дордрехте. Сравнитель-

ный анализ конфессиональных воззрений некоторых делегаций провёл У. Рекс [5]. В начале XXI в. нидерландский историк Л. Ван Сантен отверг предположение соотечественника В. Янсе о том, что приглашение Бремена на синод 1618–1619 гг. соответствовало только заключённому между Республикой Соединённых провинций и Бременом торговому договору: он считал его «слишком узким примером тезиса о связи между экономикой и церковью» [6, s. 73]. Ван Сантен признавал особую роль бременских делегатов во время многочисленных сессий синода. Д. Синнема в последние годы принимает активное участие в публикации документов Дордрехтского синода [7], в том числе связанных с деятельностью иностранных делегаций. Но общих и содержательных работ о бременских теологах в Дордрехте всё ещё нет.

В настоящей статье мы попытаемся определить роль бременских теологов в развитии спора о двойном предопределении, а также их влияние на итоговые постановления синода.

Важно отметить заметное укрепление связей города с Нидерландами при Пецеле и после его смерти в 1604 г. С 1600 г. при содействии суперинтенданта в Бремене использовался Гейдельбергский катехизис. В Нидерландах он вместе с Бельгийским исповеданием (Confessio Belgica, 1561), также применялся в церквях и школах с 1580-х гг. О. Веек пишет, что «этот исповедальный документ Реформатской церкви <…> как никакой другой символ объединял разделенные географически и национально реформатские церкви» [8, s. 65–66].

В это же время в Республике Соединённых провинций разгорелся спор о доктрине предопределения, расколовший местных теологов на два лагеря. Враждующие стороны получили названия в соответствии с фамилиями их лидеров: арминиане, или ремонстранты, и гомаристы, или контраремонстранты. Первые выступали за условное предопределение, основанное на предвидении Богом человеческой веры и неверия, а вторые отстаивали дополненное де Безом учение о безусловном предопределении и полной суверенности Бога в спасении человека. Гомаристы в дальнейшем разделились: некоторые придерживались супралапсарианства (Бог предопределил спасение и осуждение ещё до акта грехопадения как цель творения), тогда как другие — инфралапсарианства (Бог предопределил спасение и осуждение уже после того, как в Своём предвидении допустил грехопадение). Арминиане же отвергали оба варианта, утверждая, что спасение основано на предвидении Богом веры и неверия человека в ответ на благодать; их попытки обвинить Гомара и его сторонников в супралапсарианстве не увенчались успехом. Разрешить

длительный спор должен был синод реформатских церквей в Дордрехте, открытие которого было назначено на 1 мая 1618 г.

Магистрат Бремена должен был прислать на синод трёх или четырёх подходящих для этого людей — «мужей порядочных, не превзойдённых в учении и добродетели» [1, s. 18–21]. Д. Синнема приводит краткое содержание проекта ответа магистрата на приглашение Морица Оранского: «Городской совет Бремена выражает свою радость по поводу созыва синода, поскольку до этого они [члены совета. — *К. К.*] сожалели о кризисе, происходящем в Нидерландах. В соответствии с просьбой Генеральных штатов он направляет Матиаса Мартиния, Генриха Иссельбурга и Людвига Кроция» [7, p. 699–700]. Отметим, что городской совет Бремена не мог быть рад приглашению в Дордрехт от «всех чинов соединённых провинций Бельгии»[1], поскольку оно могло привести к серьёзным последствиям — лишившись статуса «родственного члена Аугсбургского исповедания», Бремен мог потерять защиту, данную Аугсбургским религиозным миром. Тревогу бургомистра также вызывали возможный разрыв с ганзейскими городами Гамбургом и Любеком, отделение от окружного совета Нижней Саксонии и вражда с лютеранским архиепископом Бремена, который имел сторонников в городе.

После прибытия 6 декабря 1618 г. делегации ремонстрантов началась дискуссия по поводу двойного предопределения. Бременцы, как и другие иностранные делегаты, не принимали особого участия в начавшихся переговорах [1, s. 27–28]. Уже 14 января 1619 г. синод предписал ремонстрантам покинуть зал заседания и ожидать решения в доме, где они проживали, не покидая города. Итог оставшихся заседаний был предрешён. Ф. Икен пишет: «На следующий день Людвиг Кроций из Бремена выступил и открыто заявил, что председатель синода был слишком жесток, что ему не хватило благоразумия, что со всей общиной не посоветовались, как следовало бы, и что лучше было бы руководствоваться любовью и миром, чем ненавистью и страстью» [1, s. 28–30]. В дальнейших заседаниях каждый из бременских делегатов смог высказать собственную точку зрения по дискуссионных вопросам, из-за чего возникали непредвиденные руководством синода споры.

---

[1] В оригинале: “Ordines generales unitarium provinciarum Belgicarum”. Средневековое название «Нидерланды», как и латинское название «Бельгия» (от Белгика), использовалось и Республикой Соединённых провинций, и южными провинциями, которые остались подданными Испанской короны.

Мартиний, которому, видимо, были близки идеи Арминия, 22 января схлестнулся в споре с Гомаром по поводу одного из положений ремонстрантов: можно ли назвать Христа основанием избрания? К изумлению многих, он начал развивать совершенно отличную от общепринятых взглядов де Беза и Гомара теорию. Христос, заявил он, был не только исполнителем готовых решений, но и фактическим автором спасения [1, s. 30–32] и умер за всех. Едва он закончил говорить, как Гомар вскочил и заявил, что обязательно разберётся с такой ересью. Председатель синода попытался вмешаться и положить конец компрометирующей сцене, что ему и удалось сделать после нескольких обменов репликами с Гомаром. Однако после заключительной молитвы тот снова бросился на бременского делегата, пока его не остановили свидетели конфликта.

Но не только Гомар был расстроен словами Мартиния. Внезапно выяснилось, что между самими делегатами существуют глубокие разногласия [1, s. 30–32]. В спор вмешался епископ Джордж Карлетон, епископ Чичестера, один из делегатов от Английского королевства. Англичанам, обходившим стороной любые обсуждения доктрины, которые могли нанести ущерб их собственной доктрине, нужны были союзники. Епископ стремился выбрать средний путь, не супралапсарианскую, а инфралапсарианскую доктрину[2]: не вечный суд Божий, а только человеческое грехопадение должно быть установлено в качестве отправной точки избрания [1, s. 32–33].

На шестьдесят седьмом заседании снова начались разногласия. Мартиний вновь заявил, что «Христос умер не только за избранных, но за всех» [1, s. 32–33]. Однако спор не получил дальнейшего развития. Когда общие устные обсуждения привели к более благоприятному для всех результату, было решено, что каждая коллегия, состоящая из местных жителей и иноземных делегатов, должна высказать своё мнение по всем пяти статьям ремонстрантов. Мартиния избрали в комиссию по опровержению статей ремонстрантов, где он меньше всего мог навредить, но рядом с ним были люди, поддерживающие супралапсарианский взгляд. Видимо, общее настроение всё больше склонялось в сторону инфралапсарианства, радикальные мнения уступили место более умеренным, а репутация Гомара была подорвана, и он с обидой смотрел на английско-

[2] Супралапсарианская позиция заключалась в строгом разграничении избранных и отверженных людей: Христос умер только за избранных. Инфралапсариане полагали, что искупительная жертва Христа распространяется на всех.

го епископа, с мнением которого пришлось считаться: сам король Яков I ранее указал Морицу Оранскому на необходимость созыва национального синода. Мартиний также сопротивлялся общему раздражению против ремонстрантов. Хотя он поддерживал связи с арминианами — например, с теологом Конрадом Ворстиусом, который в одном из писем в январе 1619 г. благодарил за «мягкое суждение Мартиния» о нём и просил передать ему приветствие [1, s. 33–37], но не разделял их доктрину в частном порядке и был твёрд по отношению к ремонстрантам даже во время подписания постановлений, противоречащих его взглядам.

Чуть позже Мартиний сказал одному знакомому: «Нас предали председатель и его помощники, которые считают синод своим собственным. Я больше никогда в жизни не хочу посещать синод. О, Дордрехт, если бы я не видел тебя!» [1, s. 33–37]. Он жаловался, что ему угрожали, если он будет продолжать потакать ремонстрантам и выступать против ортодоксально-кальвинистской догмы; на него написали донос в городской совет Бремена, в котором пригрозили неприятными последствиями. В письмах к нему граф Вильгельм фон Нассау посоветовал быть «осторожным в своих действиях, чтобы не впасть в немилость» [1, s. 33–37]. Было понятно, что после синода Мартиний перестанет пользоваться популярностью в Бремене.

Джон Хейлс (1584–1656), отправленный в Дордрехт в качестве секретаря Дадли Карлетона, английского посла в Гааге, двоюродного брата епископа Джорджа, был сторонним наблюдателем, предоставившим ценные сведения с заседаний синода. В письме от 16 января 1619 г. он сообщил, что некоторые иностранные богословы (из Бремена, Гессена и Англии) были возмущены действиями председателя Богермана [6, s. 76–77]. В документах от 19 февраля довольно сухо говорилось о том, что состоялись переговоры между бременскими богословами и местными профессорами. Затем каждый из трёх бременских профессоров прочитал подробную лекцию по соответствующим вопросам на некоторых из последующих регулярных заседаний, чего смогли добиться лишь немногие иностранцы [1, p. 37–38].

7 марта Мартиний, Иссельбург и Кроций зачитали своё заключение по первой статье ремонстрантов, посвящённой предопределению и отвержению, не уступающее по строгости изложения остальным. Как и у себя дома, в Бремене, они исповедовали, что «вечное избрание по благодати, согласно которому Бог решил одних из падшего человечества спасти и оставить других на погибель, не является следствием человеческого поведения, веры и упорства в вере, но, наоборот, всё хорошее

является следствием избрания. Бог также даёт им знать об их избрании через Святой Дух» [1, p. 38–41].

Особенность догматики Бремена более заметно проявляется в ответе на вторую статью, которая дышит филиппистским духом: бременцы, составив сразу три разных текста, высказались в пользу так называемого универсализма, а не партикуляризма благодати. По мнению Мартиния, составившего наиболее лаконичную версию, Христос, в принципе, умер за всех, даже за проклятых; он провёл черту между благодатью для всех и благодатью для избранных. Относительно третьей и четвёртой статей (о свободной воле) бременцы выступили 15 марта 1619 г. с общим заключением: «Дело Божье изначально действует на всех <…> но решающим образом (как specialis illuminatio) — только на избранных» [1, p. 38–41]. Ответ на пятую статью (может ли возрожденный человек когда-либо снова отпасть от благодати, даже если он согрешит), зачитанный 19 марта, также был общим и составленным полностью в духе Кальвина: делегаты Бремена поддержали выдвинутый теологом тезис о стойкости святых. Заметим, что пассажи из отчётов бременских делегатов повторяют положения Согласия Бременской церкви [9, p. 68]. «Кроций, — писал Л. Ван Сантен, — хотя и был противником Арминия, хотел уравновесить резкую антиремонстрантскую полемику и таким образом следовал конфиденциальному указанию Бременского совета» [6, p. 74].

По всей видимости, позицию Кроция нужно было разъяснить тем, кто не понимал, что он представлял течение «примирительного богословия», но не раскольническую партию ремонстрантов [6, p. 75–76]. На восемьдесят пятом заседании синода (19 февраля 1619 г.), гейдельбергский надворный проповедник Авраам Скультет (1566–1625) в крайне жёстких выражениях обвинил Кроция во внедрении иезуитской теологии. Теолог вышел из себя и на сто двадцать третьем заседании (20 марта 1619 г.) попытался нейтрализовать нападки, которые сыпались на него со всех сторон, «яростно раскритиковав социниан и ремонстрантов» [6, p. 78–79]. В одном из писем некий свидетель-ремонстрант писал, что у него сложилось впечатление, будто Кроций своим яростным тоном хотел компенсировать умеренную позицию остальных бременцев. Отметим, что в этой речи Кроций не пощадил даже отсутствующего Симона Episcopius, главного богослова и защитника от арминиан: в одной из его последних работ, заявил он, «в седьмом тезисе двадцать второго диспута содержится столько же слов, сколько и ошибок» [6, p. 80–81]. Уязвлённый Episcopius потребовал письменно объяснить выступления против него бременского делегата; встревоженный Кроций был вынужден отступить и извинить-

ся, обвинив некоторых оппонентов в подстрекательстве. Уступки можно объяснить стремлением теолога занимать на синоде миротворческую и умеренную позицию в соответствии с указаниями городского совета и бургомистра Бремена. В городе в это время было неспокойно.

Исследователь У. Рекс предоставил важные тезисы делегатов из опубликованных на французском языке постановлений синода. Анализируя понимание жертвы Христа из отчёта бременцев, он привёл слова Генриха Иссельбурга: «Достоинство и добродетель страстей, смерти и заслуг Христа настолько велики, что они сами по себе и по своей природе достаточны для того, чтобы искупить все грехи всех людей и даровать всем и каждому примирение с Богом, благодать, справедливость и вечную жизнь» [5, p. 83]. Матиас Мартиний же заявил: «В Боге есть некая общая привязанность к человечеству, благодаря которой он возлюбил весь падший род и милосердно желает спасения всех людей» [5, p. 84]. И мнение Людвига Кроция по этому вопросу: «Не только цель и намерение Бога-Отца, предать Сына Своего на смерть, но и Сын, претерпев смерть, должен был принять эту драгоценную смерть и страсти за всех людей и за каждого из них, чтобы они примирились с Богом и получили отпущение грехов, если покаются и если уверуют во Христа» [5, p. 84]. Очевиден умеренный курс в отношении предопределения, который отстаивали делегаты Бремена: в основном благодаря их усилиям синод не выбрал крайний, супралапсарианский вариант доктрины предопределения [10, p. XVIII–XIX].

Очень деликатным был вопрос о предопределении детей, умерших в младенчестве, поэтому он был затронут не всеми делегатами синода. Однако те, кто высказался, придерживались мнения, что предопределение касается и маленьких детей. Бремен по этому поводу заявил: «Несомненно, они избраны и спасены» [11, p. 572]. Однако различные делегации выразили расхождение во мнениях относительно того, что значит быть «избранным во Христе»[3]. Бремен поддержал мнение, что постановление об избрании было сделано во Христе как Посреднике и Искупителе [12, p. 127].

Уже 24 апреля 1619 г. делегатам был представлен отрицательный вердикт синода в отношении ремонстрантов, которых обозначили как

---

[3] Послание к Ефесянам 1:4 гласит: «Так как Он избрал нас в Нём прежде создания мира, чтобы мы были святы и непорочны пред Ним в любви». Цитата даётся по Синодальному переводу.

«мятежников против отечества и Республики» [6, p. 83]. Мартиний и Иссельбург сочти текст слишком суровым, а Кроций попросил копию документа и время для рассмотрения вопроса ввиду его важности. В этом он последовал за англичанами и гессенцами, которые также воздержались от голосования. «Англия и Гессен, как и Бремен, — позже заявил теолог, — постарались предотвратить раскол на синоде, отвергнув жёсткие взгляды на предопределение и отвержение одновременно с ошибками ремонстрантов» [6, p. 83]. После ответа на пять статей ремонстрантов каждая делегация должна была зачитать подготовленное заранее суждение о них и их взглядах. Так, женевцы не постеснялись открыто обвинить их в ереси. Бремен и в этом случае проявил свою умеренную позицию. Воздержавшись от советов и упрёков, делегаты подчеркнули, что их в этом вопросе касается только божественная истина, но волнует и мир в Республике Соединённых провинций.

После того как все тексты были зачитаны, специальная комиссия взяла на себя задачу извлечь из экспертных мнений общие каноны. В итоговом постановлении Синода утвердилось мнение инфралапсариев [сторонников Гомара, но в более умеренной форме. — *К. К.*] и тем самым была сохранена возможность гибкого отношения к доктрине. Затем последовало «отвержение ошибок» (rejectio errorum): арминианские предложения должны были быть осуждены. Внезапно для руководства синода бременцы внесли предложение осудить и радикальную супралапсарианскую позицию, поддержанное англичанами и гессенцами; швейцарская делегация заявила, что «Бремен теперь показал своё истинное лицо» [1, p. 41–43]. Естественно, такое выступление не могло закончиться удачно. Неудачей также обернулась попытка Мартиния, Иссельбурга и Кроция препятствовать принятию «Суждения о ремонстрантах», объявлявших сторонников Арминия еретиками. После этого были зачитаны вновь введённые в силу Бельгийское исповедание и Гейдельбергский катехизис, а председатель синода начал подготовку к его закрытию. «Заключительное заседание, — писал Икен, — состоялось 9 мая 1619 г. Долгий и ответственный труд подошел к концу. Генеральные штаты <…> в знак благодарности подарили каждому из иноземных делегатов ожерелье с монетой стоимостью 200 гульденов. Даже если вся эта затея обошлась маленькому государству в миллион гульденов, цель была достигнута. Правящие политическая и церковная партии укрепились и нашли неоценимую поддержку в лице иноземных делегатов» [1, p. 41–43]. Синод был важным средством укрепления международного положения Нидерландов, в том числе благодаря поддержке английского короля [4, p. 146].

Каждый из установленных канонов был подписан всеми членами национального синода. Они были торжественно провозглашены 6 мая, а 9 мая, синод был закрыт. 13 мая синод был вновь открыт без иноземных делегатов, и ряд вопросов повестки дня был рассмотрен довольно быстро (или Post-Acta) [1, p. 41–43]. 29 мая 1619 г. синод — после 154 заседаний — был закрыт уже окончательно, 2 июля Генеральные штаты утвердили отчёты заседаний, после чего были приняты некоторые меры против пасторов-ремонстрантов — более 200 из них лишились своих должностей [4, s. 146], а 80 отказавшихся и особенно радикальных — изгнаны за пределы республики [13, s. 481].

Отметим, что в мае 1619 г. Генеральные штаты написали магистрату Бремена письмо, в котором выразили благодарность за работу трёх бременских делегатов — они назвали их «истинно верующими и верными религии» [9, s. 68–69]. Голландцы теперь получили право наставлять бременскую церковь, если она отклонялась от принятых постановлений. Однако, как заметил Ф. Икен, члены городского совета и Министерия не были связаны постановлениями Дордрехтского синода, даже если они были подписаны бременскими депутатами. Тем не менее они оказали влияние на Бременскую церковь и иногда признавались обязательными в законах Министерия.

Перечислим эти постановления Дордрехтского синода.

Канон первый (полная человеческая греховность). «Согласно Своему вечному постановлению, Бог побуждает сердца избранных к вере, а не избранных оставляет в их нечестии по Своему праведному суду. Избрание происходит не на основании заранее данной веры, а как избрание по вере» [4, s. 145].

Канон второй (безусловное избрание). «Все истинно верующие, искупленные и сохранённые от греха и погибели через смерть Христа, пользуются этим благом, которое дано им от вечности, исключительно по милости Божией, которой Он никому не обязан» [4, s. 145].

Канон третий (ограниченное искупление) и **канон четвёртый** (непреодолимая благодать). «Вина за то, что многие, призванные проповедью Евангелия, не приходят и не обращаются, лежит на них самих. То, что другие приходят и обращаются, не является заслугой этих людей, но должно быть приписано одному Богу» [4, s. 145].

Канон пятый (стойкость святых). «Бог не отнимает Святого Духа у Своих, даже если они падают, и не позволяет им пасть так низко, что они потеряют благодать призвания и состояние оправдания. Через Святой Дух Он пробуждает в них уверенность в стойкости» [4, s. 145].

Приглашение делегатов от Бремена на национальный синод в Дордрехте свидетельствует о качественном изменении в отношениях с Нидерландами как о результате деятельности суперинтенданта Пецеля. Умеренный путь, избранный делегатами от Бремена, воспринимался более радикальными руководителями синода (председателем синода Иоганном Богерманом и Франциском Гомаром) как отступление от «ортодоксального» понимания кальвинистской доктрины и повод для обвинения делегатов в заблуждениях. Однако стоит заметить, что сама супралапсарианская позиция Гомара объявлялась ремонстрантами «неортодоксальной», поскольку была сформулирована после смерти Жана Кальвина. Ожесточённость споров можно объяснить политическими мотивами: борьбой статхаудера Морица Оранского против неугодной ему оппозиции, несколько представителей которой были казнены сразу же после закрытия синода. Бременцам при поддержке более умеренных делегаций — английской и гессенской — удалось несколько смягчить радикальный тон итоговых постановлений синода. Но и переоценивать значение города на нём, говорить о «решающем значении Бремена» не стоит. Главное, что на основании подписания Бременом актов синода в 1619 г. город можно считать кальвинистским не только фактически, но и юридически.

Список источников и литературы

1. *Iken J.F. B*remen und die Synode zu Dordrecht // Bremisches Jahrbuch. Bd. 10. Bremen: C. Ed. Müller, 1878. S. 11–83.
2. *Wolf K.* Aus dem Briefwechsel Christoph Pezels mit Graf Johann dem Älteren von Nassau-Dillenburg // Archiv für Reformationsgeschichte. Bd. 34. Leipzig: M. Heinsius Nachfolger, 1937. S. 177–262.
3. *Moltmann J.* Christoph Pezel (1539–1604) und der Calvinismus in Bremen // Hospitium Ecclesiae. Bd. 2. Bremen, 1958. S. 1–198.
4. *Dooren J. van.* Dordrechter Synode (1618/19) // Theologische Realenzyklopädie. Bd. 9. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1982. S. 140–147.
5. *Rex W.* Essays on Pierre Bayle and Religious Controversy. The Hague: Martinius Nijhoff, 1965. 271 p.
6. *Santen L. van.* Bremen als Brennpunkt reformierter Irenik. Eine sozialgeschichtliche Darstellung anhand der Biografie des Theologen Ludwig Crocius (1586–1655). Leiden; Boston: Brill, 2014. 447 s.
7. *Sinnema D., Moser C., Boer E.A. de, Selderhuis H.J.* The Convening of the Synod of Dordt. Acta et Documenta Synodi Nationalis Dordrechtanae. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2022. 539 p.

8. *Veeck O.* Geschichte der Reformierten Kirche Bremens. Bremen: Winter, 1909. 319 s.
9. *Hoenderdaal G.J.* Arminius/Arminianismus // Theologische Realenzyklopädie. Bd. 4. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1979. S. 63–69.
10. *Leeuwen T.M. van.* Introduction: Arminius, Arminianism, and Europe // Arminius, Arminianism, and Europe, Jacobus Arminius (1559/60–1609). Leiden; Boston: Brill, 2009. P. IX-3.
11. *Rouwendal P.* The Doctrine of Predestination in Reformed Orthodoxy // A Companion to Reformed Orthodoxy. Leiden; Boston: Brill, 2013. 271 p.
12. *Sinnema D.* The Doctrine of Election at the Synod of Dordt (1618–1619) // The Doctrine of Election in Reformed Perspective. Historical and Theological Investigations of the Synod of Dordt 1618–1619. Vol. 51. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2019. P. 115–137.
13. *Augustijn C.* Niederlande // Theologische Realenzyklopädie. Bd. 24. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1994. S. 474–502.

УДК-94(430)

Папагригориу А.Г.
Санкт-Петербургский государственный университет,
Институт истории, студент бакалавриата.
E-mail: st128674@student.spbu.ru

Профессия палача в Германии раннего нового времени: дневник майстера Франца из Нюрнберга

Аннотация. В статье рассматривается процесс становления института профессиональных карателей в Германии XVI–XVII вв. Автор анализирует дневник нюрнбергского палача Франца Шмидта, чтобы выяснить его отношение к своей профессии, а также определить статус палача в имперском городе раннего Нового времени, особенности его обучения и обязанностей.

Ключевые слова: Германия, Нюрнберг, раннее Новое время, палач, Франц Шмидт.

Papagrigoriu A.G.
St. Petersburg University, Institute of History,
Bachelor's Program, Student.
E-mail: st128674@student.spbu.ru

The Executioner's Profession in Early Modern Germany: The Diary of Master Franz of Nuremberg

Abstract. This article examines the development of the institution of professional executioners in Germany from the 16th to the 17th centuries. The author analyzes the diary of Nuremberg executioner Franz Schmidt, explores his attitude toward his profession, and defines the status of the executioner in the early modern imperial city, as well as the specifics of his training and duties.

Keywords: Judicial system, executioners, early modern time, Franz Shmidt.

В человеческом обществе насилие всегда играло важную роль. В Европе классического средневековья правосудие в большинстве случаев осуществлялось господином — или держателем — земли, исполнителями наказания могли быть случайные люди. Но в позднее Средневековье и раннее Новое время королевская власть начинает возвращать себе монополию на насилие, в этот период создаётся государственная машина наказания, которая стремится систематизировать все отношения своих граждан, в том числе отношения со смертью. Это выливается в процесс

формирования институтов, осуществляющих правосудие, одним из которых были палачи.

Исследование правовых систем с историко-антропологической точки зрения стало волновать зарубежных и отечественных исследователей относительно недавно. Одним из первых эту тему затронул Мишель Фуко. В своей работе «Надзирать и Наказывать» [1] он рассматривает применение насилия в качестве средства контроля за гражданами посредством запугивания. Российский историк А.Я. Гуревич рассматривал казнь как в первую очередь ритуальное действие, в котором страшная казнь совмещается с чувством общественного единения, исходящего из противопоставления себя преступнику [2]. О.И. Тогоева в работе «Истинная правда: Языки средневекового правосудия» [3] изучает поведение преступника в тюрьме и во время судебного процесса, а также символику казни.

Однако наиболее подробно проблематикой становления системы наказания в Священной Римской империи XVI–XVII вв. в настоящее время занимается американский историк Джоэль Френсис Харрингтон, автор монографии «Праведный палач. Жизнь, смерть, честь и позор в XVI веке» [4], посвящённой анализу жизни и деятельности палачей на примере Франца Шмидта. Тем не менее в биографии Шмидта остается еще немало лакун, в отечественной историографии фигура нюрнбергского палача и его сочинение до настоящего времени не привлекали внимание исследователей.

В данной статье мы попытаемся реконструировать биографию Франца Шмидта из Нюрнберга, показать, как он выбрал профессию, проанализировать его обязанности, повседневную жизнь и статус, его отношение к казнённым.

Нашим главным источником стал дневник майстера Франца, который он вёл на протяжении своей карьеры в Нюрнберге. Дневник существовал в рукописных копиях и впервые был издан на немецком языке в 1801 г. Иоганном Мартином Фридрихом фон Эндтером в Нюрнберге [5].

Франц Шмидт — уроженец Хофа, сын лесоруба Генриха Шмидта. Его детство выпало на период второй маркграфской войны, в ходе которой при осаде Хофа, подконтрольного Альбрехту Алкивиаду II, маркграфу Бранденбург-Кульмбахскому из династии Гогенцоллернов, жители перестали ожидать подкрепления и сдались. Когда же Альбрехт приехал, жители вышли встречать своего господина, но захватчики, повторно взяв Хоф, вынудили маркграфа бежать [6, s. 138]. После всех этих событий жители города возненавидели своего прежнего сюзерена.

Ненависть семьи Шмидтов имела более глубокие корни. Во время возвращения Альбрехта в Хоф в 1553 г. маркграф арестовал трёх человек, которые, по его мнению, собирались совершить на него покушение. Для казни был необходим палач, но штатного палача Хоф не мог себе позволить. Поэтому Альбрехт по древнему обычаю повелел привести приговор в исполнение случайному зрителю [4, с. 54]. Исполнителем столь недостойного для благоверного христианина дела оказался Генрих, и после этого он и вся его семья утратили возможность заниматься любым ремеслом, кроме исполнения казней. Выбор пал на Генриха, поскольку его зять Петер Бергнер случайно убил человека в ходе самообороны от собаки; хотя Петера и не судили, клеймо позора на нём и всех его родственниках осталось. Вероятно, именно это обстоятельство послужило поводом для Альбрехта, поскольку в этом случае выбор мог показаться не столь жестоким в глазах окружающих.

Генрих до 12 июня 1572 г. проработал в Хофе на Альбрехта, а затем и на его двоюродного брата Георга Фридриха. В 1572 г. Генрих переехал со своей семьёй в Бамберг. Отсутствие старых связей могло помочь если не выбраться из этого ремесла Генриху, то хотя бы дать возможность выбраться его сыну. Также важно отметить, что Шмидты были протестантами, но это не имело никакого значения для работодателей Генриха, несмотря на открытую поддержку архиепископством Контрреформации [4, с. 60].

Информации о детстве Франца крайне мало, судить о нём мы можем только по его воспоминаниям, в остальном вынуждены полагаться на собственные интерпретации. Логично предположить, что изоляция Шмидтов в Хофе сделала детство Франца одиноким. Он получил образование на дому, так как многие родители были против обучения своих детей вместе с сыном палача. Он выучился письму, однако стиль письма был ближе к разговорному.

Поскольку сыну палача было запрещено обучаться любому другому ремеслу, Франц с детства готовился стать палачом. На первых порах он выполнял подсобные работы: чистил меч и ухаживал за пыточным оборудованием отца, собирал и подготавливал приспособления для публичных казней (кандалы, верёвки, дрова), приносил еду и питьё отцу и его помощникам и, возможно, даже помогал убирать тела и головы казнённых преступников [4, с. 83–84]. Позже он стал помогать и на выездных казнях по всей Франконии. Поскольку в обязанности палача входили оценка способности допрашиваемого выдержать пытки, а также практика работы с трупами или людьми в близком к смерти состоянии, пала-

чи часто занимались врачеванием, поэтому Франц обучался в том числе и навыкам целителя.

Единственная дата за первые пять лет, которую Франц Шмидт вспомнит, когда начнёт вести свой дневник, это 5 июня 1573 г. — дата его первой казни. В деревне Штайны он повесил Линхардта Русса из Цайерна. Франц справился со своей задачей без каких-либо явных ошибок [5, p. 3], однако запись о ней появилась лишь спустя пять лет, что заставляет задуматься о том, насколько в действительности казнь прошла успешно. Хотя если учесть, что позже Франц получил нотариально заверенный сертификат "Meisterbrief" [4, с. 91], подтверждающий овладение ремеслом, вполне вероятно, что он справился без грубых ошибок.

В том же году Франц произвёл первую казнь колесованием. В городе Кронах он казнил Бартеля Дохендте и его сообщников, однако он никак не выделил в дневнике этот новый профессиональный опыт [5, p. 3]. Это может быть связано с тем, что эмоционально напряжённая казнь далась молодому Шмидту довольно тяжело, либо же дневник изначально писался с целью оправдать себя и свой род, и именно поэтому акцента на одной из самых жестоких казней нет. Однако особое внимание в своём дневнике Шмидт уделил седьмой казни колесованием Клауса Ренкхарта из Файлсдорфа осенью 1574 г. в деревне Грайц. Возможно, молодой палач акцентировал внимание на этой казни потому, что провёл с Ренкхартом последний час его жизни, что ввиду крайней жестокости казни могло оставить след. Важно отметить, что, пока Шмидт был подмастерьем, он либо делал краткую запись о казни, либо сосредотачивался на преступлениях и зверствах, совершённых преступником [5, s. 4].

Франц Шмидт должен был понимать, что одной квалификации недостаточно и что ему необходимы полезные знакомства. Однако он предпочитал связи с юристами, нежели с коллегами, что обусловлено уважением к первым. Представляется, что одной из причин создания дневника могла стать работа над имиджем. Свои перемещения между деревнями и городами Франц, скорее всего, совершал пешком, а значит, ему часто встречались не только купцы и странствующие ремесленники, но также бродяги и разбойники [4, с. 101]. При всём разнообразии людей на дороге палачи в это время всё ещё обладали статусом, равным актёрам и акробатам.

Стремление Франца Шмидта повысить свой социальный статус стало главной целью его жизни. Это видно из нежелания контактировать с коллегами даже в период, когда в любой другой коллектив его бы не приняли. Также немалую роль играет отказ от алкоголя, который он, судя по всему, действительно соблюдал [4, с. 105], что было крайней редко-

стью в XVI в. в условиях сложности дезинфекции воды. Такой отказ был на пользу его стремлению выделиться, так как в средневековой Европе бытовал стереотип о чрезмерно пьющих палачах ввиду их маргинального статуса [7, с. 128].

Однако работа палача — это не только казни, но и пытки, причём они составляли большую часть его работы. В качестве инструмента допроса палачи старались применять пытки по минимуму. Франц Шмидт, будучи подмастерьем, не оставил записей о своём методе допроса, но, скорее всего, он был похож на тот, к которому Франц позднее прибегал в Нюрнберге [4, с. 110]. Инструкции палача содержат указание, в течение какого времени следует применять насилие, — это «милосердие» было обусловлено целью получить информацию, не убивая допрашиваемого [3, с. 42], но в случае с Францем Шмидтом можно предположить, что посредством такой сдержанности на допросах он зарабатывал себе имидж не только профессионала, но и благочестивого гражданина. Как он относился к роли профессионального мучителя, сказать сложно, но известно, что всю самую грубую и жестокую работу поручали подмастерьям; следовательно, будучи подмастерьем, он наверняка совершал чрезмерное насилие, что могло стать причиной отсутствия статистики пыток в дневнике [4, с. 116].

В то же время Франц Шмидт не считал телесные наказания несправедливыми или неэффективными. На его взгляд, публичная порка была весьма эффективной мерой, а свои действия он считал справедливыми, поскольку для получения телесного наказания надо было дойти до последней стадии суда, а значит, такие подсудимые были непременно виновны [4, с. 117]. В его практике был случай ложного обвинения, но Франц счёл его единичным среди множества приговоров.

Важным событием в жизни Франца Шмидта стало его утверждение на должности палача в Нюрнберге. Этой должности пытался добиться ещё его отец, но её занял Линхардт Липперт, который через год женился на служанке из городского совета. Это была сестра Франца Кунигунда. В 1675 г. Липперт сильно пострадал при падении и предложил в качестве замены своего зятя Франца Шмидта, которого взяли помощником на неопределённый срок. Первое повешение в Нюрнберге удостоится строчки в дневнике [5, s. 6]. 25 апреля 1578 г. Липперт сообщил, что слишком болен, чтобы дальше занимать свою должность, и её передали Францу Шмидту из Хофа, что также отмечено отдельной строкой [5, s. 8].

Финансовой стабильности майстер Франц добился довольно быстро. По первому договору он получал еженедельное жалованье 2,5 гульдена,

надбавку в 1 талер за каждый допрос, просторное жильё и пожизненное освобождение от уплаты налогов [4, с. 170]. В период с 1579 по 1584 г. он регулярно подавал прошения на повышение жалованья, но получал только разовые выплаты. Однако в 1584 г. добился гарантии пожизненного трудоустройства с повышенным жалованьем, пообещав больше не просить увеличить жалованье, что и соблюдал в течении следующих 34 лет [4, с. 220]. Это были весьма впечатляющие условия даже для рядового бюргера, но финансовое благополучие ещё не делало его уважаемым членом общества.

Вскоре после вступления в должность в Нюрнберге Франц Шмидт познакомился с Марией Бекин, на которой женился 7 декабря 1579 г. Марии было 33 года, ходили слухи о её связях с кем-то из Хофа — все эти факторы могли послужить дополнительной причиной выбора нюрнбергского палача, поскольку женщину с такими данными никто не стал бы рассматривать в качестве спутницы жизни. В 1581 г. у пары родился сын Вит. Мальчика сразу же крестили в церкви Святого Зебальда, благодаря чему Франц снискал большое уважение в Нюрнберге, поскольку это было крайне нетипично для детей палачей. В 1582 г. родилась дочь Маргарита, в 1584 г. — сын Йорг.

Майстер Франц поддерживал профессиональные отношения со своими коллегами — судебными приставами Августином Амманом и сменившим его в 1590 г. Клаусом Колером [4, с. 175]. Они занимались транспортировкой осужденных, административной работой, а также помогали при пытках. В записи 16 августа 1597 г. Шмидт противопоставляет себя предыдущим палачам Нюрнберга, относившимся к приставам как к слугам, указывая на свои партнёрские отношения с работниками [5, s. 70]. Хуже дела обстояли с тюремными надзирателями, так как их набирали из простолюдинов и плохо оплачивали их труд, что приводило к их высокой коррумпированности. Чаще всего Франц контактировал с начальником тюрьмы («Ямы») Гансом Олером, поскольку все процедуры дознания проходили именно в «Яме». О некомпетентности работников тюрем свидетельствуют регулярные побеги (например, побег Ганса Райтана в ночь на 20 июня 1578 г.), самоубийства и драки заключённых [4, с. 179].

В 1585 г. майстеру Францу пришлось колесовать собственного зятя Фридриха Вернера [5, s. 24]. Нельзя сказать, что это было каким-то страшным событием для Франца, он описывает его так же, как и все остальные, перечисляя преступления «бедного грешника». Для личного имиджа эта казнь даже была плюсом, поскольку родственник-преступник создавал плохую репутацию для всей семьи, чего Франц стремился не допускать.

Высшей точкой социальных достижений за 20 лет жизни в Нюрнберге стало получение гражданства 14 июля 1593 г. Принципиальным было создание прецедента обретения гражданства палачом. Мотивом подачи прошения о гражданстве было обеспечение возможности выбора профессии детям.

Со временем записи в дневнике усложняются, Франц Шмидт начинает искать причины преступлений [4, с. 223]. В его мировоззрении грех и преступление остаются следствиями характера и личности, а не влияния дьявола на преступника. Он считал, что человек сам виноват в совершении греха, поскольку волен выбирать свой путь, но за грех следует наказание. Палач сочувствует грешнику, потому что единственная возможность для него добиться рая — это раскаяние и мученическая смерть, которые могут позволить отпустить грехи. Сама идея казни подразумевала ритуал, максимально исключающий преступника из общества, но одновременно провоцирующий сострадание к осуждённому, который в случае «достойного» поведения становился симпатичен публике [8, с. 18].

В 1600-х гг. Франц всё реже выезжал на заказы из Нюрнберга, а после 1611 г. ни разу не совершил казнь за пределами города [4, с. 335]. Признаком заката его карьеры послужила неудачная казнь Элизабет Мехтлин в 1611 г., во время которой он был вынужден сделать три удара мечом [5, s. 179–180]. Франц Шмидт проработал ещё почти три года. Последней казнью стало сожжение фальшивомонетчика Карла Ламбрехта в 1617 г. Майстеру было поручено облегчить смерть осужденному, но, к сожалению, удушить или ускорить процесс сожжения не удалось, и казнь проходила мучительно [4, с. 338]. Хотя запись в дневнике не свидетельствует о каких-либо ошибках при исполнении [5, s. 126], власти Нюрнберга сочли очередной провал за неспособность исполнять свои обязанности. Франц Шмидт исполнил порку через три недели после инцидента и провёл последнюю экзекуцию 8 января 1618 г., но уже 13 июля того же года Линхард Паумайстер сообщил, что Шмидт слишком слаб, чтобы осуществить казнь.

Совет Нюрнберга нанял Бернхарда Шлегеля из Амберга. Замена оказалась крайне неудачной, поскольку Бернхард, судя по частым просьбам о единовременных выплатах, очень много выпивал и играл в азартные игры. Об этом также свидетельствует конфликт с советом Нюрнберга после пьяной драки Шлегеля в фехтовальной школе, после чего отцы города потребовали, чтобы «он вёл себя более сдержанно и не участвовал в выпивках горожан в тавернах» [4, с. 341].

После отставки у Франца Шмидта было множество конфликтов с его преемником, в первую очередь из-за предоставляемого палачу жилья. Городской совет жаловал новому палачу жильё Франца, но при условии, что тому дадут время на поиск жилья и переезд, но он затягивался, тогда как Шлегель в этот момент проживал в бывшем чумном бараке. В 1625 г. в связи с опустошением, вызванным событиями Тридцатилетней войны и последовавшими за ними эпидемией и наплывом беженцев, начался жилищный кризис, и власти Нюрнберга всё-таки переселили Шлегеля из барака в дом палача, хотя Шмидт протестовал, апеллируя к тому, что дом был ему обещан пожизненно [4, с. 343]. В итоге Шмидта переселили на Обер-Вердштрассе в 1626 г.

Главным достижением всей жизни для Шмидта стало официальное восстановление чести семьи в 1624 г. Он написал императору Фердинанду II письмо с прошением [4, с. 345]. Оригинал письма до нас не дошёл, но сохранился ответ, из которого можно восстановить, что майстер Франц апеллировал к несправедливости, по которой оказался палачом, к ведению практики целителя на протяжении всей карьеры, к своему благочестию, подкреплённому рекомендацией городского совета. Письмо было отправлено 9 июня 1624 г., а ответ получен через три месяца. Ответ удовлетворил прошение Франца, тем самым была достигнута цель, поставленная ещё Генрихом Шмидтом.

Дети Франца Шмидта, несмотря на все достижения отца, не смогли реализоваться в жизни. Овдовевшая Розин неудачно вышла замуж и оказалась в тюрьме, а её муж скрылся из Нюрнберга. Другая дочь Шмидта Мария вышла замуж за актёра Ганса Аммона, который умер через 19 дней после свадьбы. Сын Франца Стефан из-за двойственности своего положения остался в подмастерьях без имущества. Младший сын Франценханс вслед за отцом продолжил практику целителя, однако не смог позволить себе образование врача и был вынужден ограничиться лечением поверхностных ран.

В начале 1630-х Нюрнберг столкнулся с несколькими эпидемиями чумы, в результате которой 13 июня 1634 г. скончался 80-летний Франц Шмидт. Во всех официальных записях о его смерти он значился как «Достопочтенный Франц Шмидт, целитель, с Обер-Вердштрассе», без упоминания его бесславной профессии [4, с. 335].

В целом можно сказать, что Франц Шмидт стал примером идеального палача, которым хотели обладать власти любого города. Однако он был уникальным случаем, появившимся в результате ряда обстоятельств и фанатичного стремления снять позор со своей семьи, что ему и удалось

достичь. К сожалению для Франца, его род прервался на его же детях, поэтому создать династию лекарей Шмидтов не получилось. И всё-таки этот прецедент позволил позже другим палачам оставить свою профессию.

Список источников и литературы

1. *Фуко М.* Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы / Пер. с франц. В. Наумова; под ред. И. Борисовой. М.: Ad Marginem, 1999. 480 с.
2. *Гуревич А.Я.* Категории средневековой культуры. М.: Искусство, 1984. 350 с.
3. *Тогоева О.И.* Истинная правда: языки средневекового правосудия. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: АСТ; Времена, 2022. 400 с.
4. *Харрингтон Д.* Праведный палач. Жизнь, смерть, честь и позор в XVI веке / Пер. Т. Раков. М.: Альпина Нон Фикшен, 2020. 438 с.
5. Meister Frantzen Nachrichter alhier in Nürnberg, all sein Richten am Leben, so wohl seine Leibs Straffen, so Er ver Richt, alles hierin Ordentlich beschrieben, aus seinem selbst eigenen Buch abgeschrieben worden / Hrsg. von J. M. F. v. Endter. Nürnberg, 1801. 184 s.
6. *Heilmann J.* Kriegsgeschichte von Bayern, Franken, Pfalz und Schwaben von 1506 bis 1651. Bd 1. München, 1868. VIII/ 406 s.
7. *Истилеева А.Б.* Маргинальные субкультуры западноевропейского Средневековья // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2010. № 4 (25). С. 127–132.
8. *Вилкова С.М.* Казнь цюрихского бургомистра Ганса Вальдмана в контексте социально-политической жизни позднего Средневековья // Вестник ННГУ. 2018. № 6. С. 443–451.

УДК 94(430).04

Козлова Д.И.
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
исторический факультет, аспирант.
E-mail: darya.koslova@mail.ru

Реформа образования в Ангальт-Кётене: влияние культурной пропаганды на становление княжеского абсолютизма в начале XVII в.

Аннотация. В статье рассматривается реформа школьного образования и анализируется её значение как инструмента культурной пропаганды, направленного на укрепление княжеской власти в Ангальт-Кётене. Основным источником исследования является не так давно введённая в научный оборот переписка правителя княжества Ангальт-Кётен Людвига I и педагога Вольфганга Ратке.

Ключевые слова: Германия, культурная пропаганда, образование, абсолютизм.

Kozlova D.I.
Lomonosov Moscow State University,
Faculty of History, PhD student.
E-mail: darya.koslova@mail.ru

Educational reform in Anhalt-Köthen: the influence of cultural propaganda on the development of princely absolutism at the beginning of the XVII century

Abstract. The article examines the school education reform and analyzes its significance as a tool of cultural propaganda aimed at strengthening the princely power in Anhalt-Köthen. The main source of the study is the recently published correspondence between the ruler of the Principality of Anhalt-Köthen, Ludwig I, and the educator Wolfgang Ratke.

Keywords: Germany, cultural propaganda, education, absolutism.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25–18–00108 «Метаморфозы политической пропаганды в Западной Европе и Северной Америке (XVII — начало XIX в.)», https://rscf.ru/project/25–18–00108/

Начало XVII в. было ознаменовано усилением противоречий внутри Священной Римской империи, на которые особое воздействие оказывал конфессиональный раскол [1; 2]. Протестантские государства стремились отстоять свои права на политическую и религиозную свободу, заключив в 1608 г. военный союз — Евангелическую унию [3, с. 3–21; 4, с. 51; 5]. В то же время лютеранским и кальвинистским правителям было необходимо создавать и внутри собственных земель надежную опору власти. Один из правителей небольшого немецкого княжества Ангальт, разделённого на пять частей [6], князь Людвиг I Ангальт-Кётенский (1579–1650), который с целью укрепления политического и социального фундамента вёл активную культурную политику, в первую очередь пытался реформировать школьную систему. Для этого он пригласил одного из ведущих педагогов протестантской Германии — Вольфганга Ратке (1571–1635). Цель данной статьи — выяснить, как проходила реформа школьного образования по проекту Ратке в Кётене в 1618–1623 гг. и объяснить её роль как инструмента культурной пропаганды в становлении княжеского абсолютизма.

В первой четверти XVII в. Вольфганг Ратке получил известность в кругах немецкой протестантской элиты благодаря своему так называемому дидактическому методу, основой которого было изучение родного языка и преподавание предметов, направленное на понимание, а не зубрежку материала [7, p. 3–8]. Его взгляды оказались созвучны представлениям о необходимости школьной реформы князя Людвига, который задумал основать на свои средства государственную школу для жителей Кётена, чтобы она могла служить примером для реформирования остальных учебных заведений [8, p. 171–173]. Такая идея возникла во время путешествия князя по Европе, во время которого он посетил ряд учебных заведений начального и высшего образования и обратил внимание на их наиболее явные недостатки [9, p. 478]. Князь принадлежал к представителям немецкой аристократии, которые под воздействием гуманистических идей считали устаревшим религиозно-ориентированное образование, сложившееся в школах и университетах [10, с. 7; 11, с. 15]. По традиции все предметы преподавались на латыни, основной методикой было механическое заучивание материала, господствовали схоластика и суровая дисциплина [10, с. 297–298; 12, с. 80]. Содержали іколы либо иезуиты, либо частные лица, либо городские магистраты [13, с. 310].

Идея создания государственной школы, подконтрольной лично князю, была новаторской. После проведения в княжестве Ангальт-Кётен «второй Реформации» в начале XVII в. [14] (введения кальвинизма в ка-

честве государственной религии) князь Людвиг заявил, что «будет менять людей» [15, p. 140]. Таким образом, фундамент для своего правления в условиях нестабильной политической ситуации первой четверти XVII в. князь пытался укрепить путем обновления школьной системы.

Кроме того, Людвиг I хотел создать новую школу с целью улучшения благополучия подданных, стремление к которому он постоянно подчеркивал [15, p. 140; 16, p. 216; 17, p. 55, 113]. Князь имел отличное образование и на протяжении всей жизни уделял большое внимание изучению языков, наук и искусств [15, p. 130; 18]. В молодости он путешествовал около десяти лет, посетив ряд стран Европы, в том числе Англию, Францию, Нидерланды, а также Италию [8, p. 22; 17, p. 138], где обучался в Болонском университете, был принят в Академию делла Круска и работал над её первым словарем [19, p. 187–189, 191–194, 225–226; 20, p. 689]. Князь интересовался теорией педагогики [19, p. 217–218] и серьезно заботился об образовании детей в своей семье [21, p. 266–267, 509–510]. Для дочери Луизы и сыновей Людвига Младшего и Вильгельма Людвига он нанял преподавателей по французскому, итальянскому, латинскому и древнееврейскому языкам [19, s. 452] и с раннего возраста привлекал их к работе по переводу произведений зарубежных авторов на немецкий язык [22, s. 456–457].

Князь Людвиг снискал у современников славу одного из первых немецких патриотов XVII в., организовав в 1618 г. научно-просветительскую организацию «Плодоносящее общество» [26]. Важнейшими задачами в его уставе Людвиг I обозначил продвижение немецкого языка, служение пользе Отечества, развитие всяческой добродетельности, воспитание чувства национальной гордости и единства немцев [27, s. 5, 7–10]. В целом почти все князья Ангальта занимались литературным творчеством, в котором пропагандировали и патриотические идеи, и религиозные морально-нравственные установки [19, s. 225, 455–456, 488–493, 496–499].

Пропаганда (от лат. *propagare* — распространять, расширять) в конфессиональную эпоху воспринималась в значении «распространение веры» [23, s. 71]. Тон подобной пропагандистской работе задавал именно князь Людвиг. Помимо большого числа стихотворений на немецком языке он написал дидактическую поэму «Краткая история о вымышленном Купидине» (1637), перевёл на немецкий с латыни «Христианского Сенеку» (1648) и «Книгу Иова» (1638), с французского языка — роман «История великого императора Тамерлана» Жана Дю Бек-Креспена (1639), «Священное описание мира» Поля Геслина и поэму «Мудрый

старец» Симона Гуларта (1643), с итальянского — «Триумфы» Петрарки (1643), «Преследуемый Давид» (1643) и «Ромул и Тарквиний» (1647) Вирджилио Мальвецци, «Венценосный Давид» Петра Вермильи (1648) [22, p. 233–234, 417; 23, p. 203; 24, p. 735; 25, p. 324–325, 456, 654]. В надгробной проповеди, посвященной князю Людвигу, он превозносился как идеал правителя-кальвиниста, «высокоумный, опытный и трудолюбивый правитель», уделявший большое внимание заботе о «добродетели, церкви, школе, дисциплине, закону и справедливости» [17, p. 113].

В основе «дидактической» концепции преподавания Ратке, которая заинтересовала князя Людвига, лежало изучение родного немецкого языка. Обучение различным дисциплинам как в школе, так и в университете должно было проводиться в соответствии «с порядком природы»: от простого к сложному, от известного к неизвестному, от краткого введения к полному изложению — в соответствии с индуктивным методом познания английского философа Фрэнсиса Бэкона. По Ратке, одновременно нужно изучать только один язык или дисциплину и не переходить к следующей, пока первая не будет вполне освоена. Целью педагога было обучение всем предметам в «гармонии и единстве», поэтому он разработал единую схему преподавания. Ратке считал необходимым отказаться от принуждения учеников к заучиванию материала наизусть до тех пор, пока они не поймут его в достаточной мере. Кроме того, он предлагал запретить телесные наказания за неусидчивость и оставить только «за распутство и злобу», причем приводиться в исполнение они должны были не учителем, а специальным надзирателем [28, с. 98; 29, p. 22]. Наконец, он считал, что обучать и мальчиков, и девочек необходимо вместе, но назначать преподавателей для первых только из мужчин, а для вторых — только из женщин.

Одной из важнейших составляющих школьной программы Ратке был призыв к необходимости объединения новой методикой всех германских земель. В своем программном сочинении «Мемориал Германской империи» — памятной записке к рейхстагу, представленной 7 мая 1612 г., он утверждал триединство «гармоничного языка, гармоничного правления и гармоничной церкви» [30, 31] — соответственно, немецкого языка на основе верхненемецких диалектов, власти императора и единой лютеранской конфессии [29, p. 22]. При этом Ратке выступал против монополии церковных учреждений в начальном образовании и считал, что школы должны финансироваться государством. По его словам, именно государство должно обеспечить достойное общественное и материальное положение учителям, поскольку те отвечают за самое важное — религиозно-нравственное воспитание граждан.

Идеи Ратке противоречили прежним традициям школьного обучения и для своего времени были радикально новаторскими. Большинство князей и церковных деятелей всех конфессий отнеслись к ним негативно [32, p. 55]. Однако теория педагога заинтересовала представителей образованного бюргерства, интеллектуалов и некоторых протестантских князей. Ратке получил приглашения от пфальцграфа Вильгельма Нойбургского, ландграфа Людвига Гессен-Дармштадского и герцогини Доротеи Марии Саксен-Веймарской и среди своих последователей и покровителей приобрел репутацию талантливого педагога, способного «легко и приятно» преподавать языки [19, p. 102–103]. Князь Людвиг познакомился с Ратке в 1613 г. в Веймаре, где педагог уже в течение года преподавал латынь и древнееврейский язык сестрам князя, герцогине Доротее Марии Саксен-Веймарской и графине Анне Софии Шварцбург-Рудольшадтской[7, p. 6–14]. Обе они очень настойчиво рекомендовали ему Ратке, поэтому князь пригласил его к себе на службу [19, p. 99].

Людвиг I смог заинтересовать своим школьным экспериментом герцогство Саксен-Веймар, где также разделяли мнение, что «школы практически везде терпят неудачу из-за старых методов» [33, p. 2]. Племянник князя Людвига, герцог Иоганн Эрнст Саксен-Веймарский (1594–1626), оказал поддержку в организации новой школы в Кётене. По «хорошему методу обучения» Ратке, но без его участия герцог начал школьную реформу «на пользу христианской молодёжи» [33, p. 4] под руководством теолога и грамматика Иоганна Кромайера (1576–1642) еще в 1614 г. при своем дворе, а с декабря 1617 г. — в Веймарской городской школе [19, p. 99]. Однако поскольку, по словам Кромайера, в Веймаре «из-за недостатка помощи такие благие намерения были презираемы и порицаемы большинством и переживали препятствия во многих отношениях, так что в конце концов люди, которые помогали в этой работе, разошлись и, к сожалению, некоторые из тех, кто больше всего её продвигал, умерли» [33, p. 1], герцог выразил желание участвовать в совместном образовательном «проекте» с князем Ангальт-Кётенским.

10 апреля 1618 г. в Кётене князь Людвиг I и герцог Иоганн Эрнст подписали договор с Ратке, согласившись на его условия и заверив, что школьная реформа не имеет цели «оскорбить личность или фальсифицировать работу» педагога [19, p. 97]. Одним из требований Ратке было не раскрывать никому детали его метода и предоставить ему руководство школой. Чтобы финансировать строительство издательства в Кётене для печати учебников и оплатить труд всех работников школы, Иоганн Эрнст

оборудовал в Веймаре монетный двор, изготовлявший «порченые монеты» с уменьшённым содержанием серебра [19, s. 106].

Для реализации реформы два правителя вели длительную подготовку, приглашали лучших специалистов и не скупились на гонорары. Например, для изготовления металлических шаблонов шрифтов немецкого, итальянского и древнееврейского языков был приглашен известный голландский гравёр и букворез Симон Фризиус [19, s. 130–131], а в качестве «инспектора» над процессом печати — специалист по издательскому делу из Франкфурта-на-Майне Иоганн Ле Клерк [19, s. 154; 22, s. 503, 508]. Для ручного набора текста, «литья шрифтов» и переплёта в Кётен были приглашены работники Виттенбергского издательства вместе с оборудованием [19, s. 106, 142]. Книги и справочная литература, необходимая для подготовки учебников в Кётене, были доставлены главным образом из библиотеки Йенского университета Саксен-Веймара, а также обширной библиотеки самого Ратке [19, s. 108]. Совместно Людвиг I и Иоганн Эрнст потратили на реформу более 10 тыс. талеров — в начале XVII в. это была солидная сумма [19, s. 118].

В Кётен для помощи Ратке в написании учебников были приглашены ученые из университетов Виттенберга (профессор логики и метафизики Якоб Мартини и профессор поэтики Август Бюхнер), Йены (профессор древнегреческого и древнееврейского языков Бальтазар Вальтер, магистр философии и доктор медицины Захария Брендель Старший, профессор физики, логики и метафизики Михаэль Вольф), Базеля (теолог, переводчик Библии и профессор аристотелевской логики Людвиг Люциус и теолог-гебраист Йоханнес Буксторф) [19, s. 124–125]. На основе «Универсальной грамматики латинского языка» Ратке ими были созданы версии для французского, итальянского, немецкого, древнегреческого и древнееврейского языков [19, s. 118–119, 122], а также учебники «Универсальная физика» (1619) и «Общее естествознание» (1619) [19, s. 108].

21 июня 1619 г. начались занятия [19, s. 124–125]: в Кётенском замке преподавали «университетские предметы», науки и искусства, а в городе открылась начальная школа. Всего для обучения были приглашены 231 мальчик и 202 девочки. Известно, что школа для мальчиков состояла из шести классов: немецкий язык преподавался в первых трёх, латынь — в 4-м и 5-м, древнегреческий — в 6-м. Для учеников была оборудована 51 аудитория, столовая, наняты преподаватели и надзиратели за дисциплиной [15, s. 140].

Покровители Ратке возлагали на него большие надежды. Герцог Иоганн Эрнст писал, что нужно проводить школьный эксперимент,

пока «работа не достигнет цели» [19, s. 92]. Однако высокие ожидания не оправдались. Новая школа функционировала лишь с конца июня по начало октября 1619 г. [9, s. 480] Не получая заметных результатов и столкнувшись с повседневной рутинной работой начальника учебного заведения, Ратке постоянно ругался с коллегами [19, s. 125], подавал жалобы на школьных инспекторов и даже позволял грубость в переписке со своей самой верной сторонницей и покровительницей графиней Анной Софией Шварцбург-Рудольштадтской, которая никогда не переставала верить в его «важный, великий и богоугодный замысел» [16, s. 385, 441]. Педагог оказался деспотичным и подозрительным из страха, что «тайна его метода» будет кем-то украдена [19, s. 125]. Попытки князя Людвига смягчить конфликт привели к тому, что Ратке обвинил его «в тирании и желании злоупотребить искусством преподавания в кальвинистских целях» [19, s. 133].

На слушании 11 июня 1620 г. Ратке было предъявлено обвинение в невыполнении взятых на себя обязательств в его «высоко оцененной работе», несмотря на «твердое обещание» и уверения в надежности дидактического метода, а также в трате больших средств впустую. После этого 22 июня 1620 г. педагог был изгнан из Ангальта [19, s. 134–136]. Его библиотека оставалась в Кётене до 1632 г., однако он получил довольно большую сумму в 100 гульденов на проезд. Движимый обидой, Ратке пытался вернуть свои книги и угрожал князю Людвигу иском о выплате не менее 50 тыс. талеров, запугивая его доносом императору о предательстве князьями Ангальта Империи. «Положить конец ангальтскому дому» помешала графиня Анна София, выплатив Ратке значительную денежную сумму [16, s. 430, 437].

Несмотря на изгнание Ратке, князь Людвиг продолжил финансировать открытую с помощью педагога школу. Она проработала до 1623 г., правда, «без какой-либо заметной пользы» [19, s. 154]. Лишь растущее под влиянием начавшейся Тридцатилетней войны налоговое бремя вынудило князя свернуть проект [19, s. 162]. Тем не менее интерес к обновлению системы школьного образования по методу Ратке Людвиг I сохранял на протяжении всей жизни. Князь надеялся, что основание государственной школы, подконтрольной ему лично, даст в будущем дать образование и воспитать ценные кадры для государственной службы, в которых так нуждалась княжеская власть в первой четверти XVII в. Такая школа и издательство позволяли печатать учебники, богослужебные и иные книги, поэтому князь мог транслировать культурные, религиозные и политические идеалы и пропагандировать их среди подданных со школьной скамьи.

В конфессиональную эпоху, в канун Тридцатилетней войны, когда в германских землях укреплялся княжеский абсолютизм, сопровождавшийся усложнением бюрократической системы, всё это имело важнейшее значение для усиления личной власти государя [1, с. 194]. Приглашение В. Ратке на роль руководителя школьной реформы хоть и оказалось неудачным, тем не менее в исторической перспективе показало проницательность князя Людвига, поскольку «дидактическая» теория Ратке оказалась созвучной идеям основоположника современной педагогики Яна Коменского и получила признание в последующее время [34, с. 18; 35, s. 83–104; 36].

Список источников и литературы

1. *Прокопьев А.Ю.* Германия в эпоху религиозного раскола. 1555–1648. СПб.: Гуманитарная Академия, 2002. 384 с.
2. *Лазарева А.В.* Символ безопасности: образ власти в немецких иллюстрированных листовках эпохи Тридцатилетней войны (1618–1648) // Исторические Исследования. Журнал Исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. 2017. № 2 (7). С. 47–68.
3. *Бережная Н.А.* В битве за истинную веру: кальвинизм в Германии в XVI веке. СПб.: «Наука», 2021. 295 с.
4. *Прокопьев А.Ю.* Тридцатилетняя война. СПб.: «Наука», 2020. 385 с.
5. *Burkhardt J.* Der Krieg der Kriege. Eine neue Geschichte des Dreissigjährigen Krieges. Stuttgart: Klett-Cotta, 2018. 296 s.
6. *Chisholm H.* Anhalt // Encyclopædia Britannica (11th ed.). Cambridge University Press. [Электронный ресурс]. URL: https://en.wikisource.org/wiki/1911_Encyclop%C3%A6dia_Britannica/Anhalt (дата обращения:20.09.2023).
7. *Krause G.* Wolfgang Ratichius oder Ratke im Lichte seiner und der Zeitgenossen Briefe und als Didacticus in Köthen und Magdeburg: Originalbeitrag zur Geschichte der Pädagogik des 17ten Jahrhunderts. Leipzig: Dykische Buchhandlung, 1872. 206 s.
8. *Krause G.* Ludwig, Fürst zu Anhalt-Köthen, und sein Land vor und während des dreissigjährigen Krieges. Köthen: Verlag von P. Krause, 1877. 1084 s.
9. *Siebigk F.* Ludwig, Fürst von Anhalt-Köthen // Allgemeine Deutsche Biographie. Bd. 19. Leipzig: Duncker & Humblot, 1884. S. 476–483.
10. История культуры стран Западной и Центральной Европы в XVII веке. СПб: «Наука», 2017. 590 с.
11. Образ человека в зеркале гуманизма: мыслители и педагоги эпохи Возрождения о формировании личности (XIV–XVII вв.) / Сост. Н.В. Ревякина, О.Ф. Кудрявцев. М.: Изд-во Университета Российской академии образования (УРАО), 1999. 396 с.

12. *Бархатова О.Н.* Западноевропейская Реформация и протестантизм XVI века: учебное пособие: в 2 ч. Ч. 2. Благовещенск: Изд-во Благовещенского государственного педагогического университета (БГПУ), 2006. 244 с.
13. История Германии: учебное пособие: в 3 т. / Под общ. ред. Б. Бонвеча, Ю.В. Галактионова. Т. 1: С древнейших времен до создания Германской империи. М.: Книжный дом «Университет» (КДУ), 2008. 544 с.
14. Fürst-Brüderlicher Erb-Vertrag de dato Deßau den 18. May, 1606 // Codex Anhaltinus minor oder die vornehmsten Landtags-, Deputations <…> Abschiede <…> und Recesse des Fürstenthums Anhalt de anno 1547–1727 (etc.). Dykische Buchhandlung, 1864. S. 67–69.
15. *Heine G.* Geschichte des Landes Anhalt und seiner Fürsten. Köthen: Verlag von E. Heine, 1866. 260 p.
16. Briefe der Fruchtbringenden Gesellschaft und Beilagen (далее BFGB). Die Zeit Fürst Ludwigs von Anhalt-Köthen 1617–1650. Die deutsche Akademie des 17. Jahrhunderts Fruchtbringende Gesellschaft. Kritische Ausgabe. Reihe I, Abt. A: Köthen: 9 Bd. / Mitarb. v. A. Herz, D. Merzbacher, hrsg. v. K. Conermann. Bd. 2: 1627–1629. Wolfenbüttel, Tübingen: Niemeyer, 1998. 558 s.
17. *Sachse D.* Glaubens-Grund / Als Der <…> Wilhelm-Ludwig/ Fürst zu Anhalt <…> Des <…> Herren Ludwigen Des Eltern / Fürsten zu Anhalt. Köthen: Fürstliche Druckerei, 1651. 22 s.
18. *Лазарева А.В.* «Чистый язык — сильная нация». «Плодоносящее общество» (1617–1680) в борьбе за немецкую национальную самобытность // Вестник Московского Университета. Серия 8: История. 2005. № 3. С. 17–32.
19. BFGB. Bd. 1: 1617–1626. / Mitarb. v. D. Merzbacher, hrsg. v. K. Conermann. Wolfenbüttel, Tübingen: Niemeyer, 1992. 552 s.
20. BFGB. Bd. 7: 1644–1646. / Mitarb. v. G. Ball, hrsg. v. K. Conermann, A. Herz. Leipzig: De Gruyter, 2013. 1180 s.
21. BFGB. Bd. 3: 1630–1636. / Mitarb. v. G. Ball, A. Herz, hrsg. v. K. Conermann. Leipzig, Tübingen: Niemeyer, 2003. 753 s.
22. BFGB. Bd. 4: 1637–1638. / Mitarb. v. G. Ball, A. Herz, hrsg. v. K. Conermann. Leipzig, Tübingen: Niemeyer, 2006. 813 s.
23. *Schieder W., Dipper Ch.* Propaganda // Geschichtliche Grundbegriffe. Historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland / Hg. von O. Brunner, W. Conze, R. Kosellek. Stuttgart, 1984. S. 203.
24. BFGB. Bd. 6: 1641–1643 / Mitarb. v. G. Ball, A. Herz, hrsg. v. K. Conermann. Leipzig: De Gruyter, 2013. 880 s.
25. BFGB. Bd. 8: 1647–1650 / Mitarb. v. G. Ball, N. Dorn, A. Zirr, hrsg. v. K. Conermann, A. Herz. 969 s.

26. *Лазарева А.В.* «Союз меча и языка»: развитие немецкой национальной идеи в первой половине XVII в. // Средние века. 2017. Вып. 78. № 4. С. 101–120.
27. *Ludwig von Anhalt-Köthen.* Kurtzer Bericht Von der Fruchtbringenden Gesellschafft Vorhaben. Köthen: Fürstliche Druckerei, 1628. 62 s.
28. *Раумер К.* История воспитания и учения: в 2 ч. СПб.: тип. В.С. Балашёва, 1878. Ч. 2: От Бэкона до смерти Песталоцци (1561–1827). 704 с.
29. *Niemeyer H.A.* Wolfgang Ratichius in Köthen. Bd. 7. Halle: Buchdruckerei des Waisenhauses, 1842. 40 s.
30. *Alt R.* Bilderatlas zur Schul- und Erziehungsgeschichte. Berlin: Volk und Wissen Volkseigener Verlag, 1966. Bd. 1. 491 s.
31. Die neue Lehrart. Pädagogische Schriften Wolfgang Ratkes. Hrsg. v. G. Hohendorf. Berlin: Volk und Wissen Volkseigener Verlag, 1957. 270 s.
32. *Langer H.* The Thirty Years' War. N. Y: Hippocrene books, 1980. 262 p.
33. *Kromayer J.* Deutsche Grammatica. Weimar: Weidner, 1618. (Nachdr. d. Ausg. Hildesheim: Olms, 1986.) 88 s.
34. *Коменский Я.А.* Великая дидактика. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Наркомпроса РСФСР, 1939. 320 с.
35. *Freyer M.* Barocke Wissenschaft. Pädagogik 'im Licht der Gnaden'. Der systematische Ort der Theologie in W. Ratkes 'Didaktik' als Dachwissenschaft // Paedagogica Historica. 1984. No. 24. S. 83–104.
36. *Kordes U.* Wolfgang Ratke (Ratichius, 1571–1635). Gesellschaft, Religiosität und Gelehrsamkeit im frühen 17. Jahrhundert. Heidelberg: Universitätsverlag C. Winter, 1999. 500 s.

Символы, ритуалы, изобразительные памятники

УДК 7.033.4

Князева А.Д.
Независимый исследователь.
E-mail: volveratuinferno@gmail.com$; a.knyazeva@rublevmuseum.ru

К вопросу присутствия Иакова Старшего, покровителя паломников, на Деисусе тимпана XIII века гробницы Доминго Йаньеса в кафедральном соборе Леона

Аннотация. Деисус — образ, в котором святые предстоят перед Христом в молении за людей. В постиконоборческий период типичной стала схема, в которой заступниками за род человеческий были Богоматерь и св. Иоанн Предтеча. Тем не менее на тимпане тринадцатого столетия из кафедрального собора Леона вместо Иоанна Предтечи перед Христом предстоит апостол Иаков Старший, покровитель паломников. Цель статьи — выяснить, почему на тимпан помещён именно Иаков Старший.

Ключевые слова: деисусный чин, средневековое искусство, Испания, Леон, ритуальное искусство, Иаков Старший.

Knyazeva A. D
Independent researcher.
E-mail: volveratuinferno@gmail.com; a.knyazeva@rublevmuseum.ru

On the question of the presence of James the Greater, the patron saint of pilgrims, on the Deesis of the 13th-century tympanum of the tomb of Domingo Yañez in the Cathedral of León

Abstracts. Deesis is an image in which saints stand before Christ praying for people. In the post-iconoclastic period, the typical scheme became one in which the intercessors for the human race were the Virgin Mary and St. John the Baptist. Nevertheless, on the 13th-century tympanum from the cathedral of León, instead of St. John the Baptist, the apostle James the Greater, the patron saint of pilgrims, stands before Christ. The purpose of the article is to find out why James the Greater is placed on this tympanum specifically.

Keywords: Deesis, medieval art, Spain, León, ritual art, James the Greater.

Тимпан гробницы Доминго Йаньеса (умер в 1272 г.), каноника и пресвитера [1, p. 279], расположенный в клуатре кафедрального собора

Леона, датируется XIII в. Кафедральный собор Леона находится на Пути святого Иакова, или *Camino de Santiago*, — средневековом паломническом пути, ведущим из Франции в Компостелу, к мощам святого апостола от двенадцати, Иакова Старшего, который, согласно легенде [2], был захоронен в Галисии. Надгробие в форме расположенного в нише ложа вырезано в западной стене. Оно было забито кирпичом и открыто архитектором сеньором Хуаном Крисостомо Торбадо Флоресом в 1911 г. [1, p 282].

Доминго Йаньес составил завещание 3 октября 1271 г. с просьбой похоронить себя в клуатре кафедрального собора Леона [1, p. 289]. Также сеньор Йаньес, согласно документу, жертвовал капитулу свои владения в Вильябоне, Валенсия [1, p. 289]. С момента первого упоминания сеньора Доминго в церковных документах в 1241 г. и до кодициля (приложения к завещанию), составленного 7 августа 1272 г., в котором он изменил своё завещание, данное годом ранее, Доминго Йаньес значится лишь как «каноник церкви Леона» [1, p. 289]. Судя по посмертным распоряжениям каноника, его отношения с коллегами из капитула Леона сильно отличаются от ранее изученных случаев: он оставляет капитулу лишь своё владение «*Villa Yuane*» (возможно, Вильяфанье — населённый пункт в муниципалитете Вильясабариего, Кастилия и Леон [3, p. 268]) с правом наследования, но не поручает служить заупокойные мессы по нему кому-либо из своих коллег. На самом деле единственным прямо упомянутым в завещании является казначей (исп. *tesorero*) дон Гонсало [1, p. 289], которого Доминго Йаньес просит скрепить документ печатью. В то же время Ордас Диас говорит о том [1, p. 289], что главными наследователями его имущества были слуги и иные светские лица, а также священники приходов, соседствующих с Леоном.

Тимпан разделён на два регистра, нижний из которых представляет собой сюжет *elevatio animae* (лат. — вознесение души), а верхний — деисусный чин: Христос, восседающий на троне между молитвенно изображёнными Богоматерью и святым апостолом Иаковом Компостельским. Лик Христа проработан максимально условно: его широко раскрытые глаза смотрят прямо вдаль, а обрамляющие лик волосы скорее напоминают орнамент. Фланкирующие фигуры, Иаков Старший и Дева Мария, проработаны также очень просто и грубо. Так, если не считать отличающихся одеяний, святые очень похожи друг на друга позой; стоит отметить, что нимб присутствует только у Христа. Иаков Старший изображен босым — это соответствует его статусу покровителя паломников. Апостол одет в шляпу и держит посох — атрибуты странника. Данная деталь

повторяется и в более поздних примерах изображения святого апостола: по прибытии в Компостелу паломники снимали с себя обувь.

Для большего понимания композиции следует учесть, что под Деисусом изображена сцена с ангелами, которые поддерживают персонификацию души в окружении представителей светской и духовной власти: справа от центральной части композиции зритель видит трёх кардиналов, а слева — короля в окружении двух монахов. Можно предположить, что данная композиция служит как бы «билетом в Рай» для погребённого дона Доминго. Вознесение души, которое обычно располагается в верхнем регистре, прерывает упомянутую церемонию, что свидетельствует о незнании иконографии — или же о том, что это было сделано намеренно.

Деисус является логическим продолжением данной композиции. Так, Мадонна и Иаков Старший изображены как святые заступники или просители, которые стоят на коленях и молят Христа о принятии конкретной души дона Доминго в Царствие Небесное, но, возможно, также моление и о спасении всех душ, которые ступили на Путь святого Иакова; именно поэтому вместо Иоанна Крестителя изображён Иаков Старший, который покровительствует путникам, ступившим на паломнический путь.

Перед нами встаёт вопрос: как восточнохристианский деисусный чин оказался на испанском тимпане XIII в.? Как считает Гилсдорф [4, p. 131], Деисус изначально являл собой репрезентацию свидетельства божественного величия Иисуса Христа, а только уже потом — своего рода ходатайство за человечество. Исследователь Эрнст Канторович отмечает [4, p. 135], что тема заступничества Девы Марии и Иоанна Предтечи начинает встречаться уже в ранневизантийский период, и именно она стала своеобразной основой для формирования иконографии так называемого малого Деисуса. В постиконоборческий период Деисус начинает встречаться уже как иллюминация и на процессионных крестах, и на изделиях из слоновой кости, а также в монументальном искусстве [4, p. 135].

Концепция ходатайства пред Богом всегда была бинарна [4, p. 135], посему разделение пространства происходит как бы и в небесно-трансцендентном плане, и в земном, профанном. На тимпане Доминго Йаньеса композиция как раз разделена на эти два регистра: божественно-трансцендентный и «земной» (сцена *elevatio animae*). Уолтер говорит о том, что идея небесного заступничества, или «небесного двора», была известна со времен поздней Античности, где проводится параллель между царским дворцом и трансцендентным, божественным планом бытия: как Царь Небесный правит миром, так и его «придворные» ходатайствуют пред ним за человечество [5, p. 317]. Немецкая школа медиевистики

называет этот феномен *Königsnähe*, или «близость к царю» [4, p. 135]. Согласно этой теории, вход в царский чертог был доступен только по приглашению.

Идея о заступничестве, которую воплощает собой Деисус, была известна ещё во времена каролингского Ренессанса, где *Königsnähe* был мерилом доступа на Небеса и отношений паствы и властей [4, p. 136]. Как отмечает Герд Альтофф, идея «близости ко двору» коррелировала с идеей заступничества в Деисусе: ходатайствовать — значит подступаться к царю, ко двору, сокращать дистанцию между собственной личностью и Божественным/царским [4, p. 133]. Тем не менее самым главным ключом к пониманию Деисуса в средневековой западноевропейской иконографии была не политическая и ходатайственная функции, а, скорее, посвящение [4, p. 148].

Приведённая выше концепция показывает нам процесс адаптации Деисуса в средневековой Западной Европе; тем не менее проследить процесс «приобретения», «вчувствования» (нем. *Einfühlung*, термин Т. Липпса) Деисуса сложно, учитывая, что восприятие данной иконографической схемы разнится у восточных и западных христиан. Следует заметить, что западные мастера познакомились с Деисусом, скорее всего, через предметы из резной слоновой кости, которые были привезены из Византии[1]. Данная иконографическая схема подвергалась переосмыслению, так как у мастера не было ни «летучих листков», ни *schemata,* которые бы объясняли смысл сюжета, — а в XII в. (веком ранее жизни Доминго Йаньеса) кругозор западных мастеров обогащался новыми иконографическими схемами восточнохристианского происхождения [6, с. 138]. Тем не менее считать, что западнохристианские мастера совсем не понимали смысла Деисуса, как мы уже говорили выше, неверно. Пусть изначальный смысл был *переработан*, *адаптирован* или же, как выражается Кляйн [4, p. 145], *неправильно понят* — так Деисус стал рассматриваться как одна из форм *Maiestas Domini*, Господа во Славе, хотя и без явных эсхатологических коннотаций, присущих схеме Господа во Славе, а, скорее, совмещающих в себе и эсхатологическое начало, и евхаристическое.

Подводя итог, можно сказать, что Дева Мария и Иоанн Креститель стали рассматриваться как святые ходатаи пред Царем Небесным, которые бы «замолвили словечко» за народ Божий перед Спасителем в его «Небесном дворце». Святые в Деисусе были не только amicus Domini [4,

---

[1] Автор благодарит свою коллегу, к.и.н. М.А. Маханько за справку.

p. 150] — друзьями Господа; они были *amicus episcopi*, *monachi*, *regis*, — словом, друзьями тех, за кого они заступаются.

Это служит объяснением, почему вместо Иоанна Крестителя на тимпане изображен Иаков Старший, покровитель паломников. Кроме того, «ходатайственную функцию» святого апостола можно найти и в других произведениях средневекового испанского искусства. Так, в книге, которую держит Иаков Компостельский на доске работы Жама Матеу (ок. 1423 г., хранится в Национальном музее Каталонии), предположительно, изображён гимн, посвященный апостолу, “O luxetdecus Hispaniae” из Кодекса Каликста [7, p. 144] — так, первые три строчки справа можно прочитать как “O lux**et**dec**us**ispanie**sanct**issimeiacobe” (жирным шрифтом обозначены сокращения). Вот гимн в полной версии на латыни:

“O lux et decus Hyspanie, sanctissime Iacobe, qui inter apostolos primatum tenes, primuseorum martirio laureatus; O singular presidium, qui meruis teuidere Redemotorem nostra mad huc mortalem in dei taretrans fomatum, exaudi precesseruorum tuorum, et intercede pro nostra salute omnium que populorum”.

Перевод на русский язык:

«*О свет и слава Испании, святейший Иаков, первейший из [двенадцати] апостолов, который первый удостоился чести мученичества; О единственный [для нас] попечитель [хранитель], удостоившийся увидеть Искупителя, ещё смертного, и потом ставшего Богом, услышь молитвы рабов твоих и проси о спасении нашем и всего человечества [у Господа]*»[2].

Этот гимн, как и тимпан дона Доминго Йаньеса, говорит о том, что верующие просили у Иакова Старшего заступничества перед Господом, и не только заступничества, а своеобразного «сокращения дистанции» между Царствием Небесным и народом Божиим.

Слова папы римского Григория Великого о том, что христианское искусство должно быть *Bibliapauper*, или *Библией для неграмотных,* была популярна во времена Средних веков [8, p. 5]. Это высказывание, приведённое в одном из писем Серену, епископу Марселя, использовалось как защита религиозного искусства во времена иконоборчества и в то же время — как оправдание чрезмерных трат на украшение храмов.

Вместе с тем сюжеты трансформировались с течением времени и развитием общества. Примером может послужить и приведённый

[2] Перевод авторский.

в данной статье Деисус: так, не имея перед собой ни *schemata*, ни "летучих листков", ни разъяснений сюжета, западные мастера, познакомившись с восточнохристианским сюжетом, поняли его по-своему, изменив фокус с непосредственно ходатайства за род Божий на сокращение дистанции между молящимся и Царствием Небесным.

В западноевропейском средневековом искусстве Деисус встречается довольно редко, и данный пример, где вместо Иоанна Предтечи в молении за род человеческий стоит Иаков Компостельский, представляет собой уникальный вариант иконографической схемы Деисуса в испанском искусстве XIII в.

Список источников и литературы

1. *Díaz P.O.* El claustro de la catedral de León: un espacio entre la memoria individual y colectiva a través de los sepulcros y testamentos canonicales a mediados del siglo XIII // The Memory of the Bishop in Medieval Cathedrals: Ceremonies and Visualizations. Peter Lang, 2019. P. 249–297.
2. *Ворагинский Иаков.* Золотая Легенда. / URL: https://catholicsaints.info/golden-legend-life-of-saint-james-the-more/
3. *Mata M.Á.F.* El claustro de la Catedral de León: su significación en el contexto litúrgico y devocional // Congreso Internacional "La Catedral de León en la Edad Media": actas: León, 7–11 de abril de 2003, Auditorio Ciudad de León. Servicio de Publicaciones, 2004. P. 263–295.
4. *Gilsdorf S.* Deēsis Deconstructed: Imagining Intercession in the Medieval West // Viator. 2012. Vol. 43. No. 1. P. 131–174.
5. *Walter C.* Two notes on the Deesis // Revue des études byzantines.1968. Vol. 26. No. 1. P. 311–336.
6. *Пожидаева А.В. С*отворение мира в иконографии средневекового Запада // Опыт исторической генеалогии. М.: НЛО. 2021. С 372–379.
7. Ad vesperas. Antifona (magnificat). (No. 136) // La liturgia propia de Santiago en el Códice Calixtino // Ed. Elisardo Temperán Villaverde, Xuntade Galicia. 1997.
8. Alexander J.J.G. Iconography and Ideology: Uncovering Social Meanings in Western Medieval Christian Art // Studies in Iconography. 1993. Vol. 15. P. 1–44.
9. Liber Sancti Iacobi. Codex Calixtinus. Traduccion de A. Moralejo, C. Torres y J. Feo // Xunta de Galicia. 2014.

УДК: 726.5

Нордман П.С.
Санкт-Петербургский государственный институт культуры,
факультет мировой культуры, студент магистратуры.
E-mail: psnordman.2000@gmail.com

От Сито к Самбии: роль Цистерцианского ордена в генезисе готической архитектуры Пруссии в XIII–XIV вв.

Аннотация. В статье исследуется, как Цистерцианский орден повлиял на формирование готической архитектуры Пруссии XIII–XIV вв. Показано, что идеалы аскезы нашли прямое воплощение в специфических чертах, таких как прямоугольный хор и отсутствие пышного декора, которые определили облик местной строительной традиции и ее символико-ритуальный строй.

Ключевые слова: архитектура Пруссии, Тевтонский орден, Цистерцианский орден, кирпичная готика.

Nordman P.S.
St. Petersburg State Institute of Culture,
Faculty of world culture, Master's program, Student.
E-mail: psnordman.2000@gmail.com

From Citeaux to Samland: The role of the Cistercian Order in the genesis of the Gothic architecture of Prussia in the XIII–XIV centuries

Abstract. This article examines how the Cistercian order influenced the development of Gothic architecture in Prussia in the 13th and 14th centuries. It demonstrates that ascetic ideals were directly embodied in specific features — such as a rectangular choir and a lack of lavish decoration — that defined the local building tradition and its symbolic and ritual framework.

Keywords: Prussian architecture, Teutonic Order, Cistercian Order, Brick Gothic.

История каменной архитектуры Пруссии, часть которой входит сегодня в состав России как Калининградская область, имеет относительно позднее начало. Пруссы, группа балтийских племен, населявшая регион до XIII в., не оставили после себя каменных или кирпичных сооружений.

Становление более сложного зодчества в Пруссии явилось следствием покорения этих земель Тевтонским орденом, государство которого существовало с 1229 по 1525 г. Несмотря на тотальное господство немецких рыцарей в регионе, в XIII–XIV вв. важную роль в жизни нового государства играли представители Цистерцианского ордена, которые, в частности, внесли вклад в формирование местной архитектуры, оказали влияние не только на ее стиль, но и на воплощение системы символов.

Цистерцианский орден возник в 1098 г. во Франции, основан бенедиктинцем Робертом Молемским (Robert de Molesme, 1028–1111). К тому моменту многие монастыри, в том числе бенедиктинские, обросли богатствами. Роберт Молемский, создавая аббатство Сито (фр. Cîteaux, лат. Cistercium), стремился вернуться к Уставу Бенедикта Нурсийского. Цистерцианский орден проповедовал аскетическую строгость и в определенной степени возводил труд в высшую ценность, что подтверждается его архитектурным наследием.

Важную роль как в духовном развитии цистерцианцев, так и в становлении монастырской архитектурной традиции сыграл Бернард Клервоский (*Bernard de Clairvaux*, 1091–1153). Мистик, богослов, лидер ордена, вдохновитель Второго крестового похода, позже канонизированный, был ревностным адептом аскезы, строгости жизни, поборником всякого рода излишеств. Это можно видеть в различных текстах Бернарда. «Не обременяй меня почестями, на которые я не имею прав» [1, с. 112], — просит он подчиненного ему аббата Рено. В тексте «Об обязанностях епископов» Бернард пишет, что «подобные [богато украшенные] уборы не имеют ничего общего со стигматами Христа» [1, с. 121].

Бернарда нередко называют одним из основателей мистицизма в европейском богословии. Это учение предполагает личный религиозный опыт, опыт интуитивного познания Бога, здесь можно говорить о некоей поэтической рефлексии [2]. «Самопознание ведет к богопознанию, последнее же, в свою очередь, ведет к обожению» [2] — основной тезис Майстера Экхарта (*Meister Eckhart*, 1260–1328), одного из представителей немецкого мистицизма. Другой теолог, Генрих Сузо (*Heinrich Seuse*, 1295–1366), пишет: «кто вступает на путь мистики, тот должен прежде всего расстаться с телом и со всеми животными влечениями и держаться только вечного духа, потом отречься и от самого себя, пренебречь всем чувственным, отрешиться от своего себялюбия, предать себя полному забвению и отдаться силе Божьей» [3, с. 279].

В отличие от более поздних немецких авторов, Бернард Клервоский не призывает полностью отречься от себя, а рекомендует не печься о дру-

гих до такой степени, чтобы пренебречь самими собою. Этому он посвящает одну из глав трактата «О размышлении», адресованном папе Евгению III. «Я могу лишь порицать Вас, если Вы посвящаете все свое время и способности делам, ничего не оставляя размышлению»; «Неужели единственный человек, лишенный Вас, будете Вы сами?» [4, с. 24–25] — пишет Бернард.

Ряд исследователей проводит параллели между текстом и зодчеством. Так, например, труд «О размышлении» сравнивается с формой цистерцианских аббатств, которые отличаются строгой, но изысканной красотой, лишены ненужных декоративных деталей и почти неприметно создают ощущение удивительного гармоничного единства [4, с. 9]. Однако сохранились тексты, где Бернард Клервоский прямо выражает свои взгляды по поводу искусства и архитектуры. Яркий пример — «Апология к Гвиллельму»: «Когда реликвии закрыты золотом, очи наслаждаются, а кубышки отверзаются. Изображают святого или святую как можно краше и считают их святыми тем более, чем более положено красок. <…> Но для чего же в монастырях перед взорами читающих братьев эта смехотворная диковинность, эти странно-безобразные образы, эти образы безобразного?» [5, с. 281–282].

В противовес «роскошной» линии французского искусства цистерцианцы стали возводить монастыри, отличающиеся строгостью и минимализмом в оформлении. Эти монахи приобрели репутацию специалистов по управлению строительными площадками для аббатств и соборов. Известно, что брат Бернарда Ашар руководил строительством многих монастырей [6, p. 50]. Приведем несколько пунктов, которые касаются типичного архитектурно-художественного решения: наличие клуатра, план церкви в виде латинского креста, приподнятый на несколько ступеней алтарь, трехнефный трансепт, трехнефная основная часть, наличие перегородки между разными частями храма (в одной, восточной, собирались монахи, в другой, западной, — миряне), квадратная форма монастырей, использование голосников для улучшения акустики [7, p. 40–70]. Характерной чертой многих цистерцианских церквей стали квадратные в плане восточные фасады, хотя встречаются и полукруглые.

Вернемся к Пруссии XIII–XIV вв. Известно, что на начальном этапе там существовали монастыри разных католических орденов, в том числе проповедовали цистерцианцы [8]. В начале своей «Хроники земли Прусской» Петр из Дусбурга (1260–1326) упоминает, что «был один епископ из Пруссии, по имени Христиан, из ордена цистерцианцев, который не раз сеял среди пруссов семя слова Божиего, увещевая их, чтобы, оста-

вив идолопоклонство, они поклонялись истинному Богу Иисусу Христу» [9, с. 17]. Есть сведения о цистерцианских экспансиях в Ливонию под покровительством датской короны [10]. Историк Э. Машке пишет, что «поддержка ордена цистерцианцев тоже входила в задачи колонизационной деятельности, поскольку братья этого ордена, следуя своему обету, взяли на себя нелегкую работу: они выкорчевывали деревья и осушали болота» [11, с. 167]. Известно о тесных связях семьи великого магистра Лютера Брауншвейгского, куратора возведения Кёнигсбергского собора, с цистерцианцами [11, с. 167]. Хотелось бы отметить, что своей риторикой Петр из Дусбурга выстраивает преемственность с жившим за 200 лет до этого Бернардом Клервоским, для которого святым делом было ведение войны против иноверцев, и такая война оправдывала любые средства. «Выступайте же уверенно, о рыцари, и с сердцем решительным гоните врагов креста Христова. Знайте, что ни смерть, ни жизнь не может отделить вас от любви Бога, пребывающей во Иисусе Христе, и в каждой опасности повторяйте: “Живем мы или умираем, мы — Господни”» [12], — призывал Бернард. Петр из Дусбурга подхватывает: «И ради краткости скажу, что не хватит слов, чтобы вполне описать, сколько зла и мерзости содеяли они [пруссы] вере и христианам» [9, с. 18].

Перейдем к анализу архитектурных памятников Тевтонского государства. Для характеристики местного зодчества выберем четыре объекта: цистерцианское аббатство в Пельплине (1289–1323, Пельплин, Польша), Кёнигсбергский собор (1333–1380, Калининград, РФ), собор в Кульмзее (1251 г. — вторая четверть XIV в., Хелмжа, Польша), Фридландская кирха (XIV в., Правдинск, РФ). Первый и третий памятники выбраны как важные для ранней стадии становления местной архитектуры. Второй объект является единственным сегодня готическим собором на территории России, в свое время был центром Самбийской епархии. Последний памятник любопытен как более или менее типичная приходская церковь в небольшом городе.

Первое, на что стоит обратить внимание, — это материал. В арсенале тевтонских мастеров были кирпич и валунный камень, который они никак не обрабатывали. Однако соотношение материалов в каждом случае индивидуально. Многие строения возведены полностью из кирпича. Причины таких решений стоит искать в области инженерии, поиска наиболее устойчивой конструкции в конкретных условиях. Также и экономический аспект не стоит сбрасывать со счетов — камень в Пруссии был очень редким.

В эпоху позднего Средневековья мастера могли по-разному работать с кирпичом. В балтийской готике, как правило, отсутствует скульптурное

обрамление в виде тимпанов и архивольтов порталов, горгулий. Но тем не менее мастера северных немецких земель находили способы декорировать свои постройки. Оригинально украшены Новые ворота (вторая половина XV в.) Нойбранденбурга, где на городской стороне можно найти терракотовые фигуры восьми женщин-адоранток. Эффектными выглядят фасады ратуш в Любеке (XIV–XV вв.) и Штральзунде (XIII в.) с высокими стенами с ажурной резьбой, за которыми ничего нет, они напоминают ширмы. Как пишет К.Х. Класен, «здесь была выполнена задача объединения группы отдельных домов в единый монументальный комплекс зданий» [13, s. 39]. Фасады Мариенкирхе в Любеке, цистерцианской церкви в Доберане, собора в Гюстрове демонстрируют множество вариаций на тему украшения фигурными нишами в виде креста, имитаций резного окна-розы и т.д.

Возвращаясь к прусским памятникам, отметим, что они украшены куда скромнее. Если говорить о внешнем оформлении, то оно сконцентрировано преимущественно на башнях и восточных фасадах. Основными декоративными элементами выступают масверковые окна, рисунки из кирпичной кладки, отличные по цвету от основной массы стен, стрельчатые окна и ниши, круглые отверстия в фронтонах, вертикальное членение. Столь необширный набор внешних декоративных приемов, несомненно, символизирует христианскую скромность и сдержанность. Надо отметить, что Пруссия не единственный регион, где цистерцианцы работали с кирпичом. В качестве примера можно вспомнить аббатство Моримондо (1182–1296 гг.) близ Милана.

Обратимся к вопросам планировки и композиции зданий. Пельплинское аббатство, Кёнигсбергский собор, собор в Кульмзее и Фридландскую кирху объединяет трехнефность и наличие преграды, разделяющей на зоны для мирян и монахов-рыцарей. Церковь в Пельплине является во многом эталонным памятником: дошла до наших дней с минимальным количеством утрат и изменений; трехнефная базилика с трансептом, а также с другими монастырскими пристройками — клуатром, капитулом. Кульмзейский собор имеет достаточно драматичную историю, неоднократно подвергался разрушениям и изменениям. Однако его общее композиционно-планировочное решение всегда подчинялось идее зальной церкви с трансептом и четырьмя башнями — по две с западной и восточной стороны [14]. Любопытно, что в экстерьере собора в Кульмзее трансепт менее выражен, чем в Пельплине. Несколько иная ситуация с Фридландской кирхой и Кёнигсбергским собором. Эти храмы представляют собой зальные церкви без трансепта.

Стоит сказать о значении зального типа храма. В отличие от базилики, где центральный неф выше боковых и имеет верхний ряд окон, в зальных церквях все нефы равны (или почти равны) по высоте. На формирование такого конструктивного решения оказал влияние мистицизм, распространенный в немецкой теологии эпохи позднего Средневековья. Зальный тип упразднял иерархию пространственных частей сооружения и динамизм с целью создания более слитного, равномерно освещенного, одинаково воспринимаемого в зрительном и слуховом отношении пространства. Подобная организация отвечала потребности в индивидуальном, интимном религиозном переживании [15, с. 68]. Однако такой тип больше характерен именно для немецкой немонастырской архитектуры. Цистерцианцы же в XIII–XIV вв. продолжали возводить базилики. Таким образом, распространение зального типа в приходских церквях и соборах Пруссии отражает уже более общую тенденцию, связанную с немецкой мистической мыслью.

Вообще, довольно редко в храмовой архитектуре Орденской Пруссии XIII–XIV вв. встречается трансепт. Его можно обнаружить на небольшом количестве памятников. Помимо важного богословского значения трансепт как элемент храма имеет практическое применение. Он позволяет вместить больше верующих вблизи алтаря церкви, организовать дополнительные проходы в сооружение. Как писал Э.-Э. Виолле-ле-Дюк, «первоначально трансепт предназначался только для монахов и клириков, но, начиная с XII века, доступ туда получили и верующие; постепенно он стал еще более просторным» [16, с. 457]. Возможно, отсутствие трансепта в Кёнигсбергском соборе и Фридландской кирхе связано не только с практическими причинами (малонаселенность региона, нехватка ресурсов), но и с определенной упрощенностью ритуальной схемы по сравнению с крупными монастырскими комплексами, где трансепт был необходим для организации сложных монашеских процессий.

Все четыре объекта объединяет наличие прямоугольного в плане хора без деамбулатория и капелл. Алтарные части рассматриваемых объектов и других тевтонских церквей имеют прямоугольную в плане форму, что довольно необычно, поскольку многие христианские храмы обладают полукруглыми или многогранными апсидами. О причинах возведения тевтонскими мастерами прямоугольных хоров на данный момент судить сложно. Сказать, что они не умели складывать из кирпича такую форму, будет неверно, поскольку, например, замковая часовня в Мариенбурге или Юдиттен-кирха в Калининграде имеют граненное завершение композиции.

Прямоугольная форма хора очень характерна для архитектуры цистерцианских аббатств. Среди монастырей немецких земель можно выделить церковь Св. Георгия в Локкуме (1230–1280 гг., Нижняя Саксония), церковь Сулейского монастыря (1232 г., Лодзинское воеводство), церковь монастыря Хайна (1216–1328 гг., Гессен) и многие другие. Таким образом, в цистерцианской монастырской архитектуре на территории немецких земель прямоугольная форма хора встречается чаще. Она концентрирует внимание на алтаре, организуя ритуал. Этот факт может служить дополнительным аргументом в пользу предположения о цистерцианских «корнях» Кёнигсбергского, Кульмзейского соборов, Фридландской кирхи.

Как уже вспоминали, цистерцианская архитектура не приветствует наличие башен, поскольку монахи ордена избегают всякого рода гордыню. Это прекрасно воплощено в Пельплинском аббатстве. Небольшая барочная башенка над средокрестием возникла только в 1619 г. Иная ситуация с памятниками в Кульмзее, Кёнигсберге, Фридланде, поскольку они выполняли соборную или около того функцию, а «соборность» в формальном решении во многом воплощается через башни.

Стоит сказать несколько слов о звездчатых и сетчатых сводах, которыми могут похвастаться все рассматриваемые объекты. На европейском континенте они возникли под английским влиянием. Ярким примером для подражания на Британских островах, а затем в остальной Европе служил Линкольнский собор [17, s. 28]. Любопытно отметить, что одними из первых подобных сооружений за пределами Англии стали церковь цистерцианского аббатства в Пельплине и собор в Кульмзее [18, p. 83]. Как отмечает историк архитектуры К.Х. Класен, проникновение английских новшеств на континент через далекую периферию готического мира объясняется налаженными морскими связями между Британией и Пруссией, а также активной деятельностью цистерцианского ордена в Прибалтике, в том числе в вопросах архитектурного развития [17, s. 32]. Возможно, существуют и другие объяснения. Сетчатые и звездчатые своды отвечали идее мистицизма: сложный, устремленный вверх рисунок свода — символ небесной гармонии, сложности божественного мироздания, который должен был направлять мысли молящегося ввысь, к созерцанию. Он создавал особую визуальную среду для молитвы и мистического переживания.

Одной из отличительных черт цистерцианского зодчества стало отсутствие всякой фигуративной декорации. Вспомним, как Бернард Клервоский возмущался по поводу изображений в монастырях. Однако впоследствии от этого завета мастера стали отходить. В Пельплинской

церкви сохранилась фреска XV в. с изображением св. Христофора. Есть сведения и фотографии утраченной программы росписей Кёнигсбергского собора. Фрески XIV в. по своему духу были скорее романскими. Главный реставратор собора в начале XX в. Р. Детлефсен назвал эти росписи «наивными» и прежде всего акцентировал веру в дидактическое предназначение цикла как живописное наставление для неграмотных верноподданных [19, s. 143]. О том, украшали ли росписи интерьеры Кульмзейского собора и Фридландской кирхи, данных нет.

К концу XIV–XV вв. могущество религиозных институций в Европе стало ослабевать, в том числе в Пруссии. После Грюнвальдской битвы 1410 г. Тевтонский орден потерял былые силы. Для цистерцианцев в целом также начались сложные времена. Различные бедствия, как, например, эпидемия «черной смерти» 1347–1351 гг. и Столетняя война 1328–1453 гг., сказались на делах этого монашеского ордена. Известно, что аббатство Сито было разграблено в 1350, 1359, 1438 гг., а затем дважды подвергалось высокому налогообложению с целью покрытия военных расходов [7, p. 123]. В этот же период наблюдается процесс роста могущества городов, в том числе в Прибалтике. Архитектура как никогда стала выразителем урбанистической идеи — идеи престижа, гражданской гордости и экономического могущества городской общины. В Тевтонском государстве ярче всего это проявилось в Данциге (Гданьск, Польша). Зодчество конца XIV–XV в. вступало в дискуссию, полемику со строительной практикой предыдущего периода. Теперь именно города, их советы, определяли художественную повестку. Данциг той эпохи — место диалога множества традиций. Отдельные крыши над отдельными нефами, которые можно встретить в гданьских церквях, характерны для Фландрии и Нидерландов, угловые башни, фланкирующие фасады имеют норманно-фламандское происхождение, а порталы трансепта Мариенкирхе — южнонемецкое [20, s. 106]. Да и сам по себе главный храм Данцига порывает с цистерцианским наследием: огромные размеры и устремленность отдельных деталей вверх явно противоречат заветам о смирении Бернарда Клервоского.

Итак, мы рассмотрели вопрос становления архитектуры в Пруссии в XIII–XIV вв. Исследователи по-разному оценивают обстановку развития зодчества в данном регионе. Так, к примеру, для многих польских ученых Тевтонский орден — агрессивная немецкая организация, неспособная создать самобытную культуру и искусство [20, s. 18]. Очень критичная позиция, надо отметить, но определенная доля резона в ней есть. Благодаря различным свидетельствам, таким как, например, экспансия в Прибалти-

ку и помощь в освоении ее, схожесть риторик, тесные контакты с тевтонским великим магистром Лютером Брауншвейгским, можем утверждать, что цистерцианцы, проповедовавшие аскезу, строгость, смирение, подавление гордыни и тщеславия, в первые десятилетия существования Орденского государства в Пруссии принимали активное участие в его жизни. Они же сыграли важную роль в генезисе готической архитектуры в регионе. Одним из первых кирпичных сооружений стало аббатство в Пельплине, построенное по цистерцианским канонам. В других же сооружениях Тевтонского государства прослеживаются черты, присущие цистерцианскому зодчеству, (сдержанность оформления, приземистый характер построек, прямоугольная форма хора, наличие перегородки, разделяющей монахов и мирян), которые олицетворяли собой религиозные идеалы, разделяемые и цистерцианцами, и тевтонцами. Цистерцианские мастера также явились проводниками новых архитектурных приемов — к примеру, сетчатых и звездчатых сводов, привнесенных из Англии. Однако, должны отметить, что в отношении немонастырского зодчества Пруссии (соборы, приходские церкви) цистерцианский канон, естественно, в полной мере уже не воплощался. Наличие башен и росписей внутри не соответствуют ему. Зальный тип композиции воплощался уже под влиянием немецкого мистицизма. Таким образом, генезис готической архитектуры Пруссии основан на синтезе разных традиций, но цистерцианское влияние заключалось в создании особого типа сакрального пространства, где каждый архитектурный элемент был подчинен определенной символической программе и нуждам литургического ритуала.

Список источников и литературы

1. *Леклерк Ж.* Святой Бернард и дух цистерцианцев. М.: Издательство Францисканцев, 2013. 142 с.
2. *Шилов Е.* Немецкая средневековая мистика: Майстер Экхарт в контексте позднего Средневековья // Вестник ПСТГУ. Серия 1: Богословие. Философия. 2007. № 18 [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/nemetskaya-srednevekovaya-mistika-mayster-ekhart-v-kontekste-pozdnego-srednevekovya (дата обращения: 04.01.2025).
3. *Штёкль А.* История средневековой философии М.: Вече, 2023. 304 с.
4. *Бернард Клервоский.* О размышлении. М.: Издательство Францисканцев, 2017. 204 с.
5. История эстетики. Памятники мировой эстетической мысли: в 5 т. Т. 1. М.: Изд-во Академии художеств СССР, 1962. 856 с.

6. *Erlande-Brandenburg A.* The Cathedral Builders of the Middle Ages. London: Thames & Hudson, 1995. 175 p.
7. *Gaud H.* Cistercian abbeys: History and architecture. Cologne: Könemann, 1998. 399 p.
8. *Samerski S.* Die Rolle der Bettelorden im Ordensland Preußen, [in:] Curaanimarum, Seelsorge im Deutschordensland des Mittelalters // Forschungen und Quellen zur Kirchen- und Kulturgeschichte Ostdeutschlands. Bd. 45. Köln-Weimar-Wien: 2013. S. 74–91.
9. *Петр из Дусбурга.* Хроника земли Прусской. М.: Ладомир, 1997. 384 с.
10. *Bourgeois N.* Les Cisterciens et la croisade de Livonie // Revue historique. No. 3. Paris: Presses universitaires de France, 2005. P. 521–560.
11. *Машке Э.* Немецкий орден. СПб.: Евразия, 2003. 256 с.
12. *Св. Бернард Клервоский*. Похвала новому рыцарству [Электронный ресурс]. URL: https://fsspx-fsipd.lv/ru/istoria-cerkvi/crusades/296-sv-bernar-pohvala-rycarstvu (дата обращения: 09.01.2025).
13. *Clasen K.H.* Die Baukunst an der Ostseeküste zwischen: Elbe und Oder. Dresden: Sachsenverl., 1955. 88 s.
14. Chełmż katedra Świętej Trójcy [Электронный ресурс]. Architektura średniowiecza i starożytności. URL: https://medievalheritage.eu/pl/strona-glowna/zabytki/polska/chelmza-bazylika-swietej-trojcy/ (дата обращения: 13.05.2025).
15. *Ювалова Е.П.* Чешская готика эпохи расцвета, 1350–1420. М.: Наука, 1998. 218 с.
16. *Виолле-ле-Дюк Э.Э.* Энциклопедия готической архитектуры М.: Эксмо; Наше слово, 2013. 508 с.
17. *Clasen K.H.* Deutsche Gewölbe der Spätgotik. Berlin: Kunst und Gesellschaft, 1961. 115 s.
18. *Nussbaum N.* German Gothic church architecture. London: Yale univ. press, 2000. 271 p.
19. *Piotrowska J.* Zakonnaredakcja Speculum humanae salvationis w Królewcu–przyczynek do zagadnienia działalności fundatorskiej Lutera z Brunszwiku // Studia Zamkowe. 2012. T. 4. S. 143–147.
20. Sztuka w kręgu zakonu krzyżackiego w Prusach I Inflantach: Materiały z II Symp. nauk. z cyklu “Sztukakrajów nad bałtyckich”, odbyłosię w Toruniu w dniach 24–26 IX. 1992 r. Toruń: Wydaw. Uniw. Mikołaja Kopernika, 1995. 323 s.

УДК 7.046.2

Бакуменко В.В.

Российский государственный художественно-промышленный университет им. С.Г. Строганова, факультет искусства реставрации, кафедра истории и теории декоративного искусства и дизайна, студентка магистратуры.
E-mail: vasilissabakumenko@gmail.com

«Визуальная интертекстуальность»: басни Эзопа как часть иллюстративной программы композитных французских манускриптов XIV–XV вв.

Аннотация. Статья посвящена особенностям французской книжной иллюстрации басен Эзопа на примере корпуса памятников XIV–XV вв. Выявлены присущие ей особенности: аккуратное взаимодействие текста и иллюстраций на страницах рукописей, богатство декоративных элементов и высокая техника исполнения. Выдвигается тезис об отсутствии устоявшейся иконографии басенной иллюстрации.

Ключевые слова: Эзоп, басенная иллюстрация, готическая миниатюра.

Bakumenko V.V.

Russian State University of Design and Applied Arts (Stroganov University), Restoration Faculty, Theory and History of Art Department, Master's program, Student.
E-mail: vasilissabakumenko@gmail.com

"Visual intertextuality": Aesop's Fables as a part of the Illustrative Program of French Miscellanies of the XIV–XV Centuries

Abstract. The article is devoted to French Aesopic fable illustration in multiple-text-manuscripts of the XIV–XV centuries. The study reveals prevailing features of the images such as — accuracy in the visual transmission of text on the pages of manuscripts, opulence in terms of decor, and highly technical execution of the pictures. A thesis is put forward about the absence of an established iconography of the fable illustration.

Keywords: Aesop, fable illustration, gothic manuscript illumination.

Французская басенная литература сыграла заметную роль в эволюции эзоповой басни в Средние века, но ни один современный ученый до сих пор не составил общего отчета о ее истории и развитии. Отдельные сборники французских басен, относящиеся к этому периоду, время от времени выходили в свет, некоторые иллюстрации, содержащиеся в этих сборниках, были прокомментированы исследователями, но не комплексно и не подробно. С тех пор как Дж. Кейдель обозначил данную проблему [1, p. 207–219], прошло более 100 лет, появились различные исследования литературных басенных сборников, но тема средневековой французской басенной иллюстрации к областям исследованного не относится.

«Вымышленный рассказ, являющий образ истины» — одно из закрепившихся определений басни как литературной формы, зародившейся в античности. Среди её отличительных особенностей можно выделить простоту и краткость, помогающие легко донести до читателя мораль, которая считается обязательной составляющей. Главными героями басен являются преимущественно животные, поскольку они легче поддаются типизации и выявлению характерных черт, которые могли бы лечь в основу рассказа [2, p. 1–5].

В Средние века басня вписалась в жанровую систему вполне обоснованно. Присущая ей дидактика отвечала моралистическому духу эпохи, кроме того, активное применение ей нашли все, в чьи обязанности входило обучение: проповедники, учителя, родители. На её примере можно было рассуждать о христианских добродетелях, нормах морали, темах, которые были созвучны теоцентричному сознанию средневекового человека [3, с. 253–254]. В умелых руках басня сумела выйти за пределы дидактического жанра. Такие авторы, как Мария Французская и Одо из Черитона, пользовались басней как инструментом социальной критики. Античная идея использования разных видов животных для представления многочисленных сословий человеческого общества в Средневековье поднялась на ступеньку выше и возымела более обличительный и критический в отношении правящих сословий характер [4, p. 50]. Пройдя путь от назидательной учебной литературы для малограмотных школьников до придворной социальной критики, басня заняла устойчивое место среди литературных жанров Средневековья [4, p. 51]. Актуальность и многопрофильность позволила ей закрепиться сразу во всех социальных слоях. В частности, таковыми были церковь и аристократия — главные спонсоры и основные потребители искусства в эпоху Средневековья, которые принимали, использовали в своих целях и с интересом относились

к басне. Это позволило басне найти выход в изобразительную традицию и закрепиться в ней.

Несмотря на популярность басен и важное положение животных уже в античности, иллюстрации этих небольших текстов, особенно «звериные» (а их у Эзопа большинство), практически отсутствуют. Мысль о том, что животное может быть главным персонажем, пока оставалась только в литературной традиции. Само «понижение» басен в иерархии жанров, их статус школьной литературы говорит о том, что к ним относились без должной серьезности, посему не приходится говорить о памятниках высокого античного искусства, иллюстрирующих басни Эзопа. По словам французского историка и антрополога Франсуа Лиссаррага, та иконографическая традиция, которая, начиная со Средних веков, обильно иллюстрирует каждую басню, не имеет прямых аналогов в античности [5, p. 139].

Постепенное включение иллюстраций в рукописи с текстами басен можно связать со способом мышления средневекового человека, более восприимчивого к визуальной, нежели текстуальной форме изучения [6, p. 155–156]. Можно вспомнить объяснение Мэри Каррутерс: «Отношение к памяти как к плоскому пространству, разделенному составляющими сетку столбцами, кажется абсолютно точно вышедшим из Средних веков» [7, p. 162] — и применить это к развитому визуальному восприятию информации.

Иллюстрированные басенные вставки не сразу начали изображаться в качестве отдельных миниатюр в специализированных сборниках. Сначала наиболее популярные сюжеты и образы придуманной Эзопом вселенной появлялись вырванными из контекста в разных видах изобразительного искусства. Для Франции романского периода это тоже характерно. Изображения животных с завидной регулярностью попадали на историзованные капители и стены храмов, составляя часть их декора. Таким образом, можно говорить об особом положении басенных изображений в сложившейся системе романского искусства. К ним одновременно относились как к ценному способу визуального комментирования богословского или морализирующего характера и как к недостойному собственного поля предмету, вынося за скобки.

При обсуждении басенных иллюстраций на страницах уже готических манускриптов первым регионом, о котором следует вспомнить, является Франция, поскольку наиболее ранняя иллюстративная традиция установилась именно там. В это время искусство оформления книги в Западной Европе выходит из монастырского скриптория, который

до XIII в. сохранял монополию на их производство, в мастерские мирян, с большим интересом подходивших к созданию книг на светские темы [6, p. 32–33]. Наконец, басня как светский сюжет получила востребованное поле, где могла воспроизводиться как самостоятельный, а не вспомогательный жанр. Именно поэтому о зарождении полноценной традиции книжной иллюстрации басен Эзопа приходится говорить только с конца XIII в.

Во Франции было характерно (во всяком случае, в отношении «животной» литературы) объединять под одной обложкой несколько сочинений, не связанных друг с другом автором или даже столетием. Чаще всего такими сочинениями становились сборники басен, для Франции — преимущественно в переводе Марии Французской, и бестиарии разного авторства: античный «Физиолог» или уже существовавшие современные версии Гийома ле Клерка, Ришара де Фурниваля или Готье из Меца.

Называть рукописи, содержащие несколько текстов разных авторов можно тоже по-разному. Сборник — наиболее очевидное название для таких манускриптов, но в научной литературе встречаются термины «композитный», «составной» или более комплексный “multiple-text manuscript” (MTM) [8, p. 1–26]. Такую сложную структуру книги в случае с французскими сборниками о животных можно объяснить несколькими причинами. Во-первых, создание книги — это дорогостоящий и трудоёмкий процесс, порой объединение текстов в композитную рукопись объяснялось банальной экономической выгодой, поскольку создать одну книгу, пусть и более объёмную, дешевле и быстрее, чем несколько. Во-вторых, для системы мышления средневекового человека объединить бестиарий и басни значило собрать в одном месте эти немногочисленные знания, упорядочить и удвоить их, хотя уже тогда была очевидна разница этих жанров.

Первая рукопись композитного характера, содержащая иллюстрированные басни Эзопа в переводе Марии Французской (BnF, Ms. Français 2173) хранится в Национальной библиотеке Франции и датируется третьей четвертью XIII в. В состав манускрипта помимо «звериных» басен входит текст сочинения Готье (Госсуэна) из Меца «Образ мира, или Зерцало мира». В разделе этой многопрофильной энциклопедии, посвященной географии, написанной в середине XIII в., автор, подобно составителям бестиариев, описывает животных, однако, в отличие от последних, его текст не содержат моралистических или аллегорических трактовок [9]. Страницы 58r-92r содержат миниатюрные темперные иллюстрации 97 басен Эзопа. Они аккуратно вписаны в пространство рукописи, но

иногда заходят чуть поверх инициалов, из чего можно сделать вывод, что переписчик работал прежде художника и предусмотрительно оставлял пустое поле для изображения. Рисунки отличаются особой тонкостью и детализированностью. Видно, что мастер с вниманием подошёл к прорисовке анатомических особенностей животных и либо писал их с натуры, либо имел под рукой ряд отличавшихся хорошим качеством книг-образцов. Несмотря на подробности в изображении, они всё ещё плоскостные и несколько застылые.

Можно обратить внимание на иллюстрацию басни, в которой цапля помогла волку достать из глотки кость за вознаграждение, которого в итоге не получила (Перри 156; F. 62v). Для иллюстрации был выбран кульминационный момент, когда птица опускает клюв в волчью пасть. Волк изображён вполне натуралистично: с пушистым хвостом, длинным туловищем и острыми ушами, хотя типично серый или чёрный окрас, характерный для хищника и встречающийся в других иллюстрациях рукописи, тут заменён на песочный. Цапля сохраняет свои главные атрибуты — длинная шея и ноги, но изображается с контрастным синим, красиво прорисованным оперением.

Иллюстрации не имеют фона, архитектурные или растительные мотивы, которые могли бы его составить, сведены к минимуму. На примере басни «Лисица и ворон» (Перри 124; F. 63r) можно проследить, как при условии практически отсутствующих деталей фона басня иллюстрируется точно в соответствии с текстом. Мария подробнее Эзопа «расписывает» обстоятельства, при которых у ворона оказалось лакомство — в данном случае сыр: он пролетал мимо открытого окна кладовой, в которой на плетеном подносе лежали сыры, и унёс одну из головок [10, p. 63–65]. Поскольку нигде в тексте не обозначено, где лиса повстречала ворона, художник, вынеся на фон детали кладовой, откуда был похищен сыр, изобразил птицу в полёте. Исходя из этого, можно сделать вывод, что художник создавал изображения строго в соответствии с текстом, не добавляя ничего лишнего, но и не опуская важные детали повествования.

Рукопись конца XIII — начала XIV в. из библиотеки Арсенала — яркий пример композитного кодекса. Arsenal Ms.3142 носит название «Сборник старинных французских стихов» (Recueil d’anciennes poésies françaises) и объединяет более десяти произведений разных авторов, в том числе и Марии Французской с ее сборником басен, каждая из которых имеет небольшую иллюстрацию, вписанную в историзованный инициал. Прежде (и в дальнейшем) миниатюр такого формата во французских басенных манускриптах не было, но стремление включить как

можно больше текстов в рукопись побудило переписчика и вместе с ним художника «ужиматься». И следует признать, сделано это было крайне искусно.

На странице рукописи в среднем размещается по три басни и три иллюстрации. На примере иллюстрации басни о волке и цапле (Перри 156; F. 256v) можно рассмотреть иллюстративные принципы, которым следовал художник. В качестве фона всегда выбирается позолота и, даже учитывая небольшой размер поля для иллюстрации, в него всё равно всегда помещается одно или несколько деревьев, обозначающих, что действие происходит вне помещения. Звери изображаются натуралистично и соразмерно друг другу. Порой изображение дополняется персонажами, которых не было в тексте, — например, рядом с достающей кость из глотки волка цаплей стоят трое других наблюдающих животных. Ещё одну интересную особенность можно проследить в иллюстрации к басне о вороне и лисице (Перри 124; F. 258r). Она заключается в выборе не самого распространенного эпизода басни — когда лиса уже заполучила сыр и убегает с добычей от потерпевшего неудачу ворона.

Рукопись BnF, Ms. Français 15213 особенно интересна, поскольку известен не только её владелец, но и мастер, создавший иллюстрации, а значит, и место создания. Это композитный кодекс второй четверти XIV в., содержащий два сочинения: анонимный перевод Александра Неккамана с латыни на французский язык «Нового Эзопа» (Novus Aesopus), носящего также название «Изопет II Парижский», и «Бестиарий любви» Ришара де Фурниваля — автора песен-«пастурелей» и прозаических произведений куртуазного содержания первой половины XIII в. [11].

«Бестиарий любви» — это полижанровое произведение, которое исследователь средневековой литературы М.А. Абрамова называет «оксюморонным», поскольку оно объединяет лирику и прозу, научный трактат и послание к возлюбленной, исследование возвышенного (любви) и низменного (физиологии животных). Сочинение де Фурниваля сходно с остальными бестиариями, поскольку так же находится в области аллегорической литературы, в которой человек уподобляется описываемому животному, различие, однако, в том, что в «Бестиарии любви» животным уподобляются конкретные люди — автор и его дама [12, с. 132–146].

Создание иллюстративной программы кодекса относят к периоду 1338–1353 гг. и приписывают Ришару де Монбастону — продавцу книг и художнику-иллюстратору, работавшему над оформлением ряда манускриптов, чаще всего вместе со своей женой Жанной де Монбастон. Мастерская, в которой работали супруги де Монбастон, находилась под

юрисдикцией Парижского университета. Одной из наиболее популярных книг, созданных в этой мастерской, является BnF, Ms. Français 25526, «Роман о Розе».

Всего в «Изопете» 40 басен, каждой из которых посвящена миниатюра, размещенная под выделенным красными чернилами заголовком басни. Иллюстрации помещаются в прямоугольные рамки с широкими контрастными полями. Пространство вокруг занимают буйные тонкие стебли с острыми листьями, фон внутри рамы заполняется либо позолотой, либо решётчатой вариацией красного или синего цвета. Подобный ход встречается и в других рукописях, атрибутируемых паре де Монбастон (прим. BnF, Ms. Français 25526.F. 94r). Фигуры размещаются в пределах рамки, иногда заступая на неё.

Первая басня, иллюстрацию к которой можно обнаружить в BnF, Ms. Français 15213, — история о волке и цапле (Перри 156; F. 1v). Визуальное повествование делится на два эпизода, что является прецедентом и читается справа налево. Сначала волк и цапля изображаются смирно сидящими справа, затем уже на левой части изображения голова птицы целиком погружена в глотку волка, что необычно, если сравнивать с ранними иллюстрациями этой басни: на них цапля лишь касается клювом волчьей пасти или находится на этапе погружения в неё. Верхняя часть фона заполнена золотом, поверх которого процарапаны тонкие флоральные узоры, нижняя закрашена светло-зеленым оттенком, должно быть, имитирующим траву. За исключением процарапанных узоров никакими лишними деталями фон не изобилует, что сближает эту рукопись с предыдущей, где фона не было вовсе.

Животные в Ms. Français 15213 отличаются застылостью и угловатостью, их обобщенные тела снабжены характерными короткими ногами, шеи практически отсутствуют, заполняются преимущественно одним цветом. Дополнительно фигуры моделируются контрастными штрихами и точками, особенно в изображениях птиц, поскольку проработка крыльев требует дополнительных усилий. Можно обратить внимание на иллюстрацию седьмой басни из «Нового Эзопа» о коршуне и орлице [14, p. 7], где контрастные красные штрихи подчёркивают динамику раскрытых крыльев, а белые точки на песочных туловищах создают дополнительный объём (F. 8r).

Пара де Монбастон отличалась чувством иронии и умела шутить на страницах своих рукописей, порой за счёт нарушения канонов, обозначенных ими же изначально. Вплетение нелепого и маргинального в иллюстрации можно проследить, как в самой яркой их рукописи —

BnF, Ms. Français 25526, так и в басенных изображениях. Примером нарушения собственных правил служит иллюстрация басни «Лев и конь» (F. 30r) [15, с. 77], в которой конь ударил «буйными копытами» по морде льва, прикинувшегося лекарем, чтобы напасть на коня. В пространстве рукописи этот сюжет решён следующим образом: коротконогого серого коня с чётко выраженными массивными копытами поместили по центру обрамлённой композиции; он занял всё поле, на сетчатом красном фоне которого изобразили три условных дерева; лев же, пинаемый лошадью, был помещён мастером на стыке синей рамы и пустого края манускрипта. Конь, продемонстрировавший свое господство и находчивость в тексте, господствует и на данной иллюстрации, вытеснив из неё непривычно окрашенного и несоразмерно маленького льва с выразительным хвостом.

Последним из французских манускриптов, на который следует обратить внимание, является BnF, Ms. Français 1594. Эта рукопись имеет второе название — «Изопет I Авианнет», напрямую связанное с её содержанием: этот кодекс если и можно назвать композитным, то обязательно сделав уточнение, что объединённые в нём тексты имеют одно начало — у Эзопа и являются вариациями его басен. Созданный на рубеже XIV и XV веков, манускрипт включает анонимную стихотворную адаптацию басен из основного эзоповского сборника, которую в 1610 г. Исаак Невелет включил в своё издание “Mythologia Aesopica”, после чего анонимный перевод закрепился как “Anonymus Neveleti” [3, с. 276]. Но кроме 64 басен из «Анонимного Невелета» рукопись содержит 19 из 42 басен Авиана, посему зовётся «Изопет-Авианнет» [16]. Достоверно неизвестно, кто был заказчиком и кто занимался иллюстрированием, но существует предположение, что он мог принадлежать Луи де Брюгге, сеньору Грютюза [17, p. 225], а Франсуа Авриль полагал, что плохо различимый герб под гербом Франции на первой странице рукописи (F. 1r) мог быть гербом герцога Беррийского, однако в инвентарных книгах герцога манускрипт не упоминался.

Обратимся к иллюстрации басни о лягушке и мыши (Перри 384; F. 4r), в которой лягушка, согласившаяся помочь мыши переправиться через реку, привязав к себе, топит её, а потом их обеих съедает коршун. Художник, создавший рисунок в рукописи, достиг высочайшего уровня визуальной передачи текста, благодаря которому определить, что за басня перед читателем, можно безо всяких подсказок. Хотя животные передаются анатомически подробно, благодаря чему их легко узнать, они совершенно несоразмерны как друг другу, так и окружающему их пейзажу: лягушка крупнее мыши и коршуна, который вот-вот её схватит, а мышь

практически одного размера со стоящими по бокам деревьями. Можно отметить грамотное, но ограниченное использование цвета (в данном случае голубого) для обозначения воды, в которой утонула мышь, и очень разбавленный оттенок зелёного, которым раскрашена лягушка. Небольшие цветовые вставки отмечены в ещё нескольких иллюстрациях, но в остальном они остаются монохромными.

Комплексных исследований иллюстративной программы данной рукописи не существует, но есть тексты, анализирующее иконографические особенности отдельных иллюстраций. Например, есть статья, автор которой анализирует рисунок, изображающий эпизод басни о голодном орле [Федр II, 6]. Во время поисков еды орёл нашёл черепаху, съесть которую не мог из-за её панциря. Ворона, подлетевшая к орлу, посоветовала тому бросить черепаху о скалы, разбить таким образом панцирь и добраться до мяса, что в итоге и произошло. В некоторых вариациях черепаха заменяется на улитку или других животных, защищённых панцирем, но смысл басни остаётся прежним [18, p. 163].

На иллюстрации Ms. Français 1594 как раз изображается улитка, которую несёт орёл, отличающийся закруглённым клювом от сидящей на дереве вороны (F. 15v). Судя по иконографическому анализу иллюстраций этой басни в других рукописях, произведённому Р. Траслером, установленного канона в изображении нет [19]. То же можно сказать и о других баснях и их визуальных интерпретациях. Значит, преимущественно художники опирались не на уже существующие басенные рукописи (при условии, что создавалась не копия, а оригинальный манускрипт), а на текст и его вариации, стараясь проиллюстрировать басни в соответствии с ними.

Итак, проанализировав иллюстрации французских басенных сборников по отдельности, можно предпринять попытку выделить особенности, присущие корпусу целиком. Главная характеристика — отсутствие преемственности с более ранними изображениями басенных сюжетов и устоявшейся иконографией как таковой. Взаимодействие текста и иллюстраций можно описать как внимательное и уважительное по отношению друг к другу. Иллюстрации аккуратно вписывались художниками в пространство рукописей, не нарушая целостность текста, что говорит о последовательной работе переписчика и художника. Изображения создавались строго в соответствии с текстом, в них исключались лишние детали, но не опускались важные моменты повествования.

Что касается стилевых особенностей, то иллюстрации отличаются аккуратностью, тонкостью и детализированностью, особенно в прори-

совке анатомии животных. Фон у большинства изображений минимален или отсутствует, иногда для обозначения окружающей среды использовалась позолота или простые локальные цветовые заливки. Говоря об иконографических и композиционных особенностях, следует отметить, что иллюстрации изображают преимущественно кульминационные моменты басен, следуя романской традиции. Животные изображаются натуралистично, соразмерно друг другу, иногда добавляются дополнительные персонажи или детали для усиления смыслового восприятия. Таким образом, можно заключить, что иллюстрации французских басенных рукописей отличаются высокой техникой исполнения, точностью в передаче текста и богатством декоративных элементов.

Список источников и литературы

1. *Keidel G.C.* The History of French Fable Manuscripts. Cambridge: PMLA / Publications of the Modern Language Association of America, 1909. Vol. 24(2). P. 207–219.
2. *Zafiropoulos C.A. E*thics in Aesop's Fables: The Augustana Collection. Leiden; Boston; Koln: Brill, 2001. 202 p.
3. Басни Эзопа / Пер. М.Л. Гаспарова. М.: Наука, 1968. 320 с.
4. *Salisbury J.E.* Human animals of Medieval fables // Animals in the Middle Ages. London; New York: Routledge, 2010. 206 p.
5. *Lissarrague F.* Aesop, Between Man and Beast: Ancient Portraits and Illustrations. Not the Classical Ideal: Athens and the Construction of the Other in Greek Art. Edited by Cohen B. Leiden: Brill, 2000. P. 132–149.
6. *Paecht O.* Book Illumination in the Middle Ages: an introduction. Oxford University Press, 1986. 221 p.
7. *Carruthers M.J.* The Book of Memory: A Study of Memory in Medieval Culture. Cambridge University Press, 2008. 519 p.
8. *Friedrich M., Schwarke C.* One-Volume Libraries: Composite and Multiple-Text Manuscripts. Berlin, Boston: De Gruyter, 2016. 380 p.
9. *Gossuin de Metz.* The Medieval Bestiary [Электронный ресурс]. URL: https://bestiary.ca/prisources/psdetail104983.htm (дата обращения: 24.05.2025).
10. *Marie de France.* Fables.Edited and translated by Harriet Spiegel. Toronto; Buffalo; London: University of Toronto Press, 1994. 282 p.
11. *Ришар де Фурниваль.* Бестиарий любви // Малые жанры старофранцузской литературы. Киев: Карме-синто, 1995. С. 89–180.
12. *Абрамова М.А.* «Любовный бестиарий» Ришара де Фурниваля: проблема жанра // Кентавр. М.: РГГУ, 2006. № 3.С. 132–146.

13. *Camille M.* Image on the Edge: The Margins of Medieval Art. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1992. 176 p.
14. Recueil général des Isopets, publié par Julia Bastin. T.I. Paris: H. Champion / Societe des Anciens Textes Francais, 1929. 181 p.
15. *Федр Бабрий.* Басни. Пер. М.Л. Гаспарова. М.: Наука, 1962. 263 с.
16. BnF, Ms. Français 1594 // Описание на сайте Национальной библиотеки Франции [Электронный ресурс]. URL: https://archivesetmanuscrits.bnf.fr/ark:/12148/cc136153 (дата обращения: 28.05.2025).
17. *Lemaire C.* De bibliotheek van Lodewijk van Gruuthuse, dans Vlaamse kunst op perkament. Bruges, 1981. P. 207–229.
18. *François A.* Fichier des manuscrits enluminés du département des Manuscrits. NAF 28635 (4) [Электронный ресурс]. URL: https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b10000507p/f1259.item (дата обращения: 28.05.2025).
19. *Trachsler R.* La tortue, la limace et la welke. Le dossier iconographique de la fable de l'aigle et de la corneille. Reinardus: Yearbook of the International Reynard Society. Vol. 15. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamin's Publishing Company, 2002. P. 161–174.

УДК: 94(450).05

Григорьев М.А.
Тюменский государственный университет,
Институт социально-гуманитарных наук, аспирант.
E-mail: m.a.grigorev@utmn.ru

Рукописное книжное ремесло как локус взаимодействия в интеллектуальной среде Флоренции первой половины XV в.

Аннотация. Данное исследование посвящено анализу роли рукописного книжного ремесла в формировании интеллектуальной среды Флоренции в первой половине XV в. в период Кватроченто. В статье ставится цель показать, что производство и распространение рукописных книг стало важнейшим элементом коммуникации, связавшим гуманистов, книготорговцев, ремесленников и элиты города. В качестве основного источника исследуется труд книготорговца Веспасиано да Бистиччи “Vite di uomini illustri del secolo XV”, который позволяет проанализировать личные и профессиональные связи внутри интеллектуального сообщества. Исследование демонстрирует, что деятельность по поиску и копированию античных рукописей таких гуманистов, как Поджо Браччолини и Никколо Никколи, трансформировалась в устойчивую культурную практику. Центром этой деятельности стала улица Via dei Librai, превратившаяся в публичное пространство для обмена идеями и знаниями. Наивысшего расцвета коммуникация между ремесленниками и интеллектуалами достигла при поддержке семейства Медичи, что выразилось в создании публичных библиотек и популяризации знаний в городской среде.

Ключевые слова: Флоренция, Via dei Librai, рукописное книжное ремесло, Возрождение, Медичи, гуманисты, распространение знаний, интеллектуальное развитие.

Grigorev M.A.
Tyumen State University,
Institute of Social Sciences and Humanities,
Postgraduate student.
E-mail: m.a.grigorev@utmn.ru

Manuscript book craft as a locus of interaction in the intellectual environment of Florence in the first half of the 15th century

Annotation. This study analyzes the key role of manuscript bookmaking in shaping the intellectual environment of Florence during the first half of the 15th century, during the Quattrocento period. The article aims to demonstrate that the production and distribution of manuscript books became a crucial element of communication, linking humanists, booksellers, craftsmen, and the city's elite. The primary source used is the work of the bookseller Vespasiano da Bisticci called "Vite di uominiillustri del secolo XV", which allows to analyze personal and professional ties within the intellectual community. The study demonstrates that the activity of searching for and copying ancient manuscripts, initiated by humanists such as Poggio Bracciolini and Niccolò Niccoli, transformed into a sustainable cultural practice. The center of this activity was Via dei Librai, turned into a public space for the exchange of ideas and knowledge. Communication between artisans and intellectuals reached its peak with the support of the Medici family, which resulted in the creation of public libraries and the popularization of knowledge in the urban environment.

Keywords: Florence, Via dei Librai, manuscript bookmaking, Renaissance, Medici, humanists, dissemination of knowledge, intellectual development.

В первой половине XV в. Флоренция, находясь в стадии активного формирования центра Возрождения, представляла собой уникальную интеллектуальную экосистему. Ключевую роль в выстраивании связей внутри этой среды сыграло рукописное ремесло, бурно развивавшееся в XV в. Флоренция того времени еще только формировалась как центр итальянского Ренессанса, и в период второй четверти XV в. зарождались предпосылки для дальнейшего процветания искусства и науки. Благодаря своей активной торговой деятельности и прогрессивному менталитету граждан Флоренция стала эпицентром культурного и интеллектуального развития [1]. Цель данного исследования — обозначить роль рукописного книжного ремесла как одного из наиболее важных элементов коммуникации в интеллектуальной городской среде. В качестве метода в исследовании используется подход интеллектуальной истории, направленный на изучение и анализ культурных и интеллектуальных тенденций в изучаемый период.

Основным источником, зафиксировавшим наличие взаимосвязей между книголюбами и ценителями знаний греческой и римской культуры, является "Vite di uomini illustri del secolo XV". Данный труд представляет собой сборник биографий наиболее значимых людей первой половины XV в, написанный Веспасиано да Бистиччи — книготорговцем и одним из представителей интеллектуальной элиты Флоренции [2]. Написанный им в Антелле в 1480-е годы, сборник содержит подробные

описания из жизни римских пап, кардиналов, правителей Флоренции и других регионов Италии, гуманистов, педагогов и литераторов, с которыми сам Веспасиано был знаком в ходе своей деятельности.

Одной из важных составляющих установления взаимодействий внутри общей интеллектуальной среды являлось книжное ремесло. До широкого распространения на Апеннинском полуострове книгопечатания именно рукописные книги были самым распространенным источником информации и знаний в Италии, что способствовало развитию связей между ремесленниками, гуманистами и гражданами города. Процесс создания рукописной книги был коллективным трудом, требующим взаимодействия каллиграфов, иллюминаторов и переплетчиков. Это превращало мастерскую Гвардуччи на Книжной улице в коммуникативный узел, где вырабатывались общие эстетические и интеллектуальные стандарты [3].

В период 1433–1448 гг. видные гуманисты, среди которых особое место занимали Поджо Браччолини, Никколо Никколи и Леонардо Бруни, сформировали определенного рода «моду», так как их деятельность была связана с поиском трудов античных авторов по всей Европе [4]. Изначально целью этих поисков было пополнение собственных коллекций, однако дальнейшее развитие данной поисковой деятельности создавало потребность в оформлении фрагментов в полноценные книги как для личных коллекций, так и на продажу. Впоследствии данная тенденция получила развитие через литературный жанр комментариев и публичные выступления, которые транслировали идеи прошлого на широкую публику. Литераторы обращались в рукописные книжные мастерские, располагавшиеся в тот период времени на улице Via dei Librai, где работал автор “Vite di uomini illustri del secolo XV”. Этот факт свидетельствует о том, что между ремесленниками и литераторами формировались общие интересы [5].

Социально-экономический статус книготорговцев, переписчиков и производителей, таких как Веспасиано да Бистиччи, позволял им выступать в качестве не только ремесленников, но и полноправных участников интеллектуального диалога. Их мастерские, в частности лавка Микеле Гвардуччи, где и трудился Веспасиано да Бистиччи, становились местом притяжения для таких гуманистов, как Леонардо Бруни, Поджо Браччолини и Никколо Никколи, где велись дискуссии о качестве текстов, художественном оформлении кодексов, манускриптов и «записок», а также о поиске античных рукописей. Как отмечает исследователь Роберт Блэк, книготорговцы часто обладали глубокими познаниями в клас-

сической античной литературе и могли влиять на формирование культурных вкусов своих клиентов, выступая в роли консультантов и кураторов частных библиотек [6]. Это стирало жесткие границы между умственным и физическим трудом.

Формирование интеллектуальной среды также было тесно связано с развитием эпистолярной культуры. Гуманисты, посылая друг другу тщательно переписанные и оформленные копии обнаруженных фрагментов какого-либо текста, не только обменивались знаниями, но и создавали сеть ученой коммуникации, выходившую за пределы Флоренции по Италии и Европе. Как подчеркивает Э. Фрайде, именно через переписки такого рода и посвящения в рукописях формировалось самосознание раннегуманистического сообщество и его идеология [7].

Финансовая поддержка со стороны правящей элиты в лице семейства Медичи была целенаправленной инвестицией в символический капитал Флоренции. Заказывая роскошные рукописи для создаваемых ими публичных библиотек и личных коллекций, такие фигуры, как Козимо Медичи, не просто демонстрировали свою образованность, но и конструировали новый образ Флоренции как наследницы истиной античной мудрости. По мнению А. Филда, создание библиотеки Сан-Марко и других коллекций было осознанной политикой, направленной на консолидацию интеллектуальной элиты вокруг «режима» Медичи и легитимацию их власти через покровительство культуре [8]. Таким образом, рукописная книга стала инструментом «мягкой силы», а ее производство — стратегически важной отраслью в городской среде.

Помимо политического влияния, коллекционирование книг стало маркером социального статуса для новой городской элиты. Представители банкирских и торговых династий и другие богатые представители города, такие как Палла Строцци, Джанноццо Манетти, Никколо Никколи и Поджо Браччолини, соревновались в создании обширных библиотек. Это стимулировало спрос на труд переписчиков и способствовало стандартизации гуманистического письма, где почерк Браччолини стал фундаментом для латинского прямого начертания, а Никколи — рукописного курсива, ставшего в дальнейшем основой для печатного шрифта в мастерской Альда Мануция в Венеции [9]. В принципе, этот феномен, подробно описанный М. Беккья, показывает, как экономическое процветание Флоренции напрямую финансировало интеллектуальный и культурный всплеск [10].

Улица Via dei Librai, являвшаяся в тот период времени важнейшим коммерческим, а также публичным городским пространством, стала

официальным местом сосредоточения всей интеллектуальной элиты Флоренции [11]. Во многом это было связано с ростом образованности граждан, распространением все большего числа трудов авторов древнего мира в городе, переводом книг на итальянский язык тосканского диалекта и публичных выступлений с обсуждением идей Аристотеля, Платона, Ливия [12]. Период 40-х годов XV в. стал временем процветания книжной рукописной традиции. Деятельность гуманистов, связанная с интерпретацией идей прошлого для окружающего их мира, привлекала не только обычных граждан, но и правителей, старавшихся идти в ногу со временем, священников, анализирующих творчество языческих авторов и иностранцев, которые впоследствии становились проводниками культуры Ренессанса в другие регионы Европы. В дальнейшем именно пристальное внимание со стороны правящего семейства Медичи, заключавшееся в финансировании этой индустрии, привело к наивысшей точке коммуникации между ремесленниками и гуманистами. Это отразилось в создании ряда публичных библиотек, где особое место занимала идея о том, что знания должны быть распространены для всех.

Проведенное исследование показало, что рукописная книжная традиция в период Кватроченто стала не просто техническим процессом, а центральным и системообразующим элементом интеллектуальной среды Флоренции первой половины XV в. Она создала уникальный коммуникативный локус, будь то мастерская Гвардуччи на Via dei Librai, библиотека Медичи, личная коллекция Никколи или пространство эпистолярного обмена, где стирались границы между ремеслом и творчеством. Как демонстрирует пример Веспасиано да Бистиччи, фигура книготорговца-гуманиста воплотила в себе синтез этих сфер, выступая посредником, консультантом и полноправным участником формирования культурного дискурса. Целенаправленная политика патронажа со стороны семейства Медичи, превратившая книжное ремесло в инструмент так называемой мягкой силы, и статусное коллекционирование со стороны новой флорентийской элиты обеспечили этой системе мощное финансовое и социальное основания.

Таким образом, рукописная книга оказалась тем материальным социальным медиумом, который аккумулировал идеи прошлого, опосредовал взаимодействие между ключевыми агентами эпохи (гуманистами, правителями, меценатами и ремесленниками) и обеспечил трансляцию гуманистических идеалов. Именно этот комплексный феномен, объединивший экономику, политику, культуру, социальные амбиции и интеллектуальные поиски, заложил фундамент для уникальной культурной

модели, обеспечившей Флоренции славу «колыбели Ренессанса» и определившей вектор развития европейской культуры на столетия вперед. Последующее распространение идей эпохи Возрождения по другим регионам Европы было во многом подготовлено этой эффективной коммуникационной системой, созданной и отработанной в рамках флорентийского книжного ремесла.

Список источников и литературы

1. *Najemy J.N.* A History of Florence, 1250–1575. Malden: Blackwell, 2006. 528 p.
2. *King R.* Bookseller from Florence. New York: Atlantic Monthly Press, 2021. P. 420–440.
3. *De la Mare A.C.* The Handwriting of Italian Humanists. Oxford University Press, 1973. Vol. 1. P. 45–47.
4. *De la Mare A.C.* New Research on Humanistic Scribes in Florence / Ed. A. Garzelli // Miniatura florentina del Rinascimento, 1440–1525: Un primo censimento. Florence: Giunta regionale Toscana, 1985. Vol. 1. P. 25–30.
5. *Leader A.* The Badia of Florence: Art and Observance in a Renaissance Monastery. Bloomington, Indianopolis: Indiana University, 2012. P. 78–85.
6. *Black R.* Humanism and Education in Medieval and Renaissance Italy: Tradition and Innovation in Latin Schools from the Twelfth to the Fifteenth Century. Cambridge University Press, 2001. P. 245–248.
7. *Fryde E.* Humanism and Renaissance Historiography. The Hambledon Press, 1983. P. 88–92.
8. *Field A.* The Origins of the Platonic Academy of Florence. Princeton University Press, 2014. P. 112–115.
9. *Kapr A*. Schriftkunst. Geschichte, Anatomie und Schönheit der lateinischen Buchstaben. Dresden: Verlag der Kunst, 1971. P. 90.
10. *Bécchia M.* Les Bibliothèques privées à Florence au XVe siècle. Librairie Droz, 2010. P. 112–115.
11. *Bisticci Vespasiano da.* Vite di Uomini Illustri del Secolo XV / Ed. A. Bartoli. Firenze: Barbèra, Bianchi e comp., 1859. 564 p.
12. *Black R.* Literacy in Florence, 1427 / Ed. D.S. Peterson, D.E. Bornstein // Florence and Beyond: Culture, Society and Politics in Renaissance Italy: Essays in Honor pf John M. Najemy. Toronto: Center for Renaissance and Reformation Studies, 2008. P. 195–210.

УДК 94

Кузьмина В.А.
Санкт-Петербургский государственный университет,
Институт истории, студент бакалавриата.
E-mail: st120918@student.spbu.ru

Эней Сильвий Пикколомини и его сочинения в культуре Кватроченто

Аннотация. В статье рассматривается вопрос об эволюции гуманистических идей в сочинениях влиятельного государственного деятеля и папы римского Энея Сильвия Пикколомини. Основные черты гуманистического движения — антропоцентризм, обращение к античному наследию — находят свое отражение в художественном и автобиографическом произведениях Пия II, анализ которых является задачей данной статьи.

Ключевые слова: Эней Сильвий Пикколомини, Пий II, гуманизм.

Kuzmina V.A.
Saint Petersburg State University,
Institute of History, Bachelor's program, Student.
E-mail: st120918@student.spbu.ru

Aeneas Silvius Piccolomini and his literary works in the Culture of Quattrocento

Abstract. The article examines the question of the evolution of humanistic ideas in the writings of influential politician and the Pope Aeneas Silvius Piccolomini. The main features of the humanist movement such as anthropocentrism and appeal to the ancient classical literature are reflected in artistic and autobiographical works of Pope Pius II, the analysis of which is the subject of this article.

Keywords: Aeneas Silvius Piccolomini, Pius II, humanism.

Эпоха Кватроченто — период нарастания противоречий между разными культурными парадигмами и одновременно период их синтеза, возникновения новых форм индивидуальности в европейской культуре. Конфликт христианского и нехристианского стал особенно острым в связи с усилением угрозы Константинополю, а затем и с его падением в 1453 г., а также в связи с противоречиями внутри католической церкви (движение консилиаризма). Эти процессы нашли отражение в судьбе

и трудах одного из виднейших деятелей эпохи — писателя и гуманиста, ставшего римским папой, Энея Сильвия Пикколомини (1404–1464).

Основополагающим исследованием жизни и деятельности Пия II является монументальный труд Г. Фойгта «Энеа Сильвио Пикколомини — Папа Пий Второй и его время», в котором создан законченный портрет папы-гуманиста [1]. Знаменитый французский историк конца XIX — начала XX в. Филипп Монье в свое время писал, что Эней «не гуманист или, по крайней мере, гуманист плюс сто других качеств» и что нельзя быть гуманистом, когда «так много видел и дел, и людей» [2, с. 188]. Историк ограничивал фигуру гуманиста «созерцанием истины» и изучением древнеклассической литературы. Большинство историков Возрождения, в том числе представители современной науки, изучая жизнь и сочинения Пикколомини, придерживаются иной точки зрения. Так, современный отечественный исследователь Ю.П. Зарецкий рассматривает личность и деятельность Пикколомини, выявляя важнейшие особенности самосознания личности XV в. Автор отмечает, что автопортрет Пикколомини — «самый ренессансный и гуманистический из существующих» [3, с. 4]. В данной статье мы попытаемся исследовать гуманистические взгляды Энея-Пия на примере двух его работ: «История о двух влюбленных» (1444) [4] и «Записки о достопамятных деяниях» (1462–1464) [5].

Эней Сильвий Пикколомини — представитель одной из влиятельных семей городской аристократии Сиены, знаток латыни и блестящий оратор, он находился в центре европейских политических процессов. Свою церковную карьеру он начал в качестве секретаря церковных прелатов на Базельском соборе (1431–1449) в эпоху его расцвета. Будучи тогда сторонником консилиаризма, Пикколомини написал в 1440 г. несколько литературных работ с аргументами в пользу этого движения, в частности «Диалоги» — полемическое сочинение в форме спора между Николаем Кузанским как сторонником папства и Стефано да Каччия — секретарем антипапы. Позже, после потери Базельским собором былого авторитета, он перешел на службу к императору Фридриху III и занял нейтральную позицию, присущую служителю императорского двора. В 1445 г. Пикколомини предстал перед папой Евгением IV с речью, полностью признавая свою неправоту в приверженности Базельскому собору [6, p. 43], а в 1458 г. был избран на папский престол под именем Пия II (1458–1464).

Политический и ораторский талант, ученость и любопытство Энея Сильвия позволили ему оставаться влиятельным человеком независимо от того, какие интересы он защищал. Увлеченность античными авторами, разнообразные повороты карьеры, а также многочисленные путешествия

Пикколомини стали основой его богатого жизненного опыта, который нашел отражение в его сочинениях.

Литературное наследие Пикколомини отличается многообразием жанров, при этом все его сочинения написаны на великолепной латыни. Его перу принадлежат историко-географические труды, посвященные Базельскому собору, Германии, Фридриху III, Европе в целом. Выдающийся отечественный ученый, знаток раннего немецкого гуманизма А.Н. Немилов отмечал, что Эней был неглубоким историком, мало внимания уделявшим критике и отбиравшим сюжеты по своему усмотрению, однако его труды стали образцовыми для последующих поколений из-за своей художественной образности в передаче чувств героев и изящного латинского слога [7, с. 90]. В то же время одно из его произведений «История о двух влюбленных» получило признание широкой публики уже при жизни автора [7, с. 91]. Эта новелла, написанная Пикколомини в 1444 г., еще во время службы императору Фридриху III, повествует о любовных перипетиях между служащим императора Сигизмунда Эвриалом и знатной замужней сиенкой Лукрецией. Автор пишет в жанре новеллы, обращаясь к типичному для общества того времени сюжету, что сближает «Историю» с произведениями Боккаччо. Обращение к чувствам человека, правдивое описание его слабостей и признание их как естественной человеческой природы, а также насыщенность текста рецепциями античных сюжетов делают это произведение истинно гуманистическим.

Итак, став папой римским, автор романтических произведений и трактатов в пользу консилиаризма отрекся от своих прошлых сочинений в «Булле отречений» 1463 г.: «Отвергните Энея, примите Пия» (“Aeneam reiicite, Pium suscipite”) [3, с. 22], но не оставил своих убеждений и не отверг идеалов гуманизма. Выбор папского имени это подтверждает. Большинство исследователей сходятся во мнении, что само имя Пий было не данью уважения его предшественнику Пию I, а утверждением его гуманистических взглядов: Пий отражает знание Вергилия и его «Энеиды», где Эней назван благочестивым “pius” [8, p. 10]. Пикколомини продолжает литературную и ученую деятельность: перерабатывает знаменитый труд Флавио Бьондо, посвященный периодизации истории (Pius II. Decadum Blondi Epitome. Basileae, 1533); пишет великолепное по языку и удивительное по содержанию «Послание к Мехмеду II» с посылом утвердить истинность христианской веры. Официальные папские буллы того периода также отличаются изяществом слога. Самым объемным его трудом данного периода является автобиография, написанная в последние годы жизни (1462–1464) и опубликованная более чем через

столетие. Пикколомини назвал свое сочинение, которое является первой и единственной папской автобиографией этой эпохи, «Записками о достопамятных деяниях» [5].

Итак, важнейшим событием, повлиявшим на изменение взглядов Пикколомини, стало его отречение от идей консилиаризма и переход на сторону папства, принятие им церковного сана. Так, если «Историю о двух влюбленных» он писал, будучи на службе у императора, обладая существенной творческой свободой и подписываясь “Eneas Silvius Poeta”, то «Записки» принадлежали перу папы римского, что накладывало на автора текста определенные ограничения [3, с. 22].

Оба произведения сочетают в себе античные и средневековые элементы, однако средневековая традиция по-разному проявляется в этих текстах. «История о двух влюбленных» («Эвриал и Лукреция») пропитана средневековой народной традицией. Сюжет новеллы довольно прост и является продолжением традиции куртуазного рыцарского романа: фабула «Истории» напоминает легенду о Тристане и Изольде. Синтаксическая структура скопирована с народного языка, однако мастерски переложена на латинский язык, что встречалось в произведениях гуманистов той эпохи и было своего рода упражнением, сложность которого заключалась в необходимости сохранить естественность языка [2, с. 219]. Бог и христианское мировоззрение практически отсутствуют в новелле, уступая место античным представлениям: Лукреция обращается к «богам» (“Gli dei mi assistano”) [4, p. 29], а единственное упоминание Бога принадлежит слуге Сосию: «и даже если тебе удастся все скрыть, ты не сможешь скрыть это от Бога, который видит все» (“e se anche riuscissia nascondere tutto, non potra in asconderlo a Dio che vede ognicosa”) [4, p. 35].

В «Записках» Пикколомини, напротив, часто ссылается на Бога, милость которого, по словам автора, сопровождала его с рождения. В детстве Эней несколько раз избегал гибели от болезней и иных опасностей «скорее благодаря божественной, чем человеческой силе» [5, с. 105]. Жизненные испытания проверяют героя не только на веру, но и на благочестие: в одном из эпизодов путешествия по Британским островам Эней отсылает девушек, которые хотели с ним «спать» по местному обычаю, и именно за воздержание, по его мнению, он был спасен от разбойников, пришедших позднее [5, с. 112–113]. В этом же эпизоде знакомства с обычаями англов присутствует характерное сопоставление его самого с Иисусом Христом: Эней останавливается на ночлег в крестьянском доме и удивляется тому, что у этих «чужаков» нет «ни хлеба, ни вина», тогда он достает немного хлеба и вина из своих запасов и раздает их всему

семейству, ритуально повторяя обряд причащения телом и кровью Господней [5, с. 112–113]. Вся тональность повествования свидетельствует о чудесном характере произошедшего.

«История двух влюбленных» отражает гуманистическую тенденцию возрастания значения свободной воли человека, его независимости от внешних сил [9, с. 48]. «Записки» же вновь обращаются к мистическому восприятию жизни, где сверхъестественные силы играют определяющую роль. В случае Пия II сверхъестественная сила — Бог, однако характерны редкие упоминания в тексте античной «фортуны» и исправления в рукописи, сделанные, по-видимому, самим автором, где тот заменяет «фортуну», судьбу и имена языческих богов на «Бога», «милосердие Божие» [3, с. 69].

Текст «Истории о двух влюбленных» насыщен реминисценциями античных сюжетов, отличающихся друг от друга по периоду, литературному жанру и выразительным особенностям. Диапазон простирается от элегии (Овидий) до сатиры (Ювенал), от эпоса (Вергилий) до истории (Тацит), от трагедии (Сенека) до лирики (Петрарка) и исторического рассказа (Валерий Максим). Пикколомини иногда использует не непосредственные выражения из античных авторов, но их выражения, опосредованные другими авторами, в том числе Боккаччо [10, p. 14–16]. Помимо открытых сравнений, когда кто-то из героев напрямую называет того или иного героя античной литературы или исторического персонажа (“si potrebbe forse concedere a me, ciòche non fu concesso a Giulio Cesare, Alessandro, Annibale?” [4, p. 41]), в новелле присутствуют необъясненные автором сравнения, которые являются очевидными для образованных современников Пикколомини.

Все персонажи, кроме папы Евгения и императора, которые придают достоверность повествованию, имеют своих прототипов из античной литературы или истории. Пикколомини четко различает имена слуг (Сосия и Дромон), взятые из комического репертуара, и имена главных героев, друзей или родственников, взятые из эпического (Эвриал, Нис, Ахат, Палинур, Менелай, Агамемнон, Пандал) или исторического (Лукреция, Пакор). В случае Менелая, обманутого мужа, и Агамемнона, его брата, имена использованы скорее с ироническим оттенком, так как персонажи представляют собой стереотипные комические представления о муже, которому изменяют, и его помощнике, чья поддержка совершенно неэффективна [10, p. 12]. Кроме того, важнейшим литературным тропом, который Пикколомини разделяет с классическими произведениями, является любовь женщины к незнакомцу, иностранцу, которая роднит, на-

пример, Елену Троянскую и Лукрецию [11, p. 13]. Елена действительно является главным прототипом для Лукреции: Пикколомини выдает ее замуж за Менелая, делящего свое имя с мужем героини Гомера. Елена в «Героидах» Овидия, так же как и Лукреция, боится потерять доброе имя, признав свою любовь к Парису. В самом начале новеллы Лукреция рассуждает о том, готова ли она будет сбежать с незнакомцем так же, как и Медея из «Метаморфоз» Овидия [10, p. 14]. В итоге главная героиня Пикколомини находит свое решение в примерах античных героинь, взывая к Ариадне, и выбирает любовь, а не сохранение чести. Эвриал же делает другой выбор, оставаясь верным себе и своей карьере. Таким образом, в «Новелле о двух влюбленных» античная литература используется Энеем Сильвием для большей выразительности и глубины текста. Использование цитат является не просто украшением, а основой языка новеллы. Пикколомини использует целые отрывки из других текстов и структуры построения слов, находясь в диалоге с древними авторами и с читателем.

Очевидно, что и «Записки о достопамятных деяниях» Пия II несут на себе печать античной традиции. Отметим, что данное утверждение является общим местом в историографии, посвященной Пикколомини и его сочинению [3, с. 52–54]. Прежде всего, стоит отметить, что название, выбранное Пикколомини для автобиографии, совпадает с названием сочинения Цезаря — «Записки» или «Комментарии». Конечно, это не просто внешнее сходство, а заимствование самой формы произведения. «Записки» Цезаря представляют собой памятные заметки, написанные во время различных военных кампаний, центральной из которых, несомненно, является Галльская война. Судя по всему, называя свое сочинение именно так, Пикколомини руководствовался теми же мотивами, что и Цезарь, стремясь к правдоподобности. Пий II следует традиции, начало которой положил Цезарь, и наполняет свою автобиографию описаниями местностей, нравов, историческими экскурсами, делая свое произведение близким по жанру к древним «Запискам». Эффект погружения в античный мир создается благодаря употреблению исключительно античных топонимов и этнонимов.

Помимо сходства жанров Цезаря и Пикколомини можно заметить и сходство самих героев. Папа пользуется античным идеалом для рассказа о себе. Начиная свою автобиографию с рассказа об истории рода, он подчеркивает его римское происхождение, пытаясь доказать преемственность с родом Юлиев [12, с. 118–119]. Кроме того, Пикколомини намеренно сближает свою жизнь с жизнью великого полководца. Поскольку

Пий II писал именно автобиографию, то обращение к античным сюжетам позволяет говорить о конструировании им мифа о самом себе, в который Пикколомини сам верит [3].

В обеих «Записках» присутствует схожий сюжет, связанный с Британией и обычаями местного населения: Цезарь своими этнографическими данными открыл Британию для римского населения, Пикколомини же стилизует описание своего путешествия в Британию и представляет его как нахождение среди варваров, нравы которых изумляют его, хотя местное население к тому моменту было уже давно христианизировано. И Пий, и Цезарь — правители Рима, носящие звание верховного жреца (Пий II чаще всего именует себя именно “pontifex maximus”), на пути к которому обоим пришлось столкнуться с перипетиями [13, с. 326]. Исследователи отмечают, что описания триумфов составлены по одной и той же схеме, хотя у Пия они более многочисленные и торжественные и сопровождаются утверждениями, что прежде в Италии не были ничего подобного. Так, папа заявляет, что его величие не только сравнимо с величием Цезаря, но и превосходит его, что соответствует общей тенденции осознания гуманистами преимущества их века перед античностью [14].

Помимо Цезаря Пий II обращается к Вергилию. Мотив странствий, который особо заметен в первой книге Пия II и занимает основную часть повествования, указывает напрямую на древнего Энея. При описании чудесных приключений автор «Записок» использует выражение “mirabile dictu”, которое широко применялось Вергилием [3, с. 60]. Небольшой рассказ Энея о буре, которая застала его корабль в Средиземном море и отнесла к берегам Ливии, является калькой с аналогичного сюжета из Энеиды. Помимо скрытой стилизации Пикколомини прямо указывает в тексте на древнего Энея [3, с. 61]. Пий превращает свою автобиографию в своеобразную новую Энеиду. Языческие и христианские образы, которые могут противоречить друг другу, у Пикколомини соединяются в единое целое, находясь как бы на одной плоскости так же, как они соседствовали в мышлении автора. Это глубокое уважение и любопытство к античному наследию — одна из основных черт гуманистического течения — сохранялись у Энея Сильвия на протяжении всей жизни.

Характерным для гуманизма был переход к антропоцентрической картине мира: начинают возникать понятия об индивидуальности не как образцовости, а как об идее своеобразия и самоценности каждого человека [15, с. 27]. Внимание к человеку и его чувствам, оправдание его природы — все это ярко контрастирует со средневековой традицией и находит отражение и в сочинениях Пикколомини. Так, история об Эв-

риале и Лукреции погружает читателя в круговорот чувств персонажей: часть повествования проходит через письма, которыми обмениваются влюбленные и в которых проявляются все их сомнения, страхи, эмоции. Эней Сильвий в письме своему отцу, где сообщает о своем незаконнорожденном ребенке, рассуждает о естественности любви и страсти [16, p. 98]. Он оправдывает себя и в своем возмущении использует фразу, которая практически повторяет выражение из «Декамерона» Боккаччо о том, что люди сделаны из плоти и крови, а не из камня и железа [11, p. 18]. В «Истории» он продолжает свои размышления через речи Эвриала, когда тот утверждается в своей любви к Лукреции. Мысль, выраженная Вергилием, — «Любовь побеждает все, и мы покоряемся любви» (“l’amore vince ogni cosa e noi cediamo all’amore”), — подводит итог речи Эвриала. Пикколомини оправдывает человеческую природу, признавая любовь естественным законом существа.

Что касается «Записок о достопамятных деяниях», то жанр автобиографии сам по себе является свидетельством развития антропоцентризма, отражая действительность такой, какой ее воспринимал автор в момент написания. При создании «Записок» происходил процесс самоидентификации через сравнение себя с Богом, героями античной и средневековой истории и литературы. «Записки» предваряет вступление, в котором автор разъясняет читателю свой замысел: Пий II рассуждает о славе и оправдывает стремление к ней: пишет, что добрая молва приносит наслаждение душам в чистилище, признавая тем самым, что достоин доброй молвы, а жажда славы естественна [5, с. 103].

Внимание к человеку проявляется также в стремлении изобразить реальную жизнь, что также является характерной чертой эпохи [14]. Если в случае автобиографии обращение к реальности является главным назначением сочинения, то в случае новеллы Пикколомини стремится всячески подтвердить ее «историчность». Действия «Истории двух влюбленных» происходят при реальных исторических событиях, в существующем городе. Пикколомини изображает общество Сиены, в которой он провел молодость и период 1432–1433 гг. — с момента прибытия в город императора Сигизмунда, во время его переговоров с папой римским Евгением IV по поводу коронации в Риме и до отъезда главного героя, секретаря императора, из города. Упоминание реальных исторических персонажей, элементы описания города — все призвано обеспечить правдивость. Кроме того, история сопровождается письмами Пикколомини к его друзьям, которым он отправляет рукописи: к Мариано Соццини, по просьбе которого, как пишет Эней Сильвий, он и написал новеллу,

и к Гаспару Шлику, в котором Пикколомини намекает на то, что Шлик участвовал в описываемых событиях. Реальный исторический факт и недвусмысленные обращения в письме указывают читателю на то, что главный герой, скрывающийся под именем Эвриал, на самом деле является Гаспаром Шликом. Он действительно сопровождал Сигизмунда в Сиене, а в 1433 г. был назначен имперским канцлером, как и главный герой сочинения Пикколомини, и также был женат на девушке из знатного рода. Исследователи указывают на то, что Эвриал действительно очень похож на Гаспара Шлика своей расчетливостью и выбором чести и служения вместо любви и брака [11, p. 19].

Реализм, помимо реальной исторической ситуации и исторических личностей, проявляется и в описании деталей. «История» обогащена небольшими предметами: ларчик с бумагами, вилы, дверной запор — все это добавляет правдивости повествованию. Пикколомини описывает повседневные бытовые затруднения — например, в сцене, где Сосий спас Эвриала от вил другого слуги дома, которыми он мог бы случайно проткнуть спрятавшегося в сене влюбленного. Слуги обсуждают еду, свой быт при Менелае, что сильно контрастирует с возвышенными речами влюбленных. В «Заметках» описания политических событий сменяются этнографическими заметками, бытовыми подробностями болезней и жизни, любованием природой. Подобные детали говорят об усилении значимости жизни простого человека, что является свидетельством истинно гуманистической прозы [12, с. 197].

Таким образом, именно активная деятельная жизнь Пикколомини является источником его гуманистических идей. Рассмотренные сочинения, отражающие эволюцию его взглядов, показывают и главные особенности Возрождения, и основной посыл гуманистов — соотнести религиозность и собственные представления об идеальном античном прошлом. Меняя поле своей деятельности, свои политические убеждения и сторонников, Пикколомини не отказался от убеждений, порожденных гуманизмом и ставших основой его мировосприятия. Интерес к человеку и окружающему миру, увлечение античной литературой и историей сопровождают Энея Сильвия Пикколомини на протяжении всей жизни, делает его истинным человеком эпохи Возрождения и первым папой-гуманистом.

Список источников и литературы

1. *Voight G.* Enea Silvio dei Piccolominials Papst Pius der Zweite und sein Zeitaltar. Berlin, 1856–1863. Bd. 1–3.

2. *Монье Ф.* Опыт литературной истории Италии XV века. Санкт-Петербург, 1904. 592 с.
3. *Зарецкий Ю.П.* Ренессансная автобиография и самосознание личности: Эней Сильвий Пикколомини. Нижний Новгород: ННГУ, 2000. 129 с.
4. *Piccolomini Aeneas Silvius.* Historia de duobus amantibus / Introduzione, traduzione e note a cura di Donato Pirovano. Edizioni dell'Orso. Alessandria. 2004. 138 p.
5. Записки о достопамятных деяниях Пия II // Зарецкий Ю.П. Ренессансная автобиография и самосознание личности: Эней Сильвий Пикколомини. Нижний Новгород: ННГУ, 2000. С. 103–123.
6. Memoirs of a Renaissance Pope; the commentaries of Pius II, an abridgement // Ed. by L.C. Gabel, trans. by F.A. Gragg. New-York, 1952. 388 p.
7. *Немилов А.Н.* Немецкие гуманисты XV века. Л., 1979. 176 с.
8. *Garin E.* Ritratti di umanisti. Firenze, 1967. 233 p.
9. *Ревякина Н.В.* Проблемы человека в итальянском гуманизме второй половины XIV — первой половины XV в. М.: Наука, 1977. 272 с.
10. *Pirovano Donato.* Introduzione / Historia de duobus amantibus. Edizionidell'Orso. Alessandria, 2004. P. 7–17.
11. *Morrall Eric John.* Aeneas Silvius Piccolomini (Pius II) and Niklas Von Wyle: The Tale of Two Lovers. Eurialus and Lucretia. Amsterdam: Rodopi (Amsterdamer Publikationen Zur Sprache Und Literatur), 1987. 205 p.
12. *Буркхардт Я.* Культура Возрождения в Италии. М.: Юристъ, 1996. 591 с.
13. *Фойгт Г.* Возрождение классической древности, или Первый век гуманизма. Т. 1. М., 1884. 502 с.
14. *Баткин Л.М. Р*енессансный миф о человеке // Вопросы литературы. 1971. № 9. С. 112–133.
15. *Баткин Л.М.* Итальянское Возрождение в поисках индивидуальности. М., 1989. 274 с.
16. *Ady C.M.* Pius II (Aeneas Silvius Piccolomini) the Humanist Pope. London, 1913. 367 p.

УДК 94

Коровенкова Е.В.
Санкт-Петербургский государственный университет,
Институт истории, студент бакалавриата.
E-mail: st120993@student.spbu.ru

Федерико да Монтефельтро и его двор как центр ренессансной культуры Италии

Аннотация. В статье рассматривается феномен урбинского двора, основные направления развития его культуры в период правления Федерико да Монтефельтро (1444–1482). Автор изучает влияние меценатской деятельности герцога на развитие литературы и искусства. В работе проанализирован образ герцога Федерико в письменных источниках и в изобразительном искусстве Урбино. Автор делает вывод о том, что культурная политика Федерико Монтефельтро оказывала большое влияние на репрезентацию его как яркого представителя политической культуры Ренессанса.

Ключевые слова: Италия, Урбино, Федерико да Монтефельтро, Ренессанс, эпоха Возрождения, Пьеро делла Франческо, Рафаэль Санти, Урбинский Диптих, Бальдассаре Кастильоне, студиоло, итальянские дворы.

Korovenkova E.V.
St. Petersburg State University,
Institute of History, Bachelor's program, Student.
E-mail: st120993@student.spbu.ru

Federicoda Montefeltroand his Courtas a Centerof Renaissance Cultureof Italy

Abstract. The article examines the phenomenon of the Urbino court, its culture, and subjects during the reign of Federico da Montefeltro (1444–1482). The author demonstrates the influence of the duke's patronage on the development of culture. The work analyzes the portrayal of Federico da Urbino in art as the most prominent representative of the political rulers of the Renaissance.

Keywords: Italy, Urbino, Federico da Montefeltro, Renaissance, Renaissance era, Piero della Francesca, Raphael Santi, Urbino Diptych, Baldassare Castiglione, studiolo, Italian courts.

На склоне Апеннин, обращённом в сторону Адриатического моря, почти в центре Италии, в XIII — начале XVII в. находилось небольшое

герцогство Урбино, ставшее знаменитым в эпоху Ренессанса. Бальдассаре Кастильоне — итальянский писатель эпохи Возрождения, который долгое время находился при урбинском дворе, в своем трактате «Придворный» писал: «Из величайших благословений, которыми осенён этот город, главным считаю то, что в течение долгого времени им преемственно правили превосходнейшие государи» [1, с. 19]. Одним из таких правителей был Федерико да Монтефельтро (1444–1482), которого при жизни называли «светочем Италии» [1, с. 19].

Основной задачей данной статьи является исследование главных направлений придворной культуры Урбино во время правления Федерико да Монтефельтро во второй половине XV в. В качестве письменных источников изучаются: трактат Бальдассаре Кастильоне «Придворный» [1], написанный во время правления сына Федерико — Гвидобальдо Монтефельтро (1472–1508), а также письмо флорентийского гуманиста Марсилио Фичино, адресованное учёному Павлу Миддельбургскому [2], находившемуся в конце XV в. при урбинском дворе. Анализ визуальных источников — живописных полотен, изображающих герцога Федерико и его семью («Урбинский диптих» Пьеро делла Франчески и портрет Гвидобальдо Монтефельтро Рафаэля Санти), — позволит более полно представить роль герцога в формировании придворной культуры Урбино.

Труд Бальдассаре Кастильоне «Придворный», впервые опубликованный в 1528 г., является важным источником в данной работе, который показывает, как была организована жизнь при урбинском дворе в период правления герцогов из рода Монтефельтро. Несмотря на то что трактат описывает урбинский двор в более поздний период — правления Гвидобальдо, сына и единственного наследника Федерико Монтефельтро, в нём можно проследить и взгляды самого Федерико, тем более что Гвидобальдо продолжил политику отца и успел (несмотря на раннюю кончину) проявить себя в качестве добродетельного правителя, чей двор был также богат и гостеприимен, как и двор отца. Ранняя смерть Гвидобальдо побудила Кастильоне написать трактат «Придворный», пока в его памяти ещё были воспоминания о герцоге и его дворе, при котором находилось бесчисленное множество выдающихся и добрых граждан: «То удовольствие, которое доставило мне в его дни дружеское общение со столь превосходными людьми, обретавшимися тогда при урбинском дворе, память о том побудила меня написать эти книги о Придворном» [1, с. 19].

Трактат оформлен в виде диалогов, остроумных бесед и является всеобъемлющем руководством по правилам поведения — манерам придворного. Трактат сочетает в себе человеческую мудрость, преподносит

уроки дипломатии, ведения беседы и этикета. Труд Кастильоне, став своеобразным учебником по поведению настоящего придворного, не терял своей популярности на протяжении столетий. Для Кастильоне Урбино был «идеальным городом», славящимся своим дворцом, одним из самых красивых в Италии. Он изображал его не как дворец, а как город в виде дворца [1, с. 20]. Кастильоне описывал урбинский двор как центр культуры, куда стекалось множество благородных и умнейших людей, беседы и размышления которых он записал и воспроизвёл в своей книге. В их уста вложены размышления о морали, предназначении и стиле поведения дворянина, приближённого к государю. Все размышления демонстрируют, насколько урбинский двор был богат эрудированными людьми и одарёнными подданными. Кастильоне был не единственным, кто оставил какие-либо воспоминания о правлении Монтефельтро в Урбино, однако его труд является ключевым и одним из самых ценных для обзора не только культуры при урбинском дворе, но также стиля мышления и культуры в эпоху Ренессанса.

Важное свидетельство об урбинском дворе оставил основатель и глава Платоновской академии во Флоренции Марсилио Фичино (1433–1499), охарактеризовавший этот этап развития его культуры как «золотой век». В письме медику и астроному Павлу Миддельбургскому он так писал о герцогах Монтефельтро: «Похвалы нашему веку как золотому веку, потому что он порождает золотые дарования. Этот век соединил мудрость с красноречием, и последнее наилучшим образом он явил в Федерико Урбинском, словно в Палладе; и его сын и зять унаследовали его доблести» [2].

Федерико Монтефельтро был не только политиком и военным, но и человеком, обладавшим прекрасным вкусом и страстью подлинного коллекционера. Он любил живопись, музыку и литературу и окружал себя гуманистами, которые читали ему классику во время трапезы [3, с. 112]. Важной составляющей культурной жизни при дворе Федерико да Монтефельтро была поддержка гуманистов и деятелей искусства, для которых Урбино стал объектом для творчества, источником вдохновения. При дворе Федерико Урбинского было много выдающихся деятелей эпохи Возрождения. Трактат Кастильоне и другие дошедшие до нас письменные источники, содержащие данные о дворе Федерико Монтефельтро, а также изобразительные источники, созданные по замыслу выдающихся мастеров эпохи Ренессанса Пьеро делла Франчески и Рафаэля Санти и воплотившие образы герцога и его семьи, навсегда прославили Урбино и его славных правителей.

Центром интеллектуальной и культурной жизни Урбино был дворец герцога, строительство которого началось при его отце Гвидантонио да Монтефельтро. В 1454 г. началось строительство нового дворца, в архитектуру которого были включены старые постройки. Задумкой Федерико было сделать свой дворец в Урбино по образу идеального города, поэтому он стремился окружить себя учёными, архитекторами, художниками. Сама резиденция ренессансного государя являлась элементом визуальной пропаганды. Дворец государя — место публичное, где принимали послов, дипломатов, просителей и подданых, поэтому, чем величественнее был дворец, тем более величественнее его хозяин. В эту эпоху возросло соперничество между государями с целью доказать превосходство своих дворцов по красоте перед всеми предыдущими. Поскольку при Федерико урбинский двор стал неким «апогеем» ренессансной культуры, то дворец стал её центром. «По мнению многих, самый красивый, какой только можно было найти во всей Италии» [1, с. 14]. Несомненно, построенный Федерико дворец являлся символом его величия, демонстрацией власти и богатства, прибежищем для искусства — как творений, так и их создателей. Эстетика итальянских дворов была для итальянских правителей способом «произвести впечатление», символизировавшим благородство и изысканность намерений правителей [4, с. 6].

В свою очередь, центром дворца был кабинет герцога — студиоло. Студиоло Федерико да Монтефельтро, наиболее знаменитый в XV в, сохранился до наших дней. «Идея создания студиоло — кабинета для интеллектуального времяпрепровождения, как и многое в эпоху Возрождения, восходит к Петрарке» [5, с. 1]. Кабинет такого типа имеет свою программу оформления и предполагает использование разных видов искусства. В декоре студиоло сочетаются живопись и скульптура. Однако основная задача кабинета — презентация развёрнутой характеристики личности герцога, создание его образа [5, с. 1]. «Всякая резиденция — это то, что любой правитель мыслит и как образ своего правления, и как свой собственный образ. Федерико да Монтефельтро как ренессансный правитель, очевидно, отдает себе в этом отчёт» [6, с. 209].

Главной особенностью студиоло Федерико да Монтефельтро являются расположенные над поясом интарсий два ряда живописных портретов великих людей, выполненные Йостом из Гента при участии Педро Берругете. Портреты изображали философов — Платона, Аристотеля, Птолемея, Боэция; отцов церкви — Григория Великого, Иеронима Стридонского, Амвросия Медиоланского; схоластов — Фому Аквинского, Дунса Скотта, Альберта Великого; писателей — Данте и Петрарку;

пророков — Моисея и царя Соломона; церковных деятелей — Пия II, Сикста IV и кардинала Виссариона; учителя Федерико Витторино да Фельтре в паре с Евклидом; рядом с Гиппократом размещался портрет Пьеро д'Абано. Эти портреты аллегорически отражали многогранный образ Федерико — государственного деятеля, воина, любителя наук, литературы и музыки, покровителя учёных и художников.

Рядом со студиоло в Палаццо Дукале располагалась знаменитая библиотека Федерико Монтефельтро. Значительную её часть составляли драгоценные иллюминированные рукописи. Печатных книг не было, поскольку герцог не признавал механического копирования.Он собирал рукописи по всей Италии — известно, что в течение 15 лет на него работали около 40 переписчиков.

Помимо художников, работавших над портретами в студиоло, яркими представителями урбинского двора стали Пьеро делла Франческа и Рафаэль Санти — гениальные ренессансные мастера, стиль которых сформировался именно в Урбино. Они являются авторами многих известных произведений эпохи Возрождения и, что самое важное в данном контексте, запечатлели в своих работах образы герцогов урбинских. В их работах чувствуется личность и характер портретируемых, поэтому они так ценны для понимания личности Федерико Монтефельтро.

Герцог Урбинский придавал большое значение личным изображениям. Он хотел остаться в памяти потомков как мудрый и доблестный правитель. Его портреты писали Пьеро делла Франческа, Франческо ди Джорджо Мартини и Йос ван Вассенхове. Уже при жизни Федерико считался неким идеалом гуманистического правителя. Именно такой образ создал Пьеро делла Франческа в диптихе, где герцог изображён вместе со своей второй женой Баттистой Сфорца (1446–1472). Строго профильное положение скрывает изуродованную во время турнира правую часть лица, а пейзаж на заднем плане свидетельствует о нидерландском влиянии. Ландшафт на заднем плане придаёт портрету особую глубину пространства. Пейзаж продолжается и на обратной стороне диптиха, где герцог и его супруга изображены на колесницах в сопровождении христианских добродетелей, а латинские надписи восхваляют моральные ценности супругов. Таким образом, по древнеримскому обычаю показан триумф победителя в лице Федерико и Батисты. Запечатлённые на рассвете своего правления, они навсегда остались воплощением благочестивых правителей. Пьеро сумел прославить портретируемых как гордых землевладельцев и благосклонных правителей Урбино. Вид в профиль позволил подчеркнуть их аристократическую сдержанность и отстра-

нённость и в то же время более тесно связать их с местным ландшафтом. Глядя друг на друга, они будто осматривают свои территории с высоты. Торжественный, спокойный вид пары выражает не только их личную благопристойность и безмятежность брака, но и благожелательную причину их политического владычества. Поместив профили Баттисты и Федерико над пейзажем, Пьеро придал визуальную форму политическому топосу мира, которым наслаждается регион под властью мудрого правителя. Портрет передаёт их семейную гармонию и взаимопонимание как целостных правителей эпохи Ренессанса, позволяет почувствовать эпическое спокойствие: согласно гуманистическим представлениям эпохи человек предстаёт перед нами как венец творения.

Что касается портрета Гвидобальдо, то изначально он был задуман как парный и был написан в пандан другой картине Рафаэля — портрету Елизаветы Гонзага, жены герцога. Портреты имеют разных авторов, но всё же имеют нечто общее. Их связывает хотя бы то, что на них изображена семейная пара, пара правителей — старое и новое поколение. Кроме того, заметно внешнее сходство Гвидобальдо с матерью, а если обратить внимание на взгляд Гвидобальдо, то и тут можно проследить сходство уже с обоими родителями. Во взгляде скрыта мудрость правителя, величественность личности и гармония покоя. Гвидобальдо да Монтефельтро — долгожданный наследник, родившийся 17 января 1472 г. у сеньора и сеньоры Урбино после рождения пяти дочерей. «Люди даже считали, что среди выдающихся деяний герцога Федерико не было более значительного, чем то, что он произвел на свет такого сына», — пишет Кастильоне [1, с. 20].

Для каждого государства культура и искусство являются важнейшим направлением [7, с. 199]. В XV–XVI вв. сформировался новый тип «ренессансного монарха», который под влиянием идей гуманистов и новой системы создал новый идеал государя — «просвещённого правителя, государя щедрого и бережливого, который интересуется культурой и искусством, выступает меценатом и покровительствует учёным, литераторам и художникам», писал Н. Макиавелли [8, с. 554].

Таким образом, язык власти стал меняться под воздействием новых возможностей, которые предоставили искусство и культура. Живопись превратилась в орудие политической пропаганды ренессансных государей. Изобразительное искусство стало отражением государя, несло в себе посыл политической власти монарха, прославляя его добродетели и его имя.

Федерико да Монтефельтро был человеком, которого прославляли не только его личные достижения, но и мыслители, чьи трактаты были по-

священы правителю. Его слава была столь велика, а двор столь известен, что это не могло не привлечь внимания многих учёных мужей. Бальдассаре Кастильоне так описал в своём трактате его добродетели: «Нет недостатка в достоверных и многочисленных, ещё живых свидетельствах его благоразумия, человеколюбия, справедливости, щедрости, неустрашимости духа и военного мастерства, в котором могут уверить его многочисленные победы, взятие неприступных крепостей, стремительность в походах, случаи, когда с немногими людьми он обращал в бегство большие и крепкие войска, а также то, что он не проиграл ни одной битвы, по какой причине мы можем приравнять его ко многим славным древним» [1, с. 19].

Таким образом, активная политика поддержки искусства, проявляемая Федерико ла Монтефельтро, являлась не только плодом личных убеждений государя, но и своего рода продвижением собственного политического статуса. Поддержка, которую Федерико оказывал художникам и учёным, демонстрировала современникам его мощь, величие, а также финансовые возможности. Элементы отделки его дворца имели символическое значение в контексте социальных аллегорий. Ключевым понятием ренессансного двора у итальянских правителей было понятие «величие», свойственное Федерико. Он стремился облачить своё могущество в мантию ренессансной культуры, создать настоящее воплощение своих политических идеалов как ренессансного государя-гуманиста. Кроме того, каждый правитель стремится запомниться потомкам своими завоеваниями и победами в разных сферах. Наследие Федерико — художники и гуманисты, которые нашли его покровительство, произведения искусства, а также знаменитая библиотека — отражают его личность. Создав в Урбино один из самых мощных культурных центров эпохи, он остался в памяти как правитель, который вдохновлял и вызывал восхищение. Образ Федерико Монтефельтро, созданный в литературных и визуальных источниках эпохи Ренессанса, даёт возможность исследователям более подробно проанализировать данную эпоху и правление государей из рода Монтефельтро.

Список источников и литературы

1. *Кастильоне Б.* Придворный / Пер. П. Епифанова. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2022. 640 с.
2. *Фичино М.* Письмо о золотом веке. 1492. [Электронный ресурс]. URL: https://vostlit.info/Texts/Dokumenty/Italy/XV/1480–1500/Ficino_Marsilio/brief_13_09_1492.phtml?id=7014 (дата обращения: 21.05.2025).

3. *Симонетта М.* Загадка Монтефельтро. Династия Медичи. Ренессанс в Италии / Пер. с итал. В. Николаева. М.: Слово, 2021. 287 с.
4. *Дмитриева М.И., Павлов К.В.* Итальянские дворы эпохи Ренессанса и проблемы их изучения в западной историографии XXI в. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2023. Т. 14. Вып. 3(125).
5. *Махо О.Г.* Образы войны и науки в интарсиях Урбинского студиоло Федерико да Монтефельтро // Вестник Академии Русского балета им. А.Я. Вагановой. 2015. № 2(37). С. 154–161.
6. *Махо О.Г. U*omocompleto. Иконография Федерико да Монтефельтро // Научное мнение. 2014. № 6. С. 206–211.
7. *Жеглова А.А. Х*удожественный образ правителя в Западной Европе в эпоху Возрождения как политическая пропаганда // Социальные и гуманитарные науки: теория и практика. 2017. № 1. С. 199–212.
8. *Макиавелли Н.* Государь / Пер. Г. Муравьевой, Н. Рыковой. М.: Эксмо, 2022. 554 с.

УДК 94

Легостаева Д.А.
Санкт-Петербургский государственный университет,
Институт истории, студент бакалавриата.
E-mail: st120960@student.spbu.ru

Анджело Полициано и его “Miscellanea” в придворной культуре Флоренции конца XV в.

Аннотация. Статья рассматривает труд Анджело Полициано “Miscellanea” («Смесь») в контексте так называемого вопроса о языке — важной составляющей культурной политики Флоренции конца XV в. Придворная культура времен Лоренцо Медичи рассматривается через призму позиции гуманиста в споре с цицеронианцами. Автор делает вывод о специфике подхода Полициано к проблеме языка, направленного на сохранение историко-культурной практики “respublica litterarum”, очищение латыни и установление подлинного диалога с античной традицией.

Ключевые слова: Анджело Полициано, Miscellanea, studia humanitatis, гуманизм, спор о языке, двор Лоренцо Медичи, Флоренция, Кватроченто.

Legostaeva D.A.
St. Petersburg State University,
Institute of History, Bachelor’s program, Student.
E-mail: st120960@student.spbu.ru

Angelo Poliziano and his “Miscellanea” with in the Court History of late fifteenth-century Florence

Abstract. The article examines Angelo Poliziano’s “Miscellanea” within the context of the so-called “language question” — an important component of the cultural politics in late 15th-century Florence. The court culture of the Lorenzo de’ Medici era is viewed through the lens of the humanist’s position in his debate with the Ciceronians. The author concludes on the specifics of Poliziano’s approach to the language problem, which was aimed at preserving the historical and cultural practice of the *res publica litterarum*, purifying Latin, and establishing a genuine dialogue with the classical tradition.

Keywords: Angelo Poliziano, Miscellanea, studia humanitatis, humanism, language question, Lorenzo dei Medici’s court, Florence, Quattrocento.

Анджело Полициано — выдающийся гуманист эпохи Кватроченто, один из ближайших сподвижников Лоренцо Медичи, олицетворявший его двор и культурную политику. Он обладал ярко выраженной литературной самостоятельностью, оригинальностью, глубочайшей эрудицией, благодаря которой одним из первых сделал колляцию древней рукописи, начал проводить различия между разночтениями, все больше склонялся к тому, чтобы разделять варианты и конъектуры в рукописях [1, p. 29–30]. Знание Полициано народной, латинской и греческой литературы было выдающимся, ему по праву полагается «отдельная глава и в истории итальяноязычной поэзии, и в истории латинской поэзии Возрождения, и в истории гуманистической поэзии на древнегреческом языке» [2, с. 414].

Поэтическая деятельность гуманиста выражена в двух его главных поэтических произведениях: «Стансах на турнир» (1475–1478) и «Сказании об Орфее» (1480). Значительным трудом Полициано стала его «Смесь» (лат. «Miscellanea») [3; 4], написанная в 1489–1494 гг., эта работа станет предметом исследования в нашей статье. Данное сочинение — своего рода итог писательской деятельности гуманиста — представляет собой сборник заметок, критических комментариев, пересмотров известных текстов, новых их прочтений, направленных на утверждение «новой филологии».

Исследователи «Смеси» в основном рассматривают ее в «ней самой», обнаруживая «самоценность тропа», «новую филологию» или «новую поэзию». Новаторство как основное качество, приписываемое Полициано, — основной лейтмотив их работ. «Открытие» Полициано как филолога произошло в XX в. — до этого оценке подвергалась только его поэтическая деятельность (труды Дж. Кардуччи, Ф. де Санктиса, А. Гаспари, Ф. Монье). Одну из ключевых ролей в этой переоценке сыграл Эудженио Гарэн — один из влиятельнейших историков культуры итальянского Возрождения, который в своем труде «Философская культура итальянского Возрождения» [5] подчеркнул, что для Полициано слово — это связка людей, такая же, как для Фичино душа — это связка мира. Именно слово помогает создать целостную науку о человеке, оттого оно практически священно для Анджело [5, p. 340]. Продолжил исследование трудов гуманиста Витторе Бранка, чья монография стала первой в Италии, посвященной исключительно Полициано [6]. Исследователь пришел к выводу о самоценности тропа для Полициано в утверждении реальности: такая роль отводится изобретению в поэзии, документу в филологии, концепции в философии [6, p. 22–23].

Отечественная историография вплоть до XXI в. рассматривала Полициано исключительно как поэта. Заслуга в знакомстве русского читателя со «Смесью» принадлежит М.В. Шумилину, который перевел несколько глав на русский язык и прокомментировал их [3], а также написал вступительную статью к изданию этих фрагментов [2]. Во многих своих суждениях Шумилин опирается на мнение Бранки, тем не менее он делает достаточно новаторские выводы, представляя Полициано чуть ли не постмодернистом конца XV в. Другие исследователи если и помещают «Смесь» в более широкий контекст, то он не выходит за рамки спора «аристотеликов» и «платоников». Именно поэтому представляется достаточно интересным рассмотреть «Смесь» в контексте *la questione della lingua* — спора о том, какая языковая система (позже — какой диалект) должна была стать основой для литературного итальянского языка. Это позволит более четко определить значение деятельности Полициано в придворной культуре Лоренцо Медичи и в культуре Ренессанса в целом. В настоящей статье ставятся следующие задачи: 1) исследовать сущность спора о языке в итальянской культуре второй половины XV — первой половины XVI в.; 2) охарактеризовать те проблемы, которые обсуждает Полициано, и определить позицию автора в контексте флорентийского литературного поля рассматриваемой эпохи.

La questione della lingua в Италии подчеркивает не столько становление вольгаре как «возвышенного языка», способного усваивать сложные философские *res* и концепции души, сколько взаимообогащающую, взаимопроникающую практику билингвизма [7, p. 2] — ситуации, при которой у автора был выбор языковой системы при написании текста. Это становится очевидным, поскольку три великих итальянских писателя Треченто — Данте, Петрарка и Боккаччо, известные своими произведениям на вольгаре, — внесли важный вклад и в латинскую литературу [7, p. 6]. Исследование о происхождении языка и стилях современной ему поэзии Данте написал на латыни — это подчеркивает, что некоторые идеи и концепции могли быть выражены исключительно на ней. Петрарка, наоборот, использовал латынь для своих основных трудов, итальянские стихи он считал безделицами (nugae). У Боккаччо в зрелые годы практически нет произведений на итальянском языке, все большее внимание он уделял «серьезным» жанрам, которые, как и следовало, писались на латыни.

Выбор между латынью и вольгаре был умышленным [7, p. 7]: оперирование категориями и «уместностью» двух языковых систем рано или поздно дошло бы до вопроса об их *взаимозаменяемости*. Однако

итальянские народные языки не развились в достаточной степени, чтобы полностью вытеснить латынь. Во многом это было связано с мощнейшим дискурсивным бэкграундом, которым она обладала, оставаясь языком спекулятивных наук, юриспруденции, медицины, управления, образования и церковных дел — всех тех сфер, где знание считалось универсальным и устоявшимся. Задача ученого заключалась не в открытии нового, а в том, чтобы найти путь к священному и разумному порядку, уже зафиксированному в традиции. На вольгаре мы можем встретить множество чисто эмпирических, исследовательских работ — Леонардо да Винчи в данном случае является наиболее ярким примером, ведь свойства вещей было необходимо, во-первых, *выявить*, а во-вторых, точно *описать* [8, p. 149], и для этого более удобен вольгаре — он исследует все то, что находится или возникает здесь и сейчас.

Кроме того, латынь постепенно начала сознаваться как исконный, «отеческий» язык итальянцев. Стоит привести достаточно обширную, но исчерпывающую цитату: «Они [образованные итальянцы. — *Л. Д.*] считали латинский язык высокоразвитым языком своего народа («наших отцов-римлян») и пытались вернуть его к жизни, приведя к соответствующим нормам. В результате этого языковая норма была впервые (после Античности) осмыслена как исторически изменчивая, как процесс — на примере изучения памятников латинской словесности разных периодов, от Плавта до Квинтилиана, — а не как готовый свод правил, и были определены факторы, влияющие на формирование языкового единства» [9, с. 153]. Поэтому латынь постепенно начала «оживляться», но возникало множество проблем в области языковой нормы, связанных с проблемами перевода и комментирования дошедших текстов. Гуманисты стремились избавить латынь от всего средневекового и «варварского», от схоластически отвлеченных логических конструкций, не имеющих отношения к действительности [9, с. 157] и в области грамматики, и в области комментария. Ориентиром стал Цицерон, писавший «не как толмач, а как оратор» [10, с. 200]. Началось «перекапывание» текстов, очищение латыни от «накипи» [2, с. 417]: стилистическая модификация средневековых переводов ad verbum (достаточно вспомнить трактат Леонардо Бруни «О правильном переводе» (“De interpretation erecta”), 1420 г., его спор с Алонсо де Картахена, [8, с. 203]), комментирование текстов таким образом, что создавались попросту новые тексты. Зачастую же studia humanitatis попросту наводнялись многочисленными ошибками, которые также искажали смысл оригинала. Об этом прямо пишет Полициано в своем труде: «Каждый день вижу, как в словесности творится множество преступлений: крадут плоды чужого

ума, произвольно выдумывают все, что им оказывается нужно, а то и приписывают тем авторам, которым захотят, такие высказывания, которых те никогда не признали бы своими, целые книги наполняют чудовищно трудоемкими глупостями» [3, с. 436].

Была и проблема неологизмов: некоторые греческие термины или римские реалии были непереводимы для реалий итальянских гуманистов. Взгляды гуманистов различались: некоторые придерживались позиции, непроницаемой для инноваций (например, Пьетро Бембо); другая позиция была более открытой и допускала языковые изменения (например, вместо imperator как командующего армией — capitaneus или senescalcus [11, p. 70–73]). В сложившейся практике билингвизма латынь была языком публичной и метафизической культуры, вольгаре — языком преимущественно эмпирического познания нового. К этим проблемам добавлялось и возрождение неоплатонизма с его стремлением к аллегорическому толкованию материала. Неоплатонизм производил не перевод, а «переворачивание» текста, создание *нового* носителя со смыслами XV в. Это неизбежно приводило к столкновению двух реальностей, последовали жаркие споры о неологизмах: если мы возрождаем язык в нормах словообразования и структуры III в., имеем ли мы право вносить новшества XV в.? По-прежнему ли это язык наших «отцов-римлян»?

Рассмотрим, какую позицию в этих спорах занимал Полициано. Для этого следует более подробно выявить идеи гуманиста, содержащиеся в его «Смеси». Сначала обратимся к проблеме неологизмов, выросшей из выбора гуманистами Цицерона в качестве ориентира в сфере подражания, стилевой нормы, а также проблемы референции. Спор Полициано с Кортези о «красотах языка» стал ярким отражением данной проблемы и отличным предисловием к «Смеси». Disputatio выражался в двух разных взглядах на античный язык: первый рассматривал латынь как инструмент публичной культуры, для которого необходима стандартизация, второй выступал против латыни как средства творческого самовыражения [12, p. 386].

К концу XV в. Цицерон был высоким стандартом, но обращались не к нему, а к его «общим местам». Полициано, в сущности, не выступал против Цицерона как такового — скорее, он ревностно относился к «интеллектуальной стерильности» (термин Кристофера Челенцы [12, p. 381]). Так, например, во вступительной речи Полициано использует выражение “labe culamas per geremus” («нанести пятнышко / обрызнуть так, чтобы осталось пятнышко») [4, p. 12] — достаточно редкое и мало встречающееся, хотя взято оно из речи Цицерона против Ватиния [8, с. 429],

или “expultrix” [4, p. 13] («гонительница») — это слово встречается у того же Цицерона лишь единожды [10, с. 430]. Еще один пример: “alabastrus unguenti plena putere videatur” («кажется, алабастр, полный благоуханий, смердит») [4, p. 13–14] — необычное выражение, используя которое Полициано добавляет: “utait M. Tullius” («как говорит Марк Туллий»), — чтобы наглядно показать, что значит подражать Цицерону.

Полициано много использует и Плавта. В частности, он пишет: “… cum pulvisculo con verrunt” («сметаются с пылинками») [4, p. 12] или “exasceata” («обтесанное топором») [4, p. 15]. В этом плане он тоже занимает особую позицию в споре, начатом еще Петраркой: кого из латинских комедиографов ставить выше — Теренция или Плавта, шедшим с переменным успехом для обоих в течение всего Ренессанса [9, с. 235]. Вероятно, во Флоренции времен Полициано отдавали предпочтение изысканному и аристократичному Теренцию, но Полициано не понимал, как можно обойти стороной Плавта, богатого на яркость и живость, использующего жаргонизмы и «низкий» народный язык. С целью обогатить латынь он был готов обращаться к разным источникам (помимо «неизвестного» Цицерона и Плавта, Полициано обращался к Ювеналу, Нонию Марцеллу, Луцилию, Горацию, Афранию).

Иная точка зрения предполагала создание неологизма или поиск эквивалента на вольгаре. К примеру, Бартоломео Скала, следуя школе Лоренцо Валлы, писал: «Теперь мне подобает славить плоды, прекрасные, мягкокожие, полноцветные, ароматные дары богов. Так много видов, так много имен, которые сложно переложить на стихи. Кто узнает грушевые деревья Crustumia или яблони Volema? Или названия, которые были лишь раз употреблены в древности? Названия вещей исчезли вместе с самими вещами, иные были затемнены сменой названий. Поэтому нам подобает воспевать лишь хорошо известные нам имена» [11, p. 94]. Полициано же показывает, что ему достаточно обращения ко многим, поиска у всех, у кого только возможно, максимально точного эквивалента. Например, он использует слово “subacidum” («кисловатый») [4, p. 14] в значении «неудобный», «проблемный», «щекотливый», тогда как в классической латыни это слово употреблялось только применительно ко вкусу. Он готов наполнять древние слова новым смыслом, не прибегая к излишнему словообразованию, поэтому настаивает на обращении ко многим: это и сохранение той древности и возрождаемой нормы, и это действительно обогащает латынь. Таким образом, Полициано движется от *verbum*, Скала — от *usus*, его подход менее категоричен, более открыт, однако это демонстрирует стремление Полициано наполнить латынь из ее же соб-

ственных ресурсов и показывает, что Полициановo знание латыни (поскольку мы можем говорить о разной латыни и в Средние века, и в эпоху Возрождения. — *Д. Л.*) было далеко за рамками «профессиональных шор», что позволяло ему использовать ее как живую языковую систему, закрытую от инноваций со стороны вольгаре, но претендующую на самостоятельность.

Примечательна и последняя, сотая глава «Смеси». В ней Полициано спорит с традиционной точкой зрения об одном месте в «Энеиде», выраженной в комментариях позднеантичного автора IV–V вв. Сервия Гонората. В этом отрывке Вергилий повествует о том, что греки подошли к Трое «при благоприятном молчании тихой луны», а традиция сводила к тому, что греки подошли к Трое «при седьмой луне после полнолуния»: «тихой» она являлась согласно естественной философии, которая гласит, что существует семь сфер от Сатурна до Луны, и первая, Сатурнова сфера издает громкий звук; чем дальше от нее, тем звук тише, и Луне в этом распорядке отведена тишина, так как она далее всех распространилась от Сатурна. Полициано опровергает мнение Сервия о музыке небесных сфер: «Я бы хотел спросить у Сервия, почему это Луна «благоприятна» для тех, кто старается остаться незамеченным и обмануть?» [3, с. 461] — и приходит к иному выводу. По его мнению, Луна ни при каких обстоятельствах не была «тихой» в том значении, в котором имел в виду комментатор «Энеиды»: «Я скорее выступаю за то, чтобы понимать «молчание тихой Луны» в том самом смысле, в котором говорят о «молчащей Луне», то есть что конкретно в этот момент Луна совсем не светила, чтобы хитрости проще было остаться незамеченной» [3, с. 463]. Еще в начале главы гуманист указывал, что Луне, описанной Вергилием, в Аргосе стоит памятник. «Энеида» имела большое значение для гуманистов: Петрарка по ее образу писал «Африку», Вергилий был проводником Данте в Ад, в школе Гварино да Верона на втором курсе изучали «Энеиду» наряду с другими произведениями с целью изучения сведений истории и мифологии [9, с. 182]. «Молчание тихой луны», понимаемое как нечто, символизирующее музыку сфер и древнегреческую кифару, музыку прошлого, то, чему посвящен памятник, было общепринятым и всех устраивало. В этом тропе нашло свое убежище чувство непрерывности с прошлым [13, с. 17]. «Нападка» Полициано заключалась в том, что вместо Луны и музыки сфер он предлагал их отсутствие, что вызвало жесткую критику его позиции и данной главы со стороны других гуманистов.

Примечательны здесь эпиграммы Якопо Саннадзаро [14, с. 421–422], который упрекает Полициано в том, что он, будучи чем-то несоизмеримо

маленьким (pulex, Puliciano — «блоха»), пытается взобраться на Олимп, потревожить богов своей незначительной суетой. Для Саннадзаро, как и для многих гуманистов, «Энеида» как памятник настолько же серьезна, как и Св. Писание [9, с. 147], где каждый троп являлся сакральным, священным, чем-то, что пребывает среди неувядающих цветов вечности. «Гуманисты хотели жить в качестве *sapientes* в мире культурных образов, который был ими выстроен с помощью старых книг. Несомненно, это им удавалось, ибо они не стилизовали, а мифологизировали жизнь» [15, с. 141], — пишет Баткин, добавляя, что привычное понятие мифа, в котором нельзя что-либо менять, переделывать и экспериментировать, несопоставимо с Ренессансом, так как это именно то, чем постоянно занимались гуманисты. Такая реакция Саннадзаро на выпад Полициано позволяет думать, что Полициано просто вышел за рамки этой мифологизации. Отличие Полициано от других гуманистов связано с разрывом между «памятью, которая превращает прошлое предков в неразличимое время героев, в начало мира и мифа» [13, с. 21] и непосредственно *историей*. Память в силу своей чувственной природы уживается только с теми деталями, которые ей *удобны*, история же как интеллектуальная операция призывает к оперированию сакрального — традиции и обычая, что и вызывает такую жесткую реакцию.

Почему Полициано так закрыт к инновациям со стороны вольгаре? Нам представляется вероятным (и об этом пишет сам Полициано), что в каком-то смысле это реакция на упадок *respublica litterarum*, общего дела словесности. Ведь еще в предисловии к “Miscellanea” Полициано четко противопоставляет себя ученому миру, говоря, что «их деятельность — лишь указание на чужие ошибки» [3, с. 429]. «А кусать этот труд мой, я думаю, будут или хвастунишки и дрянепродавцы, набитые всякими собственными мнениями, надутыми, пусть и дурацкими, которые без ума от себя самих, или те, кто выступает защитниками за плату и выставляют свое мнение на продажу, и, если кто их один раз нанял и приобрел и как будто сделал своими рабами, того они неизменно и защищают с воинственным упорством» — писал он. Они ничего не сделали, чтобы спасти общее дело, — напротив, они сделали все, чтобы оно пришло в упадок, так как в силу того, что они «без ума от себя самих», наделали множество ошибок, неточностей, которые затмевают истинную мудрость древних [3, с. 439]

Таким образом, «Смесь» — это сочинение о «новой филологии», пафос которого не в указании на чужие ошибки, а в последовательном установлении истинного голоса «отцов-римлян». Как объединяться,

если прошлого не видно за грузом неточностей? Как, если язык «отцов-римлян» наводняется неологизмами и вольгаризмами? Однако взгляд на общее дело тоже оказался другим: для Саннадзаро общее дело — это традиция комментария и перевода, которая не тревожит благоухающие сады вечности, для Анджело — наоборот, необходимость войти в этот сад, общая работа над тем, чтобы услышать голоса древней мудрости, однако это требует от автора освобождения от груза внешних, весьма закостенелых правил.

В этом смысле Полициано очень схож с Макиавелли. «Смесь» — манифест, освобождающий автора от формальных, внешних правил vivere civile для республики словесности в новых условиях. Макиавелли открыт к обсуждению нового образа правления: «Республика может возобладать над fortuna, лишь объединив своих граждан в самодостаточную universitas (общность). Однако она, в свою очередь, зависит от свободного участия и морального согласия граждан. Упадок гражданского общества ведет к закату республики и торжеству “fortuna” [16, с. 232–233]. «Государь» — не руководство для королей и не трактат об абсолютной монархии, это образ жизни нового государя в совершенно непривычных условиях. Подобно Макиавелли, автор «Смеси» выступает за некий новый подход, который фиксирует новые реалии в studia humanitatis. Конкретный метод, который не воплощает в себе универсальный порядок, нравственный, священный и разумный, но представляет единственное решение, при котором республика ученых сможет продолжить свое существование. В этом плане нам импонирует высказывание Дж. Покока (который, в свою очередь, опирается на Э. Гарэна) о том, что возрождение неоплатонизма при дворе Лоренцо Медичи — это попытка разрешить кризис республики негражданственными методами [16, с. 154]. Действительно, Флоренция Лоренцо — это государство философа на троне в окружении таких же философов, гуманизм — основополагающий механизм такого правления. Однако, по удачному выражению К. Челенцы, это стало и началом, и концом. Поскольку факт тирании Медичи был предельно очевиден, чисто политические конкретные методы постепенно перешли в область интеллектуальных: «Флоренция Салютати и Бруни училась у республиканского Рима и считала себя его новым воплощением» [16, с. 108]. Флоренция Пико, Фичино и Полициано также училась у республиканского Рима через образцовую словесность и считала себя его воплощением. Эпоха Лоренцо — время, когда мы можем увидеть две республики, связанных с античностью: республику с ее гражданской жизнью (vivere civile), практиковавшую идеал активного участия в по-

литическом организме (vita activa), и республику словесности (respublica litteria) с ее идеалом созерцательной жизни (vita contemplativa), причем в обеих наметился упадок. Автор «Смеси» пытался найти решение, при котором respublica litterarum останется общим делом и не прекратит свое существование. Полициано «облегчал» латынь, пытаясь и внести в нее «низость» Цицерона, и убрать «груз», чтобы язык стал по-настоящему живым и настоящим, каковым является вольгаре.

В XVI в. утвердится цицеронианство, критический дискурс «захлопнется», из-за священности традиции комментария (другого общего дела) латынь останется языком лишь публичной культуры, прочие ее функции будут постепенно переходить к вольгаре. Вместе с тем будет забыта и республика, новый порядок будет выстроен на лишенной античного пафоса языковой системе. Во второй половине XVI в., во время правления флорентийского герцога Козимо I (1537–1574), члены его «Академии Сырых» (Academia degli Umidi, позже — Флорентийская Академия) интересовались развитием литературы уже на вольгаре. После прихода к власти Козимо выбрал «Сырых» в качестве идеальной группы для обеспечения культурной основы своего лидерства и создания консенсуса среди флорентийских элит [17, p. 88]. Основа государства философов строилась уже не на античном наследии: республика как универсальный порядок более не существовала, за основу литературного языка был взят вольгаре. Один из виднейших представителей Академии «принц философов» Симоне Порцио подружился с Джамбаттиста Джелли — портным, гордившимся своим «народным говором», который настаивал на универсальности и превосходстве вольгаре, способного выражать любые возвышенные концепции [17, p. 90]. В этой второй Академии мы видим как бы обратную ситуацию: попытку «возвести» вольгаре до латыни, «научить» вольгаре говорить о сложных метафизических вопросах подобно тому, как этот вопрос пытался решить Полициано для латыни. Вековая практика выбора языковых систем в конечном итоге привела их к взаимообогащению и частичной взаимозаменяемости.

«Смесь» стала новым способом сохранить существующий порядок respublica litterarum, продолжить республику vivere civile, историко-культурную практику двора Лоренцо Медичи. На примере Полициано это видно через решение вопроса о неологизмах, обсуждение проблемы подражания исключительно Цицерону и преодоления «груза» античного наследия. С другой стороны, Полициано был рожден этой культурой, его стремление к расширению столкнулось с проблемой лимита допустимого: после изгнания Медичи его будут вспоминать лишь в уничижитель-

ном смысле. Все это в совокупности позволяет сказать, что Полициано занимал исключительное место при дворе Лоренцо Медичи, а также в языковой традиции Флоренции второй половины XV в.

Список источников и литературы

1. *Reeve M.D.* Classical Scholarship // The Cambridge Companion to Renaissance Humanism / Ed. by J. Kraye. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. P. 20–46.
2. *Шумилин М.В.* «Смесь» Анджело Полициано: искусство видеть то, чего не видят другие // Науки о языке и тексте в Европе XIV–XVI веков. М.: Дело, 2016. С. 414–428.
3. *Полициано А.* Смесь // Науки о языке и тексте в Европе XIV–XVI веков / Пер. М.В. Шумилина. Дело, 2016. С. 429–464.
4. *Poliziano A*. Miscellaneorum centuria prima. Firenze: by Miscomini Antonio, 1489 [Электронный ресурс]. URL: https://archive.org/details/ita-bnc-in1–00000651–001.198 p.
5. *Garin E.* La cultura filosofica del Rinascimento italiano. Firenze: Sassoni, 1960. 528 p.
6. *Branca V.* Poliziano e l'umanesimo della parola. Torino: Einaudi, 1983. 422 p.
7. *Bloemendal J.* Bilingualism, Multilingualism and the Formation of Europe // Bilingual Europe Latin and Vernacular Cultures, Examples of Bilingualism and Multilingualism c. 1300–1800 / Ed. by J. Bloemendal. Leiden-Boston: Brill, 2015. P. 1–14.
8. *Floris Cohen H*. From Philosophia Naturalis to Science, from Latin to the Vernacular // Bilingual Europe Latin and Vernacular Cultures, Examples of Bilingualism and Multilingualism c. 1300–1800 / Ed. by Jan Bloemendal. Leiden-Boston: Brill, 2015. P. 144–160.
9. *Степанова Л.Г.* Итальянская лингвистическая мысль XIV–XV вв. (от Данте до позднего Возрождения). СПб.: Изд-во РХГИ, 2000. 504 с.
10. *Рязанов П.А.* Греческие интеллектуалы и гуманистическая культура Италии конца XIV — начала XVI века. Нижний Новгород: Автор, 2023. 511 с.
11. *Basile Gastón J*. Res and Verba: The Early Humanist Translations of Natural Science and Medical Texts // Arts et Savoirs. Revisiting Medical Humanism in Renaissance Europe. Paris: Laboratoire LISAA, 2021. P. 61–119.
12. *Celenza Christopher S.* Endings and New Beginnings: The Language Debate // The Intellectual World of the Italian Renaissance: Language, Philosophy, and the Search for Meaning. Cambridge: Cambridge University Press, 2017. P. 372–400.
13. *Нора П., Озуф М., Пюимеж Ж., Винок М.* Франция — память / Пер. с франц. Д.Р. Хапаевой. СПб.: СПбГУ, 1999. 328 с.

14. *Саннадзаро Я.* Эпиграммы 1.61 и 1.62 // Науки о языке и тексте в Европе XIV–XVI веков / Пер. Шумилина М.В. М.: Дело, 2016. С. 421–422.
15. *Баткин Л.М.* Итальянское Возрождение: проблемы и люди. М.: РГГУ, 1995. 443 с.
16. *Покок Дж. Г.А.* Момент Макиавелли: Политическая мысль Флоренции и атлантическая республиканская традиция / Пер. с англ. Т. Пирусской. М.: Новое литературное обозрение, 2020. 888 с.
17. *Del Soldato Eva.* An Aristotelian at the Academy: Simone Porzio and the Problem of Philosophical Vulgarisation // Bilingual Europe Latin and Vernacular Cultures, Examples of Bilingualism and Multilingualism c. 1300–1800 / Ed. by Jan Bloemendal. Leiden; Boston: Brill, 2015. P. 83–99.

УДК 7.04 + 94(4)

Якина Е.Р.
Научная библиотека Российской академии художеств,
библиотекарь.
E-mail: yakinalisa@gmail.com

Визуальный тип «Мадонна лунного серпа» в искусстве гравюры Германии накануне Реформации: специфика, значение и функции

Аннотация. «Мадонна лунного серпа» (нем. “Mondsichelmadonna”) — один из самых популярных визуальных типов в немецкой дореформационной гравюре. В настоящей статье рассматривается его становление, в ходе чего выявляются его существенные свойства, которые и сделали его актуальным для эпохи рубежа XV–XVI вв.: связь с молитвенной практикой, мистический дух, эсхатологическая семантика и особая экспрессивность.

Ключевые слова: «Мадонна лунного серпа», “Mondsichelmadonna”, иконография, молитвенная практика, эсхатология, предреформационная Германия.

Iakina E.R.
Russian Academy of Arts,
Research Library.
E-mail: yakinalisa@gmail.com

The Iconography of the “Madonna on a Crescent Moon” in the art of print in Pre-Reformation Germany: specificity, meaning and functions

Abstract. “Madonna on a Crescent Moon” (“Mondsichelmadonna”) is one of the more popular visual images in the art of print in Germany before the Reformation. In the presented article the author traces the formation of the iconography, while distinguishing the substantial features which made it so relevant for the turn of the 16th century: its relation to the practice of prayer, mystical spirit, eschatological semantics and notable expressiveness.

Keywords: “Madonna on a Crescent Moon”, “Mondsichelmadonna”, iconography, prayer, eschatology, pre-Reformation Germany.

Под именованием “Mondsichelmadonna” [1, s. 267–268; 2, s. 198] подразумеваются изображения Богоматери с луной у ног. Символика визуального типа заимствована из образа Жены XII главы Откровения Иоан-

на Богослова: «И явилось на небе великое знамение: жена, облеченная в солнце; под ногами ее луна, и на главе ее венец из двенадцати звезд. Она имела во чреве и кричала от болей и мук рождения» (Откр. 12:1).

Источником таких изображений служит мариологическая интерпретация Жены Апокалипсиса: издревле в космическом видении усматривали фигуру Девы Марии, родившей Спасителя, поскольку младенцу Жены «надлежит пасти все народы жезлом железным» (Откр. 12:5). Однако первоначально преобладали другие толкования образа — Жена как христианская церковь или Израиль. Мариологическая экзегеза же утвердилась лишь к XII в., во многом благодаря трудам Бернарда Клервоского, что совпало с подъемом культа почитания Девы Марии в Европе.

Данный образ впервые получил действительно широкое распространение в качестве самостоятельного визуального типа именно в канун Реформации в Германии. На такой всплеск популярности повлиял ряд факторов. Во-первых, важно помнить, что уже в зрелое Средневековье в Западной Европе наблюдался расцвет культа почитания Богоматери. Подпитываемый чувственным мистицизмом, он пробуждал потребность как в самих богородичных моленных образах, так и в новых видах иконографии, апеллирующих к эмоциям созерцателя (среди прочих — крайне выразительная «Мадонна лунного серпа»). Новое восприятие веры на рубеже XV–XVI вв. характеризовалось распространением частной молитвы и подразумевало уединенный контакт с Богом и небесными покровителями, в идеале доходивший до мистического видения.

В связи с культом Девы Марии следует обратить внимание на следующее обстоятельство. Представление о Непорочном Зачатии Марии существовало в церкви издавна в качестве предания, однако вместе с распространением особого почитания Богоматери вокруг него образовалась активная полемика. В ходе оживленной дискуссии писали и распространяли тексты, утверждающие догмат, которые дополнялись изображением, — так постепенно разрабатывалась его иконография. Среди прочих вариаций со временем начал преобладать образ «Мадонны лунного серпа» (подробно об этом пишет Мирелла Леви д’Анкона [3, p. 20–28]). Насущность разрешения вопроса о Непорочном Зачатии актуализировала и обращение к образу.

К тому же период около 1500 г. отличался подъемом эсхатологических ожиданий среди немецкого населения [4, p. 50–75]. Ощущение приближения конца времен на рубеже XV–XVI вв. было связано с общими тревогами того времени, полного войн, голода, чумы и социальных потрясений. Ожидание Второго пришествия накануне Реформа-

ции религиовед А.Ю. Григоренко описывает так: «Чем более ощущался кризис церкви, кризис феодального общества, чем более нарастали в обществе чувства неуверенности в завтрашнем дне, тем громче становились голоса тех, кто, как первые христиане, проповедовал скорый конец мира» [5].

Несомненно, благодаря тому, что эсхатологическая семантика иконографии соответствовала общественным настроениям эпохи, данный образ находил отклик в широких слоях населения. Изобретение печатной графики, активно используемой уже в середине XV в., в свою очередь, отвечало потребности в доступных моленных образах (“Andachtsbilder”) и способствовало их распространению. В итоге мы видим, что иконография «Мадонны лунного серпа» была остро актуальной для предреформационного периода в Германии. Потребность в ней была связана с обновлением веры, новыми практиками благочестия, а также с насущными тревогами эпохи.

И все же становление визуального типа «Мадонна лунного серпа» относится к более раннему времени. Главным его иконографическим прообразом служила традиция иллюминированных Апокалипсисов, а именно манускрипты «франко-англо-нормандского круга» [6, s. 127–128]. В них в основном встречались три вида изображения Жены: 1) в иератической позе, в соответствии со строками о явлении Небесного знамения (Откр. 12:1); 2) с орлиными крыльями, спасаясь от дракона в пустыне (12:13–16); 3) в сцене родов (12:2), (12:5–6), что повторяет иконографию Рождества.

Первостепенная функция иллюминированного Апокалипсиса — ознакомление со Священной Историей. Потому не удивительно, что два последних из всех трех способов изображения Жены носят скорее иллюстративный, повествовательный характер. Однако первый из них — изображение Жены в иератической позе — наиболее соответствует торжественному духу апокалиптического видения, он и вошел в традицию печатной иллюстрации Апокалипсиса с изобретением массовой гравюры. Именно так была представлена Жена в Кёльнской Библии (ил. 1), а далее и в Апокалипсисе Альбрехта Дюрера (ил. 2), после чего на протяжении многих веков последующие иллюстраторы вносили в образ минимум изменений. Такой способ изображения Жены наиболее обобщен благодаря отсутствию повествования, он представляет собой всецелый образ, подобно портрету или иконе, функция которых — «замещение собой» изображаемой персоны, наиболее полное и характерное ее представление. Именно данный вариант ближе всего к объекту почитания.

Со временем Жену Откровения стали изображать отдельно от иллюстрации к Апокалипсису. Среди наиболее ранних примеров, где достоверно известно, что женская фигура, наделенная чертами Жены Откровения, изображала Марию, — миниатюра из «Книги Гимнов Ротшильда» (ил. 3), иллюминированной около 1300 г. в Нидерландах. Показательно ее предназначение: в силу сложной теологической программы наиболее вероятно, что она была создана для монахини и служила вспомогательным средством для мистического созерцания [7, p. 100–104].

Обозначенная миниатюра изображает женскую фигуру с поднятыми кверху руками, ее голову венчает корона, у ног полумесяц, а на ее чреве изображен младенец, окруженный солнечными лучами. Из космической символики и текста на странице напротив очевидно, что перед зрителем предстает “mulier amicta sole” («Жена, облеченная в солнце» (лат.)). Однако данная миниатюра находится именно в части «Книги Гимнов», посвященной Деве Марии, а текст рядом полон заимствований из богородичной литургии. Созданный образ объединяет в себе фигуры Девы Марии, Жены Откровения и Невесты Христовой — христианской души, состоящей с Богом в мистическом союзе. Так, пречистая Мария предстает образцом, к которому следует стремиться христианину. В то же время в такой степени визуально и семантически богатый образ, отсылающий к небесному знамению, помогает зрителю, обращенному к нему в молитве, настроиться на мистическое восприятие — столь экспрессивен жест рук Девы, которому вторят лучи сияния.

Однако «Книга Гимнов Ротшильда» — исключительный пример, поскольку «Мадонна лунного серпа» все еще относительно редко встречалась в изобразительных искусствах. Среди других примеров —памятники миниатюры Англии, Франции, Нидерландов (ил. 4–6).

Важной вехой в формировании и распространении образа «Мадонны лунного серпа» стало появление в итальянской живописи XIV в. иконографии «Мадонна Смирение» (“Madonnadell’Umiltá”). Речь идет об изображениях Марии, сидящей на земле или на лугу, являющей собой воплощение добродетели смирения. Зачастую Она была наделена атрибутами Жены Апокалипсиса — звездным венцом и луной у ног. Как отметил Миллард Мисс, «Мадонна Смирение» стала первой большой группой памятников, которая отождествляла Жену Откровения с Девой Марией [8, p. 155], значительно способствуя распространению типа «Мадонна лунного серпа». Новая иконография обрела большую популярность, и подобные изображения встречались по всей Западной Европе. В немецких землях она получила именование “Demutsmadonna”, а ее наиболее яр-

кое и в то же время утонченное исполнение принадлежит руке Стефана Лохнера (ил. 7), полюбившееся современникам. Мастер Жития Марии, в свою очередь, создал произведение необычной иконографии (ил. 8), где Мария, словно сидя на невидимом троне, повисает в воздухе — этот образ затем точь-в-точь повторит Исраэль ван Мекенен в моленной гравюре (ил. 9). Можно наблюдать, как в немецких землях утверждается вариация иконографии, в которой акцент переходит со смирения на царственное положение Марии, восседающей на троне при регалиях: в данном регионе более востребованным оказалось вызывающее благочестивый трепет изображение Царицы Небесной.

Если в Англии, Франции, Нидерландах передовым искусством была книжная миниатюра, а в Италии — алтарная живопись, то Германия славилась своей деревянной скульптурой. Многочисленные деревянные статуэтки, представлявшие Марию с Младенцем на руках и с месяцем у ног, возникли приблизительно в одно время с гравированным образом, и композиционно «Мадонна лунного серпа» в этих двух видах искусства наиболее схожа. В традиции манускрипта Жена Откровения была представлена в позе Оранты, в иллюминации изображения Марии с атрибутами Жены могли повторять ее позу (ил. 4) или быть выполнены в иконографии «Мадонна Смирение», которая сидит на лугу или на троне (ил. 5–6). Однако как в скульптуре, так и на гравюре Мадонна стоит прямо, держа Младенца на руках. К фигуре Жены отсылает месяц у ног, реже — лучи сияния (на деревянных алтарях и гравюре) (ил. 10–13).

В немецкой пластике Апокалипсическая Мадонна встречалась не только в алтарной и круглой скульптуре, но и в так называемых “Marienleuchter” («Светильниках Марии» (нем.)) — особых литургических светильниках (ил. 14). Свечи, украшающие скульптуру Мадонны с Младенцем, окруженной сиянием, зажигались во время праздников при чтении молитв, представляя собой мистическое видение наяву. В это время священнослужители обращались к миссалу или бревиарию, а миряне — к собственным молитвенникам с богородичными образами на их страницах: так подобные гравированные изображения могли играть роль и в соборной молитве. Существование в Германии “Marienleuchter” уже открывает специфику восприятия «Мадонны лунного серпа» в данном регионе — это драматичное Небесное явление, свет во мраке, вызывающий благоговейный трепет прихожан.

Ранее уже была рассмотрена роль «Мадонны лунного серпа» в частной молитве, однако приведенные памятники скульптуры демонстриру-

ют также связь иконографии с литургической практикой, то, насколько она органично вписывается в торжественное настроение церковного праздника.

Другой фактор, на который следует обратить внимание, говоря о генезисе и распространении иконографии «Мадонны лунного серпа», — популярность сувенирной продукции в эпоху паломничества. Сувенирные плакетки, или значки паломника (ил. 15–16), были популярным видом массового производства, доступного широким слоям населения еще до распространения печатной графики в Европе. Эти плакетки достаточно разнообразны в материале, композиции и исполнении, являя собой лаконичные изображения Богоматери с Младенцем, вписанные в полукруг месяца. Именно благодаря схематичному исполнению в медальонах даже низкого качества мгновенно читаются черты «Мадонны лунного серпа».

Подобные предметы мелкой пластики послужили моделью новой вариации иконографии «Мадонны лунного серпа» в печатной графике. Для ювелиров и мастеров по металлу, их создававших, изготавливались образцы, выполненные в гравюре (ил. 17). Печатная графика также требует четкой и лаконичной формы, поэтому данная композиция была органична и для нее. В результате небольшие круглые гравюры «Мадонны лунного серпа» часто вклеивались в молитвенники, на страницы с молитвами Богоматери (ил. 18). Помимо этого, интересный пример проникновения созданного в пластике образа в гравюру представляет лист из книги «Жизни святых» (ил. 19) с изображением Бернарда Клервоского, молящегося мистическому явлению Богоматери. Часть композиции с Девой Марией четко вписана в окружность и, очевидно, восходит к сувенирным медальонам или гравированным образцам для них. Так первоначально зависимая от другого вида искусства вариация зажила собственной жизнью.

Более того, существуют и аналогичные композиции, целиком воспроизведенные в искусстве иллюминации. Стефану Лохнеру приписывают миниатюру в рукописном молитвеннике из собрания Гравюрного кабинета в Берлине (ил. 20). Полуфигуру «Мадонны лунного серпа» с Младенцем Христом мастер вписал в инициал буквы «О» богородичной молитвы, воспевающей Приснодевство Марии: “Virgo ante partu. Virgo in partu. Virgo post partum” («Дева до родов. Дева во время родов. Дева после родов» (лат.)). Композиция миниатюры повторяет круглые плакетки и гравированные образцы — фигуры Марии с Младенцем вписаны в окружность, а пояс Девы ограничен полумесяцем. Однако мастер

не был удовлетворен прямым повторением и вложил в руку Девы яблоко, которое отсылает к сравнению «Мария — Новая Ева», благодаря которой побежден первородный грех.

Резюмируя сложный путь формирования образа «Мадонны лунного серпа» становится очевидно, что все это время сохранялась его связь с практикой молитвы — частной или литургической. В этом контексте примечательно то, что данный визуальный тип встречался именно в наиболее камерных видах искусства. Даже храмовая скульптура или итальянские алтари XIV–XV вв. отвечали дававшей о себе знать потребности в более личном общении верующих с небесными покровителями. Предстающий перед ними в молитве чувствовал их обращение к себе лично. Особенно заметным это становится в сравнении с монументальной настенной живописью, которую с трудом можно воспринимать подобным образом вследствие ее необъятного масштаба и неразрывного слияния с архитектурой храма, окружающего весь приход.

Связь рассматриваемой иконографии с практикой молитвы обладает еще одним, менее очевидным аспектом, характерным именно для ее исполнения в предреформационной гравюре. Наблюдается примечательная корреляция между образом «Мадонны лунного серпа» и определенной молитвой, которая непреложно сопровождала его (ил. 21–23). Речь идет о богородичной молитве “Ave sanctissima Maria”:

“*Ave sanctissima Maria mater dei regina celi porta paradisi domina mundi pura singularis tu es virgo tu sine peccato concepta concepisti jehsum sine omni macula tu peperisti creatorem et salvatorem mundi in quo non dubito libera me ab omni malo et ora pro peccato meo amen*”.

«Радуйся, Пресвятая Мария, Матерь Господа, Царица Небесная, врата Рая, Госпожа мира, Чистая, Ты единственная Дева еси, без греха Зачатая зачала Иисуса без всякого пятна, Ты родила Творца и Спасителя мира, в Котором, не сомневаюсь, освобождаешь меня от всякого зла, и молю за грех мой. Аминь».

Связь изображений Марии с полумесяцем с данной молитвой установил еще Сикстен Рингбом, вписав их в контекст позднесредневекового мистицизма [9]. Значим тот факт, что она воспевает Деву Марию Иммакулату (от лат. “Immaculata” — Незапятнанная. “Immaculata Conceptio” переводится как Непорочное Зачатие) — непорочно зачатую в утробе Анны. Слова “tu sine peccato concepta concepisti jehsum sine omni macula” переводятся с латыни как «Ты, без греха Зачатая, зачала Иисуса безо всякого пятна», что является прямым указанием не только на Приснодевство, но и на Непорочное Зачатие Девы Марии. Согласно тексту, зачастую со-

провождавшему молитву, ее авторство принадлежит Сиксту IV — римскому папе, который активно способствовал популяризации культа Девы Марии в целом и догмата о Непорочном Зачатии в частности. Кроме того, текст молитвы дополнялся словами об отпущении Сикстом IV индульгенции за чтение ее перед образом “Virgo in Sole” (лат.), то есть «Девы в Солнце», в космическом облачении Жены Откровения. Обещание облегчения посмертной судьбы значительно повышало спрос на подобные моленные образы (спрос, который удовлетворял массовый тираж гравюры), опираясь на новое персональное отношение к вере, и в то же время такая сноска закрепляла ассоциативную связь между изображением “Virgo in Sole” и молитвой “Ave sanctissima”.

Одним из свидетельств этой связи может послужить небольшое изображение, включенное в текст “Hortulus Animae” (изд. Петера Шофера, ил. 23). В данном случае Мария представлена с Младенцем, который держит четки — венок из роз в руках. К образу Жены Апокалипсиса отсылают лучи сияния и месяц. Данный образ объединяет иконографический тип «Мадонны лунного серпа» с типом «Мадонны Розария» (нем. “Rosenkranzmadonna”), который также тесно связан с молитвенным текстом. Однако образ Марии с четками в данном издании сопутствует не молитве Розария, которая напечатана без изображения, а молитве «Нашей Госпоже в Солнце» (нем. “Unser frauwen gebett in der sonnen”, по аналогии с “Virgo in Sole”). В итоге в случае, где обе иконографии объединенного типа связаны с конкретной молитвой, связь “Virgo in Sole” — “Ave sanctissima” оказывается прочнее.

В результате можно заметить, что в пропаганде Непорочного Зачатия Сикста IV крайне важна роль изображения. Дарование индульгенции было обещано за обращение в молитве к образу. Данный пример открывает взгляд на использование искусства гравюры в канун Нового времени, эпоху обновления веры. Все шире распространявшийся мистицизм вместе с кризисом института церкви пробуждали в людях желание взаимодействовать с сакральными фигурами без посредников. Это, в свою очередь, привело к появлению частного моленного образа — складного алтаря для высших слов и гравированного листа для широких масс [10, с. 459–468]. Частный образ был обращен к молящемуся лично, он воздействовал психологически посредством повышенной экзальтации и подчас «приземленности» тем (как «Мадонна Смирение»). Так, гравюра «Девы в Солнце» не просто служила визуальным дополнением к тексту или иллюстрацией — она должна была апеллировать к глубине чувств моляще-

гося, чтобы, с одной стороны, способствовать его мистическому опыту, а с другой — утверждать в его сознании определенную идею.

В качестве подтверждения силы воздействия образа «Мадонны лунного серпа» стоит ненадолго выйти за хронологические рамки исследования и вспомнить о роли иконографии “Tota Pulchra” (лат. «Вся Прекрасная») или “La Purissima” (исп. «Пречистая») в контрреформационной программе церкви [11, s. 342]. “La Purissima” утвердится в качестве иконографии Непорочного Зачатия (ил. 24) и будет пользоваться небывалой популярностью начиная с XVII в. Данный визуальный тип объединяет в себе ряд образов, однако наиболее выразительная его составляющая — космические символы, которыми наделена Богоматерь. Именно они демонстрируют неземную сторону Марии, Ее исключительное положение в сонме святых, вневременную предызбранность (что и подразумевает догмат о Непорочном Зачатии Марии).

Возвращаясь к предреформационной гравюре, становится ясно, что именно эта патетика образа отзывалась пылкой вере своего времени. Эсхатологические чаяния, вызванные насущными тревогами, побуждали христиан в поиске утешения обращаться в молитве к “Virgo in Sole”, Пречистой Царице Небесной, что обещало облегчение решения Страшного суда. Дева Мария, не будучи божеством Сама, но к Нему причастная, выступала в качестве посредницы и заступницы. Так образ «Мадонны лунного серпа» наиболее отвечал потребностям эпохи усиления культа Марии и эсхатологических ожиданий.

Список источников и литературы

1. *Sachs H., Badstübner E., Neumann H.* Christliche Ikonographie in Stichworten. Leipzig: Koehler & Amelang, 1988. 384 s.
2. *Schiller G.* Ikonographie der christlichen Kunst: 5 Bd. Bd. 4, 2: Maria. Gütersloh: Gütersloher Verl. Haus Mohn, 1980. 472 s.
3. *Levi D’Ancona M.* The iconography of the Immaculate Conception in the Middle Ages and early Renaissance. N.Y.: College Art Association, Art bulletin, 1957. 82 p.
4. *Moeller B.* Piety in Germany around 1500 // The Reformation in Medieval Perspective. Ed. By St. E. Ozment. Chicago, 1971. P. 50–75.
5. *Григоренко А.Ю.* Эсхатология, милленаризм, адвентизм: история и современность. Философско-религиоведческие очерки (научное издание). Азбука веры [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/sekty/eshatologija-millenarizm-adventizm-istorija-i-sovremennost (дата обращения: 10.01.2025).

6. *Kirschbaum E.* Lexikon der Christlichen Ikonographie: 8 Bd. Bd. 1. Rom; Freiburg; Basel; Wien: Herder, 1974. 720 s.
7. *Hamburger J.F.* The Rothschild Canticles: Art and Mysticism in Flanders and the Rhineland Circa 1300. New Haven: Yale Univ. Pr, 1990. 336 p.
8. *Meiss M.* Painting in Florence and Siena After the Black Death. Princeton: The Princeton University Press, 1951. 194 p.
9. *Ringbom S.* Maria in Sole and the Virgin of the Rosary // Journal of the Warburg and Courtauld Institutes. Vol. 25. No. 3/4 (Jul. — Dec., 1962). P. 326–330.
10. *Бельтинг Х.* Образ и культ. История образа до эпохи искусства. М.: Прогресс-Традиция, 2002. 540 с.
11. *Fournet J.* Immaculata Conceptio // Kirschbaum, Braunfels (Hrsg.): Lexikon der Christlichen Ikonografie: 8 Bd. Bd. 2. Herder, Freiburg. 1968. 716 s.

Иллюстрации

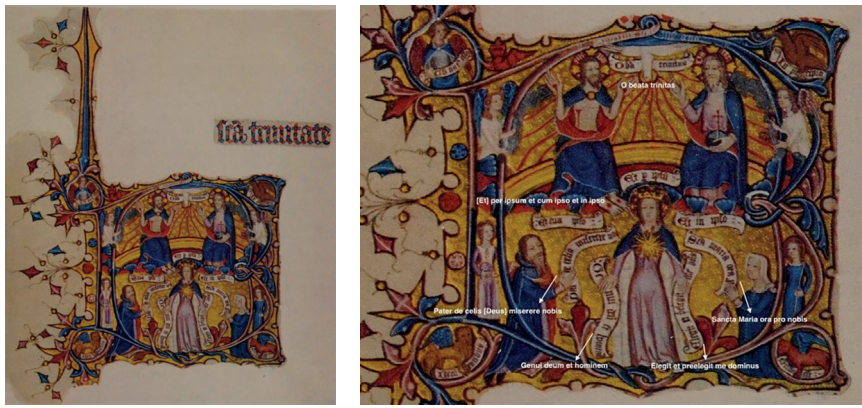
Ил. 1. *Кёльнская Библия. Изд. Генриха Квентела, Бартоломеус фон Ункел. 1478–1479 гг. Берлин. Государственная библиотека*

Ил. 2. *Альбрехт Дюрер. Жена, облеченная в солнце. Апокалипсис. Лист 11. 1497/1498 г. Санкт-Петербург. Гос. Эрмитаж*

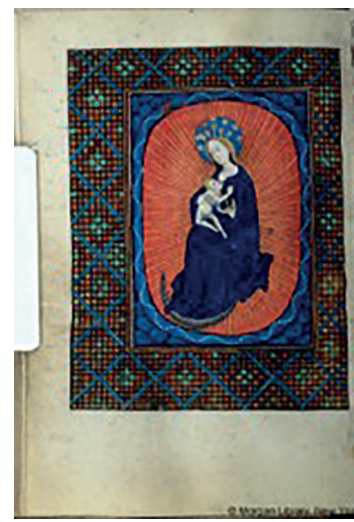
Ил. 3. *Книга гимнов Ротшильда (Beinecke. MS 404, f. 63v-64r.). Фландрия или Рейн, ок. 1300 г.*

Ил. 4. А) *Кармелитский миссал. BL. Add. MS 29704. fol. 193 v. Инициал «B» к интроиту вотивной мессы Святой Троицы. Англия, ок. 1400 г. Лондон. Британская библиотека*
Б) *Деталь. Расшифровка текста*

Ил. 5. *Псалтирь. Ms M.88. Fol. 151 r. Франция. 1370–1380 гг. Нью-Йорк. Библиотека и музей Моргана*

Ил. 6. *Книга часов. Ms M.46. Fol. 85 v. Бельгия или Англия. Ок. 1420 г. Нью-Йорк. Библиотека и музей Моргана*

Ил. 7. *Стефан Лохнер. Мадонна в беседке из роз. Ок. 1448 г. Кёльн. Музей Вальрафа-Рихарца*

Ил. 8. *Мастер Жизни Марии. Мария на полумесяце. Ок. 1475 г. Бамберг. Музей Новой Резиденции*

Ил. 9. *Исраэль ван Мекенен. "Ave sanctissima Maria…". Ок. 1475–1480 гг. Лондон. Британский музей*

Ил. 10. *Неизвестный мастер, Германия. Мадонна на полумесяце. Ок. 1480 г. Мюнхен. Баварский национальный музей*

Ил. 11. *Неизвестный мастер, Германия. Алтарь Марии. К. XV в. Любек. Госпиталь Святого Духа*

Ил. 12. *Неизвестный мастер, Германия. Мадонна и Младенец в сиянии, стоящие на полумесяце. 1450–1460 гг. Вашингтон. Национальная галерея искусства*

Ил. 13. *Исраэль ван Мекенен. Мадонна с Младенцем и ангелами. Ок. 1495–1500 гг. Lehrs 229*

Ил. 13. *Неизвестный мастер, Германия. Мадонна в сиянии. Ок. 1480 г. Д., полихромная раскраска. Дюссельдорф-Герресхайм. Базилика Св. Маргариты*

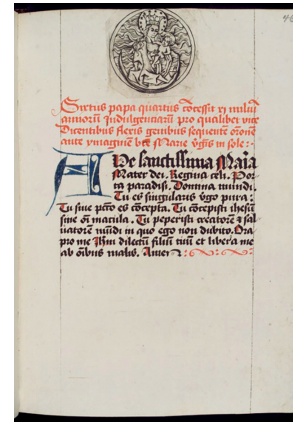
Ил. 14. *Значок паломника. Франция. Рубеж XV–XVI в. Лондон. Британский музей*

Ил. 15. *Плакетка. Германия. Начало XVI в. Лондон. Британский музей*

Ил. 16. *Исраэль ван Мекенен. Образец для ювелиров. 1480–1490 гг. Лондон. Британский музей*

Ил. 17. *Неизвестные мастера. Немецкий молитвенник. Cod. Guelf. 990 Helmst. Fol. 46 r. 1451–1500 гг. Вольфенбюттель. Библиотека герцога Августа*

Ил. 18. *Неизвестный мастер. Изд. Гюнтера Цайнера «Жития святых». Летняя часть. Rar. 733–2. Fol. 158 v. 1472 г. Мюнхен. Баварская государственная библиотека*

Ил. 19. *Стефан Лохнер. Молитвенник. 78 B 1a. Fol. 163 r. Ок. 1444 г. Берлин. Гравюрный кабинет*

Ил. 20. *Исраэль ван Мекенен. “Ave sanctissima Maria”. Вт. пол. XV в. Лондон. Британский музей*

Ил. 21. *Неизвестный мастер, Германия. “Ave sanctissima Maria”. 1495 г. Тюбингенская университетская библиотека*

Ил. 22. *Неизвестные мастера. Изд. Петера Шоффера. “Hortulus Animae”. 83 r. 1513 г. Мюнхен. Баварская государственная библиотека*

Ил. 23. *Бартоломе Эстебан Мурильо. Непорочное зачатие. Ок. 1678 г. Мадрид. Прадо*

УДК 7.046.3

Кузнецова К.А.
Санкт-Петербургская государственная
художественно-промышленная академия имени А.Л. Штиглица,
факультет дизайна, студент бакалавриата.
E-mail: xssnya@gmail.com

«Христос Евхаристии»: становление и развитие иконографии в XVI в.

Аннотация. Статья посвящена исследованию развития иконографии «Христа Евхаристии» на территории Валенсии в XVI в.: от первых произведений, созданных в 1520-е гг., до финального варианта сюжета, реализованного после 1562 г. в творчестве ведущего живописца Хуана де Хуанеса. Особое внимание уделяется историческим событиям, повлиявшим на возникновение в обществе запроса на создание этого образа.

Ключевые слова: иконография «Христос Евхаристии», Хуан де Хуанес, Валенсия, испанская живопись.

Kuznetsova K.A.
Saint Petersburg Stieglitz State Academy of Art and Design,
Department of Art History, Bachelor's program, Student.
E-mail: xssnya@gmail.com

"The Eucharistic Christ": formation and development of iconography in the XVIth century.

Abstract. The article is devoted to the study of the development of the iconography of "Christ of the Eucharist" in Valencia in the 16th century: from the first works created in the 1520s to the final version of the plot, realized after 1562 by the leading painter, Juan de Juanes. Particular attention is paid to historical events that influenced the emergence in society of a demand for the creation of this image.

Keywords: iconography of "The Eucharistic Christ", Juan de Juanes, Valencia, Spanish painting.

Евхаристические сюжеты получают широкое распространение в художественных произведениях Испании в XV–XVI вв.: появляются композиции, изображающие поклонение библейских персонажей и мучеников святым дарам, художники пишут ветхозаветных героев, имеющих

символическую связь с таинством Евхаристии. Иконографический образ «Христа Евхаристии» зарождается в XVI в. в творчестве трех валенсийских художников эпохи Возрождения: Фернандо Яньеса (ок. 1456–1536), Висенте Масипа (1475–1545) и Хуана де Хуанеса (ок. 1505–1510–1579).

Хуан де Хуанес и его отец, Висенте Масип, неоднократно обращаются в ретабло к образам Мельхиседека и первосвященника Аарона, изображая их с хлебом и вином по сторонам от «Спасителя Евхаристии». Рассмотрение того, как художники посредством создания новой иконографии формулируют ответ на существующий запрос общества, является проблемой исследования.

Внимание к таинству возникает в искусстве еще в Средневековье — время, когда в Европе активно возникали ереси, отрицавшие значимость таинства. Так, в Испании на территории Арагонского королевства распространились идеи альбигойцев [1, с. 167]. Для борьбы с лжеучениями в 1215 г. IV Латеранский собор официально принял доктрину о пресуществлении в Евхаристии как католический догмат [2, p. 224]. С тех пор в изобразительном искусстве Испании закрепляется традиция, в которой акцент с исторического эпизода (предательство Иуды) смещается на сакральный (установление Христом таинства причастия). Центральным размещением Спасителя и строго симметричной композицией подчеркивается значимость и грандиозность происходящего действия. Важным введением является обращение к литургии в образе Христа: в левой руке он держит гостию, которая заменила собой ранее изображаемый хлеб, часто помещенную на чашу, а пальцы правой руки сложены в благословляющий жест (например, в «Вечери» из ретабло тела Христова Мастера из Вальбона-де-лес-Монжес (1335–1345) и ретабло Евхаристии Мастера из Вильяэрмоса (1385–1390)). Такое расположение рук было закреплено впоследствии папой римским в Тридентской мессе [3, p. 181].

На территории Испании культ причащения набирал особую популярность. В частности, в Валенсии в середине XIV в. был введен праздник Тела Христова, в честь которого устраивались торжественные процессии [4, p. 43]. Как отмечает М.М. Прохорцова, в связи с возрастающим почитанием Евхаристии на Пиренейском полуострове получает широкое распространение ретабло [1, с. 167]. С помощью многосоставной заалтарной конструкции церковь пропагандировала христианские догматы на недавно отвоеванных в ходе Реконкисты территориях, на которых проживало большое количество иудеев и мавров. «Тайная вечеря» нередко располагалась в центральной части ретабло, подчеркивая важность таинства причастия. Таким образом, евхаристические сюжеты в средневеко-

вой Испании играли огромную роль, а в эпоху Возрождения приобрели еще большую значимость и популярность.

Со второй половины XV в. из-за вспыхнувшей в Каталонии гражданской войны значение главного художественного и культурного центра приобрела Валенсия [5, p. 47]. Из-за выгодного расположения города с выходом к Средиземному морю в него через торговые пути постепенно проникала ренессансная культура, благодаря чему до конца XVI в. активно развивались богословские и гуманистические идеи. Меценаты и коллекционеры способствовали укоренению новых художественных тенденций: ввозились живописные и графические произведения итальянцев и голландцев, приглашались архитекторы и художники [5, p. 70–71]. Так, например, Фернандо Яньес вместе с Эрнандо Яносом прибыли из Италии для создания главного ретабло валенсийского кафедрального собора в 1506 г. [5, p. 50]. В 1437 г. случилось важное для валенсийцев событие — Святой Грааль был перенесен в кафедральный собор [6, p. 531], что повлияло на увеличение количества произведений на сюжет «Тайной вечери». Изображение Грааля прочно укоренилось в художественной традиции живописной школы Валенсии и стало необходимым атрибутом на картинах по сюжетам «Вечери» и «Евхаристического Спасителя».

Одним из факторов, повлиявших на создание иконографии «Христа Евхаристии», явилась растущая популярность протестантизма в Европе. В Испании идеи Лютера не получили распространения, в частности, из-за крайне религиозно настроенного населения, сформировавшегося под влиянием восьмисотлетней Реконкисты, а также из-за вездесущей священной инквизиции, пресекавшей на корню любые отступления от закрепленных догм. Однако можно предположить, что испанская церковь, желая противостоять Реформации, стала заказывать у художников образ евхаристического Христа.

«Спаситель Евхаристии» является простым, очищенным от посторонних сюжетов образом, цель которого — донести до зрителя идею о представлении Христа как первосвященника. В 1520–1530-е гг. в Валенсии появились три произведения на этот сюжет. Из них лишь исчезнувший «Спаситель», выполненный Висенте Масипом и его сыном для главного ретабло кафедрального собора Сегорбе, имеет точный период создания — 1527–1535 гг., благодаря сохранившимся на заказ документам [7, p. 104]. «Христос Евхаристии» из музея Прадо Фернандо Яньеса и кафедрального собора Масипа или Хуанеса не имеют точной датировки, однако современные исследователи сходятся в том, что оба произведения были созданы в 20–30-х гг. XVI в. [8, p. 50; 9, p. 460].

Создание новой иконографии также может быть связано с необходимостью оформить табернакли, в которых хранились святые дары. Образ кисти Масипа в кафедральном соборе Валенсии до сих пор служит дверью скинии, расположенной в трасалтаре. Произведения Хуана де Хуанеса, находящиеся в Прадо и музее валенсийского кафедрального собора также определены исследователями как двери табернаклей [10], так как на обратной стороне они имеют композиции, заключающие в себя анаграмму имени Христа. В соборе в Сот-де-Чера сохранился табернакль с живописными панелями, созданными для него Хуанесом, где из-за двустворчатой конструкции «Спаситель Евхаристии» находится не на месте двери, а на центральной части внутри дарохранительницы. Известно, что в XVI в. появился новый тип ретабло, широко использовавшийся в эпоху барокко, в центральной части которого находился табернакль [11, p. 17], но до наших дней не сохранилось ни одного примера ренессансной эпохи. Вероятно, «Спасители» из соборов Сегорбе и Ла-Фонт-де-ла-Игера (ныне — в Прадо. — *К. К.*) принадлежали к этому типу ретабло, на что указывают исследователи в своих реконструкциях [5, p. 100, 103].

Важно отметить влияние Тридентского собора на популяризацию иконографии «Христа Евхаристии», созданной Хуаном де Хуанесом в 1545–1550 гг. Собор, проходивший с 1545 по 1563 г., имел огромное значение для католической церкви и религиозного искусства, поскольку он стремился установить четкую границу между христианскими и языческими (то есть идолопоклонническими) образами на фоне иконоборческих движений протестантов, поэтому в 1563 г. были установлены нормы, которые регламентировали христианское искусство как в его стилистике, так и в содержании [11, p. 15]. Указы Тридентского собора значительно сказались на искусстве Испании, где влияние церкви проникало во все сферы жизни. По указу Филиппа II во всех городах и провинциях стали созывать соборы, чтобы обеспечить средства для немедленного и точного выполнения всех постановлений Тридента [11, p. 15]. В Валенсии такой созыв прошел в 1565 г., через два года после окончания собора в Италии, решениями которого устанавливались многочисленные запреты на определенные сюжеты и мотивы в искусстве, а художникам запрещалось создавать религиозные произведения без одобрения церкви [12, p. 135–136]. Тридентский собор особо выделял и поощрял некоторые сюжеты в искусстве, одним из которых стало изображение Евхаристии [13, с. 64]. Культ причащения приобретал особую популярность в это время и обратил на себя внимание католической церкви из-за протестантов, которые частично или полностью отрицали это таинство.

Создание иконографии «Христа Евхаристии» большинство исследователей приписывало Хуану де Хуанесу [14, p. 38], однако новая атрибуция работ Фернандо Яньеса и Висенте Масипа делает это утверждение спорным или требует уточнения. В 2016 г. «Спаситель» кисти испанского художника Фернандо Яньеса де ла Альмедины, находящийся в Прадо (ил. 1), был отнесен сотрудницей музея Л. Руиз к 20–30-м гг. XVI в. Она утверждала, что данный образ является хронологически первым произведением на рассматриваемый сюжет, позже на него опирались Висенте Масип и его сын [5, p. 50].

Яньес в своем произведении заимствует образ Христа, созданный Леонардо да Винчи в «Спасителе мира» [5, p. 50]. Художник мог видеть это произведение, так как работал вместе с итальянцем над созданием фрески «Битва при Ангиари» во Флоренции в 1503–1505 гг. [15, p. 345]. Композиция «Евхаристического Христа» предельно проста: на темном фоне перед алтарем изображена полуфигура Спасителя в ярко-красном одеянии. Как и в произведениях на сюжет «Тайной вечери», Христос держит в левой руке чашу с парящей над ней гостией, а пальцы правой руки сложены в благословляющий жест. Главным отличием от произведений мастерской Масипов является напряженность и печаль в образе Христа, а из-за опущенного взгляда он выглядит отстраненным от зрителя. Только в этой композиции над фигурой Спасителя написаны строки на латинском языке из I Евхаристической молитвы, или Римского канона: «Ибо это есть тело Мое. Ибо это есть чаша крови Моей нового и вечного завета, которая за вас многих прольется во отпущение грехов». Эта надпись нарушает строгую симметрию композиции, из-за чего произведение выглядит более архаичным на фоне двух других полотен, относящихся к этому периоду. О произведении Яньеса не сохранилось данных, которые могли бы указывать на предназначение этой работы и ее принадлежность к дарохранительнице или ретабло.

«Христос Евхаристии» кисти Висенте Масипа из главного ретабло Сегорбе (ил. 2, 3), исчезнувший после гражданской войны в Испании, не вызывает у исследователей вопросов по атрибуции. Работы по выполнению алтаря велись художником с 1527 по 1535 г. совместно с сыном. По вытянутой прямоугольной форме доски с полуциркульным завершением и реконструкции ретабло можно предположить, что произведение служило дверью табернакля, находящегося в составе заалтарной композиции. По сторонам от Спасителя располагались фигуры Мельхиседека и первосвященника Аарона, преподносивших дары Христу, тем самым внимание зрителя акцентируется на его фигуре. Такую же схему позже

будет использовать Хуан де Хуанес в создании своих ретабло. «Спаситель Евхаристии» Масипа по композиции схож с работой Яньеса, однако художник заимствует уже устоявшийся образ Христа из «Тайной вечери». Претерпевает изменения устоявшаяся схема изображения рук: левая, как и ранее, держит чашу, но в правой, вместо благословляющего жеста, размещается гостия. Это расположение атрибутов нечасто встречается в «Вечерях» испанских художников, однако его, например, можно встретить у Мастера из Вильяэрмосы («Ретабло Евхаристии», 1385–1390. Церковь Рождества Богородицы, Вильяэрмоса). Важно отметить внешний вид чаши: она приобретает схожесть со Святым Граалем, который хранится в кафедральном соборе.

В кафедральном соборе Валенсии находится «Спаситель Христос из Тайной вечери» (ил. 4), который из рассматриваемого ряда произведений вызывает больше всего споров у исследователей. На официальном сайте собора он атрибутирован как образ, выполненный Висенте Масипом в 1483 г. [16], однако данная датировка не представляется возможной, так как художник родился в 1475 г. При этом вызывает вопросы не только год создания, но и авторство произведения. На данный момент большинство исследователей сходятся в том, что произведение было выполнено во второй половине 1520-х годов, однако одни приписывают его Висенте Масипу, а другие — Хуану де Хуанесу или его школе [9, p. 460]. Композиция приобретает большую подвижность благодаря расположению тела и плаща, а линии становятся более мягкими и округленными, что дает исследователям основания склоняться к авторству Хуанеса. Фигура Христа приобретает монументальность благодаря ярко выраженной светотеневой моделировке, что позволяет зрителю легко считывать композицию с дальнего расстояния. Как и во всех последующих работах Хуанеса, Спаситель не прижимает чашу к себе, а протягивает ее предстоящей публике. Это небольшое преобразование еще больше сближает Христа с образом священника, поскольку именно такое расположение рук зафиксировано Тридентской мессой в 1570 г. [3, p. 181].

Три первых произведения на сюжет «Евхаристического Христа», несмотря на имеющиеся различия, представляют уже сложившуюся иконографию, которая станет основой типов, созданных Хуанесом. Из-за отсутствия документов, устанавливающих годы создания двух работ, невозможно утверждать, кто был создателем сюжета в живописи, однако неоспорим тот факт, что его популяризатором стал Хуан де Хуанес. Он создал из «Христа Евхаристии» в Валенсии и на юго-востоке Испании востребованный образ, который до сих пор находится во многих церквях региона.

Из многочисленных копий довольно сложно отличить произведения кисти Хуанеса от произведений его мастерской и последователей. Многие ранее приписываемые ему работы в настоящее время атрибутированы его сыну Висенту Хуанесу Масипу, дочерям Маргарите и Доротее, ученикам Николасу Боррасу, Хосе Сегрельесу и другим авторам [14, p. 40; 17, p. 75].

Иконографию «Христа Евхаристии» Хуанеса можно разделить на две группы, которые различаются расположением рук и атрибутов. В первую входят две работы из музея Прадо, церкви Сот-де-Чера, частной коллекции и два произведения из музея изящных искусств Валенсии. Эта группа представляет Спасителя на золотом фоне с чашей и гостией в руке. Произведения не имеют существенных различий между собой и схожи с ранее рассмотренными картинами, приписываемыми Висенте Масипу. Лицо Христа всегда обращено к зрителю, голова немного отклонена вправо, волосы почти симметрично располагаются на плечах. В правой руке на уровне ключиц он держит гостию с изображением распятия или первых букв имени (IHS), а в левой — Святой Грааль. Поверх туники накинут ярко-красный плащ, за головой изображен крестчатый золотой нимб. Этот образ Христа заимствован из «Тайных вечерь» Хуанеса, находящихся в валенсийских соборах (в музее кафедрального собора и собора Сан-Николас).

«Спасители Евхаристии», написанные в 1545–1550-х гг. (ил. 5) находятся в музее Прадо. «Христос» из состава ретабло Сан-Эстебана из Фуэнте-ла-Игеры выглядит наиболее архаичным из выделенной иконографической группы, т. к. это единственное произведение, в котором чаша еще не приобрела вид Святого Грааля. На обратной стороне доски (ил. 6) внутри солнца художник изобразил первые буквы имени Христа (IHS), составленные из стилизованных рыб и антропоморфных существ. Рыба часто изображалась в искусстве раннего Средневековья, являясь акронимом имени Христа, а солнцу в христианской традиции уподобляются Спаситель и Бог-Отец. Так, композиция, находящаяся внутри табернакля со святыми дарами, символизирует присутствие Христа. Такую эмблему с монограммой внутри солнца использовал как свой символ Орден иезуитов, основанный испанским святым Игнатием Лойолой в 1534 г.[18, p. 11].Похожие изображения на обратной стороне присутствуют на многих работах на сюжет «Евхаристического Христа» художника и его мастерской, но в последующих произведениях буквы не составляются из отдельных элементов.

Окончательный вид первая иконографическая группа приобретает во втором «Спасителе» (ил. 7), который находится в Прадо. На месте

типичной ренессансной чаши появляется детально написанный Святой Грааль, однотонный золотой фон приобретает орнамент, состоящий из концентрических и флоральных мотивов в технике сграффито.

Вторая группа представляет собой итоговый вариант иконографии «Христа Евхаристии», который приобрел большую популярность среди последователей Хуанеса не только в Валенсии, но и за ее пределами. Она объединяет работы из музея кафедрального собора Валенсии, музея искусств Будапешта, частных коллекций в Барселоне и Лондоне и валенсийской церкви Сан-Кармен. На данный момент авторство Хуанеса не вызывает вопросов только относительно произведения из кафедрального собора (ил. 8). Оно не имеет датировки, но очевидно, что второй иконографический тип стал изображаться художником после создания его знаменитой «Тайной вечери» из Прадо (1555–1562) (ил. 9), так как образ Христа целиком заимствован оттуда. Произведения второй группы отличаются сильным движением в композиции, возникающим из-за маньеристического изгиба в фигуре Спасителя, орнаментальный золотой фон заменяется на зеленые драпировки, а жесты приобретают свободу (левая рука лежит на груди, а правой Христос держит гостию на уровне головы), Святой Грааль перемещается на алтарь. На обратной стороне доски (ил. 10) из кафедрального собора эмблема приобретает более помпезный вид, орнамент усложняется, а крест над монограммой заменяется короной. Вторая иконографическая группа, созданная художником в последние годы жизни, тяготеет к маньеристическому стилю в отказе от статичной композиции и излишней декоративности.

Глубокая религиозность испанского общества, нарастающая борьба с протестантскими идеями и культ Евхаристии сыграли роль в зарождении нового иконографического сюжета внутри валенсийской живописной школы. Опираясь на произведения 20–30-х гг. XVI в., Хуан де Хуанес создал популярный растиражированный образ, впоследствии распространившийся за пределы Валенсии.

Список источников и литературы

1. *Прохорцова М.М.* Тема Евхаристии в испанском ретабло // Манускрипт. Т. 12. № 1. Тамбов: Грамота, 2019. С. 166–171.
2. *Ruiz I Quesada F.* Maestro de Villahermosa. Retablo de la Institución de la Eucaristía // Espais de Llum. Valencia: Universidad de Valencia, 2008. P. 224–231.
3. *Rivas J.* La misa, studio histórico-antropológico // Revista de antropológia social. Madrid: Universidad Complutense de Madrid, 1992. P. 167–192.

4. *Flores C.G., Gito M.R.* La procession del Corpus en Valencia // Narria. Estudios de artes y costumbres populares. No. 65. Madrid: Escuela de Artes y Oficios Artisticos, 1975. P. 43–50.
5. *Ferrer Orts A., Ferrer del Río E.* Joan de Joanes en su contexto. Madrid: Sílex, 2019. 217 p.
6. *Zarzo Castelló M.* Simbología bíblica del Santo Cáliz de la Última Cena venerado en Valencia // Cauriensia: revista anual de Ciencias Eclesiásticas. No. 13. Extremadura: Universidad de Extremadura, 2018. P. 529–556.
7. *Benavent O.* Joan de Joanes. Restauración del retablo Mayor de la Iglesia Parroquial de La Font de la Figuera.Valencia: Generalitat, 2004. 177 p.
8. Museo Nacional del Prado. Memoria de Actividades. Madrid: Museo Nacional del Prado, 2016. 420 p.
9. *Herrero-Cortell M.A., Sanchis I.P. E*n el nombre del padre Joan de Joanes en el taller de Vicent Macip // Espacio Tiempo y Forma Historia del Arte. No. 7. Madrid: Universidad nacional de educación a dis tancia, 2021. P. 441–468.
10. Conferencia: “Cristo Salvador”, de Juan de Juanes [Электронный ресурс]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=LCXvxLNeIOk&t=3419s&ab_channel=Museo Nacional del Prado (дата обращения: 28.09.2024).
11. Retablos de la Comunidad de Madrid. Siglos XV a XVII. Madrid: Comunidad de Madrid, 2002. 425 p.
12. *Saravia P.C.* Repercusion en España del decreto del Concilio de Trento sobre las imagenes / Boletín de Estudios de Arte y Arquelogía. T. 26. Valladolid: Universidad de Valladolid, 1960. P. 129–143.
13. *Федосов Д.Г.* Образ и вера. Церковное искусство и народная религиозность Испании XVI–XVII веков. М.: Государственный институт искусствознания, 2020. 250 с.
14. *Morán A.A.* Figura y símbolo en el tema joanes code la Eucaristía // Archivo de arte valenciano. No. 50. Valencia: Real Academia de Bellas Artes de San Carlos, 1979. P. 33–41.
15. *Condorelli A.* Consideraciones sobre “Ferrando Spagnuolo” y otros maestros Ibéricos // Archivo Español de Arte. No. 71. Madrid: Instituto de Historia, 1998. P. 345–360.
16. Trasaltar. Catedral de Valencia [Электронный ресурс]. URL: https://catedraldevalencia.es/arte/recorrido-interior-catedral/el-trasaltar/ (дата обращения: 28.09.2024).
17. *Llopis B.F.* Un Nuevo Salvador Eucaristico de Nicolas Borras / Ars Longa. No. 19. Valencia: Universidad de Valencia, 2010. P. 73–81.
18. *Pfeiffer, Heinrich S.J.* El emblema de la Compañia de Jesús // Cuadernos Ignacianos. No. 5. Caracas: Universidad Católica Andrés Bello, 2021. P. 11–18.

Иллюстрации

Ил. 1. *Ф. Яньес де ла Альмедина. Христос Евхаристии. 1520–1530 гг. Музей Прадо, Мадрид*

Ил. 2. *В. Масип. Христос Евхаристии. 1527–1535 гг. Ретабло кафедрального собора, Сегорбе*

Ил. 3. *В. Масип, Х. де Хуанес. Главное ретабло. 1527–1535 гг. Кафедральный собор Сегорбе. Реконструкция*

Ил. 4. *В. Масип. Спаситель Христос на Тайной вечере. 1483. Кафедральный собор, Валенсия*

Ил. 5. *Х. де Хуанес. Спаситель с Евхаристией. 1545–1550 гг. Музей Прадо, Мадрид*

Ил. 6. *Х. де Хуанес. Спаситель с Евхаристией. 1545–1550 гг. Музей Прадо, Мадрид. Обратная сторона*

Ил. 7. *Х. де Хуанес. Спаситель. 1545–1550 гг. Музей Прадо, Мадрид*

Ил. 8. *Х. де Хуанес. Христос Евхаристии. Кафедральный собор, Валенсия*

Ил. 9. *Х. де Хуанес. Тайная вечеря. 1555–1562 гг. Музей Прадо, Мадрид*

Ил. 10. *Х. де Хуанес. Христос Евхаристии. Кафедральный собор, Валенсия. Обратная сторона*

УДК 7.034

Кузнецова К.А.
Санкт-Петербургский государственный университет,
факультет психологии, специалист учебного отдела.
E-mail: xssnva@yandex.ru; ksenia.kuznetsova@spbu.ru

Трансформация валенсийского ретабло в контексте Контрреформации и проблемы морисков

Аннотация. Статья посвящена вопросу влияний Контрреформации и проблемы морисков на структуру валенсийских ретабло со второй половины XVI в. Местные архиепископы активно искали способы приобщения мавров к христианской вере, а испанские монархи боролись с распространяющимся протестантизмом через внедрение постановлений Тридентского собора. Оба фактора способствовали формированию новых функциональных типов ретабло: дидактического и аффектирующего.

Ключевые слова: ретабло, испанское искусство, контрреформационное искусство, Валенсия.

Kuznetsova K.A.
Saint Petersburg State University,
Department of Psychology, Specialist of the educational department,
independent researcher.
E-mail: xssnva@yandex.ru; ksenia.kuznetsova@spbu.ru

The Transformatio of the Valencian retablo in the contex of the Counter-Reformation and the Morisco problem

Abstract. This article examines the influence of the Counter-Reformation campaign and the pressing Morisco issue on the structure of Valencian retablos, beginning in the second half of the 16th century. Local archbishops actively sought ways to convert the Moors to Christianity, while Spanish monarchs combated the spread of Protestantism by implementing the decrees of the Council of Trent. Both factors contributed to the development of new functional types of retablos: didactic and affective.

Keywords: retable, Spanish art, Counter-Reformation art, Valencia.

Вторая половина XVI в. ознаменовалась значительными преобразованиями в духовной жизни как Европы и Испании в целом, так и Ва-

ленсии в частности. В Валенсии контрреформационная программа переплеталась с активной архиепископской деятельностью, направленной на обращение мавров в христианство. Изучение ретабло — главного художественного продукта, создаваемого в Валенсии в XIV–XVII в. — позволяет определить ключевые тенденции, направленные на приобщение к католической вере через культовые образы.

Статус архиепископства королевство приобрело лишь в 1492 г., во многом благодаря активной епископской деятельности и связям Родриго Борхи [1, с. 384]. Культурное и художественное развитие региона было обусловлено выгодным расположением на средиземноморском побережье и активной торговлей с европейскими странами. Это способствовало раннему проникновению и ассимиляции новых художественных течений в Валенсии по сравнению с другими областями Испании; если в XV в. они приходили из Нидерландов, то в XVI в. — из Италии. XVI в. стал для Валенсии периодом расцвета в рамках архиепископства и изобразительного искусства.

На восточном побережье Испании создавались в основном живописные типы заалтарных произведений, скульптурные же были более характерны для Кастилии. В XV–XVI вв. Валенсия утвердилась как один из художественных центров Испании, что было обусловлено тесными связями с Апеннинским полуостровом и художественным рынком, на котором продавались произведения итальянских и северных мастеров [2, p. 116].

Ретабло играло особую роль в духовной области жизни и церковном убранстве, находясь в заалтарном пространстве и считаясь своего рода вторым, внутренним фасадом собора [3, p. 101]. До XVII в. запрестольные образы чаще всего представляли собой полиптихи, что позволяло изображать целые истории из жизни Христа или святых. Помимо этого, ретабло непосредственно являлось действующим лицом литургии, поэтому все изменения в религиозной жизни отражались как на конструктивной и декоративной, так и на содержательной составляющих, то есть на живописных и скульптурных произведениях. Именно поэтому в XVI–XVII вв. возникли новые типы ретабло и иконографических сюжетов.

В эпоху Контрреформации происходили глубокие преобразования в области искусства, которое стало главным средством в борьбе с распространяющимся протестантизмом. Ретабло как центральный элемент церковного оформления в испанских соборах также претерпело изменения, отразив новые идеалы и цели римской церкви, стремящейся укрепить свою власть и влияние. Тридентский собор рассматривал и переосмысливал ключевые вопросы и догматы, вызывавшие споры среди лютеран,

подвергая систему строгой регламентации. Одной из важнейших тем стала разработка концепции цензуры и бытования религиозного искусства в ответ на иконоборческую кампанию протестантов. Культовые образы служили средством передачи основных догматов католичества, особенно тех, которые отвергались Реформацией. В частности, предпочтение отдавалось созданию произведений на евхаристические и марианские темы. Начиная с 1560-х гг. по всей Испании по указу Филиппа II начали внедрять постановления Тридентского собора [1, с. 403]. В Валенсии первый такой созыв прошел в 1565 г., всего через два года после сессии в Тренто [4, p. 83].

Новые правила подразумевали строгий контроль над культовыми произведениями, создаваемыми местными епископами. Испанская инквизиция опередила собор: в 1480 г. Изабелла Кастильская учредила должность инспектора художественной продукции (veedor), чтобы контролировать произведения, создаваемые маврами и евреями, и пресекать распространение их вероучений. Позднее Фердинанд обязал инспектора проверять все образы на соответствие нормам благопристойности [5, p. 328]. С середины XVI в. инквизиции содействовали епископы, осуществляя надзор во время пастырских визитов, которые после окончания Тридентского собора стали проводиться чаще: в Валенсии в 1570–1610 гг. было осуществлено 2715 практик [6].

В этот период церковь четко определяет основные функции культового искусства: дидактическую, катехизическую и мнемоническую. Художественные образы должны были не только транслировать основные христианские догматы, но и наставлять верующих на правильный путь посредством изображения историй Спасителя и святых. Испанский писатель и юрист Гаспар Гутьеррес де лос Риос (ок. 1566–1606) сформулировал цели культового искусства следующим образом: «Деревенские и прочие люди, идиоты <…> как бы они помнили Бога и его святых, если бы не видели их изображений и историй в храмах? <…> Нарисованные и явленные истории, как это ясно видно, превосходят написанные по легкости и готовности к понимаю, а их польза очевидна. Они видны почти непреднамеренно, в мгновение ока, и поэтому имеют большую пользу» [7, p. 175].

В отличие от протестантского пуританизма, искусство Контрреформации на первый план выдвигало эмоциональное воздействие на зрителя, что способствовало выбору страстных и мученических сюжетов. Ренессансные уравновешенность и гармония уступали место экспрессии и драматизму. Еще в конце XV в. под влиянием духовного течения devotio

moderna (нового благочестия) художники разработали универсальную композиционную схему, которая продолжила применяться в контрреформационный период: минимизация нарратива, формат в три четверти, темные фоны, которые «облегчили и усилили усвоение концепции, сумев создать некоторые мнемонические точки воздействия от образа» [4, p. 126]. Все художественные средства были направлены на упрощение и доступность для широких слоев населения. Так, зритель должен был воспринимать произведение не через призму рациональности и знаний канонических и богословских текстов, как ранее, а через чувственное и мгновенное восприятие.

Религиозные образы как средство пропаганды догматов стали особенно часто использоваться с начала XVI столетия, что связано не только с распространением протестантских идей, но и с целью индоктринации мудехаров. Население Валенсии в XVI в. на треть состояло из мавров, насильственно обращенных в христианство [8, p. 110]. Однако принудительные крещения не привели к искреннему принятию ими новой веры. Поэтому основная задача клира заключалась в формировании из морисков истинных католиков. В связи с этим в Валенсии создавались многочисленные живописные произведения, направленные на проповедь и обучение катехизису. Основными сюжетами стали те, которые представляли собой наибольшую сложность для восприятия новыми христианами, такие как Троица, Распятие и тема Евхаристии [4, p. 91]. Запрестольные произведения постепенно превращались в «библию для неграмотных», вытесняя сложные теологические изыскания, а также вымышленные художниками сюжеты (из-за недостатка эпизодов в жизни святого живописцы были вынуждены придумывать сюжеты для заполнения многочисленных ячеек полиптихов) [9, p. 192].

Ретабло конца XV — начала XVI в. демонстрировали процесс упрощения и очищения конструкции. В своей простоте и лаконичности они схожи с нидерландскими алтарями, которые были широко известны в Валенсии благодаря ввозимым коллекциям, художественному рынку, а также кратковременному пребыванию Яна ван Эйка в Испании в 1428 г. В этот период наблюдается отсутствие вариативности в структурной составляющей и мазонерии, лишь изредка используются позднеготические украшения. Культовые образы стали часто производиться для личного пользования, включая небольшие ретабло. Таким образом, движение devotio moderna, основывающееся на францисканских идеях, предполагало упрощение и уменьшение образов, что способствовало интимизации взаимодействия верующего с Господом.

В противоположность этому искусство Контрреформации являлось искусством публичным, предназначенным для богато украшенных соборов и монастырей. Новая политика не отвергала идею обращения к чувствам верующих, а наоборот, интенсифицировала этот эффект: образы должны были подвигнуть прихожанина не на глубокую рефлексию над историей Христа, а поразить его и погрузить в состояние, граничащее с религиозным экстазом. Новое благочестие предполагало общение с Богом без посредников, то есть вне храма и без участия священнослужителя. В период Контрреформации роль церкви возрастает, что было направлено на восстановление утраченного авторитета Рима и папства. Примером такого преобразования служат «Духовные упражнения» Игнатия Лойолы, которые опираются на принципы devotio moderna и христологические сочинения Эразма Роттердамского: уже в лойоловской системе процесс медитации, который является основой его учения, подразумевает обязательное наличие духовного наставника в общении с Господом [10, p. 100].

С XIV до середины XVI в. валенсийские ретабло следовали непрерывной линии эволюции, однако противостояние распространяющемуся протестантизму и необходимость евангелизации мудехаров инициировали коренную трансформацию запрестольных образов. В конце XVI в. формально наметились два основополагающих направления в ретабло — дидактическое и аффектирующее. Дидактическое ретабло представляет собой более консервативный тип, который не только продолжает, но и интенсифицирует пропагандистскую линию, заложенную в запрестольных образах с момента их возникновения. Это стало ответом на требования XXV сессии Тридентского собора, которая признала ключевой в сакральном искусстве дидактическую функцию. Подобно активной проповеднической и педагогической деятельности иезуитов, такие ретабло должны были обучать прихожан основам веры и принципам католической морали, используя все доступные средства. Запрестольные образы наставляют христиан посредством комплекса изображений жизни и деяний Спасителя, Девы Марии и канонизированных святых. Кроме того, главные ретабло аккомпанировали проповедям и преподаваемому в церквях катехизису соответствующим изобразительным рядом, что способствовало лучшему усвоению основ христианской веры. Поэтому ключевой составляющей подобных алтарей стали живописные или скульптурные сюжетные произведения, в то время как мазонерия уже не играла в дидактической деятельности существенной роли, выступая лишь в качестве фона, не отвлекающего зрителя от созерцания самих образов.

Такой тип ретабло также называется катехизическим (retablo-catequético) [11, p. 16]. Структурно он представляет собой монументализированную позднеготическую структуру pastera (ил. 1). Катехизические запрестольные образы стали особенно популярными на рубеже XVI–XVII вв. и производились до середины XVII в. Вместе с апсидой размеры ретабло значительно увеличились в высоту и ширину, заполнив все запрестольное пространство. Количество ячеек увеличилось, а встраиваемые в них сюжетные произведения масштабировались и композиционно упростились для лучшего восприятия на расстоянии.

Подобная трансформация наблюдается уже в главном ретабло валенсийской церкви Сан-Эстебан, выполненном Хуаном де Хуанесом в 1562 г. (ил. 2). Хотя конструкция не сохранилась, формат картин, увеличение их размера и изображенных в них персонажей, а также структурированность свидетельствуют о намерении сделать изложение основ вероучения более доступным.

Эталоном и образцом для последующих произведений этого типа стало главное ретабло Эскориала (ил. 3), выполненное в пуристической линии испанского Ренессанса — дезорнаментадо. Это течение является отражением ранней Контрреформации и сущности Филиппа II, королярыцаря, ведущего аскетичный образ жизни и избравшего целью своей жизни защиту христианского мира: «Филипп II, кажется, для того и родился, чтобы поставить препятствие протестантизму» [12, с. 110]. В декрете «О призывании и почитании святых, об их мощах и священных изображениях» Рим обязывает священнослужителей навести порядок в образах, изображаемых святых, что и осуществил монарх. Главное ретабло базилики Сан-Лоренцо представляет собой упорядоченное произведение, подражающее ренессансным фасадам. Ключевым элементом стали монументальные живописные произведения и огромная дарохранительница, установленная в первом ряду.

Эскориальный образ быстро стал прототипом для последующих главных ретабло на территории Испании благодаря изданию эррerовских рисунков [13, p. 8]. Первыми валенсийскими катехизическими произведениями являются запрестольные образы Франциско Рибальты в соборе Альхемеси (ил. 4) и Хосе Эстеве в королевской капелле Сан-Мигель-делос-Рейес (ил. 5). Ключевым отличием местных ретабло от мадридского является отсутствие массивной дарохранительницы. В ретабло валенсийской традиции с XV в. святые дары находились не в монстранциях, а в табернаклях, встроенных внутрь центральной ячейки пределлы, скрытых за дверью с изображением евхаристического сюжета.

Второе, аффектирующее направление представляет собой произведения, следующие концепции «нового христианства» [15, с. 109], воплощенные в лойоловских «Духовных упражнениях», иезуитской деятельности и котрреформационной кампании. В противовес прагматизму и умеренности протестантизма Рим выдвинул концепцию ecclesia ornata («украшенной церкви») [14, с. 164], цель которой — эмоциональное воздействие на верующих.

«Духовные упражнения» Лойолы базировались на принципе воображения, что позволяло верующим переживать священную историю, ощущая себя ее участниками. Практики святого предполагали создание своеобразной «психодрамы» [10, p. 240] на основе жизни Христа с целью переживания тех же эмоций, способствующих очищению и искуплению грехов. Аналогичная кампания происходила в храмовом пространстве. Католическая церковь посредством создания пышного убранства, пестрящего золотом, драгоценностями и реликвиями, уподобляла собор горнему миру. Активное внедрение театрального искусства, хорового пения, страстных проповедей и световых эффектов способствовали эмоциональному подъему и введению в экстатическое состояние. Так, церковь упростила прихожанину процесс представления священной истории и направила его к благочестивому образу жизни, который впоследствии должен привести его к небесному Иерусалиму, подобием чего был католический собор.

Католическая церковь с помощью создания роскошного убранства, месс и празднований также способствовала объединению людей перед лицом Бога, в то время как протестантизм продолжал линию интериоризации религиозных процессов [14, p. 159]. Рим ставил акцент на чувственном и эмоциональном восприятии христианского культа. Каждый прихожанин должен был прожить яркие эмоции, единодушное разделение которых способствовало объединению верующих. Протестантская практика, напротив, с ее простотой храмового убранства и публичных выступлений, побуждала к самоанализу и рефлексии над священной историей. Таким образом, Римская церковь мобилизовала все свои ресурсы для противостояния лютеранскому укладу и иконоборческим движениям, одновременно удовлетворяя потребности людей в принадлежности к массовой группе [16, с. 111].

В контексте «нового католичества» страстная испанская вера сочеталась с прагматизмом Нового времени: все методы становились допустимыми в борьбе с протестантизмом. Верующие должны были искренне погружаться в религиозные порывы и экстазы, но при этом сохранять способность к их контролю [15, с. 109]. Церковь превратилась в театр

со своими спектаклями-литургиями и священнослужителями-актерами. Это привело к формированию новых разнообразных типов ретабло, отличающихся от средневековых и ренессансных как функционально, так и конструктивно. Запрестольные образы в целях привлечения прихожанина к совокупности живописи, архитектуры и скульптуры привлекли излюбленное в Испании театральное искусство: игру света и движение, занавесы и новые механики.

Первым истинно барочным ретабло в Испании стал главный образ валенсийской семинарии Корпус Кристи (ил. 6), основанной архиепископом Риберой для формирования нового поколения клира, способного эффективно заниматься евангелизацией морисков. Оно не только отличалось новым внешним убранством и доминантой архитектурных элементов над живописью, но также отвечало требованиям эмоционального воздействия на зрителя. Ретабло Корпус Кристи представляло новый тип алтаря — retablo-tramoya (сценическое ретабло), особенность которого заключалась во введении театрального механизма, приводящего картину в движение [17, p. 627–630]. Внутри конструкции помещалось огромное распятие-реликвия, которое открывалось прихожанам лишь на пятничной службе во время хорового исполнения Miserere. Таким образом, синтез церковного пения, приглушенного света и технологических новшеств создавал подлинное театральное представление, производящее необходимое впечатление на верующих. Этот механизм позже использовался в несохранившихся заалтарных образах Ангела-хранителя и святого Мавра в той же семинарии.

Более поздним типом барочного запрестольного произведения, создаваемого на территории Валенсии, является retablo-camarin. Camarín — это святилище, расположенное за ретабло [17, p. 630–636]. Такое помещение отделялось от основного пространства церкви с помощью дверей или занавесов, что считалось символом «недоступности божественной реальности», воплощая дистанцию между телесным и духовным [14, с. 131]. Главное ретабло церкви Вирхен-де-лос-Десампарадос (ил. 7) представляло собой скульптурный ансамбль с образом Богоматери в центре. За ретабло располагалась лестница, ведущая к скульптуре, что позволяло клиру менять ее одеяния в соответствии с религиозным календарем, а прихожанам — целовать подол ее платья. Для создания технического чуда использовался театральный механизм, посредством которого фигура Богоматери поворачивалась к прихожанам и изменялось ее положение в зависимости от освещения. Подобные заалтарные конструкции постоянно трансформировались, привлекая внимание зрителей.

С течением времени сценографические ретабло становились все более сложными, включая новые механизмы и театральные приемы. Например, главный образ часовни Богородицы Льедо (ил. 8) объединял подвижную картину (в валенсийской традиции — bocaporte), скрывающую скульптуру Богоматери, которую можно было переодеть и поцеловать, войдя в camarín. Такие произведения вытесняли традиционные полиптихи, что свидетельствовало о постепенном снижении роли дидактической функции.

Одной из характерных черт ретабло Нового времени стала тенденция к созданию алтарей-ансамблей, которые должны были привлекать внимание прихожанина к алтарному пространству и через масштабность и грандиозность прославлять власть церкви и Бога. Первые примеры — ретабло-ансамбль в базилике Эскориала, состоящий из главного образа и двух латеральных retablo-sepulcros (ретабло-гробниц), и в соборе Санто-Доминго, созданном Эль Греко (ил. 9). В Валенсии подобное решение применялось к ретабло независимо от их дидактической или аффектирующей функции. Примерами ансамблей на территории региона служат уже упомянутые образы из соборов в Альхемеси (ил. 4) и Корпус Кристи (латеральные ретабло не сохранились).

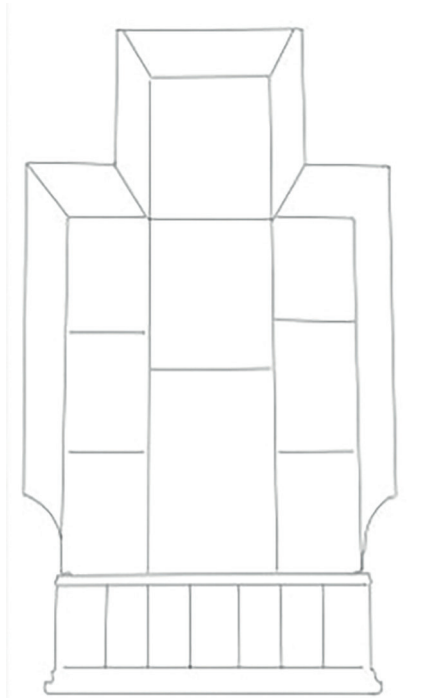
Декреты Тридентского собора и актуальная проблема морисков в Валенсии во второй половине XVI в. стали катализаторами новых направлений в развитии ретабло, призванных приобщить прихожан к католической вере и обучить ее основам. Катехизический тип был востребован до середины XVII в., что, вероятно, было связано с последующим отсутствием необходимости обучения новых христиан после изгнания морисков. Постепенно его вытеснили сценографические конструкции, создававшиеся вплоть до конца XVIII в. Заалтарные образы интегрировались в общее пространство храма, становясь неотъемлемой частью театрализованных литургических процессов и проповедей. Одной из ключевых характеристик ретабло «нового христианства» стала динамичность его элементов — появление bocaportes, занавесов, световой режиссуры и переоблачений, которые способствовали удержанию интереса прихожан и приобщению к вере.

Список источников и литературы

1. *Ведюшкин В.А.* История Испании. Т. 1. С древнейших времен до конца XVII века. М: Индрик, 2012. 696 с.
2. *Gregori Bou R.* Imagen, conversión y devoción. Valencia entre finales del siglo XIV y primer tercio de XVI. Tesis doctoral. Valencia, 2019. 521 p.

3. *Hernandez Nieves R.* Relaciones del retablo con la arquitectura del entorno / Norba: revista de arte. No. 14–15. Extremadura: Universidad de Extremadura, 1995. P. 101–117.
4. *Borja Franco Llopis F.* La pintura valenciana entre 1550 y 1609: cristología y adoctrinamiento morisco. Lleida: Universidad de Lleida, 2008. 248 p.
5. *Gonzalez Garcia J.L.* Arte espanol y “estilo Trentino”: historia de una mistificacion / Antes y despues de Antonio Palomino. Madrid: Abada editores, 2022. P. 315–342.
6. San Juan de Ribera 1532–1611 [Электронный ресурс]. URL: https://www.hermandadsanesteban.org/san-juan-de-ribera/ (дата обращения: 15.09.2025). Режим доступа: Hermandad de san Esteban. Titulares. San Juan de Ribera 1532–1611.
7. *Gutierrez de los Ríos G.* Noticia general para la estimación de las artes, y de la manera en que se conocen las liberales de las que son mecánicas y serviles, con una exhortación a la honra de la virtud del trabajo contra los ocios. Madrid: Pedro Madrigal, 1600. 340 p.
8. *Лозинский С.Г.* История инквизиции в Испании. М.: Ломоносовъ, 2018. 294 с.
9. *Sobre J.B.* Behind the altar table: the development of the painted retable in Spain, 1350–1500. Colombia: University of Missouri Press, 1989. 384 p.
10. *Borja Franco Llopis F.* Espiritualidad, Reformas y Arte en Valencia (1545–1609). Programa de doctorado. Barcelona, 2007. 770 p.
11. Retablos de la Comunidad de Madrid. Siglos XV a XVII. Madrid: Comunidad de Madrid, 2002. 425 p.
12. *Ногтева О.А.* История архитектуры Испании эпохи Возрождения. М.: Архитектура-с, 2019. 232 с.
13. *Gonzalez Martin J.J.* Tipología e iconografía del retablo español del Renacimiento. Valladolid: Universidad de Valladolid, 1964. 64 p.
14. *Федосов Д.Г.* Образивера. Церковное искусство и народная религиозность Испании XVI–XVII веков. М.: ГИИ, 2001. 244 с.
15. *Якимович А.К.* Искусство и культура XVII–XVIII веков. СПб: Азбука, 2004. 440 с.
16. *Фромм Э.* Бегство от свободы. М.: АСТ, 2023. 288 с.
17. *Bonet Blanco C.* El retablo barroco, escenografía e imagen / El Monasterio del Escorial y la pintura. Madrid: InstitutoEscurialensedeInvestigacionesHistóricas y Artísticas, 2001. P. 623–642.

Иллюстрации

Ил. 1. *Валенсийская структура pastera. Схема*

Ил. 2. *Х. де Хуанес, О. Фалько. Главное ретабло. 1555–1562. Мадрид, Прадо*

Ил. 3. *Х. де Эррера, П. Леони, Д. Треццо. Главное ретабло. 1579–1588. Эскориал, базилика Сан-Лоренсо*

Ил. 4. *Ф. Рибальта. Главное ретабло. 1603–1610. Не сохранилось*

Ил. 5. *Х. Эстеве, И.Х. Эрмей. Главное ретабло. 1581–1583. Валенсия, монастырь Сан-Мигель-де-лос-Рейес*

Ил. 6. *Ф. Рибальта. Главное ретабло. 1606. Валенсия. Семинария Корпус Кристи*

Ил. 7. *Главное ретабло. Конец XVII в. Валенсия, церковь Нуэстра-Сеньора-де-лос-Десампарадос*

Ил. 8. *П. Эбри. Главное ретабло. 1674. Кастельон-де-ла-Плана, базилика Вирхен-де-Льедо. Не сохранилось*

Ил. 9. *Эль Греко. Ретабло. 1577–1579. Толедо, церковь Санто-Доминго-эль-Антигуо*

УДК 94(7.034)

Благинина А.М.
Тюменский государственный университет,
Институт социально-гуманитарных наук,
студент бакалавриата.
E-mail: blaginina.nastya2004@yandex.ru

Образ Другого: крестьяне в живописи Питера Брейгеля Старшего

Аннотация. В данной статье на материале картин Питера Брейгеля Старшего исследуется механизм конструирования образа крестьянина как «Другого». С помощью семиотического анализа выявляются визуальные коды (телесность, цвет, материальная культура), конструировавшие социальную инаковость для аристократической аудитории. Показано, что искусство Брейгеля было инструментом идеологии и социальной идентификации.

Ключевые слова: крестьянство, живопись, образ Другого, Питер Брейгель Старший.

Blaginina A.M.
Tyumen State University,
Institute of Social and Humanitarian Sciences,
Bachelor's program, Student.
E-mail: blaginina.nastya2004@yandex.ru

The Imageof the Other: Peasantsinthe Paintingof Pieter Brueghelthe Elder

Abstract. This article examines the mechanism of constructing the image of a peasant as "The Other" based on the paintings of Pieter Brueghel the Elder. Semiotic analysis reveals the visual codes (physicality, color, material culture) that constructed social otherness for an aristocratic audience. It is shown that Brueghel's art was an instrument of ideology and social identification.

Keywords: peasantry, painting, the image of Another, Pieter Brueghel the Elder.

Противопоставление себя Другому имеет давнюю историю, за время которой оно претерпело множество изменений. С.И. Лучицкая выделяет его началом дихотомию «эллин — варвар», а на данный момент — размывание четких границ и относительное принятие идентичности Иного [1, с. 5.]. Образ Другого исследовался различными науками — философией,

социологией, историей и другими — и имеет высокую степень изученности. В контексте данной статьи Другим является крестьянин, поскольку он часто изображался Питером Брейгелем Старшим.

Представления о данной социальной группе во многом формировались через визуальную традицию, создававшуюся для знати. В результате проведенного анализа можно реконструировать сложные механизмы социальной идентификации. Представления о крестьянине разнились: для кого-то это мог быть носитель грубой, низменной культуры, а для кого-то — простой труженик, возделывавший землю. Но все же смех над его простотой и неотесанностью был обычаем, хотя крестьянин сам по себе какой-либо негативной окраски не имел. Крестьянин не был Чужим — он был Другим.

В качестве материала для анализа привлекается живопись нидерландского художника Питера Брейгеля Старшего. Новизна состоит в применении метода семиотики для декодирования визуальных кодов и стратегий, которые выстраивают образ крестьянина-Другого через призму религиозного взгляда художника.

На картинах Питера Брейгеля Старшего крестьяне были частыми персонажами: из 45 изображений примерно на 24 фигурируют крестьяне, которых художник писал с этнографической точностью. Благодаря этому мы можем узнать не только об их быте и празднествах, но и проследить, какими способами и символами Брейгель показывал их инаковость. Для примера рассмотрим картины из цикла «Двенадцать месяцев» и картины с изображением свадьбы и кермессы. Такой выбор обусловлен тем, что эти изображения являются своеобразными антиподами, так как они показывают крестьян с двух противоположных сторон: с одной стороны, крестьянин— человек, стремящийся к Богу через праведный труд в гармонии с природным циклом, а с другой — разгульный, порочный и греховный, погруженный в стихию земных удовольствий и телесных излишеств. Цикл «Двенадцать месяцев» был написан в 1565 г. по заказу Николаса Йонгелинка (Nicolaes Jonghelinck), купца и банкира из Антверпена; эти картины выставлялись в его загородном доме [2, p. 302]. Кто был заказчиком «Свадебного танца», неизвестно, но мы знаем дату его написания — 1566 г. Следующие выделенные нами работы — «Крестьянская свадьба» и «Крестьянский танец» — были заказаны в 1568 г. Яном Нуаро (Jan Noirot), управлявшим Антверпенским монетным двором, и выставлялись в его столовой [3, p. 2]. Обладание картинами художника были показателем статуса, а его скрытая в мелочах символика — предметом обсуждения на обедах и ужинах [3, p. 5].

Прежде чем говорить о признаках инаковости, стоит выявить представления о норме как таковой и определить, как она показывалась и кого к ней относили. В статьях Дж. Александера и Г. Ярица приводится пример нормы, выявленной на средневековом материале: крестьянин, который усердно и безропотно трудится на земле, выполняя предписанную ему Богом и обществом роль, и аристократ, чья жизнь состоит из управления, охоты, турниров и пиров. Способы визуализации знати были соответствующие — изображение более крупное, поза величественная, роскошная одежда. Что касается крестьянина, то он всегда показан за работой, его фигура часто сгорблена, что подчеркивает тяжесть труда, но не с целью унижения, а в качестве констатации факта социальной принадлежности: его одежда проста, функциональна, без претензий на роскошь.

В Средние века сложился стереотипный образ крестьян: низкорослые, толстые, черты лиц грубые и тупые. Такие внешние маркеры выражали их приземленность на фоне знати, представители которой изображались худыми и высокими, более изящными [4, p. 139]. Делалось это с идеологической целью, чтобы специально принизить крестьян и выделить их инаковость. Именно такими они предстают и на «праздных» картинах Брейгеля — упитанные, толстощекие и румяные. Черты их лиц намеренно огрублены, а внешность с присущей ей одутловатостью и чертами порока трактуется как воплощение примитивных и низменных страстей. Что касается «Времен года», то облик крестьян лишен нарочитой карикатурности; их черты, хотя и простые, не несут в себе задачи идеологического принижения, а передают естественность и суровую сдержанность труда.

В визуальной риторике Брейгеля ключевую роль играет язык тела и характер движений, которые служат не менее важными маркерами социального и морального облика персонажей, чем их черты лица. Позы и жесты визуализируют приземленные страсти, необузданность или, напротив, поглощенность трудом, становясь прямым выражением внутренней сущности.

В «Свадебном танце» и «Крестьянском танце» представлены парные танцы, популярные среди населения Нидерландов, но при этом порицавшиеся церковью за их развратность [5, с. 209.]. О танцах высказывался Себастьян Брант в «Похвале глупости», называя их «порождением греха» и занятием дураков [6, с. 117–118]. В левой части картины «Крестьянского танца» за столом сидят мужчины, что-то обсуждая и выпивая, рядом на скамье сидит волынщик, которого «буравит» пьяным взглядом мужчина с павлиньим пером. На «Крестьянской свадьбе» все действо словно

завязано вокруг еды: ее и раздают, и поглощают, и жадно разглядывают. Центром здесь является не невеста и жених, который, к слову, тоже ест, а угощения — пиво, каша, хлеб и мясо.

В «Двенадцати месяцах» крестьяне предстают за работой. Они находятся на «своем» месте, занимаясь трудом, будь то охота или сбор урожая. Интересно, что практически во всем цикле основная масса людей изображена в правой части, словно их труд — своеобразная добродетель, которая приближает их к Богу. Конечно, это можно списать на случайность или прием автора, но Кёрнер писал о том, что Брейгель — человек высокой морали, высмеивающий распутство и разгул крестьян, а также считавший, что они как раз и должны работать для искупления своего первородного греха, поэтому подобное изображение могло нести определенный этический смысл для заказчиков.

Теперь перейдем к цветовой составляющей, что было одним из важных маркеров инаковости. Так, на картинах фигурируют разнообразные цвета: красный, черный, белый, зеленый, желтый и синий, а также различные оттенки этих цветов. Доминирующими в «Свадебном танце» являются «благочестивые» цвета — черный и белый, означающие чистоту и путь к Богу. Куда реже встречаются красный (около 30 элементов), синий (около 16 элементов), зеленый (около 11 элементов) и желтый (около 7 элементов). Красный цвет с XIV в. был цветом амбивалентным, его символизм мог трактоваться в зависимости от контекста и применения других цветов, а вот зеленый и желтый были в нидерландской традиции атрибутами праздников [7, с. 283.]. Голубой — инверсия благородного синего, он олицетворял собой разгул, ложь и обман. В «Крестьянской свадьбе» палитру цветов составляют также черный и белый; красный и голубой находятся в равных количествах (около 10 элементов). «Крестьянский танец» состоит практически из черного и белого, значительно меньше стало красного (около 5 элементов) и синего (около 4 элементов). С течением времени количественный показатель хроматики снижается, то есть палитра становится более сдержанной и аскетичной. Такая эволюция цветового решения наглядно отражает усиление морализаторского посыла. Таким образом, цвет служил не просто декоративным элементом, а был важнейшим инструментом для визуального выражения идеи инаковости крестьянского мира, где даже сквозь внешнюю благопристойность прослеживается грех.

В цикле «Времена года» одежда крестьян выглядит более потертой и состоит из оттенков того же черного и белого. Конечно, встречаются и другие цвета, но в меньшей степени: красный, зеленый, синий и реже

всех — желтый. Как уже было сказано, красный был амбивалентен, синий был одним из наиболее благочестивых цветов. Желтый и зеленый также являлись двойственными цветами, символизм которых варьировался в зависимости от региона. М. Пастуро пишет, что зеленый часто носили в сельской местности, его оттенок получался тусклым и быстро выцветал из-за дешевых растительных красителей. В нидерландской визуальной традиции он использовался для одежд простолюдинов [8, с. 77.]. Желтый все еще мог сохранять в себе положительный смысл, но его отрицательная коннотация все же превалировала. Таким образом, цветовая палитра в крестьянской одежде на полотнах этого цикла не только отражает социальный статус и бытовые условия жизни, но и воплощает сложную систему цветового символизма, характерную для европейской культуры XVI в. Доминирование черных и белых тонов подчеркивает тяжелый труд и близость к земле, тогда как редкие вкрапления синего, зеленого, красного и желтого цветов несут в себе глубокую семиотическую коннотацию — от благочестия и народной традиции до двойственных, амбивалентных значений, зависящих от культурного контекста.

Материальная культура — еда, одежда, орудия труда, атрибуты досуга — становится ключевым инструментом для обозначения социальных различий. Каждый предмет в такой системе расценивается двояко: имеет утилитарную функцию и символическое значение, которое работает на создание и закрепление стереотипного образа социальной группы.

Одежда всегда была одним из главных маркеров социальной принадлежности, по ней можно было определить статус человека, его финансовое положение, регион проживания. Она существенно влияла на образ своего владельца в глазах окружающих и, как следствие, имела первостепенное значение для поддержания его репутации. Это легко определяется в сравнении: на «Крестьянской свадьбе» присутствует дворянин в одежде черного цвета с вышитым узором, вставками белого меха, широкими и пышными рукавами, состоящими из двух частей. А одежда крестьян, напротив, выглядит очень простой, она прямого, свободного кроя, чаще всего ее шили из грубого льна или сукна [9, p. 62]. На выделенных нами картинах ткани выглядят ненасыщенно, они плохо выкрашены и уже потеряли всю яркость, что неудивительно, ведь для хорошо прокрашенной материи у крестьян просто могло не быть денег. Вещи, купленные на два или три поколения ранее, хранили и передавали по наследству. Обувь тоже выглядит просто, без каких-либо излишеств: ботинки из мягкой кожи на шнуровке.

Из музыкальных инструментов на картинах встречается волынка, которая опять же считалась крестьянским предметом, ведь дворянство

предпочитало слушать струнные или клавишные инструменты, не всегда доступные для низших слоев населения. Волынка символизировала глупость, похоть и пьянство, что вполне совпадало с происходящим вокруг [10, p. 61–62]. Основным напитком на столах было пиво — достаточно популярное и простое в приготовлении для холодного региона Нидерландов. Если дворяне могли позволить себе потратить деньги на покупку вина, то крестьяне довольствовались пивом. Еда была простой, лишенной каких-либо изысков, в основном это каши из круп (как, например, на картине «Крестьянская свадьба», где множество порций), хлеб и блюда побогаче — жареное мясо. Но одной из интересных деталей материальной культуры можно назвать павлинье перо, фигурирующее на картинах «Крестьянская свадьба» и «Крестьянский танец». Этот символ гордыни присутствует на шляпах ребенка и взрослого мужчины. Если со стороны мужчины использование пера действительно может быть показателем тщеславия (что забавно, ведь он напился почти до беспамятства), то насчет ребенка это сказать сложно. Детей часто одевали в яркие вещи, чтобы при случае их было легче найти. А на празднике, где присутствуют и чужие дети, павлинье перо может быть ярким признаком «своего» ребенка. В бытовых картинах основа материальной культуры — это орудия труда, что в целом не удивительно, ведь для работы в поле ничего другого и не нужно.

Проведенный анализ творчества Питера Брейгеля Старшего позволяет сделать вывод о том, что образ крестьянина как Другого конструировался через сложную систему визуальных кодов, включающих телесность, цветовую палитру и элементы материальной культуры. В своих «праздничных» полотнах Брейгель акцентирует приземленность, необузданность и простонародную грубоватость, следуя сложившимся в аристократической среде стереотипам. Напротив, в цикле «Времена года» крестьяне предстают в гармонии с природой и трудом, а их образ лишен нарочитой карикатурности, что указывает на двойственность восприятия крестьянства: с одной стороны — как объекта насмешки, с другой — как носителя естественной сущности.

Эволюция цветового решения — от ярких, «праздничных» оттенков к доминированию сдержанных черных и белых тонов — отражает не только стилистические изменения, но и усиление морализаторского посыла, адресованного образованной публике. Семиотический подход позволил раскрыть, как через одежду, атрибуты, еду и позы транслируются идеи социальной иерархии, греховности и благочестия.

Таким образом, Брейгель не просто фиксирует повседневность, но становится интерпретатором идеологических установок своей эпохи.

Его произведения служили своего рода «визуальной риторикой», через которую элита воспринимала и идентифицировала крестьянство как Других — не чужих, но иных, чья идентичность определялась через противопоставление аристократической норме.

Список источников и литературы

1. *Лучицкая С.И.* Образ Другого: мусульмане в хрониках крестовых походов. Санкт-Петербург: Алетейя, 2001. 412 с.
2. *Koerner J.L.* Bosch and Bruegel. From enemy painting to everyday life. Princeton: Princeton University Press, 2016. 432 p.
3. *Goldstein C.* Pieter Bruegel and the Culture of the Early Modern Dinner Party Farnham. Ashgate, 2013. P. 1–13.
4. *Alexander J.* Labeur and Paresse: Ideological Representations of Medieval Peasant Labor // The Art Bulletin 72. No. 3. 1990. P. 436–452.
5. *Ярищ Г.* Конструирование «себя» и «другого». Позднесредневековые визуальные образы и создание идентичностей // Homo Historicus. К 80-летию со дня рождения Ю.Л. Бессмертного. Москва: Наука, 2003. Кн. 1. С. 550–561.
6. *Mellinkoff R.* Outcasts: signs of otherness in Norther European art of the late Middle age. Berkeley; Los Angeles; Oxford: The University of California, 1994. Vol 1. 360 p.
7. *Даркевич В.П. С*ветская праздничная жизнь Средневековья IX–XVI вв. Изд. 2-е, доп. Москва: Индрик, 2006. 432 с.
8. *Брант С.* Корабль дураков. *Сакс Г.* Избранное. Москва: Художественная литература, 1989. С. 117–118.
9. *Ковбасюк С.А. К*ермессы и карнавалы: хроматика народных празднований в ренессансных Нидерландах. СПб.: НП-Принт, 2014. С. 279–286.
10. *Пастуро М.* Зеленый. История цвета. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 168 с.
11. *Schwinges R.C. F*ashion and Clothing in Late Medieval Europe. Riggisberg; Basel: Abegg-Stiftung, SchwabeVerlag, 2010. 237 p.
12. *Quist R.* The Theme of Music in Northern Renaissance Banquet Scenes. Tallahassee: Florida State University, 2004. 231 p.
13. *Пастуро М.* Синий. История цвета. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 144 с.
14. *Пастуро М.* Черный. История цвета. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 168 с.
15. *Пастуро М.* Красный. История цвета. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 160 с.

16. *Пастуро М.* Желтый. История цвета. М.: Новое литературное обозрение, 2022. 160 с.
17. *Гомбрих Э.* История искусства. М.: АСТ, 1998. С. 380–383.
18. *Gibson W.S.* Pieter Bruegel and the art of laughter. Berkeley; Los Angeles; London: The University of California, 2006. 291 p.
19. *Friedman J.B.* Brueghel's Heavy Dancers. Transgressive Clothing, Class, and Culture in the Late Middle Ages. Syracuse: Syracuse University Press, 2010. 361 p.

УДК 7.034

Врионакис Е.Х.
Государственный Эрмитаж,
научно-просветительный отдел, экскурсовод;
Санкт-Петербургский государственный университет,
Институт истории, аспирант.
E-mail: i.janevrionakis@gmail.com

Створки с жертвователями из собрания Государственного музея истории религии в Санкт-Петербурге: особенности атрибуции

Аннотация. В объективе автора статьи — две створки с изображением жертвователей из собрания Государственного музея истории религии. В течение долгого времени эти створки считались произведением немецкого мастера начала XVI в. Но в этих произведениях присутствуют черты, ставящие под сомнение датировку и авторство. Для обоснования своей гипотезы привлечены материалы об истории костюма.

Ключевые слова: Германия, Нидерланды, эпоха Возрождения, история костюма, донаторы.

Vrionakis E. Ch.
The State Hermitage Museum,
Scientific and educational department, tour guide;
Saint-Petersburg State University,
Institute of History, Post-graduate student.
E-mail: i.janevrionakis@gmail.com

Doors with donors from the collection of the State Museum of the History of Religion in St. Petersburg: features of attribution

Abstract. The author of this article focuses on two panels depicting donors from the collection of the State Museum of the History of Religion. For a long time, these panels were considered the work of a German master from the early 16th century. However, the works themselves contain features that cast doubt on their dating and authorship. To support this hypothesis, materials on the history of costume are used.

Keywords: Germany, Netherlands, Renaissance, history of costume, donors.

Среди русских коллекционеров XIX в. имя Павла Петровича Вяземского является особой вехой в истории русского собирательства. Во время своей дипломатической службы в миссиях в Гааге, Карлсруэ и Вене он сумел собрать внушительную коллекцию, одна из частей которой — это произведения религиозного искусства эпохи Средневековья. До последнего времени история собрания оставалась неизученной целиком. В процессе исследования истории коллекции П.П. Вяземского удалось выяснить следующее. Это собрание по возвращении Вяземского в Россию было перевезено в фамильное имение Остафьево в Подмосковье. Там собрание оставалось нетронутым, пережив свой переход в собственность Шереметевых, Первую Мировую войну и революцию [1, с. 106–153]. 1920-е годы стали временем начала «расщепления» коллекции: так, ее предметы к 1930 г. поступили в ряд музеев России и республик бывшего СССР.

Среди институций, получивших предметы из коллекции Павла Петровича Вяземского, был и Государственный музей истории религии в Санкт-Петербурге. В его собрании присутствуют две картины с изображениями донаторов, пришедшие из собрания Павла Петровича Вяземского (А-3-III, начало XVI в., дерево, масло, ГМИР, Санкт-Петербург; А-4-III, начало XVI в., дерево, масло, ГМИР, Санкт-Петербург). Несмотря на то что о них нет упоминаний в рукописном каталоге коллекции из Российской государственной библиотеки в Москве, фрагмент одной из створок представлен на фотографии предметов коллекции из собрания Государственного музея А.С. Пушкина, что подтверждает ее принадлежность к этой коллекции (ГК 16181629, Ф-322/44, 1920-е гг., серебряно-желатиновая бумага, картон, 16,8 × 12,0 см, Государственный музей А.С. Пушкина, Москва). Далее, по словам главного научного сотрудника ГМИР Юлии Константиновны Роговой, в 1930 г., после закрытия музея-усадьбы Остафьево, эти створки поступили в собрание Антирелигиозного музея искусств при Донском монастыре. Когда же был закрыт и этот музей в мае 1935 г., они были переданы в другой музей подобного типа — при Страстном монастыре. И наконец, в 1947 г. они поступили в Музей истории религии и атеизма АН СССР как произведение неизвестного немецкого художника начала XVI в. В каталоге 1960-х годов, посвященном произведениям искусства западноевропейских художников, эти створки упоминаются как произведения немецкого мастера начала XVII в. [2, с. 19]. К настоящему времени атрибуция вернулась к изначальной.

В самих створках присутствуют черты, которые ставят под сомнение факт принадлежности этих створок к немецкой школе XVI в. Установле-

ние возможной датировки и школы — цель этой статьи. Задачи, которые позволят достигнуть поставленную цель, следующие:

— провести формально-стилистический анализ створок;
— привлечь материалы по истории костюма, чтобы установить по особенностям одежды происхождение жертвователей и возможное время создания створок.

Сами створки представляют собой части триптиха или полиптиха, содержавшего некое религиозное изображение, которое не дошло до наших дней. На темном фоне представлены, возможно, члены большого семейства. При этом правая створка является мужской половиной, где за старшим членом семейства в нижнем и верхнем рядах расположены его отпрыски от старшего к младшему; также организована левая створка, где представлена женская половина семейства.

При изучении этой картины можно заметить, что живопись оказывается неблизкой немецкой школе ни начала, ни середины XVI в. По сравнению с произведениями немецких земель, чью манеру можно описать как жесткую, несколько застылую, лица жертвователей на рассматриваемых створках можно описать как более мягкие и живые. Неизвестный мастер тонко выписывает жемчужно-белые лица жертвователей, с помощью светотеневой моделировки он выделяет их объемы, акцентируя нос, скулы и очертания глазных впадин у жертвовательницы и ее детей и носогубную складку — у жертвователя. При сопоставлении, к примеру, с портретами Антониса Мора можно заметить, что при разном исполнении, уровне живописи, по приемам и манере они оказываются ближе, чем при сравнении с портретами, созданными немецкими мастерами. Да и похожие створки с подобным расположением персонажей — от самого старшего члена семьи к самому младшему — присутствуют в нидерландской живописи. В качестве примера можно привести две створки Питера Пурбуса с донаторами Антуаном Гумбелотом (WAF 1159, около 1565–1570 гг., дерево (дуб), масло, Баварские государственные художественные собрания, Мюнхен) и Жаклин де Шантрен с детьми (WAF 1160, около 1565–1570 гг., дерево (дуб), масло, Баварские государственные художественные собрания, Мюнхен).

Сами створки не содержат ни надписей, ни гербов, которые могли бы помочь идентифицировать жертвователей и датировать памятник. Но все же присутствуют некоторые детали, которые позволяют определить время и возможное место создания произведения. Так, воротники, которые столь явно выделяются на фоне костюмов, относятся к типу

воротника «горгера». Произошел он от средневековой нательной рубашки с низким воротом, которая скрывалась под верхним слоем одежды. Начиная с XV в. ворот и рукава нательной рубашки начинают выглядывать из-под верхней одежды, а в XVI в. ворот нательной рубахи стал преобразовываться в воротник с небольшой оборкой. Уже во второй половине века в Испании, в период правления Филиппа II (1556–1598), он стал увеличиваться в размерах и получил название «лечугилья». Это был сильно накрахмаленный льняной воротник, своими складками напоминавший листья салата. Этот предмет гардероба, охарактеризованный отцом Антонио Гамосом в трактате «Микрокосм и универсальное правительство человека» (“Microcosmia y gobierno universal del hombre”) 1592 г. как «одна из вредных мод в царствование Филиппа II», создавал большие препятствия при движениях головы и быстро приходил в негодность. Эти обстоятельства, впрочем, не помешали большой популярности лечугильи в Испании и распространению в другие части Европы благодаря влиянию и могуществу Испании в период правления Габсбургов [3, p. 154]. К 1570-м гг. горгера стала отдельным предметом гардероба, прикреплявшимся шнурками с кистями к камзолу или корсажу [4, p. 49]. К концу XVI в., а точнее, во времена правления Филиппа III (1598–1621) диаметр воротника достиг гигантских размеров [5, p. 108].

Таким образом, представленные на створках из ГМИР воротники горгера оказываются уже отдельным предметом одежды, что указывает на 1570-е годы как верхнюю границу времени создания памятника. До тех пор, пока воротники не достигли таких гигантских размеров, как в начале XVII в., датировка ограничена именно концом XVI в.

При рассмотрении створок внимание привлекают черные костюмы жертвователей. Особенностью костюма в эпоху раннего Нового времени было не выражение индивидуального стиля того или иного человека, а отражение фиксированных кодов. Для общества того времени, которое преимущественно было неграмотным, люди могли считывать по тканям и крою одежды информацию о роде занятий, социальном статусе или месте происхождения ее владельца. Именно последний фактор и делал одежду, вобравшую в себя местные традиции, столь отличной при переходе от одного региона к другому [6, p. 19]. А сама эпоха Возрождения с ее тягой к исследованиям и открытиям дала ход появлению книг о костюмах во второй половине XVI в. Они пусть и представляли актуальную моду в главных европейских городах того времени, но не были модной иллюстрацией в современном понимании. Скорее это были книги исторические или географические, включавшие в себя све-

дения о костюме античной эпохи или Нового света [7, p. 20–21]. Помимо рассказа об одежде, такие книги были богато иллюстрированы гравюрами известных мастеров, начиная от Энеа Вико, создавшего первую известную книгу о костюмах, и заканчивая Йостом Амманом или Чезаре Вечеллио [8, p. 19].

Если сопоставить жертвователей со створок из ГМИР и гравюры из книг костюмов второй половины XVI в., то костюмам «женской» половины, в особенности самой старшей из них, соответствует гравюра, изображающая женщину из Брабанта, из книги Чезаре Вечеллио «О древних и современных обычаях из разных частей мира» (“De gli Habiti antichi et moderni di Diverse Parti del Mondo”), которая была издана в Венеции в 1590 г. [9]. Подобный наряд, описанный Вечеллио как красивый и скромный, состоял из верхней одежды с простыми рукавами и без пуговиц, через которую было видно платье из шелка или любой другой ткани. Само платье, охарактеризованное Вечеллио как целомудренное, было с корсажем, напоминающим камзол, который доходил до подбородка. О воротнике у автора книги есть упоминание в том аспекте, что, как он считает, брабантские женщины очень любили изящно сложенные оборки. Все эти детали видны и в изображении жертвовательницы на правой створке. На голове у нее представлен головной убор, напоминающий чепец [9, p. 782].

Стоит добавить, что изображение брабантской женщины из книги Вечеллио копировалось и в других трактатах. Так, эта же гравюра встречается в книге Жана де Глена «Обычаи, манеры, обряды древние и современные мироустройства» (“Des Habits, moeurs, cérémonies, façons de faireanciennes et modernes du Monde”), изданной на 11 лет позднее, чем книга Вечеллио, — в 1601 г. [10]. В этой же книге присутствует изображение бургомистра из Льежа, чей костюм перекликается с одеянием жертвователя на левой створке. Учитывая скорость смены моды в ту эпоху, можно датировать створки с жертвователями 1590–1600 гг. и выдвинуть гипотезу о том, что, возможно, они были созданы в Южных Нидердандах, в герцогстве Брабант.

Таким образом, представленные створки из собрания Государственного музея истории религии являются творением неизвестного мастера, работавшего на рубеже XVI–XVII вв. на территории Южных Нидерландов, возможно, в Брабанте. Об этом говорит манера, в которой они исполнены, столь отличающаяся от немецкой живописи. Также особенности костюмов жертвователей, а именно воротник и костюм, позволяют уточнить время и возможное место создания этих створок.

Список источникови литературы

1. *Квятковская Н.К.* Остафьево. М.: Советская Россия, 1990. 260 с.
2. *Адрианова В.Л., Рутенбург С.Г.* Произведения искусства западноевропейских художников в собрании Музея истории религии и атеизма. Л.: Наука, ленинградское отделение, 1967. 41 с., 31 л. ил.
3. *González D., de Natividad J., Salmeron L.* Compendio de indumentaria española, con un preliminar de la historia del traje y el mobiliario en los principles pueblos de la antigüedad. Madrid, 1915. 224 p.
4. *Levy E., Mills K.* Lexicon of the Hispanic Baroque. Transatlantic Exchange and Transformation. University of Texas Press, 2013. 366 p.
5. *Olian J.A.* Sixteenth-Century Costume Books // Dress, 1977. No. 3. P. 20–47.
6. *Nunn J.* Fashion in Costume 1200–1980. London: Herbert, 1984. 256 p.
7. *Rosenthal M.F., Jones A.R.* The Clothing of the Renaissance World. Europe, Asia, Africa, the Americas. London: Thames&Hudson, 2008. 600 p.
8. *Tarrant N.* The development of costume. Edinborough: Routledge, 1994. 176 p.
9. *Vecellio C.* De gli Habiti antichi et moderni di Diverse Parti del Mondo. Venice: Damian Zenaro, 1590. P. 1–494.
10. *Glen J. de.* Des Habits, moeurs, cérémonies, façons de faire anciennes et modernes du Monde. Liège, 1601. 436 p.

Научное издание

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ СРЕДНЕВЕКОВОГО ОБЩЕСТВА

Материалы XLV всероссийской научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Курбатовские чтения» (5–7 ноября 2025 г.)

Под редакцией
А.Ю. Прокопьева

Издательство «Скифия-принт».
Санкт-Петербург, ул. Большая Пушкарская, д. 10

Корректура — Ю.Б. Феофанова
Верстка — А.А. Лубина

Подписано к публикации 07.06.2026. Заказ № 18004
Формат 60×90 1/16.
Усл. печ. л. 48,375.

Издательство Скифия-принт.
Санкт-Петербург, ул. Большая Пушкарская, д. 10